S 87/25
Ф 1-/124
Т 20
XX-10123

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Суворова—Ткачевъ.

Изданіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1912.

2005346476

С.

Суворова, *Варвара Ивановна*, княгиня Италійская, графиня Рымникская, супруга генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, дочь генералъ-аншефа кн. Ивана Андреевича Прозоровскаго, статсъ-дама, род. 13 ноября 1750 г. 18 декабря 1773 г. состоялась ея помолвка съ Суворовымъ, 4 дня спустя — обрученіе, и 16 января 1774 г. свадьба. Бракъ этотъ былъ не особенно по сердцу ея родителямъ, прежде всего потому, что князья Прозоровскіе, несмотря на нѣкоторую захудалость въ помѣстномъ и вообще имущественномъ отношеніи, все же принадлежали къ высшимъ кругамъ московской знати и имѣли въ ней обширныя и прочныя связи, между тѣмъ какъ Суворовы были худородны; къ тому же и самъ женихъ не могъ считаться особенно завиднымъ; правда, къ этому времени Суворовъ имѣлъ уже за собою значительныя военныя заслуги и былъ въ чинѣ бригадира и Георгіевскимъ кавалеромъ, но ему сильно вредила репутація страннаго и неисправимаго чудака. Нѣсколько лѣтъ супруги жили въ добромъ согласіи, но со второй половины 1777 г. между ними пошли значительные нелады, въ дальнѣйшемъ то утихавшіе, то вновь обострявшіеся и завершившіеся въ концѣ концовъ полнымъ разрывомъ. Въ интересахъ мужа и жены было очень мало общаго: Александръ Васильевичъ всецѣло былъ поглощенъ военными дѣлами, безпрестанно переѣзжалъ изъ конца въ конецъ государства и заставлялъ слѣдовать за собою и семью, между тѣмъ С. болѣе по душѣ была безпечная свѣтская жизнь. При такихъ условіяхъ и при вспыльчивости и нетерпимости каждаго изъ супруговъ, имъ трудно было ужиться, тѣмъ болѣе, что С. не чужда была и увлеченій; «отлучаясь своевольно, употребляла развратныя и соблазнительныя обхожденія, неприличныя чести ея», пишетъ о ней Суворовъ со свойственной ему рѣзкой прямотой. Въ концѣ 1779 г. Суворовъ возбудилъ дѣло о разводѣ, но вмѣшательствомъ знатной родни Варвары Ивановны оно было замято. Полный разрывъ между супругами произошелъ въ 1784 г.; С. получила отъ мужа «раздѣльное жительство» и 1.200 руб. ежегоднаго содержанія. По словамъ Вигеля, С. была «красавица въ русскомъ вкусѣ, румяна и полна, но ума невысокаго и воспитанія стариннаго». Она пережила мужа на нѣсколько лѣтъ (скончалась 8 мая 1806 г.) и по его смерти получала пенсію въ 8 тыс. рублей. Погребена въ Воскресенскомъ монастырѣ.

„Письма и записки князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова“, „Русскій Архивъ“, 1866 г., № 7, стр. 931, 962—964, 966, 967.—„Записки Вигеля“, „Русскій Вѣстникъ“, 1864 г., № 1, стр. 298.—„Переписка объ отдачѣ дома и назначеніи пенсіи графинѣ Суворовой-Рымникской (1797—1798)“, „Записки и Труды Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1862 г., кн. 4, стр. 204—206.—А. Петрушевскій, „Генералиссимусъ князь Суворовъ“, Спб., 1900 г.—„Русск. Старина“, 1876 г., т. XV, стр. 450—451.—С. Шубинскій, „Жена Суворова“, „Истор. Вѣстн.“, 1897 г., т. 68, стр. 7—82.—В. В. Румель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. II, Спб., 1887 г., стр. 441.—Кн. П. Долгоруковъ, „Русская родословная книга“, ч. II, Спб., 1853 г., стр. 65.

Суворовъ, *Александръ Аркадьевичъ*, князь Италійскій, графъ Рымникскій, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-инспекторъ всей пѣхоты, членъ Государственнаго Совѣта, внукъ знаменитаго генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, родился 1 іюня 1804 г., скончался 31 января 1882 г.

Послѣ смерти своего отца, Аркадія Александровича, безвременно погибшаго въ пучинахъ Рымника, 9-лѣтній мальчикъ былъ отданъ въ іезуитскій пансіонъ (въ Петербургѣ), гдѣ и пробылъ до 1816 г., когда его взялъ къ себѣ его дядя, Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, опасавшійся, чтобы на мальчика не было оказано дурного вліянія со стороны іезуитскаго ордена. Предполагалось, что дальнѣйшее воспитаніе С. получитъ въ домѣ дяди, для чего были уже приглашены лучшіе учителя, но въ это время мать С. уѣзжала въ Италію и пожелала взять сына съ собою; за границей она помѣстила его въ школу извѣстнаго въ исторіи педагогіи Фелленберга въ Гофвилѣ,—неподалеку отъ Берна. Здѣсь С. пробылъ 5 лѣтъ и за это время въ совершенствѣ овладѣлъ нѣсколькими иностранными языками, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей и естественными науками. 18-ти лѣтъ онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ нѣкоторое время посѣщалъ Сорбонну, а затѣмъ перешелъ въ Геттингенъ и поступилъ въ число студентовъ тамошняго университета. Заграничная жизнь и теченія западно-европейской мысли, въ особенности умственное броженіе среди нѣмецкаго студенчества въ послѣ-наполеоновскую эпоху, оказали на выработку міровоззрѣнія С. несомнѣнное вліяніе; недаромъ впослѣдствіи консервативная печать бросала ему упреки, что свои взгляды съ оттѣнкомъ либерализма онъ вынесъ изъ «гнилого Запада». Возвратившись въ 1824 г. на родину, С., по волѣ Императора Александра I, былъ опредѣленъ на службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Здѣсь онъ, «пылкій, образованный, исполненный самыхъ высокихъ принциповъ», по свидѣтельству лица, знавшаго его лично, вскорѣ сдѣлался любимцемъ полка, познакомился со своимъ сослуживцемъ, талантливымъ поэтомъ корнетомъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, и повидимому подъ его вліяніемъ вступилъ въ общество, члены котораго впослѣдствіи стали извѣстны подъ именемъ декабристовъ. Его роль въ событіи 14 декабря 1825 г. остается невыясненной; по однимъ свидѣтельствамъ, онъ «вмѣстѣ со своимъ эскадрономъ стоялъ въ рядахъ защитниковъ царя», по другимъ же—находился въ противоположномъ лагерѣ. Есть, наконецъ, указанія, что онъ совсѣмъ въ этотъ день не былъ на Сенатской площади. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что какой-либо замѣтной роли въ обществѣ С. не игралъ, съ намѣреніями вліятельныхъ лицъ движенія знакомъ былъ мало и едва ли имѣлъ точное представленіе о конечныхъ цѣляхъ общества. Вечеромъ 14 декабря, послѣ того какъ возмутившіеся полки потерпѣли пораженіе и большинство главарей было арестовано, С. добровольно явился къ Государю и съ полнымъ чувствомъ раскаянія принесъ повинную. И по этому пункту существуетъ варіантъ, согласно которому С. «за знакомство съ Одоевскимъ» былъ арестованъ и на другой день послѣ подавленія возстанія былъ допрошенъ государемъ. Какъ бы то ни было, Императоръ, увидѣвши добровольно ли явившагося или приведеннаго силой С., воскликнулъ: «Не хочу вѣрить, чтобы внукъ знаменитаго русскаго полководца могъ быть когда-нибудь измѣнникомъ». Благодаря ли заслугамъ дѣда или въ виду ничтожной причастности С. къ движенію, государь отнесся къ нему въ высшей степени снисходительно, освободилъ отъ суда и свою немилость проявилъ лишь въ томъ, что послалъ его изъ Петербурга на Кавказъ, гдѣ въ то время начальствовалъ извѣстный А. П. Ермоловъ. Находясь на Кавказѣ, С., уже въ чинѣ корнета, полученномъ имъ 1 января 1826 г., участвовалъ въ рядѣ дѣлъ противъ лезгинцевъ и въ особенности отличился въ пораженіяхъ послѣднихъ на рѣкахъ Іорни, Алазани и на полѣ Зеленчу. Когда вспыхнула война съ Персіей, онъ находился всегда на передовыхъ позиціяхъ, принималъ участіе почти во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ и особенно активную дѣятельность проявилъ при осадѣ и взятіи крѣпости Сардарабада. Незначительный инцидентъ, относящійся къ этому времени, ярко рисуетъ одну изъ сторонъ характера С. Какъ извѣстно, вмѣстѣ съ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Персіи, въ Петербургъ полетѣли доносы на командовавшаго нашими войсками на Кавказѣ А. П. Ермолова, котораго обвиняли въ различныхъ упущеніяхъ и старались даже выставить единственнымъ виновникомъ возгорѣвшейся войны. На его мѣсто былъ назначенъ враждовавшій съ нимъ генералъ И. Ѳ. Паскевичъ, въ честь котораго офицеры устроили традиціонный обѣдъ. Сохранился разсказъ, что на этомъ обѣдѣ, непосред-

ственно послѣ тоста за новаго командующаго, всталъ С. и въ присутствіи Паскевича произнесъ сочувственный спичъ въ честь опальнаго Ермолова. Какихъ-либо дурныхъ послѣдствій для С. инцидентъ этотъ не имѣлъ, но онъ характеризуетъ его прямоту и откровенность, независимо отъ того, нравится или нѣтъ высказываемое высокопоставленнымъ лицамъ. За персидскую кампанію, въ теченіе которой С. проявилъ неоднократно «личное мужество и выдающуюся храбрость и постоянно исполнялъ подъ огнемъ въ траншеяхъ приказаніе главнокомандующаго», онъ былъ произведенъ въ поручики и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и золотой шпагой надписью съ «За храбрость».

По окончаніи этой кампаніи С. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ 2 февраля 1828 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю. Когда начались военныя дѣйствія противъ Турціи, онъ сопровождалъ государя въ дѣйствующую армію какъ флигель-адъютантъ, сдѣлался весьма близкимъ къ нему лицомъ, почти неотлучно находился при немъ въ теченіе перваго періода войны, сопутствовалъ ему при смотрахъ, переѣздахъ и пр. Однако въ то же время С. не упускалъ случая, чтобы принять и активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; онъ находился въ рядахъ сражавшихся подъ Шумлой и въ числѣ осаждавшихъ Варну, былъ въ дѣлѣ подъ Сатуновымъ, при занятіи крѣпости Исакчи и въ сраженіи при Буланлыкѣ, наконецъ, ему лично сдалась небольшая крѣпость Матчинъ. «За боевыя отличія и толковое исполненіе» иногда весьма важныхъ порученій государя въ этой кампаніи С. былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. и удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Вскорѣ послѣ паденія Варны онъ сопровождалъ Императора на кораблѣ «Парижъ» при возвращеніи въ Россію.

Въ Петербургѣ С. временно былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи Конному полку для изученія строевой службы. Въ 1830 г. онъ женился, и по этому случаю ему въ знакъ благоволенія къ нему государя было пожаловано изъ государственнаго казначейства 100.000 руб. единовременно и по 25.000 руб. ежегодной пенсіи. Въ 1831 г. вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, и С. вновь вступилъ въ дѣйствующую армію. Состоя при квартирѣ главной арміи, онъ вмѣстѣ съ послѣдней совершилъ движеніе черезъ Ловичъ на Варшаву, съ отличіемъ участвовалъ въ рядѣ дѣлъ, въ томъ числѣ при штурмѣ и взятіи варшавскихъ передовыхъ укрѣпленій и главнаго вала, причемъ былъ отправленъ парламентеромъ по поводу сдачи, а затѣмъ ѣздилъ съ донесеніемъ о побѣдахъ къ Императору. Произведенный за отличія въ польской войнѣ въ полковники, онъ остался въ Петербургѣ и «для ознакомленія съ пѣхотной службой» вступилъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, въ которомъ командовалъ баталіономъ и прослужилъ до конца 1832 г. Послѣ этого, состоя при особѣ государя, онъ исполнялъ многія его порученія, — напримѣръ, по рожденіи великаго князя Михаила Николаевича ѣздилъ къ прусскому королю съ извѣщеніемъ объ этомъ. 26 марта 1839 г. С. былъ назначенъ командиромъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, въ рядахъ котораго числился съ самаго рожденія, а 9 августа того же года получилъ чинъ генералъ-маіора. По отношенію ко ввѣреннымъ ему нижнимъ чинамъ С. представлялъ довольно рѣдкое исключеніе изъ общаго правила своей эпохи. Онъ не только не стремился сдѣлать еще болѣе суровымъ и безъ того тяжелый солдатскій режимъ, но и самъ относился и офицерамъ полка вмѣнялъ въ обязанность относиться къ солдату мягко и человѣчно, безъ лишнихъ строгостей, а тѣмъ болѣе жестокостей. Съ другой стороны онъ обращалъ серьезное вниманіе на матеріальное довольствіе солдата и чрезвычайно ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы отпускаемыя на этотъ предметъ средства цѣликомъ шли по назначенію. 15 января 1842 г. С. былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й гренадерской дивизіи и въ этой должности состоялъ до 18 августа слѣдующаго года, когда былъ отчисленъ въ свиту Его Величества. Въ 1848 г. король Сардинскій пожаловалъ его, какъ старшаго въ родѣ Суворовыхъ, орденомъ Благовѣщенія съ цѣпью и звѣздою, принадлежащимъ ему согласно диплому, выданному королемъ его знаменитому дѣду. 25 іюня 1846 г. С. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а 26 ноября 1847 г. удостоенъ ордена св. Георгія 4-го класса за 25-лѣтнюю службу.

Около этого времени въ Костромѣ, по случаю бывшихъ тамъ грандіозныхъ пожаровъ, среди низшихъ слоевъ населенія возникли значительныя волненія, которыя вслѣдствіе неумѣлыхъ и неудачныхъ дѣйствій и распоряженій властей стали обостряться и грозили принять бурныя формы. Съ цѣлью успокоить разгорѣвшіяся страсти туда былъ командированъ С. Вопреки установившемуся порядку въ такихъ случаяхъ, онъ не только не пошелъ путемъ репрессій, а дѣйствовалъ исключительно мѣрами мягкости, благоразумія и убѣжденія—въ особенности замѣчательнымъ умѣніемъ говорить съ простолюдиномъ,—и въ самое короткое время достигъ полнаго успѣха. Этотъ пробный камень административныхъ способностей С. привелъ Императора Николая I къ убѣжденію, что онъ является вполнѣ подходящимъ лицомъ для успокоенія броженія въ другомъ пунктѣ обширной имперіи,—Прибалтійскомъ краѣ. 1 января 1848 г. С. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній и военнымъ губернаторомъ Риги. Управлять Прибалтійскимъ краемъ вообще, а въ этомъ историческій моментъ въ особенности было дѣломъ чрезвычайно нелегкимъ. И безъ того ненормальныя взаимоотношенія различныхъ слоевъ населенія усложнялись еще свирѣпствовавшей въ это время въ краѣ холерной эпидеміей. Послѣдняя вызвала паническое бѣгство изъ очаговъ заразы—городовъ, особенно изъ Митавы. Понадобилось личное мужество С., безстрашно обходившаго больныхъ, чтобы въ этомъ отношеніи умѣрить панику, нѣсколько успокоить оставшихся и пріохотить къ возвращенію разбѣжавшихся жителей, которые вскорѣ постепенно стали возвращаться въ города и даже оказывать содѣйствіе властямъ въ борьбѣ съ эпидеміей. Однако была и болѣе серьезная сторона въ положеніи Прибалтійскаго края. Предшествовавшіе неурожайные годы и ненормальныя земельныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ привели послѣднихъ, по выраженію одной газеты, «къ молчаливому, но грозному протесту», угрожавшему разразиться вспышкой. Та же газета говоритъ, что «спокойствіе края и по этому вопросу было водворено такими мѣрами, которыя соотвѣтствовали требованіямъ времени и вполнѣ гармонировали съ гуманными взглядами генералъ-губернатора и тѣмъ оттѣнкомъ его характера, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ могли бы сдѣлать въ самыя рѣшительныя минуты какія бы то ни были крутыя мѣры»...

Внутреннее состояніе Прибалтійскаго края было крайне сложнымъ: параллельное существованіе трехъ національностей—нѣмецкой, латышской и эстонской, рѣзко разобщенные земельная аристократія и безземельный пролетаріатъ, противоположность интересовъ этихъ группъ, сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти средневѣковый феодализмъ, всѣ экономическія и общественныя преимущества на сторонѣ нѣмецкой національности, а невыгоды земельныхъ отношеній на сторонѣ остальныхъ двухъ народностей, законъ писанный и право обычное, наконецъ, сосуществованіе и взаимное переплетеніе нѣкоторыхъ старыхъ, отжившихъ формъ съ новыми,—все это въ высшей степени усложняло управленіе края. Если къ этому прибавить еще стремленія, исходившія какъ отъ свѣтской, такъ и отъ духовной русскихъ властей, обрусить обитавшія въ краѣ національности безъ различія, то запутанность положенія станетъ еще очевиднѣе. Для лица, стоявшаго во главѣ мѣстной администраціи, возможны были, по выраженію Ю. Самарина, три пути—путь репрессій, путь всяческихъ уступокъ или же путь примиренія національностей между собою и ихъ съ центральнымъ правительствомъ. Послѣднимъ путемъ и пытался идти С., хотя держался на немъ далеко не всегда устойчиво, склоняясь къ покровительству и безъ того сильной нѣмецкой національности въ ущербъ остальнымъ. Уже въ первые годы своего управленія онъ заявилъ себя полнымъ противникомъ системы своего предшественника, Е. А. Головина и, наоборотъ, горячимъ сторонникомъ сохраненія балтійскихъ привилегій, которыми пользовалась преимущественно нѣмецкая народность,—и въ этомъ смыслѣ высказался въ первомъ же своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Это обстоятельство вызвало противъ него бурю нападокъ, часто справедливыхъ, со стороны печати и нѣкоторыхъ лицъ администраціи края.

На этой именно почвѣ между С. и мѣстнымъ епископомъ Филаретомъ возникла дѣловая переписка, съ виду корректная, по существу же рѣзкая, въ результатѣ ко-

торой епископъ былъ перемѣщенъ въ Харьковъ, а одинъ изъ его сторонниковъ, протоіерей Назаревскій, который въ домовой архіерейской церкви произнесъ направленную противъ С. громовую проповѣдь, попалъ въ монастырь. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государя, С. сталъ умѣрять практическое примѣненіе введенныхъ до него мѣръ, главнымъ образомъ принужденіе къ переходу въ православіе и необходимость крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ по обрядамъ православной церкви. По послѣднему вопросу онъ вскорѣ представилъ всеподданнѣйшее ходатайство объ отмѣнѣ стѣснительнаго указа отъ 1850 г. и о разрѣшеніи крестить дѣтей въ ту или другую вѣру по желанію родителей. Въ Петербургѣ это ходатайство встрѣтило сильныхъ противниковъ среди высшаго духовенства. Была назначена особая комиссія, которая склонна была раздѣлить взгляды С. въ данномъ отношеніи, но представленные на Высочайшее воззрѣніе труды ея не получили дальнѣйшаго хода. Высочайшее повелѣніе въ утвердительномъ смыслѣ состоялось лишь 15 марта 1861 г., когда С. уже оставилъ постъ генералъ-губернатора.

Болѣе успѣшны были ходатайства С. по вопросу о языкѣ, на которомъ должно вестись дѣлопроизводство въ мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Въ центральныхъ правительственныхъ кругахъ существовало твердое намѣреніе во всемъ дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ учрежденій, въ ихъ перепискѣ съ петербургскими и губернскими властями, даже въ ихъ перепискѣ между собою и въ собственныхъ дѣлахъ совершенно устранить языкъ нѣмецкій и замѣнить его русскимъ. Сторонникъ обратнаго взгляда, С. однако не надѣялся отстоять его цѣликомъ и пошелъ на компромиссъ: онъ настаивалъ на временномъ сохраненіи status quo, а для будущаго времени—на введеніи этой мѣры не сразу, а постепенно, параллельно съ подготовкой соотвѣтственнаго кадра чиновниковъ, вполнѣ владѣющихъ русскимъ языкомъ. Его усилія въ этомъ смыслѣ и рядъ всеподданнѣйшихъ обстоятельныхъ донесеній имѣли результатомъ отсрочку введенія предположенной мѣры до 1 января 1858 г. По восшествіи же на престолъ Императора Александра II, когда въ правительственныхъ сферахъ тенденціи значительно измѣнились, С. уже безъ особаго труда добился и дальнѣйшей отсрочки.

Мѣропріятія С. какъ генералъ-губернатора Прибалтійскаго края создали ему широкую популярность въ средѣ мѣстнаго нѣмецкаго населенія, тѣмъ болѣе, что «если ему не суждено было залечить раны, нанесенныя краю за предшествующія 7 лѣтъ (при Головинѣ), то это было не отъ недостатка доброй воли съ его стороны»,—по выраженію одной изъ мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ. Но эти же мѣропріятія создали ему и рѣшительныхъ противниковъ, которые обвиняли его въ покровительствѣ нѣмецкому элементу во вредъ русскому, въ пристрастіи къ лютеранству, въ индиферентизмѣ къ православію и пр., на что С. обычно отвѣчалъ, что единственной его цѣлью было устранить недоброжелательность нѣмцевъ къ Россіи,—что должно было явиться естественнымъ слѣдствіемъ исключительныхъ законовъ,—и не дать лишнихъ поводовъ «для бросанія пламенныхъ взоровъ на сосѣднюю державу». Слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя мѣропріятія С., касавшіяся исключительно Риги. Онъ много содѣйствовалъ улучшенію порта, при немъ была построена дамба, получившая большое значеніе для гавани, наконецъ, по его распоряженію, были снесены ненужныя крѣпостныя стѣны, мѣшавшія правильному развитію города.

Въ 1854 г. С. былъ назначенъ командующимъ войсками Рижской губерніи и въ слѣдующемъ году находился на Магнусгольмской батареѣ, при устьѣ Двины, во время бомбардировки ея англійскими судами, когда наши орудія по ихъ малокалиберности и недальнобойности не могли даже отвѣчать непріятелю. 23 февраля 1855 г. онъ получилъ командованіе надъ Балтійскимъ корпусомъ и войсками еще Митавской губерніи. Въ этихъ званіяхъ онъ, оставаясь генералъ-губернаторомъ края, долженъ былъ въ то же время слѣдить за исправнымъ состояніемъ боевой готовности войскъ и отражать нападенія, предпринимаемыя непріятелемъ въ теченіе севастопольской войны на берега Балтійскаго моря. Кстати замѣтить, что вообще довольно равнодушное къ успѣхамъ русскаго оружія и тяготѣвшее къ Германіи

прибалтійское дворянство и купечество— при С., съ возникновеніемъ войны 1854—1855 гг., сдѣлало значительныя пожертвованія на нужды русской арміи и построило значительный обозъ; спеціально же Рига преподнесла въ даръ 12 канонерокъ, которыя хотя и «двигались въ водѣ какъ черепахи», все же приняли бой съ англійскимъ адмиральскимъ кораблемъ, нанесли даже ему подводныя поврежденія и принудили его удалиться. Въ январѣ 1859 г. С. получилъ Высочайшую благодарность за управленіе краемъ, былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи и назначенъ шефомъ Рижскаго пѣхотнаго полка.

Генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края С. состоялъ въ теченіе 14 лѣтъ, до 23 апрѣля 1861 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а вслѣдъ затѣмъ, именно 18 октября 1861 г., с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по этому поводу на имя С., о его предшествующей дѣятельности между прочимъ говорится: «Наше всегдашнее желаніе, чтобы правящіе и управляемые соединялись узами взаимной привязанности и взаимнаго довѣрія, вами вполнѣ было понято и исполнено». За ту же дѣятельность онъ былъ удостоенъ ордена св. Владиміра 1-й степени.

Постъ генералъ-губернатора въ Петербургѣ былъ мало опредѣлившимся по существу, включалъ въ себѣ нѣкоторые политическіе элементы и пріобрѣталъ важность и значеніе всецѣло отъ личности того, кто его занималъ. С. явился на эту должность съ репутаціей опытнаго администратора, мнѣнія о дѣятельности котораго расходились: одни видѣли въ немъ гуманнаго правителя, другіе обвиняли его въ излишней снисходительности, даже попустительствѣ.

Начало 60-хъ годовъ, какъ всякая переходная эпоха, сопровождалось броженіемъ общественной мысли, характеризовалось повышенной чувствительностью общества къ устарѣвшимъ, но еще не отмѣненнымъ юридическимъ нормамъ. С. былъ несомнѣннымъ сторонникомъ новыхъ начинаній; облеченный чрезвычайными полномочіями, онъ всѣми силами стремился къ политикѣ примиренія; какъ администраторъ, стоя на почвѣ хотя бы отжившихъ, но все же еще не отмѣненныхъ законовъ, онъ не только не увеличивалъ ихъ строгости, но всячески старался умѣрить, ослабить ихъ практическое примѣненіе. Въ особенности старался онъ, посколько это отъ него зависѣло, сгладить рѣзкіе пріемы другихъ административныхъ властей; когда въ Петербургѣ въ 1861 г. произошли студенческія волненія, 500 человѣкъ былъ арестовано и 200 изъ нихъ предписано было въ теченіе 24 часовъ оставить столицу, С. своею властью фактически отмѣнилъ это постановленіе, взявъ 50 человѣкъ лично на-поруки и расписавъ остальныхъ съ тою же цѣлью на своихъ подчиненныхъ и знакомыхъ; когда же университетъ былъ закрытъ, онъ оказалъ значительное содѣйствіе открытію «вольнаго университета» и глубоко сожалѣлъ, что это учрежденіе, послѣ недолгаго существованія, было закрыто. Въ 1862 г. въ Петербургѣ начался рядъ грандіозныхъ пожаровъ; общество охватила паника; произведены были многочисленные аресты и обыски, въ особенности среди учащейся молодежи, которой почему-то приписывали вину въ поджогахъ. Въ это время С. представлялъ одно изъ немногихъ среди администраціи лицъ, всецѣло отвергавшихъ такое обвиненіе противъ молодежи. При этихъ условіяхъ ему пришлось потратить не мало труда, усилій и энергіи, чтобы сгладить суровую политику III отдѣленія. За все время своего генералъ-губернаторства С. не подписалъ ни одной смертной казни. Онъ глубоко сожалѣлъ, когда во внутренней политикѣ сталъ замѣчаться поворотъ назадъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что онъ оказалъ значительное содѣйствіе постройкѣ на мѣсто сгорѣвшаго Апраксина Двора новаго зданія и много трудился по возвышенію Галерной гавани; въ первомъ одна линія, а во второй одинъ кварталъ были названы его именемъ. Дѣятельность С. въ Петербургѣ создала ему значительную популярность среди населенія, въ особенности среди студенческой молодежи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она пріобрѣла ему видныхъ противниковъ въ средѣ высшей администраціи. Когда 4 апрѣля 1866 г. было совершено одно изъ ряда послѣдовавшихъ затѣмъ покушеній, это явилось лишь формальнымъ поводомъ для упрека С. въ нераспоряди-

тельности; постъ генералъ-губернатора былъ упраздненъ, и С. получилъ новое назначеніе—генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты и въ этой должности пробылъ до самой смерти.

С. былъ кавалеромъ всѣхъ орденовъ русскихъ и очень многихъ иностранныхъ, въ томъ числѣ въ 1863 г. былъ удостоенъ ордена Андрея Первозваннаго. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей дѣятельности онъ принималъ видное участіе въ комиссіи по пересмотру военно судебнаго устава, былъ президентомъ вольно-экономическаго общества, предсѣдателемъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, почетнымъ членомъ Демидовскаго дома трудящихся, почетнымъ членомъ академіи наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго человѣколюбиваго общества, предсѣдателемъ Россійскаго общества покровительства животныхъ и пр.; затѣмъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ городовъ Рыбинска, Тихвина, Новой Ладоги, Боровичей и почетнымъ же мировымъ судьей Петергофскаго и Московскаго уѣздовъ; кромѣ того одно время состоялъ гласнымъ Петербургскаго губернскаго земскаго собранія. У него было богатѣйшее собраніе книгъ, поступившее въ 1884 г. въ Императорскую Публичную библіотеку, и архивъ съ богатыми матеріалами для біографіи генералиссимуса Суворова, часть которыхъ онъ еще при своей жизни опубликовалъ въ «Русской Старинѣ» («А. В. Суворовъ, письма его къ роднымъ и къ знакомымъ, 1791—1792 гг.»—1872 г., т. VI, стр. 406—426).

„Русскій Инвалидъ“, 1876 г., № 1 и 1882 г., № 28.—Томашевскій, „О генералъ-губернат. Суворовѣ“, „Голосъ“, 1866 г., № 132.—„Юбилей кн. А. А. Суворова“, тамъ же, 1875 г., № 360.—„Кн. А. А. Суворовъ“, „Рижскій Вѣстникъ“, 1876 г., № 2.—„Кн. А. А. Суворовъ“, „Нива“, 1876 г., № 6.—„Генер.-ад., кн. Италійскій, гр. А. А. Суворовъ“, „Всемірная Иллюстрац.“, 1876 г., № 366.—„Кн. А. А. Суворовъ“, „Иллюстрир. Газета“, 1871 г., № 34.—„50-лѣтній юбилей гр. А. А. Суворова“, Спб., 1876 г.—А. Чумиковъ, „Генералъ-губернаторство кн. А. А. Суворова въ Прибалтійскомъ краѣ,—1848—1861 гг.“, „Русскій Архивъ“, 1890 г., № 9; тамъ же „Дополненія“ къ предыдущей статьѣ.—„Архивъ гр. А. А. Суворова-Рымникскаго; 1729—1800 гг.“, „Русск. Старина“, 1872 г., т. 6, № 10.—„Кн. А. А. Суворовъ и гр. Муравьевъ“, тамъ же, 1898 г., ноябрь, стр. 293—295.—„Князь А. А. Суворовъ, черты изъ его жизни“, сообщилъ А. Н. Веригинъ и проф. И. Е. Андреевскій, тамъ же, 1882 г., мартъ, стр. 828—838; апрѣль, стр. 525—542.—„Русскій календарь Суворина“ за 1883 г., с. 279.—„Лейбъ-гвардіи Конный полкъ 14 декабря 1825 г.“, „Русск. Стар.“, 1881 г., т. XXX, стр. 205—210.—„Черта къ характеристикѣ Императора Николая I изъ турецкой кампаніи 1828 г.“, тамъ же, 1871 г., т. III, стр. 61—63.—Некрологи Суворова почти во всѣхъ газетахъ за 1882 г.: „Голосъ“, № 30; „Новое Время“, отъ 21 февраля; „Нива“, № 5; „Рижскій Вѣстникъ“, № 30 и др.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза, полут. 62, s. v.—„Большой энцикл. словарь“, изд. т-ва „Просвѣщеніе“, т. 18, стр. 97.—„Записки кн. Н. С. Голицына“, „Русск. Ст.“, 1880 г., ноябрь, стр. 612.—Ю. Г. Богуславскій, „Замѣтки и разсказы“, тамъ же, 1879 г., т. XXVI.—„Два врага. Отрывки изъ воспоминаній В. М. Сикевича“, „Истор. Вѣстн.“, 1882 г., т. X, стр. 422 и дал.—И. И. Орловъ, „Кн. А. А. Суворовъ и русское иногородное купечество въ Ригѣ“, тамъ же, 1885 г., № 2, стр. 341 и дал.—В. В. Григорьевъ, „Императ. Спб. университетъ за первыя 50 лѣтъ его существованія“, Спб., 1870 г.—В. Д. Спасовичъ, „50-лѣтіе С.-Петербургскаго университета“ (въ сборникѣ его „За много лѣтъ“, Спб., 1872 г.).—С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народн. просвѣщенія“, Спб., 1902 г., стр. 324, 474, 524.—„Rigascher Almanach für 1859“, стр. 1—18 (съ портр.).—Кн. П. Долгоруковъ, „Русская родословная книга“, ч. 2, стр. 66.

Суворовъ, *Александръ Васильевичъ*, князь Италійскій, графъ Рымникскій, генералиссимусъ Россійскихъ войскъ, фельдмаршалъ австрійской арміи, великій маршалъ войскъ пьемонтскихъ, графъ Священной Римской имперіи, наслѣдственный принцъ Сардинскаго королевскаго дома, грандъ короны и кузенъ короля Сардинскаго, кавалеръ всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ, — родился 13 ноября 1730 г. въ г. Москвѣ, въ приходѣ церкви св. Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ.

Отецъ его, Василій Ивановичъ, бывшій въ то время въ чинѣ подпоручика,—безъ связей, безъ громкаго имени,—не разсчитывалъ на блестящее будущее ни для себя, ни для сына; всецѣло поглощенный службой и хозяйственными дѣлами, онъ не могъ удѣлять много времени сыну, тратиться же на учителей и воспитателей, по скупости своей, не хотѣлъ, хотя имѣлъ къ тому возможность по своимъ матеріальнымъ средствамъ (около 300 душъ крестьянъ). Мать С., Авдотья Ѳедосѣевна (урожденная Манукова) не имѣла, повидимому, никакого вліянія на его воспитаніе.

Нервный, впечатлительный ребенокъ былъ такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ предоставленъ самому себѣ. О систе-

матическихъ занятіяхъ при этихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Даже русскую грамоту С. усвоилъ лишь настолько, насколько это было необходимо для свободнаго чтенія, ставшаго съ самаго ранняго возраста его любимымъ занятіемъ. Читалъ онъ жадно, безъ разбора, безъ системы и руководства, все чаще удаляясь отъ сверстниковъ, предпочитая ихъ шумнымъ играмъ—чтеніе, тѣсному мірку дѣтской дѣйствительности — широкій міръ грезъ, который открывали ему страницы его любимыхъ книгъ. Образы великихъ людей, ихъ бурная, полная величія и трудовъ жизнь, слава подвиговъ неотразимо дѣйствовали на богатое воображеніе мальчика. Рѣдкій человѣкъ въ раннемъ дѣтствѣ не мечталъ о славѣ; но у С., благодаря особенностямъ его щедро одаренной натуры и, прежде всего, уже сказывавшимся зачаткамъ несокрушимой впослѣдствіи силы воли, мечты эти пріобрѣтаютъ особо настойчивый характеръ. Врядъ ли представлялось С. яснымъ въ тѣ дни, какой путь поведетъ его къ славѣ. Кромѣ анекдотическихъ разсказовъ, ничто не говоритъ намъ, что военное поприще уже тогда приковывало всѣ его мысли. Не говорятъ объ этомъ и годы его молодости.

Отчужденность мальчика бросалась въ глаза: сверстники смѣялись надъ нимъ, отецъ сердился на «странности», грозилъ, но кончилъ тѣмъ, что махнулъ на него рукой.

Василій Ивановичъ предназначалъ сына въ гражданскую службу, но на одиннадцатомъ году жизни мальчика измѣнилъсвое рѣшеніе и записалъ его въ Семеновскій полкъ. Виновникомъ этой перемѣны принято считать генерала Ганнибала, знаменитаго «Арапа Петра Великаго», посѣтившаго въ этомъ году Суворова-отца и будто бы провидѣвшаго въ хиломъ и тщедушномъ на видъ мальчикѣ будущаго великаго полководца.

С. приходилось начинать службу въ условіяхъ неблагопріятныхъ. Отецъ его не воспользовался своевременно правомъ, предоставленнымъ дворянамъ записать сына сейчасъ же послѣ рожденія въ гвардейскій полкъ солдатомъ, что давало возможность къ юношескому возрасту уже «дослужиться» до офицера и въ этомъ званіи вступить на дѣйствительную службу. Поздняя запись лишала С. этого преимущества: ему предстояло добыть офицерскій патентъ солдатской службой.

22 октября 1742 г. С., въ числѣ другихъ недорослей изъ дворянъ, былъ «записанъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ солдаты сверхъ комплекта безъ жалованія» и по силѣ указа Анны Іоанновны отъ 16 декабря 1736 г. уволенъ къ отцу на два года для обученія «указнымъ наукамъ». По ходатайству отца срокъ этотъ былъ продленъ по 1 января 1747 г., а затѣмъ и до 1 января 1748 г. За это время (25 апрѣля 1747 г.) С. былъ произведенъ въ капралы, попрежнему сверхъ комплекта, безъ жалованья.

Программа «указныхъ наукъ» была довольно обширна: «ариѳметика, геометрія, тригонометрія, планы геометріи, фортификація, часть инженеріи и артиллеріи, изъ иностранныхъ языковъ, также военной экзерциціи и пр.». Но выполненія ея отнюдь не требовалось: подготовка обычно ограничивалась пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по одному—двумъ указаннымъ въ программѣ предметамъ. С. имѣлъ возможность выдѣлиться изъ общаго правила. Отецъ могъ дать ему нѣкоторыя познанія по артиллеріи, и особенно по фортификаціи, въ которой былъ свѣдущъ, дать кое-какое понятіе о математическихъ наукахъ и «экзерциціяхъ»... Съ иностранными языками С. ознакомился еще раньше. Въ общемъ же годы послѣ записи въ солдаты по характеру занятій и времяпрепровожденію молодого С. врядъ ли существенно отличались отъ предшествовшихъ.

1 января 1748 г. С. прибылъ въ полкъ и былъ прикомавдированъ къ 3-й ротѣ.

Положеніе тогдашнихъ гвардейцевъ-солдатъ изъ дворянъ и въ полку, и въ обществѣ мало чѣмъ отличалось отъ офицерскаго. «Солдатская лямка» оказалась для С. не тяжелой, тѣмъ болѣе, что въ годъ его поступленія въ полкъ Семеновцы были заняты обстраиваніемъ Семеновской слободы: ученій было мало, а отъ работъ С., какъ дворянинъ, былъ избавленъ.

Въ полку С. видимо былъ на хорошемъ счету: онъ довольно быстро обогналъ своихъ сверстниковъ по поступленію. 22 декабря 1749 г. онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики, 8 іюня 1751 г. въ сержанты. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одна командировка, болѣе или менѣе почетная, не миновала его, вызывая частые переводы изъ одной роты въ другую. Такъ, 7 мая

1748 г. С. командированъ въ составъ сводной команды Преображенскаго и Семеновскаго полковъ въ Кронштадтъ для «провожанія» корабля «Захарій и Елисаветъ», состоявшагося въ Высочайшемъ присутствіи при весьма торжественной обстановкѣ; 16 февраля 1749 г. откомандированъ въ составъ «Московской команды» полка, отправленной въ первопрестольную по случаю «шествія» туда Императрицы Елизаветы; въ Петербургъ 9 апрѣля того же года онъ былъ назначенъ безсмѣннымъ ординарцемъ маіора и кавалера Никиты Ѳедоровича Соковнина, одного изъ «господъ полковыхъ штаповъ», пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ полку; 5 марта 1752 г. былъ командированъ съ депешами въ Берлинъ и Вѣну; вернувшись, въ послѣднихъ числахъ октября, онъ отбылъ почти тотчасъ же съ 1-мъ баталіономъ въ Москву по случаю новаго «шествія» туда Императрицы и оставался тамъ до самаго производства въ офицеры.

Мало привлекательнаго могла представить С. служба этихъ лѣтъ, сводившаяся къ карауламъ и рѣдкимъ строевымъ ученіямъ, лишеннымъ къ тому же всякаго боевого характера: «метанія ружьемъ», хитрыя построенія, церемоніальный маршъ. Не удивительно поэтому, что особаго рвенія къ службѣ онъ не проявлялъ. Рѣзко выдѣляясь среди сотоварищей своимъ замкнутымъ, скромнымъ образомъ жизни, своими усидчивыми занятіями, онъ пользовался, однако, всѣми привиллегіями солдата-дворянина: жилъ не въ казармахъ, а на квартирѣ дяди, капитана Преображенскаго полка; имѣлъ при себѣ дворовыхъ; при передвиженіяхъ полка, какъ, напр., при командировкѣ въ Москву, совершалъ ихъ не съ полкомъ, походнымъ порядкомъ, а отдѣльно, на перекладныхъ. Въ Москвѣ, во время первой командировки, онъ устроился чуть не на постоянное дежурство въ «Генеральной Сухопутной гофшпитали», не смѣняясь, вопреки правиламъ, по двѣ и больше недѣль, а въ послѣднее дежурство—даже 8 недѣль. Дежурства эти, при тяжелой караульной службѣ, которую несъ полкъ въ Москвѣ, являлись отдыхомъ. Во вторую же московскую командировку С. значится въ приказѣ по полку въ числѣ провинившихся: сказался больнымъ, чтобы избѣжать наряда. Характерно также, что С. воспользовался своимъ правомъ (какъ дворянинъ) обойти хозяйственныя должности каптенармуса и фурьера; очевидно, въ С.-солдатѣ не было еще того стремленія къ близости къ солдату, проникновенію въ его бытъ, которымъ отмѣченъ С.-фельдмаршалъ, иначе онъ не отказался бы отъ должностей, дающихъ такую широкую возможность много видѣть, много узнать въ области солдатскаго обихода.

Производство въ офицеры было нѣсколько задержано общимъ застоемъ въ производствѣ: иные солдаты изъ дворянъ по 11 лѣтъ дожидались офицерскаго патента. С. былъ выпущенъ 25 апрѣля 1754 г.—въ полевые полки поручикомъ. 3 мая его производство отдано было въ приказѣ по московской командѣ, а 10 мая того же года опредѣленіемъ военной коллегіи С. былъ назначенъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ.

Въ полку онъ пробылъ два года, но служилъ мало. Большую часть времени онъ проводилъ у отца, принимая живѣйшее участіе въ его хозяйственныхъ дѣлахъ. По прежнему удѣляя много времени на чтеніе, С. не только внимательно слѣдилъ за литературой, но и самъ пытался писать. Въ собраніяхъ Общества Любителей Русской Словесности (при Шляхетномъ корпусѣ), которыя онъ усердно посѣщалъ при своихъ наѣздахъ въ Петербургъ, онъ дважды выступалъ даже въ качествѣ чтеца своихъ произведеній, составленныхъ въ излюбленной въ то время формѣ—разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Діалоги эти: Кортеца съ Монтезумой и Александра съ Геростратомъ, были въ 1756 г. напечатаны въ журналѣ «Ежемѣсячныя Сочиненія», издававшемся академіей наукъ, подъ иниціалами А. С., давшими поводъ впослѣдствіи приписывать ихъ Сумарокову; они крайне бѣдны мыслями, банальны и совершенно не литературны, что вполнѣ понятно, такъ какъ С. не только писалъ, но и говорилъ очень неправильно. Во второмъ изъ этихъ «разговоровъ» С. старается разъяснить различіе между стремленіемъ къ славѣ и жаждой извѣстности. Выборъ темы и трактовка ея представляютъ несомнѣнный интересъ именно какъ попытка оформить, оправдать, придать высшій смыслъ тому стремленію, которое чувствовалъ въ себѣ С. съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

17 января 1756 г. С. былъ назначенъ оберъ-провіантмейстеромъ въ Новгородъ; 28 октября того же года—генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ съ состояніемъ при военной коллегіи; 4 декабря переименованъ въ премьеръ-маіоры. Переходъ со строевой службы на хозяйственную нетрудно объяснить вліяніемъ отца, имѣвшаго къ тому же крупныя связи въ интендантствѣ, гдѣ и самъ онъ въ то время занималъ уже видный постъ.

Въ началѣ Семилѣтней войны, въ 1757 г. С. былъ командированъ въ распоряженіе маіора Гротенгейльма, завѣдывавшаго этапнымъ пунктомъ Курляндіи (Либава), и вѣдалъ сплавомъ провіанта къ Мемелю, а по занятіи Мемеля назначенъ туда оберъ-провіантмейстеромъ. При движеніи Фермора на соединеніе съ главной арміей, С. поручено было организовать доставку ему провіанта «сплавомъ», но, «по неспособности рѣки», наладить это дѣло не удалось. Въ 1758 г. С. былъ при формированіи третьихъ баталіоновъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Произведенный (въ маѣ того же года) въ подполковники, съ переводомъ въ Казанскій пѣхотный полкъ, онъ привелъ въ Пруссію 17 вновь сформированныхъ баталіоновъ и временно остался при арміи, безъ опредѣленнаго назначенія. Въ корпусѣ князя М. Н. Волконскаго былъ при занятіи Кроссена въ Силезіи; въ августѣ 1759 г. былъ очевидцемъ Куннерсдорфскаго боя. 31 декабря 1759 г. Высочайшимъ приказомъ, по представленію генерала кригсъ-коммисара кн. Шаховскаго, С. былъ назначенъ «къ правленію оберъ-кригскомиссарской должности».

Но боевое призваніе С., которое не могла пробудить караульная служба въ столицахъ, парады и экзерциціи, сказалось сразу, когда онъ попалъ въ боевую обстановку. Обязанности интенданта уже не могли удовлетворить его. Уступая настойчивымъ просьбамъ сына, отецъ С. въ февралѣ 1760 г. подалъ челобитную въ Конференцію при Дворѣ Ея Величества о переводѣ сына въ полевыя войска, такъ какъ онъ «по молодымъ лѣтамъ желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться». Василій Ивановичъ былъ уже въ то время лицомъ видным — главнымъ полевымъ интендантомъ: просьба его не только была уважена, но С. оставленъ былъ въ дѣйствующей арміи на генеральской должности—«генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго» при Ферморѣ.

Въ 1761 г., по просьбѣ генерала Берга, командира легкаго кавалерійскаго корпуса, С. былъ назначенъ въ его отрядъ, для исполненія обязанностей начальника штаба, и, подъ личнымъ руководствомъ Берга, въ безпрестанныхъ налетахъ и стычкахъ, прошелъ первую свою боевую школу. Цѣлый рядъ дѣлъ отмѣченъ ближайшимъ участіемъ С., имя котораго вскорѣ стало извѣстно въ арміи какъ лихого партизана, «быстраго при рекогносцировкѣ, отважнаго въ бою, хладнокровнаго въ опасности» (отзывъ Берга). «Былъ подъ Бригомъ,—пишетъ С. въ своей автобіографіи,— при сраженіи Бреславскомъ съ генераломъ Кноблохомъ, и разныхъ шармицеляхъ, на сраженіи близъ Стригау, при Гроссъ и Клейнъ-Вандрисѣ, гдѣ предводилъ крыломъ, и двѣ тысячи россійскаго войска четыре шлезскихъ мили противоборствовали арміи подъ королемъ Прусскимъ цѣлый день, а къ ночи сбили ихъ форпосты и одержали мѣсто своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападеніе на лѣвое прусское крыло противъ монастыря Вальштатъ... Приближаясь къ Швейдницу и окопу тамо Прусскаго короля, атаковалъ въ деревнѣ N прусскую заставу съ малымъ числомъ казаковъ, и за нею на высотѣ сильный прусскій пикетъ, которымъ мѣстомъ, по троекратномъ нападеніи, овладѣлъ и держалъ оное нѣсколько часовъ, доколѣ отъ генерала Берха прислано было два полка казачьихъ, которые стоящихъ близъ подошвы высоты прусскихъ два полка гусарскихъ, съ подкрѣпленіемъ двухъ полковъ драгунскихъ, сбили съ мѣста въ лагерь; отсюда весь прусской лагерь былъ вскрытъ, и тутъ утверждена легкаго корпуса главная квартира, соединеніемъ форпостовъ вправо къ россійской, влѣво къ австрійской арміямъ; происходили потомъ здѣсь непрестанныя шармицели, и среди разныхъ примѣчательныхъ, единожды подъ королевскими шатрами разбиты были драгунскіе полки, при моемъ нахожденіи, Финкенштейновъ и Гольштейнъ, гусарскіе Лосовъ и Малаховскій, съ великимъ ихъ урономъ. Когда генералъ Платенъ пошелъ черезъ Польшу къ Кольбер-

гу, легкій корпусъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ; достигши оный, часто съ нимъ сражался съ фланковъ, и при Костянахъ напалъ на его лагерь сквозь лѣсъ, сзади, ночью, причинилъ знатный уронъ, принудилъ къ маршу и разбилъ бы корпусъ, если бъ конные регулярные полки въ свое время подоспѣли. Я былъ впереди при всемъ происшествіи... Слѣдуя противъ Ландсберга, взялъ я съ собою слабый въ стѣ коняхъ Туровѣрова казачій полкъ, переплыли черезъ Неццу, и въ той же ночи шесть миль отъ Дризена поспѣли къ Ландсбергу противнымъ берегомъ Варты; немедля чрезъ ровъ вломились въ городовыя ворота, и передовыми казаками сурпренированы и плѣнены двѣ прусскія команды съ ихъ офицерами; потомъ, съ помощью обывателей, сожженъ Ландсбергской большой мостъ; прибывшее противное войско (корпусъ Платена) на другомъ берегу остановилось, но за нескорымъ прибытіемъ нашего легкаго корпуса, переправилось потомъ на понтонахъ, держа свой путь къ Кольбергу. Отряженъ я былъ отъ генерала Берха съ казачьими полками и нѣсколькими гусарскими для подкрѣпленія, встрѣтился съ противнымъ корпусомъ подъ Фридебергомъ: оной, маршируя на высотахъ, отозвался противъ меня всею своею артиллеріею, подъ которою я разбилъ его фланковые эскадроны, и забрано было въ полонъ отъ оныхъ знатное число. Остановлялъ я Платена въ маршѣ елико возможно, доколѣ пришелъ въ черту генерала князя В. М. Долгорукова, который потомъ прежде его прибылъ къ Кольбергу; нашъ легкій корпусъ остановился подъ Старгардтомъ. По нѣкоторомъ времени выступилъ оный къ Регенвальду, въ которой сторонѣ было нападеніе на маіора подъ Чарли, гдѣ я предводилъ часть легкихъ войскъ: взятъ сей маіоръ съ его деташементомъ въ полонъ. Но какъ г. Курбьеръ съ сильнымъ войскомъ, при нашемъ обратномъ походѣ, спѣшилъ ударить въ нашъ задъ, гдѣ я обрѣтался, принужденъ я былъ его передовые пять эскадроновъ съ пушками брускировать съ имѣющимися у меня въ виду меньше ста гусаръ и казаковъ, которыми дѣйствительно сіи эскадроны опровержены были и оставили намъ много плѣнныхъ; успѣхъ отъ того былъ, что Курбьеръ ретировался. Подъ Новгартеномъ предводя одну колонну легкаго корпуса.... съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ врубился въ пѣхоту и сбилъ драгунъ; уронъ прусской въ убитыхъ и плѣнныхъ былъ великъ; взята часть артиллеріи, подо мной разстрѣляна лошадь и другая ранена». При движеніи «знатной части прусскаго войска отъ Кольберга къ Штетину... близъ Регенвальда въ бою съ прусскимъ авангардомъ съ четырьмя эскадронами конныхъ гренадеръ атаковалъ пѣхоту на палашахъ... весь сей сильный авангардъ... взятъ въ плѣнъ, и его артиллерія досталась въ наши руки. Въ послѣди я попалъ съ ближнимъ легкимъ отрядомъ въ разстояніи малой мили на прусскихъ фуражировъ, подъ самымъ ихъ корпусомъ, гдѣ такожъ сверхъ убитыхъ много взято въ полонъ». «Въ ночи прусской корпусъ сталъ за Гольнау, оставя въ городѣ гарнизонъ; генералъ графъ П. И. Панинъ прибылъ къ намъ съ нѣкоторой пѣхотой; я съ однимъ гренадерскимъ баталіономъ атаковалъ вороты, и, по сильномъ сопротивленіи, вломились мы въ калитку, гнали прусской отрядъ штыками черезъ весь городъ, за противные вороты и мостъ, до ихъ лагеря, гдѣ побито и взято было много въ плѣнъ. Я поврежденъ былъ контузіей въ ногу и въ грудь картечами, одна лошадь ранена подо мной въ полѣ». Въ августѣ 1761 г. С. былъ назначенъ временно командующимъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ: блестящая дѣятельность полка при преслѣдованіи Бергомъ принца Виртембергскаго окончательно упрочила сложившееся у главнокомандующаго мнѣніе о С. какъ офицерѣ, «который хотя и числится на службѣ пѣхотной, но обладаетъ свѣдѣніями и способностями чисто кавалерійскими» (отзывъ Румянцева). Сдавъ въ ноябрѣ Тверской полкъ, С. принялъ опять-таки во временное командованіе Архангелогородскій драгунскій.

Въ началѣ 1762 г. С. былъ командированъ изъ арміи въ Петербургъ, гдѣ и оставался нѣкоторое время безъ опредѣленнаго назначенія. 26 августа того же года былъ произведенъ въ полковники и получилъ командованіе Астраханскимъ полкомъ, а затѣмъ—6 апрѣля 1763 г.—Суздальскимъ пѣхотнымъ, смѣнившимъ Астраханцевъ на петербургской стоянкѣ. Въ Суздальскомъ полку въ видѣ опыта ввe-

дено было обученіе по новому, еще не утвержденному уставу; опытъ далъ прекрасные результаты, благодаря настойчивымъ трудамъ С., и уже осенью того же года на произведенномъ Императрицей смотру полкъ представился блестяще.

Въ 1764 г. полкъ вернулся на свои квартиры, въ Новую Ладогу, и С. открылась возможность, не отрываясь постоянными караулами и нарядами, приступить къ систематической работѣ надъ боевой подготовкой полка.

Опытъ семилѣтней войны не могъ пройти безслѣдно для С. Онъ явился на театръ военныхъ дѣйствій хорошо подготовленнымъ теоретически. Въ штабѣ, при Ферморѣ, гдѣ на его глазахъ двигались главные рычаги механизма арміи, отъ наблюдательнаго и тонкаго ума его не могли ускользнуть отрицательныя стороны тогдашней военной системы и «кабинетной стратегіи»; безсильныя попытки уловить въ схемы и диспозиціи все неуловимое богатство возможности и случайностей, вялость и мудрствованія, непростительная медлительность, губившая всякій успѣхъ въ зародышѣ—нашли у С. достойную оцѣнку. Тѣмъ рѣзче былъ для него контрастъ перехода изъ штаба въ поле, отъ бумаги къ дѣлу, изъ главной квартиры—въ летучій отрядъ, гдѣ разсчетъ тактики часто замѣнялся инстинктомъ охотника, логика—смѣлостью. Впечатлѣніе этого перехода было слишкомъ сильно и увлекло С. въ крайность, приведя къ полному почти отрицанію всякаго «методизма» и переоцѣнкѣ значенія смѣлости—«натиска». Въ его глазахъ въ то время «натискъ» заслоняетъ «глазомѣръ»: онъ не явился, какъ въ позднѣйшей системѣ С., элементомъ, подчиненнымъ глазомѣру, но самодовлѣющимъ и при томъ главнымъ, первымъ, основнымъ. Это преобладаніе смѣлости надъ глазомѣромъ служитъ характерной особенностью и ближайшаго періода боевой его дѣятельности въ Польшѣ.

Полагая основой успѣха смѣлость—смѣлость полководца, приводящую его къ принятію рѣшенія наиболѣе невозможнаго теоретически («теорія невозможнаго»), и смѣлость солдата, безъ колебаній и страха выполняющаго это рѣшеніе,—С. долженъ былъ, естественно, придавать рѣшающее значеніе нравственному элементу. Въ его системѣ подготовки войскъ работа надъ душой солдата становится на первое мѣсто. Но для успѣшности ея надо было знать эту солдатскую душу, надо было сродниться съ солдатской массой, понять ее и найти понятныя для нея слова. И С. за годы командованія полкомъ дѣйствительно сумѣлъ сродниться со своими Суздальцами. Проводя все свое время среди нижнихъ чиновъ, будучи, по его собственнымъ словамъ, «маіоромъ, адъютантомъ, до ефрейтора», С. вынесъ изъ опыта этихъ лѣтъ то глубокое знаніе солдата, его психологіи, въ которомъ вся тайна его удивительнаго, неотразимаго вліянія на солдатскую массу. Тотъ же боевой опытъ убѣдилъ С. въ полной непригодности широкихъ эволюцій, сложныхъ уставныхъ построеній, красивыхъ на плацу, но не примѣнимыхъ въ полѣ. Безъ сомнѣнія, не сразу далась ему «трудная простота», тайна которой съ такой полнотой вскрыта имъ впослѣдствіи. Занятія не были еще приведены въ систему, не велись по строго опредѣленной программѣ. Въ «суздальскомъ учрежденіи», какъ называлъ С. свой методъ работы надъ полкомъ, не было и признака «устава»; уставъ оставался прежнимъ, но, пользуясь той свободой, которая въ екатерининское время была предоставлена полковымъ командирамъ, С. отбросилъ всѣ уставныя «чудеса», сохранивъ только простѣйшіе и необходимѣйшіе пріемы и построенія. Свои ученія, всегда короткія, онъ вынесъ въ поле, въ лѣсъ; переходя съ полкомъ рѣки, маневрируя по ночамъ, въ дождь и бурю, С. стремился показать своимъ людямъ войну до войны, развить въ нихъ способность найтись въ любой обстановкѣ.

Вообще цѣлью воспитанія войскъ С. ставилъ—способность солдата къ подвигу, больше—жажду его. Дѣйствительнымъ къ тому средствомъ считалъ онъ—сознательное отношеніе солдатъ къ происходившимъ событіямъ: онъ всячески старался выяснить войскамъ значеніе борьбы, къ участію въ которой они призваны, сдѣлать имъ эту борьбу понятной и потому близкой. Чувствуя общность задачи, Суворовскія войска, отъ солдатъ до высшихъ командировъ, сплачивались въ одно несокрушимое цѣлое: развивалась спайка, чувство взаимной выручки, создавалась сила

стремленія, неимовѣрная стойкость, ярость штыковой атаки. На этой основѣ развивалось дальнѣйшее, прежде всего—умѣніе найтись въ любой обстановкѣ, рѣшить любую задачу, которая можетъ представиться солдату въ бою. Достигалось это обученіемъ въ боевой обстановкѣ наглядностью, доведенной до крайнихъ предѣловъ (сквозныя атаки), отрицаніемъ всѣхъ «чудесъ» уставныхъ, въ бою не примѣнимыхъ, осмысленностью ученій. «Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ». На войнѣ С. не признавалъ тайны. Солдаты всегда знали, что̀ предстоитъ совершить и зачѣмъ. Суворовская простота изложенія боевыхъ требованій во многомъ способствовала легкости ихъ усвоенія.

Осмысленность ученій создавала вмѣстѣ съ тѣмъ и интересъ къ дѣлу. «Солдатъ любитъ ученіе, лишь бы коротко да съ толкомъ». Съ другой стороны, для солдата, прошедшаго Суворовскую школу, случайностей въ бою почти не было, такъ какъ онъ «онъ еще въ мирное время испыталъ самыя тяжелыя изъ боевыхъ впечатлѣній» (Драгомировъ). Это создавало «на себя надежность — основаніе храбрости».

Объ охраненіи солдатской «на себя надежности» С. заботился всемѣрно. «Братцы, вы богатыри! Непріятель отъ васъ дрожитъ! Вы—русскіе». Онъ умѣлъ придать такую искренность этимъ обращеніямъ, что они дѣйствовали на солдатъ неотразимо. Онъ тщательно устранялъ все, что могло бы дать войскамъ малѣйшій намекъ на возможность неудачи. Мѣры предосторожности тщательно скрывались. Приказы всегда были категоричны: «Взять штурмомъ Пражскій ретраншаментъ»... «Непріятельскую армію взять въ полонъ».

Прилагая всѣ усилія, чтобы по возможности развязать въ войскахъ работу ума и воли, С. долженъ былъ неизбѣжно ввести у себя дисциплину, по существу рѣзко отличную отъ господствовавшей въ то время «палочной» дисциплины, созданной «наемническими особенностями» тогдашнихъ западно-европейскихъ армій. Онъ основывалъ ее не на страхѣ, но на совѣсти. Онъ допускалъ возраженія низшаго высшимъ, единственнымъ условіемъ ставя, «чтобы оно дѣлалось пристойно, наединѣ, а не въ многолюдствѣ, иначе будетъ буйствомъ». Только за крупныя дисциплинарныя провинности да за грабежи—онъ сохранилъ «палочки»; за «отлетъ», дезертирство, мародерство—гонялъ сквозь строй.

Путь къ сохраненію здоровья солдатъ С. видѣлъ въ мѣрахъ гигіеническихъ—чистотѣ, умѣренности. За помѣщеніемъ, одеждой, пищей С. устанавливалъ неослабный надзоръ. Госпиталей не терпѣлъ, видя въ нихъ—по тогдашнему состоянію ихъ—очаги заразы. «Бойся богадѣльни — (такъ называлъ онъ больницы). Въ ней первый день—мягкая постель; второй день—французская похлебка, третій день—ея братецъ, домовище». Въ силу этого, многочисленными инструкціями стремясь обезпечить «здоровье здоровыхъ», больныхъ С. старался вылечить «полковыми средствами»,—въ полковыхъ лазаретахъ, только въ крайнихъ случаяхъ сдавая ихъ въ «богадѣльню». Смертность и болѣзненность въ Суворовскихъ войскахъ были значительно ниже обычной для того времени. Наряду съ гигіеной надежнымъ средствомъ къ сохраненію здоровья С. считалъ постоянный трудъ. «Трудъ здоровѣе покоя», «солдату нужно достаточное, но не облѣненное отдохновеніе». Здоровая и доброкачественная пища—и въ мирное время и на походѣ—составляла предметъ всегдашнихъ заботъ С., по мѣрѣ силъ боровшагося съ обширными злоупотребленіями интендантства. «Кого бы я на себя ни подвигъ,—говорилъ С.—мнѣ солдатъ дороже всего». Дабы обезпечить солдатамъ на походѣ своевременное снабженіе пищей и кровомъ—С. высылалъ обычно артельные котлы съ продовольствіемъ и повозки съ палатками впередъ—съ кавалеріей, верстъ на 15, такъ что къ подходу войскъ на ночлегъ имъ готовъ былъ горячій обѣдъ, раскинуты были палатки. Часто, во время боя—онъ подтягивалъ къ полю сраженія артельные котлы, чтобы дать возможность солдатамъ подкрѣпиться тотчасъ послѣ побѣды.

Но въ этой заботливости о солдатѣ, при всей сердечности ея—не было и признака чувствительности. И когда представлялась необходимость—при крайне форсированномъ маршѣ или въ бою для «быстроты» и «натиска»—С. не останавливался передъ огромностью жертвъ, передъ кровью. Онъ доказалъ это съ особой яркостью на Кинбурнской косѣ, при подходѣ къ Треббіи и на высотахъ Нови...

Уча «показомъ, а не разсказомъ», С. самъ являлся образцомъ для своихъ солдатъ. Его обычной одеждой была гренадерская куртка грубаго сукна или бѣлый холщевой китель. Въ походѣ и бою фельдмаршалъ часто появлялся въ одной рубашкѣ и исподнихъ. Только въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ онъ фельдмаршальскій мундиръ, усыпанный брилліантами, покрытый орденами. Его высокіе до колѣнъ ботфорты были всегда «худо лакированы, худо сшиты». Головнымъ уборомъ служила небольшая каска. Въ швейцарскомъ походѣ ее замѣняла шляпа, взятая у какого-то капуцина. Ни шубъ, ни перчатокъ С. не носилъ; только въ послѣднемъ швейцарскомъ походѣ, когда уже оказывалась болѣзнь и С. часто чувствовалъ ознобъ, онъ завелъ себѣ широкій, поношенный уже плащъ, прозванный солдатами «родительскимъ».

Ни экипажа, ни своихъ лошадей С. на походѣ не имѣлъ, пользуясь казачьими лошадьми. Багажа съ собой не возилъ никакого. Даже тарелки, ножи и прочую несложную сервировку стола фельдмаршала его безсмѣнный камердинеръ, Прохоръ Дубасовъ занималъ гдѣ придется. Обѣдъ, всегда простой, обычно бывалъ приготовленъ настолько невкусно, что приглашенные зачастую принуждали себя ѣсть. Въ отношеніи ѣды С. измѣнялъ, впрочемъ, предписаннымъ имъ правиламъ: ѣлъ неумѣренно много, особенно подъ конецъ жизни, что сказалось и на развитіи его болѣзни. Спалъ С. на соломѣ, даже во время городскихъ стоянокъ. Вставалъ обычно въ 2 часа ночи. Ложился рано.

Всѣ невзгоды и лишенія С. переносилъ наряду съ солдатами, добровольно отказываясь отъ удобствъ. Когда въ Польшѣ—въ 1794 г. и Швейцаріи—въ 1799 г. войскамъ пришлось выступить въ холодное время года въ лѣтнемъ обмундированіи, С. дѣлалъ съ ними походъ въ лѣтнемъ китель, и смѣнилъ его на свою суконную куртку только по полученіи въ войска зимнихъ мундировъ. При наводкѣ мостовъ, при постройкѣ батарей, онъ принималъ участіе въ работахъ наряду съ рядовыми...

Возвращаясь къ дѣятельности С. какъ командира Суздальскаго полка, слѣдуетъ отмѣтить, что, усилено трудясь надъ боевой подготовкой солдатъ, онъ не мало заботъ удѣлялъ и хозяйственной части. Имъ построена была церковь и зданіе школы, въ которой онъ самъ велъ занятія; разбитъ садъ на занятомъ полкомъ участкѣ. Большая часть работъ этихъ выполнена была личнымъ трудомъ нижнихъ чиновъ полка.

Изъ Ладоги С. отлучался рѣдко: въ мартѣ 1765 г. по дѣламъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, причемъ представлялся Наслѣднику; въ іюнѣ того же года съ полкомъ принималъ участіе въ красносельскихъ маневрахъ; въ 1768 г. ему былъ данъ годовой отпускъ, но онъ повидимому не воспользовался имъ.

Приказъ о выступленіи Суздальцевъ въ Смоленскъ въ ноябрѣ 1768 г. засталъ С. въ полку: произведенный 22 сентября 1768 г. въ бригадиры, онъ временно сохранилъ еще командованіе имъ. Суздальскій полкъ былъ назначенъ въ составъ отряда генерала Нуммерса, служившаго резервомъ польско-литовскаго корпуса (генерала Веймарна), дѣйствовавшаго противъ польскихъ мятежниковъ.

Полкъ выступилъ изъ Ладоги въ Смоленскъ въ глухое осеннее время, въ распутицу. С. въ полной мѣрѣ использовалъ этотъ походъ по трудно проходимой мѣстности, черезъ лѣса, болота и рѣки, чтобы пополнить подготовку людей, ознакомивъ ихъ со всѣми мелочами военно-походнаго движенія, чего онъ не могъ сдѣлать за время своей мирной стоянки въ Ладогѣ. Прошедшіе Суворовскую школу Суздальцы въ 30 дней легко сдѣлали свыше 850 в., безъ отсталыхъ и почти безъ больныхъ. Не даромъ говаривалъ С.: «тяжело въ ученьи, легко въ походѣ». Въ Смоленскѣ С. принялъ бригаду, въ составъ которой входили и Суздальцы.

Зиму 1768—1769 г. простояли въ Смоленскѣ. С. усиленно работалъ надъ обученіемъ ввѣренныхъ ему войскъ, особенное вниманіе удѣляя ночнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ характеръ предстоявшей войны обѣщалъ широкое ихъ примѣненіе. 15 мая 1769 г., за отъѣздомъ генерала Храповицкаго, С. вступилъ въ командованіе всей пѣхотой отряда Нуммерса (полки Суздальскій, Нижегородскій и Смоленскій). 26 мая отрядъ въ полной боевой готовности былъ передвинутъ къ польской границѣ, въ мѣстечко Ляды.

Въ первыхъ числахъ іюля получено

было извѣстіе о появленіи партіи Пулавскаго у Несвижа. Опасаясь захвата Минска, Нуммерсъ спѣшно двинулъ къ нему С. съ Суздальскимъ полкомъ и 2 эскадронами. 29 іюня С. занялъ Минскъ, но, по новому приказу, уже на слѣдующій день выступилъ дальше. Кн. Волконскій, нашъ посолъ въ Польшѣ, требовалъ усиленія войскъ въ Варшавѣ, въ окрестностяхъ которой, по слухамъ, появились значительные отряды конфедератовъ. С. указано было идти прямѣйшимъ трактомъ черезъ Гродно съ крайней поспѣшностью; для ускоренія движенія пѣхота и половина драгунъ была посажена на подводы.

Выступивъ 30 іюля, С., черезъ Столбцы и Кареличъ, 3 августа подошелъ къ Новогрудку, гдѣ узналъ о сборѣ конфедератовъ подъ Пинскомъ. Немедленно, свернувъ съ указаннаго ему прямого пути, онъ раздѣлилъ въ Слонимѣ свой отрядъ, часть направилъ на Брестъ-Литовскъ, а съ другой, сдѣлавъ въ сутки около 100 верстъ, внезапно появился подъ Пинскомъ. Но конфедераты успѣли уйти отъ удара; разсѣявъ по пути нѣсколько небольшихъ бандъ, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ, С. черезъ Холмскъ и Антополь 9 августа присоединился къ остальной части своего отряда. 12 августа онъ былъ въ Польскомъ Минскѣ. Здѣсь движеніе было пріостановлено, такъ какъ опасенія за Варшаву временно разсѣялись; но 17 августа, по новому приказу Веймарна, отрядъ двинулся дальше, и 19-го четыре передовыя роты С. уже смѣнили караулы въ Прагѣ и Варшавѣ. 20 августа прибылъ съ остальными и самъ С.; въ ту же ночь онъ получилъ новое порученіе: собрать свѣдѣнія о маршалѣ Котлубовскомъ, по слухамъ, съ 8-тысячнымъ отрядомъ стоявшемъ близъ Варшавы.

На слѣдующій же день, 21-го, С. выступилъ съ 3 ротами Суздальскаго полка, эскадрономъ драгунъ, 50 казаками и однимъ орудіемъ, перешелъ въ бродъ Вислу и двинулся вверхъ по рѣкѣ. Въ 7 верстахъ выше города онъ обнаружилъ банду Котлубовскаго, атаковалъ безъ малѣйшаго колебанія и разсѣялъ ее; она оказалась силой всего въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Опросъ плѣнныхъ выяснилъ численность и расположеніе ближайшихъ конфедератскихъ отрядовъ. 23 августа С. произвелъ съ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія новый, и на этотъ разъ дальній поискъ—къ Закрочиму, гдѣ снова разсѣялъ конфедератовъ.

Тревожные слухи объ успѣшной дѣятельности на Литвѣ молодыхъ Пулавскихъ, сыновей маршала Барской конфедераціи, вызвали усиленіе бывшихъ на Литвѣ русскихъ войскъ. 25 августа С. приказано идти къ Бресту съ отрядомъ изъ 1 гренадерской, 2 мушкетерскихъ ротъ усиленнаго состава, егерской команды Суздальскаго полка, эскадрона Воронежскаго полка, 50 казаковъ, при 2 полковыхъ орудіяхъ (всего 723 чел.). Форсированными маршами, черезъ Сѣдлецъ и Мендзиржецъ, С. бросился къ Ломачамъ, гдѣ думалъ захватить конфедератовъ. Не найдя ихъ тамъ, обратился на Вишнице, «по слуху, что тамъ часть ихъ была». Слухъ оказался ложнымъ. С. свернулъ на Пыщацъ, и около 3-хъ часовъ пополудни 31 августа прибылъ въ Брестъ. Въ послѣдніе 35 часовъ пройдено было больше 75 верстъ. Въ Брестѣ удалось получить точныя свѣдѣнія о противникѣ: конфедераты отходили на Кобринъ передъ превосходными силами отрядовъ Древица и Ренна. Оставивъ часть своихъ силъ въ Брестѣ, С. съ ротой гренадеръ, егерями, 36 драгунами и обѣими пушками немедленно выступилъ по Кобринской дорогѣ. Шли цѣлую ночь. На разсвѣтѣ С. присоединилъ къ себѣ встрѣченный разъѣздъ гр. Кастелли въ 80 коней (изъ отряда Ренна) и около полудня нагналъ, близъ деревни Орѣхово, въ 70 верстахъ отъ Бреста, партію Пулавскихъ въ 2.000 коней, при 2 пушкахъ, подъ командою 7 маршалковъ. Поляки приняли бой на тѣсной лѣсной полянѣ, стоя за болотомъ, черезъ которое вела гать съ 3 мостами.

Подойдя къ позиціи конфедератовъ, шедшіе въ авангардѣ гренадеры подъ командой поруч. Сахарова свернулись въ колонну и бросились на гать, подъ прикрытіемъ огня артиллеріи отряда. Поляки отвѣчали, сильно обстрѣливая гать и русскія пушки. Несмотря на огонь, рота гренадеръ быстро перебралась черезъ гать и выстроилась тыломъ къ непроходимому для кавалеріи болоту. Перешедшіе слѣдомъ егеря разсыпались на флангахъ гренадеръ и открыли огонь. За пѣхотой перешли карабинеры и драгуны. Казаки остались за болотомъ, для охраны тыла и наблюденія за выходами изъ лѣса.

С. во главѣ кавалеріи атаковалъ непріятельскую батарею, но поляки успѣли прикрыть ее своими эскадронами. Кавалерійскія силы были слишкомъ неравны, — С. пришлось предоставить атаку конфедератамъ. Четыре раза, смѣняя эскадроны, бросались они на пѣхоту, стойко встрѣчавшую ихъ бѣшеные налеты залпами и картечью. Разстроенные ряды отбитыхъ и отходившихъ поляковъ преслѣдовалъ съ карабинерами Кастелли, въ одной изъ такихъ схватокъ свалившій Франца Пулавскаго, одного изъ лучшихъ вождей конфедераціи. Приближалась ночь; чувствовалось утомленіе — и въ польскихъ и въ русскихъ рядахъ. С. торопился кончить дѣло. По его приказанію, гранатами зажжена была деревня въ тылу польской позиціи. Пожаръ на пути отступленія долженъ былъ неминуемо оказать сильное моральное воздѣйствіе на уже поколебленные эскадроны: они смѣшались. Этимъ моментомъ воспользовался С. и бросилъ свою пѣхоту въ штыки. Безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи атака — кавалеріи пѣхотой — увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Не принявъ удара, поляки дали тылъ и въ безпорядкѣ помчались назадъ, черезъ горящую деревню. Русская кавалерія преслѣдовала ихъ на разстояніи 3 верстъ. Развить преслѣдованіе С. не могъ за недостаткомъ кавалеріи: высланный Ренномъ эскадронъ Воронежскаго полка присоединился къ отряду только на слѣдующій день. Поляки успѣли отойти къ Кельму, затѣмъ къ Влодавѣ, но здѣсь подвернулись подъ ударъ Ренну и были окончательно разсѣяны. 3 сентября прибылъ въ Влодаву шедшій по слѣдамъ разбитаго непріятеля С. Убѣдясь, что пораженіе Пулавскихъ завершено, онъ далъ войскамъ двухдневный отдыхъ, перешелъ Бугъ и 6 сентября снова былъ уже въ Брестѣ.

Веймарнъ остался крайне доволенъ Орѣховскимъ дѣломъ и свое довѣріе къ С. выразилъ въ назначеніи его 9 сентября начальникомъ Люблинскаго участка, на постъ самостоятельный и весьма отвѣтственный, въ виду особой важности даннаго раіона, расположеннаго въ центрѣ между собственно-Польшей, партизанами Литвы и бандами, формировавшимися въ австрійскихъ предѣлахъ. Такое положеніе открывало возможность дѣйствовать въ любомъ мѣстѣ, куда бы ни направился ударъ конфедератовъ. Въ частности, задачей С. было охраненіе восточныхъ воеводствъ и поддержка связи: 1) съ Нуммерсомъ на Бялу, Брестъ и Волковисскій повятъ, 2) съ I арміей (дѣйствовавшей противъ турокъ) на Красноставъ—Сокалъ, 3) съ Краковскимъ воеводствомъ.

Борьба съ конфедератами представляла въ Люблинскомъ раіонѣ особую трудность: горы и холмы, масса ручьевъ, рѣчекъ, болотъ и лѣсовъ, небольшія селенья и города, похожіе на деревни, замки и монастыри, годные къ оборонѣ, — все это создавало исключительно благопріятную обстановку для партизанскихъ дѣйствій поляковъ. Но и С., пройдя превосходную партизанскую школу въ отрядѣ Берга, чувствовалъ себя здѣсь въ своей сферѣ, тѣмъ болѣе, что задача его въ значительной мѣрѣ была облегчена образцовыми распоряженіями Веймарна, снабдившаго его обстоятельной инструкціей, основная идея которой сводилась къ слѣдующему: часть войска занимаетъ важнѣйшіе пункты на участкѣ слабыми гарнизонами; остальная же часть составляетъ подвижной участковый резервъ, назначаемый для активныхъ дѣйствій, главнымъ образомъ въ своемъ участкѣ: только при очевидной безопасности въ своемъ участкѣ разрѣшается содѣйствовать войскамъ сосѣдняго. Эти общія положенія были образцово развиты и осуществлены С. Выбравъ Люблинъ базой — «капиталью», онъ раскинулъ по участку сѣть охранительныхъ постовъ, искусно воспользовавшись естественными преградами своего раіона и обезпечивъ этими же постами переправы для будущихъ своихъ набѣговъ. Съ замѣчательной правильностью произведена имъ оцѣнка значенія каждаго пункта: сообразно съ этимъ, строго правильно распредѣлены по участку силы, отъ прочно занятаго Сандоміра, важнѣйшаго пункта для дѣйствій на обоихъ берегахъ Вислы и Сана, до наименѣе значительныхъ южныхъ укрѣпленій Ямполи и Красника. Далеко впередъ за линію охранительныхъ пунктовъ выдвинулись наблюдательные посты. Большое вниманіе обращено на рекогносцировки; С. рекомендовалъ обходиться безъ шпіоновъ, на свѣдѣнія которыхъ полагаться было трудно, а самимъ командирамъ постовъ «больше видѣть въ даль безъ зрительной трубки».

Путь къ замиренію возставшаго края С.

видѣлъ въ мягкомъ и заботливомъ отношеніи къ «мирнымъ» обывателямъ и въ энергичныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ непокорныхъ бандъ. Сообразно съ этимъ онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы поддержать добрыя отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и не допускать войска до грабежей, бывшихъ въ то время явленіемъ обычнымъ. Не меньшую мягкость проявлялъ онъ и къ положившимъ оружіе конфедератамъ, такъ какъ «благопріятіе раскаявшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитіе ихъ крови». Съ другой стороны, онъ развилъ весьма энергичную дѣятельность подвижного резерва, составъ котораго, за выдѣленіемъ гарнизоновъ, опредѣлился въ 5 ротъ, 3 эскадрона, сводную сотню, 6 орудій. Но дѣятельность эта давала все же крайне скудные результаты. Недостатокъ кавалеріи, явное сочувствіе жителей конфедератамъ, трудность своевременнаго обнаруженія партій и, главное, полная инертность остальныхъ отрядныхъ начальниковъ, на сосѣднихъ участкахъ, давали возможность конфедератамъ безнаказанно ускользать отъ С.: за весь 1770 годъ ему только дважды—подъ Опатовымъ и Наводницею—удалось захватить и разбить жестоко польскія банды. С. пытался воздѣйствовать на Веймарна, обезпечить себѣ поддержку, безъ которой сводилась на-нѣтъ вся его самоотверженная и неутомимая дѣятельность. Въ своихъ письмахъ, съ непріятной, но характерной для С. беззастѣнчивостью, онъ выдвигаетъ свои заслуги, самыми мрачными красками описывая образъ дѣйствій остальныхъ отрядныхъ начальниковъ. «Ставлю въ образецъ мое усердіе в службу; я... не такъ, какъ другіе начальники, которые, разъѣзжая въ каретѣ изъ замка въ замокъ... только и дѣлаютъ, что, идучи съ отрядами, заходятъ въ помѣщичьи усадьбы, пьютъ тамъ кофе и играютъ въ таблеи... Древицъ нерадиво, роскошно и великолѣпно въ Краковѣ отправляетъ празднества, когда я съ горстью людей дерусь по лѣсамъ по-гайдамацкому съ какими-то разбойниками и рождаю для Варшавы площадные прибаски». Веймарнъ, педантичный и до мелочности самолюбивый, принималъ далеко неблагосклонно жалобы, совѣты и указанія, которыми переполнены были рапорты С. Отношенія понемногу обострялись. Веймарнъ изыскивалъ предлоги для выговоровъ; С. горячностью и несдержанностью отвѣтовъ на запросы начальства еще болѣе осложнялъ положеніе. Онъ не останавливается даже передъ прямымъ выговоромъ Веймарну за неподходящій тонъ его ордеровъ: «Осмѣливаюсь просить, дабы меня по нѣкоторымъ ордерамъ вашимъ частыхъ суровыхъ выраженій избавить приказать изволили». Одновременно съ этимъ, С. начинаетъ усиленно хлопотать о переводѣ въ армію противъ турокъ. Первоначально хлопоты эти имѣли успѣхъ: въ сентябрѣ С. благодаритъ Веймарна за ходатайство, въ октябрѣ собирается уже выѣзжать. Но переводъ въ концѣ концовъ не состоялся, и С., вмѣсто боевыхъ подвиговъ, пришлось заняться устройствомъ карантиновъ, перекапываніемъ дорогъ на своемъ участкѣ и т. п., въ виду появленія въ тылу главной арміи заразительной болѣзни, въ родѣ чумы.

Съ наступленіемъ 1771 года дѣла на Польскомъ театрѣ приняли угрожающій оборотъ. Во главѣ конфедератовъ сталъ командированный французскимъ правительствомъ энергичный и талантливый полковникъ Дюмурье. Разрозненныя, безпорядочныя дѣйствія польскихъ партизановъ приняли подъ его руководствомъ планомѣрный характеръ. За Карпатами спѣшно формировались кадры будущей милиціонной арміи. Дюмурье разсчитывалъ, доведя армію эту до 60 тысячъ, сосредоточить ее въ укрѣпленномъ лагерѣ у Ланцкроны, захватить Краковъ, Ченстоховъ, Сандоміръ и Замостье и, опираясь на нихъ, развить рѣшительное наступленіе по обоимъ берегамъ Вислы. Партизанамъ указывалась особая самостоятельная задача: часть ихъ должна была броситься на сообщенія I арміи, часть—отвлечь вниманіе русскихъ къ Варшавѣ. Въ зависимости отъ того, что предпримутъ на это русскіе, Дюмурье готовилъ ударъ главными силами, своей милиціонной арміей: на сообщенія — если партизаны оттянутъ русскихъ къ Варшавѣ, на Варшаву—если главныя силы Веймарна отойдутъ на прикрытіе сообщеній. При такомъ планѣ, значеніе Люблинскаго раіона С. становилось рѣшающимъ. Успѣхъ всего предпріятія Дюмурье зависѣлъ отъ дѣйствій С.

Не зная ничего о замыслахъ противника, С. 3 февраля 1771 г. съ легкимъ деташементомъ, сформированнымъ въ концѣ ян-

варя, выступилъ изъ Красника къ Сандомiру, въ окрестностяхъ котораго появилась партiя Мiончинскаго. Не заставъ конфедератовъ, онъ быстро перешелъ къ Тарнову и Величкѣ, разсѣялъ захваченныя тамъ банды и по слѣдамъ бѣглецовъ двинулся въ горы, къ Ланцкронѣ. Усиливъ по дорогѣ свой отрядъ ротой Казанцевъ и 50 казаками изъ Краковскаго гарнизона, С. 1 февраля безъ боя занялъ мѣстечко Ланцкрону и въ часъ дня стремительно атаковалъ замокъ. Но «возмутительское въ горахъ гнѣздо», въ виду той роли, которая отведена была ему въ планѣ Дюмурье, было къ этому времени уже подготовлено къ оборонѣ и занято 300 человѣкъ, подъ командой французскихъ офицеровъ. С. встрѣтилъ жестокiй отпоръ. Овладѣвшая уже наружными укрѣпленiями и выбившая ворота замка русская пѣхота подъ градомъ картечи вынуждена была отступить. С. двинулъ вторую колонну, ввелъ въ дѣло часть резерва, но и ихъ атаки были отбиты. Потери доходили до 250 чел., подъ С. ранена лошадь, самъ онъ получилъ царапину. Съ русской стороны выпущено было до 60 пушечныхъ, до $3^1/_2$ тысячъ ружейныхъ зарядовъ. Тѣмъ временемъ въ тылу С. появилась подоспѣвшая банда Мiончинскаго. С. прекратилъ атаки и отступилъ, преслѣдуемый Мiончинскимъ. Повторить попытку овладѣть Ланцкроной С. не удалось: польскiе партизаны приступили къ выполненiю плана Дюмурье: на сообщенiяхъ С. появились Заремба, Пулавскiй и Савва, вынудивъ его «спѣшно обратиться къ сторонѣ Сандомiрской, для закрытiя Люблина». Отбиваясь отъ насѣдавшихъ партiй Мiончинскаго и Шица, С. вышелъ на равнину, къ Величкѣ, откуда 12 февраля вызванъ былъ къ Кракову извѣстiемъ о приближенiи соединенныхъ отрядовъ Пулавскаго и Саввы. Но вскорѣ выяснилось, что оба конфедерата, соединившись дѣйствительно подъ Опатовымъ, вмѣсто Кракова потянулись къ Рахову, видимо намѣреваясь атаковать Красникъ, а затѣмъ Люблинъ. Оставивъ въ Краковѣ раненыхъ и больныхъ, С. двинулъ свой легкiй деташементъ въ погоню форсированными маршами и въ ночь съ 17 на 18 февраля захватилъ врасплохъ въ Раховѣ партiю Саввы, послѣ короткаго уличнаго боя разсѣялъ ее и взялъ весь обозъ и до 100 плѣнныхъ. Изъ Рахова, посадивъ для скорости Суздальцевъ наконь, С. поспѣшилъ къ Краснику, гдѣ въ это время отбивалъ атаки Пулавскаго капитанъ Панкратьевъ «съ сотней людей и своей храбростью». Къ 9 часамъ утра 18-го С. былъ у Красника, но поляковъ уже не засталъ: послѣ 9-часового штурма они отошли еще до подхода выручки. С. не преслѣдовалъ: обозъ и плѣнные сильно обременяли отрядъ. «Было уже не до атаки,—пишетъ С.,—а только бы плѣнныхъ съ рукъ сжить». Онъ отвелъ ихъ въ Люблинъ.

Воспользовавшись отвлеченiемъ С. отъ Кракова, Дюмурье перевелъ формировавшiеся въ Венгрiи отряды черезъ границу и съ одного удара очистилъ отъ русскихъ правый берегъ верхней Вислы. 18 апрѣля онъ захватилъ Краковъ и ближайшiя окрестности; немедленно приступлено къ устройству намѣченныхъ опорныхъ пунктовъ: усилены укрѣпленiя Ланцкроны, укрѣпленъ Освѣцимъ, Кременлуцкая гора въ Краковѣ, занятъ монастырь Тынецъ, Вадовищъ и Бобровъ; укрѣплены и заняты Пулавскимъ копи у Бохнiи и Велички. Оцѣнивъ опасность, Веймарнъ двинулъ къ Кракову С., подчинивъ ему спѣшившiй туда же отрядъ Древица. Выступивъ изъ Люблина съ 3 ротами, егерской командой, 30 казаками и 5 орудiями, С. 4 мая у Вржавы переправился на паромахъ въ Галицiю и, слѣдуя берегомъ Вислы, черезъ Диковъ и Барановъ 5 мая прибылъ въ Мѣлецъ. Здѣсь къ нему присоединились отряды Лемана, Морского и Шепелева, доведя силы его до 1.270 человѣкъ. 7 мая, перейдя въ бродъ Вислу, С. черезъ Домбровъ вышелъ къ Дунайцу, форсировалъ переправу, оборонявшуюся Ляссоцкимъ, маршаломъ Циркскимъ, съ 500 чел., и, выславъ въ погоню за отходившими конфедератами секундъ-маiора Рылѣева съ 2 эскадронами карабинеръ и казаковъ,—сталъ на ночлегъ близъ д. Бискупицы. На слѣдующiй день онъ былъ въ Бохнiи. Отсюда выступивъ въ полночь, перешелъ въ бродъ р. Рабу и, выбивъ по дорогѣ изъ деревень Станюшки и Брезово польскую партiю въ 300 коней, послѣ 15-часового марша вступилъ въ Краковъ.

Дюмурье былъ захваченъ врасплохъ неожиданнымъ появленiемъ сильнаго русскаго отряда. Его силамъ, разбросаннымъ по окрестнымъ деревнямъ, грозилъ полный

разгромъ; сосредоточить ихъ до удара С. не представлялось возможнымъ. Выручилъ конфедератъ Валевскій, партія котораго была одной изъ лучшихъ по дисциплинѣ и организованности. Онъ принялъ С. на себя и прекраснымъ маневромъ оттянулъ его на монастырь Тынецъ.

Тынецъ былъ крѣпокъ. Прикрытый съ одной стороны Вислой, онъ былъ окруженъ съ трехъ остальныхъ—стѣною и рвомъ. Съ запада и съ юга къ нему прилегали болота съ гатями, обстрѣливаемыми съ редутовъ. На горѣ, къ востоку отъ монастыря, отдѣленный отъ него кладбищемъ, стоялъ редутъ съ палисадомъ изъ колючаго терновника, за тройнымъ рядомъ волчьихъ ямъ.

Подойдя къ монастырю, С. развернулъ свой отрядъ къ югу отъ него, тыломъ къ д. Тынецъ, въ одну линію, прикрывая казаками фланги, и на разсвѣтѣ двинулся на штурмъ. Послѣ горячаго боя восточный редутъ, дважды переходившій изъ рукъ въ руки, остался за русскими; занято было кладбище, и С. приступилъ уже къ артиллерійской подготовкѣ штурма самаго монастыря, когда со стороны Ланцкроны показалось «нѣсколько великихъ кучъ возмутительской конницы»: Валевскій сдѣлалъ свое дѣло,—Дюмурье успѣлъ сосредоточить свои разбросанные отряды.

Подъ угрозой атаки въ тылъ С. пришлось очистить редутъ, немедленно вновь занятый поляками, и подъ огнемъ съ высоты двинуться противъ новаго противника. Но тотъ быстро перешелъ въ отступленіе, заманивая С. отъ Тынца, на штурмѣ котораго легло до 200 русскихъ, къ Ланцкронѣ, гдѣ на сильной позиціи его ждалъ Дюмурье со всѣми наличными силами (до 3.500 чел.).

Поляки стояли на гребнѣ высотъ, скаты которыхъ поросли густымъ кустарникомъ. Лѣвый флангъ позиціи упирался въ Ланцкрону, замокъ которой, командовавшій надъ городомъ, занятъ было 600 чел. при 30 орудіяхъ. Центръ и правый флангъ, совершенно недоступный по крутизнѣ скатовъ, прикрывались двумя рощами, занятыми 200 егерей при 2 орудіяхъ.

С. подошелъ къ Ланцкронѣ 10 мая, имѣя въ строю до 3.500 человѣкъ. Бой завязался на лѣвомъ русскомъ флангѣ, гдѣ польская конница—до 1.000 человѣкъ, была атакована эскадронами Петербургскаго полка. Въ то же время, собравъ на правомъ флангѣ всѣхъ казаковъ отряда, С. двинулъ ихъ въ атаку на центръ непріятельской позиціи; за ними пошелъ Древицъ съ карабинерами; за карабинерами пѣхота. Не зная казаковъ и не зная своихъ польскихъ войскъ, ихъ впечатлительности, склонности къ паникѣ, на которой строилъ С. расчетъ своего рискованнаго удара, Дюмурье не придалъ значенія появленію нѣсколькихъ сотенъ въ разсыпномъ строю: егерямъ было приказано пропустить на высоты «шедшихъ на вѣрную гибель» казаковъ, артиллеріи замка—не стрѣлять, пока они не достигнутъ гребня. Но казаки, безпрепятственно поднявшись на высоты, мгновенно свернулись въ лаву и съ гикомъ ударили въ пики. Неожиданная атака вызвала панику въ польскихъ рядахъ: войска Сапѣги и Оржевскаго смѣшались и безъ выстрѣла дали тылъ. Пытавшійся остановить бѣглецовъ Сапѣга былъ убитъ своими же солдатами. Дюмурье тщетно пытался возстановить бой—паника росла; двинутые въ контратаку гусары Шица повернули коней до удара. Между тѣмъ подоспѣла русская пѣхота, выбившая изъ рощъ французскихъ егерей. Послѣдняя отчаянная атата Міончинскаго разбилась о ея штыки: самъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Все бросилось вразсыпную... Только Дюмурье съ французскимъ эскадрономъ и люди Валевскаго отошли на Сушу въ полномъ порядкѣ.

Ланцкронское дѣло продолжалось всего полчаса. Потери конфедератовъ доходили до 500 челов. Преслѣдованіе велось не особенно энергично, тѣмъ болѣе, что производить его приходилось подъ огнемъ заговорившей, наконецъ, артиллеріи замка: побѣдители начинали нести потери, которыхъ почти не было при самой атакѣ вслѣдствіе ея быстроты и неожиданности.

Пораженіе подъ Ланцкроной заставило Дюмурье отказаться отъ мысли осуществить свой столь искусно задуманный планъ, тѣмъ болѣе, что отношенія поляковъ къ нему, и до того непріязненныя, послѣ неудачи 10 мая стали явно враждебными. Онъ вернулся во Францію. Дѣйствія конфедератовъ приняли прежній характеръ — непланомѣрной партизанской борьбы.

Значеніе этой побѣды было оцѣнено

Императрицей: С. пожалованъ за Ланцкрону орденъ св. Георгія 3-го класса.

С. тотчасъ послѣ побѣды вернулся въ Мысленице, откуда 13 мая перешелъ въ Величку. Здѣсь получено имъ донесеніе, что партіи Пулавскаго, Карчевскаго, Радзиминскаго и Славушевскаго, соединившись, идутъ на Литву. Форсированными маршами С. бросился за ними въ погоню и подъ Мѣлецомъ настигъ и разсѣялъ отрядъ въ 150—200 коней, принятый имъ за арьергадъ Пулавскаго. Но уже 17 мая, на дальнѣйшемъ маршѣ въ Майданѣ, выяснилось, что Пулавскій увернулся и два дня тому назадъ ушелъ за Вислоку между Дембицей и Пильзной. Твердо рѣшивъ покончить съ Пулавскимъ, С. на слѣдующій день возобновилъ погоню на Развадовъ-Яновъ, гдѣ удалось установить, что конфедераты подъ Замостьемъ. Выступивъ въ ту же ночь, С. къ утру былъ уже подъ крѣпостью, которой дѣйствительно попытался съ налета овладѣть Пулавскій: но и на этотъ разъ польскому партизану удалось во-время отойти, къ Старому Замостью, разобравъ за собой мосты на болотѣ и тѣмъ остановивъ преслѣдованіе. С. успѣлъ захватить въ форштатѣ только партію Карчевскаго, которая и была имъ уничтожена. Въ Замостьѣ С. пришлось дать краткій роздыхъ до крайности утомленнымъ войскамъ. Въ ночь на 23-е онъ двинулся дальше, по слѣду Пулавского—на Бѣлгорай, и 25 мая дошелъ до Колбушева. Но слѣдъ оказался ложнымъ: его прокладывала спеціально отряженная для этого партія; самъ же Пулавскій съ главными силами, потерявъ надежду прорваться на Литву, обошелъ въ то время фланговымъ движеніемъ С. и, выйдя на прежнюю дорогу, черезъ Дунаецъ вернулся къ Ланцкронѣ. С. не отрицалъ, что Пулавскій обманулъ его: онъ очень хвалилъ его искусство и даже послалъ ему на память небольшую фарфоровую табакерку.

Упустивъ Пулавскаго, С. занялъ выжидательное положеніе, перейдя въ Мѣлецъ, на полдорогѣ отъ Кракова къ Люблину. Наступило временное затишье. С. воспользовался имъ для отправки многочисленныхъ плѣнныхъ изъ Кракова въ Россію, лично проводивъ съ отрядомъ транспортъ до Чхова. Въ первыхъ числахъ іюля вѣсть о движеніи Шица къ Замостью заставила С. форсированными маршами, очень тяжелыми, въ виду трудности дорогъ, поспѣшить къ Люблину, куда онъ прибылъ въ 11 ч. ночи 7-го, сдѣлавъ въ 6 сутокъ 280 верстъ. Но опасность уже миновала: Шицъ былъ разбитъ еще до переправы черезъ Санъ.

Разгромъ Дюмурье, неудачи Пулавскаго, безсиліе партизановъ передъ стальной сѣтью охранительныхъ постовъ Люблинскаго раіона, сковывавшей ихъ дѣятельность, быстро вели къ концу безповоротно уже проигранное дѣло конфедераціи. Единственной надеждой ея былъ теперь Огинскій, великій гетманъ Литовскій. Въ его рукахъ была послѣдняя нетронутая сила—литовское коронное войско и его собственные полки, собранные имъ у Телеханъ. Нерѣшительный, колеблющійся, онъ до сихъ поръ оставался только сочувствующимъ зрителемъ борьбы съ русскими. Его выступленіе, при той популярности, которой пользовался онъ въ странѣ, должно было создать новый подъемъ, призвать новыхъ бойцовъ въ порѣдѣвшіе ряды конфедератовъ.

Надежды конфедератовъ были извѣстны русскому правительству. Сальдернъ, смѣнившій Волконскаго на посту русскаго посланника въ Варшавѣ, рѣшилъ не затягивать долѣе неизбѣжной развязки и потребовалъ отъ Огинскаго категорическаго отвѣта: противъ кого готовитъ онъ войска. Запросъ Сальдерна положилъ предѣлъ колебаніямъ гетмана: онъ отвѣтилъ подписаніемъ въ Нинскѣ акта о присоединеніи къ конфедераціи и внезапнымъ нападеніемъ на отрядъ въ 500 чел. полковника Албычева у Бездеша.

С. еще 23 іюля былъ предписанъ Вейнарномъ рядъ мѣръ по наблюденію за Огинскимъ; въ случаѣ перехода гетмана къ конфедератамъ, ему приказано было оставаться у Люблина и ждать дальнѣйшихъ указаній. Но когда (1 сентября) С. узналъ объ уничтоженіи отряда Албычева и о выступленіи Огинскаго къ Бресту, онъ счелъ невозможнымъ выжидать: гетмана было необходимо разбить раньше, чѣмъ успѣетъ разнестись вѣсть о его присоединеніи. Онъ выступилъ изъ Люблина въ тотъ же день и черезъ Коцкъ, Межирѣчье, Бѣлу, притягивая по пути части гарнизоновъ своихъ охранительныхъ постовъ,—5 сентября въ 4 ч. утра прибылъ

въ Брестъ. На маршѣ и въ Брестѣ С. получилъ нѣсколько ордеровъ Веймарна съ предписаніемъ оставаться въ Люблинѣ и изложеніемъ принятаго Веймарномъ плана дѣйствій противъ Огинскаго. Но это не поколебало принятаго С. рѣшенія. Изъ Бреста онъ донесъ своему начальнику, что «во исполненіе ордера», такъ какъ «стремленія Огинскаго къ Варшавѣ и сторонѣ Люблина не слышно»,—будетъ стараться, «упреждая всѣ намѣренія и покушенія его, уничтожить,—сносясь съ Древицемъ и другими отрядными начальниками, чтобы ему, Суворову, обо всемъ сообщали и приказанія его исполняли». Не только не исполнивъ, такимъ образомъ, приказа Веймарна, но самовольно принявъ начальство надъ высланными противъ Огинскаго отрядами, С. поспѣшилъ къ Телиханамъ, гдѣ, по слухамъ, еще находился Огинскій. Отъ Косова, по новымъ свѣдѣніямъ, свернулъ на Несвижъ, но на пути къ Погорѣльцамъ получивъ вполнѣ достовѣрное извѣстіе, что гетманъ у Столовичъ, немедленно повернулъ назадъ, послалъ Дирингу въ Свержень и Хвабулову въ Слуцкъ приказы спѣшить къ нему на соединеніе, а самъ позднимъ уже вечеромъ (12-го) двинулся къ Столовичамъ.

Темной ночью русскіе подошли къ мѣстечку. На пути захваченъ былъ непріятельскій уланскій разъѣздъ, давшій свѣдѣнія о расположеніи поляковъ и указавшій дорогу. «Хотя въ оной темнотѣ черезъ многія и узкія дефиле разныя препятствовали неудобства»,—отрядъ къ 2-мъ часамъ ночи вышелъ къ Столовичамъ и, пройдя Сачивки, развернулся въ боевой порядокъ для перехода широкимъ фронтомъ болотистаго пространства, отдѣлявшаго его отъ мѣстечка. Несмотря на всѣ предосторожности, приближеніе русскихъ было обнаружено, и при началѣ переправы черезъ дурной и тѣсный переходъ по болоту, подъ самымъ мѣстечкомъ, въ форштатѣ, они были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. «Но неустрашимой храбрости россійскихъ солдатъ сильная непріятельская стрѣльба къ удержанію препятствіемъ служить не могла»: прямой дорогой черезъ дефиле двинуты были двѣ роты и егерская команда, отбросившія противника отъ выхода изъ дефиле и загнавшія его въ дома. Слѣдомъ за ними ворвался въ мѣстечко маіоръ Рылѣевъ съ кавалеріей, смялъ строившихся на площади поляковъ и захватилъ стоявшія тамъ пушки. Послѣ часового упорнаго боя выбиты изъ домовъ засѣвшіе тамъ литовскіе янычары, и въ 4-мъ часу утра С. выѣхалъ въ очищенное почти отъ непріятеля мѣстечко. При этомъ онъ одва не былъ застрѣленъ янычаромъ, котораго въ утренней полутьмѣ принялъ за своего и окликнулъ.

Столовичи были заняты только частью войскъ Огинскаго. Остальныя же силы его стояли за западной окраиной мѣстечка, на такъ называемыхъ моргахъ, въ полѣ. Къ нимъ примкнула часть выбитыхъ изъ Столовичъ конфедератовъ—числомъ до 500 коней; остальные разсыпались, увлекая въ своемъ бѣгствѣ самого Огинскаго. Не давая противнику опомниться, С. вывелъ своихъ изъ мѣстечка и двинулся на поспѣшно строившихся въ полѣ литовцевъ. Подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ, который, по разсчету С., долженъ былъ оказать сильное впечатлѣніе на молодыя, необстрѣленныя войска Огинскаго, онъ перешелъ въ наступленіе всѣмъ фронтомъ. Послѣ упорнаго боя литовцы отошли на Цюкантовичи-Молчадь, преслѣдуемые горстью Суворовской конницы. Въ это время подоспѣлъ послѣдній резервъ Огинскаго, коронные уланы Бѣляка, стоявшіе въ 4 верстахъ отъ Столовичъ. Внезапный ударъ этого свѣжаго тысячнаго отряда смялъ на мгновеніе слабую русскую кавалерію, но оправившись отъ неожиданности, она опрокинула Бѣляка, спѣшно очистившаго поле сраженія. Потери конфедератовъ доходили до 500 чел.; въ плѣнъ взято 18 офицеровъ, 273 нижнихъ чина; захваченъ весь обозъ, 10 мѣдныхъ пушекъ, знамена, гетманскій бунчукъ и булава, канцелярія. Съ нашей стороны убитыхъ было весьма мало, но ранены почти всѣ старшіе офицеры и 78 нижнихъ чиновъ.

С. не довершилъ разгрома силъ Огинскаго. Справедливо полагая, что опасность миновала и дальнѣйшее уничтоженіе литовскихъ мятежниковъ не составитъ затрудненій, онъ предоставилъ эту задачу другимъ, а самъ немедленно повернулъ назадъ, въ Люблинъ. Весьма вѣроятно, что при движеніи своемъ, стремясь по возможности увеличить свои силы, онъ «опорожнилъ посты» и теперь спѣшилъ вновь занять ихъ, на случай какихъ-либо

осложненій въ раіонѣ и во избѣжаніе нареканій и безъ того недовольнаго имъ Веймарна. На пути, въ Пинскѣ, онъ захватилъ въ плѣнъ штабъ и свиту Огинскаго и, «приведя всѣхъ въ покорность и склонивъ литовцевъ къ соблюденію спокойствія, тишины и сложенія оружія», черезъ Антополь—Бѣлу вернулся въ Люблинъ. «Самовольный» поискъ С., произведенный совершенно въ духѣ великополководческой стратегіи, навлекъ на него сильнѣйшее неудовольствіе Веймарна. Но несмотря на это, С. въ декабрѣ 1771 г. былъ пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

Начало 1772 года ознаменовалось послѣдней вспышкой угасавшаго польскаго возстанія. Смѣнившій Дюмурье французскій генералъ баронъ де-Віомениль сдѣлалъ попытку вновь оживить операціи. На этотъ разъ С. былъ захваченъ врасплохъ; считая кампанію конченной, онъ не принялъ своевременно мѣръ къ отраженію грозившаго его участку удара. Онъ не обратилъ особаго вниманія на занятіе м. Тынца сильнымъ польскимъ отрядомъ, подъ командой французскаго полковника Шуази, и не придалъ значенія доносу о готовящемся на Краковъ покушеніи, хотя зналъ, что комендантъ Кракова Штакельбергъ «обремененъ ксендзами и бабами» и потому служба въ гарнизонѣ ведется до крайности распущено. Въ ночь на 22 января Шуази врасплохъ захватилъ краковскій замокъ и къ 24-му довелъ гарнизонъ его до 1.000 человѣкъ. Къ этому дню подоспѣлъ изъ Пинчова С., притянувъ по пути Браницкаго съ 5 коронными польскими кавалерійскими полками. Занявъ городъ, С. приступилъ къ осадѣ краковскаго замка, отрядивъ Браницкаго на противоположный берегъ Вислы для наблюденія и прикрытія осады отъ партизанскихъ налетовъ.

Осада затянулась. У С. не было осадной артиллеріи, а безъ артиллерійской подготовки и пробитія брешей штурмъ крѣпкаго верками и положеніемъ замка представлялся невозможнымъ. С. приказалъ втащить нѣсколько орудій въ верхніе этажи наиболѣе высокихъ домовъ въ городѣ и открылъ изъ нихъ бомбардировку; подъ замокъ подведены были двѣ минныя галлереи. Но дѣло подвигалось медленно. Шайки конфедератовъ, бродившія вокругъ Кракова, безпрестанно тревожили русскія войска; приходилось высылать противъ нихъ особые отряды. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ поисковъ участвовалъ и С., причемъ въ одномъ изъ нихъ, въ дѣлѣ съ бандой Косаковскаго, онъ едва не былъ убитъ конфедератскимъ офицеромъ.

Утомленный бездѣйствіемъ послѣ 3-недѣльнаго стоянія подъ стѣнами замка, С. рѣшился на штурмъ. Попытавшись рядомъ ложныхъ атакъ усыпить бдительность гарнизона, въ 2 ч. ночи 18 февраля онъ двинулъ свои войска на приступъ, но послѣ 4-часового жаркаго боя былъ отбитъ съ большими потерями. Послѣ этой неудачи С. отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ овладѣть замкомъ и перешелъ къ строгой блокадѣ. Въ началѣ апрѣля прибыла осадная артиллерія; скрытно построенная батарея обрушила часть стѣны у воротъ и пробила бреши. С. завязалъ переговоры: теперь, когда паденіе замка было неизбѣжно, онъ искалъ легчайшаго способа овладѣнія имъ и хотѣлъ избѣжать безцѣльныхъ при данной обстановкѣ потерь, связанныхъ со штурмомъ. Понимая безвыходность положенія, гарнизонъ сдался 12 апрѣля на капитуляцію.

За взятіе Кракова С. было пожаловано 1.000 червоныхъ.

Въ силу состоявшагося между Австріей и Россіей соглашенія, въ занятый С. раіонъ вступили австрійскія войска, съ цѣлью обезпечить за Австріей области, которыя она предполагала присоединить при предстоящемъ раздѣлѣ Польши. Задача С. усложнилась. Ему было предписано Бибиковымъ, смѣнившимъ въ началѣ 1772 г. Веймарна, «ненарушимо соблюдать союзъ съ австрійцами, но не уступать имъ ни пяди земли». С. не былъ дипломатомъ: подобная задача казалась ему не разрѣшимой. Онъ попытался удержать за собой свой раіонъ, раскинувъ по нему сѣть русскихъ командъ. Но австрійцы «съ отмѣнной вѣжливостью» прорвали эту сѣть, захватили Ланцкрону и попытались оттѣснить русскихъ отъ Тынца, къ штурму котораго готовился С. Не желая уступать австрійцамъ и въ то же время стремясь «соблюсти союзъ», С. поспѣшилъ заключить капитуляцію съ гарнизономъ Тынца; она была гарантирована австрійскимъ генераломъ д'Альтономъ. Но Бибиковъ не утвердилъ капитуляціи. С. возобновилъ

осаду. Д'Альтонъ протестовалъ, ссылаясь на то, что капитуляція имъ гарантирована. Когда же протестъ его былъ оставленъ С. безо всякаго вниманія, онъ провелъ по частямъ въ Тынецъ, съ согласія гарнизона, небольшой австрійскій отрядъ и предложилъ С. снять осаду «въ виду состоявшейся передачи крѣпости австрійцамъ». Но на этотъ разъ С. твердо рѣшилъ не уступать. Онъ отказался «повѣрить» сообщенію д'Альтона, захватилъ въ плѣнъ посланный на усиленіе гарнизона Тынца слабый австрійскій отрядъ, не пропустилъ въ Тынецъ продовольственнаго транспорта и усилилъ бомбардировку. Дѣло едва не дошло до крупнаго столкновенія. Инцидентъ этотъ удалось замять только съ большимъ трудомъ. С. усиленно просилъ Бибикова, съ которымъ у него установились добрыя отношенія, освободить его отъ совершенно непосильной ему задачи: «Я человѣкъ добрый, отпору дать не умѣю... что у тебя, батюшка, сталъ за политикъ? Пожалуй, пришли другого; чортъ ли съ ними сговоритъ».

Договоръ о раздѣлѣ Польши положилъ конецъ затрудненіямъ С. Въ октябрѣ онъ выступилъ съ войсками въ обратный походъ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ былъ прикомандированъ къ петербургской дивизіи.

Въ Петербургѣ С. отдыхалъ недолго. Уже въ февралѣ 1773 г. поручено было ему, въ виду ожидаемой войны со Швеціей, произвести скрытную рекогносцировку шведской границы въ Финляндіи. По возвращеніи изъ этой командировки, ему не безъ труда, но удалось добиться назначенія въ 1 армію, на турецкій театръ, куда онъ стремился уже два года. Назначеніе состоялось въ апрѣлѣ. Черезъ 4 дня послѣ приказа С. былъ уже въ пути и, слѣдуя черезъ Ясы, въ первыхъ числахъ мая нагналъ на маршѣ дивизію ген.-поруч. гр. Салтыкова, въ которой ему предстояло служить. Салтыковъ поручилъ ему командованіе отрядомъ, стоявшимъ подъ Негоештскимъ монастыремъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ его расположенія.

Уже съ половины февраля, по настоянiямъ Екатерины, наши военныя дѣйствія должны были перенестись за Дунай. Но неясность обстановки, малочисленность арміи заставляли Румянцева медлить рѣшительнымъ наступленіемъ; онъ ограничивался сборомъ свѣдѣній о противникѣ на правомъ берегу и развитіемъ системы мелкихъ дѣйствій для облегченія предстоящей переправы и сохраненія за собой иниціативы. Назначеніе С. въ Негоешти безусловно стояло въ связи съ предстоявшимъ отряду труднѣйшимъ поискомъ на расположенный противъ Негоешти, на томъ берегу Дуная, Туртукай. Ударъ въ этомъ направленіи долженъ былъ отвлечь вниманіе турокъ отъ дѣйствій Вейсмана, шедшаго въ Гуробаламъ, и уничтоженіемъ укрѣпленнаго пункта почти въ центрѣ оборонительной турецкой линіи по Дунаю серьезно обезпокоить турокъ. Къ организаціи этого поиска С. приступилъ немедленно по прибытіи.

Личная рекогносцировка и свѣдѣнія, полученныя отъ казаковъ, занимавшихъ форпосты по Дунаю, убѣдили С., что вся тяжесть предстоящаго боя ляжетъ на пѣхоту. Между тѣмъ, въ отрядѣ его «пѣхоты было пополамъ», и за выдѣленіемъ охраненія и гребцовъ на суда—для активныхъ дѣйствій оставалось не свыше 500 человѣкъ. Этого очевидно было недостаточно для взятія трехъ турецкихъ лагерей, занятыхъ 4-тысячнымъ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія, обороняемыхъ 4 прикрытыми брустверами батареями; тѣмъ болѣе, что наступать приходилось по мѣстности сильно пересѣченной и мало извѣстной, такъ какъ подробной рекогносцировки произведено не было. С. безуспѣшно хлопоталъ объ усиленіи пѣхоты отряда. Отъ Салтыкова, съ которымъ у него сразу установились непріязненныя отношенія, удалось добиться только присылки 3 эскадроновъ ненужныхъ С. карабинеръ; занимавшій сосѣдній участокъ генералъ П. Потемкинъ, еще 1 апрѣля перешедшій изъ Слободзеи въ Ликорешти, былъ крайне озабоченъ возможностью прорыва турокъ изъ Силистріи на Слободзею, и на поддержку съ его стороны разсчитывать не приходилось. Предоставленный такимъ образомъ собственнымъ силамъ, С. рѣшилъ возмѣстить слабость ихъ внезапностью удара и не откладывать поиска. 8 мая, по прибытіи кн. Мещерскаго съ присланными отъ Салтыкова эскадронами, С. выступилъ къ Ольтеницѣ, куда приведена была и стоявшая на р. Аргисѣ рѣчная флотилія. С. считалъ нецѣлесообразнымъ выводить

десантъ изъ устья Аргиса, обстрѣливаемаго съ многочисленной турецкой флотиліи и береговыхъ батарей. Онъ предполагалъ произвести посадку на самомъ берегу Дуная, куда отъ Ольтеницы суда должны были быть перевезены на собранныхъ для этой цѣли обывательскихъ подводахъ.

Между тѣмъ, демонстраціи Салтыкова подъ Рущукомъ привели турокъ къ мысли, что Негоешти занято слабо, и, руководствуясь очевидно тѣми же соображеніями, въ силу которыхъ назначенъ былъ поискъ на Туртукай, съ турецкой стороны рѣшенъ былъ налетъ на Негоешти. И въ то самое время, когда С. шелъ уже отъ Негоешти, въ устьѣ Аргиса высадился турецкій отрядъ, силой въ 600 коней и 300 чел. пѣхоты, сбилъ казачьи пикеты и стремительно двинулся по направленію къ Ольтеницѣ. Узнавъ о высадкѣ, С. остановилъ свой маршъ. Немедленно высланные впередъ карабинеры и казаки захватили турокъ еще на подъемѣ на высоты, сбили ихъ атакой во фронтъ и правый флангъ и гнали до самаго берега. Пользуясь тревогой, С. произвелъ весьма удачную рекогносцировку.

Но, несмотря на удачный исходъ, дѣло 9 мая значительно затрудняло успѣхъ предстоящаго поиска. Движеніе С. было обнаружено, его намѣренія — раскрыты. Трудно было разсчитывать захватить турокъ врасплохъ. С. рѣшилъ потому атаковать въ ту же ночь, справедливо полагая, что столь скораго нападенія турки не ждутъ.

Туртукайскій поискъ являлся для С. «первоучкой». Этимъ объясняется, почему диспозиція этого поиска занимаетъ совершенно исключительное мѣсто въ ряду остальныхъ сохранившихся диспозицій С., по сложности плана и обилію введенныхъ въ нее подробностей. Но, несмотря на эти недочеты, въ ней уже ярко сказался военный геній С.: туртукайскій поискъ и по сіе время можетъ служить образцомъ форсированной наступательной переправы.

Вечеромъ С. объѣхалъ съ Мещерскимъ, котораго онъ оставлялъ съ конницей и частью пѣхоты на лѣвомъ берегу, линію его расположенія, лично установилъ 4 пушки выше пункта посадки и далъ послѣднія инструкціи. Войска двинулись къ Дунаю двумя колоннами: въ головѣ ихъ были пущены собранныя у Ольтеницы подводы, чтобы поднятой ими пылью закрыть движеніе войскъ. Флотилія же вышла прямо изъ устья Аргиса, такъ какъ турки совершенно неожиданно увели отъ него свое сторожевое судно, открывъ этимъ свободный и безопасный выходъ въ Дунай. Съ наступленіемъ ночи, пѣхота десанта, въ 3 отдѣленіяхъ, разомъ отвалила отъ берега. Переправа совершилась благополучно, но на версту ниже намѣченнаго пункта, такъ какъ лодки сносило теченіемъ; турки обнаружили ее только въ тотъ моментъ, когда суда уже причаливали. Выйдя на берегъ подъ сильнымъ, но безвреднымъ огнемъ съ пикетовъ и береговой турецкой батареи, войска развернулись по диспозиціи и двинулись вверхъ по рѣкѣ двумя колоннами (Батурина и Мауринова), имѣя въ головѣ стрѣлковъ и въ резервѣ двѣ роты Рѣбока. Атака была ведена «съ храбростіею и фуріей россійскихъ войскъ», какъ предписывалъ первый пунктъ диспозиціи. Каре Батурина, при которомъ находился и самъ С., съ одного удара овладѣло 2 батареями и ближайшимъ лагеремъ. Во время этой атаки С. былъ сильно контуженъ осколками разорвавшейся около него пушки и въ бою за лагерь, въ рукопашной схваткѣ, едва не былъ заколотъ янычарами.

Наступавшая лѣвѣе колонна Мауринова ворвалась на штыкахъ во второй — «Пашинскій» лагерь, гдѣ встрѣтила отчаянное сопротивленіе. Стремясь возможно быстрѣе развить успѣхъ, С., не выжидая, пока освободится Мауриновъ, двинулъ резервъ Рѣбока на послѣдній оплотъ турокъ, 3-й лагерь за Туртукаемъ, а каре Батурина въ городъ: колонна Мауринова обратилась такимъ образомъ въ резервъ. 3-й лагерь и городъ захвачены были безъ труда; къ этому времени покончилъ съ Пашинскимъ лагеремъ и Мауриновъ, а на берегу появились переброшенные Мещерскимъ на оставшихся у него судахъ 150 охотниковъ изъ карабинеръ и 60 казаковъ. За ними слѣдомъ переправились демонстрировавшіе на островѣ противъ Туртукая казаки Кашперова. Прикрытіе стоявшихъ у берега турецкихъ судовъ было переколото, суда захвачены.

Начатая въ первомъ часу ночи атака къ четыремъ была уже закончена. Турки въ полномъ безпорядкѣ бѣжали по дорогѣ на Шумлу. Выславъ казаковъ въ разъѣздъ

С. вывелъ изъ Туртукая все христіанское населеніе его и выжегъ городъ до тла. Все бывшее въ городѣ отдано войскамъ въ добычу. Обратная переправа на лѣвый берегъ совершилась безпрепятственно, въ тотъ же день.

Потери наши, по реляціи, за весь поискъ ограничивались 26 убитыми, 42 ранеными. Турки потеряли до 1.500; плѣнныхъ не брали, по ожесточенности боя. Взято 80 судовъ, 16 пушекъ, 6 знаменъ. Моральное значеніе побѣды было огромно; но значенія стратегическаго она почти не имѣла, такъ какъ переправа главныхъ силъ, содѣйствовать которой имѣлось въ виду, состоялась только спустя мѣсяцъ.

Не зная общей обстановки, С. послѣ поиска отошелъ на Негоешти, гдѣ расположилъ регулярныя войска на отдыхъ и занялся приведеніемъ въ порядокъ артиллеріи, флотиліи и укрѣпленій, мѣстами обвалившихся и походившихъ, по выраженію С., на турецкій ретраншаментъ. Отъ партизанскихъ дѣйствій на правый берегъ, которыхъ требовали отъ него Салтыковъ и Потемкинъ, онъ упорно отказывался, находя ихъ возможными и полезными только ставъ твердой ногой на томъ берегу. О необходимости же прочнаго занятія его онъ представлялъ Салтыкову неоднократно, но безъ успѣха. Въ этомъ же смыслѣ составлено было имъ затребованное отъ него Салтыковымъ соображеніе — о прорывѣ коммуникаціи по Дунаю.

5 іюня С. получилъ непосредственно отъ Румянцева приказъ произвести вторичный поискъ на Туртукай, по возвращеніи С. на лѣвый берегъ вновь сильно занятый турками. С. былъ боленъ лихорадкой и только что наканунѣ послалъ просьбу объ отпускѣ въ Бухарестъ для леченія. Но получивъ ордеръ главнокомандующаго, онъ пересилилъ болѣзнь и остался. Принять лично командованіе отрядомъ онъ однако не могъ; лежа въ постели, продиктовалъ диспозицію, выполненіе которой пришлось передать старшему по немъ, полковнику кн. Мещерскому. Въ ночь съ 7 на 8 іюня войска построились въ колонны, назначенная для принятія десанта флотилія вошла въ Дунай. Но непріятель былъ предупрежденъ: на правомъ берегу виднѣлись толпы турокъ, выжидавшія переправу. При такихъ условіяхъ предпріятіе казалось слишкомъ рискованнымъ. Собранный Мещерскимъ военный совѣтъ постановилъ отложить поискъ.

Узнавъ о рѣшеніи совѣта, С. немедленно выѣхалъ въ Бухарестъ. Разгнѣванный поведеніемъ подчиненныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, видимо боясь, чтобы неудача эта не была поставлена ему въ вину, С. въ рядѣ писемъ къ Салтыкову старается доказать, что дѣло остановилось единственно по трусости начальниковъ. «Дѣло было въ полдѣла противъ прошлаго... Маневръ къ атакѣ былъ прекраснѣйшій... Г. Б. причина всему... Всѣ оробѣли, лица не тѣ... когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся!»

Но отмѣна поиска не возбудила неудовольствія главнокомандующаго. Переправа у Гуробалъ, для облегченія которой онъ былъ назначенъ, состоялась уже 7 іюня, и такимъ образомъ туртукайская демонстрація становилась безполезной. Поэтому 8 іюня Румянцевъ послалъ приказъ С., вмѣсто поиска на Туртукай, спуститься на судахъ въ Чоканештамъ, дабы отвлечь этимъ вниманіе гарнизона Силистріи отъ движенія корпусовъ Ступишина и Потемкина.

Но С. считалъ повтореніе поиска необходимымъ — въ видахъ военно-воспитательныхъ. «Дабы не подвергать себя фельдфебельствомъ своимъ до стыда, видѣть подъ собой нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы», онъ хотѣлъ во что бы то ни стало загладить побѣдой позоръ отказа отъ боя. Въ силу этого, хорошо сознавая стратегическую безполезность удара на Туртукай послѣ Гуробальской переправы, такъ какъ на Силистрійскую операцію по отдаленности онъ не могъ оказать вліянія, С., перемогая болѣзнь, дѣятельно готовился къ набѣгу. Онъ прибылъ въ Негоешти 14 іюня. Поискъ назначенъ былъ въ ночь съ 16-го на 17-е. Къ 16-му въ Ольтеницѣ уже собрались войска, усиленныя баталіономъ Апшеронцевъ и слабымъ Ингерманландскимъ карабинернымъ полкомъ; по распоряженію свыше, карабинерамъ были даны штыки, чтобы С. могъ пользоваться ими какъ пѣхотой, — мѣра, С. не одобренная. Составъ отряда опредѣлился въ 2.400 человѣкъ, изъ нихъ 1.500 пѣхоты.

Желая оттѣнить внутренній смыслъ предстоящаго поиска, С. объявилъ по войскамъ, что диспозиція для боя остается прежняя, отданная для отмѣненнаго поиска.

Въ дѣйствительности же многочисленныя измѣненія и дополненія, сдѣланныя имъ къ прежней диспозиціи, придали ей совершенно новый, самостоятельный характеръ.

Еще до наступленія ночи (съ 16-го на 17-е іюня) отвалила отъ берега первая линія судовъ, принявшая пѣхотныя каре Рѣбока, Батурина и Мелина. С., чувствовавшій себя настолько больнымъ, что его водили подъ руки, остался на лѣвомъ берегу, распредѣляя назначенныя для прикрытія переправы войска. Подъ прикрытіемъ огня нашей артиллеріи, первая линія войскъ высадилась безъ особыхъ затрудненій и потерь и во взводной колоннѣ поднялась на хребетъ, на которомъ должно было произойти развертываніе. Турки занимали на хребтѣ два лагеря: одинъ противъ устья Аргиса, другой западнѣе. Шедшій въ головѣ колонны Рѣбокъ, строго соблюдая Суворовское правило «голова хвоста не ждетъ», не дожидаясь прибытія второй линіи, переправа которой задержалась, — смѣлой атакой выбилъ турокъ изъ ближайшаго лагеря и ввязался въ бой за слѣдующій. Но шедшій за нимъ Батуринъ, «распоровши диспозицію», по выраженію С., не поддержалъ Рѣбока, положеніе котораго, подъ ударами превосходныхъ силъ противника, стало опасно. Рѣбокъ однако не только удержался, но послѣ 4-часовой рѣзни опрокинулъ турокъ, еще до подхода подкрѣпленій, спѣшно высланныхъ С., высадившимся съ войсками второй линіи.

Утвердившись на хребтѣ, С. выдвинулъ колонну Рѣбока, усиленную 3 ротами, впередъ ретраншамента, на лѣвый флангъ— противъ нижняго лагеря турокъ, разбитаго у самаго Дуная. Правый флангъ составили Батуринъ и Мелина. Во второй линіи стали резервный баталіонъ Фишера и спѣшенные карабинеры Мещерскаго. Влѣво, для очищенія лѣса, двинутъ былъ Кашперовъ съ казаками и арнаутами. Въ ожиданіи прибытія третьей линіи (Шемякина), С. произвелъ рекогносцировку. Турки, воспользовавшись пріостановкой наступленія русскихъ, успѣли двинуть часть своихъ силъ къ мѣсту переправы и атаковали Ингерманландскихъ карабинеръ и казаковъ, какъ только тѣ сошли съ судовъ третьей линіи. С. двинулся на выручку, но въ свою очередь былъ атакованъ толпами турокъ изъ лѣса. Но тѣмъ временемъ отрядъ Шемякина уже отбросилъ загородившаго ему путь непріятеля и вышелъ во флангъ и тылъ туркамъ, завязавшимъ бой съ С. Попавъ межъ двухъ огней, турки бросились въ свой нижній лагерь. Пользуясь смятеніемъ противника, С. двинулъ на лагерь, со стороны разрушеннаго Туртукая, казаковъ, а всѣ остальныя силы—на путь отступленія турокъ къ Рущуку. Это движеніе рѣшило дѣло. Боясь оказаться отрѣзанными, турки безъ боя бросили свой послѣдній лагерь и по окольнымъ дорогамъ стали уходить на Рущукъ. Кавалерія гнала ихъ на разстояніи 5 верстъ. Наши потери доходили до 200 чел., турецкія—до 800; взято 14 пушекъ, 35 судовъ, много запасовъ, полностью отданныхъ войскамъ.

Тотчасъ послѣ Туртукайскаго поиска С. пришлось со своимъ отрядомъ и флотиліей идти къ Журжеву на усиленіе Салтыкова. Экспедиція эта продолжалась недолго: уже 21 іюня С. вернулся къ устью Аргиса, подъ предлогомъ болѣзни, но въ сущности безпокоясь за свой раіонъ и за Бухарестъ. Съ того момента, какъ обозначилось наше отступленіе отъ Силистріи, ничто почти не препятствовало туркамъ ударомъ въ этомъ направленіи разрѣзать русскую армію на двѣ части. С. понималъ это ясно: «Негоешти закрываетъ Бухарестъ и Обилешти... дурно такъ пускать». Не выжидая приказаній, С. озаботился прикрытіемъ опаснаго мѣста: онъ отправилъ Ингерманландскихъ карабинеръ, легкій баталіонъ Мелина и часть арнаутовъ въ Обилешти, а съ остальными войсками сталъ у Ольтеницы; въ устьѣ Аргиса оставленъ былъ Кашперовъ.

9 іюля, при новомъ расписаніи полковъ по отрядамъ, С. былъ переведенъ въ резервный корпусъ, къ Потемкину. Перемѣщеніе это обезпокоило С., увидѣвшаго въ немъ знакъ немилости главнокомандующаго. Но опасенія С. были разсѣяны послѣдовавшимъ черезъ нѣсколько дней назначеніемъ его въ Гирсово—важнѣйшій и притомъ единственный на правомъ берегу Дуная опорный пунктъ. Отъѣздъ С. къ новому мѣсту назначенія былъ отсроченъ неудачнымъ паденіемъ его на лѣстницѣ Негоештскаго монастыря: около 2 недѣль пришлось провести въ постели. Прибывъ въ Гирсово въ послѣднихъ числахъ іюля, С. немедленно приступилъ къ исправленію крѣпостныхъ верковъ и устройству новыхъ укрѣпленій.

Вскорѣ обнаружились попытки турокъ

перейти въ наступленіе. Ожидая удара, С., на основаніи данныхъ ему полномочій, притянулъ къ себѣ бригаду Милорадовича, стоявшую при устьѣ р. Яломницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь, чтобы турки не прервали его сообщеній съ дѣйствовавшимъ на Бабадагѣ ген.-поруч. Унгерномъ и не попытались разбить по частямъ разъединенные такимъ образомъ отряды праваго берега, С. просилъ разрѣшенія Румянцева устранить эту опасность встрѣчнымъ ударомъ соединенныхъ силъ его, С., и Унгерна—на Карасу. Но Румянцевъ, не вѣрившій въ возможность энергичныхъ дѣйствій со стороны турокъ, нашелъ планъ С. не соотвѣтствующимъ обстановкѣ. Предположеніе С. не замедлило однако оправдаться. Въ ночь на 3 сентября, въ 20 верстахъ отъ Гирсова, на Карасуйской дорогѣ обнаруженъ былъ турецкій отрядъ силой въ 3.000 коней. Усилившись къ утру до 6 тысячъ, онъ отогналъ передовые посты Гирсовскаго отряда, прервавъ связь съ Унгерномъ, и около полудня, подойдя на пушечный выстрѣлъ къ крѣпости, остановился, поджидая тянувшуюся за нимъ пѣхоту. Русская артиллерія молчала: С. искалъ рѣшительнаго боя и не хотѣлъ завязывать дѣла, пока не сосредоточится весь турецкій отрядъ. Высланнымъ имъ казакамъ было приказано послѣ короткой перестрѣлки обратиться въ бѣгство, чтобы придать туркамъ смѣлости. Турки развернулись передъ крѣпостью въ три линіи, по европейскому образцу, приблизились къ все еще молчавшимъ веркамъ и примкнули правымъ флангомъ къ р. Баруй, вытянувъ фронтъ параллельно Дунаю. Быстро построивъ батарею, они открыли огонь по ближайшему изъ 3 русскихъ укрѣпленій, въ которомъ находился и самъ С. Шанецъ, имѣвшій замаскированныя амбразуры, не отвѣчалъ. Турецкая пѣхота, разсыпавшись, окружила его и, подойдя на половину картечнаго выстрѣла, съ необычайной стремительностью бросилась на штурмъ. Отбивъ его картечью, С. немедленно атаковалъ въ свою очередь выведенными изъ шанца войсками; въ то же время бригада Милорадовича ударила на турокъ изъ-за р. Боруй. Послѣ жаркаго дѣла, особенно на правомъ флангѣ турокъ, противникъ былъ опрокинутъ и бѣжалъ, на разстояніи 30 верстъ преслѣдуемый кавалеріей. Румянцевъ былъ чрезвычайно доволенъ побѣдой: во всей арміи отслужены были благодарственные молебны, и 5 сентября С. получилъ лестное письмо главнокомандующаго.

Турки не повторили покушенія на Гирсово. Наступилъ періодъ затишья на боевомъ фронтѣ. Скучая бездѣйствіемъ, С. отпросился въ отпускъ и въ ноябрѣ выѣхалъ въ Москву. Здѣсь 18 декабря состоялась его помолвка, 22-го обрученіе и 16 января 1774 г.—свадьба. Весьма вѣроятно, что сватовство С. было устроено его отцомъ, жившимъ въ то время въ Москвѣ, на покоѣ, и просьба объ отпускѣ была обусловлена именно этимъ предстоявшимъ событіемъ. Ставшая женой его, княжна Варвара Ивановна Прозоровская, дочь отставного генералъ-аншефа, принадлежала къ высшему кругу московской знати.

Женитьба заставила С. задержаться въ отпуску. Онъ выѣхалъ въ армію только въ началѣ февраля, оставивъ молодую жену въ Москвѣ. Назначенный, при послѣдовавшемъ въ апрѣлѣ 1774 г. новомъ распредѣленіи армій, въ резервный корпусъ, стоявшій въ устьѣ Яломницы, С. до прибытія кн. Репнина принялъ командованіе надъ 2-й дивизіей, составлявшей правый флангъ Румянцевской арміи.

Задачей отряда (въ устьѣ Яломницы), принятаго С., по сдачѣ временнаго командованія дивизіей Репнина, было: охранять Гирсово и не допускать переправы турокъ черезъ Дунай у Силистріи; въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій, С. предписано сообразоваться съ движеніями дѣйствовавшаго лѣвѣе Каменскаго. Направленіе и время дѣйствій Румянцевъ предоставилъ опредѣлить С. и Каменскому, по личному между ними соглашенію, всецѣло полагаясь на боевую опытность и испытанную энергію обоихъ генераловъ. Выработанный С. и Каменскимъ планъ сводился къ слѣдующему: искать и разбить непріятеля въ полѣ, для чего идти на Базарджикъ и Козлуджу; отсюда, демонстрируя на Варну, обратиться къ Шумлѣ, стратегическому пункту театра войны; если окажется, что овладѣть ею можно только путемъ правильной осады—дѣйствовать въ дальнѣйшемъ противъ Силистріи, совмѣстно съ направленными на эту крѣпость войсками. Планъ этотъ въ общихъ чертахъ былъ одобренъ главнокомандующимъ, измѣнившимъ, однако, детали: Каменскому указано идти къ Базарджику, выславъ сильную партію къ Ман-

галіи для демонстраціи противъ Варны; С. отъ Гирсова перейти къ Черноводамъ, какъ бы угрожая Силистріи, а затѣмъ двигаться параллельно съ Каменскимъ на соединеніе съ нимъ къ Базарджику, прикрывая его со стороны Силистріи и маскируя движеніе высылкой партій. Но давая эти указанія, равно какъ указанія о порядкѣ послѣдующихъ дѣйствій противъ Шумлы, Румянцевъ предоставилъ имъ обоимъ полную свободу иниціативы, отдавъ, однако, рѣшающій голосъ Каменскому, какъ старшему, хотя и не подчинивъ ему С. непосредственно. Такая условная зависимость давала поводъ къ недоразумѣніямъ; они возникли дѣйствительно съ первыхъ же совмѣстныхъ шаговъ. «Отвѣсъ спископаго старшинства» обидѣлъ С., такъ какъ съ марта 1774 г. онъ былъ въ томъ же чинѣ, что и Каменскій (генералъ-поручикъ), и старшинство послѣдняго представлялось незначительнымъ. С. принялъ мѣры, чтобы сохранить возможно дольше свою самостоятельность. Нѣсколько задержавъ свое выступленіе, подъ предлогомъ ожиданія назначенныхъ на усиленіе его полковъ, онъ измѣнилъ маршрутъ, хотя для этого пришлось идти болѣе трудными дорогами, не извѣстилъ объ этомъ Каменскаго и безо всякой связи съ нимъ, вопреки указаніямъ Румянцева, особо отмѣтившаго необходимость самой тѣсной связи,— съ «несвойственной ему медленностью» сталъ подвигаться къ Базарджику. Каменскій донесъ главнокомандующему, что С. неизвѣстно гдѣ находится, не слушаетъ его, Каменскаго, приказаній и держится совершенно независимо. Но Румянцевъ, высоко цѣнившій С., на этотъ разъ ограничился замѣчаніемъ Каменскому, что онъ «самъ имѣетъ всѣ способы заставить Суворова повиноваться».

Надежды С. встрѣтить турокъ до соединенія съ Каменскимъ не осуществились. Соединеніе состоялось 9 іюня въ с. Юменли. Переведя свои войска въ авангардъ, С. немедленно, противъ воли Каменскаго, выступилъ съ кавалеріей и арнаутами на рекогносцировку.

Ни Каменскій, ни С. не знали, что въ Козлуджѣ, только лѣсомъ отдѣленной отъ Юменли, стоитъ 40-тысячный турецкій корпусъ, шедшій на Гирсово. Конница С., втянулась въ узкое дефиле, ведшее черезъ лѣсъ. У д. Башанту, впереди Козлуджи, она обнаружила сильный непріятельскій отрядъ, спѣшно очистившій деревню при ея приближеніи, и по его слѣдамъ вынеслась изъ лѣсного дефиле на равнину. Здѣсь ее уже ждали: албанцы бѣшенно бросились въ атаку, стараясь отрѣзать русскимъ отступленіе; часть ихъ пустилась въ обходъ по лѣснымъ тропинкамъ. Ударъ былъ неожиданъ, сопротивленія почти не было. Преслѣдуемая по пятамъ, русская кавалерія въ безпорядкѣ, давя своихъ же, помчалась назадъ по дефиле. Самъ С. едва успѣлъ ускакать отъ погони. Три свѣжихъ эскадрона, высланные Каменскимъ при извѣстіи о завязавшемся боѣ, были смяты бѣглецами. Наступленіе турокъ было задержано у входа въ дефиле со стороны Юменли подоспѣвшей пѣхотой, сомкнувшейся въ 4 каре. Послѣ нѣсколькихъ атакъ на фланги, своевременно поддержанные, и неудачной попытки зайти русскимъ въ тылъ турки отхлынули по дефиле назадъ, преслѣдуемые С. съ его конницей и пѣхотными каре. За нимъ Каменскій двинулъ свою конницу и часть пѣхоты, самъ слѣдуя съ остальными силами въ нѣкоторомъ отдаленіи. При выходѣ изъ лѣса С. развернулся въ лощинѣ, выдержалъ рядъ новыхъ атакъ и, съ прибытіемъ артиллеріи, задержанной трудностями передвиженія по дефиле, выставилъ батареи. Въ теченіе 3 часовъ артиллерійскій и ружейный огонь подготовлялъ атаку. Замѣтивъ, наконецъ, ослабленіе непріятельскаго огня, С. перевелъ въ наступленіе всю линію, имѣя конницу впереди. Но турки, не принявъ удара, бѣжали въ направленіи на Шумлу и Праводы. Въ брошенномъ лагерѣ взято 29 мѣдныхъ орудій, 107 знаменъ.

Весь бой веденъ былъ одними войсками С., бывшими въ первой линіи. Но въ ходѣ боя Каменскій несомнѣнно игралъ значительную роль, быстрыми и цѣлесообразными распоряженіями выручая С. изъ критическаго положенія, въ которое ставило его нѣсколько разъ въ этотъ день неудержимое, стремительное движеніе впередъ, вызванное желаніемъ покончить дѣло безъ Каменскаго. Каменскій остается совершенно въ тѣни, такъ какъ его дѣйствія и распоряженія составляютъ только фонъ, на которомъ ярко выдѣляется рѣшительная и настойчивая атака С., кото-

рый и взялъ честь дня. На собранномъ послѣ Козлуджи совѣтѣ было рѣшено пріостановить наступленіе на Шумлу и отойти на позицію между Шумлой и Силистріей. Постановленіе это возбудило сильное неудовольствіе Румянцева, но вредныхъ послѣдствій оно не имѣло, такъ какъ потрясенная рядомъ неудачъ Порта отказалась отъ дальнѣйшей борьбы,—и 10 іюля заключенъ былъ славный для Россіи Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

Почти тотчасъ послѣ совѣта С. выѣхалъ въ Бухарестъ, такъ какъ при установившихся съ Каменскимъ послѣ этого боя дурныхъ отношеніяхъ оставаться подъ начальствомъ его онъ очевидно не могъ. Румянцевъ принялъ его сурово, потребовавъ объясненій, какъ рѣшился онъ оставить свой постъ почти въ виду непріятеля. Ссылаясь на все еще мучившую его лихорадку, С. просилъ отпуска въ Россію для леченія. 30 іюля состоялся приказъ о переводѣ С. къ Салтыкову, «во избѣжаніе лишняго въ переѣздахъ труда», и о разрѣшеніи отпуска. Но С. остался въ Молдавіи вплоть до вызова его противъ Пугачева.

Еще 29 марта военная коллегія предписала Румянцеву исключить С. изъ списковъ I арміи и отправить въ распоряженіе Бибикова, дѣйствовавшаго противъ самозванца. Но главнокомандующій не согласился отпустить С.: онъ нуженъ былъ въ арміи; вмѣстѣ съ тѣмъ отозваніе генерала, уже составившаго себѣ громкое боевое имя, для назначенія противъ мятежниковъ могло, по мнѣнію фельдмаршала, преувеличить значеніе поволжской смуты, а это не замедлило бы отразиться на ходѣ уже намѣчавшихся мирныхъ переговоровъ. Только по заключеніи мира вопросъ о назначеніи С., вновь возбужденный преемникомъ умершаго Бибикова, Панинымъ—былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Повидавшись проѣздомъ черезъ Москву съ женою и отцомъ, С. на перекладныхъ, въ одномъ кафтанѣ, 24 августа прибылъ къ Панину, въ с. Ухолово, между Шацкомъ и Переяславлемъ-Рязанскимъ. Въ тотъ же день, облеченный обширными полномочіями, онъ выѣхалъ дальше, на Арзамасъ—Пензу—Саратовъ. Путь пролегалъ черезъ мѣстности, уже охваченныя возстаніемъ. Счастливо уклоняясь отъ встрѣчи съ бродившими повсюду шайками пугачевцевъ, иногда даже принимая «злодѣйское имя», чтобы спастись отъ «безчеловѣчной и безчестной смерти», С., съ адъютантомъ Максимовичемъ и слугою Пруссакомъ, 2 сентября прибылъ въ Царицынъ и принялъ общее начальство надъ всѣми отрядами, гнавшимися за Пугачевымъ.

Быстро оріентировавшись въ обстановкѣ, С. отдалъ приказанія по отрядамъ, смыкая ихъ желѣзнымъ кольцомъ вокругъ раіона, въ которомъ находился самозванецъ. а самъ съ 2 эскадронами, 2 сотнями и 300 посаженной на-конь пѣхоты—двинулся въ Заволжскую степь. Усиленными переходами по безлюдной степи, безъ хлѣба и часто безъ воды, направляя путь днемъ по солнцу, ночью по звѣздамъ. С. 12 сентября вышелъ на р. Малый Узень, раздѣлилъ отрядъ на 4 части и двинулся разными дорогами къ Большому Узеню, выжигая камыши, въ которыхъ могли найти убѣжище мятежники. Напавъ, наконецъ, на свѣжій слѣдъ Пугачева, С. узналъ, что онъ связанъ своими сообщниками и отправленъ въ Яикъ. Все еще надѣясь захватить самозванца до выдачи его властямъ, С. пошелъ по слѣду, доведя скорость марша до послѣднихъ предѣловъ. На одномъ изъ ночныхъ переходовъ киргизы, по недоразумѣнію, попытались заградить отряду путь: завязался бой, помимо потери времени, обременившій отрядъ ранеными. С. бросилъ отрядъ и съ однимъ доброконнымъ помчался дальше. 16-го онъ былъ въ Яикѣ, въ общемъ итогѣ въ 9 сутокъ сдѣлавъ 600 верстъ. Но было уже поздно: Пугачевъ былъ сданъ коменданту Яика, Симонову. Этой неудачи С. не могъ забыть всю жизнь. 1 октября Пугачевъ, подъ личнымъ наблюденіемъ С., былъ доставленъ въ Симбирскъ.

За поимку самозванца надо было ожидать богатыхъ милостей государыни. Вполнѣ поэтому понятно, что каждый изъ генераловъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ «истребленію сего гибельнаго проклятаго сына», всѣми мѣрами старался приписать себѣ честь поимки. Панинъ въ своемъ донесеніи приписалъ ее С.: «Неутомимость и труды Суворова выше силъ человѣческихъ. По степи, съ худѣйшею пищею рядовыхъ солдатъ, въ погоду ненастнѣйшую, безъ дровъ, безъ зимняго платья, съ командами маіорскими, а не генеральскими гонялся до послѣдней край-

ности». Въ Симбирскѣ онъ благодаритъ С. за поимку «именемъ государыни и всей имперіи». Но сама Екатерина несравненно правильнѣе оцѣнила степень участія С. въ усмиреніи бунта; отдавая должное проявленной имъ энергіи и неутомимости, она находила, что онъ «тутъ участія не имѣлъ... и пріѣхалъ по окончаніи дракъ и поимки злодѣя». Тѣмъ не менѣе С. пожалована была въ январѣ 1775 г. золотая шпага, усыпанная брилліантами, а въ февралѣ ему поручено было докончить дѣло замиренія Поволжскаго края, принявъ командованіе войсками 1-й дивизіи, расположенными въ восточныхъ губерніяхъ. За зиму С. успѣлъ уничтожить остатки пугачевскихъ шаекъ и «безъ кровопролитія, но паче императорскимъ милосердіемъ» сократилъ «своими политическими распоряженіями и военными маневрами буйства башкирцевъ и иныхъ».

Въ августѣ 1775 г. С. пришлось выѣхать въ Москву, по случаю смерти отца. Здѣсь онъ представился государынѣ, предложившей ему командованіе Петербургской дивизіей. С. отказался, испросивъ годовой отпускъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ отца и принятія оставленнаго имъ довольно крупнаго наслѣдства. Помимо денегъ С. унаслѣдовалъ вполнѣ благоустроенныя имѣнія: Пензенскаго намѣстничества, Мокшанской округи, въ селѣ Никольскомъ, Новая Шукша тожъ, въ сельцѣ Скрябинѣ и деревнѣ Рудаковкѣ; Владимірскаго намѣстничества, Суздальской округи, въ селахъ Кистошѣ и Менчаковѣ, деревняхъ Куркахъ и Хлябовѣ; Ковровской округи въ сельцѣ Дьяковѣ и деревнѣ Трутневой; Костромского намѣстничества, Плесской округи, въ селѣ Сараевѣ, деревняхъ Ѳедорихѣ, Симанихѣ и Михалевой; Новгородскаго намѣстничества, Боровичской округи, въ Кривинской и Санинской волостяхъ; Московской губерніи, Воскресенской округи, въ селѣ Рожественѣ и деревнѣ Долгинихѣ,—всего около 3.400 душъ обоего пола.

С. не могъ удѣлять дѣламъ хозяйства и управленія этими имѣніями столько времени и труда, сколько его покойный отецъ; тѣмъ больше вниманія требовалось на первыхъ шагахъ, чтобы обезпечить правильное веденіе хозяйства, за которымъ въ послѣдующіе годы личнаго надзора быть уже не могло. С. напоминалъ отца по склонности къ бережливости,—къ собиранію, а не расточенію. Унаслѣдованныя «экономіи» и кое-какія личныя средства дали ему возможность тотчасъ послѣ смерти отца округлить свои помѣстья прикупкой сосѣднихъ земель. И въ послѣдующіе годы онъ не упускалъ случая покупать землю: въ теченіе 9—10 лѣтъ онъ успѣлъ пріобрѣсти до 1.500 крестьянъ. По отношенію къ крестьянамъ С. былъ вполнѣ на уровнѣ своего вѣка: они являлись для него статьей дохода. Чтобы обезпечить правильное поступленіе оброковъ (всѣ имѣнія С. были оброчными), надо было обезпечить благосостояніе крестьянъ. За этимъ С. слѣдилъ внимательно, возлагая, однако, обязанность помогать неимущимъ и пострадавшимъ отъ какихъ-либо бѣдствій крестьянамъ—на остальныхъ односельчанъ, на весь «міръ»; отъ него самого иногда назначалось только незначительное пособіе. Равнымъ образомъ, изъ такихъ же экономическихъ соображеній, С. удѣлялъ особое вниманіе бракамъ своихъ крѣпостныхъ: въ своихъ деревняхъ онъ не допускалъ безбрачія. При недостаткѣ невѣстъ, онѣ приводились изъ другихъ вотчинъ или даже покупались. «Лица не разбирать,—пишетъ С. одному изъ своихъ управляющихъ,—лишь бы здоровы были. Дѣвицъ отправлять на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ, однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, но очень сохранно». За многоплодіе иногда выдавались небольшія награды. Въ приказахъ своихъ С. всегда указывалъ и на необходимость заботливаго ухода за дѣтьми для уменьшенія дѣтской смертности. Дабы не ослаблять численности своихъ оброчныхъ, С. предписалъ не поставлять рекрутъ натурой, а покупать ихъ со стороны, разверстывая цѣну рекрута по имуществу каждаго на весь «міръ»: въ помогу міру С. опредѣлилъ отъ себя по 75 руб. за каждаго рекрута.

По окончаніи отпуска, С. получилъ въ команду войска, расположенныя въ Коломнѣ, и въ ноябрѣ 1776 г., въ виду ожидавшихся въ Крыму осложненій, былъ откомандированъ въ корпусъ Прозоровскаго, «къ полкамъ Московской дивизіи». По прибытіи въ Крымъ, назначенъ начальникомъ пѣхоты корпуса и временно, по болѣзни Прозоровскаго, командовалъ всѣмъ корпусомъ. Дѣлъ не было—если не считать «разсѣяніе одними движеніями собравшихся около Карасубазара против-

ныхъ Шагинъ-Гирею-хану партій» и «объявленіе его въ семъ достоинствѣ, по прибытіи его изъ Тамани». Все остальное время С. съ 2 полками пѣхоты и нѣсколькими эскадронами кавалеріи стоялъ на р. Салгирѣ, близъ Акъ-Мечети, наблюдая горы къ сторонѣ Бахчисарая и верхнюю часть Салгира, занявъ важнѣйшіе проходы и выдвинувъ постъ въ Алушту (мѣры на случай высадки турокъ). Бездѣлье и лихорадка томили С. Онъ просилъ кн. Гр. Потемкина, съ которымъ былъ въ перепискѣ со времени пребыванія своего въ Симбирскѣ, послѣ Пугачевскаго бунта, о переводѣ въ другую дивизію, но безрезультатно. Тогда въ іюнѣ 1777 г. онъ отпросился въ отпускъ, въ Полтаву, гдѣ жила жена его съ дочерью (род. 1 авг. 1775 г.), а по истеченіи срока отпуска не вернулся, но «для перемѣны воздуха» переѣхалъ въ Опошню, гдѣ и прожилъ до самой зимы.

Пребываніе С. въ Опошнѣ ознаменовалось крупными семейными непріятностями. Варвара Ивановна представляла полную противоположность мужу во всемъ, кромѣ характера: неуживчивостью, вспыльчивостью, нетерпимостью—она не уступала С. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ они не долго могли ужиться, тѣмъ болѣе, что Варвара Ивановна была не чужда увлеченій.

За время отсутствія С. дѣла въ Крыму обострились. Открылись военныя дѣйствія. Румянцевъ невольно обратилъ вниманіе, что въ рапортахъ Прозоровскаго никогда не упоминается С.; онъ запросилъ о немъ, и Прозоровскому пришлось донести, что С. по болѣзни не вернулся изъ отпуска, и гдѣ сейчасъ находится — неизвѣстно. За это Прозоровскій получилъ строгій выговоръ, а С. предписано было немедленно явиться на службу. С. отказался, ссылаясь на болѣзнь: ему не хотѣлось возвращаться въ Крымъ, такъ какъ отношенія его съ Прозоровскимъ были крайне непріязненны. Онъ вторично обратился къ Потемкину съ просьбой о переводѣ. На этотъ разъ просьба была уважена. Въ январѣ 1778 г. С. былъ назначенъ начальникомъ войскъ на Кубани.

Объѣхавъ линію постовъ, по берегу моря до Кубани и отъ Кубани до Коныла, собравъ свѣдѣнія о мѣстности и населеніи, результатомъ чего явилось подробное топографическое и этнографическое описаніе края, С. приступилъ къ устройству передовой линіи. За три мѣсяца пребыванія на Кубани онъ успѣлъ построить до 30 укрѣпленій. Кордонная служба была упорядочена. Строевыя занятія велись неослабно, несмотря на строительныя работы, производившіяся войсками. Эвакуировавъ госпитали, С., въ видахъ уменьшенія смертности, скученныя дотолѣ войска размѣстилъ широко, сумѣвъ однако избѣжать излишняго разбрасыванія силъ. Мягкое и гуманное обращеніе съ туземцами, подарки вліятельнымъ лицамъ, на которые не скупился С., въ связи съ постоянной боевой готовностью войскъ Кубанскаго корпуса—повели къ тому, что за все это время миръ не нарушался ни разу: не было ни одной вспышки недовольства, «ни одного ногайскаго за Кубань набѣга».

Оцѣнивая по достоинству труды С., Румянцевъ, при первой возможности, предоставилъ ему болѣе широкій кругъ дѣятельности, назначивъ въ апрѣлѣ 1778 г. командующимъ войсками въ Крымъ, на мѣсто уволеннаго Прозоровскаго.

Въ тревожное время принялъ С. Крымскій корпусъ. Татары волновались. Положеніе русскаго ставленника—хана Шагинъ-Гирея, было крайне неустойчивымъ, да и самъ онъ былъ далеко не искреннимъ приверженцемъ Россіи; такимъ образомъ, съ одной стороны, его приходилось охранять отъ подданныхъ, которымъ его навязали, съ другой — слѣдить за нимъ самимъ. Обезпокоенные успѣшнымъ ходомъ нашей политики въ Крыму, предвидя близкое присоединеніе его къ Россіи, турки готовы были вмѣшаться: у береговъ полуострова крейсировалъ турецкій флотъ.

С. раздѣлилъ полуостровъ на округа для лучшей организаціи наблюденія и обороны берега; намѣтилъ пункты для новыхъ укрѣпленій; умножилъ береговые посты; установилъ сигнализацію между сухопутными войсками и флотомъ; принялъ рядъ мѣръ по охраненію здоровья войскъ, начавъ, по обыкновенію, съ эвакуаціи госпиталей. Наконецъ, 16 мая 1778 г. въ приказѣ по корпусамъ Крымскому и Кубанскому объявилъ подробное «Наставленіе о порядкѣ службы пѣхоты, кавалеріи и казаковъ въ лагерѣ, на походѣ и въ бою», существенно исправлявъ-

шее и дополнявшее дѣйствовавшій уставъ (1763 года).

Предписавъ С. не допускать турецкаго десанта съ флота, но не доводить дѣла до разрыва, Румянцевъ самъ не вѣрилъ, однако, чтобы С. сумѣлъ выполнить подобную задачу. Но турки, убѣдившись въ полной боевой готовности русскихъ войскъ, зная рѣшительность ихъ начальника, не проявили настойчивости при двукратныхъ попыткахъ десанта, и дѣло обошлось благополучно.

Еще труднѣе и сложнѣе была задача, порученная С.,—выселеніе христіанъ изъ Крыма въ Пріазовскій край. Въ дни ея выполненія противъ С. были всѣ: христіане—потому что для нихъ выселеніе было тягостью, если не разореніемъ; ханъ—потому что съ уходомъ христіанъ, главныхъ плательщиковъ всякихъ налоговъ, онъ терялъ большую часть своихъ доходовъ и становился въ тѣсную зависимость отъ милости субсидировавшаго его русскаго правительства (съ этой цѣлью и было рѣшено выселеніе христіанъ); наконецъ, самъ Румянцевъ—такъ какъ онъ былъ противникомъ этой предписанной свыше мѣры и въ каждомъ шагѣ С. искалъ доказательствъ правильности своего отрицательнаго отношенія къ выселенію. Но, несмотря на всю напряженность положенія, на всѣ трудности, С. удалось мирно довести дѣло до конца. Съ іюля по сентябрь свыше 30 тысячъ христіанъ оставили Крымъ.

Въ январѣ 1779 г. С. выѣхалъ въ отпускъ, въ Полтаву, куда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ ему пришлось отправить изъ Крыма жестоко страдавшихъ лихорадкой жену и дочь. Но пробылъ онъ тамъ недолго, такъ какъ въ февралѣ былъ командированъ въ Астрахань для инспекціи Моздокской линіи. Выполнивъ порученіе, онъ проѣхалъ на Кубань, осмотрѣлъ Бердянскую линію и черезъ Арбатъ вернулся въ Крымъ.

Въ мартѣ 1779 г. Порта подписала конвенцію, надолго, казалось, уничтожавшую возможность распри за Крымъ. Военныя приготовленія на Кубани и въ Крыму были прекращены. С. предписано, оставивъ въ Керчи и Еникале гарнизоны, до 6.000 человѣкъ, вывести остальныя войска въ Россію и принять командованіе Малороссійской дивизіей. Отпустивъ войска и сведя съ ханскими таможенными откупщиками послѣдніе счеты по безпошлинному ввозу товаровъ для русскаго корпуса, С. въ концѣ іюля выѣхалъ наконецъ въ новую штабъ-квартиру, въ Полтаву. Здѣсь у него вновь возникли несогласія съ женою, и С. возбудилъ даже дѣло о разводѣ, но оно при посредствѣ родственниковъ жены и другихъ вліятельныхъ лицъ было замято.

24 января 1780 г. С. съ семьей выѣхалъ въ Астрахань, куда былъ переведенъ. Этотъ переводъ стоялъ въ связи съ проектомъ Екатерины использовать затрудненія, которыя испытывала морская торговля Индіи вслѣдствіе англо-французской войны, и «привлечь знатную часть ея къ нашимъ границамъ»—черезъ Персію и Каспійское море. Подготовка обширной операціи, связанной съ этимъ проектомъ, должна была начаться съ «усмиренія пограничныхъ хановъ персидскихъ, въ виду ихъ частыхъ дерзостей»—въ дальнѣйшемъ, быть можетъ, предстоялъ персидскій походъ. С. рисовались широкія перспективы: онъ выѣхалъ на «свѣженькую работу» въ самомъ радостномъ настроеніи, тѣмъ болѣе что при дворѣ былъ принятъ чрезвычайно милостиво и пожалованъ звѣздой Александра Невскаго съ собственной одежды Императрицы.

Но уже въ ближайшее время выяснилась полная фантастичность «персидскаго проекта»,—англичанамъ удалось обезпечить прежній путь остъ-индской торговли, и порученныя С. предпріятія были отмѣнены. Тѣмъ не менѣе онъ оставленъ былъ въ Астрахани, и такъ какъ опредѣленнаго назначенія не получилъ, а числился въ командировкѣ, то оказался такимъ образомъ безъ дѣлъ и безъ командованія. С. чувствовалъ себя ссыльнымъ, жаловался на непризнаніе заслугъ и усиленно хлопоталъ объ отпускѣ или переводѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ просьбы его не имѣли успѣха: наконецъ, 31 декабря 1781 г. состоялся приказъ о назначеніи С. командующимъ дивизіей въ Казань,—единственное назначеніе, на которое онъ указывалъ въ своихъ письмахъ Потемкину и др. какъ на нежелательное.

Въ Казани С. пробылъ недолго. Въ августѣ 1782 г. онъ получилъ предписаніе немедленно отбыть къ урочищу Кичи-Кермель на Днѣпрѣ и принять тамъ крымскія войска отъ графа де-Бальмена, а по прибытіи туда, послѣ свиданія съ Потемкинымъ въ Херсонѣ—получилъ въ командованіе Кубанскій корпусъ. 19 октября 1782 г. С.

прибылъ въ крѣпость св. Димитрія, штабъ-квартиру корпуса.

Первая половина 1783 года прошла въ трудахъ по подготовкѣ предстоявшаго приведенія ногайскихъ ордъ въ россійское подданство. Еще въ прошлое пребываніе свое на Кубани ознакомясь съ туземнымъ населеніемъ, С. успѣшно справлялся съ нелегкой своей задачей,—и 28 іюня мирно и безъ всякихъ осложненій принесена была ногайцами торжественная присяга на вѣрность Императрицѣ всероссійской. Наградой С. былъ благодарственный рескриптъ и Владиміръ 1-й степени. Но вслѣдъ затѣмъ начались неудачи. Еще до назначенія С. постоянные мятежи и смуты среди ногайскихъ ордъ привели Потемкина къ мысли выселить ихъ въ уральскія степи. С. приказано было постепенно подготовлять это выселеніе, и, дѣйствительно, стараніями его идея переселенія все шире и шире распространялась между ногаями. Въ іюлѣ на Кубани появились новые признаки волненія. Боясь нарушенія спокойствія и считая умы достаточно подготовленными, С. рѣшилъ немедленно приступить къ выселенію, вопреки приказу Потемкина—повременить. Сначала все шло благополучно. Подъ прикрытіемъ войскъ, подъ наблюденіемъ особыхъ приставовъ, ногаи двинулись небольшими партіями вдоль линіи постовъ, протянувшейся въ обезпеченіе земель Войска Донского, отъ Еи до половины Дона. Но глухое недовольство переселенцевъ не замедлило перейти въ открытый мятежъ: отойдя всего съ сотню верстъ отъ Ейска, они—31 іюля—напали на русскую команду; вслѣдъ затѣмъ 10.000 джамбулакцевъ повернули назадъ, обрушились на одинъ изъ постовъ, но были отбиты подоспѣвшими къ нему подкрѣпленіями. На урочищѣ Урай-Илгасы произошла жестокая рѣзня, стоившая жизни 3.000 ногаевъ. Мятежъ быстро разросся. Нѣсколько мелкихъ русскихъ отрядовъ было изрублено. На самую крѣпость Ейскъ произведено отчаянное, но неудачное нападеніе. Только трое старыхъ мурзъ остались вѣрны Россіи; всѣ остальные со своими ордами бросили Ейскія кочевья и ушли за Кубань.

Большую роль въ этомъ возстаніи сыграли «возмутительскія письма» бывшаго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, успѣвшаго раскаяться въ своемъ отреченіи отъ власти въ пользу русской Императрицы. Узнавъ объ этомъ, Потемкинъ предписалъ С. водворить Шагина изъ Тамани, куда онъ бѣжалъ изъ Крыма, въ русскіе предѣлы. Но курьеръ С., посланный съ соотвѣтствующимъ предписаніемъ къ Таманскому коменданту, былъ задержанъ въ пути, и предупрежденный Шагинъ-Гирей успѣлъ бѣжать къ Закубанскимъ горцамъ. Положеніе на Кубани осложнялось съ каждымъ днемъ. Отъ Потемкина шли гнѣвные ордера: онъ требовалъ немедленнаго «пресѣченія дерзости ногайцевъ».

19 сентября С. выступилъ изъ Копыла за Кубань съ 16 ротами, 16 эскадр., 16 орудіями и 6 казачьими полками. Съ необычайными предосторожностями поднявшись вверхъ по Кубани, онъ соединился въ ночь на 1 октября на урочищѣ Токусъ-Тобе съ 10 казачьими полками, приведенными съ Дона войсковымъ атаманомъ Иловайскимъ, и къ 2 часамъ ночи благополучно, несмотря на огромныя затрудненія, переправился черезъ Кубань. Переправа не была обнаружена ногаями; аулы ихъ были захвачены врасплохъ. На урочищѣ Керменчикъ произошла рѣзня, къ 10 часамъ прекращенная за сильнымъ утомленіемъ лошадей и людей. Убитыхъ татаръ насчитано до 2.000, среди нихъ 11 почетныхъ мурзъ и главныхъ наѣзниковъ Едичкульской орды. Послѣ 2-часового отдыха Иловайскій съ казачьими полками двинулся снова впередъ, по правому берегу Лабы, надѣясь предупредить на переправѣ спѣшившія отъ верховьевъ Зеленчика значительныя скопища ногаевъ. Самъ же С. съ частью кавалеріи и пѣхотой пошелъ лѣвымъ берегомъ. Иловайскому удалось захватить ногаевъ: на урочищѣ Сарычигеръ казаки положили еще до 1.500 чел. Общій уронъ ногаевъ за этотъ день дошелъ до 3.500; плѣнныхъ взято до 1.000; 1.000 лошадей, тысячъ 7 рогатаго скота, 15 тысячъ барановъ стали добычей. Потери отряда были ничтожны. Въ ночь на 3-е отрядъ спустился по р. Лабѣ до урочища Керменчикъ, откуда произведенъ былъ безрезультатный поискъ къ Кара-Ногаю: остатки разбитыхъ ордъ успѣли уже укрыться въ лѣсахъ. Послѣ двухдневнаго отдыха на берегу Кубани, противъ устья Лабы, въ ожиданіи возвращенія лазутчиковъ, высланныхъ для сбора свѣдѣній о разбойникѣ Зуналѣсъ, съ шайкой котораго разсчитывалъ покончить С., убѣдясь, что за удаленіемъ

непріятеля въ лѣсистыя горы ничего больше сдѣлать нельзя, онъ распустилъ свой сводный отрядъ и вернулся въ Ейскъ.

Впечатлѣніе, произведенное Суворовскимъ набѣгомъ, было огромно. Бѣжавшіе за Кубань ногайскіе мурзы изъявили покорность, обѣщая вернуться на прежнія кочевья. Вѣсть о разгромѣ ногаевъ нашла себѣ откликъ далеко на Кавказѣ и въ Крыму, гдѣ татары, напуганные Керменчикской рѣзней, цѣлыми тысячами стали переселяться въ Турцію.

Зиму 1783—1784 г. С. провелъ въ крѣпости Св. Димитрія, гдѣ проживало и его семейство. Ему удалось исправить свой невольный проступокъ съ Шагинъ-Гиреемъ. Умѣлыми переговорами С. успѣлъ склонить Шагина оставить свое убѣжище за Кубанью, и весной 1784 г. бывшій ханъ выѣхалъ въ Россію.

Признаніе Портой подданства Крыма и Кубанскаго края Россіи вызвало новое распредѣленіе войскъ. С. былъ отозванъ въ Москву и въ апрѣлѣ получилъ командованіе Владимірской дивизіей. 29 мая онъ представился Императрицѣ для доклада о состояніи Кубанскаго края.

Въ 1784 г. несогласія С. съ женой обострились до такой степени, что повели къ разрыву между супругами—отдѣльному ихъ жительству. Дочь ихъ Наталья помѣщена была на воспитаніе въ Смольный институтъ; сынъ, Аркадій, родившійся 4 августа 1784 г., остался при матери.

Въ 1785 г. С. былъ переведенъ въ Петербургъ командующимъ Петербургской дивизіей. 28 октября 1786 г. по старшинству произведенъ въ генералъ-аншефы и 6 января 1787 г. принялъ командованіе войсками Кременчугской дивизіи, которымъ предстояло составить часть той блестящей декораціи, которую готовилъ Потемкинъ къ посѣщенію Императрицей вновь присоединенныхъ земель. Не мало пришлось С. потрудиться надъ обмундированіемъ и обученіемъ полковъ, представленныхъ Екатеринѣ въ Кременчугѣ на смотру 30 апрѣля. Смотръ сошелъ блестяще: въ письмѣ къ Гримму Государыня называетъ Суворовскія войска «превосходнѣйшимъ войскомъ, которое только можно встрѣтить». Изъ Кременчуга С. слѣдовалъ въ свитѣ Императрицы до Херсона. Вторичный смотръ войскамъ С. состоялся на обратномъ пути, въ спеціально для этого разбитомъ лагерѣ близъ д. Бланкитной. Въ Полтавѣ С. откланялся Императрицѣ, получивъ «за гулянье», какъ онъ выражался, табакерку съ вензелемъ Екатерины.

Послѣ блестящихъ смотровъ въ Кременчугѣ и Бланкитной отношенія государыни и особенно Потемкина съ С. стали значительно милостивѣе. Благодаря этому, при объявленіи Турціей (13 августа 1787 г.) войны Россіи С. получилъ командованіе однимъ изъ пяти корпусовъ, входившихъ въ составъ Екатеринославской арміи Потемкина, предназначенной для активныхъ наступательныхъ дѣйствій. Болѣе того, ему порученъ былъ Херсоно-Кинбурнскій раіонъ, важнѣйшій участокъ театра въ первый періодъ войны, когда за неготовностью нашей къ открытію военныхъ дѣйствій приходилось ограничиться обороной.

Первый ударъ турокъ ожидали именно въ этомъ раіонѣ. Между тѣмъ, укрѣпленія береговыхъ пунктовъ были далеко еще не закончены; въ войскахъ некомплектъ доходилъ до $^1/_3$ штатнаго состава, несмотря на то, что они только что приняли рекрутъ. Отраженіе удара при этихъ условіяхъ представляло трудную и отвѣтственную задачу.

Оборона береговъ была для С. дѣломъ не новымъ. Съ нею—и въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ—ознакомился онъ еще въ 1778 г. въ Крыму, гдѣ ему пришлось организовать оборону цѣлой береговой линіи. Въ этомъ отношеніи частныя распоряженія С. въ 1787 г. являются дополненіемъ его общихъ указаній 1778 г., составляя вмѣстѣ геніальный образецъ организаціи береговой обороны. Разбивъ на участки порученный ему раіонъ, С. распредѣлилъ войска, строго сообразуясь со стратегическимъ значеніемъ участковъ и неуклонно наблюдая при распредѣленіи цѣлость строевой организаціи войскъ. Онъ принялъ мѣры къ усиленію строевого состава частей корпуса, уменьшивъ нарядъ караульной и гарнизонной службы и снявъ солдатъ съ работъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, первый ударъ турокъ долженъ былъ обрушиться на Херсонъ и Глубокую. На нихъ и сосредоточилъ С. все свое вниманіе. Спѣшно усиливались слабыя укрѣпленія обоихъ угрожаемыхъ пунктовъ. Къ 21 августа—дню перваго боя авангарда нашей рѣчной флотиліи съ

турецкимъ флотомъ—Глубокая пристань была уже обезпечена батареей и 5 судами Мордвинова, за вооруженіемъ которыхъ С. наблюдалъ лично. Къ 25 августа закончены были 5 сильныхъ батарей у Херсона, подготовлено 6 судовъ для спеціальной обороны подступовъ и прирѣчной стороны. Работы по укрѣпленію продолжались безъ перерыва до середины сентября. Слабымъ демонстраціямъ турокъ къ Кинбурну С. не придавалъ значенія, хотя на всякій случай усилилъ гарнизонъ его пѣхотнымъ полкомъ (Козловскимъ). Но 13 сентября турки произвели серьезную демонстрацію на Кинбурнъ, и въ тотъ же день греки—перебѣжчики изъ Очакова принесли С. извѣстіе, что на Херсонъ никакихъ покушеній не готовится, а немедленно по прибытіи Варнинскаго флота, который ждутъ въ Очаковъ, турки атакуютъ Кинбурнъ. На слѣдующее же утро С. сдалъ командованіе въ Херсонѣ Бибикову, двинулъ къ Кинбурну войска ближайшаго къ нему V участка (Колончакъ-Старооскольскій редутъ), приказавъ туда же идти флотиліи изъ Глубокой, и перенесъ свою главную квартиру въ Кинбурнъ. Начатая 13-го бомбардировка Кинбурна турецкимъ флотомъ съ небольшими перерывами продолжалась до 15-го. Попытки высадки были, однако, удачно отбиты, а флотъ отогнанъ геройской атакой галеры «Десны» (мичманъ Ломбардъ), единственнаго судна, во-время подоспѣвшаго изъ Глубокой. Затѣмъ наступило затишье, нарушаемое только рѣдкими перестрѣлками крѣпости съ турецкой эскадрой да почти ежедневными стычками съ турками неутомимаго Ломбарда. Кинбурнскій отрядъ несъ усиленную службу, въ постоянной готовности отразить высадку; но при этомъ С. самымъ тщательнымъ образомъ скрывалъ свои силы, не обнаруживая ясно расположенія пѣхоты на берегу. Спѣшно производились работы по подготовкѣ косы въ инженернымъ отношеніи; образцово задуманныя и выполненныя, онѣ обратили косу какъ бы въ укрѣпленный лагерь, не загроможденный однако невужными окопами.

Между тѣмъ приближался періодъ бурь, нужно было ожидать ухода турецкаго флота въ безопасную стоянку—къ Константинополю. С. почти пересталъ вѣрить въ возможность покушенія на Кинбурнъ, когда, наканунѣ Покрова, въ виду крѣпости появилась турецкая эскадра и открыла бомбардировку. Неудача русскаго флота (Войновича), на пути къ Варнѣ сильно пострадавшаго отъ бури и вынужденнаго вернуться къ берегамъ Крыма, открыла возможность Варнинской эскадрѣ безпрепятственно соединиться съ Очаковской: Кинбурну грозили почти всѣ морскія силы Турціи. С., 28 сентября вернувшійся изъ Глубокой, куда онъ ѣздилъ для осмотра флотиліи, немедля послалъ Мордвинову приказъ спѣшить съ судами къ Кинбурну. Но Мордвиновъ опоздалъ. Уже на разсвѣтѣ 1 октября бомбардировка возобновилась съ особой силой, и въ девятомъ часу утра, въ 2 пунктахъ — на самомъ концѣ косы, около 2 верстъ отъ крѣпости, и у Біанки, въ 12 верстахъ, — обозначились высадки. Отправивъ для выясненія дѣла къ Біанки Река съ отрядомъ, С. вызвалъ къ себѣ Козловскій полкъ отъ Покровскаго редута, спокойно объявилъ начальствующимъ о замѣченной высадкѣ—«... пускай всѣ вылѣзутъ» — и такъ какъ день былъ праздничный, пошелъ къ обѣднѣ. Высадка у Біанки оказалась демонстраціей, безъ труда отбитой Рекомъ. Турецкій флотъ раздѣлился на 3 части: главная, выдѣливъ отряды, наблюдавшіе флангъ и тылъ со стороны Глубокой, бомбардировала Кинбурнъ; вторая изъ мелкосидящихъ судовъ обстрѣливала фланговымъ огнемъ пространство между пунктомъ высадки у мыса и Кинбурномъ; третья, у самаго пункта высадки, обстрѣливала косу продольно. Подъ прикрытіемъ огня флота десантъ совершился безъ затрудненій. До 5.000 отборной пѣхоты изъ войскъ Очаковскаго гарнизона, при 2 орудіяхъ, вышли на косу и стали продвигаться впередъ, быстро перекапывая косу поперекъ траншеями, при помощи заготовленныхъ мѣшковъ съ пескомъ устраивая неглубокіе ложементы. Пространство между ложементами и берегомъ прикрывалось подвижными рогатками. С. не препятствовалъ подходу турокъ къ крѣпости. До прибытія флотиліи онъ былъ безсиленъ бороться съ огнемъ флота; съ приближеніемъ же турокъ къ Кинбурну обстановка облегчалась, такъ какъ все болѣе стѣснялась сфера фланговаго картечнаго огня флота — наиболѣе опаснаго, и приходилось имѣть дѣло съ одной пѣхотой. Къ 3 часамъ дня, заложивъ на косѣ

15 ложементовъ, турки были уже менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ Кинбурна; передовые, подъ прикрытіемъ берега, подошли на 200 шаговъ къ гласису. Въ это время къ С. подошли ближайшія части спѣшно сосредоточивавшихся къ Кинбурну войскъ: онъ рѣшилъ атаковать.

Оставивъ въ крѣпости и въ вагенбургѣ 4 роты, С. вывелъ остальныя силы (1.500 чел.) въ поле. Начальствованіе ими поручено было генералу Реку. Самъ С., сохранивъ общее командованіе, находился при войскахъ первой линіи, съ Шлиссельбуржцами. Несмотря на то, что ложементы приходилось брать прямо въ лобъ, такъ какъ обходу слѣва препятствовала глубина лимана, а движеніе справа — въ тылъ, по отмели, было возможно только для конницы, которая не успѣла еще подойти, — 10 траншей было взято съ одного удара. Но по мѣрѣ удаленія отъ крѣпости войска С. попадали подъ фланговый огонь флота: потери быстро стали расти. Рекъ, три баталіонныхъ командира выбыли изъ строя тяжело ранеными; сказалась недостаточная боевая подготовка войскъ, значительная часть которыхъ къ тому же состояла изъ рекрутъ: ряды дрогнули и, безпорядочно отстрѣливаясь, перешли въ отступленіе. Преслѣдуя по пятамъ, турки окружили С., отходившаго съ кучкой солдатъ. Рядовой Шлиссельбургскаго полка Степанъ Новиковъ спасъ С., положивъ на мѣстѣ 3 турокъ. Его подвигъ и опасность, угрожавшая любимому вождю, мгновенно подняли духъ: нѣсколькимъ офицерамъ удалось обернуть задніе ряды, примѣръ ихъ увлекъ остальныхъ, — и вся линія неудержимо ринулась снова впередъ. Турки держались стойко. «Молодцы, съ какими еще не дирался», писалъ С. послѣ боя. Сквозной и фланговый огонь флота вырывалъ у русскихъ цѣлые ряды. Успѣхъ колебался. Около 6 часовъ С. былъ раненъ картечью подъ сердце: рана не тяжелая, но заставившая его на время потерять сознаніе. На мигъ лишенныя вождя, русскія войска дрогнули снова: настроеніе упало, силы истощены, патроны израсходованы. Подъ новой бѣшенной контръ-атакой турокъ, разстрѣливаемыя картечью съ турецкихъ судовъ, они отхлынули назадъ, въ полномъ разстройствѣ. Но С. не даромъ затягивалъ бой, до полнаго истощенія силъ отряда Река не поддерживая его подходившими къ Кинбурну свѣжими войсками. Въ тылу войскъ первой атаки уже выстроились 2 роты Шлиссельбургскаго, рота Орловскаго, баталіонъ Муромскаго полковъ, подоспѣвшая легкая конница и казаки. Съ этими свѣжими силами, съ новой энергіей С. въ «третій разъ обновилъ бой». Наступавшая темнота ослабляла дѣйствительность турецкаго огня съ флота; къ тому же артиллерія крѣпости вывела 4 судна изъ строя, а смѣлая атака «Десны» — единственнаго судна, которымъ располагалъ С., отогнала на время отъ берега 17 непріятельскихъ судовъ. Это нѣсколько уравнивало шансы. Казаки по отмели бросились въ тылъ; главныя силы ударили съ фронта. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, такъ какъ турки знали, что отступленія нѣтъ (десантныя суда по приказанію паши отведены отъ берега), — ложементы были взяты, турки загнаны въ воду за устроенную ими при высадкѣ эстакаду. Здѣсь произошло массовое избіеніе: артиллерія разстрѣливала толпы турокъ картечью; «легкоконные по грудамъ труповъ повторяли атаки». Незадолго до окончанія дѣла С. былъ раненъ вторично — пулей въ лѣвую руку навылетъ. Докончить въ этотъ день истребленіе попавшихъ въ тиски турокъ С. не могъ, за полнымъ изнеможеніемъ людей. Это было исполнено на слѣдующее утро казаками Исаева. Туркамъ удалось принять на суда не больше 600 — 700 кинбурнскихъ бѣглецовъ: всѣ остальные полегли на косѣ. Наши потери доходили до 1.000 чел. Взято 15 знаменъ и 2 орудія, штурмовыя лѣстницы, рогатки.

«Спасеніе» Кинбурна, какъ называла побѣду 1 октября Екатерина, сохранивъ въ нашихъ рукахъ ключъ къ Крыму и Херсону, уничтоживъ опасенія за побережье, имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ огромное моральное значеніе, поднявъ духъ не только войскъ, но и главнокомандующаго кн. Потемкина, переживавшаго въ то время одинъ изъ характерныхъ для него припадковъ вялости и равнодушія. Два рескрипта и лента Андрея Первозваннаго были наградой С. «Чувствительны намъ раны ваши...», писала Императрица.

На зиму С. остался въ Кинбурнѣ. Хотя съ уходомъ отъ Очакова, 8 октября, турецкаго флота нельзя было ожидать повторенія попытки десанта, С. продолжалъ держать войска въ полной боевой готовности.

Отдана была — до сихъ поръ могущая служить образцомъ — диспозиція на случай высадки непріятеля. Сторожевая служба неслась неослабно. У береговъ скалывали ледъ, для большей безопасности отъ нечаяннаго нападенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалась постройка укрѣпленій: возведены 2 новыя батареи на 24 орудія; устроена ядрокалильная печь.

Здоровье С. возстанавливалось медленно; тѣмъ не менѣе онъ нетерпѣливо ожидалъ «дѣла», тяготясь положеніемъ «празднаго зрителя», въ которомъ оказался онъ на Кинбурнскомъ посту съ возобновленіемъ весной 1788 г. военныхъ дѣйствій. 18 апрѣля, по соглашенію съ командиромъ гребной флотиліи принцемъ Нассау, онъ представилъ Потемкину, приступившему къ осадѣ Очакова, проектъ штурма этой крѣпости съ приморской стороны, вызываясь лично выполнить его. Но планъ былъ отвергнутъ, какъ слишкомъ рискованный. 17 іюня построенныя за зиму С. береговыя батареи приняли ближайшее участіе въ разгромѣ эскадры Гассана-паши принцемъ Нассау, а нѣсколько дней спустя въ отраженіи попытки турокъ — спасти оставшіяся подъ Очаковымъ суда.

Въ началѣ іюля С. просилъ и получилъ разрѣшеніе идти волонтеромъ съ десантнымъ отрядомъ, назначеннымъ для занятія о-ва Березани, противъ Очакова. Но экспедиція была отложена. Наконецъ, 16 іюля отданъ былъ приказъ о присоединеніи части Кинбурнскаго и всего Херсонскаго отряда къ корпусу Потемкина, и 19-го С. отбылъ подъ Очаковъ съ Фанагорійцами и своднымъ гренадерскимъ баталіономъ.

Въ серединѣ іюля Потемкинъ затребовалъ отъ старшихъ начальниковъ, въ томъ числѣ и отъ С., «мнѣнія» о способахъ овладѣнія крѣпостью. С. высказался за формальную осаду, указывая главное направленіе ея на приморскую сторону; но въ глубинѣ души онъ попрежнему стоялъ за штурмъ. Онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ относиться хладнокровно къ безтолковому и медленному веденію осадныхъ работъ, вялости и нерѣшительности главнокомандующаго. «Однимъ глядѣніемъ крѣпости не возьмешь». Забывъ всю цѣнность сохраненія благосклонности всесильнаго князя Таврическаго, С. не скупился на ѣдкіе сарказмы по его адресу. Это не могло остаться неизвѣстнымъ Потемкину.

27 іюля турки произвели сильную вылазку. До 500 человѣкъ пѣхоты, подъ прикрытіемъ небольшого кавалерійскаго авангарда, вышли лощинами на крайній лѣвый флангъ русскаго расположенія, сбили пикетъ Бугскихъ казаковъ, но были остановлены высланными по тревогѣ С. Фанагорійскими стрѣлками; слѣдомъ за ними прибылъ съ гренадерскимъ баталіономъ самъ С. Преслѣдуя опрокинутыхъ послѣ упорнаго боя турокъ, Фанагорійцы ворвались въ сады, окружавшіе крѣпости, но здѣсь были встрѣчены свѣжими силами непріятеля. С. ввелъ въ дѣло еще баталіонъ; но къ туркамъ подходили все новыя и новыя подкрѣпленія, и успѣхъ продолжалъ колебаться. Четыре раза посылалъ Потемкинъ приказаніе вернуться, но С. съ непонятнымъ упорствомъ продолжалъ бой. Наконецъ, рана въ шею вывела его изъ строя: онъ приказалъ принявшему отъ него командованіе Бибикову отходить. Вмѣсто постепеннаго отвода частей — былъ данъ отбой, люди смѣшались и подъ новымъ напоромъ турокъ бросились бѣжать. Это дѣло стоило намъ до 500 человѣкъ.

На слѣдующій день С. получилъ строгій запросъ главнокомандующаго: «будучи въ невѣдѣніи о причинахъ вчерашняго происшествія», Потемкинъ требовалъ объясненій. Неизвѣстно, что отвѣтилъ С., но черезъ 5—6 дней послѣ боя онъ выѣхалъ изъ осаднаго корпуса обратно въ Кинбурнъ, «чтобы имѣть наблюденіе за непріятельскимъ флотомъ», т. е. на прежній постъ «очевиднаго свидѣтеля». С. прибылъ въ Кинбурнъ совершенно больнымъ: лихорадка, затрудненіе дыханія, постоянные обмороки; сильно болѣла рана, полученная подъ Очаковымъ: при перевязкѣ въ ней оставлены были кусочки подкладки и сукна, вызвавшіе воспаленіе. Пришлось созвать консиліумъ. Больше мѣсяца С. не вставалъ съ постели: 18 августа въ Кинбурнѣ взорвало артиллерійскую лабораторію, въ которой снаряжались бомбы: одной изъ нихъ была разбита комната С.; самъ онъ едва успѣлъ выскочить; кусками оторванной отъ стѣны щепы его ранило въ лицо, грудь, руку и ноги. Къ счастью, поврежденія оказалось неопасными. Силы С. возстанавливались медленно. Онъ переѣхалъ для продолженія леченія въ Херсонъ, а

потомъ въ Кременчугъ. Отношенія съ Потемкинымъ обострившіяся за время Очаковской осады, мало-по-малу улучшились. Успѣшно завершивъ кампанію кровавымъ штурмомъ Очакова, осыпанный милостями, Потемкинъ забылъ «вины» С. Онъ былъ ласково принятъ въ Петербургѣ, куда прибылъ въ февралѣ 1789 г., неоднократно удостаивался приглашенія во дворецъ и въ Эрмитажъ, появлялся на торжественныхъ пріемахъ; помѣщенный главнокомандующимъ въ наградной списокъ послѣ паденія Очакова, С. получилъ 14 апрѣля брилліантовое перо въ шляпу, съ буквой К. (Кинбурнъ). Наконецъ, при распредѣленіи генералитета по войскамъ на предстоявшую кампанію, онъ получилъ наиболѣе видное и важное назначеніе, на которое только могъ разсчитывать: въ передовой корпусъ Молдавской арміи, гдѣ долженъ былъ принять 2-ю дивизію (Дерфельдена).

25 апрѣля С. выѣхалъ изъ Петербурга, въ Кишиневѣ явился Репнину, до прибытія Потемкина временно занимавшему постъ главнокомандующаго. По плану, принятому Потемкинымъ, въ предстоявшей кампаніи имѣлось въ виду ограничиться занятіемъ Бендеръ и Бессарабіи и «на Валахію видовъ не имѣть». Сообразно съ этимъ, Репнинъ приказалъ С. отвести ввѣренную ему дивизію отъ Бырлада, гдѣ она держала связь съ австрійцами, за р. Васлуй. С. возмущала мысль начинать кампанію съ той самой «ретирады», о которой онъ запрещалъ даже упоминать въ своемъ присутствіи, не говоря уже о томъ, что оставить Бырладъ значило порвать связь съ австрійцами, бросить рядъ удобныхъ позицій, затруднить сборъ свѣдѣній о противникѣ, о которомъ мы и такъ знали слишкомъ мало. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшилъ не исполнять приказанія. Репнинъ, самъ отлично понимавшій всю невыгоду оставленія Бырлада, счелъ удобнымъ до времени «не замѣчать» ослушанія С. Ободренный этимъ, С. не только остался въ Бырладѣ, но, пользуясь тѣмъ, что лѣвый флангъ его со стороны р. Елани былъ прикрытъ выдвинутымъ на правый берегъ Прута отрядомъ генерала Вадковскаго, сталъ постепенно придвигаться впередъ, къ Текучу, и занялъ Карпанешту. Высланная имъ еще дальше на югъ конница вошла въ соприкосновеніе съ непріятелемъ. Благодаря этому С. имѣлъ возможность довольно полно освѣтить расположеніе турокъ и зорко слѣдить за ихъ передвиженіями. Но выдвинутое положеніе С. при извѣстной его склонности «рваться впередъ» сильно безпокоило Репнина, и 7 іюня онъ послалъ С. приказаніе вернуться въ Бырладъ, что и было исполнено съ величайшей неохотой.

Передвиженія турокъ не оставляли сомнѣнія въ томъ, что они готовятся атаковать стоявшій на Аджутѣ передовой австрійскій корпусъ Принца Кобургскаго. Видя неизбѣжность столкновенія, Кобургъ рѣшилъ предупредить турокъ и 13 іюня послалъ С. предложеніе двинуться соединенными силами на Фокшаны, куда—по имѣвшимся даннымъ—постепенно сосредоточивались турки. С. снесся съ Репнинымъ. Явно сочувствуя проекту Кобурга, осторожный Репнинъ уклонился однако отъ категорическаго приказа С. и связанной съ этимъ отвѣтственности: разрѣшеніе было дано условно, на страхъ и рискъ С., причемъ было предписано отлучиться не больше какъ на 6 дней, непремѣнно оставить часть войскъ въ Бырладѣ для связи съ Вадковскимъ и прикрытія со стороны турецкаго лагеря у д. Сассы, и письменно изложить Кобургу «непремѣнныя его требованія»—во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній или жалобъ съ австрійской стороны впослѣдствіи. Въ отвѣтъ на разрѣшеніе С. донесъ, что во исполненіе данной Потемкинымъ директивы—«не терпѣть впереди себя непріятельскихъ скопищъ»—онъ выступаетъ къ Фокшанамъ, и 16 іюля, подъ вечеръ, съ 2 пѣхотными полками и 2 баталіонами гренадеръ, 1 егерскимъ баталіономъ, 9 эскадронами карабинеръ, 2 каз. полками и 15 орудіями кратчайшей, но труднѣйшей дорогой двинулся на Аджутъ. Отрядъ шелъ всю ночь, слѣдующій день, и къ 11 ч. вечера, перейдя Серетъ по 3 австрійскимъ понтоннымъ мостамъ, у Аджута соединился съ австрійцами, наводившими мостъ на р. Тротушѣ. С. расположилъ утомленныя войска на отдыхъ. Отъ свиданія съ Кобургомъ для соглашенія о предстоявшихъ дѣйствіяхъ онъ отказался, подъ разнообразнѣйшими предлогами отклоняя неоднократныя приглашенія Принца. Планъ Кобурга, сообщенный С. еще въ Бырладѣ, былъ безусловно непріемлемъ, такъ какъ при составленіи

его ни силы—свои и противника, ни расположеніе его, ни мѣстность не были извѣстны достовѣрно, и основывались такія данныя только на предположеніяхъ. Положеніе осложнялось еще двоевластіемъ — тѣмъ болѣе, что Кобургъ (генералъ-отъ-кавалеріи) былъ старше по чину, и являлась вѣроятность, что общее командованіе въ случаѣ соглашенія придется передать ему. Во избѣжаніе этого, С. прибѣгнулъ къ пріему, въ сущности уже испытанному имъ при Козлуджѣ, когда положеніе въ извѣстной степени было такимъ же. Онъ рѣшилъ двинуть свои войска впередъ и вмѣсто диспозиціи—руководить боемъ личнымъ примѣромъ русскаго отряда, предоставляя австрійцамъ соображать свои дѣйствія съ маршемъ и боемъ передовыхъ русскихъ войскъ: роль австрійскаго главнокомандующаго (какъ и Каменскаго при Козлуджѣ) сводилась въ такомъ случаѣ къ разрѣшенію тактической задачи, заданіе которой создавалось маневрами С. На правильное рѣшеніе подобной задачи Кобургомъ С. могъ разсчитывать: способности и боевыя качества австрійскаго вождя были ему извѣстны.

Въ силу этихъ соображеній, С. только въ 11 ч. вечера 18-го послалъ Кобургу, приведенному въ полное недоумѣніе страннымъ поведеніемъ союзника, короткую записку: войска выступаютъ въ два часа ночи 3 колоннами... Русскіе въ средней колоннѣ; непріятеля атаковать всѣми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влѣво. Выхода Кобургу, въ сущности, не было, спорить было некогда—оставалось принять записку къ свѣдѣнію и руководству. Въ 3 часа ночи войска начали переправу черезъ Тротушъ и послѣ краткаго роздыха въ Калиманешти продолжили маршъ до Маринешти, гдѣ, имѣя въ тылу Серетъ, фронтъ и лѣвый флангъ прикрытыми болотистой рѣчкой, оставались до вечера 20 іюля. Отсюда, двумя колоннами (австрійской и русской), двинулись къ р. Путнѣ. С. съ русской колонной, усиленной нѣсколькими австрійскими частями, шелъ—во исполненіе своего намѣренія—кратчайшимъ путемъ и до подхода австрійцевъ форсировалъ своими передовыми войсками переправу черезъ р. Путню, которую активно, но весьма неискусно оборонялъ Османъ-паша съ 6 тыс. янычаръ и спаговъ. Къ утру 21-го по назначенному за ночь мосту союзника перешли Путню и выстроились въ боевой порядокъ, въ 3 линіи: на правомъ флангѣ австрійцы, на лѣвомъ С., имѣя въ 1-й и 2-й линіяхъ 5 каре пѣхотныхъ въ шахматномъ порядкѣ, въ 3-й линіи — конницу. Связью между австрійцами и русскими служилъ выдвинутый впередъ авангардъ Карачая.

Потерявъ переправу, Османъ-паша попытался задержать движеніе союзниковъ къ Фокшанамъ въ густомъ лѣсу, лежавшемъ на пути ихъ слѣдованія и представлявшемъ крупныя удобства для обороны. Но использовать ихъ турки не сумѣли. Обстрѣлявъ опушку лѣса артиллеріей, союзники безъ труда отбили фланговыя контръ-атаки противника, и когда послѣ 2-часовыхъ усилій турки отхлынули—С. двинулъ свой отрядъ долиной Путни, по слѣдамъ отступавшей главной массы непріятеля. Кобургу оставалось только послѣдовать за второй массой турокъ, отступавшихъ западнѣе лѣса. Такимъ образомъ естественно совершился обходъ лѣса съ обоихъ фланговъ: противникъ поспѣшилъ очистить его, отойдя къ Фокшанамъ, гдѣ за земляными окопами стояли главныя силы турокъ—до 30.000, подъ начальствомъ Дервишъ-Мухаммада.

По заросли, пробиваясь сквозь цѣпкій кустарникъ, на рукахъ подтаскивая орудія, войска С. шли бѣглымъ шагомъ, чтобы успѣть раньше австрійцевъ выйти на равнину. Это удалось. Не теряя времени, С. наскоро обстрѣлялъ артиллеріей окопы праваго фланга турокъ, противъ котораго онъ развернулся, отбилъ кавалерійскую атаку и двинулъ въ штыки три баталіона гренадеръ, на глазахъ показавшихся изъ-за лѣса австрійцевъ безъ выстрѣла ворвавшіеся въ окопы. Противъ спаговъ, составлявшихъ крайній правый флангъ турокъ, отряжена была конница. Кобургъ, развернувшись, въ свою очередь безъ замедленія атаковалъ оставленные ему центръ и лѣвый флангъ. Послѣ короткаго, но жаркаго боя турки дали тылъ, и только часть ихъ въ порядкѣ отошла на крѣпкій монастырь св. Самуила, лежавшій за флангомъ и служившій какъ бы редюитомъ передовыхъ укрѣпленій. Въ погоню за бѣжавшими турками выслана была легкая кавалерія; пѣхота окружила монастырь. Послѣ артиллерійской подготовки, продолжавшейся больше часа, С. совмѣстно съ австрійцами и на этотъ разъ по соглашенію съ Кобургомъ съ двухъ сторонъ

атаковалъ бреши: монастырь былъ взятъ, защитники переколоты. Часъ спустя занятъ австрійцами безъ потерь второй монастырь, св. Іоанна, прикрывавшій правый флангъ брошенной турками позиціи.

Турки потеряли до 1.500, до 100 плѣнныхъ, 12 пушекъ, 16 знаменъ; союзники—до 500 человѣкъ; нѣсколько меньше половины этого числа приходилось на русскихъ.

С. не удалось развить успѣха. Какъ ни настаивалъ онъ передъ Репнинымъ на дальнѣйшемъ движеніи, указывая, что «незачѣмъ колоть тупымъ концомъ вмѣсто остраго», ему категорически предписано было вернуться. 23-го С. выступилъ обратно и 25-го прибылъ въ Бырладъ, куда къ 29-му подтянулись обозы.

За Фокшаны С. получилъ: брилліантовый крестъ и звѣзду къ ордену св. Андрея Первозваннаго отъ Императрицы; отъ Императора Австрійскаго—богатую табакерку съ брилліантовымъ шифромъ, при милостивомъ рескриптѣ.

Августъ прошелъ въ полномъ бездѣйствіи. Только 28 августа Потемкинъ разрѣшилъ Репнину и С. продвинуться впередъ. 2 сентября С. занялъ Карабчешты (сѣвернѣе Текуча), держа связь съ кн. Пав. Потемкинымъ у Фальчи, а 4-го, получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи 30 тыс. турокъ у Браилова, спустился еще южнѣе, къ Пуцени, выславъ разъѣзды на Максимени и Галацъ. Здѣсь получено имъ извѣщеніе отъ фельдмаршала Потемкина о движеніи Репнина къ Табаку, съ предписаніемъ С. атаковать, если передъ нимъ появится непріятель. Предписаніе пришло какъ нельзя болѣе кстати: великій визирь уже перешелъ Дунай у Браилова и, сосредоточивъ болѣе 100.000 войскъ, шелъ къ Рымнику, съ цѣлью разбить австрійцевъ до соединенія ихъ съ русскими и обратиться затѣмъ на Бырладъ—Яссы.

Предупрежденный лазутчиками о грозящей ему опасности, Кобургъ 6 сентября далъ знать С. съ просьбой спѣшить на выручку. Но С. рѣшилъ выждать окончательнаго выясненія обстановки. Черезъ сутки прискакалъ новый гонецъ: визирь въ 4 верстахъ отъ австрійцевъ.

Въ 11 часовъ вечера С. со всѣмъ отрядомъ выступилъ на соединеніе, оставивъ въ Пуцени только форпосты легкихъ войскъ. Но мостъ, который австрійцы давно уже должны были навести у Фурчени для связи съ С., оказался наведеннымъ сѣвернѣе Маринешти, въ 15 верстахъ выше условленнаго пункта. Это заставило потерять два перехода, и только въ ночь на 9-е войска С., съ неимовѣрными затрудненіями, подъ проливнымъ дождемъ, достигли моста у Маринешти. Едва успѣлъ перейти авангардъ, какъ вздувшимся Серетомъ мостъ былъ поврежденъ. Согнали до 1.000 мѣстныхъ жителей; 1.500 солдатъ стали на работу: къ разсвѣту мостъ былъ готовъ, и раннимъ утромъ 10 сентября подошла къ австрійскому лагерю русская кавалерія, а слѣдомъ за нею и С. съ пѣхотой. Онъ примкнулъ къ лѣвому флангу австрійцевъ.

На этотъ разъ Кобургъ самъ явился къ С. для выработки плана предстоящихъ дѣйствій, и совѣщаніе такимъ образомъ состоялось. С. настаивалъ на немедленной атакѣ; то, что турки ограничивались до сихъ поръ аванпостными стычками, служило для него неопровержимымъ указаніемъ, что сосредоточеніе противника не закончено, визирь ждетъ подкрѣпленій. Кобургъ колебался: союзниковъ было 24 тысячи, противникъ вчетверо сильнѣе. Не расположенный терять время на споры, С. положилъ имъ конецъ заявленіемъ, что если Кобургъ не согласенъ, онъ атакуетъ одними русскими войсками. Кобургу пришлось уступить.

Подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго подъема, отъ лихорадки, которой страдалъ С. въ Пуцени, не осталось и слѣда. Онъ немедленно выѣхалъ съ нѣсколькими офицерами и партіей казаковъ на рекогносцировку къ р. Рымнѣ и съ высокаго дерева обозрѣлъ поле предстоявшаго боя и расположеніе противника.

Турки стояли въ 3 группахъ. 12-тысячный отрядъ Гаджи-паши-Сальтара—на сильно укрѣпленной позиціи у Тыргокукули; 3-бунчужный Ага-паша—съ 70.000, въ укрѣпленіяхъ у Мартинешти; самъ визирь съ 20.000—около Одая, не переходя р. Рымникъ. Мѣстность представляла огромныя выгоды туркамъ. Лагерь турокъ у Тыргокукули былъ прикрытъ съ фронта рѣкою Рымною, съ фланга—скрытымъ кукурузою оврагомъ; лагерь у Мартинешти—съ сѣверо-запада дугообразнымъ крутымъ оврагомъ, прикрывавшимъ доступъ на обширное поле, западнѣе Мартинешти, гдѣ свободно могла развернуться сильная армія. Оврагъ этотъ усиливался: въ центрѣ—лѣсомъ Крынгомейлоръ, приспособленнымъ къ оборонѣ;

на лѣвомъ флангѣ—также приспособленной къ оборонѣ деревней Бокзой. Связью обороны обѣихъ турецкихъ позицій—у Тургокукули и Крынгомейлора служилъ лѣсъ Каята. Къ сторонѣ Рымны шли овраги, образовавшіе 3 отдѣльныхъ хребта и служившіе какъ бы передовыми позиціями передъ Крынгомейлорскимъ лѣсомъ.

При трудности предстоявшаго дѣла вопросъ объ организаціи руководства боемъ пріобрѣталъ исключительную важность. Отъ наиболѣе правильнаго рѣшенія этого вопроса—объединенія командованія въ однѣхъ рукахъ—С. приходилось отказаться, такъ какъ объединеніе возможно было только въ рукахъ Кобурга, какъ старшаго по чину и положенію, на что русскій полководецъ очевидно согласиться не могъ. Двоевластіе въ союзномъ отрядѣ представлялось такимъ образомъ неизбѣжнымъ. Чтобы сохранить его только по внѣшности и объединить фактически руководство боемъ въ своихъ рукахъ, С. не могъ прибѣгнуть къ способу, примѣненному имъ 18 іюля; онъ былъ хорошъ при простой обстановкѣ Фокшанъ, но недопустимъ при предстоявшихъ сложныхъ маневрахъ Рымника. Въ данномъ случаѣ соглашеніе, указаніе самостоятельныхъ задачъ обоимъ корпусамъ становилось необходимымъ. Не полагаясь на австрійцевъ, С. рѣшилъ отвести имъ только вспомогательную, второстепенную роль въ бою—принявъ всю тяжесть боя на русскія войска. Ими, только при содѣйствіи австрійцевъ, предполагалъ онъ атаковать обѣ массы противника, обнаруженныя имъ: первоначально покончить съ турками у Тыргокукули, прикрывая свой флангъ и тылъ медленнымъ наступленіемъ австрійцевъ къ Крынгомейлору; затѣмъ, перемѣнивъ фронтъ, сомкнуться у Крынгомейлорскаго лѣса съ правымъ флангомъ австрійцевъ для совмѣстной и, слѣдовательно, подъ личнымъ его, С., руководствомъ—атаки главной турецкой позиціи. Весь планъ былъ рискованъ; въ частности, для марша отъ Тыргокукули къ Крынгомейлору С. предстояло мѣнять въ бою фронтъ дѣйствій, при условіяхъ, которыхъ нельзя было даже предвидѣть; но С. твердо вѣрилъ въ себя и свои войска, и планъ этотъ представлялся ему во всякомъ случаѣ менѣе рискованнымъ, чѣмъ ближайшее привлеченіе австрійцевъ къ рѣшенію дѣла. Чтобы обезпечить правильное выполненіе своихъ предположеній, С. не посвятилъ въ нихъ Кобурга: онъ ограничился сообщеніемъ ему только первой половины плана—порядка перехода черезъ Рымну и наступленія къ Мартинешти.

Съ заходомъ солнца, русскіе перешли Рымну въ бродъ у лѣса Богачъ, австрійцы переправились у Чорешти; отряды двинулись по указаннымъ направленіямъ: С. берегомъ Рымны къ Тыргокукули, уступомъ кзади отъ него отрядъ Карачая, назначенный для связи съ австрійцами, еще лѣвѣе и кзади—главныя силы Кобурга, направлявшіяся къ Крынгомейлорскому лѣсу. Начавъ наступленіе фронтально, Кобургъ вскорѣ однако понялъ, что подобный маршъ крайне невыгоденъ, такъ какъ ведетъ къ вѣерообразной разброскѣ силъ, и перемѣнилъ его на облическій, выдѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ вправо еще отрядъ, для связи съ постепенно отдалявшимся отъ главныхъ силъ Карачаемъ. Такимъ образомъ маршъ союзниковъ свелся къ простому и крайне выгодному наступленію уступами.

Русскіе шли въ четыре линіи: въ первой—3 баталіона гренадеръ; во второй—1 грен. баталіонъ, 2 пѣх. полка; въ третьей—по 3 эскадрона карабинерныхъ полковъ: Рязанскаго, Стародубовскаго, Черниговскаго, и 2 дивизіона австрійскихъ гусаръ; въ четвертой—арнауты, имѣя на обоихъ флангахъ донскихъ казаковъ Грекова. С. находился въ первой линіи, при среднемъ каре. Подвигаясь полями, заросшими кукурузой и бурьяномъ, русскія войска почти у самаго Тыргокукули наткнулись на глубокій оврагъ и отъ неожиданности замялись. Этимъ моментомъ воспользовался Гаджи-Сальтари-паша. Открывъ сильный артиллерійскій огонь по столпившимся у оврага русскимъ, онъ бросилъ имъ въ лѣвый флангъ, изъ-за лѣса Каяты, нестройныя толпы своей конницы. Лѣво-фланговыя каре первыхъ трехъ линій встрѣтили и отбили атаку. Остальныя войска, не задерживаясь, перешли оврагъ, отбили фронтальную атаку легкой турецкой кавалеріи и послѣ 3-часового упорнаго боя выбили турокъ изъ лагеря у Тыргокукули. Противникъ бѣжалъ по Рымникской дорогѣ, преслѣдуемый Рязанцами и Стародубовцами.

Великій визирь, узнавъ о наступленіи союзниковъ, выслалъ 15 тысячъ янычаръ для занятія Крынгомейлорскаго лѣса, дви-

нувъ туда же отъ Мартинешти всю свою кавалерію, которой было приказано атаковать наступающаго съ обоихъ фланговъ Крынгомейлора. Прибывъ къ лѣсу, турецкая кавалерія вынеслась впередъ въ двухъ массахъ: одна, подвозя на крупахъ 2—3 тысячи янычаръ, бросилась влѣво, противъ русскихъ, показавшихся у лѣса Каята, вторая — на слѣдовавшаго уступомъ сзади отъ нихъ Карачая.

Для С. моментъ этотъ былъ критическимъ: онъ мѣнялъ фронтъ, почти подъ прямымъ угломъ, въ условіяхъ самыхъ невыгодныхъ: лѣсъ Каята былъ еще въ рукахъ турокъ; войска разбросались; Стародубовцы и Черниговцы еще не вернулись съ преслѣдованія; между войсками, бывшими у Тыргокукули, и тремя каре, задержанными первой турецкой атакой передъ врагомъ и шедшими теперь въ лѣсу Каята, чтобы составить крайній лѣвый флангъ новаго русскаго порядка (послѣ перестроенія), образовался интервалъ, прикрытый только егерями. Въ случаѣ успѣха турецкой атаки, направленной именно на этотъ интервалъ и лѣвофланговую группу войскъ, положеніе становилось до крайности опаснымъ: союзники, потерявъ связь и возможность взаимной выручки, рисковали быть разбитыми по частямъ.

Но турки не согласовали своихъ атакъ. Они обрушились сначала на Карачая, были отбиты и повторить атаки не рѣшились, такъ какъ слѣдовавшій за Карачаемъ уступомъ австрійскій отрядъ грозилъ имъ фланговымъ ударомъ. Только тогда двинулась на русскихъ отряженная противъ нихъ кавалерія. Моментъ былъ упущенъ. Встрѣченные съ фронта баталіонами, бывшими у Каята, турки были взяты въ лѣвый флангъ егерями и высланнымъ С. каре Ростовскаго полка; въ правый флангъ ихъ ударилъ безостановочно продвигавшійся впередъ Карачай. Турки бросились назадъ. Лѣсъ Каята, обойденный послѣ отраженія атаки съ обоихъ фланговъ, былъ занятъ русскими безъ затрудненій. Противникъ отошелъ къ д. Бокзѣ.

Съ занятіемъ лѣса С. получалъ прочный опорный пунктъ. Пользуясь близостью колодцевъ, онъ далъ войскамъ получасовой отдыхъ и отправилъ къ Кобургу полковника Золотухина сообщить вторую часть своей диспозиціи: «предложеніе» концентрически наступать къ оврагу у Крынгомейлорскихъ окоповъ и одновременно съ русскими атаковать турецкіе ретраншаменты и лѣсъ.

Чтобы сомкнуться съ общей линіей послѣдней атаки, С. предстояло сосредоточить свои разбросавшіяся войска и выбить турокъ изъ д. Бокзы, служившей передовой фланговой позиціей на лѣвомъ флангѣ Крынгомейлора.

Успѣшно подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ, С. атаковалъ Бокзы съ трехъ сторонъ, концентрически стягивая къ селенію 3 группы, на которыя въ теченіе боя разбились его войска. Новая контръ-атака турокъ противъ крайняго лѣваго фланга была отбита фланговымъ ударомъ Карачая. Деревня и оборонявшая ее батарея взяты съ одного удара, и С. примкнулъ свои сосредоточившіяся, наконецъ, войска къ правому флангу австрійцевъ, подошедшихъ уже къ Крынгомейлорскому лѣсу, подъ безпрерывными налетами турецкой конницы.

Около 4 ч. дня вся линія одновременно перешла въ наступленіе. Когда она была саженяхъ въ 400 отъ непріятеля, по сигналу, въ интервалы ея вынеслась кавалерія и, безъ труда перескочивъ рвы и неоконченные низкіе окопы, на полномъ карьерѣ врубилась въ ряды оторопѣвшихъ отъ неожиданности янычаръ. Подъ прикрытіемъ этой блестяще задуманной С. атаки, пѣхота союзниковъ безъ потерь подошла къ окопамъ. Янычары дрались съ необычайнымъ упорствомъ. Но когда высланныя еще до завязки боя въ обходъ кавалерійскія части вступили въ лѣсъ, грозя отрѣзать отступленіе, ряды турокъ были охвачены паникой и въ безпорядкѣ бросились назадъ, къ Мартинешти, настойчиво преслѣдуемые конницей. Всѣ усилія великаго визиря, съ кораномъ въ рукѣ пытавшагося остановить бѣглецовъ, оказались напрасными. Мартинештскій лагерь былъ брошенъ безъ боя. Паническое бѣгство продолжалось далеко за Рымникъ. Только ночь положила конецъ рѣзнѣ. С. остановилъ свои войска, въ бою выдвинувшіяся въ первую линію, въ Мартинештскомъ лагерѣ. Нѣсколько отступя назадъ, спѣшилъ свой отрядъ Карачай. Еще дальше сзади стали на отдыхъ австрійцы.

Лагерь визиря за р. Рымникъ, невидимый съ поля, остался незанятымъ. Только на слѣдующій день казаки и арнауты обна-

ружили его —перебили задержавшихся тамъ турокъ и взяли богатую добычу.

Уронъ турокъ доходилъ до 15.000. Въ плѣнъ взято всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Побѣдителямъ досталось 100 знаменъ, 80 орудій, стада скота, нѣсколько тысячъ повозокъ. Союзники потеряли до 1.500 человѣкъ, причемъ до 1.000 (по австрійскимъ даннымъ) приходилось на русскія войска, на своихъ плечахъ вынесшихъ всю тяжесть боя.

На 3-й день С. разстался съ Кобургомъ и малыми переходами вернулся въ Бырладъ. Съ небывалой щедростью наградила Екатерина С. за Рымникскую побѣду. Ему были пожалованы графскій титулъ «Рымнискаго», Георгій 1-го класса, бриллiантовый перстень и рескриптъ. Императоръ Австрійскій пожаловалъ ему титулъ графа священной Римской Имперіи. «Горячка въ мозгу...», писалъ С. дочери: «чуть, право, отъ радости не умеръ». «Монаршіи сіи благоволенія я не вмѣщаю въ радости моей. Слѣдуя и прошедшія времена, не нахожу никому таковаго въ одномъ милостиваго награжденія» (письмо Потемкину).

Послѣ Рымникскаго разгрома снова наступило затишье — до осени слѣдующаго года. С. скучалъ въ Бырладѣ, удѣляя свои досуги изученію турецкаго языка и чтенію и мечтая о совмѣстномъ съ австрійцами наступленіи за Дунай. Смѣлый проектъ такого наступленія, одобренный Кобургомъ, былъ посланъ имъ Потемкину «на усмотрѣніе». Но Потемкинъ, проводившій время въ Яссахъ и Бендерахъ, даже не удостоилъ С. отвѣта. Рымникская побѣда осталась совершенно неиспользованной.

Австрія, въ силу состоявшагося съ Пруссіей на Рейхенбахскомъ конгрессѣ соглашенія, 19 сентября 1790 г. заключила перемиріе съ Турціей: одной изъ статей договора закрывался русскимъ доступъ за Серетъ, въ занятую австрійцами Валахію. Это сковывало наши операціи, ограничивая возможный раіонъ наступленія за Дунай узкой полосой между Галацемъ и моремъ, защищенной крѣпостями Исакчей, Тульчей, Измаиломъ, Килiей и Браиловымъ.

Кампанія 1790 года началась поздно: только въ сентябрѣ русскія войска съ Днѣстра двинулись на Дунай.

Дѣйствія велись энергично. Уже 18 октября пала Килія, 7 ноября Тульча, 13 ноября Исакча. Съ занятіемъ ихъ одинъ Измаилъ «вязалъ руки для предпріятій дальнихъ». Обойти его, при малочисленности русской арміи — было опасно, на взятіе — надеждъ было мало. Крѣпкій, «безъ слабыхъ мѣстъ» въ широкомъ поясѣ охватывавшихъ его укрѣпленій, Измаилъ оборонялся 40-тысячнымъ гарнизономъ— цѣлой арміей; свыше 200 орудій стояло на веркахъ; боевые припасы въ изобилiи; провіанту—на полтора мѣсяца. Въ несокрушимости Измаила турки были увѣрены. И пока онъ стоялъ — на удачный исходъ мирныхъ переговоровъ, уже завязавшихся въ Журжевѣ, разсчитывать было невозможно.

Безнадежно тянулась начатая Потемкинымъ осада. Начальникъ гарнизона Измаила, испытанный въ бояхъ Айдосъ-Мехмедъ-паша пренебрежительно отвергалъ всякіе переговоры. Приближалось холодное время года; въ осадномъ корпусѣ не хватало ни топлива, ни продовольствія. Духъ войскъ замѣтно падалъ. Собранный военный совѣтъ, «нѣкоторый родъ сейма нерѣшительнаго», постановилъ, въ виду невозможности оставаться подъ крѣпостью и недостаточности силъ для штурма (35 тыс. противъ 42)—перейти отъ «обложенія» къ дальней блокадѣ, т. е. простому наблюденію за крѣпостью.Ославъ свое постановленіе Потемкину, проводившему время въ Бендерахъ среди безконечныхъ празднествъ, начальники частей, не дожидаясь отвѣта, стали отводить войска отъ крѣпости, при радостныхъ кликахъ и пальбѣ турокъ, торжествовавшихъ снятіе осады.

Но колеблющійся, осторожный Потемкинъ на этотъ разъ не согласился съ постановленіемъ совѣта. Императрица настойчиво требовала заключенія мира, невозможнаго, пока стоялъ Измаилъ. Потемкинъ рѣшился на крайнее средство. 30 ноября С., стоявшій съ корпусомъ въ Галацѣ, получилъ ордеръ главнокомандующаго: «...остается предпринять съ Божьей помощью на овладѣніе Измаила... Извольте поспѣшить туда для принятія всѣхъ частей въ вашу команду... Моя надежда на Бога и на вашу храбрость». С. кратко донесъ: «Получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ свою помощь». Назна-

чивъ подъ Измаилъ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, 2 сотни казаковъ, 1.000 арнаутовъ, 150 охотниковъ Апшеронскаго полка, С. самъ выѣхалъ немедленно съ небольшимъ конвоемъ и 2 декабря утромъ былъ уже подъ Измаиломъ.

Его прибытіе было понято всѣми, отъ перваго генерала до послѣдняго солдата. Штурмъ.

Немедленно вернувъ на прежнія мѣста отходившія войска, С. съ обычной энергіей принялся за подготовку штурма. Осмотръ крѣпости, собранныя полныя и точныя свѣдѣнія о ней и гарнизонѣ, выяснили С. всю неодолимую трудность предстоявшаго дѣла. Но сознаніе это не вызвало въ немъ колебаній. Ни на минуту не явилось въ немъ мысли воспользоваться предоставленнымъ ему Потемкинымъ, безъ всякихъ оговорокъ, правомъ—«оставить Измаилъ, если это окажется нужнымъ для пользы и славы оружія». Никогда, быть можетъ, не работала такъ напряженно мысль С., охватывая всѣ мелочи, предусматривая всѣ случайности предстоявшаго штурма. По систематичности и тщательности подготовки Измаильскій штурмъ не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи.

Днемъ и ночью шло заготовленіе фашинъ и лѣстницъ. По ночамъ войска обучались эскаладѣ на спеціально насыпанномъ валу, точной Измаильской профили, во всей послѣдовательности воспроизводя всѣ акты штурма: подходъ ко рву, забрасываніе фашинами, переходъ, приставленіе и связываніе лѣстницъ, подъемъ на валъ, разбивка палисадовъ и т. д. Днемъ упражнялись въ штыковомъ бою. Самъ С. цѣлые дни проводилъ среди солдатъ; знакомя ихъ съ предстоявшимъ предпріятіемъ, онъ выяснялъ войскамъ значеніе паденія Измаила—онъ сумѣлъ сдѣлать успѣхъ важнымъ, нужнымъ, близкимъ каждому — до послѣдняго обознаго.

Одновременно съ этимъ шла работа съ командным составомъ. Будущіе начальники штурмовыхъ колоннъ и возможные ихъ замѣстители были привлечены къ участію въ рядѣ рекогносцировокъ подступовъ къ крѣпости и самой крѣпости. Руководилъ ими самъ С., указывавшій направленіе и задачу каждой колонны, разъясняя способы и средства къ разрѣшенію каждой отдѣльной задачи. Тайны изъ плана предстоявшаго штурма онъ отнюдь не дѣлалъ, стремясь, напротивъ того, возможно шире ознакомить съ нимъ и начальниковъ и войска. С. не боялся, что перебѣжчики или шпіоны сообщатъ его непріятелю: основная идея, самая сущность Измаильскаго штурма осталась тайной для войскъ, тщательно замаскированная искусно составленной диспозиціей. Главный ударъ Суворовской атаки направлялся на наиболѣе доступную, прирѣчную часть Измаила: здѣсь сосредоточены были С. главныя его силы (9.000 Рибаса, колонны Львова, Ласси и отчасти колонна Кутузова),—въ общей сложности до $^2/_3$ всѣхъ бывшихъ въ его распоряженіи войскъ, притомъ всѣ лучшія по боевымъ качествамъ (Фанагорійцы, Апшеронцы, Черноморскіе казаки и т. д.). Задача остальныхъ штурмовыхъ колоннъ сводилась къ демонстраціи, имѣвшей цѣлью разсосредоточить войска противника на всемъ 6-верстномъ протяженіи крѣпостной ограды. Такое разсосредоточеніе могло удасться только при крайней настойчивости атакъ демонстрирующихъ колоннъ; а настойчивость была возможна лишь въ случаѣ, если войска будутъ далеки отъ мысли, что атака ихъ—«показная». И С. въ диспозиціи и въ бесѣдахъ съ солдатами и офицерами сумѣлъ скрыть разницу въ значеніи колоннъ: казалось, предстоитъ равномѣрная атака по всему фронту. Если бы въ этой формѣ планъ и былъ сообщенъ туркамъ — это могло только облегчить задачу С., содѣйствуя успѣху задуманной имъ демонстраціи.

Для отвлеченія вниманія противника, для созданія внезапности, ежедневно производились фальшивыя тревоги. Дабы «показать видъ осады», на флангахъ сухопутнаго расположенія въ ночь на 7 декабря заложены были въ 160—200 саж. отъ крѣпости 4 осадныя батареи, на 10 полевыхъ 12-фунтовыхъ орудій каждая. Въ ночь на 9-е онѣ были закончены.

9 декабря генералы, постановившіе 26 ноября отступленіе, снова были созваны на совѣтъ. Въ его резолюціи еще разъ сказалась великая духовная сила С.: безъ колебаній, съ одушевленіемъ, глубокимъ и искреннимъ, единогласно рѣшенъ былъ штурмъ. «Ибо отступленіе предосудительно побѣднымъ Ея Величества войскамъ».

Штурмъ былъ назначенъ на 11 января. Наканунѣ началась артиллерійская подготовка. Цѣлый день и всю ночь болѣе 500

орудій съ фланговыхъ батарей, острова Сулина и флотиліи де-Рибаса громили крѣпость. Турки отвѣчали горячо. Въ ночь никто не спалъ. Начальникамъ было предписано оставаться при своихъ частяхъ, «внушая мужество и твердыя мѣры къ успѣху». Напряженно ждали первой ракеты — сигнала строиться. Выводить войска до нея было запрещено, «чтобы людей не удручать медленіемъ къ пріобрѣтенію славы».

С. часть ночи провелъ среди солдатъ; затѣмъ прилегъ къ огню на своемъ бивакѣ, но не спалъ. Въ глубокомъ молчаніи окружала его многочисленная свита: чины полевого штаба, адъютанты, ординарцы... Всѣ были сосредоточены. И самъ С. какъ-то замкнулся, ушелъ въ себя въ эту ночь передъ штурмомъ, «на который можно рѣшиться разъ въ жизни». Полученное имъ письмо отъ Императора Австрійскаго осталось нераспечатаннымъ.

На разсвѣтѣ артиллерія, не ослабляя огня, смѣнила боевые снаряды на холостые. Въ 3 ч. ночи, въ густомъ туманѣ, взвилась первая ракета—войска стали въ ружье; по второй—они подошли на 200 шаговъ къ крѣпости и по третьей—въ $5^1/_2$ ч. утра—двинулись на штурмъ.

Въ первый разъ за свою боевую жизнь С. не былъ въ самомъ разгарѣ боя, на опаснѣйшемъ пунктѣ. Съ кургана, на сѣверной сторонѣ, онъ зорко слѣдилъ за ходомъ штурма, при помощи отборной летучей ординарческой команды получая донесенія, отправляя приказанія, готовый двинуть въ критическій моментъ оставшіеся въ его распоряженіи слабые резервы. Но моментъ этотъ не наступилъ. Увлекаемыя примѣромъ начальниковъ, штурмовыя колонны почти одновременно поднялись на валъ. Предупрежденные о штурмѣ перебѣжчиками еще наканунѣ, турки оборонялись ожесточенно, но къ 8 ч. были сбиты на всей линіи, и крѣпостная ограда была прочно занята русскими. Только одна колонна—четвертая, Орлова, составленная изъ спѣшенныхъ казаковъ, вооруженныхъ укороченными дротиками—заколебалось было подъ ударомъ сильной турецкой вылазки во флангъ. Но С. быстро двинулъ ей на выручку всѣ конные резервы съ лѣваго крыла, резервъ третьей колонны, 2 эскадрона Сѣверскихъ карабинеръ, конный казачій полкъ Сычева, посланный карьеромъ. Турки были смяты. Колонна поднялась на валъ. Утвердившись на валахъ, введя резервы черезъ открытыя войсками ворота, С., не давая противнику оправиться, двинулъ войска внутрь—на штурмъ города, гдѣ на площадяхъ, улицахъ, въ домахъ, обращенныхъ въ крѣпости, готовилась упорная оборона. Съ неимовѣрными трудностями, съ боя беря каждую пядь земли, русскіе отряды, концентрически наступая, сжимали турокъ въ сплошное желѣзное кольцо. 8 часовъ длилась рѣзня. Только къ 4 часамъ стали смолкать выстрѣлы: все, что было въ Измаилѣ—было въ плѣну или полегло. Начался грабежъ.

Оправдались слова, написанныя С. сераскиру, по прибытіи подъ Измаилъ, при требованіи сдачи: «первые мои выстрѣлы—неволя, штурмъ—смерть». Изъ 42-тысячнаго гарнизона осталось на мѣстѣ 31 тысяча. 9 тысячъ взято въ плѣнъ: спасся бѣгствомъ только одинъ турокъ. Но и русскіе купили побѣду не дешево: потери доходили до 8—10 тысячъ. 245 пушекъ, 364 знамени, 7 бунчуковъ, 2 санджака, 3.000 пудовъ пороха, 42 судна, до 10.000 лошадей достались побѣдителямъ.

Трудно передать словами впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Измаила на Европу и Турцію. Систовскія конференціи, на которыхъ подготовлялась коалиція противъ Россіи, прекратились; изъ Мачина и Бабадага стали разбѣгаться жители; въ Браиловѣ, несмотря на присутствіе 12-тысячнаго гарнизона, населеніе потребовало отъ паши немедленной сдачи въ случаѣ появленія русскихъ. Въ Константинополѣ заговорили о созывѣ народнаго ополченія, объ укрѣпленіи столицы... Путь за Балканы былъ открытъ. Но, несмотря на всѣ настоянія Императрицы, Потемкинъ отказался использовать создавшееся положеніе. Онъ упорно стоялъ на своемъ: время позднее, пора на зимнія квартиры.

Черезъ недѣлю послѣ штурма, отведя войска въ Галацъ, С. выѣхалъ въ Яссы къ Потемкину. Онъ ѣхалъ къ нему инымъ человѣкомъ. Никто лучше самого С. не могъ оцѣнить Рымника и Измаила. Упоенный сознаніемъ силы своего военнаго генія, съ такой полнотой проявившейся въ этихъ дѣлахъ, онъ временно утратилъ то ясное, трезвое отношеніе къ дѣйствительности, которое отличало его обыкновенно. Ему

казалось, что теперь, когда его имя гремѣло далеко за предѣлами Россіи, его судьба не могла уже зависѣть отъ случайной прихоти временщика или интриги «государственныхъ непріятелей». С. считалъ себя отнынѣ свободнымъ отъ гнета необходимости, заставлявшей его сдерживать свое болѣзненное самолюбіе, сгибать голову передъ сильными. И когда Потемкинъ, съ почетомъ встрѣтившій его у входа въ Ясскій дворецъ, спросилъ: «Чѣмъ мнѣ наградить ваши заслуги»,—С. рѣзко отвѣтилъ: «Ничѣмъ, князь. Я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ. Кромѣ Бога и Государыни никто меня наградить не можетъ». Слова эти были разрывомъ.

Первоначально С. не придалъ этому особой важности, тѣмъ болѣе, что возвышеніе Платона Зубова давало поводъ полагать, что прежняго вліянія при Дворѣ Потемкинъ имѣть уже не будетъ. Но Высочайшій рескриптъ отъ 11 декабря вернулъ С. къ дѣйствительности: вмѣсто фельдмаршальскаго жезла, котораго онъ ожидалъ за Измаилъ, или по меньшей мѣрѣ генералъ-адъютантскаго званія, онъ былъ пожалованъ — подполковникомъ Преображенскаго полка, 11-мъ по списку, въ которомъ выше его стояли лица безъ всякихъ заслугъ, кромѣ долголѣтней службы. Подобная оцѣнка Измаильской побѣды глубоко обидѣла С.: онъ счелъ ее не честью, а «стыдомъ». Но еще рѣзче сказался этотъ, по его выраженію, «Измаильскій стыдъ», когда, откомандированный 2 февраля отъ арміи, С. прибылъ въ Петербургъ. При Дворѣ онъ встрѣченъ былъ холодно. Несмотря на сближеніе съ Платономъ Зубовымъ, онъ былъ рѣдкимъ гостемъ во дворцѣ. За два съ лишнимъ мѣсяца пребыванія въ столицѣ онъ только дважды (6 марта и 17 апрѣля) приглашенъ былъ въ Эрмитажъ и три раза—15, 21 и 24 апрѣля—къ Высочайшему столу.

Частыя приглашенія въ періодъ съ 15 по 24 апрѣля объясняются, повидимому, желаніемъ Императрицы смягчить нѣсколько предстоявшую высылку С. изъ Петербурга. Нельзя назвать иначе данную С. 24 апрѣля спѣшную командировку на шведскую границу—для осмотра ея, такъ какъ единственной причиной ея было нежеланіе Потемкина видѣть С. 28 апрѣля въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ бывшій фаворитъ давалъ въ этотъ день роскошный праздникъ въ честь подвиговъ минувшей войны и въ особенности Измаильскаго штурма.

Выѣхавъ 25 апрѣля, С. приложилъ всѣ силы, чтобы по возможности скорѣе закончить эту непріятную командировку и быть свободнымъ къ началу предстоявшей кампаніи.

Работа была дѣйствительно выполнена съ необычайной быстротой. Къ 18 мая онъ представилъ уже Екатеринѣ отчетъ и проектъ укрѣпленія границы на случай наступательной войны со стороны Швеціи. Императрица одобрила проектъ и предложила С. выполнить его лично. С. понялъ, что, пока Потемкинъ въ силѣ, на лучшее разсчитывать нельзя, — и согласился. «Играть хоть въ бабки, коли въ кегли нельзя».

Государыня была чрезвычайно довольна согласіемъ С. Въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ, которые С. провелъ еще въ Петербургѣ, онъ почти ежедневно приглашался во дворецъ, сопровождалъ Екатерину въ ея поѣздкахъ въ Павловскъ и Царское и былъ окруженъ самыми лестными знаками вниманія. Въ Финляндію онъ выѣхалъ только въ послѣднихъ числахъ іюня.

Все еще не потерявъ надежды получить другое назначеніе, по окончаніи возложенныхъ на него работъ, С. съ особенной энергіей принялся за дѣло. За время пребыванія его въ Финляндіи усилены укрѣпленія Фридрихсгама, Вильманстранда и Давидштата; исправленъ и усиленъ Нейшлотъ; построены новые форты—Ликкола, Утти и Озерной; оборонительныя средства Саволакской дороги усилены проведеніемъ каналовъ; наконецъ, воздвигнуты сильныя укрѣпленія на островахъ при Роченсальмѣ, а на сухомъ пути заложена крѣпость Кюменгардъ; этотъ пунктъ — любимое финляндское дѣтище С., сталъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южной части финляндской границы. Всѣ постройки велись подъ непосредственнымъ наблюденіемъ С. Для ускоренія и удешевленія ихъ С. строилъ кирпичные заводы, жегъ известь; на особой стройки судахъ подвозилъ строительные матеріалы изъ Ямбурга и Петербурга. Не меньше энергіи и труда потребовалось, чтобы привести въ порядокъ подчиненныя С. войска и флотилію. Полки Финляндской дивизіи, переполненные кригсрехтными (осужденными по суду) и выпи-

санными за проступки изъ гвардіи, были худшими войсками въ Имперіи. Дезертирство, вообще сильно развитое въ то время въ пограничныхъ войскахъ, доходило здѣсь до предѣловъ необычайныхъ. Помимо нравственныхъ качествъ финляндскихъ войскъ объяснялось это и тяжестью службы въ странѣ, гдѣ скорбутъ и др. болѣзни уносили ежегодно почти половину состава. Путемъ эвакуаціи госпиталей, представлявшихъ въ то время гнѣзда заразы, а не лечебныя заведенія, и широкаго проведенія въ жизнь казармы мѣръ гигіеническихъ, С. удалось въ значительной мѣрѣ сократить смертность. Съ другой стороны—всячески «облегчая солдатство», С. стремился поднять въ войскахъ дисциплину путемъ усиленныхъ строевыхъ занятій и отвлечь ихъ отъ праздности участіемъ въ строительныхъ работахъ. Обученіе велось по обычной Суворовской системѣ, въ полѣ, въ боевой обстановкѣ. «Оболгали мы здѣсь невозможность всемѣстныхъ маневровъ», пишетъ онъ, намекая на установившееся мнѣніе о невозможности полевого обученія войскъ въ такой мѣстности, какъ Финляндія.

Кромѣ войскъ, въ вѣдѣніи С. находилась гребная флотилія (до 125 судовъ съ 850 орудіями), большая часть которой находилась въ шхерахъ, меньшая—на озерѣ Сайма. Съ обычной добросовѣстностью относясь къ исправленію новаго для него дѣла,—командованія флотомъ, С. старался пополнить свой небогатый въ этой области опытъ, пріобрѣтенный на Очаковскомъ лиманѣ, личнымъ участіемъ въ морскихъ ученіяхъ и маневрахъ. Существуютъ указанія, что С. бралъ частные уроки морского дѣла и даже сдалъ экзаменъ на мичмана.

Труды С. по упорядоченію Финляндской дивизіи не дали, однако, блестящихъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ улучшеніе было слишкомъ малозамѣтнымъ, чтобы заставить замолчать петербургскихъ недруговъ и завистниковъ С. Въ Петербургѣ ходили самые нелѣпые слухи о состояніи войскъ и эксплоатаціи С. солдатскаго труда. Услужливо сообщаемыя С. его племянникомъ, Хвостовымъ, «плевелы эти» до крайности волновали С.: онъ выходилъ изъ себя, обращался въ военную коллегію, грозилъ потребовать сатисфакціи отъ клеветниковъ. Милостивый, но холодный пріемъ, который встрѣчалъ онъ при Дворѣ во время рѣдкихъ своихъ наѣздовъ въ Петербургъ, заставлялъ его думать, что слухамъ о немъ Императрица придаетъ вѣру; у него явилось даже опасеніе, что онъ совершаетъ крупную ошибку, торопясь закончить порученныя ему въ Финляндіи постройки: вмѣсто новаго назначенія, по выполненіи этой командировки, онъ можетъ оказаться вовсе не у дѣлъ. С. попытался закрѣпить свое положеніе, «устроить себѣ пристань», начавъ хлопоты о назначеніи командующимъ Финляндской дивизіи. Но Императрица уклончиво отвѣтила,—«дивизіей обременять его не хочетъ, такъ какъ онъ потребенъ на важнѣйшее». Слова эти показались С. приговоромъ: онъ счелъ себя окончательно «кассированнымъ въ гарнизонъ». «Непріязненнаго ко мнѣ князя Потемкина сдѣлалъ или вѣчнымъ злодѣемъ, или обратиться мнѣ паки къ нему въ сателиты, послѣдуя всѣмъ прочимъ до единаго, и въ обоихъ видахъ ждать гибели»... Съ нескрываемой тревогой слѣдилъ онъ за успѣшнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ. Побѣды Гудовича и въ особенности Репнина, котораго С. считалъ главнымъ своимъ соперникомъ, казалось, «навлекали ему упадокъ», дѣлали его менѣе необходимымъ правительству: онъ не являлся уже, какъ въ послѣдніе годы, единственнымъ «побѣдоносцемъ» въ арміи.

Опасенія С. какъ будто начинали сбываться. Безъ него окончена была Вторая Турецкая война — и въ ряду блестящихъ награжденій по случаю заключенія мира болѣе чѣмъ скромной была его награда: похвальная грамота съ прописаніемъ заслугъ, эполетъ и перстень, и Георгій 3-го класса для выдачи по его усмотрѣнію. Являясь въ сущности рѣшителемъ этой войны, онъ былъ заслоненъ въ глазахъ современниковъ искусно выдвинутымъ на первый планъ Потемкинымъ, даже Репнинымъ. Началась Вторая Польская война, а С. попрежнему оставался «захребетнымъ инженеромъ», «пониженнымъ въ десятые». Черезъ посредство Хвостова и немногихъ своихъ сторонниковъ при Дворѣ, онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы «противодѣйствовать тайному подкопу» и получить назначеніе въ Польшу. 21 іюня 1791 г. онъ рѣшился даже прямо обратиться къ Екатеринѣ съ просьбой назначить его «съ какимъ отдѣленіемъ войскъ въ Польшѣ». Государыня отвѣтила краткой запиской «Польскія дѣла не требуютъ графа С.»

С. собрался было подать въ отставку или проситься въ иностранную службу: отговорилъ его отъ этого Турчаниновъ, завѣрявшій, что отставки не испугаются и примутъ, а на иностранную службу вступить не разрѣшатъ.

Между тѣмъ на югѣ, подъ вліяніемъ начавшихся, по проискамъ Франціи, вооруженій Турціи, создавалась атмосфера войны. Это чувствовалось и правительствомъ и С., и когда онъ вновь возбудилъ ходатайство о переводѣ, просясь на этотъ разъ въ Херсонъ — его желаніе сочли полезнымъ удовлетворить. 10 ноября 1792 г. послѣдовалъ рескриптъ, поручавшій ему командованіе войсками въ Екатеринославской губерніи, Крыму и вновь присоединенныхъ земляхъ — съ предписаніемъ немедля приступить къ укрѣпленію границы, по утвержденнымъ уже Императрицей проектамъ инженеръ-маіора де-Волана. Одновременно съ этимъ предписано было представить планы и смѣты производящимся въ Финляндіи работамъ, «для приведенія всѣхъ укрѣпленій и каналовъ къ окончанію», и соображенія на случай оборонительной и наступательной войны въ Финляндіи. Представивъ требуемое, С. въ первыхъ числахъ декабря выѣхалъ на югъ. Навѣты на С. за время его финляндскаго командованія не остались безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что со времени неудачнаго сватовства молодого графа Салтыкова къ Наташѣ Суворовой число «государственныхъ непріятелей» С. значительно возросло. Объясненія, которыя давалъ онъ по финляндскимъ дѣламъ, видимо не поколебали твердо установившагося мнѣнія о его «крайностяхъ». Признано необходимымъ не давать ему широкихъ полномочій, свободы дѣйствій; въ мягкой формѣ, но опредѣленно преподаются ему указанія, что и какъ дѣлать. И когда С., по прибытіи на мѣсто горячо принявшійся за дѣло, попытался отступить отъ данныхъ ему инструкцій: во избѣжаніе замедленій въ ходѣ работъ заключилъ контракты съ подрядчиками на огромныя суммы, выдавъ въ обезпеченіе векселя и раздавъ въ задатки 100.000 казенныхъ денегъ, занятыхъ для этой цѣли у адмирала Мордвинова—весьма милостивый по формѣ, но жестокій по существу рескриптъ объявилъ заключенные имъ контракты недѣйствительными и предписалъ, «по мирной порѣ и ненадобности экстренныхъ мѣръ», дѣйствовать впредь не столь поспѣшно и «по закону». Помимо жгучей обиды, которую испыталъ С., получивъ этотъ рескриптъ, неутвержденіе контрактовъ возлагало на него обязанность изъ личныхъ средствъ пополнить розданные имъ задатки, вознаградить подрядчиковъ за понесенные ими расторженіемъ контрактовъ убытки. С. сдѣлалъ уже распоряженіе о продажѣ своихъ новгородскихъ деревень. «Въ какихъ я подлостяхъ», писалъ по этому поводу С. Хвостову,—«и князь Григорій Александровичъ никогда такъ меня не унижалъ». Но на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно. Состоялось новое Высочайшее повелѣніе: «все законтрактованное графомъ Суворовымъ заплатить немедленно и 100.000 рублей, взятые имъ у вице-адмирала Мордвинова, не засчитывать въ число ассигнованныхъ суммъ на построеніе крѣпостей по Днѣпру». Сверхъ того, управляющему банкомъ приказано было отпустить С. 250.000 рублей. Такимъ образомъ дана была возможность продолжать работы съ той же интенсивностью, съ которой онѣ были начаты.

Но для такой работы прежней энергіи уже не было. С. и раньше не любилъ инженернаго дѣла. «Я не инженеръ, а полевой солдатъ, не Тучковъ, а знаютъ меня Суворовымъ, и зовутъ Рымникскимъ, а не Вобаномъ».—«Баталія мнѣ лучше, чѣмъ лопата, извести и пирамида кирпичу». Теперь же, послѣ пережитыхъ непріятностей, онъ занимался постройками съ видимымъ отвращеніемъ. Это сказывается на ходѣ работъ: изъ подписанныхъ имъ за это время плановъ: проекта Фанагорійской крѣпости, 3 проектовъ укрѣпленій Кинбурнской косы и Днѣпровскаго лимана, плана крѣпости Кинбурна, главнаго Депота (Тирасполя), форта Гаджидера (Овидіополя) на Днѣпровскомъ лиманѣ, Гаджибейскаго укрѣпленія, севастопольскихъ укрѣпленій,—только незначительная часть была выполнена.

Не было особливой энергіи и къ работѣ надъ войсками. Финляндскій опытъ показалъ, что мѣры, которыя властенъ примѣнить С., къ коренному оздоровленію повести не могутъ. Работать же съ увлеченіемъ безъ надежды на конечный успѣхъ С. не могъ. Съ другой стороны, служебныя неудачи послѣдняго времени охладили

рвеніе С. и къ трудамъ по боевой подготовкѣ войскъ. Онъ опасался, что въ случаѣ войны прошедшія его школу войска будутъ переданы другому и своими трудами онъ облегчитъ побѣду кому-нибудь изъ соперниковъ по службѣ. «Я выэкзерцирую войска, ихъ могутъ отъ меня отобрать, и ими «они» будутъ бить: для того мнѣ не надлежитъ экзерцировать...» «Не хочу я на иныхъ работать и моимъ хребтомъ ихъ прославлять».

Дѣятельность С. въ Херсонѣ рѣзко отличена была, такимъ образомъ, отъ совершенно аналогичной ей дѣятельности финляндской—своей формальностью, отсутствіемъ «души», которую всегда вкладывалъ С. во всякое свое начинаніе. Въ его характерѣ, въ отношеніи къ окружающимъ сказывалась какая-то озлобленность. Всегда неуживчивый и тяжелый, по отзыву близкихъ людей, С. никогда такъ не «свирѣпствовалъ» какъ въ Херсонѣ.

Въ Петербургѣ о немъ какъ будто забыли. Только однажды, когда возникло опасеніе французскаго десанта на Черноморскіе берега, графъ Зубовъ обратился къ С. съ предложеніемъ представить проектъ защиты береговъ; проектъ этотъ былъ составленъ при сотрудничествѣ де-Волана и представленъ Екатеринѣ. Нѣсколько позднѣе—уже съ цѣлью напомнить о себѣ, С. отправилъ въ Петербургъ еще проектъ-планъ наступательной войны съ Турціей для завоеванія ея. Проектъ былъ сданъ въ архивъ.

Въ то время какъ С. томился въ Херсонѣ, почти безъ надежды на лучшее будущее, на западѣ все шире развертывалась борьба монархій съ юной французской республикой. Съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдя за ходомъ военныхъ дѣйствій, С. мечталъ принять личное участіе въ борьбѣ съ «безбожными французишками», достоинства новой тактики которыхъ онъ сумѣлъ понять и оцѣнить.

Въ іюнѣ 1793 г., когда выяснилось, что предполагаемое вступленіе Россіи въ коалицію противъ Франціи не осуществится, С. подалъ Императрицѣ прошеніе объ увольненіи его волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ «по здѣшней тишинѣ» на всю кампанію. Разрѣшенія не послѣдовало. С. истолковалъ это въ благопріятномъ для себя смыслѣ и временно успокоился, рѣшивъ, однако, что если при первой войнѣ Россіи онъ не получитъ соотвѣтствующаго назначенія «безъ малѣйшихъ препонъ», онъ непремѣнно уѣдетъ заграницу волонтеромъ.

Въ 1794 г. вспыхнуло въ Польшѣ новое, съ Гродненскаго сейма подготовлявшееся возстаніе. Руководимое талантливымъ Косцюшко, оно развивалось быстро и успѣшно. Всѣ главные центры края постепенно очищены были русскими. Нѣсколько мѣсяцевъ тщетно прождавъ назначенія, С. 24 іюля вторично послалъ Императрицѣ прошеніе объ увольненіи его волонтеромъ на Рейнъ, такъ какъ онъ «много лѣтъ безъ воинской практики по своему званію». Екатерина осталась крайне недовольна настойчивостью С., видя въ ней замаскированное требованіе назначенія въ Польшу. Но такъ какъ борьба съ Косцюшкой принимала уже оборотъ неблагопріятный и С. могъ оказаться нужнымъ, она не высказала своего неудовольствія и, отклоняя просьбу С., подчеркнула, что «ежечасно умножаются дѣла дома».

Дѣла дѣйствительно умножались. Операціи, руководство которыми взялъ на себя Высшій Совѣтъ въ Петербургѣ, велись безъ системы, безъ должной энергіи,—шли «по турецкому желанію», какъ выражался Салтыковъ, т. е. по волѣ случая. Въ результатѣ русскія войска «повсюду били и гоняли, а изъ того ничего не выходило». «Ничего не значущая война» становилась «прехитрой и предерзкой». Между тѣмъ приближалась осень, уходъ на зимнія квартиры, предоставлявшій во власть возставшихъ всю Польшу и часть Литвы. Только быстрый и рѣшительный ударъ могъ измѣнить обстановку. Въ сознаніи этого, Румянцевъ, имѣвшій общее командованіе войсками двухъ южныхъ раіоновъ, пограничныхъ съ Турціей и Польшей (С. и Салтыкова), рѣшилъ, безъ сношенія съ кабинетомъ, на свою отвѣтственность, отправить на театръ военныхъ дѣйствій С. Онъ указалъ ему задачу не крупную и чисто демонстративную: «сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю отъ стороны Бреста, Подлясскаго и Трецкаго воеводствъ», дабы облегчить веденіе операцій на главномъ театрѣ. Петербургскій Совѣтъ, ордеръ котораго С. получилъ уже на маршѣ, еще болѣе суживалъ задачу, ограничивъ ее занятіемъ Бреста и устройствомъ тамъ магазиновъ. Но врядъ ли Совѣтъ, и тѣмъ болѣе Румянцевъ, ожидали

что С. останется въ узкихъ рамкахъ, ему предписанныхъ. Уже прочно сложилась къ тому времени репутація его, какъ человѣка, который «ни въ чемъ общему порядку не слѣдуетъ». «Онъ пріучилъ всѣхъ о себѣ такъ думать,—пишетъ нѣсколько позднѣе Салтыковъ Репнину,—ему то и терпятъ». Совѣтъ не могъ дать обширныхъ предписаній С. уже потому, что самъ не представлялъ себѣ, какъ выйти изъ сложившейся обстановки. Онъ, видимо, рѣшилъ предоставить С. «самовольно» рѣшить неразрѣшимую для Петербурга задачу, сохраняя однако за собою право и возможность вмѣшаться въ любую минуту, чего не было бы, если бы С. даны были болѣе широкія полномочія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякая неудача падала цѣликомъ на «самовольство» С.

С. получилъ ордеръ Румянцева (отъ 7 августа) въ Немировѣ, куда онъ перешелъ отъ Ольвіополя, окончивъ съ успѣхомъ въ своемъ раіонѣ разоруженіе польскихъ войскъ, годъ тому назадъ принятыхъ на русскую службу, но «по измѣнившимся обстоятельствамъ» выражавшихъ явное сочувствіе польской инсуррекціи. Онъ съ радостью принялъ порученіе, дававшее ему возможность появиться на театрѣ военныхъ дѣйствій. Конечно, самъ онъ меньше чѣмъ кто-либо думалъ ограничиться исполненіемъ приказа о Брестскомъ «магазейн-вахтерствѣ». «Сильный отворотъ со стороны Бреста» долженъ былъ служить только вступленіемъ въ кампанію. Планъ ея давно уже сложился въ его головѣ; основная мысль этого плана—«искать развязки въ Варшавѣ». С. предполагалъ начать свои дѣйствія ударомъ во флангъ на опорные пункты польскихъ партій вдоль границы; оттѣснивъ уцѣлѣвшія отъ удара партіи въ узкое пространство между Бугомъ и Наревомъ, онъ обезпечивалъ границу по Нареву и связь съ шедшимъ изъ Польши на Литву отрядомъ Ферзена. 14 августа С. съ 4.500 чел. при 10 орудіяхъ выступилъ изъ Немирова на Брестъ и 22-го, пройдя 260 верстъ безъ дневокъ, сталъ въ Варковичахъ, поджидая шедшія отъ Брацлава на соединеніе остальныя части своей дивизіи. Снабдивъ войска продовольствіемъ на 25 дней, онъ перешелъ въ Ковель, гдѣ присоединилъ летучіе отряды Буксгевдена и Маркова къ своему корпусу, доведя силы его до $13^1/_2$ бат., 41 эск., 750 каз. (6.480 пѣх., 3.690 кав., 750 каз., 18 орудій). Изъ Ковеля С. выступилъ 31 августа, слѣдуя на Брестъ кружнымъ путемъ—черезъ Кобринъ, чтобы разбить сначала отряды Сѣраковскаго и Мокрановскаго, бывшихъ на операціонномъ направленіи Брестъ—Пинскъ, и тѣмъ обезпечить свой тылъ.

Вѣроятно для облегченія уже рѣшеннаго имъ «захвата власти» на Польскомъ театрѣ, С. занялъ при своемъ отрядѣ положеніе главнокомандующаго, а не командира корпуса. Онъ организовалъ обширный штабъ, назначилъ себѣ дежурнаго генерала, и непосредственное командованіе своимъ отрядомъ поручилъ генералу П. Потемкину.

Принимая всѣ мѣры, чтобы придать скрытность своему маршу, С. быстро приближался къ Бресту. 3 сентября у Дивина казаки уничтожили почти цѣлую партію въ 300 коней. Плѣнные подтвердили имѣвшіяся уже раньше свѣдѣнія, что Сѣраковскій у Кобрина. Въ ту же ночь С. выслалъ туда всю кавалерію, самъ съ казаками Исаева значительно опередилъ ее, развѣдалъ положеніе противника и на разсвѣтѣ 4-го разсѣялъ захваченный въ Кобринѣ авангардъ Сѣраковскаго въ 400 коней. По показаніямъ плѣнныхъ съ часу на часъ надо было ожидать появленія Сѣраковскаго, съ превосходными силами шедшаго будто бы отъ Крупчицъ. Такъ какъ продолжать движеніе было невозможно, за сильнымъ утомленіемъ лошадей и людей, С. пришлось остановиться на неудобной позиціи на линіи Патрики—Забужки—Мазачи. Войска отдыхали сутки. Сѣраковскій не показывался. 6-го С. поспѣшилъ перевести отрядъ на новую, несравненно лучшую позицію, у Шевни, на правомъ берегу р. Мухавца. На прежней остался Исаевъ съ частью казаковъ; въ Кобринѣ, для поддержки его—7 ротъ Малороссійцевъ и Смоленцевъ.

Сѣраковскій, дѣйствительно, шелъ на встрѣчу русскому отряду. Но узнавъ, что передъ нимъ не Дерфельденъ и Марковъ, какъ онъ думалъ, а корпусъ С., и имѣя подъ ружьемъ всего около 6.000 чел. при 26 орудіяхъ, онъ отказался отъ атаки и рѣшилъ ждать противника у монастыря Крупчицъ на крѣпкой позиціи за болотомъ, усиленной съ фронта пятью батареями.

Не задерживаясь на позиціи у Шевни, С. продолжалъ наступленіе и въ 8 ч. утра 6 сентября атаковалъ Сѣраковскаго. Казаки ударомъ въ пики сбили передовую

польскую конницу: она отошла къ правому флангу, преслѣдуемая Переяславскимъ конно-егерскимъ полкомъ, въ рядахъ котораго находился самъ С., воспользовавшійся этой атакой для рекогносцировки. Въ 9 ч. утра русскій отрядъ развернулся и подъ сильнымъ огнемъ польской артиллеріи двинулся въ атаку: пѣхота съ фронта, кавалерія въ обходъ обоихъ фланговъ. Выставленная С. на ближайшей высотѣ 14-орудійная батарея, послѣ жаркой перестрѣлки, заставила замолчать артиллерію противника и облегчила трудный переходъ черезъ топкую рѣчку Тростяницу, съ фронта прикрывавшую польскую позицію. Около 10 ч. переправа была закончена и обойденъ лѣвый флангъ Сѣраковскаго. Поляки успѣли однако перестроиться и встрѣтить готовымъ фронтомъ атаку. Послѣ короткаго, но жаркаго боя, видя подходящія къ русскимъ подкрѣпленія и не разсчитывая удержаться, Сѣраковскій свернулъ свой отрядъ въ густую колонну, прикрывъ тылъ большимъ каре и кавалеріей, выдержалъ нѣсколько лихихъ атакъ Маріупольцевъ и Переяславцевъ, Черниговскихъ карабинеръ и Кинбурнскихъ драгунъ— и въ полномъ порядкѣ втянулся въ густой лѣсъ, положившій конецъ преслѣдованію. Потери поляковъ доходили до 1.000 чел.; наши —291 убитыми и 326 лошадей.

Боясь упустить Сѣраковскаго, С. въ туже ночь выступилъ дальше. Но польскій начальникъ вынужденъ былъ остановиться подъ Брестомъ, у Тересполя, отчасти вслѣдствіе утомленія войскъ, отчасти по настоянію народнаго представителя Горайна, протестовавшаго противъ очищенія Бреста безъ боя. Только обозы отправлены были имъ на Варшаву.

Послѣ 8-часового отдыха и обѣда въ фольваркѣ Яновъ, С. черезъ Бульково—Шебринъ прибылъ въ Тришинъ, въ 5 верстахъ отъ Бреста, гдѣ, подъ закрытіемъ лѣса, расположилъ войска на отдыхъ. Произведенная подполк. Ивашевымъ рекогносцировка выяснила, что поляки ждутъ С. со стороны Тересполя. Въ часъ ночи съ 7-го на 8-е С., безъ сигналовъ поднявъ войска, повелъ ихъ черезъ Мухавецъ и Бугъ въ обходъ непріятеля и къ 6 ч. утра вышелъ во флангъ Сѣраковскому. Своевременно обнаруживъ движеніе С., Сѣраковскій быстро перемѣнилъ фронтъ подъ прямымъ угломъ, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ Тересполю, правымъ — къ лѣсу. Успѣвъ закончить перестроеніе до атаки русскихъ и избѣгнувъ такимъ образомъ опасности—удара во флангъ и тылъ, онъ нашелъ, однако, занятое имъ положеніе невыгоднымъ для боя—и, подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, тремя колоннами потянулся къ д. Коршинъ, гдѣ имѣлась болѣе сильная и выгодная позиція. С. двинулъ въ догонку всю кавалерію; за нею «во весь бѣгъ» пошли егеря. Но Сѣраковскій успѣлъ двумя колоннами занять намѣченную позицію, выставилъ на плотинѣ, ведшей къ ней, 12 орудій и попытался отбросить лѣвый русскій флангъ войсками третьей колонны и кавалеріей. Попытка эта вначалѣ имѣла успѣхъ. Двѣ смѣлыхъ контръатаки конницы Исленьева были отбиты. Но третья, поддержанная казаками бригадира Исаева, увѣнчалась успѣхомъ: потерявъ нѣсколько орудій, поляки съ большими потерями отброшены были къ Коршини. Между тѣмъ главныя силы С. уступами подходили къ польской позиціи. Сѣраковскій не рѣшился принять боя и вновь перешелъ въ отступленіе, стараясь отойти на Добринъ, подъ прикрытіемъ лѣса, замаскированной лѣсной батареи и третьей колонны, сдерживавшей атаки Исленьева. Но С., съ частью конницы помчавшійся въ обходъ, успѣлъ захватить Добринъ, разломать бывшій тамъ мостъ черезъ р. Красну, испортить гать и такимъ образомъ отрѣзать путь отступленія полякамъ. Непріятельскія колонны захвачены были кавалеріей на маршѣ, разсѣяны послѣ упорнаго боя и большей частью уничтожены. Спаслось не больше 500 человѣкъ. С. занялъ Брестъ.

Образцовый маршъ-маневръ С. къ Бресту, его сентябрьскія побѣды—рѣзко измѣнили обстановку. Обезпечивъ границу, С. стоялъ теперь на флангѣ польско-литовскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ Репнина, угрожая связи ихъ съ войсками Косцюшки и облегчая отступленіе Ферзена въ Литву. Но путь къ Варшавѣ еще не былъ открытъ.

Съ занятіемъ Бреста задача С., по буквѣ предписанія, была выполнена; дальнѣйшія дѣйствія, развитіе операціи, явились уже проявленіемъ личной инициативы,—«самовольствомъ». Ихъ приходилось поэтому вести до крайности осторожно. Бои съ Сѣраковскимъ показали С., что передъ нимъ— не безпорядочныя банды Барской конфедераціи, но организованный, «выэкерци-

рованный» противникъ: поляки бьются стойко, «маневрируютъ живо и проворно». Неосмотрительный шагъ грозилъ неудачей, а между тѣмъ малѣйшая неудача могла положить конецъ молчаливому «попустительству» Совѣта, безъ котораго С. не могъ ни собрать силы, достаточныя для похода на Варшаву, ни организовать самый маршъ; попытки «самовольно» усилиться нѣкоторыми подчиненными Репнину отрядами окончились неудачею: начальники ихъ отказались исполнить приказы С. до подтвержденія ихъ Репнинымъ. Между тѣмъ С. не могъ двинуться изъ Бреста, не обезпечивъ своего тыла и фланговъ: изъ своего корпуса онъ не могъ выдѣлить для этой цѣли ни одного человѣка; пришлось поэтому вступить съ переписку съ Репнинымъ, тянувшуюся около мѣсяца. Первоначальный успѣхъ развить такимъ образомъ не удалось; «Брестъ и Канны подобіе имѣютъ,— пишетъ С.:—время упущено».

Требованія С. хотя и съ промедленіемъ, но были исполнены Репнинымъ. Это указывало, что въ Петербургѣ временно утвердилось «авантажное заключеніе» о С. и препятствій къ развитію дѣйствій чинить ему не будутъ. Таково было общее мнѣніе въ арміи, значительно облегчавшее предстоявшую С. задачу захвата власти на польскомъ театрѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ частями войскъ Репнина обезпеченъ былъ тылъ и правый флангъ С., при дѣйствіи по оперативной линіи Брестъ — Прага, только полное отсутствіе свѣдѣній объ отрядѣ Ферзена, который могъ и долженъ былъ обезпечить его лѣвый флангъ, задерживало С. въ Брестѣ. Наконецъ 3 октября С. получилъ сообщеніе о побѣдѣ Ферзена подъ Маціовицами и о плѣненіи Косціюшки. Это обезпечивало лѣвый флангъ и развязывало С. руки. Онъ немедленно отправилъ Дерфельдену и Ферзену предписанія именемъ Императрицы — идти къ Прагѣ на соединеніе съ нимъ, и 7 октября выступилъ со своимъ корпусомъ на Яновъ. С. не сомнѣвался, что Ферзенъ точно выполнитъ посланный ему приказъ, такъ какъ даже если онъ и не получилъ еще въ сентябрѣ отправленное ему Репнинымъ предписаніе—быть въ распоряженіи С., то, не зная точно, при отсутствіи связи съ главной квартирой, служебнаго положенія С., онъ не имѣлъ основаній ослушаться. Менѣе надеженъ былъ Дерфельденъ: онъ могъ запросить предварительно Репнина. При извѣстномъ С. настроеніи Петербурга, въ согласіи Репнина сомнѣній быть не могло, но возможна была проволока, потеря времени. Считаясь съ этой возможностью, С. вмѣсто прямого пути на Варшаву избралъ болѣе кружной путь—на Бѣльскъ, дабы въ случаѣ «томности дѣйствій» Дерфельдена облегчить ему присоединеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ «не дать своего крыла» дѣйствовавшимъ на Литвѣ польскимъ отрядамъ, «обезпечить Брестъ и очистить Литву». Передъ выступленіемъ изъ Бреста, онъ, видимо, не былъ увѣренъ въ томъ, что «захватъ власти» ему удастся. На всякій случай, онъ счелъ полезнымъ провести свое рѣшеніе — идти на Варшаву—черезъ собранный въ Брестѣ военный совѣтъ, дабы постановленіемъ его въ извѣстной мѣрѣ подготовить себѣ оправданіе на случай обвиненія въ самовольствѣ и придать вмѣстѣ съ тѣмъ больше вѣсу своимъ «самовольнымъ» приказамъ.

Но уже въ Яновѣ С. узналъ, что Дерфельденъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, уступилъ настояніямъ начальника его авангарда, графа В. Зубова и, снесясь съ Репнинымъ, началъ предписанный ему форсированный маршъ; стоявшій на пути его слѣдованія отрядъ Мокрановскаго безъ боя отошелъ на Варшаву. Обезпеченный такимъ образомъ со стороны Буго-Нарева, С. немедля свернулъ на прямую Варшавскую дорогу, на Венгровъ и Станиславовъ, гдѣ 14 октября утромъ соединился съ 11-тысячнымъ отрядомъ Ферзена и приказалъ Ферзену сдѣлать ночной поискъ на Окунево, а самъ, съ дивизіей Потемкина, выступилъ на Кобылку. Занятіемъ этихъ двухъ пунктовъ онъ обезпечивалъ за собою важнѣйшую въ стратегическомъ отношеніи дорогу между ними, выигрывалъ пространство по фронту, возстанавливалъ связь съ Дерфельденомъ, очищалъ мѣстность и уничтожалъ такимъ образомъ всѣ неудобства безсвязнаго и крайне опаснаго при другихъ условіяхъ марша трехъ русскихъ колоннъ (Дерфельдена, Потемкина и Ферзена) отъ Буга къ Варшавѣ.

Кобылка, по слухамъ, занята была сильнымъ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія. Дѣйствительно, шедшій въ авангардѣ С. съ казаками бригадиръ Исаевъ въ 5 ч. утра 15 октября обнаружилъ «непріятельскій весьма немалый лагерь» и, по приказанію

С., немедленно пошелъ въ атаку. Поляки силой до 4.000 человѣкъ кавалеріи и пѣхоты, выстроившись въ двѣ линіи на лѣсной полянѣ, стойко отбивали атаки, при поддержкѣ замаскированныхъ лѣсныхъ батарей, но держались пассивно, допуская безпрепятственное развертываніе спѣшно прибывавшихъ къ мѣсту боя русскихъ эскадроновъ. Пѣхота Потемкина тянулась еще далеко позади, когда польскіе фланги подались назадъ подъ ударами лично руководимой С. кавалеріи и вынудили центръ также перейти въ отступленіе, двумя колоннами. Настойчиво преслѣдуя съ тыла, С. охватилъ противника высланными по окольнымъ дорогамъ кавалерійскими частями, и въ густомъ лѣсу, дѣлавшемъ невозможнымъ дѣйствія въ конномъ строю, атаковалъ походныя колонны поляковъ спѣшенной кавалеріей въ палаши и сабли. Эта необычайная атака («чего и я никогда не видѣлъ»—писалъ С. впослѣдствіи) увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: колонны были опрокинуты, разсѣяны и уничтожены почти цѣликомъ. Весь бой былъ такимъ образомъ веденъ и рѣшенъ конницей, — въ обстановкѣ, казалось, исключавшей возможность широкаго ея примѣненія.

Съ 15 по 22 октября С. оставался въ окрестностяхъ Кобылки, готовясь къ послѣднему удару. 19-го подошелъ Дерфельденъ.

«Самовольно» организованная С. армія доходила только до 30.000 чел. при 76 орудіяхъ (18 тыс. пѣхоты, 7.000 конницы, 5.000 казаковъ). Два дня велись рекогносцировки Праги, въ которыхъ, какъ подъ Измаиломъ, участвовали всѣ начальники будущихъ штурмовыхъ колоннъ. Черезъ день послѣ присоединенія Дерфельдена объявлена была диспозиція, опредѣлявшая порядокъ перехода къ Прагѣ и штурмъ. 20 и 21 октября шла заготовка плетней, фашинъ и лѣстницъ. 22-го въ 5 ч. утра войска двинулись подъ Прагу и въ 10 ч. утра подъ барабанный бой и музыку заняли назначенныя имъ лагерныя мѣста. Войска Дерфельдена и Потемкина стали отъ берега Вислы до Бялоленки, Ферзенъ отъ Выгоды до Годславска, растянувшись тонкой линіей на 14 верстъ, безъ резерва, имѣя между собой промежутокъ въ 4 версты (у Брудни, противъ Песчаной горы), прикрытой только 16-орудійной батареей. Армія должна была выказывать намѣреніе начать правильную осаду, для чего передъ фронтомъ каждаго корпуса на заранѣе опредѣленныхъ мѣстахъ приступлено къ возведенію осадныхъ батарей.

Въ свое время Косцюшко удѣлилъ особое вниманіе Прагѣ—предмѣстью и ключу Варшавы. Онъ усилилъ имѣвшуюся старинную оборонительную линію—новой, земляной оградой сильной временной профили, вынеся ее на $^1/_2$ версты впередъ. Она состояла изъ двухъ параллельныхъ, съ изломами для флангового огня брустверовъ, до 14 футовъ вышиною, съ двумя рвами и полисадами между брустверами. Передъ укрѣпленіями шли засѣки, тройной рядъ волчьихъ ямъ и тройные герсы. Линія оборонялась 43 батареями на 104 орудія. Подступы къ флангамъ линіи обстрѣливались съ батарей (до 30 орудій) на лѣвомъ берегу Вислы, связанномъ съ Прагой двумя прочными мостами. Косцюшко возводилъ эти укрѣпленія имѣя въ виду активную оборону Праги регулярными войсками, до 20.000 которыхъ можно было развернуть на обширномъ плацдармѣ между первой, старой и новой оборонительными линіями. Оборону же укрѣпленій онъ полагалъ возложить на вооруженныхъ жителей Варшавы (также до 20.000). Но мысли Косцюшки не суждено было осуществиться. Новый главнокомандующій Вавржецкій менѣе всего думалъ объ активной оборонѣ. Варшава выставила вмѣсто ожидаемыхъ 20.000—едва 2.000. Линію Косцюшки пришлось оборонять регулярными войсками, притомъ въ количествѣ недостаточномъ для прочнаго занятія обширнаго Пражскаго ретраншамента. При этихъ условіяхъ—линія Косцюшки становилась растянутой, легко прорываемой позиціей—и только, тѣмъ болѣе, что оборона ея совершенно не была организована. Все вниманіе польскихъ вождей поглощено было партійной борьбой, которой отмѣченъ начинавшійся въ то время кризисъ революціи 1794 г.

Демонстративнымъ приготовленіямъ С. къ осадѣ дали вѣру, и наканунѣ самаго штурма Вавржецкій счелъ возможнымъ отправить изъ Варшавы на Иновроцлавъ Понятовскаго и Гедройца, ослабивъ такимъ образомъ свои силы подъ Варшавой на 11 тысячъ человѣкъ и 40 орудій. Въ Прагѣ, кромѣ варшавскихъ милиціонеровъ, находилось до 15.000 регулярныхъ, 2.000 косиньеровъ, 2.500 кавалеріи. Выработан-

ная С. диспозиція штурма по стройности и силѣ замысла можетъ быть поставлена рядомъ съ образцовой Измаильской диспозиціей. Строго соображаясь съ особенностями Пражскаго укрѣпленнаго лагеря и свойствами противника, С. распредѣлилъ свои войска на три атаки. Главныя силы—4 колонны—2 Дерфельдена и 2 Потемкина (23 бат., 15 спѣшенныхъ эскадроновъ, 9 эскадр. въ конномъ строю всего—12 тыс. человѣкъ), направлялись на сѣверный фронтъ ретраншамента—слабѣйшую часть его, съ большей внутренней площадью (удобной для дѣйствія конницы) и менѣе сильными крѣпостными сооруженіями, такъ какъ позади валовъ открывался свободный проходъ къ мостамъ на Вислѣ. Колонны эти должны были атаковать первыми, дабы по возможности оттянуть силы поляковъ отъ сильнѣйшей части пояса укрѣпленій на угрожаемый фронтъ. Черезъ полчаса послѣ начала сѣверной атаки должны были двинуться на штурмъ остальныя войска: 2 колонны (Ферзена)—5.000 чел.—на восточный фронтъ, въ кратчайшемъ разстояніи отъ мостовъ въ тылу Праги, и одна колонна, до 2.500 чел. (также подчиненная Ферзену), на южный. Съ необычайнымъ искусствомъ намѣчались въ диспозиціи и частныя цѣли, поставленныя отдѣльными колоннами, и, въ особенности, послѣдовательность въ развитіи наступленія войскъ всѣхъ трехъ атакъ.

Штурмъ былъ назначенъ на 24 октября. Въ 3 ч. ночи войска стали строиться въ дивизіонныя баталіонныя колонны и въ 5 ч.—по ракетѣ, полки сѣверной атаки, рота за ротой въ развернутомъ строю, бросились на штурмъ, имѣя впереди егерей, рабочихъ и команды съ шанцевымъ инструментомъ. Наступленіе русскихъ было замѣчено поздно. Поляки не успѣли организовать никакого руководства боемъ: онъ свелся къ упорному, но безпорядочному сопротивленію на валахъ сѣвернаго фронта, куда при первыхъ выстрѣлахъ вызваны были почти всѣ бывшіе внутри ретраншамента резервы. Задержать наступленіе удалось не надолго. Только четвертая колонна (Буксгевдена), штурмовавшая Песочную гору и Звѣринецъ, долго не могла сломить отчаянное сопротивленіе защитниковъ этого боевого участка; первыя же три довольно быстро овладѣли валами. Шедшіе въ головѣ первой колонны Фанагорійцы, безостановочно наступая берегомъ Вислы, пробились къ мостамъ, захватили и разломали голову одного изъ нихъ; другой былъ зажженъ самими поляками. Такимъ образомъ прервана была непріятельская «ретирада» изъ ретраншамента и Праги, куда «на плечахъ бѣглецовъ» ворвались вторая и третья колонны.

Впечатлѣніе, произведенное на Варшаву пражскимъ боемъ, превратившимся въ жестокую бойню, въ которой погибло до 23 тыс. жителей Праги,—было потрясающимъ. Населеніе единодушно требовало прекращенія борьбы, сдачи, которая одна, казалось, могла отвратить отъ города жребій Праги. Къ вечеру смолкли спѣшно воздвигнутыя было на берегу батареи, и послѣ полуночи къ С. отправлены были депутаты для переговоровъ о капитуляціи.

С. принялъ депутатовъ на слѣдующій день утромъ. Предложенныя имъ условія капитуляціи поразили поляковъ своей умѣренностью: С. требовалъ, чтобы оружіе, снаряды и артиллерія были сложены за городомъ, въ условленномъ мѣстѣ, чтобы немедленно исправленъ былъ мостъ, дабы русскія войска могли въ тотъ же день или на слѣдующій вступить въ Варшаву; взамѣнъ этого онъ давалъ торжественное обѣщаніе именемъ Императрицы, что все будетъ предано забвенію и польскія войска, по сложеніи ими оружія, будутъ распущены по домамъ; какъ войскамъ, такъ и жителямъ Варшавы гарантируется личная свобода и имущество.

Вполнѣ понятно, что большая часть населенія Варшавы и войскъ съ восторгомъ приняла извѣстіе о предложенныхъ С. условіяхъ. Только незначительное меньшинство настаивало на продолженіи борьбы. Но на Верховный совѣтъ, на руководителей революціи, умѣренность требованій С., повидимому, произвела впечатлѣніе слабости. Большинство членовъ совѣта съ Ваврженкимъ во главѣ высказалось за отступленіе войскъ изъ Варшавы, за уходъ въ предѣлы Пруссіи и возобновленіе военныхъ дѣйствій на будущій годъ. Подъ давленіемъ Верховнаго совѣта, городской магистратъ отправилъ новую депутацію къ С.: требованіе побѣдителя о сдачѣ артиллеріи и обезоруженіи войскъ отклонялось подъ тѣмъ предлогомъ, что войска магистрату не подчинены, и хода-

тайствовалось объ отсрочкѣ вступленія русскихъ войскъ въ Варшаву.

С. не настаивалъ на обезоруженіи, справедливо полагая, что «ессенція бунту», центръ силы противника—не въ той живой силѣ, которой располагали еще руководители мятежа, а въ самой Варшавѣ. Переходъ ея въ руки законнаго правительства, распаденіе центральнаго революціоннаго органа власти, изъ столицы Польши диктовавшаго странѣ свои приказы, по мнѣнію С., должны были настолько рѣзко измѣнить политическую атмосферу, что о продолженіи борьбы не могло быть и рѣчи. Уцѣлѣвшіе полки «бунтовщиковъ», какъ неизмѣнно называлъ польскія войска С., представлялись совершенно безопасными. Обезоруженіе ихъ было только дѣломъ времени, и притомъ времени недолгаго. Разрѣшивъ свободный выходъ несогласнымъ положить оружіе, С., однако, отвергъ отсрочку вступленія русскихъ въ городъ. Къ 29 октября Ваврженцкій съ частью войскъ очистилъ Варшаву. Остальныя—выдали оружіе. Въ этотъ день С. торжественно въѣхалъ въ городъ, встрѣченный на мосту городскимъ магистратомъ, поднесшимъ ему ключи Варшавы и хлѣбъ-соль. Занятіе города русскими совершилось безо всякихъ осложненій.

30 октября С. былъ принятъ королемъ въ торжественной аудіенціи. На слѣдующій день С. издано было воззваніе, обѣщавшее именемъ Императрицы амнистію польскимъ войскамъ, положившимъ оружіе. Чтобы усилить впечатлѣніе этого воззванія, С. освободилъ, какъ «подарокъ польскому королю», 300 польскихъ плѣнныхъ офицеровъ и 200 солдатъ по выбору. Рѣзкій переходъ отъ ужасовъ Праги къ мягкости и забвенію прошлаго произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Быстро разнесшійся по странѣ слухъ объ амнистіи положилъ конецъ колебаніямъ поляковъ. Готовившіяся подняться воеводства Люблинское, Сандомірское и Галицкое прекратили боевыя приготовленія. Ряды войскъ, оставшихся подъ знаменами Ваврженцкаго, быстро рѣдѣли. Его отряды безъ сопротивленія сдавались командамъ, высланнымъ С. по Вислѣ и Пилицѣ. 7 ноября, убѣдившись въ полной невозможности продолжать борьбу, положилъ, наконецъ, оружіе и самъ главнокомандующій Ваврженцкій. Кампанія была кончена.

С. былъ осыпанъ милостями. «Вы знаете,—писала ему Екатерина,—что я безъ очереди не произвожу въ чины. Но вы сами произвели себя въ фельдмаршалы». Исполнилась, такимъ образомъ, завѣтная мечта С. Кромѣ фельдмаршальскаго жезла, С. получилъ алмазный бантъ на шляпу за Крупчицы и Брестъ и «въ полное и потомственное владѣніе»—огромное имѣніе, «Кобринскій ключъ», съ 7.000 душъ мужского пола. Отъ прусскаго короля—ордена Краснаго орла и Большого Чернаго орла; отъ австрійскаго императора—портретъ его, осыпанный бриллiантами.

Захватъ Варшавы и окончаніе кампаніи произошли такъ внезапно для Петербургскаго Совѣта, что онъ не успѣлъ снабдить С. инструкціями относительно дальнѣйшаго направленія дѣлъ въ «завоеванной имъ Польшѣ». Не посвященный въ тайны русской политики, не подозрѣвая даже предстоящаго третьяго и окончательнаго раздѣла Польши, С. «не нашелся въ нужныхъ по обстоятельствамъ мѣрахъ». Онъ прежде всего отнюдь не считалъ ее завоеванной. Поэтому онъ приложилъ всѣ силы къ тому, чтобы не только возстановить нарушенный апрѣльскимъ возстаніемъ «законный» прежній порядокъ и прежнее правительство, но и утвердить его, всемѣрно поднять его авторитетъ и значеніе. Все это, наряду съ широкой амнистіей именемъ Императрицы,—шло вразрѣзъ съ рѣшеннымъ уже въ Петербургѣ низложеніемъ короля и прекращеніемъ самостоятельнаго политическаго существованія Польши. Ордеръ Румянцева отъ 6 ноября и послѣдовавшее затѣмъ Высочайшее повелѣніе отъ 21-го того же мѣсяца освѣтили, наконецъ, С. истинныя намѣренія русскаго Двора: въ предписаніяхъ этихъ говорилось о контрибуціяхъ, конфискаціяхъ и арестахъ, отправкѣ короля въ Гродно, «твердомъ управленіи» страной русской военной властью, подавленіи оружіемъ малѣйшаго протеста или демонстраціи. Съ такой системой С. согласиться не могъ. Онъ всегда считалъ, что «благомудрое великодушіе» «болѣе полезно» въ такихъ случаяхъ, нежели «стремглавный военный мечъ». Правильность этого взгляда онъ доказалъ своей дѣятельностью въ Крыму, въ Пріуральи, въ той же Польшѣ. Будучи совершенно неспособенъ къ пассивному исполненію чужихъ приказаній,

С., получивъ инструкціи, не пошелъ дальше нѣкоторыхъ частныхъ уступокъ петербургскимъ требованіямъ, при чемъ не счелъ даже нужнымъ скрывать отъ поляковъ, что дѣлается это помимо его воли и желанія, и въ общемъ продолжалъ упорно идти прежнимъ путемъ. Упразднить варшавскій магистратъ, какъ было ему предписано, онъ нашелъ ненужнымъ; о контрибуціяхъ донесъ, что по всеобщему оскудѣнію дѣлать ихъ невозможно. Напротивъ того, желая поднять сильно упавшій курсъ польскихъ денегъ и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить дѣйствительно тяжелое финансовое положеніе Польши, онъ уничтожилъ захваченныя въ добычу $^3/_4$ милліона польскихъ злотыхъ (въ кредитныхъ билетахъ). Равнымъ образомъ ярко сказались его заботы объ интересахъ населенія и въ вопросѣ о продовольствіи русскихъ войскъ. С. рѣшительно отказался отъ сбора продовольствія съ земли, несмотря на огромныя затрудненія, которыя испытывало продовольствіе его войскъ. Одно время онъ рѣшилъ даже вывести изъ Польши 12 полковъ, такъ какъ неполученіе ими денегъ дѣлало невозможнымъ принятый имъ порядокъ продовольствія—закупкой по высокимъ цѣнамъ провіанта у обывателей.

Дѣятельность С. въ Польшѣ, оттѣненная жестокостями австрійцевъ и пруссаковъ въ занятыхъ ими областяхъ, создала ему широкую популярность среди поляковъ и обезпечила спокойствіе края. Въ Екатерининъ день 1794 г. магистратъ Варшавы поднесъ ему отъ имени варшавянъ золотую эмалированную табакерку съ гербомъ города и надписью: «Варшава своему спасителю». Подарокъ этотъ являлся отголоскомъ несомнѣнной симпатіи, которой пользовался фельдмаршалъ въ широкихъ слояхъ польскаго народа, за пощаду Варшавы простившаго ему гибель Праги.

Нѣтъ сомнѣнія, что С. былъ бы отозванъ, если бы въ Петербургѣ вѣрили въ совершенное успокоеніе края. Но тревожные слухи о продолжающемся броженіи, съ одной стороны, возможность разрыва съ Пруссіей—при предстоящемъ раздѣлѣ—съ другой, дѣлали присутствіе С. при войскахъ въ Польшѣ необходимымъ. С. былъ оставленъ въ Варшавѣ, но устраненъ отъ какого бы то ни было участія въ разрѣшеніи польскаго вопроса. Ему предоставили поддерживать спокойствіе, слѣдить за вывозомъ въ Россію архивовъ, публичной библіотеки Залуоскаго, артиллеріи, военныхъ припасовъ и пр.

Тотчасъ послѣ блестящихъ побѣдъ своихъ отодвинутый снова на задній планъ, С. не могъ не чувствовать обиды, «жалкой сухости въ своемъ апоѳеозѣ», тѣмъ болѣе, что многія первоначальныя распоряженія его отмѣнялись, торжественно данныя имъ обѣщанія не были исполнены его преемниками по власти. Да и самыя награжденія за кампанію 1794 г. показали, что положеніе С. съ производствомъ въ фельдмаршалы въ сущности измѣнилось мало, отношеніе къ нему Императрицы осталось прежнимъ. Конечно, онъ былъ награжденъ щедро; но еще щедрѣе награждены были другіе, никакого вліянія на успѣхъ войны не имѣвшіе. Такъ, Платонъ Зубовъ получилъ 13 тыс. душъ изъ тѣхъ же земель, изъ которыхъ С. удѣлено было 7 тыс. Императоръ Австрійскій по случаю занятія Варшавы пожаловалъ Зубову титулъ князя Римской Имперіи. Не безъ горечи говорилъ С.: «щедро меня за Лодомирію, Галицію и Краковъ въ князѣ Платонѣ Зубовѣ наградили».

Польскій раздѣлъ осуществился мирно, какъ и ожидалъ С., не придававшій поэтому значенія порученнымъ ему военнымъ приготовленіямъ. 17 октября 1795 г. С. получилъ милостивый рескриптъ, отзывавшій его въ Петербургъ: «Вы будете въ другихъ употребленіяхъ, вамъ свойственныхъ, или на иныхъ предѣлахъ Имперіи, гдѣ мы въ спокойствіи не столь увѣрены». Редакція рескрипта ясно выражала взглядъ Императрицы на С. какъ силу исключительно боевую, которой нѣтъ примѣненія внѣ лагеря. С. сдалъ войска Дерфельдену и 3 декабря прибылъ въ Петербургъ. Въ Стрѣльну для встрѣчи его выслана была дворцовая карета. Прямо съ пути онъ прибылъ въ Зимній дворецъ, для представленія государынѣ. Для жительства С. былъ отведенъ Таврическій дворецъ, для услугъ приставленъ цѣлый штатъ придворныхъ служителей. Въ Петербургѣ С. пробылъ недолго. Уже въ серединѣ января ему поручено было осмотрѣть возведенныя въ Финляндіи по проектамъ его укрѣпленія. На это потребовалось С. всего нѣсколько дней. Вскорѣ затѣмъ ему предложено было принять командованіе надъ готовившейся въ Персію экспедиціей. С. отказался,

однако, отъ похода, не сулившаго ему ни дѣйствительныхъ боевыхъ трудовъ, ни славы. Его мысль была прикована къ западу, гдѣ быстрый успѣхъ французской революціи создавалъ возможность скорой встрѣчи русскихъ войскъ съ болѣе сильнымъ и потому болѣе цѣннымъ для С. противникомъ, чѣмъ нестройныя толпы персіянъ. Онъ безъ сожалѣнія уступилъ назначеніе въ Персію кн. Валеріану Зубову и въ ожиданіи войны съ Франціей, о которой ходили уже усиленные слухи, принялъ 20 января 1796 г. главное командованіе арміей въ Новороссіи и въ половинѣ марта выѣхалъ въ штабъ-квартиру ея, Тульчинъ.

Со времени командованія полкомъ, онъ, кажется, никогда не трудился надъ боевой подготовкой ввѣренныхъ ему войскъ съ такимъ рвеніемъ, какъ въ Тульчинѣ. На этотъ разъ, при всей его мнительности, онъ былъ увѣренъ, что «экзерцируетъ» войска для себя, что въ войнѣ съ Франціей главнокомандующимъ будетъ онъ, а не кто-нибудь другой. Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ за будущее послѣ производства въ фельдмаршалы и — брака «Суворочки» съ гр. Н. Зубовымъ (29 апрѣля 1795 г.), породнившаго его съ всесильнымъ фаворитомъ Императрицы, княземъ Платономъ.

Работа С. надъ войсками Тульчинскаго сбора была тѣмъ драгоцѣннѣе, что военно-воспитательная система его, такъ геніально въ основаніяхъ своихъ намѣченная еще въ Новой Ладогѣ, въ бытность полковымъ командиромъ, — развитая и доведенная до совершенства богатымъ боевымъ его опытомъ, именно здѣсь, въ занятіяхъ войскъ Тульчинскаго сбора, получаетъ стройность и законченность. Между прочимъ, именно здѣсь впервые вводятся въ программу строевыхъ упражненій знаменитыя Суворовскія сквозныя атаки. Но мирная работа надъ войсками, борьба съ интендантскими злоупотребленіями, мелкія повседневныя административныя заботы — не надолго могли удовлетворить С. Уже вскорѣ по прибытіи въ Тульчинъ онъ началъ раскаяваться, что отказался отъ персидскаго похода; по характеру своему, онъ не могъ хладнокровно относиться къ извѣстіямъ о побѣдахъ Валеріана Зубова и по обыкновенію своему не скупился на насмѣшки по адресу «побѣдителя Персіи», «произведеннаго, стыдно сказать, въ генералъ-аншефы, и кандидата въ фельдмаршалы, какъ только случится ему изъ тамошнихъ нѣсколькихъ тысячъ побить нѣсколько десятковъ тысячъ». Подобные отзывы не могли не отразиться на отношеніяхъ его съ Зубовыми, уже осложненныхъ недоразумѣніями изъ-за приданаго Наталіи Александровны. Между тѣмъ ссора съ Зубовыми была бы весьма несвоевременна. Рядъ продовольственныхъ и иныхъ злоупотребленій, совершенныхъ въ Польшѣ приближенными С. лицами, давали поводъ къ интригамъ и навѣтамъ, бросавшимъ тѣнь на самого фельдмаршала, хотя судебное преслѣдованіе виновныхъ возбуждено было по его личному настоянію. Уже одно громкое «дѣло Вронскаго» могло, при желаніи Зубовыхъ, принять тяжелый и непріятный для С. оборотъ. Одно время, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ слуховъ, доходившихъ къ нему изъ Петербурга, въ С. поколебалась даже увѣренность, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ въ предстоящей войнѣ съ Франціей, для которой готовились уже войска и продовольственные запасы. Опасенія были напрасны: въ началѣ ноября былъ заготовленъ проектъ рескрипта, вручавшій ему командованіе дѣйствующей арміей.

Кончина императрицы Екатерины рѣзко измѣнила обстановку. Ея преемникъ, Павелъ Петровичъ, по вступленіи на престолъ прежде всего прекратилъ всякія военныя дѣйствія: онъ отмѣнилъ французскій походъ, вернулъ войска изъ Персіи, отозвалъ эскадры изъ Англіи и Нѣмецкаго моря. Онъ заявилъ торжественно, что задачей его царствованія будетъ—залечить раны, нанесенныя безпрерывными войнами Великой Императрицы, и царствованіе его — будетъ для Россіи эпохой мира.

Къ С. новый Императоръ не чувствовалъ особаго расположенія. Онъ не считалъ его выдающимся полководцемъ, слѣпо раздѣляя взгляды своихъ прусскихъ учителей на С. какъ на грубую, но «счастливую» силу, и въ подвигахъ его находилъ больше отрицательныхъ, чѣмъ поучительныхъ сторонъ; такъ, напр., образцовый Пражскій штурмъ онъ «не почиталъ даже дѣйствіемъ военнымъ, а единственно закланіемъ жидовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глазахъ Павла С. являлся олицетвореніемъ столь ненавидимой имъ старой Екатерининской арміи; и въ силу одного этого, даже если бы Императору и не были из-

вѣстны рѣзкіе отзывы С. о «прусскихъ затѣяхъ», было очевидно, что С. не можетъ быть мѣста въ рядахъ «обновленной» гатчинской арміи.

Но въ первые дни своего царствованія, еще не утвердясь на престолѣ, Павелъ не рѣшился порвать съ «прошлыми людьми» такъ же рѣзко, какъ порвалъ онъ съ дѣлами прошлаго царствованія; тѣмъ болѣе внимателенъ былъ онъ къ престарѣлому фельдмаршалу, пользовавшемуся огромной популярностью въ народѣ и всеобщей, глубокой любовью солдатской массы. Онъ успокоилъ его относительно все еще грозившаго С. осложненіями «дѣла Вронскаго», звалъ пріѣхать въ Москву на коронацію, просилъ не забывать «старыхъ друзей». Но С. ясно сознавалъ, что его карьера кончена. Лучшее, на что онъ могъ разсчитывать, это—«быть безгласнымъ» и «для декораціи Величества». Послѣдовавшее вскорѣ назначеніе на вновь учрежденную должность инспектора, должность, которую могли занимать генералъ-маіоры, С. счелъ почти оскорбленіемъ. «Новый титулъ! — пишетъ онъ Хвостову 11 января 1797 г.— Я — инспекторъ... Я былъ такимъ — подполковникомъ».

С. не дѣлалъ никакихъ попытокъ не только добиться благоволенія новаго государя, но даже сохранить установившееся первоначально холодно-милостивое отношеніе къ нему Павла. Если раньше, во имя пользы дѣла, онъ шелъ на компромиссы, прибѣгалъ къ «придворнымъ изворотамъ», то теперь «польза дѣла» запрещала ему какой бы то ни было компромиссъ. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ той безпощадной ломки Екатерининскихъ порядковъ, которая на долгіе годы задержала естественное развитіе русскаго военнаго искусства, достигшее небывалаго блеска въ вѣкѣ Екатерины, и привила арміи «наемническія особенности прусаковъ» и кабинетный методизмъ. С. ясно сознавалъ опасность происходившаго переворота. «Боже, даруй, чтобы зло для Россіи не открылось прежде ста лѣтъ, но и тогда основаніе къ нему будетъ вредно». Очевидно, что участвовать въ созданіи этого зла, даже «попустительствовать» ему не могъ С., въ основу всѣхъ поступковъ своихъ полагавшій: «никогда противъ отечества».

Въ Тульчинѣ все осталось какъ было при Екатеринѣ. С. не ввелъ въ дѣйствіе новые уставы Павла и продолжалъ обученіе войскъ по прежней своей системѣ; онъ не поступился ни одной изъ прерогативъ «завоеваннаго» имъ фельдмаршальскаго чина: вопреки формальному приказанію Императора не распустилъ своего штаба; вошелъ съ представленіемъ объ измѣненіи дислокаціи подчиненныхъ ему войскъ, что, по новымъ порядкамъ, выходило за предѣлы его компетенціи; по прежнему увольнялъ въ отпуска, посылалъ курьерами офицеровъ... Окружающіе его, боясь, что подобное нарушеніе Высочайшихъ повелѣній, при вспыльчивомъ характерѣ Императора, можетъ повлечь суровую кару, усиленно совѣтовали С. выйти въ отставку. Не рѣшаясь на этотъ окончательный шагъ, С. все же согласился устраниться на время и 11 января послалъ прошеніе объ увольненіи въ годовой отпускъ «для исправленія ото дня въ день ослабѣвающихъ силъ». Павелъ сухо отказалъ: «обязанности службы препятствуютъ съ оной отлучаться».

Поведеніе С., рѣзко выдѣлявшееся на фонѣ безусловнаго подчиненія и раболѣпства, которымъ окруженъ былъ Павелъ, не долго могло остаться незамѣченнымъ. Сначала искренно удивленный, что «тотъ, кого онъ почиталъ изъ первыхъ къ исполненію его воли, останется послѣднимъ», Императоръ быстро убѣдился, что проступки фельдмаршала являются не слѣдствіемъ небрежности или недосмотра, но протестомъ противъ новыхъ порядковъ. Это убѣжденіе укрѣплялось каждымъ новымъ извѣстіемъ о дѣятельности С. въ Тульчинѣ. Неудовольствіе Павла, сдержанное вначалѣ, начинаетъ выливаться въ формы все болѣе рѣзкія. Два рескрипта—2 и 12 января—послужили предостереженіемъ. 15 января послѣдовалъ Высочайшій выговоръ въ приказѣ по арміи, вслѣдъ за нимъ второй. С. послалъ вторичную просьбу объ отпускѣ, ссылаясь на «мирное время». Нѣсколько дней спустя, одно изъ донесеній его Императору, по обыкновенію С.— краткое и своеобразное, было возвращено ему обратно, «съ означеніемъ непонятныхъ двухъ мѣстъ», а черезъ нѣсколько часовъ получено предписаніе немедленно выѣхать въ Петербургъ. Въ отвѣтъ 3 февраля С. послалъ прошеніе объ отставкѣ. Но прежде чѣмъ оно дошло до Петербурга,

6 февраля на разводѣ отданъ былъ Высочайшій приказъ: «фельдмаршалъ графъ С., отнесясь... что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Дождавшись въ концѣ марта разрѣшенія на выѣздъ, С. отбылъ въ Кобринъ, сопровождаемый 18 офицерами разныхъ чиновъ, одновременно съ нимъ подавшими въ отставку. С. предполагалъ привлечь ихъ къ управленію своимъ обширнымъ Кобринскимъ имѣніемъ, обѣщавъ за это наградить помѣстьями. Но не успѣли пріѣзжіе осмотрѣться въ Кобринѣ, какъ 22 апрѣля вечеромъ прибылъ туда коллежскій ассесоръ Николевъ съ именнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ: немедленно перевезти С. въ его боровичскія деревни и «препоручить тамъ городничему Вындомскому, а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». Отъѣздъ изъ Кобрина произошелъ такъ внезапно и съ такой спѣшностью, что С. не имѣлъ времени не только отдать какія-либо распоряженія, но даже захватить драгоцѣнности и денегъ на дорогу.

Причины этого ареста представляются неясными. Повидимому, убѣдившись окончательно, что Суворовская дивизія сохранила во всей неприкосновенности свой Екатерининскій видъ, Павелъ придалъ вѣру «ужаснымъ слухамъ» о С., ходившимъ въ то время по Петербургу, и увидѣлъ въ дѣйствіяхъ фельдмаршала больше чѣмъ простое неповиновеніе или попытка протеста. Иначе трудно объяснить послѣдовавшій арестъ офицеровъ, привезенныхъ С. въ Кобринъ, и то неослабное наблюденіе, которое установлено было за С. по прибытіи его 5 мая 1797 г. въ Кончанское. Первоначально надзоръ не слишкомъ тяготилъ С.: городничій Вындомскій, по выраженію С., «страдавшій при немъ», умѣлъ дѣлать свое тяжелое дѣло незамѣтно, не оскорбляя фельдмаршала. Но такое «наблюденіе» очевидно сочтено было недостаточнымъ: въ Кончанскомъ поселился, подъ предлогомъ «судебныхъ, торговыхъ и иныхъ дѣлъ», отвозившій С. изъ Кобрина Николевъ, уже повышенный въ чинѣ. Истинную причину его прибытія С. понялъ сразу —и въ тотъ же день отправилъ государю слѣдующія строки: «Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Николевъ. Великій монархъ, сжальтесь, умилосердьтесь надъ бѣднымъ старикомъ. Простите, если чѣмъ согрѣшилъ». На этомъ письмѣ Павелъ положилъ резолюцію: «Оставить безъ отвѣта».

Тяжелое, безотрадное время переживалъ въ Кончанскомъ С., лишенный возможности видѣть друзей и близкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенный одиночества, такъ какъ всюду чувствовался надзоръ; онъ не могъ даже письмами поддерживать связь съ внѣшнимъ міромъ, отъ котораго былъ отрѣзанъ стѣной кончанскаго заключенія: вся переписка его тщательно просматривалась и только ничтожная часть доходила по назначенію. О личномъ управленіи обширными своими помѣстьями, о которомъ мечталъ С., оставляя службу, при данныхъ условіяхъ не могло быть, конечно, и рѣчи; онъ былъ безсиленъ даже хотя отчасти возстановить порядокъ въ богатѣйшемъ Кобринскомъ имѣніи, на глазахъ у него расхищавшемся людьми, которымъ онъ довѣрилъ управленіе.

Опала С. не ограничилась ссылкой. Высочайшей властью данъ былъ ходъ всѣмъ искамъ, денежнымъ претензіямъ и жалобамъ, заявленнымъ на С. разными темными личностями, поспѣшившими использовать гнѣвъ Императора на С. На Кобринское имѣніе былъ наложенъ секвестръ. Прекращенное уже дѣло Вронскаго было возбуждено вторично, и не въ мѣру усердствовавшими судьями опальный С. на этотъ разъ признанъ былъ виновнымъ и приговоренъ къ уплатѣ 60.000 рублей. Но нелѣпость обвиненія была слишкомъ очевидна: 17 марта Павелъ приказалъ «дѣло сіе оставить».

Частныя претензіи, въ общей сложности, превышали 100.000 рублей. По нѣкоторымъ изъ нихъ Высочайшими повелѣніями предписано С. произвести уплату. Было время, когда С. чувствовалъ себя близкимъ къ раззоренію.

Если у государя и были какія-нибудь сомнѣнія относительно преданности ему С., то результаты строгаго надзора, установленнаго за нимъ и бывшими его приближенными, должны были разсѣять ихъ безъ слѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ не могъ не сознавать, насколько тяжелое впечатлѣніе производила эта непонятная, незаслуженная опала престарѣлаго фельдмаршала, имя котораго пользовалось уваженіемъ не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣ-

ламн. Онъ счелъ удобнымъ примириться съ С., и 12 февраля 1798 г. въ Кончанское отправленъ былъ племянникъ С., флигель-адъютантъ князь А. Горчаковъ, передать приглашеніе государя прибыть въ Петербургъ. Въ тотъ же день былъ отозванъ Николевъ.

Но Петербургъ, служба, дворъ—не имѣли теперь никакой притягательной силы для С. Съ большимъ трудомъ удалось Горчакову уговорить его ѣхать. Онъ рѣшилъ, однако, не торопиться прибытіемъ въ Петербургъ и, подъ предлогомъ старости и болѣзни, отправился на долгихъ, проселочными дорогами; только въ послѣдніе дни февраля (вѣроятно 27-го) фельдмаршалъ поздно вечеромъ прибылъ въ столицу и на слѣдующее же утро былъ принятъ Императоромъ. Но примиренія не состоялось. С. по прежнему считалъ возвращеніе на службу невозможнымъ; поэтому онъ «не понималъ» намековъ, которые дѣлалъ ему государь по этому поводу, былъ неистощимъ въ осмѣяніи новыхъ порядковъ въ арміи, одежды, ученій... Съ перваго же развода онъ уѣхалъ, не дождавшись конца, несмотря на присутствіе Императора, громко заявивъ стоявшему около Павла Горчакову, что у него «брюхо болитъ». Государь сдерживался, хотя скоро пересталъ выказывать С. знаки вниманія, которыми почтилъ его на первомъ пріемѣ: онъ все рѣже приглашалъ фельдмаршала на разводы и за цѣлый мѣсяцъ только однажды пригласилъ къ обѣденному столу. Но все же онъ видимо надѣялся, что С. въ концѣ концовъ уступитъ и изъявитъ желаніе вступить вновь на службу; и потому, когда въ первыхъ числахъ апрѣля С. попросилъ отпустить его въ деревню, онъ далъ разрѣшеніе съ явнымъ раздраженіемъ, сказавъ, что противъ воли удерживать его не хочетъ.

Освобожденный отъ всякаго надзора, С. по возвращеніи въ Кончанское могъ приступить къ приведенію въ порядокъ своихъ запущенныхъ дѣлъ: онъ началъ хозяйничать въ Кончанскомъ, усиленно переписывался съ новымъ кобринскимъ управляющимъ Красовскимъ. Онъ велъ, по прежнему, замкнутый образъ жизни. «Рѣдко мой выѣздъ,—пишетъ онъ Хвостову; — прочіе многіе дни я, какъ Цинцинатъ, препровождаю въ глубокомъ уединеніи». «Обращеніе мое двѣ трети съ дворянами, въ государскіе дни званы были разъ 5—6; ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Незваные—по дружбѣ и въ другіе праздники были у меня къ службѣ Божіей и одному обѣду разъ до восьми, человѣкъ отъ трехъ до полудюжины; самъ я былъ въ гостяхъ меньше 10 разъ; прочее время препровождалъ я въ глубокомъ уединеніи, самъ-другъ, самъ-третій, или со священникомъ» (письмо С. Лопухину). Ежедневно С. бывалъ у заутрени, обѣдни и вечерни, причемъ самъ пѣлъ и читалъ. Но такая жизнь, изо дня въ день, не могла удовлетворить С., несмотря на преклонный возрастъ все еще полнаго жажды жизни и дѣла. Бесѣда съ навѣстившимъ его въ сентябрѣ 1798 г. генераломъ Прево-де-Люліаномъ показываетъ, съ какимъ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ онъ за ходомъ бурной политической жизни Европы. Тѣмъ тяжелѣе угнетало его сознаніе, что его жизнь, его дѣятельность — кончена, что она—вся въ прошломъ. «Бездѣйствіе гнететъ и томитъ», пишетъ онъ; «душа все равно что пламя, которое надо поддерживать и которое угасаетъ, если не разгорается все сильнѣе». Исходя этому томленію, успокоенія С. постепенно начинаетъ все настойчивѣе искать въ религіи; сильное съ дѣтства, религіозное чувство захватываетъ его все глубже; мысль идетъ къ монастырю, къ «предстательству душою чистою къ Престолу Всевышняго». Настроеніе окрѣпло и вылилось въ декабрѣ 1798 г. въ письмѣ государю: «Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, Великій Государь. Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ, Александръ Суворовъ».

Больше мѣсяца ждалъ С. отвѣта. Наконецъ, 6 февраля, получилъ фельдмаршалъ собственноручный рескриптъ Императора, врученный прискакавшимъ въ Кончанское флигель-адъютантомъ Толбухинымъ. «Сейчасъ получилъ я,—писалъ Павелъ,—извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ...» С. предписывалось немедленно прибыть въ

Петербургъ, для дальнѣйшаго слѣдованія на Вѣну и принятія командованія.

С. былъ ошеломленъ. Но ни раздумья, ни колебаній приказъ государя не вызвалъ. Отъ кончанскаго настроенія не осталось и слѣда. Быстро собравшись, С. выѣхалъ на слѣдующій же день и 9-го прибылъ въ Петербургъ, гдѣ немедленно принятъ былъ Императоромъ. 9-го же февраля онъ былъ вновь зачисленъ на службу, съ чиномъ фельдмаршала, но безъ отданія въ приказѣ. Нѣсколько дней спустя, Павелъ возложилъ на него орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго Большого Креста.

Въ послѣднихъ числахъ февраля С. выѣхалъ изъ Петербурга. Ѣхалъ онъ далеко не съ прежней, «Суворовской» скоростью: съ одной стороны, особенно торопиться и не слѣдовало, такъ какъ русскія войска были еще далеко отъ будущаго театра военныхъ дѣйствій, а до прибытія ихъ С. не предполагалъ начинать кампанію; съ другой стороны—сказывались преклонные года и разстроенное здоровье фельдмаршала. Проѣздомъ черезъ Митаву онъ представился французскому королю-претенденту Людовику XVIII, нашедшему въ Россіи пріютъ и бывшему однимъ изъ конкуррентовъ С. на постъ главнокомандующаго союзными войсками. Оттуда, черезъ Вильну, обгоняя тянувшіяся къ границѣ войска, С. 3 марта прибылъ въ Кобринъ, гдѣ остановился на нѣсколько дней отдохнуть и привести въ порядокъ неотложныя дѣла этого имѣнія. Слѣдуя далѣе на Брестъ, С. 9 марта переѣхалъ границу и 14 марта вечеромъ прибылъ въ Вѣну. Населеніе встрѣтило его восторженно. Императоръ и Дворъ—благосклонно, но сдержанно. Въ ближайшіе дни начались переговоры о предстоящей кампаніи.

С. былъ поставленъ во главѣ союзной арміи въ силу соображеній, въ которыхъ военный геній его не игралъ никакой роли. Ни Императоръ Францъ, ни Императоръ Павелъ не были поклонниками его полководческихъ талантовъ. Въ глазахъ Франца—онъ былъ «грубый натуралистъ», «генералъ безъ диспозиціи». Онъ остановилъ свой выборъ на С. отчасти подъ давленіемъ англійской и русской дипломатіи, отчасти же потому, что С., по мнѣнію его, одаренъ былъ высшимъ даромъ судьбы—неизмѣняющимъ счастьемъ. Что касается Павла, то къ этому времени его взглядъ на С. не измѣнился; одновременно съ назначеніемъ его, онъ далъ генералу Герману повелѣніе—наблюдать за предпріятіями С., которыя «могли бы служить ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда онъ будетъ слишкомъ увлеченъ своимъ воображеніемъ, могущимъ заставить забыть его все на свѣтѣ». «Итакъ», говорилось въ рескриптѣ Герману, «хотя онъ и старъ, чтобы быть Телемакомъ, но не менѣе того вы будете Ментором, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ Лаврами». Предписаніе это не было отмѣнено и послѣ того, какъ растроганный прощаніемъ съ С. Павелъ на словахъ облекъ его полной мочью: «веди войну по своему, какъ умѣешь»; оно не имѣло силы только за назначеніемъ Германа на другой театръ.

Еще больше мѣръ предосторожности готовилъ въ охрану дѣла отъ Суворовскаго «воображенія» Вѣнскій Дворъ. Первоначально предполагалось главноначальствованіе въ Италіи вручить эрцгерцогу Палатину, подъ наблюденіемъ и руководствомъ С. Но въ такомъ случаѣ, положеніе С., какъ руководителя эрцгерцога и начальника русскихъ вспомогательныхъ корпусовъ, было бы, въ сущности, совершенно самостоятельнымъ, и воздѣйствовать на рѣшенія его врядъ ли оказалось бы возможнымъ. Между тѣмъ, гофкригсратъ желалъ во что бы то ни стало удержать за собой верховное руководство операціями. Для этого необходимо было поставить С. въ подчиненное ему положеніе. Императоръ нашелъ къ тому способъ, давъ С. высшее, на первый взглядъ, назначеніе главнокомандующимъ австрійскими войсками и возведя его 31 марта (н. с.) въ чинъ фельдмаршала. Какъ *австрійскій* фельдмаршалъ, онъ былъ обязанъ повиноваться *Австрійскому* Императору и—гофкригсрату. Желая еще болѣе обезпечить свое вліяніе на ходъ кампаніи, Вѣнскій Дворъ изъялъ изъ вѣдѣнія С. всю продовольственную и административную часть и передалъ ее австрійскому фельдмаршалу Меласу, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было и ближайшее наблюденіе за С.

С. съ первыхъ же дней разгадалъ стремленіе гофкригсрата наложить на него свою руку, но не придалъ этому особаго значенія. Руководясь опытомъ 1794 г., онъ надѣялся на театрѣ военныхъ дѣйствій

быстро освободиться отъ опеки австрійскаго «Высшаго Совѣта». Вмѣсто того, чтобы сразу выяснить отношенія, онъ давалъ уклончивые отвѣты, стараясь даже поддакивать австрійцамъ, и этимъ далъ имъ въ руки сильное оружіе для будущаго: возможность ссылаться—и основательно—на «вѣнскіе переговоры». Равнымъ образомъ, неосмотрительно допустилъ онъ и передачу продовольственной части исключительно въ вѣдѣніе австрійцевъ, вѣроятно поддавшись соблазну избавиться отъ докучныхъ административныхъ заботъ. Обѣ ошибки отозвались на всемъ ходѣ кампаніи.

Несмотря на всѣ настоянія, С. наотрѣзъ отказался принять участіе въ выработкѣ плана кампаніи совмѣстно съ членами гофкригсрата. Присланный ему на просмотръ австрійскій планъ кампаніи онъ перечеркнулъ на-крестъ, сверху до низу, не вдаваясь въ разборъ его. Своихъ личныхъ соображеній онъ не сообщилъ ни австрійскимъ генераламъ, ни генералъ-адъютанту Лауеру, спеціально для этого присланному Францемъ. Онъ руководился тѣмъ же, что заставило его наканунѣ Фокшанъ отказывать Принцу Кобургскому въ бесѣдѣ: нежеланіемъ терять время на «кабинетное вранье». Единственно, чего удалось добиться отъ него австрійцамъ: «Начну кампанію переходомъ черезъ Адду, а кончу—гдѣ Богу будетъ угодно».

Но гофкригсратъ не склоненъ былъ уступать. На прощальной аудіенціи 23 марта Императоръ Францъ вручилъ С. «начертаніе», заключавшее въ формѣ приказанія тотъ самый планъ, который С. перечеркнулъ нѣсколько дней тому назадъ. Начертаніе ясно ставило цѣль кампаніи: прикрытіе австрійскихъ владѣній и удаленіе опасности отъ границъ Имперіи, и указывало шагъ за шагомъ, какъ достичь этой цѣли. Наряду съ этимъ С. было предписано: въ случаѣ какихъ-либо отступленій отъ «начертанія», до исполненія—снестись съ Вѣной. С. «принялъ къ свѣдѣнію» и начертаніе и приказъ и выѣхалъ изъ Вѣны съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять ни того ни другого.

Приказавъ слѣдовавшимъ въ Италію русскимъ войскамъ удвоить этапы, С. черезъ Брукъ и Виллахъ прибылъ въ Верону.

Къ моменту прибытія С. въ Италію положеніе союзниковъ на этомъ театрѣ могло считаться блестящимъ. Французскій главнокомандующій Шереръ, послѣ ряда пораженій, уменьшившихъ его армію до 28.000 человѣкъ, спѣшно отводилъ за Адду свои утомленныя и деморализованныя войска. Занятыя французскими гарнизонами крѣпости Итальянскаго четверо-угольника—оплотъ господства въ странѣ—были предоставлены самимъ себѣ. Неаполитанская армія Макдональда (40.000 чел.) едва справлялась съ возстаніемъ въ Партенопейской республикѣ, удаленная отъ Шерера болѣе чѣмъ на 20 переходовъ. Швейцарская армія, потерпѣвъ неудачу при вторженіи въ Тироль, разбросалась и оттянулась къ сѣверу, оставивъ свои сообщенія съ Шереромъ на воздухѣ. Разсчитывать на подкрѣпленія изъ Франціи было трудно.

Силы союзниковъ въ Италіи, съ подходомъ русскихъ подкрѣпленій, доходили до 100.000 человѣкъ. Изъ нихъ 65 тысячъ были уже въ сборѣ. Главныя силы—22 тысячи, подъ командой Меласа сосредоточены были къ западу отъ Валеджіо. Авангардъ Отта (7 тыс.) занималъ Монте Кіари, выдвинувъ боковой отрядъ къ Понте-Санъ-Марко. 7 тысячъ Вукасовича—въ Рока-д'Анфа; у Маркаріи—Гогенцоллернъ съ 5 тыс. обезпечивалъ лѣвый флангъ австрійцевъ и прикрывалъ блокаду Мантуи, обложенной 10-тысячнымъ отрядомъ Кленау; С.-Жюльенъ съ 4.500 чел. осаждалъ Пескіеру.

Принимая командованіе въ Италіи, С. смотрѣлъ на поставленную ему Императоромъ Францемъ задачу приблизительно такъ же, какъ 5 лѣтъ тому назадъ на ордеръ «Высшаго Совѣта» о занятіи Бреста: какъ на необходимый первый шагъ, подготовку рѣшительнаго удара, который долженъ былъ перенести борьбу на французскую территорію. Своимъ наступленіемъ въ Италіи онъ имѣлъ въ виду способствовать активности дѣйствій на Рейнѣ и въ Швейцаріи и, развязавъ себѣ руки на этомъ театрѣ, постепенно объединить общее наступленіе къ границамъ Франціи. Соображенія эти обусловили и выборъ С. первой его операціонной линіи: на Брешію—Миланъ. Выводя къ важнѣйшему пункту въ расположеніи противника, она вела кратчайшимъ путемъ къ рѣшенію, и захвату Милана, главнаго пункта на этомъ участкѣ театра войны; вмѣстѣ съ тѣмъ, прерывая ударомъ въ этомъ направленіи сообщенія Шерера съ Швейцаріей, С. входилъ въ связь съ Рейнской и Швейцар-

ской арміями австрійцемъ, протягивался къ Савойѣ, считавшейся въ то время ключемъ Швейцарскихъ Альповъ на Западѣ при вторженіи во Францію. Направленіе на Миланъ, по совершенно, впрочемъ, инымъ соображеніямъ, было указано С. и гофкригсратомъ.

С. прибылъ къ арміи, въ Валеджіо, 4 апрѣля. Немедленно въ австрійскіе полки были командированы русскіе офицеры-инструкторы—для «наученія таинству побіенія непріятеля холоднымъ ружьемъ» и «отученія отъ ретирадъ». Съ той же цѣлью и для ознакомленія съ основами Суворовской тактики отданы были приказами по арміи краткія наставленія для дѣйствія въ бою. Австрійцы были обижены этими распоряженіями: часть австрійскихъ генераловъ, и въ числѣ ихъ недавній побѣдитель Шерера, баронъ Край—открыто выражали непріязнь къ С. и русскимъ.

Стремясь по возможности скорѣе открыть дѣйствія, С. рѣшилъ не дожидаться сосредоточенія всѣхъ войскъ и по прибытіи первыхъ рускихъ эшелоновъ (дивизія Повало-Швейковскаго), 8 апрѣля на разсвѣтѣ выступилъ изъ Валеджіо тремя колонами къ р. Кеаза и далѣе къ р. Меллѣ, обезпечивъ маршъ справа 7.000 отрядомъ Вукасовича, направленнымъ къ Брешіи, и слѣва—высланнымъ изъ Поцоло Гогенцоллерномъ съ 5 тыс. Соприкосновеніе съ противникомъ было потеряно австрійцами тотчасъ по уходѣ французовъ за Минчіо, и въ моментъ выступленія С. не зналъ ни расположевія арміи Шерера, ни состава, ни состоянія ея. Въ виду этого онъ старался организовать наступленіе методически и осторожно. На дѣлѣ получилось обратное. С. не хотѣлъ приноравливаться къ австрійскимъ порядкамъ и привычкамъ; австрійцамъ же Суворовскіе марши и переходы оказались не по силамъ. Такъ какъ С. начиналъ, по своему обычаю, маршъ въ 3 ч. пополудни, австрійскія войска не успѣвали до наступленія сумерокъ закончить назначенный имъ переходъ. Движеніе продолжалось ночью, колоны отставали, сбивались съ пути, тѣмъ болѣе, что диспозиція отдавалась всего за часъ до выступленія и притомъ въ непривычно-краткихъ, отрывистыхъ выраженіяхъ. Остановки ночами происходили далеко не всегда въ намѣченныхъ для того пунктахъ. Между тѣмъ, диспозиція движенія слѣдующаго дня отдавалась на основаніи предписаннаго наканунѣ, а не дѣйствительнаго расположенія войскъ. С. не соглашался ждать, пока подтянутся отсталые, выйдутъ на вѣрную дорогу сбившіеся отряды: имъ предлагалось наверстывать упущенное. Австрійцы физически не могли выполнить предъявленныхъ имъ С. требованій: въ силу этого путаница увеличивалась со дня на день; терялась связь колоннъ и зачастую не соблюдалось никакихъ мѣръ охраненія. Безпорядочность марша вызывала крупныя продовольственныя затрудненія и какъ слѣдствіе ихъ—грабежи. Утомленныя непривычнымъ напряженіемъ войска Императора Франца роптали; австрійскимъ генераламъ, при видѣ безпорядка, царившаго на маршѣ, «жутко становилось за будущее».

Первымъ препятствіемъ на пути слѣдованія С. была Брешія. Оцѣнивая по достоинству значеніе перваго успѣха, С. принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію блестящей и громкой побѣды подъ стѣнами Брешіи. Онъ направилъ къ ней по сходящимся путямъ съ трехъ сторонъ 24.000 человѣкъ съ предписаніемъ штурмовать безъ промедленія, если не послѣдуетъ безусловной сдачи. Въ виду огромнаго превосходства силъ противника слабый (1.000 чел.) гарнизонъ Брешіи капитулировалъ безъ боя. Подобный исходъ не соотвѣтствовалъ видамъ С., ослабляя впечатлѣніе перваго его боевого успѣха. Но онъ исправилъ дѣло реляціей: въ ней былъ и «жестокій пушечный огонь» и «упорное сопротивленіе», придавшее безкровному дѣлу такой характеръ, что оно навлекло за границей нападки на С. за «турецкій способъ дѣйствій». Цѣль такимъ образомъ была достигнута вполнѣ: нужное впечатлѣніе создалось.

Когда С. стало точно извѣстно растянутое расположеніе французовъ, то, чтобы помѣшать сосредоточенію, удержать на мѣстахъ разбросанныя силы противника,—онъ немедленно двинулъ къ Лекко и Бривіо, гдѣ онъ предполагалъ возможнымъ присутствіе главныхъ силъ французовъ—19 тысячъ (Розенбергъ и Вукасовичъ), 2 тысячи (Секендорфъ) къ Лоди; самъ же онъ продолжалъ маршъ на Касано съ главными силами, выводя ихъ къ центру ровнымъ кордономъ растянутой вдоль Адды арміи непріятеля, для прорыва его въ важнѣй-

шемъ направленіи. 14 апрѣля союзная армія развернулась передъ Аддой.

Переправа была назначена на 15-е, но ее пришлось отложить до выясненія результатовъ завязаннаго Багратіономъ горячаго боя за Лекко, гдѣ обнаружены были значительныя силы противника. Занятіе Лекко русскими не только приковало къ мѣсту войска крайняго лѣваго фланга французовъ, но обусловило даже высылку туда Шереромъ подкрѣпленій, что еще болѣе ослабило пунктъ главнаго удара С. у Треццо и Кассано. Въ ночь на 16-е союзники приступили къ наводкѣ мостовъ у Лекко, Сан-Джервазіо (выше Треццо) и Лоди, намѣчая такимъ образомъ переправу на протяженіи 55 верстъ и вынуждая этимъ противника сохранить свое растянутое положеніе. Мостъ у Джервазіо наводился подъ личнымъ наблюденіемъ С., безъ плаща и шляпы работавшаго подъ дождемъ наравнѣ съ солдатами. Въ 5 ч. утра началась переправа.

Въ самый день перехода союзниковъ черезъ Адду въ главной квартирѣ французовъ былъ полученъ декретъ о назначеніи главнокомандующимъ италіанской арміи, вмѣсто неспособнаго Шерера, молодого и талантливаго Моро. Немедленно принявъ начальствованіе, Моро попытался исправить ошибку своего предшественника и отдалъ приказъ о спѣшномъ сосредоточеніи къ Кассано. Но въ это время воодушевленные личнымъ присутствіемъ С. баталіоны Меласа взяли, наконецъ, штурмомъ тетъ-де-понъ на Аддѣ, выбили французовъ изъ Кассано и вышли въ тылъ отходившимъ отъ Вапріо войскамъ Моро. Оказавшись между двухъ огней, Моро поспѣшно перешелъ въ отступленіе—на Мельцо.

17 апрѣля союзная армія двинулась къ Милану. Между Вардеріо и Падерно обнаружена была казаками Вукасовича дивизія Серрюрье, не успѣвшая еще отступить; приближеніе корпуса Розенберга заставило ее положить оружіе. Къ ночи передовыя войска союзниковъ заняли Миланъ: французскій гарнизонъ заперся въ цитадели. 18 апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенья, С. торжественно въѣхалъ въ городъ, встрѣченный населеніемъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ которымъ 3 года тому назадъ встрѣчали здѣсь Бонапарта. С. объявилъ Цисальпійскую республику не существующей, учредилъ временное правительство. Дальнѣйшія распоряженія предоставлены были имъ Меласу, какъ лицу уполномоченному Императоромъ: Меласъ ввелъ немедленно австрійскіе порядки, къ великому неудовольствію итальянцевъ. За подписью С. выпущена была составленная въ Вѣнѣ напыщенная, безсильная прокламація къ французскимъ войскамъ.

Два дня продолжались торжества въ честь побѣдителей. 19-го подошли послѣднія войска, присоединилась къ арміи дивизія Ферстера, прибывшая изъ Россіи, и 20-го, въ 3 ч. пополудни, С. выступилъ изъ Милана.

Онъ не пошелъ за Моро, отступившимъ за Тичино, такъ какъ о движеніи его въ главной квартирѣ союзниковъ не было точныхъ свѣдѣній и время для преслѣдованія было уже упущено: организовать быстро переправу черезъ По было невозможно за недостаткомъ понтоновъ. Вниманіе С. отвлечено было въ сторону болѣе сильнаго и опаснаго противника: по полученнымъ извѣстіямъ приближалась изъ Средней Италіи 40-тысячная армія Макдональда. С. двинулся ей навстрѣчу, фланговымъ маршемъ къ р. По, къ Пьяченцѣ и Парпанезе. Предчувствуя, что движеніе это не встрѣтитъ одобренія въ Вѣнѣ, С. попытался «откупиться отъ гофкригората, взявъ съ собою всего 36 тысячъ: остальныя войска—до $^2/_3$ наличныхъ силъ, назначены были для осады крѣпостей (Мантуи, Пичигетоне, Пескіеры и Миланской цитадели), на чемъ настаивали австрійцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ своевременнымъ сдѣлать Вѣнскому Двору первый намекъ на свои замыслы, ясно подчеркнувъ въ отправленномъ Императору операціонномъ планѣ необходимость строгаго согласованія дѣйствій на отдѣльныхъ театрахъ, въ видахъ «предстоящаго общаго наступленія въ предѣлы Франціи». Въ отвѣтъ Императоръ подтвердилъ свое первоначальное «начертаніе»: ни о какомъ «общемъ наступленіи» «и предполагать не слѣдовало»; С. предписывалось ограничиться обезпеченіемъ завоеванныхъ областей, на правый берегъ По отнюдь не переходить и не отвлекаться отъ главной задачи—овладѣнія крѣпостями.

Рескрипты Императора не застали С. въ Миланѣ. Маршъ къ р. По былъ выполненъ быстро; переправа на правый берегъ

нѣсколько задержалась по недостатку переправочныхъ средствъ и малой распорядительности, проявленной штабомъ С., составленнымъ изъ австрійцевъ, и только въ послѣднихъ числахъ апрѣля главная армія С. (18 тыс. русскихъ и 18 тыс. австрійцевъ) стала на обоихъ берегахъ По, близъ Пьяченцы и Парпанезе, связанная мостомъ у Мецано Корти и паромомъ у Червезино, на центральной позиціи между Макдональдомъ и Моро.

С. долго не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о противникѣ. Наконецъ удалось установить, что Макдональдъ еще не выступалъ изъ Средней Италіи; въ то же время стало извѣстно, что армія Моро искуснымъ, хотя и рискованнымъ эксцентрическимъ маршемъ отошла на сильную позицію Валенца—Алессандрія, прикрывая юго-западный Пьемонтъ, Туринъ и главные пути черезъ Апеннины въ Ривьеру, грозя тылу С. въ случаѣ движенія его навстрѣчу Макдональду.

С. обратился противъ Моро. 28 апрѣля, введенный въ заблужденіе ложнымъ извѣстіемъ о переходѣ французовъ въ отступленіе за Апеннины, онъ приказалъ Шателеру занять Тортону и выслалъ къ Валенсіи корпусъ Розенберга. Но въ тотъ же день выяснилось, что Моро по прежнему стоитъ подъ Алессандріей. С. рѣшилъ стянуть свои силы впереди Тортоны и атаковать непріятельскую позицію за р. Танаро. 29 апрѣля войска Меласа заняли Торре-ди-Гарофолло; авангардъ Денисова—Маренго; отрядъ Багратіона сталъ у С.-Джуліано, гдѣ къ нему долженъ былъ присоединиться Розенбергъ, получившій приказъ оставить предпріятіе на Валенцу и перейти на правый берегъ По ниже, у Камбіи. Но Розенбергъ, положившись на сообщеніе мѣстныхъ жителей, что Валенца занята только 1.000 французовъ, рѣшилъ занять ее, совершивъ, вопреки предписанію, переправу въ ранѣе намѣченномъ пунктѣ; онъ совершенно упустилъ изъ виду, что этимъ войска вводятся въ тупикъ между По и Танаро и соединеніе съ С. становится невозможнымъ. Попытка Розенберга овладѣть Валенцей повела къ неудачному для насъ бою при Басиньяно: потерявъ 70 офицеровъ, 1.200 нижнихъ чиновъ, 2 орудія, русскій отрядъ спасся отъ окончательнаго разгрома только потому, что Моро былъ настолько озадаченъ этой логически необъяснимой переправой — прямо противъ его позиціи, что счелъ ее за демонстрацію и воздержался отъ преслѣдованія.

Неудача при Басиньяно задержала предполагавшееся наступленіе. Узнавъ о завязанномъ Розенбергомъ дѣлѣ, ясно представляя себѣ всю опасность положенія «зашедшаго въ кутъ» отряда и тѣмъ сильнѣе безпокоясь, что въ рядахъ его находился Великій Князь Константинъ Павловичъ, 26 апрѣля прибывшій къ арміи,—С. быстро потянулъ къ Камбіо почти всѣ союзныя войска. Онъ сознавалъ безполезность этого движенія: въ случаѣ энергичныхъ дѣйствій французовъ, помощь не могла поспѣть вовремя, но онъ видимо не въ силахъ былъ оставаться спокойнымъ «зрителемъ изъ затонца», выждать на мѣстѣ результатовъ.

По присоединеніи Розенберга, С. возобновилъ движеніе—но уже по другому плану. Онъ успѣлъ за эти дни получить новыя и снова «достовѣрныя» извѣстія: Макдональду окончательно приказано остаться въ Южной Италіи; изъ Савойи и съ Рейна идутъ подкрѣпленія къ Моро. Сообразно съ этимъ становилось ненужнымъ сохранять занятое С. внутреннее положеніе относительно Макдональда и Моро: онъ рѣшилъ перевести войска на лѣвый берегъ По и стать на путяхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій, обойдя въ то же время лѣвый флангъ крѣпкой позиціи французовъ за Танаро; движеніе предполагалось произвести въ ночь на 5 мая, фланговымъ маршемъ къ р. Сезіи, подъ прикрытіемъ бокового авангарда Багратіона и демонстраціи: Чубарова на р. Танаро, Багратіона—на Бреше, Карачая—на Алессандрію. Но въ ту же ночь Моро, также не имѣвшій достовѣрныхъ свѣдѣній о противникѣ, рѣшилъ освѣтить положеніе и, наведя мостъ противъ Маренго, перешелъ Бормиду съ дивизіей Виктора и 2 тыс. кавалеріи. Выбивъ изъ Маренго австрійцевъ Карачая, онъ продолжилъ маршъ на С.-Джуліано, но на пути былъ атакованъ дивизіей Фрелиха, поддержанной вслѣдъ затѣмъ Багратіономъ. Вѣсть о наступленіи французовъ остановила обходное движеніе союзниковъ. Отъ Торре-ди-Гарофолло спѣшно двинулись къ мѣсту боя войска дивизіи Кайма. Приближеніе ихъ убѣдило Моро, что его предположеніе объ уходѣ С. навстрѣчу Макдональду не основательно и главныя силы союзной арміи по прежнему стоятъ передъ нимъ; въ 4 ч. дня онъ быстро

перешелъ въ отступленіе и успѣлъ благополучно вернуться за Бормиду, черезъ единственный мостъ, захватъ котораго союзниками поставилъ бы его въ безвыходное положеніе. С., находившійся въ это время въ Сале, прискакалъ уже по окончаніи боя и не могъ исправить ошибки: Моро былъ упущенъ.

Разобравшись, благодаря бою при Маренго, въ обстановкѣ, французскій главнокомандующій счелъ благоразумнымъ уклониться отъ неравнаго боя и заблаговременно отступить въ Генуэзскую Ривьеру. С. весь день 6-го простоялъ на мѣстѣ, выжидая дальнѣйшихъ дѣйствій противника, и только 7-го возобновилъ прерванное обходное движеніе. Закончивъ обходъ 9—10 мая, онъ обнаружилъ, что французы уже очистили свою позицію. Сразу установить направленіе, взятое Моро, не удалось. С. отказался отъ мысли догнать его и двинулся на Туринъ, дабы занятіемъ его отрѣзать Моро отъ возможныхъ подкрѣпленій изъ Швейцаріи и Савойи, поднять возстаніе въ Пьемонтѣ и обезпечить себѣ прочный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ операцій на Ривьеру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, захватъ Турина передавалъ въ руки союзниковъ огромные склады запасовъ, парки, арсеналъ; наконецъ, занятіе столицы Сардинскаго королевства соотвѣтствовало видамъ Австріи и должно было содѣйствовать поддержанію добрыхъ отношеній между Вѣнскимъ Дворомъ и фельдмаршаломъ.

11 мая готовы были мосты на Сезіи, и союзная армія въ 4 перехода подошла къ Турину. Національная гвардія измѣнной открыла ворота австрійцамъ: французскій гарнизонъ (3.000 чел.) съ трудомъ успѣлъ укрыться въ цитадель, немедленно окруженную войсками С.

С. предполагалъ остаться въ Туринѣ только на то время, которое было необходимо для организаціи марша, намѣчаемаго имъ на Карманьолу—Чеву къ Финале; онъ разсчитывалъ движеніемъ этимъ покончить съ Моро, чѣмъ окончательно очищена была бы Сѣверная Италія, отрѣзана отъ Франціи и обречена на гибель армія Макдональда. Но осуществить свой проектъ ему не удалось.

Предположенное С. движеніе на Ривьеру не встрѣтило одобренія въ Вѣнѣ, какъ совершенно ненужная—съ точки зрѣнія гофкригсрата—трата людей и средствъ. Вѣнскій Дворъ тѣмъ менѣе расположенъ былъ уступить въ этомъ вопросѣ настояніямъ С., что его дѣятельностью вообще были недовольны; принятыя имъ, по вступленіи въ Пьемонтъ, мѣры шли совершенно вразрѣзъ съ видами и цѣлями австрійскаго правительства. Занявъ Туринъ, С. объявилъ Сардинское королевство возстановленнымъ, послалъ королю приглашеніе вернуться въ столицу, издалъ прокламацію къ жителямъ, приглашая ихъ вооружаться «на защиту короля», возстановилъ королевскую армію и весь прежній порядокъ вещей—даже прежнихъ должностныхъ лицъ. Мѣры эти, способствуя подъему чувства политической самостоятельности, національнаго самосознанія пьемонтцевъ, могли только затруднить предположенное Австріей присоединеніе Сардинскаго королевства къ наслѣдственнымъ владѣніямъ. С. такимъ образомъ повторилъ ту же ошибку, которую сдѣлалъ онъ въ Варшавѣ въ 1794 г.

Въ новомъ, уже менѣе милостивомъ, рескриптѣ Императоръ Францъ, въ выраженіяхъ ясныхъ, далъ понять С., что онъ поставленъ во главѣ австрійскихъ войскъ и русскихъ корпусовъ, предоставленныхъ Павломъ въ распоряженіе союзника, отнюдь не для того, чтобы при помощи ихъ осуществлять свою собственную, Суворовскую, политическую программу, но ту программу, которая начертана Австріей, на чьи средства и чьими войсками ведется война. Категорически подтверждалось: въ областяхъ, занятыхъ союзниками по праву завоеванія, не допускать никакихъ властей кромѣ австрійскихъ; вообще же на будущее время въ административныя мѣропріятія не вмѣшиваться, предоставить ихъ всецѣло Меласу и заниматься исключительно оперативной частью; ни о какихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ не думать, а ограничиваться осадами Мантуи и Миланской цитадели и обезпеченіемъ занятой территоріи.

«Сей кабинетный декретъ» разрушилъ предположенія С. Онъ не могъ пойти наперекоръ повелѣнію Императора уже потому, что власть и авторитетъ его въ австрійской арміи были слишкомъ слабы для этого; важнѣйшая, провіантская часть находилась всецѣло въ рукахъ австрійцевъ; генералы, ему подчиненные, сносились прямо съ гофкригсратомъ и даже помимо его получали предписанія изъ Вѣны; совершались даже передвиженія частей, о кото-

рыхъ С. узналъ только по окончаніи ихъ. Организовать при такихъ условіяхъ «самовольный маршъ», въ родѣ марша къ Прагѣ въ 1794 г., представлялось совершенно немыслимымъ. С. попытался добиться разрѣшенія идти на Ривьеру хлопотами въ Вѣнѣ черезъ русскаго посла Разумовскаго. Но настаивать на требованіяхъ С. Разумовскій не могъ: логически австрійцы были правы: война велась ими, и надо было предоставить Австріи отстаивать свои интересы такъ, какъ ей казалось лучшимъ. С. долженъ былъ уступить и цѣлый мѣсяцъ бездѣйствовать въ Туринѣ, такъ какъ даже къ осадѣ Туринской цитадели приступить не могъ, за отсутствіемъ осадной артиллеріи.

О непріятелѣ въ главной квартирѣ, по прежнему, получались только скудныя и противорѣчивыя извѣстія. Неясность обстановки не меньше «кабинетнаго декрета» вязала руки С. Онъ выдвинулъ въ три стороны сильные заслоны— на вѣроятнѣйшіе пути наступленія непріятеля изъ Франціи, Швейцаріи и Средней Италіи; остальныя же войска рѣшилъ сосредоточить въ Алессандріи, откуда, находясь во внутреннемъ положеніи къ Макдональду и Моро, могъ легко помѣшать возможной попыткѣ соединенія ихъ или движенія къ Мантуѣ, въ тоже время и своевременно подкрѣпить любой изъ своихъ заслоновъ. Въ послѣднихъ числахъ мая Фрелиху (въ Кони), Отту (въ Реджіо), Вукасовичу (въ Чеву), Гогенцоллерну и Краю (подъ Мантуей)—посланы приказы усиленными переходами спѣшить къ Алессандріи, куда должны были перейти и собранныя подъ Туриномъ войска. С. разсчитывалъ такимъ образомъ сосредоточить подъ Алессандріей до 60 тыс. человѣкъ. Но собралось ко 2 іюня всего 37 тысячъ: вѣрный предписаніямъ гофкригсрата, Край не далъ ни одного солдата и не пустилъ Гогенцоллерна.

Продовольствіе войскъ въ Алессандріи встрѣтило въ первый же день такія затрудненія, что, по настоянію австрійской продовольственной комиссіи, рѣшено было отойти къ Асти. Первымъ ушелъ туда корпусъ Розенберга, даже не отдохнувъ отъ форсированнаго марша отъ Турина къ Алессандріи. Выступленіе остальныхъ войскъ начначено было на ближайшіе дни. Но въ тотъ же вечеръ, 2 іюня, получено было С. извѣстіе о движеніи сильныхъ непріятельскихъ колоннъ на Парму и Модену. Макдональдъ выступилъ, наконецъ, на соединеніе съ Моро; дебушировавъ 31 мая 4 колоннами по широкому фронту Болонья—Формиджино—Вецано—Форново, онъ разбилъ 1 іюня у Модены Гогенцоллерна и, отогнавъ къ сѣверу австрійскіе отряды, шелъ на Парму—Тортону.

Внезапное появленіе Макдональда произвело на австрійцевъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Деблокада Мантуи казалась несомнѣнной; Край считалъ себя обреченнымъ на пораженіе, прежде чѣмъ подоспѣетъ С. Отправивъ осадный паркъ изъ-подъ Мантуи въ Верону, онъ уничтожилъ мосты черезъ По и стянулъ всѣ наличныя силы къ наиболѣе вѣроятному пункту переправы черезъ По—у С.-Джервазіо.

Получивъ донесеніе о наступленіи Неаполитанской арміи, С. немедля послалъ Краю приказъ идти къ нему на соединеніе, оставивъ необходимое количество войскъ для блокады Мантуи; самъ же, оставивъ подъ Алессандріей заслонъ противъ Моро въ 15 тысячъ, подъ начальствомъ Бельгарда,—съ остальными силами выступилъ къ Пьяченцѣ, предписавъ шедшему къ Вочерѣ Отту вернуться въ Парму на соединеніе съ бывшимъ тамъ отрядомъ Княжевича и задерживать противника между Пармой и Пьяченцой до подхода главныхъ силъ. Движеніе С. одинаково соотвѣтствовало обоимъ возможнымъ намѣреніямъ Макдональда: въ случаѣ движенія его на Мантую и сообщенія союзниковъ, С. бралъ его въ тылъ; въ случаѣ прямого марша на соединеніе съ Моро—онъ встрѣчалъ и билъ до соединенія.

Наводка мостовъ на Бормидѣ задержала С., и только 4-го въ 10 ч. вечера союзная армія двумя колоннами начала свой безпримѣрный въ исторіи форсированный маршъ. Къ утру 5 іюня, пройдя 30 верстъ за ночь, С. прибылъ въ Кастель-ново-ди-Скривія и послѣ 3-часового отдыха двинулся дальше; вечеромъ того же дня главныя силы были въ Кастеджіо; авангарды обѣихъ колоннъ (Даллеръ и Багратіонъ) дошли до Страделлы. Въ ночь на 6-е получено донесеніе Отта о неудачномъ для него боѣ подъ Пьяченцой. С. приказалъ Меласу немедленно вести войска Даллера на усиленіе Отта; остальнымъ войскамъ—выступить еще до разсвѣта. Въ 10 часовъ утра, на маршѣ съ главными силами, у

Страделлы, С. получилъ новое донесеніе Отта: австрійскія войска отброшены за Тидоне; Макдональдъ, преслѣдуя по пятамъ, идетъ къ Кастель-Санъ-Джіовано.

Въ случаѣ пораженія авангарда Отта, армія С., утомленная маршемъ, эшелонированная въ одной и притомъ сильно растянувшейся колоннѣ по одной дорогѣ, подвергалась серьезной опасности. Приказавъ австрійцамъ пропустить впередъ русскія войска, С. довелъ скорость марша до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ: люди шли почти бѣгомъ. С. шутками подбодрялъ солдатъ, разъѣзжалъ вдоль колонны, повторяя «впередъ, впередъ.. голова хвоста не ждетъ!» Оживленныя его присутствіемъ, войска шли бодро, несмотря на палящій зной... Но до Тидоне было еще далеко, когда прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что соединенныя силы Отта и Меласа съ крайнимъ трудомъ удерживаются у С. Джіовано, подъ ударами втрое превосходныхъ силъ противника. С. сдалъ командованіе Великому Князю Константину, и съ 4 казачьими полками и 2 полками австрійскихъ драгунъ помчался впередъ; онъ прибылъ къ С.-Джіовано въ самый критическій моментъ боя.

Успѣхъ уже рѣшительно склонялся на сторону французовъ: объединивъ свои разрозненныя до того времени атаки, они захватили австрійскую батарею у д. Сармато; польская дивизія Домбровскаго появилась у дер. Карамелло, грозя отрѣзать поколебленнымъ рядамъ австрійцевъ путь отступленія. Въ этотъ моментъ подоспѣлъ С. Одного взгляда, брошеннаго съ холма на поле сраженія, было достаточно, чтобы оріентироваться. Два казачьихъ полка и австрійскіе драгуны понеслись вправо, противъ Домбровскаго: казаки Молчанова и Семерникова влѣво, на правый флангъ непріятеля. Это лихая атака пріостановила наступленіе французовъ. Тѣмъ временемъ успѣли подойти головные баталіоны пѣхоты авангарда.

Страшный слѣдъ обозначилъ ихъ путь къ С.-Джіовано: люди цѣлыми шеренгами падали отъ изнеможенія, въ подошедшихъ ротахъ не насчитывалось и по 40 человѣкъ. Еле давъ перевести духъ прибывшимъ баталіонамъ, С. двинулъ два баталіона на поддержку лѣваго фланга, остальные примкнулъ къ правому флангу австрійцевъ, между ними и казаками, и, не теряя времени на перестрѣлку, всей линіей ударилъ въ штыки.

Французы держались стойко, искусно пользуясь пересѣченной мѣстностью, но къ 9 ч. вечера, послѣ 5-часового горячаго боя, С. удалось отбросить ихъ за р. Тидоне. Къ концу боя подтянулись остальныя союзныя войска, но они были до того истомлены переходомъ, что о продолженіи боя не могло быть и рѣчи.

Узнавъ о появленіи на Тидоне главныхъ силъ С., Макдональдъ отвелъ свои войска на 7 верстъ назадъ, на правый берегъ Треббіи, оставивъ на лѣвомъ два авангарда: дивизію Сальма у С.-Николо, на большой Пьячецской дорогѣ, и дивизію Домбровскаго у Казалиджіо. Онъ не хотѣлъ принимать боя до подхода дивизій Монтримара и Оливье, тѣмъ болѣе что съ часу на часъ, по его мнѣнію, въ тылу С. должно было обнаружиться вліяніе операцій Моро и отряженнаго по долинѣ Треббіи къ Боббіо отряда Ланоина. Тѣ же соображенія заставили С. не медлить атакой. Онъ возобновилъ бой на слѣдующій же день. По диспозиціи, 6.000 чел. должны были занять противника въ центрѣ и на правомъ его флангѣ, въ то время какъ остальные (21 тыс.)—обрушиться на лѣвый флангъ, имѣвшій рѣшающее стратегическое значеніе. С. лично руководилъ дѣйствіемъ праваго фланга союзниковъ. Послѣ упорнаго боя, авангарды противника, поддержанные главными силами Макдональда, были оттѣснены за Треббію, но успѣхъ не былъ рѣшительнымъ. Атака, за утомленіемъ войскъ, начата была поздно; пользуясь пересѣченной мѣстностью, французы долго удерживались еще на передовой позиціи, а общаго резерва въ нужную минуту не оказалось на мѣстѣ, такъ какъ Меласъ, которому поручено было командованіе имъ и лѣвымъ флангомъ, вопреки диспозиціи, велъ его не за важнѣйшимъ правымъ, а за своимъ лѣвымъ крыломъ. Это ослабило энергію атаки С. и позволило французамъ задержаться на правомъ берегу Треббіи. Успѣхъ дня такимъ образомъ былъ исключительно мѣстнымъ, тактическимъ. С. отдалъ по войскамъ диспозицію боя на слѣдующій день.

Но Макдональдъ, усиленный подошедшими дивизіями Монтришара и Оливье, рѣшилъ въ свою очередь перейти въ наступленіе. 8 іюня, около 10 ч. утра, ко-

гда союзники начали становиться въ ружье, онъ перешелъ Треббію нѣсколькими колоннами и подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, оставленной на правомъ берегу, атаковалъ по всему фронту, стремясь охватить фланги. Искусное распредѣленіе войскъ обезпечило ему численный перевѣсъ на всѣхъ боевыхъ участкахъ. Бой колебался. Но въ критическіе моменты появленіе С. неизмѣнно возстановляло бой,—съ такой силой бросая впередъ уже дрогнувшіе ряды, что французы принимали только что отбитыя, отступавшія части—за свѣжія подкрѣпленія. Сила удара Макдональда разбилась о стойкость и искусство сопротивленія; къ 6 ч. пополудни вся линія французовъ была отброшена обратно за Треббію. С. попытался перейти ее слѣдомъ за противникомъ. Но попытки эти были отбиты артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ съ того берега. Крайнее утомленіе войскъ заставило вновь перенести рѣшеніе боя на слѣдующій день. «Завтра дадимъ четвертый урокъ Макдональду».

Но Макдональдъ уклонился отъ новаго «урока». Его потери за три дня доходили до 18 тысячъ. Продолжать бой представлялось слишкомъ рискованнымъ, тѣмъ болѣе, что о Моро не было никакихъ вѣстей, а въ тылу Макдональда уже появились союзные отряды, грозившіе сообщеніямъ его съ Тосканой. Замаскировавъ отступленіе бивачными огнями, онъ въ ту же ночь отошелъ за Нуру. Поздно обнаруживъ его уходъ, союзники не могли уже догнать усиленными переходами отступавшаго Макдональда. Только часть арьергарда Виктора была захвачена Розенбергомъ въ С.-Джорджіо. С. съ главными силами шелъ за французами до Уджины, за 30 верстъ отъ Треббіи; убѣдившись въ безполезности погони, онъ поручилъ дальнѣйшее преслѣдованіе Отту, отрядъ котораго Край обязывался довести до 10 тысячъ, а самъ, давъ въ Фіоренцоллѣ дневку усталымъ войскамъ, 12 іюня повернулъ обратно,—на помощь Бельгарду, отброшенному перешедшимъ въ наступленіе Моро за Бормиду. Онъ разсчитывалъ захватить французовъ у Борго или С.-Джуліано. Но единственной цѣлью движенія Моро было облегчить операцію Макдональда давленіемъ на тылъ С. Узнавъ о неудачѣ Макдональда на Треббіи, онъ распустилъ слухъ о своемъ движеніи на Туринъ и до подхода С. успѣлъ безпрепятственно отойти на Геную. Несмотря на усиленные переходы, С. не могъ его догнать и 15 іюня остановилъ войска на берегу р. Орбы, выдвинувъ авангардъ Багратіона къ Нови.

Одиннадцати-дневная операція С., «верхъ военнаго искусства», по выраженію Моро, по рѣшительности и непредвзятости замысла, скрытности, энергіи и быстротѣ выполненія — является классическимъ образцомъ дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. И результаты ея соотвѣтствовали понесеннымъ арміей С. трудамъ: послѣ неудачи Макдональда, Средняя и Южная Италія была окончательно потеряна для французовъ; въ Тосканѣ произошло возстаніе, Великій Герцогъ вновь призванъ во Флоренцію, во Франціи—итальянскія событія вызвали сильнѣйшія опасенія за предѣлы самой республики; Макдональдъ и Моро были отрѣшены отъ командованія; генералы Викторъ, Ланоинъ, Монримаръ отданы подъ судъ. Еще недавно второстепенный, итальянскій театръ пріобрѣлъ характеръ рѣшающаго; къ нему было приковано вниманіе всей Европы.

Вторично возбудилъ С. вопросъ о наступленіи на Ривьеру. И снова, въ благодарственномъ за Треббію рескриптѣ, Императоръ Францъ категорически предписалъ фельдмаршалу оставить всякую мысль о движеніи на югъ, на Геную и ограничиться покореніемъ еще не сдавшихся крѣпостей Сѣверной Италіи, и прежде всего Мантуи. Но С. на этотъ разъ рѣшительно отказался оставаться дольше «стражемъ передъ Вѣнскими вратами». Завязалась «скептическая огромная переписка» съ «бештимтзагерами». С. выходилъ изъ себя, требовалъ, настаивалъ, жаловался Разумовскому. «Подлыя невѣжества, сопряженныя съ многомѣстными скрибенскими интригами противъ моего чужеземства»... «безпрестанныя отъ интригъ неудовольствія къ гофкригсрату—отчаяли меня», пишетъ С., но «робкій кабинетъ» не обращалъ вниманія на представленія С., что «лучше одна кампанія вмѣсто десяти» и «лучше направить свой путь на Парижъ, нежели преградить остроумными ступенями дорогу къ своимъ вратамъ»,—и оставался вѣрнымъ своей

«неискоренимой привычкѣ битымъ быть» и системѣ «унтеркунфта». С. не только не дозволили притянуть подкрѣпленій изъ отрядовъ Бельгарда, Кайма и Гадика и усилиться мѣстными ополченіями, подъ знаменами Сардинскаго короля, но даже попытались направить къ эрцгерцогу Карлу шедшія изъ Россіи подкрѣпленія. Меласу предписано было неослабно слѣдить за С., безотлучно находясь въ главной квартирѣ; отнынѣ всѣ дѣла генералъ-квартирмейстерскаго штаба должны были идти черезъ его руки; безъ его вѣдома, генералъ-квартирмейстеръ не могъ отдать ни одного приказа по арміи, касающагося операціи. При этихъ условіяхъ, Меласъ держалъ С. въ рукахъ. Фельдмаршалъ попытался обратиться за помощью къ своему Императору и 25 іюня послалъ даже просьбу объ отозваніи; но Павелъ принялъ сторону Вѣнскаго Двора и по желанію его подтвердилъ еще разъ, что С. въ полномъ распоряженіи Императора Франца. С. оставалось только вооружиться терпѣніемъ и ждать.

Шесть недѣль пришлось провести въ полномъ бездѣйствіи. Занимаясь ежедневно обученіемъ войскъ, С. тщательно разрабатывалъ въ часы досуга планъ отложеннаго имъ, но отнюдь не отмѣненнаго похода на Геную. Основная мысль плана послѣдовательно развита имъ въ проектахъ, помѣченныхъ 2-мъ, 13-мъ и 19-мъ іюля. Планъ былъ сообщенъ старшимъ генераламъ союзной арміи; затребованы ихъ мнѣнія. По мѣрѣ возможности, подготовлялся и самый походъ. Снесясь съ властями въ Тосканѣ и адмиралами союзнаго флота, крейсировавшаго въ Средиземномъ морѣ, С. создалъ для будущей операціи базу впереди въ Ливорно, обезпечивъ сообщеніе съ нею господствовавшимъ на морѣ флотомъ союзниковъ. По его же настоянію, флотъ прекратилъ сообщеніе Ривьеры съ Испаніей, Африкой, Греціей и Архипелагомъ, дабы лишить возможности продовольствовать французскія войска въ истощенной уже странѣ; для той же цѣли заняты ополченіями приморскіе пункты; королю Неаполитанскому послана просьба о высылкѣ гребной флотиліи для крейсированія вдоль береговъ.

Неудачи Моро и Макдональда не могли не отразиться на силѣ сопротивленія осажденныхъ австрійцами крѣпостей. Стойко державшіяся до сихъ поръ, одна за другой сдаются Миланская и Туринская цитадели, Алессандрія и наконецъ, 17 іюля—Мантуя. Исполнилось такимъ образомъ завѣтное желаніе Австрійскаго Двора. Съ этого момента завоеваніе Италіи считалось обезпеченнымъ, кампанія оконченной. Раздѣлявшій этотъ взглядъ Императоръ Павелъ въ воздаяніе заслугъ С. въ «минувшую войну» возвелъ его указовъ 6 августа въ княжеское достоинство, съ титуломъ Италійскаго.

Но для С. кампанія, окончаніе которой онъ намѣчалъ въ Парижѣ, только начиналась. Паденіе Мантуи устраняло послѣдній предлогъ, подъ которымъ гофкригсратъ задерживалъ его движеніе на югъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, категорическихъ приказаній о дѣйствіяхъ по овладѣніи Мантуей С. дано не было: формально онъ былъ свободенъ—и тотчасъ, съ крайней поспѣшностью, приступилъ къ послѣднимъ приготовленіямъ къ походу. Немедленно посланъ приказъ Краю—оставивъ гарнизонъ въ Мантуѣ и выславъ 5 тыс. человѣкъ въ Тоскану на усиленіе Кленау, съ остальными (19 тысячъ) въ 8 дней прибыть къ Алессандріи. Меласу предписано въ 10-дневный срокъ закончить необходимыя продовольственныя приготовленія. Операціонный планъ, принявшій въ третьей редакціи своей, 19 іюля, окончательную форму, былъ переработанъ генералъ-квартирмейстеромъ Цахомъ 12 іюля въ диспозицію, значительно потерявъ при этомъ въ ясности и простотѣ.

При Вѣнскомъ Дворѣ было уже рѣшено, немедленно по окончаніи кампаніи, т. е. послѣ паденія Мантуи, перевести русскія войска на другой театръ; 20 іюля, по полученіи извѣстія о капитуляціи «ключа Сѣверной Италіи», Императоръ Францъ «секретно» сообщилъ эрцгерцогу Карлу о предстоящемъ отозваніи С. съ войсками въ Швейцарію, гдѣ дѣла австрійцевъ принимали неблагопріятный оборотъ. Ожидая сильныхъ протестовъ со стороны С., австрійское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы, до полученія санкціи русскаго Императора о предполагаемомъ перемѣщеніи въ Итальянской арміи, не было ничего извѣстно. Даже генералъ-квартирмейстеру Цаху «секретное» предупрежденіе было послано только 2 августа. Ни Меласу, ни Краю временно не было дано никакихъ инструкцій. Въ силу этого приказъ С. о сосредоточеніи къ Алессандріи не встрѣтилъ противо-

дѣйствій. Край прибылъ въ срокъ—30 іюля. 31-го разослана по войскамъ диспозиція. Наступленіе назначено на 4 августа. Но уже 1-го у Акви и Серавалле показались французскія войска. Противникъ упредилъ С. и самъ переходилъ въ наступленіе.

Вынужденное бездѣйствіе С. было использовано французами. Макдональдъ береговыми дорогами пробрался въ Геную, гдѣ соединился съ Моро. Въ Ривьеру прибылъ изъ Франціи съ подкрѣпленіями вновь назначенный главнокомандующій, талантливый, но слишкомъ молодой и слишкомъ пылкій генералъ Жуберъ. Не давъ себѣ труда разобраться въ обстановкѣ, онъ немедленно повелъ впередъ воодушевленную его прибытіемъ армію и, рискованнымъ маршемъ, широкимъ фронтомъ, семью разобщенными колоннами перешелъ отдѣлявшія его отъ союзной арміи горы, направляясь къ Тортонѣ. Онъ намѣревался, деблокировавъ ее, обратиться къ Мантуѣ, о паденіи которой во Франціи еще не знали. Подойдя къ выходамъ изъ горъ, въ виду близости непріятеля, Жуберъ—снова весьма рискованнымъ фланговымъ маршемъ—сблизилъ свои колонны на 15 верстъ по фронту. Раздѣленный маршъ французовъ былъ своевременно обнаруженъ Бельгардомъ, высланнымъ С. на рекогносцировку вверхъ по долинѣ Бормиды Но С. не торопился ударомъ. Боясь упустить представлявшійся случай полнаго разгрома французовъ, онъ выжидалъ выясненія силъ и цѣлей ощупью маневрировавшаго передъ нимъ противника и, увѣренный въ превосходствѣ своихъ силъ, выманивалъ его на равнину, гдѣ въ полной мѣрѣ могъ использовать перевѣсъ союзной артиллеріи и конницы.

Жуберъ ожидалъ встрѣтить между Скривіей и Бормидой слабый корпусъ тысячъ въ восемь. Вмѣсто этого, съ высотъ Нови онъ увидѣлъ передъ собой на обширной равнинѣ—всю союзную армію. Немедленно остановивъ движеніе, Жуберъ созвалъ военный совѣтъ. Совѣтъ высказался за отступленіе. Но французскій главнокомандующій отложилъ до утра окончательное свое рѣшеніе и не отдалъ никакихъ приказаній. Не получивъ инструкцій, частные начальники по собственной иниціативѣ внесли нѣкоторый порядокъ въ расположеніи войскъ, заночевавшихъ на крѣпкой позиціи у д. Нови. С. ждалъ боя на 3-е число и потому перенесъ свою главную квартиру въ Поцоло-Формигаро, чтобы быть ближе къ передовымъ войскамъ. Силы и расположеніе противника не были извѣстны ему въ точности. Предугадавъ, что движеніе Жубера предпринято съ цѣлью деблокады Тортоны, что подтверждалось, на первый взглядъ, появленіемъ въ долинѣ Скривіи зарвавшейся впередъ колонны Ватрена, С. рѣшительно склонялся къ мысли, что войска Жубера наступаютъ въ двухъ раздѣльныхъ группахъ. Одна, меньшая, составляя лѣвое крыло, имѣетъ цѣлью демонстрацію у Нови. Главная — правое крыло, двинется долиной Скривіи къ Тортонѣ, угрожая лѣвому флангу и тылу союзниковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, С. расположилъ свою армію семью уступами справа, въ трехъ главныхъ массахъ эшелонировавъ ее на 15 верстъ въ глубину. Для прикрытія Тортоны оставленъ осадный корпусъ Алькаини, 5.500 чел., и 8 тыс. Розенберга—всего 13.500. Передъ Нови, для атаки его, корпусъ Края (27.000) съ авангардомъ Багратіона (6 тыс.) и Милорадовичъ съ 3.500 чел. Итого 36.500. Между обѣими фланговыми группами, для содѣйствія, по выясненіи надобности, любой изъ нихъ и связи при общей атакѣ французовъ, въ случаѣ наступленія ихъ всѣми силами на Тортону—уступами расположились Дерфельденъ (6 тыс.) и Меласъ (9 тыс.) Подобное расположеніе являлось несомнѣнно лучшимъ при неясности обстановки и намѣреній противника, такъ какъ, куда бы ни двинулся Жуберъ, С. имѣлъ возможность встрѣтить его равными силами и обойти—остальными. Но для боя наступательнаго, какимъ, вопреки первоначальнымъ предположеніямъ С., оказался бой у Нови, указанное расположеніе было далеко не выгоднымъ, ибо оно, прежде всего, значительно ослабляло преимущества численнаго превосходства силъ союзниковъ: войска могли вводиться въ дѣло только постепенно, по частямъ; самостоятельность задачи каждаго уступа вызывала необходимость составленія ихъ изъ трехъ родовъ оружія; въ силу этого значительная часть конницы и, главное, артиллеріи не могла своевременно быть использована.

Такъ какъ 3 августа атаки не послѣдовало, С. рѣшилъ, не теряя времени, атаковать самому, дабы не позволить противнику—ни втянуться обратно въ горы,

ни усилить и безъ того крѣпкую позицію, на которой онъ остановился. Исходя изъ того же невѣрнаго представленія о группировкѣ противника, С. намѣтилъ свою атаку слѣдующимъ образомъ: войсками Края (27 тыс.) атаковать лѣвое крыло французовъ, охватомъ отрѣзая отходившія отъ этого фланга сообщенія черезъ Варъ съ Ниццей и Альпійской арміей и одинъ изъ возможныхъ путей отступленія—на Капріату. Пользуясь неизбѣжнымъ, въ виду огромнаго превосходства силъ атакующаго, отвлеченіемъ части силъ французовъ отъ центра къ угрожаемому крайнему лѣвому флангу—атаковать русскими войсками Багратіона и Милорадовича Нови и, овладѣвъ этимъ тактическимъ ключемъ позиціи, прорваться между обѣими массами непріятеля, захватывая оба важнѣйшихъ пути отступленія (отъ Нови на Гави и на Аркватy) и сжимая противника въ тиски при поддержкѣ справа—Меласа, слѣва—войскъ остальныхъ уступовъ.

Сообразно съ этимъ, еще до зари 4 августа, С. двинулъ Края въ атаку на лѣвый флангъ. Здѣсь палъ Жуберъ, по первымъ выстрѣламъ прискакавшій въ цѣпь. Командованіе принялъ Моро, успѣвшій подвести подкрѣпленія, не изъ центра однако, а съ праваго фланга. Съ подходомъ ихъ, на лѣвомъ флангѣ сосредоточилось до 22 тысячъ французовъ. Австрійцы были сбиты съ захваченныхъ ими высотъ, и Край, послѣ упорнаго боя, отошелъ назадъ. Только тогда двинулся на Нови Багратіонъ, поддержанный вслѣдъ затѣмъ Милорадовичемъ. Меласу приказано было повторить атаку. Несмотря на личное присутствіе С., атаки русскихъ разбились о непреодолимыя почти мѣстныя препятствія и геройское сопротивленіе французовъ, оборонявшихся весьма активно. Атака Края также кончилась неудачей. Притянувъ Дерфельдена, С. довелъ силы союзниковъ до 42.500 чел. на боевомъ фронтѣ и вновь перевелъ всю линію въ наступленіе. Но французы держались съ отчаяннымъ упорствомъ, и къ часу дня истомленныя 9—часовымъ боемъ союзныя войска были отбиты на всѣхъ пунктахъ. С. прекратилъ бой.

Обстановка выяснилась. Не оставалось сомнѣній, что всѣ силы французовъ сосредоточены на позиціи у Нови, и по долинѣ Скривіи—къ Тортонѣ нельзя ожидать какихъ-либо покушеній. Немедленно вызвавъ прикрывавшія Тортону части, С. двинулъ Меласа въ обходъ и охватъ праваго фланга и въ 4 ч. дня возобновилъ атаку, разомъ всѣми силами, введя въ бой до 46 тысячъ человѣкъ. Обходное движеніе Меласа рѣшило дѣло. Послѣ энергичныхъ, но неудачныхъ попытокъ остановить его, французы, съ успѣхомъ сдерживавшіе фронтальныя атаки С., стали отходить, боясь потерять путь отступленія. Упорядочить отступленіе подъ напоромъ настойчиво продвигавшихся впередъ союзниковъ оказалось невозможнымъ: оно перешло въ бѣгство на Тесарано и Пасторано. С. не преслѣдовалъ, за крайнимъ утомленіемъ войскъ. Только на слѣдующій день подошедшій къ концу боя и не принимавшій въ немъ участія Розенбергъ высланъ былъ въ погоню; но и онъ «проявилъ томность». Остатки французской арміи успѣли отойти и расположиться для стратегической обороны проходовъ черезъ Апеннины на Ривьеру. Такимъ образомъ стратегическое значеніе кровопролитнаго боя, стоившаго французамъ до $6^1/_2$, союзникамъ до 8 тысячъ, было невелико.

С. не могъ послѣдовать за разбитымъ противникомъ: Меласъ не заготовилъ ни муловъ, необходимыхъ для горнаго похода, ни провіанта, ни денегъ. Изъ Вѣны тѣмъ временемъ получено было строжайшее предписаніе воздержаться отъ дальнѣйшихъ движеній; часть австрійскихъ войскъ, подчиненныхъ С., были отозваны или получили—помимо его, новыя назначенія. С. сталъ лагеремъ у Асти. Снова потянулись томительные дни бездѣйствія и празднествъ. Небывалымъ почетомъ и вниманіемъ былъ окруженъ С. въ эти дни. Сардинскій король, за взятіе Турина пожаловавшій ему крестъ св. Маврикія и Лазаря, цѣпь ордена св. Анунціаты, теперь возвелъ его въ рангъ великаго маршала Пьемонтскихъ войскъ и гранда королевства, съ потомственнымъ титуломъ принца и кузена короля. «Черезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство», писалъ по этому поводу фельдмаршалу Императоръ Павелъ, «бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею». И, какъ бы подтверждая эти строки, Павелъ предписалъ своимъ

«вѣрноподданнымъ присоединить въ молитвахъ ихъ имя С. къ имени его» и приказалъ войскамъ арміи и флота, указомъ 6 сентября 1799 г.—«воздавать Суворову царскія почести согласно уставу, даже въ Высочайшемъ присутствіи». Городъ Туринъ поднесъ С. золотую шпагу, усыпанную драгоцѣнными камнями, съ благодарственной надписью. Со всѣхъ сторонъ получались адреса, привѣтственныя письма. Лагерь при Асти былъ переполненъ иностранцами, добивавшимися свиданія съ С. Въ театрахъ произносились стихи въ честь С., за обѣдами—даже въ частныхъ домахъ—пили за его здоровье. Его изображенія, медали въ честь его, имѣли широкое распространеніе — особенно въ Англіи.

Одинъ только Вѣнскій Дворъ проявлялъ необыкновенную холодность по отношенію къ фельдмаршалу. С. получалъ отъ Императора Франца «токмо равнодушныя письма, наполненныя иногда выговорами или предписаніями». Настойчивое стремленіе С. на югъ, желаніе занять Геную одними русскими войсками, о которомъ доносилъ Меласъ, дали поводъ подозрѣвать, что русскій фельдмаршалъ намѣренъ стать на дорогѣ австрійскихъ проектовъ «округленія наслѣдственныхъ земель» и поддержать въ Италіи порядокъ, который обезпечивалъ бы вліяніе Петербургскаго Кабинета и служилъ его интересамъ. Удаленіе русскихъ войскъ изъ Италіи стало очередной задачей австрійской дипломатіи. Задача эта была усложнена временно наступившимъ охлажденіемъ Императора Павла къ австрійскому союзу. 31 іюля на имя С. послѣдовалъ рескриптъ, въ которомъ говорилось о необходимости предохранить себя «отъ всѣхъ каверзовъ и хитростей Вѣнскаго Двора». Послу въ Вѣнѣ предписано было потребовать формально отъ самого Императора Франца объясненій по поводу поступковъ Вѣнскаго Двора, «оскорблявшихъ нѣкоторымъ образомъ славу и достоинство Русскаго Монарха и побѣдоноснаго его оружія». Но дипломатамъ Австріи, при содѣйствіи русскихъ пословъ гр. Воронцова — въ Лондонѣ и «эрцгерцога Андрея» (Разумовскаго) — въ Вѣнѣ, удалось не только удержать Павла отъ разрыва союза, но и добиться согласія на новую комбинацію, въ которой С. отводилась труднѣйшая и неблагодарная задача: окончательно обезпечить Австрію, очистивъ отъ французовъ Швейцарію. Борьба съ занимавшимъ Швейцарію—во главѣ 80.000 арміи—Массеной возлагалась исключительно на русскія войска; австрійская армія направлялась на Нижній Рейнъ, откуда командовавшій ею эрцгерцогъ Карлъ имѣлъ возможность своевременно использовать успѣхъ—послѣдуетъ ли онъ со стороны С. или со стороны Голландіи, куда готовился русско-англійскій десантъ.

С. узналъ объ этомъ соглашеніи, только когда оно стало уже совершившимся фактомъ. Протестовать было безцѣльно. Начавшіяся несогласія Вѣнскаго и Петербургскаго Дворовъ давали, однако, С. надежду на отмѣну въ ближайшемъ будущемъ распоряженія о его выступленіи въ Швейцарію. Поэтому онъ пытался отсрочить его подъ предлогомъ необходимости довести до конца осады Тортоны и Кунео. Но австрійцы прибѣгли къ вѣрнѣйшему способу «выманить» С. изъ Италіи: они стали выводить свои войска изъ Швейцаріи, бросивъ оборону 200-верстной линіи, которую они занимали, на слабый корпусъ (24 тыс.) Римскаго-Корсакова, стоявшій у Цюриха. С. потребовалъ пріостановки вывода войскъ до своего прибытія. «Сія сова не съ ума ли сошла», писалъ онъ о Тугутѣ, «или никогда его не имѣла». Но австрійцы очистили Швейцарію, оставивъ тамъ только нѣсколько разбросанныхъ отрядовъ, въ общей сложности до 20.000. С. не могъ не оцѣнить опасности, которой подвергался при этихъ условіяхъ Корсаковъ. Онъ ясно понималъ, что Массена «не будетъ насъ ожидать и устремится на Корсакова». «Хотя въ свѣтѣ ничего не боюсь», писалъ онъ Воронцову: «скажу — въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои войска отсюда — и поздно»... Онъ попытался наверстать потерянное время скоростью движенія. Но и тутъ австрійцы явились помѣхой. Въ шесть дней С. перевелъ войска изъ Алессандріи въ Таверну, къ подножію Альпъ. Но здѣсь не оказалось ни продовольствія, которое долженъ былъ на 12 дней заготовить Меласъ, ни вьючныхъ животныхъ, ни лошадей, ни фуража, ни горной артиллеріи. Пришлось потерять шесть дней—потеря непоправимая при данныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ, прибыло 650 муловъ (вмѣсто обѣщанныхъ 1.500). Недостающее число, по предложенію Великаго

Князя Константина, было пополнено лошадьми спѣшенныхъ для этого казачьихъ сотенъ; только такимъ образомъ явилась возможность выступить дальше.

Расположеніе союзныхъ войскъ въ Швейцаріи къ этому моменту было слѣдующее: у Цюриха—Римскій-Корсаковъ (24 тыс.); австрійцы: Готце (8 т.) на Линтѣ, Елачичъ (5 т.) у Сарганса, Линкенъ (4 т.) у Иланца, Ауфенбергъ ($2^1/_2$ т.) у Дисентиса. Главныя силы противника (50 т. Массены, Сульта и Молитора), по свѣдѣніямъ, которыми располагалъ С., стояли противъ Корсакова и Готце; остальныя французскія войска (15 т. Лекурба и Гюденя) занимали, растянувшись, долину р. Рейсы, правымъ флангомъ упираясь въ С.-Готардъ; отдѣльный отрядъ былъ въ Валисѣ. Сообразно съ этимъ С. принялъ рѣшеніе: быстро двинувшись къ С.-Готарду, сбить растянутое правое крыло противника и наступать съ боемъ долиной Рейсы, притягивая по пути постепенно отряды Ауфенберга, Линкена и Елачича — на соединеніе съ Корсаковымъ и Готце—въ раіонѣ кантона Гларусъ. Не полагаясь, однако, на себя, въ виду незнакомства съ мѣстностью, С. затребовалъ, пользуясь остановкой въ Тавернѣ, мнѣній генераловъ Штрауха, Линкена и Готце. Готце предложилъ существенныя измѣненія. По его проекту, Линкенъ и Елачичъ присоединялись не къ С., а къ нему; къ себѣ же предлагалъ онъ притянуть и Корсакова; по соединеніи всѣхъ этихъ отрядовъ—наступать къ Эйнзидельну, въ то время какъ С., соединившись только со слабымъ отрядомъ Ауфенберга, пробьется долиной Рейсы на Швицъ; между указанными двумя пунктами и предполагалось соединеніе, вынесенное ближе къ главной группѣ французскихъ войскъ и, слѣдовательно, несравненно болѣе рискованное. С. не могъ отнестись критически къ этому плану: австрійскіе генералы въ своихъ «мнѣніяхъ» не дали того, чего единственно хотѣлъ отъ нихъ С.,—точныхъ данныхъ о мѣстности. Пришлось принять на вѣру ихъ соображенія. Австріецъ Цейротеръ, начальникъ штаба С., свель воедино предположенія Готце и Штрауха: результатомъ явилась диспозиція, по которой корпусъ С. направлялся черезъ С.-Готардъ, долиной Рейсы на Швицъ — движеніе, невыполнимое уже потому, что въ Альтдорфѣ С. долженъ былъ упереться въ тупикъ: отсюда на Швицъ тогда дороги не было; объ этомъ не знали или не сообщили—ни Готце, ни Штраухъ, ни Вейротеръ, ни Линкенъ.

Съ цѣлью по возможности создать внезапность своему запоздалому движенію, С. распустилъ слухъ, что выступленіе состоится не ранѣе 20 сентября, для большей достовѣрности упомянувъ даже объ этомъ въ приказѣ по войскамъ. Но уже къ 10 сентября всѣ приготовленія были закончены, и С. выступилъ изъ Таверны въ Беллинцону; стоявшій тамъ съ 8 сентября 6-тысячный корпусъ Розенберга, назначенный для обхода С.-Готарда черезъ Дисентисъ и Урзернъ—продвинулся въ Донжіо.

Чтобы дать ему время совершить свое обходное движеніе, которое въ сущности и должно было рѣшить дѣло, С. остановилъ 12 сентября главныя силы въ Даціи, въ 10 верстахъ отъ Айроло, гдѣ стоялъ передовой французскій постъ. Но фельдмаршалъ не въ силахъ былъ выждать, пока обнаружатся результаты обхода; у него явились опасенія, что французы держатъ на Готардѣ только слабый заслонъ, и Розенбергу придется имѣть дѣло съ ихъ главными силами; поэтому онъ рѣшилъ, не дожидаясь извѣстій о Розенбергѣ, атаковать въ лобъ крѣпкую позицію французовъ.

13 сентября русскіе двинулись на перевалъ. Шедшій въ авангардѣ отрядъ Багратіона, по страшнымъ кручамъ, выбивая засѣвшихъ за камнями французовъ, обходомъ заставилъ ихъ очистить первую позицію и отойти за р. Серегіо; атакованные здѣсь главными силами С., подъ угрозой фланговаго удара продолжавшаго свое обходное движеніе Багратіона, французы шагъ за шагомъ, упорно обороняясь, отходили на верхъ горы. У самаго Госписа, успѣвъ занять новую крѣпкую позицію и получивъ подкрѣпленія, они остановили наступленіе С. Двѣ стремительныя атаки русскихъ, воодушевленныхъ личнымъ присутствіемъ фельдмаршала и Великаго Князя, были отбиты съ жестокими потерями: изъ строя выбыло до 1.200 чел. О Розенбергѣ не было никакихъ извѣстій; все болѣе тревожась за его участь, С. хотѣлъ непремѣнно до вечера овладѣть С.-Готардомъ. Въ 4 ч. дня онъ повелъ войска на третій штурмъ высотъ. Въ этотъ же моментъ, на снѣжныхъ высотахъ, надъ лѣвымъ флан-

гомъ французовъ, появились войска Багратіона. Противникъ дрогнулъ и сталъ отходить къ д. Госпенталь, послѣ тщетной попытки удержаться на спускѣ.

Послѣ краткаго роздыха въ монастырѣ капуциновъ, находившемся на вершинѣ перевала, С. началъ спускъ. Французы ожидали его на новой позиціи впереди д. Госпенталь, куда Лекурбъ, командовавшій на этомъ участкѣ, стянулъ всѣ свои наличныя силы. Первыя попытки С. сбить ихъ были неудачны. Но въ 7 ч. вечера, въ тылу Лекурба появилась, сломивъ сопротивленіе слабыхъ французскихъ отрядовъ Оберъ-Альпа и Урзерна, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая колонна Розенберга. Боясь потерять путь отступленія, Лекурбъ спѣшно очистилъ позицію и двинулъ свои войска къ Урзерну—на прорывъ. Замѣтивъ отступленіе, баталіоны С. стремительно ударили въ штыки на отходившихъ французовъ, ворвались на плечахъ ихъ въ д. Госпенталь, сбили ихъ и разсѣяли. Французы бѣжали на Фурку и Гешененъ. Выславъ на Фурку для преслѣдованія ген. Валецкаго съ полкомъ, С. расположилъ войска на ночлегъ у д. Госпенталь. О занятіи Урзерна Розенбергомъ С. еще не зналъ. Огни его бивака, разбитаго въ 4 верстахъ отъ стоянки войскъ С., были приняты за непріятельскіе. Соединеніе произошло только на слѣдующее утро.

При менѣе активномъ противникѣ, день 13 сентября открылъ бы С. свободный путь до Люцернскаго озера: естественнымъ движеніемъ Лекурба, отброшеннаго изъ долины Рейсы, было бы отступленіе на Валисъ. На это видимо разсчитывалъ и С. Въ 11 ч. ночи отъ отправилъ Готце и Корсакову записку: «несмотря на задержку, на слѣдующій день разсчитываю быть у Альтдорфа». Но энергичный Лекурбъ избралъ иное рѣшеніе: побросавъ артиллерію въ Рейсу, онъ въ ночь двинулся черезъ дикій хребетъ Бетцбергъ, почти въ 8.000 фут. вышиной, по отвѣснымъ скаламъ, безъ дорогъ, къ утру спустился къ д. Гешененъ и вновь сталъ на пути С., за Чортовымъ мостомъ.

14 сентября, въ 6 ч. утра, С. выступилъ изъ Госпенталя, соединился у Урзерна съ Розенбергомъ и двинулся дальше, правымъ берегамъ Рейсы. На разстояніи версты за д. Урзернъ дорога преграждается огромными утесами, отвѣсно спускающимися къ рѣкѣ. Сквозь эту преграду пробито отверстіе, называемое Урзернской дырой, длиной до 80 шаговъ, по размѣрамъ—едва достаточное для прохода лошади съ вьюкомъ. Выйдя изъ этого подземелья, дорога огибаетъ гору карнизомъ и круто спускается къ каменной аркѣ, переброшенной на высотѣ 75 фут. надъ однимъ изъ водопадовъ, который образуетъ въ этомъ мѣстѣ сдавленная скалами Рейса. Эта арка и носитъ названіе Чортова моста. Прямо съ него дорога упирается въ отвѣсныя скалы лѣваго берега, круто поворачиваетъ направо и по мосту спускается къ рѣкѣ, чтобы по второму мосту перейти снова на правой берегъ. Казалось, горсти людей достаточно, чтобы остановить движеніе по этой дорогѣ. Такъ думалъ и Лекурбъ. Поэтому онъ даже не взорвалъ Чортова моста, а ограничился занятіемъ его и выхода изъ Урзернскаго подземелья.

Встрѣченный въ Урзернской дырѣ ружейными залпами и картечью, авангардъ Милорадовича остановился. Форсированіе прохода повело бы къ значительнымъ и напраснымъ потерямъ. С. выслалъ двѣ колонны въ обходъ. Полк. Трубниковъ съ 300 чел. взобрался на отвѣсныя почти скалы надъ Урзернской дырой; маіоръ Тревогинъ—съ 200 егерями перейдя въ бродъ Рейсу, по крутизнамъ сталъ заходить въ тылъ защитникамъ Чортова моста. Появленіе Трубникова, вызвавъ смятеніе въ рядахъ французовъ, облегчило фронтальную атаку подземелья; гренадеры Милорадовича прорвались черезъ узкій проходъ и по слѣдамъ французовъ бросились на мостъ. Въ тылу французовъ, на горѣ Бетцбергъ, появились въ это время егеря Тревогина, за ними высланный тѣмъ же путемъ баталіонъ Свищева и командированный еще съ утра для преслѣдованія Лекурба полкъ ген. Валевскаго. Не разсчитывая успѣть разрушить мостъ до подхода этихъ силъ, французы ограничились тѣмъ, что разобрали часть каменной аппарели, служившей спускомъ съ моста къ рѣкѣ, и отошли внизъ, къ самому берегу. Это не надолго задержало русскихъ. Подъ сильнымъ огнемъ разсыпавшихся по скаламъ французскихъ стрѣлковъ преброшено было черезъ провалъ нѣсколько бревенъ, связанныхъ офицерскими шарфами, и по нимъ перешли егеря Тревогина, баталіонъ Свищева, за ними — остальныя войска:

французы отступали шагъ за шагомъ; каждую пядь земли приходилось брать съ боя. Но въ самый разгаръ боя за Чортовъ мостъ Лекурбъ получилъ донесеніе—что селеніе Альтштедтъ, лежавшее у него въ тылу, на пути его отступленія къ Альтдорфу—захвачено внезапно дебушировавшей изъ Мадеранской долины непріятельской колонной. Поручивъ полковнику Дома съ небольшимъ отрядомъ сдерживать наступленіе русскихъ, Лекурбъ со всѣми остальными войсками бросился къ Альтштедту. Селеніе, дѣйствительно, было занято австрійцами Ауфенберга, согласно диспозиціи прибывшаго сюда изъ Дисентиса. Отчаянной атакой Лекурбъ выбилъ австрійцевъ и отбросилъ ихъ въ верховья Мадеранской долины. Это спасло французскій отрядъ, такъ какъ русскія войска, тѣсня арьергардъ Дома, подходили уже къ Альтштедту. Зажегши за собой мостъ, французы отошли къ Альтдорфу. С. остановилъ свои войска у Вазена; нѣсколько дальше продвинулся авангардъ Милорадовича, успѣвшій потушить подожженный Лекурбомъ мостъ у Амстега.

На слѣдующій день С. продолжалъ наступленіе. Еще разъ, у впаденія въ Рейсу рѣчки Шахенъ, Лекурбъ попытался остановить маршъ русскихъ. Безъ особаго труда сбитый Розенбергомъ, онъ окончательно очистилъ, наконецъ, дорогу, перейдя на лѣвый берегъ Рейсы и снявъ за собою мосты. С. занялъ Альтдорфъ. Только здѣсь выяснилось, что береговаго пути на Швицъ изъ Альтдорфа нѣтъ: сообщеніе поддерживалось по озеру, на которомъ крейсировала французская флотилія. Между тѣмъ, С. и такъ опаздывалъ уже на сутки къ назначенному по диспозиціи сроку соединенія въ Швицѣ; опозданіе могло поставить въ опасное положеніе Готце и Корсакова; кромѣ того провіантъ былъ на исходѣ. пополнить же запасы можно было разсчитывать только въ Швицѣ. Въ виду всего этого, узнавъ, что черезъ снѣговой хребетъ Росштокъ есть 2 тропы на Мутенъ, откуда отходитъ дорога на Швицъ, С., не колеблясь, рѣшилъ двинуть войска по кратчайшей изъ нихъ, хотя въ это позднее время года только рѣдкіе охотники за сернами отваживались пользоваться ими.

16 сентября, въ 5 ч. утра, войска начали подъемъ. Въ Альтдорфѣ оставленъ былъ небольшой отрядъ для прикрытія движенія. 12 часовъ потребовалось авангарду Багратіона, чтобы пройти, черезъ Росштокъ—15 верстъ, отдѣлявшихъ Альтдорфъ отъ Мутена. Артиллерію и зарядные ящики, за недостаткомъ вьючныхъ животныхъ, приходилось почти всю дорогу подтаскивать на рукахъ. Весь путь слѣдованія отряда усѣянъ былъ трупами лошадей, муловъ и людей. Въ 5 ч. вечера передовыя части Багратіона заняли Мутенъ: стоявшій тамъ французскій постъ, захваченный врасплохъ, послѣ короткой, но жаркой схватки положилъ оружіе. Къ ночи весь авангардъ былъ уже въ долинѣ. Переходъ остальныхъ войскъ затянулся до ночи 17-го. Вьюки подошли 18-го и 19-го. За ними присоединился къ главнымъ силамъ оставленный въ Альтдорфѣ арьергардъ, два дня успѣшно отбивавшій атаки Лекурба.

С. нетерпѣливо ожидалъ сбора растянувшихся войскъ: до Швица, занятаго, по словамъ мѣстныхъ жителей, слабымъ отрядомъ непріятеля, оставалось всего 15 верстъ—одинъ переходъ. Но смутные слухи о происшедшемъ на этихъ дняхъ сраженіи, доходившіе еще въ Альтдорфѣ до С., здѣсь, въ Мутенской долинѣ повторялись опредѣленнѣе и настойчивѣе: говорили о Цюрихѣ, о Линтѣ. С. охватило безпокойство за Корсакова и австрійцевъ. Онъ выслалъ полковника Сычева съ сотней казаковъ, черезъ Брагель, вверхъ по долинѣ, открыть сообщенія съ австрійцами, которые должны были занимать Гларусъ. Сычевъ вернулся съ тревожными вѣстями: австрійцевъ нѣтъ; въ долинѣ Кленталь стоитъ непріятель. Въ тотъ же вечеръ отъ прибывшихъ въ лагерь цюрихскихъ бѣглецовъ и горцевъ С. узналъ, что Корсаковъ разбитъ при Цюрихѣ и отошелъ къ Шафгаузену, Готце убитъ на Линтѣ, отрядъ его разсѣянъ, Елачичъ отступилъ на Рейнъ, Массена стягиваетъ армію къ Швицу; французы въ Эйнзидельнѣ, Кленталѣ, долинѣ Рейссы: С.—окруженъ. Одно рѣшеніе въ такихъ условіяхъ было возможно,—бой. Къ бою приводила два пути: впередъ, на Швицъ, на главныя силы Массены, и назадъ, на Гларусъ, занятый дивизіей Молитора. Первымъ порывомъ С. было—двинуться на Швицъ, попытаться отчаяннымъ ударомъ 15 тысячъ усталыхъ и почти безоружныхъ войскъ сломить Массену съ его 50 тыся-

чами. Но безнадежность подобной попытки была слишкомъ очевидна. А между тѣмъ неудача лишала возможности продолжать борьбу. 18 ноября С. созвалъ военный совѣтъ. Потрясающее впечатлѣніе произвела на присутствовавшихъ его рѣчь, краткая, но полная мощи; онъ сумѣлъ заглушить на время въ душѣ окружающихъ всѣ желанія, всѣ мысли и чувства, и слить ихъ въ одномъ несокрушимомъ порывѣ—пробиться или погибнуть.

На слѣдующее утро войска двинулись къ Гларусу. Багратіонъ, шедшій въ авангардѣ, рядомъ упорныхъ боевъ проложилъ туда дорогу. Розенбергъ, оставленный въ Мутенской долинѣ прикрывать движеніе, принялъ на себя обходъ Массены и послѣ двухдневнаго боя отбросилъ его къ Швицу, взявъ 10 пушекъ и мортиру; затѣмъ, приковавъ противника къ мѣсту слухомъ о своемъ движеніи на Швицъ, быстрымъ отступленіемъ выигралъ переходъ и 23 сентября присоединился къ главнымъ силамъ, съ 20 сентября ожидавшимъ его въ Гларусѣ. С. нашелъ въ Гларусѣ запасы мяса, хлѣба и картофеля. Но австрійскаго отряда Линкена, на соединеніе съ которымъ разсчитывалъ С., уже не было: онъ отошелъ на Иланцъ. Туда же 21 сентября ушелъ съ австрійцами, бывшими въ составѣ корпуса С., генералъ Ауфенбергъ. С. вновь созвалъ военный совѣтъ. Дальнѣйшее движеніе—на Молисъ, Везенъ и Саргансъ, куда отошелъ отбитый отъ Гларуса Молитеръ и спѣшилъ уже, кружнымъ путемъ, отъ Швица—Массена, представлялось невозможнымъ, такъ какъ патроновъ и снарядовъ больше не было. Единственнымъ и правильнымъ исходомъ было: уклониться отъ дальнѣйшаго боя, повернуть на югъ, въ долину Рейна, на Иланцъ, и далѣе—на Куръ и Фельдкирхъ. Тамъ, притянувъ обозы и артиллерію (отправленные изъ Италіи на Граубюнденъ и Тироль) и соединившись съ Корсаковымъ, можно было «обновить» кампанію. Такъ думалъ С.; такъ постановилъ совѣтъ.

Въ ночь съ 23 на 24 сентября армія С. начала свой послѣдній швейцарскій переходъ. Въ арьергардѣ остался Багратіонъ, безъ артиллеріи и патроновъ, однимъ штыкомъ отбивавшій весь день 24-го атаки втрое сильнѣйшаго противника. По Зенфталю, черезъ Энги, Эльмъ и снѣговой хребетъ Рингенкопфъ (Паниксеръ) шелъ путь С. Онъ оказался еще труднѣе, чѣмъ переходъ черезъ Росштокъ. Безъ дорогъ карабкались войска по обледенѣлымъ скатамъ, побросавъ всѣ тяжести и потерявъ почти всѣхъ лошадей отряда. 26-го, къ полудню, они собрались у деревни Паниксъ и къ вечеру были въ Иланцѣ. 27-го С. прибылъ въ Куръ, гдѣ впервые со времени вступленія въ Швейцарію нашелъ безопасный ночлегъ и обильные запасы продовольствія.

Движеніе къ Иланцу не было отступленіемъ. Во время его мысль С. уже работала надъ планомъ предстоящихъ наступательныхъ дѣйствій. Острое чувство негодованія на союзниковъ, едва не погубившихъ его войска, значительно сгладилось по выходѣ въ долину Рейна, подъ вліяніемъ крайней предупредительности, проявленной на этотъ разъ австрійцами по отношенію къ русскому корпусу: боевые припасы и аммуниція были быстро пополнены, провіантъ и фуражъ доставлялись въ изобиліи. С. началъ переговоры о дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ и сообщилъ свой проектъ операціоннаго плана эрцгерцогу Карлу. Эрцгерцогъ нашелъ его рискованнымъ и предложилъ свой проектъ. Но прежде чѣмъ отвѣтъ и операціонный планъ Карла были доставлены С., въ намѣреніяхъ фельдмаршала произошелъ рѣзкій переломъ. Весьма вѣроятно, что бывшій при войскахъ его англійскій уполномоченный Чантамъ и пріѣхавшій въ Фельдкирхъ русскій посланникъ въ Вѣнѣ—гр. Штакельбергъ предупредили С. о крупныхъ несогласіяхъ, возникшихъ между Вѣнскимъ и Петербургскимъ Дворами; не могъ не знать о нихъ и Великій Князь, сильно настаивавшій передъ С. на прекращеніи военныхъ дѣйствій. Предвидя возможность близкаго разрыва союза, С. категорически отказался отъ предложеннаго имъ первоначально наступленія. Онъ написалъ эрцгерцогу: «у русскихъ нѣтъ силъ, одежды, магазиновъ, до Винтертура придется биться нѣсколько разъ, въ мѣстности пустынной, гористой, опасной, слѣдовательно нести потери: людей и такъ осталось мало; Массена не станетъ дожидаться: снова побьетъ по частямъ Корсакова и Конде». Въ заключеніе, онъ сообщалъ о намѣреніи своемъ отойти на правый берегъ Боденскаго озера и тамъ соединиться съ Корсаковымъ.

Всѣ усилія австрійцевъ уговорить С. задержать свое выступленіе и принять на себя оборону хотя бы небольшого участка австрійской границы не повели ни къ чему. С. отклонилъ предложенія Карла съѣхаться въ Штокахѣ для личныхъ переговоровъ, оставилъ безъ вниманія угрозы—прекратить отпускъ провіанта русскимъ войскамъ. Напротивъ, получивъ 8 октября, въ Линдау, куда отвелъ отъ свой корпусъ, рескрипты Павла съ выраженіемъ сильнаго неудовольствія на Вѣнскій Дворъ и указаніями на случай разрыва и возвращенія войскъ въ Россію, С. рѣшилъ перенести свой «унтеркунфтъ» еще дальше въ тылъ «для большаго обезпеченія спокойнаго отдыха войскъ». Императоръ Францъ сдѣлалъ послѣднюю попытку задержать его: рескриптомъ 12 октября онъ пожаловалъ С. орденъ Маріи Терезіи Большого Креста, сообщивъ въ другомъ рескриптѣ отъ того же числа, что эрцгерцогу Карлу предписано «всячески содѣйствовать предстоящимъ его операціямъ». С. въ отвѣтѣ своемъ, благодаря за милостивую награду, снова и опредѣленно указалъ, что единственной «операціей», которую онъ считаетъ возможной, является дать заслуженный отдыхъ войскамъ. Онъ выступилъ 19 октября изъ Ландау, 20-го прибылъ въ Лейткирхъ и 26-го сталъ въ Аугсбургѣ.

Вскорѣ по занятіи новыхъ квартиръ С. получилъ оффиціальное увѣдомленіе о состоявшемся 10 октября разрывѣ Павла съ Австріей; рескриптъ Императора предписывалъ не обращать вниманія на предложенія австрійцевъ и малыми переходами, дабы не утомлять войска, идти къ русскимъ границамъ.

Высочайшимъ приказомъ 29 октября въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ въ Швейцарскомъ походѣ—С. даровано званіе «генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ»—«высшая степень почестей», по выраженію Павла.

15 ноября закончены были необходимыя приготовленія, и С. выступилъ изъ Аугсбурга. Но въ первыхъ числахъ декабря, на походѣ черезъ Богемію, онъ остановилъ маршъ. Находившійся при русскихъ войскахъ англійскій уполномоченный, очевидно, предупредилъ С. о состоявшемся соглашеніи Лондонскаго и Петербургскаго кабинетовъ, примиреніи Павла съ Императоромъ Францемъ и возобновленіи переговоровъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Полученный уже послѣ остановки марша приказъ Павла подтвердилъ правильность сообщенія Викгама.

С. перенесъ свою штабъ-квартиру въ Прагу. Здѣсь, среди увеселеній и торжествъ, которыми чествовали фельдмаршала, шли дѣятельные переговоры о планѣ будущей кампаніи съ австрійскимъ уполномоченнымъ Бельгардомъ и англійскимъ—лордомъ Минто. Не вдаваясь въ разборъ предложеннаго Лондонскимъ кабинетомъ плана, ограничиваясь уклончивыми замѣчаніями относительно своихъ личныхъ предположеній, С. главное вниманіе обращалъ на обезпеченіе себѣ независимаго положенія въ предстоящей кампаніи. Онъ ставилъ непремѣннымъ требованіемъ, «чтобы ему быть главноначальствующимъ въ союзныхъ войскахъ всюду и гдѣ бы ни случилось». Далѣе, «Тугуту и гофкригсрату въ военныя дѣла не мѣшаться», особенно Тугуту, потому что «всѣ основанія невѣжественной совы Тугута въ понятіи дефензивы... Уже сей подъячій разумѣть хочетъ фланги армій, когда едва знаетъ выходъ изъ своей меланхолической кельи». (Письма С. Колычеву въ Вѣну). С. требовалъ на этотъ разъ «полной мочи». Но переговоры были прерваны въ самомъ началѣ. 5 января 1800 г. С. получилъ рескриптъ Павла отъ 27 декабря: «Обстоятельства требуютъ возвращенія арміи въ свои границы, ибо виды вѣнскіе тѣ же, а во Франціи перемѣна, которой оборота терпѣливо и не изнуряя себя мнѣ ожидать должно... идите домой немедленно».

15 января русская армія двинулась на родину. С. выѣхалъ впередъ. Уже при выѣздѣ изъ Праги онъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Потрясенія Швейцарскаго похода, когда его нервной силой, безъ преувеличенія, жила вся русская армія, надломили слабое здоровье генералиссимуса, уже къ концу итальянской кампаніи часто недомогавшаго. Въ Краковѣ пришлось остановиться и приняться за леченіе. Нѣсколько оправившись, онъ выѣхалъ дальше, но въ пути болѣзнь быстро развилась, и сопровождавшіе С. Савраковъ и Розенъ съ большимъ трудомъ довезли его до Кобрина. Заботливый уходъ, старанія мѣстныхъ врачей и лейбъ-медика Вейкарта, присланнаго государемъ, временно возстановили уже угасавшія силы С. и дали

возможность продолжить путь. Въ Петербургѣ ему готовилась торжественная встрѣча, придворныя кареты должны были встрѣтить его въ Нарвѣ; въ Гатчинѣ—флигель-адъютантъ съ письмомъ отъ государя; самый въѣздъ долженъ былъ совершиться при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, между шпалеръ войскъ, разставленныхъ на всемъ пути до Зимняго дворца, въ которомъ приготовлены были покои для генералиссимуса.

Но С. былъ еще далеко отъ Петербурга, когда получилъ внезапную вѣсть о новой опалѣ. 20 марта отданъ С. выговоръ въ приказахъ по арміи «за то, что онъ въ походѣ имѣлъ при себѣ, вопреки уставу, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала». Отъ того же числа и по тому же поводу посланъ ему строгій запросъ.

До сихъ поръ не удалось установить истинной причины рѣзкой перемѣны въ обращеніи Павла къ С. «Дежурный генералъ», очевидно, могъ явиться только поводомъ къ выраженію уже ранѣе накопившагося гнѣва, а отнюдь не причиной немилости. Равнымъ образомъ приходится признать слишкомъ одностороннимъ обычное утвержденіе біографовъ С., что опала, столь незаслуженная, объясняется не поступками С., а «духовной натурой Павла, и для выясненія ея требуется изслѣдованіе не столько историческое, сколько патологическое». Вѣроятнѣе всего, что причины послѣдней опалы С. были тѣ же, что и первой, Тульчинской.

Павелъ не умѣлъ дѣйствовать полумѣрами. Торжественная встрѣча была отмѣнена; 23 апрѣля, когда полуумирающій С. въѣхалъ въ Петербургъ, ему дано было знать, что Государю не угодно его видѣть; 25 апрѣля послѣдовалъ приказъ объ отобраніи у него адъютантовъ.

С. остановился въ домѣ Хвостова на Крюковомъ каналѣ. «Что-то удерживало еще бросить его въ Петропавловскую крѣпость», пишетъ современникъ А. И. Тургеневъ, «но въ домѣ, для него приготовленномъ, онъ жилъ не веселѣе казематнаго. Къ нему не смѣлъ никто пріѣзжать». Два раза въ день навѣщалъ С. докторъ Грифъ, тогдашняя медицинская знаменитость Петербурга. Но «фликсена» какъ называлъ С. свою болѣзнь—повидимому, тарческій маразмъ—не поддавалась леченію. Въ минуты облегченія онъ продолжалъ еще заниматься турецкимъ языкомъ, бесѣдовалъ съ домашними о дѣлахъ политическихъ и военныхъ. Но память уже измѣняла ему: онъ сбивался въ разсказахъ о послѣднихъ своихъ походахъ, съ трудомъ припоминалъ имена разбитыхъ имъ французскихъ генераловъ. Когда близость кончины С. стала несомнѣнна, государь разрѣшилъ роднымъ и знакомымъ навѣщать его. Растопчинъ передалъ умирающему ордена, пожалованные французскимъ королемъ-претендентомъ.

Съ трудомъ удалось уговорить С. пріобщиться: онъ не хотѣлъ вѣрить, что жизнь кончена. Послѣ принятія св. Тайнъ, онъ отдалъ послѣднія распоряженія... Вскорѣ началась агонія, и 6 мая, во второмъ часу дня, С. не стало.

Похороны назначены были на 11-е, но, по приказанію Павла, были перенесены на 12-е. Въ отмѣну завѣщанія С., Императоръ приказалъ предать тѣло землѣ въ Александро-Невской лаврѣ.

Неподдѣльной, глубокой скорбью встрѣтила Россія вѣсть о кончинѣ С. Огромныя толпы народа провожали на кладбище его останки; но на похоронахъ не было ни придворныхъ, ни сановниковъ; С. не былъ прощенъ и послѣ смерти. О его кончинѣ не было отдано даже въ приказѣ по паролѣ; въ официальномъ органѣ о ней также не упоминалось. Воинскія почести повелѣно было отдать рангомъ ниже, по чину фельдмаршала, а не генералиссимуса; для отданія ихъ назначены армейскія части; гвардія не участвовала на похоронахъ. Павелъ во время погребенія производилъ смотръ гусарамъ, лейбъ-казакамъ и Аральскимъ казакамъ, былъ на вахтпарадѣ, послѣ котораго удалился во внутренніе покои, и только въ 6 часовъ вечера, когда церемонія давно уже была окончена, выѣхалъ въ городъ на обычную свою прогулку.

С. похороненъ въ Нижней Благовѣщенской церкви, возлѣ лѣваго клироса. Въ 50-хъ годахъ на его могилу положена плита съ краткой Державинской надгробной надписью: «Здѣсь лежитъ Суворовъ».

I. Біографіи и сборники писемъ.

Алексѣевъ, Б., «Письма и бумаги С.», вып. I, Спб., 1901.—Астафьевъ, А., «Воспоминаніе о С.» (перепеч. изъ IV кн. «Воен. Журн.» 1856), Спб., 1856.—Бантышъ-Каменскій, «Біографіи

русскихъ генералиссимусовъ», Спб., 1841. — Его же, «Словарь достопамятныхъ людей», 1836—47. — Баратовъ, «Суворовъ», «Кавказскій Вѣстникъ», 1900 г.—Басовъ, П., «Воен. Сб.», 1874, т. 97, № 8, стр. 183—231.—«Біографія С., имъ самимъ написанная въ 1786 г.», сообщ. Дм. И. Голохвастовымъ, «Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др.», 1848, кн. 9 (22), стр. 534—552.—«Біографія Александра Васильевича С., имъ самимъ писанная въ 1786 г. Съ приложеніемъ его портрета, примѣчаніями и дополненіями», «Русск. Арх.», 1900; то же (отд. изданіе), М., 1900.—Богдановичъ, «Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и С. Публичныя лекціи», Спб., 1846.—Булгаринъ, «Суворовъ», съ рис. В. Тимма, Спб., 1843.—«Бумаги Суворовскія, сохраненныя въ семействѣ бывшаго его правителя дѣлъ Куриса», сообщ. Г. Даниловскій, «Журн. Мин. Нар. Пр.», ч. XCII, 1856 (№ 10), отд. VII, стр. 30 - 50 (есть отдѣльный оттискъ).—Бунаковъ, «Побѣды кн. Италійскаго, графа А. В. С.-Рымникскаго», 6 частей, 1809; 2-е изданіе, 7 частей, М. 1815. — Васильевъ, «Суворовъ. Очеркъ его военной дѣятельности», Вильно, 1829.—Висковатовъ, К. А., «Александръ Васильевичъ С.», «Рус. Старина», 1876, т. 15, № 1, стр. 213—216.—Геннади, Гр., «Иностранныя сочиненія о С.», «Воен. Журн.», 1857, кн. 1, стр. 208—219 (есть отд. оттискъ).—Гичевъ, М., «Черты изъ жизни С.», «Чтеніе для солдатъ», 1872, № 3, стр. 60—74; № 4, стр. 91—107; № 5, стр. 58—70; № 6, стр. 66—78.—«Грамоты, дипломы и письма къ автобіографіи А. В. С.», съ предисловіемъ Бодянскаго, «Чтенія О. Ист. и Др.», 1848, кн. 1 (23), V, стр. I—II, 1—30.—Даниловъ, А., «Генералиссимусъ князь С. Сообщеніе» (Военныя бесѣды, исполненныя въ Гельсингфорскомъ военномъ собраніи въ 1900—1901 г.г. Вып. 2, стр. 89—139), Гельсингфорсъ, 1902.—Драгомировъ, «Генералиссимусъ кн. Суворовъ», «Развѣдчикъ», 1900.—Дубровинъ, Н., «А. В. С. среди преобразователей Екатерининскаго времени», Спб., 1886.—Желябужскій, «А. В. С.», М., 1873.—«Жизнь С., имъ самимъ описанная, или собраніе писемъ и сочиненій его, изданныхъ съ примѣчаніями С. Глинкою», 2 ч., 1812.—Зейдель, И., «Анекдоты кн. Италійскаго, графа А. В. С.-Рымникскаго», изд. и тип. А. Червякова, Спб., 1865 г.—«Исторія генералиссимуса кн. Италійскаго графа С.-Рымникскаго», 2 ч., 1812. — «Исторія графа Александра Васильевича С.», М., 1874. — Ковалевскій, «А. В. Суворовъ. Историко-психологич. очеркъ», «Варш. Воен. Ж.», 1900, № 5. — Козловъ, В., «Суворовъ въ его изображеніяхъ». Спб., 1899.—Левшинъ, «Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А. В князя Италійскаго, графа С.-Рымникскаго», М., 1809; изд. 3-е, 1814.—Любецкій, А., «Черты изъ жизни А. В. С.», «Чтеніе для солдатъ», 1873. № 1, стр. 69 - 82; № 6, кн. 2, стр. 38 - 56; № 10, кн. 3, стр. 42—51; № 14, кн. IV, стр. 21—49.—Любецкій, С. М., «Суворовъ», «Дѣтскій Журналъ», 1859, т. IV, кн. 10 и 11, отд. II, стр. 1—53, 65—91.—Марченко, «Суворовъ въ своихъ рукописяхъ», Спб., 1900 г.—«Матеріалы для біографіи С. и военной нашей исторіи XVIII в.», «Москвитянинъ», 1856, т. IV (№ 13—16), стр. 203—290.—Милютинъ, «С. какъ полководецъ», «Отеч. Зап.», 1839.—Милютинъ, «Жизнь и подвиги графа А. С—а», Спб., 1845.—Новаковскій, «Русскіе люди. Біографическіе очерки», изд. 3-е, Спб., 1866.—Новаковскій, «Разсказы о С-ѣ, чтеніе для народа», изд. 2-е, Спб., 1870; изд. 4-е, Спб., 1876; изд. 7-е, Спб., 1897.—Его же, «А. В. С—ъ» (изъ «Журнала для чтенія воспитан. Военно-Учебн. Завед.»), Спб., 1858.—«Очеркъ жизни и дѣяній гр. А. С—а-Рымникскаго», М., 1848.—Парпуръ, «Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса князя Италійскаго гр. А. В. С—а-Рымникскаго», М., 1801.—Песковскій, «А. В. Суворовъ»; Спб., 1899.—Петерсенъ, «Суворовъ въ зеркалѣ новой исторіи», «Истор. Вѣстн.», 1885, т. 19, мартъ, стр. 582.—Петрушевскій, А., «Генералиссимусъ князь С.», 3 тома, Спб., 1884; изд. 2-е, Спб., 1900.—«Письма и записки кн. Италійскаго, графа С—а-Рымникскаго, 1787—1800», М., 1866.—Погосскій, «А. В. С—ъ», изд. 2-е, Спб., 1875; изд. 4-е, Спб., 1898.—Подвиги князя Италійскаго, графа А. В. С—а-Рымникскаго, или жизнь его и военныя дѣянія противъ Пруссіи, Турціи, Польши и Франціи, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ его писемъ», 3 тома, М., 1815.—Полевой, Н. А., «Исторія кн. Италійскаго, графа С — а-Рымникскаго, генералиссимуса Россійскихъ войскъ», изд. 2-е, Спб., 1858; изд. 6-е, Спб., 1900.—Полевой, Н. и Милютинъ, Д., «Александръ Васильевичъ С., генералиссимусъ русскихъ войскъ, его жизнь и побѣды», Спб., 1870.—Потаповъ, В., «Александръ Васильевичъ С. Простонародный русскій разсказъ», изд 2-е, М., 1867.—Праценко, Н., «Русскій народный герой А. В. С.-Рымникскій», изд. 2-е, М., 1866.—«Разсказы стараго воина о С—ѣ» (полк. Старкова), М., 1847, 3 части.—«Разсказы о С—ѣ», «Чтеніе для солдатъ», 1858, кн. 1, стр. 118—130.—Рождественскій, С., «Чтеніе для народа о С—ѣ», изданіе комиссіи народныхъ чтеній, Спб., 1874.—Рыбкинъ, Н., «Генералиссимусъ С. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность, по вновь открытымъ источникамъ и мѣстнымъ преданіямъ его вотчинъ», М., 1874.—Рыбкинъ, Н., «Краткій очеркъ жизни въ вотчинахъ и хозяйственной дѣятельности генералиссимуса Ал. Вас. С - а-Рымникскаго, по вновь открытымъ источникамъ за 1784 и 1785 годы и мѣстнымъ преданіямъ его Новгородской вотчины», «Труды И. Вольнаго Эконом. Общ.», 1871, т. 2, вып. 2, стр. 161—190; т. 3, вып. 1, стр. 1—18; idem, «Русское Сельское Хозяйство», 1871, т. 9, № 5, стр. 130—133.—Сальниковъ, «Суворовъ», Спб., 1900.—Симанскій, «Суворовъ. Публичныя лекціи, читанныя въ Москвѣ и разныхъ городахъ Московскаго военнаго округа», М., 1899.—Ф. Смитъ, «Суворовъ и паденіе Польши», 2 т., Спб., 1866.—Собраніе анекдотовъ графа С—а и писемъ, имъ самимъ и къ нему отъ разныхъ лицъ писанныхъ, съ присовокупленіемъ его вахтпарада или науки побѣждать. Служащее продолженіемъ къ книгѣ: Побѣды гр. Алекс. Вас. С—а-Рымникскаго», изд. 3-е. М., 1858 (1-е изданіе 1809, 2-е—1815).—Стремоуховъ и Симанскій, «Жизнь С—а въ художественныхъ изображеніяхъ», М., 1900.—«Суворовъ, А. В.», «Калейдоскопъ», 1862, № 20, 22, 23, стр. 305—

312, 347—352, 358—368.—«А. В. Суворовъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Его жизнь и побѣды. Составлено по исторіямъ Н. А. Полеваго и генерала Д. А. Милютина», Спб., 1870. —«Суворовъ, князь Италійскій, графъ Рымникскій», изд. 2-е, доп., изд. журн. «Мірской Вѣстникъ», Спб., 1873.—«Суворовъ, князь Италійскій. генералиссимусъ русскихъ войскъ», Спб., 1873.—«Суворовъ, А. В.», статья бар. Л. Зедделера въ «Воен. Энц. Лексиконѣ», изд. 2-е, т. XII, 389—400.—«Суворовъ, генералиссимусъ», Спб., 1900, изд. Маркса.—Фуксъ, Е. «Исторія генералиссимуса князя Италійскаго, графа С—а-Рымникскаго», 2 части, М., 1811.—Его же, «Анекдоты кн. Италійскаго, графа С—а-Рымникскаго». Спб., 1827.—Его же, «Собраніе разныхъ сочиненій», Москва.—«Характеристика С—а, имъ самимъ сдѣланная», «Русск. Старина», 1875, т. 2, № 5, стр. 150.—Anthing, F., «Essay on the campaigns of the Field-Marshall Alex. Souworow Rymn.», translated from the German, 2 vol., London, 1799.—Anthing, «Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski, Russ. Kayserl. General-Feldmarschalls», 3 Bde, Gotha, 1795, 1796, 1799.—Anthing, «Essai d'une histoire des campagnes du comte Alexandre Souworow-Rymnikski. Trad. de l'allemand», 3 vol., Gotha, 1795—1799.—de Beauchamp, A., «Histoire des campagnes du maréchal de Souworow», 3 vol., Paris, 1802.—Fuchs, «Anecdotes uit het Leven van den Russischen Veldmaarschalk Suworow», Haarlem, 1830.—Fuchs, «Anecdoten aus dem Leben des Fürsten Italinsky, Grafen Suworow-Rymnikshy, Russ. Kaiserl. Feldmarschalls», Leipzig, 1829.—«Geschichte der Feldzüge Suworows seit dem 7-jährigen Kriege bis zur Schlacht bei Novi 1799», 1809. — de Guillaumanches-Dubocage, «Précis historique sur cébebre Feldmarèchal comte Souworow-Rymnikski», Hamburg, 1808.—«Histoire des campagnes de Souworow depuis la guerre de 7. ans jusqu'à la bataille de Novi 1799», s. 1. 1808.—«Histoire des campagnes du comte Alexandre Souworow-Rymnikski», Londres, 1799.—«Histoire des campagnes du maréchal Souwaroff», 3 vol., Paris, 1797; idem. ib. 1802.—«History of the life and campaigns of Suworow», London, 1800.—de Laverne, L. M. P., «Histoire du feldmaréchal Souworof, liée à celle de son temps», Paris, 1809.—«Leben des Grafen Alexander Wasilowitsch Suworow-Rimnitzkoi, russ. Kais. Feldmarschall», Francfurt u. Leipzig, 1799.—«Leben des Grafen Suworow-Rimnisky», Nürnberg, 1799.—«Leben und Feldzüge des General-Feldmarschalls Alexander Suwarow-Rimninsky in Italien», Leipzig, 1799.—Leben und Kriegsgeschichte des Grafen von Suworow-Riminsky», Leipzig, 1799.—«Leben des Feldmarschalls Suvorow», Frankfurt, 1799.—Leben, Peter, «Alex. Wasil. Suwarow-Rimninskois», Wien, 1801.—«Lebensgeschichte des russischen Generalfeldmarchalls Graf. von Suworow», Wien, 1795; ib., 1799.—Macready, E. N., «Sketches of Suwarow and his last campaign», London, 1851.—Polewoi, N.A., «Geschichte des Fürsten Italiiski, Grafen Suvaroff-Rimninski, Generalissimus der russischen Armee», Riga, 1850; id. Mitau, 1851—1853.—Rambaud, «Souvorow. Conférence faite en 1899 à l'Ecole militaire de Saint-Cyr».—Serionne, «Les campagnes du feldmaréchal comte Souvorow-Rymnikski», Gotha, 1796, 3 volumes.—«Sketch of the life of count Alexander Souwarow-Rymninskoi», London, 1799.—v. Smitt, F., «Suworows Leben und Heereszüge», 1 Band, Wilna, Leipzig, 1833—1834; idem, 2 Bde, Petersburg, 1835., idem, Wien, 1833.—v. Smitt, «Suworow und Polens Untergang», 2 Bde, Leipzig, 1858.—«Storia della vita e fasti di S. A. il signor conte Alessandro Suwarow-Rymnisky», Torino, 1799.—v. Tannenberg, G., «Lebensgeschiche des Grafen Suwarow-Rymnikskoy, Russ. General-Fedmarschalls», Wien, 1799.—«Vita comitis Petri Alexandri Wasil. Suwarow-Rymninskoi», Budae, 1799.—(Vulpius) «Kurze Lebens- und Kriegsgeschichte des Grafen Alex. Wasil. Suwarow-Rimninskoi», Leipzig, 1800.

II. Общія сочиненія.

Масловскій, Д. С., «Записки по исторіи русскаго военнаго искусства», Спб., 1894.—Гершельманъ, «Нравственный элементъ въ рукахъ С—а», изд. 2-е, Гродно, 1910.—«Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба» книга I («Суворовъ и военная наука», рѣчь проф. полк. Мышлаевскаго; — «Суворовъ — полководецъ», рѣчь проф. полк. Орлова;—«Суворовъ—стратегъ», сообщеніе проф. г.-м. Михневича;—«Двѣ катастрофы. Суворовъ въ Швейцаріи, Петръ на Прутѣ», сообщеніе проф. полк. Мышлаевскаго;—«Паденіе Польши и Суворовъ», сообщеніе проф. полк. Гейсмана;—«Суворовъ и два Совѣта: Петербургскій 1794 г. и Вѣнскій 1799 года», сообщеніе проф. полк. Алексѣева;—«Суворовъ подъ Измаиломъ», сообщеніе проф. полк. Колюбакина;—«Военно-административный обликъ Суворова», сообщеніе проф. полк. Макшеева), Спб., 1900; книга II («Стратегія и тактика Суворова въ Итальянской кампаніи 1799 г. для характеристики эпохи», сообщеніе проф. полк. Баскакова;—«Тактика Суворова», сообщеніе проф. полк. Орлова;—«Чевствованіе столѣтней годовщины со дня кончины генералиссимуса князя Суворова. Суворовъ—человѣкъ», рѣчь проф. полк. Мышлаевскаго;—«Суворовъ—русскій военный дѣятель», рѣчь проф. г.-м. Орлова;—«Суворовъ и флотъ», статья проф. г.-м. Орлова), Спб., 1900.

III. Родословная Суворова.

«Родословная С—ва (княжеская вѣтвь этой фамиліи)», «Р. Стар.» 1872, т. VI, стр. 409.—«Ѳедосѣй Мануковъ (дѣдъ С—а)», сообщ. Рѣпинскій, «Р. Стар.», 1900, январь, 258.—«Собственноручная записка С—а о его службѣ и происхожденіи его фамиліи, поданная имъ въ герольдію въ 1790 году», «Сѣверный Архивъ», 1823, № 2, 3, 4; «Чтенія М. Общ. И. Др. Рос.», 1848 г., № 9; отдѣльная брошюра изданія Голубкова, 1848 г.; «Русскій Архивъ», 1900 г. и отд. изданіе того же года.

IV. Дѣтскіе годы.

«Суворовъ съ дѣтскаго возраста до полковничьяго чина», «Чтеніе для солдатъ», кн 4, 1858 г., стр. 26—48.

V. Солдатская служба.

Геруа, «Суворовъ-солдатъ. (Документы архива Семеновскаго полка)», Спб., 1900.

VI. Семилѣтняя война.

Масловскій, Д., «Русская армія въ семилѣтнюю войну», т. II—III., М., 1887.—Челобитная генер.-пор. В. И. Суворова объ откомандированіи С—а въ армію отъ оберъ-кригскоммиссарской должности», сообщ. Г. К. Рѣпинскій, «Р. Стар.», 1887, т. 56, стр. 212.—«Назначеніе кн. А. В. С—а въ дѣйствующую армію въ 1760 г.», сообщилъ А. В. Безродный, «Р. Стар.», 1897, сентябрь, стр. 480.—«Командировка С—а», «Воен. Сборникъ», 1901 г. № 12, стр. 231—232.

VII. Командованіе полкомъ.

Петрушевскій, А., «Суворовъ — полковой командиръ», «В. Евр.», 1880, № 12.—«Русская армія въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Съ предисловіемъ А. Н. Лебедева. По рукописи, ему принадлежавшей», «Чтенія въ Общ. И. Др. Р.», 1899, кн. 2, стр. I—IV, 1—114.—Старый Суздалецъ, «Суздальская церковь С—а», «Развѣдчикъ», 1900, № 488, стр. 175.—«Описаніе лагеря, собраннаго подъ Высочайшей Е. И. В. собственною командою при Красномъ Селѣ въ 1765 г.», Спб., 1765.

VIII. Первая Польская война.

«Журналъ военныхъ дѣйствій армій Ея Императорскаго Величества 1769—1771 г.».—Петровъ, А., «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами, съ 1769—1774 г. Составлено преимущественно изъ неизвѣстныхъ по сіе время рукописныхъ матеріаловъ», т. I—III, Спб., 1866—1874.—Плестереръ, «Суворовъ. Походъ въ Польшу», «Воен. Сб.», 1901, № 5.—Плестереръ, «Дѣйствія С. противъ Дюмурье и Пулавскаго», «Варшавскій Военный Журналъ», 1902, II.—Смитъ, «Суворовъ и паденіе Польши», ч. I—II.—«Суворовскій Сборникъ», изд. «Варш. Воен. Журнала», Спб., 1900 (Столовичи, Орѣхово). — «Сборн. Р. Ист. Общ.», т. I. — Энгель, «Виленскій архивъ», т. I. — Масловскій, Д., «Записки», ч. 2, вып. I.—Bährendtz, F., «Om Polens första deening», Karlskrona, 1878.—v. Benjowsky, M., «Reisen und Schiksale. I. Kriegsoperationen in Polen und Gefangenschaft in Kamtschatka. A. d. Engl. v. G. Forster», Leipzig, 1791; idem, Hamburg, 1791.—(Bodeau), «Lettres historique sur l'état actuel de la Pologne et l'orignie de ses malheurs», Amsterdam, 1772.—Brüggen, «Die erste Teilung Polens und die Konstitution vom 3. Mai 1791», «Preussische Jahrbücher», 35. Band.—Brüggen, «Polens Auflösung».—Cadiot, «Indicateur fidèle pour la guerre des Polonais, des Russes et de Turcs», Paris, 1769. — (Casanova), «Histoire des troubles de la Pologne depuis la mort d'Elisabeth Pètrowna jusqu'à la paix entre la Russie et la Porte Ottomane. Trad. de l'ital.», 2 tom., Paris, 1775. — (Casanova), «Istoria delle turbulenza della Polonia, della morte di Elisabet alla pace fra la Russia e la Porta», Grätz, 1774. — (Cranz), «Das conföderirte Polen», 6 Theile, Erfurt, 1770—73.—G. Dumouriez, «La viè et les mèmoires du général Dumouriez», tome premier, Paris, 1882.—de G. M., «Journal de siége de Cracovie», Paris, 1772. — «Geschichte des gegenwärtigenKrieges zwischen. Russland, Pohlen und der Ottoman. Pforte. A. d. Italienischen», 36 Theile, Frankfurt & Leipzig, 1770—1775.—«Geschichte des gegenwärtigen polnischen Krieges», Augsburg, Leipzig, 1772.—Heyking, «Aus Polens und Russlands letzten Tagen».—(Joubert), «Histoire des révolutions de Pologne depuis la mort d'Auguste III jusqu'en 1775», 2 vol., Warsowie, 1775; idem, Paris, 1776.—(Joubert), «Gechichte der Staatsveränderungen vom Tode August III. bis 1775. A. d. Franz.», 2 Bde, Leipzig, 1777.—«Jüdische Briefe über den Krieg in Pohlen, s. l. 1770».—Letters, «Concerning the present state of Polande», London, 1773.—Preuss, F., «Die erste Theilung Polens u. die Mèmorien Friedrichs des Grossen», Königsberg, 1874—75.—«Recueil des déclarations, notes et faits principaux qui ont prècédé et accompagné la Diète Confédéré depuis le 18 Sept. 1772 au 14 mai 1773».—Roepell, «Polen um die Mitte des 18. Jahrhunderts».—Rustant, Jos., «Historia de las turbaciones de Polonia», 2 vol., Madrid, 1768—1769.—de Saint-Priest, A., «Etudes diplomatiqes et littéraires», vol. I, Paris, 1850. v. Schlözer, «Friedrich der Grosse und Katarina die Zweite», Berlin, 1859.—de Smidt, «Frèdéric II, Catherine et le partage de Pologne», Paris, 1861. —«Storia della guerra tra la Russia, la Polonia et la Porta Ottomane», 15 vol., Napoli, 1767.—(Thesby de Belcour, F.), «Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne», Amsterdam, 1776.—Thesby de Belcour, «Tagebuch eines französischen Offiziers in Diensten der polnischen Konfederation. A. d. Franz.», Amsterdam, Berlin, 1776.—Viomènil, «Lettres sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772», Paris, 1808.

IX. Первая Турецкая война.

Богдановичъ, «Походы Румянцева, Потемкина и С—а въ Турціи», Спб., 1852.—Бутурлинъ, «Картина войны Россіи съ Турціей въ царствованіе Екатерины II и Александра I.—«Дѣйствія С—а въ Турціи въ 1773 г.», «Журн. Воен.-Уч. Зав.», 1855 г., т. CXIV. (№ 453), стр. 30—63.—«Журналъ военныхъ дѣйствій армій Ея Императорскаго Величества», 1773—1774.—И. И., «Исторія войнъ Россіи съ Турціей», «Новоросс. Телегр.», 1876, №№ 526, 527, 531, 534, 537.—Богуславскій, «Исторія Апшеронскаго полка», т. I, Спб., 1842.—Масловскій, «Записки по исторіи воен. иск.», вып. II, ч. 2, стр. 264 — 302. — Петровъ, «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами», т. IV, Спб., 1874; т. V, Спб., 1874.—Петровъ, «Туртукайскій поискъ С—а и анекдоты по поводу его», «Р. Стар.», 1871, т. IV, стр. 591—592.—Петрушевскій, «Суворовъ въ Первую Турецкую войну. 1773 — 1774», «Вѣстн. Европы», 1881, № 12.—«Письма С—а», «Москвитянинъ», 1854, № 20. — «Рапорты, письма и записки С—а къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, съ 6 мая по 11 іюля 1773 г.», «Журн. Воен.-Уч. Завед.», т. CXXII, 1856 г. (№ 486), стр. 220—

252.—Саковичъ, «Историческій обзоръ дѣятельности графа Румянцева-Задунайскаго и его сотрудниковъ: кн. Прозоровскаго, С—а и Бринка, съ 1775 по 1780 г.», Русская Бесѣда», 1858 г., кн. 10—12 (№№ 2—4), отд. II, стр. 1—56, 62—151, 173—260; отд. оттискъ Москва, 1858 г.—Саковичъ, «Дѣйствія С—а въ Турціи въ 1773 г.», Спб., 1853; idem «Воен. Журналъ», 1853 г.».—Реляціи 1773 г., «Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомост.». — «Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ», вып. III.—Beck, L. A., «Die russiche, wie auch türkische Staats- und Kriegsgeschichte», 2 th., Nordhausen, 1777.—«Beitrag zur Geschichte des gegenwärtigen Krieges zwischen dem russisch. u. türkisch. Reiche», Breslau, 1771.—Boutourlin, «Précis des évènements militaires de la 1-e et 2-e guerre des Russes contre les Turcs sous Catherine II», Petersbourg, 1822.—de Doniseaux, «Guerre des Russes contre les Turcs», London, 1774.—«Examen d'unn livre intitulé; Considérations sur la guerre présente entre les Russes et les Turcs. (Turin, 1773)», Amsterdam, 1778.—«Geschichte (Historisches Tagebuch) des Krieges zw. Russland u. d. Pforte, 1768—1774», Wien, 1788.—Hammard, C. F. E., «Reise durch Oberschlesia zur Russischen Armee nach der Ukraine u z. Feldm. Rumänzow-Sadunaiskoy», 2 th. Gotha, 1787. — «Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie», St. Petersbourg, 1773.—Jäger, J. W., «Le Théatre de la guerre entre la Russie et la Turquie», Francfurt. 1770—de Keralio, «Histoire de la guerre des Russes contre les Turcs», 2 vol., Paris, 1777; idem, ib., 1780.—v. Keralio, «Geschichte des letzten Krieges der Russen gegen die Türken. A. d. Franz.», 2 Bde, Lepzig, 1777—1778.—Resmi Achmed Effendi, «Wesentl. Betrachtungen oder Geschichte des Krieges zw. d. Osmanen und Russen. 1768—1774. A. d. Türkischen mit Anmerk. v. H. Fr. v. Diez», Halle, 1813.—Reistand, I., «Reflexions politico-militaires sobre la guerra del Turco contro Rusia», Madrid, 1769—1775.—«Schauplatz des gegenwärtigen Krieges zwischen Russland und der Pforte», 3 Bde, Hamburg, 1771—74.—Staats- und Kriegsgeschichte des Russ. u. Türk. Reiches», 2 Bde, Leipzig, 1777.—de Sylva, «Considérations sur la gurre prèsente entre les Russes et les Turcs», Turin, 1773.—de Tott, «Mèmoires sur les Turcs et Tartares», 3 vol, Amsterdam, 1785; idem. Maestricht, Amsterdam, 1785 — 1786. — Vassif Efendi, «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes de 1769 à 1774. Trad. du Turc. par Caussin de Perceval», Paris, 1822.

X. Пугачевскій бунтъ.

Анучинъ, Д., «Участіе С—а въ усмиреніи Пугачевщины и поимки Пугачева», «Русскій Вѣстникъ», 1868, № 11.—Гротъ, Я., «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта», «Записки Академіи Наукъ», т I, XXV. — Гротъ, Я., «Потемкинъ во время Пугачевщины», «Р. Старина», 1870, № 10.—Даль, В., «Картины изъ русскаго быта. Разсказъ Верхолонцева о Пугачевѣ», «Р. Бесѣда», 1856, кн. 4.—Дмитріевъ-Мамоновъ, «Пугачевскій бунтъ въ Зауральѣ и Сибири», Спб., 1907.—Дубровинъ, Н., «Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II, 1773—1774. По неизданнымъ источникамъ», томъ 2 и 3, Спб., 1884.—Мордовцевъ, «Пугачевщина», «Вѣстн. Европы», 1866, № 1.—Мордовцевъ, «Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка и Пугачевъ», «Отечеств. Записки», 1868, № 8, 10.—Мордовцевъ, Д., «Кто былъ усмиритель Пугачевщины», «Отечеств. Записки», 1869, № 11.—Мордовцевъ, Д., «Замѣтаевъ», «Русскій Дневникъ», 1859, № 7 и 8.—Пекарскій, П., «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», Спб., 1869.—Полуденскій, «Подлинныя бумаги, до бунта Пугачева относящіяся», «Чтенія Моск. Общ. Ист. Др.», 1860, кн. II. — Поспѣловъ, «Пугачевскій бунтъ», «Оренбург. Губерн. Вѣдомости», 1869 г., № 26—28.—Пушкинъ, А. С., «Исторія Пугачевскаго бунта».—Пупаревъ, «Еще о Замѣтаевѣ (приказъ С—а)», «Русскій Дневн.», 1859 г., № 82 (изъ № 14 «Казан. Губ. Вѣд.» 1859 г.).—Руничъ, «Записки сенатора П. С. Рунича о Пугачевскомъ бунтѣ», «Р. Стар.», 1870, т. II, стр. 253. 321—346.—«Русскіе достопамятные люди. Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: «Словарь достопамятныхъ людей», изд. 1847 г. и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени» (рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго), «Р. Стар.», 1892. іюнь, стр. 7.—Самойловъ, «Жизнь и дѣянія ген., фельдм. кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго», «Р. Арх.", 1867, № 4, 7, 10 и 12.—Сулоцкій, А. «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта», «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», 1859, кн. I.—«Архивъ Государственнаго Совѣта», Спб., 1869, 2 части.—«Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общества», тт. 6, 13. 19, 27.—«Екатерина II и Пугачевщина», «Р, Старина», 1875, № 5.—«Извѣстіе о поимкѣ Пугачева», «Р. Стар.», 1876, т. XVI,—«Письма великаго С—а къ князю Потемкину», «Архивъ кн. Воронцова», кн. 24. — «Письма Императрицы Екатерины II къ князю Волконскому», «Осьмнадцатый вѣкъ» Барятенева, кн. I.

XI. Кубань и Крымъ 1774—1779.

Бобровскій, П., «Суворовъ на Кубани въ 1778 г. и за Кубанью въ 1783 г.», Спб., 1900.—Бобровскій, «Исторія лейбъ-гренад. Е. Вел. Эриванскаго полка», часть II. — Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», т. II, Спб., 1869. — Добровинъ, Н., «Присоединеніе Крыма къ Россіи», Спб., 1885—89.—Лефортъ, «Исторія царствованія Екатерины II», ч. 4.—Петровъ, «Вторая Турецкая война», т. I, Спб., 1880, стр. 11—12.—«Письма С—а Турчанинову. Сообщ. Алексѣевъ», «Варшав. Военный Журналъ», 1902, №№ 1, 4, 5.—«Отечественныя Записки», ч. XX, № 56, декабрь, 1824.—«Русская Старина», май, 1900. — «Письмо С—а гр. П. И. Панину. (Изъ собранія автографовъ Н. К. Богушевскаго)», «Р. Старина», 1873, т. VII. стр. 729.

XII. Астрахань 1780—81.

«Письма С—а Турчанинову. Сообщилъ Алексѣевъ», «Варшавскій Воен. Ж.», 1902, №№ 1, 6, 11.—«Архивъ кн. Воронцова», кн. 24.—«Русская Старина», 1873, т. VIII, стр. 729.—«Р. Старина», 1900, май.—«Анекдотъ о С—ѣ въ бытность его въ Астрахани», «Р. Архивъ»

1873, № 2, стр. 146—149.—«Астраханскій Сборникъ 1896 г.», вып. I.—Юдинъ, «С. въ Астрахани», «Истор. Вѣстн.», 1900, т. 80, май, 518.

XIII. Кубань 1782 83.

Бобровскій, П., «Суворовъ на Кубани въ 1778 г. и за Кубанью въ 1783 г.», Спб., 1900.—Бобровскій, «Исторія Эриванскаго полка», ч. III и приложенія.—«Донесенія о ногайцахъ эсаула Перфилова войсковому атаману Иловайскому (1783)», «Донск. Войск. Вѣд.», ч. неоф., № 15, 1857.—«Копія съ донесенія его свѣтлости князю Григорію Александровичу (Потемкину) отъ генер.-поруч. и кавалера С—а, октября отъ 5 числа 1782», тамъ же, 1857, № 14.—«Матеріалы для Донской исторіи», тамъ же, 1858, № 4.—Отвѣтъ атамана Иловайскаго на письмо генер.-поруч. Суворова о плѣнныхъ ногайцахъ», тамъ же, 1856, № 48.—«Письма С—а войсковому атаману Иловайскому», тамъ же, 1857, ч. неоф., №№ 27—30, 36, 37 и 50.—«Письма графа С—а, его супруги и полковницы Давыдовой къ войсковому атаману Иловайскому о плѣнныхъ ногайцахъ», тамъ же, 1856, № 46.—Сенюткинъ, «Военныя дѣйствія Донцовъ противъ ногайцевъ и черкесъ 1777—1783 гг.», тамъ же, ч. неоф., 1856, № 9, 13, 14, 36, 37, 39, 42, 43, 47.—«Три ордера кн. Потемкина войсковому атаману Иловайскому (1783)», тамъ же, ч. неоф., 1857, № 26.—«Экстрактъ съ донесенія князю Потемкину генералъ-поручика С—а, о разбитіи ногайцевъ въ 1783 г.», тамъ же, ч. неоф., № 4.—Петровъ, А. Н., «Вторая Турецкая война», т. I, стр. 22—31.

XIV. Вторая Турецкая война.

«Архивъ военно-походной канцеляріи гр. Румянцева, 1777—1791», «Чт. Моск. Общ. Ист. Др.», 1875, IV; 1876, I и II.—Богдановичъ, «Походы Румянцева, Потемкина и С—ва въ Турцію», Спб., 1852.—Бутурлинъ, «Картина войнъ Россіи съ Турціей въ царствованіе Екатерины II».—Брикнеръ, «Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 г.», «Журн. Мин. Нар. Пр.», т. 168.—Брикнеръ, «Исторія Екатерины II», Спб., 1885.—Бильбасовъ, «Князь де-Линь въ Россіи въ 1780 и 1787—88», «Р. Стар.», 1892, февраль, 275—312; мартъ, 541—573; апрѣль, 1—43.—Висковатовъ, «Взглядъ на военныя дѣйствія россіанъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ съ 1787 по 1791 г.», Спб., 1828.—Записки о томъ сколько я памятую о крымскомъ и турецкомъ походѣ», Одесса, 1872.—Масловскій, Д. Ѳ., Записки по исторіи военнаго искусства», вып. 2, часть 2, глава VI—VII, Спб., 1894.—Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева. Кинбурнъ-Очаковская операція», «Сборн. воен.-истор. мат.», вып. IV, Спб., 1893.—Петровъ, «Вторая турецкая война въ царствованіе Императрицы Екатерины, 1787—1791» (рецензія Н. Дубровина въ «Зап. Ак. Наукъ», т. XLI, кн. 2, Спб., 1882, стр. 188—233).—Петровъ, «Вліяніе турецкихъ войнъ на развитіе русскаго военнаго искусства», т. II.—«Изъ бумагъ кн. Потемкина-Таврическаго (1783—1791)», «Р. Арх.», 1865, № 1.—«Собственноручныя распоряженія кн. Потемкина во время второй турецкой войны», «Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Др.», т. II.—«Записки Энгельгардта», 1867.—«Записки Грибовскаго».—«Записки донского атамана Денисова», «Р. Стар.», 1874, № 5.—«Письма контръ-адмирала Мордвинова кн. Потемкину», «Зап. Од. Общ. Ист.», т. IX.—«Письма де-Рибаса В. С. Попову», тамъ же, т. XI.—«Сборникъ И. Русск. Ист. Общ.», т. 27, 42, 47, 54.—«Записки Гарновскаго», «Р. Стар.», XV, XVI.—«Жизнь кн. Потемкина», М. 1812, IV.—«Одесскій Альманахъ», 1839.—«Р. Архивъ», 1884, № 2.—«Р. Инвалидъ», 1827, №№ 9, 10.—«Славянинъ», 1827, II.—«Geschichte und Ursachen des Krieges der Ottoman. Pforte mit Russland u. Oesterreich», Ulm, 1788—90.—Hayne, «Abhandlung über die Kriegskunst der Türken, von ihren Märschen, Lägern, Schlachten und Belagerungen».—Hermann, «Geschichte des Russischen Staates».—de Volney, «Considerations sur la guerre actuelle des Turcs», Paris, 1788; id. London, Leipzig, 1788.—«Ausführliche Geschichte des Kriges zwischen Russland, Oesterreich und der Türkey».—Beer, «Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774».—Criste, «Kriege unter Kaiser Josef II. Nach den Feldakten etc.», Wien, 1904.—Criste, «Bündnisse und Kriege zwischen Oesterreich und Russland», «Organ der milit. wiss. Vereins», LIX Band.—«Besondere Beilagen zur Wiener-Zeitung, 1788, 1879 u. 1790», 2 Bde, Wien.—«Vollständige Geschichte des jetzigen Krieges zw. Oesterreich, Russland und der Ottoman. Pforte von 1788 an», 2 Bde, Wien, 1788—89.—Zinkeisen, «Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa».

XV. Кинбурнъ.

«Записки Михаила Гарновскаго 1787», «Р. Стар.», 1876, т. XV, стр. 472—473.—«Къ исторіи Черноморскаго флота», «Р. Арх.», 1902, ч. I, стр. 213—214.—Масловскій, Д., «Оборона береговъ С—ъ (Кинбурнская операція)», «Воен. Сб.», 1892, № 2.—Его же, «Записки по ист. воен. иск.», вып. 2, ч. 2.—Мошнинъ, «Оборона побережья».—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. I, стр. 92—104.—«Письма и бумаги С—а, Потемкина и Румянцева», «Сборн. воен.-истор. мат.», вып. IV.—«Русская Старина», 1875, т. XIII, стр. 21—23; 1876, т. XVI, стр. 244—248, 249—262.—Ясинскій, «Суворовъ какъ воспитатель конницы и дѣло у Кинбурна 1 октября 1787 г.», «Вѣстникъ Русской Конницы», 1907, № 3, стр. 1009—1016.

XVI. Очаковъ.

Брикнеръ, А., «Осада Очакова въ 1788 г.», «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1873, ч. 168, № 8, стр. 367—423.—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. I, стр. 184—185.—«Письма Потемкина С—у», «Р. Старина», 1875, т. XIII, стр. 23—24, 28, 29, 30—33, 34, 35, 38—40, 160.—«Переписка Потемкина съ Екатериной», «Р. Старина», 1876, т. XVI, стр. 462, 473, 580, 581.—«Письмо С—а В. С. Попову», «Р. Стар.», 1900, май, 323—324.—«Сборникъ военно-истор. мат.», в. IV.—Сталь, баронъ, «Событія подъ Очаковымъ въ 1788 г. съ сентября до половины ноября», «Зап. Одес. Общ. Ист. и Др.», 1867, т. VI, стр. 597—601.—Цебриковъ, «Вокругъ Очакова, 1788 г. (Дневникъ очевидца), сообщ. А. Ѳ. Бычковъ», «Р. Старина», 1895, стр. 147—212.—«Русское Чтеніе», 1842, ч. II, стр. 197.

XVII. 1789 г. Рымникъ и Фокшаны.

Масловскій, Д., «Записки», вып. 2, ч. 2.—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. II, стр. 25—75, Спб. 1880.—«Переписка Екатерины съ Потемкинымъ и др. лицами», «Р. Старина», 1875, XIV, стр. 223; 1876 г., XVII, стр. 205—210; 1887, т. 54, стр. 68; т. 55, стр. 310. — «Военно-Энциклоп. Лексиконъ», изд. 2, т. XI, стр. 111—115.—«Суворовъ и Дерфельденъ послѣ Рымника. (По разсказу бывшаго секретаря С—а Трефурта). Сообщ. К. Висковатовъ», «Р. Старина», 1876, т. XV, стр. 215.—Arneth, «Josef II und Katharina von Russland. Ihr Briewecksel».—Lang, «Focçani und Martinesci», «Org. d. mil. wiss. Vereins», LXVII.—Schlitter, «Geheime Korrespondenz Josef II mit seinem Minister in den österreichischen Niederlanden Ferdinand Grafen Trauttmansdorf. 1787—89».—Witzleben, «Prinz Friedrich Jusias von Koburg Saalfeld, Herzog zu Sachsen».—«Wöchentliche Beiträge zur Geschichte des gegenwärzigen Feldzuges der Oesterreicher u. Russen wider die Türken», 3 Bde, Wien, 1788—89.

XVIII. Измаилъ 1790.

Колюбакинъ, «Суворовъ подъ Измаиломъ. (Характеристика С—а по опыту штурма Измаила 11 декабря 1790 г.)».—«Суворовъ въ сообщ. проф.», кн. I, стр. 172—196.—Мосоловъ, «Записки отставного генералъ-маіора Сергѣя Ивановича Мосолова», «Р. Архивъ», 1905, I, стр. 138—140.—Орловъ, «Штурмъ Измаила С—ъ въ 1790 г.», Спб., 1820.—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. II, стр. 128—131; 172—189.—Письма Потемкина С—у и Екатеринѣ», «Р. Стар.», 1875, XIV, стр. 227, 230—231.—«Письмо Потемкина Екатеринѣ», тамъ же, 1876, т. XVII, 642—643.—«Письмо Ек. II Циммерману», тамъ же, 1887, т. 35, стр. 3 2—313.—«Разсказы А. П. Ермолова», тамъ же, 1896, октябрь, 102.—Ціаніановъ, кн. П. Д., «Бесѣда трехъ россійскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ, служившихъ въ трехъ разныхъ войнахъ противъ турокъ», Спб., 1790. (Въ извлеченіи: «Р. Стар.», 1875, XIV, стр. 231—240). — Brückner, A., «Die Einnahme von Ismail im Jahre 1790. Ein Beitrag zur Geschichte des russ.-türk. Krieges. 1787—91», «Baltische Monatsschrift», 1871, Bd. 20, 556—585.

XIX. Финляндія.

Глинка, С., «Суворовъ въ Финляндіи», «Русское Чтеніе», ч. II, Спб., 1845. — Петрушевскій, «Суворовъ въ Финляндіи 1791—1792», «В. Европы», 1883, № 10.—«Переписка С—ва за 1791 г.», «Р. Старина», 1872, т. VI, стр. 411—426. — «Письмо Екатерины Потемкину»; тамъ же, 1876, т. XVII, стр. 649.—«Суворовъ въ Финляндіи. (Историческій разсказъ)», «Мірской Вѣстникъ», 1869, № 7, стр. 92—101.

XX. Третья Польская война.

Алексѣевъ, М., «Суворовъ и два Совѣта: Петербургскій 1794 года и Вѣнскій 1799», «Суворовъ въ сообщ. проф.», ч. I, стр. 135—153.—«Выдержки изъ замѣтокъ Брусилова. С. въ Петербургѣ по взятіи Варшавы». «Р. Стар.», 1893, т. 80, стр. 415—416.—Вышеславцевъ, «Суворовскій иконостасъ», тамъ же, 1900, май, 339—340.—Гейкингъ, «Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга», «Р. Старина», 1897, декабрь, 603.—Гейсманъ, «Паденіе Польши и С.», «Суворовъ въ сообщеніяхъ професс. Никол. Ак.», т. I, стр. 118—153.—«Записки о нынѣшнемъ возмущеніи Польши», Спб., 1792.—К. В., «Клеветою меньше. (О приказѣ С—ва о взятіи Праги)», «Соврем. Лѣтопись», 1868, № 18.—Килинскій, «Записки башмачника Яна Килинскаго о варшавскихъ событіяхъ 1794 г. и о своей неволѣ», «Р. Старина», 1895, февраль, 92—120; мартъ, 115—146. — «Корреспонденція С—а въ походѣ 1794 г.», «Суворовскій Сборникъ», Варш., 1900, стр. 203—261.—Костомаровъ, «Послѣдніе годы рѣчи Посполитой», т. II.—Левенштернъ, «Записки», «Р. Стар.», 1900, августъ, 275—277; сентябрь, 486—491. — Марковъ, «Исторія конницы», ч. IV, отд. I, Тверь, 1890. — Масловскій, Д., «Записки», вып. 2, ч. 2. — «Похожденія или исторія жизни Ивана Мигрина, черноморскаго казака», «Р. Старина», 1878, т. 23, стр. 15—17. — Михайловъ, «Штурмъ Праги въ 1794 г.», М., 1835.—«Очерки, историческіе и бытовые, Западной Старины. Дневникъ Краковскаго возстанія въ 1794 г.», «Р. Старина», 1906, январь, 174—188. — Понятовскій, «Воспоминанія князя Станислава Понятовскаго», ib., 1898, сентябрь, 577—578. - Письмо С—а Державину по поводу взятія Варшавы», ib., 1890, т. 66, стр. 135—136. — Орловъ, «Штурмъ Праги С—ъ», Спб., 1894. — «Суворовъ въ Варшавѣ (Историческая справка). Сообщилъ В. Лугановскій», «Р. Старина», 1902, іюль, стр. 128.—Харкевичъ, «Розыски на Суворовскихъ поляхъ сраженій», «Варш. Воен. Журналъ», 1902, № 2, стр. 116—119; № 3, стр. 226—231.—«Суворовскій Сборникъ», Варшава, 1900.—Цѣшковскій, «Послѣднія судьбы Польши», «Р. Архивъ», 1904, III, 305—309. — Шмидтъ, «Гуго Колонтай и его послѣдователи», Львовъ, 1873. — Штурмъ Праги 24 октября 1794 г.», Москва., 1835. — «Военный Журналъ», 1811, ч. XII.—«Beitrag zur Geschichte der Polnischen Revolution und des Dombrowskischen Feldzuges», s. l. 1796.—«Beiträge zur Geschichte der polnischen Revolution i. J. 1794», Frankfurt & Leipzig, 1796.—Beiträge, wichtige, und Aktenstücke zur Geschichte des Aufstandes in Polen 1794», Lepzig, 1831.—de Couronnel, A., «Considerations historiques sur la chûte de la Pologne», Paris, 1862.—Dabrowski, «Wyprawa do wielkiej Polski w roku 1794, tudzicz wyjatek z autobiografi zego, wyd prez E. Raczynski», Poznán, 1839.—Dabrowski, «Feldzug nach Grosspolen. Beitrag zur Gesch. der Polnischen Revolution 1794, von ihm selbst beschrieben. Aus der polnischen Bearbeitung von Ed. Raczynski, übersetzt durch v. Eckert I», Berlin, 1845.—De Favrat, «Mémoires pour servir à l'histoire de Pologne. 1794—96», Berlin, 1799. — «Finis Poloniae», Leipzig, 1855. — Gasianowski, «Pamietniki z roku 1793—94», Lwow, 1860. — «Geschichte der polnischen Revolution», Leipzig, 1796. — Hermann, «Diplomat. Correspondenzen a. d. Revolutionszeit. 1791—1797. Beiträge zur Geschichte der osteuropäischen Staaten währ. der ersten Koalition», Gotha, 1867.—Kaiser, A., «Geschichte der Polnischen Revolution. 1794»,

Leipzig, 1832. — v. Klinkowstroem, «Berechtigung einiger Angaben in des Grafen von Schwerin Darstellung», Berlin, 1799. — Liske, «Zur Geschichte der letzten Jahre der Republik Polen», «Historische Zeitschrift», 21. Band.—Mehée, «Histoire de la prétendue revolution de Pologne», Paris, 1792.—«Mémoires sur la revolution de Pologne trouvés à Berlin», Paris, 1806; idem, Leipzig, 1807. — «O polskim naczelniku Kósziuszceio Raclawickig bitwie dnia 4 Kwietnia 1794», Leipzig, 1861; idem, Berlin, 1862.—Ostrowski, «Le Massacre de Praga le 4 Nov. 1794», Paris, 1869. — «Pamietniki ksiendza Kitowicia», t. II, 1845.—«Pamietniki z osmnastago wieku», tom. II, Poznan, 1861.—«Polen zur Zeit der 2 letzten Theilungen dieses Reiches, hist., stat. u. geogr. beschrieben», s. l. 1807. — «Polens Untergang», Breslau, s. a. — «Polnische Konföderirten in Curland», Altona, 1795. — Der Polnische Insurrectionskrieg i. J. 1794. Von einem Augenzeugen», Berlin, 1796.— v. Schwerin, «Wahre Darstellung der Veraulassung, auf welche ich nach 43 Dienstjahren aus dem Kgl. Preuss. Militärdienste entlassen worden bin», Leipzig, 1798.—Senma, «Nachrichten über die Vorfälle in Polen 1794», Leipzig, 1796.—Sirisa, «Polens Ende», Warschau, 1797.— v. Treskow, «Der Feldzug der Preussen. 1794», Berlin, 1837. — (Woyda), «Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Revolution im J. 1794», 2 Bde, s. l. 1794.—(Zayonczek), «Histoire de la revolution de Pologne en 1794», Paris, 1797. — «Kurjer Warszawski», 1851, №№ 205—206.

XXI. Херсонъ и Тульчинъ.

Бильбасовъ, «Адріанъ Грибовскій», «Р. Старина», 1892, январь, стр. 33. — «Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ», «Р. Стар.», 1876, т. XVII, 445.—Негрескулъ, «О пребываніи графа С—а, Рымникскаго въ Херсонѣ», «Одесск. Вѣстн.», 1855, № 125.

XXII. 1796—1798 Тульчинъ—Кончанское.

«Всеподданнѣйшій рапортъ генерала отъ инф. Архарова о прибытіи С—а въ Боровичскую вотчину», «Р. Стар.», 1905, т. 122, апрѣль, стр. 217.—Гейкингъ, «Императоръ Павелъ и его время. Записки барона Гейкинга», «Р. Старина», 1887, т. 56.—«Секретная инструкція отправленному по Высочайшему повелѣнію въ Боровичи кол. ассесору В. Николеву для надзиранія за С—ъ», «Чтенія И. Общ. И. Др. Рос.», 1862, кн. IV, отд. V, стр. 199—201. — Лебедевъ, П. С., «Преобразователи русской арміи въ царствованіе Императора Павла Петровича 1796—1801», «Р. Старина», 1877, т. XVIII, стр. 237—260.—Мартьяновъ, «Суворовъ въ ссылкѣ», «Истор. Вѣстн.», 1884, т. 18, окт., стр. 144.- Можайскій, «Пребываніе С—а въ с. Кончанскомъ. (Изъ разсказовъ мѣстнаго старожила)», «Ист. Вѣстн.», 1886, т. 26, ноябрь, 408.—«Выписки изъ тетрадей инженера Нордштейна», «Р. Архивъ», 1905, III, 269.—«Письма и записки Императора Павла С—у, Митусову, Розенбергу, Буксгевдену», «Р. Старина», 1873, т. VII, 490; 1882, т. 33, стр. 446, 443; 1900, янв., стр. 125.—«Переписка объ отдачѣ дома и назначеніи пенсіи графинѣ С—ой-Рымникской», «Чтенія М. О. Ист. Др. Рос., 1862», кн. IV, отд. V, стр. 204—206. — Петрушевскій, А., «Князь Суворовъ въ опалѣ», «Вѣстн. Евр.», 1884, № 7.—«Переписка П. Панина съ А. Куракинымъ», «Р. Стар.», 1874, т. X, стр. 331—364. — «Петербургская старина. Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Р. Стар.», 1874, т. XI.—«Къ біографіи князя А. В. С—а, Сообщ. А. Безродной», «Р. Стар.», 1898, авг., 401—409. — «Собственноручная записка А. В. С—а о прусскихъ порядкахъ въ войскахъ». «Р. Старина», 1900, стр. 124. — Шильдеръ, «Императоръ Павелъ I, его жизнь и царствованіе».—Шумигорскій, «Императоръ Павелъ. Жизнь и царствованіе», Спб., 1907.—Хмыровъ, «Послѣднее четырехлѣтіе жизни С—а», «Р. Архивъ», 1871, № 9, стр. 1446—1486.

XXIII. 1799 г. Италіанскій походъ.

«Бурбоны въ изгнаніи и въ Варшавѣ» «Р. Старина», 1900, январь, 242.—«Суворовъ проѣздомъ черезъ Митаву, 2 анекдота, сообщ. Александромъ Бѣлаго», тамъ же, 1873, т. VII, 263.—Алексѣевъ, «Суворовъ и два Совѣта», («Суворовъ въ сообщ. профессоровъ», ч. 1, стр. 154—191).—Баскаковъ, «Сраженіе и такгика С-а въ Италіанскомъ походѣ» (тамъ же).—Борисовъ, «Суворовъ передъ судомъ Наполеона», «Варш. Воен. Журн.», 1900, V.—Бутурлинъ, Д. П., «Италіанскій походъ С-а въ 1799», «Сынъ Отечества», 1821, ч. 69, 70, 72 и 74.—Вульпіусъ, «С. и казаки въ Италіи», 1802.— «Выписки изъ поденныхъ придворныхъ записокъ 1796—1801», «Р. Старина», 1886, т. 50, стр. 352—353.—Глинка, «Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ гр. Милорадовича», Спб., 1818.—Денисовъ, «Записки донского атамана Денисова», «Р. Старина», 1875, т. X—XII.—Елчаниновъ, «А. Суворовъ въ Италіи и Швейцаріи въ 1799 г.», «Р. Инв.», 1908, № 272, 273.—Зуевъ, «Суворовъ въ 1799 г.», Спб., 1900.—«Константинъ Павловичъ, Цесаревичъ», «Р. Старина», 1877, т. XIX, 366—379.— Комаровскій, гр., «Записки», «Воен. Журн.», 1810, кн. 2.— Милютинъ, «Исторія кампаніи 1799 г.»—Орловъ, «Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій въ Италіи въ 1799 году», Спб., 1892.—Орловъ, «Суворовъ на Требіи», Спб., 1895.—Орловъ, «Походъ 1799 г. по запискамъ Грязева», Спб., 1898.—«Петербургская Старина», «Р. Старина», 1885, т. 47, стр. 338, 341; 1884, т. 41, стр. 364, 366, 368, 369, 624, 625; т. 44, стр. 626—629, 632.—«Письмо С-а графу А. Разумовскому», ib., 1900 г., май, 325—326.—«Письма С-а С. Колычеву», ib., 1900, май, 315—322.—Рудыновскій, «Дроздъ-Бонячевскій 1799 г.», ib., 1873, т. VIII, стр. 230—231.—Руничъ, «Изъ записокъ Рунича. Переводъ В. Тимощукъ», ib., 1901, февраль, 329.—«Суворовъ и его походы въ Италіи и Швейцаріи», Спб., 1873;—«Суворовъ въ Вѣнѣ», «Варш. Воен. Журн.», 1900, май.—Толь, К. Ѳ. графъ, «Изъ записокъ», III, 1799.—«Походъ въ Италію», «Р. Инвал.», 1858, № 232.—Тургеневъ, А. М., «Записки», «Р. Старина», 1886, т. 49, стр. 41—43.—«Высочайшій указъ, данный Сенату о пожалованіи С-у княжескаго достоинства», ib., 1873, т. VII, стр. 624.—Фуксъ, «Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 г.», 3 тома, Спб., 1825—26.—Фуксъ, Суворовъ и

Тугутъ. Сообщ. С. П. Шиповымъ», «Чтенія въ И. Общ. Ист. Др. Р.», 1847, кн. 9, IV, 1—14.—Фуксъ, «Прибытіе гр. С-а Рымникскаго въ Италію», «Воен. Журн.», 1817, № 7.—«Bemerkungen über die Beschaffenheit der russischen Armeen und die merkwürdigsten Vorfälle in dem Feldzuge von 1799» (Hüffer, «Quellen», I, стр. 71 — 103).—Bianchi, «Storia della monarchia Piomentese», Torino, 1879, III.—Botta, «Storia d'Italia dal 1789 al 1814», t. III—IV, Firenze 1824, Pisa 1824; франц. изданіе: Paris, 1824 и др.—«Campagne des austro-russes en Italie en 1799», Leipzig, 1801.—«Campagne des austro-russes en Italies ous les ordres du maréchal de Suworow», Paris, 1802.—Cantù, «Histoire de Cent-Ans», t. II.—v. Clausewitz, K., «Die Feldzüge von 1799 in Italien und in der Schweiz. Hinterlassenes Werk», Berlin, 1834.—Costa de Beauregard, «Un homme d'autrefois», Paris, 1877. — «Cronaca d'Abloerti» (Verona).—Dumas, «Campagne de l'Archiduc Charles et de Souworow-Rymnisky pendant l'anée 1799», Hambourg, 1800,—Dumas, «Précis des èvènements militaires, ou essais historiques sur les campagnes de 1799 à 1814», t. I—II, Paris, 1816.—Ferrari, G., «I Francesi in Lombardia», Milano, 1799.—Gachot, E., «Les campagnes de 1799. Souvorow en Italie», Paris, 1903 —«Geschichte der Kriege in Europa, seit dem Jahre 1792 als Folgen der Staatsveränderung in Frankreich unter König Ludwig XVI», Bd. V, Leipzig, 1832.—Gioja, M., «I Francesi, i Tedechi, i Russi in Lombardia», Milano, 1805.—Gouvion Saint-Cyr, «Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le directoire le Consulat et l'Empire» Paris, 1831.—Hüffer, «Feldzug von 1799», Leipzig.—Hüffer, «Quellen zur Geschichte der Kriege von 1799 und 1800», 1. Band, Leipzig, 1900.—Hugo, A., «France militaire», vol. III, Paris, 1836.—Jomini, «Histoire critique et militaire des guerres dela revolution», vol. XI et. XII, Paris, 1824.—Jubé et Servan, J., «Histoire de guerres des Gaulois et des Français en Italie», vol. V, Paris, 1805.—v. Kausler und Wörl, «Die Kriege von 1792 bis 1815 in Europa», Karlsruhe und Freiburg, 2 Bde, 1840—1842.—Lambroso, A., «Miscellanea Napoleonica», II, Roma, 1896.—Macdonald, «Mémoires», Paris, 1892.—«Mémoires historiques», № 48, Bulletin de Floreal.—Picard, «Bonaparte et Moreau», Paris, 1905.—«Raccolta di leggi e proclami emanati nella Lombardia durante l'occupazione Austro-Russa», Milano, 1800, 2 vol.—«Raccolta dei manifesti e providenze emanate per gli stati di S. M-il Re di Sardegna, dall'ingresso dall'armata Austro-Russa in Piemonte», Torino, 1799—1800, 9 vol.—Ritchie, «Mémoires politiques et militaires sur les principaux événements arrivés depuis la conclusion du traité de Campoformio jusqu'à celle du traité d'Amiens», Paris, 1804.—Rossi, «Storia di Piacenza».—Scherer, «Précis des operations militaires de l'armée d'Italie, depuis le 21 ventôze jusqu'au 7 floreal de l'an VII», Paris, An. VII (1799).—Schneidawind, «Der Feldzug der Franzosen gegen Verbündeten in Italien in den Jahren 1798 и 1799», Darmstadt, 1836, 3 Bändchen.—Schutz, «Geschichte der Kriege in Europa seit dem Jahre 1792», Leipzig—Berlin s. a.—v. Seida und Landsberg, «Politisch-militärische Geschichte des merkwürdigen Feldzuges 1799, mit besonderer Rücksicht auf die Armee des Erzherzogs Carl», Ulm, 1800.—«Storia dell'anno 1799 divisa in V libri», Amburgo, 3 vol.—«Storia politico-militare dell'attual guerra contra la Francia, corredata dai rapporti ufficiali publicati dalla corte di Vienna, scritta da un Ufficiale ingegnere Austriaco», 6 vol., Venezia, 1799.—«Storia della campagna fatta in Italia da principe Souvorov unitamento a Melas, Kray, Froeliche Klenau», Firenze, 1800.—Stutterheim, «Feldzug vom Jahr 1799 in Italien», «Oester. Milit. Zeitschr.», 1812; idem. «Neue Militärische Zeitschrift», 1812.—Tatistcheff, «Paul I et Bonaparte», «Nouvelle Revue», 15 nov., 15 déc. 1887.—Thiers. «Histoire de la revolution française», Paris, 1823—27.—(Tiesenhausen) «Suworows Zug in Italien und der Schweiz», «Archiv des histor. Vereins des Kanton Bern», 7. Band., 3 Heft.—Tuetey», Un genèral de l'armée d'Italie» (Серюрье), Paris, 1899.—«Vertrauliche Briefe von Thugut. Von D-r. A. von. Vivenot», Wien, 1872 — «Victoires et conquêtes des Français», vol. XVI.—Vulpuis, «Suworow und die Kosaken, nebst eine kurze Leben- und Thatenbeschreibung. Eine Charakteristik und Anekdoten aus dem Leben Suworows», Rudolstadt, 1800.—Winkelmann, «Suworow's Feldzug in Italien und der Schweiz», «Baltische Monatsschrift», 1866, Bd 13, 242—259.—v. Zeissberg, «Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Österreichs», Wien, 1873.

XXIV. Швейцарскій походъ и возвращеніе въ Россію.

Фонъ-деръ-Бринкенъ, «Швейцарскій походъ С-а (въ 1799). Сообщеніе» («Военныя бесѣды, исполненныя въ Гельсингфорскомъ военномъ собраніи въ 1900—1901 г.», вып. 2). Гельсингфорсъ, 1902.—«Встрѣча съ С—ъ въ 1799 г. въ Прагѣ. (Изъ «Записокъ барона Г. М. Армфельдта»), перевелъ съ шведскаго и сообщилъ Г. Ѳ. Сюннербергъ, «Р. Старина», 1893. т. 76, стр. 695—700. — Державинъ, «Переходъ въ Швейцаріи черезъ Альпійскія горы россійскихъ войскъ, подъ предводительствомъ генералиссимуса 1799», Спб., 1800.—Маляренко, «Швейцарская кампанія С—а въ 1799», Харьковъ, 1902.—Мышлаевскій, «Двѣ катастрофы» («С. въ сообщ. профессоровъ», кн. I, 50—84).—Милютинъ, «Исторія кампаніи 1799 г.».—Орловъ, «Памятники Швейцарскаго похода С—а», «Развѣдчикъ», 1904, № 719, стр. 787—789.—«Свиданіе С—а съ Корсаковымъ. Сообщ. К. Висковатовъ», «Р. Старина», т. XV, 1876, стр. 214—215.—Стремоуховъ, «По пути С—а въ Швейцарію», «Истор. Вѣстн.», 1899, № 1.—Реднигъ Биберегг, «Походъ С—а чрезъ Швейцарію. Переводъ Е. Мартынова», Спб. 1901. (Idem. «Вѣстн. Иностр. воен. лит.», 1902).—Толь, К. Ѳ., «Суворовъ въ Италіи и Швейцаріи», II.— Походъ черезъ Швейцарію», «Воен. Журн.», 1859, ч. IV, кн. I, стр. 60—131.—Шакабентъ, «Воспоминанія изъ временъ Отечественной войны 1812 года и перехода русскихъ войскъ черезъ Альпы подъ нач. С-а», Спб., 1856.—Янжулъ, И. «Суворовскій мостъ (черезъ р. Муоту)», «Р. Старина», 1906, январь, 129.—«Allgemeine Schweizerische Militärzeitung», Basel, 1872, № 49, 50.—«Anzeiger für Schweizer-Geschichte», 1900, № 2,

Bern.—Bousson de Mairet, «Eloge historique du lieutenant general Lecourbe», Paris, 1854.—v. Bülow, «Der Zug Suworow's durch die Schweiz im J. 1799», «Die Grenzboten», 1876, № 10—11.—«Correspondence of the B. H. William Wickham from the year 1794, edited by his Grandson W. Wickham», 2 vol., London, 1870.—Ebel, «Anleitung die Schweiz zu bereisen», Zürich, 1804.—«Life and letters of Sir Gilbert Elliot, first Earl of Mints», London, 1874, II.—Gunter, «Der Feldzug der Division Lecourbe», Frauenfeld, 1896.—Hartmann, O. «Der Anteil der Russen an dem Zeitalter der Französischen Revolution», Berlin, 1884.—Marès, «Précis historique de la compagne du gènèral Massena dans les Grisons et en Helvetie», Paris, An. VII. (1799).—v. Haller, «Geschichte der Wirkungen und Folgen des oesterreichischen Feldzuges in der Schweiz», 1801.—(Karl, Erzherzog), «Geschichte des Feldzuges von 1799 in Deutschland und der Schweiz», Wien, 1819 (франц. пер. Vienne, 1820).—«Jahrbuch des histor. Vereins des Kanton Glarus», 6. Heft, von. Dr. Heer, Glarus. 1870.—Lusser, «Leiden und Schicksale der Urner. 1798—1802», Altorf, 1845.—Massena, «Mémoires», vol. III, Paris, 1848.—«Mémoires de Provéra, colonel bernois ou service de la coalition», t. II.—Meyer, «Biographie des Generals Hotze», Zürich, 1853.—Müller, «Briefwechsel der Brüder Georg Müller und Johannes v. Müller 1789—1809; herausgegeben von Eduard Haug», Frauenfeld, 1891.—Philebert, «Le gènèral Lecourbe, d'aprês les archives, sa correspondence et autres documents», Paris, 1895.—Reding-Biberegg, «Der Zug Suworows durch die Schweiz», Id.: «Geschichtsfreund», Bd. 50.—«Reise eines Ungenannten durch Deutschland und die Schweiz 1799 bis 1801», Breslau, 1802.—de Revel, «Guerre des Alpes».—Rochette, «Geschichte der helvetischen Revolution 1797—1803», Stuttgart, 1824.—Rochette, «Histoire de la revolution helvetique, de 1797 à 1803» Paris, 1823.—de Roverea, «Mémoires», tome II, Paris, 1848.—Schneidawind, «Der Feldzug der Franzosen gegen die Verbündeten in der Schweiz und Deutschland. 1799», Darmstadt, 1841—42, 4 Bändchen.—«Schweizer Alpen-Zeitung», Zurich, 1883, № 6 и 7.—«Tagebuch der helvetischen Republik», 2 Bde, Zürich, 1799.—Wieland, C., «Die kriegerischen Ereignisse in der Schweiz 1798 u. 1799», Basel, 1870—71.—Schokke, «Die Schweiz», Carlsruhe, 1831.—«Neue milit. Blütter», Berlin, 1889, № 1—3.

XXV. Статьи общаго содержанія, характеристики, замѣтки и пр.

«О похоронахъ С-а» (письма Хвостова и др. лицъ), «Р. Старина», 1900, май, 331—36.—«Камеръ-фурьерскіе журналы», 1785—1800.—«Изъ записокъ Д. И. Рунича», «Р. Старина», 1901, февраль, 342—343.—«Письмо барона Розена кн. Горчакову изъ Кобрина» (о болѣзни С-а), ib., 1900, май, 329—330.—«Приказъ бар. Розена дворецкому Никифорову, 20 февр. 1800», ib., 1900, май, 330.—«Письмо Д. Давыдова Н. М. Языкову» (о смерти С-а), ib., 1884, т. 43, стр. 147—148.—«Медали въ честь русскихъ дѣятелей, собралъ и издалъ Ю. Б. Иверсенъ; 1878—83», см. статью Божерянова, «Р. Стар.», 1884. т. 42, стр. 619—620.—«Разсказы Е. Н. Львовой», ib., 1880, т. 28, стр. 341.—«Изъ записокъ французскаго эмигранта, маркиза Марсиньяка (отзывъ о С-ѣ), сообщ. М. Богдановичъ», ib., 1879, т. 25, стр. 399.—«Записки профессора академика Тьебо», ib., 1878, т. 23, стр. 484—490.—«Историческая пѣсня о С-ѣ», ib., 1873, т. VIII, 819.—«Архивъ кн. Италійскаго», ib., 1872, т. VI, 406—408.—Д. Давыдовъ, «Записки о польской войнѣ 1831 г.», ib., 1872, т. VI.—«Загробныя записки кн. П. С. Голицына», «Р. Архивъ», 1905, III, 577.—«Дневникъ И. М. Снегирева», ib., 1902, II, стр 415.—«Изъ записокъ П. И. Фонъ-Гёце», ib., 1902, III, 69.—А. И., «Замѣтки о портретахъ С-а и альбомѣ Антинга», ib., 1899, II, стр. 133—136.—«Рескриптъ графу С. Вязмитинову 23 сент. 1818 г.» (о постановкѣ памятника С-у), «Р. Старина», 1901, октябрь, 136.—«Бракъ С-а» (письма), ib., 1876, т. XV, стр. 450—451.—Шубинскій, С., «Жена Суворова», «Ист. Вѣстникъ», 1897, т. 68, стр. 7—82.—Михневичъ, Вл., «Изъ прошлаго», ib., 1897, т. 68, стр. 356—357.—«Записки гр. Комаровскаго», ib., 1897, т. LXIX.—Двѣ старинныя пѣсни о подвигахъ Суворова», «Р. Старина», 1900, май, 341—344.—Кюхельбекеръ, «Дневникъ поселенца», ib., 1891, октябрь, стр. 97.—Михайловскій-Данилевскій, «Къ столѣтію со дня рожденія С.», ib.. 1891, т. 71, стр. 519.—«Графъ Д. И. Хвостовъ», ib., 1892, т. 74, стр. 573—576.—«Изъ историческихъ записокъ Іоанна Альберта Эренстрема», ib., 1893, іюль.—«Высочайшій приказъ 17 августа 1826 о наименованіи Фанагорійскаго полка—гренадерскимъ генералиссимуса кн. С-а полкомъ», ib., 1893, т. 78, стр. 217.—Лебедевъ, «Князь П. Д. Циціановъ», ib., 1890, т. 66, стр. 143—144.—Шильдеръ, «Россія въ отношеніяхъ къ Европѣ», ib., 1888, т. 57, стр. 273—274.—«Изъ воспоминаній Михайлова-Данилевскаго», ib., 1899, декабрь, 550—552, 561—566.—«Записки адмирала Чичагова», ib., 1886, т. 51, стр. 248, 257—58.—«Камердинеръ генер.-фельдмаршала кн. А. В. С-а», ib., 1888, т. 59, стр. 412.—«Записки М. А. Фонвизина», ib., 1884, т. 42, стр. 60.—Ивашевъ, «Изъ записокъ о С-ѣ», «Отеч. Записки», 1841, т. XIV, стр. 1—5.—«О наименованіи С-а титуломъ свѣтлости», «Р. Стар.», 1901, іюль, стр. 30; idem.: «Р. Стар.», 1892, т. 74, стр. 544.—«Библіографическія записки», I, 1858, стр. 196.—«Мое посѣщеніе фельдмаршала кн. С-а Римскаго. Изъ путевыхъ записокъ графа Делягарди», «Р. Старина», 1876, т. 17, стр. 832—834.—«Характеристика А. В. С-а, имъ самимъ сдѣланная. Сообщ. М. Щербининъ», ib., 1875, т. XII, стр. 150.—«Эпитафія С-у, сочиненная А. С. Шишковымъ», ib., 1871, т. IV, стр. 415—416; 588—590.—«Исторія о свѣтлости князя С-а. (Записки Хвостова)», ib., 1900, май, 336—337.—Голицынъ, кн., «Послѣдній Суворовскій отголосокъ. (Разсказъ о встрѣчѣ съ С-ъ)», «Русскій Вѣстникъ», 1861, № 14.—Сулоцкій, «Двѣ замѣчательныя иконы въ Омскѣ», «Тобольск. Губ. Вѣд.», 1859, № 2.—«Олонецкія воспоминанія. IV. Суворовъ въ Петрозаводскѣ», «Памятн. книга Олонецкой губ. на 1858 г.».—«Замѣтка объ А. С. Хвостовѣ и разсказы его о С-ѣ», «Атеней», 1858, ч.

III, № 20, стр. 278—279.—Л. П., «Неизданныя письма Потемкина и анекдоты о С-ѣ»,«Р. Инв.», 1857, № 38.—«Село Сараево Суворовыхъ. Ист. изслѣдованіе», «Костром. Губ. Вѣд.», ч. неоф., № 33, 1857. - «Письмо изъ Кончанскаго 22 августа 1856 г.», «Р. Инв.», 1856, № 229.—«Вѣд. Город. Моск. Пол.», № 235.—«Новгородск. Губ. Вѣд.», 1856, № 43.—Астафьевъ, «Воспоминанія о С—ѣ. Рѣчь, произнесенная въ церкви села Кончанскаго», «Воен. Журналъ», 1856, т. IV, отд. II, стр. 49—80.—«Отрывокъ изъ исторіи С—а», ib., 1817, № 1.—Цуриковъ, «Дѣдушка С.; стихотвореніе. Сообщ. архим. Леонидъ», «Чтенія Общ. Ист. Др. Рос.», 1876, кн. 4, IV, 262—264. — «Новые анекдоты батюшки великаго С—а. Собр. В. Потаповымъ», М., 1846. — «Современникъ», 1846, т. 42, стр. 356—357.—Д. А., «Суворовъ въ чешскомъ городѣ Высокое Мыто», «Соврем. Лѣтопись», 1866, № 5.—«Задушевное слово о памятникѣ С—а», «Домашняя Бесѣда», 1874, № 51, стр. 1381. — Чумиковъ, А., «Фельдмаршалъ С. въ Прагѣ 1800», «Р. Старина», 1876, т. 17, № 12, стр. 832—34.—«Письмо графа С—а къ бакалавру Кострову, которымъ въ стихахъ отвѣчаетъ изъ Варшавы на присланную къ нему эпистолу 3 апрѣля 1795», «Астраханскій Справ. Листокъ», 1868, № 98. — Мордовцевъ, Д., «С. въ народной поэзіи», «Древняя и Новая Россія», 1876, т. I, № 2, стр. 174—181.—«Анекдотъ о С—ѣ», «Домашняя Бесѣда», 1875, № 1, стр. 48. — «Эпитафія С—у 1800 г. Сообщилъ Пупаревъ», «Р. Старина», 1871, т. IV, № 10, стр. 415—416.—***, «Народныя и военныя пѣсни про С—а», «Грамотѣй», 1873, № 1, стр. 64—70. - «Suvorov und seine Kammerdiener», «Slavische Blätter», 1866, № 4.—Д. I., «Павлыонъ Суворова(с. Кончанское)», «Иллюстрир. Газета», 1871, т. 28, № 47.—Шишковъ, «Стихи для начертанія на гробницѣ С—а», «Р. Стар.», 1871, т. IV, № 11, стр. 588—590. — «Aus dem Leben Suworof», «Sonntagsblatt», 1870, № 23—25.—«Послѣдніе дни Великаго С—а», «Домашняя Бесѣда», 1876, № 2.—«Суворовскій Прошка по кончинѣ своего барина», «Р. Арх.», 1901, II, 134—136.—«Письмо И. Снегирева кн. А. А. С—у» (о могилѣ родителей С—а), «Старина Русской Земли», Ивановскаго, 1871.—«Записка кн. Г. А. Потемкина къ графу А. В. С—у», «Р. Архивъ», 1886, I, 308.—Соколовъ, Сергѣй, «Русскій богатырь. Народная легенда о С—ѣ», «Воен.-Морск. Арх.», 1905, № 439.—«Дневникъ А. В. Храповицкаго съ 18 января 1782 по 17 сент. 1793», M. 1901. — «Stratagemes militaires et russes de guerre», Paris, 1826, стр. 19, 72, 215, 440. — «Записки А. М. Грибовскаго», «Р. Архивъ», 1899, т. I, стр. 18, 34.—Coks, «Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark», изд. 5, 1802. — «Р. Старина», 1882, т. 33, стр. 448.—«Разговоры въ царствѣ мертвыхъ: С—а съ Хароном, Фридриха Великаго съ Кейтомъ и Швериномъ, Петра Великаго съ Фридрихомъ В. и С—ъ», М., 1807.—«Духъ великаго С—а. Россійское сочиненіе В. С.», Спб., 1808.—«Наука побѣждать С—а», изд. Антоновскаго, Спб., 1809.—«Разговоры въцарствѣ мертвыхъ между С—ъ, Багратіономъ, кн. Кутузовымъ и митрополитомъ Платономъ», Спб., 1814.—«Новое собраніе русскихъ анекдотовъ, изданныхъ С. Глинкою», М., 1829. — Вернетъ, Н., «Мои бездѣлицы», М., 1840.—Глинка, С., «Русское чтеніе», Спб., 1845, 2 тома.—Ambert, «Gens de Guerre, portraits», Paris., 1863. — «Сборникъ боевыхъ наставленій и приказовъ», изданіе Военно-Учебнаго Комитета, вып. I. — «Суворовъ», 3-е изд., Спб., 1868.—«Сборникъ статей Драгомирова», 2 ч., Спб., 1881. — Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Спб., 1889.—«Воспоминанія Суворовскаго солдата. Д. Масловскаго», Спб., 1895.—Binder v. Krieglstein, «Geist und Stoff im Kriege», Wien, 1896. — «В. Сборн.», 1898, № 3 и 4: статья Агапѣева. — «Австрійскій писатель о русскомъ полководцѣ; 18-ый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ. Безсонова», М. 1872, вып. 8.—Аничковъ, «Орлиное гнѣздо», Спб., 1898.—Осташкевичъ. «Суворовъ и его отношенія къ Фанагорійскому полку», Ярославль, 1900.—Шевляковъ и Щеголевъ, «Суворовъ въ анекдотахъ», Спб.,1900.—Рудаковъ, «Суворовъ въ анекдотахъ и разсказахъ современниковъ», Спб., 1900. — «Армейскіе вопросы», № 6, Иркутскъ, 1900.—«Суворовъ въ словѣ пастырей церкви», Спб., 1900. — «Генералиссимусъ кн. Суворовъ, духовно-нравственная хаактеристика», Спб., 1900. – Мышлаевскій, «Объ исторіи и Суворовѣ», «Р. Инв.», 1900, № 234.—Петровъ, «Суворовъ въ народной поэзіи», Спб., 1900.—Алексѣевъ, «Суворовъ-поэтъ», Спб., 1901.—Зѣнченко, «Характеристика С—а какъ полководца», Спб., 1902. –Архивъ графовъ Мордвиновыхъ», Спб., т. 1—3, 1901—1902.—Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», Спб., 188.—«Записки Порошина», прилож. къ «Р. Старинѣ», 1882. — «Р. Инвалидъ», 1856, №№ 275, 276; 1899, №№ 204, 210, 215, 227, 237, 266, 267; 1900, № 29. — Язвицкій, «Историческое похвальное слово С—у», Спб., 1810. — «Музей С—а», «Истор. Вѣстн.», 1899, т. 75, февр., стр. 762; 1900 г., т. 81, стр. 1137 (сент.).—«Памятникъ С—у въ Пензенской губерніи», 1903 г., т. 93, іюль, стр. 38.—«Суворовскіе памятники», «Истор. Вѣстн.», 1903, т. 91, янв.,стр. 380.—«Два письма С—а Румянцеву. Сообщ. Есиповъ», «Истор. Вѣстникъ», 1881, т. 5 авг., 393.—«Характеристика С—а. (Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина)», «Истор. Вѣстн.», 1900, т. 80, май, 525. — «Къ характиристикѣ С—а. Сообщ. П. Л. Юдинъ», «Истор. Вѣстн.», 1903, т. 94, стр. 194 (октябрь).—Шаховской, «Спаситель жизни С—а», «Истор. Вѣстн.», 1900, т. 90, стр. 508 (май).—«Гдѣ жилъ С. въ Варшавѣ?», «Истор. Вѣстн.», 1885, т. 61, сент., 815.—«Къ юбилею С—а», «Истор. Вѣстн.», 1900, 79. янв., 421.—«Суворовскій юбилей», 76, т. 81, 1900, іюль, стр. 333.—«Р. Инв.», 1827, № 10.

XXVI. Библіографія.

Петрушевскій, «Краткій очеркъ Суворовской литературы», Спб., 1903.—Полянскій, «Хронологическій указатель литературы о С—ѣ. Памятная книжка Новгор. губ. на 1899».—Статьи Апушкина въ «В. Сборникѣ», 1900 г.

С. Масловскій.

Суворовъ, *Аркадій Александровичъ*, **графъ Рымникскій, единственный сынъ гене-**

ралиссимуса Александра Васильевича Суворова, родился 4 августа 1784 г. Уже при Императорѣ Павлѣ онъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, сохранивъ это званіе и при Александрѣ I, а къ 30 годамъ былъ генералъ-лейтенантомъ и командовалъ дивизіей. Складомъ своего ума, характеромъ и воинскими дарованіями онъ напоминалъ отца, къ тому же обладалъ его способностью привязывать къ себѣ солдатъ, его неустрашимостью и настойчивостью. Эти качества обѣщали въ молодомъ генералѣ выдающагося полководца, но его ранняя смерть не дала надеждамъ осуществиться: 13 апрѣля 1811 г. онъ утонулъ въ той самой рѣкѣ, на берегахъ которой его отецъ одержалъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ побѣдъ—въ Рымникѣ; желая спасти своего утопавшаго кучера, онъ бросился въ бурную рѣчку, но повредилъ себѣ руку и не могъ выплыть. Отъ брака съ Елизаветой Александровной Нарышкиной имѣлъ двухъ сыновей — *Константина* (род. 10 ноября 1809 г., ум. 25 января 1878 г.), дослужившагося до чина полковника и бывшаго въ придворномъ званіи гофмейстера, и *Александра* (см. выше).

Кн. П. Долгоруковъ, «Русская родословная книга», ч. II, Спб., 1855 г., стр. 66, 67.—В. В. Руммель, и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскаго дворянства», ч. II, Спб., 1877 г., стр. 442—«Рижскій Вѣстникъ», 1876 г., № 1.—«Rigaescher Almanach für 1859».—«Русская Старина», 1882 г., стр. 532.

Суворовъ, *Василій Ивановичъ*, генералъ-аншефъ, отецъ генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, сынъ генеральнаго войскового писаря въ царствованіе Петра I, родился въ 1705 г. въ Москвѣ. Свѣдѣнія о его дѣтскихъ годахъ и первоначальной службѣ довольно скудны. Извѣстно, что онъ былъ крестникомъ Петра Великаго, а изъ документовъ, представленныхъ уже послѣ его смерти фельдмаршаломъ Александромъ Васильевичемъ въ московскую дворянскую опеку, видно, что онъ началъ службу въ должности денщика и переводчика у своего крестнаго отца. Приведеніемъ этихъ свѣдѣній обыкновенно и ограничиваются изслѣдователи о жизни С. въ этотъ ея періодъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что въ юношескіе годы С. былъ заграницей, гдѣ изучалъ строительно-морское дѣло. Въ инструкціи къ тогдашнему агенту адмиралтейства по найму техниковъ, Конону Никитичу Зотову, Петръ упоминаетъ о Василіи С. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Суворова отправить въ Мардань, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, также и на тотъ каналъ, который изъ окіана въ Медитеранское море проведенъ, и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старые починиваютъ и чистятъ; чтобы онъ могъ присмотрѣться къ машинамъ и прочему и могъ бы у тѣхъ фабрикъ учиться»... Когда возвратился С. въ Россію, остается неизвѣстнымъ, во всякомъ случаѣ раньше 1724 г., ибо въ этомъ году вышла въ свѣтъ переведенная имъ заграницей и привезенная оттуда книга «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, изданіе славнаго инженера Вобана». Книга эта, кромѣ ея несомнѣнныхъ для своего времени достоинствъ, примѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что по ней С. училъ своего знаменитаго сына. «Покойный батюшка,—писалъ впослѣдствіи генералиссимусъ,—перевелъ способъ Вобана съ французскаго на русскій языкъ и при ежедневномъ чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода изволилъ самъ меня руководствовать къ познанію сей столь нужной и полезной науки».

По смерти Петра Великаго Императрицей Екатериной I С. былъ «выпущенъ лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ сержантомъ», вскорѣ произведенъ къ прапорщики и назначенъ въ Преображенскій полкъ, въ которомъ дослужился до чина капитана гвардіи. При Аннѣ Іоанновнѣ С. состоялъ «въ полевыхъ войскахъ прокуроромъ» и въ этой должности былъ командированъ въ Сибирь для разслѣдованія «нѣкоего важнѣйшаго дѣла». Въ отдаленномъ Березовѣ въ это время томилось въ ссылкѣ семейство князей Долгорукихъ, въ томъ числѣ извѣстный фаворитъ и оберъ-камергеръ Императора Петра князь Иванъ Александровичъ, пострадавшій за свою приверженность къ низложенному Императору, и не менѣе извѣстная жена его, княгиня Наталья Борисовна, урожденная Шереметева. По доносу тобольскаго таможеннаго подъячаго Тишина на Долгорукаго было взведено обвиненіе «во вредительныхъ и злыхъ словахъ» объ Императрицѣ и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицахъ. С. въ качествѣ прокурора, по повелѣнію Анны Іоанновны, долженъ былъ принять участіе въ наряженной по этому поводу «строжайшей» экспедиціи. Послѣдняя, состоявшая подъ

начальствомъ капитана Сибирскаго гарнизона Ушакова, начала свои дознанія въ Тобольскѣ въ сентябрѣ 1738 г. По изслѣдованію біографа кн. Долгорукаго, Д. А. Корсакова, свои разслѣдованія экспедиція открыла обычными допросами «съ пристрастіемъ» и «розыскомъ», т. е. пыткою. Дѣло велось такимъ образомъ, что Долгорукій, вначалѣ все отрицавшій, подъ конецъ, не будучи въ силахъ противостоять мученіямъ, не только призналъ то, въ чемъ его винили, но разсказалъ даже и такія вещи, о которыхъ его не спрашивали,—напр., о составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени Петра II, о сдѣланной имъ, Долгоруковымъ, подложной подъ этимъ завѣщаніемъ подписи и пр. 11 сентября 1738 г. Ушаковъ и С. предложили Долгорукову 16 вопросныхъ пунктовъ и, пытая дыбомъ, «привели его къ сознанію» во всѣхъ виненіяхъ. Дѣло разрослось, по вынужденнымъ у Долгорукова показаніямъ были привлечены къ дознанію еще около 50 человѣкъ и пр. Какова во всемъ этомъ характерномъ для своей эпохи дѣлѣ, въ «пристрастіи» и пыткахъ была роль С. и въ какой мѣрѣ онъ былъ иниціаторомъ жестокихъ пріемовъ—выяснить нѣтъ возможности. Вполнѣ вѣроятно, что главная роль во всемъ этомъ принадлежала Ушакову, какъ начальнику экспедиціи, С. же былъ лишь невольнымъ свидѣтелемъ происходящаго; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что лица, знавшія его лично, отзываются о немъ какъ о человѣкѣ души доброй и мягкой. Съ другой стороны, полученныя имъ изъ Петербурга по этому дѣлу инструкціи категорически требовали примѣненія самыхъ строгихъ мѣръ въ дознаніи; не выполнить ихъ—значило бы навлечь на себя немилость. Во всякомъ случаѣ, сибирская командировка С. показываетъ, что въ это время онъ пользовался при Дворѣ особымъ вниманіемъ.

Въ Тобольскѣ С. пробылъ болѣе года. Возвратившись въ Петербургъ, онъ черезъ недолгое время, именно 2 февраля 1741 г., уже въ царствованіе Іоанна Антоновича, былъ уволенъ отъ должности войскового прокурора и съ чиномъ коллежскаго совѣтника опредѣленъ къ «гражданскимъ дѣламъ», но въ томъ же году повышенъ въ рангъ полковничій и назначенъ вновь прокуроромъ генералъ-бергъ-директоріума, или бергъ-коллегіи. Объ этомъ періодѣ дѣятельности С., продолжавшемся десять лѣтъ, сохранились свѣдѣнія, свидѣтельствующія, что онъ всегда стоялъ на стражѣ интересовъ закона и казны. Въ концѣ 1742 г. онъ доносилъ, напр., въ сенатъ о безпорядкахъ, царящихъ въ бергъ-коллегіи, президентъ которой часто единолично, безъ согласія остальныхъ членовъ, сочинялъ и подписывалъ различныя опредѣленія, назначалъ на службу и пр., противъ чего С., какъ прокуроръ коллегіи, протестовалъ и письменно, и устно, но его не слушали; сенатъ постановилъ: «Впредь бергъ-коллегіи поступать порядочно, а не такъ, какъ нынѣ, а противъ прокурорскаго доношенія... взявъ отъ коллегіи отвѣтъ, изслѣдовать». Въ 1745 г. С. протестовалъ противъ рѣшенія бергъ-коллегіи считать уважательными причины отказа нѣкоторыхъ солепромышленниковъ и владѣльцевъ желѣзныхъ заводовъ поставить договоренный съ казною продуктъ, отъ чего послѣдняя несла потери; такъ какъ коллегія оставила его протестъ безъ вниманія, то С. перенесъ его въ сенатъ, которому донесъ также, что многіе заводчики за отведенныя имъ государственныя земли и угодья, вопреки бергъ-регламенту, ничего въ казну не платятъ, а коллегія имъ попустительствуетъ. Въ 1746 г. онъ опять имѣлъ столкновеніе съ коллегіей по дѣлу нѣкоего Прядунова, перваго нефтепромышленника въ Россіи, который добываемую имъ нефть продавалъ какъ лекарственное средство, что бергъ-коллегія находила допустимымъ, а С. держался обратнаго мнѣнія, которое раздѣлилъ и сенатъ.

Въ 1751 г. С. недолгое время былъ, кажется, прокуроромъ сената; по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ послѣдняго сохранилось его донесеніе о незаконныхъ дѣйствіяхъ оберъ-президента главнаго магистрата, С. С. Зиновьева. Слѣдующее извѣстіе о С. относится къ 29 марта 1753 г., когда онъ былъ представленъ сенатомъ въ оберъ-прокуроры синода, но утвержденія почему-то не получилъ, а по Высочайшей резолюціи былъ пожалованъ въ бригадиры; въ декабрѣ того же года онъ получилъ чинъ генералъ-маіора и былъ назначенъ членомъ военной коллегіи. Среди дѣлъ послѣдней сохранился между прочимъ подписанный С. указъ объ отставкѣ изъ Оренбургскаго гарнизона «Пензенскаго полка подполковника Романа Державина за имѣющимися у него болѣзнями отъ воинской и штатской службы».

Четырехлѣтіе 1758—1761 гг. служебной дѣятельности С. характеризуется рядомъ повышеній и даваемыхъ ему часто весьма серьезныхъ порученій. 7 января 1758 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики, 20 апрѣля 1760 г. получилъ командировку къ русской арміи, находившейся за границей, и состоялъ при ней главнымъ полевымъ интендантомъ. Во время пребыванія С. въ дѣйствовавшей за границей арміи Елизавета Петровна поручала ему большія денежныя операціи, относилась къ нему съ большимъ довѣріемъ и въ іюнѣ 1760 г. пожаловала его орденомъ св. Александра Невскаго. 16 августа того же года С. былъ назначенъ сенаторомъ и долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ, но черезъ мѣсяцъ по его назначеніи вышелъ указъ «о невызовѣ изъ арміи до окончанія кампаніи пожалованнаго 16 августа въ сенаторы Суворова». Наконецъ, въ декабрѣ С. былъ назначенъ на весьма видный и отвѣтственный постъ—генералъ-губернатора завоеванной части Пруссіи. «Отзывая нашего генералъ-поручика изъ Пруссіи губернатора Корфа,—говорилось въ указѣ о послѣднемъ назначеніи С.,—...Всевысочайше восхотѣли мы опредѣлить васъ на его мѣсто точно на такомъ же основаніи и съ такимъ же жалованіемъ, какое онъ получалъ. Почему и имѣете вы немедленно въ Кенигсбергъ ѣхать и его смѣнить, а мы увѣрены пребываемъ, что вы и въ семъ новомъ постѣ съ той же ревностью службу нашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вамъ наше удовольствіе и благоволеніе»... Послѣднее назначеніе доказываетъ, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны С. считался выдающимся администраторомъ.

Съ воцареніемъ Петра III С. по указу отъ 27 декабря 1761 г. отъ должности генералъ-губернатора Пруссіи былъ уволенъ, а черезъ мѣсяцъ, именно 30 января 1762 г., получилъ назначеніе тобольскимъ или, какъ тогда чаще говорилось, сибирскимъ губернаторомъ, на мѣсто старика Ѳ. И. Соймонова. Въ указѣ сенату по этому поводу между прочимъ значится: «...Находящійся въ Тобольскѣ губернаторъ Соймоновъ, какъ намъ извѣстно, по его преклоннымъ лѣтамъ и слабости здоровья наложенныхъ на него разныхъ и многотрудныхъ дѣлъ съ такимъ успѣхомъ, какъ намъ желательно, исправлять не можетъ, и для того Всемилостивѣйше жалуемъ на его мѣсто губернаторомъ генералъ-лейтенанта Василія Суворова, котораго сенатъ имѣетъ отправить туда немедленно, препоручаемъ ему всѣ тѣ дѣла, которыя вѣдалъ губернаторъ Соймоновъ...». Однако поѣздка С. въ Сибирь не состоялась. Почему именно онъ не вступилъ въ отправленіе новыхъ обязанностей и по какимъ причинамъ сенатъ не исполнилъ повелѣнія о «немедленномъ» отправленіи его къ должности,—свѣдѣній объ этомъ никакихъ не сохранилось. Извѣстно лишь, что временное управленіе Тобольскою губерніею было возложено на другое лицо, ст. сов. Колудерова, С. же остался въ Петербургѣ. Можно только предполагать съ нѣкоторой вѣроятностью, что или С. самъ, какъ бывшій въ Сибири и отлично знавшій всѣ ея неурядицы, этого мѣста не желалъ, тѣмъ болѣе, что такое назначеніе послѣ пребыванія генералъ-губернаторомъ Пруссіи онъ могъ разсматривать какъ немилость, или же—и это болѣе вѣроятно—его дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ имѣло нѣкоторую связь съ подготовлявшимися въ то время событіями, результатомъ которыхъ было низложеніе Петра III. Послѣднее предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ воцареніи Екатерины II С. игралъ довольно замѣтную роль—былъ исполнителемъ важнаго порученія: явившись съ отрядомъ гусаръ въ Ораніенбаумъ, онъ арестовалъ тамъ голштинскій генералитетъ, отобралъ отъ всѣхъ голштинцевъ шпаги и тесаки, объявилъ арестованныхъ военноплѣнными, заключилъ всѣхъ въ крѣпость и въ то же время распорядился о составленіи описи дворцовымъ суммамъ и имуществу, а на другой день сдѣлалъ разборъ арестованныхъ, изъ которыхъ русскихъ, малороссовъ и лифляндцевъ привелъ къ присягѣ Императрицѣ, а голштинцевъ посадилъ на суда и перевезъ въ Кронштадтъ.

Послѣ краткаго періода негласной опалы при Петрѣ III, съ воцареніемъ Екатерины II С. вновь сталъ пользоваться довѣріемъ, милостью и даже нѣкоторымъ, хотя и незначительнымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ, преимущественно государственно-экономическаго характера. Развязавшись окончательно съ назначеніемъ въ Сибирь, онъ продолжалъ засѣдать въ сенатѣ и исполнялъ различныя Высочайшія порученія. Въ началѣ 1762 г. губернаторамъ и вое-

водамъ велѣно было представить, «гдѣ и сколько имѣется нерозданныхъ засѣкъ, дикихъ полей, лѣсовъ и др. угодій», а послѣ полученія сенатомъ этихъ свѣдѣній вышелъ приказъ о продажѣ такихъ угодій съ публичнаго торга въ Петербургской вотчинной конторѣ. Главнымъ распорядителемъ по организаціи этой операціи былъ назначенъ С., который и въ слѣдующемъ 1763 г. состоялъ предсѣдателемъ особой комиссіи по продажѣ «казенныхъ засѣкъ и въ дачахъ не бывалыхъ земель». Наконецъ, въ томъ же 1763 г. ему было поручено разслѣдовать одно политическое дѣло—дѣло о «дерзостныхъ рѣчахъ» камеръ-юнкера Ѳедора Хитрово, одного изъ участниковъ въ сверженіи Петра III. 24 мая 1763 г. Екатерина, бывшая въ то время въ Ростовѣ, отправила С. письмо слѣдующаго содержавія: «По полученіи сего, призовите къ себѣ камеръ-юнкера кн. Ивана Несвижскаго и прикажите ему письменно подать вамъ или при васъ написать все то, что онъ отъ Ѳедора Хитрово слышалъ, и по важности показаній... его, Хитрово, арестовать; для дальнѣйшаго произвожденія онаго дѣла призовите себѣ въ помощь кн. Мих. Болконскаго и кн. Петра Петровича Черкасскаго и рапортуйте мнѣ какъ часто возможно. Я при семъ рекомендую вамъ поступать весьма осторожно, не тревожа ни городъ и, сколь можно,—никого, однакожъ такимъ образомъ, чтобъ досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова съ предпріятіемъ. Впрочемъ, по полкамъ имѣете уши и глаза». Изъ допроса кн. Несвижскаго С. выяснилъ, что Хитрово распространялъ слухи о намѣреніи генералъ-фельдмаршала гр. А. П. Бестужева устроить бракъ Екатерины съ гр. Григоріемъ Орловымъ, при чемъ противъ такого проекта ничего не имѣла и сама Императрица, но ему воспротивились Панинъ и Разумовскій,—и далѣе, о предположеніи среди группы вліятельныхъ придворныхъ лицъ, буде Императрица не откажется отъ своего намѣренія,—схватить братьевъ Григорія и Алексѣя Орловыхъ и ихъ «отлучить, а то и погубить». Самъ Хитрово на допросѣ 27 мая умыселъ противъ Орловыхъ отрицалъ, распространеніе вѣстей же о предполагаемомъ бракѣ подтвердилъ, сославшись на то, что слышалъ ихъ отъ другихъ, между прочимъ отъ княгини Дашковой. Екатерина была недовольна половинчатыми признаніями Хитрово и въ рядѣ писемъ къ С. настаивала на новыхъ допросахъ, дѣлала указанія и высказывала предположенія, не кроется ли въ этомъ дѣлѣ, помимо умысла на жизнь Орловыхъ, заговоръ противъ самой государыни. Однако послѣ ареста Хитрово и двухъ-трехъ другихъ незначительныхъ лицъ, все это дѣло, о которомъ стали по обѣимъ столицамъ циркулировать всевозможные слухи, постарались замять.

О дальнѣйшей службѣ С. извѣстно, что въ концѣ 1763 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы, а черезъ три года награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Послѣдніе годы своей жизни, оставаясь въ званіи сенатора, онъ провелъ на покоѣ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1775 г. и тамъ же былъ погребенъ—при церкви Вознесенія. Женатъ С. былъ на Авдотьѣ Ѳедосѣевнѣ Мануковой (бракъ состоялся около 1720 г.), дочери дьяка при Петрѣ Великомъ, имѣлъ двухъ дочерей и знаменитаго сына—Александра Васильевича. По отзывамъ современниковъ, С. былъ способнымъ администраторомъ и человѣкомъ для своего времени весьма образованнымъ — зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и имѣлъ обширную библіотеку, преимущественно изъ военныхъ сочиненій, которой былъ обязанъ своею начитанностью въ области военной исторіи Александръ Васильевичъ. Одной изъ преобладающихъ чертъ въ характерѣ С. являлась непомѣрная скупость, перешедшая отчасти и къ его сыну.

Журналы и протоколы сената отъ 3 марта 1742 г., 8 марта 1745 г., 14 апрѣля 1749 г., 12 ноября 1751 г.—Полное Собраніе Законовъ, т. XV, стр. 588, 629, 701, 738, 786–790, 867, 892; т. XVI, стр. 17, 19, 58, 92, 110, 200, 328—330, 370, 371, 392, 393, 601, 721, 730, 894; т. XVIII, стр. 400; т. XIX, стр. 26.— П. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», т. I, Спб., 1862, стр. 159, 227—228; т. II, стр. 619—620.—«Осмнадцатый вѣкъ», псторич. сборникъ, изд. П. Бартеневымъ, кн. I, М., 1868 г., стр. 50; кн. II, стр. 494.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», т. II, Спб., 1887 г., стр. 440.—«Родословіе Суворовыхъ», «Русская Старина», 1872 г., № 10.—«Біографія Александра Васильевича Суворова, имъ самимъ написанная въ 1786 г.», «Чтенія Общ. Истор. и Древн. Рос.», 1847—1848 г., т. IX.—«Записки Болотова».—«Автобіографія Шеффера» (о дѣятельности С. въ царствованіе Елизаветы Петровны).—«Судьба князей Долгорукихъ при Императрицѣ Аннѣ», «Заря», 1870 г., №№ 6–9.—«Дѣло Долгору-

кихъ», «Русская Старина» 1873 г., № 7.—«Князья Долгоруковы въ 1730—1740 гг.», ibid., 1878 г., т. XXIII.—Д. А. Корсаковъ, «Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій», «Древн. и Нов. Россія», 1879 г., т. I, и въ его сборникѣ «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.», Казань, 1891 г.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. IV, стр. 237, 1602, 1603; кн. V, стр. 203, 334, 599—600, 695, 1225, 1367, 1455—1457; кн. VI, стр. 125, 294.—«Сподвижники Императрицы Екатерины II по духовному, военному и гражданскому управленію», «Сынъ Отеч.», 1847 г., № 7, стр. 1—32.—М. Пыляевъ, «Отецъ Суворова», «Историческій Вѣстникъ», 1891 г., № 7.—Е. К., «Василій Ивановичъ Суворовъ сибирскій губернаторъ», «Тобольскія Губернск. Вѣдом.», 1892 г., №№ 38, 39.—С. Петрушевскій, «Генералиссимусъ Суворовъ», Спб., 1900 г., стр. 1—5.—«Сборникъ Императ. Русск. Историческаго Общества», т. I, стр. 242; т. VII, стр. 107, 121—122, 151, 172, 186, 231, 282, 289—294, 303, 304, 339; т. X, стр. 99; т. XXV, стр. 456; т. XLII, стр. 397, 467; т. XLIII, стр. 6, 42; т. XLVI, стр. 496.—«Mémoiren der Fürstin Daschkoff», Hamburg, 1857, Bd., I, S. 145—151.—«La cour de la Russie il y a cent ans», Berlin, 1858, S. 228—232.

Суворовъ, *Иванъ Петровичъ*, врачебный инспекторъ Туркестанской области, писатель, сынъ священника, родился въ 1829 г. Окончивъ курсъ Тверской духовной семинаріи, поступилъ въ 1848 г. казеннымъ воспитанникомъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію, изъ которой вышелъ въ 1854 г. и тотчасъ же былъ назначенъ врачомъ при временномъ военномъ № 12 госпиталѣ, находившемся въ Дунайскомъ княжествѣ, а въ самый разгаръ Севастопольской кампаніи состоялъ лекаремъ Тобольскаго пѣхотнаго полка. По окончаніи войны С. былъ командированъ съ научной цѣлью въ 1-й Петербургскій военный госпиталь, гдѣ занимался болѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ получилъ назначеніе лекаремъ въ Оренбургскій военный округъ. 17 ноября 1862 г. за защиту диссертаціи подъ заглавіемъ «Нервныя сплетенія и ячейки въ радужной оболочкѣ глаза» («Медиц. Вѣстн.», 1862, и отд., Спб.) медико-хирургической академіей онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины и въ слѣдующемъ году занялъ мѣсто старшаго доктора Сыръ-Дарьинской линіи. Въ дальнѣйшей службѣ занималъ мѣста: главнаго лекаря Оренбурскаго военнаго госпиталя (1865 г.), старшаго врача Туркестанской области (1866 г.), помощника окружнаго военно-медицинскаго инспектора Туркестанской области (1867—1874 г.) и, наконецъ, инспектора той же области, съ 1874 г. до самой смерти, которая послѣдовала въ серединѣ 80-хъ годовъ. Кромѣ диссертаціи С. принадлежатъ еще слѣдующія работы: «О минеральномъ источникѣ Ариманъ-Булакъ, близъ верховьевъ одного изъ притоковъ съ правой стороны р. Атрекъ-Куль-Су» («Воен.-Медиц. Журн», 1872 г., ч. 115, VI); «О появленіи и распространеніи холеры въ 1872 г.» (тамъ же, 1873 г., ч. 117, III); «О санитарной части войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы въ 1873 г.» (тамъ же, 1875 г., ч. 122, VII).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, тетр. 2, Спб., 1886 г., стр. 122; тетр. 3, Спб., 1887 г., стр. 67.

Суворовъ, *Иванъ Ѳедоровичъ Меньшой*, воевода; впервые упоминается подъ 1661 г., именно 4 мая, когда онъ, будучи въ жильцахъ, участвовалъ въ пріемѣ цесарскихъ пословъ; въ 1667 г. пожалованъ въ стряпчіе, а въ 1680 г.—въ стольники и назначенъ воеводою въ Томскъ, откуда въ слѣдующемъ году ходилъ въ степи усмирять взбунтовавшихся киргизовъ, «асъ нимъ тобольскихъ ратныхъ людей 320 человѣкъ, юртовскихъ татаръ 100, тарскихъ 210; да къ нимъ добавлено томскихъ, красноярскихъ и кузнецкихъ служилыхъ людей»; за неприбытіемъ енисейскихъ служилыхъ людей, которые должны были значительно усилить отрядъ С., стычки его съ киргизами имѣли не всегда благопріятный для него исходъ, и лѣтомъ 1682 г. С., потерявъ разновременно 61 чел. убитымъ, 62 чел. ранеными, изнуривъ остальныхъ людей и рѣшительнаго успѣха все же не добившись, принужденъ былъ возвратиться въ Томскъ. Въ ближайшее послѣ этого время онъ былъ воеводою въ Тюмени. Въ 1694 г. отмѣченъ пребывающимъ въ Москвѣ: 2 февраля этого года дневалъ и ночевалъ у гроба царицы Натальи Кирилловны. Умеръ онъ въ 1703 г.

«Дополненія къ Актамъ Историч.», т. X, стр. 360—361.—«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. VIII, стр. 153.—В. К. Андріевичъ, «Исторія Сибири», ч. II, Спб., 1889 г., стр. 181.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. II, Спб., 1858 г., стр. 65.—В. В. Румель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскаго дворянства», ч. II, Спб., 1877 г., стр. 444.

Суворовъ, *Максимъ Терентьевичъ*, директоръ синодальной типографіи; учился въ Московской словено-греко-латинской академіи. 18 декабря 1716 г. Петръ Ве-

ликій писалъ изъ Амстердама начальнику Монастырскаго приказа гр. Ивану Алексѣевичу Мусинъ-Пушкину: «По полученіи (сего) выбирите немедленно изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, высмотря гораздо которые поостряя, человѣкъ десять, и пришлите моремъ на шнавѣ, которую будетъ отпускать генералъ - фельдмаршалъ кн. Меньшиковъ». 22 марта 1717 г. Мусинъ-Пушкинъ доносилъ царю, что онъ отправилъ къ нему девять учениковъ, въ числѣ которыхъ былъ и С. Онъ поселился въ Прагѣ и тамъ пробылъ 3 года, занимаясь преимущественно языками — нѣмецкимъ, французскимъ и славянскими. Въ Россію С. возвратился въ 1720 г. и штатсъ-конторъ-коллегіею былъ посланъ въ вѣдѣніе синода, который опредѣлилъ его въ Петербургскую типографскую контору старшимъ справщикомъ и переводчикомъ съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ. Въ актахъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ упоминается, что изъ-за границы С. привезъ сдѣланные имъ переводы нѣсколькихъ книгъ, но названія ихъ не приводятся. Въ августѣ 1725 г. С. былъ посланъ въ Сербію «для обученія тамошняго народа дѣтей латинскаго и словенскаго діалектовъ». Жалованья ему было назначено 300 руб. въ годъ, что, повидимому, было недостаточно для С., обремененнаго семьею, ибо онъ неоднократно писалъ въ сенатъ и «черезъ свои доношенія требовалъ съ прибавкою, объявляя себѣ немалыя нужды». Въ 1732 г. С. сообщалъ въ сенатъ, что новый сербскій митрополитъ ему «отъ тамошняго ученія въ Сербіи отказалъ и содержать его не хочетъ», и просилъ разрѣшенія возвратиться въ Россію. Сенатъ разрѣшилъ и на расходы по проѣзду отпустилъ сто рублей, пославъ о томъ указъ русскому посланнику въ Вѣнѣ Ланчинскому. Послѣднему С., прибывъ въ Вѣну, объявилъ, что указу «повиноваться готовъ и радъ тамошнее бѣдственное житье перемѣнить», но ассигнованными деньгами онъ проѣздъ свой съ семьею на родину «управить не можетъ», такъ какъ и сама сумма недостаточна и долги у него есть, нажитые въ Сербіи. Съ другой стороны и условія пребыванія С. въ Сербіи значительно измѣнились. Правда, митрополитъ попрежнему относится къ его учительствованію неблагосклонно, но «оный митрополитъ почасту въ болѣзни припадать сталъ, и оказалася оная болѣзнь небезопасною», а другія вліятельныя духовныя лица относятся къ нему, С., и къ его дѣятельности вполнѣ доброжелательно; такъ, петровородынскій епископъ Виссаріонъ въ двухъ письмахъ къ С. «объявляетъ желаніе свое и прочихъ сербскихъ архіереевъ имѣть его попрежнему въ Сербіи учителемъ, хотя бы митрополитъ и не хотѣлъ», и предлагаетъ ему пріѣхать въ Петровородынъ; въ томъ же духѣ пишетъ ему и хратскій епископъ Исаія. Убѣдившись въ справедливости словъ С. по подлиннымъ письмамъ къ нему названныхъ епископовъ, Ланчинскій, «видя поправленіе зазора, который оный Суворовъ претерпѣлъ», «къ тому жъ заподлинно вѣдая, что Римско-Цесарскому Двору обученіе сербскаго народа весьма непріятно», высказался въ донесеніи сенату за оставленіе С. въ Сербіи и далъ ему 100 гульденовъ на проѣздъ въ Петровородынъ. 15 сентября того же 1733 г. Ланчинскій доносилъ, что ему «Сегединскаго города жители прислали зѣло докучное просительное письмо за подписью и печатьми 9 знатнѣйшихъ персонъ», въ которомъ просятъ о присылкѣ С. учителемъ въ ихъ городъ. Судя по письмамъ епископовъ къ С. и жителей Сегедина къ Ланчинскому, слѣдуетъ думать, что С., какъ преподаватель, пользовался значительной популярностью, немилость же къ нему митрополита была продиктована соображеніями не педагогическаго, а политическаго характера, что впослѣдствіи вполнѣ разъяснилось. Изъ донесенія Ланчинскаго отъ 1 февраля 1735 г. видно, что сербско-митрополичій агентъ при Вѣнскомъ Дворѣ Іосифъ Ямбремковичъ, человѣкъ съ запятнанной репутаціей, но пользовавшійся полнымъ довѣріемъ митрополита, старался всякими средствами отстранить отъ послѣдняго лицъ, казавшихся ему опасными въ смыслѣ умаленія его собственнаго вліянія на владыку. Такъ какъ, повидимому, и С. былъ близокъ къ митрополиту, то Ямбремковичъ сталъ доносить, будто вѣнскому правительству «противно, что чужестранная персона въ учители употребляема», митрополитъ же очень чутко относился къ желаніямъ Вѣны. Позже, когда вины Ямбремковича объявились и онъ самъ былъ преданъ суду, слѣдующій сербскій митрополитъ Викентій Іоанновичъ именемъ клира и общества приносилъ россійскому синоду извиненіе за опалу на С. и просилъ оставить его въ Сербіи по прежнему. Въ 1736 г. С. вновь чуть было не постра-

далъ въ связи съ дѣломъ сербскаго епископа Виссаріона, арестованнаго митрополитомъ по обвиненіи его въ «тайной съ Россійскимъ царствомъ и посланникомъ корреспонденціи». С. былъ заподозрѣнъ въ приверженности къ епископу Виссаріону, и митрополитъ «чрезъ знатную персону домогался объ указѣ, чтобъ Сегединской комендантъ его, Суворова, яко выгнаннаго изъ Россіи волочая, взялъ подъ арестъ, но комендантъ сіе учинить яко съ чужестраннымъ человѣкомъ и союзной потенціи подданнымъ извинился». Вскорѣ послѣ этого С. возвратился въ Россію и былъ назначенъ директоромъ Московской синодальной типографіи. Умеръ С. въ апрѣлѣ 1770 г. и погребенъ въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

И. И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. X, М., 1838 г., стр. 72.—П. Пекарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I, Спб., 1862 г., стр. 237–239.—Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, донесенія изъ Вѣны за 1730–1736 г.г.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общ. Польза», кн. IV, стр. 1253—1257.—В. В. Румель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскаго дворянства», ч. II, Спб., 1877 г. стр. 450.

Суворовъ, *Прохоръ Игнатьевичъ*, ординарный профессоръ высшей математики въ Московскомъ университетѣ, родился въ 1750 г., умеръ въ началѣ 1815 г. въ Москвѣ. Сынъ священника, С. въ 1758 г. поступилъ въ Тверскую семинарію, гдѣ пробылъ до 1765 г. Около этого времени возникъ проектъ основать въ Москвѣ высшее духовно-учебное заведеніе и, въ видахъ созданія для него преподавательскихъ силъ, синоду, отъ имени Императрицы было объявлено: «Изъ обучающихся въ семинаріи учениковъ, которые дошли уже до реторики и, превосходя другихъ честнымъ поведеніемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ подаютъ хорошую надежду своими способностями, избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы они въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ могли научиться высшимъ наукамъ на пользу государства». Въ число этихъ десяти человѣкъ, какъ лучшій ученикъ Тверской семинаріи, попалъ и С., которому въ это время было едва 15 лѣтъ. Изъ Твери онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, а изъ Петербурга, вмѣстѣ съ остальными избранниками, 11 ноября 1765 г. выѣхалъ въ Англію. Къ регулярнымъ занятіямъ С. пришлось приступить не сразу, чему помѣхой были недостаточная его подготовленность для слушанія университетскихъ предметовъ, плохое знаніе латинскаго языка, на которомъ преподавалась большая часть наукъ, и полное незнакомство съ англійскимъ, которымъ излагалась меньшая ихъ часть. Преодолѣвъ эти препятствія, С. сталъ изучать юриспруденцію, философію, исторію, богословіе, древне-еврейскій языкъ, изъ новыхъ языковъ—французскій, а подъ руководствомъ члена королевской коллегіи, магистра наукъ Іоганна Стобса—и греческій языкъ. Когда С. съ товарищами возвратился въ Россію—неизвѣстно. Синодъ,ославъ ихъ въ Англію, на долгое время совершенно забылъ о нихъ. Только случайное обстоятельство—запросъ о нихъ въ 1780 г. со стороны сената, вызванный необходимостью дать кому-то какую-то справку, заставило синодъ заинтересоваться судьбою С. и его товарищей—спустя 15 лѣтъ послѣ отправленія ихъ въ Англію. Послѣ нѣкоторыхъ розысковъ въ дѣлахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ обнаружилось, что С. еще въ 1775 г. окончилъ курсъ въ Оксфордскомъ университетѣ, былъ удостоенъ послѣднимъ званія дѣйствительнаго магистра наукъ и вернулся въ Россію, гдѣ 9 октября того же 1775 г. опредѣленъ учителемъ въ морской кадетскій корпусъ. Послѣ дальнѣйшихъ справокъ былъ «разысканъ» и самъ С., дѣйствительно служившій въ названномъ корпусѣ преподавателемъ цѣлаго ряда предметовъ—математики, латинскаго языка, миѳологіи, англійскаго языка и словесности. Въ 1783 г. С. былъ пожалованъ въ премьеръ-маіоры и назначенъ помощникомъ инспектора корпуса, а въ мартѣ 1794 г.—инспекторомъ. Во время пребыванія въ корпусѣ С. вмѣстѣ съ преподавателемъ Василіемъ Никитинымъ составилъ «Тригонометрію плоскую и сферическую», напечатанную въ 1787 г. (въ Петербургѣ; переведена на англійскій языкъ и издана въ Лондонѣ), и «Евклидовы стихіи, въ 15 книгахъ состоящія» (Спб., 1789 г.). Послѣдняя книга примѣчательна между прочимъ тѣмъ, что въ ней впервые, кажется, дѣлается попытка греко-латинскую геометрическую терминологію замѣнить славяно-русской; небольшая часть изобрѣтенныхъ терминовъ удачна, напр. вмѣсто «теорема»—заданіе, вмѣсто «пунктъ»—точка; большинство же ихъ громоздко и неудобопроизносимо. Въ 1794 г. вышло въ свѣтъ

его «Слово на всерадостное торжество мира между Россійской имперіей и Оттоманскою Портою, сентября 2-го 1793 г.», произнесенное имъ очевидно въ видѣ рѣчи на оффиціальномъ торжествѣ въ корпусѣ по этому случаю и затѣмъ, по обычаю времени, «преданное тисненію». 24 марта 1795 г. С. вышелъ въ отставку, но въ октябрѣ 1798 г. возвратился на службу, поступивъ преподавателемъ англійскаго языка въ Черноморское штурманское училище въ Николаевѣ. Занятія съ учениками побудили его составить «Разговоры англинскіе и россійскіе, раздѣленные на 30 уроковъ, для употребленія юношеству и всѣмъ начинающимъ учиться сему языку» (Николаевъ, 1803 г.). За годъ до этого въ Николаевѣ же напечатана была его другая оффиціально-торжественная рѣчь: «Слово на праздненство всерадостнѣйшаго коронованія Государя Императора Александра Павловича, бывшаго въ Черноморскомъ штурманскомъ училищѣ октября 1801 г.». Послѣдніе годы службы въ Николаевѣ С., помимо обычныхъ занятій, управлялъ училищною типографіею и состоялъ смотрителемъ зданій. Въ 1803 г. онъ вторично вышелъ въ отставку и жилъ въ Николаевѣ до 1810 г., когда (2 іюня) Высочайшимъ указомъ былъ назначенъ прямо ординарнымъ профессоромъ высшей математики въ Московскій университетъ. Въ этой должности пробылъ до 1814 г.

А. Соколовъ, „Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ, учитель морского корпуса и штурманскаго училища въ Николаевѣ. Изъ дѣлъ Николаевскаго портоваго архива“, „Морской Сборникъ“, 1856 г. т, XXIV, № 10, стр. 29—32.— Тридечный, „Замѣчанія стараго моряка“, тамъ же, т. XXV, № 12, стр. 1—9.—„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета“, ч. II, Москва, 1845 г., стр. 476—478.—„Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II“, „Вѣстникъ Европы“, 1873 г., т. VI, № 11, стр. 300—317.—Ѳ. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса“, Спб., 1852 г., стр. 162—163.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, №№ 3678, 9431, 10822—10823, 12022.

Суворовы—дворянскій родъ. Начало его не поддается точному установленію. По одной изъ записей фельдмаршала Александра Васильевича, оно относится къ первой четверти XVII в. «Во времена царя Михаила Ѳеодоровича, и именно въ 1622 г. выѣхали изъ Швеціи *Наумъ* и *Суворъ* и по челобитной ихъ приняты въ россійское подданство, — пишетъ фельдмаршалъ;—именуемы честные мужи, раздѣлились (потомки) на разныя поколѣнія и по Сувору стали называться *Суворовы*». Князь П. Долгоруковъ считаетъ однако Наума не современникомъ Сувора, а потомкомъ его, родившимся уже въ Россіи и давшимъ начало роду Наумовыхъ. Позднѣйшіе и болѣе компетентные изслѣдователи родословныхъ относятъ происхожденіе С. къ болѣе раннему времени,—къ началу XVI в.; не отрицая выходчества родоначальниковъ изъ Швеціи, укрѣпившуюся за родомъ фамилію они производятъ отъ прозвища «Суворъ», даннаго одному изъ потомковъ этихъ выходцевъ, именно—*Юдѣ. Посникъ* С., дьякъ казеннаго дворца, упоминается уже подъ 1566 г., когда онъ вмѣстѣ съ другими подписался подъ приговоромъ думы о войнѣ съ Польшею; въ 1572 г. онъ значится участникомъ Новгородскаго похода Іоанна IV. *Борисъ* С. подъ 1628 г. названъ стольникомъ царя Михаила Ѳеодоровича; въ 1681 г., въ правленіе Софьи Алексѣевны, «находясь уже въ старости маститой», за многолѣтнюю и усердную службу пожалованъ похвальною грамотою. *Андрей Никитичъ* въ описаніи свадьбы Алексѣя Михаиловича съ Маріей Ильинишной Милославской (26 января 1648 г.) названъ степеннымъ ключникомъ кормового дворца. О *Ѳедорѣ* С. сохранилось только имя; у него было два сына — *Иванъ Ѳедоровичъ Большій*, около 1680 г. бывшій воеводою въ Тюмени, и *Иванъ Ѳедоровичъ Меньшой* (см. отд.). *Василій Ивановичъ* (см. отд.), отецъ фельдмаршала *Александра Васильевича* (см. отд.), по однѣмъ родословнымъ, былъ внукомъ перваго изъ нихъ (Большаго, у котораго былъ сынъ *Иванъ Ивановичъ*), а по другимъ—правнукомъ нѣкоего *Ивана Парфеньевича* С., о которомъ извѣстно лишь, что онъ убитъ въ 1655 г. поляками подъ Дубровною. Единственный сынъ генералиссимуса, князь *Аркадій Александровичъ* (см. отд.) оставилъ двухъ сыновей: *Константина Аркадьевича* (род. 1809 г., умеръ 1877 г.), гофмейстера, и *Александра Аркадьевича* (см. отд.). Со смертью въ 1893 г. единственнаго сына послѣдняго, *Аркадія*, мужская линія въ княжескомъ родѣ, начавшаяся отъ фельдмаршала Александра Васильевича, пресѣклась. Дворянская фамилія С., существующая и по-

нынѣ, продолжается отъ родного дяди генералиссимуса, гвардейскаго капитанъ-поручика *Александра Ивановича* (род. 1709 г., ум. 1753 г.).

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. 2, Спб., 1887 г., стр. 438—451.—Кн. П. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга“, ч. 2, стр. 64—68.— „Общій Гербовникъ“, ч. IV, № 7; ч. VIII, № 67.—„Тобольскія Губернскія Вѣдомости“, 1892 г., № 38.

Сугорскій, князь *Захарій Ивановичъ*, воевода и дипломатъ второй половины XVI в., представитель стариннаго княжескаго рода, происходившаго изъ племени Константина Всеволодовича ростовскаго. Впервые онъ упоминается воеводою въ Астрахани въ 1568—1572 гг., затѣмъ въ 1574 г. былъ посломъ въ Крыму. Въ 1576 г. въ санѣ «легкаго» посла и съ титуломъ намѣстника бѣлозерскаго онъ вмѣстѣ съ дьякомъ Андреемъ Арцыбашевымъ былъ отправленъ Іоанномъ Грознымъ къ цесарю Максимиліану II. Незадолго передъ тѣмъ умеръ польскій король Сигизмундъ-Августъ, и въ Польско-Литовскомъ королевствѣ возникъ вопросъ объ избраніи ему замѣстителя; собиравшіеся одинъ за другимъ сеймы раскалывались на партіи, каждая изъ которыхъ стремилась на королевствѣ видѣть своего кандидата; одни хотѣли видѣть цесаря Максимиліана или его сына эрцгерцога Эрнеста, другіе—Іоанна или сына его Ѳедора, третьи—Генриха Анжуйскаго, четвертые—Стефана Баторія, и т. д. Еще болѣе обострились споры и осложнились дипломатическія сношенія заинтересованныхъ въ разрѣшеніи вопроса государствъ, когда избранный наконецъ въ короли Генрихъ бѣжалъ изъ Варшавы, пробывъ на тронѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Съ бѣгствомъ Генриха значительно окрѣпли шансы австрійской партіи, и Максимиліанъ II, съ цѣлью найти поддержку своимъ видамъ въ Москвѣ, отправилъ къ Іоанну для переговоровъ пословъ Іоанна Кобенцеля и Даніэля Принца. Въ отвѣтъ на это-то посольство и былъ посланъ въ Вѣну С. Ему было приказано сказать Максимиліану, что царь соглашается на возведеніе его сына Эрнеста въ польскіе короли, при условіи, что Кіевъ, какъ искони царская вотчина, и Ливонія переходятъ къ Москвѣ. Если же австрійскія притязанія потерпятъ неудачу, С. было поручено—и это другая сторона его миссіи—всемѣрно стремиться къ тому, чтобы склонить Максимиліана на союзный договоръ съ Россіей съ цѣлью противодѣйствовать избранію въ польскіе короли ставленниковъ турецкаго султана, въ томъ числѣ и Стефана Баторія.

Въ началѣ 1576 г. С. двинулся въ путь. Въ Ригѣ и Мемелѣ изъ уваженія къ царю посла встрѣтили пушечной пальбой. 16 іюля онъ былъ уже въ Вѣнѣ. О пріемѣ его цесаремъ въ «Дѣлахъ цесарскаго Двора» (въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ) сохранилось пространное описаніе, сдѣланное однимъ изъ лицъ посольства. Во время перваго же пріема, обставленнаго весьма пышно и торжественно, разыгрался небольшой инцидентъ, весьма характерный и для времени и для С.: привѣтствуя пословъ, цесарь всталъ и приподнялъ шляпу, но по забывчивости ли или потому, что это не было принято при австрійскомъ дворѣ—не далъ руки для цѣлованія; С. счелъ это за невниманіе, обидѣлся и черезъ упомянутаго Даніэля Принца, служившаго переводчикомъ, попросилъ исправить ошибку, и—«цесарь, снявъ въ себя шляпу и вставъ, звалъ къ рукѣ... и обнимались». 28 августа С. имѣлъ продолжительный разговоръ съ «попами», т. е. съ пришедшими въ Вѣну послами отъ римскаго папы; рѣчь шла о томъ, чтобы «цесарю и папѣ римскому и инымъ христіанскимъ государемъ быти въ любви», что означало—стоять заодно противъ султана. Однако грамоту и письмо отъ папы къ Іоанну С. отказался взять: «того письма взяти не вмѣстно, что семя присланы къ цесарю, а не къ папѣ». 15 сентября С. былъ принятъ въ послѣдній разъ цесаремъ, который былъ боленъ и лежалъ въ постели. По существу миссія С. была не особенно успѣшной и не дала какихъ-либо реальныхъ результатовъ, главнымъ образомъ потому, что разслабленный Максимиліанъ не былъ въ состояніи что-либо дѣлать и ограничивался лишь почестями, оказываемыми посламъ. Не имѣла успѣха миссія С. и въ конечномъ смыслѣ: подъ давленіемъ и угрозами Турціи, при отсутствіи почти всякаго противодѣйствія со стороны Россіи и Австріи, въ польско-литовскіе короли былъ избранъ, какъ извѣстно, Стефанъ Баторій.

Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ въ связи съ посольствомъ С. къ цесарю заднимъ числомъ разсказывается басня, ри-

сующая императора провидцемъ въ исторіи; въ разговорѣ съ С. Максимиліанъ предсказалъ будто бы, что въ Россіи «будетъ трясеніе великое, и будутъ многія власти и несогласія, а смятенія того будетъ лѣтъ 15 или мало больше, или мало меньше; а потомъ земля русская распространится вельми и прославится во вся концы вселенныя»; наконецъ, въ числѣ этихъ слишкомъ точныхъ и по тому одному явно баснословныхъ предсказаній находится и то, что первый послѣ смутъ русскій царь будетъ называться Михаиломъ. Въ донесеніяхъ самого С. объ этихъ пророчествахъ нѣтъ ни слова, но въ нихъ очень много любопытнаго, характеризующаго обычаи, богатство и пышность европейскаго двора того времени.

Изъ Вѣны С. выѣхалъ 17 сентября 1576 г. и черезъ Прагу и Франкфуртъ-на-Одерѣ прибылъ въ Штеттинъ, откуда путь продолжилъ моремъ, но принужденъ былъ возвратиться, ибо «въ ночи пришелъ вѣтеръ встрѣчу... и якорь изломало, и корабельникъ поворотило назадъ». Не захотѣвъ зимовать въ Штральзундѣ, гдѣ онъ высадился, С. сѣлъ въ Грейфсвальдѣ на «бусу» и 15 декабря прибылъ въ Пернау, а 3 января 1577 г. былъ уже въ Москвѣ.

Незадолго до смерти С. былъ назначенъ воеводою въ Смоленскъ, гдѣ въ 1582 г. и скончался. По сообщеніямъ ливонскаго историка Кельха, С. одинъ изъ немногихъ вельможъ своего времени обнаруживалъ величайшую преданность Іоанну не только за страхъ, но и за совѣсть.

«Дѣла цесарскаго Двора», рукописные акты въ Московск. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, листы 157—266.—«Памятники дипломатическихъ сношеній», т. I, стр. 545—788; т. X, стр. 7.—«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. XIII, стр. 371.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», Спб., 1895 г., стр. 207.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI стол.», стр. 473.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IX, стр. 143, 160; прим. 348, 442.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществен. Польза», кн. II, стр. 255.

Судаковъ, *Арсеній Тимофеевичъ,* протоіерей, писатель, родился въ 1817 г.; среднее образованіе получилъ въ Тверской духовной семинаріи и высшее—въ Петербургской духовной академіи, курсъ которой въ 1843 г. окончилъ со степенью магистра; годъ спустя послѣ этого былъ рукоположенъ во священника къ посольской церкви въ Стокгольмѣ, но потомъ перешелъ въ Петербургъ къ Семеоновской церкви; въ январѣ 1857 г. снова отправился заграницу къ посольской церкви въ Гаагѣ, откуда опять возвратился въ Петербургъ—священникомъ при соборѣ Зимняго дворца, которымъ и пробылъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1883 г. Въ «Христіанскомъ Чтеніи» С. напечаталъ—«Реформатская церковь въ Голландіи» (1861 г.), «Отвѣты изъ Голландіи на папское приглашеніе къ римскому вселенскому собору» (1870 г.) и «Нидерландская реформатская церковь въ отношеніи къ государству и другимъ религіознымъ обществамъ» (1877 г.); въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1874 г. помѣщены его статьи—«Новѣйшія свѣдѣнія объ ирвингіанствѣ» и «Протестантство въ Испаніи»; въ «Странникѣ» за 1879 г. появилась его критическая статья «Педагогика іезуитовъ»; наконецъ, въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Петербургской духовной академіи хранится (А, II—75) сдѣланный имъ переводъ на французскій языкъ сочиненія митр. Филарета: «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ въ православіи греко-россійской церкви».

Преосв. Савва, «Автобіографія», ч. VI, стр. 474.—А. Родосскій, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ 28-ми курсовъ С.-Петербургской духовной академіи, 1814—1869 гг.», Спб., 1907 г., стр. 483—484.—«Энциклопедич. словарь» Брокгауза-Ефрона, полут. 62, s. v.

Судаковъ — фамилія нѣсколькихъ московскихъ воеводъ XV — XVII вв., о которыхъ историческіе документы сохранили лишь самыя незначительныя свѣдѣнія.

1. *Иванъ Андреевичъ*; въ 1578 г. отмѣченъ воеводою въ Ракоборѣ; въ 1581 г.—воевода въ Куконосѣ; 1584 г.—въ Вышгородѣ. Въ 1587 г. былъ отправленъ въ качествѣ московскаго посла въ Крымъ для переговоровъ о мирѣ; въ бытность тамъ или уже по выѣздѣ оттуда составилъ довольно пространный «Статейный списокъ» (отчетъ) о своемъ пребываніи въ Крыму, напечатанный въ «Извѣстіяхъ Таврической Ученой Комиссіи» (1891 г., № 14); списокъ этотъ содержитъ много подробностей о самыхъ переговорахъ, объ управленіи ханствомъ, о роли «карачеевъ», представителей татарскихъ княжескихъ фамилій, и пр.

2. *Игнатій Андреевичъ*—подъ 1638 г. названъ воеводою въ Шуѣ.

3. *Михайла Андреевичъ*—родомъ изъ новгородскихъ бояръ, воевода Василія Темнаго въ Вереѣ; участвовалъ въ бою съ литовцами въ 1445 г. при Суходровѣ и былъ взятъ ими въ плѣнъ.

4. *Петръ Михайловичъ*—въ 1562 г. числился воеводою въ Болховѣ.

5. *Тимофей Михайловичъ* — воевода въ Новосильѣ въ 1565—1566 г.г.

«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. VIII, стр. 25; т. XII, стр. 98.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.», Спб., 1891 г., стр. 431.—«Сборн. Русск. Имп. Историч. Общ.», т. II, Спб., 1875 г., стр. 725, 726, 730, 734, 735.—«Акты Археографич. Экпедиціи», т. III, стр. 421.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 4, стр. 37.

Судаковъ, *Михаилъ*, переводчикъ; біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» напечатаны слѣдующіе его переводы съ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ: «Извѣстіе о второмъ путешествіи д-ра Лерха въ Персію, 1745—47 г.г.» (1790 г., іюнь, авг., окт., ноябрь; 1791 г., янв., февр., мартъ, апр., іюнь, іюль, авг.; перев. вмѣстѣ съ А. Клевецкимъ); «Повѣсть о Пальмирѣ, взятая изъ весьма древней рукописи» (1791 г., іюль); «Письмо Сихема къ отцу своему» (1791 г., сент.); «Повѣсть объ Энніи Лиліи» (1791 г., окт., декабрь); «Разсужденіе о законѣ вообще» (1792 г., февр.); «Долженствуютъ ли дѣти имѣть различныя чувствованія къ своимъ родителямъ» (1792 г., мартъ); «Логика» (1792 г., апрѣль, май; совмѣстно съ А. Клевецкимъ); «Разсужденіе о чувствительности» (1792 г., августъ); «Важность изученія о безсмертіи души» (1792 г., декабрь); «Разсужденія о нравоученіи» (1793 г., янв., февр., мартъ).

А. Н. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г.», Спб., 1872 г., стр. LXII, 413 и 420.—«Указатель» къ нему, Спб., 1898 г., стр. 663.—«Энциклоп. словарь» Брокгауза-Ефрона, полут. 63, Спб., 1900 г., стр. 62.

Судаковъ, *Михаилъ Ивановичъ*, врачъ, родился въ 1844 г., умеръ 9 сентября 1893 г. въ Стрѣльнѣ; учился въ Петербургской медико-хирургической академіи, изъ которой выпущенъ въ 1873 г. лекаремъ; въ 1874 г. назначенъ въ 136-й пѣх. Таганрогскій полкъ, въ слѣдующемъ году прикомандированъ къ Петербургскому клиническому военному госпиталю, въ 1876 г. отправился на службу въ войска Керченскаго гарнизона; затѣмъ служилъ въ оккупаціонныхъ войскахъ въ Болгаріи (1878 г.), а въ 1879 г. было вторично прикомандированъ къ Петербургскому клиническому госпиталю; позже продолжалъ службу въ войскахъ. За диссертацію «Объ отношеніи язвеннаго процесса въ легкихъ къ бугорчатымъ язвамъ кишечника» («Воен. Мед. Журналъ», 1880 г., ч. 139, отд. III) онъ въ 1880 г. былъ удостоенъ степени доктора медицины.

«Врачъ», 1893 г., № 37.—Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. V, Спб., 1889 г.—«Новое Время», 12 сент. 1893 г.—«Новости», 14 сент. 1893 г.

Судаковъ, *Семенъ*—новгородскій боринъ. Лѣтописи упоминаютъ его дважды, подъ 1332 и 1352 г.г. Въ первый разъ упоминаніе о немъ стоитъ въ связи съ происходившими въ Новгородѣ народными волненіями; новгородская чернь, недовольная правленіемъ бояръ, возстала и предалась разрушительнымъ эксцессамъ, въ томъ числѣ разграбила дворъ С. и села его брата Селифонта (Ксенофонта); это происходило въ посадничество Ѳедора Ахмыла, который, вслѣдствіе народныхъ волненій, лишился власти. Второе упоминаніе о С. относится къ возникшему послѣ смерти великаго князя Семена Іоанновича вопросу — кому быть его замѣстителемъ на великокняжескомъ Владимірскомъ столѣ, его ли брату Іоанну II Іоанновичу, человѣку слабому духомъ и тѣломъ, или суздальскому князю Константину Васильевичу. Новгородцы, много терпѣвшіе отъ московскихъ князей, взяли сторону послѣдняго, и С., одинъ изъ наиболѣе упорныхъ сторонниковъ этого князя, былъ отправленъ въ орду хлопотать передъ ханомъ объ утвержденіи Константина въ великокняжескомъ достоинствѣ. Миссія его однако успѣха не имѣла: «не послуша ихъ (новгородцевъ) царь (Чанибекъ), дастъ великое княженіе князю Ивану Ивановичу».

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 86; т. IV, стр. 62; т. V, стр. 228; т. VII, стр. 217.—Никон. лѣт., т. III, стр. 202—203.—Татищевскій сводъ, т. IV, стр. 180.—«Продолж. Древн. Россійск. Вивліоѳики», т. II, Спб., 1786 г., стр. 594.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 4, стр. 37.—Г. Калайдовичъ, «Историческій и хронологическій опытъ исторіи о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 173.—А. В. Экземплярскій, «Вели-

кіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ», ч. II, Спб., 1891 г., стр. 402—403.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IV, стр. 173; прим. 296.

Судейкинъ, *Любимъ Сергѣевичъ*, стольникъ, дипломатъ конца XVII и начала XVIII вв.; службу началъ подъячимъ, въ 1676—1692 г.г. былъ дьякомъ въ Сѣвскѣ, въ 1695 г. отмѣченъ дьякомъ же въ Воронежѣ, а съ 1697 по 1699 г. былъ посланникомъ въ Венеціи, наконецъ въ теченіе двухъ лѣтъ, 1700—1701 г.г.—русскимъ резидентомъ въ Польшѣ, что совпало со временемъ, когда русское правительство въ своихъ сношеніяхъ съ Варшавою обратило особенное вниманіе на положеніе православнаго населенія въ польскихъ владѣніяхъ. 8 марта 1700 г. С. получилъ отъ Петра I грамоту, въ которой указывалось, что хотя одною изъ статей русско-польскаго мирнаго договора православнымъ въ Польшѣ обезпечивается свободное исповѣданіе своей религіи, тѣмъ не менѣе «бискупы и іезуиты, и доминиканы, и прежніе уніаты, и шляхта» въ Литвѣ «православныхъ разоряютъ, въ унію насильно приводятъ, монастыри и церкви отнимаютъ», чему и примѣры приводятся. «И ты бы (Судейкинъ),—заканчивается грамота,—королевскому величеству, сенаторамъ, канцлеру и иныхъ чиновъ ближнимъ людямъ говорилъ, чтобы королевское величество, по должности договоровъ вѣчнаго мира, приказалъ... православныхъ христіанъ въ унію не обращать и умершихъ хоронить по древнему обыкновенію, и впредь на такое неистовство дерзать заказалъ жестокими указами». На соотвѣтственныя представленія С. сенаторы отвѣчали обычной рѣчью, что у нихъ насильно въ католичество никого не обращаютъ, принимаютъ же только тѣхъ, кто добровольно переходитъ. Когда же С. возразилъ, что не можетъ быть слова о добровольномъ переходѣ, разъ обращенные жалуются царю, сенаторы отговорились незнаніемъ подобныхъ случаевъ и обѣщали разслѣдовать дѣйствія канцлера великаго княжества Литовскаго, князя Радзивилла, на котораго въ грамотѣ Петра къ С. дѣлались опредѣленныя указанія. Въ маѣ 1700 г. С. лично принялъ рядъ устныхъ жалобъ отъ православныхъ на гоненія и утѣсненія со стороны католическаго духовенства, въ средѣ котораго въ этомъ смыслѣ особенно отличался епископъ Іосифъ Шумлянскій, самъ перешедшій въ унію и другихъ къ тому принуждавшій. На основаніи собранныхъ свѣдѣній С. составилъ «леряцкую» и отправилъ ее Петру. 23 мая къ С. пріѣхали номинатъ луцкой епископіи архимандритъ Діонисій Жебокрицкій, игуменъ Почаевскаго монастыря Іосифъ Исаевъ и Бѣльскаго монастыря Сильвестръ Тройцевичъ и объявили ему, что гоненія на православныхъ и понужденіе ихъ къ уніи стали невыносимы, и иного исхода, какъ заступничества русскаго царя, они не видятъ. С. обнадежилъ просителей заступничествомъ и тотчасъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Вильну, гдѣ въ то время находился польскій король. Тамъ онъ услышалъ новыя жалобы на притѣсненія поляковъ, которые, по словамъ жалобщиковъ (вполнѣ подтвердившимся), упорствовавшихъ въ нежеланіи перейти въ унію заковывали въ цѣпи и сажали въ тюрьмы. У литовскаго гетмана Сапѣги С. настоялъ на освобожденіи заключенныхъ, затѣмъ добился свиданія съ королемъ и выхлопоталъ у него указъ никого не неволить въ унію, отосланный къ Радзивиллу, Сапѣгѣ и Шумлянскому. Тѣмъ не менѣе было ясно, что королевскій указъ явился вынужденнымъ, а потому и неискреннимъ, что сознавалъ и С. Донося обо всемъ Петру, въ заключеніе онъ писалъ: «Повидимому, все похлебствуютъ; а истины отнюдь нѣтъ, и желаютъ, конечно, чтобъ у нихъ въ Польшѣ и Литвѣ наше благочестіе изсякло». Недовѣріе С. оправдалось въ самомъ скоромъ времени: уже въ февралѣ 1701 г. обнаружилось, что королевскіе листы не доставили спокойствія галицкимъ православнымъ; къ С. въ Варшаву стали приходить львовскіе братчики «съ великимъ плачемъ», что Шумлянскій «гвалтомъ» отбираетъ у нихъ церкви, а ихъ самихъ понуждаетъ къ уніи. С. снова выхлопоталъ имъ у Августа листъ, но коронный великій канцлеръ, бискупъ Перемышльскій, отказался скрѣпить его коронною печатью. Связанное съ Польшею союзнымъ договоромъ и общею борьбою противъ Карла XII, русское правительство не находило возможнымъ дѣлать рѣшительныя представленія польскому. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда къ Польшѣ нужно было относиться какъ къ союзнику и въ то же время не

поступаться своими интересами, нуженъ былъ опытный и искусный дипломатъ, какимъ С., повидимому, не считался, почему въ серединѣ 1701 г. былъ отозванъ и замѣненъ ближнимъ стольникомъ ген.-адъют. кн. Г. Ѳ. Долгоруковымъ.

«Дополненіе къ Актамъ Историческимъ», т. IX, стр. 248.—Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, «Дѣла польскія» за 1700—1701 г.г.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. т-ва «Общественная Польза», кн. III, стр. 1277—1280.

Судила Ивановичъ, прозваніемъ *Нѣжатичъ*, новгородскій посадникъ, принадлежалъ къ вліятельному въ дѣлахъ Новгорода боярскому роду,—извѣстно, по крайней мѣрѣ, что отецъ его, Иванко Павловичъ, также былъ посадникомъ. Въ политической жизни Новгорода и въ борьбѣ его партій С. И. началъ принимать участіе, вѣроятно, около 1130 г.; есть вполнѣ опредѣленныя данныя, изъ которыхъ видно, что еще за нѣсколько лѣтъ до своего перваго посадничества онъ былъ уже однимъ изъ главныхъ—если даже не главнымъ—руководителей новгородской партіи, стоявшей за княженіе въ Новгородѣ суздальскихъ князей, или Юрьевичей. Когда въ 1140 г. на новгородскій столъ сѣлъ Святославъ Олеговичъ, С. И., будучи противникомъ его княженія и опасаясь преслѣдованій, бѣжалъ въ Суздаль къ кн. Юрію Владиміровичу. Въ слѣдующемъ 1141 г. настроеніе новгородцевъ измѣнилось, верхъ взяла партія «суздальцевъ», Святославъ Олеговичъ бѣжалъ изъ Новгорода, и С. И., вернувшись изъ Суздаля, былъ избранъ въ посадники, замѣстивъ Якуна Мирославича, который пытался бѣжать вмѣстѣ съ княземъ, но былъ схваченъ, битъ и заточенъ въ Чудь. Это посадничество С. И. совпало съ весьма трудными обстоятельствами для Новгорода. Не говоря уже объ острой партійной борьбѣ, которая всегда терзала вольный городъ, были еще и другія условія, тяжело отражавшіяся на теченіи его жизни, и среди нихъ главное—ссора съ вел. кн. Всеволодомъ Олеговичемъ изъ-за нежеланія новгородцевъ признать своимъ княземъ его брата, сына или племянниковъ. Не рѣшаясь вступить съ новгородцами въ открытый бой, Всеволодъ Олеговичъ предпринялъ противъ нихъ рядъ косвенныхъ мѣръ, весьма чувствительныхъ для города, по преимуществу торговаго: повсюду задерживалъ новгородскихъ купцовъ и сажалъ ихъ въ тюрьмы, не пропускалъ никого изъ иноземныхъ гостей, запретилъ къ городу всякій подвозъ и всемѣрно препятствовалъ призванію новаго князя. Въ теченіе цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ С. И. исполнялъ обязанности и посадника, и князя, за отсутствіемъ такового, и добился таки того, что новгородскій столъ былъ занятъ однимъ изъ суздальскихъ князей, именно Ростиславомъ Юрьевичемъ. Послѣдній, впрочемъ, прокняжилъ недолго, но С. И. удержалъ власть въ своихъ рукахъ и при преемникѣ его, Святополкѣ Всеволодовичѣ,—и это можетъ быть объяснено только исключительной популярностью посадника въ широкихъ массахъ Новгорода; палъ онъ только въ 1145 г., при обстоятельствахъ, оставшихся неизвѣстными. Въ 1147 г. онъ былъ избранъ во второй разъ посадникомъ, причемъ пробылъ у власти относительно очень долго, до зимы 1156 г.; нѣкоторыми историками, впрочемъ, этотъ періодъ дѣлится на два, т. е. предполагается, что С. И. не былъ непрерывно все это время посадникомъ, около 1154 г. будучи избранъ на эту должность въ третій разъ, а до того годъ или два былъ не у власти. Но предположеніе это строится на соображеніяхъ общаго характера, лѣтописными данными не опровергаемыми и не подтверждаемыми. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что и на этотъ разъ С. И. упорно велъ свою политику, всячески стараясь примирить новгородцевъ съ Юріемъ суздальскимъ. Послѣднее паденіе его носитъ трагическій характеръ и произошло въ связи съ одной изъ тѣхъ мятежныхъ и мало чѣмъ объяснимыхъ вспышекъ новгородской черни, которыми такъ изобилуетъ исторія вольнаго города. Разъяренная чернь не удовольствовалась тѣмъ, что лишила С. И., прежде популярнаго у нея, посадничества и изгнала изъ города, но настигла его гдѣ-то и нанесла ему такіе жестокіе побои, отъ которыхъ онъ черезъ пять дней скончался.

Новгородская типографическая лѣтоп., М., 1781 г., стр. 23, 30, подъ 6649, 6650, 6656, 6669 гг.—Софійская лѣтоп., ч. I, Спб., 1795 г., стр. 158, 159.—Царственная лѣтоп., Спб., 1772 г., стр. 44—45.—Никоновская лѣтоп., ч. II, Спб., 1768 г., стр. 81.—«Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики», ч. II, Спб., 1786 г., стр. 391, 392.—Г. Калайдовичъ, «Исто-

рическій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 83—84.—Д. Прозоровскій, «Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ», «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи», вып. IX, Спб., 1892 г., стр. 103, 128.—Н. Рожковъ, «Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ», «Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ.», 1901 г., апрѣль, стр. 245, 247.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. II, стр. 117; прим. 358, 381.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 390, 453, 455.

Судиславъ Владиміровичъ, одинъ изъ 12 сыновей великаго князя Владиміра отъ супруги его Адели, по старшинству, кажется, младшій; Несторъ упоминаетъ его впервые подъ 988 г. По даннымъ позднѣйшихъ лѣтописей, С. В. получилъ отъ отца въ удѣлъ Псковъ, нѣкоторые историки же полагаютъ, что онъ вмѣстѣ съ братьями Станиславомъ и Поздвидомъ владѣлъ Кіевскимъ княженіемъ,—предположеніе, ничѣмъ не оправдываемое. Послѣ смерти Мстислава Удалаго Ярославъ Владиміровичъ сдѣлался, какъ извѣстно, «самовластцемъ» Русской земли. С. В., единственному въ это время изъ живыхъ братьевъ Ярослава, повидимому не по душѣ было, что тотъ не дѣлится съ нимъ выморочными волостями братьевъ; по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ онъ былъ оклеветанъ передъ Ярославомъ, который, опасаясь увидѣть въ лицѣ брата соперника, въ 1036 г. посадилъ его въ тюрьму во Псковѣ. Цѣлыхъ 22 года протомился С. В. въ тюрьмѣ. Только въ 1058 г. о немъ вспомнили дѣти Ярослава и освободили его, дряхлаго старика, болѣе не опаснаго, къ тому же бездѣтнаго,—и все же они взяли съ него клятву не затѣвать ничего имъ противнаго. Свободою С. В. воспользовался только для того, чтобы отказаться отъ свѣта,—онъ постригся въ Кіевскомъ монастырѣ св. Георгія, гдѣ и жизнь свою кончилъ, въ 1063.

Лаврентьевск. лѣт., стр. 67, 71.—Софійск. лѣт., стр. 80.—Никоновск. лѣт., т. I, стр. 93.—Соф. Врем., т. I, стр. 87.—Н. М. Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. I, стр. 133; прим. 464, 467; т. II, стр. 14, 22, 41; прим. 114.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 191, 204, 289—290.—Длугошъ, «Historia Polon.», т. I, стр. 145.—Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. I, прим. 132.—В. Дурасовъ, «Родословная книга всероссійскаго дворянства», ч. I, Спб., 1906 г., гл. 2, стр. 5.

Судковскій, *Руфимъ Гавриловичъ*, выдающійся художникъ-маринистъ, академикъ, родился 7 апрѣля 1850 г. Сынъ священника Херсонской епархіи и самъ по желанію отца готовясь стать священникомъ, С. соотвѣтственно этому и получилъ образованіе, учась сначала въ Очаковскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Одесской духовной семинаріи. Но священническая дѣятельность вскорѣ перестала его привлекать. Уже въ дѣтскіе годы начали обнаруживаться въ немъ способности къ рисованію, а въ юношескомъ возрастѣ, особенно во время пребыванія въ Одессѣ, подъ впечатлѣніемъ видовъ южнаго моря съ его чарующими красотами въ немъ окончательно проснулся художникъ, и онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей рисовальной школы Одесскаго общества любителей искусства. Ознакомившись основательно съ употребленіемъ карандаша и кисти, С. съ жаромъ сталъ рисовать съ натуры и уже въ этихъ юношескихъ работахъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ и преимущественную любовь къ морскимъ сюжетамъ. Въ 1868 г. онъ, не кончивъ курса, вышелъ изъ семинаріи и отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ ученикомъ въ академію художествъ. Въ послѣдней пробылъ 3 года, причемъ его пейзажные этюды на заданныя темы были отличены большою и малою серебряными медалями (1870 г.). Въ 1871 г. С. возвратился на родину (въ Очаковъ) и энергично занялся этюдами береговъ Чернаго моря. Картины первыхъ лѣтъ его пребыванія въ Очаковѣ носятъ явные слѣды подражанія разнымъ мастерамъ; въ нихъ мало оригинально-творческихъ элементовъ какъ въ композиціи рисунка, такъ и въ отношеніи его выполненія, почему даже лучшіе изъ этихъ опытовъ, принятые разными петербургскими выставками, остались, вполнѣ естественно, незамѣченными и публикой и критикой. Но непрестанная и усердная работа С. надъ своимъ дарованіемъ, строгая самокритика и особенно поѣздка въ 1874 г. за границу значительно усовершенствовали технику его кисти и развили его наблюдательность. Картины его на академической выставкѣ 1877 г. представляли уже рѣшительный шагъ впередъ въ сравненіи съ прежними опытами, обнаруживъ въ авторѣ несомнѣнный крупный талантъ и умѣніе

выразить его, и академія художествъ нашла вполнѣ возможнымъ присудить С. за нихъ званіе художника 2-й степени, хотя имъ и не былъ сданъ необходимый для этого спеціальный экзаменъ по общимъ предметамъ: «въ знакъ особаго исключенія и не въ примѣръ другимъ»—было мотивировано академіей это присужденіе. Два года спустя С. получилъ званіе класснаго художника 1-й степени. Въ это же время начинаетъ расти его извѣстность и въ широкихъ кругахъ, чему особенно способствовали устроенныя имъ въ 1880 и 1881 г.г. въ Одессѣ двѣ выставки собственныхъ картинъ. Наконецъ, три выставки его работъ въ Петербургѣ (1882, 1883 и 1884 г.г.; первая вмѣстѣ съ Ю. Ю. Клевероиъ) окончательно упрочили его извѣстность какъ выдающагося художника-мариниста, а одна изъ замѣчательнѣйшихъ его картинъ—«Буря близъ Очакова», экспонированная въ 1882 г. на выставкѣ «Общества художественныхъ выставокъ», доставила зму званіе академика. На этихъ выставкахъ С. явился уже вполнѣ опредѣлившимся художникомъ, настоящимъ мастеромъ, способнымъ передавать красками самыя неуловимыя движенія волнъ, самую причудливую игру свѣта на водѣ. Водную стихію онъ изучилъ во всѣхъ отношеніяхъ и съ поразительной художественной вѣрностью умѣлъ передавать ея покой, ея прозрачность, ея безбрежность, игру въ ней солнечныхъ и лунныхъ лучей въ тихую погоду, грозное величіе ея въ бурю. С. занялъ выдающееся мѣсто въ ряду русскихъ художниковъ. Безспорный талантъ и серьезная непрестанная работа надъ нимъ обѣщали С. славную будущность, но преждевременная смерть его не дала осуществиться этимъ ожиданіямъ: онъ умеръ 4 февраля 1885 г. отъ тифа, въ возрастѣ менѣе 35 лѣтъ, въ расцвѣтѣ силъ, не завершившись окончательно какъ художникъ, не успѣвъ осуществить надеждъ, которыя возлагались на его талантъ. Въ годъ смерти С. друзьями его была устроена посмертная выставка его произведеній.

Общее число картинъ С. весьма значительно, особенно если принять во вниманіе непродолжительность его художественной карьеры. Лучшими изъ нихъ считаются: «Очаковская пристань» (находится въ музеѣ Императора Александра III), »Штиль» (тамъ же), «Дарьяльское ущелье» (тамъ же), «Ночь», «Прозрачная вода», «Бурное море», «Затишье» (въ Третьяковской галлереѣ), «Буря близъ Очакова», «Полдень», «Разсвѣтъ до восхода солнца», «Ночью будетъ буря», «Кинбурнская коса послѣ дождя», «Днѣпровскія гирла», «Ловля сельдей», «Бой Весты съ турецкимъ мониторомъ». Изъ менѣе значительныхъ работъ назовемъ: «Березанскій заливъ», «На Финскомъ заливѣ», «Лиманъ», «Тихій день», «Девятый валъ», «Одесскій молъ», «Буря у Одессы», «Передъ грозой», «Передъ бурей», «Морской берегъ», «Волна», «Бурный прибой» и др. Были у С. карандашныя и акварельныя работы, но онѣ стоятъ значительно ниже его картинъ масляными красками.

Ѳ. И. Булгаковъ, «Альбомъ русской живописи. Картины и этюды академика Р. Г. Судковскаго», Спб., 1897 г. (приложена краткая біографія и подробный списокъ картинъ, бывшихъ на разныхъ выставкахъ).—Его же, «Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія», Спб., 1889—1890 гг. — «Художественныя Новости», 1885 г., № 4, стр. 116 — 118; № 5, стр. 136 — 138 («Корреспонденція изъ Одессы»).—Я. П. Полонскій, «О картинахъ Р. Г. Судковскаго», «Нива», 1885 г., № 50.—А. П. Новицкій, «Исторія русскаго искусства», М., 1899—1903 г.—А. Бенуа, «Исторія русской живописи», Спб., 1901—1902 г., ч. II, стр. 201.—«Р. Г. Судковскій, академикъ пейзажной живописи», «Всемірная Иллюстрація», 1885 г., № 842.—«Каталогъ художественнаго отдѣла Русскаго музея Императора Александра III», Спб., 1899 г.—Энциклопедическіе словари Брокгауза-Ефрона, бр. Гранатъ и т-ва «Просвѣщеніе“, s. v.—Некрологи: „Новое Время“, 1885 г., № 3213.—„Новости“, 1885 г., № 36.—„Нива“, 1885 г., № 10.—„Русскій календарь“ А. С. Суворина на 1886 г.

Судовщиковъ, *Николай Родіоновичъ*, драматическій писатель конца XVIII и начала XIX вв. Сохранившіяся о немъ біографическія свѣдѣнія довольно скудны. Между 1780—1795 гг. онъ вращался въ кругу петербургской «золотой молодежи» и велъ неумѣренный образъ жизни. «Забубенная головушка» и весельчакъ, остроумнѣйшій собесѣдникъ, сыпавшій въ разговорѣ риомованными фразами, составитель ѣдкихъ эпиграммъ, дебоширъ и проказникъ, онъ вѣчно имѣлъ всякія столкновенія и непріятности съ полиціей, которыя довольно легко сходили ему съ рукъ лишь благодаря покровительству со стороны та-

кихъ лицъ, какъ извѣстный писатель Н. Ѳ. Эминъ, генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій и оберъ-шталмейстеръ А. А. Нарышкинъ. Служилъ онъ мелкимъ чиновникомъ въ какомъ-то вѣдомствѣ. Какъ писатель, С. ограничивался долгое время составленіемъ эпиграммъ, остроумныхъ и ѣдкихъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, но въ началѣ девяностыхъ годовъ сталъ работать серьезнѣе, результатомъ чего явилось его первое болѣе крупное произведеніе—остроумная сатирическая комедія въ стихахъ: «Не знаешь, не ревнуй, а знаешь—такъ молчать», въ дѣйствующихъ лицахъ которой узнали себя нѣкоторые видные сановники, и по ихъ настоянію пьеса была запрещена. Но она ходила по рукамъ въ спискахъ, сдѣлалась популярной, а два стиха изъ нея, именно:—«За все, про все плати; честь, славу и ученье, все купишь съ молотка» и «Кто богатъ, тотъ въ мірѣ и капралъ»—одно время были ходячими фразами. Впослѣдствіи эта комедія была напечатана и нѣсколько разъ играна на сценѣ. Черезъ нѣкоторое время С. написалъ другую комедію-сатиру: «Неслыханное дѣло или честный секретарь», въ 3 дѣйств. Напечатать ее тогда по тѣмъ же причинамъ, какъ и первую, оказалось невозможнымъ, хотя она понравилась самой Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ этой пьесѣ бичевались главнымъ образомъ взяточничество и пристрастіе тогдашнихъ приказныхъ и полицейскихъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя эта комедія по приказанію великаго князя Павла Петровича, бывшаго о ней очень высокаго мнѣнія, была напечатана и многократно играна, самъ же С. получилъ хорошее мѣсто при удѣльномъ вѣдомствѣ. Позже С. служилъ при томъ же вѣдомствѣ въ Казани и при Императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ. Къ числу доотоинствъ произведеній С. принадлежитъ чистый, правильный, звучный и красивый для своего времени стихъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ едва ли могъ сравниться кто-либо изъ современныхъ ему поэтовъ.

Макаровъ, «Николай Родіоновичъ Судовщиковъ», «Репертуаръ и Пантеонъ», Спб., 1844, № 8, стр. 251—270.—А. В. Арсеньевъ, «Словарь писателей средняго и новаго періодовъ русской литературы, XVII—XIX в.», Спб., 1887, стр. 91. О комедіи «Неслыханное диво» см. также Галаховъ, «Исторія словесности».—«Справочный энциклопед. словарь» Крайя-Старчевскаго, т. 9, Спб., 1855 г., s. v.—«Энциклопедич. словарь» Брокгауза-Ефрона, полут. 31, s. v.

Судьенко, *Михаилъ Осиповичъ*, любитель-археографъ, предсѣдатель Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Оставшись круглымъ сиротой, мальчикъ въ 1804 г. былъ усыновленъ т. сов. Осипомъ Степановичемъ Судьенкомъ, а послѣ его смерти (1811 г.) воспитывался въ домѣ князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго; позже учился въ Пажескомъ корпусѣ, изъ котораго въ 1824 г. былъ выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-кирасирскій Ея Величества полкъ; въ январѣ 1829 г. онъ вышелъ въ отставку (съ чиномъ штабсъ-ротмистра) и поселился въ своемъ имѣніи Черниговской губерніи, гдѣ предался занятіямъ исторіей. Нѣсколько времени затѣмъ С. провелъ въ путешествіяхъ за границею, вернувшись откуда снова поселился въ имѣніи и въ 1835—1837 и 1838—1841 гг. былъ новгородъ-сѣверскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Помимо этого, С., обладавшій значительнымъ состояніемъ, былъ попечителемъ сперва Новгородъ-Сѣверской, а затѣмъ Черниговской гимназій. На устройство пансіона при послѣдней имъ была пожертвована въ 1838 г. значительная сумма (30 тыс. ассигнаціями); кромѣ того имъ были дѣлаемы большія пожертвованія въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, въ которой, какъ и въ Черниговской, много лицъ воспитывалось на его счетъ. Впослѣдствіи С. переселился въ Кіевъ, гдѣ близко сошелся съ М. В. Юзефовичемъ и генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ. Вслѣдствіе предложенія послѣдняго, С. принялъ на себя обязанности попечителя Бѣлоцерковской гимназіи, а потомъ—предсѣдателя временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при Кіевскомъ, Волынскомъ и Подольскомъ генералъ-губернаторѣ. Занимая этотъ постъ, С. предался научнымъ занятіямъ и собиранію разнаго ряда историческихъ документовъ. Его собраніе рукописей и книгъ принадлежало къ числу самыхъ лучшихъ частныхъ книгохранилищъ въ Россіи; часть принадлежавшихъ ему документовъ онъ сообщилъ Московскому обществу исторіи и древностей, а также и другимъ ученымъ обществамъ, членомъ коихъ состоялъ, все же громадное его собраніе рукописей поступило въ библіотеку университета св. Владиміра. За

время своего предсѣдательства въ Кіевской археографической комиссіи, С. способствовалъ выходу въ свѣтъ многихъ изданій комиссіи, между прочимъ—«Лѣтописи Величка» (Кіевъ, 1848—1855 гг.); кромѣ того онъ издалъ «Матеріалы для отечественной исторіи» (2 тома, Кіевъ, 1853—1855 гг.) и на свои средства работу А. Шафонскаго: «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе» (Кіевъ, 1851 г.). С. принималъ участіе и въ общественной дѣятельности; такъ, въ 1854 г. онъ сформировалъ съ значительными пожертвованіями съ своей стороны Новгородсѣверскую дружину, а особенно ярко выразилась его личность въ Черниговскомъ комитетѣ по освобожденію крестьянъ, гдѣ онъ выявилъ себя жаркимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землею. Въ послѣдніе годы своей жизни С. ослѣпъ, но твердо переносилъ свои страданія. По свидѣтельству знавшихъ его, С. обладалъ острымъ и серьезнымъ умомъ, соединяя въ себѣ съ этимъ необычайную твердость характера и стойкость убѣжденій: выработанные имъ взгляды никогда не подчинялись разсчету и всегда стояли въ строгомъ соотвѣтствіи долгу. Умеръ С. 8 сентября 1874 г.

А. Лазаревскій, «Украинскія историческія мелочи», т. I, Кіевъ, 1901 г., стр. 59 — 61. — «Кіевская Старина», 1882 т., т. I, стр. 196. — «Родословная книга Черниговскаго дворянства, составленная графомъ Милорадовичемъ», т. II, Спб., 1901 г., ч. VI, стр. 193. — «Кіевлянинъ», 1871 г., № 112.—А. Лазаревскій, «Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края», вып. I, Спб., 1858 г., стр. 91, 97.— Въ «Русскомъ Архивѣ» 1895 г. были напечатаны три письма Пушкина къ М. О. Судьенко.

В. Модзалевскій.

Суздальскіе и Суздальско-Нижегородскіе *удѣльные князья* свое имя получили отъ главныхъ центровъ въ ихъ княжествѣ—Суздаля и Нижняго-Новгорода. Относительно времени основанія Суздаля (нынѣ уѣзднаго города Владимірской губерніи) лѣтописи не даютъ никакихъ указаній; во всякомъ случаѣ онъ одно изъ древнѣйшихъ русскихъ поселеній и, безъ сомнѣнія, существовалъ уже въ концѣ X вѣка. Первое достовѣрное упоминаніе о немъ находимъ у Нестора подъ 1024 г.: «Въ се лѣто въсташа вълъсви въ Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наученью и бѣсованью». Слѣдующія два столѣтія Суздаль съ значительными прилегавшими къ нему землями былъ волостью сначала Кіевскихъ, потомъ Переяславскихъ, наконецъ Владимірскихъ князей. Въ 1237 г. онъ былъ сожженъ Батыемъ, а его окрестности разорены. Въ 1238 г., по уходѣ татаръ изъ сѣверо-восточной Руси, великимъ княземъ Владимірскимъ сталъ Ярославъ Всеволодовичъ, который въ томъ же году отдалъ Суздаль въ самостоятельный удѣлъ младшему брату своему *Святославу Всеволодовичу*. 1238 годъ такимъ образомъ можно считать началомъ существованія Суздальскаго удѣльнаго княжества. Святославъ прокняжилъ въ Суздалѣ только до 1246 г. включительно, когда (по смерти брата Ярослава) занялъ великокняжескій престолъ. Хотя за Святославомъ не удержался эпитетъ князя Суздальскаго, вытѣсненный его великокняжескимъ званіемъ (о Святославѣ Всеволодовичѣ см. томъ «Сабанѣевъ—Смысловъ», стр. 251—252), тѣмъ не менѣе онъ все же былъ первымъ княземъ въ Суздалѣ, и при установленіи порядка смѣны князей на этомъ столѣ съ него и слѣдуетъ начинать. Съ переходомъ Святослава въ Владиміръ Суздаль перешелъ къ его племяннику *Андрею Ярославичу* (второй князь въ Суздалѣ), которымъ этотъ удѣлъ былъ сохраненъ за собою и въ періодъ его кратковременнаго великокняженія. За нимъ слѣдовали въ порядкѣ времени его сыновья *Юрій*, *Михаилъ* и *Василій Андреевичи*, затѣмъ сынъ послѣдняго—*Александръ Васильевичъ*. При слѣдующемъ Суздальскомъ князѣ—*Константинѣ Васильевичѣ* (младшемъ сынѣ Василія Андреевича) удѣлъ значительно былъ расширенъ новыми землями,—къ нему были присоединены Нижній-Новгородъ, Городецъ, Юрьевецъ, Шуя и др., и даже резиденція князя на нѣкоторое время (съ 1350 г.) была перенесена въ Нижній-Новгородъ. Съ этой поры и все княжество стало называться Суздальско-Нижегородскимъ, а иногда Суздальско-Городецкимъ.

Нижній-Новгородъ основанъ въ 1221 г. княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ на мѣстѣ древняго болгарскаго поселка съ цѣлью защиты отъ мордвы и болгаръ. Находясь на слiяніи Волги и Оки, городъ скоро сталъ важнымъ торговымъ пунктомъ между Русью и азіатскими инородцами. Какъ крайній восточный пунктъ Владимірскаго

великаго княжества, онъ имѣлъ также важное стратегическое значеніе,—значеніе сторожевой твердыни. Въ 1238 г. онъ избѣжалъ повидимому татарскаго разгрома, но потомъ подвергался ему неоднократно. До сліянія его съ Суздальскимъ княжествомъ онъ находился во владѣніи великихъ князей Владимірскихъ.

Послѣ присоединенія къ Суздалю Нижняго-Новгорода и другихъ мѣстъ княжество самостоятельно просуществовало еще 42 года. Въ 1392 г. и Суздаль и Нижній-Новгородъ были присоединены къ великому княжеству Московскому. Съ этихъ поръ Суздаль уже никогда не подымался изъ подчиненнаго положенія, Нижній-Новгородъ же еще два раза (каждый разъ ненадолго) пріобрѣталъ значеніе самостоятельнаго княжества,—первый разъ въ 1412—1417 гг., когда князь *Данилъ Борисовичъ* при помощи Зелени-Салтана отнялъ городъ отъ Москвы, и второй разъ въ 1446—1450 гг., когда въ немъ княжили *Василій* и *Ѳедоръ Юрьевичи*, получившіе его отъ Василія Шемяки.

Такимъ образомъ, собственно Суздальское удѣльное княжество существовало 112 лѣтъ, а въ соединеніи съ Нижнимъ-Новгородомъ еще 42 года, всего свыше 150 лѣтъ. Князья его достигали значительнаго могущества, съ успѣхомъ боролись съ другими удѣльными князьями и только предъ усилившеюся Москвою должны были сложить оружіе. Отъ Суздальскихъ князей произошли шесть княжескихъ родовъ, всѣ уже давно угасшіе: въ XV колѣнѣ (отъ Рюрика) – князья *Ногтевы*, XVI колѣнѣ —*Шуйскіе*, XVII—*Горбатые-Шуйскіе* и *Глазатые-Шуйскіе*, XVIII—князья *Барбашины* и XIX—*Скопины-Шуйскіе*.

I. Родословныя: *а) Рукописныя*: въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, №№ 84/110 (1º, гл. 9); 174/280 (Fº, гл. 9); 187/296 («Родослови. книга о великихъ князехъ отъ Августа Кесаря Римскаго и о великихъ князехъ Великіе Россіи Московскаго государства и о удѣльныхъ князехъ», 4º); 222/383 («Родословецъ», 4º); 592/1094 («Родословецъ русскихъ великихъ князей.. и удѣльныхъ князей русскихъ»).—Въ Императорской Публичной библіотекѣ, отд. Q, IV, №№ 47, 102 и 272.—Тамъ же, въ отд. древнехранилища М. П. Погодина, №№ 1518 («Лѣствица великихъ государей и великихъ князей русскихъ») и 1604.—Въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, №№ 177, 178 и 179 (4о, гл. 11).—Въ библіотекѣ Императ. академіи наукъ, №№ 29 (4º, гл. 10), 31 (4º), 37 (Fº.)—*б) Изданныя*: «Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ» («Бархатная книга»), ч. II, М., 1787 г., гл. 8. — Т. Мальгинъ, «Зерцало россійскихъ государей», изд. 3-е, Спб., 1791 г.—М. Г. Спиридовъ, «Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ», М., 1810 г.—«Родословная книга великихъ и удѣльныхъ князей рода Рюрикова», въ «Запискахъ касательно Россійской исторіи», ч. V, Спб., 1793 г.—Митонъ, «Родословная владѣтельн. россійскихъ князей по росписямъ Н. М. Карамзина», Спб, 1821 г.—(Приписываемый Екатеринѣ II) «Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ рода Рюрикова», Спб., 1793 г.—«Родословная книга въ трехъ спискахъ, синодальному и двухъ другихъ», издан. «Времен. Импер. Московск. Общ. Истор. и Древност. Россійск.», кн. X, М., 1851 г.—П. Строевъ, «О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ», «Сынъ Отечества», 1844 г., ч. XIV и «Жизнь и труды П. М. Строева» —Н. Головинъ, «Родословная роспись потомковъ вел. кн. Рюрика», М., 1851 г.—П. Хавскій, «О родословныхъ росписяхъ потомства вел. кн. Рюрика», «Сѣверная Пчела», 1835 г., № 135.—Эрмеринъ, «Общій обзоръ родовъ, происшедшихъ отъ вел. кн. Рюрика».—И. Жанти, «Родословная царей и князей русскихъ... съ присоединеніемъ хронологическихъ таблицъ», Тифлисъ, 1888 г.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», 2 тт., Спб., 1854—1855 гг. — Кн. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», Спб., 1895 г.—П. Н. Петровъ, «Для немногихъ; спеціальныя замѣтки по генеалогіи, исторіи и искусству», Спб., 1871 г.—Его же, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885 г.—Гр. Бобринскій, «Русскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ», Спб., 1890 г.—П. Д. Хмыровъ, «Перечень князей Рюрикова дома».—«Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ», Спб., 1871 г.—В. Дурасовъ, «Родословная книга всероссійскаго дворянства», ч. I, Спб., 1906 г.

II. Лѣтописи и акты: «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», тт. I, II, IV—VIII, XV.—«Никоновская лѣтопись», т. III—V».—В. Татищевъ, «Исторія Россіи», т. IV.—«Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», т. I, №№ 41, 42, 62.—«Акты Историческіе», т. I, №№ 25, 28, 29, 38, 58.—«Нижегородскій лѣтописецъ», напеч. въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» Новикова, въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета», 1836 г., кн. II, стр. 126—157 и отд. изданъ А. С. Гациссимъ (лучшая редакція).—«Степенная книга», т. I, 66.—«Книга Большого Чертежа», изд. Г. И. Спасскимъ, М., 1846 г.

III. Пособія общаго характера. Н. М. Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», Спб., 1843 г., тт. IV—V.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I, по изд. т-ва «Обществен. Польза».—М. М. Щербатовъ, «Россійская исторія», т. II.—Исторіи Россіи Иловайскаго, Бестужева-Рюмина и др.—Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. II.—Проф. Сергѣе-

вичъ, «Лекціи по русскому праву», Спб., 1887 г. — А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ», 2 тт., Спб., 1891 т.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб., 1876 г.

IV. Сочиненія спеціальныя: а) О Суздалѣ: Ананій Ѳедоровъ, «О богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ», составл. въ 1770 г., напечат. въ «Древней Россійск. Вивліоѳикѣ» Новикова и во «Времен. Московск. Общ. Истор. и Древностей Россійскихъ», т. XXII.—Шагановъ, «О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ», «Нижегор. Губернск. Вѣдомости», 1847 г., № 40.—Его же, «Кидекша», ibid., 1847 г., № 68 (объ основаніи Суздаля).—Митроп. Евгеній, «Словарь истор. духовн. писателей», т. I, стр. 34 (о томъ же).—Кисленскій, «Исторія Суздаля и его древн.», Спб., 1848 г. и «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», 1848 г., прибавл., стр. 19—47.—Протопоповъ, «Суздаль отъ княженія вел. кн. Юрія Долгорукаго до нашествія татаръ», «Владимірск. Губернск. Вѣдом.», 1839 г., №№ 25, 26.—Его же, «Суздаль отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московскому княжеству», ibid., 1839 г., №№ 27, 30, 35—37.—Іеромонахъ Іоасафъ, «Суздальскія достопримѣчательности», ibid., 1839 г., №№ 3—13.—«О древнѣйшихъ княжескихъ лицахъ, похороненныхъ въ Суздальскомъ соборномъ храмѣ», ibid., 1842 г., № 29.—Гр. М. В. Толстой, «Путевыя замѣтки изъ древней Суздальской области», Спб., 1869 г.—Тихонравовъ, «Археологическія замѣтки о г. Суздалѣ и Шуѣ», «Записки Русск. Археологич. общества по отдѣл. русско-славянской археологіи», т. I, Спб., 1851 г.—«Князья Суздальско-Шуйскіе», «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» Калачова, кн. I.—А. Щекатовъ, «Географич. словарь Россійскаго государства», т. V, 1807, стр. 1237 (о Суздалѣ).—Семеновъ, «Географич.-статистическій словарь».—Н. Барсовъ, «Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи».—*б) О Нижнемъ-Новгородѣ:* П. И. Мельниковъ, «Историческія извѣстія о Нижнемъ Новгородѣ», «Отечеств. Записки», 1840 г., т. XI, № 7, и «Журналъ для чтенія воспитан. военно-учебн. заведеній», 1840 г., т. 27, №№ 106, 107.—Его же, «Нижегородское великое княжество», «Нижегор. Губ. Вѣдом.», 1847 г., № 4, стр. 13—15; № 5, стр. 17—19; № 6, стр. 21 — 22; № 7, стр. 25 — 27; № 8, стр. 29—30.—Его же, «Исторія Нижняго-Новгорода до 1350», ibid., 1847 г., №№ 2, 3.—Имъ же сообщена «Легенда о возникновеніи Нижняго-Новгорода», ibid., 1845 г., № 3 и 1847 г., № 7.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго-Новгорода», 2 тт., Н.-Новгор., 1857 г. — Ив. Гурьяновъ, «Историческое обозрѣніе Нижняго-Новгорода», М., 1824 г.—«Основаніе Нижняго-Новгорода», «Журн. для чтенія воспит. военно-учебн. заведеній», 1848 г., т. 74, № 291. — Духовскій, «Взглядъ на событія, совершившіяся въ теченіе шести вѣковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», «Казанскій Вѣстникъ», 1826 г., ч. 18, кн. 9, стр. 15—34.—«Исторія событій, случившихся въ Нижнемъ-Новгородѣ, отъ 1462 до 1600 г.», «Нижегор. Губ. Вѣд.», 1846 г., №№ 50 — 52, 54—57.—Перетятковичъ, «Поволжье въ XV и XVI вв.» («Очерки изъ исторіи края и его колонизаціи»).—Амвросій, «Исторія россійской іерархіи», V, стр. 164.—Добротворскій, «Описаніе Нижегородскаго Печерскаго монастыря».—«Родословная таблица Нижегородскихъ великихъ князей», «Памятная книжка Нижегородской губ. на 1895 г.»—Хвольсонъ, «Ибнъ-Даста», стр. 188.—Н. Шигановъ, «Для исторіи Горбатова», «Нижегор. Губ. Вѣдом.», 1847 г., № 68.

1. *Александръ Васильевичъ*, старшій сынъ Василія Андреевича (7), шестой князь на суздальскомъ столѣ, который онъ получилъ въ 1309 г., послѣ смерти отца, тѣмъ не менѣе впервые упоминается В. А. только въ 1327 г., когда онъ вмѣстѣ съ другими русскими князьями, подъ началомъ Ивана Калиты, ходилъ на Тверь съ цѣлью наказать тверского князя Александра Михайловича и жителей Твери за то, что послѣдніе истребили татарскій отрядъ и его начальника Шевкала (Щелкана-Дудентьевича). Александръ Михайловичъ бѣжалъ во Псковъ, гдѣ былъ избранъ княземъ, но Калита не оставилъ его и тамъ въ покоѣ и въ 1329 г. предпринялъ походъ на пріютившій этого князя городъ. Въ этомъ походѣ опять-таки участвовалъ и А. В. Отъ брака съ неизвѣстной имѣлъ дочь *Анастасію*, бывшую второю женою тверского князя Бориса Александровича.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 74; т. IV, стр. 51, 53; т. V, стр. 218, 220; т. VII, стр. 200, 201, 203; т. XV, стр. 417. Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 138, 151, 160.—„Степен. книга", т. I, стр. 66.—Амвросій, „Исторія россійск. іерархіи", т. V, стр. 164.—Добротворскій, „Описаніе Нижегородскаго Печерскаго монастыря".—П. И. Мельниковъ, „Нижегородское великое княжество", „Нижегор. Губ. Вѣдом.", 1847 г., №№ 3, 4. — Н. Храмцовскій, „Краткій очеркъ исторіи Нижн.-Новгорода", Н.-Новг., 1857 г., ч. I.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.", изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. V, стр. 349. — С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. I, стр. 922, 951, прим. 1. — А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси", т. II, Спб., 1891 г., стр. 269, 388, 398—400, 478, 511. — В. С. Ворзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества", Спб. 1876 г., стр. 125.

2. *Александръ Даніиловичъ*, прозваніемъ *Взметень*, единственный сынъ Даніила Борисовича (10), упоминается въ лѣтописяхъ только однажды, по случаю женитьбы его въ 1419 г. на вдовѣ Але-

ксандра Ивановича Брюхатаго (3), Василисѣ Васильевнѣ. Потомства онъ не имѣлъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. V, стр. 261; т. VIII, стр. 90.—Никоновск. лѣт., т. V, стр. 73.—П. И. Мельниковъ, „Утвари въ селѣ Медвѣдевѣ", „Нижегор. Губ. Вѣдом.", 1846 г., № 46.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.", т. V, прим. 254.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 433, 435, 441.

3. *Александръ Ивановичъ*, прозваніемъ *Брюхатый*, единственный сынъ, по однѣмъ родословнымъ, Ивана Васильевича (15), а по другимъ—Ивана Борисовича (14), что болѣе вѣроятно, такъ какъ находитъ подтвержденіе въ оффиціальныхъ документахъ. Извѣстія о немъ довольно скудны. До 1414 г. онъ былъ заодно съ Суздальско-Нижегородскими князьями Даніиломъ (10) и Иваномъ (14) Борисовичами, Василіемъ Семеновичемъ (9) и Иваномъ Васильевичемъ (15), боровшимися противъ Москвы за обладаніе Н.-Новгородомъ, когда же въ этомъ году братъ великаго князя Юрій Димитріевичъ названныхъ князей выгналъ изъ Нижняго, оттѣснивъ ихъ за р. Суру, А. И. поспѣшилъ примириться съ великимъ княземъ, а нѣсколько позже даже породнился съ нимъ, женившись въ 1418 г. на дочери его Василисѣ. Въ видѣ приданаго онъ получилъ Нижній Новгородъ и писался великимъ княземъ, хотя княженіе его находилось, конечно, въ полной зависимости отъ Москвы. Прокняжилъ онъ недолго, такъ какъ въ концѣ того же 1418 г. скончался, оставивъ единственнаго сына *Семена*, который потомства не имѣлъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 235; т. V, стр. 261; т. VI, стр. 140; т. VIII, стр. 88, 90; т. XV, стр. 487.—Никоновск. лѣтоп., т. V, стр. 67, 73.—„Нижегородск. лѣтописецъ", изд. А. С. Гацисскимъ.—„Акты Историческіе", т. I, №№ 25, 38, 58.—„Акты Археографич. экспедиц.", т. I, № 17.—„Собраніе Госуд. Грамотъ и Договор.", т. I, №№ 41, 42.—П. И. Мельниковъ, «Утвари въ селѣ Медвѣдевѣ», „Нижегор. Губ. Вѣд.", 1846 г., № 46.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода», Н.-Новг., 1857 г., ч. I.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 76; прим. 146, 254, 282.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 422, 431, 434—438, 441, 442.

4. *Андрей Константиновичъ*, старшій сынъ Константина Васильевича (17), восьмой князь Суздальско-Нижегородскій, родился не позже 1329 г., впервые же въ лѣтописяхъ упоминается только подъ 1355 г., когда умеръ его отецъ, и А. К. въ ту же зиму отправился къ хану Чанибеку: «и чествоваше его царь, и пожаловa его, и даде ему столъ отца его, княжение Суздальское и Нижнии Новгородъ и Городецъ». Изъ орды А. К. возвратился «съ честію и пожалованіемъ» лѣтомъ 1356 г.; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого между нимъ и великимъ княземъ московскимъ Иваномъ Ивановичемъ произошло въ Переяславлѣ свиданіе, о цѣляхъ котораго, въ виду умолчанія лѣтописей объ этомъ, можно только догадываться. А. К., характеромъ мягкій и миролюбивый, не желая продолжать распрей изъ-за великокняжескаго стола, такъ ревностно оспаривавшагося его отцомъ, первый, повидимому, сдѣлалъ нѣкоторые шаги къ примиренію съ Московскимъ княземъ, въ пользу послѣдняго отказался отъ всякихъ притязаній на великое княженіе, и упомянутое свиданіе для того, какъ кажется, и состоялось, чтобы этотъ отказъ оформить. Извѣстно, что Московскій князь щедро одарилъ «молодшаго брата», т. е. А. К., и «отпустилъ его съ миромъ». Подъ 1359 г. лѣтописи отмѣчаютъ А. К. пребывающимъ въ ордѣ, гдѣ въ это время происходили смуты—дворцовые перевороты и ханоубійства слѣдовали непрерывнымъ рядомъ. Бранныя времена въ ордѣ чуть было не захватили и А. К. въ число своихъ жертвъ, что явствуетъ изъ словъ лѣтописи: «.... едва упасе его Богъ отъ горькія смерти отъ рукъ поганыхъ». Когда ханскій престолъ ненадолго занялъ одинъ изъ многочисленныхъ претендентовъ на него, Нарбусъ, всѣ русскіе князья въ томъ же 1359 г. ѣздили въ орду съ дарами и поклономъ новому хану; среди нихъ былъ и А. К. Около этого времени умеръ Московскій князь Иванъ Ивановичъ, и въ связи съ этимъ возникъ вопросъ о томъ, кому сидѣть на великокняжескомъ столѣ, ибо сынъ умершаго, Димитрій (Донской), былъ еще ребенокъ. Великокняжескій Владимірскій престолъ ханъ предложилъ А. К., однако онъ «по то не поялся», т. е. отъ предложенной чести отказался, при томъ не изъ скромности, какъ склонны предполагать многіе историки, а вѣроятнѣе изъ простого разсчета: принявъ даръ, ему пришлось бы за него вести ожесточенную борьбу съ другими князьями, и прежде всего съ Москвою,

мѣряться съ которою для него было, разумѣется, не подъ силу. Эти вполнѣ вѣроятныя соображенія находятъ нѣкоторое подтвержденіе и въ словахъ, которыя Татищевъ, неизвѣстно откуда ихъ почерпнувшій, влагаетъ въ уста А. К.: «Доискиваться ярлыка (на великое княженіе)—потратить только деньги, а потомъ, когда вырастетъ Димитрій, то надобно будетъ воевать съ нимъ, при томъ должно нарушить клятву, данную его отцу». Какъ извѣстно, великокняжескій престолъ послѣ отказа А. К. достался его младшему брату, Дмитрію Константиновичу (12), который менѣе чѣмъ черезъ два года на опытѣ убѣдился въ справедливости опасеній А. К.

Въ 1360 г. А. К. участвовалъ въ съѣздѣ князей, состоявшемся въ Костромѣ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ отвѣтить на требованіе хана о выдачѣ новгородскихъ разбойниковъ, «ушкуйниковъ», на которыхъ въ ордѣ жаловались жукотинскіе князья. Надобно думать, что А. К. присоединился къ общему мнѣнію, въ смыслѣ удовлетворенія требованія. Наряду съ другими русскими князьями А. К. въ 1361 г. отправился въ орду представиться новому хану Хидырю и попалъ туда какъ разъ въ то время, когда тамъ происходила новая «замятня»—Хидырь былъ убитъ старшимъ сыномъ, Темиръ-Хоземъ, въ свою очередь тоже скоро убитымъ. Русскіе князья поспѣшили удалиться. На обратномъ пути изъ орды на А. К. напалъ какой-то татарскій князь Рятякозь, отбитый только съ большимъ трудомъ.

Въ 1364 г. А. К., чувствуя силъ своихъ умаленіе, постригся, а 2 іюня 1365 г. скончался, предъ смертью принявъ схиму, и погребенъ въ нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. О его характерѣ лѣтописи отзываются въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, называя его—кроткимъ, смиреннымъ, тихимъ, «зѣло духовнымъ» и многодобродѣтельнымъ. Онъ былъ женатъ, по однимъ даннымъ, на нѣкоей Анастасіи, происхожденіемъ намъ неизвѣстной, а по другимъ—на дочери творитянина Ивана Кіасовскаго, Василисѣ, но потомства не оставилъ. Еще при жизни А. К. далъ удѣлы и двумъ младшимъ братьямъ: Димитрію (12)—Суздаль, а Борису (6)—Городецъ съ Поволжьемъ, и только третьяго изъ нихъ, Димитрія-младшаго (13), прозвищемъ *Ноготь*, оставилъ безъ особой волости.

Полн. Собраніе Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 231; т. IV, стр. 4—6, 63—65; т. V, стр. 228—230; т. VIII, стр. 10—11, 13.—Никоновск. лѣт., т. III, стр. 205, 207, 212—218; т. IV, стр. 7—8, 18, 78—79.—Архангелогородск. лѣт. подъ 1360 г.—„Степенная книга“, т. I, стр. 486.—„Временникъ“ П. М. Строева, т. I, стр. 336.—М. Д. Хмыровъ, „Перечень князей Рюрикова дома“, №№ 72, 328.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, родосл. таблица кн. Суздальскихъ.—Татищевъ, „Россійская исторія“, т. IV, 188.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 174, 181, 183; прим. 376, 396; т. V, стр. 3, 4; пр. 1, 4, 114, 137.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т ва „Обществ. Польза“, кн. I, стр. 956, 959.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 41, 49, 50, 104, 182, 344, 388, 403—409, 417, 423, 424.—Н. Храмцовскій, „Краткій очеркъ исторіи Н.-Новгорода“, Н.-Новгор., 1857 г., ч. I.—П. И. Мельниковъ, „Нижегородское великое княжество“, „Нижег. Губ. Вѣд.“, 1847 г., №№ 4—8.—Его-же, „Исторія Нижняго Новгорода“, тамъ же, 1845 г. №№ 2 и 3.—„Нижегородскій лѣтописецъ“ А. С. Гацисскаго.

5. *Андрей Ярославичъ*, второй князь Суздальскій, съ 1248 г. великій князь Владимірскій (о немъ см. отдѣльно).

6. *Борисъ Константиновичъ*, третій сынъ Константина Васильевича (17), десятый князь Суздальскій, князь Нижегородскій и Городецкій, родился около 1335 г., но въ лѣтописяхъ первый разъ встрѣчается только въ 1354 г., по поводу его женитьбы на дочери великаго князя литовскаго Ольгерда. Въ слѣдующемъ году умеръ отецъ Б. К., передъ смертью назначивъ дѣтямъ своимъ особые удѣлы: старшему сыну, Андрею (4), онъ далъ Н.-Новгородъ, Дмитрію (12)—Суздаль, Б. К.—Городецъ. Десять лѣтъ спустя умеръ и Андрей, не оставивъ потомства. Его удѣлъ по тогдашнему праву наслѣдованія долженъ былъ перейти къ Дмитрію, но Б. К. предупредилъ послѣдняго—самовольно засѣлъ въ Нижнемъ и даже не пустилъ брата въѣхать въ городъ, когда тотъ хотѣлъ осуществить свои права. Въ нуждѣ Дмитрій обратился къ помощи вел. кн. Дмитрія Ивановича (Донского), который уговаривалъ братьевъ мирно подѣлиться, но Б. К. совѣта не послушался. Тогда Московскій князь послалъ къ нему преподобнаго Сергія (Радонежскаго) звать его на судъ въ Москву, на что Б. К. отвѣтилъ, по словамъ лѣто-

писи—«Князей судить только Богъ», т. е. отъ суда отказался и въ Москву, конечно, не поѣхалъ. По настоянію митрополита и Димитрія Ивановича, Сергій примѣнилъ рѣзкую мѣру — затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, но и это не помогло. Когда же, наконецъ, всѣ мирныя средства были исчерпаны, Московскій князь прибѣгнулъ къ болѣе дѣйствительному—послалъ свои полки на помощь Дмитрію, и послѣдній, присоединивъ къ нимъ и свою довольно значительную рать, въ 1365 г. подошелъ къ Нижнему-Новгороду. Не надѣясь на успѣшность сопротивленія, Б. К. вышелъ брату навстрѣчу и запросилъ мира, отступаясь отъ Нижняго. Миръ былъ данъ, и Б. К. снова поселился въ своемъ Городцѣ. Съ тѣхъ поръ онъ ни разу не нарушилъ установившагося между нимъ и братомъ согласія и въ этомъ отношеніи является рѣдкимъ и отраднымъ исключеніемъ на фонѣ тогдашней исторической жизни, когда нарушеніе заключенныхъ договоровъ, сложеніе крестныхъ цѣлованій и пр. были общимъ явленіемъ. Какъ брату Дмитрію, такъ и вел. кн. Московскому онъ всегда оставался вѣрнымъ союзникомъ: въ 1367 г. вмѣстѣ съ братомъ боролся противъ монгольскаго мурзы Булатъ-Темира, грабившаго нижегородскія земли; соединенными силами князья разбили татаръ и прогнали ихъ за р. Пояну; въ 1370 г., по требованію брата, онъ ходилъ на болгарскаго царя Асана, который сдался безъ битвы и былъ смѣщенъ съ престола; далѣе, въ 1375 г. Б. К. помогалъ Димитрію Ивановичу въ борьбѣ его съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ; наконецъ, въ 1377 г. Б. К. разбилъ и жестоко наказалъ мордву, сжегшую Нижній-Новгородъ и ограбившую удѣлъ Дмитрія, который самъ въ то время былъ безсиленъ, такъ какъ незадолго до того его полки были разгромлены у р. Пьяны ордынскимъ выходцемъ Арапшею.

Въ 1383 г. умеръ Дмитрій Константиновичъ, и вслѣдъ за этимъ возникъ вопросъ, кому долженъ достаться главный въ Суздальскомъ княжествѣ удѣлъ, Нижній-Новгородъ, его ли дѣтямъ или же Б. К., какъ слѣдующему брату скончавшагося. Б. К., находившійся въ это время въ ордѣ у Тохтамыша, повелъ предъ послѣднимъ энергичныя хлопоты и успѣлъ у него выпросить себѣ ярлыкъ на Нижегородскій удѣлъ. Сыновья же Дмитрія, Семенъ (20) и Василій (8) Кирдяпа, принуждены были тѣмъ самымъ довольствоваться Суздалемъ. Этимъ они остались, конечно, недовольны, и въ 1387 г., когда возвратился изъ орды младшій изъ нихъ, Василій, державшійся тамъ съ 1382 г. въ качествѣ заложника, братья начали борьбу съ Б. К. за Нижній и даже за Городецъ, на который получилъ ярлыкъ отъ хана Василій. Такъ какъ имъ помогалъ Московскій князь, то Б. К. принужденъ былъ уступить силѣ, отступился отъ Нижняго и вновь поселился въ Городцѣ, который получилъ по заключенному съ племянниками договору. Считая свои права на Нижегородскій удѣлъ несомнѣнными, Б. К. не терялъ надежды возвратить его себѣ и ждалъ только удобнаго случая. Такой случай представился въ 1389 г., когда умеръ Димитрій Донской, въ которомъ племянники Б. К. находили сильную поддержку. Б. К. тотчасъ отправился въ орду хлопотать о ярлыкѣ. Не заставъ въ ордѣ Тохтамыша, отправившагося къ границамъ Персіи воевать съ Тамерланомъ, онъ нагналъ его въ пути, долгое время странствовалъ съ нимъ, наконецъ добился желаемаго и въ 1390 г. вернулся въ Нижній. Но и въ этотъ разъ княженіе Б. К. въ Нижнемъ продолжалось недолго. Въ 1393 г. Московскій князь Василій Димитріевичъ поѣхалъ въ орду «со многою честію и дары», «умздилъ» тамъ всѣхъ ханскихъ вельможъ и самого хана въ особенности и вмѣстѣ съ другими удѣлами получилъ ярлыкъ и на княжество Нижегородское. Въ томъ же году, возвратившись изъ орды, онъ отправилъ въ Нижній-Новгородъ пословъ, которымъ нижегородскіе бояре, не любившіе, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, Б. К. или, что вѣроятнѣе, понимавшіе, на чьей сторонѣ сила и успѣхъ,—предали городъ, а народу объявили, что онъ теперь принадлежитъ Московскому князю. Черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ въ Нижній и Василій Димитріевичъ, схватилъ Б. К., его жену и дѣтей, заключилъ ихъ въ оковы и развелъ ихъ по разнымъ городамъ, а въ Нижнемъ посадилъ своихъ намѣстниковъ. Съ этихъ поръ прекратилась самостоятельность Нижегородскаго княжества, ставшаго владѣніемъ московскихъ князей.

Скончался Б. К. Въ Суздалѣ, по однимъ

извѣстіямъ въ 1393 г., по другимъ — 12 мая 1394 г.; тѣло его погребено въ суздальскомъ Рождественско-Богородицкомъ соборѣ; позже его прахъ былъ перенесенъ въ городецкій Михайловскій соборъ. Какъ упомянуто выше, онъ былъ женатъ на дочери литовскаго князя Ольгерда, Маріи, и отъ брака съ нею имѣлъ двухъ сыновей—*Даніила* (10) и *Ивана* (14) прозваніемъ *Тугой Лукъ*. Б. К. извѣстенъ еще какъ строитель: въ 1372 г., въ видѣ оплота отъ набѣговъ мордвы, черемисъ и татаръ, онъ основалъ на р. Сурѣ городъ. Курмышъ (нынѣ уѣздный городъ въ Симбирской губ.), а въ 1369 г. поставилъ въ Нижнемъ соборную церковь во имя Архангела Михаила.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр., 62, 65, 95, 99; т. V, стр. 228, 230, 242, 245; т. VI, стр. 122—124; т. VIII, стр. 9, 13—14, 16—17, 26, 48—50, 52, 60—62, 64; т. XV, стр. 446.—Никоновск. лѣтоп., т. III, стр 204; т. IV, стр. 9—10, 17, 23—24, 34, 42—44, 54—56, 138, 142—143, 149, 191, 202, 293—241, 254.—«Нижегородскій лѣтописецъ» изд. А. С. Гацискимъ.—«Историческое собраніе о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ», Ананія Ѳедорова, «Времен. Московск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», т. XXII.—Протопоповъ, «Историческій очеркъ г. Суздаля», «Владим. Губернскія Вѣдом.», 1839 г., №№ 25—37.—Кисленскій, «Исторія Суздаля и его древности», Спб. 1848 г.—Тихоправовъ, «Археологическія замѣтки о г. Суздалѣ и Шуѣ», «Записки Русск. Археологич. общ. по отдѣл. русско-славянск. археологіи», т. I, Спб., 1851 г.—Тагановъ, «О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ», «Нижегородск. Губ. Вѣдом.», 1847 г., № 40.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. I, № 12.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода», Н.-Новгор., 1857 г.—Л. И. Мельниковъ, «Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ», «Отечеств. Записки», 1842 г., т. XI, отд. I.—Его же, «Нижегородское великое княжество», «Нижегор. Губ. Вѣд.», 1847 г., №№ 6 и 7.—Духовскій, «Взглядъ на событія, совершившіяся въ теченіе шести вѣковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», «Казанскій Вѣстникъ», 1826 г., кн. 9.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IV, стр. 174; прим. 377; т. V, стр. 4, 6, 21, 24, 27, 57, 62, 71, 74—76, 118; прим. 4, 33, 39, 114, 122, 137, 138, 141 145.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 959, 960, 973, 974, 976, 985, 1009—1011.—«О древнѣйшихъ княжескихъ лицахъ, погребенныхъ въ Суздальскомъ соборномъ храмѣ», «Владим. Губернск. Вѣдом.», 1842 г.,, № 29.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 59, 223, 225, 308, 344, 397, 403, 404, 409—412, 414—429, 431, 434—437, 440, 443, 482, 544.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб., 1876 стр. г. 159.—«Энциклопед. словарь» Брокгауза-Ефрона, полут. 7, стр. 413.

7. *Василій Андреевичъ*, третій сынъ Андрея Ярославича (5), пятый князь въ Суздалѣ, которымъ владѣлъ три или четыре года, такъ какъ унаслѣдовалъ его не ранѣе 1306—1307 г., когда умеръ братъ В. А., Михаилъ (8), а въ 1309 г. скончался и самъ В. А.; онъ и упоминается только по поводу своей кончины, именно въ Никоновской лѣтописи, которая извѣстія о немъ явно перепутываетъ, считая его прямымъ потомкомъ не Андрея Ярославича (5), а его брата—Александра Невскаго. Отъ брака съ неизвѣстной имѣлъ двухъ сыновей—*Александра* (1) и *Константина* (17).

Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 105 (ошибочно названъ Михайловичемъ).—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 388—390, 397—399.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійск.», т. IV, стр. 247, 263.—Нижегородская лѣтоп., изд. Гацискимъ.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижн.-Новгорода», ч. I, гл. 1.—«Энциклопедич. словарь», Брокгауза-Ефрона, полут. 10, Спб., 1892 г., стр. 594.

8. *Василій Дмитріевичъ*, прозваніемъ *Кирдяпа*, старшій сынъ Дмитрія Константиновича (12), князь Суздальскій и Городецкій, родился около 1350 г. На политическое поприще онъ выступилъ рано, именно въ 1365 г. Выступленіе это стояло въ связи съ борьбой за Нижегородское княжество между отцомъ В. Д. и его дядей, Борисомъ Константиновичемъ (6), который самовольно занялъ Нижній-Новгородъ помимо старшаго брата. По порученію отца, В. Д. въ этомъ 1365 г. вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ (20) ѣздилъ для переговоровъ къ дядѣ, но тотъ не пустилъ его къ себѣ; тогда В. Д. отправился въ орду, откуда вскорѣ возвратился съ ханскимъ посломъ и, главное, съ ярлыкомъ для отца на великое княженіе Владимірское, отъ котораго Дмитрій Константиновичъ, впрочемъ, добровольно отказался въ пользу московскаго князя, чѣмъ обезпечилъ себѣ поддержку послѣдняго въ борьбѣ съ Борисомъ. Когда Борисъ былъ сломленъ и Дмитрій Константиновичъ сѣлъ въ Нижнемъ, В. Д. получилъ Суздаль, въ которомъ княжилъ до 1382 г. За это время о немъ сохранились немногочисленныя свѣдѣнія: въ 1367 г. онъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ и дядей Борисомъ въ походѣ на ордынскаго выходца Булатъ-

Темира, въ 1370 г. только съ дядей ходилъ на болгарскаго царя Асана и, наконецъ, въ 1376 г. съ братомъ Иваномъ (16) водилъ соединенную рать нижегородскую и московскую опять на болгаръ, которыхъ подъ Казанью разбилъ, обложилъ данью и взялъ съ нихъ единовременный выкупъ въ размѣрѣ 5.000 руб. Есть извѣстіе, что В. Д. принадлежитъ иниціатива происшедшаго въ 1374 г. въ Нижнемъ избіенія татарскаго посла Сарайки и его свиты, однако достовѣрность его сомнительна. Въ трагической битвѣ съ татарами на р. Пьянѣ В. Д. не участвовалъ, находясь въ это время въ Суздалѣ; получивъ же вѣсть о пораженіи русскихъ и о гибели брата Ивана, онъ отправился къ мѣсту битвы и тамъ отыскалъ тѣло брата, которое привезъ въ Нижній и предалъ землѣ.

Въ 1382 г. на Русь и въ частности на Москву надвинулась гроза въ лицѣ Тохтамыша. В. Д. отцомъ, желавшимъ отклонить отъ Суздальско-Нижегородскаго княжества новый разгромъ, былъ посланъ съ дарами навстрѣчу хану. Когда москвичи отказались отворить предъ Тохтамышемъ городскія ворота, В. Д. и братъ его Семенъ вступили съ осажденными въ переговоры, причемъ клялись имъ въ отсутствіи злыхъ намѣреній у хана, добросовѣстно, повидимому, будучи убѣждены въ этомъ. Однако, какъ оказалось, они заблуждались—ханъ, достигнувъ цѣли, вѣроломно нарушилъ обѣщаніе не убивать и не грабить, и В. Д. съ братомъ являются, такимъ образомъ, косвенною причиною, хотя бы и невольною, произошедшей въ Москвѣ рѣзни. Изъ-подъ Москвы Тохтамышъ взялъ В. Д. съ собою въ орду въ качествѣ заложника, аманата. Тамъ онъ томился до 1386 г., когда, не будучи въ силахъ долѣе выдерживать неволю, бѣжалъ, но на дорогѣ былъ пойманъ и вновь доставленъ въ орду, гдѣ за свою попытку принялъ отъ хана «истому велію». Однако вскорѣ онъ успѣлъ чѣмъ-то умилостивить Тохту и въ 1387 г. былъ отпущенъ на Русь, причемъ получилъ даже ярлыкъ на Городецъ.

Возвратившись на Русь, В. Д. нашелъ, что владѣть Городцомъ ему обидно, и сталъ домогаться Нижняго-Новгорода, въ которомъ сидѣлъ его дядя Борисъ Константиновичъ. Въ союзѣ съ братомъ Семеномъ онъ собралъ суздальскіе, городецкіе полки, выпросилъ помощь у Димитрія Ивановича Донского и подступилъ въ Нижнему, подъ которымъ простоялъ восемь дней, и принудилъ дядю къ сдачѣ. Однако В. Д. владѣлъ Нижнимъ-Новгородомъ недолго, такъ какъ въ 1389 г. онъ, по ханскому ярлыку, снова перешелъ къ Борису, а нѣсколько позже, въ 1393 г., былъ присоединенъ къ Москвѣ вел. кн. Василіемъ Димитріевичемъ (сыномъ Донского), который, не довольствуясь этимъ, пошелъ на Суздаль, гдѣ снова княжилъ В. Д. вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ. По даннымъ Татищевскаго свода, Московскій князь вывелъ братьевъ изъ Суздаля и далъ имъ Шую, чѣмъ они, какъ старшіе въ родѣ Суздальско-Нижегородскихъ князей, остались крайне недовольны и въ 1394 г. «побѣжали» въ орду добиваться своей вотчины,—полагать надо, не Суздаля, а Нижняго. Великій князь послалъ за ними погоню, но братья ускользнули отъ нея. Съ этихъ поръ вплоть до самой кончины В. Д. болѣе въ лѣтописяхъ не упоминается. Надо думать, что онъ помирился съ Московскимъ княземъ, конечно, на всей волѣ послѣдняго, причемъ, вѣроятно, получилъ Городецъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ немъ онъ скончался, именно въ 1403 г.; тѣло его предано землѣ въ нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. Отъ брака съ неизвѣстной онъ имѣлъ четырехъ сыновей: *Ивана* (15), *Юрія* (22), *Ѳедора* (23) и *Данiила* (11), черезъ которыхъ считается родоначальникомъ князей *Шуйскихъ* старшей вѣтви.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 84, 86—87, 89,95, 107, 145; т. V, стр. 242, 253; т. VI, стр. 98, 100—101, 103, 124, 132; т. VIII, стр. 13—14, 17, 24, 26, 42—43, 45, 47, 50, 52, 64.—Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 8—10, 17, 24, 47—48, 53, 132, 135—137, 149, 155—156, 254, 256, 307.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 375.—„Нижегородскій лѣтописецъ“, изд. А. С. Гацискимъ.—Д. Кисленскій, „Исторія Суздаля и его древности“, „Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ.“, 1848 г., прибавл., стр. 12—47.—Протопоповъ, „Суздаль отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московскому княжеству“, „Владим. Губернск. Вѣдом.“, 1859 г., №№ 35—37.—„Князья Суздальско-Шуйскіе“, „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачова, т. I.—Тихонравовъ, „Археологическія замѣтки о г. Суздалѣ и Шуѣ“, „Записки Русск. Археологич. общ. по отдѣл. русско-славянск. археологіи“, т. I, Спб., 1851 г.—П. Мельниковъ, „Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ“, „Отечеств. Записки“, 1840 г., т. XI, № 7.—Н. Храмцовскій, „Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода“, Н.-Новгор., 1857 г.,

т. I.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго", изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. V, стр. 4, 24, 27, 45, 47, 57, 76; прим. 4, 31, 44, 90, 98, 114, 137, 144—146; т. XII, прим. 1.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. I, стр. 973, 974, 982, 983, 1010, 1011, 1012.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси", т. II, Спб., 1891 г., стр. 223, 225, 245, 251, 323, 390, 409—417, 419, 420, 423—432, 434—440.

9. *Василій Семеновичъ*, единственный сынъ Семена Дмитріевича (20),—о немъ извѣстно только, что онъ владѣлъ Шуей и что вмѣстѣ съ Даніиломъ (10) и Иваномъ (14) Борисовичами находился въ Н.-Новгородѣ въ 1414 г., когда ихъ всѣхъ вытѣснилъ оттуда братъ великаго князя, Юрій Дмитріевичъ. Изъ шести безудѣльныхъ сыновей его старшій, *Александръ*, прозваніемъ *Глазатый*, далъ начало угасшему роду князей *Шуйскихъ-Глазатыхъ*, а отъ третьяго сына Александра, *Ивана Барбаши*, произошли князья *Шуйскіе-Барбашины*. Другой сынъ В. С., *Иванъ*, прозваніемъ *Горбатый*, считается родоначальникомъ также угасшихъ князей *Шуйскихъ-Горбатыхъ*. Изъ остальныхъ дѣтей В. С. слѣдуетъ отмѣтить еще *Андрея*, прозвищемъ *Лугвицу*, павшаго въ бою у Суходрова, и *Василія*, прозваннаго *Гребенкой*, бывшаго княземъ и воеводой во Псковѣ и Новгородѣ Великомъ безъ согласія Москвы и затѣмъ въ 1477 г. перешедшаго на службу къ Іоанну III.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. XV, стр. 487.—„Собр. Госуд. Грам. и Догов.", т. II (договоръ дѣтей В. С. съ Василіемъ Темнымъ).—Н. Шигановъ, „Для исторіи Горбатова", „Нижегородск. Губернск. Вѣд.", 1847 г., № 68.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 225, 430, 438, 440, 441.

10. *Даніилъ Борисовичъ*, старшій сынъ Бориса Константиновича (6), родился ранѣе 1370 г., вѣроятно въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ первый разъ упоминается подъ 1392 г., притомъ безъименно: въ этомъ году великій князь Московскій отнялъ у Бориса Константиновича Нижній-Новгородъ, а его самого, жену и *дѣтей* захватилъ въ плѣнъ и развелъ по разнымъ городамъ. Освободившись изъ неволи—когда именно, неизвѣстно,—Д. Б. жилъ сначала въ ордѣ, потомъ у казанскихъ татаръ, въ Болгаріи. Это скитаніе по чужимъ землямъ свидѣтельствуетъ, что изъ неволи онъ, вѣроятно, бѣжалъ. Изъ Болгаріи Д. Б., старшій между наличными суздальско-нижегородскими князьями, или, какъ называютъ его лѣтописи, «отчичъ Нижняго-Новгорода», пытался вырвать свою отчину изъ рукъ Московскаго князя Василія Димитріевича. Въ 1411 г. онъ и его братъ Иванъ (14) съ болгарскими, жукотинскими и мордовскими князьями подошли къ Нижнему и обложили его. Узнавъ объ этомъ, Московскій князь на выручку осажденнымъ послалъ своего сына Петра, которому далъ ростовскіе и ярославскіе полки. Противники встрѣтились 15 января при с. Лысковѣ. «Бысть межи ими сѣча зла», изъ которой Д. Б. вышелъ побѣдителемъ, но не совсѣмъ ясно, сумѣлъ ли онъ использовать свое благопріятное положеніе, овладѣлъ ли Нижнимъ или нѣтъ; только косвенныя данныя позволяютъ съ нѣкоторою вѣроятностью отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Въ томъ же 1411 г. Д. Б., «укрывая тайно отъ всѣхъ, приведе къ себѣ», вѣроятно въ Нижній, татарскаго царевича Талыча и въ іюлѣ послалъ его вмѣстѣ со своимъ бояриномъ Семеномъ Карамышевымъ на Владиміръ, который былъ страшно разоренъ и опустошенъ. Слѣдующее извѣстіе о Д. Б. гласитъ, что онъ отправился въ орду хлопотать о ярлыкѣ на Нижегородское княжество, который и получилъ, благодаря тому, что ханъ Зелени-Салтанъ (Джелалъ-Эдинъ) гнѣвался на Московскаго князя. Послѣдній, однако, и самъ пошелъ въ орду, гдѣ нашелъ уже новаго хана, брата и убійцу Зелени-Салтана, Керимбендея, который утвердилъ Нижній за Московскимъ княземъ. Тѣмъ не менѣе, Д. Б. не покорился, и только въ 1414 г. посланный великимъ княземъ Юрій Димитріевичемъ кн. Галицкій принудилъ его, послѣ безуспѣшнаго сопротивленія, уйти изъ Нижняго.

Три слѣдующихъ за тѣмъ года Д. Б. скитался по разнымъ землямъ, ища себѣ помощи противъ Москвы и нигдѣ не находя ее. Видя безплодность своихъ усилій, онъ и его братъ Иванъ, который всегда дѣлилъ съ Д. Б. и радости и неудачи, въ 1417 г. явились въ Москву и примирились съ великимъ княземъ, но этотъ миръ былъ непродолжителенъ, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году они бѣжали изъ Москвы, а куда—неизвѣстно. На этомъ лѣтописныя извѣстія о Д. Б. прекращаются. Отъ брака съ *Маріей*, отчествомъ и происхожденіемъ неизвѣстной (въ иночествѣ *Маргина*), онъ

имѣлъ сына *Александра*, прозваніемъ *Взметень*.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 235; т. III, стр. 104; т. IV, стр. 12, 112, т. V, стр. 254. 261; т. VI, стр. 141: т. VIII, стр. 85, 88—90; т. XV, стр. 446, 485, 487.—Никоновск. лѣтоп., т. IV, стр, 241; т. V, стр. 36—39. 44, 70.—„Нижегородск. лѣтописецъ", изд. А. С. Гацискимъ.—„Акты Историч.", т. I, № 29.—„Акты Археографич. Экспедиціи", т. I, № 18.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійскаго", изд Эйнерлинга, т. V, стр. 118, 119; прим. 135, 146, 211. — С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Общ. Польза", кн. I, стр. 1012, 1013.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 59, 60, 90, 225, 308, 310, 344, 421, 431—434, 438, 440—441.—Н. Храмцовскій, „Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода", ч. I., Н.-Новг., 1857 г. — П. И. Мельниковъ, «Нижегородское великое княжество", „Нижегор. Губ. Вѣд.", 1847 г., №№ 4—8.

11. *Даніилъ Васильевичъ*, четвертый и младшій сынъ Василія Димитріевича Кирдяпы (8), извѣстенъ только по одному отмѣченному лѣтописями факту: въ 1411 г., находясь въ рядахъ великокняжескихъ войскъ, онъ участвовалъ въ битвѣ при с. Лысковѣ; въ этой битвѣ онъ и палъ. Родословныя считаютъ его бездѣтнымъ.

Пол. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 104; т. IV, стр. 12; т. V, стр. 258; т. VIII, стр. 85; т. XV, стр. 485.—Никоновск. Лѣт., т. V, стр. 36—39.—„Нижегородск. Лѣтопис.", изд. А. С. Гацискимъ.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.", т. V, прим. 254.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князь Сѣверной Руси", т. II, стр. 426, 432, 440.

12. *Дмитрій Константиновичъ старшій*, второй сынъ Константина Васильевича, девятый князь Суздальскій и Нижегородскій, одно время великій князь Владимірскій, родился, какъ можно заключить изъ косвенныхъ указаній Воскресенской и Никоновской лѣтописей, въ 1323 г. О первой половинѣ его жизни не сохранилось никакихъ извѣстій — впервые его имя на страницахъ лѣтописей упоминается почему-то только подъ 1359 г., когда русскіе князья, а въ числѣ ихъ и Д. К., ѣздили въ орду на поклонъ новому хану, Наврусу. Замѣчательно, что въ теченіе цѣлыхъ 35 лѣтъ ни разу даже не упоминаемый лѣтописцами, слѣдовательно, какъ можно думать по этому признаку, не принимавшій никакого участія въ современныхъ событіяхъ, ничѣмъ себя не проявившій и ничѣмъ не выдавшійся, Д. К. въ эту поѣздку, благодаря отчасти стеченіямъ обстоятельствъ, отчасти же, повидимому, личнымъ качествамъ, сразу же выдвигается на первый историческій планъ съ тѣмъ, чтобы вскорѣ и сойти съ него. Незадолго передъ поѣздкой князей въ орду скончался московскій князь Иванъ Ивановичъ, бывшій въ то же время и великимъ княземъ Владимірскимъ. Такъ какъ даже старшій его сынъ, Димитрій (Донской), былъ малолѣтенъ, то возникъ вопросъ, не отдать ли великокняжескій престолъ кому-нибудь старшему. Ханъ предложилъ его сначала старшему брату Д. К., Андрею Константиновичу (4), но тотъ отказался отъ этой чести. Тогда Наврусъ далъ ярлыкъ Д. К. Послѣдній, по выраженію лѣтописи, получилъ княженіе «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», т. е. ни отецъ, ни дѣдъ его великими князьями Владимірскими не были, слѣдовательно, наслѣдственнаго права на это достоинство онъ не имѣлъ. Самъ Д. К. однако былъ другого мнѣнія (хотя бы потому, что онъ былъ колѣномъ старше дѣтей Ивана Ивановича), ярлыкъ принялъ и изъ орды направился непосредственно во Владиміръ, въ которомъ, чтобы прочнѣе закрѣпить его за собою, остался жить, возвративъ этому городу значеніе столицы. Но Москва не думала уступать. Бояре ея, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей, не желали сойти на низшую ступень и приложили всѣ силы, чтобы добыть ярлыкъ для малолѣтняго Димитрія. Послѣдній былъ отправленъ съ этой цѣлью въ орду, гдѣ за него хлопотали вліятельные его родственники, князья тверской и ростовскій, полагавшіе, что для нихъ безопаснѣе имѣть на Владимірскомъ столѣ безвольнаго малютку, чѣмъ взрослаго честолюбца, какимъ они считали Д. К. Въ ордѣ продолжались смуты, и добиться чего-нибудь не представлялось возможнымъ. Тогда московскіе бояре въ 1362 г. двинули противъ Д. К. многочисленное войско, въ виду котораго онъ, не считая возможнымъ сопротивляться, отступился отъ великаго княженія, и оно перешло къ Димитрію Ивановичу.

На этомъ борьба Д. К. за великое княженіе не закончилась. Въ 1363 г. онъ снова получилъ великокняжескій ярлыкъ, на этотъ разъ отъ хана Мюрида, который гнѣвался на московскаго князя и этимъ хотѣлъ его наказать. Д. К. тотчасъ же

поѣхалъ во Владиміръ, но прокняжилъ тамъ только 12 дней, такъ какъ Димитрій Ивановичъ опять пошелъ на него съ большимъ войскомъ, вытѣснилъ его изъ Владиміра, осадилъ въ Суздалѣ и принудилъ къ миру на всей своей волѣ. Хотя въ томъ году въ Суздаль къ Д. К. прибѣжали нѣсколько вліятельныхъ русскихъ князей, въ томъ или другомъ обиженныхъ Москвою, и предлагали ему союзъ противъ послѣдней, онъ, однако, не рискнулъ возобновить борьбу. Даже когда въ 1365 г. онъ въ третій разъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское и борьба за осуществленіе своихъ правъ, такъ сказать, сама собою напрашивалась, Д. К., дважды испытавъ на себѣ могущество московскаго князя, предпочелъ уклониться отъ нея, добровольно отказавшись отъ ярлыка въ пользу Димитрія Ивановича, чѣмъ снискалъ его расположеніе и обезпечилъ для себя въ трудныхъ случаяхъ его поддержку, которая пригодилась въ самомъ ближайшемъ времени.

Въ томъ же 1365 г. скончался Андрей Константиновичъ, и Д. К., какъ старшій послѣ умершаго, долженъ былъ унаслѣдовать ему Нижній-Новгородъ, но его предупредилъ младшій братъ, Борисъ Константиновичъ (6), который не допустилъ Д. К. даже въѣхать въ городъ. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, самъ не имѣя достаточной силы, чтобы управиться съ самовольнымъ братомъ, Д. К. обратился за помощью къ Димитрію Ивановичу, который черезъ посредничество св. Сергія Радонежскаго предложилъ сначала Борису судъ, затѣмъ пригрозилъ закрытіемъ всѣхъ церквей въ Нижнемъ, а когда эти мѣры на Бориса не произвели воздѣйствія, далъ Д. К. значительное войско, во главѣ котораго послѣдній и подступилъ къ Нижнему. Силѣ Борисъ принужденъ былъ уступить, и Д. К. сѣлъ на княженіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, наиболѣе крупномъ и богатомъ городѣ въ суздальскомъ княжествѣ, своему побѣжденному брату отдавъ Городецъ. Оказанная Москвою помощь Д. К. окончательно примирила его съ Димитріемъ Ивановичемъ, а въ 1366 г. дружба между ними была закрѣплена узами свойства—московскій князь женился на дочери Д. К., Евдокіи.

Примирившись съ Димитріемъ Ивановичемъ и съ роднымъ братомъ Борисомъ, Д. К. могъ обратить свое вниманіе и на противниковъ другого рода. Еще раньше Нижегородскую землю тревожили волжскіе пираты, «ушкуйники» или, какъ называетъ ихъ Никоновская лѣтопись, «младые дворянчичи»; принятое въ 1360 г. на костромскомъ съѣздѣ князей, въ которомъ участвовалъ и Д. К., рѣшеніе о выдачѣ разбойниковъ хану ни къ чему не привело, такъ какъ они на своихъ легкихъ судахъ, «ушкуяхъ», были неуловимы. Въ 1366 г. эти «младые дворянчики» внезапно подплыли на 200 ушкуяхъ къ самому Нижнему, ограбили здѣсь гостей и ушли съ большой добычей, а Д. К. былъ безсиленъ даже преслѣдовать ихъ, ограничившись принятіемъ лишь оборонительныхъ мѣръ на случай повторныхъ набѣговъ. Въ 1367 г. онъ имѣлъ ратное дѣло съ ордынскимъ выходцемъ кн. Булатъ-Темиромъ, который, пользуясь непрекращающимися смутами въ ордѣ, овладѣлъ среднимъ теченіемъ Волги и оттуда сталъ тревожить и грабить Нижегородскую область. Съ цѣлью разомъ покончить съ этимъ хищникомъ, Д. К. собралъ значительное войско и лично вывелъ его противъ татарскаго князька, котораго встрѣтилъ у береговъ Цьяны, сыгравшей такую роковую роль въ судьбѣ Д. К., и на голову его разбилъ. Наконецъ, въ 1370 г. Д. К. послалъ брата Бориса и сына Василія противъ своего сосѣда, болгарскаго князя Асана (Осана), который, не вступая даже въ бой, встрѣтилъ русскихъ съ челобитьемъ и дарами. Походъ былъ предпринятъ Д. К. не по своей волѣ, такъ какъ съ болгарами онъ поддерживалъ самыя добрососѣдскія отношенія, а по приказанію хана, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется довольно рѣдкій въ исторіи русскихъ князей поступокъ: принявъ отъ Асана челобитье и дары, они тѣмъ не менѣе его самого смѣстили и на Болгарское княжество посадили какого-то Салтана, сына Бакова, повидимому—ставленника хана. Въ 1372 г., опасаясь новыхъ набѣговъ со стороны разбойниковъ-«ушкуйниковъ» и инородцевъ, Д. К. обнесъ Нижній-Новгородъ каменной стѣной.

Послѣ этого о Д. К. нѣтъ никакихъ извѣстій до 1374 г. Въ этомъ году къ Нижнему-Новгороду подошли $1^1/_2$ тыс. татаръ, составлявшіе, какъ видно, лишь передовой отрядъ болѣе крупнаго войска и направлявшіеся къ Москвѣ, гдѣ въ это время

находился и Д. К., гостя на крестинахъ у зятя, Димитрія Ивановича. Нижегородцы татаръ не только не пропустили, но напали на нихъ, многихъ перебили, а главнаго посла, именемъ Сарайку, и его дружину захватили живьемъ и посадили въ крѣпость. Возвратившись изъ Москвы, Д. К. распорядился развести плѣнныхъ татаръ по разнымъ мѣстамъ, но они, какъ повѣствуетъ лѣтопись, вырвались, пробились на архіерейскій дворъ и оттуда, предводительствуемые Сарайкой, стали стрѣлять по нападавшимъ нижегородцамъ. Послѣдніе, конечно, одолѣли и, придя въ ожесточеніе, перебили всѣхъ татаръ. Мстя за свой отрядъ и пословъ, тогдашній ханъ Мамай выслалъ противъ Нижняго значительное войско, которое опустошило побережья рр. Киши и Пьяной, многихъ людей перебило и въ полонъ побрало. Оказать сопротивленіе Д. К. было не подъ силу. Такъ же пассивно отнесся онъ къ нашествію татаръ и въ слѣдующемъ 1375 г., посланныхъ Мамаемъ наказать его за то, что онъ помогалъ Московскому князю въ походѣ послѣдняго на Михаила Александровича, кн. Тверского, бывшаго въ то время въ милости у Мамая. И на этотъ разъ татары пожгли и пограбили нижегородскія заселенія и ушли съ большимъ полономъ.

Неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ 1376 г. у Д. К. вышла ссора съ болгарами, и зимою этого года онъ предпринялъ противъ нихъ походъ, въ которомъ его собственное многочисленное войско было усилено еще значительною ратью, присланною въ помощь, по его просьбѣ, Московскимъ княземъ. 16 марта русскіе подошли къ Казани. Принять бой жители вышли за городъ—начали стрѣлять, «громъ пущаху, страшающе русскіе полки», выѣзжали на верблюдахъ въ надеждѣ всполошить у русскихъ лошадей, но единодушнаго и стремительнаго натиска не выдержали и бѣжали въ городъ, преслѣдуемые и избиваемые русскими, которые потомъ стали разорять и грабить села и зимовища окрестъ Казани, а на Камѣ пожгли всѣ болгарскія суда. Не видя исхода, осажденные князья Махметъ-Салтанъ и упомянутый выше Асанъ добили челомъ Д. К. двумя тысячами рублей, на воиновъ дали три тысячи, да кромѣ того принуждены были согласиться на обложеніе страны данью.

Въ 1377 г. на Нижній-Новгородъ, не безъ вѣдома Мамая, пошелъ ратью выходецъ изъ Синей орды (отъ Аральскаго моря) царевичъ Арапша (Арабъ-шахъ), «ратникъ велій и мужественъ, и крѣпокъ, и свирѣпъ зѣло». Д. К. послалъ просить помощи у Московскаго князя, который явился лично къ Нижнему и привелъ съ собою многочисленные полки. Такъ какъ слухи о нашествіи Арапши постепенно затихли, то Димитрій Ивановичъ рѣшилъ отъѣхать въ Москву, свою рать оставивъ въ распоряженіи Д. К. Вскорѣ выяснилось, что татары до поры до времени скрываются у урочища Волчьихъ Водъ (гдѣто въ нынѣшней Симбирской губ.). Д. К. немедленно послалъ своего сына Ивана (16) и какого-то кн. Семена Михайловича съ большой ратью, къ которой присоединились и московскіе полки. Въ походѣ и войско и его начальники вели себя очень неосторожно: доспѣхи, щиты и шлемы держали на повозкахъ, оружіе имѣли не готовое къ бою, «ѣздиша порты своя съ плечъ спущающе, а петли растегавше, аки въ банѣ растрепаша», всѣ «медъ піаху допіана и ловы дѣющее, потѣху себѣ творяще... мняшесь дома суще». Между тѣмъ татары, тайно наведенные мордовскими князьями на русскихъ, зашли съ тыла и неподалеку отъ той же р. Пьяны 2 августа ударили на нихъ, «бьюще, колюще и сѣкуще». Среди русскихъ полковъ возникла невообразимая паника: преслѣдуемые и избиваемые татарами, люди бросились бѣжать въ безпорядкѣ къ Пьянѣ, въ водахъ которой многіе нашли свою смерть, и среди нихъ сынъ Д. К., Иванъ. Только небольшая горсть людей спаслась или осталась въ живыхъ въ этой несчастной битвѣ, память о которой долго еще жила у народа въ саркастической «пословкѣ»: «За Пьяною люди пьяны». Побѣдители-татары «сташа на костехъ», а затѣмъ быстрымъ маршемъ двинулись къ Нижнему. Думать объ оборонѣ при такихъ обстоятельствахъ, когда все войско было уничтожено, Д. К. не приходилось, и онъ ушелъ въ Суздаль, а его примѣру послѣдовало и большинство жителей. 5 августа татары были уже въ городѣ, перебили оставшихся тамъ людей, дома, церкви и монастыри сожгли, а затѣмъ разрушительной лавой разлились по окрестностямъ Нижняго, все предавая огню и мечу.

Княжество Д. К. нашествіемъ Арапши до того было опустошено и ослаблено, что по уходѣ татаръ на него осмѣлилась напасть даже ничтожная мордва, побившая многихъ людей и пожегшая уцѣлѣвшія селенія. На борьбу съ этимъ не столько несчастьемъ, сколько позоромъ за Д. К. выступилъ его благородный братъ Борисъ, который, наскоро собравши незначительное войско, бросился по слѣдамъ уходящей мордвы, у той же роковой р. Пьяны настигъ ее и жестоко разбилъ, отомстивъ за поруганіе. Этимъ месть не ограничилась, и зимою того же 1377 г. Д. К. самъ, собравшись съ силами, выслалъ на хищниковъ значительную рать, которая въ союзѣ съ присланными на помощь московскими полками всю Мордовскую землю «пусту сотвориша», селенія разграбивъ и пожегши, жителей побивъ и полонивъ. Въ отмщеніе за этотъ карательный походъ на подвластную хану мордву, Мамай въ 1378 г. выслалъ рать на Нижній. Д. К., бывшій въ то время въ Городцѣ, поспѣшилъ домой, но жителей нашелъ разбѣжавшимися. Не надѣясь на успѣшность сопротивленія, онъ попытался отдѣлаться отъ бѣдствія откупомъ, но татары послѣдній не приняли, вошли въ городъ, ограбили и сожгли его и отправились въ орду съ большимъ полономъ.

Описавъ эти бѣдственныя событія, лѣтописи на нѣкоторое время, года на четыре, перестаютъ говорить о Д. К. Повидимому, онъ не участвовалъ даже въ Куликовской битвѣ, можетъ быть изъ-за своего безсилія, можетъ быть и по нѣкоторымъ соображеніямъ. Именно, можно думать, что напуганный предыдущими нашествіями татаръ и опасаясь еще большихъ опустошеній, онъ не только не поддерживалъ Московскаго князи въ его антиордынской политикѣ, но напротивъ—сталъ искать для себя у хана милости. Объясненіе поворота Д. К. нужно искать въ томъ, что ему приходилось труднѣе чѣмъ кому бы то ни было въ виду близкаго сосѣдства съ татарами и еще ближайшаго съ подвластными имъ инородческими племенами и въ виду того, что и тѣ и другіе могли во всякое время набѣгать на нижегородскія волости. Дѣйствительно, когда въ 1382 г. на Москву и вообще на Русь стала надвигаться грозная туча—съ несмѣтными полчищами шелъ побѣдитель Мамая, Тохтамышъ, Д. К., желая спасти свою землю отъ новыхъ бѣдъ, отправилъ навстрѣчу ему большое посольство во главѣ съ своими сыновьями Василіемъ (8) и Семеномъ (20), причемъ послѣдніе сопровождали хана во все время пребыванія его на Руси. Такая покорность понравилась Тохтамышу, а онъ оставилъ земли Д. К. въ покоѣ, а на обратномъ пути въ орду не по-татарски любезно отвѣтилъ ему также посольствомъ, во главѣ котораго поставилъ своего шурина Шихмата. Вмѣстѣ съ посольствомъ былъ отпущенъ къ Д. К. и его сынъ Семенъ, другого же ханъ взялъ съ собою въ орду въ качествѣ заложника.

Скончался Д. К. 5 іюля 1383 г., «живъ всѣхъ лѣтъ 61», передъ смертью принявъ иноческій образъ съ именемъ *Ѳеодора*; погребенъ въ церкви св. Спаса. Онъ былъ женатъ на происхожденіемъ намъ неизвѣстной *Аннѣ*, отъ брака съ которой имѣлъ троихъ сыновей—*Василія* (8), *Ивана* (16) и *Семена* (20), и двухъ дочерей—*Марію*, бывшую за Николаемъ Васильевичемъ Вельяминовымъ, и *Евдокію* — какъ сказано, жену Дмитрія Ивановича Донского. Д. К. обладалъ древнѣйшимъ харатейнымъ спискомъ лѣтописи Нестора; сдѣланный по его приказу списокъ съ этого списка дошелъ до насъ и напечатанъ подъ названіемъ «Лаврентьевской лѣтописи».

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 209, 230; т. III, стр. 87, 91; т. IV, стр. 63, 65, 70, 73, 74, 84, 86, 89, 91; т. V, стр. 228—230. 233, 236, 238, 239; т. VI. стр. 98, 100—111; т. VII, стр. 220; т. XV, стр. 428, 434—437.—Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 214—215; т. IV, стр. 8, 12, 13, 17, 24—25, 34; 38, 40—48, 51—55, 79, 131—132, 137—142.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 203.—Лѣтопись Львова, т. II, стр. 143.—«Нижегородскій лѣтописецъ», изд. А. С. Гациского. — «Акты Историческіе», т. I, грамота отъ 1 авг. 1591 г.—Т. Мальгинъ, «Зерцало россійскихъ государей», изд. 3-е, Спб. 1791 г., стр. 336.—М. Д. Хмыровъ, «Перечень князей Рюрикова дома», № 72. — П. П. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб. 1885 г., родосл. табл. кн. Суздальскихъ.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода», П.-Новгор., 1857 г., т. I, стр. 24 и слѣд.; т. II, стр. 49.—П. И. Мельниковъ, «Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ», «Отечеств. Записки», 1842 г., т. XI, отд. I, стр. 17 и дал.—Его же, «Нижегородское великое княжество», «Нижегор. Губернск. Вѣдом.», 1847 г., N № 6 (о пословицѣ: «Дмитрій да Борисъ за городъ подрались») и 17.—«Исторія Нижняго-Новгорода до 1350 г.», ibid., 1847 г., №№ 2, 3.—Духовскій, «Взглядъ на событія,

совершившіяся въ теченіе шести вѣковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», «Казанскій Вѣстникъ», 1826 г., ч. 18, кн. 9, стр. 15—34.—Татищевъ, «Россійская исторія», т. IV, стр. 188.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IV, стр. 181—184; прим. 326, 392, 396, 397; т. V, стр. 2, 4, 6, 20—21, 24—27, 45, 49, 57, 151, 187; прим. 1, 4, 39, 90, 98, 114; т. XII, стр. 1; прим. 1.—Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. II, стр. 122, 790, 793; прим. 872.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 956, 957, 959, 960, 968, 973—976, 985.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльные князья Сѣверн. Руси», т. II, Спб., 1891 г., стр. 40, 41, 49, 50, 85, 104, 105, 164, 182, 183, 218, 280, 281, 294, 297, 403—431, 438, 440, 482, 486, 544.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб., 1876 г., стр. 159 — 160; прим. 712.

13. *Дмитрій Константиновичъ меньшій*, прозваніемъ *Ноготь*, братъ предыдущаго, четвертый сынъ Константина Васильевича (17), княземъ Суздальскимъ можетъ быть названъ только какъ представитель рода, ибо ни Суздалемъ, ни какимъ-либо особымъ удѣломъ не владѣлъ, хотя, повидимому, и имѣлъ кое-какія волости, данныя ему старшими братьями на кормъ. Немногія сохранившіяся о немъ лѣтописныя извѣстія едва ли достовѣрны. Согласно даннымъ этихъ источниковъ, въ 1367 г. онъ вмѣстѣ съ старшими братьями Дмитріемъ (12) и Борисомъ (6) Константиновичами ходилъ противъ ордынскаго выходца Булатъ-Темира, разорявшаго своими набѣгами Нижегородскую землю, а въ 1375 г. былъ въ походѣ Димитрія Ивановича (Донского) противъ Тверского князя Михаила Александровича. Между тѣмъ сохранился оффиціальный документъ—данная суздальскому Васильевскому монастырю,—въ которомъ 1353 годомъ помѣчается смерть кн. «Дмитрея Костянтиновица», и этотъ князь, по мнѣнію А. В. Экземплярскаго, не кто иной, какъ Д. К. Извѣстно имя его супруги — *Марія*, въ иночествѣ *Марина*; она скончалась и погребена въ Суздалѣ, въ нынѣшней церкви св. Александра Пертскаго, бывшей женскимъ монастыремъ. Д. К. имѣлъ единственнаго сына *Юрія*, черезъ котораго онъ считается родоначальникомъ не-удѣльныхъ князей *Ногтевыхъ*.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 435.—Никоновск. лѣт., т. IV, стр. 17, 42. — «Акты Юридическіе», т. I, № 63[1].—Н. Храмцовскій, «Краткійочеркъ и исторія Н.-Новгорода», стр. 26.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійск.», т. V, стр. 21; прим. 33. — А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 404, 422—423.

14. *Иванъ Борисовичъ*, прозваніемъ *Тугой Лукъ*, второй и младшій сынъ Бориса Константиновича (6), родился въ 1370 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ и тамъ же былъ крещенъ митрополитомъ Алексіемъ. На арену политической дѣятельности выступилъ весьма рано—12-ти лѣтъ; именно, въ 1383 г. вслѣдъ за отцомъ отправился въ орду, куда повезъ, какъ кажется, дополнительные подарки для хана Тохтамыша, у котораго Борисъ Константиновичъ искалъ милости, а черезъ три года, слѣдовательно 15-ти лѣтъ, И. Б., по порученію отца, вновь ѣздилъ въ орду—съ цѣлью, повидимому, хлопотать у хана о дальнѣйшемъ задержаніи въ ордѣ Василія Кирдяпы (8), въ которомъ Борисъ Константиновичъ не безъ основанія боялся увидѣть опаснаго соперника на нижегородскій столъ. Въ 1392 г., когда Нижній-Новгородъ былъ насильственно отнятъ у Суздальскихъ князей и присоединенъ къ Москвѣ, И. Б. вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и братомъ попалъ къ московскому князю въ плѣнъ, изъ котораго впослѣдствіи бѣжалъ въ орду. Въ дальнѣйшемъ его судьба тѣснымъ образомъ связана съ судьбою его старшаго брата, Даніила (10); вмѣстѣ съ нимъ онъ въ 1411 г. привелъ къ Нижнему казанскихъ татаръ, вмѣстѣ же выигралъ битву при с. Лысковѣ у кн. Петра Дмитріевича, сына Московскаго князя, затѣмъ овладѣлъ Нижнимъ, въ 1412 г. ѣздилъ въ орду, гдѣ выхлопоталъ былъ ярлыкъ на Нижегородское княжество, въ 1414 г. былъ изгнанъ Москвою изъ Нижняго, въ 1417 г. примирился съ великимъ княземъ и, наконецъ, въ 1418 г. бѣжалъ изъ Москвы—неизвѣстно куда. Скончался И. Б., во всякомъ случаѣ, въ Нижнемъ, по однимъ извѣстіямъ въ томъ же 1418 г., по другимъ — въ 1448 г. (вѣроятно, описка или опечатка), и тамъ же погребенъ, въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. На комъ женатъ былъ И. Б.—неизвѣстно; что же касается его потомства, то однѣ родословныя считаютъ И. Б. бездѣтнымъ, другія же даютъ ему сына *Александра*, прозваніемъ *Брюхатаго* (3).

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 235; т. IV, стр. 112; т. V, стр. 261; т. VI, стр. 140; т. VIII, стр. 48—49, 88, 90; т. XV, стр. 446, 485, 487.—

Никон. лѣтоп., т. IV, стр. 67, 70, 73, 142, 155; т. V, стр. 36—39.—«Нижегородск. лѣтописецъ», изд. А. С. Гацискимъ.—«Акты Историческіе», т. I, №№ 25, 38.—П. И. Мельниковъ, «Утвари въ селѣ Медвѣдевкѣ», «Нижегор. Губ. Вѣдом.», 1846 г., № 46.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода», Н.-Новг., 1857 г.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», т. V, прим. 114, 122, 137, 146, 211.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. I, стр. 1012, 1013.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 59, 60, 90, 91, 225, 308, 310, 344, 416, 419. 421, 432, 434—438, 440—442.—«Энциклоп. слов.» Брокгауза-Ефрона, полут. 7, стр. 413; полут. 24, стр. 766.

15. *Иванъ Васильевичъ*, старшій сынъ Василія Дмитріевича Кирдяпы (8), княжилъ въ Суздалѣ, но не самостоятельно, а подъ волей московскаго князя, которому въ общемъ былъ покоренъ. Только въ 1414 г. онъ вошелъ въ какую-то сдѣлку со своими двоюродными дядьями, дѣтьми Бориса Константиновича (6), боровшимися съ Москвою за Нижній-Новгородъ, но скоро былъ усмиренъ братомъ великаго князя, Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ. Скончался онъ въ 1417 г. Нѣкоторыя родословныя даютъ ему сына *Александра Брюхатаго* (3), что едва ли правильно.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 235; т. VI, стр. 140 — 141; т. VIII, стр. 88; т. XV, стр. 487.—Никоновск. лѣтоп., т. V, стр. 67.—Карамзинъ, „Исторія гос. Рос.“, т. V, стр. 76; прим. 146. — «Собраніе Государств. Грам. и Договор.», т. I, № 39.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Обществ. Пользы», кн. I, стр. 1012, 1013, 1127.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 225, 426, 434, 436—438, 440, 441.

16. *Иванъ Дмитріевичъ*, второй сынъ Дмитрія Константиновича (11), княжичъ Суздальско-Нижегородскій, особаго удѣла не имѣлъ. Свѣдѣнія о немъ немногочисленны: въ 1367 г. вмѣстѣ съ отцомъ, дядей Борисомъ (6) и братьями преслѣдовалъ Булатъ-Темира, въ 1376 г.—участвовалъ въ походѣ на Казань и въ 1377 г.—ходилъ съ нижегородскими и московскими войсками противъ пришедшаго изъ Синей орды царевича Арапши, причемъ во время происшедшей 2 августа на берегахъ р. Пьяны трагической для русскихъ битвы И. Д., спасаясь отъ татаръ, бросился въ рѣку и утонулъ. Тѣло его позже было разыскано братомъ Василіемъ Дмитріевичемъ (8) и погребено въ нижегородскомъ Спасскомъ соборѣ. Потомства И. Д. не оставилъ и неизвѣстно даже, былъ ли онъ женатъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 91; т. IV, стр. 73; т. V, стр. 236; т. VIII, стр. 14, 24—26; т. XV, стр. 436 — 437. — Никоновск. лѣт., т. IV, стр. 17, 47—48, 51—53.—«Нижегородскій лѣтописецъ», изд. А. С. Гацискимъ. — Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода», т. I, Н.-Новг., 1857 г.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 24, 26, 27; прим. 39, 44.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Обществ. Пользы», кн. I, стр. 974, 975.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 413, 414, 417, 424, 425, 427.

17. *Константинъ Васильевичъ*, второй и младшій сынъ Василія Андреевича (7), седьмой князь Суздальскій—см. томъ «Кнаппе-Кюхельбекеръ», стр. 117.

18. *Михаилъ Андреевичъ*, второй сынъ Андрея Ярославича (5), четвертый князь въ Суздалѣ, который получилъ послѣ смерти своего старшаго брата Юрія (21) въ 1279 г., а до этого года владѣлъ Городцемъ - Волжскимъ. Подобно брату, М. А. долгое время управлялъ однимъ Суздалемъ съ его волостьми, въ Нижнемъ-Новгородѣ же сидѣлъ сынъ Александра Невскаго, Андрей Александровичъ. Только въ 1304 г., послѣ кончины этого князя, къ М. А. перешелъ и Нижній-Новгородъ, для утвержденія котораго за собою онъ въ 1305 г. ѣздилъ въ орду. Добившись въ ордѣ своей цѣли, М. А. проѣхалъ прямо въ утвержденный за нимъ городъ и тамъ первымъ дѣломъ «изби вѣчники»—казнилъ и наказалъ многихъ жителей за то, что они побили бояръ умершаго кн. Андрея Александровича, притомъ такое рѣшеніе приняли на вѣчѣ, «чернь же—по мнѣнію Карамзина—не имѣла власти судебной, исключительнаго права княжескаго». Въ упомянутую поѣздку къ хану М. А. женился на какой-то ордынкѣ, именемъ намъ неизвѣстной. Никоновская лѣтоп. по недоразумѣнію даетъ ему сына Василія, на самомъ же дѣлѣ М. А. потомства не оставилъ. Кончину его на основаніи хронологическихъ соображеній слѣдуетъ отнести къ 1306 или 1307 г.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. III, стр. 68, 222; т. IV, стр. 47; т. V, стр. 204; т. VII, стр. 184.—Никоновск. лѣт., т. III, стр. 67.—Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода». гл. I.—Карамзинъ, «Исторія госуд.

Россійск.», изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 106; прим. 182, 209, 244, 263.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. I, стр. 851. — А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 388—391, 393, 396—398.—Протопоповъ, „Суздаль отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московск. княжеству", „Владим. Губ. Вѣд.", 1839 г., №№ 27, 30, 35—37.

19. *Святославъ Всеволодовичъ*, сынъ Всеволода Большое Гнѣздо, первый князь на Суздальскомъ столѣ, съ 1246 г. великій князь Владимірскій (см. томъ «Сабанѣевъ—Смысловъ», стр. 251—252).

20. *Семенъ Дмитріевичъ*, младшій сынъ Дмитрія Константиновича (11), двѣнадцатый кн. Суздальскій, въ лѣтописяхъ начинаетъ упоминаться съ 1375 г., когда былъ въ походѣ Московскаго князя на Тверь, хотя съ большимъ вѣроятіемъ можно думать, что еще въ 1367 г. онъ участвовалъ въ преслѣдованіи мурзы Булатъ-Темира. Въ 1377 г. С. Д., вмѣстѣ съ дядей Борисомъ Константиновичемъ (6) предводительствуя соединенными нижегородскими и московскими полками, ходилъ на мордву, осмѣлившуюся послѣ несчастной для русскихъ битвы у р. Пьяны съ царевичемъ Арапшей напасть на Нижегородскую землю; походъ былъ настолько жестокъ, что мордовская земля «сотворилась пуста». Во время нашествія на Русь въ 1382 г. Тохтамыша С. Д., вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ (8), по порученію отца, сопровождалъ хана въ походѣ на Москву и былъ однимъ изъ совѣтовавшихъ москвичамъ отворить городскія ворота, такъ какъ ханъ питаетъ-де самыя мирныя намѣренія, что, какъ указано въ біографіи Василія Дмитріевича, оказалось невѣрнымъ: татары предали городъ страшному разрушенію. На обратномъ пути въ орду Тохта, задержавъ при себѣ Василія Дмитріевича, самого С. Д. отпустилъ къ отцу вмѣстѣ со своимъ шуриномъ Шихматомъ и цѣлымъ посольствомъ, наряженнымъ ханомъ къ Дмитрію Константиновичу въ знакъ милости хана къ нему за его покорность.

Послѣ смерти отца С. Д. въ Нижнемъ-Новгородѣ занялъ княжескій столъ его дядя Борисъ, а самъ С. Д. и братъ его должны были княжить въ Суздалѣ, чѣмъ остались недовольны и въ 1387 г. съ помощью московскихъ войскъ отняли у дяди Нижній, въ которомъ, однако, просидѣли не болѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ Борисъ Константиновичъ добился ханскаго ярлыка на Нижній, и С. Д. съ братомъ принуждены были уступить, снова сѣвши въ Суздалѣ. Въ 1393 г. Московскій князь, купивъ въ ордѣ ярлыкъ на нижегородское княженіе, отнялъ Нижній у Бориса и выгналъ С. Д. и Василія изъ Суздаля, давъ имъ Шую. Братья остались новымъ удѣломъ недовольны и «побѣжали» въ орду жаловаться Тохтамышу, причемъ счастливо избѣжали погони, высланной имъ вслѣдъ изъ Москвы. У Тохтамыша они, повидимому, ничего не добились, и Василій, потерявши всякую надежду на возвращеніе вотчины, успокоился и помирился съ Московскимъ княземъ. С. Д. однако не оставилъ своихъ домоганій и сталъ дѣйствовать уже самостоятельно. Въ 1395 г. онъ, собравши кое-какія собственныя силы и получивъ подкрѣпленіе отъ казанскихъ татаръ, подступилъ къ Нижнему и обложилъ его. Осажденные долго сопротивлялись, но наконецъ должны были согласиться на сдачу при условіи, что ничего не будетъ разграблено, въ чемъ С. Д. и его воины цѣловали крестъ, а татары «роту пили по своей вѣрѣ». Тѣмъ не менѣе послѣдніе не сдержали слова: ворвались въ городъ и разграбили его. «Не азъ творихъ месть, но татарове; а язъ въ нихъ не воленъ, а съ нихъ не могу», приводитъ лѣтопись оправданія С. Д. Московскій князь вскорѣ послалъ сильный отрядъ на выручку нижегородцевъ; татары бѣжали, а съ ними и С. Д., не желавшій покориться великому князю и отказаться отъ Нижняго.

Въ 1399 г. С. Д. опять пытался при помощи казанскихъ татаръ овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, но объ этомъ заблаговременно узнали въ Москвѣ, откуда была послана за С. Д. погоня, которая преслѣдовала его до Казани, но «не угониша». Въ 1401 г. великій князь снова послалъ двоихъ воеводъ искать С. Д. и его семью. Послѣдніе нашли семейство С. Д. въ Мордовской землѣ и привезли его въ Москву, гдѣ оно было заключено во дворѣ боярина Белеута. Узнавъ объ этомъ, С. Д., скрывавшійся въ ордѣ, сталъ просить у московскаго князя «мира и любви», что и получилъ въ томъ же году. На миръ Московскій князь согласился, вѣроятно, подъ вліяніемъ посланія игумена Бѣлозерскаго монастыря Кирилла, въ которомъ онъ увѣщевалъ великаго князя въ его борьбѣ съ суздальскими князьями не поддаваться злобѣ и чувству мщенія, а быть справедливымъ, миролюбивымъ и мягкосердымъ. Послѣ этого С. Д. уѣхалъ съ семействомъ

въ Вятку, гдѣ скоро умеръ—21 декабря 1402 г., оставивъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ только одинъ извѣстенъ по имени—*Василій* (9). Тщетныя заботы и хлопоты С. Д. о возвращеніи своей вотчины лѣтопись рисуетъ слѣдующими словами: «Сей же князь Семенъ Дмитреевичъ суздолскиі ізъ Нижняго Новагорода многи напасти подъятъ і многи истомы претѣрпѣ во Ордѣ и на Руси, тружався добиваясь своея отчины, і 8 лѣтъ не почивая по ряду во Ордѣ служилъ четыремъ царемъ: первому—Тахтамышу, второму — Аскакъ-Темирю, третьему — Темиръ-Кутлую, четвертому—Шадибеку; а все то поднимая рать на великого князя Василья Дмитреевича московскаго, како бы ему наити свою отчину—княжение Новагорода Нижнего, и Суздаль и Городецъ; и того ради многъ трудъ подъя, и много напастеі и бѣдъ претѣрпѣ, своего пристанища не имѣя и не обрѣтая покоя ногама своима, і не успѣ ничтожъ».

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 84, 86—87, 89, 95, 101; т. V, стр. 233, 242—254; т. VI, стр. 98, 100—101, 103, 124, 128, 130—131; т. VIII, стр. 14, 22, 26, 42—43, 45, 47, 52, 64, 72; т. XV, стр. 435, 461, 470.—Никоновск. лѣтоп., т. IV, стр. 17, 42—44, 54—55, 132, 135—137, 142, 155—156, 254, 256, 267, 278, 303—304. Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 375.—„Нижегородскій лѣтописецъ“, изд. А. С. Гацискимъ.—«Акты Истор.», т. I, № 12.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 21, 27, 45, 47, 51, 57, 76; прим. 33, 90, 95, 98, 114, 137, 144—146, 175.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 976, 982, 983, 1010, 1011.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльные князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 223—225, 390, 412, 415—420, 423—431, 434, 440.—Протопоповъ, «Суздаль отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московскому княжеству», «Владим. Губ. Вѣдом.», 1839 г., №№ 27, 30, 35—37.—П. И. Мельниковъ, «Нижегородское великое княжество», «Нижегородскія Губ. Вѣдомости», 1847 г., №№ 4—8.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижняго - Новгорода», Нижн. - Новгородъ, 1857.

21. *Юрій Андреевичъ*, старшій сынъ Андрея Ярославича (5), третій князь на суздальскомъ столѣ, который онъ получилъ въ 1264 г., послѣ смерти отца. Наслѣдственный удѣлъ достался ему значительно урѣзаннымъ, ибо часть его, въ центрѣ которой былъ Городецъ-Волжскій, по завѣщанію Андрея Ярославича перешла къ племяннику послѣдняго, сыну Александра Невскаго, Андрею Александровичу. Владѣя Суздалемъ, Ю. А. тѣмъ не менѣе всю почти жизнь провелъ въ Великомъ Новгородѣ, въ которомъ онъ княжилъ, однако, не какъ призванный населеніемъ князь, а какъ намѣстникъ вел. кн. Тверского Ярослава Ярославича. Дата рожденія Ю. А. неизвѣстна, на историческую сцену же онъ, по лѣтописнымъ даннымъ, выступилъ въ 1267 г., когда новгородцы «сдумаша съ княземъ своимъ Юрьемъ, хотѣша идти на Литву». Въ челѣ съ Ю. А. войско Великаго Новгорода и двинулось къ границамъ Литвы, подошло уже къ Дубровкѣ,—небольшой погостъ въ нынѣшнемъ Порховскомъ уѣздѣ,—но тамъ произошла распря изъ-за дальнѣйшаго пути: одни желали остаться вѣрными принятому намѣренію, т. е. вторгнуться въ Литву, другіе совѣтовали двинуться на Полоцкъ, а третьи, среди которыхъ былъ, кажется, и Ю. А., настаивали на походѣ за Нарву, противъ ливонскихъ рыцарей. Послѣднее теченіе взяло верхъ, и войско пошло къ подвластному датчанамъ Раковору (Везенбергу), котораго, однако, взять не смогло и ограничилось опустошеніемъ прилегающаго края,—«много земли ихъ потратиша», по выраженію лѣтописи. Въ слѣдующемъ году новгородцы, съ цѣлью загладить предшествующую неудачу, снова двинулись къ Раковору. На этотъ разъ въ походѣ, кромѣ Ю. А., приняли участіе, по просьбѣ новгородцевъ, и другіе русскіе князья, въ томъ числѣ Дмитрій Александровичъ переяславскій, Святославъ и Михаилъ Ярославичи, Константинъ Ростиславичъ смоленскій, псковскій князь Довмонтъ. На р. Кеголи произошло большое кровопролитіе, «страшное побоище, яко не видали ни отцы, ни дѣды», извѣстное подъ именемъ Раковорской битвы, въ которой новгородцы одержали рѣшительную побѣду. О роли Ю. А. въ этой битвѣ сохранился не совсѣмъ лестный для его памяти отзывъ лѣтописца: «Юрій вда плечи», т. е. показалъ непріятелю тылъ; къ тому же и на побудительныя причины бѣгства лѣтопись, хотя и не категорически, набрасываетъ подозрѣніе словами: «или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть», а это, по толкованію новѣйшихъ историковъ, означаетъ, что молва подозрѣвала его въ сношеніяхъ съ врагомъ. Какъ бы то ни было, въ слѣдующемъ 1269 г. Ю. А. загладилъ свою вину. Движимые чувствомъ

мести, ливонцы во второй половинѣ мая этого года подступили къ Пскову и обложили его со всѣхъ сторонъ. Тогда Ю. А. съ новгородскимъ войскомъ пошелъ на выручку осажденнымъ и принудилъ «божьихъ дворянъ», т. е. рыцарей, сначала къ бѣгству, а затѣмъ къ весьма невыгодному для нихъ миру, заключенному «на всей волѣ новгородской». Въ послѣдній разъ Ю. А. упоминается въ связи съ ссорой между Ярославомъ Ярославичемъ и новгородцами; понятно, что Ю. А. принялъ сторону перваго, оставилъ Новгородъ и засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ задерживалъ ѣдущихъ въ Новгородъ купцовъ и идущіе туда суда и товары. Скончался Ю. А. 8 марта 1279 г. и погребенъ въ Суздалѣ, въ храмѣ Богоматери. Неизвѣстно, былъ ли онъ женатъ, но потомства во всякомъ случаѣ не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 59—61; т. IV, стр. 40, 43; т. V, стр. 193, 195, 199; т. VII, стр. 167—169, 174.—Никоновск. лѣт., т. III, стр. 46—49, 67. — Татищ. сводъ, т. IV, стр. 37.—Договорная грамота Новгорода съ вел. кн. Ярославомъ Ярославовичемъ въ Архивѣ Иностран. коллегіи, № 1, напечат. въ «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. I, № 1.—Н. Барсовъ, «Матеріалы для историч.-географич. словаря Россіи». стр. 71.—Kelch, «Liefländische Geschichte», p. 97.—Arndt, «Liefländische Chronik», p. 63. — Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г.. т. IV, стр. 62—64, 67; прим. 122, 123, 127, 128, 132, 182, 263.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 845, 851.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 388—390, 393—397, 451. — «Бархатная книга», ч. I, стр. 67.- В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб., 1876 г., стр. 76—77.—Калайдовичъ, «Историч. и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г.—Пасекъ, «Новгородъ самъ въ себѣ», «Чтеніе въ Обществѣ Истор. и Древностей Россійскихъ», 1869 г., т. IV.

22. *Юрій Васильевичъ*, второй сынъ Василія Дмитріевича Кирдяпы (8), владѣлъ Шуей, извѣстенъ только по родословнымъ какъ родоначальникъ князей *Шуйскихъ*, старшей вѣтви. Его сыновья *Василій* и *Ѳедоръ* Юрьевичи жили въ самое бурное время XV в., когда происходила упорная борьба между вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ (Темнымъ) и претендентами на великокняжескій столъ, князьями Галицкими. Во время смутъ братья изъ своей вотчины бѣжали въ Новгородъ Великій, а оттуда пришли къ Шемякѣ и заключили съ нимъ договоръ, по которому, «когда Богъ дастъ ему (Шемякѣ) достать... великое княженіе», они должны получить въ независимое владѣніе Суздаль, Нижній-Новгородъ, Городецъ и даже Вятку. Это была въ послѣдній разъ вспыхнувшая мечта князей Суздальско-Нижегородскихъ возвратить себѣ былыя владѣнія рода; съ пораженіемъ Шемяки погасла навсегда и она. О третьемъ сынѣ Ю. В., *Иванѣ*, извѣстно только, что онъ скончался бездѣтнымъ. Василій Юрьевичъ имѣлъ двухъ сыновей—*Василія* же, прозваніемъ *Блѣдный*, бывшаго при Іоаннѣ III намѣстникомъ во Псковѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, и *Михаила*. Средній изъ троихъ сыновей перваго, *Иванъ*, по прозванію *Скопа*, является родоначальникомъ особой вѣтви Шуйскихъ князей, *Скопиныхъ-Шуйскихъ*; герой смутнаго времени, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій — его правнукъ. Второй сынъ Василія Юрьевича Михаилъ, имѣлъ дѣтей *Ивана* и *Андрея*, дѣда царя Василія Ивановича Шуйскаго.

П. Н. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885.- Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», т. I, Спб., 1854 г., стр. 233.—В. Дурасовъ, «Родословная книга всероссійскаго дворянства», ч. I, Спб., 1906 г. — «Князья Суздальско-Шуйскіе», «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» Калачева, кн. I.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Росс.», т. XII, прим 1. — Хилковъ, «Ядро россійской исторіи», стр. 314. — А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 426, 436—439.

23. *Ѳедоръ Васильевичъ*, третій сынъ Василія Дмитріевича Кирдяпы (8), извѣстенъ только по родословнымъ, которыя считаютъ его бездѣтнымъ.

Н. Сербовъ.

Суздальцевъ, *Иванъ Васильевичъ*, воевода въ Туринскѣ въ третьей четверти XVII в. Въ 1673 г., по приказу изъ Москвы, онъ собиралъ въ своемъ воеводствѣ деньги на жалованье воевавшей съ турками рати—по полтинѣ съ двора «съ купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, со всякихъ чиновъ людей по $^1/_{10}$ деньги», а со «скудныхъ людей» по полтинѣ съ человѣка, причемъ оцѣнка имуществъ и промысловъ произведена была выборными отъ сословій, собранныя же деньги внесены въ приказъ Большого прихода.

Второе извѣстіе о С. относится къ 1676 г., когда къ нему (10 февраля) былъ отправленъ изъ Москвы приказъ оказать необходимое содѣйствіе посланному въ Туринскъ стольнику кн. Ив. Козловскому въ приведеніе къ присягѣ населенія и служилаго люда Сибири недавно передъ тѣмъ (30 января 1876 г.) восшедшему на престолъ царю Ѳедору Алексѣевичу.

«Дополненіе къ Актамъ Историческимъ», т. VI, стр. 324, 374.—«Древняя Россійск. Вивл.», т. III, стр. 215; т. VIII, стр. 148; т. XIV, стр. 63. — «Полное Собраніе законовъ», т. I, стр. 892, 907; т. II. стр. 6. — В. К. Андріевичъ, «Исторія Сибири», ч. II, Спб., 1889 г., стр. 2, 178.

Сукинъ, *Борисъ Ивановичъ*. Въ 1542 г., съ 1 по 23 марта, одинъ изъ четырехъ приставовъ при польскомъ посольствѣ въ Москвѣ; на немъ съ товарищами лежала обязанность смотрѣть за исправнымъ доставленіемъ посламъ корма и наблюдать, чтобы съ ними никто не говорилъ; по въѣздѣ пословъ въ Москву пристава ихъ «уставливали» на подворьѣ; 6 марта послы пріѣхали къ великому князю, по его приказанію, въ сопровожденіи приставовъ; въ Золотой палатѣ былъ столъ у великаго князя, и оставлены обѣдать какъ послы, такъ и пристава. Въ 1547 г. С. былъ дьякомъ; на первой свадьбѣ вел. кн. Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной Захарьиной былъ вмѣстѣ съ Вас. Григ. Захаровымъ въ казнѣ великой княгини и у платья, и оба они сидѣли въ хоромахъ; свадебные списки находились у С. и у Бокана Митрофанова; къ вѣнчанью С. шелъ за санями великой княгини и всѣ три дня стоялъ у завтраковъ. Въ 1548 г. на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича съ княжной Ульяной Дмитріевной Палецкой «у ѣствы во всѣ три дни у завтраковъ стоялъ» и вмѣстѣ съ Захаровымъ былъ въ казнѣ великой княгини и въ хоромахъ. Въ томъ же году былъ въ числѣ дьяковъ, взятыхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ изъ Москвы въ походъ «для казанскаго дѣла» во Владиміръ и въ Нижній-Новгородъ. Царица Анастасія Романовна была тогда во Владимірѣ, и при ней состояли бояринъ Вас. Юрьев. Малого и дьякъ С. Въ 1551 г., послѣ того какъ былъ поставленъ г. Свіяжскъ и назначены «годовать» воеводы, ходили туда воеводы изъ Мещеры, а со служилыми татарами С. Въ 1552 или 1553 г. царь велѣлъ въ Мещерѣ, въ «Шатскихъ воротахъ», поставить городъ съ Николина дня Вешняго; городъ ставилъ С. Въ 1558 г. былъ воеводой въ Чебоксарахъ. Въ 1559 г. въ Ливонскомъ походѣ былъ у воеводъ передового полка съ казанскими «горними» и «луговыми» людьми. Въ 1562 г. въ походѣ къ Полоцку былъ у «наряду» съ боярами кн. М. П. Репнинымъ и Мих. Ив. Вороного-Волынскимъ. Назначеніе двухъ бояръ показываетъ, что артилерія была въ большемъ противъ обыкновеннаго составѣ. Въ 1563 г. провожалъ до Бѣлоозера кн. Евфросинію, мать кн. Владиміра Андреевича, постриженную въ Москвѣ 5 августа этого года на Кириловскомъ дворѣ кириловскимъ игуменомъ Вассіяномъ. Въ 1566 г. въ Соборной грамотѣ объ отказѣ польскому королю въ перемиріи С. написанъ съ *вичемъ* и сейчасъ послѣ печатника, но отдѣльно отъ дьяковъ: «... а у бояръ въ судѣ язъ Борисъ Иванович Сукинъ». Въ 1567 г., 17 февраля, къ царю Ивану Васильевичу въ Ново-Александровскую Слободу явилось посольство отъ шведскаго короля Ирика и просило, чтобы царь пожаловалъ Ирика, «учинилъ себѣ въ братствѣ», а Ирикъ король за это пришлетъ Іоанну польскаго короля сестру Катерину, которая была за его Ириковымъ братомъ за Яганомъ. Царь согласился и отправилъ встрѣчать королеву у рубежа бояръ Мих. Як. Морозова и Ив. Як. Чеботова и съ ними С. и дьяка Андрея Щелкалова. Въ 1572—1573 г. г. С. былъ «печатникомъ», т. е. хранителемъ государственныхъ печатей, и по своей должности засѣдалъ въ Боярской думѣ. Его помѣстья упоминаются въ писцовыхъ книгахъ Московскаго и Коломенскаго уѣздовъ XVI в.; кромѣ того онъ владѣлъ монастырской вотчиной, селомъ Никитскимъ, даннымъ въ 1546 г. Троице-Сергіеву монастырю Матв. Ив. Тюменевымъ; вотчину эту С. купилъ у монастыря въ 1547 г. за 150 р. и обязался держать ее за собой «до живота», а послѣ отдать въ монастырь на поминовеніе, чтобы «игумену меня, Бориса, и моихъ родителей, отца моего и матерю мою, написати въ сенаники въ вечные». Впослѣдствіи С. отдалъ село съ деревнями въ монастырь, но выговорилъ себѣ право жить въ этой вотчинѣ до смерти. Въ синодикѣ Чудовскаго монастыря записанъ «Родъ

Бориса Ивановича Сукина»; въ синодикѣ Троице-Сергіевой Лавры, согласно договору С., записаны его родители.

«Др. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 32, 45, 281, 330, 431.—«Ник. Лѣт.», т. VII, стр. 102.—Щербатовъ, т. VIII, стр. 80; т. XIII, стр. 84—85.—«Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. I, стр. 548.—«Русск. Ист. Библ.», т. III, стр. 181, 291.—«Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.», 1902 г., т. I, стр. 126, 128, 149, 159, 204, 234.—«Симб. Сборн.», стр. 3, 4.—«Писц. кн.», т. I, стр. 133, 274.—Погодинъ, «Рус. Ист. Сб.», т. V, стр. 241.—«Сб. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. LIX, стр. 145—146, 148.—Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», т. VIII, прим. 164, 246; т. IX, стр. 72, прим. 86, 387, 819.—Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.», Спб., 1888 г., стр. 121—122, 214—217.—Рождественскій, «Служилое землевладѣніе», стр. 11.

В. Корсакова.

Сукинъ, *Василій Борисовичъ.* Въ 1577 г. стряпчій съ чеботами. Въ 1579 г.—дьякъ. Въ 1583 г. принималъ въ Орѣшкѣ новгородскій хлѣбъ изъ государевыхъ житницъ отъ монастырскаго слуги Вяжицкаго монастыря. Въ началѣ 1586 г. подъ начальствомъ С. и Ивана Мясного были посланы въ Сибирь 300 стрѣльцовъ и казаковъ и письменный голова Данила Чулковъ; имъ было велѣно оказать содѣйствіе Мансурову, только что отправленному съ отрядомъ стрѣльцовъ въ помощь Ермаку, такъ какъ не было еще извѣстно о его гибели. С. прибылъ къ р. Турѣ 29 іюля 1586 г. и поступилъ весьма осмотрительно: не пошелъ къ р. Иртышу и въ глубь Сибири, какъ это дѣлали многіе до него, а построилъ городъ Тюмень на р. Турѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде Чингій городокъ. Изъ Тюмени С. послалъ Чулкова ставить острогъ у устья рѣкъ Тобола и Иртыша. Въ 1598 г. подписался среди дворянъ подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи царемъ Бориса Годунова. Въ іюнѣ 1599 г. отправленъ, съ титуломъ намѣстника елатомскаго, посломъ въ Швецію для объявленія о восшествіи на московскій престолъ Бориса Годунова и для заключенія союза между Швеціей и Московскимъ государствомъ, однимъ изъ условій котораго Борисъ ставилъ, чтобы Швеція уступила Московскому государству Нарву, а онъ взамѣнъ обѣщалъ за это не пропускать черезъ свои владѣнія польскія войска въ Швецію. Но С. не могъ исполнить возложеннаго на него порученія, такъ какъ Арвесъ, начальникъ Або, не пропустилъ его въ Швецію. Въ 1603—1613 гг. С. былъ думнымъ дворяниномъ. Въ 1604 г. получилъ царскій указъ о приготовленіи корма и питья по росписи для цесаревыхъ пословъ въ Торжкѣ, въ Твери и между Торжкомъ и Москвой. Въ 1608 г. посланъ вмѣстѣ съ кн. Сем. Вас. Прозоровскимъ въ Коломну; съ ними отправлено много служилыхъ людей. Придя въ Коломну, они укрѣпили городъ, а когда Хмѣлевскій подступилъ къ Коломнѣ, они вышли изъ города, вступили съ нимъ въ сраженіе и разбили его. Въ 1609 г. С. потерпѣлъ пораженіе отъ разбойника Салкова въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы, недалеко отъ Николо-Угрѣшскаго монастыря. Въ 1610 г. былъ въ числѣ лицъ, отправленныхъ въ Польшу къ королю Сигизмунду съ кн. Вас. Вас. Голицыномъ и митрополитомъ Филаретомъ. Послы поднесли королю подарки; С. поднесъ сорокъ соболей и рысь. Будучи въ Польшѣ, С. и думный дьякъ Сыдавной Васильевъ передавали королевскимъ людямъ о разговорахъ кн. Голицына и митрополита Филарета; узнавъ объ этомъ, митрополитъ сталъ совѣтываться съ прочими членами посольства тайно отъ С. и Сыдавного. Ожидая отъ короля особыхъ милостей, С., Сыдавной и еще нѣсколько свѣтскихъ и духовныхъ лицъ изъ членовъ посольства отпросились у него въ Москву и обѣщали, что будутъ склонять московскихъ людей присягнуть самому королю, а не сыну его, королевичу Владиславу. Митрополитъ Филаретъ и остальные послы просили пановъ рады доложить королю, что не слѣдуетъ никого отпускать въ Москву, но паны отвѣчали, что король отпустилъ нѣкоторыхъ членовъ посольства по собственной ихъ просьбѣ и что измѣнить рѣшенія нельзя. Однажды Левъ Ив. Сапѣга призвалъ къ себѣ думнаго дьяка Луговскаго, какъ будто по весьма важному дѣлу. Луговской засталъ у Сапѣги обоихъ приверженцевъ короля Сигизмунда: С. и Сыдавной, одѣтые въ богатое платье, собирались идти представляться королю. Указывая на нихъ Луговскому, Сапѣга сказалъ: «Сукинъ старъ, а прочіе, живучи здѣсь, проѣлись». Луговской, возмущенный намѣреніемъ С. и Сыдавного уѣхать въ Москву, отвѣтилъ: «Хотя бы Василья Сукина и прямо постигла болѣзнь и ему бъ лучше тутъ умереть, гдѣ посланъ, а отъ дѣла не отъѣхати, и ста-

рѣе его живутъ, а дѣлъ не мечутъ, а Василью еще можно жити, такъ же и Сыдавному, хотя бъ онъ и проѣлся, а еще жити можно». С. и Сыдавной поѣхали въ Москву съ королевскимъ листомъ и съ жалованнымъ словомъ о соизволеніи Сигизмунда отпустить на Московское царство королевича Владислава, съ обѣщаніемъ истребить новаго Лжедмитрія и утишить всѣ волненія. По возвращеніи въ Московское государство С. продолжалъ быть на сторонѣ Сигизмунда. Вотъ что писалъ о немъ Прокопій Ляпуновъ въ грамотѣ, посланной изъ Рязани въ Нижній-Новгородъ 31 января 1611 г.: «И на Коломнѣ, господа, *воруетъ* Василій Сукинъ, потому что онъ былъ подъ Смоленскимъ у короля и крестъ королю цѣловалъ, и король ему далъ со всѣмъ Коломну въ путь; а Коломенскіе, господа, дворяне и дѣти боярскіе и черные люди съ нами въ одной мысли». Въ апрѣлѣ 1612 г. архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Діонисій, келарь Авраамій Палицынъ и соборные старцы отправили посланіе кн. Пожарскому и всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая ихъ поспѣшить къ Москвѣ для избавленія отечества отъ непріятелей. По какому случаю находился въ это время С. въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ и на какомъ основаніи онъ участвовалъ въ этомъ посланіи — неизвѣстно, но вслѣдъ за соборными старцами названы поименно два мірянина: Василій Сукинъ и Андрей Палицынъ.

«Ник Лѣт.», т. VIII, стр. 3.—«Акты Арх. Эксп.», т. II, стр. 44, 302, 341.—«Акты юрид.», стр. 224, 225.—«Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. II, стр. 210, 406, 411, 415, 445, 478, 479, 498, 570, 572, 575.—«Др. Рос. Вивл.», т. III, стр. 107. т. XX, стр. 73–88.—«Нов. Лѣтописецъ», стр. 79, 122, 125.—«Чт. Моск. Общ. Ист. Др. Рос». 1902 г., т. I, стр. 126, 128, 149, 159, 204, 234.—Миллеръ, «Описаніе Сибирскаго царства», Спб., 1750 г., гл. III, стр. 212; IV, стр. 307.—Фишеръ, «Сибирск. исторія», Спб. 1774 г., стр. 168.—Кн. Щербатовъ, т. XIII, стр. 84—85, 231.—Голиковъ, XII, стр. 238, 246, 293; 307, 311, 362.—Карамзинъ, «Ист. госуд. Рос.», т. X, стр. 15, прим. 51; т. XII, стр. 81, 104, 148, 162; прим. 435, 616, 667.—Соловьевъ, «Истор. Россіи», т. VIII, стр. 340, 370—373, 447, 452.—Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 122, 197, 215, 216.—«Акты Моск. госуд.», т. I, стр. 40.—«Памятники дипломатич. сношеній», т. II, стр. 837.

В. Корсакова.

Сукинъ, *Григорій Никитичъ*. Въ 1547 г. на свадьбѣ вел. кн. Ивана Васильевича съ Анаст. Роман. Захарьиной находился въ числѣ другихъ лицъ въ завѣдываніи кн. Юрія Глинскаго «у постели на разсылку»; въ 1548 г. былъ въ такой же должности на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича. Въ 1551 г., передъ Казанскимъ походомъ, былъ отправленъ подъ начальство кн. Мих. Вас. Глинскаго на Каму съ устюжскими и вятскими земскими волостными войсками изъ Вятчины. Въ 1555 г. былъ новгородскимъ дьякомъ. Такъ какъ дьяки вѣдали Новгородскій «конюшъ путь», то велѣно «дати Григ. Никит. Сукину денегъ, а ему тѣ деньги давати на кормъ татарамъ на ихъ и на конскій кормъ». Въ томъ же году—намѣстникъ въ Ямбургѣ. Въ 1556 г. въ Ливонскомъ походѣ со служилыми татарами. Въ 1559 г. въ Ливонскомъ походѣ сначала въ лѣвой рукѣ съ темниковскими и съ цненскими людьми, а затѣмъ въ Большомъ полку съ царевичемъ Ибакомъ. Въ 1562—1563 гг. намѣстникъ въ Почепѣ; былъ въ числѣ воеводъ, назначенъ въ береговой разрядъ. Въ 1564—1565 гг. былъ городничимъ въ Полоцкѣ вмѣстѣ съ Григ. Иван. Нагимъ.

«Др. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 33, 38, 298, 324, 339, 346.—«Ник. лѣт.», т. VII, стр. 104.—«Разр. книги», т. II, стр. 124.—«Дворц. разряды», т. III, дополн., стр. 373, 374.—«Чт. Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», 1902 г., т. I. стр. 149, 179, 205, 215, 230. 240, 244, 252.—«Синбирскій Сборн.», стр. 8.—Кн. Щербатовъ, т. VIII, стр. 315.—«Доп. къ Акт. Ист.», т. I, стр. 74—75.—Погодинъ, «Рус. Ист. Сборн.», т. V, стр. 241.—Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 122, 216, 272.—«Сборникъ кн. Хилкова», Спб., 1879 г., стр. 8—9.

Сукинъ, *Осипъ Ивановичъ* (умеръ 4 мая 1669 г.). Въ 1637 г., іюля 27, пожалованъ изъ житья въ стрянчіе. Въ 1638 г. ночевалъ на государевѣ дворѣ. Въ 1639 г. въ январѣ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михаиловича, а въ апрѣлѣ при гробѣ царевича Василія Михаиловича. Въ 1646 г. во время похода изъ Ливенъ въ Бѣлогородъ былъ однимъ изъ есауловъ въ полку кн. Никиты Ив. Одоевскаго. Въ 1648 и 1650 гг. сопровождалъ иногда царя Алексѣя Михаиловича къ Троицѣ, въ с. Коломенское и с. Покровское. Въ 1651 г. былъ головой у сотни стольниковъ при встрѣчѣ литовскихъ пословъ. Въ 1652 г. воевода въ Коротоякѣ; долженъ былъ по «большимъ вѣстямъ»

сходиться съ кн. Григ. Сем. Куракинымъ, находившимся воеводой въ Яблоновѣ, и получилъ отъ него письмо о посылкѣ изъ Коротояка донскихъ казаковъ въ войско на Донъ съ «крымскими и черкасскими вѣстями». Въ 1656 г. голова у жилецкой сотни; въ томъ же году, когда царь Алексѣй Михаиловичъ находился подъ Ригою, С. встрѣчалъ передъ царскимъ шатромъ пословъ Курляндскаго князя и Бранденбургскаго курфюрста. Въ 1658 г. участвовалъ во встрѣчѣ и проводахъ грузинскаго царевича, пріѣзжавшаго въ Москву. Въ 1658—1664 гг. былъ товарищемъ воеводы кн. Юрія Алексѣев. Долгорукаго во время польскихъ походовъ и удачно сражался съ польскими и литовскими людьми. Кн. Долгорукой и С. не сплошь въ теченіе этихъ шести лѣтъ были въ Польшѣ; они отзывались въ Москву и снова отправлялись противъ поляковъ. 2 февраля 1659 г. послѣ стола царь Алексѣй Михаиловичъ жаловалъ возвратившихся въ Москву кн. Долгорукаго и его товарищей за ихъ службы, что они побили и взяли въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго. С. получилъ шубу, крытую золотнымъ атласомъ, кубокъ, придачу къ прежнему помѣстному и денежному окладу и 3.000 ефимковъ на вотчину. Въ 1661 г. С. пожалованъ въ окольничіе. Въ бытность свою въ 1662—1664 гг. въ Москвѣ С. неоднократно «объявлялъ» царю крымскихъ пословъ и шведскихъ посланниковъ; въ 1663, 1666—1668 гг. оставался въ числѣ другихъ окольничьихъ «вѣдать Москву». Въ 1662 и 1668 гг. вѣдалъ Челобитный приказъ.

24 февраля 1663 г. С. и дьякъ Бреховъ были посланы царемъ въ Воскресенскій монастырь для допроса патріарха Никона по поводу жалобы на него Сытина, земли и рыбныя ловли котораго граничили съ владѣніями Воскресенскаго монастыря. Будучи во враждебныхъ отношеніяхъ къ Никону, Сытинъ, изъ-за непріятностей по рыбной ловлѣ, возникшихъ между его людьми и патріаршимъ сыномъ боярскимъ Александромъ Лускинымъ, написалъ царю челобитную и, прося обороны отъ насильствъ патріарха Никона, называлъ его «немилосерднымъ разорителемъ». Царь потребовалъ объясненія отъ Никона, который закончилъ свое оправданіе упреками и укоризнами. Письму этому придали большое значеніе; были составлены вопросные пункты и вручены С.; вопросы касались и «государевыхъ» дѣлъ, и жалобъ Сытина. Не станемъ останавливаться на подробстяхъ допроса, произведеннаго С., такъ какъ это болѣе умѣстно въ біографіи Никона. Скажемъ только, что дѣло затянулось: не кончилось еще слѣдствіе по жалобѣ Сытина, какъ возобновилась тяжба другого недруга Никона, Боборыкина. Для разбора этого дѣла были посланы въ Воскресенскій монастырь опять С. и дьякъ Бреховъ.

Въ промежутокъ между допросами Никона по жалобамъ Сытина и Боборыкина, С. обѣдалъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія 19 апрѣля 1663 г. за царскимъ столомъ. Кромѣ Касимовскаго и Сибирскихъ царевичей были всѣ «власти», т. е. высшее духовенство, и три боярина; изъ окольничихъ назначены быть у стола кн. Дм. Алексѣев. Долгорукой и С.; послѣднимъ изъ приглашенныхъ названъ думный дьякъ Семенъ Заборовской. Еще у сказки Заборовской билъ челомъ государю, что ему «у стола съ окольничимъ Осипомъ Сукинымъ быть невмѣстно; и, бивъ челомъ, у стола не былъ, съѣхалъ къ себѣ на дворъ». На другой день Заборовской билъ челомъ государю въ отечествѣ о счетѣ на С., ссылаясь, что «Осиповъ прадѣдъ, Борисъ Сукинъ, былъ при Иванѣ Васильевичѣ дьякомъ», и что «въ иныхъ худыхъ чинахъ бывали родители его». С. въ свою очередь билъ челомъ на Заборовскаго о безчестьѣ и оборонѣ и говорилъ, что «де Семенъ Заборовской передъ нимъ, Осипомъ, человѣкъ молодой, а бьетъ челомъ на него, Осипа, не по своей мѣрѣ; а прежде сего на окольничихъ думные дьяки не бивали челомъ». Дальше онъ заявлялъ, что его дѣдъ Борисъ не бывалъ во дьякахъ, «а тотъ Борисъ, что былъ во дьякахъ, и тотъ не ихъ Сукиныхъ, и никто роду его, Осипова, въ такихъ обышныхъ чинахъ не бывали». Закончилъ С. свое объясненіе тѣмъ, что его двоюродный прадѣдъ Ѳеодоръ Ивановичъ былъ бояриномъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Царь Алексѣй Михаиловичъ положилъ на Заборовскаго опалу за то, что онъ прогнѣвалъ его, уѣхавъ отъ стола: указалъ ему не съѣзжать со двора. Черезъ два дня, 22 апрѣля, онъ однако и миловалъ Заборовскаго и велѣлъ ему видѣть свои государевы очи. Въ тотъ же день и С. и Заборовской снова били царю

челомъ другъ на друга, вслѣдствіе чего царь приказалъ думному посольскому дьяку Алмазу Иванову выписать изъ Разряда и доложить «противъ ихъ челобитья». Чѣмъ кончилось это дѣло—неизвѣстно.

«Др. Рос. Вивл.», т. VIII, стр. 149; т. XX. стр. 115.—«Акты Арх. Эксп.», т. IV, стр. 144, 174. — «Акты Моск. госуд.», т. II, стр. 303, 306, 614, 639. — «Дворц. разр.», т. III, стр. 37, 188, 234, 495, 547, 606, 840; прилож., стр. 66, 75, 76, 168, 234, 251, 288, 334, 337, 344, 359, 366, 368, 373—375, 390. — «Русск. Ист. Библ.», т. X, стр. 101, 121, 140, 172, 414; т. XI, стр. 24, 107, 112.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 111.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 336—337.—Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 122, 215 — 216. — Гиббенетъ, «Историч. изслѣд. дѣла патріарха Никона», Спб., 1882 г., т. I, стр. 152; т. II, стр. 34—42, 591—596.

В. Корсакова.

Сукинъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*. Въ 1535 г.—осадный воевода въ Почепѣ. По взятіи поляками г. Стародуба, той же участи долженъ былъ подвергнуться и находившійся по близости Почепъ. Главный воевода, кн. Юр. Вас. Ушатый, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, велѣлъ везти себя въ Москву, и вмѣсто него въ Почепѣ остался С. Городъ былъ плохо укрѣпленъ, защитниковъ было мало, а потому С. распорядился, чтобы жители удалились со своими пожитками въ другіе болѣе укрѣпленные города, а то, чего не могли унести съ собою, зарыли бы. Послѣ этого онъ до тла сжегъ Почепъ. Когда пришли поляки, то нашли груды пепла и незначительную горсть людей; заставивъ ихъ присягнуть королю, они ушли обратно.

Въ 1539 г. С. ѣздилъ въ Литву съ грамотой о восшествіи на престолъ московскій великаго князя Ивана Васильевича. 1 октября 1543 г. онъ былъ отправленъ къ польскому королю Сигизмунду Казиміровичу (на этотъ разъ онъ названъ уже ближнимъ дворяниномъ), которому долженъ былъ объявить, что для размежеванія Себежскихъ спорныхъ земель будутъ присланы осенью судьи Карамышевъ и Грибакинъ, а если рано выпадетъ снѣгъ, то они пріѣдутъ въ Троицынъ день слѣдующаго года. С. вручены вѣрющая грамота къ королю, списокъ той рѣчи, которую онъ долженъ сказать, память, какъ держать себя дорогой, что отвѣчать на разные вопросы объ отношеніяхъ Московскаго государства къ Казани, Крыму и Астрахани, и списокъ «обидныхъ дѣлъ», причиненныхъ людямъ московскаго великаго князя литовскими людьми. С. непремѣнно долженъ былъ добиться пріема у короля Сигизмунда Казиміровича, а въ случаѣ его болѣзни—у королевича Сигизмунда-Августа, и никакъ не соглашаться на пріемъ панами; если же онъ не будетъ допущенъ къ королю, то долженъ немедленно возвратиться въ Москву. Если будутъ разспрашивать его о великомъ князѣ, то онъ долженъ сказать: «Великій Государь Иванъ, Божіею милостію, въ мужескій возрастъ входитъ, а ростомъ совершеннаго человѣка ужъ есть, а съ Божіею волею помышляетъ ужъ брачный законъ приняти. А и то есмя слышели, что государь нашъ и не въ одно мѣсто послалъ себѣ невѣстъ пытати, и отколѣва къ государю нашему будетъ присылка, а будетъ государева воля, и государь нашъ хочетъ то свое дѣло дѣлати». Все, что С. будетъ говорить и что ему скажутъ,—онъ долженъ записывать, а пріѣхавъ — доложить государю. С. вернулся въ Москву въ іюнѣ 1544 г. и привезъ отвѣтъ короля на сказанныя имъ посольскія рѣчи. Король обѣщалъ выслать своихъ судей на Себежскія земли къ Троицыну дню, такъ какъ къ Филиппову заговѣнью (14 ноября) стала зима и судьи Московскаго великаго князя не успѣли выѣхать на порубежную границу. Вел. кн. Иванъ Васильевичъ требовалъ разсмотрѣнія обидныхъ дѣлъ, причиняемыхъ литовскими людьми, но воеводы и намѣстники литовскихъ украинныхъ городовъ неоднократно жаловались на самовольство московскихъ намѣстниковъ и воеводъ, а потому король рѣшилъ прислать съ своими судьями, которые выѣдутъ на рубежъ къ Троицыну дню, списки всѣхъ «кривдъ и шкодъ», причиненныхъ его подданнымъ московскими людьми. Тогда пусть разберутъ обиды, причиненныя съ обѣихъ сторонъ, и произведутъ должную «управу». Что касается обидъ и безчестья, будто бы одѣланныхъ великимъ посламъ московскимъ, то во время своего пребыванія въ Литвѣ никто изъ нихъ не жаловался на какія-либо притѣсненія, точно также не жаловались они и на грабежи или воровство со стороны литовскихъ людей. Тѣхъ дворянъ, которые были въ приставахъ у московскихъ постовъ, не было

при королѣ во время посольства С., и король обѣщалъ велѣть разыскать и разспросить ихъ.

Въ теченіе 11 лѣтъ (1547—1558 г.г.) С. участвовалъ на семи свадьбахъ царя и ближнихъ людей, описанія которыхъ напечатаны въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ». 22 января 1547 г. царь Иванъ Васильевичъ послалъ грамоту въ Муромъ боярину и воеводѣ кн. Александру Бор. Горбатову о помолвкѣ, въ изъявленіе царской милости, дочери его княжны Ирины за государева племянника, кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскаго: «а въ твое есми мѣсто, — читаемъ въ грамотѣ,— велѣлъ быти на свадбе казначѣемъ своимъ Ив. Ив. Третьякову да Ѳедору Ивановичу Сукину и твоей шурье». На свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной Захарьиной С. былъ у постели и стлалъ постель вмѣстѣ съ дядей царя, бояриномъ кн. Юр. Вас. Глинскимъ. На свадьбѣ брата царя, кн. Юрія Васильевича съ княжной Ульяной Дм. Палецкой, былъ тоже у постели вмѣстѣ съ тверскимъ дворецкимъ Вас. Мих. Юрьевымъ, причемъ на третій день послѣ свадьбы жена С. была въ числѣ приглашенныхъ у кн. Ульяны Дмитріевны. На первой свадьбѣ кн. Влад. Андр. Старицкаго съ Евд. Алекс. Нагой (31 мая 1550 г.) и на второй его свадьбѣ съ княжной Евд. Ром. Одоевской (1558 г.) нѣсколько дней кряду участвовалъ въ свадебныхъ пиршествахъ. Въ 1554 г. на свадьбѣ царя Семіона Бекбулатовича съ Марьей Андр. Кутузовой и въ 1555 г. на свадьбѣ кн. Ив. Дм. Бѣльскаго съ кн. Маѳоой Вас. Шуйской былъ вмѣстѣ съ Ив. Як. Чоботовымъ дружкой со стороны «княгини», т. е. невѣсты; жены С. и Чоботова были свахами. На свадьбѣ царя Семіона С. и Чоботовъ ѣздили къ матери невѣсты за постелью и стлали ее на «дворѣ» (т. е. въ домѣ) царя Семіона. На другой день они ѣздили съ кашей къ царю, къ царицѣ, къ кн. Юрію Васильевичу и его княгинѣ, къ кн. Евфросиніи и къ Влад. Андр. Старицкому и обѣдали у царя Семіона вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

Въ 1547 г., декабря 9-го, С. былъ однимъ изъ поручителей по кн. Ив. Ив. Пронскомъ, что онъ не отъѣдетъ изъ Московскаго государства; С. подписался на седьмомъ мѣстѣ, между Сем. Конст. Заболотскимъ и кн. Мих. Петр. Репнинымъ. Въ 1547, 1548, 1555, 1559 и 1567 г.г. бывалъ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ его походахъ въ Коломну, Тулу, Серпуховъ, Владиміръ и Нижній-Новгородъ, по «крымскимъ» вѣстямъ, или для «казанскаго дѣла». Въ 1553 и 1556 г.г., во время походовъ царя въ Коломну, оставался «вѣдать» Москву (въ первый разъ съ кн. Юріемъ Васильевичемъ, второй — съ нѣсколькими боярами). Въ 1553—1561 г.г. С. четыре раза былъ въ «отвѣтѣ» съ литовскими посланниками и три раза ѣздилъ въ Литву съ посольскими порученіями царя Ивана Васильевича. Главными предметами переговоровъ были: заключеніе перемирія, вопросъ о царскомъ титулѣ Ивана Васильевича и разсмотрѣніе «обидныхъ» дѣлъ. Въ 1553 г., когда С. былъ въ отвѣтѣ съ литовскими посланниками, пріѣхавшими въ Москву, онъ долженъ былъ, между прочимъ, сказать: «желателенъ миръ между обоими государствами, чтобы не проливалась кровь христіанская, чтобы вѣра христіанская ширилась и множилась, а бесерменская бъ рука не высилась». Въ 1559 г. литовскій посланникъ прибылъ въ Москву съ грамотою о пограничныхъ дѣлахъ; въ это время царь Иванъ Васильевичъ былъ въ Можайскѣ. Казначеи С. и Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ написали ему о пріѣздѣ посланника, но царь вернулся въ Москву только 1 декабря. Согласно желанію посланника видѣть Алексѣя Ѳеод. Адашева, С. и дьяка Ивана Михайловича Висковатаго, царь приказалъ посланнику быть для переговоровъ въ городѣ, въ избѣ Висковатаго. Посланникъ просилъ Адашева и С. склонять царя къ миру, такъ какъ когда начнется кровопролитіе, то «трудно привести государей къ добру». Они отвѣчали, что добрыя отношенія могутъ быть только въ такомъ случаѣ, если король не станетъ вступаться въ землю Ливонскую.

Въ 1561 г. С. былъ однимъ изъ членовъ посольства въ Польшу для сватовства за царя Ивана Васильевича сестры короля Августа-Сигизмунда, Екатерины. Ему былъ данъ наказъ развѣдать, которая изъ сестеръ короля красивѣе и здоровѣе. Если нельзя будетъ разузнать немедленно, то говорить о королевнахъ безымянно. Если король изъявитъ согласіе на этотъ бракъ, то С. долженъ непремѣнно видѣть королевенъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ «пар-

соны», т. е. портреты, и привезти таковые царю. Сватовство не состоялось, потому что король согласился бы на бракъ своей сестры лишь въ томъ случаѣ, если бы этотъ бракъ доставилъ ему выгодный миръ съ Московскимъ государствомъ.

Остается сказать о дѣятельности С. въ качествѣ государственнаго казначея. Эту должность онъ занималъ съ 1544 до 1566 г., т. е. 22 года, будучи сначала вторымъ казначеемъ при Ив. Ив. Третьяковѣ и при Иванѣ Петр. Головинѣ: съ 1553 г. онъ сталъ главнымъ казначеемъ, а вторымъ казначеемъ былъ Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ. Въ половинѣ XVI в. права и обязанности казначеевъ Казеннаго двора достигли высшаго развитія: они не только хранили государеву казну, но и вѣдали государевы доходы: сдавали на оброкъ разныя доходныя статьи и получали пошлины и оброки; кромѣ того вѣдали расходы, дѣла о холопствѣ и судъ. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что «казначеи получили право «судить судъ царя и великаго князя» не въ качествѣ хранителей казны, а въ качествѣ довѣренныхъ и приближенныхъ къ царю лицъ». Въ уставной Важской грамотѣ 1552 г. оказано, что тѣ сторонніе люди, которые будутъ искать чего-либо на Шенкурцахъ и на Вельскихъ посадскихъ людяхъ или крестьянахъ, должны придти въ Москву къ казначеямъ и къ дьяку Истомѣ Ноугородову, и они, по царскому указу, «управу имъ чинять на Москвѣ». Въ уставной грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ 1555 г. судъ предоставленъ самимъ казначеямъ, безъ доклада царю: «а въ чемъ имъ (т. е. выборнымъ излюбленнымъ старостамъ)—читаемъ въ этой грамотѣ — будетъ управити невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ исцовъ присылати къ докладу на Москву, къ нашимъ казначеямъ, къ Ѳ. И. Сукину, да къ Х. Ю. Тютину, да къ дьяку нашему Угриму Львову, и они имъ *указъ чинятъ безволокитно и списки подписываютъ безпошлинно*». То же самое сказано и въ уставной грамотѣ Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ. Изъ памяти казначеямъ С. и Тютину 1555 г. видно, что ихъ суду приказаны цѣлые города. Сообщая казначеямъ къ свѣдѣнію новый указъ о холопахъ, дьякъ Безсоновъ такъ заканчивалъ память: «И казначеямъ Ѳедору Ивановичу да Хозяину Юрьевичу велѣти то въ Судебникъ написати, а въ городы, которые имъ приказаны судити, къ выборнымъ головамъ послати, чтобъ они добровольныхъ людей судили по сему приговору». Казначеямъ былъ порученъ не только судъ въ различныхъ случаяхъ, но и казнь, какъ можно заключить изъ слѣдующей памяти царя Ивана Васильевича отъ 25 апрѣля 1559 г.: «Въ который день живетъ панихида болшая, митрополитъ у государя за столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ, и въ той день смертною и торговою казнію вамъ въ своемъ приказѣ казнити не велѣлъ никого».

Въ 1566 г. С. былъ пожалованъ въ бояре, а въ 1567 г. умеръ.

«Ник. Лѣт.», т. VII, стр. 207, 208, 268. — «Др. Рос. Вивл.», т. VIII, стр. 3; т. XIII, стр 30, 32, 33, 36, 37, 39, 45, 53, 58, 67—68, 74, 81, 293; т. XX, стр. 33, 47, 48. — «Синб. Сборн.», стр. 16. — «Чт. Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», 1902 г., т. I, стр. 2, 4, 7, 123, 163, 173, 189, 212, 226.—«Акты Ист.», т. I, стр. 214, 252—53, 266.—«Доп. къ Акт. Ист.», т. I, стр. 79, 132, 138, 157, 170. — «Акты Арх. Экси.», т. I, стр. 201, 213, 218, 223, 234, 236, 238, 262, 266, 278, 292.—«Акты юрид.», стр. 52, 53.—«Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. I, стр. 458, 459; т. II, стр. 44, 47, 50.—«Полн. Собр. Зак.», т. XIX, стр. 377, 466.—Кн. Щербатовъ, т. VII, стр. 139; т. VIII, стр. 69.—«Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. LIX, стр. 218, 223—224, 390—418, 420—446, 495—500, 510—531, 570, 574, 579, 593—594.—Карамзинъ, «Ист. госуд. Рос.», т. VIII, стр. 20, 47, пр. 37, 189; т. IX, прим. 654. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VI, стр. 171, 251.—Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 27, 121, 179. 213 — 217, 270, 277. — «Древніе акты, относящ. къ исторіи Вятскаго края», Вятка, 1881 г., стр. 24, 26—27, 30—31.

Сукинъ, *Яковъ Галактіоновичъ*, капитанъ 1-го ранга, потомъ генералъ-маіоръ; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 22 февраля 1764 г.; 1 мая 1768 г. былъ произведенъ въ гардемарины и до 1770 г., когда получилъ чинъ мичмана, плавалъ на учебныхъ судахъ. Командуя палубнымъ ботомъ «Св. Георгій Побѣдоносецъ», С. въ 1771 г. на немъ перешелъ изъ Ревеля въ Копенгагенъ, оттуда, въ составѣ эскадры контръ-адмирала Арфа, прибылъ въ Архипелагъ, въ которомъ нѣкоторое время занимался крейсерствомъ, а въ 1772 г. изъ Архипелага перешелъ въ Ливорно. Въ 1775 г. С., уже въ чинѣ лейтенанта, находился въ Архангельскѣ, откуда нѣсколько разъ

пытался моремъ пройти въ Кронштадтъ, но «за ветхостью судовъ» каждый разъ неудачно, вслѣдствіе чего его потребовали въ Петербургъ и назначили надъ нимъ слѣдствіе. «За троекратное возвращеніе въ Архангельскъ и за дерзкія рѣчи въ судѣ, по совокупности вины», онъ былъ разжалованъ въ матросы на 6 мѣсяцевъ. Съ возвращеніемъ ему въ 1777 г. прежняго чина, онъ плавалъ между Кронштадтомъ и Ревелемъ, въ 1780 г. на кораблѣ «кн. Владиміръ» въ составѣ эскадры бригадира Палибина ходилъ въ Лиссабонъ, откуда вернулся только въ слѣдующемъ году. Въ теченіе 1783—1784 гг. ему на транспортѣ «Соломбала» наконецъ удалось совершить переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Произведенный 1 мая 1788 г. въ капитаны 2-го ранга (чинъ капитанъ-лейтенанта получилъ еще въ 1783 г.), С. короткое время командовалъ фрегатомъ «Мстиславецъ», а затѣмъ штурманскою ротою и былъ занятъ проводкою кораблей изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Въ первый періодъ войны со шведами С. состоялъ начальникомъ корабля «Европа», входившаго въ отрядъ капитана Глѣбова, и участвовалъ въ двухъ морскихъ сраженіяхъ при Паркалаута (1789 г.), а въ 1790 г., командуя кораблемъ «Америка», отличился въ Красногорской и Выборгской битвахъ, особенно въ первой: отдѣлившись на своемъ кораблѣ отъ эскадры адмирала Чичагова, онъ сдѣлалъ искусный маневръ и сталъ въ чрезвычайно удобномъ для русскихъ мѣстѣ, совершенно заперевъ выходъ изъ Біоркезунда и изолировавъ такимъ путемъ находившуюся тамъ шведскую гребную флотилію отъ главныхъ непріятельскихъ силъ; этотъ тактическій маневръ сразу обезпечилъ преимущества за русскимъ флотомъ. За эту заслугу С. былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «За храбрость». 21 іюня того же 1790 г. онъ, на своемъ кораблѣ «Америка», въ отрядѣ русской гребной флотиліи принца Нассау-Зигенъ, принималъ участіе въ нападеніи у острова Равица на шведскую гребную флотилію, которая, послѣ 5-часового ночного боя, была выбита изъ пролива и отступила. Послѣ войны С. командовалъ послѣдовательно кораблемъ «Максимъ Исповѣдникъ», штурманской ротою, кор. «Три Святителя» и «Александръ Невскій», совершалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ морскія кампаніи, 1 января 1795 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ октябрѣ 1797 г. назначенъ капитаномъ надъ Архангельскимъ портомъ. Переименованный въ 1799 г. въ генералъ-маіоры, С. оставался на этой должности до самой смерти, послѣдовавшей 4 мая 1812 г.

«Общій морской списокъ», ч. V, Спб., 1890 г., стр. 142—144. — «Матеріалы для исторіи русскаго флота» (по указателю). — Веселаго, «Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса», Спб., 1852 г.—А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», Спб., 1894 г., стр. 131, 148, 203.—«Морской Сборникъ», 1851 г., № 7, стр. 91—92; 1857 г., № 9, стр. 41—43; 1873 г., № 10, стр. 86 — 87; № 12, стр. 49 — 52. — Шишковъ, «Военныя дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788 — 1790 гг.», стр. 158 — 161, 167 — 171, 214. — Головачевъ, «Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со шведами 1788—1790 гг.», стр. 37—56 и 62.

Суковъ, *Василій Нелюбовъ* — дьякъ при царѣ Василіи Шуйскомъ и Лжедимитріи. Впервые упоминается въ январѣ 1572 г. дьякомъ въ Новгородѣ, на опришной сторонѣ, а въ сентябрѣ того же года находился уже въ Москвѣ и въ разрядныхъ книгахъ записанъ въ числѣ дьяковъ, сопровождавшихъ государя въ походъ. Затѣмъ въ теченіе долгаго времени о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій, вплоть до 1591 г., когда онъ отмѣченъ находящимся въ Казани вмѣстѣ съ воеводою Дмитріемъ Ивановичемъ Вельяминовымъ. Съ 1592 г. онъ состоялъ вторымъ дьякомъ въ Разрядномъ приказѣ. Къ 19 апрѣля слѣдующаго года относится извѣстіе, что онъ вмѣстѣ съ бояриномъ кн. Никитой Романовичемъ Трубецкимъ разбиралъ тяжбу между окольничимъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Сабуровымъ и бояриномъ кн. Василіемъ Андреевичемъ Велико-Гагинымъ. Около 1596 г., съ уходомъ старшаго разряднаго дьяка Захарія Свіязева, С. становится на его мѣсто и эту важную должность занимаетъ до начала 1598 г., — въ іюлѣ указы въ Разрядъ пишутся уже на другое имя. Подъ тѣмъ же 1598 г. имя С. въ актахъ того времени встрѣчается еще два раза: по случаю разбирательства имъ мѣстническаго спора окольничихъ Михаила Михайловича и Михаила Глѣбовича Салтыковыхъ съ бояриномъ Иваномъ Васильевичемъ Сицкимъ—въ первый разъ, и во второй—въ связи съ избраніемъ на царство Бориса

Годунова, когда С. наряду съ другими чинами подписался на составленной по этому поводу грамотѣ. Въ февралѣ или мартѣ 1598 г. С. былъ назначенъ главою приказа Большого прихода, который, повидимому, выдѣлился изъ Большого Дворцоваго прихода и имѣлъ съ послѣднимъ тѣсную связь. По его подписямъ на сохранившихся документахъ можно прослѣдить, что завѣдывалъ онъ этимъ приказомъ до 1602 г., въ этомъ же году находился гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ до 29 декабря, когда по указу Годунова одновременно съ дьякомъ Андреемъ Арцыбашевымъ вновь поступаетъ въ «государеву казну въ Большой приходъ». Съ воцареніемъ Лжедимитрія С. не только не потерялъ своего значенія, но еще болѣе усилился, ставъ во главѣ приказа Большого Дворцоваго прихода. Довѣріе къ нему въ это время можетъ быть иллюстрировано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1606 г. онъ, «дьякъ изъ дворца», вмѣстѣ съ Михаиломъ Александровичемъ Нагимъ и кн. Василіемъ Михайловичемъ Мосальскимъ былъ посланъ на границу встрѣчать невѣсту Лжедимитрія—Марину Мнишекъ. Послѣднее извѣстіе о С. относится къ 1610 г., когда Сигизмундъ III выдалъ ему листъ, въ которомъ писалъ: «Пожаловали есмя діака нашего Василья Нелюбова, велѣли быть въ діацехъ въ Болшомъ Дворце по прежнему».

Новгородскія лѣтописи, Спб., 1879 г., стр. 109.—«Акты Историческ.», т. I, стр. 186, 191, 369, 406, 415, 429, 437; т. III, стр. 76, 208, 269; т. IV, стр. 463.—«Акты Археографич. Экспедиц.», т. I, стр. 394, 412, 424, 448; т. II, стр. 171—173; т. III, стр. 152. — «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, стр. 396.—«Акты Юридическіе», стр. 226. — «Древняя Россійск. Вивліоѳика», т. XIII, стр. 431.—«Разрядная книга П. Ѳ. Лихачева», стр. 125, 339, 394, 476, 504.—«Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ», т. II, стр. 482.—«Сборникъ Муханова», стр. 591.—«Сборникъ Императорск. Русскаго Историч. Общества», т. XXXVIII, стр. 300-301, 426—427.—«Русскій Историч. Сборникъ», т. II, стр. XVI—XXIV. — Д. П. Лебедевъ, «Акты историко-юридическаго собранія И. Д. Бѣляева», № 218, стр. 40. — Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Переписка между Россіею и Польшею по 1700 г.», ч. II, стр. 68.—«Ежегодникъ Владимірскаго губер. статистическаго комитета», т. II, стр. 47; т. III, стр. 428—429.—П. И. Ивановъ, «Описаніе архива старыхъ дѣлъ», стр. 225. — Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 473, 505—507, 511, 513, 556, 557; прим. 49, 57, 58, 60, 70.—А. И. Маркевичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 363—370.

Суковъ, *Вязга*—государевъ дьякъ при Грозномъ въ Новгородѣ, гдѣ должность дьяковъ была немаловажна и они играли значительную роль, являясь нерѣдко вполнѣ самостоятельными чиновниками. Изъ писцовой книги Шелонской пятины видно, что С. вѣдалъ, между прочимъ, дѣлами по утвержденію наслѣдствъ и дѣлами земельными, причемъ его рѣшенія — по ихъ ли пристрастію или по другимъ причинамъ— часто наталкивались на сопротивленіе пятиныхъ писцовъ; такой случай упоминается, напр., подъ 1540 г. С. былъ, повидимому, родственникомъ дьяку Елеазару Сукову,— едва ли сыномъ, а вѣрнѣе племянникомъ.

«Новгородскія лѣтописи», Спб., 1879 г., стр. 69. — «Акты Археографической Экспедиціи», т. I, стр. 337, 339, 343.—«Дополненіе къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 90. — «Писцовая книга Шелонской пятины, писанная Алексѣемъ Жеребцовымъ», изд. Археографич. комис., т. IV, стр. 529 — 530. — А. Пискаревъ, «Грамоты и акты Рязанскаго края», стр. 35.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки въ XVII стол.», стр. 248—250.

Суковъ, *Елеазаръ*—дьякъ велик. кн. Василія Іоанновича. Въ 1507 г. былъ посланъ къ казанскому хану Магметъ-Аминю для окончательныхъ переговоровъ о выдачѣ захваченныхъ ханомъ русскихъ купцовъ и находившихся въ Казани военноплѣнныхъ. Магметъ-Аминь, подъ угрозами Москвы, не только удовлетворилъ требованіе великаго князя, но и отправилъ къ нему своего посла бить челомъ о мирѣ. Въ 1514 г. С. вмѣстѣ съ великокняжескимъ чиновникомъ Дмитріемъ Ласкиревымъ сопровождалъ въ Вѣну цесарскаго посла Георга Шниценъ-Памера, пріѣзжавшаго къ великому князю для заключенія договора о совмѣстныхъ Россіи и Австріи наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ литовскаго короля Сигизмунда. С. и Ласкиревъ повезли въ Вѣну переведенную на нѣмецкій языкъ русскую договорную грамоту, въ которой, между прочимъ, слово «царь» было передано нѣмецкимъ «Kaiser». 1 августа Максимиліанъ припялъ русскихъ пословъ и клятвою, собственноручною подписью и золотою печатью утвердилъ договоръ, а 1 декабря С. уже былъ въ Москвѣ. Нѣмецкій подлинникъ упомянутой грамоты, сохранившійся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (русскій утерянъ), послужилъ Петру Великому до-

ментальнымъ доказательствомъ, что предки его назывались императорами (Kaiser) и въ этомъ достоинствѣ признавались австрійскимъ дворомъ.

Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 203. — Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. VII, стр. 36; прим. 14, 101.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 252.—А. Пискаревъ, «Грамоты и акты Рязанскаго края», стр. 35.

Сулешовъ, *князь Юрій Яншеевичъ*, бояринъ царя Михаила Ѳедоровича, сынъ знатнаго выходца изъ Крымской орды, родился около 1584 г. Былъ стольникомъ царя Бориса Годунова, въ 1605 г. посланъ съ золотыми въ Новгородъ-Сѣверскій къ князю Никитѣ Романовичу Трубецкому съ товарищи послѣ отраженія приступа Лжедмитрія. Оставался стольникомъ при царѣ Василіи Шуйскомъ и послѣ сверженія послѣдняго, занимая неизмѣнно первыя мѣста среди своей братьи. Въ боярскомъ спискѣ 1610—1611 гг., среди стольниковъ С. занимаетъ третье мѣсто, уступая первенство кн. Ив. Мих. Катыреву-Ростовскому и кн. Ив. Бор. Черкаскому. Не позже 1610 г. С. женился на Марфѣ Михайловнѣ Салтыковой, племянницѣ Марфы Ивановны Романовой. Когда разруха Московскаго государства достигла высшей точки, видимъ С. участникомъ земскихъ движеній, направленныхъ на возстановленіе государственнаго порядка: онъ находится въ числѣ воеводъ и перваго и второго земскаго ополченія. Въ маѣ 1611 г. его изъ перваго ополченія посылаютъ на земскую службу въ Торжокъ; въ январѣ 1612 г. за него прикладываютъ руку подъ грамотой, выданной кн. Д. Т. Трубецкому на Вагу воеводами и іерархами второго земскаго ополченія подъ Москвой. Въ первые же мѣсяцы по воцареніи Михаила Ѳедоровича Романова видимъ С. при дворѣ. Въ торжествѣ вѣнчанія на царство 11 іюля 1613 г. С. шелъ въ процессіи передъ царемъ первымъ изъ 10 стольниковъ; 11 и 13 іюля былъ у государя столъ, и «въ большой столъ смотрѣлъ стольникъ кн. Юрья Еншинъ мурзинъ сынъ Сулешевъ».

Неохотно, не сразу уступали иноземцу почетныя мѣста при дворѣ. С. пришлось выдержать цѣлый рядъ мѣстническихъ споровъ, прежде чѣмъ установился кругъ лицъ, которымъ не обидно было сидѣть подъ нимъ или быть съ нимъ. Всѣ извѣстныя столкновенія кончаются въ пользу С., но не всѣхъ изъ его побѣжденныхъ противниковъ мы встрѣтимъ потомъ ниже его: царь щадилъ ихъ родовое самолюбіе. Первое изъ такихъ дѣлъ относится къ 18 сентябрю 1613 г. Царь принималъ кизилбашскаго (персидскаго) посла Амиръ Албека. Въ числѣ стольниковъ, долженствующихъ въ качествѣ рындъ стоять около царя въ бѣломъ платьѣ, были назначены С. и Ив. Петр. Шереметевъ. Послѣдній не хотѣлъ уступить перваго мѣста С. и билъ челомъ на него государю въ отечествѣ. С. билъ челомъ встрѣчно. Шереметевъ указывалъ, что С.—«иноземецъ, а въ нашу де версту по ся мѣста менши его никто не бывалъ». Услыша это, Вас. Ив. Бутурлинъ, Матв. Ив. Плещеевъ-Колоткинъ и князь Ив. Фед. Троекуровъ били челомъ на Шереметева: «а сказываетъ, что будто въ его версту со князь Юрьемъ никто не бывалъ; а мы де, холопи твои, прежъ сего со князь Юрьемъ бывали; а Ивана Шереметева мы, холопи твои, ничѣмъ не хуже...; а ему де Ивану не токмо со князь Юрьемъ, и съ нами, холопи твоими, быть мочно». Государь рѣшилъ: «князь Юрью Еншину болши быть Ивана Шереметева, и въ Розрядѣ велѣлъ государь записать».

Въ 1614 г. видимъ С. ратнымъ воеводой, во главѣ отряда. Весною былъ посланъ Волгою, въ плавную, бояринъ кн. Ив. Никитичъ Меньшой Одоевскій въ Астрахань для дѣйствій противъ Заруцкаго. А съ конною ратью, берегомъ, «для обереганья», посланы С. и кн. Никита Петр. Барятинскій, которые должны были заботиться о сборѣ служилыхъ въ Алатырь. Одоевскій выступилъ изъ Москвы 19 апрѣля, а 29 іюня въ Астрахани получилъ извѣщеніе С. и Барятинскаго изъ Алатыря о томъ, что они прибыли на мѣсто. Но Заруцкій, разбитый неоднократно царскими войсками, и Марина Мнишекъ уже 25 іюня были схвачены своими же казаками и выданы. Повидимому, отрядъ С. активнаго участія во всей кампаніи не принималъ. С. вернулся къ своимъ придворнымъ обязанностямъ. Осенью того же 1614 г. царь ходилъ на богомолье въ Троицкую Лавру; «былъ столъ у государя въ Воздвиженскомъ... Въ столы столники смотрѣли: князь Юрья Сулешевъ да Исакъ Погожей». Это

послѣднее извѣстное упоминаніе о С. стольникѣ. 2 февраля 1615 г. ему сказано бояpство: сказывалъ бояринъ кн. Влад. Тим. Долгорукой.

Въ концѣ 1615 или началѣ 1616 г. «казанскіе и свіяжскіе и иныхъ многихъ понизовыхъ городовъ татарова и луговая черемиса заворовали». Царь поручилъ усмиреніе мятежа боярину С. и стольнику кн. Алексѣю Мих. Львову съ отрядомъ въ 1.330 чел. Судя по величинѣ рати, мятежъ представлялся угрожающимъ. По городамъ отправлены были сборщики собрать служилыхъ и привести ихъ въ Нижній къ С. Но повидимому походъ ограничился сборомъ ратныхъ людей въ Нижнемъ. — Къ первой половинѣ 1617 г. относится самое важное выступленіе С. въ качествѣ ратнаго воеводы. Поляки стали тѣснить московскіе отряды Мих. Бутурлина и Ис. Погожаго, стоявшіе подъ Смоленскомъ. 6 января 1617 г. государь велѣлъ идти въ Дорогобужъ большой вспомогательной рати подъ начальствомъ С. и кн. Сем. Вас. Прозоровскаго. 16 февраля С. былъ уже въ Вязьмѣ. Польскій отрядъ полк. Чаплинскаго заставилъ Бутурлина и Погожаго уйти изъ-подъ Смоленска, напалъ на С. въ Дорогобужѣ, но былъ отбитъ съ большими потерями. Царь 21 мая велѣлъ С. и Прозоровскому со всѣми ратными идти къ Москвѣ. Несмотря на неудачу похода, участники его были награждены.—Осенью 1618 г. С. въ послѣдній разъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Владиславъ съ польскимъ войскомъ приближался къ Москвѣ. По приговору земскаго собора 9 сентября оборона Москвы поручена 16 боярамъ, въ ихъ числѣ — С. Въ этой же осадѣ былъ и братъ его—Маметша-мурза. Почти черезъ годъ — 21 августа 1619 г. братья получили жалованную грамоту на вотчины въ Муромскомъ и Нижегородскомъ уѣздахъ за осадное сидѣнье, за то, что они «стояли крѣпко и мужественно, и на боѣхъ и на приступѣхъ билися, не щадя головъ своихъ». Итакъ, на ратномъ полѣ, насколько позволяютъ судить дошедшія извѣстія, С. никакихъ талантовъ не проявилъ: алатырскій и казанскій походы ограничились сборомъ ратныхъ, дорогобужскій походъ цѣли не достигъ, давъ отличиться лишь мелкимъ начальникамъ; только мужество при оборонѣ Москвы отмѣчено въ оффиціальной грамотѣ. Послѣ 1618 г. С. совершенно оставляетъ боевое поприще, обратившись къ дѣятельности административной.

Боярская книга 1615—1676 г. показываетъ намъ высокое положеніе С. среди своей братьи въ новомъ санѣ. Здѣсь поименованы 24 боярина, изъ коихъ у 4 окладъ (денежный) не обозначенъ; изъ остальныхъ двое имѣютъ окладъ въ 700 руб. (Мстиславскій и Воротынскій); слѣдующій окладъ — 500 руб. имѣютъ только шестеро бояръ, въ ихъ числѣ С. Небезынтересно замѣтить, что кн. Ив. Вор. Черкаскій, двоюродный братъ государя, первый, кого государь пожаловалъ въ боярство по вступленіи на престолъ,—въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ остается при своемъ окладѣ стольника (200 руб.), а С., получившій боярство менѣе года назадъ, поверстанъ почти высшимъ боярскимъ окладомъ (500 р.). Такое видное положеніе открывало С. доступъ къ высшимъ, отвѣтственнымъ должностямъ въ центральномъ и областномъ управленіи, на каковыхъ мы и видимъ его съ 1619 по 1640 г., почти безъ перерыва.

Въ 1619 г., немедля по возвращеніи своемъ изъ польскаго плѣна, патріархъ Филаретъ взялся за государственныя дѣла. Уже въ 1619 г. видимъ мѣры противъ одного изъ величайшихъ соціальныхъ золъ своего времени — закладничества. Земскій соборъ, очевидно, не безъ вліянія Филарета, учредилъ приказъ Сыскныхъ Дѣлъ для сыска и возвращенія въ тягло закладчиковъ и вообще лицъ выпедшихъ изъ тягла. Во главѣ приказа поставленъ С. Отъ его дѣятельности на этомъ посту осталось мало слѣдовъ: повидимому, результаты были незначительны, а приказъ вскорѣ закрытъ, надо полагать, благодаря стараніямъ сильныхъ людей, противъ которыхъ онъ былъ направленъ. — Не позже декабря того же 1619 г. учрежденъ былъ другой приказъ Сыскныхъ Дѣлъ для пересмотра жалованныхъ грамотъ и порученъ сначала кн. Ю. А. Сицкому; не позже марта 1621 г. его смѣнилъ С.; при обоихъ былъ дьякомъ Семенъ Головинъ, до конца 130 (средины 1622 г.). Извѣстно довольно много грамотъ, пересмотрѣнныхъ и подтвержденныхъ за это время, съ подписью дьяка С. Головина. Почему-то дѣятельность С. и здѣсь оказалась неудовлетворительной: смѣнившій его въ февралѣ 1623 г. боя-

ринъ кн. Б. М. Лыковъ съ дьякомъ П. Пахиревымъ стали вторично пересматривать грамоты, подтвержденныя С., и кое въ чемъ измѣнять ихъ. Въ январѣ 1623 г. С. назначенъ на воеводство въ Тобольскъ, т. е. отправленъ въ почетную ссылку. Въ какомъ духѣ былъ произведенъ вторичный пересмотръ жалованныхъ грамотъ кн. Лыковымъ и чье негодованіе возбудилъ С.— сильныхъ людей, привилегіи которыхъ онъ умалялъ, или высшей власти, предначертанія которой исполнялъ не съ должной энергіей? Извѣстно лишь, что сначала пересмотръ производился по челобитью самихъ грамотчиковъ, позднѣе—по приказу государя; извѣстно также, что вторичному пересмотру подверглась грамота Симонова монастыря, который Сулешовы всегда одаривали и гдѣ они погребались, гдѣ самъ С. выстроилъ церковь въ годъ отъѣзда въ Сибирь: это говоритъ какъ будто за сравнительную снисходительность С. къ грамотникамъ. Съ другой стороны, Филаретъ не могъ поручать борьбу съ злоупотребленіями людямъ слабымъ волею и нечестнымъ, такъ какъ это въ корнѣ губило бы его начинанія; въ то же время видимъ, что на брата С., стольника кн. Вас. Яншеевича опала не распространялась: онъ назначенъ кравчимъ на мѣсто Мих. Мих. Салтыкова, и ему государь велѣлъ быть у себя въ комнатѣ, въ чемъ можно видѣть особое благоволеніе царское. — Въ эти же годы С. принялъ участіе въ важномъ дѣлѣ. Въ ожиданіи новой войны съ Польшей земскій соборъ 12 октября 1621 г. предпринялъ большой сыскъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ. Во всѣ концы поѣхали бояре приводить въ извѣстность военныя силы государства; С. съ дьякомъ Пот. Внуковымъ посланъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ округовъ—Рязань и Мещеру.

Первыя же два появленія С. за царскимъ столомъ сопровождались мѣстническимъ споромъ. 6 августа 1621 г. у государева стола были бояре С. и кн. Гр. Петр. Ромодановскій. Послѣдній билъ челомъ на С., находя, что ему меньше его быть не вмѣстно: «какъ кн. Григорей посланъ былъ въ прошломъ 124 году на съѣздъ съ крымскими послы, а въ послѣхъ въ тѣ поры былъ дядя князь Юрьевъ болшой Ахметъ паша Сулешевъ, а пріѣзжалъ на съѣздъ къ нему князь Григорью и въ государевѣ шатрѣ у него былъ». Царь и патріархъ отвѣтили: «что ему князь Григорью и съ Ахметъ пашею какіе мѣста: Ахметъ паша служитъ крымскому царю, а князь Юрья ему государю служитъ...» Царь рѣшительно объявилъ челобитчику: «съ князь Юрьемъ ему мочно быть, и лучше де тебя съ князь Юрьемъ бывали... И велѣлъ ему государь сѣсть подъ князь Юрьемъ. И князь Григорей подъ князь Юрьемъ въ столѣ сидѣлъ». Кн. Прозоровскій, кн. Сицкой и Третьяковъ, считая себя не хуже Ромодановскаго, били челомъ «помогаючи» С.: они «бывали и съ меньшимъ съ князь Юрьевымъ братомъ, съ князь Васильемъ Сулешовымъ». С. не удовлетворился рѣшеніемъ царя и послѣ обѣда билъ челомъ патріарху на безчестье, прося оборони. Въ отвѣтѣ Филарета звучитъ раздраженіе: «каково де безчестья хочешь, вѣдь де и такъ князь Григорей подъ тобою сидѣлъ, и ему сказано, что ему быть съ тобою мочно; а о оборони отказано». — Другое дѣло носитъ характеръ скорѣе осторожной оговорки, чѣмъ спора. 14 марта 1622 г. съ С. у стола государева былъ бояринъ кн. Д. М. Пожарскій, который билъ челомъ на С. по такому соображенію: по родству кн. Гр. Петр. Ромодановскій ему малъ, нынѣ бы его отечеству порухи не было. Патріархъ напомнилъ, что Ромодановскому въ его челобитьи на С. отказано. И князь Дмитрей, по государеву слову, сѣлъ подъ князь Юрьемъ». Оба раза у стола государева видимъ также и патріарха Филарета; къ нему С. обращается съ просьбой о оборони, онъ принимаетъ участіе въ разборѣ спора. Можно допустить, что именно Филаретъ выдвигаетъ С. впередъ и является его покровителемъ. Но какъ бы то ни было, это покровительство не избавило С. отъ сибирской службы.

Назначеніе С. въ Тобольскъ состоялось 13 января 1623 г., отправленіе — не ранѣе февраля. Въ товарищи С. данъ Фед. Кирил. Смердовъ-Плещеевъ и дьяки Герасимъ Мартемьяновъ и Никита Леонтьевъ. Въ Верхотурье воеводами посланы кн. Никита Петр. Барятинскій, соратникъ С. по алатырскому и дорогобужскому походу, и Макс. Сем. Языковъ, котораго спустя 19 лѣтъ видимъ душеприказчикомъ въ завѣщаніи С. Кромѣ того С. даны двое

письменныхъ головъ, каковыхъ до сего времени въ Тобольскѣ не бывало. Дьякъ Мартемьяновъ заслуживаетъ вниманія. Ранѣе онъ былъ при С. дьякомъ приказа Сыскныхъ Дѣлъ въ 1619 г., затѣмъ съ 1620 г.—дьякомъ Помѣстнаго приказа, но вмѣстѣ съ другимъ дьякомъ—Новокитоновымъ, они позволили себѣ записать неточно постановленіе земскаго собора 12 марта 1620 г., иначе говоря, совершили служебный подлогъ и «многіе статьи переправливали не дѣломъ». Подлогъ открылся спустя болѣе 2 лѣтъ, и, вѣроятно, благодаря этому-то Мартемьяновъ отправленъ на сибирскую службу и С. получилъ въ свое распоряженіе человѣка опытнаго въ области земельныхъ дѣлъ и отношеній. Такимъ образомъ, вокругъ С. въ Сибири видимъ усиленный штатъ служащихъ, видимъ друзей его и опытныхъ дѣльцовъ. Наказъ, данный ему изъ Казанскаго Дворца княземъ Дм. Маметр. Черкаскимъ, предоставлялъ большую свободу дѣйствій: «а велѣно ему, будучи въ Сибири, въ Тобольску и во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ искати во всемъ государю прибыли и дѣлати во всемъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ его Богъ вразумитъ». Въ Сибири С. ждало большое дѣло. Нѣсколько лѣтъ уже государь требовалъ, чтобы мѣстные воеводы произвели опись населенныхъ мѣстъ, жителей и ихъ занятій. Воеводы бездѣйствовали. Только С., наконецъ, «разсмотря тамошнихъ сибирскихъ мѣстъ, посылалъ дѣтей боярскихъ съ подъячими, приведчи къ крестному цѣлованью, всякихъ земель писать и дозирать, и ясачныхъ людей и посадцкихъ и пашенныхъ крестьянъ и всякихъ людей описывать». Вспомнимъ, какъ сложна была эта задача въ Европ. Россіи, гдѣ на исполненіе ея уходило по нѣсколько лѣтъ; вспомнимъ мѣстныя затрудненія,—неустроенность путей сообщенія при громадности разстояній. Русскія владѣнія уже охватывали значительную часть бассейна Енисея; былъ перейденъ волокъ на р. Лену: пространство превышавшее европейскія владѣнія. Оцѣнимъ энергію вдохновителя, искусство организатора, труды исполнителей, успѣвшихъ завершить почти все это громадное предпріятіе въ теченіе 1623 и 24 г.г.; слѣдующему воеводѣ пришлось закончить лишь опись архіерейскаго дома, начатую при С. Произведенная ревизія была чревата послѣдствіями: она установила присутствіе въ Сибири многихъ людей, находящихся не у дѣлъ, «гулящихъ», тогда какъ раньше воеводы жаловались на отсутствіе рабочихъ рукъ на мѣстахъ; она обнаружила много земель, воздѣлываемыхъ жителями на себя безъ вѣдома власти, много частныхъ промысловъ, не приносящихъ выгоды казнѣ. Изъ ревизіи вытекъ рядъ «уложеній боярина кн. Ю. Я. Сулешова», которыя составили эпоху въ исторіи Сибири и совершенно преобразили характеръ мѣстной жизни, внесли въ нее порядокъ и настолько соотвѣтствовали ея условіямъ, что, за немногими исключеніями, просуществовали очень долго. Въ то же время С. упорядочилъ казенную отчетность, первый составивъ «смѣтныя книги хлѣбныхъ и денежныхъ доходовъ и расходовъ». До тѣхъ поръ Сибирь во многихъ сторонахъ экономической жизни зависѣла отъ Европейской Россіи. Служилые люди получали, кромѣ денежнаго, и хлѣбное жалованье, но собственнаго мѣстнаго хлѣба у казны не ставало. Приходилось привозить большое количество его изъ поморскихъ и поволжскихъ уѣздовъ, что стоило очень дорого казнѣ и составляло тяжелую повинность для жителей, обязанныхъ доставлять свой хлѣбъ въ Сибирь на собственныхъ подводахъ: часто подводы не выдерживали труднаго пути и не возвращались домой. «Пашенное уложеніе» С. установило правильное соотвѣтствіе между величиной «собинной» пашни, которую крестьянинъ пашетъ на себя, и количествомъ десятинъ, которое онъ обязанъ пахать за это на государя,—«и государева десятинная пашня прибыла многая». «Хлѣбное уложеніе», строго соблюдаемое, установило сборъ пятиннаго выдѣльнаго хлѣба съ пашенъ служилыхъ людей. Многіе служилые, получая хлѣбное жалованье, самовольно захватили себѣ земли и стали пахать на себя: имъ оставлена пашня, но выдача хлѣбнаго жалованья прекращена. Въ связи съ этимъ пересмотрѣны оклады денежнаго жалованья, которые въ различныхъ городахъ были различны; установлено два разряда городовъ—пашенные и не-пашенные; для каждаго разряда произведена уравнительная переверстка жалованья, кое-гдѣ сокращены оклады казакамъ и стрѣльцамъ. Благодаря этому получилась большая экономія, и изъ Казани стали присылать жалованье сибир-

скимъ служилымъ вдвое меньше прежняго. Въ непашенныхъ городахъ (Мангазея и др.), вмѣсто дорогой покупки хлѣба, С. сталъ съ купцовъ и промышленниковъ брать въ видѣ пошлины десятину изъ ихъ хлѣбныхъ запасовъ. Когда же все-таки приходилось покупать хлѣбъ въ казну, то въ сибирскихъ городахъ платили по 20 алтынъ за четь и меньше, вмѣсто прежнихъ рубля и полутора. Въ цѣляхъ увеличенія пашни основывались новыя слободы крестьянскія въ плодородныхъ мѣстностяхъ (напр. на р. Ницѣ); отъ иныхъ промысловъ и занятій люди обращались къ пахотѣ. Въ результатѣ всего этого Сибирь стала обходиться собственнымъ хлѣбомъ; уже въ 1624 г. стало «хлѣбными запасы мочно въ сибирскихъ городѣхъ пронятца безъ присылки поморскихъ городовъ». Прилежащіе европейскіе уѣзды избавились отъ разорительной повинности. Выиграла казна, выиграло населеніе, знавшее теперь опредѣленно размѣры своихъ повинностей, что оставляло меньше простора злоупотребленіямъ.

Ясачное и таможенное «уложенія» С. значительно увеличили доходы казны съ ясачныхъ инородцевъ и съ сибирской торговли. Ясакъ былъ увеличенъ, но не представлялся отяготительнымъ, такъ какъ вскорѣ видимъ, что тюменскіе татары-ямщики просятъ перевести ихъ на ясакъ, хотя бы даже съ прибавкой противъ прежняго, но избавить ихъ отъ ямской повинности, которая имъ «не за обычай». Увеличеніе ясачной соболиной казны имѣло для Московскаго правительства въ иныхъ отношеніяхъ, пожалуй, не меньшее значеніе, чѣмъ экономія по хлѣбнымъ операціямъ. Вспомнимъ, какую роль играли соболи въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Въ Константинополѣ наши посольства не могли шагу ступить безъ соболиныхъ сороковъ, подносимыхъ въ даръ великимъ и малымъ вельможамъ султана.

Населеніе, жившее доселѣ во льготѣ, не платя тягла, не неся иныхъ повинностей, также привлекло къ себѣ вниманіе С. Посадскіе были обложены оброкомъ. Подъ оброкъ попали было и монастырскіе половники, но у Тобольскаго Знаменскаго монастыря всѣ его 10 половниковъ «разбрелись розно», и пришлось новыхъ половниковъ монастыря отъ оброка освободить. С. старался вообще распредѣлять повинности наиболѣе цѣлесообразно. На Верхотурскій волокъ въ бродовщики (чинить дороги и мосты) посылались раньше пашенные крестьяне, для которыхъ это было очень тягостно; С. замѣнилъ ихъ ямскими охотниками. На Тюмени же прежнихъ ямскихъ охотниковъ онъ посадилъ на пашню, въ крестьяне, а гоньбу ямскую возложилъ на мѣстныхъ татаръ. Но въ 1629 г. татары съ гоньбы переведены на ясакъ, а подводы тюменскіе воеводы стали брать по вольному найму за счетъ ямского оклада. Въ Мангазею на годовую службу прежде посылались 50 казаковъ изъ состава Тобольскаго войска. С., не ослабляя тобольскихъ силъ, набралъ эти 50 человѣкъ изъ вольныхъ людей и послалъ ихъ въ Мангазею. Привлеченіе дотолѣ «гулящихъ» рабочихъ силъ къ дѣлу принесло еще одно немалое облегченіе для прилегающихъ европейскихъ уѣздовъ. Прекращена посылка плотниковъ изъ поморскихъ уѣздовъ: ихъ стали нанимать на мѣстѣ, въ Сибири. Прекращена посылка посадскихъ людей изъ Казани въ Сибирь на таможенныя службы: стали избирать изъ мѣстныхъ посадскихъ,—а таковыхъ изъ Казани каждый годъ перебывало до 800 и больше, что вело многихъ «молодшихъ» людей къ разоренію.

Установителю земскаго наряда въ Сибири неизбѣжно приходилось бороться съ различными злоупотребленіями и неустройствами. Въ 1624 г., при пріемѣ г. Томска новые воеводы кн. Ав. Гагаринъ и Сем. Диковъ открыли недочетъ казны у прежнихъ кн. Ив. Шеховского и Макс. Радилова: болѣе 388 руб. деньгами и болѣе 1,000 четей хлѣба. Дѣло получило законный ходъ, и С. нажилъ себѣ враговъ на всю жизнь. Въ Тобольскѣ былъ уничтоженъ кабакъ, въ Тарѣ зерновой откупъ, такъ какъ служилые люди проигрывали въ зернь свои «животишки» и оружіе, и отъ той зерни чинились «татьба и воровство великія», и «сами себя изъ самопаловъ» убивали и давились. Самъ С. стяжалъ себѣ репутацію безупречно честнаго человѣка. Борьба съ злоупотребленіями не мѣшала заботиться о награжденіи заслугъ. При С. въ 1624 г. основана и построена богадѣльня изъ государственной казны «для отставныхъ старыхъ и увѣчныхъ» воиновъ, согласно ихъ челобитью, причемъ

иные изъ нихъ служили въ Сибири лѣтъ по 40, съ Сибирскаго взятья. Вслѣдъ за тѣмъ назначена руга новому Знаменскому монастырю, куда, «безо вкладу постригались ещо-де Ермаковскихъ казаковъ постриженики».

Воеводство С. является переломомъ въ исторіи Сибири. До него, въ продолженіе 40 лѣтъ шло непрерывное «пріисканіе новыхъ и новыхъ землицъ подъ высокую руку государеву». Каждый новый воевода старался отличиться увеличеніемъ территоріи и числа подвластныхъ ясачныхъ. Ко времени С. захвачено было громадное пространство, на которомъ царили безпорядки. С. обратился къ устроенію внутренняго наряда, и эта задача одна уже требовала такого напряженія энергіи, что во внѣшней политикѣ видимъ нѣкоторое затишье. «Задоръ» и несправедливость томскихъ воеводъ, вызывавшіе неоднократныя возстанія и набѣги киргизовъ, получаютъ рѣшительное осужденіе. Сношенія съ калмыками и Алтынъ-Ханомъ монгольскимъ не встрѣчаютъ сочувствія воеводы, и изъ Москвы приходитъ приказъ: не пропускать ихъ пословъ въ Москву по всякому пустому поводу. Морской путь въ Мангазею изъ приполярной Россіи закрывается, чтобы «нѣмецкіе люди» какъ-нибудь его не провѣдали. Встрѣчаемъ одно проявленіе прежней агрессивной политики мѣстнаго правительства: изъ Енисейска отправляется партія казаковъ въ Братскую (бурятскую) землю,—но, повидимому, этотъ шагъ предпринятъ мѣстнымъ воеводой Як. Хрипуновымъ за свой рискъ и страхъ. С. же сосредоточился исключительно на внутреннихъ дѣлахъ. Его мѣропріятія требовали большого напряженія со стороны сибирскаго населенія. Предпріимчивые и алчные авантюристы, составлявшіе массу сибиряковъ, не могли быть довольны, когда ихъ лишали льготъ, хотя бы незаконныхъ, когда ихъ принуждали браться за тяжелую работу, отвлекая отъ легкой наживы, когда преслѣдовали и карали за то, что до той поры считалось допустимымъ и обычнымъ. До насъ дошло извѣстіе о заговорѣ тюменскихъ служилыхъ людей—атамана пѣшихъ казаковъ Пріѣзжаго Рязанова съ товарищи. Хотѣли подстеречь С. на обратномъ пути изъ Тобольска въ Москву, животы его разграбить, а самого убить. Заговорщиковъ выдалъ, повидимому, атаманъ тюменскихъ же конныхъ казаковъ Иванъ Воиновъ. Какъ бы то ни было, С. не могъ не знать о множествѣ недовольныхъ; слухи о заговорѣ должны были дойти до него; онъ могъ ожидать вспышки противъ себя каждую минуту и на каждомъ шагу. Если примемъ во вниманіе его нервное состояніе въ это время, то легко поймемъ случай съ тобольскимъ боярскимъ сыномъ Данилой Низовцовымъ. Въ апрѣлѣ 1625 г., когда С. дослуживалъ въ Тобольскѣ послѣдніе мѣсяцы, онъ былъ въ соборѣ св. Софіи у заутрени. Всѣ пошли къ нему христосоваться. Низовцовъ подошелъ съ яйцомъ въ рукѣ, наклонился и поцѣловалъ С. въ руку вмѣсто губъ. Увидя въ этомъ воровской умыселъ, С. тутъ же въ церкви, «передъ архіепископомъ и передъ товарищи и передъ всѣми людьми, зашибъ» его въ щеку, обругалъ, послалъ въ тюрьму, да самъ же подалъ на него челобитную митрополиту Макарію, прося разслѣдовать дѣло, такъ какъ подозрѣвалъ заговоръ. Низовцову пришлось съѣздить въ Москву, но, кажется, онъ вернулся оттуда благополучно.

29 мая 1625 г. С. сдалъ дѣла своему преемнику боярину кн. Дм. Тим. Трубецкому, и 22 августа того же года мы видимъ его у государева стола. Сотрудники С. по сибирской службѣ были награждены, и самъ онъ къ прежнему окладу 500 р. получилъ прибавку въ 50 руб. и снова сталъ въ первыхъ рядахъ боярства. Если и была опала два года назадъ, то теперь нѣтъ и слѣдовъ ея: блестящая служба все покрыла. Отзывъ Казанскаго Дворца о заслугахъ его формулируется въ слѣдующихъ выразительныхъ словахъ: «И всякими дѣлы бояринъ князь Юрьи Яншеевичъ Сулешевъ Сибирскую землю, по своему высмотру, обновилъ и во всемъ устроилъ». Для разоренной московской казны была весьма чувствительна какъ большая экономія, такъ и прямая прибыль, доставленная въ итогѣ мѣропріятій С. Реформы, произведенныя имъ своей властью, санкціонированы законодательнымъ путемъ и впослѣдствіи не разъ подтверждались, какъ при жизни С., такъ и по смерти, въ теченіе двухъ долгихъ царствованій. Ему отдавали должное даже его преемники, позднѣйшіе сибирскіе воеводы, отнюдь вообще не склонные восхвалять своихъ

предшественниковъ. И по возвращеніи въ Москву С. продолжалъ вліять на сибирскія дѣла въ боярской думѣ. Отъ ея засѣданій не осталось никакихъ слѣдовъ дѣлопроизводства: кто и что тамъ говорилъ, мы обыкновенно не знаемъ. Тѣмъ цѣннѣе извѣстіе о выступленіи С. Въ январѣ 1627 г. дума назначала воеводъ въ Сибирь, на мѣсто тѣхъ, которые смѣнили С. съ товарищи. На Верхотурье второй воевода не посланъ: «потому что сказалъ государю бояринъ князь Ю. Я. Сулешовъ, что на Верхотурьѣ другому воеводѣ быть нечего для, только государевѣ казнѣ въ жалованьѣ и въ подводѣхъ убытокъ, а на Верхотурьѣ воеводѣ мочно быть одному». Равнымъ образомъ, «по сказкѣ» С. не посланы вторые воеводы въ Тюмень, Березовъ и Сургутъ, и только 4 города остались съ двумя воеводами каждый: Тобольскъ, Тара, Мангазея и Томскъ.

5 февраля 1626 г. С. присутствуетъ на бракосочетаніи царя Михаила Ѳедоровича съ Евд. Лук. Стрѣшневой. Тутъ же (впервые) упоминается его жена княгиня Марфа Михайловна, которая теперь часто встрѣчается въ числѣ «пріѣзжихъ» боярынь. Съ того же февраля 1625 г. (если не раньше) и приблизительно до мая 1630 г. С. сидитъ судьей въ приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ, оставаясь дольше всѣхъ на этой должности въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Съ однимъ и тѣмъ же дьякомъ—Иваномъ Цереносовымъ С. въ 1626 г. вѣдаетъ еще приказъ Приказныхъ Дѣлъ.

Свѣдѣнія объ этихъ приказахъ неясны и неполны. По актамъ заключаемъ, что С. былъ порученъ надзоръ за дѣятельностью дозорщиковъ,—задача серьезная. Переводъ посадскихъ людей (напр. изъ Чердыни) въ московскую суконную сотню тоже видимъ въ вѣдѣніи приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 22 августа 1628 г. С. «сказано въ Розбойный приказъ», гдѣ онъ сидѣлъ еще въ 1629 и 1630 гг. Въ товарищахъ съ нимъ здѣсь былъ Ив. Вас. Измаиловъ, затѣмъ Бор. Ив. Пушкинъ; въ числѣ дьяковъ видимъ опять Семена Головина, сидѣвшаго съ С. въ приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ въ 1621—22 гг. Спустя 3 мѣсяца по назначеніи С., царь и патріархъ слушаютъ и утверждаютъ новыя «статьи», касающіяся дѣлопроизводства Разбойнаго приказа. На основаніи сохранившихся дѣлъ можно высказать предположеніе, что, при всей своей суровости, С. вліялъ на царскіе приговоры въ смягчающемъ духѣ: въ случаяхъ, за которые ранѣе виновные подвергались смертной казни, мы видимъ теперь ссылку въ Сибирь на поселеніе. Кромѣ обычныхъ приказныхъ дѣлъ, на С. попрежнему возлагались отвѣтственныя порученія. Въ первой половинѣ 1628 г. ему поручено верстать новиковъ всѣхъ городовъ; для поспѣшенія половина городовъ была передана боярину кн. Дм. Мих. Пожарскому.

Въ іюнѣ или маѣ 1630 г., С. смѣненъ изъ приказа Сыскныхъ Дѣлъ и съ дьяками Разбойнаго приказа Ив. Сафоновымъ и Никитой Посниковымъ посланъ въ уѣздъ на разборъ служилыхъ въ статьи къ денежному жалованью; сохранились десятни его разбору бѣжечанъ, угличанъ и звенигородцевъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

10 сентября 1630 г. С. назначенъ на воеводство въ Новгородъ Великій, съ нимъ кн. Сем. Никит. Гагаринъ на мѣсто боярина кн. Д. М. Пожарскаго и М. Ф. Глѣбова. Почти одновременно братъ его кравчій Вас. Яншеевичъ исчезаетъ изъ дворцовыхъ записей на 7 мѣсяцевъ. Возможна опала, постигшая обоихъ братьевъ. Судя по смѣтному списку 139 г., С. былъ единственнымъ въ этомъ году бояриномъ на воеводствѣ въ уѣздѣ; прочіе пребывали въ Москвѣ. Въ Новгородѣ С. занимали, главнымъ образомъ, дѣла по сношеніямъ со Швеціей; онъ проявлялъ осторожность, даже придирчивость въ вопросѣ о выдачѣ перебѣжчиковъ, заботился о поддержаніи городскихъ укрѣпленій въ цѣлости, о содержаніи боевыхъ силъ въ готовности. Во внутреннихъ мѣропріятіяхъ видимъ обычную заботливость С. объ интересахъ государевой казны; такъ, въ первый же годъ воеводства онъ посылаетъ «въ новгородскіе монастыри отписывать на государя збруи всякіе». 11 октября 1632 г. на мѣсто С. и Гагарина назначены кн. Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій и Пав. Ив. Волынскій.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Новгорода С. получаетъ въ вѣдѣніе Разбойный приказъ, гдѣ остается въ теченіе болѣе $3^1/_2$ лѣтъ; смѣщенъ 7 іюня 1636 г. Дѣятельность его здѣсь мало извѣстна; повидимому, она была тѣсно связана съ военными потребностями времени—со Смоленскимъ походомъ 1633—34 гг. Еще 27 іюня

1633 г. С. порученъ приказъ сбора ратныхъ людей и денегъ для этого похода. Было приказано «сбирать тѣхъ даточныхъ не мѣшкая, а собравъ, пересмотрѣти тѣхъ даточныхъ людей на лицо, и отрѣляти имъ велѣти при себѣ, а пересмотря, велѣти имъ сказати, чтобы они на государеву службу подъ Смоленескъ со всею службою ихъ запасы были готовы, а идти имъ подъ Смоленескъ тотчасъ, безо всякаго задержанія». Тѣми же потребностями момента было вызвано еще одно особое порученіе С.: въ ноябрѣ и декабрѣ 1633 г. онъ съ кн. Н. М. Мезецкимъ произвелъ перепись дворцовъ и людей Москвы «для осаднаго времени», въ ожиданіи поляковъ. Въ декабрѣ того же года С. раздавалъ денежное жалованье служилымъ, отправляемымъ съ кн. Черкаскимъ и Пожарскимъ подъ Смоленскъ на смѣну Шеина, давалъ «наспѣхъ, днемъ и ночью». Въ сентябрѣ 1634 г. С. произвелъ «досмотръ» городъ Ростова. Видимъ кипучую дѣятельность С. и царское благоволеніе, частое появленіе у государева стола: въ теченіе 5 лѣтъ (1625—30)—16 разъ, въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ (1632—36 апр.)—18 разъ, и за все время одно мѣстническое дѣло въ февралѣ 1634 г. съ бояриномъ Бор. Мих. Салтыковымъ, только что, по смерти Филарета, возвращеннымъ ко двору. На поставленіи новаго патріарха Іоасафа С. водилъ подъ патріархомъ осля и былъ 6 февраля у государева стола; были: патріархъ и бояре кн. Иванъ Бор. Черкаскій, С., Бор. Мих. Салтыковъ. Послѣдній не хотѣлъ сѣсть подъ С. и не явился къ столу; его привезли насильно, посадили, а потомъ за безчестье кн. Юрія Яншеевича кинули въ тюрьму. Позднѣйшихъ мѣстническихъ дѣлъ С. мы не встрѣчаемъ: положеніе С., повидимому, окончательно упрочилось. Между прочимъ, 10 іюня 1635 г. онъ встрѣчалъ тѣло царя Вас. Ив. Шуйскаго, возвращенное изъ Литвы, за Арбатскими воротами; съ нимъ были бояринъ Б. М. Салтыковъ и окольничій М. М. Салтыковъ; съ ними же С. ночевалъ «у гроба въ арханьелѣ».

Смѣщенный изъ Разбойной Избы, С. $1^1/_2$ года провелъ не у дѣлъ, точнѣе—безъ особыхъ дѣлъ, такъ какъ нѣтъ слѣдовъ его удаленія отъ двора и изъ думы. Въ 1638 г., не ранѣе января или даже февраля, онъ назначенъ вторично воеводою въ Новгородъ Великій. Кругъ дѣлъ его и теперь тотъ же, что 8 лѣтъ назадъ: видимъ тѣ же заботы объ исправленіи укрѣпленій, ту же осторожность въ сношеніяхъ съ иноземцами, придирчивость въ пропускѣ за рубежъ. Замѣчается неблагожелательность по отношенію къ церковнымъ и монастырскимъ властямъ, которыя умѣютъ однако найти себѣ защиту въ Москвѣ. Такъ, новгородскіе откупщики въ теченіе двухъ лѣтъ (146 и 147, т. е. 1638 и 39 г.) притѣсняли рыболововъ Спасо-Преображенскаго Старорусскаго монастыря на оз. Ильменѣ, и только вмѣшательство приказа Большого Дворца возстановляетъ ихъ прежнія льготы; С. прекратилъ было выдачу денежнаго жалованья и хлѣбной ржи Софійскому собору въ Новгородѣ, но государь предписалъ выдать слѣдуемое «безъ московскіе волокиты» и впредь выдавать «ежелѣтъ». Плѣнныхъ татаръ С. посылаетъ въ Тихвинскій монастырь на содержаніе. Замѣчается стремленіе ограничить многочисленныя льготы духовенства и привлечь его средства къ удовлетворенію государственныхъ нуждъ. Въ Новгородѣ С. болѣлъ и хлопоталъ черезъ брата о присылкѣ къ нему «для лѣчьбы» лѣкаря Вилима. Но царская грамота говоритъ: «только послать (Вилима) и у насъ въ аптекѣ такого лѣкаря не останется»; велѣно послать кого-нибудь другого. 14 февраля 1640 г. С. смѣщенъ изъ Новгорода; его смѣнилъ бояринъ кн. Андр. Вас. Хилковъ.

Послѣдніе годы жизни С. не занималъ никакой должности, хотя несомнѣнно пребывалъ при дворѣ. Онъ сопровождаетъ государя въ Вязниковскомъ походѣ на богомолье, бываетъ у государя за столомъ, выставляетъ попрежнему даточныхъ людей въ цвѣтномъ платьѣ и на коняхъ при встрѣчѣ иностранныхъ пословъ и датскаго королевича Вольдемара. Послѣднее упоминаніе о немъ въ дворцовыхъ разрядахъ относится къ государеву столу 1 марта 1642 г. Почти черезъ годъ, 7 февраля 1643 г., чувствуя приближеніе смерти, С. составилъ завѣщаніе, въ которомъ распорядился своимъ богатѣйшимъ по тому времени имуществомъ. Душеприказчикомъ назначенъ святѣйшій патріархъ Іосифъ, а ему въ помощь («ему великому патріарху самому вездѣ не усмотрѣть»)—протопопъ Іоакимъ, духовникъ С., бояринъ М. М. Салтыковъ и М. С. Языковъ. С. пережилъ

жену, дочь, брата. Его богатыя вотчины, съ царскаго разрѣшенія, переходили къ внуку—кн. Ив. Корел. Юсупову и отчасти къ кн. Як. Куден. Черкаскому. Кромѣ внука, прямого потомства С. не оставилъ, судя по этому завѣщанію. Перечисляя свои долги, которые должны уплатить душеприказчики, С. оговаривается: если кто-нибудь еще предъявитъ требованія, заплатить и ихъ, такъ какъ «забыть на всякаго человѣка хватится». Смиреніемъ звучатъ эти слова гордаго, суроваго боярина. На другой день С. умеръ и погребенъ самимъ патріархомъ въ Симоновомъ монастырѣ, «съ родителями своими вмѣстѣ».

Немало выходцевъ изъ чужихъ краевъ принимала къ себѣ Русь, но мало кто изъ нихъ послужилъ своей новой роднѣ такъ много, усердно и плодотворно, какъ этотъ, забытый историками бояринъ. Что же касается исторіи Сибири, то въ ней большинство историковъ различаетъ до сихъ поръ два періода: до и послѣ Сперанскаго; первый изъ нихъ надо въ свою очередь раздѣлить на эпоху до и послѣ С.

„Разрядныя записи за Смутное время", Бѣлокурова, „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.", 1907 г., т. II—III. — „Дворцовые разряды", т. I—II.—„Дополненія къ Дворц. разрядамъ", Забѣлина, „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.", 1882 г., т. I—II.—„Разрядныя книги за 7124 и 7125 г.г.", „Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.", 1849 г., т. II—III.—„Записныя книги Московскаго стола за 7135, 7142, 7145, 7149 г.г.", „Русск. Ист. Библ.", т. IX—X.—„Писцовая книга по Нижнему Новгороду 1621—22 г.", тамъ же, т. XVII, стр. 69, 70.—Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ", стр. 396—Кн. П. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга", ч. II, Спб., 1855 г., стр. 77. — „Изустная память боярина кн. Ю. Я. Сулешова", „Архивъ гр. С. Д. Шереметева", № 370.—Токмаковъ, „Историческое и хронологическое описаніе моск. ставропигіальнаго первокласснаго Симонова монастыря", вып. II, стр. 28, 54 — 55, 83, 89. — „Древняя Россійская Вивліоѳика", изд. 2, т. V, стр. 68, 69, т. XIX, стр. 386—388; т. XX, стр. 89—90, 100, 385.—„Акты Историческіе", т. II, № 328; т. III, №№ 16, 108, 117, 164, 167, 222; т. IV, №№ 8, 33. — „Дополн. къ Акт. Ист.", т. III, №№ 9, 48, 53, 138.—„Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ", т. III, №№ 16, 19, 40, 57, 72, 83, 97.—„Акты Археограф. Экспедиціи", т. III, №№ 201, 203, 222, 235, 238, 282, 289, 332.—„Акты Московскаго Государства", т. I, №№ 74, 108, 200, 259, 311, 542, 581, 586, 607, 609, 614, 623, 626, 682; т. II, №№ 50, 65, 111, 140, 274, 284, 384.—„Акты Иверскаго Святозерскаго монастыря", „Русск. Ист. Библ.", т. V, № 7. — Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы", т. I, стр. 855.—„Смѣтный списокъ 7139 г.", „Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.", 1849 г., т. IV.—„Всярскій списокъ 7119 г.", „Сборникъ Археолог. Института", т. VI, стр. 95.—„О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г.", „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.", 1895, т. IV.—Забѣлинъ, „Мининъ и Пожарскій", М. 1883, прилож. I.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI в.", прил. IV, стр. 56, 58—60.—Акты, напечатанные въ „Русск. Ист. Библ.", т. II и VIII.—„Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи", т. II, стр. 94, 100, 109—110; т. VI (Указная книга Помѣстнаго Приказа), стр. 35, 48, 58, 59, 88; т. IX (Дѣла десятенъ) №№ 103, 137, 138, 163, 174, 297.—Н. Н. Оглоблинъ, „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа", т. I—IV.—М. Г. Курдюмовъ, „Описаніе актовъ, хранящихся въ Архивѣ Имп. Археограф. Комиссіи": 1) Акты Новгородской казенной палаты, №№ 100, 115, 116, 117; 2) Акты П. М. Строева: № 285 (Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи, вып. 19).—„Челобитная тобольскаго воеводы Сулешова царю Михаилу Ѳедоровичу", „Тобольск. Губ. Вѣд.", 1858 г., № 18—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. Общ. Пользы", т. II, стр. 1065, 1135, 1221, 1301, 1302, 1365.—Берхъ, „Царствованіе Михаила Ѳедоровича", т. I, стр. 106. — Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ", т. III. — С. Б. Веселовскій, „Къ вопросу о пересмотрѣ жалованныхъ грамотъ", „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.", 1907 г., т. III.—И. Я. Гурляндъ, „Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ" (Сборникъ въ честь Владимірскаго-Буданова)". — Чичеринъ, „Областныя учрежденія", стр. 127—128, 365.—Н. Поповъ, „Историческія замѣтки о Бѣжецкомъ Верхѣ въ XVII и XVIII в.в.", „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.", 1881 г., т. III.—Словцовъ, „Историческое обозрѣніе Сибири", т. I, стр. 19, 92. — П. Н. Буцинскій, „Заселеніе Сибири", стр. 55—56.

В. Егоровъ.

Сулима, *Акимъ Семеновичъ*, тайный совѣтникъ, послѣдній генеральный судья Малороссіи, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей Украйны, сынъ полковника Переяславскаго С. И. Сулимы и Прасковьи Васильевны Савичъ, дочери Лубенскаго полковника. Родился въ 1737 г., воспитывался сперва въ Кіевской академіи, а затѣмъ въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ кадетомъ 3 ноября 1755 г. По окончаніи въ 1759 г. курса наукъ въ корпусѣ, С. былъ награжденъ золотою медалью и оставленъ при корпусѣ съ чиномъ сержанта. Въ 1761 г. онъ произведенъ былъ въ поручики и съ этого времени по 1763 г. находился при обученіи 180 человѣкъ, предназначенныхъ къ выпуску въ армію ружейными и сѣдельными мастерами. За эту службу С. въ 1763 г. былъ произведенъ въ капитаны

и, по опредѣленію начальства, имѣлъ «надъ обученіемъ кадетъ наукамъ смотрѣніе» по 1764 г. Къ этому времени относится сдѣланный имъ по порученію начальства переводъ съ французскаго языка на русскій двухъ томовъ исторіи о фельдмаршалѣ Тюреннѣ; первый томъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ типографіи корпуса подъ заглавіемъ: «Исторія о виконтѣ Тюреннѣ. Сочиненіе аббата Регенета» (Спб., 1763), а второй—въ 1766 году. 29 апрѣля 1764 г. С. былъ произведенъ въ премьеръ-майоры съ переводомъ въ Азовскій пѣхотный полкъ, но черезъ три года былъ вновь опредѣленъ на службу при корпусѣ для наблюденія за обученіемъ кадетъ и для исполненія различныхъ порученій И. И. Бецкаго. По указанію послѣдняго, С. былъ сочиненъ уставъ корпуса, вторая и третья части учрежденія Московскаго Воспитательнаго Дома и планъ къ заведенію при этомъ домѣ собранной казны, ссудной казны и вдовьей казны, причемъ всѣ эти труды его были утверждены Императрицей. Какъ извѣстно, всѣ эти акты проникнуты особыми воспитательными началами въ духѣ просвѣтительной философіи XVIII в., и чтобы составить ихъ нужно было быть дѣйствительно просвѣщеннымъ и знающимъ человѣкомъ. Оставаясь на службѣ при корпусѣ, С. 1 февраля 1767 г. былъ произведенъ въ подполковники по арміи и въ секундъ-майоры корпуса, послѣ чего былъ посланъ Бецкимъ «по разнымъ дѣламъ» въ Москву, откуда возвратился въ началѣ слѣдующаго года, а 8 іюня 1770 г. пожалованъ полковникомъ отъ арміи. По занятіи русскими войсками Бѣлоруссіи въ 1773 г., С. былъ выбранъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ этой области графомъ З. Г. Чернышевымъ «ко всѣмъ внутреннимъ въ оныхъ губерніяхъ распоряженіямъ», причемъ на обязанности его лежало составленіе разнаго рода узаконеній для вновь учреждаемыхъ губерній. Чернышевъ видимо цѣнилъ знаніе и усердіе С., оказанныя имъ при исполненіи различныхъ возлагаемыхъ на него порученій, такъ какъ 9 октября 1775 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ бригадира. Однако уже въ 1776 г. С. находился «сверхъ комплекта», при отставкѣ же своей (28 сентября 1778 г.), по ходатайству графа Чернышева, былъ награжденъ чиномъ генералъ-майора. Уволившись отъ службы, С. поселился въ своихъ имѣніяхъ въ Малороссіи, гдѣ у него было 1,310 душъ крестьянъ, и занялся хозяйствомъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей. Такъ онъ прожилъ почти двадцать лѣтъ, а когда по указу 1796 г. былъ возстановленъ въ Малороссіи Генеральный судъ, вмѣсто прежнихъ судебныхъ палатъ, то С., избранный однимъ изъ четырехъ кандидатовъ въ генеральные судьи, былъ утвержденъ въ этой должности по 1-му департаменту (2 мая 1797 г.) съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1802 г. С., съ закрытіемъ Генеральнаго суда, вышелъ въ отставку, причемъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра большого креста и пожизненной пенсіей по 1200 рублей въ годъ, а въ 1805 г. былъ пожалованъ въ свиту Императора Александра I колонновожатымъ по квартирмейстерской части подъ команду генералъ-квартермистра П. К. фонъ-Сухтелена, съ коимъ присутствовалъ при битвѣ подъ Аустерлицемъ. Послѣдніе годы своей жизни С. провелъ въ своемъ имѣніи Сулимовкѣ, гдѣ и умеръ въ 1818 г.; погребенъ тамъ же. Помимо перевода исторіи о Тюреннѣ, С. оставилъ еще «Записку по Второму департаменту Генеральнаго Малороссійскаго суда: о необходимости въ прибавкѣ канцелярскихъ служителей и на расходы канцелярской суммы»; записка эта, помѣщенная въ «Кіевской Старинѣ» (1884 г., кн. I, стр. 135–142), сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія какъ о прежнихъ, такъ и о современныхъ судахъ Малороссіи.

„Сулимовскій Архивъ", Кіевъ, 1884 г.—„Мотыжинскій Архивъ", Кіевъ, 1890.—Кіевская Старина", 1882 г., т. IV, стр. 293, 294, 311, 315; 1884 г., кн. I, стр. 135—142.—„Ежемѣсячныя сочиненія Импер. С.-Петербургской Академіи", 1764 г., стр. 180—181.—А. Родосскій, „Описаніе книгъ гражданской печати XVIII столѣтія, хранящихся въ библіотекѣ Спб. дух. академіи", Спб., 1899 г., стр. 99.—Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", № 4780.—„Списокъ воинскому департаменту 1776 г.", стр. 177.

В. Модзалевскій.

Сулима, *Иванъ Михайловичъ*, гетманъ Запорожскихъ казаковъ. По происхожденію своему принадлежалъ, по всей вѣроятности, къ Любецкой шляхтѣ и впервые упоминается подъ 1615 г., когда онъ

состоялъ на службѣ у Станислава Жолкевскаго, будучи однимъ изъ офиціаловъ въ его имѣніяхъ. Начало исторической его дѣятельности относится къ 1628 г. Въ это время запорожцы вовлечены были въ междоусобія крымскихъ хановъ Джанибека и Мухаммеда, причемъ они держали сторону Мухаммеда, будучи подкуплены въ его пользу щедрыми пожертвованіями его брата—Шагинъ-Гирея. Принимая участіе въ распрѣ этихъ хановъ, казаки нѣсколько разъ ходили въ Крымъ, но выбираемые ими предводители или погибали, или были смѣщаемы самими же казаками, вслѣдствіе неудачнаго выбора. Въ такое тревожное для запорожцевъ время ими и былъ выбранъ въ гетманы С. Въ своемъ письмѣ къ Христофору Радзивиллу отъ 29 декабря 1628 г. С. именуется гетманомъ и проситъ о предстательствѣ передъ королемъ въ дѣлѣ казаковъ съ Шагинъ-Гиреемъ. Затѣмъ С. оставилъ политическую дѣятельность и жилъ на Украйнѣ, устраивая, по всей вѣроятности, свои семейныя и имущественныя дѣла. Такъ, въ 1629 г, онъ состоялъ на службѣ у «воеводины русской» Софіи Даниловичевой (дочери Станислава Жолкевскаго) и былъ помощникомъ урядника въ ея имѣніяхъ—Яроша Глоговскаго. Въ этомъ году онъ, по приказанію Глоговскаго, участвовалъ въ вооруженномъ нападеніи и разореніи принадлежавшаго кіевскому Пустынно-Никольскому монастырю села Тростянца. Жолкевскій цѣнилъ С. и подарилъ ему изъ своихъ имѣній значительный участокъ земли, на которомъ имъ были поселены впослѣдствіи три села: Сулимовка, Лебединъ и Кучаковъ. Однако С. не долго прожилъ на Украйнѣ. Есть извѣстіе (письмо 1675 г. запорожскаго кошевого Сѣрка къ крымскому хану), что въ 1633 г. С. ходилъ съ казаками противъ турокъ, причемъ ему удалось ограбить и разорить Азовъ. Около этого же времени (1634) донскіе казаки тоже пытались овладѣть этимъ городомъ, но неизвѣстно, стоялъ ли походъ С. въ связи съ походомъ донцевъ. Постоянное безпокойство, испытываемое турками и крымцами отъ сосѣдства запорожцевъ, грабившихъ турецкія области и подплывавшихъ даже къ самому Константинополю, возбуждало со стороны турокъ жалобы на запорожцевъ и угрозы войной Польшѣ. Послѣдняя принуждена была наконецъ (послѣ заключенія въ 1634 г. мира съ турками) дать обязательство совершенно очистить отъ запорожцевъ днѣпровскіе острова. Для осуществленія этой нелегкой задачи, по приказанію короннаго гетмана Конецпольскаго, была построена инженеромъ Бопланомъ на Днѣпрѣ, ниже Князева острова, крѣпость Кодакъ. Находившійся здѣсь начальникомъ гарнизона Маріанъ не пропускалъ казаковъ на югъ, запрещалъ имъ проходить мимо крѣпости, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и вообще всячески ихъ притѣснялъ. Естественно, что у запорожцевъ явилось желаніе уничтожить Кодакъ; и С., возвращаясь въ 1635 г. изъ похода, напалъ ночью на крѣпость, разорилъ ее и перебилъ весь гарнизонъ. Въ это время король польскій былъ занятъ войной съ Пруссіей, и казаки надѣялись, что это дѣло пройдетъ для нихъ безъ послѣдствій, но когда миръ съ Пруссіей былъ заключенъ, реестровые казаки стали бояться кары за разореніе Кодака, схватили С. съ пятью его приверженцами и связанными доставили въ Варшаву на сеймъ. Здѣсь С. и его товарищей пытали, причемъ въ оправданіе свое они сказали, будто бы они не знали, что крѣпость была построена по распоряженію правительства, и думали, что нѣмцы, составлявшіе ея гарнизонъ, притѣсняли ихъ самовольно. Почему, не желая утруждать правительство всякаго рода жалобами, они и рѣшили сами отомстить за свои обиды. Однако этихъ оправданій въ Варшавѣ не приняли во вниманіе, и С. вмѣстѣ съ пятью своими товарищами былъ приговоренъ къ смертной казни. С., принявшій католицизмъ, просилъ передъ смертью положить съ нимъ въ гробъ золотой крестъ, подаренный ему папой Павломъ V, когда С., взявши приступомъ турецкую крѣпость, подарилъ папѣ въ Римѣ триста плѣнныхъ. Насколько вѣроятно это извѣстіе—сказать трудно, но такъ какъ папа Павелъ V занималъ престолъ папскій съ 1605 по 1621 г., то къ этому времени и нужно отнести возможное пребываніе С. въ Римѣ. По свидѣтельству князя Альбрехта-Станислава Радзивилла, король искалъ предлога спасти С., зная отвагу и храбрость какъ его, такъ и казаковъ, но усплія короля ни къ чему не привели, и 12 декабря 1635 г. въ Варшавѣ С. и бывшимъ съ нимъ пяти казакамъ были отрублены головы, а тѣла—четвертованы.

«Сулимовскій Архивъ», Кіевъ, 1884 г. — «Мотыжинскій Архивъ», Кіевъ, 1890 г. — «Кіевская Старина», 1882 г., кн. III, стр. 428; кн. IV, стр. 292, 293; 1885 г., кн. XI, стр. 691. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. II, стр. 1481. — А. В. Стороженко, «Очерки Переяславской старины, къ біографіи казацкаго гетмана И. М Сулимы», Кіевъ, 1900 г., стр. 204—215. — «Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси», вып. II, Кіевъ, 1896, стр. 313.

В. Модзалевскій.

Сулима, *Иванъ Ѳедоровичъ*, генеральный хорунжій; внукъ гетмана и сынъ Переяславскаго полковника. Впервые упоминается въ 1673 г., когда онъ принялъ вмѣстѣ съ отцомъ подданство Россіи и ѣздилъ съ нимъ въ Москву. Затѣмъ, женившись на дочери богатаго Переяславскаго полковника Леонтія Полуботка, С. получилъ черезъ тестя Воронковское сотничество, на урядѣ котораго онъ былъ въ 1687 г. Но уже въ 1688 г. С. называется бывшимъ сотникомъ Воронковскимъ и носитъ званіе лишь знатнаго войскового товарища. Получивъ въ этомъ году, вмѣстѣ съ отцомъ, подтвердительный универсалъ Мазепы на села Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ, С. въ 1687 и 1689 гг. находился въ походахъ подъ Перекопомъ, а въ 1695—былъ подъ Кизикерменомъ, Тавапомъ и Каменнымъ Затономъ. Несмотря, однако, на эти свои службы, С. не удалось получить какого-либо уряда, и въ 1699 г. онъ все еще былъ войсковымъ товарищемъ. Объясняется это тѣмъ, что С. находился въ близкомъ свойствѣ съ Самойловичемъ, а послѣдняго Мазепа не могъ любить, какъ своего предшественника. Непріязненныя отношенія между С. и гетманомъ, однако, прекратились, и послѣдній поставилъ его изъ знатныхъ войсковыхъ товарищей (1703) генеральнымъ хорунжимъ. Когда это случилось — въ точности неизвѣстно, но по всей вѣроятности—въ 1704 г., С. сталъ близокъ къ Мазепѣ и вслѣдъ за измѣной гетмана пошелъ было за нимъ, но тотчасъ же (1708) отсталъ, сумѣвъ сохранить и урядъ, и имѣнія. Въ 1709 г. С. принималъ участіе въ Полтавской битвѣ и въ 1711 — въ «Прутовой баталіи». За это, по всей вѣроятности, а также и за то, что С. вмѣстѣ съ полковникомъ Стародубскимъ Журавкою произвелъ въ 1709 г. отдачу Меньшикову Почепской сотни, гетманъ и нашелъ возможнымъ подтвердить ему въ 1712 г. право на села Старое и Кальное (въ Переяславскомъ полку). Въ 1716 и 1718 гг. С. былъ назначенъ за гетмана надъ семью малороссійскими полками, отправленными въ царицынскій походъ, гдѣ и находился около трехъ лѣтъ. Генеральнымъ хорунжимъ С. пробылъ до самой своей смерти, хотя еще съ 1715 г., когда умеръ Степанъ Томара, правилъ Переяславскимъ полкомъ какъ настоящій полковникъ,—и тоже до конца жизни. Получить же ему этотъ урядъ, болѣе выгодный, чѣмъ урядъ генеральнаго хорунжаго, не удалось,—вѣроятно по непріязни къ нему Меньшикова. Послѣдней службой С. былъ походъ къ Ладожскому озеру, для постройки канала, куда было выслано нѣсколько малороссійскихъ полковъ; находясь здѣсь за полковника Переяславскаго полка, С. дошелъ лишь до Вышняго Волочка, гдѣ заболѣлъ и умеръ въ мартѣ 1721 г.; тѣло его было перевезено въ Малороссію и погребено въ его имѣніи Переяславскаго полка,—селѣ Сулиминцахъ.

«Сулимовскій Архивъ», Кіевъ, 1884 г. — «Мотыжинскій Архивъ», Кіевъ, 1890 г. — А. М. Лазаревскій, «Описаніе старой Малороссіи», т. I, Кіевъ, 1889 г., стр. 245, 250, 252, 258, 259, 275 — «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси», Кіевъ, 1888 г., стр. 52 — «Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества», т. VIII, стр. 256, 258. — «Черниговская лѣтопись по новому списку», Кіевъ, 1890 г., стр. 31. — «Кіевская Старина», 1882 г., кн. IV, стр. 173, 175, 293, 297. — «Дневникъ Марковича», ч. I, стр. 11. — «Лѣтопись Самовидца», стр. 300, 303, 306.

В. Модзалевскій.

Сулима, *Іосифъ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта. Въ 1792 г. поступилъ въ Херсонскій корпусъ кадетомъ и 1 января 1794 г. произведенъ въ гардемарины. Съ 1794 г. до 1798 г. плавалъ ежегодно въ Черномъ морѣ; 1 января 1796 г. произведенъ въ мичманы и слѣдующіе два года былъ въ кампаніи на таганрогской бригантинѣ «Прокторъ», затѣмъ плавалъ: въ 1800 г. на ботѣ «Елень» въ Азовскомъ морѣ; съ 1801—1802 г.—на суднѣ «Галата» отъ Николаева до Севастополя; 1803 г.—на шхунѣ № 1 въ Черномъ морѣ. 10 марта 1804 г. произведенъ въ лейтенанты, и затѣмъ, командуя той же шхуной, перешелъ отъ Николаева до Корфу, откуда плавалъ къ Мальтѣ и въ Венецію. До 1808 г. сперва

на фрегатѣ «Поспѣшный», потомъ на фрегатахъ «Крѣпкій» и «Дерзкій» ежегодно находился на рейдѣ Корфу. Въ 1808 и 1809 г.г. на фрегатѣ «Дерзкій» находился сначала на тріестскомъ, потомъ на венеціанскомъ рейдахъ; въ 1810 г. возвратился изъ Тріеста сушей въ Николаевъ; 5 января слѣдующаго года произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, затѣмъ командированъ въ Казанскую губернію за рекрутами, съ которыми и прибылъ въ Николаевъ. Въ 1812 г. на кораблѣ «Лѣсное» плавалъ отъ Николаева до Севастополя, послѣ чего былъ командированъ въ составѣ 75-го корабельнаго экипажа въ Южную армію, стоявшую у Аккермана. Въ слѣдующемъ году находился съ вооруженными лодками при осадѣ крѣпости Торна, въ корпусѣ гр. Ланжерона, и командовалъ береговыми батареями на островѣ Шаркъ; потомъ откомандированъ на рѣку Одеръ для постройки и наведенія мостовъ при городахъ Алау и Окельнъ и участвовалъ при наведеніи понтонныхъ мостовъ черезъ рѣку Бобръ. Въ 1814 г. находился при наведеніи понтонныхъ мостовъ на рѣкахъ Саалѣ и Шульци, за что награжденъ былъ орденомъ Анны 2-й ст. и орденомъ «Pour le mérite» отъ короля прусскаго. Состоя при гр. Ланжеронѣ, участвовалъ въ сраженіяхъ при Суасонѣ, Ліонѣ, Монмартрѣ и при занятіи Парижа, послѣ чего принялъ въ командованіе 75-й флотскій экипажъ, съ которымъ возвратился въ Николаевъ. Въ 1816 г., командуя корветомъ «Шагинъ-Гирей», перевезъ изъ Керчи въ Таганрогъ великаго князя Николая Павловича, а послѣ занималъ брантвахтенный постъ при Сухумъ-Кале. Слѣдующіе три года командовалъ тѣмъ же корветомъ: при Севастопольскомъ портѣ, въ плаваніи между Севастополемъ и Николаевымъ и на военно-брантвахтенномъ посту при Одессѣ; въ 1819 г. за 18 морскихъ кампаній награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Въ 1820 г. командовалъ бригомъ «Ганимедъ» въ Черномъ морѣ, а въ слѣдующемъ — при Севастопольскомъ портѣ. Съ 1822—1825 г.г., командуя фрегатомъ «Поспѣшный», плавалъ ежегодно въ Черномъ морѣ. 30 августа 1824 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1826 г., состоя командиромъ того же фрегата, плавалъ отъ Севастополя до Редутъ-Кале «для отвоза чиновниковъ, принадлежащихъ персидской миссіи». Въ 1827 г. находился при Николаевскомъ портѣ и надзиралъ за постройкой кораблей «Эриванъ» и «Анапа», а потомъ, командуя корветомъ «Чесма», перешелъ изъ Николаева въ Севастополь. 6 декабря произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ слѣдующемъ году командовалъ 41-мъ флотскимъ экипажемъ; 22 августа 1831 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командовать 3-й бригадой 2-й флотской дивизіи. Въ 1834 и 1835 г.г. состоялъ главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ Свеаборга; съ 1836 по 1842 г.г. состоялъ главнымъ командиромъ Архангельскаго порта и архангельскимъ военнымъ губернаторомъ; въ этой должности въ декабрѣ 1837 г. произведенъ въ вице-адмиралы, 1838 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст., въ 1840 г. орденомъ св. Анны 1-й ст. — 24 апрѣля 1842 г. назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, въ 1846 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст., а 6 февраля 1852 г. уволенъ отъ службы.

„Общій морской списокъ", выпускъ V.

Сулима, *Николай Семеновичъ*, генералъ-губернаторъ Восточной, а потомъ Западной Сибири, генералъ-лейтенантъ, членъ военнаго совѣта и государственнаго контроля; внукъ Переяславскаго полковника (см. ниже) и сынъ надворнаго совѣтника Семена Семеновича Сулимы отъ брака его съ княжною Маріею Васильевной Несвицкой; родился 13 января 1777 г.; въ 1791 г. былъ отданъ въ сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, но черезъ годъ, пятнадцати лѣтъ, былъ записанъ въ Семеновскій полкъ (1792), откуда въ 1797 г. переведенъ прапорщикомъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ. Получивъ здѣсь въ 1797 г. чинъ подпоручика, а черезъ два года — поручика (1799), С. переведенъ былъ въ Измайловскій полкъ, гдѣ и произведенъ штабсъ-капитаномъ въ 1800 г. Въ 1803 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны, а 11 октября того же 1803 г. — въ полковники, получивъ затѣмъ, 20 октября 1804 г., назначеніе командовать Московскимъ мушкетерскимъ полкомъ, съ коимъ и совершилъ походъ по Галиціи, Силезіи, Богеміи, Моравіи и Австріи. Отличившись 29 октября этого года подъ Дирнштейномъ, близъ Кремса, гдѣ онъ со своимъ полкомъ въ теченіе

нѣсколькихъ часовъ преграждалъ путь цѣлой дивизіи Дюпона и отбилъ у непріятеля знамя (за что получилъ орденъ Владиміра 4-й ст.), С. 20 ноября подъ Аустерлицемъ былъ тяжко раненъ въ голову и взятъ въ плѣнъ, откуда черезъ двѣ недѣли былъ вымѣненъ. Вернувшись изъ похода, С. 23 октября 1807 г. уволился отъ службы, но 30 марта 1810 г. снова принятъ на службу по арміи и 18 сентября 1811 г. получилъ назначеніе командиромъ Таврическаго гренадерскаго полка. Съ этимъ полкомъ С. участвовалъ въ важнѣйшихъ сраженіяхъ Отечественной войны; такъ, онъ былъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и Бородинымъ (гдѣ за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры), при Спасскомъ (гдѣ былъ контуженъ ядромъ въ правую ногу), при Тарутинѣ и подъ Краснымъ. Въ послѣднемъ сраженіи С. отбилъ у непріятеля шесть орудій и взялъ въ плѣнъ болѣе тысячи человѣкъ, за что и получилъ орденъ Георгія 3-й ст. 1813-й годъ С. провелъ въ походахъ за границею и за участіе въ сраженіяхъ при Люценѣ, Кенигсвартѣ и Бауценѣ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и прусскій орденъ Краснаго Орла 2-й ст., и за Лейпцигъ—Анну 1-й ст. Въ 1814 г. С. былъ подъ Парижемъ, получивъ за отличіе при взятіи его алмазные знаки Анны 1-й ст., а затѣмъ (1 сентября 1814 г.) назначенъ командиромъ 1-й гренадерской бригады. Прослуживъ въ этой должности около двухъ лѣтъ, С. 31 января 1817 г. вышелъ въ отставку, но 15 мая того же года вновь былъ принятъ на службу съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи. 17 апрѣля 1822 г. С. назначенъ былъ командиромъ 3-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи и получилъ 22 августа этого года орденъ Владиміра 2-й ст. 16 сентября 1826 г. онъ былъ назначенъ на новый постъ начальника 11-й пѣхотной дивизіи, а 1 января 1827 г. перемѣщенъ на такую же должность въ 16-ю дивизію, получивъ за отличіе въ командованіе ею (17 мая 1827 г.) чинъ генералъ-лейтенанта. Въ турецкую кампанію 1828 г. онъ былъ въ сраженіяхъ подъ Силистріею, Шумлою и Кульчею и при занятіи Адріанополя; въ 1831 г. принималъ участіе въ подавленіи Польскаго возстанія, былъ въ сраженіи подъ Вильною и отличился со своею дивизіею на приступѣ Варшавскихъ укрѣпленій, за что былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго; въ 1832 г. былъ предсѣдателемъ Варшавскаго верховнаго уголовнаго суда, а черезъ годъ (6 декабря 1833 г.) получилъ назначеніе генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Въ этой должности онъ оставался до марта 1834 г., когда былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири; въ 1835 г. онъ получилъ алмазные знаки къ ордену Александра Невскаго. Генералъ - губернаторомъ С. пробылъ не долго,—менѣе двухъ лѣтъ; 28 января 1836 г. состоялся приказъ объ увольненіи его отъ должности генералъ-губернатора и о назначеніи членомъ военнаго совѣта. 13 января 1837 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта государственнаго контроля, а черезъ три года, 21 октября 1840 г., скончался въ Петербургѣ и погребенъ въ Сергіевой пустыни близъ этого города. Портретъ его находится въ военной галлереѣ Зимняго Дворца въ числѣ портретовъ сподвижниковъ Александра I.

Дѣло архива департамента герольдіи правительствующаго сената о дворянствѣ Сулимы.—Формуляръ Н. Г. Сулимы 1830 года.—„Русская Старина“ 1874 г., № 5, стр. 195—198.—„Сулимовскій архивъ“, Кіевъ, 1884 г.—„Кіевская Старина“, 1882 г., т. IV, стр. 615.—„Справочный энциклопед. словарь“ Старчевскаго, т. IX, ч. II стр. 595—596.

В. Модзалевскій.

Сулима, *Семенъ*, переводчикъ 1772—1779 г.г. Напечатаны его переводы: «Разсужденіе (философское) о воспитаніи, какову должно быть для произростанія желательныхъ плодовъ, съ присовокупленіемъ рѣчи, говоренной къ г.г. кадетамъ Сухаревскаго кадетскаго корпуса при начатіи наукъ, соч. г. Клерка», перев. съ франц. языка (Спб., 1773 г.; изд. 2-е, Спб., 1779 г.); «О язвѣ моровой, соч. англійскаго доктора Рихарда Меогда», переводъ съ нѣмецкаго языка (Спб., 1772 г.).

В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, 1815 г., ч. 4, стр. 302, № 9680 и стр. 303, № 9681; ч. V, стр. 132, № 12773—В. Н. Рогожинъ „Указатель къ „Опыту“ Сопикова“, М., 1900 г., стр. 172.

Сулима, *Семенъ Ивановичъ*, полковникъ Переяславскій, младшій сынъ гене-

ральнаго хорунжаго Ивана Ѳедоровича Сулимы отъ брака его съ Марьей Леонтьевной Полуботокъ. По смерти отца своего С. былъ опредѣленъ въ 1728 г. въ число бунчуковыхъ товарищей и ѣздилъ въ 1728 г. съ гетманомъ Апостоломъ въ Москву на коронацію императора Петра II. Въ слѣдующемъ (1729) году С. назначенъ былъ сопровождать турецкаго посла, проѣзжавшаго черезъ Малороссію. По окончаніи этой «комиссіи», въ которой онъ находился три мѣсяца, такъ какъ ѣхалъ съ посломъ до Сѣвска, С. тотчасъ же (30 сентября 1729 г.) получилъ гетманскій универсалъ на Барышевское сотничество Переяславскаго полка. Будучи сотникомъ, въ 1732 г. стоялъ съ командою на пикетѣ подъ Койловымъ и Каневомъ (на Днѣстрѣ), въ 1733 г.—участвовалъ въ Крымскомъ походѣ, а въ 1736 г.—былъ при взятіи Перекопа и Бакцисера, откуда отпущенъ въ домъ свой за «неисцѣлимою» болѣзнью. За всѣ эти службы С. въ 1737 г. получилъ урядъ Переяславскаго полкового обознаго и снова былъ въ походахъ: въ 1737 г.—подъ Карасубазаромъ и въ 1738 г.—подъ Бендерами, причемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ наказнымъ полковникомъ, а въ 1739 г., въ февралѣ, по указу Императрицы Анны Іоанновны, былъ пожалованъ полковникомъ въ Переяславъ. Едва получивъ этотъ урядъ, С. былъ посланъ въ Хотинскій походъ и былъ при взятіи Хотина и на «Таучанской баталіи» (1739 г.). Въ 1740 г. снова ѣхалъ черезъ Малороссію посолъ Оттоманской порты, и С., какъ уже разъ исполнившій подобное порученіе, былъ вновь посланъ для встрѣчи посла къ р. Бугу съ командою въ двѣ тысячи казаковъ. Исполнивъ и это порученіе успѣшно, черезъ два года (1742) онъ былъ назначенъ командиромъ надъ четырьмя малороссійскими полками, высланными для прикрытія границъ отъ набѣговъ крымцевъ. Въ 1747 г. на С. былъ поданъ отъ переяславской полковой старшины доносъ, которымъ недовольные имъ полковые урядники указывали на многочисленныя злоупотребленія своего полковника и на то, что онъ назначенъ былъ полковникомъ не по заслугамъ, и по предстательству свояка, Алексѣя Глѣбова, служившаго адъютантомъ у фельдмаршала Миниха. Однако высланныя гетманомъ на розыскъ этого дѣла лица никакихъ злоупотребленій С. не открыли, а въ 1752 г. всѣ доносчики дали подписку въ томъ, что доносъ ихъ не имѣлъ никакого основанія. Въ февралѣ 1752 г. С. получилъ отъ Разумовскаго въ Переяславскомъ полку деревни Власовку и Коржи и 59 дворовъ въ Барышевкѣ. Переяславскимъ полковникомъ С. пробылъ около 27 лѣтъ, до смерти, послѣдовавшей 27 мая 1766 г. въ Барышевкѣ.

„Сулимовскій Архивъ“, Кіевъ, 1884 г.—„Мотыжинскій Архивъ“, Кіевъ, 1890 г.—„Дневникъ Ханенко“, Кіевъ, 1887 г., стр. 255.—„Кіевская Старина“, 1882 г., кн. IV, стр. 174, 293, 302, 308.—А. М. Лазаревскій „Описаніе старой Малороссіи“, т. I, Кіевъ, 1882., стр. 250—252.

В. Модзалевскій.

Сулоцкій, *Александръ Ивановичъ*, протоіерей, видный изслѣдователь сибирской старины, родился въ 1812 г., умеръ 3 мая 1884 г. въ Омскѣ. Отецъ его былъ причетникомъ въ одномъ изъ захудалыхъ церковныхъ приходовъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губ. Въ 1827 г. С. поступилъ въ Ярославскую духовную семинарію, а по окончаніи курса въ ней былъ принятъ на казенный счетъ въ Петербургскую духовную академію. Выйдя изъ послѣдней со степенью кандидата богословія, онъ въ 1838 г. получилъ мѣсто учителя церковной исторіи и греческаго языка въ Тобольской духовной семинаріи, въ которой съ 1840 г. сталъ преподавать также библейскую исторію, церковныя древности и обряды, каноническое право и исторію русской церкви, а частнымъ образомъ излагалъ своимъ ученикамъ исторію собственно-сибирской церкви и особенно исторію Тобольской епархіи. Въ 1848 г. по совѣту тобольскаго архіепископа Георгія С. послѣ долгихъ колебаній рѣшился наконецъ на рукоположеніе во священники и по совершеніи обряда былъ назначенъ законоучителемъ въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ въ Омскѣ и настоятелемъ корпусной церкви. Позже онъ состоялъ членомъ правленія Омскаго духовнаго училища (съ 1868 г.) и предсѣдателемъ съѣздовъ Омскаго училищнаго округа. Въ санъ протоіерея былъ возведенъ въ 1863 г.

Литературно-научная дѣятельность С. началась еще въ Тобольскѣ, но планомѣрный и постоянный характеръ пріобрѣла уже въ Омскѣ. Около 40 лѣтъ работалъ онъ надъ изученіемъ сибирской церковной

и отчасти гражданской исторіи, надъ собираніемъ матеріаловъ, документовъ и актовъ и разработкою ихъ. О первоначальныхъ своихъ занятіяхъ въ этомъ направленіи самъ онъ пишетъ въ своей «Авторской исповѣди»: «Я началъ заниматься исторіею Сибири, читалъ все, что только попадалось печатнаго и рукописнаго, по временамъ разбиралъ и читалъ старинныя дѣла архивовъ семинарскаго и консисторскаго, сносился лично и черезъ письма съ людьми, знакомыми съ сибирской стариной, а также съ имѣющими доступъ въ архивы церковные и присутственныхъ мѣстъ, и такимъ образомъ сталъ собирать матеріалы для исторіи христіанства въ Сибири и предшествовавшихъ ему... язычества и магометанства,—сталъ отъ времени до времени о тѣхъ или другихъ событіяхъ и лицахъ, дѣйствовавшихъ въ Сибири, составлять собственно для себя статьи, а вскорѣ сталъ даже и ученикамъ высшаго отдѣленія семинаріи преподавать исторію сибирской церкви и Тобольской епархіи. И такъ какъ любовь къ этимъ предметамъ въ ученикахъ я видѣлъ, можно сказать, страстную, отъ этого самъ еще болѣе сталъ пристращаться къ исторіи и археологіи сибирской церкви, а отсюда мало-по-малу перешелъ и къ печатанію какъ отдѣльныхъ изданій, такъ и журнальныхъ статей». Многочисленные труды и статьи его, изъ которыхъ отдѣльно вышло только девять, а остальныя (около ста болѣе или менѣе крупныхъ статей) разсѣяны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, имѣютъ своимъ предметомъ исторію христіанства въ Сибири, ея церковныя древности и въ особенности исторію Тобольской епархіи, изслѣдованную въ формѣ біографій ея архипастырей почти на всемъ ея протяженіи. Отдѣльнымъ изданіемъ вышли слѣдующія работы С.: «Филоѳей Лещинскій, митрополитъ сибирскій и тобольскій“ (Омскъ, 1854 г.), „Жизнь Іоанна Максимовича, митрополита тобольскаго» (ib., 1854 г.), «Описаніе Тобольскаго Софійскаго собора» (М., 1854 г.), «Описаніе наиболѣе чтимыхъ иконъ Тобольской епархіи» (Спб., 1864 г.), «Сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Алабацкой» (Вятка, 1874 г. и Омскъ, 1887 г.), «Икона св. Николая, именуемая Можайской» (Акмолинскъ, 1883 г.), «Тобольскіе и томскіе архипастыри, или краткая исторія Тобольской и Томской епархій» (Омскъ, 1881 г.), «Святитель Филоѳей, въ схимѣ Ѳедоръ, просвѣтитель сибирскихъ инородцевъ» (ib., 1882 г.). Изъ статей С., напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, назовемъ только важнѣйшія, придерживаясь порядка по времени ихъ напечатанія: «Замѣчательные въ Сибири колокола и между ними ссыльный угличскій» («Московитянинъ», 1843 г., май, кн. 1; «Тобольскія Губернскія Вѣдомости», 1858 г., № 10 и «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск.» 1871 г. № 1); «Еще о замѣчательныхъ колоколахъ въ Сибири» («Тоб. Губ. Вѣд.», 1858 г., № 44); «Начало театра въ Сибири» (тамъ же, 1858 г., № 12); «Матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта» («Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.», 1859 г. № 1); «Преосв. Владиміръ, епископъ тобольскій» («Странникъ», 1861 г., № 11 и 1862 г., № 11); «Г. И. Мансвѣтовъ на службѣ въ Тобольскѣ» (тамъ же, 1863 г., № 11); «Мѣсто заточенія, смерти и погребенія бывшаго митрополита ростовскаго А. Мацѣевича» (Прибавл. къ «Ирк. Епарх. Вѣд.», 1863 г., №№ 37—39; «Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.», 1864 г., № 4 и «Яросл. Губ. Вѣд», 1868 г., № 9); «Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Россіи» («Ирк. Епарх. Вѣд.», 1863 г., №№ 48—50 и «Чтенія».. 1864 г., № 3); «Жизнь Іоанна Максимовича, митрополита Тобольскаго» («Странникъ», 1864 г., № 1); «Св. Димитрій Ростовскій какъ архипастырь сибирскій» (тамъ же, 1866 г., № 11); «Жизнеописаніе Афанасія Протопопова, архіепископа тобольскаго» (тамъ же, 1867 г., №№ 1 и 2); «Черты изъ жизни митрополита московскаго Филарета» (тамъ же, 1868 г., т. III); «Семинарскій театръ въ старину въ Тобольскѣ» («Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.», 1870 г., № 2); «Княжна Е. И. Долгорукая въ ссылкѣ въ Березовѣ и въ монастырѣ въ Томскѣ» («Тоб. Губ. Вѣд.», 1871 г., №№ 3 и 4); «Старинный сибирскій учитель Сильвестровичъ и ученикъ его Мировичъ» (ib., 1871 г., № 26 и «Русск. Стар.», 1879 г. № 7); «Спиранскій въ Тобольскѣ» («Тоб. Губ. Вѣд.», 1872 г., №№ 41—53); «П. А. Соловцовъ» («Чт. въ Общ. Ист. и Др.», 1873 г., № 3); «Преосв. Афанасій тобольскій» («Русск. Архивъ», 1881 г., т. II); «Протоіерей Г. П. Павскій и московскій митрополитъ Филаретъ» («Русск. Стар.», 1881 г., № 7); «Первые викаріи Тобольской митрополіи» («Тоб. Губ. Вѣд.», 1883 г.

№ 21). За монографію «Филоѳей Лещинскій, митрополитъ сибирскій и тобольскій» С. въ 1855 г. Петербургской духовной академіей былъ удостоенъ званія магистра богословія.

О значеніи С. какъ изслѣдователя въ области исторіи Сибири анонимный авторъ некролога въ «Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» говоритъ: «Едва ли кто можетъ приступить теперь къ изученію Сибирскаго края въ церковно-историческомъ отношеніи, не ознакомившись предварительно съ литературными трудами С. Правда, онъ не оставилъ цѣльныхъ и особенно капитальныхъ трудовъ, но это зависѣло отъ того, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ, въ полномъ смыслѣ самостоятельныхъ тружениковъ по разработкѣ разныхъ письменныхъ архивныхъ и другихъ памятниковъ сибирской старины. Ему приводилось не обобщенія дѣлать, а первому пролагать путь къ занятіямъ сибирскою церковною исторіею; по его слѣдамъ теперь легко будетъ идти всякому, кто пожелаетъ принять на себя трудъ изученія и дальнѣйшей разработки церковно-исторической науки Сибирскаго края».

В. И. Межовъ, „Исторія всеобщей и русской словесности“, Спб., 1872 г., №№ 5011, 5012, 5306, 5307, 8697, 8736, 8737, 8750, 8751, 8782, 9086, 9525, 9934, 9935, 10972, 11001, 12343, 12515.—Его же, „Литература русской исторіи за 1859—1864 г.г.“, Спб., 1866 г., т. I, №№ 371, 1875, 2104, 2274, 3320, 3805—3808, 3935, 3936, 4218, 4425, 4435, 5282, 5293.—Его же, „Сибирская библіографія“, Спб., 1903 г., т. I, №№ 1582, 1667, 2068; т. II, №№ 6626, 6678, 6991, 7008, 7010—7012, 7018—7020, 7164, 7195, 7327, 7329, 7330, 7336, 7338—7340, 7346, 7361, 7519, 7547, 8229—8232, 8313, 8361, 8338—8390, 8392, 8394, 8395, 8420, 8452, 8473, 8474, 8484, 8492, 8507, 8508, 8589, 8826, 8827, 8915, 9069, 9071, 9396, 9561, 9565, 9712, 9713, 9721, 9722, 10262, 10289, 10584, 10669, 10879, 11221, 11259, 11260, 11386, 11637, 11738, 11663, 11670, 11727, 12108, 16767; т. III, №№ 17422, 17423, 17788, 23194.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 г.г.“, Спб., 1880—1889 г.г., т. I, №№ 2542, 2660, 4179; т. II, №№ 16932, 17067, 17070, 17074, 17127—17129, 17259, 17328, 17526, 19078, 19629, 19520, 19521, 19670, 19741, 19747, 23566, 23723, 23767, 24476, 26233; т. III, стр. 27656, 27804, 27921, 34044, 35328; т. IV, № 43919; т. V, №№ 52854, 52915, 53071, 53074, 53717.—Протоіерей Михаилъ Путинцевъ, „Протоіерей Александръ Ивановичъ Сулоцкій“, „Душеполезное Чтеніе“, 1885 г., № 5, стр. 66—93.—„Тобольскія Епарх. Вѣдом.“, 1884 г., № 10 (некрологъ и „Авторская исповѣдь“ С.), № 11 (списокъ сочиненій С.).—„Акмолинскія Областныя Вѣдомости“, 1884 г., № 19 (некрологъ).—„Церковный Вѣстникъ“, 1884 г., № 24.—„Истор. Вѣстникъ“, 1887 г., т. 30.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. 4 и 6.—А. Родосскій, „Біографическій словарь воспитанниковъ С.-Петербургской духовной академіи“, Спб., 1908 г., стр. 484—485.—К. Д. Головщиковъ, „Очеркъ жизни и трудовъ бывшихъ питомцевъ Ярославской духовной семинаріи“, вып. 2, Яросл., 1893 г.—И. Чистовичъ, „Исторія С.-Петерб. дух. академіи“, Спб., 1857 г., стр. 449—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, т. 32, стр. 36.

Сульменевъ, *Иванъ Савичъ*, адмиралъ, предсѣдатель морского генералъ-аудиторіата; родился въ 1770 г.; 16 апрѣля 1786 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, находившійся тогда въ Кронштадтѣ; въ слѣдующемъ году произведенъ въ гардемарины, назначенъ на корабль «Іезекіиль» и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ въ эскадрѣ контръ-адмирала Козлянинова. Весной 1788 г. поступилъ на корабль «Чесма», бывшій подъ флагомъ вице-адмирала фонъ-Дезина, и прослужилъ здѣсь сряду 19 морскихъ мѣсяцевъ. Въ январѣ 1789 г. произведенъ въ мичманы, потомъ на томъ же кораблѣ перешелъ изъ Копенгагена въ Ревель, а оттуда въ Кронштадтъ. Въ слѣдующемъ году переведенъ былъ въ гребной флотъ, посланъ въ Фридрихсгамъ на зимовавшій тамъ отрядъ нашей гребной флотиліи и поступилъ на полупрамъ «Леопардъ». 3 мая, въ отрядѣ капитана Слизова, участвовалъ въ сраженіи со шведской флотиліей, которая и была отражена. Затѣмъ, по заключеніи въ томъ же году мира, произведенъ былъ 9 августа въ лейтенанты и получилъ въ команду три плѣненныхъ галеры, съ которыми при церемоніалѣ мирнаго торжества вошелъ въ Неву. По окончаніи войны, С. продолжалъ быть ежегодно въ кампаніяхъ. Въ 1791 г. командовалъ 12 канонерскими лодками и часть лѣта занимался описью береговъ и промѣромъ при Березовыхъ островахъ. Въ 1792 г. командовалъ брантвахтеннымъ катеромъ «Ястребъ». Въ 1793 г. на фрегатѣ «Австроилъ» былъ въ крейсерствѣ между Кронштадтомъ и Роченсальмомъ и производилъ опись финскихъ шхеръ, затѣмъ вплоть до 1804 г. безпрерывно плавалъ на различныхъ судахъ Балтійскаго флота, причемъ неоднократно ходилъ къ берегамъ Англіи; такъ, въ 1799 г. на кораблѣ «12 Апостоловъ» былъ въ плаваніи у Красной Горки съ флотомъ подъ штандартомъ

государя, въ 1798 и 1799 г. служилъ старшимъ офицеромъ на кораблѣ «Св. Петръ» въ эскадрѣ вице-адмирала Макарова, посланной въ качествѣ вспомогательной въ Англію для дѣйствія съ англійскимъ флотомъ противъ Голландіи, и раздѣлилъ всѣ труды этой кампаніи, заключавшіеся главнымъ образомъ въ крейсерствѣ въ позднее время года у опасныхъ и враждебныхъ береговъ Голландіи, въ высадкахъ десантовъ и другихъ военно-морскихъ операціяхъ; въ 1802 и 1803 гг. командовалъ въ Финскомъ заливѣ транспортнымъ шлюпомъ «Шарлота»; въ 1804 г. служилъ на кораблѣ «Болеславъ» въ Балтійскомъ морѣ. 3 іюня произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, зимою же былъ командированъ въ Вологодскую губернію для набора рекрутъ. Въ 1805 г. на кораблѣ «Селафаилъ», въ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина, перешелъ изъ Кронштадта въ Англію; тамъ назначенъ былъ командиромъ купеческаго брига «Фениксъ», на которомъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ имѣлъ разныя порученія и посылки. Въ 1807 г. командовалъ тѣмъ же бригомъ въ Архипелагѣ, а 15 октября былъ назначенъ командиромъ взятаго въ сраженіи у Аѳонской горы въ плѣнъ турецкаго корабля «Сед-ель-Бахръ», съ которымъ перешелъ въ Тріестъ, гдѣ собралась наша эскадра, занимая оборонительное положеніе къ болѣе сильной англійской эскадрѣ, крейсировавшей въ виду Тріеста. Послѣ передачи нашихъ судовъ французскому правительству и зимовки на берегу до 23 марта 1809 г. С., уже капитанъ 2-го ранга (произведенъ 1 марта этого года, когда получилъ и орденъ св. Георгія 4-й ст. за 18 морскихъ кампаній), былъ назначенъ командиромъ 4-й колонны нашихъ морскихъ силъ и отправленъ сухимъ путемъ изъ Тріеста чрезъ Венгрію и Галицію въ Россію. Путешествіе это на протяженіи 2,816 в., продолжавшееся около полугода, подробно описано въ особомъ сочиненіи В. Б. Броневскаго, автора «Записокъ и писемъ морского офицера», служившаго лейтенантомъ въ колоннѣ С. Въ Петербургѣ онъ вскорѣ былъ опредѣленъ командиромъ 41-го корабельнаго экипажа, потомъ командиромъ 22-го корабельнаго экипажа и корабля «Орелъ», въ лѣтней же кампаніи 1811 г. начальствовалъ надъ 30 канонерскими лодками. Въ 1812 г., командуя тѣми же лодками, въ составѣ гребной флотиліи подъ начальствомъ контръ-адмирала фонъ-Мюллера, участвовалъ, съ 14 по 22 сентября, въ сраженіи на Аа противъ французскихъ батарей, по занятіи которыхъ и по очищеніи отъ непріятеля города Митавы перешелъ въ Свеаборгъ (за эту кампанію награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст.). Въ 1813 г., командуя въ эскадрѣ капитана 1-го ранга гр. Гейдена отрядомъ изъ 21 канонерской лодки и другихъ судовъ, С. перешелъ въ Данцигъ, гдѣ при блокадѣ этой крѣпости участвовалъ въ сраженіяхъ 21 и 23 августа и 4 сентября, а затѣмъ перешелъ въ Кенигсбергъ. По возвращеніи изъ командировки въ Петербургъ съ большой суммой денегъ былъ командированъ въ Данцигъ для спасенія погибавшаго транспорта «Св. Ѳеодоръ», нагруженнаго матеріалами для флота, значительную часть которыхъ и доставилъ въ Кенигсбергъ. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, С., командуя 1-мъ и 2-мъ отрядами флотиліи, возвратился въ 1814 г. въ Свеаборгъ.

Походомъ этимъ окончилась дѣйствительная военно-морская служба С., продолжавшаяся сряду 28 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ежегодно бывалъ въ морѣ и сдѣлалъ 29 морскихъ кампаній. 1 февраля 1816 г. С. опредѣленъ былъ въ морской кадетскій корпусъ на вакансію старшаго маіора; въ 1818 г. 30 августа произведенъ въ капитаны 1-го ранга; 1 января 1824 г. въ капитанъ-командоры, но въ октябрѣ 1826 г. снова переведенъ во флотъ. 4 февраля слѣдующаго года С. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ исправляющимъ должность генералъ-аудитора и директора аудиторіатскаго департамента. 6 октября 1835 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты, а черезъ годъ переименованъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ морского генералъ-аудиторіата. Въ 1837 г. опредѣленъ сверхъ того членомъ совѣта государственнаго контроля и награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й ст., а въ 1841 г. орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1845 г. получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ и, наконецъ, 26 октября 1847 г. пожалованъ въ адмиралы и назначенъ предсѣдателемъ генералъ-аудиторіата. С. скончался 22 мая 1851 г., на 81 г. жизни,

на 64 г. службы (29 лѣтъ во флотѣ, 10 л. въ корпусѣ и 25 лѣтъ въ морскомъ ауди-торіатѣ).

„Общій морской списокъ", ч. V.—„Морской Сборникъ", 1851 г., т. 6, № 11, стр. 418.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ", Леера, s. v. — „Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Эфрона, s. v.

Сумарокова, *Наталья Платоновна*, сестра Панкратія Платоновича Сумарокова, писательница. Въ 1786 г. она сопровождала брата въ ссылку въ Тобольскъ и тамъ прожила вплоть до его возвращенія на родину. Изъ ея стихотвореній и пѣсенъ напечатаны въ издававшемся Панкратіемъ Платоновичемъ журналѣ «Иртышъ»: «Утомится ль рокъ жестокій» (1790 г., янв., стр. 57); «Во всемъ пространствѣ» (стр. 59); «Стихи на смерть» (стр. 62); «Эпитафія»—начинается словами: «Лежащій здѣсь судья...» (1791 г., стр. 24); басня «Лягушка и Тростникъ» (1791 г., іюнь, стр. 22).

Н. Н. Голицынъ, „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ", Спб., 1889 г., стр. 239—240.

Сумарокова, *Екатерина Александровна*, дочь Александра Петровича Сумарокова, супруга Якова Борисовича Княжнина, писательница,—см. *Княжнина*.

Къ приведенной подъ статьей *„Княжнина, Екатерина Александровна"* библіографіи слѣдуетъ сдѣлать слѣдующія дополненія: Н. Н. Голицынъ, „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ", Спб., 1889 г., стр. 239.—Макаровъ, „Русскія писательницы", „Дамскій Журналъ", 1830 г., ч. 29, № 1; ч. 31, № 7.—Мордовцевъ, „Русскія женщины второй половины XVIII в.", Спб.. 1874 г.—„Johann Bernoulli's Reisen", Leipzig, 1780 г., Th. 5, S. 124.—Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти", М., 1869 г., стр. 293.—Неустроевъ, „Разысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ" (ошибочно названа Екатериной Петровной).—Геннади, „Словарь писателей", стр. 143—144 (смѣшивается съ В. А. Княжниной, урожденной Карауловой).—Толль, „Настольный словарь", т. III, стр. 565.

Сумароковъ, *Александръ Петровичъ*, извѣстный писатель, родился въ 1718 г., умеръ 1 октября 1777 г. въ Москвѣ. О мѣстѣ своего рожденія С. говоритъ въ стихахъ къ герцогу Браганцу:

Гдѣ *Вильманштрандъ*, я тамъ по близости рожденъ,
Какъ былъ Голицынымъ край Финскій побѣжденъ.

Изъ предковъ С. извѣстенъ Иванъ Богдановичъ С., за спасеніе на охотѣ Царя Алексѣя Михайловича отъ медвѣдя прозванный «Орломъ». Роднымъ племянникомъ его былъ отецъ поэта, Петръ Панкратьевичъ (1692—1766), дѣйствительный тайный совѣтникъ. Мать С., Прасковья Ивановна, была изъ рода Приклонскихъ. Изъ трехъ мальчиковъ въ семьѣ С. былъ среднимъ. Отъ отца, человѣка для своего времени очень образованнаго, С. познакомился съ грамматическими основаніями русскаго языка; «долженъ я за первыя основанія въ русскомъ языкѣ отцу моему», говоритъ объ этомъ самъ С. Это было для будущаго поэта чрезвычайно важно, ибо въ училищахъ тогда мало занимались русскимъ языкомъ, считая, что каждый русскій и безъ того его знаетъ. Въ книгѣ «Описаніе Петербурга», изданной въ 1779 г. Рубаномъ, сказано: «въ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ обучаютъ молодыхъ шляхтичей военной экзерциціи, инженерству, рисовальному искусству, математикѣ, также по-нѣмецки, по-французски, по-латыни и часть ораторіи, танцовать, на рапирахъ биться и конной ѣздѣ».

Въ 1732 г. 13-лѣтній С. поступилъ въ вышеупомянутый кадетскій корпусъ, тогда называвшійся также «рыцарской академіей». Товарищами его по корпусу оказались лица, впослѣдствіи ставшія извѣстными какъ дѣятели на разныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни. Тутъ были князь Репнинъ, побѣдитель Юсуфа, графъ П. И. Панинъ, покоритель Бендеръ, графъ М. Ѳ. Каменскій, считавшійся со словъ Фридриха II первымъ европейскимъ тактикомъ, Херасковъ—творецъ «Россіады», Свистуновъ—переводчикъ, Мелисино, отважно метавшій громы подъ Ларгою и подъ Кагуломъ, Елагинъ—сочинитель «Опыта русской исторіи», Румянцевъ-Задунайскій и др. Товарищи по корпусу образовали «общество любителей русской словесности», гдѣ въ свободные часы читали другъ другу свои произведенія. А. С. Суворовъ, будущій генералиссимусъ, тоже посѣщалъ кадетскій корпусъ и водилъ знакомство со всѣмъ «обществомъ любителей русской словесности». Между кадетами появились стихотворцы, пробовавшіе свои силы надъ русскимъ стихомъ. Отъ имени корпуса было передано нѣсколько поздравительныхъ одъ Императрицѣ Аннѣ Іоан-

новнѣ. Что для однихъ было забавой, простымъ развлеченіемъ, то въ С. пробудило талантъ, указало ему на поприще, котораго онъ и не оставлялъ до конца жизни. Онъ увлекся французскими сантиментальными пѣсенками, въ то время модными во всей Европѣ, и по образцу ихъ сталъ слагать русскія. Одна изъ пѣсенъ, напечатанныхъ Новиковымъ въ полномъ собраніи сочиненій С., относится, повидимому, къ корпусной жизни.

Благополучны дни
Нашими временами,
Веселы мы одни,
Хоть нѣтъ женщинъ съ нами.
Честности здѣсь уставы,
Злобѣ, враждѣ конецъ,
Ищемъ единой славы
Отъ чистоты сердецъ.
Гордость—источникъ бѣдъ,
Распрей къ намъ не приводитъ,
Споровъ межъ вами нѣтъ,
Брань намъ и въ умъ не входитъ.
Дружба, твои успѣхи
Увеселяютъ насъ:
Вотъ наши утѣхи,
Благословенъ сей часъ.

Корпусное начальство не могло остаться въ невѣдѣніи относительно таланта своего питомца. Скоро пѣсни сдѣлались извѣстны при Дворѣ, были положены на музыку и, наконецъ, перешли въ гостиныя придворныхъ дамъ.

Знакомясь въ кадетскомъ корпусѣ со всеобщею исторіею, С., по собственному его свидѣтельству, переселялъ событія вѣковъ минувшихъ въ свои первые стихотворческіе опыты. Ужъ въ этихъ опытахъ видна зрѣлая мысль и новый слогъ, имъ самимъ созданный. Вотъ что писалъ въ 1736 г. юный кадетъ, вспоминая о завоеваніяхъ Александра Македонскаго:

Сынъ гордости, суетъ любитель!
Тебя мечта, побѣдъ ловитель,
Въ страны индійская звала;
Тебя, покоя разоритель,
Тщета въ край свѣта завела.
Когда бы смерть не опоздала
Скончать твой вѣкъ, земля бы стала
Театромъ греческихъ темницъ,
Въ порывахъ гордости ты вскорѣ
Пошелъ въ пространнѣйшее море
Искать невѣдомыхъ границъ.

Со стороны формы и содержанія наиболѣе характерно изъ написаннаго въ корпусѣ слѣдующее стихотворное посланіе С. товарищу своему М. Хераскову

Среди игры, среди забавы
Среди благополучныхъ дней,
Среди богатства, чести, славы
И въ полной радости своей—
Что все, какъ дымъ, проходитъ,
Природа къ смерти насъ приводитъ:
Воспоминай, о человѣкъ!
Умрешь, хоть смерти ненавидишь
И все, что ты теперь ни видишь,
Исчезнетъ отъ тебя на вѣкъ.
Во всемъ на свѣтѣ перемѣна,
И все составлено изъ тлѣна.
Не зримъ мы твердости ни въ чемъ.

Несомнѣнный поэтическій размахъ сказался и въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ оды С. «На побѣды Петра Великаго»:

Петръ природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ;
Строитъ войско, входитъ въ Понтъ,
И во дни такой премѣны,
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны
Рветъ и движетъ горизонтъ.

Надо принять во вниманіе, что С. не имѣлъ предшественниковъ въ тоническомъ стихосложеніи, если не считать Третьяковскаго, который имѣетъ значеніе въ русской литературѣ только въ качествѣ теоретика этого стихосложенія. Впослѣдствіи С. самъ говорилъ объ этой порѣ своего творчества: «Я будто сквозь дремучій лѣсъ, сокрывающій отъ очей моихъ жилище музъ, безъ проводника, проходилъ. Хотя я много долженъ Расину, но его я увидѣлъ уже тогда, когда вышелъ изъ сего лѣса, и когда уже парнасская гора предъявилась взору моему». А это случилось уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода его изъ корпуса.

Съ кадетскимъ сухопутнымъ корпусомъ связано основаніе новаго русскаго театра. Юные сотоварищи С., восхищенные его трагедіею «Хоревъ», задумали разыграть ее. Свистуновъ игралъ Оснельду, Мелисино—Кія, Бекетовъ—Хорева. Узнала объ этомъ Императрица Елизавета Петровна, и тѣ же кадеты нѣсколько разъ представляли «Хорева» во дворцѣ. Трагедія имѣла большой успѣхъ. «Хоревъ» явился первой пьесой новаго русскаго театра, именно ее поставили на сцену основатели его, Ѳедоръ Волковъ и Дмитревскій, сначала на подмосткахъ кожевеннаго завода въ Ярославлѣ, а затѣмъ съ громаднымъ успѣхомъ и въ Петербургѣ, куда они были вызваны. «Подняли занавѣсъ,—разсказываетъ о первомъ представленіи Ярославичами «Хорева» въ Петербургѣ племянникъ поэта, Павелъ Ивановичъ С.,—услышали сладкозвучіе стиховъ, борьбу страстей и тронулись разлукою, кончиною любовниковъ.

Зрители прослезились и знаками передавали взаимно удовольствія. Императрица утирала глаза платкомъ, потребовала въ свою ложу сочинителя, сняла съ руки своей перстень, подарила ему и разговаривала съ нимъ милостиво».

Изъ корпуса С. вышелъ 22 лѣтъ въ адъютанты къ Головкину, а послѣ къ гр. Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, при которомъ, по свидѣтельству митрополита Евгенія, «дослужился до чина бригадирскаго, а наконецъ Екатериною II пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, кавалеромъ св. Анны и пенсіономъ болѣе 200 рублей». Къ этому времени относится его признаніе, что онъ любилъ балы и съ увлеченіемъ предавался имъ; любилъ также женское общество, гдѣ блисталъ своими пѣснями, эклогами и идилліями.

Эклоги были модным видомъ стихотвореній въ тогдашней европейской поэзіи. Свои эклоги С. посвятилъ «прекрасному россійскаго народа женскому полу». Ихъ содержаніе самъ поэтъ опредѣляетъ такъ— «дни златого вѣка, когда едина нѣжность, только препровождаемая жаромъ и вѣрностью, была основаніемъ любовнаго блаженства». Въ эклогахъ С. преобладаетъ многословіе, мечтательность и чувствительность, которую впослѣдствіи окрестили именемъ «ложной». На упрекъ, что въ нихъ много «излишней любви», С. отвѣчаетъ прекрасному полу: «Вамъ должно знать, что недостаточная любовь не была бы матерью поэзіи».

Между службою, свѣтскими развлеченіями и стихотворствомъ С. находилъ время и для чтенія, что видно изъ его философскихъ компиляцій и критическихъ статей, показывающихъ въ немъ значительную эрудицію. С. изложилъ «О разумѣніи человѣческомъ» Локка, писалъ о Спинозѣ, «О лѣтоисчисленіи», выказалъ довольно обширныя познанія въ математикѣ; его «Эпистола о стихотворствѣ» обнаруживаетъ знакомство автора съ корифеями древней литературы и современной ему англійской и французской. Тутъ цитируются Анакреонъ, Аристофанъ, Виргилій, Горацій, Шекспиръ, Мильтонъ, Буало, Расинъ, Вольтеръ и др. Особенное вниманіе удѣлялъ С. изученію русскаго языка. Литературный языкъ былъ въ то время въ періодѣ зарожденія; приходилось вести борьбу съ тѣми писателями, которые, за отсутствіемъ многихъ русскихъ словъ для вновь возникшихъ понятій, обращались безъ нужды къ иностраннымъ языкамъ. Противъ этихъ отрицательныхъ явленій и ополчился С. Онъ обратился къ изученію русской исторіи, что видно изъ его статей «Московская лѣтопись» и «Стрѣлецкій бунтъ»; онъ обратилъ вниманіе на русскія пѣсни, что видно, напримѣръ, изъ его плясовой пѣсни: «Въ рощѣ дѣвки гуляли: калина моя, малина моя»; изслѣдовалъ русскія слова сравнительно съ иностранными нарѣчіями (его статья «О происхожденіи русскаго народа по сходству нарѣчій»); написалъ статью «Россійское духовное краснорѣчіе», затѣмъ разсужденіе «О коренныхъ русскихъ словахъ». Вся эта теоретическая дѣятельность подкрѣплялась имъ практически—созданіемъ соотвѣтствующихъ образцовъ русской рѣчи, которая, по его мнѣнію, должна удовлетворять слѣдующимъ тремъ условіямъ: языкъ долженъ быть простъ, правиленъ и чистъ отъ лишнихъ иноземныхъ словъ.

Съ какимъ трудомъ доставалось С. созданіе такихъ образцовъ, показываетъ собственное признаніе его, что онъ девять лѣтъ жегъ свои стихи, какъ неудачные опыты. «На что намъ вводить чужія слова, — говоритъ С. о чистотѣ языка.— Чужія слова всегда странны будутъ и знаменованія ихъ будутъ недостаточны; слѣдственно введутъ слабость и безобразіе въ *сильный и прекрасный нашъ языкъ*. А то еще страннѣе, когда мы называемъ или пишемъ чужими странными словами то, чему у насъ есть свои точныя названія... У насъ есть свой древній и несмѣшанный языкъ; на что же портить его словами изъ новыхъ и смѣшанныхъ нарѣчій». С. видѣлъ особую красоту и прелесть въ звукоподражательности многихъ словъ русскаго языка. «У насъ,—говоритъ онъ,—слово *дождь* выражаетъ точный шумъ раздробленно ліющихся изъ воздуха водъ; когда мы произносимъ слово *журчаніе*, то мы какъ будто слышимъ струящуюся воду, потоки мелкихъ струй; въ словѣ *громъ* какъ бы слышится трескъ сталкивающихъ воздушныхъ волнъ» и т. д. По поводу простоты хорошей рѣчи С. говоритъ: «По моему мнѣнію, пропади то великолѣпіе слога, въ которомъ нѣтъ ясности. Многіе пишутъ, что проповѣди архіепископа Ѳеофана потому не хороши,

что онѣ просты. Но что похвальнѣе простоты, искусствомъ очищенной, и что глупѣе тѣхъ людей, которые, внѣ естественности слога, ищутъ какой-то хитрой кудрявости». Что касается правильности рѣчи, то онъ говоритъ: «Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ, кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ». Но этимъ требованіемъ С. отнюдь не думалъ ставить въ зависимость языкъ народа отъ правилъ грамматики, ибо, говоритъ онъ, «люди говорятъ и пишутъ, не справляясь непрестанно съ грамматикою», наоборотъ—самую граматику, т. е. рядъ извѣстныхъ правилъ, выводилъ онъ изъ строя рѣчи, создающагося въ горнилѣ исторической жизни народа.

Мы переходимъ къ самой зрѣлой порѣ литературной дѣятельности С., когда онъ обратился «къ Мельпоменѣ и, взявъ у нея кинжалъ, пустился къ театру». Въ 1756 г. послѣдовалъ указъ «о бытіи россійскаго театра», и С. опредѣленъ директоромъ. Въ театрахъ въ царствованіе Елисаветы Петровны ставились иностранными труппами комедіи Мольера, трагедіи Корнеля, Расина, Вольтера. По условію съ директоромъ Сериньи, труппа обязывалась играть на придворномъ театрѣ разъ въ недѣлю комедіи и трагедіи; французскія представленія обыкновенно назначались по понедѣльникамъ; итальянскія же и балетныя—по четвергамъ. Здѣсь-то С. и увлекся «трагическою музою»; эти блестящія представленія внушили ему желаніе по изученнымъ ложно-классическимъ образцамъ написать русскую трагедію. Были особыя условія, почему С. за образцами обратился къ ложно-классической трагедіи, несмотря на то, что ему былъ извѣстенъ Шекспиръ, съ нашей, современной, точки зрѣнія стоящій выше. Между тѣмъ С. очень гордился, когда его величали «сѣвернымъ Расинымъ», и считалъ нужнымъ оправдываться, когда его упрекали въ подражаніи Шекспиру. По поводу передѣлки имъ шекспировскаго «Гамлета» онъ писалъ: «Гамлетъ мой,—кромѣ монолога въ кончаніи 3-го дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на шекспирову трагедію едва-едва походитъ». Не только С., но и другіе современные ему писатели высоко ставили подражанія ложно-классикамъ. Этотъ родъ литературы имѣлъ большой успѣхъ и у публики. Трагедіи С. трогали зрителей до слезъ; пьеса «Дмитрій Самозванецъ», имѣла такой успѣхъ, что трудно было найти свободное мѣсто, когда она ставилась; эта же пьеса держалась на провинціальныхъ театрахъ еще въ 20-хъ годахъ XIX в., всегда собирая многочисленныхъ зрителей. Должно также обратить вниманіе на распространенность сочиненій С.: послѣ изданія имъ самимъ отдѣльныхъ своихъ стихотвореній вскорѣ понадобилось новое изданіе (Новиковское), которое черезъ 6 лѣтъ было повторено. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что не капризъ и не случайность вызвали перенесеніе въ русскую литературу образцовъ ложно-классической трагедіи. Было, слѣдовательно, въ послѣдней нѣчто, что отвѣчало запросамъ времени.

И дѣйствительно, если обратиться къ состоянію литературы и общества ко времени выступленія С. на литературное поприще, то неизбѣжность перенесенія на русскую почву образцовъ ложно классической трагедіи станетъ ясной. Въ литературѣ С. засталъ такъ называемыя «духовныя драмы», мистеріи; общество въ то время переживало переходъ отъ московскихъ къ петербургскимъ условіямъ жизни, и эти два момента и опредѣлили форму и содержаніе трагедіи С. Въ качествѣ образца «духовной драмы» возьмемъ самую извѣстную изъ нихъ—мистерію св. Димитрія Ростовскаго: «Рождество Христово» или «Рождественская драма». Она состоитъ изъ антипролога, пролога, 18 явленій и эпилога; дѣйствующими лицами въ ней выступаютъ исключительно олицетворенія такихъ отвлеченныхъ понятій, какъ натура человѣческая, надежда, миръ, любовь, кротость, незлобіе, радость, разсужденіе, желѣзный вѣкъ, брань, ненависть, ярость, злоба, зависть, плачъ, смерть, жизнь, земля, небо и т. д.; дѣйствіе въ ней тянется на протяженіи отъ сотворенія міра до Рождества Христова; событія раздѣлены между разными мѣстами, между собой не связанными (небо, земля, Виолеемъ и др.); изображается не одно какое-либо дѣйствіе въ его развитіи, а рядъ разнообразныхъ, не согласованныхъ между собой.

Ложно-классическая трагедія являлась рѣзкимъ контрастомъ духовнымъ драмамъ по своей простотѣ, выражавшейся въ строгой теоріи «трехъ единствъ», по которой требовалось сосредоточить вниманіе зрителя на изображеніи *одного* какого-либо *дѣйствія*, совершающагося въ *одномъ мѣстѣ* и по возможности въ теченіе *одного дня*.

Въ «Эпистолѣ о стихотворствѣ» С. по поводу этихъ трехъ единствъ пишетъ:

Не представляй *двухъ дѣйствій* къ смѣшенію мнѣ думъ:
Къ предмету *одному* стремится умъ.
Старайся мнѣ въ игрѣ *часы часами мѣрить*,
Чтобъ я, забывшися, возмогъ тебѣ повѣрить,
Что будто не игра то дѣйствіе твое,
Но самое тогда случившееся бытіе.
Не сдѣлай трудности и *мѣстомъ* мнѣ своимъ,
Чтобы тогда, какъ ты мнѣ представляешь Римъ,
Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину...

Кругъ драматическаго дѣйствія сужывался, но зато получалась большая яркость впечатлѣнія. Вотъ этотъ-то литературный типъ и былъ взятъ за образецъ С., который такимъ образомъ былъ для своего времени реформаторомъ, создателемъ новой для Россіи литературной формы—ложно-классической.

Вторымъ моментомъ, опредѣлившимъ неизбѣжность перехода къ ложно-классической трагедіи, является измѣнившееся съ Петра Великаго содержаніе русской общественной жизни: до него просвѣщеніе сосредоточивалась въ монастыряхъ, въ семинаріяхъ, и носило церковный характеръ; съ Петра же оно перешло въ свѣтскія учебныя заведенія пріобрѣло свѣтскій характеръ; вліяніе на всѣ стороны жизни перешло отъ церкви къ государству, къ свѣтской власти. Образовался петербургскій Дворъ, сконцентрировавшій около себя всѣ проявленія общественной жизни. Изъ разныхъ медвѣжьихъ уголковъ были привлечены ко двору люди «земли»—дворянство, отличавшееся угловатыми манерами и не знавшее даже, какъ должно себя держать въ обществѣ. Необходимо было эту разношерстную массу вышлифовать. Для нея были созданы «ассамблеи», былъ выработанъ кодексъ приличій въ книгѣ «Юности честное зерцало», — руководствѣ, имѣвшемъ цѣлью приблизить молодого дворянина къ типу «придворнаго человѣка» и научить его обхожденію въ свѣтѣ. И въ соотвѣтствіи съ новыми требованіями придворной и салонной жизни создавался и лоскъ ложно-классической трагедіи.

Въ первой трагедіи С. «Хоревъ» дѣйствующія лица дѣлятся на «героевъ» (Кій—князь кіевскій, Хоревъ—его братъ, наслѣдникъ престола, Оснельда—дочь бывшаго владѣтельнаго князя Кіева, Завлохъ —отецъ Оснельды, бояринъ Сталверхъ) и на «подлый народъ». Первые—люди долга, сильныхъ чувствъ, благородныхъ манеръ, вторые — почти не люди: они лишены самостоятельнаго существованія—не будь ихъ, ходъ трагедіи нисколько не измѣнился бы. Хоревъ и Оснельда любятъ другъ друга, но должны стать выше своихъ чувствъ, ибо они связаны кровными узами съ лицами, враждующими между собой изъ-за престола, Кіемъ и Завлохомъ. На почвѣ этой коллизіи долга съ чувствомъ и происходитъ борьба, кончающаяся трагически для обоихъ влюбленныхъ. По тому же типу составлены и всѣ остальныя трагедіи С. «Синавъ и Труворъ», «Семира», «Ярополкъ и Димиза», «Вышеславъ», «Дмитрій Самозванецъ» и нѣкоторыя другія, менѣе извѣстныя. Во всѣхъ этихъ трагедіяхъ, даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя написаны на «русскія темы», которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ изображеніе событій изъ русской исторіи, — русскаго было очень мало: по псевдоклассической пінтикѣ скроенныя, онѣ и духъ свой, и сущность своего содержанія черпали изъ французскихъ образцовъ, лишь внѣшностью да именами героевъ (тоже нерѣдко офранцуженными) давая подобіе русскаго содержанія.

Несмотря на очевидные, съ современной намъ точки зрѣнія, недостатки ложно-классическихъ трагедій С., послѣднія были для своего времени шагомъ впередъ. Какъ ни мало отражали «герои» С. реальность жизни, все же они были ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отвлеченные образы драмъ Дмитрія Ростовскаго и другихъ творцовъ «духовныхъ драмъ». Кромѣ того, упорядоченная форма ложно-классической трагедіи съ ея малымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ и концентраціей вниманія на ограниченномъ временемъ и пространствомъ кругѣ явленій дѣлала удобной постановку ея на сценѣ. Дѣйствуя черезъ посредство игры на зрѣніе и слухъ, трагедія С. создавала связь литературы съ обществомъ, возвышая послѣднее до вопросовъ общаго порядка.

Кромѣ трагедій С. написалъ много комедій и басенъ, но успѣха у современниковъ эти произведенія не имѣли: въ нихъ мало художественности—въ басняхъ очень слаба аллегорія, въ комедіяхъ—типичность. Комедія, конечно, по сущности своей должна была ближе держаться предметовъ изъ русской жизни. Но и здѣсь у С. постоянно

даютъ себя чувствовать иностранные образцы, особенно въ первыхъ имъ написанныхъ, въ которыхъ фигурируютъ не только подлинные типы французской комедіи съ ихъ именами (Пасквинъ, Леандръ, Кристенъ и т. п.), но сохраняется даже обстановка, а весь центръ дѣйствія вертится зачастую на субреткѣ или плутоватомъ слугѣ. Но зато въ комедіяхъ и басняхъ много «стихотворной остроты», «издѣвки», сатирическаго гнѣва. О назначеніи комедіи С. говоритъ: «Свойство комедіи издѣвкой править нравъ, смѣшить и пользовать—прямой ея уставъ», а что должно быть предметомъ осмѣянія, указано у него такъ:

Представь бездушнаго подъячаго въ приказѣ,
Судью, что не поймета, что писано въ указѣ.
Представь мнѣ щеголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ,
Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру,
Чтобы гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такую жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ „ergo“ ничего;
Представь мнѣ гордаго, раздута какъ лягушку,
Скупого, что готовъ въ удавку за полушку.

Лучшей комедіей является «Опекунъ», въ которой тѣмъ больше желчи, что она написана по личному поводу. Въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ комедіи, ростовщикѣ Чужехватовѣ, выведенъ зять С., у котораго послѣдній имѣлъ несчастіе задолжаться. Въ прошеніи, поданномъ Императрицѣ, С. такъ рисуетъ своего зятя, изображеннаго въ лицѣ Чужехватова: «Человѣкъ праздный, прибыткожадный, непросвѣщенный и кромѣ часовника ничего не читавшій и кромѣ сребролюбія ни о Богѣ, ни о прямой дорогѣ не имущій понятія; ростовщикъ, онъ беретъ по десяти рублей со ста и еще по два рубля въ ящикъ собираетъ на жалованье своимъ людямъ, которыхъ онъ почти никогда не кормитъ, приказывая имъ пищу добывать самимъ; дровъ имъ не даетъ, приказывая, чтобы они дрова сами въ Москвѣ-рѣкѣ добывали, слѣдственно приказываетъ онъ имъ дрова красть. Жалости и человѣколюбія въ немъ нѣтъ никакого, обыкновенное наименованіе людямъ: «вы мои злодѣи»... Науки онъ называетъ календаремъ, стихотворство лихою болѣстью; воспитательный домъ—непристойнымъ именемъ... Считаетъ деньги и бьетъ ими слугъ, и у него только 4 наказанія: четками, подъ бока кулаками, кошками и вѣчные кандалы». Мщеніе со стороны зятя, узнавшаго себя въ Чужехватѣ, причинило впослѣдствіи С. не мало горя и побудило его обратиться непосредственно къ Императрицѣ. Густыя, грубыя краски, наложенныя на Чужехвата, дѣлаютъ его личность каррикатурной, что приближаетъ пьесу скорѣе къ сатирѣ, чѣмъ къ комедіи. Въ другой комедіи С., «Лихоимецъ», повторяется мольеровскій «Скупой»; въ комедіи «Трессотиніусъ» осмѣивается ученый педантизмъ Третьяковскаго и Ломоносова, выведенныхъ въ лицѣ Трессотиніуса и Бомбембіуса. Образчикомъ этого осмѣиваемаго С. педантизма является споръ о буквѣ «твердо», въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ утверждаетъ, «что твердо объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у грековъ... оно объ одной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакій уродъ», а другое казуистически возражаетъ: «Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ergo оно твердо; а твое твердо нетвердо, ergo оно не твердо; твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное». Положительной стороной комедій и басенъ С. является ихъ разговорный языкъ,—бойкій, живой, чуждый искуственности, свойственной нѣкоторымъ его трагедіямъ.

Сатирическія статьи С. касаются главнымъ образомъ такихъ распространенныхъ въ его время пороковъ, какъ лихоимство, взяточничество, ябеда, безсмысленное подражаніе иностранцамъ, затѣмъ невѣжество, щегольство, барская спесь. Интересны двѣ сатирическія пѣсни С.; одна иронически оплакиваетъ судьбу взяточника: «Саввушка грѣшенъ, Савва повѣшенъ; Больше не падки мысли на взятки» и т. д. Другая сатирическая пѣсня называется «Хоръ къ превращенному свѣту», изъ которой вышла народная пѣсня: «За моремъ синичка не пышно жила». Въ «Хорѣ къ превращенному свѣту» изображается, чего плохого нѣтъ за-границей изъ того, что имѣется въ Россіи, и что тамъ есть хорошаго, чего у насъ нѣтъ:

За моремъ подъячіе честны,
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ
За моремъ почетные люди
Шеи назадъ не загибаютъ;
Денегъ въ землю за моремъ не прячутъ,
Деревень въ карты тамъ не ставятъ,
Людьми тамъ не торгуютъ...

Какъ первый примѣръ въ дѣлѣ изданія журналовъ, слѣдуетъ указать на издавав-

шійся С. въ 1759 г. на его собственныя средства журналъ «Трудолюбивая Пчела». Онъ печатался въ академической типографіи въ количествѣ 1,200 экземпляровъ, но черезъ годъ долженъ былъ прекратиться за отсутствіемъ подписки и вслѣдствіе столкновеній съ академической канцеляріей. Въ журналѣ, кромѣ статей и стихотвореній самого С., помѣщались произведенія Третьяковскаго, Дмитревскаго, Козицкаго, Нартова, Мотониса, Полетики и др. Журналъ велся настолько интересно и содержательно, что въ 1780 г., слѣдовательно уже по смерти С., былъ вторично изданъ академіей.

Въ 1762 г. произошло замѣчательное въ исторіи русской печати событіе. Какъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Евгеній, Екатерина II, вступивъ на престолъ, «на три дня во всѣхъ московскихъ типографіяхъ допустила свободу печатанія». Однимъ изъ первыхъ этой свободой воспользовался С., представивъ свои замѣчательныя для того времени соображенія, во-первыхъ, о необходимости изданія Свода Законовъ и, во-вторыхъ, объ учрежденіи государственнаго совѣта. «Какъ членъ общества я желаю, чтобы законы исправлены были. На что нѣтъ закона или неясенъ, на то сочиненъ бы былъ новый, ясный, положительный... Судьи не боги и не цари, а мы не тварь ихъ и не подданные. Осуждать должны законы, а не они, если судъ праведенъ; а если судъ неправеденъ, то осуждаютъ насъ не судьи, а беззаконники... Прежде всего повели, — обращается С. къ Императрицѣ, — собрать для новаго зданія вещи и основать училища готовящимся соблюдать предначертанные премудростью твоею законы. Повели передъ писцами разогнуть книгу естественной грамматики, которой многіе писцы и по имени не знаютъ. Повели имъ изображать дѣла ясно и мыслить обстоятельно, чтобы знало общество, что написано». Представляя идеальное общество, С. говоритъ: «Тамъ (существуетъ) Государственный Совѣтъ, которому принадлежитъ обозрѣніе государственныхъ узаконеній и прочихъ основаній; а книга тамошнихъ законовъ не болѣе календаря». Извѣстно, что четырьмя годами позже, въ Наказѣ Екатерины II, повторяется эта мысль относительно общедоступности законовъ: «а уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря».

Тѣмъ не менѣе С. былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Въ числѣ лицъ, которымъ былъ данъ для прочтенія «Наказъ» еще до собранія Комиссіи, былъ и С., который представилъ свои замѣчанія. «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя,—писалъ онъ въ этихъ замѣчаніяхъ: — Скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки; и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ, вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища... А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ...». Замѣчанія С. не понравились Екатеринѣ. На поляхъ рукописи ея рукою противъ разныхъ мѣстъ приписаны возраженія, а въ заключеніе дана такая характеристика поэту: «Господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобы быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ... Изображеніе (т. е. воображеніе) въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело...».

Въ мысляхъ «О старой и новой славѣ» С. говоритъ, что счастье народовъ заключается не въ расширеніи границъ, а во многомъ другомъ, между прочимъ въ «дешевизнѣ нужныхъ вещей». По этому поводу имъ написано политико-экономическое разсужденіе «О всегдашней равности въ товарахъ», гдѣ говорится: «Много или мало вывоза товаровъ, пошлина ни убавляется, ни прибавляется, и сборъ государственный въ казнѣ съ нихъ равенъ. Много или мало сожнется въ Россіи хлѣба, но люди къ пропитанію своему требуютъ равной мѣры. Равна пошлина, равна мѣра пропитанія; равна должна быть и цѣна во всякое время, хотя много, хотя мало вывезено товаровъ, или много или мало сжато хлѣба. Въ случаѣ неурожая помогаетъ ли возвы-

шеніе на него цѣны народу? Она помогаетъ только злочестивымъ продавцамъ, обогощающимся несчастіемъ человѣческимъ. Зло это отвращено будетъ тогда, когда учредятся у насъ хлѣбные магазины, что легко можетъ быть въ Россіи, столь обширной и столь изобильной»...

Послѣдніе годы своей жизни С. пришлось провести въ Москвѣ, и это обстоятельство, какъ это ни странно на первый взглядъ, оказалось для него роковымъ. Здѣсь слава «отца русскаго театра», «Сѣвернаго Расина» потерпѣла крушеніе.

Здѣсь имѣли успѣхъ «слезныя, мѣщанскія драмы». Кто-то изъ московскихъ чиновниковъ перевелъ одну изъ такихъ драмъ Бомарше: «Евгенія». Пьеса была поставлена и имѣла громадный успѣхъ. С. почувствовалъ себя уязвленнымъ въ своемъ самолюбіи, написалъ рѣзкую статью по поводу паденія вкуса московской публики; среди послѣдней образовались двѣ партіи, при чемъ партія С. оказалась въ плачевномъ меньшинствѣ.

Характерныя для С. и нравовъ времени перипетіи этой борьбы слѣдующія. За разрѣшеніемъ литературнаго спора о сравнительныхъ достоинствахъ ложно-классической и «мѣщанской» драмъ С. обратился къ Вольтеру. Вотъ что отвѣтилъ фернейскій поэтъ: «Je me vante à vous, monsieur, d'être de votre opinion en tout. Oui, monsieur, je regarde Racine comme le meilleur de nos poètes tragiques sans contredit, comme celui qui le seul a parlé au coeur et à la raison, qui seul a été veritablement sublime sans aucune enflure et qui a mis dans la diction une charme inconnue jusqu'à lui. Il est le seul encore qui ait traité l'amour tragiquement. Des autres n'avaient pas assez de force dans l'esprit pour faire des tragédies. Ils ont mis des aventures tragiques sous des noms bourgeois. On dit qu'il y a quelque intérêt dans ses pièces et qu'elles attachent assez quand elles sont bien jouées, cela peut être; je n'ai jamais pu les lire, mais on prétend que les comédiens font quelque illusion. Ces pièces bâtardes ne sont ni tragédies ni comédies, quand on n'a point de chevaux on est trop heureux de se faire trainer par des mulets». Получивъ это письмо, С. торжествовалъ. «Какому-то подъячему (такъ онъ называетъ переводчика пьесы Бомарше), пишетъ С., препоручили превознести до небесъ «Евгенію». Подъячій—утвердитель вкуса въ Москвѣ, конечно, скоро будетъ свѣтопреставленіе. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели Вольтеру и мнѣ?» С. всѣмъ давалъ читать письмо Вольтера, думая его авторитетомъ измѣнить вкусъ самобытныхъ москвичей. Противъ С. составился, во главѣ съ содержателемъ московскаго театра Бельмонти, заговоръ съ цѣлью сорвать какую-либо пьесу С. Московскому градоначальнику, графу Салтыкову, внушили мысль, что весь большой московскій свѣтъ съ нетерпѣніемъ ждетъ представленія трагедіи С. Узнавъ о козняхъ противъ него, С. протестовалъ противъ постановки на сцену его трагедіи, но пьеса все же была поставлена. Едва поднялся занавѣсъ, какъ начался гулъ, шумъ, свистки. «Въ креслахъ то грызли орѣхи, то забѣгали въ ложи, чтобы пустыми разсказами умножить шумъ. Такой же содомъ кипѣлъ и внѣ театра: тамъ раздавался крикъ кучеровъ и тамъ бушевала надъ ними расправа конюшенная». С. заболѣлъ и больной написалъ письмо Бельмонти: «Я принялъ сегодня лекарство, прописанное мнѣ врачемъ, который велѣлъ мнѣ не сердиться. Но вы умышленно довели до моего свѣдѣнія объявленіе о томъ, что мои трагедіи будутъ играны вопреки волѣ моей. Вы будете за это отвѣчать передъ лицомъ правосудія и вы расплатитесь со мною кошелькомъ, если захочу. Вы обманули меня и честь. Вы ее утратили, нарушивъ честное слово. Скажете ли, что исполняете приказаніе фельдмаршала? На это отвѣчаю, что и онъ подъ законами, а не свыше закона. Онъ первый вельможа въ Москвѣ, но онъ не начальникъ надъ музами; честь ваша уже не честь. Мои трагедіи — моя собственность. Если хотите, покажите письмо мое фельдмаршалу; я уважаю его какъ знаменитаго градоначальника древней столицы, а не какъ властелина моей музы—она не зависитъ отъ него. Итакъ, по мѣсту, имъ занимаемому, я его почитаю, но на поприщѣ поэзіи я ставлю себя выше его. А милостей его отнюдь не домогаюсь». Прибѣгнулъ С. къ посредничеству Императрицы, но сочувствія не встрѣтилъ. Государыня ему отвѣтила: «Вамъ бы слѣдовало сообразоваться съ желаніемъ перваго правительственнаго сановника въ Москвѣ; и если ему заблагоразсудилось приказать, чтобы трагедія была играна, то надлежало его волю исполнить безпреко

словно. Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженія достойны люди, служившіе со славою и убѣленные сѣдинами. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать впредь подобныхъ пререканій. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимое для произведеній вашего пера; а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ».

Къ крушенію славы присоединилось еще униженіе. Его колкія статьи противъ приказныхъ («крапивное сѣмя») и ябедниковъ давно возстановили послѣднихъ противъ него. Случай отомстить С. представился, когда онъ заложилъ свой домъ и въ срокъ не уплатилъ долга. Описали имущество С. и стали гнать его изъ родительскаго дома. Онъ обратился за помощью къ князю Потемкину. «Меня, пишетъ С., выгоняютъ изъ дома. Правда, я долженъ, но я извѣщаю васъ, что за занятыя деньги я заложилъ табакерку, подаренную мнѣ Императрицей Елисаветой Петровной. Ее оцѣнили въ 12.000, а на мнѣ всего долга тысячъ до восьми. Ябедѣ не домъ мой нуженъ, ей (ему) нужно подвергнуть меня посмѣянію и надругаться надо мною. Она (онъ) мститъ мнѣ. Придирки и козни ябедъ сводятъ меня и, вѣроятно, сведутъ съ ума. Я человѣкъ. У меня пылали и пылаютъ страсти. А у гонителей моихъ ледяныя перья приказныя: имъ любо будетъ, если я умру съ голода или съ холода». Всѣ эти невзгоды дѣйствительно повліяли самымъ удручающимъ образомъ на писателя; преслѣдуемый, беззащитный, онъ пристрастился къ спиртнымъ напиткамъ, пагубно повліявшимъ на его здоровье и ускорившимъ его смерть.

С. былъ высокаго мнѣнія о роли писателя въ жизни народа; современное же С. общество смотрѣло иначе. Даже лучшая часть этого общества допускала лишь меценатское, а не равноправное отношеніе къ писателю. Человѣкъ съ невысокимъ чиномъ долженъ былъ, по понятіямъ того времени, и держать себя соотвѣтственнымъ образомъ. С. же никогда не умѣлъ подлаживаться къ сильнымъ міра сего. Онъ умеръ, добившись отъ современниковъ мало уваженія къ себѣ, какъ писателю, но зато тѣмъ въ лучшемъ свѣтѣ выростаетъ его фигура въ глазахъ потомства. Что составляетъ истинную награду писателю, справшиваетъ С., и отвѣчаетъ слѣдующими словами, которыя могутъ служить эпиграфомъ къ его біографіи: «Утѣшительная надежда передать всю душу свою потомству и послѣ смерти жить своимъ твореніемъ».

I. Изданіе собраній сочиненій С.: Въ 1769 г. самимъ С. въ Петербургѣ издано въ двухъ книжкахъ „Собраніе стихотвореній духовныхъ, одъ торжественныхъ, элегій и эклогъ“.—„Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ покойнаго дѣйств. ст. сов... Александра Петровича Сумарокова“. издано Н. Новиковымъ въ 1787 г. въ Москвѣ.—Въ 1909 г. Академія Наукъ приступила къ собранію всѣхъ матеріаловъ, касающихся С., и къ изданію всѣхъ его сочиненій. Изданіе поручено профессору Шляпкину.

II. Отдѣльныя монографіи и журнальныя статьи о С.: Н. Буличъ, „Сумароковъ и современная ему критика“, Спб., 1854 г. (отзывы и дополненія въ статьяхъ: Михайлова, „Библ. для Чтенія“, 1854 г., № 5; Галахова, „Отеч. Записки“, 1854 г., № 6; Гаевскаго, „Журналъ Мин. Народ. Просв.“, 1854 г., ч. 83; А. Пыпина, „Спб. Вѣдом.“, 1854 г., №№ 83, 84; Бестужева-Рюмина, „Моск. Вѣдом.“, 1854 г., №№ 40, 47, 48).—С. Н. Глинка, „Очерки жизни А. П.Сумароковъ и избранныя его сочиненія“ въ 3 ч., Спб., 1841 г.—П. Иващенко, „Очеркъ содержанія сатиръ Сумарокова“, Нѣжинъ.—В. Г. Бѣлинскій, „Собраніе сочиненій“, т. I („Литературныя мечтанія“); т. V, стр. 348—355; т. VI, стр. 257—259; т. VIII, стр. 105.—„Литературная Газета“ Дельвига. 1830 г., т. I, № 28 (объ отношеніи С. къ Ломоносову).—А. Шишковъ, „Сравненіе Сумарокова съ Лафонтеномъ“, „Драматич. Вѣстн.“, 1808 г., т. V, прибавл.—„Исторія драматической поэзіи у русскихъ“, „Сынъ Отеч.“, 1847 г., т. I, отд. V.—В. Милютинъ, „Мысли о Сумароковѣ и другихъ писателяхъ“, „Отеч. Записки“, 1828 г., ч. 33, № 95; ч. 34, №№ 96, 97.—Его же, „Очерки русской журналистики, преимущественно старой“, „Современникъ“, 1851 г., т. XXV, изд. 2-е, стр. 2 и дал.—Лаговскій, „Сумароковъ какъ писатель и драматургъ“, „Пантеонъ и Репертуаръ“, 1851 г., т. I, кн. 2; т. II, кн. 3 и 4.—М. Сухомлиновъ, „Замѣтки о Сумароковѣ“, „Извѣстія Императ. Акад. Наукъ“, 1855 г., т. IV, вып. 4. —Щигинъ, „Сумароковъ и слезная драма“, „Пантеонъ“, 1855 г., № 9.—„Замѣчательныя слова Сумарокова“, „Москвитянинъ“, 1855 г., № 4.—„Извѣтъ Третьяковскаго на Сумарокова“, тамъ же, 1855 г., №№ 13 и 14. Вл. Стоюнинъ, „А. П. Сумароковъ“, „Музык. и Театральн. Вѣстн.“, 1856 г., №№ 36—40, 43—46 и отд. Спб., 1856 г.—Г. Геннади, „Библіографическія указанія для біографіи Сумарокова“, тамъ же, 1856 г., № 41.—П. Лебедевъ, „Новые матеріалы для біографіи Сумарокова“, „Библіогр. Записки“, 1858 г., №№ 14, 15. — „Образцы журнальной полемики прошлаго столѣтія“, тамъ же, 1859 г., № 17.—П. Ф., „А. П. Сумароковъ“, „Разсвѣтъ“, 1860 г., № 7.—П. Пекарскій. „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журнализмѣ 1755—1764 гг.“, „Сборникъ отд. русск. яз. при ак. наукъ“, Спб., 1863 г.—

А. Ефремовъ, „Матеріалы для русской лиской литературы“, Спб., 1867 г.—„Мнѣніе Сумаровова объ освобожденіи крестьянъ“, „Русск. Архивъ“, 1870 г., № 2, стр. 288—291.—М. Н. Лонгиновъ, „Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова“, тамъ же, 1871 г., №№ 10, 11.—Родиславскій, „Къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сумароковѣ“, тамъ же, 1871 г. № 11.—Анекдоты о Сумароковѣ“, тамъ же, 1874 г., № 4.—Д. Дмитріевъ, „Русская театральная публика во времена Сумарокова“, „Древняя и Новая Россія“, 1875 г., № 1.—Н. Тихонравовъ, „А. П. Сумароковъ. Современная его характеристика“, „Русск. Старина“, 1884 г., кн. III и въ „Собраніи сочиненій“, т. III, ч. 2, М., 1898 г.—Зауссинскій, „Басни Сумарокова“, „Варшавск. Университ. Извѣстія“, 1884 г., №№ 3, 5.—Д. Языковъ, „Новые матеріалы для біографіи Сумарокова“, „Историч. Вѣстникъ“, 1885 г., № 5.—В. Истоминъ, „Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній А. П. Сумарокова“, „Русскій Филологич. Вѣстн.“, 1898 г., №№ 1, 2.—„Замѣчанія Сумарокова на Наказъ“, „Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.“, т. X, стр. 65—86.—Пав. Ив. Сумароковъ, „Нѣкоторыя разсужденія о А. П. Сумароковѣ и началѣ россійскаго театра“, Спб., 1806 г.—Статья Мерзлякова въ „Вѣстн. Евр. 1817 г., №№ 12—14.

III. Общія сочиненія. М. Сухомлиновъ, „Исторія россійской академіи наукъ“, т. I. и II.—Пекарскій, „Исторія академіи наукъ“.—Кн. П. Вяземскій, „Собраніе сочиненій“, въ ст. „О Фонвизинѣ“, т. V.—А. Веселовскій, „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“, „Вѣстн. Европы“, 1881 г., № 11, и отд., М. 1883 г.—„Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 г.г.“, „Сборникъ II отд. акад. наукъ“, т. XI, Спб., 1875.—Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“.—М. Протопоповъ. „На зарѣ русской поэзіи“, „Русск. Богатство“, 1896 г., № 7.—А. Пыпинъ, „Исторія русской литературы“, т. III, стр. 460—468, 474—477.—Л. Майковъ, „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII в.в.“, Спб., 1889 г.—С. Венгеровъ, „Русская поэзія“, т. VI, Спб., 1897 г.—И. Ивановъ, „Исторія русской критики“, „Міръ Божій“, 1897 г., №№ 3, 4 и отд., Спб., 1898 г., ч. I (гл. „Сумароковъ и Третьяковскій какъ критики и публицисты“).—П. Я., „Русская муза“, Спб., 1908 г.—Карабановъ, „Основаніе русскаго театра“.

IV. Учебныя пособія. А. Галаховъ, „Исторія русской словесности“, т. I.—Его же, „Историческая хрестоматія“, т. I, стр. 223—252.—Г. Карауловъ, „Очерки исторіи русской литературы“.—И. Порфирьевъ, „Исторія русской словесности“, ч. II.—В. Покровскій, „Историческая хрестоматія“, вып. V (статьи: Булича „Сумароковъ—сѣверный Расинъ“; его же, „Комедіи Сумарокова“; его же, „Отношеніе Сумарокова къ современнымъ писателямъ“; Порфирьевъ, „Трагедія Сумарокова“); вып. XIII („Сумароковъ какъ редакторъ „Трудовой Пчелы“).—Учебники Незеленова, Орлова; Сосницкаго и друг.

V. Воспоминанія, мелкія замѣтки и пр. „Записки Порошина“, Спб., 1882 г.—„Записки Жихарева съ 1805 по 1819 г.“, Спб., 1859 г.—„Изъ записной книжки А. М. Павлова о Сумароковѣ“. „Русск. Архивъ“, 1874 г., № 11.—„Изъ старинной записной книжки“, тамъ же, 1875 г., № 3, стр. 309—310.—„Записки Добрыни“, „Русск. Старина“, 1871 г., № 3, стр. 604.—М. Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, М., 1869 г.—Радищевъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, изд. А. С. Суворина, Спб., 1888 г.—„Похвальное слово Сумарокову, читанное въ Россійской Академіи Наукъ Ив. Дмитревскимъ“, „Сочиненія и переводы Рос. Ак. Наукъ“, ч. III, Спб., 1807 г.—Дружеруковъ, „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ“, М., 1787 г.—Н. Струйскій, „Апологія къ потомству отъ Н. Струйскаго о свойствѣ нрава Сумарокова“, Спб. (?, вѣрнѣе Рузаевка), 1788 г.—„Могила Сумарокова“. „Московск. Вѣд.“, 1874 г., № 136.

VI. Словари и справочныя изданія. Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, М., 1836 г.—Н. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, М., 1772 г.—Митроп. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, М., 1845 г.—„Портретная галлерея Мюнстера“ (ст. Д. М. Хмырова).—Энциклопедич. словари Старческаго-Крайя, Березина, т-ва Просвѣщеніе“, Брокгауза и Ефрона и др.—Д. Ровинскій, „Словарь гравированныхъ портретовъ“, № 3299.—Губерти, „Матеріалы для русской библіографіи“, № 384.—В. И. Межовъ, „Русская библіографія“.—Каталоги библіотекъ Глазунова, Смирдина, Плавильщикова и др.

VI. Переписка С. „Отрывки изъ переписки Сумарокова“, „Отеч. Записки“, 1858 г., № 2.—„Русская Бесѣда“, 1860 г., № 20 (Екатеринѣ II); „Чтенія Общ., Истор. и Древн. Росс.,“ 1860 г., т. 2 (Екатерины II къ С.); „Библіогр. Записки“, 1858 г., № 14 и „Русск. Архивъ“ 1871 г., № 10 (къ гр. Г. Г. Орлову); „Сѣверн. Архивъ“ 1823 г., № 14 (къ Миллеру); „Москвитянинъ“, 1855 г. №№ 17, 18 (три письма Екатерины II къ С.); „Русск Вѣстникъ“, 1842 г., т. VI, отд. 4 (къ неизвѣстному); „Библіограф. Зап.“, 1864 г., № 4 (къ разнымъ лицамъ); „Лѣтописи Русск. Литературы“, 1860 г., т. 3 (тоже); „Записки Акад. Наукъ“, 1862 г., т. I, прил. (къ Шувалову); „Русскій Архивъ“, 1879 г. № 9 (къ Потемкину); „Осмнадцатый Вѣкъ“, сборн. П. Бартенева, кн. 3 (два донесенія С.).

Ф. Борисовъ.

Сумароковъ, *Иванъ Богдановичъ*, прозванный *Орломъ* за спасеніе царя Алексѣя Михайловича на охотѣ отъ медвѣдя. За этотъ подвигъ онъ былъ назначенъ комнатнымъ стольникомъ, сдѣлался приближеннымъ царя и сблизился съ родственниками Петра, Нарышкиными. О дальнѣйшей жизни С. сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, рисующія его человѣкомъ съ весьма стойкимъ и твердымъ характеромъ. Кто-то изъ привержен-

цевъ Софьи—уже послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича—донесъ ей, будто бы Нарышкины говорили С.: «Орелъ, убей того орла, который летаетъ на Воробьевы горы», разумѣя подъ этимъ царя Ѳеодора, часто ѣздившаго въ выстроенный имъ на Воробьевыхъ горахъ домъ. Ненавидѣвшая Нарышкиныхъ Софья, желая воспользоваться противъ нихъ этимъ оружіемъ, убѣждала С., чтобы онъ подтвердилъ вѣрность этого доноса, обѣщая ему за это 1000 дворовъ, боярство и воеводство въ Вятскомъ намѣстничествѣ. С. отрицалъ взводимое на его друзей обвиненіе, и Софья «осудила его къ различнымъ мукамъ, цѣлый годъ продолжавшимся», а дабы вынудить у него это показаніе, не остановилась даже передъ тѣмъ, чтобы съ этой цѣлью передъ самой его смертью подослать къ нему духовника. «Я не солгалъ въ то время,—отвѣтилъ послѣднему С.,— когда могъ опасаться гнѣва Софьи, когда предлагала она мнѣ чины и награды, не солгу и на краю гроба, ибо иду туда, гдѣ тотъ, кто носилъ порфиру, равенъ тому, кто ходилъ съ сумою». По одной версіи, онъ былъ послѣ этого казненъ, по другой—убитъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г. какъ противникъ Софіи; погребенъ въ Москвѣ у Николы Столпа.

„Русскій Вѣстникъ“, 1808 г., ч. 4, стр. 232—235. — Д. Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, М., 1836, часть 5, стр. 122—123.—„Полн. Собр. Законовъ“, т. XIII, стр. 233.—„Примѣръ твердости и благородства духа“, „Отеч. Записки“, 1822 г., ч. 9, стр. 265—267.—„Русскій энциклопедич. словарь“ Березина, отд. IV, т. II, Спб., 1877 г., стр. 359.—П. Долгоруковъ, „Россійск. родословная книга“, ч. 4, Спб., 1857 г., стр. 444.—Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. 2, Спб., 1895 г. стр. 127.

Сумароковъ, *Павелъ Ивановичъ*, племянникъ Александра Петровича, сенаторъ, писатель. Въ молодости служилъ гвардейскимъ офицеромъ, потомъ въ министерствѣ юстиціи, а въ первой четверти XIX вѣка былъ витебскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Умеръ въ 1846 г. Въ свое время пользовался довольно широкою извѣстностью, какъ писатель, и академіей наукъ былъ избранъ въ дѣйствительные ея члены. Напечатаны слѣдующія его работы и сочиненія: «Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи» (М., 1800); «Досуги крымскаго судьи» (Спб., 1803—1805); «Прогулка за границу» (ib., 1821); «Нѣкоторыя разсужденія объ Александрѣ Петровичѣ Сумароковѣ и о началѣ россійскаго театра» (ib., 1805); «Обозрѣніе царствованія Екатерины Великія» и «Черты Екатерины Великія» (ib., 1819); комедіи «Зеленый корсетъ» (1805) и «Модникъ» (1806), драма «Марѳа Посадница» (1807) и притча «Орлы и скворцы» (Спб., 1806).

Полное Собраніе Законовъ, т. XXVII, стр. 143, 149.—„Сборникъ Русск. Историч. Общ.“, т. 27, стр. 275; т. 74, стр. 40.—„Архивъ Государств. Совѣта“, т. III, ч. 1, Спб., 1878 г., стр. 854; т. IV, ч. 1, Спб., 1892, стр. 40; ч. 3, 1896 г., стр. 105, 117, 418, 439.—„Письма графа А. А. Аракчеева къ П. И. Сумарокову“, „Труды Общ. Истор. и Др. Рос.“, 1862 г., кн. 2, смѣсь, стр. 91—133.—„Мнѣніе сенатора Сумарокова по вопросу о смертной казни“, тамъ же, 1859 г., кн. 4, стр. 43—48.—„Графъ А. А. Аракчеевъ и П. И. Сумароковъ. Ихъ взаимная переписка. 1812—1816 г.г.“, „Русская Старина“, 1900 г., XI, стр. 399—408.—„Псаломъ П. И. Сумарокова. 23 августа 1812 г.“, сообщилъ Вексель, тамъ же, 1896 г., II, стр. 265—266.—„Воспоминанія Н. Н. Шенига“, „Русскій Архивъ“, 1880 г., III, стр. 267.—Кн. П. А. Вяземскій, „Выдержки изъ записной книжки“, „Московск. Телегр.“, 1826 г., ч. 12, № 21; 1827 г., ч. 14, № 4.—„Настольный словарь“ Толя, ч. III, стр. 565.—Мамышевъ, „Георгіевскіе кавалеры“, стр. 1—2 (въ статьѣ о С. П. Сумарокова).—„Московскія Вѣдом.“, 1846 г., № 124, стр. 861 (некрологъ).

Сумароковъ, *Панкратій Платоновичъ*, журналистъ и поэтъ, внучатый племянникъ извѣстнаго писателя, родился 14 октября 1765 г. во Владимірѣ; дѣтство до двѣнадцати лѣтъ провелъ въ деревнѣ, гдѣ научился читать и писать, но изъ книгъ ему были доступны только Часословъ и Псалтирь; затѣмъ былъ взятъ родственникомъ Юшаковымъ въ Москву и въ домѣ послѣдняго подъ руководствомъ француза - гувернера и другихъ учителей получилъ хорошее образованіе, 18 лѣтъ С. поѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, въ которомъ прослужилъ годъ и былъ произведенъ въ корнеты. Въ Петербургѣ онъ оказался замѣшаннымъ въ нелѣпую исторію (подробно о ней см. у Гербеля: «Русскіе поэты»), въ результатѣ которой былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по поддѣлкѣ сторублевой ассигнаціи, судился, былъ обвиненъ и сосланъ безсрочно въ Тобольскъ, съ лишеніемъ дворянскаго званія. Въ ссылкѣ онъ пробылъ 15 лѣтъ

(1786—1801), но, благодаря гуманности тогдашняго тобольскаго губернатора, Алябьева, пользовался полною свободой и имѣлъ возможность заниматься литературой и преподаваніемъ. Еще до ссылки С. писалъ стихотворенія, преимущественно сатирическаго характера, и нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ журн. «Лѣкарство отъ скуки и заботы». Въ ссылкѣ же онъ вмѣстѣ съ кружкомъ молодыхъ учителей при главномъ тобольскомъ народномъ училищѣ задумалъ издавать журналъ полушутливаго, полусерьезнаго характера, по типу петербургскихъ «Зрителя», «Петерб. Меркурія» и упомянутаго «Лѣкарства отъ скуки и заботы». Разрѣшеніе при содѣйствіи Алабьева было получено безъ большого труда, и 6 сентября 1789 г. вышелъ 1-й номеръ ежемѣсячнаго журнала «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену»—первое періодическое изданіе въ Сибири. С. былъ редакторомъ-издателемъ этого журнала, въ которомъ собственно Сибири отводилось очень мало мѣста, помѣщались же въ немъ главнымъ образомъ статьи по общей исторіи, переводная беллетристика, басни и стихотворенія мѣстныхъ поэтовъ и пр. Больше всѣхъ писалъ въ немъ самъ С. Ему принадлежатъ здѣсь сказки — «Искусный лекарь» и «Способъ воскрешать мертвыхъ»; стихотворенія—«Ода на Гордость», «Восточная повѣсть», «Приказывалъ женѣ» и «Кедръ»; поэма—«Лишенный зрѣнья Купидонъ» (одно изъ лучшихъ его произведеній); притчи — «Отстрѣленная нога», «Карибская любовь» (перев. съ франц.), «Соловей, Попугай, Кошка и Медвѣдь»; научныя статьи — «Какимъ образомъ познаемъ мы разстоянія, величины, виды и положенія предметовъ» (составлено по Ньютону) и «Краткое изложеніе новѣйшихъ астрономическихъ открытій»; кромѣ того длинный рядъ другихъ менѣе важныхъ стихотвореній, сказокъ, поэмъ, басенъ, сонетовъ, притчъ и въ особенности эпиграммъ. Журналъ просуществовалъ два года и закрылся. Этимъ С. не смутился и въ 1793 г. сталъ издавать другой журналъ— «Библіотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную», — цѣлую энциклопедію всевозможнаго рода свѣдѣній, которыя послужили С. матеріаломъ для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ работъ. Издавать журналъ ежемѣсячникомъ, какъ предполагалось, вслѣдствіе ничтожнаго числа подписчиковъ (111) не удалось, и его 12 книжекъ растянулись на два года. Большинство статей и въ этомъ изданіи принадлежитъ самому С. Неудача, постигшая и эту попытку, отбила у С. всякую охоту стоять во главѣ періодическаго изданія въ Сибири, и всѣ свои новыя произведенія онъ сталъ посылать въ столичные журналы, главнымъ образомъ въ издававшееся Подшивайловымъ въ Москвѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», въ которомъ, между прочимъ, были напечатаны его имѣющіе успѣхъ и донынѣ комическіе куплеты «Плачъ и смѣхъ» (1795 г., ч. VII, стр. 29—30). Много произведеній С., частью уже ранѣе напечатанныхъ въ «Иртышѣ», частью же новыхъ попало въ 3-ю часть издававшагося между 1796—99 гг. Карамзинымъ альманаха: «Аониды или собраніе новыхъ стихотвореній»; наконецъ, въ 1800 г. С. выпустилъ сборникъ своихъ произведеній подъ заглавіемъ «Собраніе нѣкоторыхъ сочиненій, подражаній и переводовъ» (Москва, 1800), куда вошла, между прочимъ, его прелестная сказка «Альнаскаръ», въ живыхъ и яркихъ краскахъ изображающая картины сибирской зимы. Этимъ заканчивается сибирскій періодъ жизни С.

Послѣ вступленія на престолъ Александра I С. подалъ прошеніе на Высочайшее имя, въ концѣ іюня 1801 г. былъ амнистированъ, а въ 1802 г. ему было возвращено дворянское званіе. Возвратившись изъ ссылки, онъ поселился сначала въ деревнѣ Тульской губ., но вскорѣ переѣхалъ въ Москву, куда былъ приглашенъ въ качествѣ редактора «Журнала пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія». Подъ его редакціей вышли однако только три книжки этого изданія, такъ какъ вслѣдствіе неладовъ съ издателемъ журнала Княжевымъ С. вынужденъ былъ оставить здѣсь работу. Въ 1804 г. онъ было сдѣлалъ попытку продолжать основанный Карамзинымъ «Вѣстникъ Европы», но долженъ былъ оставить и эту мысль. Изъ отдѣльныхъ изданій его къ этому времени относятся: «Сочиненія и переводы П. Сумарокова» (М., 1807); сюда вошло лучшее его произведеніе—поэма: «Амуръ, лишенный зрѣнія»; два сборника утилитарнаго характера — «Источникъ здравія, или словарь всѣхъ употребляемыхъ снѣдей, приправъ и напитковъ изъ трехъ царствъ природы»

(М., 1800, 1803) и «Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ» (М., 1813), составленные на основаніи богатаго матеріала изъ раньше упомянутой «Библіотеки», и послѣ его смерти вышелъ сборникъ «Стихотвореній П. Сумарокова» (Спб., 1832). Умеръ С. 1 марта 1814 г. Какъ поэтъ, С. особеннаго значенія не имѣетъ и въ настоящее время совершенно забытъ, но не подлежитъ сомнѣнію его важная заслуга какъ піонера и насадителя сибирской журналистики.

Н. В. Гербель, «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», изд. 3-е, Спб., 1888, стр. 80—82.—А. В. Арсеньевъ, «Словарь русскихъ писателей средняго періода русской литературы», Спб., 1887, стр. 143—144. — А. Н. Неустроевъ, «Историческія разысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», Спб., 1874 г., стр. 549—550, 746—749 и 867—869.—А. В. Смирновъ, «Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, ставшіе на какомъ-либо поприщѣ извѣстными», Влад., 1896 г., вып. I, стр. 102—115.—«Стихотворенія П. Сумарокова», Спб., 1832 г., со вступительной статьей біографическаго характера, написанной его сыномъ, стр. I—XXXII. — «Вѣсть», 1865 г., № 6. — М. Н. Лонгиновъ: «Столѣтнія годовщины 1865 г.».—Сенатскій архивъ, кн. 28, л. 483.—«Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ», отд. I, т. I, Спб., 1909 г., № 582.

Сумароковъ, *Петръ Спиридоновичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился въ 1709 г., умеръ 12 декабря 1780 г.; въ юности былъ камеръ-пажемъ при Екатеринѣ I, а при бракосочетаніи Анны Петровны отчисленъ въ ея свиту и нѣкоторое время жилъ въ Килѣ. 19 января 1730 г., когда Верховный совѣтъ постановилъ пригласить на Россійскій престолъ Анну Іоанновну, С. былъ посланъ П. И. Ягужинскимъ въ Митаву съ порученіемъ предупредить будущую императрицу о замыслахъ верховниковъ, сводившихся къ ограниченію самодержавія. Несмотря на заставы, расположенныя около Москвы, на удержаніе почтъ, чтобы никто не могъ пріѣхать въ Митаву прежде посланной туда отъ Верховнаго совѣта депутаціи во главѣ съ кн. В. Л. Долгорукимъ, С. все же удалось прибыть туда раньше и передать Аннѣ отъ Ягужинскаго, что «ежели изволитъ его (Ягужинскаго) послушать, то пусть вѣритъ не всему, что станутъ представлять Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ посланы, до того времени, пока сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели кн. Василій Лукичъ по тѣмъ (выработаннымъ Верховнымъ совѣтомъ) пунктамъ принуждать будетъ подписываться, чтобъ ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трехъ персонъ такого письма за подписаніемъ рукъ ихъ, что они отъ всего народу оное привезли; ежели скажутъ, что съ согласія народа, а письма дать не похотятъ, то-бъ объявила, что ея величество оное учинитъ по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москвѣ...». Вмѣстѣ съ тѣмъ С. было поручено завѣрить Анну Іоанновну, что въ Москву она можетъ ѣхать безъ всякихъ опасеній, такъ какъ всѣ желаютъ ея царствованія. Долгорукій, узнавъ, что С. находится въ Митавѣ, велѣлъ его схватить и допросить, а послѣ допроса приказалъ заковать его въ кандалы и отправить въ Москву вмѣстѣ съ ген. Леонтьевымъ, который повезъ письмо Анны и подписанные ею пункты верховникамъ. Когда планы верховниковъ рушились и они сами были арестованы, С. былъ, конечно, освобожденъ, обласканъ и милостиво пожалованъ. Въ мартѣ 1742 г. ему было дано званіе шталмейстера, а десять лѣтъ спустя, 25 апрѣля 1752 г., онъ былъ пожалованъ оберъ-шталмейстеромъ. Въ званіе сенатора С. былъ возведенъ 28 декабря 1761 г., но пробылъ имъ недолго. Въ мартѣ 1763 г. въ сенатѣ слушалось дѣло по злоупотребленіямъ виннаго откупа, причемъ С. не былъ допущенъ другими сенаторами къ присутствованію при разборѣ этого дѣла, такъ какъ онъ самъ имѣлъ винный откупъ въ Бахмутской провинціи, законъ же Петра I гласилъ: «Ежели судья равное дѣло имѣетъ съ челобитчикомъ или отвѣтчикомъ..., то ему не судить, чтобъ для своего примѣра дѣло не испортилъ». С. обидѣлся и подалъ жалобу Императрицѣ, что отстраненъ несправедливо, но Екатерина написала такое рѣшеніе: «...По партикулярнымъ спорнымъ дѣламъ сенаторы выходятъ, по силѣ Петра Великаго указа, безъ огорченія изъ сената. А если по откупнымъ дѣламъ огорчительно, то способъ оставаться въ сенатѣ въ ихъ рукахъ», т. е. не заниматься откупами. С. подалъ прошеніе объ отставкѣ, которое въ концѣ января 1764 г. и было принято.

Дѣла Верховнаго тайнаго совѣта въ Государственномъ архивѣ. — Журналы сената, отъ

29 января 1752 г.—А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», Спб., 1873 г., стр. 100.—«С.-Петерб. Вѣдом.», 1764 г., № 13.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. IV, стр. 1156, 1157; кн. V, стр. 872, 1459. — «Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества», т. V, стр. 350, 352; т. VII, стр. 235—237; т. XV, стр. 410, 412; т. XLVI, стр. 22.—«Записка гр. Панина къ П. С. Сумарокову», «Русск. Стар.», 1876 г., т. VIII, стр. 907—908.

Сумароковъ, *Сергѣй Павловичъ*, графъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи, ветеранъ Отечественной войны, выдающійся спеціалистъ артиллерійскаго дѣла, сынъ сенатора Павла Ивановича С., родился 19 іюня 1793 г. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца, затѣмъ у своего дяди, генер.-отъ-инфантеріи кн. Сергѣя Ѳедоровича Голицына. Обнаруживъ наклонность къ военной службѣ и способности къ математикѣ, 16-лѣтній юноша въ 1809 г. поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Артиллерійскій баталіонъ, гдѣ на него оказалъ благотворное вліяніе извѣстный математикъ П. А. Рахмановъ, издатель «Военнаго Журнала»; подготовившись подъ его руководствомъ къ офицерскому экзамену, онъ блестяще сдалъ послѣдній и былъ принятъ въ гвардію, а 12 февраля 1810 г. произведенъ въ подпоручики. Въ день Бородинскаго сраженія, 26 августа 1812 г., С., состоя въ рядахъ гвардейской артиллеріи, получилъ боевое крещеніе, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову и награжденъ золотой шпагой съ надписью, «За храбрость»; несмотря на рану, онъ остался при своей батареѣ, съ которой не разставался до самаго окончанія войны. Въ битвѣ подъ Бауценомъ, происходившей на германской территоріи 8 и 9 мая 1813 г., С. былъ контуженъ въ бокъ и за отличіе удостоенъ орденовъ — Владиміра 4-й ст. и прусскаго «За достоинство». Послѣдняя рана также не удержала С. отъ дѣятельнаго участія въ дальнѣйшихъ битвахъ; 15, 16 и 17 августа онъ сражался подъ Дрезденомъ, 4 и 6 октября подъ Лейпцигомъ и за отличіе въ этихъ дѣлахъ былъ произведенъ въ поручики. Когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ на французскую территорію, С. участвовалъ и тамъ въ рядѣ стычекъ, совершилъ походъ до самыхъ стѣнъ Парижа и сражался при взятіи гордой столицы. Изучивъ въ походахъ практическую сторону артиллерійскаго дѣла и привязавшись къ нему всей душою, С., желая пополнить свое теоретическое образованіе въ этой отрасли, по возвращеніи въ Россію просилъ о прикомандированіи его къ учебнымъ артиллерійскимъ ротамъ, при которыхъ и занимался въ теченіе четырехъ лѣтъ. 11 марта 1817 г. онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, 5 февраля 1818 г.—въ капитаны и всего черезъ полгода, 25 въ августа,—въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ легкой артиллерійской роты, сначала № 2, затѣмъ № 4.

Въ августѣ 1824 г. «въ воздаяніе отлично-ревностной и усердной службы» С. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. и въ томъ же году, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Однако черезъ два года, именно въ концѣ августа 1826 г., онъ вновь поступилъ на службу, былъ зачисленъ во 2-ю артиллерійскую бригаду въ прежнемъ чинѣ полковника и кромѣ того пожалованъ въ адъютанты къ великому князю Михаилу Павловичу, тогдашнему генералъ - фельдцейхмейстеру. Когда Артиллерійское училище, бывшее долгое время составной частью учебно-артиллерійской бригады, было выдѣлено изъ послѣдней и сдѣлано самостоятельнымъ, С. былъ назначенъ временнымъ его начальникомъ. При немъ въ училищѣ былъ проведенъ рядъ мѣропріятій, въ томъ числѣ основаны кромѣ существовавшихъ офицерскихъ три юнкерскихъ класса и классъ «пріуготовительный». Открывшаяся вскорѣ война съ турками вновь вызвала его къ боевой дѣятельности. Пожалованный «за отлично - усердную службу» алмазными знаками ордена св. Анны 2-й ст., онъ въ 1828 г. отправился въ дѣйствующую армію, поступивъ въ часть, осаждавшую Браиловъ. Въ формулярномъ спискѣ С. говорится, что во время осады онъ съ 12 по 17 мая командовалъ «надъ мортирною и прочими батареями, успѣшными ихъ дѣйствіями достигъ надлежащей цѣли и, пребывая постоянно на кессельбатареѣ, оказалъ мужество непоколебимое», съ открытіемъ переговоровъ о сдачѣ Браилова, состоя парламентеромъ, «много способствовалъ благоразумiемъ и дѣятельностью къ успѣху ихъ», а послѣ паденія крѣпости «своими не-

усыпными трудами успѣшно содѣйствовалъ къ соблюденію порядка» и «съ отличною храбростью и примѣрною дѣятельностью» исполнялъ различныя порученія вел. кн. Михаила Павловича. За «отличную храбрость и постоянное усердіе, оказываемыя во все время осады», С. получилъ чинъ генералъ-маіора по артиллеріи (25 іюня 1828 г.) и орденъ св. Георгія 4-го класса. 8 іюня С. участвовалъ въ дѣлѣ подъ Шумлою, 14 сентября, состоя въ отрядѣ ген.-адъютанта Сухозанета подъ Варною, былъ посланъ съ передовыми частями для открытія непріятеля, черезъ четыре дня при кровопролитномъ, но неудачномъ штурмѣ главнаго укрѣпленія Варны, при дер. Куртенѣ, командовалъ артиллеріей лѣвой колонны, а нѣсколько позже, начальствуя по порученію принца Евгенія надъ одной изъ пѣхотныхъ бригадъ, въ значительной степени содѣйствовалъ пораженію войскъ Омеръ-Вріоне.

По окончаніи военныхъ дѣйствій С. съ нѣкоторыми конфиденціальными порученіями уѣхалъ въ Петербургъ, откуда въ 1829 г. былъ командированъ для осмотра состоянія войскъ по карантинной линіи Прута и укрѣпленій Севастополя. Замѣчательно, что еще за четверть вѣка до Севастопольской войны С., осмотрѣвши крѣпость, казавшуюся неприступной, въ своемъ донесеніи военному министру гр. Чернышеву съ мѣткой вѣрностью указалъ на слабыя мѣста со стороны суши, могущія сдѣлаться роковыми въ случаѣ высадки непріятеля. Его неоднократныя указанія на это оставлены были однако безъ вниманія, хотя за «отличное и благоразумное исполненіе» порученія онъ и былъ удостоенъ Высочайшей благодарности и ордена св. Анны 1-й ст. Черезъ 25 лѣтъ его опасенія вполнѣ оправдались.

Въ январѣ 1830 г. С. былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, въ декабрѣ того же года—командиромъ артиллеріи всего Гвардейскаго корпуса и уѣхалъ въ армію, дѣйствовавшую противъ польскихъ повстанцевъ. Въ эту войну онъ былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ великаго князя Михаила Павловича, командовавшаго всей гвардіей, участвовалъ въ военныхъ совѣщаніяхъ при немъ и неоднократно подавалъ цѣлесообразные совѣты, оставшіеся, однако, въ большинствѣ случаевъ безплодными, благодаря разладу и даже враждѣ между собою приближенныхъ къ великому князю лицъ, главную роль среди которыхъ игралъ ген.-отъ-инфант. кн. Щербатовъ, оффиціальный помощникъ Михаила Павловича. До 9 мая 1831 г. артиллерія С. въ битвахъ почти совершенно не участвовалъ, ограничиваясь лишь стратегическими передвиженіями, имѣвшими цѣль отразить нападенія Скржинецкаго. Но въ этотъ день его части пришлось вынести очень жаркое дѣло. Еще раннимъ утромъ С. съ помощью Павловскаго полка удачно переправилъ на правый берегъ Нарева подвижной паркъ, очистивъ путь для арріергарда, а затѣмъ поспѣшилъ къ д. Желткамъ. Здѣсь онъ при содѣйствіи ген.-ад. Шеншина рѣшился отстаивать мосты на Бугѣ, чтобы овладѣть этой переправой и не дать возможности инсургентамъ обойти русскую гвардію и отрѣзать ее отъ остальной части арміи. Въ донесеніи великаго князя къ генералъ-фельдмаршалу успѣхъ этого дѣла всецѣло приписывается «необычайной мѣткости губительныхъ выстрѣловъ артиллеріи, дѣйствіе коей съ величайшимъ хладнокровіемъ и искусствомъ направлялъ лично командиръ гвардейской артиллеріи ген.-маіоръ Сумароковъ..., причемъ наноси силъ чувствительный вредъ мятежникамъ, у коихъ подбито 1 орудіе и взорвано 2 зарядныхъ ящика»... Непріятель долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія завладѣть переправой, всѣми силами поспѣшно отступилъ и скрылся. По свидѣтельству участниковъ боя, С., дѣйствительно, подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи не только отдавалъ, какъ начальникъ, общія приказанія, но и лично устанавливалъ орудія у самой переправы и лично же направлялъ ихъ. Но это безстрашіе стоило ему дорого: осколкомъ ядра онъ получилъ въ правую ногу тяжелую рану, которая всю жизнь его давала себя чувствовать. «Въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости», оказанныхъ въ этотъ день, С. былъ награжденъ крестомъ св. Георгія 3-го кл., а позже пожалованъ «Польскимъ знакомъ» 2-й ст. и ежегодной пенсіей въ 1,200 р., отъ которой онъ, будучи человѣкомъ состоятельнымъ и «до денегъ безъ пристрастія», отказался.

Въ 1831 г. для излеченія раны С. былъ уволенъ заграницу, но вмѣсто этого ѣздилъ

въ Москву и Ревель, гдѣ принималъ морскія ванны. Возвратившись въ концѣ сентября 1832 г. въ Петербургъ, онъ вскорѣ былъ утвержденъ былъ начальникомъ артиллеріи Гвардейскаго корпуса по штату мирнаго времени, продолжая въ то же время состоять при Михаилѣ Павловичѣ. Въ 1833 г. онъ ѣздилъ въ Берлинъ для присутствованія при маневрахъ прусскихъ войскъ, о состояніи которыхъ, по настоянію прусскаго короля и противъ своей воли, долженъ былъ высказать свое мнѣніе. Въ прямыхъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ своей записки, составленной по этому поводу, С. высказалъ прусскому королю много горькихъ истинъ, обратившихъ на себя вниманіе какъ короля, такъ и назначенной имъ послѣ военной комиссіи для изслѣдованія состоянія арміи. Получивъ въ Берлинѣ орденъ Краснаго Орла 2-й ст. со звѣздою, по возвращеніи на родину С. былъ пожалованъ 22 апрѣля 1834 г. въ генералъ-адъютанты къ Государю. Полученная при защитѣ Бугской переправы рана давала себя чувствовать, и С. время съ сентября 1834 по октябрь 1835 г. снова провелъ за границей, вращаясь и пользуясь медицинскою помощью главнымъ образомъ въ Берлинѣ, откуда ѣздилъ для участія въ русско-прусскихъ торжествахъ 1835 г., въ которыхъ, къ слову сказать, онъ обнаружилъ между прочимъ свои замѣчательныя познанія въ области пиротехники, устраивая блестящіе фейерверки. Въ 1836 г. С. производилъ опыты надъ «регулированными» снарядами и ѣздилъ — въ Прагу для присутствованія при коронаціи, въ Вѣну — для обозрѣнія военно-учебныхъ заведеній и присутствованія при смотрѣ австрійскихъ войскъ и въ Мюнхенъ—для ознакомленія съ введенной тамъ новой системой полевой артиллеріи. Всюду однако онъ былъ принятъ довольно холодно, а въ Мюнхенѣ королемъ прямо было запрещено показывать ему какіе-либо чертежи и планы. 18 апрѣля 1837 г. С. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ онъ четыре раза на болѣе или менѣе продолжительный срокъ ѣздилъ заграницу для леченія нывшей раны: во время пребыванія въ Россіи продолжалъ командовать артиллеріей Гвардейскаго корпуса. Въ 1849 г. С. участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ, въ теченіе котораго состоялъ начальникомъ артиллеріи не только своего корпуса, но и гренадерскаго. Возвратившись изъ похода, онъ 13 октября 1849 г. получилъ назначеніе на весьма видный постъ командующаго всѣмъ пѣхотнымъ гвардейскимъ корпусомъ, въ томъ числѣ и его артиллеріи, а 6 декабря 1851 г. былъ произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи.

За все время своего пребыванія начальникомъ гвардейской артиллеріи С. ввелъ въ нее рядъ положительныхъ перемѣнъ,— улучшилъ значительно ея матеріальный составъ, весьма высоко поставилъ пиротехническую часть, ввелъ и усовершенствовалъ шрапнель, увеличилъ быстроту усиленныхъ дѣйствій и т. п., причемъ его мѣропріятія, какъ вполнѣ цѣлесообразныя, послѣ распространялись обыкновенно и на артиллерію всей арміи. Помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей онъ за это же время участвовалъ въ составленіи «Правилъ для руководства при постройкѣ новой артиллеріи», былъ членомъ «комитета для выработки мѣръ по снабженію арміи лошадьми», въ 1846 г. представилъ обширную записку объ улучшеніяхъ въ нашей арміи, за что неоднократно получалъ Высочайшія благодарности.

По вступленіи на престолъ Императора Александра II С. во время Восточной войны былъ съ 18 мая 1855 г. назначенъ командующимъ Западною арміею, а одно время, по болѣзни князя Варшавскаго, начальствовалъ и надъ Среднею. Въ день коронованія Императора, 26 августа 1856 г., онъ былъ пожалованъ въ члены государственнаго совѣта и именнымъ Высочайшимъ указомъ въ награду «долговременной, отлично-усердной службы престолу и отечеству» возведенъ въ графское достоинство. Послѣ этого служба престарѣлаго С. носила скорѣе почетный характеръ и ограничивалась засѣданіями въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ о раненыхъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ, а одно время и предсѣдателемъ. Въ 1859 г. онъ былъ пожалованъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго, 21 декабря 1861 г. по случаю его 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, получилъ на свое имя Высочайшій рескриптъ съ перечисленіемъ его заслугъ и назначеніемъ шефомъ батареи № 2, лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, гдѣ онъ началъ свою службу. 22 февраля 1875 г., 82 лѣтъ отъ роду,

онъ скончался. С. былъ женатъ на гр. Александрѣ Павловнѣ, урожденной маркизѣ Маруцци, и отъ этого брака имѣлъ 3 дочерей. Графскій титулъ и фамилія С. перешли къ Феликсу Николаевичу Эльстону (см. слѣдующій), за которымъ была замужемъ одна изъ дочерей С.

Вс. Мамышевъ, „Русская патріотическая библіотека. Георгіевскій кавалеръ С. П. Сумароковъ“, Спб., 1867, стр. 346.—„Обозрѣніе постепеннаго образованія Артиллерійскаго училища со времени его основанія“, Спб., 1845 г. стр. 15—17.—Формулярный списокъ о службѣ.—„Русскій Инвалидъ“, 1831 г., стр. 517; 1836 г., №№ 60 и 61; 1875 г., №№ 44 и 47.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 356—357.——Кн. П. Долгоруковъ, «Россійск. родословная книга», ч. 4, Спб., 1857 г., стр. 445.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II, Спб., 1895 г., стр. 276.—П. И. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885 г., стр. 247.

Сумароковъ-Эльстонъ, графъ *Феликсъ Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, родился 24 января 1820 г., 1-го февраля 1836 г. поступилъ фейерверкеромъ въ артиллерійское училище, по выходѣ изъ котораго въ 1840 г. произведенъ въ прапорщики и оставленъ былъ при артиллерійской академіи для полученія высшаго образованія. Въ 1842 г. переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію, продолжалъ службу до 1849 г. частью во фронтѣ, частью—въ штабѣ генералъ-фельдцейхмейстера. Въ 1849 г., въ чинѣ капитана, назначенъ былъ адъютантомъ къ военному министру графу Чернышеву, а затѣмъ состоящимъ для особыхъ порученій при немъ же. Въ 1854 г., съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи, онъ былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ командовалъ временно баталіономъ Брестскаго полка, въ составѣ Гурійскаго отряда, и участвовалъ въ дѣйствіяхъ на кавказско-турецкой границѣ въ составѣ корпуса, находившагося подъ командою генералъ-лейтенанта Бебутова, съ которымъ въ маѣ того же года переправился черезъ Карсъ-Чой. Во время осады Севастополя онъ принималъ участіе въ его оборонѣ и по окончаніи кампаніи былъ произведенъ въ полковники и удостоенъ званія флигель-адъютанта. По браку его въ 1856 г. съ графиней Сумароковой ему повелѣно было къ своей фамиліи *Эльстонъ* прибавить фамилію *Сумароковъ* и графскій титулъ. Въ 1857 г. онъ назначенъ былъ вице-директоромъ канцеляріи военнаго министерства, но черезъ годъ вновь переведенъ на Кавказъ, гдѣ командовалъ сначала Апшеронскимъ, а затѣмъ гренадерскимъ Грузинскимъ полкомъ и за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ 1861 г. С. исполнялъ обязанности помощника начальника Кавказской гренадерской дивизіи, а въ 1863 г. назначенъ былъ на должность наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска. Съ этого времени, командуя самостоятельными отрядами, С. принималъ дѣятельное участіе въ покореніи западнаго Кавказа. Его боевая дѣятельность совпала со временемъ окончательнаго покоренія Кавказа и плѣненія Шамиля. За боевыя отличія кавказскаго періода своей службы С. награжденъ былъ орденами св. Владиміра 1-й ст., св. Станислава 1-й ст., св. Анны 1-й ст. съ короной, св. Владиміра 2-й ст., всѣ съ мечами; кромѣ того произведенъ былъ въ чинъ генералъ-лейтенанта, получилъ два именныхъ Высочайшихъ благоволенія и пять тысячъ десятинъ земли въ вѣчное владѣніе. Въ 1865 г. С. назначенъ былъ начальникомъ Кубанской области и командующимъ войсками, въ ней расположенными, а въ 1866 г. пожалованъ былъ званіемъ генералъ-адъютанта. Съ 1868 до 1874 г. онъ принужденъ былъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья временно оставить службу и жилъ главнымъ образомъ за границею. За это время онъ командированъ былъ въ Бѣлградъ для присутствія при бракосочетаніи князя Милана Сербскаго. Въ 1875 г. состоялъ при шведскомъ королѣ Оскарѣ во время его посѣщенія Россіи и въ томъ же году присутствовалъ при открытіи въ Норвегіи памятника покойному шведскому королю; кромѣ того онъ ѣздилъ въ Вѣну съ дипломатическимъ порученіемъ. Въ 1875 г. С. назначенъ былъ командующимъ войсками Харьковскаго военнаго округа. Умеръ въ Харьковѣ, 30 октября 1877 г.

Некрологи: „Русскій Инвалидъ“, 1877 г., № 243.—„Харьковскія Губ. Вѣдомости“, 1877 г., № 283.—„Русскій календарь на 1879 г.“ изданіе А. С. Суворина, Спб, 1879 г., ч. II, стр. 376.—„Систематическій указатель „Русскаго Инвалида“ за 1869—1890 г.г.“, Спб., 1891 г., стр. 234, № 269.

Сумароковы—дворянскій родъ, происходящій, по сказаніямъ старинныхъ родословцевъ, отъ нѣкоего *Левиса*, выѣхавшаго будто бы изъ Швеціи на службу къ великому князю Василію Димитріевичу и принявшаго крещеніе съ именемъ *Іуды*. Вѣроятнѣе, однако, что родъ С. происходилъ изъ Литвы: тамъ и донынѣ существуетъ фамилія *Суморокъ*, и о С. упоминается и въ духовномъ завѣщаніи отъ 1498 г. князя И. Ю. Патрикѣева, потомка Гедемина. Первый изъ С., о которомъ сохранились свѣдѣнія, былъ *Иванъ Михайловичъ*, находившійся воеводою въ походахъ шведскомъ 1549 г. и полоцкомъ 1551 г. *Алексѣй Ивановичъ* въ октябрѣ 1550 г. пожалованъ помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ. *Иванъ Никитичъ* упоминается подъ 1579 г. воеводою въ Юрьевѣ-Ливонскомъ; *Семейка* С. былъ дьякомъ судныхъ дѣлъ (1586 г.). Другой, *Иванъ Алексѣевичъ*, служилъ воеводою въ Красноярскѣ; сохранилась отписка его отъ 1667 г. о намѣреніи идти войною на Енисейскъ. Со второй половины XVII в. С., служившіе до того по городамъ, начинаютъ появляться на службѣ въ столицахъ въ стольникахъ, стряпчихъ и т. п. *Панкратій Богдановичъ* былъ стряпчимъ съ ключемъ при царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ. О его старшемъ братѣ *Иванѣ Богдановичѣ*—см. отдѣльно. Въ 1699 г. *Иванъ Игнатьевичъ*, *Матвѣй Ивановичъ* и *Василій Тимофеевичъ* упоминаются какъ стольники Петра Великаго. Сынъ Панкратія Богдановича, *Петръ Панкратьевичъ* (1692—1766), дѣйств. тайный совѣтникъ, былъ главнымъ судьею въ канцеляріи конфискаціи при Елизаветѣ Петровнѣ. О его сынѣ *Александрѣ Петровичѣ*, о *Петрѣ Спиридоновичѣ*, *Панкратіи Платоновичѣ*, *Иванѣ Ивановичѣ* и гр. *Сергѣѣ Павловичѣ*—см. отдѣльно.

«Общій Гербовникъ», ч. II, № 82.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 4, Спб., 1857 г., 444—445.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. 2, Спб., 1895 г., стр. 269—282.—П. Н. Петровъ, «Ист. родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885 г., стр. 246—247.

Сумбатовъ, князь *Михаилъ Луарсабовичъ*, генералъ-маіоръ, происходилъ изъ рода грузинскихъ князей, уроженецъ Тифлисской губерніи; родился 5 сентября 1822 г. и для образованія поступилъ въ Тифлисскую губернскую гимназію, изъ которой вышелъ въ 1838 г. и опредѣлился волонтеромъ въ Архангельскую милицію, гдѣ вскорѣ за отличіе въ экспедиціи г.-м. Симборскаго противъ горцевъ произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ Нижегородскій драг. полкъ, въ которомъ прослужилъ 3 года, принялъ за это время участіе въ экспедиціяхъ подъ личнымъ начальствомъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса ген. отъ инф. Головина и начальника Лезгинской кордонной линіи полк. Маркова, послѣ чего уволился по прошенію отъ службы. Въ 1844 г. С. снова опредѣлился волонтеромъ въ Грузино-Имеретинскую милицію и за отличіе въ бояхъ 1844 г. подъ личнымъ начальствомъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса г.-ад. Нейдгардта и въ 1845 г. подъ начальствомъ главнокомандующаго гр. Воронцова произведенъ въ капитаны съ назначеніемъ состоять по кавалеріи и при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Въ этой должности С. принималъ дальнѣйшее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: въ 1847 г. въ главномъ дѣйствующемъ отрядѣ гр. Воронцова; въ 1848 г. въ Дагестанскомъ отрядѣ г.-ад. кн. Аргутинскаго-Долгорукова, при чемъ подъ Гергебилемъ былъ раненъ пулею; въ 1853 г. на Лезгинской линіи въ отрядѣ кн. Орбеліани; въ 1854 г. въ дѣйствовавшемъ на турецкой границѣ корпусѣ; въ 1859 г. въ Чеченскомъ отрядѣ и въ 1861—1862 г.г. въ Верхне - Абадзехскомъ отрядѣ. Такимъ образомъ вся служба С. прошла на его родномъ Кавказѣ и выразилась въ безпрерывныхъ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1883 г. С. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и черезъ 3 года скончался, 23 сентября 1886 г. Наградами С. за его выдающуюся дѣятельность служили ордена, чины и пожалованіе въ вѣчное и потомственное владѣніе участковъ земли: 500 десятинъ въ 1869 г. и 1 десятины въ 1882 г.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 4 стола, 6 отд. 1886 г., № 818.—„Русскій Инвалидъ“, 1886 г., № 217.—„Русскій календарь на 1888 г.“, стр. 279.

Сумороцкій, *Иванъ Варфоломеевичъ*, дьякъ. Въ 1693 г. названъ «подъячимъ изъ Тобольска»; въ томъ же году принималъ участіе въ посольствѣ, посланномъ

во главѣ съ датчаниномъ Елизаріемъ Избрандтомъ въ Китай для улаженія нѣкоторыхъ пограничныхъ осложненій и торговыхъ недоразумѣній. Роль С. въ этомъ посольствѣ была не столько дипломатическая, сколько ученая: ему вмѣстѣ съ докторомъ Христофоромъ Каратенсомъ поручено было «разыскивать травы и коренья». По возвращенія былъ дьякомъ.

Полн. Собр. Законовъ, т. XVI, стр. 600; т. XXVI, стр. 586.—В. К. Андреевичъ, „Исторія Сибири“, ч. II, Спб., 1889 г., стр. 53.

Сунбуловъ, *Григорій Ѳедоровичъ*, рязанскій воевода, сподвижникъ Прокопія Ляпунова, происходилъ изъ «худородныхъ» рязанскихъ дворянъ. Самыя раннія сохранившіяся о немъ извѣстія стоятъ въ тѣсной связи съ возстаніемъ Болотникова. Чисто олигархическій характеръ, который пріобрѣло московское правительство послѣ сверженія перваго Лжедимитрія и вступленія на престолъ Василія Шуйскаго, вершеніе всѣхъ дѣлъ немногими родовитыми боярами, хранившими всѣми мѣрами старину и ревниво не допускавшими въ свою среду новыхъ людей, узко-сословные знатно-боярскіе интересы на первомъ планѣ всюду, всемѣрная защита отъ малѣйшихъ посягательствъ на нихъ,—все это для С., представителя средняго слоя дворянства, притомъ человѣка умнаго, энергичнаго, одареннаго способностями вождя, было крайне антипатично; для него, какъ впрочемъ и для многихъ другихъ, было привлекательнѣе находиться подъ знаменами какого угодно самозванца и проходимца и противъ Шуйскаго, чѣмъ наоборотъ. Поэтому, когда вновь ожила легенда о спасеніи царевича Димитрія и на защиту его въ южныхъ частяхъ Московскаго государства вспыхнулъ вооруженный мятежъ, въ челѣ котораго сталъ извѣстный Болотниковъ, когда мятежъ сталъ разростаться и охватилъ многіе города и цѣлыя области, С. безъ долгихъ колебаній пристalъ къ нему. Ополчившіяся рязанскія дѣти боярскія, мѣстная земельная знать, а по выраженію лѣтописи—«рязанскіе воры», выбрали въ 1606 г. его вмѣстѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ воеводами. Нѣтъ все-таки никакихъ основаній думать, что С. былъ увѣренъ въ ложности слуховъ спасенія Димитрія и въ самозванствѣ Молчанова; вѣроятнѣе всего, что онъ, какъ и всѣ рязанцы, не имѣлъ никакихъ убѣжденій въ этомъ отношеніи, да и не интересовался особенно этимъ вопросомъ, создавшимся же движеніемъ намѣревался воспользоваться для своихъ и своего класса цѣлей—обуздать властвовавшихъ родовитыхъ бояръ и долю ихъ политической власти урвать въ пользу средняго дворянства.

Со своею ратью С. и Ляпуновъ направились къ Москвѣ, куда съ юга двигался также и Болотниковъ. Побѣдоносному шествію воеводъ оказала сопротивленіе только Коломна, и это повело къ полному разгромленію города. На Окѣ они соединились съ Болотниковымъ, составивъ въ общемъ очень внушительную силу, предъ которою высланная изъ Москвы значительная рать подъ началомъ воеводы Мстиславскаго безпорядочно отступила, не принявъ даже боя. 22 октября союзники стали укрѣпленнымъ лагеремъ въ с. Коломенскомъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы, и отсюда блокировали столицу, хотя довольно слабо и не со всѣхъ сторонъ. Первый мѣсяцъ осада шла успѣшно, тѣмъ болѣе, что за это время съ юга подошли новыя силы, въ лицѣ казачьихъ отрядовъ «вора» Петрушки. Но затѣмъ среди осаждавшихъ начался расколъ. Причиною его отчасти послужило непоявленіе тщетно ожидавшагося Димитрія; значительно же болѣе глубокое значеніе въ этомъ расколѣ сыграли чисто соціальныя условія. Войска союзниковъ состояли изъ самыхъ различныхъ общественныхъ элементовъ; на одной сторонѣ были казачья голытьба, бѣжавшіе холопы и крѣпостные и вообще мелкіе безыменные люди во главѣ съ Болотниковымъ; на другой сторонѣ—дворяне и дѣти боярскія «большихъ статей», рать С. и Ляпунова. Разнородность, а часто и полная противоположность интересовъ этихъ общественно-различныхъ группъ и обусловила расколъ. Болотниковъ со своими людьми въ своихъ стремленіяхъ шелъ гораздо дальше низложенія царя и его сторонниковъ; въ его планы входили насильственныя мѣропріятія соціальнаго характера. Сущность его возстанія и стремленій ясна изъ распространявшихся имъ въ Москвѣ, среди низовъ населенія, грамотъ, содержаніе которыхъ лѣтописцемъ передается въ такихъ выраженіяхъ: «Велятъ боярскимъ холопамъ побить своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчины и помѣстья имъ сулятъ, шпынямъ и безъименнымъ ворамъ

велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать, имѣнье ихъ грабить, призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ, хотятъ имъ давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество»... Это импонировало московской черни, и есть указанія, что она проявляла намѣренія перейти на сторону Болотникова. Но это же не нравилось и не могло нравиться С. и всѣмъ рязанцамъ, которые не только не желали ломки сословныхъ привиллегій, но, наоборотъ, домогались ихъ умноженія и упроченія. «Дворяне землевладѣльцы и рабовладѣльцы,—пишетъ С. Ѳ. Платоновъ,—увидѣли, что они находятся въ политическомъ союзѣ со своими соціальными врагами... Они убѣдились, что пріятный имъ строй имѣетъ болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ олигархи—въ лицѣ ихъ собственныхъ союзниковъ». Вожделѣнія С. не шли дальше сверженія Шуйскаго съ боярами и замѣны ихъ среднимъ дворянствомъ, поэтому «воровскіе листы» (грамоты) Болотникова, звавшіе къ борьбѣ со всѣми привиллегированными сословіями вообще, онъ могъ разсматривать лишь какъ разрушительную проповѣдь. Результатомъ всего этого было то, что «ноября въ 15 день отъ нихъ (осаждавшихъ), злыхъ еретиковъ и грабителей и осквернителей, изъ Коломенскаго пріѣхали къ государю царю и великому князю Василію Ивановичу съ винами своими рязанцы Григорій Сунбуловъ да Прокопей Ляпуновъ, а съ ними многіе рязанцы дворяня и дѣти боярскія». Василій Ивановичъ «пріялъ ихъ любезно, аки отецъ чадолюбивъ, и вины ихъ вскорѣ имъ отдалъ». Прощеніе С. съ товарищами было вызвано, конечно, болѣе вѣскими причинами, чѣмъ простымъ «чадолюбіемъ». Дѣло въ томъ, что измѣна ихъ Болотникову и переходъ въ московскій лагерь произошли въ чрезвычайно критическій для Шуйскаго моментъ, когда у послѣдняго были истощены рѣшительно всѣ средства обороны, съ переходомъ же рязанцевъ рѣшилась и судьба возстанія Болотникова, который 2 декабря 1606 г. былъ отброшенъ отъ Москвы, а вскорѣ и совсѣмъ разбитъ.

Какихъ-либо твердыхъ политическихъ убѣжденій у С. не было. Какъ представитель средняго слоя дворянства, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ типовъ этого класса, вѣчно колебавшагося въ Смутную эпоху между родовитымъ боярствомъ, съ которымъ его связывала общность экономическихъ и сословныхъ интересовъ, и низами населенія, съ которыми онъ имѣлъ нѣкоторыя точки соприкосновенія въ чисто-политическихъ симпатіяхъ. Предавшись Шуйскому по необходимости, избравъ въ его лицѣ просто меньшее изъ двухъ золъ, С., конечно, не оставилъ надежды на сверженіе Василія Ивановича, а вмѣстѣ и тѣсно связаннаго съ нимъ боярства. Подходящимъ моментомъ для новой попытки С. счелъ возстаніе Тушинскаго вора и вызванныя этимъ волненія. 17 февраля 1609 г., въ субботу на масленицѣ, С. вмѣстѣ съ кн. Романомъ Гагаринымъ и Тимофеемъ Грязнымъ сдѣлалъ попытку вызвать возмущеніе и въ Москвѣ. Набравъ около 300 сторонниковъ, онъ потребовалъ у бояръ объявить Шуйскаго низложеннымъ, но успѣха не имѣлъ; бояре разбѣжались изъ Кремля по домамъ, чтобы тамъ выждать теченія событій. Тогда заговорщики обратились къ патріарху Гермогену съ требованіемъ идти на Лобное мѣсто и обратиться съ рѣчью къ народу. Присутствовавшая во время переговоровъ толпа приняла сторону патріарха, въ свою очередь рѣшительно возставшаго противъ намѣреній С. съ товарищами. Такимъ образомъ, попытка поднять возстаніе окончилась полной неудачей, и С. ничего не оставалось, какъ бѣжать въ Тушино, что онъ и сдѣлалъ. Вскорѣ Шуйскій черезъ патріарха предложилъ С. полное прощеніе вины съ условіемъ вернуться въ Москву, но онъ уклонился отъ этого. Послѣ распаденія лагеря тушинцевъ и ухода Заруцкаго, С. пришелъ въ столицу и сталъ на сторону бояръ, присягнувшихъ Владиславу. На этомъ свѣдѣнія о немъ обрываются, и самый годъ его смерти неизвѣстенъ.

Лѣтопись о мятежахъ, стр. 138 и сл.—„Акты Историч.“, №№ 98—101, 106—108, 110, 115, 116, 128, 130.—„Акты Археограф. Экспедиціи“, т. II, №№ 88, 89, 91, 93, 95, 98, 99, 101, 102—104, 110.—Н. М. Карамзинъ, „Истор. Гос. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. XII, Спб., 1843 г., стр. 20, 24, 26, 85, 86, 134; прим. 61, 82, 83, 149, 173, 350, 557, 607.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. II, стр. 814, 815, 816, 877, 878, 934.—С. Ѳ. Платоновъ, „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в.“, Спб., 1899 г., стр. 326, 327, 333, 335, 338, 436, 495.—„Никоновск. Лѣтоп.“, стр. 81, 82, 90, 92, 111.—„Собраніе Гос. Грам. и Догов., т. II, стр. 441.—

„Энциклопедія воен. и морск. наукъ“ Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 358.—„Русск. Историч. Библіот.“, т. XIII, стр. 112.

Н. Сербовъ.

Сунбуловъ, *Михаилъ Исаевичъ*, думный дворянинъ; въ 1658 г. былъ стряпчимъ. Во время борьбы Петра съ сестрою былъ на сторонѣ Софьи и Милославскихъ. Когда послѣ кончины царя Ѳеодора Алексѣвича патріархъ спрашивалъ съ крыльца собравшійся народъ, кому изъ братьевъ, Іоанну или Петру, быть на царствѣ, С. былъ изъ числа тѣхъ—и единственнымъ, чье имя сохранилось документами,—которые кричали за Іоанна Алексѣевича. Послѣ низверженія Софьи онъ, повидимому, не пострадалъ. Голиковъ разсказываетъ о позднѣйшей встрѣчѣ С. съ Петромъ, въ которой онъ будто бы признался, что былъ подкупленъ сторонниками Софьи и что ему обѣщано было боярство.

Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, т. I, стр. 155.—„Записки Матвѣева“ въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ Пользы“, стр. 891, 892.

Супоневы—дворянскій родъ, происходящій отъ *Генриха Супона*, выѣхавшаго изъ Пруссіи къ великому князю Димитрію Іоановичу Донскому и принявшаго крещеніе съ именемъ *Остафія*. Въ XVI вѣкѣ многіе С. служили стольниками и стряпчими. *Кириллъ Осиповичъ* въ 1644—1645 г. былъ воеводою на Ленѣ; *Григорій Осиповичъ* подъ 1666 г. названъ стряпчимъ, а позже (1690 г.) былъ думнымъ дворяниномъ; *Авдій Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, въ 1813—1816 гг. занималъ должность владимірскаго губернатора.

„Древн. Россійск. Вивліоѳ.“, т. III, стр. 169; т. XVIII, стр. 16.—„Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. II, стр. 264, 275, 278; т. III. стр. 20, 24, 33—35, 37, 47, 56, 98, 102, 138, 139, 173, 709, 211, 323.—Полн. Собр. Законовъ, т. XIII, стр. 804, 805.

Суриковъ, *Иванъ Захаровичъ*—даровитый поэтъ-самоучка, одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей своеобразной плеяды поэтовъ-самородковъ, поэтовъ-страдальцевъ (Раззореновъ, Деруновъ, Тарусинъ и др.), выросшей изъ народной среды и развившейся на русской почвѣ въ первыя десятилѣтія пореформенной эпохи. Тяжелыя условія жизни поэта преждевременно свели его въ могилу, не давши ему возможности проявить свой талантъ во всей яркости. Родился С. 25 марта 1841 г. въ маленькой деревушкѣ Новоселовѣ, Юхтинской волости, Углицкаго уѣзда, Ярославской губ. Отецъ его, оброчный крестьянинъ, жилъ въ Москвѣ,—куда еще въ молодые годы ушелъ на заработки и гдѣ былъ на побѣгушкахъ, служилъ приказчикомъ «по овощной части», а затѣмъ открылъ собственную овощную лавочку,—и лишь изрѣдка наѣзжалъ въ деревню, чтобы навѣстить жену и родныхъ. Будущій поэтъ, тихій, слабый и болѣзный въ дѣтствѣ, до девяти лѣтъ жилъ въ родной деревнѣ, которая своимъ простымъ, мирнымъ и спокойнымъ укладомъ и своими красотами на всю жизнь оставила въ немъ неизгладимое впечатлѣніе,—впослѣдствіи въ его синхотвореніяхъ часто встрѣчаются деревенскіе мотивы. Въ 1849 г. онъ вмѣстѣ съ матерью переѣхалъ къ отцу въ Москву. Городская жизнь съ ея шумомъ и гамомъ, грязью и отсутствіемъ простора, удушливымъ и отравляющимъ воздухомъ подѣйствовала на впечатлительнаго мальчика самымъ тягостнымъ образомъ, и онъ сталъ еще тише, еще молчаливѣе и запуганнѣе. На десятомъ году онъ былъ отданъ для обученія грамотѣ двумъ пожилымъ дѣвушкамъ раззорившагося купеческаго рода, сестрамъ Финогеновымъ, одна изъ которыхъ выучила своего ученика гражданской и церковной азбукѣ, чтенію, письму палочекъ и буквъ по стариннымъ прописямъ, а другая, женщина въ высшей степени религіозная, ввела его въ область житій святыхъ, подвижниковъ и пр.; эти сказанія дѣйствовали на мальчика такъ сильно, что онъ порою самъ мечталъ объ иночествѣ, о спасеніи души въ «лѣсныхъ дебряхъ» или въ «тихой матери-пустынѣ». Какъ и всякая даровитая натура, С., едва выучившись грамотѣ, съ жадностью набросился на чтеніе, причемъ поглощалъ все, что попадалось подъ руки,—сказки, путешествія, романы. Между прочимъ онъ наткнулся также на нѣсколько романовъ Мерзлякова, пѣсенъ Цыганкова и басенъ Дмитріева и за чтеніемъ этихъ стихотвореній, по собственному признанію, впервые самъ почувствовалъ смутное влеченіе къ поэзіи. Привыкнувъ учиться грамотѣ «на старинный ладъ», нараспѣвъ,

мальчикъ и стихи не читалъ, а распѣвалъ; эта манера осталась у него почти на всю жизнь и сослужила ему извѣстную службу: когда онъ началъ самъ писать, то размѣръ стиховъ долгое время провѣрялъ пѣніемъ, оставивъ этотъ «натуральный» методъ только значительно позже, когда познакомился съ теоріей стихосложенія. Еще болѣе пріохотилъ его къ чтенію жившій въ одномъ домѣ съ нимъ мелкій чиновникъ, «отставной семинаристъ» Ксенофонтъ Добротворскій, неудачникъ и съ виду угрюмый пессимистъ, но въ сущности человѣкъ добрѣйшей души, къ тому же имѣвшій недурную библіотечку.

Какъ только мальчикъ нѣсколько подросъ и отецъ замѣтилъ, что сынъ можетъ быть ему полезенъ въ торговлѣ, онъ поспѣшилъ засадить его за прилавокъ, вооружившись вмѣстѣ съ тѣмъ противъ склонности мальчика къ чтенію и противъ завязанныхъ имъ у Добротворскаго знакомствъ съ нѣсколькими интеллигентными лицами. Строгости, почти гнетъ отца тяжелымъ образомъ отражались на С., но своего любимаго занятія онъ не бросилъ и урывками, украдкой поглощалъ книгу за книгой. Смутное влеченіе его къ поэзіи вскорѣ реальнымъ образомъ выразилось въ формѣ стихотворенія, написаннаго имъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ пожара, случившагося въ ихъ домѣ. «Дерзай, юноша», сказалъ ему Добротворскій, прочитавшій этотъ первый опытъ. Похвала изъ устъ такого непогрѣшимаго, по мнѣнію С., человѣка окрылила его, и за первымъ стихотвореніемъ послѣдовалъ рядъ пьесъ, написанныхъ преимущественно въ формѣ пѣсенъ. Уже въ этихъ опытахъ, изъ которыхъ сохранились только немногіе, чувствовался талантъ, свѣтилось искреннее чувство и искрилась теплота, хотя, какъ произведенія незрѣлыя, они страдали, разумѣется, значительными недостатками—неточностью образовъ, отсутствіемъ простоты и пластичности, подражаніемъ, иногда манерностью. При тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ жилъ у отца, работать надъ усовершенствованіемъ стиля и устраненіемъ недостатковъ было чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что малообразованный юноша только инстинктомъ поэта чувствовалъ недостатки своихъ стихотвореній, но яснаго представленія объ этомъ онъ не имѣлъ и имѣть не могъ. Къ 1857 г., т. е. когда С. было 16 лѣтъ, изъ написаннаго имъ составилась довольно объемистая тетрадь, которую онъ, по совѣту своихъ друзей и съ рекомендательнымъ письмомъ профессора К. Ф. Рулье, отнесъ къ одному изъ русскихъ поэтовъ. Послѣдній принялъ въ немъ теплое участіе, указалъ на недостатки, далъ указанія, какъ избѣжать ихъ, и пр. Но неблагопріятный отзывъ другого поэта, на судъ котораго С. также отдалъ свои опыты, отзывъ рѣзкій, почти безжалостный, чрезвычайно тяжело отразился на молодомъ талантѣ. С. однако не пришелъ въ полное уныніе и не забросилъ своихъ занятій, но сталъ къ своему творчеству относиться серьезнѣе и строже, началъ трудиться надъ обработкой стиха и формы, надъ звучностью, плавностью и краткостью стиха,—и эта упорная работа постепенно привела его къ простотѣ и художеству образовъ. Этотъ періодъ въ жизни С. совпалъ съ временемъ расцвѣта торговыхъ дѣлъ у его отца, открывшаго еще одну лавку, значительно больше первой. С. хотя и просиживалъ долгими часами за прилавкомъ и отчетностью, все же имѣлъ и нѣкоторое свободное время, которое онъ цѣликомъ могъ посвящать своимъ любимымъ занятіямъ. Но скоро отецъ его, возбужденный успѣхомъ и сгорая нетерпѣніемъ быстро разбогатѣть, началъ играть на скачкахъ; дѣла его приняли дурной оборотъ. Чтобы забыться, онъ сталъ пить, и это окончательно его раззорило. Пришлось закрыть сначала большую, затѣмъ и меньшую лавку; отецъ уѣхалъ въ деревню, а С. вынужденъ былъ поступить въ подручные къ своему дядѣ, брату отца, старику придирчивому и капризному, имѣвшему тоже овощную лавочку. Жилось С. у дяди еще хуже, чѣмъ прежде — весь его день уходилъ на подметаніе лавки, услуги покупателямъ и развозку на тачкѣ товаровъ по заказчикамъ. Въ это время, длившееся около $1^1/_2$ лѣтъ, С. долженъ былъ почти совсѣмъ забросить любимое чтеніе и совершенно прекратить занятія надъ усовершенствованіемъ своего дарованія. Когда жизнь у дяди стала совсѣмъ невыносимой, С. продалъ все, что могъ, сколотилъ кое-какіе гроши, за 10 руб. снялъ маленькое помѣщеніе на Тверской и вмѣстѣ съ матерью сталъ скупать и продавать старый ломъ желѣза, мѣди, тряпье и пр. Торговля пошла довольно бойко, особенно когда

стали продавать также уголь, сначала древесный, а затѣмъ и каменный. Въ 1860 г. С. женился на сироткѣ М. К. Ермаковой, съ которой жилъ вполнѣ счастливо до конца жизни.

Самостоятельность С. позволила ему вернуться вновь къ своимъ любимымъ занятіямъ. Къ этому времени относится его знакомство съ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ, который въ опытахъ С. призналъ зачатки яркаго таланта, отнесся къ нему весьма сочувственно и поощрилъ его къ дальнѣйшему творчеству и самообразованію. Нѣсколько наиболѣе удачныхъ стихотвореній Плещеевъ передалъ Ѳ. Б. Миллеру, редактору «Развлеченія». Первое изъ нихъ появилось въ этомъ журналѣ въ 1863 г. Окрыленный успѣхомъ, С., какъ истинный талантъ, сталъ еще строже относиться къ своимъ произведеніямъ и, при тепломъ участіи Плещеева, еще усерднѣе работать надъ совершенствованіемъ стиха и формы. Жизнь С., хотя и трудная, стала кое-какъ налаживаться. Но вскорѣ умерла его мать, а изъ деревни пріѣхалъ отецъ, который, поселившись у сына, сталъ вести нетрезвую жизнь, а затѣмъ женился во второй разъ на раскольницѣ, оказавшейся женщиной тяжелаго и сварливаго характера. С. вмѣстѣ съ женою ушелъ отъ отца. Началась жизнь, полная тяжелыхъ страданій, лишеній и скитаній, пошли безконечные поиски работы. С. испробовалъ всякія профессіи — былъ переписчикомъ, снова поступилъ въ подручные къ своему дядѣ, но не вынесъ его гнета и ушелъ, наконецъ, поступилъ ученикомъ въ типографію, но, проработавъ всего нѣсколько дней, заболѣлъ и слегъ. Нужда въ семьѣ была страшная, все было продано и заложено; дѣло дошло до того, что С., оправившись нѣсколько отъ болѣзни, одно время помышлялъ даже о самоубійствѣ. Послѣ ухода мачехи, обобравшей своего мужа, С. переселился къ отцу и вновь принялся за торговлю и за перо. Произведенія его стали появляться въ рядѣ журналовъ — «Развлеченіи», «Воскресномъ досугѣ», «Иллюстрированной Газетѣ». Талантъ его постепенно крѣпнетъ, пріобрѣтаетъ опредѣленное направленіе, извѣстность его растетъ. Несмотря на это, печатаютъ его не всегда охотно. «Если бы я разсказалъ тебѣ мои неудачи (литературныя), — пишетъ онъ по этому поводу въ 1872 г. И. Г. Воронину, — ты бы вѣрно сказалъ: какъ это тебя угораздило все вынесть и не пасть духомъ?.. Да вотъ, устоялъ же... Только робкій дома сидѣть остается». Въ 1870 г. одно изъ его стихотвореній появилось въ «Дѣлѣ», и съ этихъ поръ С. сталъ часто печататься въ этомъ журналѣ, поощряемый издателемъ Благосвѣтловымъ и стоявшимъ близко къ редакціи А. К. Шеллеромъ. Въ 1871 г. отпечатано первое собраніе его стихотвореній, въ которое вошло 54 пьесы.

Самъ поэтъ-самоучка, С. чрезвычайно сочувственно относился къ такимъ же, какъ и онъ, самородкамъ, гибнущимъ подъ тяжестью неблагопріятныхъ житейскихъ условій. Чтобы поднять въ нихъ духъ и вѣру въ себя, онъ черезъ публикацію призываетъ ихъ объединиться и издать свой сборникъ, сборникъ исключительно поэтовъ-самоучекъ. Цѣлый рядъ ихъ отозвался на призывъ С., и онъ организовалъ кружокъ, въ который вошли Тарусинъ, Кондратьевъ, Деруновъ, Раззореновъ, Григорьевъ, Радіоновъ, Козыревъ (питомецъ С.) и др. Кружокъ, полный оживленія, энергіи и обмѣна мыслей, въ 1872 г. выпустилъ свой первый альманахъ «Разсвѣтъ». Это было лучшимъ временемъ С. Въ этотъ же періодъ онъ написалъ рядъ былинъ, сказаній и поэмъ: «Садко» («Бѣстн. Евр.», 1872), «Богатырская жена», «Василько», «Канутъ Великій», «Казнь Стеньки Разина», «Правежъ», «Удалой»,—и много простыхъ образныхъ, полныхъ тепла и свѣжести стихотвореній для дѣтей (печатались въ «Дѣтскомъ Чтеніи», «Семьѣ и Школѣ», «Воспитаніи и Обученіи», «Сборникахъ» А. Н. Якоби и пр.).

На творчество С. неизгладимую печать наложила его собственная жизнь, полная горя, лишеній и страданій. Въ своихъ простыхъ прочувствованныхъ стихахъ онъ правдиво выразилъ все то, что онъ пережилъ и выстрадалъ, и не только онъ, но тысячи и десятки тысячъ дѣтей народа. Какъ его страданія являются не только личными, ему одному присущими, а характеризуютъ цѣлые народные слои, такъ и его творчество отражаетъ чувства не только его самого, но и многихъ пасынковъ жизни, борющихся съ гнетущими условіями жизни и въ этой борьбѣ изнемогающихъ. Область житейскихъ невзгодъ и страданій является лейтмотивомъ въ про-

изведеніяхъ С., и только въ этой области онъ остается самимъ собою—настоящимъ, непосредственнымъ лирикомъ: съ глубокимъ чувствомъ и неподдѣльной искренностью оплакиваетъ онъ тяжелую крестьянскую долю, скорбитъ о погибшихъ въ жизненной борьбѣ силахъ, объ униженныхъ и оскорбленныхъ, мучается людскимъ безсиліемъ вообще и своимъ въ частности. Внѣ этого же онъ часто впадаетъ въ риторику, перестаетъ быть самимъ собою и обнаруживаетъ явные слѣды подражанія Кольцову, Некрасову, Никитину, Михайлову-Шеллеру. Прекрасно удаются С. также и небольшія картинки природы (стих.: «На берегу», «На дорогѣ», «Въ воздухѣ смолкаетъ», «Весной», «На одрѣ», «На чужбинѣ», «Ночью», «Отъ деревьевъ тѣни», «Сонъ и пробужденье», «Помнишь: были годы», «У могилы матери» и др.).

Характеръ своего творчества самъ С. опредѣляетъ въ слѣдующемъ восьмистишіи:

Мнѣ доставались нелегко
Моей души больные звуки,
Страдалъ я сердцемъ глубоко,
Когда слагалась пѣсня муки.
Я въ пѣснѣ жилъ не головой,
А жилъ скорбящею душою,—
И оттого мой стонъ больной
Звучитъ тяжелою тоскою.

Еще ярче проявляется, можетъ быть, эта самохарактеристика въ другомъ стихотвореніи, гдѣ поэтъ говоритъ: «...Грустны пѣсни мои, какъ осенніе дни: звуки ихъ—шумъ дождя, за окномъ вѣтра вой. То рыданья души, стоны груди больной».

Въ 1875 г. вышло 2-е изданіе «Сборника стихотвореній» С., довольно быстро разошедшееся. О С. заговорила печать, если и не всегда сочувственно, то во всякомъ случаѣ вполнѣ серьезно, какъ о несомнѣнномъ талантѣ, а «Общество любителей русской словесности въ Москвѣ» избрало его въ свои члены.

Между тѣмъ тяжелыя условія жизни С. скоро подорвали его здоровье и силы, и съ 1879 г. онъ начинаетъ серьезно прихварывать; у него развивается чахотка. Третье изданіе его произведеній, вышедшее въ 1877 г. у Солдатенкова, дало ему кое-какія средства, и онъ по совѣту врачей весною 1878 г. ѣздилъ лечиться въ кумысолечебное заведеніе (въ Самарскихъ степяхъ), а въ 1879 г. съ той же цѣлью нѣкоторое время жилъ въ Крыму. Но было уже поздно; чахотка прогрессировала, и дни его были сочтены. 24 апрѣля 1880 г. онъ умеръ и похороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ. Въ апрѣлѣ 1910 г. въ Москвѣ и отчасти и въ другихъ городахъ литературными обществами праздновалась память 30-лѣтія со дня кончины С. и на могилѣ его былъ сооруженъ памятникъ.

Стихотворенія С. выдержали 4 изданія. Лучшее изъ нихъ послѣднее (М., 1885 г.), при которомъ помѣщенъ и подробный біографическій очеркъ жизни С., написанный его другомъ, Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ.

Важнѣйшимъ матеріаломъ для біографіи С. являются его письма къ различнымъ лицамъ (напечатаны при 4-мъ изданіи его произведеній) и упомянутый „Біографическій очеркъ С.“ Соловьева-Несмѣлова (тамъ же); неполныя свѣдѣнія разбросаны въ повременной печати; „Голосъ“, 1880 г., № 118 (некрологъ), „Иллюстрированная Газета“, 1871 г., № 17. Въ связи съ 30-лѣтней годовщиной со дня смерти С. въ газетахъ петербургскихъ („Новое Время“, „Русь“, „Рѣчь“) и московскихъ („Голосъ Москвы“, „Русское Слово“) отъ 23—25 апрѣля 1910 г. помѣщены болѣе или менѣе бѣглыя статьи, посвященныя жизни и творчеству С.

Суриковъ, *Владиміръ Прохоровичъ*, контръ-адмиралъ, родился въ 1789 г., умеръ 11 декабря 1855 г., воспитаніе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ 1 августа 1802 г., а выпущенъ изъ него въ чинѣ гардемарина былъ 20 мая 1809 г. До 1812 г. С. служилъ въ Балтійскомъ флотѣ, откуда съ производствомъ въ мичманы былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, на судахъ котораго прослужилъ лишь 2 года и снова перешелъ въ Кронштадтъ. Въ 1824 г. С., въ чинѣ лейтенанта, на шлюпѣ «Мезень» ходилъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно, черезъ два года на фрегатѣ «Елена» плавалъ къ берегамъ Англіи, на томъ же фрегатѣ въ 1827 г. изъ Кронштадта ѣздилъ въ Портсмутъ, а оттуда въ Средиземное море, гдѣ участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи, за отличіе въ которомъ былъ удостоенъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и чина капитанъ-лейтенанта. Между 1828—1830 гг. С. на корабляхъ «Азовъ» и «Князь Владиміръ» крейсировалъ въ Архипелагѣ и находился при блокадѣ Дарданеллъ, по

окончаніи которой возвратился въ Кронштадтъ. Награжденный «за 25-тилѣтіе въ офицерскихъ чинахъ» Георгіемъ 4-й ст., онъ въ 1831 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, черезъ 3 года—1-го ранга и назначенъ въ Архангельскъ, гдѣ въ теченіе 1842—1846 гг. командовалъ 9-мъ флотскимъ экипажемъ. Производство С. въ контръ-адмиралы состоялось 16 января 1846 г.; вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ по прошенію уволенъ отъ службы.

„Общій морской списокъ", ч. VIII, Спб., 1894 г., стр. 273—274.

Сурковъ, *Иванъ Александровичъ*, дворянинъ Лифляндской губерніи, родился 18 января 1809 г. и по окончаніи образованія въ Дворянскомъ полку выпущенъ въ 1828 г. прапорщикомъ во 2-й Морской полкъ; со своимъ полкомъ онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1830—1831 гг., причемъ выполнилъ удачно самостоятельную командировку въ Свѣнцяны для охраны этого города отъ нападеній мятежниковъ. Въ 1833 г. С. перевелся въ 6-й пѣхотный Либавскій полкъ и съ нимъ участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ 1849 г. и въ охранѣ береговъ Лифляндіи и Курляндіи во время Восточной войны. Въ 1854 г. С. былъ назначенъ командиромъ своего же полка и съ нимъ выступилъ для усмиренія польскаго мятежа 1863 г., во время котораго неоднократно получалъ въ командованіе отряды для выполненія отдѣльныхъ задачъ по преслѣдованію мятежниковъ и занятію ихъ лагерей, а равно захвату оружія и боевыхъ припасовъ. Полкомъ С. командовалъ до 1867 г., когда состоялось его назначеніе Люблинскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ и начальникомъ Люблинскаго военнаго госпиталя; на этой должности С. былъ произведенъ (1869) въ генералъ-маіоры. Скончался 28 февраля 1872 г.; погребенъ С. на приходскомъ Рождественно-Богородицкой церкви кладбищѣ. Высшей наградой С. имѣлъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени съ мечами, полученный имъ въ 1863 г.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 3 стола, 6 отд. 1872 г., № 208.

Суровцевъ (также **Суровцовъ**), *Григорій Степановичъ*, профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ россійской словесности, род. въ 1786 г.; первоначальное образованіе получилъ въ Вологодской духовной семинаріи, затѣмъ былъ зачисленъ въ студенты Троице-Сергіевской лаврской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой въ 1807 г. былъ назначенъ учителемъ риторики, греческаго и французскаго языковъ въ ту же Вологодскую семинарію, а въ 1814 г. переведенъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ въ Калужскую семинарію, гдѣ нѣкоторое время состоялъ также инспекторомъ. Въ 1820 г. С. уволился изъ духовнаго вѣдомства и поступилъ на службу въ канцелярію медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Ярый консерваторъ, зараженный мистицизмомъ, господствовавшимъ нѣкоторое время по окончаніи наполеоновскихъ войнъ въ высшихъ и среднихъ кругахъ русскаго и въ особенности петербургскаго общества, С. попалъ въ милость къ попечителю Казанскаго университета М. Л. Магницкому, превратившему этотъ университетъ чуть ли не въ средневѣковый католическій монастырь; по предложенію Магницкаго, равносильному приказу, С. 15 апрѣля 1822 г. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ россійской словесности, хотя не имѣлъ ни ученой степени, ни ученыхъ трудовъ. Съ октября 1822 г. онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ университетской типографіей, въ 1824—1829 гг. занималъ должность синдика университета, 19 февраля 1829 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой каѳедрѣ, въ 1831 г. ему было поручено временно читать лекціи по всеобщей исторіи, въ томъ же году былъ назначенъ и. д. декана нравственно-политическаго отдѣленія, а въ 1832 г.—деканомъ словеснаго отдѣленія. Уволенъ изъ университета 11 января 1840 г.; умеръ въ 1860 г. Всѣ труды С. написаны имъ уже тогда, когда онъ занималъ профессорскую каѳедру. Напечатаны изъ нихъ слѣдующіе: «Рѣчь о духѣ церковнаго проповѣдническаго краснорѣчія, сравнительно съ древне-языческимъ, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 15 сентября 1825 г.» («Казанск. Вѣстн.», 1825 г.; вышла также отдѣльно); «Вятская исторія» (тамъ же, 1825 — 27 гг.); «О началѣ и происхожде-

нiи бумажныхъ денегъ» (тамъ же, 1827 г.); «О пребыванiи Императора Петра Великаго въ Нижнемъ-Новгородѣ» (тамъ же, 1827 г.); «Статистическое описанiе Нижегородской губернiи» (тамъ же, 1828 г.); «О заслугахъ Ломоносова въ отечественной словесности» (Казань, 1826 г.); «Объ основанiяхъ изящнаго» («Учен. Записки Казанск. Универс.», 1835, III, также отдѣльно); «О чувашскомъ языкѣ» (тамъ же, 1837, I и отдѣльно); «Нѣчто о собранiи областныхъ словъ» (тамъ же, 1839, II и отдѣльно).

Загоскинъ. «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императ. Казанск. университета. 1804 — 1904 гг.», Спб., 1904 г., ч. I, стр. 174, и ч. II, стр. 81. - В. Григорьевъ, «Императ. С.-Петербургскій универс. въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія», Спб., 1870, стр. 34. — Н. Поповъ, «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани», «Русск. Вѣстн.», 1859 г., т. XXIII.

Суровцовъ, *Михаилъ Ильичъ*, генералъ-маіоръ, изъ корабельныхъ мастеровъ, начальникъ корабельныхъ инженеровъ Черноморскаго флота. На службу поступилъ въ 1780 г. въ мачтовые ученики, въ 1794 г. произведенъ въ корабельные подмастерья прапорщичьяго чина, два года спустя въ поручики, а въ 1798 г. — въ корабельные мастера маіорскаго чина и назначенъ въ Черноморскій флотъ. Въ 1826 г. произведенъ въ 4-й классъ, черезъ годъ переименованъ въ инженеръ-генералъ-маіоры и назначенъ на должность оберъ-интенданта Черноморской исполнительной экспедиціи. Послѣ присоединенія корпуса корабельныхъ инженеровъ Черноморскаго флота къ корпусу Балтійскаго флота (1831 г.) С. назначенъ начальникомъ корабельныхъ инженеровъ и предсѣдателемъ кораблестроительнаго и ученаго комитета. За успѣхи, оказанные имъ въ дѣлѣ кораблестроенія, въ 1807 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, въ 1822 г. за проведеніе черезъ мелкій Днѣпровскій лиманъ 110-пушечнаго корабля «Императоръ Францъ» по новому, имъ самимъ выработанному проекту удостоенъ ордена св. Анны 2-й ст. Во время его предсѣдательствованія въ кораблестроительномъ комитетѣ было построено четыре 110-пушечныхъ корабля, четыре 84-пушечныхъ и одиннадцать 74-пушечныхъ, итого — 19 кораблей съ 1.580 пушками большей частью мелкаго калибра; тѣмъ же комитетомъ и въ то же время было построено кромѣ того 11 фрегатовъ и 2 парохода (одни изъ первыхъ Россіи) по сто силъ каждый. Умеръ С. 3 января 1833 г.

«Записки Ученаго Комитета Морского Штаба», 1833 г., ч. II, стр. 339—341.—«Общій морской списокъ», ч VIII, Спб., 1894 г., стр. 620—621.—«Полное Собр. Законовъ», т. XVIII, стр. 696; т. XXIII, стр. 147.—«Матеріалы для исторіи русскаго флота», т. XV, стр. 494, 529, 589; т. XVII, стр. 36, 372, 392, 590.

Суровщиковъ, *Василій Васильевичъ*, одинъ изъ первыхъ фабрикантовъ сукна; имѣлъ фабрику въ Москвѣ. Въ 1730—1760 гг. былъ поставщикомъ сукна въ казну. Въ 1745 г. заявилъ, что подчиненіе его, какъ поставщика, двумъ вѣдомствамъ—комиссаріату и мануфактуръ-коллегіи, — предъявляющихъ различныя, часто непримиримыя требованія къ качеству товара, онъ долѣе не можетъ сносить, а потому проситъ принять его фабрику въ казну, въ противномъ же случаѣ онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за поставку условленнаго количества сукна. Просьба была отклонена. Въ 1758 г. у него на фабрикѣ произошли волненія рабочихъ, за которыя нѣсколько рабочихъ и самъ С. были взяты подъ арестъ. Въ 1767 г. онъ былъ избранъ въ депутаты для выбора головы и депутата гор. Москвы въ комиссію о сочиненіи Новаго Уложенія.

Журналы сената отъ 11 января и 9 декабря 1745.—«Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ.», т. IV, стр. 20.—М. Туганъ-Барановскій, «Исторія русской фабрики». — С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. 5, стр. 335, 1258.

Сусанинъ, *Иванъ Осиповичъ* (отчество вѣроятно, но не достовѣрно), крестьянинъ Костромского уѣзда, села Домнина (бывшаго вотчиной Романовыхъ), извѣстенъ въ русской исторіи какъ спаситель жизни царя Михаила Ѳедоровича отъ злыхъ умысловъ отряда польскихъ и литовскихъ людей. Болѣе или менѣе опредѣленныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о жизни этого героя изъ народа почти не сохранилось, почему личность его является до извѣстной степени легендарной. Долгое время единственнымъ документальнымъ источникомъ, сообщающимъ нѣкоторыя данныя о подвигѣ

и жизни С., была грамота царя Михаила Ѳедоровича, пожалованная имъ «по совѣту и прошенію матери» 30 ноября 1619 г. зятю С., крестьянину того же Костромского уѣзда и села Домнина, Богдану Сабинину. Этой грамотой «Богдашкѣ» были дарованы многія милости за то, что его тесть, Иванъ С., котораго польскіе и литовскіе люди «изымали и пытали великими и немѣрными пытками», вывѣдывая, гдѣ «въ тѣ поры великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ.., про то вѣдая и терпя немѣрныя пытки»... тѣмъ не менѣе сохранилъ тайну, «про насъ не сказалъ... и за то польскими и литовскими людьми былъ замученъ до смерти». Констатируя фактъ подвига, грамота въ то же время совершенно обходитъ молчаніемъ тѣ внѣшнія условія, среди которыхъ онъ совершился. Послѣдующія жалованныя и подтвердительныя грамоты 1641, 1691 и 1837 гг., данныя потомкамъ С., только повторяютъ слова грамоты 1619 г., не прибавляя никакихъ новыхъ фактическихъ свѣдѣній. Съ другой стороны, въ лѣтописяхъ, хроникахъ и другихъ письменныхъ документахъ и источникахъ XVII в. ничего не говорится о С.; не упоминается о немъ нигдѣ и въ донесеніяхъ и описаніяхъ иностранныхъ пословъ, путешественниковъ и историковъ, бывавшихъ въ Россіи въ тѣ времена; только на родинѣ С. преданія о подвигѣ его не переставали жить и передавались изъ рода въ родъ. До второй половины XVIII в. никто, повидимому, и не думалъ видѣть въ С. спасителя жизни перваго представителя изъ дома Романовыхъ на русскомъ престолѣ. Насколько извѣстно, впервые подвигъ С. именно въ этомъ смыслѣ освѣщенъ костромскимъ архіереемъ Дамаскинымъ въ его привѣтственной рѣчи Импер. Екатеринѣ II, въ 1767 г. посѣтившей Кострому; въ исторической же литературѣ о С. первымъ заговорилъ въ 1792 г. полковникъ Ив. Васьковъ, авторъ «Собранія историческихъ извѣстій, относящихся до Костромы», который изображаетъ подвигъ С. слѣдующими чертами: «...Села Домнина крестьянинъ Иванъ Сусанинъ въ 1613 г. во время впаденія въ Костромской уѣздъ поискомъ противъ особы Михаила Ѳедоровича, поляками и литовцами бывъ пойманъ, разными истязанъ муками и въ страданіи умерщвленъ, но твердый духъ его, зная о мѣстѣ пребыванія искомаго, скрылъ испытываемую имъ тайну и принесъ жизнь въ жертву для цѣлости особы, къ утвержденію государства сохраняемой»... Еще болѣе яркими штрихами какъ спасителя царской особы обрисовалъ С. Щекатовъ въ 3-мъ томѣ своего «Географическаго словаря» (1804 г.), а вслѣдъ за нимъ Сергѣй Глинка въ своей «Исторіи» прямо возвелъ С. въ идеалъ народной доблести, причемъ описаніе его подвига украсилъ рядомъ подробностей, или просто сочиненныхъ, или же неизвѣстно гдѣ почерпнутыхъ. Разсказъ Глинки, почти дословно повторенный и Бантышъ-Каменскимъ въ «Словарѣ достопамятныхъ людей земли Русской», сдѣлался общепринятымъ для учебниковъ исторіи; вмѣстѣ съ этимъ личность и подвигъ С. стали любимымъ сюжетомъ и для поэтовъ, написавшихъ о немъ цѣлый рядъ стихотвореній, думъ и драмъ, и для популяризаторовъ, давшихъ многочисленные разсказы и повѣсти для народа на эту тему, и, наконецъ, для музыкальныхъ композиторовъ, въ этой простой и трогательной исторіи искавшихъ источникъ вдохновенія. Изъ литературныхъ и музыкальныхъ произведеній на эту тему особенно извѣстны: «Иванъ Сусанинъ», дума Рылѣева, «Костромскіе лѣса», драма Н. Полевого и оперы— «Жизнь за Царя» М. И. Глинки и «Иванъ Сусанинъ» Кавоса. По просьбѣ костромскихъ дворянъ Императоръ Николай I повелѣлъ воздвигнуть въ Костромѣ С. памятникъ «во свидѣтельство, что благородные потомки видѣли въ безсмертномъ подвигѣ Сусанина спасеніе жизни новоизбраннаго русскою землею царя чрезъ пожертвованіе своей жизни, спасеніе православной вѣры и русскаго царства отъ чужеземнаго господства и порабощенія».

Отсутствіе историческихъ источниковъ, которые подтверждали бы грамоту царя Михаила Ѳедоровича отъ 30-го ноября 1619 г., и разногласіе авторовъ, повѣствовавшихъ о подвигѣ С., побудили Н. И. Костомарова отнестись критически къ постепенно создавшейся версіи объ этомъ подвигѣ. Исходя главнымъ образомъ изъ того, что сохранившимися источниками не подтверждается присутствіе польско-литовскаго отряда близъ с. Домнина, что въ началѣ 1613 г., къ которому времени пріурочивается подвигъ С.,

Михаилъ Ѳедоровичъ со своею матерью жилъ не въ с. Домнинѣ, а въ укрѣпленномъ Ипатьевскомъ монастырѣ, и что въ современныхъ С. или близкихъ къ его времени лѣтописяхъ и хроникахъ о немъ ничего не говорится, Костомаровъ отрицалъ приписываемый С. фактъ спасенія новоизбраннаго царя; гибель же С. онъ объяснялъ лишь какъ одну изъ безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ отъ разбойниковъ, столь многочисленныхъ въ Смутное время; что же касается сохранившихся среди земляковъ С. преданій о его подвигѣ, то онъ находилъ ихъ запутанными и противорѣчивыми, чтобы на ихъ основаніи можно было сдѣлать какіе-либо положительные выводы, и считалъ ихъ навѣянными книжными источниками, «пришедшими къ домнинцамъ отъ тѣхъ, кто почерпнулъ ихъ изъ книгъ, а не наоборотъ». Костомарову горячо возражали С. М. Соловьевъ въ «Нашемъ Времени», протоіерей Домнинскій въ «Русскомъ Архивѣ», Дорогобужинъ (тамъ же и отдѣльной брошюрой), М. П. Погодинъ въ «Гражданинѣ», бар. Николай Нольде и др., но всѣ ихъ возраженія опирались либо на недостовѣрныхъ народныхъ преданіяхъ, либо на первой грамотѣ отъ 1619 г. и, не подкрѣпленныя новыми фактическими данными или историческими документами, носили преимущественно теоретическій и для даннаго случая мало доказательный характеръ; полемика въ значительной своей части свелась къ тому, какъ понимать нѣкоторыя выраженія въ древнихъ грамотахъ. Однако съ конца 1870 гг., и особенно въ 1880-хъ годахъ, когда повсюду были организованы губернскія архивныя комиссіи и мѣстныя историческія общества, занявшіяся разыскиваніемъ и описью древнихъ актовъ, стали обнаруживаться новые документы о подвигѣ С., открылись почти современныя ему многочисленныя рукописныя «записки» и «преданія» XVII и XVIII вв., въ которыхъ авторы съ явнымъ преклоненіемъ пишутъ о подвигѣ С. и о немъ самомъ, нерѣдко называя его «мученикомъ». На основаніи такихъ нигдѣ ранѣе неизданныхъ рукописныхъ или же малоизвѣстныхъ печатныхъ источниковъ В. А. Самарянову въ 1882 г. удалось пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ спорный историческій пунктъ; въ своей книгѣ «Памяти Сусанина» онъ собралъ многочисленныя данныя, изъ которыхъ явствуетъ: 1) въ 1613 г. въ Костромской и Галичскій уѣзды дѣйствительно приходили польскіе и литовскіе люди, рыскали вокругъ с. Домнина, пытали многихъ встрѣчавшихся поселянъ съ цѣлью узнать отъ нихъ мѣстопребываніе царя, чтобы захватить или убить его какъ соперника польскаго королевича Владислава; 2) Михаилъ Ѳедоровичъ въ это время жилъ несомнѣнно въ своей вотчинѣ, с. Домнинѣ; 3) о его точномъ мѣстопребываніи зналъ, повидимому, одинъ С., бывшій приказчикомъ или старостой въ Домнинѣ; былъ ему извѣстенъ и фактъ избранія на царство его боярина; 4) именно по совѣту С. царь «скрыяся отъ ляховъ» въ Ипатьевскій монастырь; 5) С. былъ польско-литовскимъ отрядомъ убитъ послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ пытокъ. Положенія Саморянова подтверждаются и позднѣе найденными документами, хранящимися въ Костромской комиссіи, въ археологическомъ институтѣ и др. учрежденіяхъ.

Въ результатѣ всѣхъ историческихъ изысканій подвигъ С. представляется въ слѣдующемъ видѣ: Иванъ С. былъ старостою родовой вотчины Романовыхъ, села Домнина, въ которомъ нѣкоторое время послѣ избранія на престолъ жилъ молодой царь Михаилъ Ѳедоровичъ вмѣстѣ со своею матерью, Марѳою Ивановною. Костромской уѣздъ, въ предѣлахъ котораго находилось Домнино, какъ только распространилась вѣсть объ избраніи на царство вмѣсто королевича Владислава представителя русскаго боярскаго рода, наводнился польско-литовскими отрядами, искавшими царя съ цѣлью убить его. Одинъ изъ такихъ отрядовъ рыскалъ въ окрестностяхъ Домнина и хваталъ встрѣчавшихся по пути поселянъ, при помощи пытокъ стараясь вывѣдать у нихъ точное мѣстопребываніе Михаила Ѳедоровича. Въ числѣ схваченныхъ былъ и С., который, какъ староста Домнина и довѣренный человѣкъ своего боярина, *одинъ лишь* зналъ о точномъ мѣстопребываніи послѣдняго. Въ дальнѣйшемъ разсказъ имѣетъ двѣ версіи. Болѣе извѣстная и популярная, но въ сущности менѣе достовѣрная изъ нихъ гласитъ, что С., послѣ нѣкоторыхъ пытокъ, взялся быть проводникомъ отряда, но завелъ его въ противоположную отъ Домнина сторону, пославъ передъ уходомъ

своего зятя Богдана Сабинина къ Михаилу Ѳедоровичу съ совѣтомъ укрыться въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Только на слѣдующій день открылъ С. полякамъ, заведеннымъ въ дремучія лѣсныя чащи, свой обманъ, за который и былъ ими, послѣ разнообразныхъ пытокъ, «изрубленъ въ мелкіе куски». Ясно, что эта версія малодостовѣрна, такъ какъ всѣ пытки и смерть С., въ нѣкоторыхъ источникахъ описанныя съ различными деталями, никому не могли быть извѣстны, тѣмъ болѣе, что по этой же версіи погибъ и весь польско-литовскій отрядъ, заблудившійся въ лѣсныхъ дебряхъ. По другой, болѣе достовѣрной версіи, С. просто отказался что-либо сообщить, въ то же время послявъ своего зятя съ предупрежденіемъ и совѣтомъ Михаилу Ѳедоровичу; поступили же поляки съ нимъ такъ жестоко именно потому, что онъ одинъ зналъ о мѣстопребываніи царя, о чемъ было извѣстно и полякамъ со словъ другихъ поселянъ. По этой версіи, С. «пытали великими немѣрными пытками, садили на столбъ, рубили на мелкія части и замучили до смерти» не въ глухомъ лѣсу, а въ с. Исуповѣ, въ присутствіи многихъ поселянъ, для устрашенія послѣднихъ. Смерть С. произошла въ 1613 г. Сохранилось извѣстіе, что по восшествіи на престолъ Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ перенести тѣло С. изъ Домнина, гдѣ были погребены его останки, въ Ипатьевскій монастырь; это обстоятельство, если только оно было въ дѣйствительности, еще болѣе подтверждаетъ вѣроятіе второй версіи, такъ какъ въ лѣсныхъ дебряхъ тѣло едва ли могло быть разыскано.

Въ 1619 г. Богданъ Сабининъ за подвигъ тестя былъ пожалованъ отъ Михаила Ѳедоровича грамотою, которую велѣно было «половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ Богдашка нынѣ живетъ, полторы чети выти земли обѣлить, съ тое полудеревни... на немъ на Богдашкѣ и на дѣтехъ его, и на внучатахъ, и на правнучатахъ, нашихъ никакихъ податей и кормовъ и подводъ и наметныхъ всякихъ столовыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину и въ иныя ни въ какія подати плати съ нихъ не велѣли»... Въ 1633 г. по завѣщанію царицы Маѳы дер. Деревнищи была отказана московскому Новоспасскому монастырю, потомство же С. (дочь его Антонида Ивановна и внуки Данила и Константинъ Богдановичи Сабинины) получило взамѣнъ пустошь Коробово (49 верстъ отъ Костромы) съ тѣми же льготами. Льготы и привиллегіи потомковъ С. (послѣ назывались Коробовскими бѣлопашцами; изъ нихъ переписная ландратная книга, хранящаяся въ московскомъ архивѣ министра юстиціи, называетъ Ѳедора Константинова, Анисима Ульянова и Ульяна Григорьева) были подтверждены грамотами въ 1641, 1691 гг. при Петрѣ и Іоаннѣ Алексѣевичахъ, 8 декабря 1767 г. при Екатеринѣ II и наконецъ въ 1837 г. при Николаѣ I.

Полк. Васьковъ, „Собраніе историческихъ извѣстій, относящихся до Костромы“. М., 1792 г., стр. 48—49. — Н. И. Костомаровъ, „Иванъ Сусанинъ“ въ „Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ“, т. I, Спб., 1867 г.—Его же, „Личности Смутнаго времени“, „Вѣстн. Евр.“, 1871 г., № 6. — Его же, „Екатерина Алексѣевна, первая русская Императрица“, „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 2.—Его же, „Смутное время Московскаго государства—московское разореніе“.—С. М. Соловьевъ, „Возраженіе Костомарову“, „Наше Время“, 1872 г., № 76.—Его же, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Польза“, кн. II, стр. 1045, 1396—1404.—М. П. Погодинъ, „За Сусанина“, „Гражданинъ“, 1872 г., № 29, 1873 г., №№ 46 и 47. — Протоіер. Алексѣй Домнинскій, „Правда о Сусанинѣ; сводъ мѣстныхъ преданій“, съ предисл. В. И. Дорогобужина, „Русск. Архивъ“, 1871 г., № 2, стр. 1—34.—В. И. Дорогобужинъ, „Еще отповѣдь г. Костомарову“, „Русск. Арх.“, 1871 г., № 10, стр. 1729—1734.—Его же, „О томъ, какъ костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за царя“, М., 1872 г.—Бар. Никол. Нольде, „Критико-историческій и психологическій разборъ статей г. Костомарова и г. Кавелина“.—Самаряновъ, „Памяти Ивана Сусанина“, Кострома, 1-е изд. 1882, 2-е 1884 г.—И. Холмогоровъ, „Замѣтка о потомкахъ Сусанина“, „Древности и труды Археографич. комиссіи при Имп. Московск. Общ.“, т. I, вып. 1, 1898 г.—Д. И. Иловайскій, „Смутное время Московскаго государства“, М., 1898 г.—Константиновъ, „Учебникъ исторіи“, Спб., 1820 г., стр. 139.—Кайдановъ, „Учебн. русск. истор.“, Спб., 1834 г., стр. 177.—Устряловъ, „Русск. исторія“, т. I, стр. 298.—Глинка, „Исторія“, т. VI, стр. 22—24.—Щекатовъ, „Географическій словарь“, т. III, Спб., 1804 г., стр. 748.—Вантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей земли русской“, ч. 5, М., 1836 г. —Статья безъ подп. „Московск. замѣтки“, „Гражд.“, 1872 г., № 30.—„Историко-статист. описаніе Костромск. Ипатьевскаго монастыря“, Костр., 1870 г., стр. 25—27, 164—168.—Кн. Козловскій, „Взглядъ на исторію Костромы“, Спб., 1840 г., стр. 94—96, 99—100, 157—159, 174—175.—Прот. Діевъ, „Описаніе Ипатьев-

скаго монастыря", Костр., 1855 г., стр. 87—80. —Его же, „Первыя два десятилѣтія XVII в. для костромской стороны", „Костр. Губ. Вѣд." 1854 г., № 47.—„Матеріалы для отечественной исторіи", ibid., 1882 г., № 13.—„Списокъ населен. мѣстъ Россійск. Имперіи", т. XVIII (Костр. губ.), Спб., 1877 г., стр. LXVII.—„Полное Собраніе Госуд. Грам. и Догов.", т. III, стр. 214, 334.—„Полн. Собран. Законовъ", т. III, № 1415.—„Письма русскихъ государей", изд. Археогр. комис., т. I, стр. 36.—„Указъ Конюшеннаго приказа отъ 19 мая 1731 г. на имя бѣлопашца Ивана Лукоянова Сабинина", „Костр. Губ. Вѣд.", 1852 г., № 12.—Вешняковъ, „Бѣлопашцы и обѣльные крестьяне", „Журн. Мин. Народн. Просв.", 1859 г., № 5.—П. В. Павловъ, „Тысячелѣтіе Россіи", „Мѣсяцесловъ на 1862 г.", с. 32.—„Сказаніе о Сусанинѣ", „Костр. Губ. Вѣд.", 1849 г., № 20. —Замѣтки: „Моск. Вѣд.", 1884 г., № 102, стр. 3;—„Вѣстн. Евр.", 1867 г., № 9, стр. 36;—„Моск. Набл.", 1836 г., ч. IX, стр. 375.—Народныя изданія: „Жизнь за царя; подвигъ крест. Ив. Сусанина", М., 1874 г., изд. Глушкова;—„Доблестные подвиги русск. крест. Ив Сусанина и Осипа Комисарова", изд. 2-е, Спб., 1876;—Ив. Шевелкинъ, „Разсказъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на престолъ царства Русскаго и объ Ив. Осиповичѣ Сусанинѣ, спасителѣ жизни его", М., 1867 г.;—„Сусанинъ и Комисаровъ-Костромской, 1613 и 1866 г.г.", Спб., 1866 г.;—И. С. Ремезовъ, „Біографич. очерки для народнаго чтенія; Ив. Сусанинъ", в. 5, Спб., 1868 г.;—его же, „Костромск. крест. Ив. Сусанинъ", Спб., 1872 г.—„Ив. Сусанинъ, историч. повѣсть", изд. журн. „Мірской Вѣстн.", Спб., 1865 г.—„Ив. Сусанинъ, или жизнь за царя; историч. разсказъ", М., 1871 г.

Сусловъ, *Александръ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1807 г., умеръ 16 сентября 1877 г. Образованіе получилъ домашнее и около 17 лѣтъ былъ опредѣленъ на службу въ сенатъ, подканцелярскимъ чиновникомъ, но черезъ годъ (1825) поступилъ въ кавалерію, гдѣ оставался до полученія чина капитана, съ которымъ вышелъ въ отставку. Въ 1842 г. снова принятъ на службу и назначенъ на Кавказъ, гдѣ черезъ нѣкоторое время получилъ въ командованіе Гребенской казачій полкъ. Постоянная борьба съ народами Чечни и Дагестана позволили ему обнаружить личную храбрость и качества распорядительнаго боевого командира, и въ 1847 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Сунженской линіи. Повышенный въ 1850 г. въ генералъ-маіоры, получилъ бригаду въ 21-й пѣхотной дивизіи, а черезъ два года назначенъ начальникомъ Эриванскаго отряда, съ которымъ во время Восточной войны принималъ участіе въ осадѣ Карса и даже переходилъ Саганлугъ. Въ 1858 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и два года спустя по разстроенному здоровью перечисленъ въ запасныя войска. Въ 1873 г. ему пожалованъ земельный участокъ на Кавказѣ въ 500 десятинъ.

Формулярный списокъ въ Московск. отдѣленіи архива Главнаго штаба за 1860 г., кн. 549, списокъ 2.—Дополнительныя къ нему свѣдѣнія за 1866, 1872, 1873 и 1877 гг. въ архивѣ Главнаго штаба, списки генераловъ кн. № 3, стр. 698.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ" Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 354.

Сусловъ, *Иванъ*—поэтъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, сотрудничалъ въ «Современникѣ» и «Литературной Газетѣ», гдѣ помѣщалъ преимущественно мелкія стихотворенія. Отдѣльно напечаталъ: «Эхо береговъ Сосны» (Москва, 1844 г.),—сборникъ стихотвореній, о которомъ повременная печать того времени дала весьма неодобрительные отзывы.

В. И. Межовъ, „Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ книжн. магаз. А. Ф. Базунова", Спб., 1869 г., стр. 757, № 10348.—„Отечеств. Записки", 1844 г., т. XXXIII, отд. 6, стр. 9.—„Литературная Газета", 1884 г., № 7, стр. 135.

Сусловъ, *Иванъ Тимофеевичъ*, дѣятельный распространитель секты «людей Божіихъ» или хлыстовской, первый лжехристъ. С. былъ оброчнымъ крестьяниномъ Нарышкиныхъ, родомъ изъ Владимірской губ., Муромскаго у., Стародубской волости, деревни Максаковой. Дата его рожденія одними изслѣдователями относится къ 1630 г. другими—къ 1616 г., что, повидимому, ближе къ истинѣ. Жизнь его, какъ часто случается съ личностями, создавшими крупныя общественныя движенія, особенно религіознаго характера, окружена густымъ слоемъ мистическаго тумана и украшена рядомъ чудесныхъ аксессуаровъ—продуктъ пылкой фантазіи его послѣдователей. Но относительно недавнее прошлое и существованіе оффиціальныхъ документовъ позволяютъ съ достаточной точностью выдѣлить дѣйствительно существовавшее отъ позднѣйшихъ произвольныхъ прибавленій. Только о періодѣ жизни С. до 30-лѣтняго возраста не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Повидимому, онъ жилъ въ родной деревнѣ, велъ обычную жизнь крестьянина и, человѣкъ умный, трезвый и начитанный, пользовался среди

односельчанъ значительнымъ вліяніемъ. Этими качествами онъ обратилъ на себя вниманіе Данилы Филиппова, основателя и, такъ сказать, теоретика хлыстовскаго ученія, величавшаго себя «богомъ-саваоѳомъ», личности, впрочемъ, подумиѣической. Филипповъ въ. 1652 г. пригласилъ С. къ себѣ въ деревню Старую, посвятилъ его въ свое ученіе, далъ ему «божество», назвавъ «сыномъ Божіимъ», и повелѣлъ ему идти на проповѣдь. Первое время С. проповѣдывалъ среди своихъ односельчанъ и жителей окрестныхъ деревень; проповѣдь его пользовалась значительнымъ успѣхомъ, и у него скоро появилось 12 «апостоловъ», такимъ же фанатическихъ приверженцевъ новаго ученія, какъ и онъ самъ, а также «богородица». Во главѣ этихъ лицъ С. отправился въ нынѣшнюю Нижегородскую губернію, остановился сначала въ селѣ Павловѣ-Перевозѣ (нынѣшняго Горбатовскаго уѣзда), а оттуда внизъ по Окѣ спустился къ Волгѣ, повсюду проповѣдуя и повсюду встрѣчая массы послѣдователей. Его слава распространилась и возросла до такой степени, что онъ вездѣ, гдѣ появлялся, встрѣчалъ восторженныхъ слушателей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ селѣ Работкахъ, ему, по свидѣтельству св. Дмитрія Ростовскаго, открыто воздавались божескія почести. «Въ томъ скитѣ, — говоритъ святитель въ своемъ «Розыскѣ» (стр. 589),—обрѣтеся нѣкій мужикъ, его же зовутъ христомъ и яко Христа почитаютъ, а кланяются безъ крестнаго знаменія. Онъ водитъ за собою дѣвицу красноличну и зоветъ ю матерію себѣ, а вѣрующіи въ него зовутъ ю богородицею... Сѣдшу же ему, вси людіе, тамо (въ храмѣ) собравшіеся, падша поклонишася тому до земли, аки истинному Христу... Въ молитвѣ же взываху къ нему овіи: господи, помилуй мя! глаголюще; овіи же: о, создатель нашъ, помилуй насъ! Онъ же къ нимъ пророческая словеса нѣкая глаголаша, сказующе, что будетъ каковое воздуха перемѣненіе, и утверждаше ихъ вѣрити въ онь несомнѣнно». С. возсѣдалъ на особомъ тронѣ, на головѣ носилъ нѣчто въ родѣ вѣнца и проч.

Успѣхъ проповѣди С. объясняется какъ сущностью самаго ученія, такъ и историческими условіями того времени. С. былъ не столько создателемъ ученія, сколько проводникомъ его въ жизнь, проповѣдникомъ; несомнѣнно впрочемъ, что ему принадлежитъ также и созданіе, по крайней мѣрѣ дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ тезисовъ и положеній ученія. Вся же обрядовая сторона и все движеніе, вызванное этимъ ученіемъ,—это цѣликомъ должно быть приписано С. Сущность его проповѣди сводилась къ слѣдующему: «божество» есть субстанція, разлитая въ мірѣ; паденія перваго человѣка не было; каждый человѣкъ своей праведной жизнью—продолжительнымъ постомъ, молитвами и добрыми дѣлами—можетъ достигнуть такого нравственнаго совершенства, что почти перестаетъ отличаться отъ божества, во всякомъ случаѣ дѣлается достойнымъ стать «сосудомъ» божества, которое, «ради безпорочности жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ» такого человѣка, «селится въ него и дѣйствуетъ въ немъ и посредствомъ него», селится въ образѣ «бога-отца» или, что чаще, «бога-сына», «христа»; «сущность» Христа можетъ воплотиться то въ одномъ, то въ другомъ человѣкѣ, даже въ нѣсколькихъ одновременно. Эта мысль иллюстрируется словами одного изъ хлыстовскихъ пѣснопѣній: «Онъ (Христосъ) пречистой своей плоти подвигъ земной кончилъ, а въ другихъ плотяхъ избранныхъ еще кончаетъ, а въ иныхъ плотяхъ избранныхъ еще начинаетъ». Поэтому можетъ быть много «христовъ», даже одновременно. (Изъ этого положенія «христовщины» путемъ искаженія повидимому произошло и названіе ученія—«хлыстовщина», хотя нѣтъ недостатка также и въ другихъ объясненіяхъ). Христосъ-Искупитель есть не единственный, а лишь исторически первый человѣкъ, въ которомъ впервые пребывало «божество». Черезъ новыхъ избранниковъ получаются новыя откровенія, открывается новое Евангеліе, слѣдовательно св. Писаніе и преданіе становятся вообще излишними. Нравственная сторона ученія носитъ дуалистическій характеръ: душа—начало доброе, плоть—начало злое; поэтому послѣднюю необходимо обуздывать различными способами, въ томъ числѣ воздерживаніемъ отъ брака (положеніе, ставшее главнымъ у скопцовъ).

Считая себя воплощеніемъ «божества» въ образѣ Христа, С. всюду проповѣдывалъ эти основы ученія и связанныя съ нимъ 12 заповѣдей; главнѣйшія изъ нихъ: 1) «Я есмь богъ, пророками предсказан-

ный; сошелъ на землю вторично для спасенія рода человѣческаго»; 2) «Нѣсть и не искать другого ученія»; 5) «Хмѣльнаго не пейте и плотскаго грѣха не творите, на свадьбы и крестины не ходите и на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте»; 6) «Не женитесь, а кто женатъ, то жить съ женою, какъ съ сестрою»; 7) «Сквернымъ словъ не произносите»; 9) «Не воровать, а ежели кто хотя одну копѣйку украдетъ, то на страшномъ судѣ» будетъ наказанъ; 10) «Правила сіи содержать въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявлять; если кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь, то терпѣть...»; 11) «Другъ ко другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, заповѣди храните...». С. отрицалъ церковь, таинства, іерархію и православные обряды, но при этомъ не отвергалъ наружнаго почитанія православной церкви и не требовалъ открытаго разрыва съ нею, чѣмъ имѣлъ въ виду избѣгать репрессій по отношенію къ сектантамъ.

Несомнѣнно, что въ этомъ ученіи есть черты, связывающія его съ другими, напр. съ воплощеніями Вишну у восточныхъ народовъ, съ дуалистическими взглядами нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ (евхиты, богомилы и пр.), особенно же съ мистическими сектами бичующихся, пляшущихъ, адамитовъ, квакеровъ и т. д.; наконецъ, то обстоятельство, что С. запрещалъ всякое книжное ученіе, чѣмъ сближался съ казненнымъ въ Москвѣ нѣмцемъ Кульманомъ, дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ въ проповѣди С. видѣть нѣчто исторически слѣдующее изъ ученія Кульмана. На самомъ дѣлѣ, ученіе, проводникомъ котораго въ жизнь явился С., едва ли стоитъ въ какой-либо связи съ аналогичными ему; скорѣе всего, что оно явилось совершенно независимо отъ нихъ, общія же черты указываютъ лишь на то, что какъ хлыстовщина, такъ и подобныя ему секты въ другихъ мѣстахъ или въ другое время были вызваны аналогичными же историческими условіями. Условія же тогдашней русской жизни какъ нельзя болѣе благопріятствовали зарожденію, развитію и распространенію такой секты. Она явилась реакціей противъ униженія личности, и именно—личности крестьянина. Значительные поборы въ пользу церкви, еще большіе въ пользу государства, темнота и невѣжество, наконецъ, режимъ крѣпостного права,—все это толкало крестьянина найти какой-нибудь исходъ своему униженію, успокоить въ чемъ-либо свою душу. И такое успокоеніе давало ему это мистическое ученіе, говорившее ему, что онъ такой же человѣкъ, какъ и другіе, и что если его жизнь нравственна, то вознагражденіе за это онъ получитъ не въ загробномъ мірѣ, а уже здѣсь, воплотивши себѣ духъ Божій въ томъ или иномъ образѣ,—«христа», «богородицы», «пророка» и пр. И примѣчательно, что громаднѣйшее большинство, почти всѣ послѣдователи этого мистическаго ученія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, были крестьяне, притомъ наиболѣе бѣдныхъ мѣстностей и исключительно крѣпостные (въ то время какъ ученія раціоналистическія своихъ адептовъ вербуютъ среди болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія). Значительную притягательную силу имѣла для крестьянъ также проповѣдь о воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ, о равенствѣ всѣхъ сектантовъ между собою, о широкой взаимопомощи и благотворительности и проч.

Первое время проповѣдь С. не замѣчалась; но когда число послѣдователей его стало быстро расти, начались преслѣдованія. Объективныхъ свидѣтельствъ о преслѣдованіяхъ С. и его учениковъ не сохранилось; существуютъ объ этомъ лишь разсказы самихъ хлыстовъ, зачастую фантастическіе. Согласно одному изъ нихъ, С. вмѣстѣ со своими учениками по приказу царя Алексѣя Михайловича былъ взятъ подъ стражу, допрашиваемъ и пытанъ, но безрезультатно, послѣ чего онъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ его допрашивалъ и пыталъ патріархъ Никонъ въ присутствіи боярина Морозова; но послѣдній, убѣдившись въ невинности С., отъ дальнѣйшаго участія въ его допросѣ отказался; затѣмъ С. жгли, бросали въ темницу, истязали на Лобномъ мѣстѣ (на Красной площади), наконецъ распяли въ Кремлѣ у Спасскихъ воротъ; въ четвергъ онъ испустилъ духъ, въ пятницу былъ похороненъ въ могилу со сводами, а съ субботы на воскресенье, ровно въ 12 час. ночи, воскресъ. Надуманность всей этой исторіи ясна; въ ней со всѣми деталями и подробностями повторяется евангельское сказаніе о послѣднихъ дняхъ Христа; есть Каіафа (Никонъ), Пилатъ (Морозовъ); точное совпаденіе событій по днямъ, даже

позднѣйшія явленія С. своимъ ученикамъ и проч. Можно допустить, что С. не разъ дѣйствительно попадалъ въ руки властей, но, благодаря своей изворотливости – съ одной стороны, а съ другой — сочувствію и денежной помощи своихъ послѣдователей, каждый разъ отдѣлывался пустяками. Сами хлысты не скрываютъ послѣдней, наиболѣе дѣйствительной причины спасенія своего лжехриста. Въ одной изъ ихъ обрядовыхъ пѣсенъ говорится, что пріѣхавшіе въ Москву поволжскіе гости, узнавъ про заключеніе С.,—«стали между собою сглядываться, золотой казной стали складываться, выкупать стали, выручать и на волю выпускать».

Съ 1672 г. по 1700 г. С. подъ именемъ «темнаго богатины» жилъ въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ небольшую мелочную лавочку, въ которой самъ сидѣлъ рѣдко, и близъ Сухаревой башни также собственный домъ, называвшійся среди сектантовъ «домомъ божіимъ», «сіонскимъ» и «новымъ Іерусалимомъ»; сюда собирались послѣдователи С. для совершенія своихъ моленій, обрядовъ и воздаянія ему божескихъ почестей; сюда же на свиданіе къ С. приходилъ и «верховный гость, господь-саваоѳъ», Даніилъ Филипповъ, и они вели тутъ религіозныя бесѣды, по поводу которыхъ у хлыстовъ до сихъ поръ сохранились различныя пѣснопѣнія. Когда въ началѣ XVIII в. снова возникли противъ хлыстовъ гоненія, С. бѣжалъ изъ Москвы и въ нее вернулся послѣ длиннаго ряда скитаній по Окѣ и Волгѣ—только лѣтъ черезъ 15, пріобрѣлъ или построилъ новый «божій домъ» и опять учредилъ моленія и радѣнія. Успѣхъ С. въ Москвѣ былъ настолько значителенъ, что когда впослѣдствіи, именно въ 1733 г., властями было получено донесеніе отъ небезъизвѣстнаго разбойника и шпіона Ваньки Каина (онъ же Карауловъ) о значительномъ распространеніи секты хлыстовъ и для разслѣдованія этого дѣла была учреждена особая слѣдственная комиссія, то послѣдней было обнаружено, что чуть ли не всѣ московскіе монастыри были заражены хлыстовщиной, притомъ при несомнѣнномъ участіи С.; выяснилось также, что уже къ этому времени секта охватила губерніи Владимірскую, гдѣ С. родился, Нижегородскую, гдѣ онъ проповѣдывалъ, Московскую, гдѣ онъ прожилъ свыше 40 лѣтъ, Костромскую, Ярославскую, Калужскую, Самарскую, Саратовскую и цѣлый рядъ другихъ, въ большинствѣ изъ которыхъ онъ скитался во время гоненій. С. умеръ въ глубокой старости: по однимъ источникамъ, въ 1716 г. («скончался плотію на сотомъ году»), по другимъ даже еще позже, между 1718—1720 гг. Въ качествѣ лжехриста его замѣнилъ Прокофій Лупкинъ. Тѣло С. было перенесено въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ надъ его могилою сектантами устроенъ былъ памятникъ съ надписью: «Погребенъ святой угодникъ Божій». Къ могилѣ на поклоненіе стекались массы послѣдователей С., поэтому въ 1739 г., по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны, трупъ его вмѣстѣ съ трупомъ Прокофія Лупкина былъ выкопанъ изъ земли «черезъ палачей», вывезенъ въ поле, сожженъ, а прахъ разсѣянъ по воздуху. Память о С. и до сихъ поръ составляетъ предметъ благоговѣнія хлыстовъ; мѣста, отмѣченныя какими-либо событіями изъ его жизни и дѣятельности, почитаются святыми, равно какъ и вещи, употреблявшіяся при жизни имъ или Даніиломъ Филипповымъ. Такъ, столъ, за которымъ, по преданію, бесѣдовали эти два главныхъ распространителя секты, сохранялся у хлыстовъ до 1845 г., когда былъ конфискованъ властями и переданъ въ кабинетъ раскольничьихъ вещей; до конца 60-хъ годовъ XIX ст. въ одномъ московскомъ хлыстовскомъ семействѣ сохранялись коврикъ, платокъ, кресло, скамейка и др. вещи, бывшія въ употребленіи во времена С. Воспоминанія о различныхъ событіяхъ изъ его жизни и празднованіе ихъ пріурочивается хлыстами къ православнымъ праздникамъ, чтобы, празднуя въ другіе дни, тѣмъ самымъ не вызывать подозрѣній въ принадлежности къ сектѣ.

„Указъ Императрицы Анны Іоановны свят. Синоду“, „Полное Собраніе Закон.“, т. IX, № 6613 и „Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, кн. VI, стр. 66 — 74. — И. Снегиревъ, „Основатели секты «людей Божіихъ» Иванъ Сусловъ и Прокофій Лупкинъ“, „Правосл. Обозрѣніе“, 1862 г., іюль, стр. 324—328.—Ил. Б—въ, „Данныя сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія для исторіи тайной бесѣды святыхъ отецъ“, тамъ же, 1862 г., августъ, стр. 444—457.—Варадиновъ, „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, Спб., 1863 г., т. VIII.—Гр. Протопоповъ, „Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи“, „Труды Кіевской Духовной Акад.“,

1867 г., № 10, стр. 89—119.—И. Добротворскій, „Люди Божіи — русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ“, Казань, 1869 г. —Е. Барсовъ, „Русскій простонародный мистицизмъ“. „Христіанск. Чтен.“, 1869 г., сент., стр. 418—481.—Его же, „Новѣйшіе изслѣдователи русскаго раскола“, „Православн. Обозрѣн.“, 1873 г., янв., стр. 126—162.—Мельниковъ, „Тайныя секты“, „Русск. Вѣстникъ“, 1868 г., № 5, стр. 5—70.—Его же, „Бѣлые голуби“, тамъ же, 1869 г., № 3, стр. 312—388.—Н. Реутскій, „Люди Божіи и скопцы“, М., 1872 г.—Записка Сергѣева, „Изъясненіе раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина“, рукопись, хранится въ архивѣ синода; напеч. въ „Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1873, 1, V, стр. 31—38 и 1874, 3, V, стр. 62.—Свящ. А. Рождественскій, „Хлыстовщина и скопчество въ Россіи“, М., 1882 г.—К. Кутеповъ, „Секты хлыстовъ и скопцовъ“, Казань, 1882 г.—„Сборникъ Липранди и Кельсіева“, вып. II, 1861 г., стр. 125—135, 287—290; вып. III, 1862 г., стр. 110.—Статьи Добротворскаго въ „Правосл. Собес.“, 1858 г., ч. I, стр. 333—364; ч. II, стр. 361—407; 1860 г. ч. III. —„Розыскъ Дмитрія Ростовскаго“, ч. 3, гл. 18, стр. 559—560.—„Учено-литературн. прибавленіе къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, 1866 г., іюнь.—„День“, 1864, № 33.—„Тамбовск. Епарх. Вѣдом.“, 1862 г., № 5; 1864 г., №№ 11 и 12.—„Домашняя Бесѣда“, 1867 г., II, стр. 285—294. —„Русская старина“ А. Мартынова, т. 2, М., 1857 г., стр. 12.—Г. Пановъ, „О хлыстахъ и скопцахъ и ихъ лжеучители“, „Душеполезн. Чтеніе“, 1889 г., № 7.—Свящ. Д. Сперанскій, „Хлыстовщина—одна изъ мистическихъ русскихъ сектъ“, „Странникъ“, 1895 г., т.т. I и II. —І. Корнѣенко, „Къ вопросу о происхожденіи секты „людей Божіихъ“, „Вѣра и Разумъ“, 1896 г., т. II, ч. 2.—Н. Ивановскій, „Секта хлыстовъ въ ея исторіи и современномъ состояніи“, Спб., 1898 г.—Т. Маргариновъ, „Исторія русскихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ“, Кишиневъ, 1902 г. — A. Poritzmeyer, „Die Gottesmenschen und die Skopzen in Russland“, Berlin, 1883.

Суторъ, *Осипъ Ивановичъ*, медальеръ. Въ 1802 г. по именному указу поступилъ минцъ-граверомъ на монетный дворъ, а въ 1811 г. былъ назначенъ медальеромъ. Встрѣчающаяся на медаляхъ первой четверти XIX в. надпись «Joseph Suttor» и есть, по предположенію Ю. Б. Иверсена, правильное написаніе имени С., испорченное въ русской транскрипціи. Изъ несомнѣнныхъ его работъ можно назвать слѣдующія: наградная медаль для воспитанниковъ медико-хирургической академіи; большая медаль съ надписью «За полезное» и съ изображеніемъ орудій земледѣлія; одностороннее грудное изображеніе Императора Александра I; одностороннее изображеніе трехъ союзныхъ монарховъ надъ трофеями и съ надписью: «Саюсъ и побѣды».

Ю. Б. Иверсенъ, «Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ», Спб., 1874 г.

Сутгофъ, *Александръ Николаевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи; родился въ 1799 или 1800 г.; по окончаніи образованія въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія произведенъ въ 1818 г. въ прапорщики; въ слѣдующемъ году перевелся въ л.-гв. Московскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ въ походѣ 1828 г. въ Турцію и въ военныхъ дѣйствіяхъ 1836 г., за штурмъ Варшавы будучи отличенъ орденомъ Владиміра 4-й ст. Въ 1832 г. С. вышелъ въ отставку полковникомъ и вскорѣ поступилъ на службу въ министерство финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій въ канцелярію по кредитной части, но въ гражданской службѣ пробылъ два года и снова опредѣлился (капитаномъ) въ Московскій полкъ. Съ производствомъ въ полковники С. былъ переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, въ которомъ прослужилъ до 1841 г., когда вторично вышелъ въ отставку, но годъ спустя опять вернулся на дѣйствительную службу, посвятивъ себя военно-педагогической дѣятельности. С. въ теченіе многихъ лѣтъ (до 1863 г.) состоялъ директоромъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ должность начальника лагернаго кадетскаго корпуса и инспектора военно-учебныхъ заведеній. Въ 1845 г. онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры; за 25-лѣтнюю службу награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., а въ 1862 г. — табакеркой съ портретомъ Его Величества, украшенномъ брилліантами. Въ 1863 г. С. произведенъ въ ген.-лейтенанты и назначенъ членомъ военнаго совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній; въ 1868 г. получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи и орденъ св. Александра Невскаго съ алмазными къ нему знаками. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ предсѣдательствовалъ въ главномъ военно-учебномъ комитетѣ, состоя въ то же время членомъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и совѣтовъ Патріоти-

ческаго и С.-Петербургскаго Елизаветинскаго институтовъ. Имѣлъ всѣ ордена до св. Александра Невскаго съ алмазными знаками включительно. Умеръ С. 24 мая 1874 г.

Некрологи за 1874 годъ: «Русскій Инвалидъ», № 115; «Голосъ», № 145; «Иллюстрированная Недѣля», № 22.—В. И. Межовъ, «Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы», Спб., 1882 г., т. II, стр. 384, № 23957 и стр. 23, № 11974.—«Столѣтіе военнаго министерства», т. III, стр. 421—423.—А. Н. Фадѣевъ, «Воспоминанія 1851 — 1867 гг.», «Русскій Архивъ», 1891 г., № 12, стр. 504—505.—Архивъ Канцеляріи военнаго министерства, дѣла 1869 г., № 52; 1872 г., № 57; 1870 г., № 26.—Общій архивъ Главнаго штаба: кн. I, стр. 344; кн. II, стр. 544; кн. V, стр. 978.—Московское отдѣленіе Общаго архива: формулярный списокъ за 1854 г., № 16785.

Сутгофъ (также **Сутговъ**), *Александръ Николаевичъ*—декабристъ. Родился 4 декабря 1801 г. въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его, потомокъ стариннаго шведскаго рода, служилъ дивизіоннымъ командиромъ. По совѣту близкаго друга дома, извѣстнаго донского атамана ген.-лейт. Платова, С. еще ребенкомъ, по тогдашнему обычаю, былъ записанъ урядникомъ Донского войска. Воспитывался онъ сначала въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а послѣ сожженія Москвы — въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ, по окончаніи курса въ которомъ, 16 лѣтъ, вступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ; къ 1825 г. дослужился до чина поручика гвардіи и командовалъ ротой. Въ первой половинѣ 1825 г. С. познакомился съ нѣкоторыми видными представителями того движенія, которое впослѣдствіи было названо декабристскимъ, въ томъ числѣ съ Каховскимъ, Рылѣевымъ, Александромъ Бестужевымъ-Марлинскимъ, и подъ ихъ вліяніемъ вступилъ членомъ въ Сѣверный союзъ. Особой выдающейся роли онъ въ послѣднемъ не игралъ, но въ главнѣйшія его дѣла и рѣшенія, повидимому, былъ посвященъ. Участіе С. въ самомъ возстаніи 14 декабря 1825 г., на основаніи оффиціальныхъ документовъ, сводится къ слѣдующему: согласно «Донесенію Высочайше учрежденной Слѣдственной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ», онъ послѣ того, какъ ввѣренная ему рота уже принесла присягу на вѣрность Николаю Павловичу, обратился къ ней со словами: «Братцы, напрасно мы послушались; другіе полки не присягаютъ и собрались на Петровской площади; одѣньтесь, зарядите ружья, за мной и не выдавайте». «Донесеніе» Слѣдственной комиссіи прибавляетъ: «Почти вся рота, несмотря на увѣщаніе полкового командира Стюллера, послѣдовала за Сутгофомъ, который безпрестанно повторялъ: впередъ! не выдавайте!» Верховный уголовный судъ, назначенный для опредѣленія степени виновности каждаго изъ декабристовъ, преступленіе С. резюмировалъ: «Принадлежалъ къ тайному обществу; по учиненію присяги лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ; команда его производила стрѣльбу». По опредѣленію того же суда, онъ, послѣ шестимѣсячнаго предварительнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, былъ причисленъ къ преступникамъ перваго разряда, разжалованъ и присужденъ къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы,—кромѣ него къ этому разряду было отнесено еще 30 человѣкъ,—но это наказаніе по Высочайшей конфирмаціи было замѣнено безсрочными каторжными работами. Впослѣдствіи въ силу манифестовъ безсрочныя работы были ограничены для него сначала 25 годами, а затѣмъ еще сокращены, но въ общей сложности онъ отбылъ ихъ въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ: 2 года въ Нерчинскихъ рудникахъ и 13 лѣтъ на незадолго передъ тѣмъ отстроенномъ Петровскомъ заводѣ, Иркутской губ., гдѣ съ него вскорѣ по прибытіи были сняты кандалы. Вышедши въ 1839 г. въ разрядъ поселенцевъ и не имѣя никакой надежды на возвращеніе въ Европейскую Россію, С. рѣшилъ покориться обстоятельствамъ, поселился въ деревушкѣ Иркутъ, женился, обзавелся домикомъ и весь отдался своему небольшому хозяйству, которымъ настолько увлекся, что не воспользовался даже даннымъ ему нѣсколько позже правомъ жить въ Иркутскѣ. Въ концѣ 1848 г. онъ получилъ извѣщеніе о переводѣ его на Кавказъ рядовымъ, — въ этомъ смыслѣ усиленно ходатайствовали его мать и сестра, по мужу Нарышкина. На самого же С. это извѣстіе подѣйствовало крайне удручающе: онъ сжился съ новыми условіями, приходилось еще разъ въ корнѣ разрушать установившійся укладъ, наконецъ, перспектива выносить неопредѣленное время солдатскій

режимъ улыбалась ему весьма мало. На Кавказъ онъ отправился вмѣстѣ съ женой, былъ опредѣленъ въ Кубанскій полкъ и въ послѣднемъ тянулъ солдатскую лямку въ теченіе 8 лѣтъ. Съ воцареніемъ Александра II въ горькую жизнь С. начали врываться болѣе свѣтлые моменты: онъ былъ произведенъ въ офицеры, получилъ право повсемѣстнаго жительства, и въ судьбѣ его принялъ близкое участіе кавказскій намѣстникъ князь Барятинскій. Расшатанное каторгой и плохими условіями жизни здоровье С. однако не позволяло ему дольше служить въ арміи, и онъ перечислился въ резервъ; послѣ этого былъ назначенъ завѣдывающимъ московской фехтовальной школой, а затѣмъ кн. Барятинскимъ приглашенъ въ управляющіе минеральными водами, сначала Кисловодскими, а потомъ Боржомскими, гдѣ исправлялъ кромѣ того должности воинскаго начальника, управляющаго казеннымъ Боржомскимъ имѣніемъ, лѣсничаго и смотрителя Боржомскаго дворца. Въ этихъ занятіяхъ С. послѣ долголѣтняго страдальческаго періода нашелъ наконецъ нѣкоторый покой, продолжавшійся однако не особенно долго — 14 августа 1872 г. С. умеръ. Знавшіе С. лично свидѣтельствуютъ о его выдающейся образованности, чрезвычайной начитанности и «большой хозяйственной опытности».

„Донесеніе Высочайше учрежденной Слѣдственной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ". — Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда" (оба документа напеч. въ кн. „Процессъ декабристовъ", изд. И. А. Малинина, М., 1905 г., стр. 42, 59 и 95).—„Кавказъ", 1872 г., №№ 120 (некрологъ) и 143 („По поводу некролога А. Н. Сутгофа", Е. Фелицина).—В. Богучарскій, „Изъ прошлаго русскаго общества", Спб., 1904 г., стр. 20, 37 и 38.—„Записки Бѣляева", „Русская Старина", 1880 г., т. 30, № 3.—„Изъ записокъ Якушкина", „Русск. Архивъ", 1870 г., № 4—5, стр. 1568, 1611, 1639.—„Записки М. А. Бестужева", „Русск. Старина", 1881 г., ноябрь.—„Иллюстрированная Газета", 1872 г., № 35 (некрологъ).

Сутгофъ, *Николай-Іахимъ Мартыновичъ*, докторъ медицины, лейбъ-медикъ, акушеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, получилъ право практиковать въ Россіи по экзамену въ медицинской коллегіи 8 іюня 1787 г. 27 сентября того же года опредѣленъ былъ докторомъ въ Костромское намѣстничество. Въ началѣ XIX ст. поселился въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ послѣ продолжительной болѣзни въ октябрѣ 1836 г. на 71 году отъ роду.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи", Спб., 1883 г., стр. CCCIV.—„Сѣверная Пчела", 1836 г., № 238—С. П. Жихаревъ, „Воспоминанія", М., 1890 г., стр. 242—43.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 г.г.", Спб., 1893 г., т. II, стр. 245, № 17787.—„Общій медицинскій списокъ на 1809 г.", Спб., 1810 г., стр. 92.

Сутковскій, *Левъ Купріановичъ (Ѳомичъ)*, профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи, изъ дворянъ (католикъ), родился въ 1821 г.; умеръ 25 декабря 1886 г.; учился въ Виленской медико-хирургической академіи, изъ которой осенью 1840 г. препровожденъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по академіи для окончанія образованія въ Казанскій университетъ, курсъ коего блестяще окончилъ въ 1843 г.—съ званіемъ лекаря 1-го отдѣленія и съ золотою медалью, причемъ былъ оставленъ при университетѣ асистентомъ хирургической клиники. Въ концѣ 1845 г. срокъ оставленія С. при университетѣ, по рекомендаціи профессора Елачича, продолженъ съ цѣлью «дать ему возможность приготовиться къ испытанію на степень доктора и приватъ-доцента». Съ 1847 г. С. сталъ исполнять должность врача при студенческой больницѣ. Въ январѣ 1848 г. онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины, а въ августѣ того же года утвержденъ доцентомъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ порученіемъ преподавать десмургію. Съ осени 1848 г. до осени 1851 г. онъ занималъ должность младшаго ординатора Казанскаго военнаго госпиталя. 10 февраля 1849 г. С. былъ утвержденъ адъюнктомъ оперативной хирургіи, въ 1853—1854 учебномъ году онъ выступилъ конкурентомъ на каѳедру акушерства, по поводу чего въ совѣтѣ университета возникъ споръ, изъ котораго видно, что мнѣнія профессоровъ объ учености С. были очень различны; тѣмъ не менѣе, въ февралѣ 1854 г. ему было поручено чтеніе физіологіи зародыша и ученія о беременности и родахъ. Въ августѣ 1858 г. онъ былъ командированъ за границу для научнаго усовершенствованія, откуда возвратился въ ноябрѣ 1859 г. и 16 января 1860 г. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по ка-

ѳедрѣ оперативной хирургіи, причемъ завѣдывалъ хирургическимъ кабинетомъ. Въ февралѣ 1861 г. повышенъ въ званіе ординарнаго профессора. Въ сентябрѣ 1871 г. окончилось 25-лѣтіе его учебной службы; С. желалъ остаться еще на пятилѣтіе, но былъ забаллотированъ и въ ноябрѣ уволенъ изъ университета. По свидѣтельству знавшихъ С., онъ былъ исключительно скупъ, ходилъ одѣтымъ грязно и неопрятно, въ чемъ была опасность для больныхъ, обладалъ неуживчивымъ тяжелымъ характеромъ и очень скуднымъ научнымъ багажемъ по своей спеціальности, что, къ чести его сказать, самъ сознавалъ. Уже подъ конецъ своей дѣятельности онъ не устыдился записаться простымъ слушателемъ на курсы анатоміи, которые читалъ профессоръ П. Ф. Лесгафтъ. Но по свидѣтельству тѣхъ же лицъ, онъ былъ искуснымъ техникомъ-операторомъ и добросовѣстнымъ врачемъ, тепло относившимся къ больнымъ. Изъ его работъ напечатаны: «О причинахъ выкидыша въ судебно-медицинскомъ отношеніи» (Казань, 1843 г.); «Сравненіе литотоміи съ литотрипсіей» (ib., 1847 г.); «De arte cheiloplastica», дисс. на степ. д-ра мед. (ib., 1847 г. и подъ названіемъ «Объ историческомъ развитіи пластическихъ операцій», —Спб., 1848 г.); «Объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ и искуственномъ выкидышѣ» (Казань, 1853 г.).

Формул. списокъ о службѣ адъюнкта Каз. ун. Сутковскаго, составленъ 28 февраля 1855 г. —„Врачъ“, 1887 г., №№ 2 и 5.—Н. П. Загоскинъ, „Къ столѣтней годовщинѣ Казанскаго университета. Дѣятели И. Каз. ун.“, Казань 1900 г.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, тетр. II, Спб., 1886 г.—Виларе, „Энцикл. мед. словарь“, вып. 19, Спб. 1893 г.—„Казанскій Листокъ“, 1887 г., 22 янв

Суханинъ, *Егоръ Петровичъ*, профессоръ начертательной геометріи въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, род. въ 1817 г., ум. въ 1868 г. Поступивъ въ 1830 г. въ институтъ инженеровъ путей сообщенія кадетомъ, онъ въ 1836 г. былъ произведенъ въ прапорщики. Въ 1838 г. назначенъ въ V округъ къ работамъ Виндавскаго сообщенія и въ концѣ того же года былъ переведенъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія репетиторомъ по начертательной геометріи, состоя въ то же время тамъ учителемъ рисованія и преподавателемъ ситуаціи. Затѣмъ онъ сталъ преподавателемъ начертательной геометріи въ бывшемъ архитекторскомъ училищѣ и въ лѣсномъ институтѣ. Въ 1847 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ начертательной геометріи въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, а въ 1849 г. помощникомъ инспектора классовъ. Съ 1859 г. состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія проекта условій на полученіе мѣстъ преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ, а 21 декабря 1861 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ директора института инженеровъ путей сообщенія и оставался въ этой должности до смерти.

С. Житковъ, „Біографіи инженеровъ путей сообщенія“, вып. I, Спб., 1889 г., стр. 102.—Его же, „Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I“, Спб., 1899 г., стр. 111, 150.—„Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I съ 1811 по 1882 г.,“ Спб., 1883 г., стр. 39.

Сухановъ, *Кириллъ Васильевичъ*, миссіонеръ среди тунгузовъ Дауріи, протоіерей, сынъ сибирскаго мѣщанина, род. 7 января 1741 г., умеръ 15 августа 1810 г. Человѣкъ съ самаго дѣтства въ высшей степени религіозный, онъ, выучившись грамотѣ, пристрастился къ чтенію священныхъ книгъ и съ большимъ усердіемъ изучалъ вопросы вѣры. Постепенно въ немъ созрѣла мысль посвятить свои силы и знанія на проповѣдь христіанства среди обширнаго туземнаго племени — тунгузовъ. Путь, избранный С. для этой цѣли, является лучшей его характеристикой какъ миссіонера: онъ не только не былъ оффиціальнымъ представителемъ церкви, за ея счетъ командированнымъ просвѣщать и обращать въ христіанство туземцевъ,—онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности даже не обращался къ какой бы то ни было ея поддержкѣ; наоборотъ, С. является въ своемъ родѣ миссіонеромъ-самородкомъ, идущимъ въ темныя массы не по долгу службы, а по внутреннему влеченію, покоряясь лишь силѣ живущей въ немъ идеи; понимая, что только примѣромъ собственной жизни главнымъ образомъ можно вліять на народныя массы, С., основательно изучивши сначала

языкъ тунгузовъ, пришелъ къ нимъ съ котомкой за плечами и во всю послѣдующую свою дѣятельность, проповѣдуя ученіе Христа, жилъ въ полномъ смыслѣ слова аскетомъ. Благодаря этимъ условіямъ, проповѣдь С. въ короткое время имѣла самый выдающійся успѣхъ, который еще болѣе возросъ, когда С. иркутскимъ епископомъ Михаиломъ былъ рукоположенъ въ священники и получилъ небольшую походную церковь. С. однако не ограничивался одной устной пропагандой христіанства: самостоятельно обучившись живописи, рѣзьбѣ, позолотѣ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ каменщикомъ и искуснымъ плотникомъ, онъ сооружалъ храмы, украшалъ ихъ, писалъ иконы, основывалъ училища, образовывалъ церковнослужителей, причетниковъ и иконописцевъ изъ туземцевъ, наконецъ, входилъ въ хозяйственную сторону послѣднихъ, помогалъ имъ своими указаніями и знаніями и даже колонизировалъ необитаемыя, но обильныя природными богатствами мѣстности. За свои выдающіяся заслуги онъ, на склонѣ своихъ лѣтъ, былъ возведенъ въ санъ протоіерея. На его надгробномъ памятникѣ при Нерчинскомъ соборѣ высѣчены слова, прекрасно, хотя и не совсѣмъ полно резюмирующія его дѣятельность; «...Гдѣ былъ лѣсъ, степь и дикія пустыни, къ служенью Богу воздвигъ ты тамъ святыни». Своей дѣятельностью С. оставилъ настолько яркіе слѣды, что тунгузы, среди которыхъ онъ проповѣдывалъ и работалъ, еще долгое время послѣ его смерти назывались его именемъ—сухановскими.

Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, ч. III, Спб. 1847 г., стр. 393.—„Отечеств. Записки“, 1840 г., № 10.—„Энцикл. словарь“ И. Березина, отд. IV, т. I, стр. 372.—„Настольный словарь“ Толля, т. III, стр. 571.

Сухановъ, *Михаилъ Дмитріевичъ*, поэтъ-самоучка, крестьянинъ Архангельской губерніи, дата рожденія неизвѣстна, умеръ въ 1843 г. Рано выучившись грамотѣ, мальчикъ пристрастился къ чтенію. Случайно въ его руки попали стихотворенія Ломоносова, которыми онъ увлекся и сталъ имъ подражать. Первые опыты его были очень слабы, но С. много работалъ, просиживая ночи надъ сочинительствомъ и отдѣлкой формы, и стихъ его сталъ звучнѣе, мягче и содержательнѣе. Чтобы пристроить сына, отецъ завелъ для него лавочку въ Архангельскѣ и посадилъ С. за прилавокъ, передавъ всю торговлю въ его полную отчетность. Въ Архангельскѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми моряками, уговорившими его послать стихи въ «Русскій Инвалидъ», гдѣ и были напечатаны нѣкоторыя пьески; позже С. сотрудничалъ и въ другихъ журналахъ. Отдѣльно подалъ: «Мои сельскіе досуги» (Спб., 1836 г.), «Время не праздно» (ib., 1836 г.), «Древнія русскія стихотворенія» (М., 1840 г.) и «Древнія россійскія стихотворенія, служащія дополненіемъ къ Киршѣ Данилову» (М., 1841).

П. А. Плетневъ, „Собраніе сочиненій“, т. 2.—Н. И. Добротворскій, „Крестьянинъ-поэтъ Сухановъ“, „Русскій Архивъ“, 1888 г., кн. II, стр. 347.

Сухановъ, *Самсонъ Семеновичъ*, искусный каменщикъ-ваятель, родился 27 іюня 1776 г. въ Евской волости Вологодской губерніи, умеръ въ 1820-хъ годахъ. С. былъ сыномъ бѣднаго крестьянина-пастуха. Когда ему было шесть лѣтъ, отецъ научилъ его грамотѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ очень интересовался занятіями своего родственника-иконописца и постоянно чертилъ разныя фигуры мѣломъ и углемъ. Будучи девятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ поступилъ въ батраки къ одному богатому крестьянину съ жалованьемъ по 25 коп. въ годъ, у котораго и прослужилъ почти двадцать лѣтъ, исполняя различнѣйшія работы по хозяйству и промысламъ (водилъ барки съ лѣсомъ, ѣздилъ на звѣриный ловъ по Бѣлому морю). 30 лѣтъ отъ роду С. отправился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу къ одному своему родственнику, державшему подрядъ по постройкѣ Михайловскаго замка. Вскорѣ С. не только привыкъ къ каменной работѣ, но и полюбилъ ее и сдѣлался прекраснымъ мастеромъ. Онъ довелъ способъ ломанія гранита до чрезвычайной простоты и легкости. Его каменныя работы отличались грандіозностью и въ то же время красотою. Въ постройкѣ Казанскаго собора въ Петербургѣ, когда ее взяла на себя казна, С. былъ мастеромъ и главнымъ приказчикомъ. Въ 1807 г. онъ записался въ петербургское купечество. Къ числу работъ С. принад-

лежатъ: статуя и пьедесталъ для памятника Минину и Пожарскому въ Москвѣ, ростральныя колонны противъ биржи въ Петербургѣ, гранитная ванна въ Петергофѣ, гранитный бюстъ для графа А. С. Строганова, набережная Биржи и базы и цоколь самаго зданія, пьедесталъ и гранитныя колонны съ капителями для памятника Императору Павлу I и мостъ у Пиль-башни въ Павловскѣ, колонны, фигуры и барельефы горнаго корпуса въ Петербургѣ, многія работы изъ мрамора, гранита и иного камня въ Казанскомъ соборѣ, нѣкоторыя фигуры Адмиралтейства, каменныя работы церкви Всѣхъ Скорбящихъ въ Петербургѣ, многіе памятники на Петербургскихъ кладбищахъ и друг.

П. Свиньинъ, „Приключенія С. С. Суханова, русскаго природнаго ваятеля“, „Отечественныя Записки“, 1818 г., часть I, стр. 188—219.—„Справочн. энциклопедическ. словарь“ Крайя, томъ IX, ч. II, Спб. 1855 г.

Сухарева, *Агаѳоклея Марковна*, тайная совѣтница, благотворительница, родилась 30 іюля 1776 г., умерла 80 апрѣля 1853 г.; была предсѣдательницей женскаго попечительнаго общества о тюрьмахъ, членомъ попечительнаго комитета, учрежденнаго 18 августа 1814 г., и болѣе шестнадцати лѣтъ предсѣдательницей Петербургскаго женскаго патріотическаго общества. Отличаясь практическимъ умомъ и организаторскими способностями, она умѣла увеличивать доходы учрежденій, находившихся подъ ея управленіемъ, открывать новые источники благотворительности, умножать число мѣстъ воспитанія сиротъ, облегчать положеніе бѣдныхъ, вносить порядокъ и стройность во всякое дѣло. За свои личныя достоинства и за свою благотворительную дѣятельность пользовалась уваженіемъ всѣхъ знавшихъ ее. По замѣчанію А. Башуцкаго, «она надѣлена была рѣдкимъ соединеніемъ мужественнаго ума и воли и женственнаго сострадательнаго сознанія къ печалямъ и нищетѣ; при истинной, неславолюбивой благотворительности, полезно и разумно направляемой, она была неутомимо дѣятельна...».

Некрологъ А. Башуцкаго въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1840 г., № 27 и въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1840 г., № 29.—Некрологъ въ „Мѣсяцесловѣ» на 1840 г.

Сухаревъ, *Григорій Ивановичъ*, профессоръ акушерства и судной науки въ Петербургской медико-хирургической академіи, первый устроитель и описатель Кавказскихъ минеральныхъ водъ, сынъ харьковскаго священника, родился въ 1770 г., умеръ 6 октября 1807 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковской духовной семинаріи, изъ которой поступилъ въ 1792 г. ученикомъ въ Петербургское медико-хирургическое училище, въ 1794 г. произведенъ въ подлекари, въ 1795 г., по окончаніи курса, получилъ званіе лекаря и оставленъ при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ на подлекарской вакансіи. Профессоръ Конради, преподававшій акушерство, тогда же предложилъ С. въ адъюнкты при этой каѳедрѣ. По требованію медицинской коллегіи, С. прочелъ пробную лекцію, и слушавшіе ее члены коллегіи заявили, что онъ «по части акушерства заявилъ себя весьма хорошо и впрочемъ имѣетъ достаточный даръ слова къ изъясненію своихъ мыслей». Въ февралѣ 1796 г. онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ. Черезъ 1½ года Конради засвидѣтельствовалъ его «примѣрную прилежность и усердіе къ своей должности». Въ 1797 г. С. назначенъ адъюнктомъ акушерства и въ повивальной школѣ Петербургскаго воспитательнаго дома, черезъ 2 года произведенъ въ штабъ-лекари и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ акушерства и судной науки въ Московское медико-хирургическое училище. 14 декабря 1799 г. профессоръ Конради умеръ, и каѳедра его 2 января 1800 г. была передана С. Въ это время устраивалась Петербургская медико-хирургическая академія. 18 іюля 1802 г. члены государственной медицинской коллегіи, ст. сов. Карпинскій и кол. сов. Саполовичъ присутствовали на лекціи С. и нашли, что «Сухаревъ изъяснялъ акушерскіе предметы правильно, подробно и весьма основательно», а потому просили медицинскую коллегію произвести его въ экстраординарные профессора. Получивъ это званіе въ 1802 г., С., читавшій въ медико-хирургической академіи акушерство, снова долженъ былъ присоединить къ этому предмету судную науку. Въ апрѣлѣ 1803 г. С. былъ командированъ на Кавказъ и назначенъ главнымъ врачемъ тамошнихъ минеральныхъ водъ.

Въ этой должности онъ принесъ большую пользу. Понявъ государственную важность благоустройства этихъ водъ, онъ описалъ ихъ и упорядочилъ источники, за что получилъ въ 1806 г. чинъ надворнаго совѣтника.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб., 1883 г.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, тетр. II. Спб., 1886 г.—А. К. Евронинъ, „Истор. очеркъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіей при Воен.-Мед. Академіи“, Спб. 1898 г., стр. 33—35.—„Исторія Имп. Воен.-Мед. Академіи“, Спб., 1898 г., стр. 91.—„Проток. засѣд. Спб. общ. русск. врачей за 1857—1858 г.“, стр. 349.

Сухаревъ, *Петръ Дмитріевичъ*, дворянинъ Подольской губерніи, родился 18 марта 1818 г.; по окончаніи курса въ Каменецъ-Подольской губернской гимназіи поступилъ въ 1836 г. унтеръ-офицеромъ въ 41-й пѣх. Селенгинскій полкъ, въ которомъ черезъ 2 года произведенъ въ офицеры. За время службы въ этомъ полку С. дважды получилъ денежныя награды: въ 1845 г. 122 р. 50 к. и въ 1848 г. 145 р.; въ послѣдній годъ С. перевелся поручикомъ въ л.-гв. Егерскій полкъ и оставался въ немъ до 1854 г., когда въ чинѣ капитана былъ назначенъ командиромъ Таврическаго баталіона внутренней стражи съ переименованіемъ въ подполковники; черезъ 2 года С. былъ перемѣщенъ на должность командира Орловскаго баталіона внутренней стражи и командовалъ имъ до 1860 г., когда состоялось его назначеніе помощникомъ окружнаго генерала 6-го округа Отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Черезъ 4 года С. былъ назначенъ командиромъ 2-й рабочей бригады для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Новороссійскомъ краѣ, а въ 1867 г. перемѣщенъ на должность командира 1-й бригады. Въ 1869 г. С. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ томъ же году, по упраздненіи рабочихъ бригадъ зачисленъ въ запасныя войска и скончался скоропостижно 5 ноября въ Елисаветградѣ.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 3 стола, 6 отд., № 435, 1869 г., стр. 24—33.

Сухиновъ (нѣкоторые авторы «Воспоминаній» и «Записокъ» называютъ его—*Сухановъ*), *Иванъ Ивановичъ*—декабристъ, родился въ 1797 г. въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., воспитывался въ домѣ отца, небогатаго дворянина, и по обычаямъ того времени съ раннихъ лѣтъ былъ записанъ на службу, именно—гражданскую. Громкіе подвиги Суворова и другихъ героевъ войны зажгли въ молодомъ С. страсть къ военной службѣ, и онъ, 15-лѣтній мальчикъ, поступилъ рядовымъ въ Лубенскій гусарскій полкъ, не страшась суроваго режима, которому долженъ былъ подчиняться рядовой солдатъ того времени, и надѣясь отличиться и выйти въ офицеры; въ этомъ юномъ возрастѣ онъ совершилъ тягостныя кампаніи 1812, 1813 и 1814 гг., участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и стычкахъ, получилъ семь болѣе или менѣе серьезныхъ ранъ, разстроилъ совершенно свое здоровье, но повышеніемъ его обошли, и онъ вышелъ въ отставку. Отчасти, повидимому, эта личная неудача, отчасти же и отличавшіяся отъ русскихъ политическія условія Западной Европы, къ которымъ отъ отнесся во время походовъ съ юношескимъ энтузіазмомъ—черта, характеризующая почти всѣхъ декабристовъ, участвовавшихъ въ кампаніяхъ послѣ 1812 года, — создало въ С. благопріятную почву для воспріятія впослѣдствіи конституціонныхъ идей движенія, извѣстнаго подъ именемъ декабристскаго. Въ 1816 г. С. вернулся на родину. Два года спустя онъ, значительно уже охладѣвшій къ военной службѣ, подъ вліяніемъ и при содѣйствіи своего друга гр. Тимона снова возвращается къ ней, поступаетъ юнкеромъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, въ слѣдующемъ 1819 г. переводится въ Черниговскій пѣхотный и получаетъ первый офицерскій чинъ.

Честная натура, вѣрный товарищъ, пылкій энтузіастъ, надѣленный отъ природы выдающимися способностями, С. обратилъ на себя вниманіе Южнаго общества, душою котораго былъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, скоро воспринялъ задачи этой организаціи, въ сентябрѣ 1825 г. въ лагерѣ при м. Лещинѣ былъ избранъ въ ея члены и съ этого времени присутствовалъ на всѣхъ ея собраніяхъ. Будучи изъ тѣхъ людей, которые, разъ взявшись за какое-нибудь дѣло, отдаются ему всей душой, С. вскорѣ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе энер-

гичныхъ членовъ Южнаго общества и трудился для намѣченныхъ имъ цѣлей, не желѣя ни себя, ни времени, ни средствъ. По планамъ Сергѣя Муравьева-Апостола онъ долженъ былъ вскорѣ перейти съ пропагаторскими и организаторскими цѣлями въ Александрійскій гусарскій полкъ, но извѣстія, полученныя изъ Петербурга о событіяхъ 14 декабря, помѣшали этому намѣренію. Почти непосредственно за событіями въ Петербургѣ на югѣ Россіи разразилось нѣчто аналогичное, извѣстное въ исторіи декабристскаго движенія подъ именемъ—«возстанія Сергѣя Муравьева». Участіе самого С. въ этомъ актѣ сводится, по формулѣ слѣдственной комиссіи, къ слѣдующему: «былъ однимъ изъ офицеровъ, сдѣлавшихъ съ цѣлью освобожденія арестованныхъ двухъ братьевъ Муравьевыхъ нападеніе на командира Черниговскаго полка Гебеля, причемъ послѣднему было нанесено 13 ранъ; командуя авангардомъ возставшихъ, вступилъ въ г. Васильковъ, арестовалъ подполк. Трухина, занялъ караульные посты, забралъ знамена и полковой ящикъ; личнымъ вліяніемъ присоединилъ къ возстанію 4-ю мушкетерскую роту, командовалъ 6-й мушкетерской ротой, а при вступленіи въ с. Мотовиловку—арріергардомъ; ѣздилъ въ Бѣлую Церковь для веденія переговоровъ о присоединеніи къ возстанію 17-го егерскаго полка и принималъ личное участіе въ сраженіи при Бѣлой Церкви, 3 января 1826 г., съ правительственными войсками, бывшими подъ начальствомъ генер. Гейсмара».

Послѣ этой стычки, окончившейся разгромомъ возставшихъ войскъ, главные члены общества (Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.) были отправлены въ Петербургъ, надъ остальными была напряжена военно-судная комиссія въ Кіевѣ, С. же удалось бѣжать. Нѣкоторое время онъ прятался въ погребѣ какого-то крестьянина, потомъ скрывался у другихъ лицъ, раздобылъ штатское платье и въ немъ, несмотря на всѣ розыски и обѣщанныя за его поимку награды, пробрался въ Александрію къ своему брату, у котораго въ теченіе одной ночи собственноручно сдѣлалъ для себя фальшивый паспортъ, затѣмъ переѣхалъ въ Кишиневъ съ намѣреніемъ перебраться въ Молдавію, но отказался отъ этого плана и, желая вмѣстѣ пострадать съ товарищами по дѣлу, почти добровольно отдался себя въ руки властей. Арестованный и закованный въ кандалы, онъ «пересылался по принадлежности»,—сначала въ Одессу къ гр. Воронцову, потомъ въ Могилевъ къ главнокомандовавшему 1 ю арміей Сакену, наконецъ въ Кіевъ, гдѣ засѣдала военно-судная комиссія. По приговору послѣдней, С., державшій себя на допросахъ чрезвычайно стойко и благородно, дававшій показанія только о себѣ и ни однимъ словомъ не обмолвившійся о дѣйствіяхъ другихъ—былъ присужденъ къ четвертованію, но этотъ приговоръ по послѣдовавшей въ іюля 1826 года Высочайшей конфирмаціи былъ замѣненъ лишеніемъ правъ дворянства, чиновъ и пр., политической смертью и ссылкою въ Сибирь на вѣчныя каторжныя работы.

Въ Сибирь С. (вмѣстѣ съ тремя другими осужденными по тому же дѣлу) былъ отправленъ не на тройкахъ, какъ осужденные въ Петербургѣ, а по этапу пѣшкомъ. Это мучительное путешествіе продолжалось годъ и 7 мѣсяцевъ. Вынесенныя имъ за это время страданія зародили, а тяжелыя условія жизни на мѣстѣ назначенія (Зерентуйскій рудникъ) закрѣпили въ С. страстное желаніе бѣжать. Но когда онъ поближе познакомился съ другими заключенными и среди нихъ встрѣтилъ то же горячее стремленіе освободиться, когда онъ своимъ открытымъ характеромъ пріобрѣлъ расположеніе и любовь со стороны отбывавшихъ въ томъ же рудникѣ наказаніе бывшихъ солдатъ Семеновскаго полка, С. оставилъ въ сторонѣ свое личное эгоистическое стремленіе и на мѣсто его создалъ другой, болѣе обширный, почти безумный планъ, именно обезоружить всѣ команды, освободить всѣхъ заключенныхъ на ближайшихъ рудникахъ—Зерентуйскомъ, Кличкинскомъ, Благодатскомъ, Большезаводскомъ,—идти на Нерчинскъ, гдѣ завладѣть артиллеріей, оттуда на Читу, гдѣ опять-таки освободить заключенныхъ, между ними многихъ декабристовъ, и, наконецъ, условиться съ послѣдними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ С. отдался дѣлу со всей присущей ему страстью и принялся за него съ необычайной энергіей: завелъ сношенія съ другими рудниками, завязалъ знакомства съ нѣкоторыми лицами на волѣ, черезъ ихъ посредство

досталъ порохъ, свинецъ и оружіе, самъ лилъ пули и надѣлалъ ихъ свыше тысячи штукъ, и все это—несмотря на суровый режимъ, которому подчинялись онъ и другіе заключенные.

Въ началѣ 1828 г. заговоръ былъ обнаруженъ. Вслѣдствіе доноса одного изъ участниковъ въ рудникѣ были произведены обыски и дознаніе, въ первый разъ однако не давшіе никакихъ результатовъ, а послѣ повторнаго доноса со стороны нѣкоего Козакова была назначена слѣдственная комиссія. Одновременно съ этимъ на Кличкинскомъ рудникѣ вспыхнулъ бунтъ, сопровождавшійся вооруженнымъ сопротивленіемъ. Бунтъ былъ подавленъ, многіе изъ участниковъ арестованы, въ томъ числѣ и С. какъ вдохновитель другихъ, а о дѣлѣ было сообщено въ Петербургъ, откуда получилось приказаніе — всѣхъ судить военнымъ судомъ. С. ни въ чемъ не сознавался, показанія другихъ были сбивчивы, слѣдствіе шло медленно, несмотря на то, что «допросы начинали побоями, кончали жестокостями»; одна комиссія смѣняла другую, и «главная и послѣдняя открыла не больше первой». Дѣло велось такимъ образомъ, что, по словамъ одного изъ обвинявшихся, «если бы были деньги, то всему можно было бы дать совсѣмъ другой оборотъ, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи». Читинскіе заключенные, освѣдомленные объ этомъ, присылали даже нарочнаго съ обѣщаніемъ денежной помощи, но было уже поздно—военный судъ состоялся. С. былъ приговоренъ къ 400 ударамъ кнута, что означало, конечно, вѣрную смерть, но затѣмъ это рѣшеніе было измѣнено — его и еще пятерыхъ велѣно было разстрѣлять. Перенести этого С. не могъ: онъ два раза принималъ сильныя дозы яда, но каждый разъ безрезультатно; ночью же наканунѣ казни онъ на ремнѣ отъ кандаловъ удавился (въ сентябрѣ 1828 г.). Послѣдствіемъ дѣла С. было переведеніе нѣкоторыхъ «секретныхъ» заключенныхъ въ Читу и непомѣрное усиленіе репрессій въ тѣхъ рудникахъ, которые оказались такъ или иначе причастными къ этому дѣлу.

„Приказъ начальника главнаго штаба Его Императ. Величества, въ Спб., генваря 8 дня, 1826 г., № 2“;—„Копія съ рапорта отъ ген.-лейт. Рота, за № 13“;—„Копія съ рапорта отъ ген.-лейт. Рота, за № 16“;—„Донесеніе Высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ“ (всѣ эти документы напечатаны въ книгѣ „Процессъ декабристовъ“, изд. И. А. Малинина, М., 1905 г.). — „И. И. Сухиновъ, одинъ изъ декабристовъ“, „Русск. Архивъ“, 1870, № 4 - 5, стр. 908—926, и по поводу этой статьи—тамъ же, стр. 1927—1936.—Максимовъ, „Сибирь и каторга“, ч. III, Спб., 1871, стр. 178—182. — „Записки барона А. Е. Розена“, ч. I, 1800—1827 гг., „Отеч. Записки“, 1876 г., № 9, стр. 500 — 504. — „Воспоминанія М. И. Муравьева - Апостола“, „Русск. Старина“, 1886 г., т. 51, № 9, стр. 519—552.—„Разсказы П. Е. Анненковой“, „Русск. Старина“, 1888 г., № 5, стр. 367—382.

Сухихъ, *Андрей Якимовичъ*, историческій и портретный живописецъ, родился въ Ижорскихъ заводахъ 10 августа 1798 г., умеръ въ 1873 г. Сынъ чиновника, С. въ 1808 г. поступилъ въ Петербургскую академію художествъ, гдѣ обучался живописи подъ руководствомъ профессора Я. К. Шебуева. Въ 1817 и 1820 гг. С. получилъ малую и большую серебряныя медали, въ 1821 г. малую золотую медаль за рисунки съ натуры и въ этомъ же году выпущенъ изъ акедеміи художествъ съ аттестатомъ 1-й степени. Въ 1827 г., по двумъ представленнымъ портретамъ, мужскому и женскому, С. былъ признанъ назначеннымъ въ академики, а въ 1830 г. возведенъ въ званіе академика по исполненной программѣ: «написать картину, изображающую Улисса на островѣ Калипсы, который, сидя на берегу и взирая на Понтъ, сѣтуетъ объ отечествѣ своемъ». С. занимался, главнымъ образомъ, церковною живописью и уроками рисованія, а также реставраціею картинъ. Ему, между прочимъ, принадлежатъ нѣсколько образовъ въ Александровскомъ православномъ соборѣ въ Варшавѣ.

А. Сомовъ, „Картинная галлерея Императорской академіи художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведей русской живописи“, Спб., 1872 г.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, Спб., 1864—1866 г.

Сухово - Кобылина, *Софья Васильевна*, пейзажистка, родилась въ 1825 г., умерла 25 сентября 1865 г. въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. С.-Кобылина была дочерью полковника. Свое художественное образованіе она получила подъ

руководствомъ академика Е. Мейера. Въ лѣтніе мѣсяцы она дѣлала художественныя экскурсіи во внутреннія губерніи Россіи и въ Крымъ для занятій этюдами съ натуры. Еще въ 1849 г. выставила въ академіи художествъ пейзажъ «Дорога на берегу рѣки». Въ 1853 г. академія художествъ присудила ей малую золотую медаль за нѣсколько крымскихъ видовъ, а въ 1854 г.—большую золотую медаль за два вида Крыма и видъ въ окрестностяхъ Мурома. Съ теченіемъ времени талантъ С.-Кобылиной все болѣе и болѣе развивался. Въ 1857 г. она отправилась для дальнѣйшаго усовершенствованія въ живописи на собственный счетъ за границу, причемъ жила, главнымъ образомъ, въ Италіи. Въ Римѣ гостиная ея была центромъ, куда собирались всѣ находившіеся въ то время русскіе художники, цѣнившіе въ ней и талантливую художницу, и женщину тонкаго и блестящаго ума, благороднаго и горячаго сердца. Въ послѣднее время своей жизни она оставила пейзажи и занялась портретной живописью. Въ 1867 г. переѣхала изъ Рима въ имѣніе своего отца въ Тульской губерніи, гдѣ скоро и скончалась. Картины и этюды С.-Кобылиной, оставшіеся послѣ ея смерти (въ количествѣ 174), находились на академической выставкѣ 1868 г. и были отчасти распроданы. Работы ея свидѣтельствуютъ о томъ, что она была сильна въ рисункѣ и обладала тонкимъ пониманіемъ пейзажной живописи.

Т. Толычева, „Софья Васильевна Сухово-Кобылина“, „Современная Лѣтопись“, 1867 г., № 36.—Ѳ. П. Булгаковъ, „Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“,. Спб., 1889—1890 г., т. II (здѣсь, между прочимъ, перечислены картины Сухово-Кобылиной на академической выставкѣ 1868 г.).—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ за 100 лѣтъ ея существованія“. Спб., 1864—1867 гг.—А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства“, М., 1899—1903 гг.—А. Сомовъ, „Картинная галерея Императорской академіи художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи“, Спб., 1872 г.

Суховъ, *Алексѣй Петровичъ*, беллетристъ и карикатуристъ, родился въ 1839 г.; по происхожденію — сынъ крестьянина Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Когда отецъ его въ 1848 г. умеръ отъ холеры, мать съ 9-лѣтнимъ мальчикомъ пѣшкомъ отправилась въ Москву. Здѣсь она нанялась въ работницы за Москвой-рѣкой въ одной купеческой семьѣ, а сына отдала въ ученіе къ живописцу вывѣсокъ, у котораго онъ провелъ 9 лѣтъ ученичества. За это время С. самоучкой урывками въ свободные отъ работы вечера научился читать и писать и сталъ рисовать. 18 лѣтъ, когда кончился срокъ его ученія у живописца, С. поступилъ мастеромъ къ иконописцу, гдѣ пробылъ 8 лѣтъ. Въ это время, въ концѣ 50-хъ годовъ, стали появляться въ «Развлеченіи» первые его разсказы изъ замоскворѣцкаго купеческаго быта, который онъ имѣлъ возможность наблюдать въ теченіе десятка лѣтъ, проведеннаго за Москвой-рѣкой. Разсказы эти въ свое время имѣли большой успѣхъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря помощи одного профессора университета, у котораго въ услуженіи находилась позже его мать, С. получилъ, уже будучи въ 26-лѣтнемъ возрастѣ, нѣкоторую возможность пополнить свое скудное образованіе. Когда матеріальныя дѣла его нѣсколько улучшились, онъ въ 1872 г. завелъ типографію и сталъ хлопотать въ Петербургѣ о разрѣшеніи ему издавать юмористическій журналъ. Хлопоты эти однако успѣхомъ не увѣнчались, и С. купилъ издававшійся въ Петербургѣ, но не выходившій уже въ теченіе цѣлаго года юмористическій журналъ «Будильникъ», перенесъ его въ Москву и печаталъ въ своей типографіи. Онъ принималъ въ своемъ журналѣ дѣятельное участіе какъ по художественному, такъ и по литературному отдѣлу. Убытки по журналу заставили С. уступить въ 1875 г. право изданія «Будильника» г-жѣ Уткиной, причемъ онъ продолжалъ сотрудничать въ журналѣ. Въ началѣ 1876 г. С. былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму по обвиненію въ растратѣ денегъ, собранныхъ имъ въ пользу крестьянъ Самарской губ., пострадавшихъ отъ неурожая. Слухи объ этой растратѣ стали появляться въ нѣкоторыхъ газетахъ еще до его ареста. Однако черезъ нѣсколько недѣль С. за недоказанностью обвиненія былъ освобожденъ изъ тюрьмы, и дѣло о немъ прекращено. Подъ вліяніемъ тюремнаго заключенія и пережитаго униженія здоровье его сильно пошатнулось, и 18 іюня 1876 г. онъ умеръ. Разсказы его, помѣщавшіеся въ «Развле-

ченіи», вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: «Типы темнаго царства». Подписывался С. псевдонимомъ «Желѣзная Маска».

„Двѣ смерти", „Недѣля", 1876 г., №№ 44—45.—„Иллюстрированная Газета", 1876 г., № 47.—„Живописное Обозрѣніе", 1876 г., № 51.—В. С. Карповъ и М. Н. Мазаевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей", Спб., 1891 г., стр. 48.—В. И. Межовъ „Русская историческая библіографія за 1865—76 гг.", Спб., 1890 г., т. II, стр. 27, № 12,276; стр. 384, № 23964 и № 23965.

Суходольскій, *Дмитрій Петровичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ военнаго совѣта, происходилъ изъ дворянъ Калужской губ., родился 15 сентября 1812 г. Общее образованіе С. получилъ въ домѣ своихъ родителей. Въ 1827 г. поступилъ въ Жандармскій полкъ, въ рядахъ котораго принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и за отличіе при штурмѣ Варшавы въ 1831 г. былъ произведенъ въ прапорщики и награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью «За храбрость». Въ 1837 г. С. былъ зачисленъ въ постоянный кадръ Образцоваго кавалерійскаго полка, въ которомъ состоялъ до 1855 г., когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ 12-го гусарскаго Ахтырскаго принца Фридриха - Карла Прусскаго полка, начальникомъ котораго, сначала въ прежнемъ чинѣ, а съ августа 1856 г. въ чинѣ генералъ-маіора, онъ состоялъ до января 1861 г., когда получилъ новое повышеніе — помощникомъ начальника кавалерійской дивизіи. Состоя въ этомъ званіи сначала въ 3-й, потомъ въ 6-й и въ 1-й дивизіяхъ, онъ съ одной бригадой послѣдней изъ нихъ въ 1863 г. былъ командированъ въ Маріампольскій уѣздъ для преслѣдованія остатковъ польскихъ повстанцевъ, часть которыхъ онъ разбилъ у с. Чистая Буда. Послѣ подавленія польскаго возстанія С. служилъ военнымъ начальникомъ г. Ковны и его уѣзда, а съ 1866 г., произведенный въ генералъ-лейтенанты, состоялъ помощникомъ начальника 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ мартѣ 1871 г. С. былъ назначенъ представителемъ отъ кавалеріи въ комиссію о личной воинской повинности, въ которой засѣдалъ до іюня 1873 г., когда былъ опредѣленъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-инспекторѣ; наконецъ въ апрѣлѣ 1878 г. онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта и 16 февраля 1881 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи; умеръ 30 октября 1885 г. Имѣлъ всѣ россійскіе ордена до св. Александра Невскаго включительно. На всеподданѣйшемъ докладѣ военнаго министра о смерти С. Императоромъ Александромъ III написано: «Вѣдный старикъ, очень жаль его».

«Русскій Инвалидъ», 1885 г., № 245.—«Столѣтіе военнаго министерства», т. III. — Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 4, кн. 2.

Суходольскій, *Левъ Степановичъ*, педагогъ и писатель, родился въ 1826 г.; сынъ священника, воспитывался въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ духовной семинаріи; высшее образованіе получилъ въ Петербургской духовной академіи, курсъ которой окончилъ кандидатомъ въ 1845 г.; впослѣдствіи долгое время былъ преподавателемъ основного богословія, а одно время и инспекторомъ въ Уфимской духовной семинаріи, занимаясь въ то же время въ мѣстныхъ архивахъ главнымъ образомъ по вопросу о распространеніи христіанства въ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Плодомъ этихъ занятій явились слѣдующіе его печатные труды: «Взглядъ на первые слѣды христіанства въ предѣлахъ Оренбургскаго края» («Оренбургскія Губернскія Вѣдомости», 1858 г., №№ 20, 21, 24—26 и 35, и отдѣльно, Оренбургъ, 1859 г.); Распространеніе христіанства въ землѣ Уральскаго казачьяго войска въ XVIII в.» («Оренб. Губ. Вѣд.», 1859 г., №№ 1—4, 7, 8, 13, 15—17 и 31); «Краткія замѣчанія о прежде существовавшихъ монастыряхъ въ Оренбургскомъ краѣ и описаніе Уфимскаго Успенскаго собора» (тамъ же, 1860 г., №№ 38, 39, 44, 47 и 53); «Церковно-статистическое описаніе Оренбургской епархіи» (тамъ же, 1854, 1858, 1859 и 1863 гг.—главный трудъ); «Башкирская легенда о Тулякѣ» (тамъ же, 1858 г., № 46). Въ 1858 г. онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Русскаго географическаго общества. Умеръ С. 21 декабря 1882 г.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. 1, М., 1881 г.; 2-е изд., М., 1903 г.—Чистовичъ, «Исторія Петербургской духовной академіи», Спб., 1857, стр. 453.—А. Родосскій, «Біографическій словарь воспитанниковъ первыхъ 28 курсовъ Петербургской духовной академіи, 1814—1869 гг.», Спб., 1907 г., стр. 485—486.—«Уфимскія Епарх. Вѣдом.», 1880 г., № 23 (описаніе празднованія его 35-лѣтія на службѣ) и 1882 г., № 24 (некрологъ).—«Поученія преосвящ. Никанора» (Бровковича) (надгробное слово при погребеніи С.).

Сухозанетъ, *Иванъ Онуфріевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, братъ слѣдующаго, родился 11 іюля 1788 г.; происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи (отецъ его въ царствованіе Екатерины II переселился изъ Польши и поступилъ на русскую службу). Въ 1800 г. С. поступилъ на казенный коштъ въ инженерный (впослѣдствіи 2-й) кадетскій корпусъ изъ котораго въ августѣ 1803 г. вышелъ подпоручикомъ въ инженерный корпусъ, годъ спустя былъ переведенъ въ артиллерію и въ ея составѣ участвовалъ во всѣхъ войнахъ противъ Наполеона I. Боевое крещеніе получилъ въ сраженіи подъ Пултускомъ, затѣмъ, состоя въ авангардѣ, былъ въ дѣлахъ подъ Прейсишъ-Эйлау (контуженъ картечью въ лѣвый бокъ), Вольфсдорфомъ, Шарникомъ, Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ, Фридландомъ (смятъ непріятельскою кавалеріею и замертво вынесенъ съ поля сраженія), Тильзитомъ и др. За отличія С. былъ награжденъ двумя орденами и золотымъ знакомъ съ надписью «За труды и храбрость», произведенъ въ поручики, вмѣстѣ съ переводомъ въ гвардейскую артиллерію назначенъ адъютантомъ къ инспектору конной артиллеріи, ген.-маіору Яшвилю; затѣмъ въ 1811 г. повышенъ въ капитаны и въ концѣ того же года—въ подполковники. Вторженіе Наполеона въ Россію застало С. командиромъ конно-артиллерійской № 1 батареи, съ которою онъ вошелъ въ составъ отдѣльнаго корпуса Витгенштейна; подъ начальствомъ послѣдняго участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вилькомиромъ, Волынцами, Якубовымъ, при Клястицахъ; особенно отличился въ первой битвѣ подъ Полоцкомъ: въ рѣшительный моментъ перешелъ въ энергичную атаку и тѣмъ спасъ нашу резервную артиллерію (награжденъ Георгіемъ 4-й ст.). Во время преслѣдованія арміи Наполеона С. въ чинѣ полковника командовалъ артиллерійской бригадой. За сраженіе подъ Бауценомъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ войскъ, князѣ Яшвилѣ. Особенно выдающуюся роль сыгралъ С. въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, гдѣ въ критическую минуту успѣлъ развернуть всю русскую артиллерію (100 орудій) и огнемъ ея отразилъ рѣшительную атаку французской конницы. Со вступленіемъ союзныхъ войскъ на территорію Франціи С. получилъ въ командованіе резервную артиллерію главной арміи, а по взятіи Парижа и заключеніи мира назначенъ начальникомъ артиллеріи IV корпуса. Во вторичномъ походѣ за Рейнъ С. состоялъ начальникомъ штаба всей артиллеріи. Въ 1819 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи гвардейскаго корпуса и ближайшее послѣ этого время посвятилъ улучшенію разныхъ сторонъ этой части, главнымъ образомъ—поднятію дисциплины, въ чемъ и достигъ цѣли. Извѣстно, что въ день 14 декабря 1825 г. гвардейская артиллерія не обнаружила никакого колебанія и, во главѣ съ С., сразу и опредѣленно стала на сторону Императора. Она и сыграла рѣшающую роль въ подавленіи возстанія, разогнавъ картечью его участниковъ. Признательность свою за рѣшительныя дѣйствія С. въ событіяхъ 14 декабря государь выказалъ уже на слѣдующій день, пожаловавъ его въ генералъ-адъютанты, а затѣмъ и впослѣдствіи относился къ нему очень милостиво, неоднократно жалуя его и защищая отъ нападокъ его противниковъ. Въ первую половину турецкой войны 1828—1829 гг. С., уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта (съ 1826 г.), былъ сначала начальникомъ штаба осадныхъ войскъ подъ Браиловымъ и за отличія въ сраженіяхъ при этой осадѣ награжденъ Георгіемъ 3-й ст., потомъ подъ Шумлой начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, командуя вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльнымъ отрядомъ, во главѣ котораго разбилъ турецкую часть при Гаджи-Гассанъ-Ляръ; въ 1829 г. командовалъ 16-ю пѣхотною дивизіею, перешелъ съ нею Балканы, по ущельямъ преслѣдуя непріятеля, а затѣмъ съ 8 баталіонами ходилъ въ г. Демотику для усмиренія мятежа. Въ польской кампаніи 1830 г. онъ

занималъ должность начальника артиллеріи всей боевой арміи, но пробылъ въ ней недолго: почти въ самомъ началѣ похода, въ сраженіи подъ Прагой, ядромъ ему оторвало ногу, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ оставить театръ военныхъ дѣйствій и на нѣкоторое время отправиться для леченія за границу (въ Пруссію). Этимъ кончается первый періодъ его службы—боевой періодъ.

По возвращеніи С. изъ-за границы начинается періодъ его административно-учебной дѣятельности. Назначенный въ 1831 г. главноуправляющимъ артиллерійскимъ училищемъ, онъ быстро повышается по военно-учебному вѣдомству, такъ что два года спустя стоитъ во главѣ почти всѣхъ военныхъ училищъ: съ 28 декабря 1831 г.—предсѣдатель артиллерійскаго комитета; съ 11 января 1832 г.—директоръ военной академіи и членъ военно-учебнаго комитета; съ 5 февраля того же года—главноуправляющій главнымъ инженернымъ училищемъ; съ 24 іюня 1833 г.—членъ военнаго совѣта; съ 4 сентября того же года—главный директоръ Пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ корпусовъ и Дворянскаго полка; съ конца того же сентября—членъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ должностей впослѣдствіи были съ него сложены, но военной академіей онъ управлялъ болѣе 20 лѣтъ, вплоть до 1854 г., когда она была преобразована. Въ томъ видѣ, какой академія имѣла въ царствованіе Николая I, съ немногими достоинствами и обильными недостатками, она была вполнѣ дѣтищемъ С. Она была имъ организована съ начала до конца, имъ лично избраны всѣ преподаватели и весь штатъ, установлены главныя положенія ея внутренняго быта, и даже программы изложенія предметовъ почти до мельчайшихъ деталей разработаны имъ же. Главнымъ основаніемъ, на которомъ базировался весь строй академіи, была дисциплина въ духѣ своего времени, т. е. послушаніе безъ всякихъ условій—безъ возраженій, безъ изложенія своего мнѣнія и въ репрессивныхъ случаяхъ даже безъ оправданія. Эта особо понятая своеобразная дисциплина, вообще характерная для той эпохи, въ С. нашла своего крайняго выразителя и проводника въ жизнь, и недаромъ его имя стало нарицательнымъ и донынѣ еще употребляется въ публицистикѣ какъ выраженіе и символъ начала «не смѣть свое сужденіе имѣть». На этомъ принципѣ и былъ положенъ С. весь строй академіи. Онъ былъ ея полнымъ хозяиномъ. «Конференція,—говоритъ историкъ академіи Глиноецкій,—сдѣлалась въ то время вполнѣ безгласною; журналы ея засѣданій не представляютъ ничего, что служило бы хоть намекомъ на какую-либо съ ея стороны иниціативу; она только и занимается утвержденіемъ списка книгъ, пріобрѣтаемыхъ для академической библіотеки, да разборомъ результатовъ экзаменовъ. Совѣтъ академіи также всецѣло заслонялся личностью Сухозанета, который вносилъ предложенія только для формы». Первый вице-директоръ академіи баронъ Зедделеръ, стремившійся поднять значеніе конференціи и внести духъ прогресса въ преподаваніи, по донесенію С. военному министру былъ отставленъ отъ должности какъ «потрясающій основанія службы и подчиненности». Жизнь въ академіи напоминала военный лагерь, до того въ ней дисциплина преобладала надъ всѣмъ прочимъ. При малѣйшемъ проступкѣ офицера начальство должно было употреблять карательныя мѣры, не принимая никакихъ объясненій, не вдаваясь въ разговоры. «Объясняться съ ними (офицерами)! — воскликнулъ разъ С.—Да ежели я узнаю причину проступка офицера, то значитъ я уже дѣлаю снисхожденіе, тогда я становлюсь болѣе отцомъ, нежели начальникомъ. Вотъ настоящій смыслъ военной дисциплины!» Подъ проступками понимались зачастую такія явленія, которыя не всегда ставятся въ вину ученикамъ младшаго возраста. Опозданіе на лекцію или невниманіе въ аудиторіи относились уже къ разряду серьезныхъ нарушеній, караемыхъ арестомъ; ходить рядомъ съ юнкеромъ запрещалось офицеру подъ угрозой двухсуточнаго ареста; за держаніе рукъ въ карманахъ шароваръ слѣдовалъ выговоръ провинившемуся предъ собраніемъ всѣхъ офицеровъ и администраціи академіи. О постановкѣ научной стороны въ академіи можно судить по любимымъ словамъ ея начальника, употребляемымъ имъ даже въ приказахъ: «Безъ науки побѣждать можно, но безъ дисциплины—никогда». Наука въ военномъ дѣлѣ, по убѣжденію С., есть нѣчто третьестепенное, «не болѣе какъ

пуговица къ мундиру; мундиръ безъ пуговицы нельзя надѣть, но пуговица еще не составляетъ всего мундира». При такихъ условіяхъ понятно, что желающихъ поступить въ академію офицеровъ находилось не много и число ихъ убывало съ каждымъ годомъ. Въ 1851 г., напр., изъ нея было выпущено лишь 12 человѣкъ, а къ пріему явилось всего 10 человѣкъ, и это несмотря на то, что академія давала широкія служебныя привилегіи. Только съ началомъ новыхъ вѣяній было обращено вниманіе на постановку учебнаго дѣла въ академіи и на малочисленность въ ней студентовъ-офицеровъ. Была наряжена особая комиссія, которая объясненія С. о некомплектѣ учащихся признала недостаточными; и въ 1854 г. онъ былъ отставленъ отъ директорствованія, будучи зачисленъ съ чиномъ генерала-отъ-артиллеріи по гвардейской конной артиллеріи. Скончался С. въ 1861 г. отъ нервнаго удара. Онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до Андрея Первозваннаго включительно, а изъ иностранныхъ— прусскій «Pour le mérite» и австрійскій Маріи Терезіи. Въ «Русской Старинѣ» 1873 г. напечатаны (т. VII) его воспоминанія подъ заглавіемъ «14 дек. 1825 года».

Архивъ канцеляріи военнаго министерства, д. 1837 г., № 37.—Въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба формулярные списки за 1849 г., кн. 13481 и 1852 г., кн. 15074, списокъ 15; прохожденіе службы отъ 1845 г., кн. I, стр. 96.—Въ Моск. отдѣленіи Общаго архива Главнаго штаба: формул. списокъ за 1853 г., № 15600.—Глиноецкій, „Историческій очеркъ Николаевской академіи главнаго штаба“.—Н. М. Затворницкій, „Столѣтіе военнаго министерства. Память о членахъ военнаго совѣта“, Спб., 1907 г., стр. 141—148.—Д. Мамышевъ, „Георгіевскіе кавалеры“, вып. 5 и 6.—П. С. Лебедевъ, „Послѣдняя польская смута“, „Русская Старина“, 1874 г., т. XI и XII.—Поправка къ этой статьѣ: „О рѣчи генерала Веселитскаго на праздникѣ въ честь Сухозанета“, сообщ. А. Ганъ, тамъ же, 1874 г., т. XI, стр. 377—378.—„Русская Старина“, т. 37, стр. 172, 253—338, 349, 354, 410—427, 631—637, 638, 703—711; т. 39, стр. 601, 609.—Высочайшіе рескрипты въ „Русск. Инвалидѣ“, 1844 г., №№ 70 и 273; 1846 г., № 14; 1848 г., № 82.—„Изъ недавняго прошлаго; приказы по военной академіи И. О. Сухозанета“, „Русскій Архивъ“, 1875 г., т. I, стр. 219 и дал.—Шильдеръ, „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, Спб., 1905 г., стр. 170.—Некрологи: „Русскій Инвалидъ“, 1861 г., № 40; „Военный Сборникъ“, 1861 г., № 3; „Артиллер. Журналъ“, 1861 г., № 3.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 360.

Н. С.

Сухозанетъ, *Николай Онуфріевичъ*, военный министръ, изъ дворянъ Витебской губерніи, родился въ 1794 г. и по окончаніи домашняго образованія поступилъ въ 1811 г. юнкеромъ въ конно-артиллерійскую № 1 роту и въ томъ же году произведенъ въ офицеры. Съ вступленіемъ роты въ походъ передъ началомъ Отечественной войны началась боевая служба С., продолжавшаяся три года, причемъ онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій: при Клястицахъ, на р. Сивошинѣ, при мызѣ Соколицахъ, мызѣ Свольнѣ, Полоцкѣ, Чашникахъ, Витебскѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и наконецъ Парижѣ; чины подпоручика и поручика, ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й степени несомнѣнно указываютъ на выдающуюся дѣятельность молодого офицера. По окончаніи войнъ съ Наполеономъ С. былъ переведенъ въ гвардейскую артиллерію съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику артиллеріи первой арміи князю Яшвилю и въ этой должности оставался до полученія въ командованіе въ чинѣ капитана (1819 г.) конно-артиллерійской № 19 роты; ротой онъ командовалъ лишь одинъ годъ и былъ назначенъ при производствѣ въ полковники начальникомъ артиллеріи 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а въ 1824, г. — начальникомъ штаба артиллеріи первой арміи и на этой должности произведенъ въ генералъ-маіоры.

Съ началомъ Польскаго возстанія 1831 г. С. занялъ постъ начальника штаба артиллеріи дѣйствующей арміи и за отличіе въ сраженіи подъ Остроленкой награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Въ 1836—1849 гг. занималъ должность командира 4-й артиллерійской дивизіи, а въ послѣднемъ году былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи и оставался въ этомъ званіи до сраженія на р. Черной (4 августа 1855 г.) во время Восточной войны, послѣ котораго ему былъ ввѣренъ 3-й корпусъ, а въ слѣдующемъ году— Южная армія. Арміей С. командовалъ съ января до 17 апрѣля, когда, за уходомъ кн. Долгорукова, Императоръ Александръ II избралъ его на постъ военнаго министра. По вступленіи въ должность министра С. отдалъ слѣдующій характерный приказъ, который велѣно было прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ, а также во всѣхъ управленіяхъ и учрежденіяхъ

военнаго министерства: «По Высочайшему приказу... вступая въ отправленіе обязанностей, Всемилостивѣйше на меня возложенныхъ, призвавъ въ помощь Бога, потщусь употребить всѣ силы для исполненія долга службы по присягѣ; я надѣюсь найти во всѣхъ и въ каждомъ содѣйствіе и рвеніе къ пользамъ Его Императорскаго Величества. Ура! Боже, Царя храни!»

Въ 1861 г. С. былъ назначенъ (16 мая) временно-командующимъ первою арміею съ оставленіемъ въ званіи военнаго министра и дважды (съ 16 мая по 1 августа и съ 11 по 27 октября) за болѣзнью кн. Горчакова исполнялъ обязанности намѣстника Царства Польскаго, управленіе же министерствомъ было возлагаемо на ген.-адъютанта Д. А. Милютина; разстроенное здоровье С. было причиной, что 6 августа онъ былъ уволенъ отъ командованія арміею, а 9 ноября — отъ должности военнаго министра съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, причемъ увольненіе сопровождалось пожалованіемъ портрета, алмазами украшеннаго, и милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Въ продолженіе пятилѣтняго управленія вашего военнымъ министерствомъ, достигнуты, по Моимъ указаніямъ, весьма важные результаты: съ приведеніемъ войскъ въ мирное положеніе, образованъ резервъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ, давшій возможность отдалить на нѣсколько лѣтъ рекрутскіе наборы; бывшія военныя поселенія и округа пахотныхъ солдатъ получили гражданское устройство; стрѣлковому образованію и вооруженію войскъ дано обширное развитіе; увеличено содержаніе генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, учреждена эмеритальная касса для назначенія прибавочныхъ пенсій имъ по выходѣ въ отставку, а послѣ смерти—ихъ семействамъ; улучшено довольствіе военно-служащихъ нижнихъ чиновъ, дарованы имъ разныя права и сокращены сроки службы; дѣти нижнихъ чиновъ обращены въ гражданское вѣдомство съ упраздненіемъ вовсе военныхъ кантонистовъ, пересмотрѣнъ и отпечатанъ вторымъ изданіемъ сводъ военныхъ постановленій»...

Въ слѣдующемъ году С. былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета по разсмотрѣнію проекта сенатора А. Х. Капгера «Положенія о взысканіяхъ по правиламъ военной дисциплины». Эта работа послужила основаніемъ для изданнаго впервые дисциплинарнаго устава. Скончался С. 22 іюля 1871 г.

При назначеніи С. военнымъ министромъ Императоръ Александръ II поставилъ ему двѣ задачи: 1) сокращеніе расходовъ на содержаніе арміи и 2) преобразованіе военныхъ силъ на новыхъ началахъ, согласно требованіямъ времени и опыта войны. За пять лѣтъ управленія военнымъ министерствомъ С. удѣлялъ много вниманія первой изъ задачъ и почти не коснулся второй; всѣ его преобразованія затронули центральное, строевое и мѣстныя военныя управленія, выразившись въ общемъ въ слѣдующемъ: 1) упраздненіе военныхъ поселеній, начатое С. по личной иниціативѣ, доведено имъ до конца; вся разработка вопроса была произведена имъ самимъ, и въ результатѣ 21 сентября 1856 г. состоялся указъ сенату о передачѣ округовъ пахотныхъ солдатъ въ Новгородской, Витебской и Могилевской губерніяхъ въ вѣдѣніе министерства удѣловъ; одновременно особымъ комитетомъ были выработаны основанія для упраздненія военныхъ поселеній кавалеріи, положеніе о которыхъ Высочайше утверждено 4 іюня 1857 г.; 2) согласно запискѣ гр. Ридигера былъ разсмотрѣнъ вопросъ объ упраздненіи военныхъ кантонистовъ, благодаря чему 378.000 человѣкъ обращены въ свободное податное сословіе; 3) упраздненъ департаментъ военныхъ поселеній; 4) преобразованъ медицинскій департаментъ съ присоединеніемъ къ нему департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій; 5) образована военно-кодификаціонная комиссія, на которую возложенъ пересмотръ законоположеній, а также поручено составленіе продолженій къ своду военныхъ постановленій; 6) упразднены званія главнокомандующихъ 2-й арміей, а также гвардейскимъ и гренадерскими корпусами; 7) Кавказскій корпусъ преобразованъ въ Кавказскую армію; 8) упразднены бригадныя управленія въ пѣхотѣ и кавалеріи; 9) сокращено число комиссаріатскихъ комиссій; 10) число артиллерійскихъ округовъ уменьшено съ 12 до 9; 11) преобразованы мѣстныя управленія на Кавказѣ; 12) сокращенъ срокъ обязательной службы въ войскахъ съ 25 на 15 лѣтъ; 13) отмѣнена отдача въ солдаты въ видѣ наказанія за преступленія; 14) увеличено содержаніе генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ всей арміи; 15) образована эмери-

тальная касса; 16) основанъ журналъ «Военный Сборникъ».

Архивъ канцеляріи военнаго министерства, д. № 59, 1856 г. и д. № 34, 1864 г. (назначенія военнымъ министромъ и временнымъ намѣстникомъ Царства Польскаго).—„Военный Сборникъ“, 1866 г., № 9 („Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“) и 1873 г. (Отчетъ по Государственному Совѣту за 1871 г.).—Н. А. Даниловъ, „Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи“.—Затворницкій, „Столѣтіе военнаго министерства. Память о членахъ Военнаго Совѣта“.—А. Л. Зиссерманъ, „Фельдмаршалъ князь Барятинскій; переписка его съ Н. О. Сухозанетомъ“, „Русскій Архивъ“, 1888 г., т. Ш.—Московское отдѣленіе Общаго архива Главнаго штаба: формулярный списокъ 1856 г., св. 128, № 148.—„Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1860—1861 г.г.“, „Русская Старина“, 1869 г., т. 62.—„Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1861 г. Пѣсня-шутка“, тамъ же, 1869 г., т. 62.—„Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ и Императоръ Николай I“, тамъ же, 1890 г., т. 65.—Н. А. Обнинскій, „Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 г.г.“, „Русскій Архивъ“, 1891 г., т. Ш.—Общій архивъ Главнаго штаба: формулярный списокъ: 1854 г., № 16262; 1859 г., лит. А, сп. 21; 1864 г., кн. 1010; прохожденіе службы: 1845 г., кн. I, II, и Ш.—„Русскій Инвалидъ“, 1861 г., № 249 (Высочайшій рескриптъ) и 1871 г., №№ 169 и 174 (некрологъ).—„Иллюстриров. Газета“, 1871 г. № 30, (некрологъ).

М. П.

Сухомлиновъ, *Иванъ Ивановичъ*, докторъ химіи, ординарный профессоръ Харьковскаго университета, родился въ 1792 г. въ Харьковѣ. Среднее образованіе получилъ въ Харьковской гимназіи. Въ 1811 г. поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ, на физико-математическій факультетъ, курсъ котораго окончилъ въ 1814 г. кандидатомъ; въ 1851 г. отправленъ былъ въ Дерптскій университетъ для усовершенствованія въ химіи, но тамъ, кромѣ этого предмета, сталъ заниматься также изученіемъ исторіи литературы и философіи и въ 1816 г. былъ удостоенъ дипломовъ магистра изящныхъ наукъ и доктора философіи. По возвращеніи въ Харьковъ онъ былъ избранъ совѣтомъ университета въ лекторы химіи. Въ 1817 г. защищалъ диссертацію на тему: «De natura Halogenii», послѣ чего получилъ званіе доктора химіи и адъюнктъ-профессора. Позже былъ назначенъ экстраординарнымъ, а затѣмъ и ординарнымъ профессоромъ. Въ его вѣдѣніи находилась химическая лабораторія, а временно также и минералогическій кабинетъ, учебный матеріалъ котораго трудами С. былъ систематизированъ и приведенъ въ порядокъ. Съ 1830 г. С. ежегодно назначался деканомъ физико-математическаго факультета. Кромѣ химіи онъ преподавалъ временами также стехіометрію, минералогію, сельское хозяйство и технологію. Въ своемъ «Опытѣ исторіи Харьковскаго университета» проф. Д. И. Багалѣй характеризуетъ преподавательскую дѣятельность С. слѣдующими словами: «Ординарный профессоръ Сухомлиновъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ ученый, основательно изучившій предметъ своей спеціальности и другія науки, относящіяся къ естествознанію. Но преподаваніе его мало приносило пользы студентамъ. Никогда не упражнялъ онъ ихъ на практикѣ въ химическомъ анализѣ, и въ продолженіе всего курса слушатели не видѣли ни одного опыта. Не знали даже—была ли лабораторія въ университетѣ; но если она и существовала, то въ ней работалъ одинъ только профессоръ, и никто изъ студентовъ туда не заглядывалъ». С. читалъ лекціи въ Харьковскомъ университетѣ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 г. Кромѣ диссертаціи напечатана еще актовая рѣчь С.: «De iis, quae in processu chemico agunt». Нѣсколько ненапечатанныхъ работъ С. сохранились въ рукописномъ видѣ въ архивѣ Харьковскаго университета: «Expositio doctrinae de fixis et determinatis proportionalis in unibus corporum chemicis» (диссертація на должность экстраординарнаго профессора), «Tentamen theoriae chemicae generalis hodierno chemicae statui accommodatae» (представлена передъ баллотировкой въ ординарные профессора) и рукописный курсъ химіи, которымъ С. руководился при чтеніи своихъ лекцій.

Проф. Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, Спб., 1904 г., томъ II, стр. 147, 327, 335, 360, 370, 451, 452, 464, 465, 498, 502, 579, 588, 592, 619, 714, 730, 741, 746, 860, 932.

Сухонинъ (болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ **Шардинъ**), *Петръ Петровичъ*, беллетристъ и писатель по финансамъ, родился въ 1821 г., умеръ 28 іюня 1884 г. въ Стрѣльнѣ, происходилъ изъ дворянъ Солигаличскаго уѣзда, Костромской губ. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго въ 1838 г. былъ произведенъ въ мичманы

плавалъ сначала въ Балтійскомъ морѣ, затѣмъ назначенъ былъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ подъ командой адмирала Лазарева прошелъ хорошую морскую службу. Въ 1839 г., состоя на фрегатѣ «Штандартъ», принималъ участіе въ занятіи мѣстечка Субаши; въ 1841 г. изъ Черноморскаго флота перевелся въ Балтійскій, въ которомъ находился до 1848 г., когда въ чинѣ лейтенанта былъ уволенъ изъ морской службы и опредѣленъ къ «статскимъ дѣламъ». Впослѣдствіи служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, по лѣсному вѣдомству, а также по министерству финансовъ, гдѣ былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, а съ 1862 г.—начальникомъ петербургскаго табачнаго акциза, въ контролѣ котораго онъ ввелъ много улучшеній. Страсть къ карточной игрѣ создала ему рядъ непріятностей по службѣ, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку и заняться исключительно литературнымъ трудомъ. Одно изъ первыхъ его произведеній — «Александръ Семеновичъ Шишковъ въ его литературной дѣятельности», появилось еще въ 1851 г., когда онъ находился на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и было напечатано въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» (1851 г., ч. LXIX, кн. 1). Въ 1854 г. С. напечаталъ «Русскую свадьбу въ исходѣ XVI в.—драматическое представленіе изъ частной жизни нашихъ предковъ» (Спб., 2-е изд. 1884 г.). Эта обстановочная пьеса была поставлена на Александринскомъ театрѣ и имѣла небывалый успѣхъ; пользуясь такимъ же успѣхомъ и на провинціальной сценѣ, особенно же на народныхъ театрахъ, она создала С. широкую популярность. Остальныя двѣ его пьесы—«Русскіе хороводы» (Спб., 1855) и «Андрей Яковлевичъ Щелкаловъ, государственный дьякъ и печатникъ» (Спб., 1868), хотя и выдержаны въ томъ же обстановочномъ стилѣ, какъ и «Русская свадьба», но ни по литературнымъ достоинствамъ, ни по успѣху на сценѣ сравниться съ ней не могли. С. принадлежитъ также рядъ историческихъ романовъ: «Княжна Владимірская (Тараканова) или Зацѣпинскіе капиталы» («Русская Рѣчь», 1881 г., № 3—5 и 7—12; отд. Спб., 1883 г., 2-е изд. 1885 г.), «На рубежѣ» (тамъ же, 1882 г., № 3—12), «Родъ князей Зацѣпиныхъ или борьба началъ» (тамъ же, 1880 г., № 5—12; отд. Спб., 1883 и 1884 г.), «На рубежѣ двухъ столѣтій» («Вѣкъ», 1883 г., № 1—12; отд., посмертн. изд., Спб., 1886 г.); затѣмъ имъ напечатаны романъ изъ современной жизни «Спекуляторы» («Библіотека для Чтенія», 1847 г., № 8—11) и нѣсколько повѣстей на историческіе и современные сюжеты: «Вѣрочка» («Отечеств. Записки», 1849 г., № 2—3), «Ѳедоръ Васильевичъ» («Сынъ Отеч.», 1856 г., № 1), «Актриса Уранова-Сандунова» («Колосья», 1884 г., № 1), «Неудавшаяся королева» (тамъ же, 1884 г., № 5), «Пропала собачка» (истор. этюдъ—тамъ же, 1884 г., № 6). Незадолго до смерти С. вышелъ въ свѣтъ сборникъ его «Историческихъ разсказовъ» (Спб., 1884 г.), а по кончинѣ были напечатаны его «Листки изъ далекаго прошлаго—наброски и воспоминанія» («Колосья», 1885 г., № 5) и В. Лепетихинымъ изданы «Повѣсти и разсказы А. Шардина» (Спб., 1888 г.). Въ свое время эти произведенія С. пользовались извѣстнымъ успѣхомъ, особенно среди молодежи, но въ смыслѣ глубины не представляютъ чего-либо выдающагося и нерѣдко грѣшатъ въ соблюденіи исторической перспективы. С. написалъ довольно много также по различнымъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Въ этой области ему принадлежатъ слѣдующія работы: «Обозрѣніе монетныхъ системъ» («Якорь», 1864, № 42), «По поводу книги А. Шипова—О средствахъ къ устраненію нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій» («Ежемѣс. Прибавл. къ Бирж. Вѣд.», 1866, № 1), «О серебряной и золотой монетѣ» (Спб., 1866 г.), «Происхожденіе ассигнацій» («Всемірный Трудъ», 1868 г., № 6), «Объ ассигнаціонномъ обращеніи» (тамъ же, 1868 г., № 12), «Проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ» («Дѣло», 1872 г., № 9), «О невозможности переустройство Маріинской системы замѣнить устройствомъ Тихвинской» (Спб., 1875 г.), «О способахъ переустройства Маріинской системы» (Спб., 1875 г.), «О порядкахъ разсмотрѣнія предложеній по переустройству Маріинской системы» (Спб., 1876 г.), «О различныхъ проектахъ переустройства Маріинской системы» (Спб., 1877 г.), «Банковое дѣло въ Россіи» («Русская Рѣчь», 1879 г., № 11—12), «О соляномъ налогѣ» (тамъ же, 1880 г., № 5).

Въ «Иллюстрированномъ Листкѣ», издававшемся подъ редакціей В. Р. Зотова, С. долгое время велъ особый постоянный отдѣлъ подъ названіемъ «Денежный фельетонъ».

А. Вольфъ, „Хроника Петербургскихъ театровъ“, ч. I, Спб., 1877 г., стр. 157.—„Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“, изъ воспоминаній В. Р. Зотова (въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1890, № 6, стр. 552—553).—„Общій морской списокъ“, ч. XI, Спб., 1900 г., стр. 665—666.—Д. Д. Языковъ, „Писатели, умершіе въ 1884 г.“ (въ книгѣ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писателей“, вып. 4, Спб., 1888 г., стр. 88—89; вып. 5, Спб., 1889, стр. 15; добавл. къ 6 вып., стр. 7).—„Историч. Вѣсти.“, 1884 г., № 8, стр. 467.—„Афиши и Объявленія“, 1884 г., № 411.—„Газета Гатцука“, 1884 г., № 26.—Самого Сухотина „Листки изъ далекаго прошлаго—наброски и воспоминанія“, „Колосья“, 1885 г., № 5.

Сухоруковъ, *Василій Дмитріевичъ*, родился въ 1795 г., происходилъ изъ обѣръ-офицерскихъ дѣтей. Среднее образованіе получилъ въ Новочеркасской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1812 г., затѣмъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. По окончаніи въ 1815 г. университетскаго курса С. былъ зачисленъ въ войсковую канцелярію Донской области, въ 1816 г. произведенъ въ хорунжіе и до 1821 г. служилъ въ разныхъ войсковыхъ учрежденіяхъ. Когда при комитетѣ объ устройствѣ Войска Донского послѣ назначенія предсѣдателемъ его гр. И. Чернышева, возникла мысль составить исторію донскихъ казаковъ, то С. поручено было собираніе матеріаловъ и составленіе какъ историческаго, такъ и статистическаго описанія земли Войска Донского. Исполняя это порученіе, онъ въ 1821 г. объѣхалъ всѣ станицы Хоперскаго, Донецкаго, Усть-Медвѣдицкаго, 2-го Донского и отчасти 1-го Донского округовъ, а также разсмотрѣлъ архивъ бывшей крѣпости Новохоперска. Въ январѣ 1822 г. С. вмѣстѣ съ Чернышевымъ поѣхалъ въ Петербургъ для представленія своихъ работъ. Здѣсь на него возложено было исполненіе порученій по собственной канцеляріи Чернышева. Въ томъ же году его зачислили въ лейбъ-Казачій полкъ съ производствомъ въ корнеты, а въ 1823 г. онъ произведенъ былъ въ поручики. Въ работахъ С. помогалъ П. М. Строевъ, который приглашенъ былъ для разработки матеріала по исторіи донскихъ казаковъ, хранившагося въ Московскомъ архивѣ иностранной коллегіи. Въ 1825 г. у С. произошли недоразумѣнія съ гр. Чернышевымъ, результатомъ которыхъ была командировка его на Донъ въ распоряженіе предсѣдателя комиссіи для размежеванія земель (генералъ-маіора Богдановича) и для окончанія историческаго и статистическаго описанія земли Войска Донского. Тамъ С. принималъ также участіе въ составленіи «Положенія объ управленіи Войскомъ Донскимъ». Въ 1827 г. онъ командированъ былъ на Кавказъ сотникомъ, причемъ составленіе исторіи донскихъ казаковъ изъято было изъ его вѣдѣнія и передано другимъ лицамъ. Труды С. послужили главнымъ матеріаломъ для изданія уже послѣ его смерти «Историческаго и статистическаго описанія земли Войска Донского» (Новочеркасскъ, 1869 г.; изд. 2-е, 1903). Также на основаніи работъ С. составлена была В. Броневскимъ въ 1835 году «Исторія Войска Донского». Во время пребыванія своего на Кавказѣ С. отличился въ войнѣ съ Персіей и Турціей. Въ 1830 г. его, по распоряженію графа Чернышева, тогда уже военнаго министра, перевели въ Финляндію, но черезъ годъ онъ уволенъ былъ на Донъ. Въ 1834 г. С. снова былъ опредѣленъ на Кавказъ, а въ 1839 г. уволенъ въ отставку и поселился въ Новочеркасскѣ. Собранные матеріалы самъ С. использовалъ только для статьи «Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ», помѣщенной въ «Русской Старинѣ» А. Корниловича за 1825 г. Большой популярностью въ области Войска Донского онъ пользовался благодаря стихотворенію «Отвѣтъ Дона», написанному имъ въ отвѣтъ на стихи графини Растопчиной «Къ Дону». Стихотвореніе это первоначально распространено было въ рукописномъ видѣ и впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» за 1871 г. (т. 3, № 2, стр. 238). Уже послѣ смерти С., послѣдовавшей въ Новочеркасскѣ 13 августа 1841 г., напечатаны были двѣ его статьи: «Записки о достопримѣчательностяхъ въ Донской области» («Донскія Войсковыя Вѣдомости», 1865 г., № 34 и 35) и «Критическій разборъ Исторіи Войска Донского» Вл. Броневскаго» («Донской Вѣстникъ», 1867 г., №№ 27 – 29).

„Сборникъ Областного Войска Донского статистическаго комитета“, вып. I, Новочер-

кассъ, 1901 г., стр. 5, 9, 12, 13—47.—Предисловіе къ „Историческому и статистическому описанію земли Войска Донского“, Новочерк., 1903 г., 2-е изд., стр. 2—5, II—VII.—Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды П. М. Строева“, Спб., 1878 г., стр. 78, 79, 82, 95 и 110. — „Русская Старина“, 1871 г., т. 3, № 2, стр. 236—240.—„Донской Вѣстникъ“, 1869 г., № 20.—„Систематическая роспись содержанія „Русской Старины“ за 1870—1884 гг.“, Спб., 1885 г., стр. 175, № 2126.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб., 1882 г., т. II, стр. 384, № 23967; т. V, стр. 281, № 52052.

Сухотинъ, *Антонъ*, капитанъ-командоръ, родился въ 1722 г.; воспитывался въ тогдашней морской академіи, въ которую поступилъ въ 1723 г. Между 1745—1752 гг. С. каждое лѣто участвовалъ въ кампаніяхъ по Балтійскому морю, совершалъ и болѣе значительныя плаванія, сдѣлавъ въ томъ числѣ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Произведенный въ 1751 г. въ мичманы, онъ былъ опредѣленъ къ экипажескимъ магазинамъ, при которыхъ состоялъ до 1754 г., когда, будучи повышенъ въ чинъ унтеръ-лейтенанта, вновь перешелъ въ строевой флотъ и на небольшой пинкѣ «Кола» совершилъ отважный для такого судна новый переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ. Возвратившись въ Петербургъ, С. нѣкоторое время состоялъ при морскомъ шляхетномъ корпусѣ, въ 1757 г. былъ произведенъ въ корабельные секретари и лѣтомъ этого года плавалъ къ Мемелю, въ 1758 г., уже въ чинѣ лейтенанта, на различныхъ судахъ крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ, между 1761—1764 гг. на ввѣренномъ его командѣ пакетботѣ «Соколъ» ежелѣтно совершалъ переходы къ сѣверно-прусскимъ берегамъ, чаще всего въ Данцигъ и Любекъ, въ 1765 г. былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ пинки «Новая Двинка», а 1 января 1766 г. по прошенію былъ уволенъ со службы въ чинѣ капитана 2-го ранга. Однако уже въ 1768 г. снова находимъ его на морской службѣ, въ прежнемъ чинѣ капитанъ-лейтенанта и командиромъ фрегата «Св. Феодоръ». Второй періодъ его службы въ составѣ Балтійскаго флота продолжался 8 лѣтъ, въ теченіе которыхъ С. былъ послѣдовательно повышаемъ въ капитаны 2-го, затѣмъ 1-го ранга, а въ 1776 г. былъ вновь уволенъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-командора. Годъ смерти С. не извѣстенъ.

„Общій морской списокъ“, ч. II, Спб. 1885 г. стр. 412 — 413. — „Матеріалы для исторіи русскаго флота“, ч. X, Спб. 1883 г., стр. 162, 456, 605; ч. XI, Спб. 1886 г., стр. 139, 194, 247, 331.—„Штатъ морскому шляхетному корпусу по 600-му числу кадетовъ“, Спб. 1792 г.—Ив. Голенищевъ-Кутузовъ, „Собраніе списковъ, содержащее имена всѣхъ служившихъ въ русскомъ флотѣ“, Спб., 1764 г.

Сухотинъ, *Василій Ѳедоровичъ*, мичманъ русскаго флота, герой морской войны 1808 г. со шведами, родился въ 1784 г.; воспитаніе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1801 г. былъ произведенъ въ первый флотскій офицерскій чинъ. Во время Финляндской войны 1808 г. С., въ чинѣ мичмана, командовалъ гемаломъ «Сторо-Біоркъ» и съ нимъ въ составѣ отряда гребной флотиліи капитанъ-лейтенанта Новокшенова стоялъ въ Юнгферзундѣ—въ финляндскихъ шхерахъ. Ночью съ 6 на 7 августа 1808 г. шведы, воспользовавшись густымъ туманомъ, подошли вплотную къ судну С. и абордировали его. Нападеніе было неожиданнымъ, и С., выбѣжавшій на палубу, оказался одинокимъ среди толпы непріятелей. Въ первую же минуту онъ получилъ тяжелый сабельный ударъ и былъ окруженъ нападавшими. Отчаянно защищаясь, С. сталъ отступать, стараясь попасть въ нижнюю палубу, гдѣ могъ разсчитывать на поддержку находившагося тамъ экипажа. Несмотря на полученную вторую, еще болѣе тяжелую рану, нанесенную кинжаломъ, ему все же удалось пробраться къ своей каютѣ. Въ этотъ моментъ онъ, повидимому, вспомнилъ, что въ каютѣ находятся секретныя сигнальныя книги, которыя, доставшись непріятелю, дали бы ему ключъ къ пониманію русскихъ сигналовъ. Въ одно мгновеніе С. былъ въ каютѣ, а слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ шведы очутились передъ запертой дверью. Требованіе съ ихъ стороны открыть двери, затѣмъ угрозы и наконецъ выстрѣлы остались безъ отвѣта. За это время С., изнемогавшій отъ ранъ и истекавшій кровью, собравъ послѣднія силы, старался уничтожить книги: онъ ихъ раздиралъ, рубилъ кортикомъ, рвалъ зубами и, не имѣя силы привести всѣ клочки въ совершенно негодное состояніе, собралъ

ихъ и спряталъ на груди подъ платьемъ. Взломавшіе дверь и ворвавшіеся въ каюту шведы нашли С. уже мертвымъ, пронизаннымъ пятью пулями. Бросившись грабить все цѣнное въ каютѣ, они не обратили вниманія на убитаго, и такимъ образомъ тайна даже тѣхъ сигналовъ, списки которыхъ не были совершенно уничтожены, осталась также не выданной. Нѣкоторыя подробности этого подвига, хотя онѣ бытописателями русскаго флота и передаются какъ фактъ, нужно принимать только предположительно, такъ какъ о нихъ, за отсутствіемъ русскихъ очевидцевъ событія и за смертью С., некому было свидѣтельствовать. Очевидцемъ происходившаго на палубѣ былъ П. П. Сущовъ.

„Общій морской списокъ“, ч. II.—Шульцъ, „Подвиги русскихъ моряковъ“.—Берхъ, „Исторія русскаго флота“.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1894 г., подъ 6 авг.—„Справочный энциклопедич. словарь“ Старчевскаго, т. 9, Спб. 1855 г.—„Сѣверная Пчела“, 1829 г., № 152.—„Военный энциклопедич. лексиконъ“, т. XII, Спб. 1857 г., стр. 413.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“, т. VII, Спб. 1894 г., стр. 360.

Сухотинъ, *Иванъ Михайловичъ*, капитанъ-командоръ, родился около 1700 г. Окончивъ въ 1718 г. морскую академію въ Петербургѣ, С. поступилъ на службу во флотъ простымъ матросомъ и таковымъ прослужилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1721 г., когда былъ произведенъ въ первый чинъ — гардемарина. Спустя 4 года онъ былъ повышенъ въ мичманы и посланъ въ Астрахань. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ и личной храбрости, С. уже послѣ двухлѣтней службы въ Астрахани былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты «отъ солдатъ». По новому штату, вступившему въ силу съ 18 января 1733 г., онъ былъ записанъ въ лейтенанты маіорскаго ранга, но въ томъ же году «за брань, будучи на кораблѣ, своего командующаго капитана Бранта и въ называніи воромъ, а также за безвинное битье въ пьяномъ видѣ сержанта и боцмана» разжалованъ въ матросы и началъ служебную лямку вновь. Въ 1735 г. въ день коронованія Императрицы былъ сразу произведенъ въ лейтенанты и посланъ въ Архангельскъ, откуда, командуя дубель-шлюпкою, принималъ участіе въ Обской экспедиціи, имѣвшей цѣлью обслѣдовать условія плаванія въ Ледовитомъ океанѣ, а по возвращеніи былъ назначенъ смотрителемъ надъ гаванью при Архангельскомъ портѣ. Вмѣстѣ съ капитаномъ Апрѣлевымъ и корабельнымъ мастеромъ Сютерландомъ (Александромъ) С. въ 1749 г. былъ посланъ развѣдать о томъ, нельзя ли спасти затонувшій во время перехода изъ Архангельска въ Кронштадтъ корабль «Вархаилъ». Въ своемъ донесеніи по этому поводу онъ писалъ, «что прежде отъ корабля были видны топы и трубы, а нынѣ какъ топы, такъ и мачты отъ великаго волненія погрузились въ воду»,—слѣдовательно, при наличности тогдашнихъ подъемныхъ средствъ спасеніе корабля оказалось дѣломъ невозможнымъ. Въ 1751 г., когда вновь были измѣнены морскіе штаты, С. былъ причисленъ къ адмиралтейству, а между 1754—1755 гг. занималъ должность помощника капитана надъ Архангельскимъ портомъ. Съ 1755 по 1763 г. С. служилъ въ Петербургѣ, занимая мѣсто капитана Галернаго порта. Въ 1756 г. состоялось производство его въ капитаны 2-го ранга, черезъ два года—1-го ранга, а 20 сентября 1763 г. онъ, въ чинѣ капитанъ-командора, былъ уволенъ со службы и вскорѣ послѣ этого скончался.

„Общій морской списокъ“, ч. II, Спб., 1885 г., стр. 413 — 414.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота“, ч. VIII, Спб., 1880 г., стр. 108, 144, 201, 421; ч. IX, Спб., 1883 г., стр. 72, 248, 322, 329, 471, 597, 692; ч. XI, Спб., 1885 г., стр. 18.—Ив. Голенищевъ-Кутузовъ, „Собраніе списковъ, содержащихъ имена всѣхъ служившихъ въ русскомъ флотѣ“, Спб., 1764 г.—В. Берхъ, „Опытъ исторіи русскаго флота“, ч. I, Спб., 1830 г.—Ив. Стренцель, „Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири“, 1734—1862 гг., Кронштадтъ, 1862 г.—В. Берхъ, „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны“.

Сухотинъ, *Михаилъ Михайловичъ*, писатель, родился въ началѣ 20-хъ годовъ XIX столѣтія; высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1846 г. со степенью кандидата правъ; впослѣдствіи онъ много потрудился надъ основаніемъ одного изъ московскихъ отдѣловъ «Общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ», состоялъ членомъ «Общества любителей духовнаго просвѣщенія», отъ послѣдняго былъ вмѣстѣ съ братомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ (см. ниже) избранъ депута-

томъ на Боннской конференціи по вопросу о возсоединеніи старокатоликовъ, много путешествовалъ по Западной Европѣ, въ особенности по Англіи, гдѣ познакомился съ нѣкоторыми выдающимися дѣятелями въ области духовно-нравственнаго просвѣщенія и гдѣ основательно изучилъ современное ему положеніе Англиканской и Ирландско-католической церкви и взаимное ихъ отношеніе. Напечатаны слѣдующія его работы: «Письма изъ Англіи» («Московск. Вѣдом.», 1859 г., №№ 43 и 44), «Стэнлей» («Православное Обозрѣніе», 1862 г., кн. 7), «Изъ путевыхъ замѣтокъ объ Англіи» (тамъ же, 1862 г., кн. 12), «Изъ современнаго быта Англиканской церкви» (тамъ же, 1865 г., кн. 12; 1866 г., кн. 7; 1867 г., кн. 1; 1868 г., кн. 1 и 9; 1870 г., кн. 2), «Англиканская конвокація» (тамъ же, 1869 г., кн. 2), «Билль объ имуществахъ Ирландской церкви» (тамъ же, 1869 г., кн. 7), «Посѣщеніе Англіи архіепископомъ Сиры и Теніоса» (тамъ же, 1870 г., кн. 8 и 12), «Обрядовое разногласіе Англиканской церкви» («Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія», 1876, кн. 3). Скончался С. 21 февраля 1881 г. въ Москвѣ.

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ", вып. I, М., 1881 г.; 2-е изд., М., 1903 г., стр. 65. — „Московскія Церковн. Вѣдом.", 1881 г., № 9. — „Россійская библіографія", 1881 г., № 85, стр. 193. — „Русскій Архивъ", 1894 г., т. I, стр. 458, 460—462; т. II, стр. 582. — „The life and correspondance of A. P. Stanley", London, 1893.

Сухотинъ, *Николай Николаевичъ*, изъ дворянъ Тульской губерніи, родился въ 1816 г., воспитаніе получилъ въ артиллерійскомъ училищѣ, по окончаніи котораго въ 1834 г. былъ оставленъ при немъ до 1836 г., когда переведенъ въ конно-артиллерійскую легкую № 24 батарею; въ 1840 г. С. перевелся въ конно-артиллерійскую легкую № 2 батарею и въ слѣдующемъ году командированъ былъ на Кавказъ, гдѣ совершилъ экспедицію противъ горцевъ въ отрядѣ г.-ад. Граббе. Вернувшись въ свою батарею въ 1842 г., С. пробылъ въ ней 2 года и получилъ въ командованіе конно-артиллерійскую легкую № 10 батарею. Черезъ 5 лѣтъ С. былъ назначенъ командиромъ 5-й конно-артиллерійской бригады съ оставленіемъ и командиромъ батареи; отъ второй должности отчисленъ въ 1852 г. при производствѣ въ генералъ-маіоры. Въ слѣдующемъ году С. вступилъ въ командованіе 2-й бригадой 1-й драгунской дивизіи и съ ней принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Крымскомъ полуостровѣ во время Восточной войны, послѣ чего перемѣщенъ на таковую же должность въ 6-ю легкую кавалерійскую дивизію. По окончаніи Восточной войны С. былъ уволенъ на годъ въ отпускъ, по возвращеніи изъ котораго зачисленъ въ запасныя войска; пробывъ въ нихъ 2 года, онъ причислился состоящимъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и въ 1864 г. назначенъ Подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Губерніей С. управлялъ до 1866 г., когда былъ уволенъ по прошенію отъ должности. Въ 1869 г. состоялось назначеніе С. въ распоряженіе командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, на каковой должности онъ и скончался 22 мая 1879 г. Послѣдней наградой С. былъ орденъ св. Анны 1-й степени.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 3 стола, 6 отд. 1879 г., № 1020, стр. 386.

Сухотинъ, *Ѳедоръ Михайловичъ*, тайный совѣтникъ, предсѣдатель Московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета, умеръ 20 мая 1889 г. въ Тулѣ, на 73 году жизни. С. получилъ прекрасное домашнее образованіе, которое пополнилъ занятіями по изученію русской и иностранной литературы, преимущественно богословской, въ коей онъ былъ очень свѣдущъ, такъ что въ 1860-хъ годахъ былъ избранъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія въ депутаты на съѣздъ европейскихъ богослововъ въ Боннѣ. Свою служебную карьеру С. началъ на военномъ поприщѣ, поступивъ въ 1833 г. юнкеромъ въ Преображенскій полкъ; въ 1840 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и въ слѣдующемъ году перешелъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ, пользуясь довѣріемъ начальства, исполнялъ серьезныя порученія. Въ 1844 г. С. оставилъ эту службу и съ 1846 по 1865 г., съ перерывомъ около двухъ лѣтъ для поѣздки за границу съ цѣлью леченія, занималъ должность предводителя дворянства Новосильскаго уѣзда Тульской губ. За эту продолжительную службу, совпавшую отчасти съ временемъ введенія крестьян-

ской реформы, С. проявилъ живую дѣятельность и энергію, заслуживъ себѣ общее уваженіе. Съ 1865 г. онъ состоялъ на службѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ синода, завѣдуя его духовно-учебнымъ управленіемъ. Съ 1867 г. былъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, находясь въ прикомандированіи къ нему; въ 1869 г. вышелъ въ отставку, а въ 1877 г., по представленію совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества, былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета. Въ этой должности онъ совершилъ рядъ преобразованій во внутренней жизни заведеній комитета, какъ, напр., преобразованіе Усачевско-Чернявскаго женскаго училища изъ рукодѣльнаго въ перворазрядное съ восьмиклассникъ курсомъ и ремесленнаго Набилковскаго въ пятиклассное съ введеніемъ въ программу бухгалтеріи, товаровѣдѣнія и нѣмецкаго языка. Въ 1888 г. С. получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

Некрологи въ „Тульскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ“ 1889 г., № 21, „Всемірной Иллюстраціи“ 1889 г., № 1063, стр. 402, и во „Всеобщемъ Календарѣ“ Гоппе на 1890 г.

Сухотинъ, *Яковъ Филипповичъ*, вице-адмиралъ; высшее образованіе получилъ въ морской академіи, въ которую поступилъ въ 1743 г., и по окончаніи курса въ ней былъ опредѣленъ въ Балтійскій флотъ. Между 1745 — 1766 гг. ежегодно совершалъ обычныя плаванія по Балтійскому морю, нѣсколько разъ сдѣлалъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно, въ теченіе одного года состоялъ совѣтникомъ при Московской адмиралтейской конторѣ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта (1762) командовалъ гальотомъ «Юнге-Тобіасъ» и въ чинѣ капитана 2-го ранга (1765)—фрегатомъ «Св. Ѳеодоръ». Въ 1769 г. С. находился въ Тавровѣ, гдѣ начальствовалъ надъ 29 новопостроенными военными лодками и на ихъ совершилъ многократно плаваніе отъ Икорецкой верфи къ Черкассу. Находясь въ 1770 г. на Азовскомъ морѣ и, уже въ чинѣ капитана 1-го ранга, командуя тремя вооруженными лодками, онъ произвелъ тщательный промѣръ и подробную опись Азовскаго моря до Бердянской косы. Въ томъ же году онъ временно командовалъ эскадрой изъ 9 кораблей, а въ 1772 г. — всею эскадрою на Азовскомъ морѣ. 29 мая 1773 г. съ отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ новоконструированныхъ 16-пушечныхъ кораблей («Азовъ», «Новопавловскъ», «Морея»), 32-пушечнаго фрегата «Второй» и бота «Темерникъ», С. сдѣлалъ нападеніе у Суджукъ-Кале на 6 турецкихъ судовъ; отъ брошенной съ «Новопавловска» бомбы одно турецкое судно загорѣлось; воспользовавшись наступившей въ турецкомъ отрядѣ суматохой, С. посредствомъ гранатъ поджегъ и остальныя суда и совершенно уничтожилъ ихъ; на другой день съ тѣмъ того же отрядомъ, подъ южнымъ Таманскимъ берегомъ, онъ сжегъ турецкій транспортъ, а другой съ экипажемъ въ 81 чел. взялъ въ плѣнъ; наконецъ, 8 іюня въ Кизильбашской бухтѣ, близъ устья р. Кубани, имъ было произведено нападеніе на турецкій отрядъ въ 20 транспортовъ, изъ которыхъ 2 были тоже сожжены. За эти военно-морскія заслуги, въ значительной мѣрѣ способствовавшія дезорганизаціи турецкихъ морскихъ силъ, С. былъ награжденъ Георгіемъ 4-й степени съ надписью «за храбрость». Болѣзненное состояніе С. заставило его покинуть театръ войны и перевестись въ Петербургъ, откуда онъ совершилъ рядъ служебныхъ командировокъ: ѣздилъ на Боровицкіе пороги для обслѣдованія барочнаго пути и по выработанному плану успѣшно провелъ по опасному фарватеру нѣсколько крупныхъ барокъ изъ Твери въ Петербургъ (1775), провелъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ новопостроенный 66-пушечный корабль, изъ Архангельска въ Ревель — 4 новыхъ фрегата (1776) и пр. Въ 1776 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга и назначенъ шефомъ 1-го солдатскаго баталіона. Въ 1778 г. назначенъ въ эскадру адмирала В. Я. Чичагова, въ которой командовалъ кораблемъ «Пантелеймонъ». Произведенный въ январѣ 1779 г. въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга, а полгода спустя въ контръ-адмиралы, онъ между 1781—1782 гг., имѣя въ подчиненіи эскадру изъ флагманскаго корабля «Пантелеймона» и судовъ «Не тронь меня», «Европа», «Память Евстафія», «Викторъ», «Марія» и «Воинъ», совершилъ продолжительное плаваніе по Средиземному морю, а по его окончаніи былъ назначенъ присутствующимъ въ адмирал-

тействъ-коллегіи и въ комиссаріатской экспедиціи, состоя въ то же время командиромъ практической эскадры для обученія нижнихъ чиновъ и мичмановъ. Въ 1783 г. С. получилъ чинъ вице-адмирала и назначеніе главнокомандующимъ Черноморскаго флота, вслѣдствіе чего переселился въ Херсонъ, гдѣ жилъ до 1785 г.; въ этомъ году онъ вновь былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, на должность управляющаго комиссаріатскою экспедиціею, въ которой служилъ до войны со шведами. Съ возникновеніемъ послѣдней, С. былъ назначенъ въ эскадру адмирала А. И. Круза. Въ Красногорскомъ сраженіи 29 мая 1790 г., командуя авангардомъ русской эскадры и имѣя флагъ на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», онъ первымъ сдѣлалъ нападеніе на непріятельскія суда. Это первое изъ четырехъ происшедшихъ въ тотъ же день сраженій длилось отъ 4 до 8 ч. утра и окончилось тѣмъ, что шведы принуждены были отступить. С. принадлежала значительная доля заслуги въ успѣхѣ русскихъ; но сраженіе было для него роковымъ: ядромъ ему оторвало ногу, и отъ этой раны въ началѣ іюня 1790 г. онъ скончался. Передъ смертью онъ «за храбрость и распорядительность» въ Красногорскомъ сраженіи былъ награжденъ золотою шпагою съ брилліантами и 6.000 р. единовременно.

«Общійморской списокъ», ч. II., Спб., 1887 г.—«Матеріалы для исторіи русскаго флота», ч. X. Спб., 1883 г., стр. 162, 447, 457, 497, 614, 665; ч. XI, Спб., 1885 г., стр. 339, 342, 543; ч. XII, Спб., 1888 г., стр. 160, 278, 323, 324, 346, 347, 352, 365, 380, 389, 390, 411, 415, 481, 482, 583, 609, 623, 625, 643, 644, 654, 664, 666, 684, 694, 715, 716; ч. XIII, Спб., 1890 г., стр. 15, 17, 18, 19, 20, 24, 31, 42, 44, 165, 175, 241, 251, 392, 431, 434, 455, 463; ч. XIV, Спб., 1893 г., стр. 9, 50, 59, 68, 73, 87, 236, 240, 241, 288, 293, 299; ч. XV, Спб., 1895 г., стр. 24, 25.—А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», Спб., 1894 г., стр. 131, 132, 136, 145, 147, 172, 499. — «Морской Сборникъ», 1851 г., № 7, стр. 91—92; 1855 г., № 9, стр. 93; 1857 г., № 9, стр. 41—43; 1873 г., № 10. — А. Шишковъ, «Военныя дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 гг.», Спб., 1826 г., стр. 151—161.—Служебныя донесенія и письма Сухотина къ контръ-адмиралу Костлицеву, гр. Чернышеву, кн. Потемкину и др. изъ Херсона (подлинники въ Архивѣ морского министерства: «Дѣло Таганрогскаго порта», «Дѣло адмиралт.-коллегіи», № 22, «Дѣло гр. Чернышева», № 31, «Дѣло кн. Потемкина-Таврическаго», № 49 и пр.; въ извлеченіяхъ напечат. въ «Матер. для исторіи русскаго флота», ч. XV, стр. 25—35.).—«Описаніе морскихъ и сухопутныхъ сраженій между россійскими и шведскими арміями съ 1788 по 1790 г.»—неизв. автора, Спб., 1804 г.—А. Брикнеръ, «Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 г.», Спб., 1869 г. — В. Ф. Головачевъ, «Дѣйствія русскаго флота во время войны Россіи со Швеціей въ 1788 — 1790 годахъ», Спб., 1871—1873 гг., стр. 37—51. — А. Висковатовъ, «Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ съ 1787—1791 гг.», Спб. 1828 г.

Сухотины—дворянскій родъ, давшій нѣсколькихъ дѣятелей въ разныхъ отрасляхъ государственной службы, преимущественно въ морской. О болѣе значительныхъ изъ нихъ см. отдѣльно. О слѣдующихъ лицахъ изъ этого рода сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія.

Алексѣй Николаевичъ — служилъ во флотѣ, родился въ 1726 г.; въ 1769 г. адмираломъ Сенявинымъ былъ командированъ (въ чинѣ капитанъ-лейтенанта) въ Новгородскую и Архангельскую губернію съ порученіемъ нанять тамъ 700 плотниковъ и доставить ихъ въ Таганрогъ, гдѣ строились суда; вмѣсто указаннаго числа могъ нанять всего 144 человѣка. Въ 1770 г. произведенъ въ генералъ-маіоры арміи. Въ 1777 г. упоминается командиромъ корабля «Таганрогъ». Умеръ около 1810 г.

Архивъ гидрографическаго департ., № 1750, л. 291, 505.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота“, т. VI. Спб., 1877 г., стр. 271.—„Древн. Россійск. Вивліоѳика“, т. XIII, стр. 380.

Андрей — подъ 1679 г. названъ воеводою въ Усмани.

„Дополненіе къ Актамъ Историч.“, т. VII, стр. 220.—„Сборн. Русск. Историч. Общества“, т. II, Спб., 1875 г., стр. 289.

Григорій Филатовичъ — служилъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, изъ котораго вышелъ въ чинѣ полковника; переименованъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ; 3 іюня 1762 г.—губернаторъ, въ каковой должности произведенъ въ тайные совѣтники.

„Древняя Россійск. Вивліоѳика“, т. XI, стр. 395.—„Архангельскія Губернск. Вѣдомости“, 1847 г., № 46 („Перечень начальниковъ Архангельской губ.“) и 1850 г., № 7.—„Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ“, отд. I, т. II, Спб., 1910 г., № 934..

Иванъ Ивановичъ—умеръ въ 1688 г. Въ концѣ 1769 г. посланъ въ Крымъ

вмѣстѣ съ дьякомъ Михайловымъ къ хану Муратъ-Гирею для опредѣленія границъ, но дѣла не исполнилъ, между прочимъ потому, что Михайловъ по неизвѣстному поводу покинулъ С. и возвратился въ Москву; въ 1682 г. пожалованъ думнымъ дворяниномъ.

„Дополненіе къ Актамъ Историч.“, т. IX, стр. 156.—„Древняя Россійск. Вивліоѳика“, т. VII, стр. 483.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“ по изд. „Общ. Пользы“, кн. III, стр. 852.

Сухоцкій, *Георгій Устиновичъ*, врачъ, полякъ - дворянинъ Гродненской губерніи, родился въ 1825 г. Высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, который въ 1848 г. окончилъ со степенью лекаря и былъ прикомандированъ къ Херсонскому военному госпиталю; послѣ этого служилъ врачемъ въ Виленскомъ егерскомъ полку (1849—1856 г.), въ Симферопольскомъ военномъ госпиталѣ (1856—1857 г.), Грузинскомъ линейномъ № 5 баталіонѣ (1877—1860 г.), окружнымъ врачомъ въ Кайтаро-Табасаранскомъ (Дагест. области) округѣ (1860—1877 г.) и главнымъ врачомъ Кавказскаго военнаго временнаго № 5 госпиталя, гдѣ и умеръ въ 1878 г., заразившись тифомъ. Напечаталъ: «Медико-топографическое описаніе Кайтаро - Табасаранскаго округа» («Сборн. Кавк.», 1866, II и 1877, I); «О дѣйствіи гидрата каменно-кислой магнезіи при поносахъ и холерѣ» («Проток. Общ. Псковск. Врач.», 1871 г. и «Псковск. Губ. Вѣд.», 1871, № 2).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели съ 1863 г.“, тетр. 5, Спб., 1889 г., стр. 157.

Сухтеленъ, графъ *Павелъ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, сынъ слѣдующаго, родился въ Петербургѣ 23 августа 1788 г. Получивъ подъ руководствомъ отца блестящее домашнее образованіе, С. уже въ 1802 г., 14 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ военную службу и, благодаря высокому служебному положенію своего родителя и обширнымъ связямъ его, сразу былъ опредѣленъ колонновожатымъ въ Императорской свитѣ. Въ томъ же 1802 г. С. былъ произведенъ въ подпоручики квартирмейстерской части, а черезъ годъ переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Первые годы военно-служебной дѣятельности С. совпали съ тѣмъ бурнымъ историческимъ періодомъ, когда геній Наполеона наносилъ удары застывшей въ рутинѣ военной системѣ западныхъ державъ, когда перекраивались границы государствъ, одни изъ нихъ по имени уничтожались, другія создавались, когда каждый годъ ознаменовывался рядомъ историческихъ событій чрезвычайной важности, и Европа, а съ ней и восточная часть ея, Россія, въ теченіе одного десятилѣтія пережила войнъ больше, чѣмъ за время цѣлаго столѣтія. Война стала обычнымъ явленіемъ, доминирующимъ элементомъ въ жизни народовъ, война создавала героевъ, война сдѣлалась единственной почти ареной для отличій, для проявленія талантовъ и способностей. Съ юношескимъ пыломъ и увлеченіемъ отдалъ С. свои юныя силы войнѣ. Въ 1805 г. онъ получилъ боевое крещеніе, 17-лѣтнимъ юношей въ 4-мъ эскадронѣ своего полка принявъ участіе въ первомъ походѣ противъ Наполеона. Въ исторической битвѣ подъ Аустерлицомъ, въ которой эскадронъ С. находился въ отрядѣ, отражавшемъ нападенія лѣваго крыла французской арміи, онъ получилъ двѣ серьезныхъ раны—сабельный ударъ въ голову и поврежденіе правой ноги осколкомъ ядра, и вмѣстѣ со своимъ командиромъ кн. Рѣпнинымъ попалъ въ плѣнъ. На ѣдкое замѣчаніе случайно встрѣтившаго плѣнныхъ Наполеона о молодости С. послѣдній находчиво экспромтомъ возразилъ всесильному полководцу извѣстнымъ стихомъ изъ корнелевской трагедіи «Сидъ»:—«Je suis jeune, il est vrai, mais aux âmes bien nées la valeur n'attend pas le nombre des années». Отвѣтъ понравился Наполеону, и впослѣдствіи онъ повелѣлъ даже запечатлѣть сцену этой встрѣчи на картинѣ, и понынѣ сохраняющейся въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Оправившись отъ ранъ, С. въ 1806 г. послѣ размѣна плѣнными возвратился въ Россію, гдѣ за участіе въ Аустерлицкомъ сраженіи былъ награжденъ золотой шпагой и произведенъ въ поручики.

Во второй кампаніи противъ Наполеона С. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ (29 мая 1807 г.) и Фридландомъ (2 іюня); возвратившись послѣ Тильзитскаго мира въ Петербургъ, онъ отсюда вмѣстѣ съ отцомъ ѣздилъ обозрѣвать западную границу Россіи, отъ Балтійскаго

моря до Чернаго. Точно также сопутствовалъ онъ отцу и при вступленіи нашихъ войскъ въ Финляндію, гдѣ былъ при занятіи Лозины, Борго и Гельсингфорса и игралъ роль парламентера при переговорахъ о сдачѣ Свеаборга, за что былъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта.

Слѣдующія затѣмъ нѣсколько лѣтъ С. провелъ почти безпрерывно въ сраженіяхъ. Въ шведской кампаніи его военная дѣятельность выразилась участіемъ его въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе крупныхъ столкновеній съ непріятелемъ: въ жаркомъ дѣлѣ при Индельсами, въ стычкахъ въ Карелiи и Саволаксѣ, въ замѣчательномъ переходѣ вмѣстѣ съ Кульневымъ по льду Ботническаго залива на шведскій берегъ. Въ турецкой кампаніи 1811 г. С. подъ начальствомъ Кутузова, командовавшаго Дунайской арміей, дѣйствовалъ въ многочисленныхъ вылазкахъ и по порученію Кутузова совершилъ въ виду турецкихъ постовъ смѣлую переправу черезъ Дунай съ цѣлью доставить генералу Маркову важныя приказанія отъ командующаго; во время этой переправы онъ былъ легко раненъ въ ногу; наградой за смѣлость былъ чинъ ротмистра.

Въ концѣ 1811 г. С. пріѣхалъ въ Петербургъ, но отдыхалъ недолго и вскорѣ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ, касавшимся взаимосоглашеній въ нѣкоторыхъ пунктахъ между Россіей и Англіей,—въ Лондонъ, откуда возвратился только зимою 1812 г., когда Наполеоновская армія отступала къ западной границѣ. Пылкій С. тотчасъ поѣхалъ въ дѣйствующую армію, участвовалъ въ дѣлѣ при Березинѣ, въ рядѣ другихъ крупныхъ и мелкихъ стычекъ, въ занятіи русскими войсками Берлина, въ разныхъ авангардныхъ дѣлахъ за предѣлами Россіи, напр. въ сраженіи подъ Зегаузеномъ (20 февраля 1813 г.), гдѣ былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку. За эту кампанію онъ былъ награжденъ чиномъ полковника, русскимъ орденомъ св. Анны 2-го класса и прусскимъ орденомъ «За заслуги». Оправившись отъ раны, С. вновь присоединился къ арміи, былъ участникомъ въ пораженіи ген.-ад. Чернышевымъ французскаго генерала Морана, находился при покореніи Люнебурга, нѣкоторое время состоялъ начальникомъ штаба отряда ген.-лейт. графа Вальмодена, затѣмъ былъ отправленъ къ гр. Витгенштейну, въ распоряженіи котораго кратковременно находился и раньше, наконецъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Пирною и Лейпцигомъ, за которыя одинъ за другимъ получилъ ордена: св. Георгія 4-й ст., св. Владиміра 3-й ст., прусскій Краснаго орла 3-й ст. и шведскій—Меча. Въ декабрѣ 1813 г. онъ получилъ командованіе надъ Волынскимъ уланскимъ полкомъ, съ которымъ совершилъ отважный переходъ черезъ Рейнъ и сыгралъ видную роль при занятіи Люттиха и Намюра. Недалеко отъ Суассона С. 2 февраля 1814 г. атаковалъ регулярную французскую пѣхоту, которой нанесъ рѣшительное пораженіе (непріятель потерялъ болѣе половины своего состава убитыми и плѣнными), а на слѣдующій день, 3 февраля, полкъ С. отличился при взятіи приступомъ, послѣ упорной обороны со стороны непріятеля, крѣпости Суассонъ; за послѣднее дѣло С. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Не менѣе выдающееся участіе принималъ С. и въ послѣдовавшихъ затѣмъ сраженіяхъ: Лаонскомъ (26 февраля), у Бери о-Бака (6 марта), при занятіи Реймса и въ арріергардномъ дѣлѣ 19 марта, когда онъ со своимъ отрядомъ ворвался въ городокъ Петивье и принудилъ разбѣжаться гарнизонъ.

По заключеніи Парижскаго мира С. возвратился въ Петербургъ, откуда былъ посланъ сначала ненадолго въ Швецію, гдѣ состоялъ при штабѣ наслѣднаго принца во время его похода въ Норвегію, а затѣмъ на Вѣнскій конгрессъ. Участникомъ въ вѣнскихъ торжествахъ и въ дипломатическихъ переговорахъ былъ недолго, такъ какъ скоро получились извѣстія о высадкѣ Наполеона и объ его успѣхахъ среди высланной противъ него арміи. С. покинулъ Вѣну и присоединился къ русскимъ силамъ, получивъ въ командованіе отдѣльный отрядъ. Послѣ плѣненія Наполеона и ссылки его на Елену С. одно время управлялъ Обскимъ департаментомъ во Франціи и въ «благодарность за благотворительное управленіе» отъ новаго французскаго императора получилъ орденъ св. Людовика. Будучи назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й гусарской дивизіи, онъ съ этою частью въ декабрѣ 1815 г. возвратился на родину, гдѣ былъ пожалованъ значительной ежегодной арендой срокомъ на 12 лѣтъ.

Въ октябрѣ 1819 г. былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады первой же гусарской дивизіи, но уже черезъ мѣсяцъ получилъ повелѣніе состоять при начальникѣ легкой Гвардейской кавалерійской дивизіи и эту должность занималъ до сентября 1823 г., когда вновь вступилъ въ командованіе названной бригадой. Въ началѣ новаго царствованія, именно 20 мая 1826 г., С. былъ опредѣленъ на постъ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, а 22 августа того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Анненскую ленту и 6.000 рублей единовременнаго пособія.

Въ войнѣ съ Персіей С. занималъ должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и былъ при осадѣ и взятіи крѣпостей Аббасъ-Аббада и Сардаръ-Аббада. При осадѣ и взятіи Эривани принималъ въ сраженіяхъ личное участіе, причемъ собственноручно обезоружилъ хана, за что награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 3-го класса. Когда мирные переговоры, въ веденіи которыхъ С. игралъ выдающуюся роль, были прерваны и военныя дѣйствія возобновились, онъ двинулся къ укрѣпленному городу Ардебилю,—мѣсту коронованія персидскихъ шаховъ,—удачными операціями заставилъ гарнизонъ капитулировать и 25 января 1828 г. занялъ городъ. Послѣ этого успѣха русскихъ шахъ просилъ о мирѣ; начались вновь переговоры, и 10 февраля въ Туркманчаѣ сторонами были подписаны его условія. Въ числѣ немногихъ представителей отъ Россіи, принимавшихъ участіе какъ въ введеніи переговоровъ, такъ и въ окончательной редакціи условій, былъ и С. За взятіе Ардебиля былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а по возвращеніи въ Петербургъ награжденъ единовременно 50.000 рублей.

Въ Петербургѣ С. отдыхалъ не болѣе мѣсяца, такъ какъ по повелѣнію отъ 8 мая 1828 г. долженъ былъ отправиться въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Прибывъ на театръ военныхъ дѣйствій, онъ тотчасъ сталъ вести переговоры съ комендантомъ осажденнаго Браилова, слѣдствіемъ которыхъ была сдача укрѣпленія, послѣдовавшая 6 іюня. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, С. поспѣшилъ присоединиться къ Главной арміи, подходившей къ Шумлѣ. Явилась настоятельная необходимость обезпечить безопасность операціонной базы со стороны Варны; съ этой цѣлью былъ образованъ отдѣльный отрядъ, численностью въ 4.558 чел. всѣхъ родовъ оружія, командованіе которымъ было поручено С. Отрядъ занялъ сообщенія между Базарджикомъ и Варною; сдерживая напоръ непріятеля и находясь въ почти безпрерывныхъ крупныхъ и мелкихъ стычкахъ, онъ принесъ неоцѣнимую пользу главнымъ русскимъ силамъ.

Послѣ паденія Варны С., по Высочайшему повелѣнію, ѣздилъ въ Праводы съ цѣлью удостовѣриться на мѣстѣ, можно ли тамъ оставить на зиму гарнизонъ, не подвергая его серьезной опасности. Мнѣніе его по этому поводу, послѣ Высочайше одобренное, сводилось къ положительному рѣшенію вопроса при условіи сооруженія нѣкоторыхъ новыхъ укрѣпленій. Выполнивъ это порученіе, С. отправился къ Силистріи, гдѣ вступилъ сначала въ командованіе арріергардомъ, а потомъ былъ назначенъ временнымъ командиромъ своднаго пѣхотнаго корпуса. Заслуги его въ Турецкой войнѣ были награждены орденомъ св. Владиміра 2-й ст. и золотой шпагою съ алмазами и надписью «За храбрость».

Въ апрѣлѣ 1830 г. (послѣ кратковременнаго заграничнаго отпуска) С. былъ назначенъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Вмѣстѣ съ этимъ ему была выражена Высочайшая благодарность за полезную и успѣшную дѣятельность въ должности генералъ-квартирмейстера. Въ Оренбургъ С. прибылъ въ началѣ іюня 1830 г. Его управленіе краемъ было непродолжительно, но во многихъ отношеніяхъ характерно. Заслуживаетъ вниманія его взглядъ на кочующихъ киргизовъ. Въ то время какъ предшественники С. стояли за законодательныя и административныя мѣры, ведущія къ постепенному переходу киргизовъ къ осѣдлой жизни, самъ онъ полагалъ, что, наоборотъ, слѣдуетъ выдвинуть такія мѣропріятія, которыя удерживали бы киргизовъ при существующемъ образѣ ихъ жизни. С. исходилъ изъ той точки зрѣнія, что именно при условіяхъ пастушеско-кочевой жизни киргизы являются полезнымъ для Россіи народнымъ элементомъ, покупающимъ хлѣбъ и мануфактурныя издѣлія въ обмѣнъ за кожи и другое сырье. Чтобы урегулировать жизнь туземцевъ, С. распоря-

дился составить нѣчто въ родѣ «Свода законовъ», основаннаго на ихъ обычномъ правѣ; предполагалось въ него добавить лишь нѣкоторыя статьи, ограничивающія для кочевниковъ свободу перехода въ состояніе осѣдлости. Но работа эта, порученная хану Джангеру, была выполнена неудовлетворительно, и воспользоваться ею не оказалось возможности. Неудачу потерпѣла и попытка С. примѣнить между киргизами оспопрививаніе. Съ другой стороны, С. ревниво относился къ тому, чтобы киргизовъ не притѣсняли болѣе сильные элементы: когда уральскіе казаки сдѣлали попытку захватить въ свое пользованіе цѣлинныя земли за Ураломъ, искони считавшіяся киргизскимъ пастбищнымъ достояніемъ, С. воспротивился этому и категорически отказалъ казакамъ въ запашкахъ. Для упорядоченія пользованія туземцами землею, прилегавшею къ русской линіи, С. подѣлилъ эту полосу на опредѣленные участки и для управленія назначилъ начальниковъ изъ киргизовъ же. Послѣдняя мѣра оказалась соотвѣтствующею обстоятельствамъ и оставалась въ силѣ до 1869 г. Иначе относился С. къ башкирамъ, относительно нихъ полагая, что ни въ военномъ, ни въ экономическомъ отношеніяхъ они не представляютъ при наличности существовавшихъ условій чего-либо полезнаго для государства, почему должны быть обращены въ казенныхъ поселянъ. Предположеніе это получило одобреніе правительства, но въ исполненіе, впрочемъ, не было приведено.

Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія мѣры, принятыя С. для ввѣреннаго ему края: посылка въ Петербургъ молодыхъ людей для обученія въ фельдшерскихъ школахъ, прекращеніе ссылки осужденныхъ къ ней въ Оренбургскую губернію, учрежденіе постоянныхъ военныхъ судовъ при уральской и оренбургской войсковыхъ канцеляріяхъ, разрѣшеніе казеннымъ крестьянамъ селиться на Оренбургской линіи съ причисленіемъ ихъ къ «таможеннымъ» казакамъ, устройство училища для дочерей недостаточныхъ чиновниковъ, музея для мѣстныхъ древностей, военнаго госпиталя, манежа, экзерциргауза и проч. 4 марта 1832 г. С. получилъ Высочайшую благодарность и «полную признательность за отличное усердіе и дѣятельность, обращаемую на всѣ предметы обширнаго Оренбургскаго края», а 9 апрѣля того же года былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго «за отлично-усердную службу и неустанные труды по занимаемой должности и за примѣрную заботливость о благосостояніи ввѣренныхъ его управленію края и войскъ». 20 марта 1833 г. С. скоропостижно умеръ въ Оренбургѣ, гдѣ былъ и похороненъ.

С. былъ женатъ на дочери Дмитрія Александровича Зубова, Варварѣ Дмитріевнѣ, и имѣлъ отъ этого брака лишь одну дочь, Ольгу Павловну, бывшую фрейлиной Императрицы Александры Ѳеодоровны; онъ прекрасно владѣлъ нѣсколькими иностранными языками — французскимъ, голландскимъ, нѣмецкимъ, шведскимъ и итальянскимъ и состоялъ членомъ различныхъ ученыхъ учрежденій. Ему принадлежитъ, между прочимъ, начало осуществленія важной мысли: соединить астрономическое и геодезическое измѣренія Россіи съ странами Западной Европы посредствомъ исчисленія меридіана по параллели Бреста и продолженія его къ западу черезъ Австрію и Германію, а къ востоку до Волги и Урала. Военная литература обязана С. краткимъ жизнеописаніемъ ген.-адъютанта Конст. Христоф. Бенкендорфа, написанномъ по-французски и въ русскомъ переводѣ напечатанномъ въ «Военномъ Журналѣ». Кромѣ того уже значительно позже его смерти въ «Русскомъ Архивѣ» (1876 г., № 3) появились извлеченія «Изъ записной книжки П. П. Сухтелена — 1816 г.».

«Описаніе Военной галлереи Зимняго Дворца».—Кн. Ив. Мих. Долгорукій, «Капище моего сердца», «Чтенія въ Императорск. Общ. Ист. и Древностей Россіи при Моск. Унив.», 1872 г., № 12; отд., М., 1882 г.—Ф. Лобысевичъ, «Главные начальники Оренбургскаго края, 1724—1770», «Военный Сборникъ», 1872 г., т. 85, № 5, стр. 56—58.—«Воспоминанія В. И. Панаева», «Вѣстн. Европы», 1867 г., № 3, стр. 192—270, № 4, стр. 72—181. — «Изъ записной книжки Сухтелена», «Русскій Архивъ», 1876, № 3, стр. 346—355.—«Журналъ для чтенія воспитан. воен.-учебн. заведеній».—«Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Леера, т. VII, Спб. 1894 г., стр. 360—362. — «Военный энциклопед. лексиконъ», ч. XII, Спб., 1853, стр. 414—417; «Московскія Вѣдом.», 1833 г., № 35. — «Русск. Архивъ», 1890 г., № 9, стр. 346; 1904 г., № 1, стр. 255—256.—«С.-Петерб. Вѣдомости», 1833 г., № 92, стр. 355—356.—«Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику», 1833 г., № 18.—«Дневникъ гр. П. П. Сухтелена о пребываніи Хозрева-мирзы въ Россіи», «Русск.

Арх.», 1899 г., т. I.—«Персидское посольство въ Россіи», тамъ же, 1899, т. I. — С. Г. Карелина, «Русскій человѣкъ на восточной окраинѣ; въ прилож. письма Сухтелена», тамъ же, 1873 г., стр. 1318.

Сухтеленъ, графъ *Петръ Корниловичъ*, инженеръ-генералъ, происходилъ изъ древняго рода герцогства Юлихъ-Клевскаго, въ XVI вѣкѣ перешедшаго въ Нидерланды и съ тѣхъ поръ принадлежащаго голландскому дворянству съ титуломъ «jonkheer-ridder». С. (первоначальное его имя—Жанъ-Пьеръ) родился 2 августа 1751 г. въ г. Греве; по окончаніи курса въ Гренингенскомъ университетѣ служилъ въ инженерныхъ войскахъ въ ту эпоху упадка Голландскихъ Штатовъ, когда они въ войнѣ съ Англіей испытали рядъ неудачъ, потеряли свои колоніи въ Азіи, и партія республиканцевъ, недовольная штатгальтеромъ Вильгельмомъ V, требовала удаленія дяди его, герцога Луи-Эрнста Брауншвейгъ-Вольфенбюттель, друга англичанъ. Въ ту эпоху многіе офицеры искали счастья въ другихъ государствахъ; въ числѣ таковыхъ С. перешелъ (въ іюлѣ 1783 г.) инженеръ-подполковникомъ въ русскую службу. Лѣтомъ 1785 г. С. осматривалъ каналы Вышневолоцкой системы, а осенью того же года приступилъ, въ числѣ другихъ инженеровъ, къ работамъ по прорытію Сѣверо-Екатерининскаго канала (соединялъ р. Сѣв. Кельтму, притокъ Вычегды, съ р. Джуричъ, впадающей въ Ю. Кельтму, притокъ Камы; оконченъ въ 1822 г.; закрытъ въ 1838 г. по отсутствію судоходства). Шведская война 1788 г. прервала на время работы, и С. былъ назначенъ начальникомъ инженернаго штаба; за отличія въ кампаніи (подъ Выборгомъ, Фридрихсгамомъ, Скоби и др.) онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и 300 душъ въ Фридрихсгамскомъ уѣздѣ и награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. По окончаніи войны С. осматривалъ по Высочайшимъ повелѣніямъ крѣпости на западной и юго-западной границахъ и принималъ участіе въ сооруженіи Ревельскаго военнаго порта. Будучи въ 1794 г. въ Варшавѣ у короля Станислава Понятовскаго, С. былъ раненъ во время бунта и взятъ въ плѣнъ. Пробывъ 1797 г. начальникомъ инженерной части Финляндскаго департамента, С. былъ назначенъ членомъ департамента водяныхъ коммуникацій, вслѣдъ затѣмъ командированъ по Высочайшему повелѣнію осматривать всѣ крѣпости отъ Херсона до Риги и Ревеля, а затѣмъ отправленъ съ инженернымъ корпусомъ въ Архангельскъ, гдѣ и оставался до вступленія на престолъ Императора Александра I. Назначеніе С. управляющимъ свитой Его Величества по квартирмейстерской части принесло этой отрасли арміи большую пользу: обращено вниманіе на комплектованіе свиты вполнѣ образованными офицерами и на то, чтобы возлагаемыя на офицеровъ занятія служили къ дальнѣйшему ихъ развитію и усовершенствованію; назначались военно-топографическія съемки, военно-учебныя экспедиціи и пр. Въ этотъ періодъ своей служебной дѣятельности (октябрь 1806 г.) С. съ дѣтьми былъ принятъ по прошенію въ вѣчное подданство Россіи. При началѣ Финляндской войны 1808—1809 г.г. С. былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ гр. Буксгевденѣ въ званіи совѣтника и въ этой должности принялъ дѣятельное участіе въ выработкѣ общаго плана кампаніи, причемъ знаніе страны, пріобрѣтенное во время участія въ войнѣ 1789 г., а равно и инспектированіе въ мирное время укрѣпленныхъ пунктовъ вдоль шведской границы принесли существенную пользу. Давъ необходимыя указанія относительно обложенія крѣпости Свартгольма, С. 18 февраля поспѣшилъ къ Свеаборгу, составлявшему стратегическій ключъ южнаго побережья Финляндіи; овладѣніе этимъ пунктомъ составляло вопросъ первостепенной важности, а между тѣмъ средства, приготовленныя для достиженія цѣли, были ничтожны; для пополненія ихъ С., между прочимъ, воспользовался непріятельскими орудіями, захваченными въ Гельсингфорсѣ и другихъ мѣстахъ, покинутыхъ шведами. Буксгевденъ руководилъ операціями противъ Або, а потому управленіе дѣйствіями противъ Свеаборга пало на С., и лишь ему принадлежитъ заслуга благополучнаго исхода труднаго предпріятія, покоренія одной изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей того времени. Недостатокъ въ осадныхъ средствахъ С. талантливо замѣнилъ моральнымъ воздѣйствіемъ на коменданта и гарнизонъ, результатомъ чего явились переговоры послѣ перваго бомбардированія, и 25 марта подписанъ былъ договоръ, по которому крѣпость, считавшаяся неприступной, уступлена русскимъ. Во время дальнѣйшихъ военныхъ

дѣйствій С. руководилъ инженерными войсками, играя видную роль въ штабѣ главнокомандующихъ. Сдача Свеаборга установила за С. репутацію искуснаго дипломата, такъ что главнокомандующіе всегда ему поручали переговоры въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при заключеніи конвенціи 7 сентября въ Лохтео и рѣшеніи вопроса о перемиріи 4 марта 1809 г. С. составилъ на французскомъ языкѣ описаніе этой войны: «P. de Suchtelen. Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède». По окончаніи войны С. былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Стокгольмъ. Въ 1812 г. С. вмѣстѣ съ барономъ Николаи заключилъ мирный договоръ съ Англіей и былъ возведенъ съ потомствомъ въ бароны великаго княжества Финляндіи. Въ слѣдующемъ году С. сопровождалъ Бернадотта въ походъ, участвовалъ во всѣхъ битвахъ сѣверной арміи отъ Гросъ-Берена до Лейпцига и по заключеніи Парижскаго мира возвратился на свой постъ чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра при Стокгольмскомъ дворѣ, каковой и занималъ почти до самой кончины (6 января). Въ 1822 г. С. былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское великаго княжества Финляндскаго достоинство.

Въ послѣдніе годы своей жизни С. жилъ въ роскошныхъ покояхъ покинутаго Михайловскаго дворца, гдѣ ему по Высочайшему повелѣнію была отведена обширная квартира. Въ бывшемъ тронномъ залѣ Павла I находился его кабинетъ и помѣщалась библіотека, представлявшая собраніе рѣдчайшихъ книгъ и рукописей преимущественно по инженерному дѣлу. По отзыву знавшаго С. лично Ф. Ф. Вигеля, «этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но такъ былъ скроменъ, что не только пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Всевѣдущій человѣкъ, онъ въ обществѣ невѣждъ былъ ласковъ и учтивъ, не давая подозрѣвать о своемъ значеніи. Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литературы, философія, богословіе—равно были ему знакомы, въ художествѣ же онъ былъ вѣрный и искусный судья».

Нордовъ, „Архивъ графовъ Канкриныхъ-Ламбертъ-Сухтеленъ“.—„Записки Ф. Ф. Вигеля“.—„Столѣтіе военнаго министерства“, т. VI, ч. 1.—Михайловскій-Данилевскій, „Описаніе Финляндской войны 1808—1809 гг.“—„Anteckningar of Grefve Magnus Björnstjerna“, Stokholm, 1851.—Упомянутое въ текстѣ описаніе войны, составленное С.—„Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ“, отд. III, т. I, №№ 145, 375, 735.

Сушинскій, *Семенъ Матвѣевичъ*, военный врачъ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ баронета Я. В. Виліе, происходилъ изъ духовнаго званія (его отецъ былъ священникомъ въ Черниговскомъ повѣтѣ), родился въ 1778 г., умеръ 31 августа 1831 г. отъ холеры. Среднее образованіе получилъ въ Черниговской духовной семинаріи, медицинское—въ Петербурской медико-хирургической академіи (1799—1804), изъ которой былъ выпущенъ младшимъ врачомъ въ лейбъ-Гренадерскій полкъ. Въ 1805 г. пользовалъ раненыхъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ, а въ кампанію 1807 г., уже въ званіи старшаго лекаря, работалъ въ бояхъ 25 марта (въ Пруссіи), 24 мая (подъ Гутштатомъ), 29 мая (при Гельсбергѣ) и 2 іюня (при Фридландѣ). Уже тогда С., какъ искусный и безстрашный хирургъ, управлявшій работами по сбору раненыхъ подъ градомъ пуль, обратилъ на себя вниманіе Я. В. Виліе, ставшаго ему покровительствовать. Въ послѣдовавшую затѣмъ войну со Швеціей С. работалъ какъ врачъ во всѣхъ сраженіяхъ—съ 21 мая 1808 г. по 18 марта 1809 г., а по окончаніи войны принималъ видное участіе въ работахъ по упорядоченію санитарной части въ войскахъ. Когда была учреждена должность дивизіонныхъ врачей, Виліе предоставилъ С. это мѣсто въ 1-й гренадерской дивизіи. Въ Отечественную войну и послѣдовавшій за нею заграничный походъ С. участвовалъ, по оффиціальному удостовѣренію, «съ 13 іюня 1812 г. во всѣхъ сраженіяхъ и походахъ внутри и внѣ Россіи противъ французовъ по 4 сентября 1814 г.». По представленію Кутузова ему въ 1813 г. былъ данъ чинъ надворнаго совѣтника. Возвратившись въ Россію, С. былъ назначенъ баронетомъ Виліе на службу въ военно-медицинскій департаментъ сначала столоначальникомъ, потомъ (1816 г.) начальникомъ перваго отдѣленія, а съ 1818 г.—вице-директоромъ департамента. Въ іюлѣ 1820 г. медико-хирургическая академія, признавъ С. однимъ изъ наиболѣе выдающихся своихъ воспитанниковъ, поднявъ-

шихъ военно-медицинское дѣло въ Россіи, удостоила его степени доктора медицины.

Фомуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Архива Главнаго штаба, опись дѣлопроизводства канцеляріи начальника Главнаго штаба, дѣла медицинскія, связка 110, № 6 (за 1815—1817 гг.).—Архивъ Главнаго воен.-медиц. управленія, дѣла медиц. департамента. — „Исторія военно-медицинской академіи", Спб. 1898 г., стр. 146.—„Столѣтіе военнаго министерства", т. VIII, ч. 1, стр. 45.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", тетр. 2, Спб., 1886 г.

Сушкова, *Анастасія Павловна*, урожденная княжна *Долгорукова*, переводчица, дочь генералъ-маіора князя Павла Васильевича Долгорукова, родилась въ 1789 г. Въ 1811 г. она противъ воли своего отца вступила въ бракъ съ бѣднымъ и незнатнымъ ратникомъ Александромъ Васильевичемъ Сушковымъ. Была рѣдко образованной для того времени женщиной и основательно знала три иностранныхъ языка. По свидѣтельству ея дочери, Екатерины Александровны Хвостовой, она переводила въ стихахъ Томаса Мора, Юнга и Байрона. Тетрадь съ этими переводами сохранилась у Е. А. Хвостовой. Семейная жизнь С. сложилась несчастливо. Благодаря неуживчивому характеру ея мужа, ей приходилось постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто (Москва, Петербургъ, Пенза или имѣніе Знаменское) и жить въ разлукѣ съ дочерьми, которыя воспитывались у родственниковъ. Умерла С. 28 мая 1828 г., 38 лѣтъ отъ роду, въ Псковской губ., въ имѣніи своей родственницы В. Ю. Горчаковой.

Князь Н. Н. Голицинъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», Спб. 1889 г., стр. 241.—«Записки Е. А. Хвостовой», Спб., 1871 г., стр. 3, тоже въ «Русскомъ Архивѣ», 1866 г., № 8—9, стр. 1343—1344.—«Русская родословная книга», изд. «Русской Старины», Спб. 1873 г.—«Русскій Архивъ», 1866 г. № 8—9, стр. 1343—34.

Сушкова, *Марья Васильевна*, урожденная *Храповицкая*, мать Николая Васильевича Сушкова (см. ниже), супруга симбирскаго губернатора Василія Михайловича Сушкова, переводчица и писательница конца XVIII вѣка; родилась 2 марта 1752 г. въ Малороссіи, умерла 23 декабря 1803 г. въ Москвѣ. Въ домѣ своего отца, лейбъ-кампанца Василія Ивановича Храповицкаго, она получила блестящее по своему времени, хотя своеобразное воспитаніе: въ совершенствѣ изучила французскій, итальянскій, англійскій и нѣмецкій языки, но съ трудомъ могла изъясняться на родномъ русскомъ языкѣ. Новыя литературныя вѣянія въ Россіи, оказавшія на нее извѣстное вліяніе, отчасти же ея стремленіе попасть въ придворныя дамы и перспектива быть наказанной за незнаніе русскаго языка чтеніемъ «Телемахиды» заставили ее пополнить этотъ изъянъ въ образованіи, и уже въ зрѣлыхъ годахъ она подъ руководствомъ своего брата Александра Васильевича Храповицкаго засѣла за русскія вокабулы, въ чемъ впрочемъ сдѣлала большіе успѣхи, пристрастившись въ то же время къ писанію стиховъ. Рекомендуя ее Императрицѣ Екатеринѣ II, графъ К. Г. Разумовскій замѣтилъ, что она «запѣлась на виршахъ и читаетъ русскую грамоту лучше придворнаго дьячка». Императрица пригласила С. ко двору, поощрила въ писаніи стиховъ, предложила заняться переводами романовъ и указала журналы, гдѣ они могутъ быть напечатаны. Съ этого времени С. стала сотрудничать въ рядѣ тогдашнихъ журналовъ: въ еженедѣльникѣ Сумарокова «И то и сіе», въ журналахъ—«Живописцѣ» (1772 г.), «Вечера» (1772—1773), «Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова» (1783 г.). Ей принадлежатъ слѣдующіе переводы: «Инки или разрушеніе Перуанской имперіи», романъ Мармонтеля (переводъ выполненъ хорошо, романъ имѣлъ выдающійся успѣхъ и выдержалъ 4 изданія,—Москва, 1778, 1782, 1801, 1819 гг.—всего въ количествѣ 5.000 экз., что для того времени считалось весьма солидной цифрой); «Щастливое похищеніе, повѣсть гишпанская» (съ франц., Спб., 1777 г.); «Эрисія или весталка», драма въ 3 дѣйств. (М., 1783); «Бѣглецъ», драма Мерсье въ 5 дѣйств. (М., 1784); «Земира и Азоръ», опера Мармонтеля, музыка Гретри, въ 4 дѣйств. (М., 1783, изд. Н. Новикова, 2-е изданіе Спб., 1784); «Роза и Коласъ», оперетка; «Идиллія Дезульеръ»; «Юнговы ночи»; «Монологъ Катоновъ», съ франц.; «Гваделупскій житель», комедія съ фр., осталась не напечатанной, но нѣсколько разъ ставилась на сцену; «Сонеты и стансы Петрарки», съ итальянск. стихами; «Потерянный Рай» Мильтона, съ англ. прозой (первый по времени русскій переводъ этого творенія). Съ русскаго на французскій С. перевела «Чесменскій бой» Хераскова

(«Le combat de Tzesme, poéme, avec un discours sur la poésie russe»), 1772 г., прозой. Изъ оригинальныхъ ея стихотвореній напечатаны: «Стансы на учрежденіе Россійской академіи» («Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова»), «Ироиды», «Посланіе къ Державину», «Посланіе къ Дашковой» и «На смерть гр. Григорія Ивановича Орлова». Послѣднія четыре стихотворенія ею же переведены и на французскій. Большинство переводовъ С. подписаны инціалами «М. С.».

Макаровъ, „Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ - авторовъ", „Дамскій Журналъ", 1830 г., № 7, стр. 98—100; № 10, стр. 145—147 и № 21, стр. 113.—Д. Мордовцевъ, „Русскія женщины второй половины XVIII в.", Спб., 1874 г.—Николай Книжникъ (кн. Н. Голицынъ), „Словарь русскихъ писательницъ, 1759—1859 гг.", „Русск. Архивъ", 1865 г., № 9—10, стр. 1209—1210.—Его же, „Списокъ русскимъ писательницамъ", „Молва", 1857 г.—„Московскій Телеграфъ", 1829 г., № 18 и 19.—„Раутъ", 1854 г., стр. 121.—„Драматическій Альбомъ" Арапова, М., 1854 г., стр. 130.—Новиковъ, „Опытъ словаря русскихъ писателей".—Н. В. Сушковъ, „М. В. Храповицкій и М. П. Сердюковъ", „Раутъ", 1852 г., стр. 204 и сл.—А. Е. Викторовъ, „Бумаги Н. В. Сушкова въ Московскомъ Публичномъ музеѣ", М., 1872 г.—„Сочиненія Державина" подъ ред. Грота, т. VI, стр. 611.—Геннади, „Списокъ русскихъ анонимныхъ книгъ", Спб., 1871 г., стр. 10.—„Johann Bernoulli's Reise", Leipzig, 1870, p. 124.—Leclerc, „Histoire de la Russie moderne", Paris, 1783, t. 1, p. 86.

Сушковъ, *Дмитрій Петровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, писатель, сотрудникъ различныхъ журналовъ, родился 14 марта 1817 г., умеръ въ 1877 г., братъ Сергѣя Петровича Сушкова. Отдѣльно издалъ «Стихотворенія» (Спб. 1838 г.) и въ повременныхъ изданіяхъ напечаталъ: «Эпизодъ изъ исторіи русскаго театра, 1818 г.» («Русская Старина», 1873 г., т. 7, № 4), «Хозяйственныя распоряженія Императрицы Елизаветы Петровны 1746—1759 г.г.» (тамъ же, 1873 г., т. 8, № 7), «О запискахъ А. В. Храповицкаго» («Голосъ», 1872 г., № 65).

„Библіотека для Чтенія", 1838 г., т. 31, отд. 6, стр. 1—11.—„Современникъ", 1838 г., т. 12, стр. 67—69.—„Сѣверная Пчела", 1838 г., № 231, статья Ф. Булгакова.—„Сынъ Отечества", 1838 г., т. 5, отд. 4, стр. 139.—„Русская родословная книга", Спб. 1873 г., т. I, стр. 306.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, Спб., 1887 г., т. II, стр. 458.

Сушковъ, *Михаилъ Васильевичъ*, писатель и переводчикъ, братъ слѣдующаго, родился, какъ можно заключить изъ предисловій и заявленій къ посмертному изданію нѣкоторыхъ его произведеній, въ 1775 г., умеръ въ 1792 г.—17 лѣтъ. Незадолго до смерти С. въ журналѣ «Дѣло отъ бездѣлья» были напечатаны его «Ода, писанная въ теченіе войны съ турками» (1792, ч. II, мартъ), логогрифъ «Я есмь не вещество», загадки «Я въ царствѣ нѣжностей» и «Я тридцать съ четырьмя», шарада «Въ полденныхъ только я странахъ» (1792 г., май), и отдѣльно изданъ переводъ съ французскаго: «Полная баснословная исторія» (М., 1792, и 2-е изд., Владиміръ, 1799 г.). Характерны однако для С. не эти забавы пера, въ которыхъ впрочемъ свѣтится неподдѣльный талантъ, встрѣчаются свѣжіе обороты и выраженія,—характеренъ для него его «Россійскій Вертеръ», найденный въ рукописи и изданный нѣсколько лѣтъ спустя по смерти С. Этотъ небольшой романъ, навѣянный, безъ сомнѣнія, «Вертеромъ» Гете и проникнутый безудержнымъ пессимизмомъ, въ своемъ родѣ единственное явленіе въ литературѣ: судьбу его героя—самоубійство—раздѣлилъ и авторъ. Романъ является такимъ образомъ полной исповѣдью С., выраженіемъ его міровоззрѣнія и міроощущенія. Были ли какія-нибудь причины личнаго свойства, приведшія С. къ мрачному взгляду на жизнь, или же это былъ только философскій выводъ, тогда сильно распространенный и С. воспринятый не только умомъ, но и полнымъ сердцемъ,— судить трудно. Нѣтъ сомнѣнія во всякомъ случаѣ, что С. былъ чуткой и нервной натурой, широко одаренной и глубоко воспринимающей съ рѣдкой особенностью такого юнаго возраста, въ какомъ покончилъ съ собою С., воспринятыя мысли анализировать, развивать, перерабатывать, доводить до крайностей, а затѣмъ не только исповѣдывать ихъ, но и дѣломъ имъ слѣдовать. Свои воззрѣнія онъ изложилъ въ нѣсколькихъ философскихъ разсужденіяхъ, о чемъ кратко сообщается въ одномъ изъ примѣчаній къ тому же «Россійскому Вертеру», но по условіямъ цензуры они не могли увидѣть свѣта. О характерѣ, а отчасти и о предметѣ ихъ можно судить по одному мѣсту его завѣщанія, въ смягченной формѣ переданному издателемъ романа: «Онъ (С.) велѣлъ раздать имущество свое нищимъ, а попамъ ничего», «и для того,—прибавляетъ издатель,— нищіе со

слезами на глазахъ провожали прахъ его, а попы предали проклятію его имя»; въ томъ же завѣщаніи С. далъ отпускную своимъ людямъ. Въ 1803 г. братомъ покойнаго С. Николаемъ Васильевичемъ была издана книга подъ названіемъ «Памяти брата, или собраніе сочиненій и переводовъ М. Сушкова, найденныхъ послѣ его смерти».

Предисловіе къ «Памяти брата etc.», М., 1803 г.—Заявленіе отъ издателя «Россійскаго Вертера», М., 1801 г.—Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», Спб., 1814 г., ч. II, № 2434; ч. III, № 4876.—А. Н. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», Спб., 1872 г., стр. 717.—«Роспись россійскимъ книгамъ» Смирдина, Спб., 1828 г., №№ 6648, 8445.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», Спб., 1887 г., т. II, стр. 457.—«Русская родословная книга» изд. «Русской Старины», Спб., 1873 г., стр. 305.

Сушковъ, *Николай Васильевичъ*, драматургъ, поэтъ и журналистъ; родился 15 ноября 1796 г. Отецъ его былъ при Императорѣ Павлѣ симбирскимъ губернаторомъ, мать—въ свое время довольно извѣстной писательницей и переводчицей. Воспитывался С. въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ и здѣсь подъ вліяніемъ Мерзлякова и образовавшихся въ пансіонѣ литературныхъ кружковъ началъ писать. Первыя попытки его были уже настолько успѣшны, что въ 1810 г. одно изъ его стихотвореній—«Дружба» — удостоилось быть прочитаннымъ на торжественномъ пансіонскомъ актѣ. Окончивши курсъ пансіона (1814 г.), С. поступилъ на службу въ министерство юстиціи, въ которомъ числился служащимъ уже съ 1807 г. Въ Петербургѣ, куда онъ переѣхалъ изъ-за службы, С., несмотря на свои обширныя связи въ аристократическихъ сферахъ, жилъ довольно скромно и вращался главнымъ образомъ въ литературной сферѣ. Здѣсь онъ сблизился съ Державинымъ, Карамзинымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Олениннымъ и др.; въ этомъ кружкѣ окончательно сложились его литературные вкусы и воззрѣнія.

Съ 1815 г. С. сталъ печататься въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій: «Сынѣ Отеч.», «Амфіонѣ», «Благонамѣренномъ», «Русск. Пустынникѣ», «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотвореній», «Музѣ россійск. стихотв.» и др., гдѣ появлялись главнымъ образомъ его стихотворенія и мелкія критическія замѣтки. Около этого же времени С. обратился къ театру и написалъ для домашней сцены драму «Теніеръ или анекдотъ въ лицахъ»; нѣсколько позже ее предполагалось поставить даже на Эрмитажной сценѣ (напеч. только въ 1850 г. въ «Драматич. Альбомѣ» Арапова). Для домашней же сцены предназначались его переводъ «Metromanie» Пирона и небольшая оригинальная пьеска «Сюрпризы», за которую онъ имѣлъ непріятности отъ Милорадовича (послѣдній въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы увидѣлъ намеки на Петра I).

Въ 1818 г. С. перешелъ на службу въ первый департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, гдѣ занялся составленіемъ историческаго и статистическаго описанія соляныхъ источниковъ, солеваренныхъ заводовъ и каменной соли. Отдѣльные отрывки изъ этой работы были напечатаны въ «Отечеств. Записк.» (1821) и «Сибирск. Вѣстн.» (1821), а черезъ нѣкоторое время въ «Горномъ Журналѣ» (1827)—связанное съ предыдущемъ изслѣдованіе: «Объ Эльтонскомъ и крымскихъ соленыхъ озерахъ». Зимою 1822 г. С. былъ назначенъ совѣтникомъ соляного отдѣленія Таврической казенной экспедиціи и переселился въ Симферополь. Предыдущія занятія по изученію соляного промысла помогли ему быстро ориентироваться на новомъ мѣстѣ, и онъ въ непродолжительное время цѣлесообразной постановкой дѣла значительно повысилъ отъ него доходы казны. Въ 1825 г. онъ былъ переведенъ членомъ Бессарабскаго верховнаго совѣта въ Кишиневѣ, гдѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ концѣ 1827 г. или въ началѣ 1828 г. имѣлъ дуэль, кончившуюся смертью его противника. Подъ вліяніемъ этого происшествія, всегда мучившаго его, онъ впослѣдствіи написалъ въ стихахъ пьесу «Дуэлисты», нѣсколько разъ игранную на Московской сценѣ. За дуэль С. былъ присужденъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ крѣпости и къ духовному покаянію, которое пожелалъ отбыть въ Москвѣ. Здѣсь въ немъ подъ вліяніемъ Московскаго митрополита Филарета постепенно совершился духовный переворотъ, и С., относившійся раньше индифферентно къ вопросамъ вѣры, сталъ человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ въ духѣ православія; этотъ переломъ отразился на всей его послѣдующей жизни и дѣятельности, а также и на его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Отбывъ установлен-

ное церковное покаяніе, онъ зачислился по министерству внутреннихъ дѣлъ и переѣхалъ въ Петербургъ, но уже въ 1830 г. командированъ въ Митаву предсѣдателемъ «Комиссіи для обревизованія земскихъ сборовъ по Курляндіи», а вскорѣ затѣмъ назначенъ управляющимъ «канцеляріи начальника временно образованной, по случаю волненій въ Западномъ краѣ, изъ Жмудскихъ уѣздовъ области». Послѣ подавленія польскаго возстанія онъ переведенъ въ Вильну правителемъ канцеляріи виленскаго ген.-губернатора Н. А. Долгорукова. Въ 1835 г. былъ приглашенъ гр. Толлемъ на должность вице-директора единственнаго въ то время департамента путей сообщенія, а въ 1838 г. (въ этомъ же году женился) получилъ назначеніе губернаторомъ въ Минскъ. Его губернаторство въ Минскѣ совпало съ моментомъ дѣятельности Іосифа Сѣмашко, стремившагося къ возсоединенію уніатовъ. Сдѣлавшись подъ вліяніемъ митрополита Филарета убѣжденнымъ сторонникомъ и защитникомъ господствующей церкви, С. къ дѣятельности Сѣмашко отнесся болѣе чѣмъ сочувственно, и его слишкомъ прямолинейная политика въ этомъ вопросѣ стоила ему губернаторскаго мѣста. Послѣ этого онъ совсѣмъ покинулъ службу и навсегда поселился въ Москвѣ. Когда въ 1845 г. М. И. Муравьевъ, тогдашній управляющій межевымъ корпусомъ, предложилъ ему поступить на службу въ качествѣ своего товарища, С. отказался въ весьма характерныхъ для него выраженіяхъ: «Я не честолюбивъ и не любостяжателенъ,—писалъ онъ Муравьеву;—стало быть, перевязать современемъ ленту съ одного плеча на другое или же изъ превосходительства возрасти въ превосходительство съ четвертью—не пища моему самолюбію, а хлопотать объ арендѣ, когда я прожилъ 50 лѣтъ безъ богатства, и поздно и не нужно».

Начиная съ 1818 г. и до отставки, С., поглощенный служебными обязанностями, совершенно прекратилъ занятія литературой (только въ 1823 г. напечаталъ раньше написанную «лирическую трагедію» въ 3 д. «Сафо»), растерялъ за этотъ двадцатилѣтній періодъ всѣ прежнія литературныя связи, а самое главное — совершенно утратилъ духовную связь съ новыми литературными вѣяніями и направленіями. Время ложно-классическихъ трагедій и комедій, написанныхъ александрійскими стихами, безвозвратно прошло, наступила новая литературная эпоха, эпоха западничества и славянофильства. Привыкши къ безобидной журналистикѣ 1815 — 20 гг., С. не понималъ новой роли литературы, новой роли журналовъ, роли вновь возникшей критики и т. д. «Литературное поприще мое,—говоритъ самъ С., бросая ретроспективный взглядъ на свою литературную дѣятельность,—разломано надвое; середину между двумя половинами наполняетъ служебная дѣятельность. Съ одного конца — молодость и успѣхи, на другомъ концѣ— старость и помѣхи». Сущность дѣла коренилась, конечно, не только въ «старости и помѣхахъ», она лежала гораздо глубже,— въ новыхъ условіяхъ, которыхъ С. не могъ охватить, которымъ онъ былъ совершенно чуждъ. И когда онъ, поселившись въ Москвѣ, вновь принялся за литературную дѣятельность, то съ первыхъ же шаговъ потерпѣлъ неудачу. По предложенію «Москвитянина» почтить 700-лѣтіе Москвы литературнымъ произведеніемъ, С. написалъ поэму «Москва», въ которой въ стихахъ и лицахъ пытался дать характеристику главныхъ моментовъ въ исторіи развитія древней столицы. Поэма встрѣтила рѣзкій отзывъ со стороны всѣхъ журналовъ и критиковъ того времени. Напечатанную вскорѣ за этимъ драму «Бѣдность и благотворительность» критика совершенно обошла молчаніемъ. По поводу рѣзкихъ нападокъ на «Москву» С. отвѣтилъ брошюрой полемическаго характера: «Нѣсколько словъ на отзывы журналовъ о поэмѣ «Москва», но этимъ еще болѣе ухудшилъ отношеніе къ себѣ журнальной критики.

Значительно большимъ успѣхомъ пользовались произведенія С. на сценѣ. Хотя драматическая поэма «Москва» и драма «Бѣдность и благотворительность», несмотря на всю ихъ невинность, цензурой допущены къ постановкѣ на сценѣ и не были, но напечатанная въ «Москвитянинѣ» (1849 г.) небольшая пьеса: «Комедія безъ свадьбы» игралась нѣсколько разъ. Кромѣ того между 1850—1858 гг. въ бенефисы видныхъ артистовъ были играны слѣдующія его пьесы, написанныя и напечатанныя въ тотъ же промежутокъ времени: «Раканы» (1850, бенефисъ Садовскаго), «Движущіеся столы» (1853, бенеф. Семеновой), «Молдавская Кукона» (бенеф. Щеп-

кина), «Мазогинъ» (1852) и «Современные вопросы и женихи всѣхъ временъ» (1858).

Въ это же время С. писалъ и не для театра. Въ 1885 г. онъ издалъ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Книга печалей», а между 1851—53 г. издалъ три сборника альманаха подъ названіемъ «Раутъ». Въ третьемъ изъ нихъ была помѣщена статья С. «Обозъ къ потомству», въ которой заключались личныя его воспоминанія о литераторахъ того времени. Статья вызвала рядъ пасквилей на автора со стороны недовольныхъ литераторовъ. Нѣчто подобное пришлось ему вынести и послѣ напечатанія въ 1864 г. «Воспоминаній о Тучковѣ, московскомъ ген.-губернаторѣ». Въ 1858 г. была имъ издана книга «Московскій университетскій благородный пансіонъ», очень цѣнная работа, дающая обильный матеріалъ для исторіи этого привилегированнаго учебнаго заведенія и безпристрастныя характеристики-воспоминанія о многихъ лицахъ, учившихся въ немъ и впослѣдствіи ставшихъ видными государственными дѣятелями. Наконецъ къ 1868 г. относятся его «Воспоминанія о жизни и времени святителя Филарета». За ихъ пополненіемъ застала его смерть. Въ послѣдніе годы С. состоялъ членомъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, имѣвшаго цѣлью распространеніе научно-богословскихъ и историческихъ свѣдѣній. Умеръ С. 7 іюля 1871 г.

«Указатель къ повременнымъ изданіямъ Общ. Ист. и Древн. Рос.» прилож. къ «Русск. Архиву», 1866 г., №№ 1007, 1063, 1170, 1171 1251, 1454, 1493, 1569, 1573, 1600, 1601, 1653, 1710.—«Сборн И. Русск. Ист. Общ.», т. XXVI, стр. 218.—«Сочиненія К. Батюшкова».—В. Майковъ, «Критическіе опыты». — Щебальскій, «Литераторъ стараго времени», «Русск. Вѣстн.», 1871 г., № 11.—«Свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ 1871 г.», «Русскій Архивъ», 1873 г., № 8, стр. 1506—1507. — «Надгробное слово протоіерея І. Рождественскаго», «Моск. Епарх. Вѣдом.», 1871 г., № 29. — Некрологи: «Русскій Архивъ», 1871 г., № 10, стр. 1473.—«С.-Петерб. Вѣд.», 1871 г., № 41.—«Некрологи», 1871 г., № 36. — «Голосъ», 1871 г., № 40. — «Календарь на 1872 г.», Гатцука, стр. 245.

Сушковъ, *Петръ Михайловичъ*, коллежскій совѣтникъ, родился въ 1733 г. Былъ секретаремъ Сибирскаго приказа (1769 г.), ассесоромъ банковой конторы (1760 г.). Женатъ былъ на А. П. Румянцевой (род. въ 1740 г.). Умеръ бездѣтнымъ въ январѣ 1804 г. Напечатаны его романы «Юлія или слѣдствіе обольщенія» (М., 1805 г.) и переводъ съ франц. «Дѣти природы» (М., 1809 г.).

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», Спб., 1887 г., т. II, стр. 456. — «Русская родословная книга», изд. «Русской Старины», Спб. 1873 г., т. I, стр. 304.—Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», Спб., 1814 г., ч. II, № 3474 и 3566. — Смирдинъ, «Роспись россійскимъ книгамъ», Спб., 1828 г., № 7629 и 8743.—«Настольный словарь» Толля, т. III, стр. 573.

Сушковъ, *Сергѣй Петровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, писатель по церковнымъ и богословскимъ вопросамъ, родился 15 января 1816 г. Образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, изъ котораго вышелъ въ артиллерійскіе офицеры. Служилъ на Кавказѣ, гдѣ принималъ участіе въ дѣлахъ съ горцами, и въ одной изъ стычекъ раненъ былъ въ голову. За отличіе въ дѣлахъ былъ награжденъ нѣсколькими орденами и переведенъ въ гвардейскую артиллерію. Въ 1842 г. вышелъ въ отставку. Вторично вступилъ на военную службу въ 1855 г., во время Восточной войны, и въ чинѣ штабсъ-капитана командовалъ одной изъ дружинъ московскаго ополченія. По окончаніи войны снова вышелъ въ отставку и въ 1857 г. уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ до 1862 г. Здѣсь онъ занялся изученіемъ богословскихъ церковныхъ вопросовъ. Написалъ и издалъ на французскомъ языкѣ нѣсколько брошюръ, направленныхъ противъ римской церкви, а также принималъ близкое и дѣятельное участіе въ издававшейся протоіереемъ Васильевымъ и абатомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи православнымъ священникомъ, Владиміромъ Гетте—«L'unione Chretiènne». За брошюры и статьи въ «L'unine Chretiènne» ему была объявлена благодарность, напечатанная въ газетѣ «Le Nord» и присланная изъ министерства внутр. дѣлъ по Высочайшему повелѣнію. Въ 1861 г. ему было поручено посломъ П. Д. Киселевымъ наблюдать за постройкой посольской русской церкви въ Парижѣ. По возвращеніи въ 1862 г. въ Россію, онъ, по приглашенію оберъ-прокурора синода Ахматова, поступилъ на службу по духовному вѣдомству и написалъ по порученію того же лица книги

«Объ училищахъ для дѣтей лицъ духовнаго званія» и «О нововведеніяхъ князя Кузы въ румынской церкви». За первый трудъ награжденъ былъ Императрицей Маріей Александровной перстнемъ. Въ 1869 г. С. въ третій разъ вышелъ въ отставку, а 1873 г. поступилъ на службу въ главное управленіе по дѣламъ печати, гдѣ составлялъ письменныя обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ. Съ 1874 по 1881 г. включительно состоялъ главнымъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника», причемъ при уходѣ ему была объявлена благодарность министра внутреннихъ дѣлъ за успѣшное литературное и финансовое руководство газетой. Въ послѣдніе годы жизни С., продолжая служить въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, возобновилъ прерванныя богословскія занятія. Его сочиненіе «Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ римской церкви» (Спб. 1891 г.) удостоено было академіей наукъ преміи московскаго митрополита Макарія. Издалъ съ написанной имъ біографіей сочиненія своей сестры графини Е. П. Ростопчиной (Спб., 1890 г.). Кромѣ того С. было написано значительное число журнальныхъ статей и замѣтокъ, главнымъ образомъ по богословскимъ вопросамъ: «Церковь древне-христіанская» («Историческій Вѣстникъ 1886 г., апрѣль), «О воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго» («Русскій Архивъ», 1877 г., т. II), «А. Е. и В. Н. Асенковы» («Русская Старина», 1876 г., т. XIII). Умеръ С. въ Петербургѣ 5 апрѣля 1893 г.

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, Спб., 1887 г. т. II, стр. 458.—„Русская родословная книга“, изд. „Русской Старины“, Спб., 1873 г., т. I, стр., 306.—„Русскій календарь на 1894 г.“, Спб., 1894 г., стр. 331.—„Правительственный Вѣстникъ“, 1893 г. № 28.—„Новое Время“, 1893 г., № 6086.—„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1893 г., № 37.—„Новости“, 1893 г., № 37.—„Историческій Вѣстникъ“, 1893 г., апрѣль, стр. 300.—Прибавленіе къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“, 1893 г., № 8, стр. 330.

Сущовъ, *Павелъ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, родился 30 мая 1779 г. въ родовомъ имѣніи Сущово, Нижегородской губ., Васильскаго уѣзда, и по смерти, послѣдовавшей 23 декабря 1851 г. въ Петербургѣ, въ родномъ помѣстьѣ же и похороненъ. Въ 1791 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса котораго 1 мая 1796 г., «не вступно 17-ти лѣтъ отъ роду», былъ произведенъ въ мичманы и командированъ въ Архангельскъ, гдѣ въ теченіе лѣта слѣдующаго года командовалъ портовымъ бригомъ № 1. Между 1798—1800 гг. С. находился въ эскадрѣ вице-адмирала Тета, посланной въ качествѣ вспомогательнаго отряда изъ Архангельска въ Англію. Состоя на фрегатѣ «Счастливый», онъ посѣтилъ рядъ европейскихъ портовъ, въ томъ числѣ Любекъ, Данцигъ, Карлскрону и Стокгольмъ. Возвратившись осенью 1800 г. въ Кронштадтъ, С. въ теченіе всей дальнѣйшей морской службы уже никогда не выходилъ за предѣлы Балтійскаго флота. Произведенный черезъ два года въ лейтенанты, онъ въ 1807 г. былъ назначенъ командиромъ катера «Снапопъ», а въ слѣдующемъ году, командуя нѣсколькими канонерскими лодками, участвовалъ въ сраженіи у Юнгфрузунда (8 августа) и въ жаркомъ дѣлѣ русскаго гребного флота съ шведскимъ у острова Пальви (6 сентября), за что получилъ нѣсколько знаковъ отличія. При послѣднемъ сраженіи онъ былъ очевидцемъ геройской защиты мичмана В. Ф. Сухотина, которую впослѣдствіи описалъ въ письмѣ къ извѣстному исторіографу русскаго флота В. Н. Берху (напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ», 1829г., № 152 и въ книгѣ Шульца «Подвиги русскихъ моряковъ»). Когда въ 1809 г. Кронштадтъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе въ виду предполагавшейся возможности прихода англійскаго флота, С. находился на одномъ изъ кораблей, все время стоявшихъ на рейдѣ. Въ чинѣ капитанъ-лейтенанта (съ 1811 г.) командуя военнымъ бригомъ «Меркурій» и крейсируя на немъ въ 1812 г. у береговъ Курляндіи, С. велъ дневникъ наиболѣе выдающимся событіямъ и свои наблюденія подъ заглавіемъ «Изъ записокъ стараго моряка» напечаталъ впослѣдствіи въ «Морскомъ Сборникѣ» (1848 г., т. I, 298, 345, 437 и 491; т. II, 95). Одно его замѣчаніе по поводу управленія тендерами породило цѣлую полемику по этому вопросу на страницахъ «Морского Сборника». Въ 1816 г. С., состоя командиромъ брига «Феликсъ», ѣздилъ съ гвардейскими нижними чинами въ Стокгольмъ, гдѣ получилъ шведскій орденъ Меча, а по возвращеніи былъ награжденъ Георгіемъ 4-й ст. за 18 мор-

скихъ кампаній. Въ 1819 г. онъ состоялъ флагъ-капитаномъ при вице-адмиралѣ Кроунѣ и занимался перевозкой войскъ изъ Свеаборга въ Ревель, слѣдующій годъ провелъ по болѣзни въ отпускѣ, въ теченіе 1821—1823 гг. командовалъ сначала фрегатомъ «Гекторъ», затѣмъ фрегатомъ «Автроилъ», участвовалъ въ крейсерствахъ, а въ концѣ послѣдняго года былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ начальникомъ корабля «Ретвизанъ», на которомъ однако за его ветхостью кампаній не совершалъ. За дѣятельное участіе въ снятіи съ мели судовъ послѣ извѣстнаго наводненія 1824 г. С. въ числѣ немногихъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й ст. Съ 1827 г. вмѣстѣ съ повышеніемъ въ капитаны 1-го ранга онъ былъ опредѣленъ командиромъ 17-го флотскаго экипажа и строившагося 84-пушечнаго корабля «Эмгейтонъ», два года спустя—командиромъ 14-го флотскаго экипажа и 110-пушечнаго корабля «Императоръ Александръ I», во главѣ которыхъ состоялъ до 28 августа 1831 г., когда былъ пожалованъ въ контръ-адмиралы и назначенъ капитаномъ Кронштадтскаго порта; въ этой должности онъ пробылъ не болѣе года. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, начиная съ 1832 г., С. состоялъ начальникомъ 3-й бригады 1-й флотской дивизіи и командовалъ особымъ отрядомъ военныхъ судовъ, совершалъ обычныя кампаніи (1834 г.), спеціально занимался перевозкой войскъ (1835 г.), наблюдалъ за испытаніемъ новопостроенныхъ судовъ—напр. кораблей «Владиміръ», «Фершампенаузъ», «Орелъ», командовалъ всею 1-ю флотскою дивизіею (1837 г.), а съ производствомъ въ вице-адмиралы (въ томъ же 1837 г.), состоялъ начальникомъ практической эскадры въ Балтійскомъ морѣ до 1839 г., когда по слабости здоровья былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта. Въ засѣданіяхъ послѣдняго онъ принималъ дѣятельное участіе при пересмотрѣ нѣкоторыхъ главъ морского устава; въ совѣтѣ служилъ до конца жизни. Высшій орденъ имѣлъ Владиміра 2-й ст. По отзывамъ современниковъ, С. живо интересовался литературой, въ особенности морской, въ которой считался авторитетомъ.

„Общій морской списокъ“, ч. V, Спб., 1890 г., стр. 160—163.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота“, ч. XIV, Спб., 1893 г., стр. 554.—Статья самого С. „Изъ записокъ стараго моряка“, „Морск. Сборн.“, 1848 г., т. I и II.—Ѳ. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса“, Спб. 1852 г.—С. К., „Вице-адмиралъ П. И. Сущовъ“, „Морск. Сборн.“, 1853 г. № 7, стр. 32—38.

Схардія, *Симонъ* (1595—1672), переводчикъ средины XVII в., главнымъ образомъ книгъ политическаго содержанія, «наукъ вызволенныхъ учитель и вкладчикъ». Человѣкъ для своего времени весьма образованный, хорошо знавшій иностранные языки, онъ, повидимому, внимательно и серьезно слѣдилъ за умственными теченіями въ Западной Европѣ и болѣе важное старался передать на русскій языкъ. Трудно, впрочемъ, установить, какіе именно переводы принадлежатъ ему; только относительно одного не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ снабженъ подписью Simon Schardius. Это—переводъ книги «Наставленіе царя о твореніи совѣтовъ и избраніи совѣтниковъ, о совѣтахъ и совѣтникахъ», книга I, «съ трактату или описанія Фридерика Фурія Коріоляна о наставленіи князя съ языка итальянскаго преложенная чрезъ Симона Схардія, наукъ вызволенныхъ учителя и вкладчика». Ему же по всей вѣроятности принадлежитъ переводъ и слѣдующихъ ссчиненій: «На Аргеніи Іоанна Барклая дискурсъ» (любимое сочиненіе Ришелье); «Эрнеста Гоцкелія, философа, о европейскихъ царѣхъ и ихъ преизящныхъ нравахъ, и даже до послѣднихъ нравовъ нашихъ подобообразное описаніе, тщаніемъ Гобелія сочинися»; «Совѣты на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское и собственное; или всякаго сокровища общественнаго соблюденіе вѣчное; или совѣты на установленіе, и размноженіе, и соблюденіе всякаго сокровища, повсюду обрѣтающагося, выданныхъ чрезъ Максимиліана Фауста Ашавенбургскаго во Франкфуртѣ»; «Новоумноженный политическаго счастья ковачь» Христіана Георгія фонъ-Бесселя. Всѣ переводы С. остались въ рукописи.

И. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», т. I, Спб., 1862 г., стр. 256.

Схарія (*Захарія*, *Скара*), ересіархъ, основатель секты жидовствующихъ; дѣятельность его относится ко второй половинѣ XV вѣка. Въ 1470 г. (по нѣкоторымъ источникамъ — въ 1471) въ «господинъ ве-

ликій Новгородъ», отстаивавшій въ то время отъ московскаго единодержавія свои вольности, въ качествѣ намѣстника короля польскаго прибылъ братъ кіевскаго князя Семена, кн. Михаилъ Олельковичъ (Александровичъ), а вмѣстѣ съ нимъ изъ Кіева же пріѣхали нѣсколько евреевъ (по свидѣтельству лѣтописи), вѣрнѣе караимовъ, въ ихъ числѣ и С. Цѣлью пріѣзда послѣднихъ были торговыя дѣла, что видно изъ словъ лѣтописца: «15 лѣто 6979 былъ въ Новѣгородѣ князь Михайло Олельковичъ, а съ нимъ жидове торгомъ». Съ княземъ С. былъ хорошо знакомъ еще въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ пользовался даже особымъ его вниманіемъ и благосклонностью. Крымскій уроженецъ и караимъ по происхожденію, С. въ Кіевъ переселился еще въ молодые годы и тамъ среди своихъ единовѣрцевъ пользовался большимъ вліяніемъ. Отъ своего племени онъ унаслѣдовалъ наиболѣе характерныя его особенности—свободное и критическое отношеніе къ основнымъ положеніямъ и догматамъ вѣры и глубокое уваженіе къ наукѣ. По тогдашнему времени онъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ: онъ хорошо зналъ Ветхій и Новый Завѣтъ, ему были основательно извѣстны творенія отцовъ и учителей христіанской церкви, и, что самое главное, онъ незаурядно былъ знакомъ съ философіей, естественными и математическими науками, а изъ послѣднихъ—особенно съ астрономіей. Въ своемъ «Просвѣтителѣ» Іосифъ Волоцкій характеризуетъ С. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сей (С.) бяша дьяволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологы». С. былъ блестящимъ діалектикомъ, что въ связи съ его обширными, на тогдашнюю русскую мѣрку почти исключительными познаніями давало ему въ руки неотразимое оружіе.

Соловьевъ въ «Исторіи Россіи» (кн. I, т. V, стр. 1546) говоритъ, что уже въ половинѣ XV вѣка въ Кіевѣ явилась ересь, смѣсь іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ, отвергавшая таинство Св. Троицы, божественность Христа, почитаніе иконъ и пр., и что во главѣ этой секты уже въ Кіевѣ стоялъ С. Однако ни одно изъ этихъ положеній — ни то, что колыбелью секты жидовствующихъ или весьма близкой къ ней является Кіевъ, ни то, что С. уже тамъ игралъ выдающуюся роль— не находитъ подтвержденія въ первоисточникахъ. Съ другой стороны есть прочныя данныя предполагать, что подобіе такой секты въ зачаточномъ видѣ существовало на западныхъ окраинахъ Литвы, и что С., бывавшій всюду по своимъ торговымъ дѣламъ, именно тамъ могъ почерпнуть зародыши своихъ антидогматическихъ идей, которыя самостоятельно развилъ далѣе.

Въ Новгородѣ С. поставилъ себя скоро въ хорошія отношенія, особенно съ нѣкоторыми лицами изъ духовенства. Знакомства его начались именно съ послѣднихъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ въ тѣ времена торговля въ городѣ находилась подъ покровительствомъ церкви, при храмахъ хранились товары, вѣсы и мѣры, слѣдовательно для торговца, какимъ былъ С., являлась постоянная необходимость входить въ сношенія съ духовными лицами. Со многими изъ нихъ С. сблизился, и въ результатѣ, по словамъ лѣтописца, получилось то, что «мнози отъ поповъ и діаконовъ, живущихъ свинскимъ житіемъ, начали къ нему ходить и бражничать и учиться волшебнымъ книгамъ... И того ради научившася отъ нихъ христоборной ереси жидовской...» Что касается «волшебныхъ книгъ», то поводъ къ этому могла дать, вѣроятно, имѣвшаяся у С. рукопись «шестокрылія», на основаніи которой онъ предсказывалъ небесныя явленія, чѣмъ сильно дѣйствовалъ на окружающихъ, ко всякому выходящему изъ ряда вонъ явленію относившихся съ суевѣріемъ и видѣвшихъ въ немъ предвѣстника бѣдствія. Точно также въ распоряженіи С. имѣлись, повидимому, нѣкоторыя рукописи по математикѣ, которыя русскимъ книжникамъ могли казаться «волшебными тетрадями и чернокнижіемъ».

Но ни «волшебныя книги», ни обаяніе личности С., ни его выдающаяся ученость, конечно, не дали бы тѣхъ большихъ результатовъ, какіе оказались на дѣлѣ, если бы не существовали особыя условія, благопріятствовавшія зарожденію и развитію такой раціоналистической секты, какой была секта жидовствующихъ. Къ такимъ условіямъ относится, главнымъ образомъ, состояніе политическихъ и церковныхъ дѣлъ того времени, какъ нельзя болѣе благопріятное для броженія мысли. Въ «великомъ городѣ», наканунѣ паденія его

политической самостоятельности, образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна—сторонница политической свободы — искала покровительства Литвы, для чего и пригласила кн. Михаила въ качествѣ намѣстника, а другая—сторонница единой церкви—стояла за сохраненіе союза съ Москвою. Первая включала все, что было вольномыслящаго и свободолюбиваго, вторая—ревнителей «отческихъ преданій» и традицій. Между ними шла ожесточенная борба, и при тѣсной связи, существовавшей между интересами политическими и религіозными, эта борьба должна была перейти и перешла изъ области политической въ область религіозно-церковную. Съ другой стороны тогдашній чрезмѣрно развившійся формализмъ въ дѣлахъ церкви, не всегда примѣрное поведеніе многихъ ея представителей, значительные поборы съ прихожанъ, рядъ злоупотребленій и пр. явленія, свойственныя переходнымъ эпохамъ, — все это вызвало извѣстную реакцію противъ существовавшихъ религіозныхъ формъ, многихъ отъ нихъ отталкивало и гнало въ ряды прозелитовъ иныхъ толкованій. Къ тому же Новгородъ, имѣвшій постоянныя торговыя сношенія съ Западомъ, болѣе чѣмъ всякая другая область былъ подверженъ его вліянію; всякое крупное общественное движеніе въ странахъ средне-европейскихъ въ большей или меньшей степени отражалось и въ немъ, въ данный же моментъ на Западѣ именно и происходило сильное религіозное броженіе. Наконецъ, новгородское духовенство пользовалось не только во времена вольностей города, но долгое время и послѣ его покоренія Москвою сравнительной независимостью въ своихъ дѣлахъ отъ центральной власти и не подлежало внимательному контролю со стороны ея,—духовенство же, какъ наиболѣе образованное сословіе, и явилось авангардомъ въ распространеніи положеній и первыми членами секты жидовствующихъ. Совокупность этихъ условій и создала почву для развитія религіознаго броженія, еще раньше выразившагося въ сектѣ стригольниковъ. Отъ стригольничества было недалеко и до либерально-философскаго іудейства, какимъ и было ученіе С. Такимъ образомъ, почва была подготовлена. С. принадлежитъ, выражаясь сравненіемъ, роль не пахаря, а сѣятеля.

Сохранившіяся въ лѣтописяхъ и другихъ первоисточникахъ свѣдѣнія объ ученіи С. и его сектѣ скудны и далеко неполны, притомъ почти во всѣхъ случаяхъ записаны лицами, или совершенно не имѣвшими къ сектѣ никакого отношенія или же стоявшими къ ней въ качествѣ представителей противной стороны. Сектанты же не оставили послѣ себя ни одного сочиненія, въ которомъ излагалось бы ихъ вѣроученіе. Во всякомъ случаѣ то, что сохранилось, позволяетъ представить ученіе С.—главнымъ образомъ сторону отрицанія—въ слѣдующемъ видѣ: онъ отрицалъ монашество, духовную іерархію, троичность Божества, божественность Христа и воплощеніе Бога, отвергалъ поклоненіе иконамъ, крестное знаменіе и Евангеліе, не признавалъ таинствъ вообще и таинства причащенія въ особенности, не вѣрилъ въ безсмертіе души и отвергалъ почитаніе святыхъ, мощей и храмовъ. Что же касается стороны положительной, то С., какъ и большинство реформаторовъ религіи, въ этомъ смыслѣ почти ничего не создалъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Единственное, что можно съ достовѣрностью констатировать, это то, что во главу угла своей вѣры онъ положилъ Моисеевы заповѣди во всей ихъ ветхозавѣтной чистотѣ, признавъ ихъ альфой и омегой религіи,—и это собственно и есть, повидимому, тотъ «іудейскій» элементъ, отъ котораго получила свое названіе секта.

Первыми лицами, воспринявшими положенія С., были попы Діонисій и Алексѣй, къ которымъ въ скоромъ времени присоединились многіе священники, діаконы и причетники, а также знатные граждане и городскіе чиновники, между прочимъ такія видныя лица того времени, какъ Софійскій протопопъ Гаврило и сынъ знатнаго бояряна Гр. Мих. Тучина. Изъ этихъ лицъ, выдающихся по своему образованію и общественному положенію, составился кружокъ, который, тщательно скрывая свои идеи отъ властей («таяхуся, якоже зміевѣ въ скважнѣ») и наружно не порывая съ православіемъ, старался пріобрѣтать все новыхъ и новыхъ сторонниковъ. Въ скоромъ времени секта перебросилась изъ Новгорода въ Москву, куда ее перенесли попы Алексѣй и Діонисій, взятые Іоанномъ III какъ люди весьма ученые и

книжные и назначенные протопопами Архангельскаго и Успенскаго собора. Рядъ извѣстныхъ лицъ примкнулъ къ новому ученію, между ними любимецъ великаго князя дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Самъ Иванъ Васильевичъ, имѣвшій понятіе о ереси, относился къ ней благосклонно. Гоненія на нее начались только съ 1487 г., когда противъ нея рѣшительно выступилъ въ Новгородѣ архіепископъ Геннадій, созвавшій въ 1488 г. соборъ, который положилъ «нераскаянныхъ еретиковъ казнить градскою смертію».

Принималъ ли С. дѣятельное участіе въ дальнѣйшемъ распространеніи своего ученія и какое именно—остается неизвѣстнымъ. Есть больше основанія думать, что къ дальнѣйшимъ успѣхамъ своихъ идей онъ относился довольно равнодушно и все его вліяніе въ теченіе послѣдующей жизни въ Новгородѣ ограничивалось только тѣмъ, что онъ служилъ «источникомъ мудрости» для лицъ, наиболѣе выдающихся въ этомъ движеніи. Въ Новгородѣ онъ прожилъ лѣтъ двадцать. По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ у Татищева подъ 1491 г., С. былъ казненъ Іоанномъ III въ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими лицами, возставшими противъ московскаго великаго князя, изъ чего слѣдуетъ, что онъ, повидимому, принималъ участіе также и въ движеніи новгородскихъ партій противъ единодержавія Москвы.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, III, стр. 144, 184; IV, стр. 158—159, 235; VI, стр. 49, 235; VIII, стр. 160, 220, 234—242, 244.—„Никон. Лѣтопись“, VI, стр. 119, 171.—„Посланія“ новгородскаго архіепископа Геннадія: а) къ ростовскому архіеписк. Іосафу („Чтеніе Общ. Истор. и Древн.“, 1847 г., т. VIII); б) къ митрополиту Зосимѣ и къ собору владыкъ („Акты Арх. Экспед.“, I, № 380 и „Православн. Собесѣд.“, 1863, IV, стр. 476—481). — „Отвѣтныя грамоты“ архіеписк. Геннадію: а) отъ велик. кн. Іоанна Васильевича („Акты Истор.,“ т. I, № 285); б) отъ митропол. Геронтія (тамъ же, № 286).—Сочиненія преподобн. Іосифа Волоколамскаго (Волоцкаго): а) „Просвѣтитель“, содержащій возраженія жидовствующимъ въ 16 пунктахъ“ („Правосл. Собес.“, 1853—1855 гг. и отдѣльно); б) „Посланіе къ суздальскому епископу Нифонту“ („Чтенія въ Московск. Историч. Обществѣ“, 1847 г., 1 отд., IV); в) „Посланіе къ андроніковскому архимандр. Митрофану“—духовнику вел. кн. Іоанна Васил. (тамъ же); г) начало „Посланія къ велик. кн. Іоанну Васильевичу“ („Древн. Россійск. Вивліоѳ.“, XVI, стр. 423); д) „Посланіе къ бѣлоозерскимъ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію“ (тамъ же, XVI, стр. 424—428). — Сочиненія инока Новгородскаго Отенскаго монастыря Зиновія: а) „Истины показаніе“ (Казань, 1863); б) „Многословное посланіе“ (рукопись хранится въ библіот. Спб. дух. акад., № 1108).—В. Жмакинъ, „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“, М., 1881 г., стр. 342—369.—Н. Рудневъ, „Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви со времени Владиміра Велик. до Іоанна Грознаго“, М., 1838.—А. Сервицкій, „Опытъ изслѣдованія ереси новгородскихъ еретиковъ или жидовствующихъ“, „Православн. Обозр.“, 1862, іюнь, стр. 177—205. Свящ. Ѳ. Титовъ, „Секта жидовствующихъ“, „Миссіонерск. Обозр.“, 1896 г., іюль—авг., стр. 27—41; окт., 257—272; ноябрь, 337—353; дек., 437—445.—„Духовн. Вѣстникъ“, 1865, т. 11, стр. 25—54.—Преосв. Макарій, „Исторія Русской Церкви“, 2-е изд., Спб., 1887 г., т. VI, стр. 81—142, 195—205 и 250—280.—Преосв. Филаретъ, „Исторія Русской Церкви“, т. III, стр. 106—120.—Карамзинъ, „Исторія Государства Рос.“, т. IV, стр. 82—85, 90—105; т. VI, стр. 196 и прим. 320 и 324.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Польза“, кн. I, стр. 1546—1547. — Костомаровъ, „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ“, т. II, стр. 311 — 341. — Его же, „Сѣверно-русскія народоправства“, т. II, стр. 446—448.—Иконниковъ, „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“, Кіевъ, 1869, стр. 389—457.—В. Андреевъ, „Расколъ и его значеніе въ русской исторіи“, стр. 21—23.—И. И. Малышевскій, „О зарожденіи религіозныхъ сектъ въ Россіи съ раціоналистическимъ направленіемъ“, „Труды Кіевск. Духовн. Акад.“, 1883, т. XII, стр. 644—684.—Долговъ „Новыя данныя, для исторіи жидовствующихъ“ въ „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.“, И. Пановъ, „Ересь жидовствующихъ“, „Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.“, 1877, кн. I, стр. 1—40; кн. II, стр. 253—295; кн. III, стр. 1—59.—„Записки Одесск. Общ. Истор. и Древност.“, т. I, стр. 644.

Схендо-фонъ-деръ-Бехъ, *Михаилъ*, главный докторъ при Петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ. Грекъ по происхожденію, С. степень доктора медицины и философіи получилъ въ Падуѣ, а въ Россію прибылъ около 1723 г. Около этого же времени онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ Петербургскаго сухопутнаго госпиталя на мѣсто доктора Антонія Севасто. Страсть къ нумизматикѣ составила несчастье его жизни и погубила его карьеру. Занимаясь собираніемъ древнихъ монетъ, С. составилъ замѣчательный по своей рѣдкости и обширности нумизматическій кабинетъ. Герцогъ Биронъ настаивалъ на томъ, чтобы С. уступилъ ему часть своей коллекціи, но онъ не исполнилъ желанія всесильнаго временщика и за это поплатился ссылкой въ Сибирь. Черезъ нѣсколько лѣтъ, при Аннѣ Леопольдовнѣ, С. была возвращена свобода, но не

служебное положеніе. Наиболѣе крупными изъ его сочиненій (на латинскомъ языкѣ) является работа о современномъ ему состояніи просвѣщенія въ Россіи: «Praesens Russiae litterariae status in epistola adumbratus ad Samuelem Kasleseri de Keresser, Principatus Transilvaniae Secretarium», и напечатанная въ Нюрнбергѣ въ 1727 г. «Empirica illustris per septem nobilissima euporista familiaria remedia ad totidem gravissimos et frequentiores morbus profligandos» (1723 г.).

D-r Николай Купріяновъ, „Исторія медицины въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго".

Сцепура, *Степанъ (Людвигъ) Францевичъ*, статскій совѣтникъ, врачъ изъ минскихъ дворянъ (католикъ), родился въ 1826 г., умеръ 15 іюня 1881 г.; учился въ гимназіи въ Слуцкѣ, затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета, гдѣ находился съ 1845 до 1850 г., когда и получилъ степень лекаря, а степень доктора медицины—въ 1860 г. Служилъ военнымъ врачемъ на Кавказѣ со времени выпуска изъ университета до 1880 г. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. онъ былъ врачемъ главной квартиры. Служа на Кавказѣ, онъ участвовалъ въ основаніи тамошняго общества врачей, въ которомъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ-учредителей. Напечаталъ слѣдующія работы: «Дизентерія какъ исходъ кавказскихъ перемежающихся лихорадокъ», дисс. на степень д-ра мед. (Харьковъ, 1860 г.); «Опытъ антропологическаго изслѣдованія макрокефалическихъ череповъ, найденныхъ въ гробницахъ древняго кладбища близъ Мцхета въ Грузіи» (Казань, 1875 г.); «Докладъ комитета по разбору сочиненія на премію общества: «Экскурсія по Таманскому полуострову» («Сборникъ Кавк. общ. врачей» 1871 г.).

Л Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", тетр. II, Спб., 1886 г. и II дополненіе 1892 г.,— „Матеріалы по описанію Русско-Турецкой войны 1877—1878 г.г."—„Сборникъ Кавказскаго общ. врачей" 1881 г.

Счастневъ, *Михаилъ Николаевичъ*, врачъ, родился въ 1828 г., умеръ въ 1873 г. Служилъ уѣзднымъ врачемъ въ Малоярославлѣ и состоялъ членомъ общества калужскихъ врачей. Напечаталъ: «Тяжелое раненіе кости черепа» («Проток. общ. калужск. врач.», 1873 г., № 5); «Проектъ устройства санитарной части общественнаго управленія въ г. Кіевѣ» (въ извлеченіяхъ тамъ же, 1873 г., X и 1874 г., I).

„Проток. общ. калужск. врач.", 1873 г., IX.— Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели съ 1863 г.", театр. 5, Спб., 1889 г., стр. 157.

Сыпневичъ, *Доминикъ Станиславовичъ*, лекторъ англійскаго языка при университетѣ св. Владиміра, дворянинъ (католикъ), родился въ 1812 г. Образованіе, въ объемѣ гимназическаго курса, получилъ въ бывшемъ въ Кременцѣ-Волынскомъ лицеѣ. За самовольную отлучку за границу противъ него было возбуждено дѣло, но по Высочайшему соизволенію прекращено, и онъ въ 1844 г. получилъ возможность вернуться въ Россію. Въ 1845 г. С. поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, въ которой пробылъ до 1849 г., когда выдержалъ при Харьковскомъ университетѣ испытаніе на званіе учителя англійскаго языка и получилъ докторскій дипломъ. Послѣ этого въ томъ же году кіевскій генералъ-губернаторъ, который завѣдывалъ въ то время и учебнымъ округомъ, назначилъ его лекторомъ англійскаго языка при университетѣ св. Владиміра; въ 1852 г. онъ былъ утвержденъ въ этой должности, въ которой пробылъ до смерти, послѣдовавшей 5 ноября 1864 г.

В. С. Иконниковъ, „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго унив. св. Владиміра", Кіевъ 1884 г.

Сырейщиковъ, *Евгеній Борисовичъ*, педагогъ-писатель и переводчикъ, экстраординарный профессоръ Московскаго университета; учился въ Московскомъ университетѣ, куда вступилъ студентомъ въ 1770 г. на историко-филологическій факультетъ. Университетскій курсъ проходилъ подъ руководствомъ проф. Барсова и кончилъ съ похвалою. 11 сентября 1779 г. былъ назначенъ преподавателемъ правилъ россійскаго слога и славянскаго языка, а также логики и нравственности въ университетской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исправлялъ должность переводчика и издателя «Московскихъ Вѣдомостей». Во вниманіе къ его «способностямъ, усмотрѣннымъ во время его службы при гимназіи», С. произведенъ былъ въ экстраординарные профессора. 22 мая 1784 г. былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, въ комиссію объ устройствѣ народныхъ училищъ, и сталъ однимъ изъ сотрудниковъ Явковича

де-Миріево по подготовкѣ учителей и составленію учебниковъ для народныхъ школъ. Въ организованной Янковичемъ учительской семинаріи С. преподавалъ россійскій и славянскій языки, россійскую словесность, логику, нравственность, т. е. особенно отвѣтственные предметы, и состоялъ редакторомъ журнала «Растущій Виноградъ», въ которомъ главнымъ образомъ сотрудничали ученики учительской семинаріи. Въ «Растущемъ Виноградѣ» помѣщены нѣкоторые переводы его изъ Тацита. Умеръ С. въ Петербургѣ въ 1790 г. Изъ учебниковъ имъ составлены «Краткая россійская грамматика въ пользу юношества» (Москва, 1793), «Краткая россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ», выдержавшая 7 изданій (Спб., 1787—1805). Напечатаны двѣ его рѣчи: «Слово на высокоторжественный день рожденія Импер. Екатерины II, произнесенное въ публичномъ университетскомъ собраніи 24 апрѣля 1780 г.» (М., 1780) и «Рѣчь о пользѣ нравоученія при воспитаніи юношества, произнесенная въ университетскомъ собраніи 30 іюня 1783 г.» (М., 1783). Изъ переводовъ его вышли въ свѣтъ: «Открытое зеркало для всѣхъ, или рѣдкое чудо нынѣшняго вѣка, о свойствахъ дружества», соч. Карачіоли, съ французскаго (М., 1775); «Опытъ истолкованія гіероглифовъ и надписей, находящихся на нѣкоторыхъ древнихъ монетахъ», соч. Ивана Коха, съ латинскаго (Спб., 1788.); «Крестьянка-философка, или приключенія графини М. А. Де-Руміе», съ нѣмецкаго (М., 1767 г., изд. 2-е—1788 г.); «Опытъ изъясненія свинговъ» соч. И. Коха, съ латинскаго (Спб., 1798 г.).

Митроп. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ“, М., 1845 г., т. II, стр. 190.—„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета“, М., 1855 г., т. II, стр. 478—479.—А. В. Арсеньевъ, „Словарь писателей средняго и новаго періодовъ русской литературы“, Спб., 1887 г., стр. 120.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки Ал. Смирдина“, М., 1828 г., стр. 99, № 1356; 227, № 2993; стр. 504, № 6446; стр. 641, № 8926.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“. Спб., 1815 г., ч. II, стр. 264, № 2979; ч. III, стр. 54, № 3847, стр. 156, № 4271, стр. 257—58, № 5053, стр. 332, 5819—20; ч. IV, стр. 87, № 7822 и 7823, стр. 344, № 10043, стр. 361, № 10162, стр. 439, № 10767.—Г. Н. Геннади, „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ VIII Хи XIX столѣт.“, т. I, стр. 249, 156; т. II, стр. 36—37.—Лопаревъ, „Каталогъ библіотеки графа Шереметева“ № 423.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г.“, Спб., 1875 г., стр. 276 и 380.

Сыромятниковъ, *Алексѣй Степановичъ*, московскій купецъ, писатель по расколу. Умеръ въ 1803 г. Напечаталъ: «Краткая выписка о чести епископа, священника и діакона» (Спб., 1779 г.), «Выписка изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на посланія св. апостола Павла» (Спб., 1784 г.) и «О таинствахъ церковныхъ и священствѣ» съ приложеніемъ «Выписокъ изъ посланій св. Игнатія Богоносца» (Спб., 1790 г.). Оставилъ послѣ себя рядъ сочиненій и тщательно собранныхъ имъ въ формѣ выписокъ матеріаловъ; рукописи хранятся въ одномъ изъ московскихъ архивовъ.

Митрополитъ Евгеній, „Словарь русскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ“, М., 1845 г., т. II, стр. 191.—А. В. Арсеньевъ, „Словарь писателей средняго и новаго періода русской литературы“, Спб., 1887 г., стр. 121.

Сысоева, *Екатерина Алексѣевна*, урожденная *Альмендингенъ*, писательница для дѣтей и переводчица, родилась въ Петербургѣ 8 октября 1829 г. Въ 1830 г. родители ея переѣхали на жительство въ Тверь. Трехъ лѣтъ она лишилась матери и была отвезена на воспитаніе къ своей теткѣ, С. П. Берковистъ, въ Малороссію. Послѣ смерти тетки ее перевезли опять въ Тверь, къ отцу, а затѣмъ въ Москву, гдѣ отдали въ Екатерининскій институтъ, который она окончила въ 1846 г. съ золотою медалью. По окончаніи института вернулась къ отцу въ Тверь. Здѣсь она вскорѣ вышла замужъ за С. П. Сысоева. Образованіе, полученное въ институтѣ, ее не удовлетворяло, и она усиленно занялась пополненіемъ его, изучала иностранные языки, педагогику, музыку. Съ начала 60-хъ годовъ С. стала заниматься переводами, которые частью помѣщались въ приложеніяхъ къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ», частью же издавались въ видѣ отдѣльныхъ книгъ М. О. Вольфомъ. Значительную часть своего времени она отдавала благотворительности: принимала участіе въ обществѣ «Копейка», въ различныхъ спектакляхъ, концертахъ, литературныхъ вече-

рахъ, устраиваемыхъ съ благотворительною цѣлью. Чувствуя призваніе къ литературной дѣятельности, С. въ 1871 г. переѣхала въ Петербургъ, гдѣ уже серьезно занялась литературой; здѣсь обнаружился ея талантъ писать для дѣтей. Она много переводила, приняла постоянное сотрудничество въ «Дѣлѣ», для котораго по иностраннымъ газетамъ и журналамъ составляла «корреспонденціи изъ Парижа и Лондона», въ «Военномъ Сборникѣ», гдѣ помѣстила рядъ статей и замѣтокъ компилятивнаго характера по географіи и этнографіи, и въ «Живописномъ Обозрѣніи»; вела также нѣкоторое время иностранный отдѣлъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Въ 1880—1881 гг. сотрудничала въ «Семейныхъ Вечерахъ» и въ издававшемся короткое время «Журналѣ для Дѣтей». Въ 1881 г. С. пріобрѣла у М. К. Цебриковой журналъ «Воспитаніе и Обученіе», состоявшій изъ отдѣловъ педагогическаго и дѣтскаго. Въ теченіе 1881 г. ею сдѣланъ былъ опытъ расширенія дѣтскаго отдѣла, послѣ чего она съ 1882 г. стала издавать дѣтскій журналъ «Родникъ», въ качествѣ же приложенія «Воспитаніе и Обученіе», гдѣ помѣщались съ этого года только статьи педагогическаго характера. Участіе въ журналѣ приняли довольно видныя литературныя силы (Н. Позняковъ, В. П. Авенаріусъ, П. Ѳ. Каптеревъ, д-ръ А. Литвинскій, проф. Д. Н. Кайгородовъ, и др.); сама С. работала много, переводила, компилировала, популяризировала, и журналъ имѣлъ значительный успѣхъ. Безпрерывная работа по редакціи и изданію надорвала силы С.; съ 1890 г., серьезно больная, она не могла уже посвящать много времени и силъ своему любимому дѣлу. Умерла С. въ Петербургѣ 4 декабря 1893 г.; похоронена на Волковомъ кладбищѣ.

Изъ написаннаго С. по дѣтской беллетристикѣ наибольшею популярностью пользовалась «Исторія маленькой дѣвочки» (Спб., 1879 г.), имѣющая автобіографическій характеръ (описывается періодъ дѣтства С., когда она жила у своей тетки въ Малороссіи). Кромѣ того напечатала: «Очерки и разсказы для юношества» (Спб., 1877 г.), «Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома, жизнь Дж. Гарфильда» (Спб., 1883—1885 г.), «Актея», повѣсть (1884), «Жизнь и подвиги Иннокентія, проповѣдника Евангелія на Алеутскихъ островахъ» (1887), «Жизнь Гарріетъ Бичеръ Стоу» (1892). Изъ переводныхъ произведеній С. извѣстны: «Астрономическій атласъ Брунса» (1872), «О звуковыхъ ощущеніяхъ» Э. Маха, «Воспитаніе умственное, нравственное и физическое» Г. Спенсера (1883), «О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей» д-ра Биггема (1876), «Половой подборъ» Ч. Дарвина, С. Смайльса «Томасъ Эдвардъ, неутомимый труженикъ» (1877) и его же «Бережливость» (1876), «Девяносто третій годъ» В. Гюго, «Послѣднія сказки Г. Андерсена» (1877), Д. Гринвуда «Похожденія Ровина Девиджера» (Спб., 1872 г.), Ю. Гуро «Дѣти фермера» (1875) и др. Въ «Родникѣ» за 9 лѣтъ (1882—1890) помѣщено болѣе шестидесяти ея переводныхъ работъ, часто довольно значительныхъ по объему.

Н. Позняковъ, „Литературная дѣятельность Е. А. Сысоевой“, „Воспитаніе и Обученіе“, 1894 г., декабрь, стр. 479—485.—„Систематическій указатель содержанія журнала „Родникъ“ за 10 лѣтъ, 1882—1891 г.“, Спб. 1892 г., стр. 72. Некрологи: „Воспитаніе и Обученіе“ 1894 г., январь; „Новости“ 1893 г., № 337; „Историч. Вѣстникъ“, 1894 г., № 2, стр. 586. — А. В. Соболевъ, „Справочная книга по чтенію для дѣтей всѣхъ возрастовъ“, Спб., 1903 г., №№ 1188 1610, 1629, 1809.

Сытинъ, *Алексѣй Степановичъ*, капитанъ-лейтенантъ; родился въ 1770 г., 15 лѣтъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ; въ 1788 г., находясь въ чинѣ гардемарина на фрегатѣ «Ярославецъ», вмѣстѣ съ послѣднимъ былъ взятъ шведами въ плѣнъ, изъ котораго вернулся лишь въ началѣ 1790 г.; въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ въ чинѣ мичмана плавалъ по Балтійскому морю; переведенный въ 1793 г. на Черноморскій флотъ, принималъ участіе въ описи береговъ, совершалъ поѣздки въ Константинополь, въ 1795 г. былъ командированъ въ Костромскую губ. за рекрутами, въ томъ же году, получивъ чинъ лейтенанта, командовалъ бригантиной «Тимофей» и на ней въ составѣ эскадры вице-адмирала Ушакова ходилъ въ Архипелагъ, а на фрегатѣ «Михаилъ» въ отрядѣ капитана Сорокина перешелъ въ Венеціанскій заливъ. Умеръ С. 23 августа 1812 г., 42 лѣтъ отъ рода, всего лишь въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, полученнаго имъ въ 1809 г., но имя его въ морской исторіи не забудется,—въ связи съ морской кам-

паніей 1806 г. 17 февраля этого года, находясь въ отрядѣ капитанъ-командора Белли, онъ съ 5 гребными судами отдѣлился отъ остальныхъ силъ и подъ прикрытіемъ шхуны «Экспедиціонъ» напалъ на 16-пушечную французскую шебеку «Азардъ», завладѣлъ ея абордажемъ и вмѣстѣ съ 60 человѣками команды взялъ въ плѣнъ. Это искусное нападеніе было совершено ночью, во время проливного дождя, и настолько для французовъ неожиданно, что они не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла. Лучшей наградой С. за этотъ подвигъ было его назначеніе командиромъ плѣненнаго судна. На послѣднемъ онъ 30 марта того же года участвовалъ во взятіи крѣпости Курцало на островѣ Далмаціи, бывшей во власти французовъ. Держась дистанціи отъ крѣпости на пистолетный выстрѣлъ, «Азардъ» вмѣстѣ съ другими судами открыла такой убійственный огонь, что уже черезъ полчаса крѣпость сдалась, а находившійся въ ней гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ безъ условій. Въ апрѣлѣ С. дважды отличился, въ первый разъ захвативъ на островѣ Лисса 3 мѣдныхъ пушки и во второй разъ, въ самой крѣпости Лисса,—7 орудій различнаго калибра и нѣсколькихъ человѣкъ изъ непріятельскаго отряда; въ томъ же апрѣлѣ С. участвовалъ въ перестрѣлкѣ у Далматинскихъ острововъ, а въ теченіе ближайшаго мѣсяца въ охранѣ кр. Курцало. Послѣднія извѣстія о его дѣятельности въ этой кампаніи относятся къ 5—6 іюня 1806 г., когда онъ находился при бомбардировкѣ кр. Новая Рагуза и укрѣпленій острова св. Марка и при неудачной попыткѣ взять крѣпость штурмомъ.

«Общій морской списокъ», ч. V, Спб., 1890 г., стр. 165.—А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», Спб., 1894 г., стр. 29, 63, 70, 76, 88, 165, 167.—Ф. Веселаго., «Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса», Спб., 1852 г.—Мельниковъ, «Дневныя морскія записки», т. I, стр. 110—111, 125—126.—Броневскій, «Записки морского офицера», т. I, стр. 136–137; т. II, стр. 5—8, 10—11, 17—24.—Свиньинъ, «Воспоминанія на флотѣ», ч. I, стр. 160.—«Морской сборникъ», 1855 г., № 8, стр. 302—322.

Сыцянко, *Осипъ Семеновичъ*, врачъ, доцентъ Харьковскаго университета, изъ дворянъ, умеръ въ 1886 г. въ Харьковѣ. По окончаніи курса въ гимназіи поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, изъ котораго въ 1851 г. вышелъ съ званіемъ лекаря. Въ февралѣ 1856 г. за диссертацію «De fibris intermittentis curatione» (М., 1856) Московскимъ университетомъ удостоенъ званія доктора медицины. До 1860 г. служилъ врачемъ въ имѣніи графа Шувалова, Моршанскаго уѣзда Тамбовской губ., а потомъ сначала младшимъ, затѣмъ старшимъ врачемъ въ Виленской еврейской больницѣ—до 1864 г., когда Харьковскимъ университетомъ былъ избранъ въ доценты по каѳедрѣ электротерапіи. Много работалъ по изслѣдованію распространенія электричества въ человѣческомъ организмѣ и вліянія тока въ лечебномъ отношеніи, продуктомъ чего были его статьи: «Противовоспалительное дѣйствіе гальваническаго тока» («Медицин. Вѣстн.», 1867 г., № 4), «Леченіе хроническихъ язвъ гальванизмомъ» (ib., 1867 г., № 4 и 8 и 1868 г., № 21), «О скорости движенія гальваническаго тока въ нервахъ и другихъ неметаллическихъ проводникахъ» («Моск. Медиц. Газета», 1869 г., № 4; 1870 г., № 7), «Примѣненіе электричества къ врачебной діагностикѣ» (ib., 1869 г., № 18) и др. Отдѣльно издана «Гигіеничная комнатная гимнастика» (Харьковъ, 1880), съ рисунками.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 6, Спб., 1889г.—Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 2, Спб., 1886 г., и 2-е добавленіе, Спб., 1892 г. (полный списокъ статей С.).—Н. Мамоновъ, «Историческій очеркъ общества русскихъ врачей въ Москвѣ», М., 1875 г., стр. 147.

Сычевскій, *Сергѣй Ивановичъ*, писатель и литературный критикъ, родился въ Петербургѣ въ 1835 г. Сынъ чиновника въ одномъ изъ министерствъ, С. по окончаніи гимназіи (съ золотой медалью) поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ 1863 г. онъ былъ исключенъ во время студенческихъ волненій изъ университета и высланъ въ Елисаветградъ, гдѣ занялся преподавательской дѣятельностью. Затѣмъ онъ былъ нѣкоторое время учителемъ и инспекторомъ въ одной частной женской гимназіи въ Одессѣ и здѣсь началъ было готовиться къ магистерскому экзамену, но сдать послѣдній ему не удалось. Вскорѣ ему было предложено мѣсто редактора неоффиціальной части «Херсонскихъ Губернскихъ Вѣ-

домостей», и С. переѣхалъ въ Херсонъ, гдѣ и пробылъ до 1875 г. Тамъ онъ написалъ и прочелъ (въ 1874 г.) нѣсколько лекцій о Шекспирѣ, обнаружившихъ въ немъ глубокое пониманіе великаго драматурга и недюжинный критическій талантъ. Лекціи эти вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1892 г. въ Одессѣ подъ заглавіемъ: «Уильямъ Шекспиръ. Лекціи С. И. Сычевскаго, съ портретомъ и біографіей автора». Нѣкоторыя главы изъ этихъ лекцій были напечатаны также въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за 1874 г., №№ 154, 158, 170, 180, 188 и 1875 г., №№ 23—29, 38, 44. Въ томъ же 1875 г. С. переѣхалъ въ Одессу и вскорѣ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Одесскаго Вѣстника», въ которомъ завѣдывалъ литературно-критическимъ отдѣломъ. Въ 1878 г. онъ поступилъ на службу въ одесскую городскую управу, но прослужилъ тамъ недолго. Когда въ Одессѣ въ 1880 г. стала издаваться газета «Правда», онъ сталъ сотрудничать и въ ней, но газета въ томъ же году была закрыта. За ея короткое существованіе С. успѣлъ напечатать слѣдующія статьи: «Личность въ литературѣ» (№ 76); «Литературные очерки» (№ 9 и 169); «Бракъ и любовь» (№ 101); «Лишніе люди» (№ 157); «Что новаго въ литературѣ» (№ 219); «Стадное увлеченіе нашей литературы» (№ 250). Въ 1882 г. С. получилъ мѣсто въ Кіевѣ въ управленіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1885 г. снова переѣхалъ въ Одессу, гдѣ опять взялся за литературный трудъ въ качествѣ сотрудника «Одесскаго Вѣстника». Хорошо знакомый съ теоретической и практической педагогикой, онъ помѣстилъ рядъ интересныхъ и оригинальныхъ по взглядамъ статей въ народившемся въ 1889 г. въ Одессѣ педагогическомъ журналѣ «Школьное Обозрѣніе». Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить: «Художественный элементъ въ преподаваніи» (1889 г., № 1), «Жгучій вопросъ школьнаго дѣла» (№ 2), «Дѣтская психологія» (1890 г., № 6, 8), «Педагогическій идеалъ Н. В. Гоголя» (1890, № 9). Будучи недюжиннымъ знатокомъ западно-европейской литературы, которую изучалъ въ подлинникахъ, онъ въ теченіе своей почти 25-лѣтней литературной дѣятельности посвятилъ множество статей главнѣйшимъ представителямъ западно-европейской литературы, — Шекспиру, Байрону, Виктору Гюго, Золя, Полю Бурже и др. Изъ русской же литературы имъ было отмѣчено почти все болѣе или менѣе важное, что печаталось въ лучшихъ журналахъ или выходило отдѣльнымъ изданіемъ. Много критическихъ очерковъ посвящено имъ было и произведеніямъ корифеевъ нашей литературы: Л. Н. Толстому, Тургеневу, Некрасову, Щедрину («Одесскій Вѣстникъ», 1889) и др. Его «Журнальные очерки» о Некрасовѣ («Одесскій Вѣстн.», 1876, № 81) вызвали въ свое время въ столичныхъ журналахъ цѣлый литературный споръ. Часть ихъ перепечатана въ «Сборникѣ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ» В. Зелинскаго, ч. III (М. 1887), стр. 130. Въ «Русской критической литературѣ о произведеніяхъ Л. Н. Толстого» В. Зелинскаго) ч. III, М. 1888 г., стр. 130—137, и ч. IV, М. 1896 г., стр. 129—135, 163—165, 192—195 и 223—230) также перепечатана часть его «Очерковъ новѣйшей русской литературы», печатавшихся въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за 1868 г. № 153—155). Вообще все напечатанное имъ за его 25-лѣтнюю литературную дѣятельность въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» составляетъ цѣнный вкладъ въ русскую критическую литературу. Кромѣ критическихъ статей, онъ написалъ рядъ беллетристическихъ очерковъ подъ псевдонимомъ «Стрѣлка». Умеръ С. 18 августа 1890 г. въ Одессѣ отъ воспаленія мозга.

„На смерть Сычевскаго“, „Одесскія Новости“, 1800, № 1693.—„Памяти С. И. Сычевскаго“, „Одесскій Вѣстникъ“, 1890, № 217. — „Похороны С. И. Сычевскаго, „Одесскій Вѣстникъ“, 1890, № 218.—„Одесскія Новости“, 1890, № 1694.—„Вѣдомости Одесскаго Градоначальства“, 1890, № 183. — „Историческій Вѣстникъ“, 1890, № 10.—„Всемірная Иллюстрація“, 1890, № 1128, стр. 159.

Сычуговъ, *Викторъ Ивановичъ*, академикъ архитектуры, умеръ въ Варшавѣ 23 іюня 1892 г. Художественное образованіе получилъ въ академіи художествъ (въ 1860-хъ годахъ), гдѣ занимался архитектурой подъ руководствомъ извѣстнаго Тона. Академію С. окончилъ съ тремя серебряными и одной золотой медалью за архитектурные проекты. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ. По его планамъ въ Привислинскомъ краѣ построено тринадцать и ремонтировано болѣе шестидесяти

церквей; ему же принадлежатъ проекты новаго собора въ Варшавѣ и перестройки собора въ Гроднѣ.

П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, Спб., 1864—1866 г. — Некрологи въ „Новомъ Времени“ 1882 г., № 5865 и въ „Русск. Календарѣ“ Суворина на 1893 и на 1894 г.—„Варшавскій Дневникъ“, 1892 г., №№ 140 и 141.

Сѣверцовъ, *Николай Алексѣевичъ*, извѣстный зоологъ, географъ и путешественникъ, членъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Родился въ 1827 г. Дѣтство и юность провелъ въ родовомъ имѣніи, въ Воронежской губ. Въ домѣ родителей получилъ прекрасное образованіе: хорошо ознакомился съ литературой, свободно говорилъ и писалъ на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ и хорошо зналъ латинскій. Уже съ раннихъ лѣтъ С. обнаруживалъ глубокую пытливость ума, трудолюбіе, любовь къ природѣ и влеченіе къ приключеніямъ. Особенный интересъ онъ питалъ къ жизни животныхъ. Зоологія стала его любимымъ предметомъ, какъ только онъ научился читать: разсматривать зоологическіе листы и читать о жизни животныхъ было его наибольшимъ удовольствіемъ.

16 лѣтъ онъ поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Московскаго университета. Обладая къ тому времени уже солидными знаніями по естественной исторіи, почерпнутыми изъ книгъ и непосредственныхъ наблюденій въ періодъ деревенской жизни, онъ со всей страстностью своей натуры предался занятіямъ зоологіей и ботаникой. Впрочемъ, рядомъ съ этими науками онъ занимался и геологіей, географіей, физикой, въ которыхъ, несмотря на свою спеціальность зоолога, обнаруживалъ впослѣдствіи, во время своихъ путешествій, глубокія познанія: трудно даже рѣшить, въ сокровищницу какой науки — геологіи или зоологіи — онъ внесъ большій научный даръ. Уже на университетской скамьѣ онъ рѣшилъ сдѣлаться натуралистомъ и путешественникомъ, что вызывало рѣшительное несочувствіе его родныхъ, желавшихъ видѣть его на государственной службѣ. Но его сближеніе съ проф. К. Ф. Рулье и извѣстнымъ натуралистомъ и путешественникомъ, изслѣдователемъ Средней Азіи Г. С. Карелинымъ, положило конецъ всякимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, внушеннымъ его родными, и окончательно опредѣлило его жизненный путь. Если Рулье, учившій, что «всестороннее изученіе клочка болота достойно перваго ученаго въ мірѣ», будилъ въ С. интересъ изслѣдователя, то Карелинъ, по собственному признанію С., своими разсказами «о таинственной, богатой и оригинальной природѣ Средней Азіи, съ рѣзкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойныхъ низинъ и снѣговыхъ хребтовъ, лѣтняго жара и зимняго холода», увлекалъ его воображеніе, будя въ немъ наклонности путешественника. 18 лѣтъ С. мечталъ о Средней Азіи какъ о научной цѣли своей жизни. Научную дѣятельность С. началъ находясь еще на университетской скамьѣ, предпринявъ изслѣдованіе въ зоологическомъ отношеніи своей родной, почти совсѣмъ не изученной до него, Воронежской губ., съ цѣлью прослѣдить вліяніе различныхъ условій на періодическія явленія животной жизни. Результаты своихъ наблюденій онъ обработалъ въ 1855 г. въ своей магистерской диссертаціи «Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи», трудѣ, который, несмотря на многіе неправильные выводы, отъ коихъ самъ С. впослѣдствіи отказался, представляетъ и понынѣ, по мнѣнію М. А. Мензбира, глубокій научный интересъ. Академикъ А. Ѳ. Миддендорфъ въ своемъ отчетѣ объ этой книгѣ, представленной комиссіи по присужденію демидовскихъ премій, далъ самый благопріятный отзывъ о ней, указывая на оригинальность мышленія, способность къ обоснованнымъ научнымъ обобщеніямъ, наблюдательность и трудолюбіе автора. Практическимъ результатомъ этого отзыва было присужденіе С. демидовской преміи.

Къ студенческимъ же годамъ относится и монографія С. о кошкахъ, часть которой появилась въ серьезномъ научномъ журналѣ «Revue et Magazin de Zoologie»; печатаніе работы было пріостановлено вслѣдствіе возникшихъ у него сомнѣній относительно сдѣланныхъ имъ выводовъ. Полную монографію о кошкахъ онъ издалъ лишь послѣ его первой поѣздки за границу, гдѣ онъ собралъ много новыхъ данныхъ о предметѣ этой работы, — въ 1858 — 1859 гг.

Въ 1857 г. С. былъ командированъ

Академіей наукъ въ ученую экспедицію на низовья Сыръ-Дарьи для изслѣдованія климата и изученія географическаго распространенія животныхъ въ зависимости отъ физическихъ условій земной поверхности. Путешествіе продолжалось два года (1857—1858). Сдѣлавъ всѣ приготовленія къ пути въ теченіе іюня и іюля, С. отправился въ степи у Илека и Эмбы, которыя онъ осмотрѣлъ до устья Мугоджары. Послѣ осмотра Усть-Урта и нѣкоторыхъ прибережныхъ степей Аральскаго моря имъ были изучены низовья Сыра, оз. Камышлабашъ и восточное прибережье Аральскаго моря. Путешествіе это, сопряженное со многими лишеніями и опасностями, было на время прервано случаемъ, который чуть не стоилъ С. жизни. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1858 г. во время охоты въ области Сыръ-Дарьи, куда С. поднялся по этой рѣкѣ изъ форта Перовскаго, на него напала партія кокандцевъ. Оставленный на произволъ судьбы спутниками-казаками, онъ былъ проколотъ пикой и изрубленъ шашкой и отвезенъ плѣннымъ въ г. Туркестанъ. Тяжело раненый и больной онъ провелъ мѣсяцъ въ плѣну, но даже и это время использовалъ сколько могъ для ознакомленія съ южнымъ предгоріемъ Каратау. Онъ былъ освобожденъ въ концѣ мая лишь благодаря энергичному вмѣшательству начальника тогдашней Сыръ-Дарьинской линіи ген. Данзаса, подкрѣпившаго свое требованіе военной демонстраціей. Оправившись отъ ранъ, С. снова принялся за научныя изслѣдованія, которыя онъ и продолжалъ до конца октября 1858 г. Это первое его путешествіе въ Центральную Азію дало богатые научные результаты. Хотя С. главнымъ образомъ былъ занятъ изученіемъ мѣстной фауны, но одновременно съ зоологическими и зоогеографическими изслѣдованіями онъ дѣлалъ и геологическія наблюденія, которыя привели къ установленію имъ слѣдовъ усыханія Аральскаго моря, его бывшаго сообщенія съ Балкашемъ, измѣненія притоковъ нижняго Сыра и образованія степныхъ солонцовъ. По нанесеннымъ на топографическую карту солонцамъ, соленымъ грязямъ, чинкамъ и пескамъ солонцеватой степи онъ могъ установить очертанія бывшаго Арало-Каспійскаго моря въ разные періоды его постепеннаго осушенія, что выдвинуло передъ нимъ широкую задачу: изслѣдовать вопросъ объ отступленіи Каспійскаго моря и заселеніи Каспійской низменности животными породами прилежащихъ странъ. Къ этому вопросу онъ впослѣдствіи и вернулся, когда во время послѣдующихъ путешествій открылъ на Тянь-Шанѣ слѣды ледниковаго періода.

По возвращеніи изъ киргизскихъ степей съ богатой коллекціей по фаунѣ Сыръ-Дарьинской области и пріуральскихъ степей Арало-Каспійской низины, С. вскорѣ поѣхалъ работать въ Западную Европу. Тамъ онъ познакомился съ Левальяномъ-младшимъ, замѣчанія котораго о животныхъ алжирской Сахары помогли ему уяснить многое изъ подмѣченнаго въ Туркестанскомъ краѣ. Тѣмъ не менѣе С., отличавшійся чрезвычайной сдержанностью въ отношеніи печатанія своихъ работъ, не опубликовалъ результатовъ своихъ наблюденій во время перваго путешествія въ Среднюю Азію.

Вернувшись изъ-за границы, С. былъ назначенъ, въ 1860 г., членомъ комитета по устройству Аральскаго казачьяго войска. Собравъ (отчасти самъ, отчасти съ помощью коллекцій Крашенинникова и Г. С. Карелина) богатый матеріалъ по фаунѣ нижняго теченія Урала, онъ многосдѣлалъ для устройства рыбныхъ промысловъ на землѣ Аральскаго казачьяго войска и для основательнаго изученія образа жизни красной рыбы, составляющей главнѣйшій предметъ дохода тамошняго населенія. Одновременно съ этимъ онъ работалъ надъ сводкой собранныхъ матеріаловъ и надъ выработкой теоретическихъ основоположеній біологической науки. Имѣя уже о трансформаціи животныхъ видовъ собственную теорію, которая, однако, казалась ему неудовлетворительной, онъ въ 1864 г. познакомился съ теоріей Дарвина. Книга «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора» оказала громадное вліяніе на научныя воззрѣнія С., который принялъ теорію Дарвина только послѣ многихъ колебаній и тщательной провѣрки фактовъ и выводовъ не въ кабинетѣ и не по книгамъ, а въ лабораторіи природы,—нагорной странѣ Центральной Азіи. Но разъ отавъ на сторону Дарвина, онъ уже до конца жизни оставался самымъ горячимъ приверженцемъ его. Самъ Дарвинъ многаго ожидалъ

отъ его изслѣдованій надъ возрастными измѣненіями птицъ и въ бытность у него С. долго съ нимъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ.

Въ томъ же 1864 г. С. представился случай посѣтить горную страну Тянь-Шань, бывшую въ то время заповѣдной землей для европейцевъ и потому ставшую предметомъ самыхъ страстныхъ стремленій для европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ. Съ цѣлью прекращенія кокандскихъ набѣговъ и грабежей въ южной части нашихъ киргизскихъ степей русское правительство рѣшило занять кокандскія владѣнія, находившіяся между тогдашней Сыръ-Дарьинской линіей и Алатаевскимъ округомъ. Съ этимъ порученіемъ былъ туда посланъ отрядъ ген. Черняева, къ которому С. и былъ прикомандированъ военнымъ министерствомъ для научныхъ наблюденій, средства на которыя ему отпускались изъ суммъ, назначенныхъ на походъ. Императорское Русское Географическое общество, по предложенію предсѣдателя отдѣла физической географіи П. П. Семенова-Тянь-Шаньскаго, постановило отпустить на научныя работы С. 500 рублей и оказывать ему всяческое содѣйствіе въ его предпріятіи. С. догналъ отрядъ въ Кастекѣ и отправился прямо къ югу вдоль рѣчки того же имени. Изслѣдовавъ берега этой рѣчки и прибережный горный хребетъ, онъ исключительное вниманіе посвятилъ кастекскимъ мореннамъ, изученіе которыхъ убѣдило его въ присутствіи между Чу и Сыръ-Дарьей слѣдовъ ледниковаго періода. 8 мая онъ достигъ горнаго хребта Тянь-Шань, а 16 мая направился въ Киргизынъ-Алатау къ долинѣ Исыкъ-аты, въ которой открылъ моренны древнихъ ледниковъ, подобныя кастекскимъ; тутъ же онъ ознакомился съ бытомъ кара-киргизскихъ родовъ. 18 мая С. вмѣстѣ съ Фрезе вышелъ вдоль рѣки Адамедына въ долину Чу, къ Пишпеку, и до Мерке продолжалъ путь вдоль сѣверной подошвы Киргизынъ-Алатау. Этотъ хребетъ С. изучилъ отъ Буямскаго ущелья до р. Ала-арчи, затѣмъ поднялся вверхъ по р. Мерке и, осмотрѣвъ известняки и раковины меркинскихъ известняковъ, повернулъ обратно и поднялся опять въ горы по р. Уряндѣ и перевалу Кыръ-джолъ. Покончивъ съ осмотромъ южнаго склона Киргизынъ-Алатау, С. направился въ мѣстности, лежащія у южной и сѣверной подошвъ этого хребта и осмотрѣлъ: долину Кара-Кыштака; сѣверную подошву Киргизынъ-Алатау, гдѣ нашелъ слѣды древнихъ ледниковъ; водопады Чу и Таласа и долину послѣдняго; Карабурскій перевалъ; долины Кара-Кыспапа и Чаткала; р. Тарса и долины Арыса и Бугуни съ горами у верховья послѣдней; Каратау и оз. Бійлю-куль; горы Казы-Куртъ, и, наконецъ, окрестности Ташкента и кокандскіе города. Во время этого путешествія ему приходилось исполнять должность начальника штаба, дѣлать съемки, составлять планы, водить отрядъ на приступъ, быть въ роли парламентера и т. д. Октябрь и ноябрь онъ провелъ въ Чимкентѣ, послѣ взятія этого города занимаясь зоологическимъ сборомъ во время осенняго полета птицъ и помогая ген. Черняеву въ составленіи проекта устройства только что покоренной страны. Съ этимъ проектомъ С. былъ спѣшно посланъ въ началѣ декабря въ Петербургъ, почему онъ вынужденъ былъ оставить собранныя коллекціи въ Чимкентѣ. Экспедиція эта принесла цѣнные научные результаты: С. собралъ богатѣйшія коллекціи среднеазіатскихъ звѣрей и птицъ, среди которыхъ было много новыхъ видовъ, и богатый гербаріумъ, который вошелъ въ общую коллекцію среднеазіатскихъ растеній П. П. Семенова-Тянь-Шаньскаго, насчитывавшую болѣе 1.000 видовъ и описанную директоромъ Ботаническаго сада Регелемъ и его сотрудникомъ Гердеромъ въ рядѣ мемуаровъ въ «Bull. de la Soc. Imp. des Naturalistes de Moscou», съ 1864 по 1869 г. Географическое общество присудило С. золотую медаль за «особенно полезные труды въ экспедиціяхъ, снаряженныхъ обществомъ или дѣйствующихъ по его порученію». С. однако разсматривалъ это путешествіе лишь какъ успѣшное начало дальнѣйшихъ работъ по изученію на мѣстѣ среднеазіатской природы, такъ какъ, осмотрѣвъ въ сравнительно короткій періодъ времени такое множество мѣстностей, онъ, конечно, не могъ детально изучить каждую изъ нихъ. Поэтому, не дѣлая сводки собранныхъ матеріаловъ, С. началъ готовиться къ новому путешествію.

Открывшаяся послѣ похода ген. Черняева возможность изслѣдованія Туркестанскаго края побудила военное министер-

ство снарядить въ 1865 г. извѣстную Туркестанскую ученую экспедицію. Физическій отдѣлъ этой экспедиціи былъ порученъ руководству С., на обязанности котораго были геологическія изслѣдованія, составленіе естественно-историческихъ коллекцій, метеорологическія наблюденія и собираніе свѣдѣній о производствѣ Зачуйскаго края. Но главной и основной задачей для С. было болѣе детальное выясненіе важнаго для геологической науки вопроса о существованіи въ западныхъ отрогахъ Тянь-Шаня мореннъ и вообще слѣдовъ древняго ледниковаго періода. Кромѣ того онъ долженъ былъ ознакомиться съ вопросомъ о размѣрахъ и границахъ шелковичнаго промысла въ русскомъ Туркестанѣ и узнать, существуетъ ли въ Сыръ-Дарьинской области болѣзнь шелковичныхъ червей, являющаяся бичемъ шелкопрядства въ южной Европѣ. Для выполненія всѣхъ этихъ многосложныхъ задачъ С. взялъ съ собою одного коллектора, 3 препараторовъ, 3 стрѣлковъ и горнаго инженера съ 3 штейгерами и 10 чернорабочими. Свои работы въ Туркестанскомъ краѣ С. началъ тщательнымъ изслѣдованіемъ горной системы Каратау, недостаточно осмотрѣнной имъ въ 1864 г., и крайнихъ западныхъ предѣловъ Тянь-Шаня. Весьма цѣнные результаты дали его изслѣдованія пространства и залеганія каменноугольной формаціи въ Каратаускихъ горахъ. По притокамъ р. Терсы, кромѣ многихъ мѣсторожденій желѣзной руды, имъ найдена цѣлая система золотыхъ розсыпей, при чемъ на золотыхъ пріискихъ на Черчикѣ имъ были собраны свѣдѣнія о примитивныхъ способахъ ихъ размывки туземцами-сартами. Весьма плодотворными оказались его изслѣдованія въ южной отлогости долины Терсы, гдѣ онъ нашелъ явственные слѣды древнихъ ледниковъ, усмотрѣнные имъ около р. Куркуреу въ возвышенности, состоящей изъ тянь-шаньскихъ валуновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. собралъ весьма цѣнныя данныя о шелководствѣ въ русскомъ Туркестанѣ, опредѣливъ предѣлы распространенія этой отрасли промышленности и главные пункты ея.

Оставивъ другихъ членовъ экспедиціи въ Туркестанской области и давъ имъ инструкціи для безостановочнаго изслѣдованія осмотрѣнныхъ мѣстностей, С. вернулся въ началѣ зимы 1866 г. въ Петербургъ, гдѣ до весны 1867 г. занимался обработкой собранныхъ имъ богатыхъ матеріаловъ. Но не успѣлъ онъ покончить съ этой работой, какъ ему представилась возможность новой поѣздки. Покореніе сара-багишей и установленіе дружескихъ отношеній съ Якубъ-ханомъ, главой отложившагося отъ Китая восточнаго Туркестана, сдѣлали въ 1867 г. Тянь-Шань болѣе чѣмъ когда-либо доступнымъ для изслѣдователя. Совѣтъ Географическаго общества рѣшилъ воспользоваться этимъ и въ апрѣлѣ 1867 г. отрядилъ С. въ Центральную Азію для опредѣленія геологическаго разрѣза Тянь-Шаня близъ его развѣтвленія къ озеру Ханъ-Тенгри, на меридіанѣ, въ мѣстѣ сближенія долинъ Нарына и Аксая. Задержанный въ дорогѣ тяжелой болѣзнью, С. смогъ выѣхать изъ Вѣрнаго лишь 14 сентября 1867 г., а изъ Асуйскаго поста — 18-го того же мѣсяца. Съ Иссыкъ-Куля онъ поднялся черезъ проходъ Барскоунъ, вышелъ на урочище Улькунъ-Нарынъ-Басъ, а оттуда, по Нарыну и черезъ снѣговой Акъ-Чеку, на верховья Атапши, откуда перешелъ къ р. Тасъ-Асу, поднялся по этой послѣдней и, переваливъ черезъ горы Уюрменъ-Чеку, 13 октября достигъ Аксая. На обратномъ пути С. пошелъ къ мѣсту прежняго китайскаго моста, перевалилъ на Джуванъ-Арыкъ, лѣвую вершину на р. Чу, а 30 октября прибылъ въ Токмакъ. По всему пути своего слѣдованія С. дѣлалъ точныя инструментальныя съемки, измѣрялъ высоты перевалovъ, собиралъ матеріалы для составленія геологическихъ картъ и разрѣзовъ и составлялъ коллекціи горныхъ геологическихъ породъ. Кромѣ того онъ собралъ болѣе 260 птицъ, большая часть которыхъ представляла рѣдкіе экземпляры, и 30 видовъ четвероногихъ, среди которыхъ было нѣсколько новыхъ, раньше неизвѣстныхъ. Между прочимъ С. былъ добытъ во время одного изъ этихъ путешествій прекрасный экземпляръ кочугара изъ той самой породы горныхъ барановъ, которыхъ описывалъ еще Марко Поло и которыхъ, по добытому англійскимъ путешественникомъ Вудомъ скелету головы и ногъ, зоологи описали и назвали Ovis poli, полагая при этомъ замѣчательную породу эту совершенно вымершей. По пути въ Ташкентъ С. воспользовался теплой погодой, чтобы сдѣлать нѣсколько экскурсій въ сторону для дополненія сдѣланныхъ раньше, въ 1864 г., изслѣдованій у Мерке и Аулье-

ата. Въ Ташкентѣ онъ обработалъ для туркестанскаго ген.-губернатора нѣкоторые изъ практическихъ результатовъ своихъ экспедицій, составивъ двѣ обстоятельныя записки о путяхъ изъ Туркестанскаго края въ Кашгаръ и о мѣстахъ, удобныхъ для русской колонизаціи.

Въ 1868 г. С. совершилъ дополнительную экскурсію въ Ходжентскій край. Въ концѣ апрѣля мѣсяца онъ отправился вмѣстѣ съ Шиляевымъ въ окрестности г. Ходжента, гдѣ въ теченіе мая и іюня собралъ богатую ботаническую коллекцію, заключавшую много новыхъ и замѣчательныхъ растеній, при чемъ не упускалъ и продолженія зоологическаго сбора. Тамъ же онъ занялся и геологическими изслѣдованіями, осмотрѣвъ много выходовъ мѣдной, свинцовой и желѣзной рудъ, а также залеганія бирюзы въ концахъ хребтовъ между Чирчикомъ и Сыръ-Дарьей. Вернувшись въ концѣ іюня въ Ташкентъ, онъ подготовилъ тамъ орографическую карту края и сдѣлалъ нѣсколько предварительныхъ работъ для будущей сводки своихъ наблюденій и обработки матеріаловъ. 10 августа онъ, больной лихорадкой, приступы которой повторялись у него и раньше, выѣхалъ черезъ Вѣрный въ Омскъ, совершая по пути наблюденія и изслѣдованія. Изъ Токмака С., по порученію ген.-губернатора, осмотрѣлъ перевалы черезъ хребетъ Суокъ-Тюбе, а въ Вѣрномъ и Иссыкъ-Кулѣ устроилъ метеорологическіе наблюдательные пункты. По пути изъ Вѣрнаго до Лепсы онъ дополнилъ по пути свои геологическія наблюденія придорожныхъ формацій въ Копальскомъ Алатау. Этимъ закончился циклъ его путешествій на Тянь-Шань, продолжавшихся въ общемъ 4 года (1864—1868) и давшихъ богатѣйшіе результаты. Было изслѣдовано много неизвѣстныхъ раньше мѣстностей, сдѣлано громадное количество наблюденій—зоологическихъ, географическихъ, метеорологическихъ и геологическихъ; составлены подробныя карты мѣстностей и изучена ихъ орографія. Но важный научный интересъ представляютъ собранныя во время этихъ экспедицій коллекціи: 1) геогностическая, 2) ботаническая (значительно больше 1.000 экземпляровъ, по большей части рѣдкихъ) и 3) зоологическая: насѣкомыя, рыбы, амфибіи, птицы и звѣри (много новыхъ видовъ).

Въ періодъ времени съ 1869 до 1873 г. С. былъ занятъ обработкой добытыхъ матеріаловъ. Научные результаты всѣхъ своихъ экспедицій, кромѣ зоологическихъ, онъ изложилъ въ своемъ трудѣ: «Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня», изданномъ Географическимъ обществомъ въ 1873 г. Появленіе этой книги, содержащей кромѣ отчета о путешествіяхъ 1857, 1864 и 1865—1868 г.г. описаніе изслѣдованныхъ областей и карту, вызвало большое вниманіе въ Европѣ, и работа немедленно была переведена на нѣмецкій языкъ и помѣщена въ лучшемъ географическомъ повременномъ изданіи: «Petermann's Mitteilungen». Что же касается зоологическихъ изслѣдованій, то извлеченіе изъ нихъ, содержащее краткій общій очеркъ туркестанской фауны позвоночныхъ съ описаніемъ новооткрытыхъ и и малоизвѣстныхъ звѣрей и птицъ, напечатано въ «Запискахъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія». Вмѣстѣ съ тѣмъ С. подготовилъ къ печати свое зоологическое изслѣдованіе «Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ», въ которомъ описалъ много новыхъ формъ и сообщилъ весьма цѣнныя свѣдѣнія объ оленяхъ и аркарахъ (горныхъ баранахъ). Сданный Географическому обществу въ 1871 г., этотъ трудъ могъ появиться въ печати, вслѣдствіе запутанности матеріальныхъ дѣлъ общества, лишь въ 1873 г. Въ этомъ же году была напечатана въ сборникѣ «Природа» замѣчательная работа С. объ аркарахъ, представляющая громадный научный интересъ какъ по обилію затронутыхъ въ ней вопросовъ, такъ и по множеству фактовъ, подтверждающихъ теорію Дарвина. Къ этому же періоду времени относится его участіе въ комиссіи для составленія проекта Сыръ-Дарьинской экспедиціи, куда онъ былъ избранъ Географическимъ обществомъ въ 1870 г.

Въ связи со своими зоологическими работами С. посѣтилъ въ 1872—1873 г.г. Вѣну, Берлинъ и нѣкоторые другіе центры Европы, гдѣ работалъ въ музеяхъ, описывалъ и срисовывалъ звѣрей и птицъ, необходимыхъ для опредѣленія туркестанскихъ животныхъ породъ, и изучалъ альпійскіе ледники.

Вернувшись изъ-за границы и покончивъ съ изданіемъ своихъ трудовъ, С. началъ хлопотать о снаряженіи новой экспедиціи

въ область восточнаго Тянь-Шаня для изслѣдованія горнаго хребта въ этой части и прилежащихъ къ нему мѣстностей, главнымъ образомъ южнаго склона восточнаго Тянь-Шаня, Кашгаръ-Дарьи и смежной съ Кашгаріей области Памира. Но Географическое общество, проектировавшее экспедицію въ Арало-Каспійскую низменность для изслѣдованія Аму-Дарьинской области, предложило ему принять въ ней участіе. С. принялъ это предложеніе и 12 іюня 1874 г. вмѣстѣ съ С. М. Смирновымъ отправился изъ Казалинска на восточный берегъ Аральскаго моря, къ заливу Шуткуль. Сначала по этому берегу до залива Биктау, а оттуда длинными безводными переходами черезъ западную часть Кызыкъ-Кума, С. прошелъ къ колодцу Тамбай-Казганъ. Затѣмъ, перейдя черезъ чинкъ Бель-Тау, онъ вышелъ къ оз. Кунградъ-Куль и на протокъ Кара-Колъ, гдѣ вступилъ въ систему протоковъ Аму-Дарьинской дельты. Отсюда, раздѣлившись съ Смирновымъ, С. пошелъ въ Нукусъ прибрежными песками. Изъ Нукуса онъ по рѣкѣ Кегейльи доплылъ до Чимбая, откуда направился въ Кашкане-Тау; осмотрѣвъ горы и озерные осадки у ихъ южной подошвы, онъ вернулся въ Нукусъ. Затѣмъ С. поѣхалъ въ Петро-Александровскъ, гдѣ, послѣ осмотра горъ Шейхъ-Джейли, занялся сборомъ зоологическихъ коллекцій. Изъ Петро-Александровска С. водой поѣхалъ обратно въ Нукусъ, прослѣдовалъ оттуда въ Клычъ-Калу и къ Кунгардъ-Кулю, откуда совершилъ нѣсколько боковыхъ экскурсій. Изъ Кунгаръ-Куля С. на верблюдахъ направился къ р. Яны-Дарьѣ, по этой послѣдней прошелъ вверхъ до Петровска, а оттуда въ Ташкентъ. Независимо отъ богатыхъ зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій С. собралъ во время этой экспедиціи весьма важный матеріалъ для уразумѣнія многихъ явленій, относящихся непосредственно къ физической географіи Аральскаго бассейна. Благодаря сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ явилась возможность констатировать фактъ чрезвычайно быстраго измѣненія очертаній восточнаго берега Арала отъ пониженія его уровня. Кромѣ того онъ собралъ громадный матеріалъ для выясненія границъ и характера палеарктической фауны и ея подраздѣленій (результаты этихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ рѣчи на одномъ изъ засѣданій Географическаго общества). Вернувшись въ 1875 г. изъ Аму-Дарьинской экспедиціи и приготовивъ къ печати нѣкоторыя карты и работы, С. опять уѣхалъ за границу (въ Парижъ и Лондонъ), гдѣ сравнивалъ свои коллекціи съ коллекціями, добытыми французскими и англійскими изслѣдователями въ восточной, центральной и южной Азіи. Эта работа привела къ исправленію печатавшагося на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ «Вертикальнаго и горизонтальнаго распредѣленія туркестанскихъ животныхъ», поставившаго его имя въ рядъ первоклассныхъ путешественниковъ-зоологовъ.

Въ томъ же 1875 г. С., вмѣстѣ съ П. П. Семеновымъ-Тянь-Шаньскимъ и нѣкоторыми другими членами Географическаго общества, былъ избранъ (21 мая) представителемъ этого общества на Парижскомъ международномъ географическомъ конгрессѣ. За его докладъ о слѣдахъ ледниковаго періода на Тянь-Шанѣ и представленную имъ карту высотъ Центральной Азіи конгрессомъ ему была присуждена золотая медаль.

Въ 1877—1878 г., въ связи съ движеніемъ отряда ген.-лейт. А. К. Абрамова, была снаряжена почетнымъ членомъ Географическаго общества, туркестанскимъ генер.-губернаторамъ К. П. Кауфманомъ большая экспедиція въ область Алая и Памира. Главная роль въ изслѣдованіяхъ этой экспедиціи, носящей названіе Ферганo-Памирской, принадлежала С. и И. В. Мушкетову, изслѣдованія которыхъ находились въ тѣсной зависимости между собой и дали въ достаточной степени ясную научную картину той части «Крыши міра», которая раньше была неизвѣстна европейскимъ изслѣдователямъ. Въ 1877 г. С., въ сопровожденіи топографа Скасси, астронома Шварца и препаратора Скорнякова, выѣхалъ изъ Ходжента, откуда и началъ свои изслѣдованія. Изъ Оша онъ въ октябрѣ мѣсяцѣ направился черезъ Гульчу въ долину Тары, а оттуда черезъ перевалъ Акбугузъ—въ долину Куршаба. Переваливъ затѣмъ черезъ Таидыкъ и Кызыкъ-Артъ, онъ вышелъ на Памиръ и направился на востокъ по долинѣ Кокъ-Таша, откуда черезъ Заалайскій хребетъ и Шартъ вернулся въ Ошъ. Результатомъ этой первой его Памирской поѣздки были зоологическія и геогностическія коллекціи, съемка

небольшой части Заалайскаго хребта, орографическія изысканія и опредѣленіе нѣсколькихъ астрономическихъ пунктовъ. Весной 1878 г. С. предпринялъ поѣздку изъ Андижана къ Ферганскому хребту. Переваливъ черезъ Шартъ, онъ спустился къ Узнахмату и оттуда вернулся въ Андижанъ. Въ іюнѣ этого же года С. предпринялъ третью поѣздку въ область Памира. Въ сопровожденіи своего пріятеля полковника Кушакевича (коллектора по части ботаники), топографовъ Рудневa и Скасси и препаратора Скорнякова, С. отправился на востокъ для осмотра верховьевъ Кашгаръ-Дарьи, ставшей доступной для наблюденія благодаря нахожденію въ этой мѣстности ген.-лейт. Абрамова. Поручивъ топографическія и нивеллировочныя работы Рудневу и сдѣлавъ со Скорняковымъ двѣ боковыя экскурсіи отъ р. Игенъ, къ сѣверу и югу отъ верхней Кашгаръ-Дарьи, С. прошелъ на Кара-Куль, куда сошлись всѣ части его экспедиціи. Оттуда онъ поднялся вверхъ по р. Сѣв. Акъ-Баталу и, переваливъ черезъ высоту въ 15.000 фут. на р. Южный Акъ-Баталъ, направился по послѣдней къ Аксу, одной изъ главныхъ долинъ Аму. Не доходя устья Акъ-Батала, С. свернулъ къ Памиръ-Рансъ-Кулю, гдѣ имъ были сдѣланы съемки этой части Памира и опредѣленъ астрономическій пунктъ. Вынужденный вслѣдствіе истощенія запасовъ вернуться на Акъ-Баталъ, онъ доплылъ по нижнему теченію этой рѣки до ея устья Аксу, откуда направился по притоку Аксу-Кара-Су въ совершенно неизвѣстный дотолѣ Памиръ-Аличуръ, затѣмъ перевалилъ черезъ Найза-Ташъ и внизъ по р. Аличуръ направился къ озеру Яшиль-Куль, гдѣ тщательно осмотрѣлъ группу острововъ. На обратномъ пути въ Аксу С. дополнилъ свои съемки и коллекціи, значительно уменьшившими промежутокъ между областью изслѣдованій русскихъ путешественниковъ и границами англійскихъ рекогносцировокъ, и сдѣлалъ цѣлый рядъ геологическихъ наблюденій, которыми установилъ, что озеро Кара-Куль не есть замкнутый бассейнъ, какъ это предполагали раньше, а является лишь центральнымъ расширеніемъ весьма длинной долины, открывающейся съ обоихъ концовъ—на с.-в. къ Коксу, а на ю.-з. къ Аксу. Это открытіе дало С. возможность причислить къ Кара-Кулю знаменитое въ исторической географіи Азіи Драконово озеро древне-китайскаго путешественника Хуанъ-Цзана. 14 сентября онъ прибылъ въ Гульчу, гдѣ занялся зоологическими наблюденіями и сборомъ коллекцій, а 4 октября направился на верховья р. Тары. Переваливъ по глубокому снѣгу черезъ Акъ-Богузъ, С. пошелъ впередъ до вершины перевала Тузъ-Ашу, водораздѣлъ Тары и Кашгаръ-Дарьи. Тамъ онъ окончилъ начатыя еще въ 1877 г. и продолженныя въ іюлѣ 1878 г. изслѣдованія орографическаго и географическаго отношенія Тянь-Шаня къ Памиру. 29 октября, слѣдуя внизъ по р. Тарѣ, С. пришелъ въ Узгентъ. Экспедиція эта дала богатые научные результаты по геодезіи, гипсометріи, метеорологіи и географіи Памира. Особенно цѣнными были геологическія наблюденія, отчасти открывавшія совершенно новыя области, отчасти дополнявшія наблюденія другихъ геологовъ, преимущественно Мушкетова и Романовскаго. Изъ собранныхъ имъ во время путешествій на Памиръ коллекцій, кромѣ геогностическихъ (образцовъ горныхъ породъ), высокую цѣнность имѣетъ собранный имъ зоологическій матеріалъ, представлявшій въ то время животрепещущій научный интересъ, такъ какъ онъ впервые пролилъ свѣтъ на біологическую природу Памира, остававшагося до экспедиціи С. въ естественно-историческомъ отношеніи terra incognita, которая однако, по немногочисленнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Хуанъ-Цзаномъ и Марко Поло о ея своеобразныхъ біологическихъ условіяхъ, уже давно возбуждала сильнѣйшее любопытство всего ученаго міра.

Съ мая по октябрь 1879 г. С. совершилъ на свои средства экспедицію въ Семирѣченскую область и Западную Сибирь, изъ которой вернулся въ концѣ 1879 г. и принялся за обработку добытыхъ за все время путешествій результатовъ. Главнѣйшіе выводы онъ изложилъ вскорѣ въ своей рѣчи «Объ орографическомъ образованіи Высокой Азіи и его значеніи для распространенія животныхъ», произнесенной на одномъ изъ засѣданій VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ и представлявшей какъ бы вчернѣ итогъ его двадцатилѣтнихъ изысканій. Въ тотъ же періодъ были имъ напечатаны статья о памирскихъ животныхъ

и большое изысканіе о древнихъ путешествіяхъ на Памиръ. Особенную цѣнность представляетъ напечатанный имъ въ 1879—1880 г. трудъ «О пролетныхъ путяхъ птицъ черезъ Туркестанъ», установившій связь между наблюденіями сибирскихъ путешественниковъ и наблюденіями англичанъ въ Индіи, Белуджистанѣ и Персіи. Этимъ сближеніемъ области изслѣдованій его и другихъ русскихъ путешественниковъ съ областью научныхъ открытій иностранцевъ онъ какъ бы подвелъ итогъ одной изъ сторонъ своей долголѣтней и многосторонней дѣятельности. Уже въ ранній періодъ своей географической дѣятельности у него возникали планы путешествій почти одновременно съ совершенно аналогичными планами европейскихъ путешественниковъ. Такъ, напр., уже его первыя, увѣнчавшіяся такимъ блистательнымъ успѣхомъ, попытки проникнуть въ область Тянь-Шаня для всесторонняго его изслѣдованія совпали съ смѣлымъ предпріятіемъ начальника снаряженной по иниціативѣ и подъ покровительствомъ Александра ф. Гумбольдта экспедиціи Адольфа Шлагинвейта, задумавшаго проникнуть изъ Индіи черезъ Каракорумскій перевалъ Куэнь-Луня въ Центральную Азію и достигнуть Тянь-Шаньскаго хребта съ южной стороны. Дальнѣйшія путешествія, рядомъ съ другими задачами, преслѣдовали также цѣль сузить полосу, раздѣлявшую территоріи изслѣдованій русскихъ и западно-европейскихъ путешественниковъ, приближая такимъ образомъ конечную цѣль науки—сдѣлать земной шаръ открытымъ для взоровъ всего человѣчества.

Послѣдніе годы своей жизни, съ 1879 по 1885, С. провелъ отчасти въ Москвѣ, отчасти въ своемъ имѣніи Бобровѣ, Воронежской губ., занимаясь обработкою и приведеніемъ въ систему богатѣйшихъ матеріаловъ. На работы по своду его коллекцій ему Высочайше было пожаловано пособіе въ 1.000 р. въ годъ. Рядомъ съ чисто коллекторской и систематизаторской работой онъ много трудился надъ изложеніемъ своихъ исключительныхъ знаній и литературной ихъ обработкой. Но въ печать онъ сдалъ только работу «О помѣсяхъ въ группѣ утокъ». Остальныя же его ученыя работы были найдены въ его бумагахъ; между ними были такія капитальныя работы, какъ замѣчательная монографія объ орлахъ (идея которой зародилась у него еще въ 1857 г. и для которой онъ собиралъ съ тѣхъ поръ матеріалы) и «Распредѣленіе птицъ палеарктической области». Въ рукописи остался также его большой трудъ «Орографическій очеркъ Памирской горной системы», напечатанный послѣ его смерти, въ 1886 г., въ XIII т. «Записокъ Русскаго Императорскаго Географическаго общества» (подъ редакціей Мушкетова, съ біографическимъ очеркомъ М. А. Мензбира) и многія другія его работы, среди которыхъ осталось много незаконченныхъ. Это преобладаніе рукописнаго матеріала надъ напечатанными его произведеніями М. А. Мензбиръ объясняетъ крайней щепетильностью С. въ отношеніи своихъ литературныхъ работъ, которыя никогда не удовлетворяли его и которыя онъ всегда считалъ незаконченными, сколько бы онъ надъ ними ни работалъ.

Къ несчастью, С. не могъ довести дѣла своей жизни—приведеніе въ систему результатовъ долголѣтнихъ трудовъ — къ концу. Роковая случайность оборвала эту замѣчательную жизнь. 27 января 1885 г. онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ ген. Стрижевскимъ по льду р. Дона въ Воронежъ. Противъ р. Икорцы коляска, въ которой они ѣхали, провалилась въ полынью. Стрижевскій успѣлъ выбраться изъ воды и вытащить С. Но послѣдній прошелъ только нѣсколько шаговъ и упалъ на ледъ: у него отнялись ноги, и онъ могъ еле говорить. Пока подоспѣла помощь, онъ скончался—отъ прилива крови къ головѣ и нервнаго удара. Его трагическая смерть вызвала глубокую скорбь ученыхъ и печати въ Россіи и за границей. По ходатайству Географическаго общества Высочайше было отпущено 5.000 р., изъ которыхъ общество выдавало вдовѣ С. по 1.000 р. въ годъ на приведеніе его бумагъ въ порядокъ.

Подводя итогъ разносторонней дѣятельности С., необходимо остановиться на двухъ главныхъ ея сторонахъ: на его богатыхъ и плодотворныхъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ какъ *путешественника* и на научныхъ, съ большимъ талантомъ и широтой взгляда обработанныхъ, результатахъ его трудовъ какъ *ученаго*. Какъ путешественникъ-изслѣдователь онъ изучилъ самостоятельно громадную территорію Центральной Азіи, совершивъ для этого больше 10 экскурсій. Обнаруживая изумительное безстрашіе и неутомимость, онъ проникъ во

многія невѣдомыя до него области Памиро-Тянь-Шаньской системы, лично изслѣдовалъ ихъ съ разныхъ научныхъ точекъ зрѣнія; въ областяхъ, изученныхъ до него, онъ производилъ наблюденія и изысканія, которыя всегда прибавляли новыя и существенныя данныя для выясненія природы этихъ областей. Каждая его поѣздка обогащала различныя отрасли науки новыми фактическими матеріалами. Одна коллекція птицъ (теперь находящаяся въ Императорской академіи наукъ) обнимаетъ около 1.200 экземпляровъ. (Описаніе этой коллекціипринадлежитъ его ученику, проф. М. А. Мензбиру, выпустившему его на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: «N. A. Sewertzow. Ornithologie du Turkestan et des pays adjacents»). Другія его коллекціи, являющіяся цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу различныхъ областей человѣческаго знанія (геологіи, ботаники, фауны позвоночныхъ и др.), также богаты по обилію экземпляровъ и множеству типовъ. Къ этому надо прибавить большое количество сдѣланныхъ имъ во время путешествій съемокъ, измѣреній высотъ, чертежей, рисунковъ—богатый матеріалъ, сдѣлавшій возможнымъ выясненіе орографическаго характера Центральной Азіи. Если же обратимся къ дѣятельности его какъ ученаго, къ научному примѣненію, которое онъ сдѣлалъ изъ добытыхъ имъ матеріаловъ, къ обобщеніямъ его разносторонникъ изслѣдованій и выводамъ изъ нихъ, то увидимъ, что въ области чистой науки онъ рядомъ съ талантомъ, широтой взгляда и добросовѣстностью въ выводахъ проявилъ не меньшее трудолюбіе, настойчивость и неутомимость, чѣмъ въ своихъ путешествіяхъ. Влекомый своей страстной и дѣятельной натурой въ далекія таинственныя страны, издавна волновавшія любопытство ученыхъ и искателей приключеній, онъ не могъ предаться исключительно кабинетной работѣ. Удостоившись за свои ученыя работы степени доктора зоологіи Московскаго университета, открывшей ему дорогу къ профессурѣ, онъ при первой возможности пустился въ далекій путь опасностей и приключеній. Неоднократно онъ оставлялъ свои работы по приведенію въ систему добытыхъ матеріаловъ, чтобы отправиться въ новое путешествіе. Но въ промежутки между этими путешествіями онъ превращался въ усидчиваго ученаго, терпѣливо и упорно подбиравшаго одну крупицу истины къ другой. Выполняя всю черную работу, которой требуетъ превращеніе хаотическаго матеріала въ стройное цѣлое, онъ никогда не предавался излишествамъ увлеченія какой-либо теоріей или схемой: онъ принималъ выводы лишь послѣ тщательной и многосторонней провѣрки, дѣлалъ обобщенія лишь на основаніи многочисленныхъ фактовъ; нѣкоторыя работы (какъ монографію объорлахъ)онъ исправлялъ и провѣрялъ въ теченіе всей своей тридцатилѣтней научной дѣятельности, не рѣшившись, однако, обнародовать ихъ до конца жизни. Онъ не успѣлъ, къ несчастью, закончить научную обработку своихъ изслѣдованій и открытій, въ которую погрузился въ послѣдніе годы своей жизни, но и того, что онъ сдѣлалъ, было слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать его имя славнымъ. Вотъ главнѣйшіе научные результаты его работъ: выясненіе зоогеографическаго характера изслѣдованныхъ имъ странъ въ связи съ ихъ орографическимъ строеніемъ; опредѣленіе ихъ геологическаго характера; установленіе зоологическихъ участковъ громадной территоріи Центральной Азіи отъ Алтая до Памира включительно; выясненіе различій (съ объясненіемъ ихъ причинъ) между фауной Тянь-Шаня и фауной европейскихъ Альпъ; карты Памиро-Тянь-Шаньской системы; фаунистическіе списки и т. д.

Ученыя общества, какъ въ Россіи, такъ и за границей, высоко цѣнили научныя заслуги С. За границей печатались его труды въ запискахъ ученыхъ обществъ и лучшихъ научныхъ журналахъ; Парижскій международный конгрессъ удостоилъ его золотой медали. Ученыя же общества Россіи, членомъ которыхъ онъ состоялъ, помогали ему въ его научныхъ предпріятіяхъ, давали ему важныя въ научномъ отношеніи порученія, издавали его труды и удостаивали его высокими знаками вниманія. Къ тому, что было сообщено въ этомъ отношеніи выше, слѣдуетъ прибавить, что Географическое общество исходатайствовало ему въ 1874 г. званіе статскаго совѣтника, а въ 1883 г. присудило ему высшую награду общества—Константиновскую медаль. Что касается литературнаго наслѣдства, оставленнаго С., то, несмотря на все его нерасположеніе (какъ свидѣтельствуетъ Мензбиръ) къ печатанію своихъ работъ, оно оказалось громаднымъ Имъ было написано 70 статей и книгъ

изъ которыхъ много переведено на иностранные языки. Назовемъ главнѣйшіе его труды: «Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губ.» (Москва, 1855, магистерская диссертація), «Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ» (Спб., 1873), «Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня» (Спб., 1873), «О пролетныхъ путяхъ птицъ черезъ Туркестанъ», «Объ орографическомъ образованіи высокой Азіи и его значеніи для распространенія животныхъ», «Распредѣленіе птицъ палеарктической области» и «Орографическій очеркъ Памирской горной системы» (въ XIII т. «Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», Спб., 1886).

Главнѣйшій біографическій матеріалъ въ произведеніяхъ С., главнымъ образомъ въ его книгѣ „Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня“.—„Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, т. VIII, стр. 9; т. XIII, стр. 31; т. XXI, Спб., 1885, стр. 328, 431.—„Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, Спб., т. I, стр. 75—164.—„Историческій Вѣстникъ“, 1885 г., кн. 3, апрѣль, т. XX (некрологъ).—М. А. Мензбиръ, „Рѣчь, читанная въ годичномъ собраніи Императорскаго Московскаго общества испытателей природы“, въ XIII т. „Записокъ Русскаго Императорскаго Географическаго Общества“, Спб., 1886. — „Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 13 января 1871 г.“, Спб., 1872, стр. 32, 33.—П. П. Семеновъ (Тянь-Шаньскій), „Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго общества“, Спб., 1896, т. I, стр. 92, 93, 94, 165, 269, 271, 285, 286—289, 290, 291; т. II, стр. 481, 483, 500, 724, 725, 759, 762—768, 789, 806, 810, 811, 820, 962; т. III, 994, 1302. — „Русскій энциклопедическій словарь“, изд. проф. Спб. университета И. Н. Березинымъ, отд. IV, т. II, стр. 402.—„Всемірная Географія“, въ т. „Азія“ Сиверса, стр. 29. 30.—С. А. Бутурлинъ, „Послѣдній отвѣтъ господину Мензбиру“, Тула, 1906, стр. 10.—Его же, „Куликн Россійской Имперіи“, Тула, 1902, стр. II и 16.—Его же, „О географическомъ распространеніи настоящихъ фазановъ», въ приложеніи къ журналу „Наша Охота“, стр. 18, 26, 32, 43.—Его же, „Куэнь-луньская завирушка“, въ „Орнитолог. Вѣстникѣ“, 1910, № 3, стр. 188, 189.—Его же, „Обзоръ русской орнитологической литературы“. въ „Орнитологическ. Вѣстникѣ“, 1910, № 4, стр. 301.

М. Русьсвъ.

Сѣдельниковъ, *Николай Михайловичъ*, литераторъ, умеръ въ Москвѣ 15 мая 1887 г. Въ теченіе тринадцати лѣтъ С. работалъ въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» (1874—1881) и «Московскомъ Листкѣ» (1881—1887); сотрудничалъ онъ и во многихъ провинціальныхъ изданіяхъ. Произведенія С. отличаются весьма разнообразнымъ характеромъ. Въ области беллетристики ему принадлежатъ: «Живые вопросы», разсказы (М., 1878), «Герои дня и минуты», разсказы, сцены, были и повѣсти (М., 1879), «Въ мірѣ страстей», собраніе четырехъ повѣстей (М., 1882) и «Жизнь—что морская пучина», уголовный романъ въ двухъ частяхъ (М., 1887); изъ его переводовъ (съ французскаго) напечатаны романы Фортюнэ Буагобея: «Предсмертные годы дѣятельности извѣстнаго французскаго сыщика Лекока» (М., 1878), «Тайны и драмы послѣдняго времени» (Москва, 1879, 2 части). Изъ его работъ по исторіи изданы: «Турецкая кампанія 1877—1878 г.» (преимущественно по офиціальнымъ документамъ; 2 тома, М. 1878—1879) и «Роковыя минуты въ жизни русскаго народа и восшествіе на престолъ Государя Императора Александра III» (М., 1882). С. писалъ и для сцены; ему принадлежитъ «Лихолѣтье», драматическая хроника въ 5 дѣйствіяхъ съ прологомъ, изъ временъ перваго Самозванца (М., 1886). Онъ же издалъ: «Пріемныя программы» (М., 1879 и 1885—1886), «Я хочу вамъ разсказать», сборникъ куплетовъ, шансонетокъ, романсовъ, попури изъ пѣсенъ и оперетокъ (М., 1879), «Москва и ея окрестности» (М., 1882) и «Синхронистическій конспектъ» (по учебникамъ Иловайскаго, Шульгина и Соловьева; М., 1879 и 1885).

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, выпускъ 7.—„Московскій Листокъ“, 1887 г., № 137.

Сѣдовъ, *Григорій Семеновичъ*, художникъ исторической живописи, родился въ Москвѣ 12 января 1836 г., умеръ тамъ же 15 апрѣля 1884 г. Происходилъ изъ семьи мясоторговцевъ. Начатки художественнаго образованія получилъ въ школѣ живописи и ваянія въ Москвѣ, а въ 1857 г. поступилъ въ академію художествъ, гдѣ въ 1858 г. получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ, въ 1859 г. большую Серебряную медаль за рисунокъ и малую за этюдъ, въ 1860 г.—большую медаль за этюдъ. На академической выставкѣ 1862 г. находились его картины: «Путешественники за-

стигнутые дождемъ» и «Походъ Олега на Царьградъ». Въ 1864 г. С. получилъ малую золотую медаль за программную картину «Меркурій усыпляетъ Аргуса», а въ 1866 г.—большую золотую медаль и званіе художника 1-й степени, съ правомъ на пенсіонерское прибываніе за границей въ теченіе шести лѣтъ, за программную работу «Обращеніе Владиміра въ христіанство». Съ 1867 до 1870 г. онъ прожилъ въ Парижѣ, гдѣ написалъ всего двѣ картины: «Христосъ въ темницѣ» и образъ Пресв. Троицы въ куполѣ алтаря парижской православной церкви. Здѣсь же С. ослѣпъ на одинъ глазъ. Незнаніе имъ иностранныхъ языковъ и болѣзнь глаза затрудняли для него путешествіе для осмотра музеевъ и галлерей. Вызванный въ 1870 г. обратно въ Россію, онъ провелъ три послѣднихъ года пенсіонерства въ Москвѣ, занимаясь главнымъ образомъ исполненіемъ работъ для церквей. Въ томъ же 1870 г. С. получилъ отъ академіи художествъ званіе академика за картину «Іоаннъ Грозный и Малюта Скуратовъ». Въ качествѣ участника работъ по украшенію живописью московскаго храма Христа Спасителя, С. написалъ въ западномъ крылѣ этой церкви стѣнную картину «Крещеніе св. Ольги» и набросалъ эскизы такихъ же картинъ «Крещеніе св. Владиміра» и «Закладка Успенскаго собора въ Москвѣ» (по этимъ эскизамъ написаны были картины Н. Корнѣевымъ). Въ 1876 г. С. съ шумнымъ успѣхомъ выставилъ на выставкѣ академіи художествъ свою извѣстную картину: «Іоаннъ Грозный любуется Василисой Мелентьевной» (находится въ музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ), блестящую по техникѣ письма и по интересному сочетанію свѣтовыхъ эффектовъ. Кромѣ упомянутыхъ, изъ произведеній С. назовемъ еще картины «Курская горожанка» (въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ), «Саянка Щигровскаго уѣзда», «Царь Алексѣй Михаиловичъ выбираетъ себѣ невѣсту», а также изображенія четырехъ евангелистовъ болѣе натуральной величины и восьми пророковъ въ церкви св. Троицы у Покровскихъ воротъ въ Москвѣ и иконостасъ въ Георгіевскомъ посадѣ Волконскаго уѣзда.

Ѳ. И. Булгаковъ, „Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“, 1889—1890 г.г.—„Художественныя Новости“, 1884 г., № 10, стр. 270—271.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, Спб., 1864—1867 г.г.—А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства“, М., 1899—1903 г.г.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в.“, 1895 г.—Некрол. въ „Всеобщ. Календарѣ“ Гоппе на 1885 г.—„Каталогъ художественнаго отдѣла русскаго музея Императора Александра III“, Спб., 1899 г.—„Иванъ Грозный передъ спящею Василисой Мелентьевною. Картина г. Сѣдова“, „Всемірная Иллюстрація“ 1876 г., т. XV, стр. 278.

Сѣнцовъ, *Василій Гурьевичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, директоръ Варшавскаго ветеринарнаго института, родился 28 января 1842 г. въ Петербургѣ, умеръ тамъ же 9 января 1890 г. Происходилъ изъ мѣщанъ; образованіе получилъ въ Петербургской медико-хирургической академіи (по ветеринарному отдѣленію) и въ 1864 г. былъ признанъ ветеринарнымъ лекаремъ съ отличіемъ и награжденъ золотой медалью. Въ теченіе ближайшихъ двухъ лѣтъ состоялъ репетиторомъ ветеринарныхъ наукъ при академіи, занимаясь въ свободное отъ занятій лѣтнее время изученіемъ мѣръ борьбы съ сибирской язвой на Маріинской системѣ. Въ началѣ 1867 г. онъ поступилъ на службу по военно-медицинскому вѣдомству во 2-й лейбъ-уланскій Курляндскій полкъ ветеринарнымъ врачемъ и до 1874 г. занималъ различныя должности по военному вѣдомству. Въ мартѣ 1869 г., по защитѣ диссертаціи «О карбункулезномъ шпатѣ (такъ наз. сибирская язва)», онъ былъ удостоенъ конференціей Петербургской медико-хирургической академіи званія магистра ветеринарныхъ наукъ и въ слѣдующемъ году командированъ ветеринаромъ въ Петербургскій военный округъ. Въ 1874 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Варшавской ветеринарной школы, гдѣ сталъ читать частную патологію и терапію, науку о повальныхъ болѣзняхъ, клинику внутреннихъ болѣзней и временно—патологическую анатомію, фармакологію и скотоводство. Въ качествѣ директора онъ неустанно стремился къ уравненію и улучшенію положенія ветеринарной школы, стоявшей въ какихъ-то совершенно исключительныхъ и крайне невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ другими ветеринарными институтами, существовавшими тогда

въ Россіи. Благодаря его заботамъ школа была переименована сначала въ училище съ новымъ болѣе обширнымъ уставомъ, а затѣмъ въ 1889 г. и въ институтъ. Въ 1885 г. онъ былъ командированъ съ ученой цѣлью за границу и побывалъ въ главнѣйшихъ пунктахъ Германіи, сѣверной Италіи и Австріи, знакомясь съ выдающимися ветеринарными учрежденіями и музеями по медицинѣ и естественнымъ наукамъ. Съ 1873 г. состоялъ членомъ-корреспондентомъ Дерптскаго ветеринарнаго института, въ 1875 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Петербургскаго общества ветеринарныхъ врачей, а въ 1885 г. утвержденъ совѣщательнымъ членомъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ диссертаціи, С. напечаталъ слѣдующія статьи: «Замѣтки о такъ наз. сибирской язвѣ» («Журналъ Коннозаводства», 1869 г. № 5 и 6); «Наблюденія надъ ящуромъ у рогатаго скота» (тамъ же, 1870, № 6); «Къ вопросу о носовой экземѣ» («Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ», 1871 г., кн. III, стр. 140); «Нѣсколько словъ по поводу Практическаго руководства къ ларингоскопіи животныхъ, доктора Шилтова» («Ветеринарный Вѣстникъ», 1882).

А. Богдановъ, „Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, преимущественно за 1850—1887 г.“, т. I, листъ 18; портретъ въ т. II, табл. XIII (въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“, т. LV и LVII).—Некрологи: «Ветеринарный Вѣстникъ», 1890, вып. IV; «Вѣстникъ Общественной Ветеринаріи», 1890, № 2, стр. 21; «Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ», 1890, кн. II, отд. 7, стр. 117 — 118; «Всемірн. Иллюстр.», 1890, № 1097, стр. 90.

Сѣраковскій, *Сигизмундъ*, польскій повстанецъ, по происхожденію полякъ-дворянинъ Волынской губ., родился въ 1826 г. Будучи еще студентомъ Петербургскаго университета, онъ въ 1848 г. вступилъ въ члены одного изъ польскихъ политическихъ кружковъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами былъ арестованъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь; вскорѣ онъ получилъ возможность бѣжать и пытался перейти въ Австрію, однако на границѣ былъ схваченъ и административнымъ порядкомъ сданъ рядовымъ въ Оренбургскій линейный батальонъ. Человѣкъ въ высшей степени способный, С., несмотря на всѣ тяготы рядовой службы, успѣлъ, будучи въ батальонѣ, пополнить нѣкоторые пробѣлы въ своемъ образованіи, въ совершенствѣ изучилъ англійскій языкъ и находилъ еще время заниматься съ тремя дочерьми своего непосредственнаго начальника. Въ 1857 г. онъ былъ помилованъ и произведенъ въ офицеры.

Возвратившись въ Петербургъ, С. перечислился въ драгуны, поступилъ въ военную академію, которую блестяще и окончилъ, затѣмъ опредѣлился на службу въ генеральный штабъ и достигъ капитанскаго чина. Спеціальностью его на службѣ въ штабѣ была обработка военно-статистическихъ свѣдѣній, и въ этой области онъ сдѣлалъ много полезнаго, создавъ между прочимъ свою собственную, очень раціональную систему разработки и сводки сырыхъ матеріаловъ. Образованный въ Парижѣ изъ представителей отъ всѣхъ европейскихъ державъ военно-статистическій комитетъ, делегатомъ на которой отъ Россіи былъ командированъ С., призналъ за представленными имъ работами выдающуюся цѣнность, а Наполеонъ III сдѣлалъ ему предложеніе заняться разработкой военно-статистическихъ свѣдѣній для Франціи, отъ чего С. отказался. Въ 1858 г. С. вторично былъ командированъ заграницу для изслѣдованія и обозрѣнія тюремъ въ Западной Европѣ. Результатомъ этой поѣздки явилось нѣсколько написанныхъ С. талантливыхъ статей (о тюрьмахъ, арестантскихъ ротахъ, объ оружіи и т. п.), которыя были напечатаны въ офиціальныхъ изданіяхъ. Несомнѣнно, что, сложись обстоятельства нѣсколько иначе, изъ С. выработался бы выдающійся ученый изслѣдователь въ области военной статистики.

За границей С. познакомился съ Гарибальди, съ наиболѣе выдающимися представителями польской политической эмиграціи, а также съ произведеніями Прудона, идеи котораго оказали на него значительное вліяніе. Отъ послѣдняго онъ воспринялъ главнымъ образомъ идею о федералистическомъ сожительствѣ народовъ, хотя анархистомъ въ полномъ смыслѣ С. никогда не былъ; Гарибальди ему импонировалъ ореоломъ славы народнаго борца; къ націоналистическимъ же и сепаратистскимъ стремленіямъ большинства польскихъ эмигрантовъ С. отнесся отрицательно. Въ ре-

зультатѣ этихъ перекрещивавшихся положительныхъ и отрицательныхъ вліяній С. выработалъ на польскій вопросъ свой собственный взглядъ, формулированный имъ въ небольшой «Запискѣ», имѣвшей впослѣдствіи значительное распространеніе и вліяніе среди польскаго общества.

Вкратцѣ его идеи сводятся къ слѣдующему. Польскій вопросъ, по своему существу довольно простой, благодаря ряду политическихъ моментовъ, превратился въ одинъ изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ. Уже въ далекомъ историческомъ прошломъ, въ XVI в. при Ягелло, возникла мысль, поддержанная послѣ гетманомъ Жолкѣвскимъ, о соединеніи двухъ славянскихъ народовъ—литовско-польскаго и русскаго. Александру I осуществить этой идеи не удалось, произошло не сліяніе двухъ народовъ по принципу «равнаго съ равнымъ, вольнаго съ вольнымъ», а подчиненіе одного другому, польскаго русскому, образовалась не федерація, а гегемонія, которая еще болѣе была закрѣплена дальнѣйшими событіями. Между тѣмъ высокій уровень культурности польскаго народа и стремленіе послѣдняго къ гражданской свободѣ требуютъ для себя свободнаго развитія и съ существующими условіями сжиться органически не могутъ. Рѣшеніе вопроса состоитъ въ томъ, чтобы разумно соединить главенствующія начала въ исторіи каждаго изъ обоихъ народовъ: русскаго—начало централизаціи, польскаго — начало самостоятельности и автономіи провинціи, округа, наконецъ личности; примиреніемъ этихъ противоположностей, нахожденіемъ ихъ равнодѣйствующей и разрѣшится вопросъ польскій, а также создастся почва для разрѣшенія вопроса общеславянскаго, для осуществленія идей панславизма. Однако союзъ этихъ двухъ народовъ можетъ и долженъ основываться на правахъ «равнаго съ равнымъ, вольнаго съ вольнымъ», т. е. на принципѣ федераціи, образецъ которой наблюдается въ политическомъ устройствѣ Швейцаріи. Отсюда С. выводилъ необходимость равноправія языка въ школахъ, судахъ, законодательныхъ учрежденіяхъ, равноправіе религій и пр.

Въ 1859—1860 г.г. подъ вліяніемъ С. въ Петербургѣ стали организовываться польскіе революціонные кружки, члены которыхъ вербовались главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи и офицеровъ-поляковъ. Популярность С. среди послѣднихъ и его видная роль въ петербургскомъ польскомъ комитетѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ 1863 г. онъ по порученію этого комитета отправился вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими офицерами-поляками въ Литву, чтобы предводительствовать вспыхнувшимъ польскимъ возстаніемъ. Явившись въ Литву, С. провозгласилъ себя воеводою Литовскимъ и Ковенскимъ подъ именемъ Доленго—такимъ именемъ и титуломъ онъ по крайней мѣрѣ подписывалъ бумаги — и сталъ собирать вокругъ себя дружинниковъ. Въ короткое время ему удалось образовать отрядъ въ 5.000 человѣкъ, съ которымъ онъ намѣревался пробраться въ Курляндію, чтобы тамъ его еще болѣе расширить, но 25 апрѣля его настигли близъ д. Медейки русскія войска; произошедшая стычка кончилась безпорядочнымъ отступленіемъ отряда С. На другой день, 26 апрѣля, уже при самой д. Медейки произошло настоящее сраженіе, длившееся болѣе 4 часовъ и кончившееся полнымъ пораженіемъ повстанцевъ, причемъ самъ С. былъ раненъ пулею въ грудь навылетъ и попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ со всѣмъ почти своимъ штабомъ. Предъ военно-полевымъ судомъ отвѣчать по существу онъ отказался и требовалъ суда присяжнаго и гласнаго. Судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, что и было приведено въ исполненіе 15 іюня 1863 г. въ Вильнѣ.

Н. Цыловъ, „Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь“, Вильна, 1867 г.—„Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и мятежахъ послѣ 1831 г.“, „Русскій Архивъ“, 1870 г., №№ 4—5.—„Виленскіе очерки“, „Русская Старина“, 1884, № 1, стр. 48—60 (гдѣ же напечатана и упомянутая „Записка“ С.).—Гордонъ, „Воспоминанія“.

Сѣрко или Сирко, *Иванъ Дмитріевичъ*, популярнѣйшій кошевой атаманъ запорожскихъ низовыхъ казаковъ, личность по мощности своей и богатой событіями жизни почти легендарная. О первой половинѣ его жизни достовѣрныхъ извѣстій не сохранилось. Опредѣленно установлено лишь мѣсто его рожденія,—слобода Мерефа Слободской Украйны, въ нынѣшней Харьковской губерніи. Народная малорусская пѣсня приписываетъ ему жену Софью, двухъ сыновей—Петра и Романа, и двухъ дочерей.

На историческую сцену С. выступилъ въ 1654 г. и съ тѣхъ поръ въ теченіе 26 лѣтъ, сначала въ званіи полковника украинскихъ казаковъ, затѣмъ въ званіи полковника же и кошевого запорожскихъ казаковъ, составлялъ центральную фигуру Запорожья и даже всей Украйны. Дѣятельность его совпала съ тяжелымъ для Украйны періодомъ, съ временемъ ея «шатанія» между Москвой, Польшей и турецкимъ султаномъ. И С. то сносился и завязывалъ переговоры съ русскимъ царемъ, польскимъ королемъ, турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и молдавскимъ господаремъ, то шелъ войною на каждаго изъ нихъ и, несмотря на свои относительно слабыя войсковыя силы, завязывалъ въ Сѣчи такіе узлы событій, которые приходилось развязывать въ Москвѣ и въ Варшавѣ, въ Бахчисараѣ и въ Константинополѣ.

Когда Богданъ Хмѣльницкій въ 1654 г. присягнулъ на подданство московскому царю, С. отказался присоединиться къ этому акту и удалился изъ Украйны въ Запорожье, гдѣ въ неизвѣстности прожилъ 5 лѣтъ.

Въ 1659 г. видимъ его уже сторонникомъ Москвы и противникомъ польскаго короля, не желавшаго мириться съ потерей Малороссіи. Лѣтомъ этого года онъ самостоятельно ходилъ на крымскаго хана, союзника Польши, разграбилъ Аккерманъ, многихъ татаръ побилъ и многихъ плѣнниковъ-христіанъ освободилъ. На обратномъ пути его остановилъ полковникъ Тимошъ, высланный гетманомъ Выговскимъ «для перейму» С. Въ произошедшемъ бою Тимошъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и ушелъ къ Выговскому «самъ-треть». Воспользовавшись замѣшательствомъ противника, С. подошелъ къ Чигирину, который подъ казацкими саблями раздѣлилъ судьбу Аккермана, а затѣмъ направился въ Сѣчь. Тамъ его нашли посланцы отъ князя Трубецкого изъ Путивля и гетмана Безпалаго изъ Конотопа съ просьбой къ нему «чинить промыселъ» надъ крымскими улусами. По донесеніямъ Безпалаго царю, С. еще въ то же лѣто, выйдя на лодкахъ изъ Сѣчи съ большимъ войскомъ, поднялся по Бугу до Уманя, подлѣ котораго, «чиня промыселъ», разгромилъ рядъ улусовъ, потомъ спустился къ Бугскому лиману, гдѣ тоже жегъ и грабилъ татарскіе поселки. За этотъ походъ царь жаловалъ его,—«велѣлъ послать ему на триста рублевъ соболей да двѣсти червонныхъ золотыхъ». Подъ актомъ 9 октября 1659 г. объ избраніи Хмѣльницкаго имѣется имя и «кальницкаго полковника Ивана Сирко, а за него *неграмотнаго* росписался гетманъ Юрій Хмѣльницкій».

Вліяніе С. въ Запорожьѣ быстро росло. Водительство казаками, которыхъ при немъ въ 1661 г. насчитывалось болѣе 15 тысячъ, принадлежало ему повидимому всецѣло. Украинскіе гетманы по важнымъ дѣламъ обращаются непосредственно къ нему, хотя онъ и не былъ еще кошевымъ, званіе котораго носилъ Брюховецкій. Что же касается его политическихъ симпатій въ эту пору, то ихъ, какъ кажется, нельзя считать опредѣленными: когда Хмѣльницкій въ концѣ апрѣля 1661 г. предался Польшѣ, С. разорвалъ съ нимъ и, по однимъ извѣстіямъ сталъ «вѣрно служить русскому царю», по другимъ же — «не преклонялся ни къ русскому царю, ни къ польскому королю».

Въ 1663 г. С. впервые былъ избранъ кошевымъ атаманомъ всего запорожскаго низоваго войска. Ближайшей его заботой было увеличить войсковыя силы Сѣчи. До этого онъ—первый въ Запорожьѣ—сталъ составлять вспомогательные казакамъ отряды изъ воинственныхъ калмыцкихъ племенъ, по словамъ лѣтописи, мужественныхъ, отважныхъ, «по виду черныхъ, страшныхъ», вооруженныхъ копьями и стрѣлами. Ближайшіе годы онъ былъ несомнѣннымъ сторонникомъ Москвы. Въ октябрѣ 1663 г. съ казаками и московской ратью, бывшею подъ началомъ стряпчаго Григорія Косагова, ходилъ на крымскихъ татаръ и сжегъ Перекопъ; захваченныхъ плѣнныхъ казаки безвинно изрубили, въ чемъ потомъ передъ украинскимъ гетманомъ и царемъ должны были оправдываться: «а избили ихъ ради открывшагося въ Крыму морового повѣтрія». По возвращеніи въ Запорожье С. пришлось выдержать бурный натискъ со стороны значительной части вольницы. Волненіе было вызвано «прелестными» листами сторонника польскаго короли гетмана Павла Тетери, склонявшаго подъ разными обѣщаніями запорожскихъ «молодцовъ» къ Польшѣ. Часть ихъ отвѣтила согласіемъ, другая во главѣ съ С. противилась этому, и такъ какъ первыхъ было едва ли не большинство, то опасенія Косагова, что

«мнѣ съ Сѣркомъ тутъ будетъ матъ», были не напрасны; «теперь бунтуютъ и на насъ совѣшаются: чуть только осилятъ, сейчасъ выдадутъ насъ ляхамъ или татарамъ», писалъ тотъ же Косаговъ въ Москву. Скоро однако получилась вѣсть о пораженіи польскаго короля русскими подъ Глуховымъ, и это охладило противниковъ Москвы, отказавшихся отъ перехода къ Польшѣ и примирившихся съ С. Онъ тотчасъ же воспользовался обстоятельствами и въ декабрѣ того же года съ небольшимъ отрядомъ пошелъ добивать Перекопъ. Подъ послѣднимъ его встрѣтила татарская орда, предъ которой онъ сначала отступалъ, но на берегу рѣчки Колончака далъ ей сраженіе, выигралъ его и гналъ татаръ до перешейка. Въ этомъ извѣстіи гдѣ-то кроется «сказка»: или преуменьшена численность отряда С. (показано всего 90 казаковъ, 30 донцевъ и 60 калмыковъ), или преувеличена сила орды, изъ которой подъ саблями казаковъ пало будто бы около 1.000 человѣкъ.

Въ началѣ 1664 г. С. ходилъ за Бугъ и Днѣстръ, гдѣ разорялъ турецкія поселенія и бралъ добычу, а потомъ двинулся по Бугу на черкасскіе города. Брацлавъ, Каневъ, Могилевъ, Умань и другіе города при приближеніи С. объявили себя на сторонѣ московскаго царя и были пощажены, но Чигиринъ и Бѣлая Церковь остались вѣрными Польшѣ. Сначала одинъ, потомъ въ союзѣ съ Косаговымъ С. все лѣто бродилъ въ близкихъ и дальнихъ окрестностихъ Чигирина, имѣя непрерывно большія и малыя стычки съ сторонниками Польши и гетмана Тетери: жестокую схватку у Бужина (7 апрѣля) съ полковникомъ Чарнецкимъ, съ нимъ же, Тетерей и татарами подъ Смѣлой въ Капустяной долинѣ, подъ Городищемъ съ татарами и въ другихъ мѣстахъ. Въ конечномъ счетѣ верхъ оставался почти всегда за С., и въ серединѣ лѣта онъ могъ уже войти въ непокорный Чигиринъ, который испыталъ суровую расправу.

Въ іюлѣ 1664 г. у С. вышла размолвка съ Москвой. Въ отвѣтъ на многократныя настоянія изъ Москвы о необходимости совмѣстныхъ или согласныхъ дѣйствій запорожцевъ съ гетманомъ Иваномъ Брюховецкимъ С. написалъ царю, что онъ гетману не вѣритъ и дѣйствовать съ нимъ за-одно не желаетъ; въ этомъ отказѣ остался онъ непреклоненъ и послѣ разговора съ посланнымъ къ нему довѣреннымъ царя Репнинымъ. Упорство это объясняется отчасти чисто личными счетами С. съ Брюховецкимъ, болѣе же тѣмъ, что С., цѣнившій выше всего вольности запорожскаго войска и независимость собственныхъ дѣйствій, не могъ быть доволенъ слишкомъ большою предупредительностью гетмана къ Москвѣ. Съ кѣмъ бы ни воевалъ С. и съ кѣмъ бы ни былъ въ союзѣ, онъ ревниво оберегалъ свою самостоятельность, въ то время какъ Брюховецкій за посулу боярскаго сана билъ челомъ царю всѣми украинскими городами и пошлинами съ нихъ въ цареву казну—вплоть до согласія на московскихъ воеводъ по главнымъ мѣстамъ Малороссіи. Когда Брюховецкій, измѣнивъ Москвѣ, сталъ сноситься съ Петромъ Дорошенкомъ, желавшимъ отдать Украйну подъ руку крымскому хану, С. остался вѣренъ московскому царю и въ 1667 г. по собственному почину пошелъ на крымскихъ татаръ, союзниковъ Дорошенка. Ханъ, въ это время воевавшій съ Яномъ Собѣскимъ, поспѣшно заключилъ съ послѣднимъ перемиріе и обратился противъ С. Подъ Перекопомъ произошелъ бой, завершившійся разгромомъ крымцевъ. Болѣе недѣли опустошали запорожцы татарскія села и въ Сѣчь возвратились съ огромной добычей. Отъ царя за это дѣло С. получилъ похвальный листъ.

Въ 1668 г. С. оказывается уже противъ Москвы и въ союзѣ съ Дорошенкомъ. Достовѣрно извѣстно, что въ это время онъ не былъ кошевымъ и жилъ въ Слободской Украйнѣ, гдѣ состоялъ полковникомъ въ Зміевѣ и завѣдывалъ казаками слободъ Мереѳы и Печенѣговъ. Что именно вооружило С. противъ Москвы, несправедливости ли московскихъ воеводъ и бояръ на Украйнѣ или какіе-либо личные счеты,—остается невыясненнымъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ январѣ 1668 г. онъ сносился съ Дорошенкомъ. 10 марта этого года Зміевъ въ челѣ съ С. поднялъ бунтъ на защиту казацкихъ правъ. 11 марта С. былъ уже подъ Харьковомъ въ надеждѣ, что и этотъ городъ присоединится къ возстанію, но ошибся въ разсчетахъ и предъ ратью князя Григорія Ромодановскаго отступилъ за Днѣпръ къ Дорошенку, по пути разоряя и грабя слободы. У Дорошенка, судя по отрывочнымъ извѣстіямъ источниковъ, С. оставался недолго, уже

осенью того же года возвратившись въ Сѣчь. Тамъ онъ собралъ войско и ходилъ на украинскіе города противъ воеводъ и бояръ. «Приходилъ же онъ,—говорится въ Актахъ южной и западной Россіи,—и соединился съ городами, въ которыхъ живутъ казаки, не для чего иного, какъ для того, чтобы воеводы надъ нашими (украинскими) людьми не были, и вмѣсто нихъ, по старому украинскому обычаю, поставлены были полковники, сотники и войты». Онъ бился съ царскими воеводами подъ Ахтыркой и подъ Торговицей. Описывая этотъ походъ, упомянутые Акты заключаютъ: «А о томъ онъ весьма печаленъ, что отъ царскаго величества отступилъ; а бусурманамъ онъ не присягалъ». Въ силу ли этой печали или по другимъ причинамъ, но походъ на воеводъ онъ остановилъ и въ согласіи съ Дорошенкомъ той же осенью пошелъ воевать крымскихъ татаръ. Объ этомъ походѣ, обильномъ побитыми татарами и освобожденными русскими полоняниками, говорятъ не менѣе четырехъ разныхъ источниковъ, въ томъ числѣ посланіе Дорошенка: «Сіе вамъ вѣдомо чинимъ, что, услыша о низоваго войска желательствѣ громить татарскіе улусы, мы послали нѣсколько тысячъ городоваго войска съ пушками и съ добрымъ вождемъ, паномъ Иваномъ Сиркомъ, татарскую землю воевать», и донесеніе царскихъ посланцевъ: «Гетманъ Дорошенко послалъ Сирка въ Крымъ, чтобы учинить въ Крыму поискъ и замѣшанину».

Начало 1669 г. С. провелъ въ походѣ противъ Суховіенка и крымскаго хана Батырчи, которымъ подъ мѣстечкомъ Ольховцемъ нанесъ рѣшительное пораженіе: Суховіенко ушелъ изъ битвы самъ-пятъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ смутѣ на Украйнѣ въ связи съ избраніемъ въ гетманы Демьяна Многогрѣшнаго С. вмѣстѣ съ запорожцами объявилъ себя противъ послѣдняго и въ союзѣ съ Дорошенкомъ настаивалъ на избраніи другого гетмана, Юрія Хмѣльницкаго. Затѣя ихъ въ виду рѣшительныхъ дѣйствій Москвы успѣха не имѣла.

Годъ спустя С. на короткое время мѣняетъ свои политическія симпатіи. Избранный въ кошевые, онъ снова становится сторонникомъ Москвы, что подтверждаетъ и дѣломъ. Сохранилась его отписка отъ 18 іюля 1670 г. къ воеводѣ Бѣлгорода, князю Григорію Ромодановскому, что онъ «Божіею милостью и счастьемъ царскаго пресвѣтлаго величества» ходилъ подъ турецкій городъ Очаковъ, гдѣ взялъ много добычи, а городъ сжегъ. Это извѣстіе, подтверждаемое и Актами южной и западной Россіи, не подлежитъ сомнѣнію, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ томъ же іюлѣ 1670 г. С. опять измѣняетъ царю. Когда сторонники Москвы Демьянъ Многогрѣшный, Юрій Хмѣльницкій и союзникъ ихъ Калга-султанъ и др. съ громаднымъ войскомъ загнали Дорошенка въ ловушку подъ Стеблевымъ, окружили и стѣснили его, такъ что ему доводилось очень плохо,—неожиданную помощь оказалъ гетману не кто иной какъ С. Стремительнымъ рукопашнымъ боемъ онъ принудилъ къ бѣгству сначала татаръ, потомъ людей Юрія Хмѣльницкаго, котораго плѣнилъ, и выручилъ Дорошенка. Еще полгода спустя С. стоитъ уже ни за царя, ни за Дорошенка, а за Польшу, отъ которой получилъ богатые подарки и ставленника которой въ гетманы, Михайла Ханенко поддерживалъ противъ стараго гетмана Дорошенка. Когда послѣдній, провѣдавъ о претензіяхъ Польши вручить гетманскую булаву Ханенку, пошелъ въ союзѣ съ татарскимъ ханомъ на Украйну и сталъ чинить ей «большую шкоду», С. по зову Яна Собѣскаго вышелъ противъ татаръ, перехватилъ ихъ, уже разбитыхъ поляками, на переправѣ черезъ Бугъ, громилъ и топилъ ихъ, а послѣ боя принудилъ хана съ остатками орды идти вмѣстѣ съ нимъ противъ Дорошенка. Послѣдній отступилъ назадъ «съ оскудѣлымъ и въ запасахъ оголодѣлымъ войскомъ», а С., «прихиливъ» къ себѣ все Побужье, подступилъ къ Кальнику, послѣ осады взялъ его и затѣмъ расположился у Лодыжина. 25 октября онъ съ запорожцами присягнулъ быть въ вѣчномъ подданствѣ у польскаго короля и принялъ встрѣчную присягу польскихъ гетмановъ не отнимать у казаковъ стародавнихъ вольностей.

Ближайшіе послѣ этого событія мѣсяцы С. провелъ въ непрерывныхъ походахъ противъ татаръ и Дорошенка: около Ильинцевъ разбилъ значительный татарскій отрядъ, подъ Кальникомъ— отрядъ Дорошенка, въ началѣ 1672 г. въ Волошской землѣ разорялъ села, на рѣкѣ Куяльникѣ напалъ на крымскаго хана Нереддина и взялъ его въ плѣнъ; отсюда онъ по зову поляковъ, обѣщавшимъ запорожцамъ доб-

рую плату, поспѣшилъ походомъ на украинскіе города, но въ платѣ его обманули, что вызвало ропотъ запорожцевъ на С. за вѣру полякамъ и союзъ съ ними и повело къ рѣшенію вновь перейти подъ руку московскаго царя.

Послѣ паденія Демьяна Многогрѣшнаго и ссылки его въ Сибирь С. рѣшилъ добиться малороссійскаго гетманства для себя лично. Этому рѣшительно воспротивились правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, лѣвобережные полковники во главѣ съ Ѳедоромъ Жученкомъ и особенно Москва,—первые по мотивамъ личнаго свойства, а послѣдняя по недовѣрію къ постоянству политическихъ симпатій С. и въ виду его рьяной защиты казацкихъ вольностей. 19 апрѣля 1762 г. С., по пути въ Курскъ къ боярину Г. Г. Ромодановскому, къ которому ѣхалъ для переговоровъ о гетманствѣ, ѣхалъ безъ войска, всего съ нѣсколькими довѣренными лицами, онъ былъ перехваченъ Жученкомъ, арестованъ, закованъ въ желѣзы и посаженъ въ полтавскую тюрьму, оттуда отправленъ въ Москву, а изъ Москвы—въ Сибирь, въ Тобольскъ. Планы С. такимъ образомъ рушились. Вмѣсто гетманства онъ получилъ ссылку. Послѣдняя однако недолго длилась. За С. явилось три ходатая. Первый—запорожскіе казаки, написавшіе письмо новому гетману Самойловичу, прося его «смиренно и покорственно... донести прошеніе къ его царскому пресвѣтлому величеству», чтобы С. былъ имъ возвращенъ «для лучшего промыслу надъ непріятелемъ», а затѣмъ пославшіе просьбу боярину Артамону Матвѣеву: «умилосердись яко отецъ надъ чады, чтобы милостивымъ твоимъ ходатайствомъ... полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сирко къ намъ былъ отпущенъ, для того что у насъ второго такого полевого воина и бусурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ запорожскомъ Ивана Сирка, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи освобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышляютъ». Другимъ ходатаемъ были поляки въ лицѣ своего посла Христофора Ковалевскаго, который просилъ въ Москвѣ о возвращеніи С. «на общую услугу» московскаго царя и польскаго короля противъ начавшаго насѣдать съ юга непріятеля,—турокъ, татаръ и Дорошенка. А третьимъ и самымъ убѣдительнымъ ходатаемъ былъ самъ непріятель, тѣ событія, которыя къ невыгодѣ русскихъ и поляковъ стали громоздиться на югѣ послѣ ссылки С. и пріостановить которыя было не подъ силу другимъ полковникамъ и воеводамъ. Дѣйствительно, весною этого 1762 г. громадныя полчища турокъ вторглись въ Подолію и грозили Кіеву. Въ союзѣ съ ними дѣйствовалъ и Дорошенко. Кіевскому воеводѣ князю Юрію Трубецкому не управиться было съ такими противниками. Нужна была запорожская вольница, а чтобы водительствовать ею—нуженъ былъ С. И Алексѣй Михаиловичъ даровалъ С. свободу, хотя взялъ съ него торжественную присягу, принесенную въ царскихъ палатахъ въ присутствіи Никона, освященнаго собора, ближнихъ бояръ и думныхъ людей,—«служить его царскому величеству вѣрно и ни на какія прелести не склоняться, и подущенія никакого не слушать, и словъ непристойныхъ не вмѣщать». Но отпустили С. въ сѣчь не сейчасъ: по проискамъ Самойловича онъ былъ задержанъ въ Москвѣ до первой половины лѣта 1673 г.,—кстати и турки пріостановили свое наступленіе. Только въ іюнѣ этого года мы видимъ его опять въ походахъ, прежде всего противъ татаръ: «взялъ взятьемъ и разорилъ крымскій городъ Асланъ и много людей въ полонъ захватилъ», потомъ противъ турокъ, разгромившимъ Очаковъ. Съ низовьевъ Днѣпра онъ поднялся къ украинскимъ городамъ и сталъ преслѣдовать татаръ, въ союзѣ съ турками дѣйствовавшихъ противъ русскихъ и поляковъ: «Татарское войско нынѣ въ сборѣ есть..., а войною тѣхъ татаръ никуда не пропускаетъ Сѣрикъ съ запорожскими казаками». Побывавъ походомъ въ Крыму, въ Волошской землѣ и за Бугомъ, сжегши городъ Тягинъ и опустошивъ Бѣлогородчину, С. направился въ Сѣчь.

Въ началѣ зимы въ Сѣчи объявился самозванецъ, называвшій себя сыномъ царя Алексѣя Михаиловича Семіономъ. Подошедшій къ Сѣчѣ С. учинилъ самозванному царевичу допросъ и словамъ его далъ полную вѣру—искренно или нѣтъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ и царское слово, переданное ему черезъ пословъ, о томъ, что объявившійся царевичъ самозванецъ, а настоящій царевичъ Семіонъ Алексѣевичъ

четыре года назадъ скончался и было бы ему, многолѣтствуй онъ, не 15 лѣтъ (годы самозванца), а только девять, и требованіе гетмана Самойловича о выдачѣ самозванца,—все это С. оставилъ втуне и безъ отвѣта. Не убѣдили его и прибывшіе въ Сѣчь царскіе послы сотникъ Чадуевъ и подъячій Щоголевъ. Въ разговорѣ съ ними С., между прочимъ, высказалъ много горькихъ упрековъ Москвѣ по поводу чинимыхъ ею обидъ казачеству вообще и ему, С., въ частности. «...Больше меня не обманутъ. Раньше мнѣ отписалъ Ромодановскій на карткѣ государеву милость, и я, повѣря ему, поѣхалъ къ нему, а онъ продалъ меня за 2.000 червонныхъ», говорилъ онъ по поводу своего ареста и ссылки въ Сибирь. «А кто же,—спросили послы,—тѣ червонные за тебя далъ?» —«Царское величество, милосердуя обо мнѣ, тѣ червонные Ромодановскому указалъ дать», отвѣтилъ С. Отпуская московскихъ пословъ обратно, С. отправилъ съ нами и своихъ людей съ постановленіями рады спросить самого царя о царевичѣ Семіонѣ (предшествующую грамоту запорожцы считали сочинительствомъ бояръ) и съ письмомъ Лжеселіона къ царю. И только тогда, когда посланцы С. изъ устъ царя услышали о самозванствѣ пришельца въ Сѣчь и о томъ по возвращеніи передали С., послѣдній наконецъ рѣшилъ удовлетворить требованіе Москвы о его выдачѣ, заковалъ его въ желѣзы и отправилъ въ Москву, гдѣ онъ 17 сентября 1674 г. былъ казненъ, на допросѣ назвавъ свое настоящее происхожденіе — сынъ варшавскаго мѣщанина, перешедшаго изъ Варшавы въ Лохвицу и ставшаго подданнымъ князя Дмитрія Вишневецкаго. Трудно допустить, чтобы С., человѣкъ проницательный и зоркій, вѣрилъ сказкамъ самозванца о своемъ происхожденіи. Скорѣе это была роль разыгранаго убѣжденія, принятая имъ на себя отчасти въ видахъ устрашенія Москвы, отчасти изъ мести за ссылку въ Сибирь. Во всякомъ случаѣ Москва должна была отпустить, «пробачить» вины запорожцамъ, а С. получилъ даже царскій подарокъ, четыре сорока соболей, и получилъ бы въ вотчину и городокъ Келеберду, на что и грамота была уже послана, не вмѣшайся въ дѣло зложелатель С. — гетманъ Самойловичъ.

Еще до отправки Лжеселіона въ Москву С. сдѣлалъ нѣкій «выпадъ», о причинахъ котораго трудно и догадываться. Онъ вдругъ отправилъ посланцевъ сначала въ Чигиринъ къ Дорошенку, затѣмъ къ Самойловичу съ предложеніемъ каждому изъ нихъ забыть распри съ запорожцами, быть съ ними «въ единомысліи и въ братолюбномъ совѣтѣ для того, чтобы... никакого не было замѣшанья и кроворазлитія», и сообща дѣйствовать противъ бусурманъ. Изъ этого дѣла, какъ и не могло иначе быть при тогдашней путаницѣ и борьбѣ честолюбій разныхъ гетмановъ, ничего не вышло. Самойловичъ не только не пошелъ на встрѣчу предложенію С., но перехватилъ посланцевъ къ Дорошенку, схватилъ и посланныхъ къ нему самому и всѣхъ заключилъ въ тюрьму.

Въ началѣ 1675 г. въ западную Украйну пришелъ польскій король Янъ Собѣскій. Это обстоятельство вызвало «замѣшанину» и шатаніе среди казаковъ въ восточной Украйнѣ и усиленную подозрительность къ С. со стороны Самойловича и Москвы. Посыпались доносы Самойловича и оправданія С. Въ январѣ Самойловичъ писалъ о сношеніяхъ С. съ королемъ въ Москву, а въ мартѣ о томъ же—воеводѣ Ромодановскому: «Сирко служитъ Москвѣ не помышляетъ и присягалъ-де онъ въ Москвѣ поневолѣ, а какъ родился за ляхами, такъ и умереть хочетъ за ними». Съ цѣлью разсѣять взводимые на него навѣты С. въ маѣ послалъ царю черезъ своего довѣреннаго человѣка оправдательный листъ, въ которомъ писалъ, что, правда, «его королевское величество въ третій разъ пишетъ намъ о томъ, чтобы мы шли къ нему на службу и чинили бы общій на бусурманъ промыселъ; но мы, вѣрно служа вашему величеству, безъ указа вашего величества не уйдемъ, а будетъ на то указъ, тогда идти готовы». Царь, настроенный навѣтами Самойловича, отвѣтилъ С. суровой грамотой, которою запрещалъ ему сноситься съ королемъ и отказывалъ въ разныхъ просьбахъ и милостяхъ. Вѣдаться съ королевскими послами С. тѣмъ не менѣе не переставалъ, что вызвало дальнѣйшіе доносы Самойловича въ Москву, который въ недоброжелательствѣ къ С. часто приплеталъ къ былямъ и небылицы. Въ общемъ явно, что запорожцы не раскрывали всѣхъ своихъ намѣреній, особенно послѣ обидной грамоты кошевому С., но и Самойловичъ

въ своихъ подозрѣніяхъ заходилъ слишкомъ далеко. Никакой измѣны во всякомъ случаѣ не послѣдовало.

Временно непріязнь между С. и Самойловичемъ ослабла, перейдя даже въ нѣкоторый родъ дружбы. Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ 1675 г. С., извѣщенный о надвигавшихся татарахъ, спѣшно вышелъ къ Перекопу и подъ нимъ разбилъ непріятеля, взялъ большую добычу и освободивъ многихъ плѣнныхъ. Подъ впечатлѣніемъ этого похода, избавившаго Самойловича отъ нужды лично вѣдаться съ татарами, отчасти же, согласно другимъ источникамъ, подъ вліяніемъ угрозы С. выйти на него за его «непотребства» съ 100 тысячами сабель, гетманъ подобрѣлъ, сталъ выказывать кошевому и запорожцамъ свое расположеніе и послалъ кормовыхъ припасовъ. С. на ласку отвѣтилъ лаской и повтореніемъ разъ уже неудавшагося предложенія. «Такъ какъ мы нѣкогда передъ образомъ Христа и Богоматери обязались истинное пріятство между собой соблюдать,—писалъ онъ,—то я всей душою хочу сдержать свое обѣщаніе, хотя злохитрый врагъ постоянно... даетъ поводъ къ разрыву той дружбы и тѣснаго союза межъ нами. Теперь... я готовъ вспомнить обоюдную клятву нашу передъ святымъ образомъ и призвать на помощь всемогущаго Бога, чтобы Онъ продолжилъ згоду между нами на благое дѣло отчизны дорогóй».

Дружба кошевого и гетмана развалилась уже въ самомъ близкомъ времени, на этотъ разъ въ связи съ желаніемъ правобережнаго гетмана Дорошенка отъ Турціи перейти въ подданство Россіи. С., извѣщенный объ этомъ желаніи, съ запорожцами и донскимъ товариществомъ подошелъ къ Чигирину, резиденціи Дорошенка, гдѣ принялъ отъ послѣдняго по всѣмъ формамъ присягу на вѣрность Москвѣ и встрѣчно далъ присягу въ томъ, что гетманъ «будетъ принятъ вашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость,—писалъ С. царю, — останется въ цѣлости и ненарушенъ въ здоровьѣ, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при клейнотахъ войсковыхъ, безо всякой за прошлыя преступленія мести...» О «подклоненіи» Дорошенка «подъ руку царскаго величества» С. объявилъ въ особыхъ листахъ всѣмъ полковникамъ гетмана Самойловича и ему самому съ предложеніемъ отнынѣ жить такъ, «чтобы Богу было угодно и людямъ хвально», и не ходить «на ту сторону (правобережную) обиды дѣлать». Самойловичъ, узнавъ о происшедшемъ въ Чигиринѣ, обратился съ воззваніемъ къ лѣвобережнымъ казакамъ «хитростямъ и коварствамъ» Дорошенка и С. не вѣрить, написалъ боярину Матвѣеву, совѣтуя не довѣрять С., и самому царю въ томъ же смыслѣ. Исторія загорѣлась отчасти изъ дѣйствительнаго недовѣрія къ С. и особенно къ Дорошенку, болѣе же всего изъ уязвленнаго самолюбія Самойловича, въ томъ, что присяга была принесена С., который принимать ее формальнаго права не имѣлъ, а не ему и воеводѣ Ромодановскому. Въ этомъ духѣ и получилъ С. грамоту изъ Москвы: буде Дорошенко на дѣлѣ желаетъ поступить въ подданство великаго государя, то учинить ему присягу о томъ въ присутствіи боярина Ромодановскаго и гетмана Самойловича. Дорошенко отказался ѣхать къ этимъ лицамъ, опасаясь ихъ мести, и взамѣнъ того послалъ отъ себя людей въ Москву съ челобитной о подданствѣ. Царя и это почему-то не удовлетворило, и С. были запрещены дальнѣйшія сношенія съ лѣвобережнымъ гетманомъ, что впрочемъ его не укротило и предстательства его за Дорошенку не остановило, результатомъ чего была царская грамота въ томъ смыслѣ, что если Дорошенко окажется поистинѣ вѣрнымъ царю, то «о прежнихъ его дѣлахъ будетъ забыто все».

Усилія С. умирить это дѣло были прерваны угрозой со стороны Турціи въ отмщеніе ему за привлеченіе Дорошенка на сторону русскихъ. «Турскій» султанъ Магометъ IV осенью 1675 г. отрядилъ крымскаго хана съ 50 тыс. татаръ и лично вышелъ съ отборными 15 тыс. янычаръ съ намѣреніемъ «выбить всѣхъ запорожцевъ до конца, а самую Сичь сравнять съ землею». На третью ночь Рождества, когда казаки пьяные спали по своимъ куренямъ, 15-тысячный отрядъ, какъ разсказываетъ лѣтопись Величко, вошелъ въ Сѣчь. Татары будто бы настолько стѣснились въ узкихъ проходахъ и проулкахъ, что потеряли всякую возможность двигаться и стрѣлять, чѣмъ и воспользовались нѣсколько десятковъ проснувшихся запорожцевъ, начавшихъ разстрѣливать врага изъ ку-

ренныхъ оконъ. По лѣтописному сказанію, довольно сомнительному въ подробностяхъ, между татарами возникла давка, а затѣмъ паника, стоившая имъ около 13 тысячъ раздавленныхъ и смятыхъ. Черезъ бѣглецовъ паника перебросилась и въ ханскій лагерь, стоявшій за Сѣчью, и ханъ съ ордою безъ оглядки бѣжалъ въ Крымъ, преслѣдуемый С. съ запорожцами. Въ іюлѣ того же 1675 г. (по сентябрскому счету) запорожцы во главѣ съ С. пошли отвѣтнымъ походомъ въ Крымъ и всю страну «несчадно струснули». Рядъ городовъ, въ томъ числѣ и столица Бахчисарай, были преданы огню, страна раззорена, люди побиты и въ полонъ взяты, и самъ ханъ съ мурзами едва спасся въ горы. Нѣсколько опомнившись, ханъ собрался съ силами и двинулся къ Сивашу, надѣясь отрѣзать казакамъ путь. Однако С., отправивъ большую часть войска разорять Крымъ, съ меньшею частью предусмотрительно остался у переправы. Ханъ очутился между двухъ огней: впереди былъ С., а сзади подступала выходившая изъ Крыма другая часть запорожцевъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ опрокинуть передній отрядъ татары принуждены были сложить оружіе, а кто не хотѣлъ—былъ убитъ. Только самъ ханъ и немногіе съ нимъ успѣли ускользнуть въ стороны. С. привезъ въ Сѣчь 7 тыс. плѣнныхъ татаръ и нѣсколько тысячъ освобожденныхъ изъ неволи христіанъ.

Разгромъ Крыма обозлилъ турецкаго султана до-нельзя. Онъ грозилъ разорить Сѣчь до основанія и собирался на нее походомъ. Живущимъ въ Малороссіи преданіемъ именно къ этому моменту пріурочивается высокомѣрное посланіе султана къ запорожцамъ и извѣстное «смѣхотворное» письмо послѣднихъ въ отвѣтъ, писаніе котораго изображено Рѣпинымъ въ картинѣ «Запорожцы».

Послѣ смерти Алексѣя Михаиловича С. съ кошомъ принесъ торжественную присягу на вѣрность Ѳедору Алексѣевичу и почти одновременно съ этимъ попытался завершить неоконченное дѣло о принятіи Дорошенка въ подданство Россіи (1676 г.). Противодѣйствіе планамъ С. со стороны Самойловича и вызванное донесеніями послѣдняго недовольство царя кошевымъ еще болѣе упрочили дружбу С. съ Дорошенкомъ и испортили его отношенія къ Москвѣ, такъ что онъ повидимому подумывалъ снова о союзѣ съ турками или татарами. Тѣмъ не менѣе, когда Самойловичъ и Ромодановскій пошли на Дорошенка открытой силой и послѣдній имъ сдался, С. почему-то не предпринялъ никакихъ шаговъ для поддержки своего друга, остался равнодушнымъ зрителемъ и даже возобновилъ свои обычные промыслы надъ крымцами.

Съ начала 1677 г. отношенія С. съ Москвою значительно ухудшились. Къ этому времени обнаружилось явное намѣреніе турокъ и татаръ идти на Украйну, и до Самойловича дошли слухи о сношеніяхъ С. съ султаномъ. Дѣйствительно, С. одно за другимъ получилъ рядъ посланій отъ находившагося въ плѣну у турокъ Юрія Хмѣльницкаго съ предложеніемъ стать на сторону султана, «найяснѣйшаго цесаря турецкаго». «Когда я былъ въ Запорожьѣ,—писалъ Хмѣльницкій С.,—то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ (т. е. гетманомъ) меня имѣть хотѣли; исполните теперь ваше обѣщаніе и отправляйте пословъ своихъ для переговоровъ со мною». Эти посланія С. отправлялъ Самойловичу, сопровождая ихъ собственными, въ которыхъ увѣрялъ о своихъ честныхъ намѣреніяхъ по отношенію къ Москвѣ, но не скрывалъ недовольства послѣднею изъ-за неприсылки оружія, свинца и продуктовъ и высказывалъ желаніе завести переговоры съ турками съ цѣлью размѣна плѣнныхъ. Самойловичъ, а подъ вліяніемъ его и царь чистотѣ намѣреній С. вѣры не давали, подозрѣвая его въ томъ, что переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ затѣваются лишь для возможности переговоровъ о союзѣ. Въ іюнѣ 1677 г. изъ Москвы прибылъ въ Сѣчь для разслѣдованія этого дѣла царскій посолъ Василій Перхуровъ и на радѣ выслушалъ, съ одной стороны, увѣренія С. и коша въ готовности противиться туркамъ и татарамъ, а съ другой — рядъ жалобъ на Самойловича и Москву о неприсылкѣ довольствія, суконъ, и всякаго жалованья. Жалобы С. въ іюлѣ черезъ посланца стольника Александра Карандѣева были удовлетворены, но самъ онъ остался подъ подозрѣніемъ, и Самойловичъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ.

20 августа 1677 г. произошла подъ Чигириномъ битва московскихъ полковъ съ

совмѣстными силами турокъ, татаръ, валаховъ и мултянъ, разрѣшившаяся бѣгствомъ союзниковъ. Отношеніе С. къ этому дѣлу остается не совсѣмъ выясненнымъ. По лѣтописи Величка слѣдуетъ, что С. послалъ на помощь московскимъ полкамъ значительный отрядъ запорожцевъ, который и рѣшилъ дѣло въ критическую минуту. Фактъ этотъ однако въ другихъ источникахъ не находитъ подтвержденія. Съ другой стороны, не болѣе достовѣрны и извѣстія о двойственной роли С.: посылая письмо Самойловичу съ поздравленіями его съ счастливой побѣдой, онъ въ то же время своими лодками помогъ будто бы бѣжавшимъ татарамъ переправиться черезъ Днѣпръ, за что отъ хана получилъ хлѣбныхъ запасовъ, самопаловъ, зелья и свинцу, а отъ султана 30 тыс. червонцевъ. На основаніи этихъ слуховъ Самойловичъ послалъ въ октябрѣ С. рѣзкое укорительное письмо и о нихъ же сообщилъ въ Москву, откуда для разслѣдованія вскорѣ былъ присланъ подъячій Емельянъ Шестаковъ. На рядъ поставленныхъ по этому дѣлу Шестаковымъ вопросовъ С. отвѣчалъ: подъ Чигиринъ онъ не ходилъ потому, что войска въ Сѣчи было мало и ходили слухи о намѣреніяхъ турокъ по пути къ Чигирину осадить сначала Сѣчь; съ ханомъ примирился отчасти въ виду этой угрозы, отчасти же потому, что царь и гетманъ, несмотря на неоднократныя челобитья его, С., ни припасовъ, ни оружія, ни вспоможенія людьми не присылали, почему казаки одной рыбой должны были кормиться, а ханъ за полоненныхъ татаръ далъ большой выкупъ,—«а если бы съ ханомъ не помирились, то всѣ съ голоду померли бы». «...А какъ скоро войска и запасы будутъ намъ присланы, то мы перемиріе съ ханомъ нарушимъ и пойдемъ въ Крымъ войною».

Весною 1678 г. вновь грозила бѣда отъ нашествія турокъ на Украину. Царь и гетманъ стали готовиться къ отпору, почему опять должны были вѣдаться съ С. А о немъ между тѣмъ стали приходить тревожныя вѣсти; доносили, что онъ въ дружбѣ съ султаномъ и ханомъ, съ своими сносится черезъ пословъ, сносится также и съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, что онъ готовъ отойти отъ Москвы и пристать къ султану, если послѣдній дастъ согласіе вѣру православную не гнать, податей не брать, вольностей запорожскихъ не нарушать и по городамъ своихъ старшихъ не ставить. Нѣкоторые говорили, что всѣмъ этимъ С. «просто манетъ враговъ, чтобы они на него прежде времени не наступали, а самъ только времени выжидаетъ, чтобы надъ Крымомъ промыселъ чинить». Самойловичъ однако слухи считалъ за истину, С. ни въ чемъ не довѣрялъ, его совѣты (напр. объ очищеніи труднаго для защиты Чигирина) считалъ «злосливыми» намѣреніями, просьбы его о довольствіи, оружіи, знаменахъ и пр. отклонялъ и въ посланіяхъ царю обрисовывалъ С. самыми черными красками. Только когда турецкая гроза стала совсѣмъ близко, онъ послалъ запорожцамъ 200 бочекъ муки, 40 бочекъ пшена и другихъ продуктовъ. Подозрѣнія Самойловича однако не оправдались. Въ іюнѣ 1678 г. С. совершенно разорвалъ всякія сношенія съ непріятелями и 12 числа этого мѣсяца разбилъ на Днѣпровскомъ лиманѣ нѣсколько турецкихъ судовъ съ хлѣбными запасами, а затѣмъ, желая опередить шедшихъ изъ-подъ Чигирина турокъ, двинулся къ Бугу, на пути ихъ сжегъ мостъ, имѣлъ рядъ стычекъ съ непріятельскими отрядами, которые разбилъ и разсѣялъ. Въ то время, когда С. громилъ татаръ на Днѣпрѣ и Бугѣ, московскіе полки и украинскіе казаки понесли рѣшительное пораженіе у Чигирина и отступили отъ города. Неудачу эту молва, а вслѣдъ за нею и лѣтописи объяснили нерѣшительностью князя Ромодановскаго, сынъ котораго находился въ плѣну у турокъ, и тѣмъ, что Самойловичъ, «знюхавшись съ княземъ и слѣдуя его волѣ», удерживалъ казаковъ отъ рѣшительнаго сраженія. Тогда С. и запорожцы послали Самойловичу пространное ядовитое, полное рѣзкихъ укоризнъ письмо. Изложивъ всѣ бѣдствія, перенесенныя Украйной отъ вражды правобережнаго и лѣвобережнаго гетмановъ, въ томъ числѣ Самойловича съ Дорошенкомъ, С. писалъ: «Послѣ всего этого не удивляйся, ваша вельможность, войску запорожскому, если намъ пришлось, послѣ случившагося збуренія турчиномъ Чигирина, Канева... и тебя записать въ реестръ прошлыхъ нещиро зичливыхъ отчизнѣ нашей гетмановъ... Вмѣсто военнаго похода... ты, яко журавель на купинѣ стоящій, издалека черезъ Днѣпръ смотрѣлъ до Лодыжина и Уманя, что тамъ будетъ твориться, обгородившись хорошо намет-

ными стѣнами для защиты своего здоровья, чтобы оттуда не залетѣла по вѣтру пуля какая и оному въ роскошныхъ перинахъ... не причинила шкоды... Объясни же теперь, пане гетмане, что доказалъ ты, какую услугу Богу и отчизнѣ сдѣлалъ. Дорошенка заслалъ въ непрестанную неволю, Чигиринъ со всею сегобочною Украйною утратилъ, многому множеству христіанской крови напрасно пролиться допустилъ и послѣ такого благополучія обѣихъ сторонъ гетманомъ титуловаться сталъ... Дождался крайняго упадка и запустѣнія отчизны нашей... за что дашь отвѣтъ передъ Богомъ всевидящимъ. Твоему разуму показался лучшимъ одинъ человѣкъ, сынъ князя Ромодановскаго, нежели тысячи братіи нашей, великороссійскихъ и малороссійскихъ, оставленныхъ безъ помощи твоей на убіеніе въ Чигиринѣ, Каневѣ и другихъ мѣстахъ... Кто тутъ слѣпотѣ твоего ума не удивится? Кто можетъ съ пріязнію и зичливостью приклониться тебѣ?..» И т. д.,—длинный рядъ укоровъ, заключенный благожеланіемъ, «чтобы ты черезъ тотъ упадокъ очнулся и поискалъ милости Божіей для вѣчнаго живота и благополучія». Послѣ своей неудачи подъ Чигириномъ, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе приведеннаго письма, а болѣе всего въ виду того, что С. на дѣлѣ доказалъ шаткость недобрыхъ о немъ слуховъ, Самойловичъ сталъ съ значительно большимъ довѣріемъ относиться и къ С. и къ запорожцамъ вообще, къ нимъ отписывая, что вѣритъ ихъ «искреннему желанію къ православному монарху», и въ Москвѣ прося, «дабы великій государь, взирая на труды ихъ, по челобитью свою милость явилъ».

Весною 1679 г. С. напалъ на городъ Кызыкермень и Тавань. Мстя за разореніе этихъ городовъ, турки поздней весною подступили было къ Сѣчѣ, но С., имѣя мало войска, ушелъ на острова, почему турки повернули обратно. Узнавъ о недостачѣ войскъ у С., царь впервые послалъ ему помощь,—большую конную рать и пѣшихъ людей. Въ началѣ лѣта Самойловичъ предупреждалъ С., что на Сѣчь снова собираются янычары, и предлагалъ свою помощь, на что С. отвѣтилъ: «Если вы, ваша вельможность, станете безпокоить вашу гетманскую особу съ такой пріязнью и усердіемъ, какую выказали у Лодыжина, Уманя, Чигирина... то лучше вамъ оставаться въ собственномъ домѣ и не смотрѣть на наше паденіе сблизка, какъ смотрѣли вы безпечально на паденіе Чигирина...»

«Того же лѣта (1680), августа перваго числа,—говоритъ лѣтопись Величко,—преставился отъ жизни сей, черезъ нѣкоторое время послѣ болѣзни, въ Грушевкѣ, въ пасѣкѣ своей, славный кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко... Погребенъ былъ честно всѣмъ войскомъ низовымъ запорожскимъ... Хоронили его знаменито 2 августа со многою арматною и мушкетною стрѣльбою и съ великою отъ всего низоваго войска жалостью...» На камнѣ, сохранившемся донынѣ на его могилѣ (въ нынѣшней деревнѣ Капуливкѣ, Екатеринославской губерніи и уѣзда), дата смерти С. обозначена 4 мая 1680 г.; разногласіе объясняется, вѣроятно, ошибкой на этомъ камнѣ, поставленномъ, надо думать, значительно позже на мѣстѣ стараго камня, уничтоженнаго во время гоненій на Сѣчь; надпись возстановлялась на память, почему и возможна была ошибка.

Друзья и враги С., лѣтописцы и историки,—всѣ отзываются о немъ какъ о человѣкѣ замѣчательныхъ военныхъ дарованій. Польскій король Янъ Собѣскій называлъ его «воиномъ славнымъ и въ ратномъ дѣлѣ большимъ промышленникомъ», украинскіе лѣтописцы величаютъ его «сильнымъ и великимъ ватагомъ», «славнымъ атаманомъ», малороссійскіе историки приравниваютъ его къ Чингисхану и Тамерлану. Татары дали ему прозвище «урусъ-шайтанъ» (русскій чортъ), татарки его именемъ пугали дѣтей; турецкій султанъ издалъ указъ молиться въ мечетяхъ о погибели С. Сами запорожцы и украинскіе казаки считали его непобѣдимымъ. Легенды гласятъ, что послѣ смерти С. запорожцы, отправляясь въ походъ, возили его тѣло въ гробу или его правую руку, которую при встрѣчѣ съ врагами выставляли впередъ и кричали: «Стой, душа и рука Сирка съ нами». О подвигахъ его и донынѣ распѣваются пѣсни, разсказываются думки, легенды и сказки.

Четырьмя разнаго значенія причинами главнымъ образомъ вызывались походы и направлялась политика С. и его казаковъ. Первая изъ нихъ—безшабашная удаль, столь характерная для корсаровъ, пиратовъ, а въ русской исторіи для обитателей Сѣчи.

Именно этой безпринципной удалью, любовью къ войнѣ для войны объясняются иначе часто совсѣмъ необъяснимые рѣзкіе переходы запорожцевъ во главѣ съ С. отъ одной стороны къ другой, неожиданная измѣна этимъ, неожиданная помощь тѣмъ. Вторая—необходимость добывать средства къ жизни, которыхъ не давала Сѣчь. Къ тому и «прихыливались» казаки, кто предлагалъ эти средства, а если никто не предлагалъ—шли походомъ на того, гдѣ полагали найти ихъ наиболѣе легко, при наименьшемъ сопротивленіи. Третья причина уже принципіальнаго характера; это—вѣра православная. Она была тѣмъ началомъ, которое заставляло С. чаще всего быть на сторонѣ Москвы и заодно съ нею, о чемъ онъ неоднократно и высказывалъ въ посланіяхъ къ Самойловичу. А надъ всѣмъ этимъ высится—вольность Запорожья. Ради сохраненія вольности, если она ему обезпечена, онъ готовъ былъ войти въ дружбу съ султаномъ и ханомъ, а при опасеніяхъ утратить это высшее благо Сѣчи—отторгался даже отъ Москвы и шелъ противъ нея, несмотря на родственность крови и общность вѣры.

Акты Южной и Западной Россіи, т. IV, стр. 272, 292; т. V, стр. 138, 139, 155, 156, 201, 202, 216—218, 223—225; т. VI, стр. 30, 31, 35, 199, 203—207; т. VII, стр. 12, 91, 104, 110, 111, 115, 150, 157, 158, 297, 298, 301, 316; т. VIII, стр. 34, 60, 62, 65, 113, 230, 246, 271; т. IX, стр. 242, 415, 445, 454, 549, 572—575, 577, 586, 587, 590, 606, 607, 647, 828, 830, 850—851, 892, 894, 896, 986, 988; т. XI, стр. 11, 15, 91, 113, 140, 306, 336, 342—364, 429, 443, 446, 479, 497, 525, 550—562, 575, 579, 580, 582—586, 610, 659; т. XII, стр. 34, 50, 90, 97—107, 111—115, 127, 132, 137, 258—260, 273—276, 287—290, 305, 319—321, 324, 326, 329—337, 355, 368, 371, 374, 393—398, 401, 417, 444—446, 462, 464 522—527, 538, 545—562, 565, 575, 596—602, 604, 610, 622, 632—636, 641—647, 655, 661, 682, 698, 701, 718, 774, 818, 820, 823, 829, 832, 834; т. XIII, стр. 56—57, 75, 90—92, 105—111, 122—123, 163, 179—180, 181—188, 194—197, 213—216, 226, 227, 270, 274, 330, 344—348, 352—356, 370, 377, 423—430, 432—439, 436, 439, 448, 455, 458, 473, 487, 505—508, 515—517, 546—552, 595, 602, 603, 642, 666, 694, 697, 700, 703. — Лѣтопись Величко; Кіевъ, 1851 г., т. II, стр. 79, 100, 168—170, 178, 341, 343—346, 353, 368—364, 370—371, 390—396, 428, 429, 452, 464, 467, 489—493, 497—498. — Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878 г., стр. 86, 91, 94, 96, 99—102, 107, 111, 148.—Лѣтопись Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854 г., стр. 192, 193, 198. — Лѣтописецъ Леонтія Боболинскаго, Кіевъ, 1854 г., стр. 315.—Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, дѣла 1663 г., № 14, св. 18; 1664 г., № 9, св. 19; 1668 г., № 3, св. 26; № 13, св. 26; 1672 г., № 27, св. 38; 1673 г., № 3, св. 38; № 35, св. 39; 1675 г., № 2, св. 44.—Latopisiec Joachima Jezlicza, Warszawa, 1853 г., II, 87, 92, 106.—„Собраніе Госуд. Грамотъ и Догов.", т. IV, М., 1828 г., стр. 51, 287, 312, 314, 315, 324, 325.—Бантышъ-Каменскій, „Источники малороссійской исторіи", т. I, М., 1857 г., стр. 248, 266, 267; т. II, М. 1858. стр. 147.—Д. И. Эварницкій. „Запорожье въ остаткахъ старины", Спб., 1888 г., т. II, стр. 74—76. — Его же, „Исторія запорожскихъ казаковъ", Спб., 1892 г., т. I, стр. 355.—Его же, „Иванъ Дмитріевичъ Спрко, славный кошевой атаманъ Запорожскаго войска", Спб., 1894 г. — Ригельманъ, „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи", М., 1847 г., т. II, стр. 76, 122, 170—171.—Мышецкій, „Исторія о казакахъ запорожскихъ", Одесса, 1852 г., т. II.—Костомаровъ, „Русская исторія", т. II, Спб., 1876 г., стр. 788.—„Historia panowania Jana Kazimierza", Poznan, 1840, I, 182. — Филаретъ, „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи", М., 1857 г., т. II, стр. 50—53, 263.—„Кіевская Старина", 1893 г., т. XL, стр. 310.

Сѣровъ, *Александръ Николаевичъ*, композиторъ и музыкальный критикъ, родился 11 января 1820 г. въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его, Николай Ивановичъ, человѣкъ невысокаго происхожденія, но умный и энергичный, занималъ довольно видное мѣсто въ министерствѣ финансовъ. Мать его, Анна Карловна, была дочь крестившагося еврея Карла Ивановича Габлица, человѣка высокихъ способностей, довольно извѣстнаго сенатора временъ Екатерины II и одного изъ главныхъ и дѣятельнѣйшихъ помощниковъ кн. Потемкина по устройству вновь присоединеннаго тогда къ Россіи Крыма. Такимъ образомъ въ жилахъ С. текла до извѣстной степени смѣшанная кровь. Уже въ самые ранніе дѣтскіе годы стала обнаруживаться въ мальчикѣ общая даровитость натуры; чуть ли не съ трехъ лѣтъ началъ учиться онъ грамотѣ, на четвертомъ году могъ уже бѣгло читать, на девятомъ — бойко говорилъ и читалъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ Выработавшаяся въ дѣтствѣ страсть къ чтенію не покидала С. никогда и послужила источникомъ его самыхъ разнообразныхъ, энциклопедическихъ знаній. Очень рано проявилась въ мальчикѣ также любовь къ природѣ и необыкновенное пристрастіе къ рисованію, технику котораго С. впослѣдствіе изучилъ весьма основательно, что развило и образовало его эсте-

тическій вкусъ, а это въ свою очередь замѣтно отразилось на живописной постановкѣ его оперъ. Любопытно, что ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ особенно сильнаго влеченія къ музыкѣ С. не обнаруживалъ. Семья его была не музыкальна; и только благодаря господствовавшему въ ней убѣжденію, что умѣніе играть на какомъ-нибудь инструментѣ есть признакъ «хорошаго тона» и что поэтому музыка необходима въ курсѣ общаго образованія,— мальчикъ сталъ учиться игрѣ на фортепіано. Въ учительницы къ восьмилѣтнему мальчику была приглашена молодая дѣвушка, Олимпіада Григорьевна Жебелева, отличная музыкантша и добросовѣстная преподавательница. Не проявлявшій ни особенной склонности, ни любви къ новымъ занятіямъ, С. въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ, когда методически усваиваются техническіе пріемы игры, учился довольно вяло. И только лишь скучное и трудное прошло, элементарная школа была пройдена, его апатія къ звукамъ, постепенно и понемногу, стала смѣняться противоположнымъ отношеніемъ, съ теченіемъ времени превратившимся въ горячую, страстную любовь. Цѣлыхъ семь лѣтъ занимался С. подъ руководствомъ О. Г. Жебелевой и за это время, по словамъ одного изъ его біографовъ, «познакомился со многими величайшими произведеніями музыки, основательно изучилъ музыкальную технику и полюбилъ міръ звуковъ всѣми силами своей страстно-артистической души». Въ концѣ 1827 г. онъ былъ помѣщенъ приходящимъ ученикомъ въ пансіонъ г-жи Командеръ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, которыя онъ тамъ пробылъ, вынесъ весьма мало. Изъ пансіона С. перешелъ въ 1-ю Петербургскую гимназію; здѣсь, несмотря на рутинную постановку преподаванія, онъ учился отлично, изъ всѣхъ предметовъ не слишкомъ взлюбивъ только математику — частое явленіе у музыкально-одаренныхъ людей. Наконецъ, въ 1835 г., когда С. было около 16 лѣтъ, онъ перевелся изъ гимназіи въ только что открытое тогда училище правовѣдѣнія. Въ этомъ привилегированномъ училищѣ, не взирая на его нѣсколько спеціальный характеръ, чуть ли не лучше всѣхъ предметовъ было поставлено въ тѣ времена преподаваніе музыки. Учитель ея, нѣкто Карель, плохой, но въ высшей степени страстный скрипачъ, отличался большою добросовѣстностью какъ руководитель въ своемъ предметѣ и своею страстью къ музыкѣ увлекалъ почти поголовно всѣхъ воспитанниковъ, каждый изъ которыхъ учился на какомъ-либо инструментѣ. На С., уже хорошо понимавшаго музыку и порядочно подготовленнаго, этотъ человѣкъ съ нѣсколько странными музыкальными вкусами не могъ оказать сколько-нибудь серьезнаго вліянія; какъ во время своего пребыванія въ училищѣ, такъ и по выходѣ изъ него онъ относился и продолжалъ относиться къ училищному преподавателю музыки скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно; но въ самой средѣ своихъ товарищей С. нашелъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы ученія, внимательную аудиторію, которую онъ не безъ охоты заставлялъ себя слушать; очень дѣятельно онъ также участвовалъ и въ училищномъ оркестрѣ. Изъ всѣхъ сверстниковъ С. особенно подружился съ В. В. Стасовымъ, съ которымъ оставался въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ еще долгое время и по выходѣ изъ училища; съ другими же товарищами ладилъ мало, особенно въ старшихъ классахъ, гдѣ съ большинствомъ изъ нихъ былъ даже во враждебныхъ отношеніяхъ. Причины этого крылись отчасти въ исключительно музыкальныхъ интересахъ С., мало и неохотно реагировавшаго на другія явленія ученической жизни, отчасти же въ его вяломъ, неповоротливомъ и несомнѣнно очень гордомъ, даже нѣсколько заносчивомъ характерѣ, чего такъ не любитъ экспансивная молодежь. Отсутствіе заботливой направляющей руки въ училищѣ повело къ тому, что С. сдѣлалъ было серьезный ложный шагъ, промѣнявъ фортепіано на віолончель и на изученіе техники этого инструмента набросился со всею присущею ему способностью увлекаться, почти совершенно оставивъ фортепіано и, что важнѣе, совсѣмъ мало заботясь объ общемъ музыкальномъ развитіи. Въ игрѣ на віолончели онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи и достигъ того, что, по отзыву его учителя Карла Шуберта, «въ отношеніи музыкальнаго смысла, выразительности и фразировки въ учителяхъ не нуждался». Но віолончель, на которой онъ игралъ и въ оркестрѣ, не была его инструментомъ, и С. позднѣе понялъ ошибочность сдѣланнаго шага, возвратившись къ фортепіано, незамѣнимому въ области

композиціи. Такимъ образомъ, въ смыслѣ теоретически-музыкальнаго развитія С. за время пребыванія въ училищѣ сдѣлалъ очень мало; отсутствіе спеціальной подготовки, строгой школы, отсутствіе даже какого-либо дѣйствительно понимающаго лица, подъ руководствомъ котораго молодой музыкантъ могъ бы систематично и основательно пройти теоретическій курсъ музыки,— все это было случайностью, тяжело отразившейся на С. впослѣдствіи, когда пополнить такіе пробѣлы было не легко; въ пору, когда С. началъ уже творить, ему часто недоставало чуть ли не самыхъ элементарныхъ знаній по теоріи музыки, и въ зрѣломъ возрастѣ онъ иногда садился за изученіе весьма заурядныхъ вещей. Зато должно сказать, что все достигнутое С. достигнуто собственнымъ и самостоятельнымъ трудомъ; переложеніе оркестровыхъ партитуръ на фортепіано, чтеніе музыкально-теоретическихъ книгъ и собственные музыкальные опыты были его единственной школой; съ извѣстнымъ правомъ его можно назвать— композиторомъ-самоучкой.

Окончивъ блестяще курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, С. на нѣкоторое время отдался мечтамъ о «служеніи искусству», и эти мечты во всей ихъ выпуклости отразились въ одномъ изъ его писемъ къ В. В. Стасову. «Какое высокое назначеніе,—писалъ онъ,—быть жрецомъ такой музы (музыки), бросить значительную горсть фиміаму на ея жертвенникъ и этимъ заставить человѣчество подвинуться на нѣсколько шаговъ впередъ», а вліяніе музыки на прогрессъ человѣчества онъ считалъ не меньше вліянія «паровыхъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ». По настояніямъ практичнаго отца, полагавшаго, что «всякій молодой человѣкъ дворянскаго роду долженъ служить» и на службѣ составить себѣ «положеніе» и для отысканія службы сыну начавшаго энергичныя хлопоты, С. принужденъ былъ лѣтомъ 1840 г., по его выраженію, «причислиться къ лику чиновныхъ людей»,— принятъ чиновникомъ IX класса въ канцелярію 5-го уголовнаго департамента сената. Равнодушный съ виду къ своимъ новымъ обязанностямъ, но все же добросовѣстный и исполнительный, онъ постепенно примирился и сжился съ той мыслью, что для художника служба можетъ, иногда даже должна быть средствомъ къ жизни, но не ея цѣлью. «Для службы,—писалъ онъ Стасову,—не много нужно удѣлять духовныхъ силъ, и онѣ преспокойно могутъ быть всѣ сосредоточены на другомъ, лучшемъ!»—и на это «лучшее», на искусство вообще и музыку въ частности, онъ и сконцентрировалъ все свое вниманіе. Страстное стремленіе его къ музыкѣ въ это время походило на фанатизмъ; она, по его мнѣнію, «обширнѣе всѣхъ прочихъ искусствъ... обнимаетъ всю природу...»; названіе «искусство» для нея даже унизительно, а если искусство, то «высокое, высочайшее...» «Блаженъ тотъ... кого любитъ эта муза... Такой счастливецъ не нуждается ни въ чемъ на свѣтѣ... Въ музыкѣ онъ находитъ и жизнь, и счастье»... И С. посѣщалъ театры, концерты, слушалъ, наслаждался, вдумывался, изучалъ и впитывалъ въ себя звуки, звуки и звуки. Въ одномъ изъ его писемъ къ тому же Стасову (отъ начала 1841 г.) содержится такое показаніе автобіографическаго характера: «Я теперь просто плаваю въ музыкѣ... всѣ прочія отношенія для меня какъ будто не существуютъ... безпрерывно питаю себя звуками»... Симпатіи его въ это время были направлены преимущественно на классическую музыку съ Бетховеномъ во главѣ, который навсегда остался его кумиромъ; какъ тогда, такъ и позже истинной музыкой онъ считалъ нѣмецкую, отдавая ей рѣшительное предпочтеніе передъ итальянской. Не ограничиваясь платоническимъ обожаніемъ искусства, С. стремился къ расширенію и углубленію своего артистическаго развитія. Онъ скоро замѣтилъ при этомъ пробѣлы въ своемъ музыкально-теоретическомъ образованіи и малое знакомство съ литературою въ этой области и путемъ чтенія старался постепенно восполнить упущенное.

Еще будучи въ училищѣ правовѣдѣнія, С. дѣлалъ попытки, скрываемыя имъ и отъ начальства, и отъ товарищей, выражать на клавишахъ приходившія ему въ голову музыкальныя мысли. Отсутствіе навыка и соотвѣтственныхъ познаній, однако, не позволяли ему не только записать эти мелодіи, но даже выразить ихъ вполнѣ удовлетворительно. По выходѣ изъ училища моменты вдохновенія стали посѣщать его все чаще, и онъ старался записывать зарождавшіяся и бродившія мелодіи. Эти опыты пробуждавшагося творчества онъ описываетъ такъ: «...Я иногда сажусь къ клавишамъ... и перебираю звуки до тѣхъ поръ, пока появится какая-нибудь мысль;

тогда уже пойдетъ другая игра... фантазируется какъ нельзя лучше, и иногда вынесу изъ этого хаоса нѣсколько удачно вылившихся фразъ и сейчасъ замѣчу ихъ на нотной бумагѣ. Иногда же вовсе не подходя къ органу, я вдругъ сочиню цѣлый мотивъ, который мнѣ какъ будто кто-то напѣваетъ». Порою на С. находили сомнѣнія, колебанія. Наслажденіе, испытываемое имъ отъ пробужденія творчества, жизнерадостность, увѣренность въ своихъ силахъ вдругъ обрывались и смѣнялись вспышками меланхоліи, удрученностью духа, разочарованіемъ, тоскою. Обычныя у истинно-художественныхъ натуръ, эти колебанія въ душевномъ равновѣсіи у С. выражались не слишкомъ рѣзко, и бодрое состояніе духа въ его настроеніи было преобладающимъ. Смѣна подобныхъ настроеній продолжалась до конца апрѣля 1841 г., когда С. удалось, наконецъ, по его собственному выраженію, «разверзть уста»— написать нѣсколько небольшихъ вещицъ: вокальную балладу на слова Гете «Der Rattenfänger», «Cantique pour violoncelle» и «Une fantasie en forme de valse». Первую изъ этихъ вещицъ, которую С. считалъ и хронологически первымъ своимъ произведеніемъ, хотя она написана, кажется, позже «Cantique pour violoncelle», онъ отослалъ В. В. Стасову съ просьбой дать о ней отзывъ. Благопріятная въ общемъ критика Стасова привела начинающаго композитора въ восторгъ, и С. представилъ свою балладу вмѣстѣ со вновь написанной «Maylied» вниманію принца П. Г. Ольденбургскаго, основателя и попечителя училища правовѣдѣнія и большого любителя музыки. Мило написанные опыты были приняты принцемъ очень тепло, и ликованію узнавшаго объ этомъ С. не было предѣловъ, что и выразилось въ одномъ изъ его писемъ къ Стасову. Любопытно, что эти музыкальные опыты, не имѣвшіе, разумѣется, ничего общаго съ его дѣятельностью въ сенатѣ, помогли С. и по службѣ: «за отличіе», по распоряженію министра юстиціи, онъ былъ переведенъ изъ сената въ одинъ изъ департаментовъ министерства, что составляло замѣтное повышеніе; за этимъ скрывалась, конечно, рука принца Ольденбургскаго.

Въ началѣ 1842 г. С. познакомился съ М. И. Глинкой, личность котораго произвела на него обаятельное впечатлѣніе съ первой же встрѣчи. До тѣхъ поръ относившійся довольно равнодушно и къ русской музыкѣ вообще, и къ произведеніямъ Глинки въ частности, С. со времени знакомства съ послѣднимъ сталъ смотрѣть на эти явленія другими глазами. Даже когда первый пылъ увлеченія «Жизнью за царя» и «Русланомъ и Людмилою» нѣсколько остылъ, когда С. началъ подмѣчать кромѣ достоинствъ также и недостатки въ этихъ произведеніяхъ, онъ все же и къ нимъ, и къ ихъ автору продолжалъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ. «Произведенія Глинки,—читаемъ мы въ письмѣ С. отъ 28 февраля 1843 г.,—явленіе слишкомъ замѣчательное... онъ именно своимъ «Русланомъ и Людмилою» показалъ, чего не надо дѣлать, т. е. направленіемъ своимъ показалъ ошибочность западныхъ современныхъ оперистовъ... Во всякомъ случаѣ произведенія его стоятъ глубокаго изученія, что я и дѣлаю». Личное знакомство съ Глинкой, бесѣды съ прославленнымъ композиторомъ и изученіе его произведеній натолкнули С. на многочисленные художественно-критическіе вопросы, на массу сложной умственной работы, обратили его вниманіе на взрощенную Глинкою идею о національной русской музыкѣ и подали ему мысль самому попытать свои силы въ оперѣ. Дѣйствительно, въ это время онъ серьезно думалъ объ оперѣ, для сюжета которой, по свидѣтельству Стасова, предполагалъ использовать фабулу романа «Аскольдова могила». Нѣсколько позднѣе, по совѣту того же Стасова, онъ обратился за той же цѣлью къ роману Лажечникова «Басурманъ», но въ виду различныхъ трудностей отказался отъ этой мысли. Къ половинѣ 1844 г. относится его просьба къ В. Р. Зотову написать для него либретто на тему «Виндзорскихъ кумушекъ» Шекспира, отъ чего Зотовъ отказался. Наконецъ, въ началѣ 1845 г. С. уже серьезно занялся писаніемъ, воспользовавшись для канвы содержаніемъ «Мельничихи изъ Марли», но далѣе нѣсколькихъ музыкальныхъ номеровъ не пошелъ. Опера была для него въ эту пору еще слишкомъ сложнымъ родомъ творчества. Подъ вліяніемъ мысли о ней С. съ тѣмъ большей энергіей принялся за композицію менѣе обширнаго характера и въ теченіе 1842—1845 гг. написалъ рядъ небольшихъ, но весьма удачныхъ вещей. Таковы «Херувимская», этюдъ

для фортепіано «Capricioso quasi burlesco», нѣсколько романсовъ, струнныхъ тріо; переложилъ онъ на хоры рядъ народныхъ пѣсенъ, а осенью 1844 г. предпринялъ арранжировку «Второй мессы», которая была началомъ длиннаго ряда подобныхъ же арранжировокъ, составившихъ главный предметъ музыкальныхъ занятій въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ.

Налаживавшаяся творческая дѣятельность С. прервалась и назрѣвавшіе въ немъ планы рушились довольно неожиданнымъ образомъ: въ серединѣ 1845 г. онъ внезапно былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя уголовнаго суда въ Симферополь. Это было, несомнѣнно, повышеніемъ по службѣ, но въ глазахъ самого С. оно являлось роковымъ, такъ какъ съ отъѣздомъ изъ Петербурга терялись всѣ преимущества столичной жизни,—театры, концерты, литература, разнообразіе впечатлѣній, всѣ музыкально-образовательныя средства, въ способы къ дальнѣйшему художественному совершенствованію дарованія. Жизнь С. въ Симферополѣ, куда онъ прибылъ всѣ сентябрѣ того же года, потекла довольно сѣро и однообразно. Благотворное вліяніе на состояніе его духа оказывали тамъ лишь два лица: М. П. Анастасьева, хорошо образованная и умная женщина, съ развитымъ музыкальнымъ вкусомъ,—съ ней С. на всю жизнь сохранилъ самыя теплыя отношенія,—и М. А. Бакунинъ, въ бесѣдахъ съ которымъ С., по его собственному выраженію, «жилъ по-человѣчески». Подъ вліяніемъ и руководствомъ Бакунина, тогда еще страстнаго гегельянца лѣваго крыла, С. принялся было даже за изученіе «Логики» и «Феноменологіи» Гегеля. Крымскій періодъ жизни С. характеризуется довольно большимъ числомъ полусамостоятельныхъ музыкальныхъ работъ, какъ фортепіанныя арранжировки, оркестровыя переложенія и пр. различныхъ классическихъ вещей, преимущественно произведеній Бетховена. По свидѣтельству Стасова, имъ въ теченіе этихъ и нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ «арранжирована большая часть важнѣйшихъ музыкальныхъ созданій послѣднихъ 80 лѣтъ». Не оставлялъ С. во время пребыванія въ Симферополѣ и попытокъ вработаться въ оперу; попрежнему его занимаетъ сюжетъ «Мельничихи въ Марли». Принявшись за серьезную работу, онъ однако вскорѣ убѣдился, что мечты его о крупномъ произведеніи и на этотъ разъ преждевременны; причина крылась все въ томъ же—систематическихъ знаній по теоріи музыки у него все еще не было. Особенно ярко и рельефно отразился этотъ недостатокъ въ написанномъ тогда С. первомъ самостоятельномъ произведеніи для оркестра: «Фантазію на вторую идиллію Теокрита», гдѣ обнаружилось совершенно недостаточное умѣнье его владѣть контрапунктомъ. Неудача произвела на С. ошеломляющее впечатлѣніе, но отдавши себѣ отчетъ въ ея причинахъ, онъ, упорный въ достиженіи разъ положенной цѣли, не устыдился въ 28 лѣтъ брать заочные уроки у Гунке и погрузился въ систематическое изученіе теоріи музыки.

Періодъ крымской жизни С. оборвался также довольно неожиданнымъ образомъ. Художественной натурѣ композитора настолько не по думѣ пришлись «отвратительная атмосфера разныхъ служебныхъ крючковъ и плутней... копаніе въ счетахъ и разсчетахъ... писаніе бумаги слогомъ свода законовъ» и пр.—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—что въ маѣ 1848 г. онъ безъ всякихъ околичностей бросилъ службу въ Симферополѣ и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ надѣялся пристроиться въ другомъ вѣдомствѣ. Матеріальная необезпеченность и настоянія отца, однако, заставили С. занять то же мѣсто товарища предсѣдателя суда, на этотъ разъ во Псковѣ. Но по тѣмъ же причинамъ онъ и тамъ прослужилъ всего лишь два года, снова бросилъ мѣсто—теперь уже окончательно и безъ надежды снова вернуться къ службѣ—и переселился въ Петербургъ. Этотъ поступокъ С. повелъ къ разрыву навсегда съ его отцомъ, который службу считалъ необходимостью, а на занятія сына музыкою смотрѣлъ только какъ на пріятную забаву. Разставшись съ службою и порвавши съ отцомъ, С. на первыхъ порахъ очутился въ весьма незавидныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, которыя многіе его біографы, не обинуясь, просто называютъ нищетой. При такихъ условіяхъ необходимо было искать заработка, ибо мелкія музыкальныя произведенія не давали С., конечно, никакого дохода. И онъ принялся за литературную работу—музыкальную критику. «Первыя же критическія статьи Сѣрова,—говоритъ близко знавшій его А. Веселовскій,—произвели переполохъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, гдѣ еще

царила теоретическая рутина, а критика была отдана на откупъ либо газетчикамъ вродѣ Булгарина, сдѣлавшимъ изъ нея почти рекламу, либо диллетантамъ-всезнайкамъ, вродѣ Улыбышева, возведиченнаго кружкомъ кормившихся около него музыкантовъ и несвѣдущей публикой до значенія критическихъ дѣлъ мастера». Выработавшіяся въ С. вдумчивость и внимательное отношеніе ко всякому музыкальному произведенію оказали ему неоцѣнимую услугу въ его новой роли, и онъ рядомъ блестящихъ и талантливыхъ статей выступилъ противъ «рутинеровъ и самозванныхъ авторитетовъ» русской музыкальной критики. Помѣщавшіяся на первыхъ порахъ въ «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Пантеонѣ», статьи его читались нарасхватъ, стяжавъ ему широкую извѣстность и даже имя «Бѣлинскаго музыкальной критики». Успѣхъ окрылилъ С., и онъ сталъ подумывать о спеціальномъ органѣ, посвященномъ исключительно или преимущественно музыкальной критикѣ. Мечта его осуществилась лишь въ 1856 г., когда М. Я. Раппопортомъ былъ основанъ «Музыкально-Театральный Вѣстникъ», первое въ Россіи спеціальное изданіе подобнаго рода. Приглашенный постояннымъ сотрудникомъ этого органа, С. получилъ въ свое завѣдываніе отдѣлъ музыки, который онъ до самаго прекращенія журнала (въ серединѣ 1860 г.) велъ замѣчательно талантливо и разнообразно, дѣйствительно «воспитывая музыкальный вкусъ въ публикѣ», какъ однажды онъ самъ выразился. Тонкій анализъ, глубокое художественное пониманіе, блестящій стиль и остроуміе, всегда вѣрная оцѣнка, теплое отношеніе къ дѣйствительно художественному, безпощадная критика всего ложнаго, фальшиваго и ходульнаго, наконецъ «новое слово», новыя идеи, которыя, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣли много общаго съ вагнеровскими, ни самому С., ни русской публикѣ тогда еще неизвѣстными,—всѣ эти качества его статей создали ему вполнѣ заслуженную славу музыкальнаго критика первостепенной величины. С. отзывался на всѣ болѣе или менѣе крупныя событія въ музыкальной жизни Россіи и Западной Европы, не брезгалъ иногда даже мелочами, если онѣ казались ему почему-либо важными, освѣщалъ и анализировалъ всевозможнѣйшіе вопросы текущей музыкальной жизни, а часто давалъ и обширныя цѣльныя изслѣдованія объ отдѣльныхъ крупныхъ произведеніяхъ и явленіяхъ въ музыкѣ. Таковы, напр., его оцѣнка въ рядѣ статей оперы Даргомыжскаго «Русалка», разборъ «Руслана и Людмилы» и «Князя Холмскаго» Глинки, рядъ замѣчательныхъ характеристикъ подъ общимъ заглавіемъ «Галлерея оперныхъ композиторовъ» и др. С. же подалъ и первый примѣръ у насъ систематическаго веденія музыкальной библіографіи, сообщая обо всѣхъ новыхъ произведеніяхъ, появлявшихся какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Наконецъ, онъ первый познакомилъ русскую публику съ Вагнеромъ и его новыми идеями въ области оперы. Слѣдуетъ добавить, что около этого же времени (1861—1863 гг.) онъ работалъ также въ издававшемся въ Петербургѣ «Энциклопедическомъ словарѣ», въ которомъ ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей на первыя буквы алфавита. Критическая дѣятельность С., при его страстности и ярко выраженномъ полемическомъ темпераментѣ, вскорѣ создала ему множество враговъ, на всякія вылазки которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе всегда отвѣчать, обрушиваясь еще болѣе страстными статьями и доводя полемику до конца. Одинъ разъ, именно въ полемикѣ съ А. М. Улыбышевымъ, дѣло дошло до того, что С. перенесъ борьбу на страницы брюссельской «Nord» и столбцы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ музыкальныхъ газетъ, напр. «Neue Zeitschrift für Musik», гдѣ онъ помѣстилъ этюдъ «Улыбышевъ противъ Бетховена» (1857 г.), вызвавшій сенсацію въ Германіи и вмѣшательство въ споръ Листа, выступившаго въ томъ же органѣ съ сочувственной С. статьей «Ulibischeff und Seroff, Kritik der Kritik» (1858 г.).

Въ 1858—1859 гг. С. дважды ѣздилъ заграницу, гдѣ завязалъ личныя знакомства съ Листомъ, Берліозомъ, Мейербероммъ и др. Тамъ же и тогда же онъ познакомился съ Рихардомъ Вагнеромъ и впервые съ его произведеніями. Эти путешествія и связанныя съ ними впечатлѣнія оказали значительное вліяніе на художественный обликъ С., обогатили его многими новыми свѣдѣніями, а знакомство съ музыкой Вагнера опредѣлило его дальнѣйшее направленіе и въ сферѣ теоретическихъ воззрѣній, и въ области творческой дѣятельности. «То, чего онъ самостоятельно добивался доселѣ,—говоритъ А. Веселовскій,—тѣ строгія требо-

ванія, которыя онъ предъявлялъ въ оцѣнкѣ оперъ, онъ нашелъ подкрѣпленными въ теоретическихъ сочиненіяхъ Вагнера и осуществленными въ его операхъ». С. сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ вагнеровскихъ идей, по возвращеніи въ Россію, какъ упомянуто выше, первый познакомилъ съ ними русскую читающую публику и до самаго прекращенія «Музыкально - Театральнаго Вѣстника» усердно ихъ пропагандировалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое впечатлѣніе, вынесенное С. отъ вагнеровскихъ оперъ, побудило его самого перейти отъ дѣятельности музыкальнаго критика къ дѣятельности творческой; съ 1860 г., когда какъ разъ прекратилось изданіе «Вѣстника», литературная дѣятельность С. теряетъ свой постоянный и систематическій характеръ, и начинается наиболѣе продуктивный и плодотворный періодъ его музыкальнаго творчества.

Первыми произведеніями С. послѣ заграничныхъ поѣздокъ были два его опыта въ духовномъ стилѣ: «Рождественская пѣснь» для сопрано и альтовъ съ оркестромъ и кантата на слова «Pater noster». Послѣ нихъ онъ вновь обратился къ своей излюбленной мечтѣ—оперѣ. Объемъ и характеръ теоретическихъ познаній теперь не могли служить ему препятствіемъ, и онъ энергично принялся за работу. Попытавшись неудачно разработать сюжеты изъ гоголевскихъ произведеній «Майская ночь или утопленица» и «Ночь на Рождество», изъ которыхъ послѣднему предполагалось дать форму «симфонической пантомимы» подъ заглавіемъ «Вакула-кузнецъ», С. остановился, наконецъ, на незначительной, но колоритной трагедіи Джакометти «Guiditta», которая и послужила ему канвой для текста оперы «Юдиѳь». Драматическую основу этого произведенія, «либретто», онъ написалъ самъ, безъ чьей-либо посторонней помощи, и въ этомъ сказалось отчасти вліяніе Вагнера, хотя, строго говоря, еще до знакомства съ идеями послѣдняго С. самостоятельно развивалъ мысль о необходимости композитору лично составлять оперный текстъ, по крайней мѣрѣ подробный планъ его. Послѣ продолжавшейся нѣсколько лѣтъ упорной работы «Юдиѳь» была окончена и 16 мая 1863 г. въ первый разъ дана на сценѣ Маріинскаго театра. Несмотря на нѣкоторые недочеты, особенно въ вокальной части, опера имѣла шумный успѣхъ, причиной котораго были художественныя достоинства оркестровой части оперы, ея текстъ, стильный и вполнѣ соотвѣтствующій содержанію, далекій отъ всякихъ риторическихъ и ничего не говорящихъ фигуръ, и, наконецъ, сущность всего произведенія въ его цѣломъ, явившагося не пріуроченіемъ къ случайному сюжету арій, дуэтовъ, хоровъ и пр., а дѣйствительнымъ драматическимъ произведеніемъ съ элементами истинной борьбы страстей, чувствъ, переживаній, художественно объясняемыхъ и иллюстрируемыхъ музыкой. Это былъ опытъ, при томъ вполнѣ удачный, той самой «музыкальной драмы», сущность которой С. раньше—и до и послѣ знакомства съ Вагнеромъ — развивалъ въ своихъ статьяхъ и внѣшніе признаки которой дали поводъ критикѣ причислить его—не безъ нѣкотораго основанія — къ послѣдователямъ и даже подражателямъ нѣмецкаго композитора. Первая же опера создала С. славу выдающагося композитора, еще болѣе упрочившуюся за нимъ, несмотря на нападки и придирки его литературныхъ враговъ, появленіемъ второй оперы, «Рогнѣда», 27 ноября 1865 г. поставленной на той же Маріинской сценѣ и имѣвшей еще большій успѣхъ, чѣмъ «Юдиѳь». Текстъ и этой оперы былъ составленъ также самимъ С. и только въ стихотворную форму онъ былъ облеченъ Д. В. Аверкіевымъ. На этотъ разъ С. далеко шагнулъ впередъ и въ голосовой части, съ особеннымъ совершенствомъ и разнообразіемъ разработавъ хоры язычниковъ и странниковъ, въ которыхъ отчетливо выразился драматическій антитезисъ отживавшаго язычества и нарождавшагося христіанства. Къ достоинствамъ оперы слѣдуетъ отнести также рельефно очерченныя фигуры Владиміра и самой Рогнѣды, богатыя музыкою отдѣльныя мѣста и выдержанный колоритъ сѣдой древности.

По окончаніи оперы «Рогнѣда» С. на нѣкоторое время прервалъ свою композиторскую дѣятельность и на столбцахъ основанной имъ газеты «Музыка и Театръ» (вышло 17 номеровъ) возвратился къ музыкальной критикѣ. Усиленная журнальная кампанія противъ него его литературныхъ противниковъ раздражала С., гордаго и самоувѣреннаго — крайняя самоувѣренность была одною изъ главныхъ чертъ его ха-

рактера,—въ немъ проснулась былая полемическая жилка. Много обвиняли С. въ томъ, что онъ умаляетъ значеніе Глинки для собственнаго возвеличенія; отвѣтомъ на эти обвиненія былъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Русланъ и Руслан исты», въ которыхъ С. обстоятельно выяснилъ и развилъ свой взглядъ на Глинку и созданныя имъ оперы. Нужно сказать, что воскресшая полемика теперь очень утомляла С., въ значительной степени способствовала обострѣнію развивавшейся у него болѣзни сердца и вообще отравляла послѣдніе годы жизни композитора. Нѣсколько раньше онъ прочелъ 5 публичныхъ лекцій о «Музыкальномъ преподаваніи въ связи съ исторіей музыки» и 10 лекцій о «Музыкѣ, музыкальной наукѣ и музыкальной педагогіи» (напеч. въ «Эпохѣ», 1864 г., №№ 6 и 12), имѣвшія выдающійся успѣхъ. Такимъ же успѣхомъ были встрѣчены позже въ Москвѣ и его 6 лекцій на тему «объ историческомъ развитіи идеала оперы, какъ музыкальной драмы» (въ 1876 г.). Въ началѣ 1868 г. С., по порученію Р. Вагнера, завѣдывалъ постановкою на Маріинской сценѣ оперы «Лоэнгринъ»; это обстоятельство, нѣсколько отвлекшее вниманіе С. отъ полемическихъ дрязгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вернуло его вновь къ творческой работѣ; онъ энергично принялся за оперу «Вражья сила», которую незадолго передъ тѣмъ началъ. Отрывки изъ нея публика впервые услышала въ концертѣ, данномъ С. съ большимъ успѣхомъ въ 1868 г. въ Москвѣ. Тогда и тамъ же С. прочелъ три замѣчательныхъ лекціи, предметомъ которыхъ были—великорусская пѣсня, реформа Р. Вагнера въ области оперы и девятая симфонія Бетховена. Эти блестящія лекціи, показавшія огромную эрудицію С., имѣли исключительный успѣхъ и тотчасъ по прочтеніи были напечатаны въ газетѣ «Москва» (1868 г., №№ 19, 20) и въ «Современной Лѣтописи» (№ 16). Объектомъ особеннаго интереса со стороны С. въ это время было творчество великорусскаго народа въ области музыки, и къ этому предмету онъ возвратился также въ 1870 г. въ статьѣ «Русская пѣсня, какъ предметъ науки», собираясь въ недалекомъ будущемъ посвятить этому даже обширное изслѣдованіе.

Послѣдняя написанная С. опера, «Вражья сила», была поставлена на сценѣ 19 апрѣля 1871 г., уже послѣ смерти автора. Сюжетъ ея заимствованъ изъ комедіи Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется». Переработка текста въ желаемомъ для С. направленіи представляла такія трудности, что онъ не рѣшался самъ взяться за это дѣло и обратился съ соотвѣтственной просьбой сначала къ самому Островскому, а затѣмъ и къ другимъ писателямъ, но у всѣхъ встрѣчалъ отказъ въ виду чрезмѣрной сложности подобной работы. Тогда С. самостоятельно взялся за дѣло и безъ чьей-либо помощи довелъ его до конца. «Вражья сила» явилась истинной «музыкальной драмой» съ музыкой преимущественно русскаго характера, такъ сказать, въ «національномъ стилѣ». Красной нитью черезъ нее проходитъ комическая струнка. Особеннымъ же совершенствомъ отличается въ оперѣ оркестровка, за смертью С. оставшаяся не совсѣмъ законченной,—5-й актъ и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста были дооркестрованы проф. Н. Ф. Соловьевымъ. Работая надъ послѣдней оперой, С. предполагалъ по ея окончаніи приступить къ сочиненію комико-фантастической оперы на сюжетъ изъ повѣсти Гоголя «Ночь на Рождество», а затѣмъ къ большой трагической оперѣ на сюжетъ изъ эпохи гуситскихъ войнъ. Онъ набросалъ даже нѣсколько эскизовъ изъ перваго произведенія, вошедшіе въ сюиту, составленную для фортепіано въ двѣ руки супругою композитора, В. С. Сѣровой. Однако литературныя треволненія и хлопоты по оперѣ «Вражья сила» окончательно расшатали здоровье С. Въ концѣ 1870 г. онъ имѣлъ еще силы послѣдовать приглашенію для присутствованія на вѣнскихъ торжествахъ по поводу столѣтія памяти Бетховена, но изъ Вѣны вернулся уже совершенно больнымъ и разбитымъ. Смерть его послѣдовала 20 января 1871 г.; онъ скончался отъ разрыва сердца среди оживленнаго разговора съ однимъ изъ своихъ друзей. Останки его положены на кладбищѣ Александро-Невской лавры, недалеко отъ могилъ Глинки и Даргомыжскаго.

С. сотрудничалъ какъ музыкальный критикъ въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: «Современникъ» (1851 г., №№ 3—6, 9, 11, 12); «Библ. для Чтенія» (1851 г., № 4; 1861 г., № 2); «Пантеонъ» (1852, №№ 1, 3, 4, 6—8; 1853, №№ 4—6; 1855,

(№№ 1, 2, 7); «Москвитянинъ» (1854, т. VI); «Моск. Вѣд.» (1854, № 31; 1857, № 50 — 52); «Journal de St.-Petersbourg» (1858, № 254; 1868, № 234; 1869, № 9, 18, 19, 76, 105, 110, 113, 137, 233, 253, 279, 290; 1870, № 13, 56); «Музык. и Театр. Вѣстн.» (1856 — 1860 гг., почти во всѣхъ номерахъ); «Сынъ Отеч.» (1856, № 1, 2, 4,—9, 11—13, 17, 28, 31; 1857, № 2, 7, 9, 12, 22, 37; 1860, № 13, 14; 1862, № 124); «Neue Zeitschrift für Musik» (1857, № 17—19; 1859, № 17; 1861, № 10—13; 1863, № 1—5); «Иллюстрація» (1858, № 187, 188); «Русское Слово» (1859, № 1, 7); «Русскій Міръ» (1860, № 67); «Искусство» (1860, № 1—5); «Основа» (1861, № 3, 4); «Сѣверн. Пчела»; 1862, № 124, 229, 267; 1863, № 216); «С.-Петерб. Вѣдом.» (1863, № 40, 52); «Якорь» (1863, № 2, 20, 21, 23—26, 28—30, 32, 34, 36; 1864, №, 2, 3); «Эпоха» (1864, № 6, 7); «Русская Сцена» (1864, № 2—4, 7, 11; 1865, № 1, 2, 6, 7); «Голосъ», (1864, № 83; 1869, № 119; 1870, № 307, 321); «Музыка и Театръ» (во всѣхъ номерахъ за 1867—1868 г.); «Современ. Лѣтоп.» (1868, № 16); «Москва» 1868, № 19, 20); «Новое Время» (1868, № 231—234); «Музык. Сезонъ» (1869 — 1870 г., № 5, 18; 1870—71 г., № 6, 13); «Monde Musikal» (1870, № 1, 2); «Музык. Свѣтъ» (1870, № 7, 9; 1871, № 1).

I. Словари. „Настольный словарь“ Ф. Толя, Спб. 1864 г., т. 3, стр. 584.—„Свѣдѣнія изъ «Справочнаго словаря» Г. Н. Геннади“, „Русск. Архивъ“, 1873 г., № 8, стр. 1479.—„Русскій энциклоп. словарь“ И. Н. Березина, вып. 13, Спб. 1877 г., стр. 413—415.—„Біографическ. лексиконъ русск. композиторовъ и музыкальн. дѣятелей“ А. П. Рубецъ, Спб. 1879 г., стр. 48—49.—„Biographie Universelle des Musiciens“, F. Fetis, Paris 1880, стр. 512—514.—„Konversat. Lexikon“ von Meyer, Bd. 18, Leipzig 1881, стр. 364.—„Musik-Lexikon“ von Rieman, Leipzig 1882, стр. 851.—„Музыкальный словарь“ Н. Перепелицына, М. 1884 г., стр. 336.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62.

II. Некрологи и мелкія замѣтки. „Музыкальный Сезонъ“, 1870 г., №№ 13 и 14.—„Revue et Gazette Musicale de Paris“, 1870—1871, № 37.—„Музыкальный Свѣтъ“, 1871 г., № 2.—„Музык. Вѣстн.“, 1871 г., № 3.—„Новое Время“, 1871 г., № 20.—„Голосъ“, 1871 г., №№ 21, 22, 25, 26, 36, 44.—„С.-Петерб. Вѣдом.“, 1871 г., №№ 21 и 23.—„Нувеллистъ“, 1871 г., февраль.—„Биржев. Вѣдом.“, 1871 г., №№ 23 и 25.—„Петерб. Газета“, 1871 г., №№ 11, 15.—„Петерб. Листокъ“, 1871 г., № 17.—„Русск. Инвалидъ“, 1871 г., № 18.—„Русск. Вѣдом.“, 1871 г., № 21.—„Вечерняя Газета“, 1871 г., № 23.—„Современ. Извѣстія“, 1871 г., № 23.—„Иллюстриров. Газета“, 1871 г., № 4.—„Модный Магазинъ“, 1871 г., № 4.—„Нива“, 1871 г., № 9.—„Модный Свѣтъ“, 1871 г., № 10.—„Signal“, 1871 г., № 9.—„Dzennik Warszawski“, 1871 г., № 27.—„Русскій календарь“ А. С. Суворина на 1872 г., стр. 407—408.—„Новое Время“, 1885 г., № 3198 (объ открытіи памятника).—„Новости“, 1885 г., № 23 (тоже).—„С.-Петерб. Вѣдом.“, 1885 г., № 22 (тоже).—„Суфлеръ“, 1885 г., № 7 (тоже).—„Театральный Міръ“, 1885 г., № 1 (тоже).

III. Газетныя и журнальн. статьи біографич. характера. М., „А. Н. Сѣровъ, біографич. очеркъ“ (имѣетъ автобіографическое значеніе), „Русск. Сцена“, 1865 г., № 2, стр. 206—215.—„А. Н. Сѣровъ, біогр. очеркъ“, „Музыкальн. Свѣтъ“, 1866 г., № 1.—„Der russische Komponist Seroff“, „Krety“ (Prag), 1868, № 7.—А. Фаминцынъ, „А. Н. Сѣровъ“, „Музык. Сезонъ“, 1871 г., № 17.—Ц. Кюи, „Музыкальныя замѣтки. А. Н. Сѣровъ“, „С.-Петерб. Вѣдом.“, 1871 г., № 41.—В. Ленце, „А. Н. Сѣровъ“, „Сынъ Отеч.“, 1871 г., № 19.—П. Б., „А. Н. Сѣровъ“, „Петерб. Газета“, 1871 г., № 15.—Н. А., „А. Н. Сѣровъ“, „Петерб. Листокъ“, 1871 г., № 33.—Ларошъ, „Замѣтка объ А. Н. Сѣровѣ“, „Современ. Лѣтопись“, 1871 г., № 6.—„Кіевскій Телеграфъ“, 1871 г., № 23.—„А. Н. Сѣровъ“, „Рижскій Вѣстникъ“, 1871 г., № 45.—Дм. Столыпинъ, „А. Н. Сѣровъ, біографич. очеркъ“, „Всемірн. Иллюстр.“, 1871 г., №№ 127, 128.—„А. Н. Сѣровъ“, „Семейн. Вечера“, 1871 г., № 4, стр. 107—128.—W. de Lenz, „Alexandr Sérow“, „Journal de St.-Petersb.“, 1871, № 205.—Memor (В. Ѳ. Ленцъ), „A. N. Ssjerow“, „St.-Petersb. Zeitung“, 1871, № 52.—„А. Н. Сѣровъ“, „Сіяніе“, 1872 г., № 7.—A. Faminzin, „A. N. Sserow und seine letzte Oper «Вражья сила»“, „Norddeutsche Presse“, 1872, №№ 281, 282, 283.—Ф. Е. А., „Объ А. Н. Сѣровѣ по случаю возобновленія его оперы «Юдиѳь»“, „Петерб Газета“, 1874 г., № 199.—З., „А. Н. Сѣровъ, біограф. и музык. очеркъ“, „Одесск. Вѣстн.“, 1874 г., № 129.—Псевд. „Что тебѣ въ имени моемъ?“, „А. Н. Сѣровъ, его біографія и дѣятельность“, „Астрах. Справочн. Листокъ“, 1875 г., № 7.—„Біографич. свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ“, „Казанск. Губ. Вѣдом.“, 1875 г., № 80.—В. В. Стасовъ, „А. Н. Сѣровъ, 1820—1871; біографич. очеркъ, его письма и замѣтки о музыкѣ“, „Русск. Стар.“, 1875 г., №№ 8, 10, 11; 1876 г., №№ 1, 2, 4, 5, 12; 1877 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11; 1878 г., № 11.—В. С. Баскинъ, „А. Н. Сѣровъ, біограф. очеркъ“, „Русск. Мысль“, 1883 г., № 8, стр. 265—295; № 9, стр. 169—188.—Его же (псевд. Вебе), „А. Н. Сѣровъ. Біографич. наброски“, „Музык. Міръ“, 1883 г., №№ 1—5, 9—14.—„Біографич. свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ и разборъ его оперы «Рогнѣда»“, „Харьк. Губ. Вѣдом.“, 1883 г., № 277.—Г. Каргановъ, „Біографич. свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ“, „Кавказъ“, 1885 г., № 331.—Знакомый Незнакомецъ, „Біографич. свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ, по поводу перваго представл. его оперы «Рогнѣда» въ Тифлисѣ“, „Тифлисск. Объявленія“, 1885 г., № 276.—Д. И. Лобановъ, „А. Н. Сѣровъ и его современники. Критико-біографич. наброски и

воспомин.", „Колосья", 1886 г., № 9.—Н. Перепелицынъ, „Очерки исторіи музыки въ Россіи", „Новь", 1887 г., № 9.—В. Баскинъ, „А. Н. Сѣровъ", „Сынъ Отеч.", 1887 г., №№ 229, 232.—П. А. Висковатый, „А. Сѣровъ и Р. Вагнеръ", „Русск. Старина", 1883 г., № 5, стр. 581—584.

IV. Воспоминанія. И. А. Веселовскій, „Воспоминаніе объ А. Н. Сѣровѣ", „Бесѣда", 1871 г., № 2, стр. 324—344.—Дм. Лобановъ, „Изъ воспоминаній объ А. Н. Сѣровѣ и его операхъ «Юдиѳь»", „Вѣстн. Европы", 1871 г., № 6, стр. 919—927.—М. Е. Славинскій, „Послѣдніе три часа жизни А. Н. Сѣрова", „Голосъ", 1871 г., № 40.—Ѳ. М. Толстой, „Воспоминанія объ А. Н. Сѣровѣ", „Русск. Стар.", 1874 г., № 2, стр. 339—380.—М. М. Молчановъ, „А. Н. Сѣровъ въ воспоминаніяхъ стараго правовѣда", тамъ же, 1883 г., № 8, стр. 331—360.—К. И. Званцовъ, „А. Н. Сѣровъ въ 1857—1871 гг.", тамъ же, 1888 г., № 8, стр. 343—384; № 9, стр. 647—682.—А. В. Старчевскій, „Композиторъ А. Н. Сѣровъ. Изъ воспоминаній", „Наблюдатель", 1888 г., № 3, стр. 147—173.—В. С. Сѣрова, „А. Н. Сѣровъ. Изъ воспоминаній", „Русск. Вѣдом.", 1888 г., № 258.—М. Ивановъ, „Музык. наброски. Воспоминанія и статьи, посвящ. А. Н. Сѣрову", „Новое Время", 1888 г., №№ 4525 и 4532.

V. Отдѣльныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности „Дерзостное слово г. музыкальн. критика Сѣрова", „Сѣверн. Пчела", 1861 г., № 75.—„Концертъ со скандаломъ", „С.-Петерб. Вѣдом.", 1861 г. № 75.—А. С., „О концертѣ г. Лазарева и о г. Сѣровѣ", „Русск. Міръ", 1861 г., № 24.—Yurig von Arnold, „Die Entwickelung der russischen Nationaloper und die russischen Componisten der letzten Jahrhunderte", „Neue Zeitschrift für Musik", 1869, т. 59, № 14, стр. 109.—В. В. Бессель, „Русская оперная сцена", „Отечеств. Записки", 1864 г., № 12, стр. 910—911.—Ростиславъ (Ѳ. М. Толстой), „Торжество русскихъ оперныхъ артистовъ", „Голосъ», 1864 г., № 329, 354.—„Петерб. Листокъ", 1865 г., № 162.—А. П—чъ, „Балетъ, «Ночь наканунѣ Рождества»", „Русск. Сцена" (газ.), 1865 г., № 6.—„Голосъ", 1866 г., № 39 (Высочайш. повелѣніе о выдачѣ Сѣрову за музыкальн. заслуги ежегодн. пенсіи въ 1000 р.).—«Neue Zeitschrift für Musik", 1866, № 1, стр. 47 (о томъ же).—Ларошъ, „Глинка и его значеніе въ исторіи музыки", „Русск. Вѣстн.", 1867 г., № 10, стр. 537.—Незнакомецъ (А. С. Суворинъ), „Недѣльные очерки и картинки. „Новая опера г. Сѣрова", „С.-Петерб. Вѣд.", 867 г., № 29; 1871 г., № 45 (о смерти Сѣрова).—„Отечеств. Записки", 1868 г., № 11, стр. 124, 139 (отношеніе Сѣрова къ Вагнеру).—„Рѣшеніе с.-петербургск. столичн. мирового съѣзда по дѣлу Аверкіева съ Сѣровымъ" (право на литерат. собственность автора либретто), „Судебный Вѣстн.", 1868 г., № 253.—„Отечеств. Записки", 1869 г., № 1, стр. 158 — 165; № 3, стр. 143 — 145.—Ц. Кюи, „Новорожденный «Спеціальный музыкальный комитетъ» при Русск. музык. обществѣ", „С.-Петерб. Вѣд.", 1870 г. № 56.—„Программы симфоническихъ собраній Русск. муз. общества въ Петербургѣ", сезонъ 1870—1871 г. (5-е собраніе).—Н. Слотинъ, „Корреспондентъ изъ Вѣны" (по поводу поѣздки Сѣрова на чествов. памяти Бетховена), „Музык. Сезонъ", 1870—1871 г., № 9.—„Письма А. С. Даргомыжскаго" (къ Сѣрову), тамъ же, № 5.—„Записки М. И. Глинки", изд. „Русск. Стар.", 1871 г., стр. 133, 178, 180.—„Празднованіе Бетховенскаго юбилея въ Вѣнѣ", „Нувелистъ", 1871 г., январь.—„Neue und neueinstudirte Opern", „Neue Zeitschrift für Musik", 1871, т. 67, № 4.—„Отчетъ Русск. музык. общества за 1870 — 1871 г.", Спб., 1872 г., стр. 2, 5—6.—Gustave Bertrande, „Les nationalistes musikales etudiées dans le drame lyrique", Paris, 1872, стр. 329—331.—В. С(тасовъ), „Французскіе отзывы о русскихъ музыкантахъ и русской музыкѣ", „С.-Петерб. Вѣдом.", 1872 г., № 166.—П. С. Макаровъ, „Музыкальн. письма", „Бирж. Вѣд.", 1872 г., № 8:—Gustave Bertrande, „Un peu de musique russe", „La Chronique Musicale", 1873, № 7, стр. 6.—А. Фаминцынъ, „Употребленіе хора", „Музыкальн. Листокъ," 1873—1874 г., № 13.—В. Бессель, „О музыкально - издательской дѣятельности въ Россіи", тамъ же, 1874—1875 г., №№ 16 и 19.—А. А. Соколовъ, „Театральный альманахъ на 1875 г.", Спб. 1875 г., стр. 147—149, 153.—В. В. Стасовъ и В. Г. Кастріото - Скандербекъ, „Александръ Сергѣевъ. Даргомыжскій. Матеріалы для его біографіи и переписка", „Русск. Стар.", 1875 г., № 2, стр. 340; № 4, стр. 799, 805, 806; № 6, стр. 261; № 7, стр. 428, 433.—Л. И. Кармалина, „Воспоминаніе о Глинкѣ и Даргомыжскомъ", тамъ же, 1875 г., № 6, стр. 271.—М. И. Ивановъ, „Листъ. Изъ личныхъ воспоминаній" „Пчела", 1875 г. № 42.—Н. Ященко, „Общая музыка", Ростовъ-на-Дону, 1876 г., стр. 14—17, 40—44.—C'est moi (Н. П. Карцевъ), „Возобновленіе оперы «Борисъ Годуновъ» М. Мусоргскаго" (сравненіе Сѣрова съ Мусоргскимъ), „Музык. Свѣтъ", 1876 г., № 42.—„Музык. Листокъ", 1876—1877 г., № 1 (призваніе Сѣрова къ музыкѣ).—Мих. Невичъ (В. О. Михневичъ), „Музыка въ Россіи при Екатеринѣ II" (взглядъ Сѣрова на оперу въ Россіи), тамъ же, № 2, стр. 89.—С. Бураковскій, „М. И. Глинка. Біографич. очеркъ", тамъ же, 1877 г, № 30.—Г. В., „Голосъ одного изъ публики о русскихъ музыкальныхъ сочинителяхъ", „Пчела", 1877 г., № 11.—„Изъ записокъ стараго музыканта", „Воскресный Листокъ Музыки и Объявленій", 1878 г., № 6.—С—ъ, „Замѣтка о русскихъ концертахъ въ Парижѣ", „Суфлеръ", 1878 г., пробный номеръ.—М. Ивановъ, „Нѣсколько словъ о русскихъ оперныхъ дѣлахъ", „Пчела", 1878 г., № 3.—„Обзоръ музыки въ 1878 г.", „Воскр. Листокъ Музыки и Объявл.", 1879 г., № 7.—П. С. М—въ (Макаровъ), „Эпизоды изъ жизни русск. артистовъ и композитор.", тамъ же, 1879 г., № 15.—Н. Карцевъ, „Краткій очеркъ развитія русской музыки и оперы", „Суфлеръ", 1879 г., № 8.—М. Макаровъ, „Удѣлъ русскихъ композиторовъ", тамъ же, 1879 г., №№ 13, 14.—В. В. Стасовъ, «Училище Правовѣдѣнія 40 лѣтъ тому назадъ", „Русск. Стар.", 1880 г., № 12, стр. 1038—1042; 1881 г., № 3, стр. 580, 585—602.—„Эпизодъ изъ жизни А. Н. Сѣрова",

„Русск. Музык. Вѣстн.“, 1880 г., № 14. — А. А—въ (Астафьевъ), „По поводу статьи г. Макарова о судьбѣ русск. композиторовъ“, тамъ же, 1880 г., № 25.—„Общество русскихъ композиторовъ“, „Воскр. Листокъ Муз. etc.“, 1880 г., № 1.—М. Ивановъ, „Французскія свѣдѣнія о нашихъ артистахъ“, „Нов. Время“, 1880 г., № 697.—П. Макаровъ, „Судьба національн. композиторовъ въ Россіи“, „Берегъ“, 1880 г., № 121, 123, 128, 153, 182. — Мих. Пѣтуховъ, „Гекторъ Берліозъ о Россіи“, Спб. 1881 г., стр. 54, 56, 76.—Octave Fonque, „Les revolutionnaires de la musique“, Paris 1882, стр. 353.—„Имп. Русск. музык. общ.“, „Правит. Вѣстн.“, 1882 г., № 9.—В. В. Стасовъ, „Наша музыка за послѣднія 25 лѣтъ“, „Вѣстн. Евр.“, 1883 г., № 11, стр. 571, 577, 583—590, 594—595, 610.—М. Ивановъ, „Музык. обозрѣніе“, „Нувеллистъ“, 1883 г., № 2.—А. П. Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1855 до нач. 1881 г.“, ч. 3, Спб., 1884 г., стр. 118, 119, 121. 122, 127, 129, 131, 133, 135, 136, 138, 140, 142, 143. — П. П. Бочаровъ, „Въ правит. Сенатѣ“ (эпизодъ изъ молодости Сѣрова), „Русск. Стар.“, 1884 г., № 10, стр. 147. — „Лекція Лорана де Рилье въ Сорбоннѣ о русск. музыкѣ“, „Нувеллистъ“, 1884 г., № 6.—В. В. Стасовъ, „Тормозы новаго русскаго искусства“, „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., № 2, стр. 546; № 4, стр. 567; № 5, стр. 74, 79—110. — В. Т. Соколовъ, „А. С. Даргомыжскій“, „Русск. Стар.“, 1885 г., № 5, стр. 342.—В. С. Сѣрова, „Русская музыка. Три враждебныя партіи въ 60-хъ гг.“, „Сѣверн. Вѣстн.“, 1885 г., № 4, стр 1—19. — К. Галлеръ, „Матеріалы для жизнеописанія русск. музыкальн. дѣятелей“, „Библіографъ“, 1885 г., № 3, стр. 45 — 50.—Его же, „Праздничная фантазія», „С.-Петерб. Вѣд.“, 1885 г., № 3.—Его же, „Къ чествованію юбилея Ю. К. Арнольда“, тамъ же, 1886 г., № 305. — А. Ф., „Изъ области музыки“, „Муз. Обозр.“, 1885 г., № 4.—В. В. Стасовъ, „Гаврилъ Якимовичъ Ломакинъ“, „Русск. Стар.“, 1886 г., № 3, стр. 654—655; № 5, стр. 311, 318.—Ц. Кюи, „‹Русланъ и Людмила› М. И. Глинки“, „Музык. Обозр.“, 1886 г., № 3.—Дм. Стефановскій, „Отзывъ о книгѣ «Новая теорія музыки»“, тамъ же, № 305.—В. В. Стасовъ, „25-лѣтіе безплатной музыкальной школы“, „Историч. Вѣстн.“, 1887 г., № 3, стр. 602, 608, 614—615, 616, 620.—Его же, „Александръ Порфирьев. Бородинъ“, тамъ же, 1887 г., № 4, стр. 143—144.—М. Ивановъ, „Русская народная пѣсня по новымъ изслѣдованіямъ“, „Нов. Время“, 1888 г., № 4146.—М. Л. Златковскій, „Аполлонъ Николаев. Майковъ, біограф. очеркъ“, Спб. 1888 г., стр. 61—64.—„Изъ области музыкальной критики“, „Баянъ“, 1888 г., № 5. — „Музыкальн. иллюзіи и дѣйствительность“, тамъ же, 1888 г., № 9.—Юрій Арнольдъ, „Возможно ли въ музык. искусствѣ установленіе характеристически-самостоятельной русск. національной школы“, тамъ же, 1888 г., №№ 23, 25.—В. Вальтеръ, „Рихардъ Вагнеръ“, Спб. 1911 г.

VI. Отдѣльныя изданія. М. К., „Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Къ исторіи оперы въ лучшихъ ея представителяхъ“, М. 1874 г., стр. 235 — 239. — Cesar Cui, „La musique en Russie“, Paris 1881, стр. 54—69.—А. Саккети, „Очеркъ всеобщей исторіи музыки“, Спб. 1883 г., стр. 276—278.—В. С. Баскинъ, „Русскіе композиторы. III. Александръ Николаевичъ Сѣровъ“, Спб. 1890 г.—„Собраніе стихотвореній Л. П. Бутковскаго“, ч. 2, Спб. 1871 г., стр. 106 (стих. „Надъ могилою А. Н. Сѣрова“).—„Записки Мих. Ив. Глинки“, изд. А. С. Суворина, подъ ред. В. В. Стасова, Спб. 1887 г., стр. 170, 230, 233, 250, 317, 323, 330, 362, 363, 367.—А. Е. Молчановъ, „Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Библіографич. указатель“, 2 вып., Спб. 1888 г. и „Библіографъ“, 1885 г., №№ 3 и 4.—„Матеріалы для біографіи Ал. Никол. Сѣрова“, Спб. 1889 г.—С. А. Базуновъ, „Ал. Никол. Сѣровъ. Его жизнь и музыкальная дѣятельность“, изъ серіи „Біографич. библіотеки“ Ф. Павленкова, Спб. 1893 г.

VII. Оперная музыка Сѣрова вообще. И. Любичъ, „Музыка будущности г. Сѣрова“, „Модный Магазинъ“, 1865 г., № 24.—Невскій Баянъ, „Нѣчто о справедливости въ музыкѣ“, тамъ же, 1866 г., № 24.—„Петербургскіе театры въ 1865—1866 театр. году“, „Иллюстрир. Газета“, № 14; тоже въ 1866 г., ib., 1867 г., № 14. тоже за 1867—1868 г., ib., 1868 г., № 11.—Ц. Кюи, „Музыкальныя замѣтки. Конецъ оперн. наго сезона“, „С.-Петерб. Вѣдом.“, 1870 г. № 56.—Его же, „Венефисъ Направника“, тамъ же, 1876 г., № 8.—Ростиславъ (Θ. М. Толстой), „Обзоръ оперн. наго сезона“, „Голосъ“, 1868 г., № 58.—М., „Русская опера въ Кіевѣ“, тамъ же, 1874 г., № 358. — „Русскіе артисты заграницей“, „Музык. Листокъ“, 1873—1874 г., № 5.—„Корреспонд. изъ Одессы“, тамъ же, № 24; 1875—1876 г., № 2.—„Русская опера въ Казани“, тамъ же, № 119.—П. Макаровъ, „Современное положеніе русской оперной труппы“, „Музыкальн. Свѣтъ“, 1874 г., № 3.—Его же, „Краткое историч. обозрѣніе русской оперы“, тамъ же, 1874 г., №№ 3 и 4.—„Обзоръ театральн. сезона 1875—1876 г.“, „Казанск. Губ. Вѣд.“, 1876 г., № 11.—„Русскіе современные дѣятели“, Спб., 1877 г., т. II, стр. 89.—E. Reyer, „Les concerts russes du Trocadéro“, „Journal des Débats“, 1878, 24.—П. С. Макаровъ, „Современ. положеніе русской оперы“, „Воскресн. Лист. Муз. и Объявл.“, 1879 г., №№ 48, 49.—О. Я. Левенсонъ, „Въ концертномъ залѣ. Сборникъ статей“, М. 1880 г., стр. 113, 114, 119.—Русланъ, „Наканунѣ открытія спектаклей въ русской оперѣ“, „Берегъ“, 1880 г., № 155.—К., „Русская опера въ Москвѣ“, „Моск. Вѣд.“, 1880 г., № 290. — А., „Московская русская опера“, „Вѣкъ“, 1883 г., № 3, стр. 38, 39, 52—53, 60, 62.—Л. Баторинъ, „Новая дирекція и оперный театръ“, „Театръ“, 1883 г., №№ 1 и 2.—Дилетантъ, „Музыкальн. очерки“, „Южный Край“, 1884 г., № 1090.—Ларошъ, „Нѣчто о нашемъ оперномъ репертуарѣ“, „Русск. Вѣстн.“, 1885 г., № 9, стр. 372, 375—383. — Незнамовъ, „Итоги оперн. наго сезона 1885—1886 г.г. въ Казани“, „Музык. Обозр.“, № 23.—Его же, „Итоги оперн. наго сезона въ Москвѣ въ 1885—1886 г.г.“, тамъ же, 1886 г., № 28.

VIII. Критическіе отзывы объ операхъ „Юдиѳь“. „Музыкальный Свѣтъ“, 1863 г., № 6 (1-е представл. „Юдиѳи“); 1874 г., № 3, 12; 1875 г., № 18.—П. Макаровъ, „Краткій обзоръ дѣятельности русской оперы въ Петербургѣ за 1875 г.“,

тамъ же, 1876 г., № 1.—Ростиславъ (Ѳ. М. Толстой), „Западная реклама, перенесенная на русскую почву", „Сѣверн. Пчела", 1863 г., № 126.—Его же, „Нѣсколько словъ о первомъ представл. оп. „«Юдиѳь»" тамъ же, 1863 г., № 131.—Его же, «Юдиѳь», опера въ 5 актахъ, соч. г. Сѣрова", тамъ же, 1863 г., №№ 147, 149, 154 (послѣднія три статьи изданы отдѣльн. брошюрой подъ загл. „Разборъ оперы «Юдиѳь», соч. Сѣрова", Спб., 1871 г.).—М. Р(аппапортъ), „«Юдиѳь», опера Сѣрова", „Сынъ Отеч.", 1863 г., № 234.—„«Юдиѳь», новая опера въ 5 д., слова и муз. А. Н. Сѣрова", „Голосъ", 1863 г., № 123.—Ларошъ, „«Юдиѳь», опера А. Н. Сѣрова", тамъ же, 1874 г., № 314. — Ап. Григорьевъ, „Новая русская опера", „Якорь", 1863 г., № 10.—Его же, „«Юдиѳь», опера въ 5 акт. А. Н. Сѣрова", тамъ же, 1863 г., № 12. — Его же, „Еще нѣсколько словъ о русской оперѣ", тамъ же, 1863 г., № 27.—Пя. Вакаръ, „Нѣсколько словъ о новой оперѣ «Юдиѳь»", „Сѣверн. Почта", 1863 г., № 130. — М., „Театральныя замѣтки", „Русск. Инвал.", 1863 г., № 112. — Дм. И. Лобановъ, „«Юдиѳь», опера Сѣрова", „Иллюстрація", 1863 г., №№ 271—273.—J. P., „«Judith», Oper in 5 Acten, Text und Musik von A. Serow", „St.-Petersb. Zeitung", 1863, № 110. — „Neue Zeitschrift für Musik", 1863, Bd. 58, №. 25, S. 219; №. 26 („Judith", Oper von Sserof, Correspond. aus St.-Petersb.).—Д. И. Лобановъ, „Петерб. музыкальн. лѣтопись", „Русск. Сцена", 1864 г., № 1, стр. 3—5 и 10. — „Русская опера", тамъ же, 1864 г., № 4, стр. 209.—Правдинъ, „Петерб. сцена. Русская опера", тамъ же, 1864 г., № 8, стр. 136, 141, 143. — Ап. Григорьевъ, „Голосъ стараго критика", „Эпоха", 1864 г., іюль, стр. 19.—„Наши двѣ оперныя сцены", „Русск. Сцена" (газ.), 1865 г., № 1.—Баронъ Галкинъ (А. Дмитріевъ), „Моск. театръ", тамъ же, 1865 г., № 6.—К. Ц—въ, „Два слова по поводу представленія «Юдиѳи»", „Современ. Лѣтопись", 1865 г., № 35.—Z., „Содерж. оп. «Юдиѳь»", „Театр. Афиши и Антрактъ", 1865 г., № 228/107.—А. Дмитріевъ, „Объ исполненіи и постановкѣ оп. «Юдиѳь»", тамъ же, 1865 г., №№ 235/113, 236/114.—„Dictionnaire lyrique ou histoire des opéras" par. F. Clément et P. Larousse, Paris 1869—1870, pag. 386. — Ларошъ, „Нѣсколько словъ объ оп. «Юдиѳь»", „Музыкальн. Листокъ", 1873—1874 г., № 4.—А. Фаминцинъ, „Петербургск. хроника", тамъ же, № 13.—Ц. Кюи, «Юдиѳь», оп. Сѣрова", „С.-Пет. Вѣд.", 1874 г., № 312.—„Русск. Міръ", 1874 г., № 309, [ст. М. Р(аппопорта)]. — „Новости", 1874 г., № 251.—„Петерб. Газета", 1874 г., № 99.—„Петерб. Листокъ", 1874 г., № 220. -N, „Музык. извѣстія изъ Петербурга", „Русск. Вѣдом.", 1874 г., № 274. — „Кіевск. Телегр.", 1874 г., № 17 (ст. А. У.). — „Одесск. Вѣстн.", 1874 г., №№ 127, 133, 138, 139.—„Одеск. Лист. Объявл.", 1874 г., № 124.—Ф., „Возобновленіе оп. А. Н. Сѣрова «Юдиѳь»", „Всемірн. Иллюстр.", 1874 г., № 309. — L, „Reprise de «Judith», opéra en 5 actes, paroles et musique d'A. Sérow", „Journ. de St.-Petersb.", 1874, №№ 303.—A. C., „Opéra Russe", „Journ. d'Odessa", 1874, 125, 134.—B.B., „Judith", „Odessaer Zeitung", 1874, № 67.—„Замѣтки Плотоѣдова", „Кіевск. Лист. Объявл.", 1874 г., № 7.—„Музык. Листокъ", 1874—1875 г., № 12 (ст. А. Фаминцина).—„Голосъ", 1875 г., № 294.—„Новое Вр.", 1875 г., № 273.—„Петерб. Газ.", 1875 г., № 172. — „Петерб. Листокъ", 1875 г., №№ 193, 194.—М. С., „Юдиѳь", „Всемірн. Иллюстр.", 1875 г., № 322 (съ иллюстрац.).—А. Фаминцинъ, „Обзоръ музык. дѣятельности Петербурга въ теч. зимняго сезона 1874—1875 г.", „Пчела", 1875 г., № 9. — Соловьевъ, „Музык. сезонъ 1874—1875 г. въ Петербургѣ", „Моск. Вѣд.", 1875 г., № 122.—A. Faminzin, „Musikalische Rundschau", „St.-Pet. Zeit.," 1875, № 149. — Его же, „Возобновленіе «Юдиѳи»", „Муз. Лист.", 1875—1876 г., № 3.—М. Ивановъ, „Русск. опера", тамъ же, 1876—1877 г., № 1.—В. С(тасовъ), „Письма изъ чужихъ краевъ", „Нов. Вр.", 1878 г., № 908.—„Голосъ", 1878 г., № 251 (корресп. изъ Парижа). — „Nouvelles musicales de l'exposition", „Revue et Gasette musicale de Paris", 1878, № 38.—Arthur Pougin, „Les concerts étrangers au Trocadéro", „L'Art", 1878, t. IV, pag. 166.—Jean Bertrande, „Drame et musique", „Republique Française", 1878, 23 сент.—Edmond Hippeau, „Le deuxième concert russe", „L'Evènement", 1878, № 2354.—Jules Guilemot, „Audition musicale". „Soleil", 1878, 1 окт.—D. Magnus, „2-e concert russe", „Le Telegraph", 1878, № 607. — B. de Lomagne, „2-e concert russe", „Le Soir", 1878, № 3394. — „Le petit Journal", 1878, № 5743.—Sz. V., „Die Musik auf der Weltausstellung zu Paris 1878", „Signale", 1878, № 46, S. 323; № 48, S. 755.—„Голосъ", 1880 г., № 312.—„Нов. Вр.", 1880 г., № 1695.—„Молва", 1880 г., № 522. — „Соврем. Изв.", 1880 г., № 309.—А. Размадзе, „По поводу мнѣній о «Юдиѳи» и Сѣровскихъ операхъ вообще", „Русскій Курьеръ", 1880 г., № 317. — „Русск. Газ.", 1880 г., № 170.—Зетъ, „«Юдиѳь», оп. Сѣрова", тамъ же, 1880 г., № 173.—Никсъ и Киксъ, „Бенефисъ г. Вальца", „Будильн.", 1880 г., № 45; 1881 г., № 44. — W., „Музык. очерки", „Южн. Край", 1882 г., №№ 672, 679, 686. — „Харьк. Губ. Вѣд.", 1882 г., № 314. — „Искусство", 1883, № 6.—„Музык. Обозрѣніе", 1885 г., № 2.—„Заря", 1885 г., № 191. — „Баянъ", 1883 г., №№ 18, 27.—„Новое Время", 1888 г., №№ 4387, 4516.—„25-лѣтіе оперы «Юдиѳь»", „Петерб. Листокъ", 1888 г., № 132.—„Русск. Вѣд.", 1888 г., № 261.—„Моск. Вѣд.", 1888 г., № 262. — „Всемірн. Иллюстр.", 1888 г., № 1029.—„Театръ и Жизнь", 1888 г., № 133.

IX. Критическіе отзывы объ оперѣ „Рогнѣда". „Русская Сцена", 1864 г., № 4, стр. 206, 210.—Ц. Кюи, „Музыкальная лѣтопись", „С.-Петерб. Вѣдомости", 1864 г., № 87.—„Голосъ", 1864 г., №№ 84, 89.—„Музык. Свѣтъ", 1865 г., № 11.—Ц. Кюи, „«Рогнѣда», оп. Сѣрова", „Спб. Вѣд.", 1865 г., № 292. — В. П. Бурениннъ, „Обществен. и литературн. замѣтки", тамъ же, 1865 г., № 293. — П. Орл., „Вѣсти о постановкѣ «Рогнѣды»", „Голосъ", 1865 г., № 247.—Ростиславъ (Ѳ. М. Толстой), „По поводу генеральной репетиціи «Рогнѣды»", тамъ же, №№ 297, 311, 320, 323, 335.—„Первое представл. «Рогнѣды» въ Петерб.", тамъ же, 1865 г., № 298.—М. Р(аппопортъ), „«Рогнѣда», оп. въ 5 дѣйств.", „Сынъ Отеч.", 1865 г., №№ 260, 263.—Злыдинъ, „Рогнѣда", „Вѣсть", 1865 г., № 19.—И., „Изъ музык. міра", тамъ

же, 1865 г., № 26.—„Петерб. Листокъ“, 1865 г., № 162. — „Русск. Инвал.“, 1865 г., № 240. — „Русск. Сцена“ (газ.), 1865 г., №№ 7, 9, 11—14, 18, 22.—„Театр. Афиши и Объявл.“, 1865 г., № 291/161.—„Иллюстрирован. Газета“, 1865 г., № 43. — „Модный Магаз.“, 1865 г., № 22. — Петербургскій житель, „Письма въ глушь“, „Соврем.“, 1865 г., № 10, стр. 250—257.—„St.-Petersb Zeit.“, 1865, № 243.—„Revue et gasette musicale de Paris“, 1865, № 49.—Каррикатуры на „Рогнѣду“ въ „Искрѣ“, 1865 г., №№ 45, 47; шаржъ, тамъ же, №№ 47, 48.—Литературное Домино (Д. Д. Минаевъ), „Рогнѣда. Опытъ либретто для оперы въ 4 дѣйств.“, „Будильникъ“, 1865 г., № 91.—„Музыкальная рецензія абиссинскаго маэстро“, тамъ же, № 91.—„Календарь на 1-й годъ“, тамъ же, №№ 69, 95.—„На память“, тамъ же, №№ 65, 96.—Скромный лѣтописецъ, „Матеріалы для исторіи цивилизаціи“, тамъ же, №№ 65, 97. — В. В. Стасовъ, „Археологич. замѣтка о постановкѣ «Рогнѣды»“, „Вѣстн. Евр.“, 1866 г., кн. III, стр. 81—92.—П. Макаровъ, „«Рогнѣда», оп. въ 5 д.“, „Музык. Свѣтъ“, 1866 г., №№ 1, 6, 10.—„Голосъ“, 1866 г., №№ 257, 263. — Ц. Кюи, „Журнальные толки о «Рогнѣдѣ»“, „Спб. Вѣд.“, 1866 г., № 14. — Его же, „Музык. замѣтки“, тамъ же, 1866 г., № 66, 327.—В. В. Стасовъ, „Вѣрить ли?“, тамъ же, 1866 г., № 74.—„Сынъ Отеч.“, 1866 г., № 55, 266, ст. М. Р(аппопорта). — „Петерб. Лист.“, 1866 г., № 138 (ст. А. Д.).—Литерат. домино (Д. Д. Минаевъ), „Передъ зеркаломъ. Святочное гаданіе“, „Искра“, 1866 г., № 1.—„Итальянск. и русск. опера“, „Литерат. Библіот.“, 1867 г., ноябрь, стр. 98.—„Антрактъ“, 1867 г., № 3.—„Искра“, 1867 г., № 7 (стих. Н. Страннолюбскаго). — „Муз. и Театръ“, 1868 г., № 16. — Тихонычъ, „«Рогнѣда» и др. новыя оперы Сѣрова въ его московск. концертѣ 10 марта“, „Соврем. Извѣст.“, 1868 г., № 67.—Незнакомецъ, „Лѣтопись моск. концертовъ“, „Антрактъ“, 1868 г., №№ 8, 11.—Его же, „Нѣск. словъ по поводу «Рогнѣды»“, „Русскій“, 1868 г., № 132.—„Отеч. Зап.“, 1869 г., № 6, стр. 268.—С. П., „Русск. опера. Постановка «Рогнѣды»“, „Голосъ“, 1869 г., № 1.—Ц. Кюи, „Нѣск. словъ по поводу теперешняго представл. «Рогнѣды»“, „Спб. Вѣд.“, 1869 г., №№ 290, 332, 346. — „Dictionnaire lyrique ou histoir des opéras“, par. F. Clément et P. Larouse, Paris, 1869—1870, page 585. — Ростиславъ (Ѳ. М. Толстой), „Музыкальный разборъ «Рогнѣды»“, Спб., 1870 г.—Ц. Кюи, „Музыкальныя замѣтки“, „Спб. Вѣдом.“, 1870 г., № 275.—„Петерб. Газета“, 1870 г., № 143—„Дебютъ Л. Віардо въ «Рогнѣдѣ»“, „Спб. Вѣд.“, 1871 г., № 123.—„Второй дебютъ Л. Віардо“, „Новости“, 1871 г., № 5.—„St.-Petersb. Zeit.“, 1871 г., № 120 (о томъ же).—„Neue Zeitschrift für Musik“, 1871, № 27.—„Петерб. Газ.“, 1871 г., № 26.—„«Рогнѣда» на кіевской сценѣ“, „Кіевлянинъ“, 1872 г., № 133.—„Кіевск. Телеграфъ“, 1872 г., № 137.—„Музык. Лист.“, 1872—1873 г., №№ 9, 18 (корресп. изъ Кіева).—П. С., „«Рогнѣда» и «Жидовка»“, „Одесскій Вѣстникъ“, 1873 г., № 99. — „Opéra Russe“, „Journal d'Odessa“, 1873, № 77; 1874, №№ 90, 116. — „Музык. Листокъ“, 1873—1874 г., № 18. — „Музык. Свѣтъ“, 1874 г., №№ 9, 12 (корресп. изъ Екатеринбурга).—Б. Л., „«Рогнѣда» на сценѣ русской оперы“, „Русск. Вѣдом.“, 1874 г., № 26.—„Кіевскій Телеграфъ“, 1874 г., №№ 5, 9 —Б., „Русская опера“, „Одесскій Вѣстн.“, 1874 г., №№ 94, 121.—„Музыкальная и театральная жизнь въ Москвѣ“, „Музык. Свѣтъ“, 1875 г., № 4; 1876 г., № 2. — „Харьк. Губ. Вѣд.“, 1876 г., № 9 (ст. К. Галлера).—Н. Карцевъ, „«Рогнѣда» Сѣрова въ бенефисъ Направника на сценѣ Маріинскаго театра“. „Петерб. Листокъ“, 1876 г., № 7.—„Всемірн. Иллюстр.“, 1876 г., №№ 367, 405.—„Казанскій театръ въ 1877—1878 г.“, „Музык. Свѣтъ“, 1878 г., № 6.—В. Стасовъ, .„«Послѣдніе два русскіе концерта въ Парижѣ“, „Новое Вр.“, 1878 г., № 935. — „Голосъ“, 1878 г., № 260 (корресп. изъ Парижа, П. Зиновьева). — Н. Соловьевъ, „Музык. хроника“, „Спб. Вѣдом.“, 1878 г., № 254.—„Revue et gasette musicale de Paris“, 1778, № 39.—Edmond Hippeau, „Le troisième concert russe“, „L'Evénement“, 1878, 24 — IX. — Oscar Comettant, „Revue musicale“, „Siécle“, 1878, 23—IX.—Arthur Heulhard, „Troisième et dernier concert russe“, „Voltaire“, 1878, 25—IX.—Rostislaw (Толстой), „Quelques mots à propos de la reprise de la «Rogneda» de Sérow“, „Journal de St.-Petersb.“, 1879, № 311 — „Русск. Музык. Вѣстн.“, 1880, №№ 26, 27, 30.—„Изъ провинціальной театральной хроники“, „Суфлеръ“, 1880 г., №№ 34, 71 (корресп. изъ Нижн.-Новгорода); № 89 (корресп. изъ Харькова).—„Харьковъ“, 1880 г., № 693.—Н. Д—чъ, „«Рогнѣда» на харьковской сценѣ“, „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, 1880 г., № 283, 297. — „Первыя три симфоническія собранія Русск. музык. общ. въ Москвѣ“, „Соврем. Извѣст.“, 1881 г., № 322.—Любитель музыки, „Русская опера“, „Одесск. Вѣстн.“, 1881 г., № 272.—Бекаръ, „Русская опера“, „Новорос. Телегр.“, 1831 г., № 2055.—„Одесск. Листокъ“, 1881 г., № 202.—W., „Музык. очерки“, „Южный Край“, 1882 г., № 679.—„Музык. и Театр. Вѣстн.“, 1883 г., №№ 83, 85 (корресп. изъ Москвы).—К., „Рогнѣда“, „Нов. Время“, 1883 г., № 2486.—„Искусство“, 1883 г., № 6 (корресп. изъ Харькова).—„Зритель“, 1883 г., № 12 (кор. изъ Харькова). — „Южный Край“, 1883 г., № 706, 978, 980.—„Харьк. Губ. Вѣд.“, 1883 г., № 10, 274.—Риголетто (В. С. Баскинъ), „Сцена и кулисы“, „Будильн.“, 1883 г., № 4.—М. Ивановъ, „Музык. обозрѣніе“, „Нувеллистъ“, 1884 г., № 6.—Его же, „Возобновленіе «Рогнѣды» на русской сценѣ“, „Нов. Вр.“, 1884 г., № 3066.—„Новости“, 1884 г., № 278.—„Спб. Вѣд.“, 1884 г., № 248. — Н. Сомовъ, „Рогнѣда“, тамъ же, 1884 г., № 258.—„Петерб, Газета“, 1884 г., № 248 (ст. П. В.).—„Петерб. Листокъ“, 1884 г., № 246.—В. Н., „Возобн. «Рогнѣды»“, „Минута“, 1884 г., № 234.—„Южный Край“, 1884 г., № 1087, 1361.—„Харьк. Губ. Вѣд.“, 1884 г., № 314.—V. P., „«Démon» de Roubinstein et «Rognéde» de Sérow“, „Journal de St.-Petersb.“, 1884, № 271.—„Суфлеръ“, 1885 г., № 5 (корресп. изъ Казани).—„Театр. Мірокъ“, 1885 г., № 1 (корр. изъ Харькова); № 26 (корр. изъ Саратова); № 28 (корр. изъ Самары); № 32 (корр. изъ Н.-Новгорода); № 42 (корр. изъ Казани).—„«Рогнѣда»

на казанской сценѣ", „Волжскій Вѣстн.", 1885 г., № 6, 229.—„Казанск. Новости", 1885 г., № 60.—„Казанскій Биржев. Листокъ", 1885 г., № 133.—„Саратовск. Дневникъ", 1885 г., №№130, 134.—„Сарат. Лист.", 1885 г., № 127.—„Астрах. Справочн. Листокъ", 1885 г., № 110.—„Музык. Обозрѣніе", 1886 г., № 29 (корресп. изъ Казани); 1887 г., № 16 (корр. изъ Харькова); № 27 (изъ Москвы); № 28 (изъ Самары).—H. S., „Казанск. русск. опера", „Волжск. Вѣстн.", 1886 г., № 45.—„Нов. Время", 1887 г., № 4193, 4197.—Н. Соловьевъ, „«Рогнѣда» на русской сценѣ", „Новости", 1887 г., № 238; 1888 г., № 197.—„Петерб. Газета", № 239.—„Петерб. Листокъ", 1887 г., № 240.—„Минута", 1887 г., № 227.—„Свѣтъ", 1887 г., № 139 (ст. Incognito).—„Русск. Вѣдом.", 1887 г., № 294 (ст. М. К—нъ).—„Русск. Курьеръ", 1887 г., № 297.—„Замѣтки дилетанта", „Моск. Листокъ", 1887 г., № 304.—„Новости Дня", 1887 г., № 296.—„Кавказъ", 1887 г., № 3.—„Всемірн. Иллюстрація", 1887 г., № 974, 988, 1018.—„Нов. Обозр.", 1887 г., № 1049.

X. *Критическіе отзывы объ операѣ „Вражья сила"*. Ц. Кюи, „Музык. замѣтки". „Спб. Вѣд.", 1868 г., № 66.—„Затишье на русск. оперной сценѣ", „Отеч. Зап.", 1871 г., № 12, стр. 293–294.—„Музык. Свѣтъ", 1871 г., № 5.—П. Макаровъ, „«Вражья сила», оп. А. Н. Сѣрова", тамъ же, 1871 г., № 6.—„Музык. Вѣстн.", 1871 г., № 6. — Ростиславъ (Ѳ. М. Толстой), „Новая опера А. Н. Сѣрова, «Вражья сила»", „Голосъ", 1871 г., №№ 108, 112, 116, 119, 124, (отд. пзд., Спб., 1871 г.).—Его же,, „Еще нѣск. словъ о «Вражьей силѣ»", тамъ же, 1871 г, № 136.—Самъ по себѣ, „«Вражья сила». Печальныя разсужденія и радостныя надежды", тамъ же, 1871 г., № 113.—„Спб. Вѣд.", 1871 г., № 27.—Ц. Кюи, „«Вражья сила», опера А. Н. Сѣрова", тамъ же, 1871 г., № 111.—Его же, „Волшебная сказка о Ростиславѣ и Раппопортѣ", тамъ же, 1871 г., № 114.—„Бирж. Вѣд.", 1871 г., №№ 107, 111 (замѣтки М. Раппопорта и Нила Адмирари).—„Вечерн. Газ.", 1871 г., № 106.—„Петерб. Газ.", 1871 г., №№ 58, 61, 65.—„Петерб. Листокъ", 1871 г., №№ 76, 77.—„Всемірная Иллюстр.", 1871 г., № 127.—Фигаро, „Новая опера", „Модн. Магаз.", 1871 г., № 9.—„Русская опера", „Ваза", 1871 г., № 17.—„Signale", 1871, № 27 S. 424 (Korresp. aus Petersburg).—Ларошъ, „«Вражья сила» на русск. оперн. сценѣ", „Голосъ", 1872 г., № 184.—Ц. Кюи, „«Вражья сила» Сѣрова", „Спб. Вѣд.", 1872 г, № 297.—„Новыя русскія оперы", „Нов. Время", 1872 г., № 138.—L., „«L'influence hostile», opéra en 5 actes d'A. Sérow", „Journal de St.-Petersb.", 1872 г., № 299.—R., „A propos du dernier opéra de Sérow", ib., 1872 г., № 319.—„Музык. Лист.", 1872–73 г., № 78.—А. Фаминцинъ, „Вражья сила", тамъ же, 1873–74 г., № 10.—Орфей, „«Вражья сила» А. Н. Сѣрова", „Музык. Свѣтъ", 1874 г., № 1.—П. Макаровъ, „«Вражья сила» въ настоящемъ сезонѣ", тамъ же, 1874 г., № 10. — Его же, „Нѣск. словъ о возобновл. «Вражьей силы» Сѣрова", тамъ же, 1875 г., № 1.—„Возобновл. «Вражьей силы»", „Голосъ", 1879 г., № 48, 49.—О томъ же, замѣтка М. Иванова въ „Нов. Врем.", 1879 г., № 1339.—„Новости", 1879 г., № 295 (зам. К. Галлера). — Н. Соловьевъ, „Возобновл. «Вражьей силы» Сѣрова". „Спб. Вѣд.", 1879 г., № 323.—К. Галлеръ, „Возобн. «Вражьей силы» Сѣрова", „Молва", 1879 г., № 320.—„Петерб. Газ.", 1879 г., № 225 (зам. П. Зиновьева). — „Петерб. Лист.", 1879 г., № 226 (зам. —ъ).—„Суфлеръ", 1879 г., № 11.—„Всемірн. Иллюстр.", 1879 г., № 569.—Rostislaw (Ѳ. М. Толстой), „Quelques mots sur la reprise de l'opéra posthume Sérow», „Journ. de St.-Petersb.", 1879 г., № 11.—„Русск. Музык. Вѣстн.", 1880 г., № 19.—„Воскресн. Листокъ Музыки", 1880 г., № 11 и 12 (корресп. изъ Харькова).—„Берегъ", 1880 г., № 195.—„Петерб. Газ.", 1880 г., № 213, (стих. Ша—грн). — „Суфлеръ", 1880 г., № 17 (корресп. изъ Харькова).—„Русск. Газ", 1880 г., № 134. — Sono qui, „Вражья сила", „Кіевлянинъ", 1880 г., № 281.—„Заря", 1880 г., №№ 35, 37. — „Харьковъ", 1880 г., № 558. — „Харьк. Губ. Вѣд.", 1880 г., № 49 (зам. Ѳ. К.), № 239 (зам. Н-чъ).—„Русск. Музык. Вѣстн.", 1881 г., №№ 28, 35. — „Нов. Время", 1881 г., № 2060 („Музык. фельетонъ").—Н. Соловьевъ, „Музык. обозрѣніе", „Спб. Вѣд.", 1881 г., № 298.—„Петерб. Газ.", 1881 г., № 278.—О. Я. Левенсонъ, „Опера «Вражья сила» Сѣрова", „Русск. Вѣд.", 1881 г., № 315.—А. Размадзе, „Вражья сила", „Русск. Курьеръ", 1881 г., № 214.—„Моск. Листокъ", 1881 г., № 98. — Никсъ и Кпксъ, „Вражья сила", 1881 г., № 47.—„Зритель", 1881 г., № 20.—„Нувеллистъ", 1883 г., № 7.—„Театръ", 1883 г., № 10 (корресп. изъ Харькова).—„Южный Край", 1883 г., № 751.—„Возобн. «Вражьей силы»", „Нов. Вр.", 1884 г., № 3113.—„Новости", 1884 г., № 297.—„Русск. Вѣд.", 1884 г., № 296 (зам. А. Размадзе).—Молодой музыкантъ, „Нѣск. словъ о сюжетѣ и музыкѣ послѣдней оперы А. Н. Сѣрова", „Соврем. Извѣстія", 1884 г., № 302.—„Русск. Курьеръ", 1884 г., № 296.—„Моск. Листокъ", 1884 г., № 294.—В. С. Баскинъ, „Вражья сила". „Россія", 1884 г., № 41. — „Южный Край", 1884 г., № 1090. — В. С. Баскинъ (патеръ Вембо), „Въ гостяхъ у Мельпомены", „Развлеченіе", 1884 г., № 42.—„Итоги московск. казен. и частныхъ театровъ за сезонъ 1884—1885 г.", „Суфлеръ", 1885 г., № 13.—„Театръ и Жизнь", 1885 г., № 114.—Т., „Краткій очеркъ музык. жизни Москвы за истекшій (1884) годъ", „Русск. Вѣд.", 1885 г., № 2.—К., „Итоги истекшаго музык. сезона въ Москвѣ", „Русск. Мысль", 1886 г., № 6, стр. 146. — „Баянъ", 1888 г., № 1 (корресп. изъ Кіева).—„Портретн. галлерея композиторовъ", „Баянъ", 1888 г., № 5, 7, 10.—„Тифлисск. Листокъ", 1888 г., № 47.

XI. *Отзывы о мелкихъ произведеніяхъ:* а) *Молитва изъ оп. „Майская ночь":* „Спб. Вѣд.", 1851 г., № 96. — б) *Аранжировка увертюры Бетховена „Коріоланъ":* „Отеч. Зап.", 1856 г., № 12, стр. 128 — 130 (зам. В. В. Стасова).—в) *Украинскія пѣсни:* „Основа", 1861 г., № 6, стр. 143–160 (ст. А. В. Побратима).—„Сѣв. Пчела", 1861 г., №№ 95, 107, 116. — „Сынъ Отеч.", 1861 г., № 18.—„Соврем. Лѣтоп.", 1861 г., № 18.—„Музык. Листокъ", 1875–1876 г., № 16.—г) *„Гопакъ":* „Голосъ", 1866 г., № 257.—„Спб. Вѣдом.", 1866 г., № 66. — д) *„Гречаники":* „Спб. Вѣд.", 1867 г., № 151. — е) *„Неронъ":* „Спб. Вѣд." 1869, г. № 341.,—„Биржев. Вѣд.",

1869 г., № 358. — „Сынъ Отеч.“, 1869 г., № 283.—„Музык. Сезонъ“, 1869—1870 г., № 5.— ж) *„Ave Maria“*: „Голосъ“, 1871 г., № 28, 45.— „Иллюстр. Газ.“, 1871 г., № 6. — „Музык. Свѣтъ“, 1875 г., № 3.—з) *„Пляска запорожцевъ“*: „Музыкальн. Свѣтъ“, 1877 г., № 43.

XII. Статьи и замѣтки о критической дѣятельности и лекціяхъ Сѣрова. А. Д. Улыбышевъ, „Письмо къ редактору“, „Музык. и Театр. Вѣстн.“, 1856 г., №№ 14, 19.—К. Званцовъ, „Г-нъ Мейерберъ, г. Сѣровъ и г. Арнольдъ“, тамъ же, 1856 г., № 17.—Его же, „Лекціи А. Н Сѣрова“, тамъ же, 1859 г., № 9.—Ростиславъ (Ѳ. М. Толстой), „Г-нъ Сѣровъ и обширная программа его дѣятельности“, „Сѣв. Пчела“, 1856 г., №№ 35, 125. — Его же, „Бетховенъ, критики и толкователи его произведеній“, тамъ же, 1856 г., №№ 192, 193, 197 и отд., Спб., 1856 г., стр. 15, 21, 23, 26, 27.—Его же, „Двѣ современныя знаменитости, г. Лазаревъ и г. Сѣровъ“, тамъ же, 1856 г., № 121.— Его же, „Небывалое явленіе въ лѣтописяхъ русской полемики“, тамъ же, 1856 г., № 217.— Его же, „Неудачная выноска и неумѣстная радость главнаго сотрудника «Музык. и Театр. Вѣстника»“, тамъ же, 1856 г., № 269.— Его же, „Лжемудрованія неизвѣстнаго музыканта на счетъ «Гугенотовъ»“, тамъ же, 1856 г., № 275.—Его же, „Письмо въ редакцію“, „Спб. Вѣд.“, 1856 г., № 142.—Его же, „Chronique musicale“, „Journ. de St.-Petersb.“, 1856 г., № 266.—Его же, „Музыкальн. бесѣды“, „Сѣв. Пчела“, 1859 г., № 33.—Его же, „Окончательная расправа съ самозванствомъ“, „Музык. и Театр. Вѣстн.“, тамъ же, 1859 г., № 105.— Его же, „О пропагандѣ критиковъ-самозванцевъ“, тамъ же, 1859 г., № 130. — Его же, „Музыкальн. бесѣды“, „Голосъ“, 1871 г., № 265. — Его же, „Un coup de griffe à l'en droit des détracteurs du defunt Sérow“, „Journ. de St.-Petersb.“, 1871, № 44.—Юрій Арнольдъ, „Мейерберъ и Сѣровъ“, „Сѣв. Пчела“ 1856 г., № 73.—Его же, „Бетховенъ, его критики и толкователи“, „Муз. и Театр. Вѣстн.“, 1857 г., № 21.—Его же, „Лекціи г. Сѣрова о музыкѣ“, „Сынъ Отеч.“, 1859 г., №№ 9, 10.—Его же, „Отвѣтъ“, „Сѣв. Пчела“, 1862 г., № 278.—Fr. Liszt, „Ulibischeff und Seroff“, „Neue Zeitschrift für Musik“, 1858. Bd. 48, № 1.—М. Р(аппопортъ), „Концерты и вѣсти изъ артистич. міра“, „Сынъ Отеч.“, 1861 г., № 13.—Его же, „Мейерберъ и его порицатели“, тамъ же, 1861 г., №№ 120, 123.—В. В. Стасовъ, „И мое послѣднее слово гг. Кукольнику и Сѣрову“, „Листки при афишахъ“, 1862 г., № отъ 6 іюня.—Его же, „Музыкальныя письма Гейне въ русскомъ переводѣ“, „Спб. Вѣдом.“, 1867 г., № 38.— Его же, „Композиторское письмо“, тамъ же, 1868 г., № 332.—Его же, „Писатель по призванію“, тамъ же, 1869 г., № 24.—Его же, „Музыкальн. жизнь“, тамъ же, 1869 г., № 154.— Д. В. Аверкіевъ, „По поводу лекцій А. Н. Сѣрова“, „Якорь“, 1863 г., № 33.—Ц. Кюи, „Отвѣтъ г. Сѣрову“, „Спб. Вѣд.“, 1864 г., № 69.— Его же, „Первый нумеръ «Музыки и Театра»“, тамъ же, 1867 г., № 87.—Его же, „Полугодовая дѣятельность газ. «Музыка и Театръ»“, тамъ же, 1867 г., № 297.—Его же, „Мальбругъ въ походъ собрался“, тамъ же, 1867 г., № 317.— Его же, „Еще одна галюцинація г. Сѣрова“, тамъ же, 1868 г., № 23.—Его же „Послѣдній концертъ Русск. музык. общества“, тамъ же, 1868 г., № 43.—Его же, „Мои посѣщенія великопостныхъ концертовъ“, тамъ же, 1868 г., № 66.— Его же, „Коррекція г. Сѣрова“, тамъ же, 1869 г., № 132.—Дм. Ив. Лобановъ, „По поводу отвѣта г. Сѣрову“, „Голосъ“, 1864 г., № 129.—Незнакомецъ (А. С. Суворинъ), „Г-нъ Ростиславъ и г. Сѣровъ“, „Спб. Вѣд.“, 1867 г., № 110.—Его же, „Еще о непостоянствѣ г. Ростислава“, тамъ же, 1867 г., № 136.—Его же, „Недѣльные очерки и картинки. Г-нъ Сѣровъ“, тамъ же, 1869 г., № 149.—„Сѣверн. Пчела“, 1864 г., № 10 (о лекціяхъ Сѣрова).—„Якорь“, 1864 г., № 20 (о томъ же).—„Музык. Сезонъ“, 1869—1870 г., №№ 11, 13, 16 (о томъ же).—„Голосъ“, 1870 г., № 7 (о томъ же).—„Соврем. Лѣтоп.“, 1871 г., № 7 (замѣтка Ларош а).

XIII. Юмористическія статьи и карикатуры. „Искра“, 1859 г., № 49; 1861 г., №№ 13, 21; 1865 г., №№ 45, 47, 48; 1866 г., № 1; 1877 г., №№ 7, 44.—„Сынъ Отеч.“, 1858 г., № 11.— „Модный Магазинъ“, 1865 г., № 24; 1866 г., № 17; 1867 г., №№ 9, 11.—„Современникъ“, 1865 г., № 10, стр. 250—257.—„Будильникъ“, 1865 г., №№ 47, 85, 91, 95, 96, 97, 100; 1867 г., №№ 18, 49; 1880 г., № 45; 1883 г., № 4.—„Гудокъ“, 1862 г., № 12, 35.—„Спб. Вѣд.“, 1867 г., № 358.—„Музык. Свѣтъ“, 1877 г., № 6.—„Развлеченіе“, 1884 г., № 42.

XIV. Портреты Сѣрова. „Русск. Сцена“. 1685 г., № 1.—„Музык. Совѣтъ“, 1866 г., № 1.— „Kvety“ (Prag), 1868 г., № 47.—„Всемірн. Иллюстр.“, 1871 г., №№ 109, 127.—„Семейные Вечера“, 1871 г., № 4.—„Journal de St.-Petersb.“, 1871, № 205.—Маслян. красками, работы Н. Н. Ге, въ 1871 г.—„Иллюстр. Газета“, 1871 г., № 6.—„Сіяніе“, 1872 г., № 7.— Отдѣльн. гравюра, работы В. Боброва, 1876 г.—„Русск. Старина“, 1880 г., № 12.—Отд. въ краскахъ, раб. В. В. Стасова (наход. въ библ. училища правовѣдѣнія).—„Нувеллистъ“, 1888 г., № 1.—Къ книгѣ И. Перепелицына „Очерки по исторіи музыки въ Россіи“ и „Біогр. очеркъ А. Н. Сѣрова“, Базунова.

Сѣряковъ, *Лаврентій Аксеновичъ*, знаменитый граверъ на деревѣ, родился 28 января 1824 г., на дорогѣ изъ Бѣльска (Тульской губ.) въ Жиздру (Калужск. губ.), умеръ въ 1881 г. въ Ниццѣ. Отецъ его былъ крѣпостной крестьянинъ села Хлопова, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губ., принадлежалъ помѣщику Макавѣеву, человѣку грубому и властному, и съ юныхъ лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ, въ мальчикахъ при желѣзныхъ лавкахъ своихъ братьевъ. Женился Сѣряковъ-отецъ на крестьянкѣ изъ села Хлопова и послѣ женитьбы началъ вести разгульную жизнь. Помѣщикъ вытребовалъ его въ деревню и въ 1820 г. забрилъ въ солдаты. Онъ поступилъ слесаремъ въ 3-й карабинерный полкъ Гренадерскаго корпуса; былъ онъ человѣкъ не

безъ способностей: кромѣ слесарства онъ былъ часовщикомъ и даже въ нѣкоторомъ родѣ рѣзчикомъ, такъ, напр., искусно рѣзалъ буквы на стали для штампованія на солдатскихъ погонахъ шифровъ полка. Дѣтскіе годы Сѣряковъ-сынъ провелъ въ странствіи за полкомъ, въ которомъ служилъ его отецъ; былъ въ Старой Руссѣ, въ селѣ Перегино (Новгор. губ.). На седьмомъ году его начали учить грамотѣ; первый учитель его былъ унтеръ-офицеръ Остроумовъ, который преподавалъ ему, кромѣ чтенія и письма, цифирь, часословъ и псалтырь. На глазахъ мальчика происходилъ бунтъ военныхъ поселеній и наказаніе виновныхъ. Приблизительно съ 1832 г. мальчикъ оставленъ былъ при полку принца Оранскаго кантонистомъ и въ слѣдующемъ году сдѣланъ полковымъ пѣвчимъ. Жизнь мальчиковъ кантонистовъ была тяжела и невесела, а пѣвчимъ доставалось и того хуже; С. пришлось испытать и выстрадать все: холодъ, голодъ, непосильный трудъ и всякаго рода униженія. Съ 1836 г. его сдѣлали полковымъ музыкантомъ (на флейтѣ), но года черезъ два, вслѣдствіе болѣзни груди, его выписали изъ музыкантовъ и въ апрѣлѣ 1838 г. помѣстили въ Псковской полубатальонъ военныхъ кантонистовъ. С. долженъ былъ заниматься въ канцеляріи (писцомъ), ходить на спѣвки и посѣщать классы; несъ и фронтовую службу наравнѣ съ другими солдатами. Въ военной школѣ кантонистовъ онъ успѣлъ изучить алгебру и геометрію и весьма недурно рисовалъ; изъ другихъ предметовъ въ классахъ преподавали фортификацію, низшую геодезію, топографическую съемку, рекрутскую службу, весь строевой уставъ, всѣ построенія и т. д. Рисовалъ онъ настолько хорошо, что портретъ его работы, Императора Николая I, былъ повѣшенъ въ классѣ полубатальона. Онъ сдѣланъ былъ французскимъ карандашомъ и очень хорошо.

Въ апрѣля 1840 г. 18-лѣтняго С. зачислили, въ рангѣ рядового солдата, учителемъ въ баталіонъ кантонистовъ. Эта служба была чрезвычайно тяжелой, крайне отвѣтственной, отнимала все свободное время и сильно тяготила С. Онъ началъ хлопотать, и въ 1843 г. его перевели въ Петербургъ писаремъ въ департаментъ военныхъ поселеній. Писарскія занятія въ канцеляріи продолжались съ 8 ч. утра до 3 ч. дня. Остальное время оставалось свободнымъ, и С. предался чтенію и рисованію. Онъ прочиталъ сочиненія моднаго въ то время Марлинскаго, Лермонтова и др. авторовъ. Еще во Псковѣ онъ прочиталъ «Героя нашего времени», а «Евгенія Онѣгина» выучилъ наизусть. Много времени отнимала у С. переписка всеподданѣйшихъ докладовъ, которые поручались именно ему вслѣдствіе его прекраснаго почерка: онъ писалъ ихъ иногда цѣлыя ночи напролетъ. Начальникъ топографовъ, полковникъ Поповъ, обратилъ вниманіе на рисунки С. и нашелъ, что ни одинъ изъ его топографовъ такъ не чертитъ. Послѣ этого С. сдалъ экзаменъ и сдѣланъ былъ топографомъ. Въ слѣдующемъ году къ нему пріѣхала мать, и чтобы имѣть для нее квартирку и средства жизни, С. взялъ мѣсто дворника (на Пескахъ), которое исправлялъ 8 мѣсяцевъ. Въ это время ему случайно попался гравированный листокъ изъ одного французскаго изданія «Тысяча и одна ночь». С. догадался, что это не литографія, а нѣчто другое, что въ этомъ рисункѣ каждая линія дѣлается на доскѣ рельефомъ, точно такъ, какъ типографскія буквы, и что такимъ образомъ этотъ рисунокъ печатается вмѣстѣ съ наборомъ. Заинтересованный такимъ открытіемъ, С. на кускѣ березоваго дерева попробовалъ вырѣзать перочиннымъ ножомъ какой-нибудь рисунокъ. Но дерево не годилось для этого. Въ Гостиномъ дворѣ онъ узналъ, что для вырѣзыванія существуютъ особо приготовляемыя дощечки. Доставъ ихъ у столяра Вагнера, С. принялся гравировать перочиннымъ ножомъ, безъ всякихъ указаній и совѣтовъ. Объ этомъ узнали его товарищи-сослуживцы; одинъ изъ нихъ, писарь Антоновъ, указалъ на С. въ магазинѣ Смирдина, гдѣ искали гравера, такъ какъ въ то время въ Россіи почти совсѣмъ не было граверовъ и гравюры дѣлались за границей. С. пошелъ въ магазинъ Смирдина, встрѣтился тамъ съ однимъ учителемъ, Студицкимъ, который и заказалъ ему 15 рисунковъ для дѣтской книжки: «Путешествіе вокругъ свѣта». Тутъ были, между прочимъ, рисунки: «С.-Бернарская собака», «Римъ», «Площадь въ Римѣ». Каждый мелкій рисунокъ С. дѣлалъ по нѣсколько дней.

Въ 1847 г. С. случайно познакомился съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, которому

онъ сдѣлалъ топографическій планъ его имѣнія, находящагося около Нарвы. Князь, узнавъ, что молодой топографъ гравируетъ на деревѣ, рекомендовалъ его Н. В. Кукольнику, который въ то время издавалъ «Иллюстрацію» и нуждался въ граверахъ. Въ то время гравировали на деревѣ только баронъ Клодтъ, баронъ Нетельгорстъ и Деникеръ. Съ этого времени С. началъ работать для «Иллюстраціи». Узнавши, что С. рѣжетъ гравюры перочиннымъ ножомъ, Кукольникъ выписалъ для него особые инструменты, употребляемые при гравированіи; съ ними С. весьма быстро освоился, и работа пошла несравненно скорѣе. Уже и тогда его рисунки оказывались лучшими, и Булгаринъ очень расхваливалъ его въ «Сѣверной Пчелѣ».

С. сталъ въ глазахъ своего начальства въ нѣкоторомъ родѣ величиною, и для него сдѣланы были нѣкоторыя послабленія: онъ могъ уходить со службы во всякое время, а въ субботу и совсѣмъ не приходить. У Кукольника С. познакомился и встрѣчался съ Булгаринымъ, гр. Соллогубомъ, М. И. Глинкой, П. А. Каратыгинымъ, К. П. Брюловымъ, Бруни,—однимъ словомъ, вошелъ въ артистическіе и литературные кружки.

По совѣту Кукольника и др., которые замѣчали необыкновенный талантъ С., онъ рѣшилъ выхлопотать разрѣшеніе посѣщать классы академіи. Но директоръ департамента баронъ Н. И. Корфъ, главный его начальникъ, узнавъ о такомъ желаніи рядового солдата-топографа, пришелъ въ негодованіе и ярость, грозилъ даже арестантскими ротами и учинилъ С. бурную нотацію. Однако Кукольникъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій сталъ хлопотать передъ военнымъ министромъ А. И. Чернышевымъ, который доложилъ Государю, и тогда по Высочайшему повелѣнію С. разрѣшено было посѣщать классы академіи (съ 1847 г.), хотя онъ числился попрежнему на службѣ топографомъ.

Ему было въ это время 23 года. Выйдя на настоящій свой путь, С. всею душою предался своему дѣлу и усердно посѣщалъ академію художествъ. Онъ поступилъ въ классъ рисованія головъ съ натуры. Черезъ два мѣсяца его перевели въ слѣдующій классъ, а еще черезъ мѣсяцъ—въ классъ гипсовой головы. Уже въ это время С. проявлялъ самостоятельность: рисуя французскимъ карандашомъ, онъ не слѣдовалъ рутинной методѣ выдѣлыванія штриховъ и добивался лишь, чтобы свѣтъ и тѣни помѣщались на своемъ мѣстѣ, чтобы былъ схваченъ моментъ и какъ можно вѣрнѣе переданы фигуры. На ряду съ занятіями въ академіи С. продолжалъ гравировать для «Иллюстраціи»; это все отнимало такъ много времени, что онъ работалъ иногда ночи напролетъ. Императоръ Николай I вспомнилъ какъ-то про «топографа-самоучку» и пожелалъ узнать, успѣваетъ ли онъ въ академіи. Чтобы доказать, что онъ пользуется какъ слѣдуетъ разрѣшеніемъ, С. срисовалъ съ натуры солдата Кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтеръ-офицера Преображенскаго полка, также въ полной формѣ, и солдата Семеновскаго полка, составилъ группу изъ трехъ лицъ, награвировалъ ихъ на деревѣ, отпечаталъ на бристольской бумагѣ и сдѣлалъ маленькій альбомъ изъ 15 рисунковъ. Кукольникъ представилъ этотъ альбомъ военному министру Чернышеву, а послѣдній Государю, который остался доволенъ успѣхами С. и прислалъ денежную награду. Черезъ годъ С. познакомился съ барономъ К. К. Клодтомъ, который высоко цѣнилъ его гравюры (напримѣръ «Холмогоры») и пригласилъ его вступить въ только что образовавшуюся небольшую мастерскую. Въ ней участвовали Лингъ, Кюи и Бернардъ, а завѣдывалъ ею баронъ Клодтъ. За готовую квартиру и за 50 руб. въ мѣсяцъ С. сталъ работать въ этой мастерской. Тогда же онъ познакомился съ знаменитымъ скульпторомъ П. К. Клодтомъ и съ нѣсколькими литераторами. Работы для «Иллюстраціи» отвлекли его отъ академіи, потомъ онъ заболѣлъ тифомъ и вслѣдствіе всего этого около 8 мѣсяцевъ не посѣщалъ классовъ. Въ 1849 г. «Иллюстрація» прекратила свое существованіе. С. вновь сталъ посѣщать классы академіи и сталъ выказывать прежніе успѣхи. Въ 1852 г. онъ рѣшилъ бросить гравированіе и заняться живописью. Переѣхавъ на дачу вмѣстѣ съ барономъ Клодтомъ, онъ все лѣто писалъ этюды съ натуры. Но нужда въ деньгахъ заставила его призадуматься о своемъ положеніи и о будущемъ. Онъ сообразилъ, что художниковъ много, а граверовъ почти нѣтъ и спросъ на нихъ весьма большой. Кромѣ того врожденная любовь къ гравированію и предчувствіе своихъ силъ въ

этомъ дѣлѣ побуждали его взяться за эту отрасль искусства и поставить ее на высокую степень совершенства. Такимъ образомъ онъ бросилъ живопись и снова принялся за гравированіе съ такихъ оригиналовъ, каковы произведенія знаменитыхъ граверовъ: Одранъ, Уиль, Клауберъ (учитель Уткина) и др. Онъ началъ также чертить перомъ, тушью и изучалъ манеру штриха. При этомъ онъ предъявлялъ къ себѣ необыкновенно строгія требованія и отъ каждаго неудавшагося штриха приходилъ въ отчаяніе. Стремясь достигнуть совершенства копируемаго оригинала и видя, что это ему еще не удается, С. иногда буквально обмывалъ слезами доску. Въ отчаяніи онъ даже помышлялъ совсѣмъ бросить это дѣло; но усилія даромъ не пропали, и скоро онъ сталъ замѣчать, что у него кое-что выходитъ хорошо, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. С. даже поселился поближе къ академіи, чтобы чаще посѣщать ее. По собственному его признанію, рѣшительное вліяніе на его работы имѣли слѣдующіе профессора: Ѳ. А. Бруни, граверъ Уткинъ, Іордани; граверъ на мѣди Бруни раньше другихъ обратилъ вниманіе на С., болѣе всѣхъ ободрялъ его. По его же выбору или указанію С. приготовлялъ работы на званіе свободнаго художника и академика. Когда С. для полученія званія свободнаго художника рѣшилъ просить программу по гравированію на деревѣ, то конференцъ-секретарь академіи Григоровичъ рѣшительно отговаривалъ его отъ такого несбыточнаго, будто бы даже пустого предпріятія, потому что, по его мнѣнію, гравированіе на деревѣ вовсе не искусство, и граверъ на деревѣ въ состояніи сдѣлать развѣ какую-нибудь виньетку, а не серьезную вещь. Дѣйствительно, до С. гравированіе на деревѣ не считалось самостоятельною областью искусства, и въ академіи не задавали соотвѣтственныхъ программъ. Однако С. настоялъ на своемъ, и въ концѣ 1852 г. совѣтъ академіи поручилъ профессору Ѳ. А. Бруни, завѣдывавшему Эрмитажемъ, назначить картину, съ которой С. долженъ былъ рисовать. Выбрали голову старика въ профиль—этюдъ Рембрандта. С. работалъ очень усердно; вскорѣ рисунокъ былъ представленъ въ совѣтъ, который одобрилъ и позволилъ гравировать съ него. Все лѣто, т. е. около 3 мѣсяцевъ, С. занимался гравированіемъ съ этого рисунка. Въ октябрѣ 1853 г. онъ окончилъ свою работу и представилъ ее къ предстоящему экзамену. Бруни, Шебуевъ, Уткинъ и др. профессора были въ восхищеніи отъ работы С. и находили ее небывалою вещью. Уткинъ, послѣ долгаго разсматриванія гравюры, сказалъ: «Что же послѣ этого значитъ гравюра на мѣди, когда на деревѣ такія вещи дѣлаютъ». Въ академическомъ мірѣ ходилъ даже слухъ, что С. за его работу хотѣли дать прямо званіе академика, но такъ какъ онъ былъ нижнимъ чиномъ, то это казалось затруднительнымъ, и ему дали званіе свободнаго художника, а въ департаментѣ военныхъ поселеній начальству С. сообщено было, что онъ выказалъ необыкновенно хорошіе успѣхи въ гравированіи на деревѣ. Императоръ Николай I, посѣтившій (въ декабрѣ 1853 г.) академическую выставку и видѣвшій гравюры С., сказалъ: «надо его поддержать». По Высочайшему повелѣнію С. «за необыкновенный талантъ» произвели въ регистраторы, дали мѣсто въ военномъ министерствѣ, выдали денегъ на обмундированіе и совершенно освободили отъ всякихъ служебныхъ занятій, а совѣтъ академіи назначилъ ему программу на званіе академика. Все тотъ же Бруни предложилъ ему рисовать и гравировать съ картины Рембрандта «Невѣріе св. Ѳомы». С. рисовалъ съ этой картины довольно долго и только въ маѣ 1857 г. представилъ свой рисунокъ въ совѣтъ академіи художествъ. Онъ вышелъ очень удачнымъ, и объ этомъ можно судить по тому, что совѣтъ академіи не только одобрилъ его, но еще рѣшилъ представить его Императору Александру II, «какъ примѣръ необыкновеннаго таланта, удивительнаго копированія каждаго взмаха Рембрандта». Рисунокъ былъ дѣйствительно представленъ Государю, и С. пожаловано 500 рублей. Съ удвоенной энергіей принялся С. за исполненіе академической программы, и весной 1858 г. работа была готова и представлена въ академію. Профессора хвалили представленную работу, находили, что она выполнена отлично, но по настоянію Ѳ. И. Іордана С. не дали званія академика, на томъ основаніи, что онъ не исправилъ рисунокъ Рембрандта, а оставилъ его съ тѣми несовершенствами, какъ онъ есть. Взамѣнъ этого званія С. сдѣлали пенсіонеромъ академіи и отправили за границу

(23 сентября 1858 г.) на одинъ годъ для усовершенствованія своего таланта. Прибывъ въ Парижъ, С. отправился къ граверу Бесту, основателю и издателю журнала «Magasin Pittoresque», показалъ ему свои работы (между прочимъ голову съ Рембрандта, за которую получилъ званіе свободнаго художника) и просилъ у него позволенія заниматься въ его мастерской. Бестъ, разсмотрѣвъ работу, говорилъ, что С. нечему учиться въ его ателье, такъ какъ его работа вполнѣ хороша, но уступилъ настоятельной просьбѣ С. и принялъ его къ. С. былъ очень доволенъ мастерскою Беста и всѣмъ заведеннымъ въ ней порядкомъ. Работалъ онъ усидчиво и весьма скоро сталъ получать отъ Беста хорошія деньги: съ перваго раза его поставили на ряду съ лучшими граверами и платили ему отъ 10 до 30 франковъ въ день. За второй мѣсяцъ Бестъ выдалъ ему уже 800 франковъ, и съ этого времени С. началъ дѣлать портреты. Первымъ его гравернымъ портретомъ былъ съ извѣстнаго живописца Декана. Эту работу въ Парижѣ очень высоко ставили и удивлялись ей, какъ шедевру искусства. Подъ нею С. подписался по-русски; остальныя же работы были подписаны уже по-французски. Онъ сдѣлалъ еще портреты де-Лакруа, Форстера, Энгра, Галеви, Гораса, Вернета, Рюда и много другихъ. У Беста бывали заказы отъ римскаго папы, которые С. тоже иногда исполнялъ. Онъ работалъ также для «Исторіи Испаніи», для Изабеллы, для «Французской исторіи» и пр. Бестъ такъ дорожилъ русскимъ граверомъ, что просилъ его не работать у другихъ издателей. С. былъ съ нимъ на дружеской ногѣ. Помимо гравированія С. рисовалъ въ Луврской картинной галлереѣ. Будучи вообще любознательнымъ, онъ посѣщалъ всевозможныя галлереи Парижа, путешествовалъ по сѣверу Франціи, посѣщалъ разные города, ѣздилъ въ Испанію до Мадрида, оттуда на Гибралтаръ, въ Малагу и обратно въ Парижъ черезъ Марсель. Онъ интересовался исторіей гравернаго дѣла, познакомился съ нимъ основательно и изучилъ граверное дѣло во всѣхъ деталяхъ. Черезъ два года послѣ отъѣзда изъ Россіи онъ получилъ заказъ изъ Кіево-Печерской лавры—награвировать нѣсколько изображеній святыхъ съ лубочныхъ рисунковъ прошлаго столѣтія. Лавра обратилась къ нему потому, что еще въ академіи онъ работалъ для нея, и монастырь такъ цѣнилъ его работы, что къ нему пріѣзжали въ Петербургъ два іеромонаха съ предложеніемъ поселиться у нихъ. Ему предлагали хорошую плату, цѣлый домикъ подъ квартиру, содержаніе, прислугу и даже лошадей изъ конюшенъ митрополита. Къ концу своего пребыванія въ Парижѣ С. сдѣлался настолько извѣстенъ своими работами, что Барбанъ, одинъ изъ хорошихъ граверовъ Парижа, предлагалъ ему составить ассоціацію изъ лучшихъ граверовъ и основать ателье на широкую ногу, гарантируя ему 10 тысячъ франковъ годового дохода, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ остался во Франціи навсегда. Но С. тянуло уже въ Россію, и въ февралѣ 1863 г. онъ покинулъ Парижъ и отправился въ путешествіе. Онъ проѣхалъ Швейцарію, былъ въ Женевѣ, гдѣ осматривалъ мастерскую Каляма и городской музей; объѣхалъ Италію до Неаполя, былъ въ Римѣ и осмотрѣлъ всѣ галлереи съ Ватиканомъ включительно. Въ сентябрѣ онъ прибылъ въ Германію, а въ началѣ 1864 г. возвратился въ Петербургъ. Въ томъ же году въ сентябрѣ онъ выставилъ свои работы въ академіи художествъ и получилъ за нихъ званіе академика по гравированію на деревѣ. Это былъ первый случай, когда за гравированіе на деревѣ дали званіе академика. По пріѣздѣ изъ-за границы первой работой С. была гравюра-антиминсъ, исполненная имъ по порученію св. синода съ рисунка Ѳ. Г. Солнцева. За эту работу С. получилъ 900 рублей. Потомъ имъ исполнены: картинки къ акафистнику и другимъ молитвеннымъ книгамъ изданія Кіево-Печерской лавры, тоже по рисунку Солнцева. Съ этого времени растетъ извѣстность С., и его заваливаютъ работами. До 1870 г. все время заказы дѣлались и изъ Парижа. Съ января 1865 г. С. началъ преподавать граверное искусство въ школѣ для приходящихъ, помѣщавшейся въ зданіи биржи. Онъ обучалъ ученицъ, на одной изъ которыхъ, А. А. Гавриловой, потомъ женился (1868). Около этого времени С. работалъ надъ своей лучшей гравюрой, надъ портретомъ Императора Александра II. Въ октябрѣ 1866 г. она была окончена, представлена Государю, заслужила Высочайшее одобреніе, а С. получилъ денежное вознагражденіе и званіе «гравера Его Величества съ

причисленіемъ къ Эрмитажу». Съ 1870 г. С. сталъ работать для «Русской Старины», и лучшія гравюры его за послѣднее время—множество портретовъ русскихъ дѣятелей—были именно для этого журнала. Для общества поощренія художниковъ онъ исполнилъ портретъ Кокорина (1870); ему принадлежатъ и картинки для книги «Павловскъ» (Спб. 1877 г.) Въ 1873 г. онъ лишился жены. Въ 1876 г. онъ женился во второй разъ и уѣхалъ за-границу, такъ какъ разстроенное здоровье его требовало теплаго климата. Онъ жилъ попеременно то въ Парижѣ, то въ Ниццѣ, гдѣ и умеръ отъ чахотки 2 января 1881 г. Почти наканунѣ смерти ему назначена была пенсія въ размѣрѣ 800 рублей, которою ему не довелось воспользоваться.

С. былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ; его обращеніе исполнено было ласки, доброты и мягкости. Среди своихъ учениковъ онъ пользовался безграничнымъ уваженіемъ. Онъ образовалъ цѣлую школу русскихъ граверовъ на деревѣ. Въ числѣ его учениковъ можно назвать: Кубло, П. Ѳ. Борисова, В. В. Маттэ, И. И. Матюшина, Г. И. Грачева, К. Крюгера, Я. Я. Яненко и др. Работы С. весьма многочисленны. Почти всѣ гравированные на деревѣ портреты, приложенные къ «Русской Старинѣ» (до 1881 г.), принадлежатъ его рѣзцу. Изъ нихъ особенно замѣчательны по художественности портреты пѣвца былинъ Рябинина, Бирона, статсъ-дамы Натальи Лопухиной, тайнаго секретаря Петра III Дмитрія Волкова, Емельяна Пугачева, А. Т. Болотова, основателя Харьковскаго университета Каразина, Грибоѣдова и др.

Художническую дѣятельность С. можно раздѣлить на три періода. Къ первому относятся посредственнаго достоинства гравюры 1845—1849 гг. для дѣтской книжки Студицкаго и для «Иллюстраціи». Послѣ того какъ онъ прошелъ строгую школу въ академіи художествъ, начинается второй періодъ его дѣятельности, въ который созданы имъ многія превосходныя гравюры, напримѣръ голова съ Рембрандта, портреты, гравированные имъ въ Парижѣ для «Magasin Pittoresque», и портретъ Императора Александра II. Съ 1870-хъ годовъ наступаетъ третій и послѣдній періодъ дѣятельности С.: подъ его руководствомъ работаетъ цѣлая граверная мастерская и выпускаетъ громадное количество клише съ помѣтою «С. и К.». Въ этотъ періодъ, заваленный спѣшными заказами, С. дѣлалъ иногда очень обыкновенныя ксилографіи. Всѣхъ гравюръ, принадлежащихъ несомнѣнно рѣзцу С., насчитываютъ до 500, а дѣланныхъ въ его мастерской, пройденныхъ и подправленныхъ имъ,—до 900.

Сѣряковъ работалъ для слѣдующихъ изданій: «Всемірной Иллюстраціи» (62 гравюры), «Сказки, разсказы, очерки и рѣчи Лабуля», «Нива» (1870—1873), «Русская Старина» (1870—1881), «Семья и школа», «Народныя сказанія. Сборникъ для юношъ» (Спб. 1871), «Исторія русской литературы» Полевого (Спб. 1872), «Сказки Кота-Мурлыки» (Спб. 1872), «Сборникъ рукописей, представленныхъ Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ севастопольцами» (Спб. 1872 — 1873), «Отечественная исторія» Рождественскаго (Спб. 1873, 1875, 1877, 1880), «Модный Свѣтъ», иллюстрированный журналъ (Спб. 1874), «Русская Библіотека», «Кругозоръ» (Спб. 1876), «Павловскъ» (1777—1877) и др.

Архивъ Импер. академіи художествъ. Дѣло о Сѣряковѣ.—Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи художествъ“.—„Русская Старина“, 1875 и 1881 г.—Некрологи: „Новое Время“, 1881 г., № 1745; „Голосъ“, 1881, № 5.—Ровинскій, „Словарь русскихъ граверовъ“.—Булгаковъ, „Наши художники“, Спб. 1893.

Сэнъ-Жульенъ, *Шарль*, литераторъ и лекторъ французскаго языка и исторіи французской литературы при Петербургскомъ университетѣ. Родился во Франціи, гдѣ провелъ юность и первые годы зрѣлой жизни. Учился въ гимназіи, а затѣмъ слушалъ лекціи на философскомъ факультетѣ Парижскаго университета. Убѣжденный приверженецъ династіи Карла X, онъ послѣ іюльской революціи вынужденъ былъ эмигрировать въ Россію, гдѣ въ 1831 г. былъ приглашенъ старшимъ лекторомъ французскаго языка и исторіи французской литературы на филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Совершенно не говоря по-русски, лекціи свои читалъ на французскомъ языкѣ и при преподаваніи послѣдняго, согласно тогдашнему обычаю основываться въ изложеніи предмета на какомъ-нибудь авторитетѣ,

придерживался грамматики Летелье и «толковалъ о слогѣ» по Лагарпу, Батте, Мармонтолю и Вильмену. Что же касается его лекцій по «критическому изложенію исторіи французской литературы» (съ 1797 до 1830), то въ нихъ С. основывался на авторитетѣ Шенье и тѣхъ же Вильмена и Лагарпа, однако въ этомъ случаѣ не былъ слѣпымъ послѣдователемъ. Многія идеи, мысли и наблюденія, изложенныя въ этихъ лекціяхъ, принадлежали ему лично. Литераторъ и даже немножко поэтъ, поклонникъ Ламартина и Виктора Гюго, почитатель Огюстена Тьери, слушавшій въ Парижѣ лекціи Гизо и Вильмена, онъ «внесъ въ свой курсъ исторіи французской литературы, по свидѣтельству современниковъ, идеи, поражавшія новостью слушателей и приготовлявшія въ нихъ поколѣніе съ иными литературными взглядами и вкусами». Въ кругъ его дѣятельности входили, между прочимъ, также и упражненія студентовъ въ сочиненіяхъ разнаго содержанія по лучшимъ классическимъ риторамъ», и эти упражненія онъ велъ съ большимъ успѣхомъ. По курсу исторіи французской литературы онъ составилъ собственныя записки, которыя въ переработанномъ видѣ въ 1835 г. вышли въ свѣтъ (тремя книжками) подъ заглавіемъ: «Cours de la litterature française fait à l'universitè Imper. de St-Petersbourg en 1832—1834». Къ той же научно-педагогической области относятся и слѣдующія его напечатанныя въ Петербургѣ книги: «Histoire et litterature des sciences, cours professé à l'institut des voies de communications», «Livre de lecture pour la langue française» (начальная хрестоматія на французскомъ и русскомъ языкахъ, принятая въ число руководствъ по министерству народнаго просвѣщенія), «Cours méthodique et général de composition, appliqué à la langue française» (1845 г., изд. на счетъ минист. нар. просв.). Литературная дѣятельность С. не ограничивается однако областью педагогики. Небольшая книжка стихотвореній подъ заглавіемъ «Les premiers chants du poéte» была имъ издана еще въ Парижѣ, въ 1829 г. Пропутешествовавъ въ 1834 г. по Финляндіи, онъ напечаталъ описаніе этой поѣздки подъ заглавіемъ «Impressions et souvenirs de Finlende»; къ 1840 г. относится его работа «Guide du à St-Petersbourg». Наконецъ въ 1839 г. онъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній и статей, назвавъ его «Sébile», а два года спустя—второй такой же сборникъ подъ общимъ названіемъ «Centifolia». Впослѣдствіи, выучившись настолько по-русски, чтобы читать нашихъ писателей въ подлинникѣ, С. познакомился съ ихъ произведеніями и написалъ о нихъ нѣсколько статей, которыя вмѣстѣ съ другими его небольшими эскизами русской жизни были напечатаны въ «Revue des deux Mondes» и др. французскихъ журналахъ. Нѣкоторое время С. издавалъ въ Петербургѣ небольшой журналъ на французскомъ языкѣ—«Le Furet», выходившій разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ) и имѣвшій значительный успѣхъ въ салонахъ тогдашняго высшаго петербургскаго общества. Въ 1846 г. С. вышелъ въ отставку, былъ удостоенъ званія члена-корреспондента Петербургскаго университета и уѣхалъ въ Парижъ.

В. В. Григорьевъ, „Императорскій Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“, стр. 58, 77, 95, 129, 139—140—„Русск. Вѣстникъ“, 1871 г., №№ 9, 10, 11.

Сюннербергъ, *Константинъ Карловичъ*, генералъ-маіоръ; образованіе получилъ въ частномъ учебномъ заведеніи, военную службу началъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ полку, куда поступилъ въ 1854 г. Въ этомъ полку онъ прослужилъ въ теченіе 18 лѣтъ, былъ повышенъ въ корнеты, затѣмъ въ субалтернъ-офицеры, командовалъ эскадрономъ и дивизіономъ и исполнялъ обязанности полкового казначея. Во время польскаго возстанія С., уже въ чинѣ штабсъ ротмистра, находился въ составѣ войскъ Варшавскаго военнаго округа и участвовалъ въ дѣлѣ при д. Мысловѣ (24 авг. 1863 г.), гдѣ былъ серьезно раненъ въ плечо; за отличія въ этомъ сраженіи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантами. Въ 1872 г. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ 7-го уланскаго Ольвіопольскаго графа Остенъ-Сакена полка и во главѣ послѣдняго принималъ участіе въ Турецкой кампаніи 1877—1878 гг., въ которой подъ начальствомъ ген.-лейт. Веревкина несъ, между прочимъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ трудную службу по содержанію аванпостовъ вдоль береговой линіи Дуная,

отъ г. Рени до г. Измаила; за эти заслуги былъ повышенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. По окончаніи войны съ Турціей онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 7-й кавалерійской дивизіи и въ этой должности умеръ въ Елисаветградѣ, — 15 декабря 1882 г.

„Русскій Инвалидъ", 1882 г., № 290.—„Матеріалы по описанію Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг.", изд. Генер. Штаба, т. 78.—„Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—78 гг.", изд. Ген. Штаба, т. VII.

Сютерландъ, *Александръ*, корабельный и камельный мастеръ, родомъ голландецъ; на русскую службу перешелъ въ 1736 г., будучи уже въ капитанскомъ чинѣ. Выдающійся знатокъ кораблестроенія, которое онъ изучилъ на родинѣ, въ Россіи С. вскорѣ по пріѣздѣ былъ назначенъ завѣдывающимъ постройкою судовъ на Архангельскихъ верфяхъ, а послѣ ту же должность занималъ въ Петербургѣ. На русской службѣ С. выстроилъ слѣдующія суда: въ Архангельскѣ—66-пушечн. корабль «Лѣсное» и фрегатъ «Меркуріусъ» (1739—1743), 54-пуш. «Варахаилъ», 66-пуш. «Москва», «Ингерманландъ», «Наталія», «Астрахань» и одинъ корабль, оставшійся безъ названія, такъ какъ во время пути изъ Архангельска въ Кронштадтъ въ 1758 г. онъ у Скагена потерпѣлъ аварію и утонулъ; фрегаты «Архангелъ Михаилъ», «Вахтмейстеръ» и «Святой Михаилъ» (1747 — 1757); въ Петербургѣ—60-пуш. корабль «Св. Великомученица Варвара» (1743 — 1744), 80-пуш. «Св. Андрей Первозванный», «Св. Екатерина» и 100-пуш.,—«Св. Дмитрій Донской» (1757—1760). За свою дѣятельность по постройкѣ судовъ С. въ 1741 г. былъ пожалованъ маіорскимъ рангомъ, въ 1751 г.—полковничьимъ, а въ 1760 г. назначенъ присутствующимъ въ оберъ-сарваерской конторѣ. Умеръ 27 іюля 1760 г. въ Петербургѣ.

„Общій морской списокъ" ч. II, Спб. 1885 г., стр. 418—419. — „Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ.", т. 85, стр. 61.

Сютерландъ, *Джонъ*, голландецъ, братъ предыдущаго; въ 1737 г. перешелъ на русскую службу въ качествѣ корабельнаго подмастерья. Нѣкоторое время онъ работалъ подъ началомъ другихъ лицъ, а съ 1739 г. ему уже поручалось самостоятельно строить небольшія суда. Въ 1747 г. онъ былъ пожалованъ въ корабельные мастера маіорскаго ранга съ правомъ стройки большихъ судовъ. На русской службѣ С. выстроилъ слѣдующія суда: въ Петербургѣ—24-пушечн. прамы «Олифантъ» и «Дикій Быкъ» (1839—1740), 6-пуш. бомбардирскій корабль «Громъ» (1741), 10-пуш. «Дондеръ» и 36-пуш. прамъ «Олифантъ» (1751—1752); въ Кронштадтѣ—80-пуш. корабль «Св. Павелъ» (1753—1757). Умеръ С. 4 октября 1757 г. въ Петербургѣ.

„Общій морской списокъ", ч. II, Спб., 1885 г., стр. 419.

Т

Таббертъ, *Илья* и *Матвѣй* (въ нѣкоторыхъ документахъ названы Тарбетъ, но имѣется собственноручная расписка Ильи Т. въ полученіи денегъ изъ четвертного приказа—Ilias Tabbert), братья, иноземцы, пришедшіе изъ Голландіи въ Россію по купеческимъ дѣламъ. Судя по двумъ сохранившимся документамъ, они торговали разными товарами. Такъ, въ записи 3 октября 1684 г. говорится о покупкѣ «про ихъ великихъ государей (Іоанна и Петра Алексѣевичей) верховой обиходъ», ларчика нѣмецкой работы, а «Память изъ Пушкарскаго приказа въ Посольскій» 2 мая 1684 г. говоритъ объ условіяхъ поставки Ильей Т. 3.000 пудовъ свинцу въ Пушкарскій приказъ. Въ 1683 г. Илья Т. подалъ челобитную о разрѣшеніи ему завести на Москвѣ суконные заводы. По докладу Василія Васильевича Голицына, ему это было разрѣшено царями Іоанномъ и Петромъ. Вслѣдствіе недостатка въ Россіи искусныхъ мастеровъ, Илья Т. добился вскорѣ разрѣшенія послать за границу брата Матвѣя «для призыванія на ихъ великихъ государей службу изъ разныхъ государствъ суконныхъ дѣлъ мастеровъ». Матвѣю Т. была выдана засвидѣтельствованная грамота для свободнаго проѣзда до рубежа. Онъ, повидимому, успѣшно исполнилъ порученіе: уже въ 1683 г. суконный заводъ былъ оборудованъ. Въ 1684 году Илья Т. подалъ государямъ челобитную, въ которой, указывая на пользу для государства его завода и на свои большіе расходы, онъ хлопочетъ: 1) чтобъ ему была выдана жалованная грамота на 20 лѣтъ на право безпошлинной торговли въ предѣлахъ Россіи и свободнаго вывоза изъ другихъ государствъ сырья («овчинья и шерсти бараней»), 2) чтобы мимо него никому за эти урочные годы не разрѣшали заводить суконные заводы и 3) «чтобы великіе государи пожаловали его иноземца: которыя будетъ дѣлать сукна, сарти, стамеды или какія иныя шерстяныя издѣлія здѣсь на Москвѣ—торговать въ розницу по вольною цѣною». 9 апрѣля 1884 г. была наложена резолюція великихъ государей: чтобъ «пришедшему изъ Голландскія земли иноземцу» Ильѣ Т. была выдана жалованная грамота на 10 лѣтъ, съ предоставленіемъ ему и другихъ льготъ, при томъ, однако, условіи, чтобы «на тѣхъ заводахъ при нѣмецкихъ мастерахъ держать и русскихъ людей, которые даны ему или охотники придутъ для ученія, и отъ тѣхъ учениковъ того мастерства не скрывать».

„Дополненія къ Актамъ Историческимъ", т. XI.—„Акты Историч.", т. IX, стр. 157.

Табусинъ, *Павелъ Филлиповичъ*, извѣстный пчеловодъ, родился въ 1822 г. въ Кіевѣ; отецъ его былъ отставной полковникъ, принимавшій участіе въ итальянскомъ походѣ Суворова, въ Отечественной войнѣ и въ кампаніи 1814—1815 гг. Первоначально Т. учился въ 1-й кіевской гимназіи, но по смерти отца, благодаря которой семья осталась безъ средствъ, принужденъ былъ перевестись въ одинъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, куда его, какъ сына офицера, участвовавшаго во многихъ кампаніяхъ и получившаго раны, приняли на казенный счетъ. По окончаніи кадетскаго корпуса въ 1844 г., Т. выпущенъ былъ въ офицеры въ 19-ю конную артиллерійскую бригаду, квартировавшую въ Екатеринославской губерніи. Въ 1858 г. онъ оставилъ строевую службу и поселился въ Кіевѣ, гдѣ получилъ мѣсто репетитора русскаго языка при Кіевскомъ Владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ. Послѣ

преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи Т. назначенъ былъ преподавателемъ русскаго языка, инспекторомъ и, наконецъ, воспитателемъ Владимірскаго кадетскаго корпуса. Въ это время онъ сталъ интересоваться пчеловодствомъ.

По выходѣ въ отставку въ 1867 г. подполковникомъ онъ поселился на своей дачѣ, расположенной близъ Кіева на рѣкѣ Сырцѣ, гдѣ онъ завелъ было маленькое хозяйство и пасѣку еще съ 1864 г. Пасѣка получила вскорѣ широкую извѣстность и считалась образцовой во всѣхъ отношеніяхъ; она состояла изъ 200 ульевъ исключительно системы Долинскаго. За медъ и соты онъ получилъ большую серебряную медаль на кіевской сельско-хозяйственной выставкѣ 1871 г. Въ 1873 г. Т. вслѣдствіе нездоровья принужденъ былъ продать свою пасѣку. Затѣмъ во время одной изъ своихъ поѣздокъ на Кавказъ, на воды, онъ пріобрѣлъ усадьбу въ посадѣ Туапсе, въ Черноморскомъ округѣ, намѣреваясь устроить здѣсь пасѣку, но привести свое намѣреніе въ исполненіе ему не удалось. Т. сталъ изучать литературу пчеловодства и на основаніи этихъ занятій и собственнаго опыта въ 1875 г. издалъ «Опытъ руководства къ пасѣчному хозяйству», за который удостоенъ былъ Вольно-Экономическимъ обществомъ малой золотой медали. Желая ознакомиться съ постановкой пасѣчнаго хозяйства во Франціи, Т. побывалъ въ 1880 г. на всемірной выставкѣ въ Парижѣ и осматривалъ также пасѣки на югѣ Франціи. Въ «Трудахъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества», членомъ котораго онъ состоялъ, имъ помѣщены слѣдующія статьи по пчеловодству: «Отвѣтъ на рецензію» (1875, т. III, вып. 2, стр. 207); «По поводу 50-лѣтняго юбилея школы пчеловодства Прокоповича, 1828—1878» (1878, т. I, стр. 437); «Кавказская пчела въ нѣмецкихъ пасѣкахъ» (1882, т. III, стр. 467). Сотрудничалъ онъ и въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ». Имъ же напечатаны переводы четырехъ комедій Мольера и «Дамы съ камеліями» Дюма-сына, впрочемъ, очень неудачные. Умеръ Т. послѣ продолжительной болѣзни 4 ноября 1882 г.

М. Ващенко-Захарченко, „П. Ф. Табусинъ“, „Труды Имп. Вольно-Экономическаго Общества“ 1883, т. I, вып. 2, стр. 214; вып. 3, стр. 310, 315—316.—А. Бѣлевичъ, „Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества» за 1876—1888 г.“, Спб. 1889, стр. 54, 55 и 60.

Тавастшернъ, *Вильгельмъ Генриховичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ Финляндіи въ 1807 г.; принадлежалъ къ древнему финляндскому дворянскому роду. На службу поступилъ юнкеромъ въ 1823 г. Принималъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 г., въ венгерскомъ походѣ 1848 г. Въ Восточную войну 1853—1856 г.г. Т. участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ союзниковъ на Балтійскомъ морѣ, находясь преимущественно во время блокады Кронштадта соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ на передовомъ пунктѣ — фортѣ Александровъ; кромѣ того, будучи назначенъ начальникомъ отряда, находившагося въ г. Фридрихсгамѣ, успѣшно отразилъ въ 1855 г. нападеніе непріятеля и за это дѣло произведенъ былъ въ полковники. Въ 1863 г. былъ назначенъ командиромъ 111-го пѣхотнаго полка, а въ 1869 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ на должность помощника начальника 4-й пѣхотной дивизіи. Въ 1872 г. вышелъ въ отставку; скончался въ Воронежѣ 10 января 1875 г.

„Донъ“, 1875, № 6 (некрологъ).—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы“, Спб. 1882, № 24006.

Талантовъ, *Флегонтъ Тихоновичъ*, протоіерей, преподаватель библейской исторіи въ Казанскомъ университетѣ и Казанской духовной семинаріи, родился въ 1793 г. въ Владимирской губерніи, обучался во Владимирской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1816 г. поступилъ въ Московскую духовную академіи. Курсъ академіи Т. окончилъ въ 1820 г. и въ томъ же году опредѣленъ былъ въ Казанскую духовную семинарію преподавателемъ церковной исторіи, еврейскаго языка и гражданской исторіи; гражданскую исторію преподавалъ до сентября 1834 г., еврейскій языкъ—до 1842 г., а церковную исторію —до 1847 г.; нѣсколько лѣтъ преподавалъ при семинаріи греческій языкъ. 22 мая 1822 г. Т. назначенъ былъ священникомъ и ключаремъ Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора въ Ка-

зани и въ послѣдней должности оставался болѣе тридцати лѣтъ. Съ 29 мая 1823 г. ему поручено было преподаваніе церковно-библейской исторіи въ Казанскомъ университетѣ.

Въ октябрѣ 1823 г. онъ назначенъ былъ членомъ - казначеемъ вновь открывшагося духовнаго попечительства и и оставался въ этой должности свыше 40 лѣтъ. Въ сентябрѣ 1825 г. Т. по представленію университета возведенъ былъ въ санъ протоіерея; съ 25 іюля 1828 г. до самой смерти состоялъ присутствующимъ членомъ консисторіи; 1 марта 1832 г. назначенъ протоіереемъ Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора. При введеніи университетскаго устава 1835 г. онъ уволенъ былъ отъ чтенія лекцій при университетѣ. Въ маѣ 1843 г. при открытіи Казанской духовной академіи синодъ назначилъ его дѣйствительнымъ членомъ конференціи академіи въ числѣ десяти лицъ отъ мѣстнаго духовенства. Въ декабрѣ 1826 г. онъ избранъ былъ членомъ общества любителей отечественной словесности, а съ 1840 по 1865 г. состоялъ членомъ Казанскаго губернскаго статистическаго комитета; съ 1826 г. былъ членомъ правленія семинаріи по учебной части и въ теченіе одиннадцати лѣтъ исполнялъ должность библіотекаря. Былъ награжденъ въ 1832 г. скуфьей и въ 1832 г.—наперснымъ крестомъ за службу при университетѣ. Имъ напечатано «Слово на день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня», произнесенное при освященіи университетской церкви («Казанскія Извѣстія» за 1825 г.). Скончался Т. въ Казани 1 мая 1869 г.

П. Васильевъ, „Некрологія казанскихъ писателей и ученыхъ, умершихъ съ іюля 1868 по іюль 1869 г.“, „Казанскій календарь“ на 1870 г., стр. 51.—Н. Загоскинъ, „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета. 1804—1904 гг.“, Казань 1904, т. I, стр. 175.—Его же, „Дѣятели Казанскаго университета. 1805—1900 гг.“, Казань 1900, стр. 52.—Его же, „Матеріалы для исторіи каѳедръ и учрежденій Импер. Казанскаго университета. 1804 – 1826 гг.“, Казань 1899, отдѣлъ А, № 86 (помѣщенъ университетскій послужной списокъ).—„Историческая записка о четырехъ отдѣленіяхъ Казанскаго университета. 1814—1826 гг.“, Казань 1899, стр. 2, 4, 6.—Ив. Гвоздевъ, „Двадцатипятилѣтіе Казанской духовной академіи“, „Православный Собесѣдникъ, 1868, т. III, стр. 222, примѣч. 233.—А. Благовѣщенскій, „Исторія Казанской духовной семинаріи съ 8 низшими училищами за XVII—XIX ст.“, Казань 1881, стр. 235, 302, 305—306, 326, 327, 331, 361, 363, 371, 372, 373.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы включительно“, Спб. 1872, т. II, стр. 446.

Талецъ, боярин въ Вышегородѣ Кіевскомъ. Подкупленный Святополкомъ, онъ вмѣстѣ съ Путшей, Еловичемъ и Ляшко ворвался въ палатку къ князю Борису Владиміровичу, сыну св. Владиміра, и убилъ его. Это событіе лѣтописи относятъ его къ 1015 г.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 58; т. III, стр. 208; т. V, стр. 127; т. VII, стр. 320.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. II, стр. 3.

Талицкій, *Григорій*, изувѣръ-раскольникъ при Петрѣ I, по ремеслу книгописецъ. Нововведенія Петра вызвали, какъ извѣстно, большое недовольство среди приверженцевъ старины, но нигдѣ это недовольство не проявлялось въ такой рѣзкой формѣ, какъ у раскольниковъ, приверженцевъ старины по преимуществу. На этой-то почвѣ углубившагося недовольства раскольниковъ и возникло изувѣрство Т., сущность котораго заключалась въ томъ, что предсказанный Писаніемъ антихристъ уже пришелъ въ міръ, и его нужно искать въ лицѣ разрушителя старины и обычаевъ предковъ, въ лицѣ, конечно, Петра. Такъ какъ недовольныхъ дѣятельностью царя было много, то ничего удивительнаго, что измышленіе Т. имѣло значительный успѣхъ. Извѣстно, напр., что въ числѣ если не сторонниковъ, то почитателей Т. находился и царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Слѣдственное дѣло о Т. возникло по доносу нѣкоего пѣвчаго дьяка Ѳедора Казанцева, который въ іюнѣ 1700 г. сообщилъ въ Преображенскій приказъ слѣдующее: его сестра и мужъ ея «живутъ у книгописца Талицкаго и слышатъ у него про государя всякія непристойныя слова; да онъ же, Гришка, рѣжетъ невѣдомо какія доски, хочетъ печатать тетради и, напечатавъ, бросать въ народъ». Узнавъ, что его по этому доносу ищутъ, Т. поспѣшилъ скрыться, но вскорѣ былъ отысканъ и допрошенъ. Сначала онъ во всемъ запирся, но послѣ пытки признался, что составилъ письмо, въ которомъ говорилъ о наступленіи послѣдняго времени и о

пришествіи въ міръ антихриста, подъ послѣднимъ дѣйствительно разумѣя царя; писалъ онъ также и другія письма въ укоризну государю, совѣтуя народу отъ него отступить, его не слушать и податей не платить; въ тѣхъ же письмахъ предлагалъ онъ стрѣльцамъ, воспользовавшись случаемъ, когда Петръ пойдетъ на войну, собраться въ Москву и на царство выбрать «князя Михаила», т. е. боярина кн. Михаила Алегуковича Черкасскаго, отъ котораго народу будетъ добро, такъ какъ онъ милостивъ. Списки съ своихъ воззваній Т., по его признанію, давалъ читать своимъ друзьямъ и единомышленникамъ, а нѣкоторыя статьи объ антихристѣ и послѣднихъ временахъ вырѣзалъ на доски, намѣреваясь отпечатать ихъ и раздать въ народъ съ цѣлью возмутить его на убійство государя. Далѣе, отчасти изъ признаній самого Т., отчасти изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что «поносныя слова» о государѣ высказывалъ онъ и въ устныхъ бесѣдахъ съ разными лицами; говорилъ объ этомъ, напр., съ тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, который, слушая его рѣчи, рыдалъ, рыдалъ и надъ чтеніемъ написаннаго въ тетрадяхъ, цѣловалъ послѣднія и просилъ Т. дать ему списокъ съ нихъ; выяснилось, что подобная же бесѣда была у Т. съ кн. Ив. Ив. Хованскимъ, также отнесшимся сочувственно къ его рѣчамъ; нѣкій попъ Андрей показалъ, что Т. называлъ Москву Вавилономъ, а государя антихристомъ и говорилъ: «Какой онъ царь, самъ людей мучитъ», про царевича выразился: «Отъ недобраго корня и отрасль недобрая», и наконецъ высказалъ угрозу: «Какъ я съ Москвы скроюсь, то на Москвѣ будетъ великое смятеніе»; монахъ Матвѣй разсказалъ на снятомъ съ него допросѣ, что Т. однажды, явившись къ нему въ келью, говорилъ: «Что вы спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ».

Проповѣдь Т. власти считали, повидимому, пустившей глубокіе корни, а его изувѣрство и фанатизмъ заразительными, такъ какъ увѣщевать его было поручено никому иному, какъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому. Т. былъ хорошимъ начетчикомъ; спорить съ нимъ было не легко, и кіевскій ученый не могъ убѣдить московскаго фанатика. «Что до обличенія Талицкаго надлежитъ,— разсказываетъ современникъ,—о томъ могутъ присутствующіе тому свидѣтельствовать, что на преніи Яворскому Талицкой ни мало не уступалъ... ..и сотворилъ Яворскаго изнемогающе». Такъ какъ увѣщеванія не дали благопріятнаго результата, то надъ Т. былъ наряженъ судъ изъ бояръ, который приговорилъ: «Гришку Талицкаго казнить смертью, другихъ бить кнутомъ и сослать въ Сибирь; тамбовскаго епископа Игнатія, разстриженнаго, сослать въ Соловки». Былъ привлеченъ къ этому дѣлу и кн. Хованскій, но умеръ до окончанія его.

Часто встрѣчается указаніе, что Т. по приговору бояръ вскорѣ послѣ суда надъ нимъ былъ казненъ. Между тѣмъ на поляхъ одного изъ докладовъ синода объ упорствѣ раскольниковъ въ своемъ мнѣніи имѣется собственноручная помѣтка Петра, изъ которой видно, что Т. дѣйствительно былъ подвергнутъ казни черезъ копченіе, но не стерпѣлъ ее и сталъ каяться, послѣ чего былъ снятъ съ костра и вновь допрошенъ; на этомъ допросѣ онъ призналъ, что все, чему училъ,—ложь. Вслѣдствіе отреченія отъ заблужденій казнь ему была замѣнена ссылкой въ Сибирь. Въ 1703 г. Стефанъ Яворскій издалъ книжку подъ названіемъ «Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка», направленную противъ заблужденій Т.

Полное Собраніе Законовъ, т. VI, стр. 495, 686.—Н. С. Тихонравовъ, „Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій“, „Русскій Вѣстникъ“, 1870, № 9, стр. 11, и „Собраніе сочиненій“, т. II, Москва, 1898.—Есиповъ, „Раскольническія дѣла XVIII столѣтія“, т. I.—Ф. Терновскій, „Митрополитъ Стефанъ Яворскій“, „Труды Кіевской Духовной Академіи,“ т. I.—Д. Извѣковъ, „Изъ исторіи богословской полемической литературы XVIII в.“, „Православн. Обозрѣніе“, 1871, № 8.—С. Максимовъ, „Сибирь и каторга“, ч. 3: „Политическіе и государственные преступники“, Спб. 1871, гл. 2.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществен. Польза“, кн. III, стр. 1371—1372; кн. IV, стр. 816, 817.—„Русскій біографическій словарь“, т. „Сабанѣевъ—Смысловъ“, стр. 415—416.

Н. С.

Талызинъ, *Иванъ Лукьяновичъ*, адмиралъ, членъ адмиралтействъ-коллегіи, родился въ 1700 г., умеръ въ 1777 г. Образованіе получилъ въ морской академіи, куда

поступилъ въ 1715 г., но уже въ слѣдующемъ году, въ званіи гардемарина, былъ посланъ для изученія экипажмейстерскаго дѣла за границу, сначала въ Англію, а затѣмъ въ Голландію, гдѣ съ небольшими перерывами пробылъ цѣлыхъ 12 лѣтъ, съ 1717 по 1729 г. Возвратясь въ Россію, онъ служилъ нѣкоторое время при московской конторѣ, а въ мартѣ 1733 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ помощникомъ портоваго экипажмейстера въ рангѣ флотскаго лейтенанта. 2 января слѣдующаго года Т. былъ повышенъ въ рангъ полковника и назначенъ совѣтникомъ экипажеской экспедиціи, въ каковой должности прибылъ до 20 сентября 1740 г., когда вмѣстѣ съ производствомъ въ контръ-адмиральскій рангъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ же адмиралтействъ-коллегіи. Въ декабрѣ 1741 г. учреждена «комиссія для описи пожитковъ и деревень къ разобранію долговъ заарестованныхъ персонъ», и Т. былъ назначенъ ея членомъ. 1 января 1748 г. онъ получилъ чинъ генералъ-поручика и одновременно опредѣленъ членомъ адмиралтействъ-коллегіи; съ декабря 1752 г. состоялъ присутствующимъ въ петербургской сенатской конторѣ съ порученіемъ «имѣть надзоръ за денежною казною», наконецъ 5 мая 1757 г. произведенъ въ адмиралы, награжденъ орденомъ Александра Невскаго и назначенъ присутствующимъ въ адмиралтействъ-коллегіи.

Т. доводился двоюроднымъ братомъ канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину и близкимъ родственникомъ Никитѣ Ивановичу Панину, и именно этимъ родствомъ отчасти объясняется та довольно значительная роль, которую онъ игралъ въ событіи 28 іюня 1762 г.—низверженіи Петра III и воцареніи Екатерины II. Въ самый день переворота, когда возникли опасенія, что Петръ можетъ переѣхать въ Кронштадтъ и утвердиться въ немъ, туда былъ спѣшно отправленъ Т. съ «особыми полномочіями»,—съ приказомъ не допустить сверженнаго императора къ этой крѣпости, воспрепятствовать, буде обнаружится такое намѣреніе, отъѣзду въ Германію и даже, въ случаѣ сопротивленія, овладѣть его особой. Прибывъ въ Кронштадтъ, Т. объявилъ о переворотѣ, привелъ къ присягѣ на вѣрность Екатеринѣ солдатъ и чиновъ флота и затѣмъ арестовалъ присланнаго Петромъ генералъ-аншефа П. А. Девьера. Когда же къ крѣпости ночью на галерѣ и яхтѣ подъѣхалъ Петръ съ приближенными лицами, Т. не допустилъ высадки, а на извѣщеніе, что пріѣхалъ Императоръ, отвѣтилъ, что въ Россіи нѣтъ Императора, а есть Императрица Екатерина II, если же суда тотчасъ не отойдутъ, то противъ нихъ будетъ открытъ огонь. Угроза подѣйствовала, и суда отплыли отъ Кронштадта. Утвердившись на престолѣ, Екатерина щедро вознаградила Т. за его услуги—орденомъ Андрея Первозваннаго и 2 тыс. рублей. Въ сентябрѣ того же 1762 г. Т. сопровождалъ императрицу въ Москву въ качествѣ докладчика по мѣстнымъ дѣламъ и тамъ оставался до 1764 г., когда возвратился въ Петербургъ, въ іюнѣ былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-коллегіи по новому штату, а въ мартѣ 1765 г. по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку.

Полное Собраніе Законовъ, т. XIII, стр. 261; т. XIX, стр. 368; т. XXIII, стр. 259; т. XXV, стр. 112; т. XXVI, стр. 609, 621; т. XXXI, стр. 833.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопримѣчательныхъ лицъ въ Россіи», т. V, s. v.—Берхъ, «Жизнеописанія первыхъ русскихъ адмираловъ».—«Общій морской списокъ», ч. II, Спб., 1885, стр. 419—420.—«Сборникъ Императорск. Русскаго Историческаго Общества», т. VII, стр. 101, 106, 108; т. XVIII, стр. 470, 473.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. V, стр. 1335, 1339.—«Осмнадцатый вѣкъ», сборникъ подъ ред. П. И. Бартенева, т. II, изд. 1-е, Спб. 1869, стр. 581, 632, 633, 635—637; т. III, стр. 349.—«Русскій Архивъ», 1863, стр. 435—436.—„Русск. Старина“, 1870, т. I, стр. 221, 222.—П. М. Майковъ, „Пв. Пв. Вецкой. Опытъ біографіи“, Спб. 1904, стр. 73 и прилож., стр. 265.—Архивъ Морск. министерства, дѣло адмир.-коллегіи 1763 г., № 29, л. 366. „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изданіе, т. 32, Спб. 1901 г., стр. 549.

Талызинъ, *Матвѣй Ивановичъ*, профессоръ Педагогическаго института, составитель нѣсколькихъ учебниковъ; сынъ сельскаго священника въ Тверской губерніи; родился 7 ноября 1784 г. и первые начатки ученія получилъ отъ дѣда своего, бывшаго настоятелемъ Антоніевскаго Краснохолмскаго монастыря; эти бесѣды въ обстановкѣ строгой монашеской жизни оставили глубокіе слѣды въ душѣ ребенка, и подъ конецъ жизни своей Т. часто вспоминалъ о нихъ. Среднее образованіе получено было имъ въ Тверской духовной семинаріи, гдѣ по своимъ способностямъ, познаніямъ

и характеру онъ пользовался вниманіемъ начальства.

Исключительное положеніе Т. въ семинаріи и помогло ему поступить въ открывшійся въ 1804 г. въ Петербургѣ Педагогическій институтъ, куда начальство семинаріи опредѣлило его, несмотря даже на то, что онъ былъ только въ философскомъ классѣ этого заведенія. По окончаніи полнаго курса въ Педагогическомъ институтѣ въ 1808 г. Т., какъ одинъ изъ отличныхъ студентовъ института, «для дальнѣйшаго усовершенствованія пріобрѣтенныхъ имъ знаній», предназначенъ былъ къ отправленію за границу, но послѣдовавшая въ это время смерть отца его помѣшала ему отправиться туда, и онъ принужденъ былъ просить о скорѣйшемъ своемъ опредѣленіи на службу, чтобы имѣть возможность помогать средствами осиротѣвшей семьѣ, и 4 декабря 1808 г. былъ назначенъ учителемъ россійской реторики въ Первый кадетскій корпусъ, гдѣ впослѣдствіи преподавалъ также логику и одно время русскую исторію. Съ іюня 1809 г. онъ преподавалъ русскую словесность въ Главномъ инженерномъ училищѣ, Горномъ кадетскомъ корпусѣ и Пажескомъ. Принятая затѣмъ въ мартѣ 1829 г. должность инспектора Педагогическаго института заставила его бросить преподаваніе въ Горномъ и Первомъ корпусахъ. 30 іюля 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора россійской словесности въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Въ февралѣ 1831 г. Т. занялъ вторично мѣсто преподавателя россійской словесности въ первыхъ классахъ Пажескаго корпуса, а годъ спустя уволился отъ должности профессора и инспектора Главнаго Педагогическаго института, по разстроенному здоровью. 25 сентября 1832 г. Т. пожалованъ былъ въ статскіе совѣтники, а затѣмъ послѣдовали назначенія его преподавателемъ того же предмета въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ (1 октября 1832) и Павловскій кадетскій корпусъ въ два верхніе класса (1 ноября 1832). Оставивъ преподаваніе въ школѣ 15 января 1834 г., Т. въ слѣдующемъ году утвержденъ былъ въ званіи наставника наблюдателя россійской словесности по Павловскому и Пажескому корпусамъ (мартъ 1835). Въ этихъ заведеніяхъ Т. продолжалъ службу по 1843 г., когда разстроенное здоровье принудило его выйти въ отставку.

Изъ изданныхъ Т. руководствъ и другихъ сочиненій извѣстны слѣдующія: 1) «Начальныя основанія реторики и поэзіи съ предварительнымъ объясненіемъ необходимыхъ логическихъ правилъ, собранные для Перваго кадетскаго корпуса» (Спб. 1818); по отзыву критики, помѣщенному въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія« (1860, апрѣль, ч. CVI, стр. 17—19), книга эта составлена подъ замѣтнымъ вліяніемъ «Реторики» Мерзлякова; 2) «Логика»—лучшее руководство того времени; 3) «Краткая исторія Россіи съ обозрѣніемъ достопримѣчательныхъ происшествій въ нѣкоторыхъ другихъ державахъ (Спб. 1815, 2 части); 4) «Рѣчь о необходимости отечественнаго воспитанія, произнесенная въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ 11 декабря 1831 г. (Спб. 1832); здѣсь Т. говоритъ противъ иноземнаго воспитанія русскихъ, видя въ немъ упадокъ народности, и предлагаетъ замѣнить или исправить чужеземное воспитаніе увеличеніемъ храбрости сыновъ нашихъ черезъ разныя отечественныя игры, каковы: «кулачные бои, борьба, ристанія на коняхъ, бѣганіе взапуски, быстрыя устремленія на крутизны, смѣлые скачки съ высоты въ глубокіе потоки» и т. д.; эта рѣчь возбудила пристрастную критику, помѣщенную въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1832, апрѣль, стр. 411—416), которая въ свою очередь вызвала (въ сентябрьской книжкѣ этого же журнала за тотъ же годъ, стр. 128—132) отвѣтъ Т., въ которомъ онъ старается освободиться отъ взводимыхъ на него обвиненій въ «дурнотѣ слога и смыслѣ рѣчи»;—и вновь «Отвѣтъ на возраженія г. Талызина» («Моск. Телеграфъ», 1832, № 11, смѣсь, стр. 391—401); 5) «Письмо о логикѣ», изданное Т. («Сынъ Отечества», 1828, ч. CXVII, стр. 59—74 и 172—189), возбудившее «Отвѣтъ М. Талызину» (ibid., 1828, ч. CXVII, стр. 403—24, ч. CXVIII, стр. 61—89).

По отзыву своихъ слушателей Т. зналъ свой предметъ въ совершенствѣ, что въ связи съ отличнымъ даромъ слова, любовью къ истинѣ и прекрасному, безпристрастіемъ и истинной любовью къ юношеству—заставляло любить его всѣхъ воспитанниковъ заведеній, въ которыхъ онъ преподавалъ. Основательно изучивъ

философію, древнюю и новую, Т. навсегда остался христіаниномъ православнымъ, и чтенія его проникнуты было философіею христіанскою. Часто свои уроки онъ замѣщалъ чтеніемъ произведеній любимыхъ своихъ писателей Жуковскаго и Карамзина, причемъ, разбирая какое - нибудь произведеніе, онъ имѣлъ въ виду нравственное воспитаніе своихъ слушателей, почему и читалъ такія произведенія, въ которыхъ человѣческая душа выставлялась только съ лучшихъ сторонъ. Долголѣтняя служба въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній доставила ему благоволеніе начальниковъ этихъ заведеній, — великихъ князей Константина и Михаила Павловичей. Кромѣ того, онъ пользовался дружбою Державина, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Гнѣдича и другихъ писателей, а также воспитателя императора Александра II, генералъ-адъютанта К. К. Мердера, бывшаго искреннѣйшимъ другомъ Т. во всю свою жизнь. Русскій по душѣ, чуждый, по слову современника, лести и искательства, Т. былъ неутомимымъ дѣятелемъ на поприщѣ общественнаго образованія. Скончался онъ 20 мая 1855 г. въ Петербургѣ.

Послужной списокъ, составленный 22 сентября 1835 года.—Некрологъ въ „Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ“, 1857 г., т. I, стр. 139—144.—„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1860, ч. CVI, апрѣль, стр. 17—19.—„Московскій Телеграфъ“, 1832, апрѣль, стр. 411—416; сентябрь, стр. 128—132; ноябрь, стр. 391—401.—Сенатскій Архивъ, Формулярные списки 1815 г., № 9, л. 18.—Посмертные записки А. А. Одинцова, „Русская Старина“, 1889, ноябрь, стр. 303, 304.—„Дневникъ А. В. Никитенко“, „Русская Старина“, 1890, ноябрь, стр. 390, 393.—„Профессоръ Я. В. Толмачевъ“, „Русская Старина“, 1892, сентябрь, стр. 721.—„Русская Старина“, 1879, февраль, стр. 310.—„Записки декабриста“ (А. Е. Розена), Лейпцигъ 1870, стр. 9.—„Записки барона А. Е. Розена“, „Отечественныя Записки“, 1876, № 2, стр. 462.—А. В. Никитенко, „Дневникъ и Записки“, т. II, Спб. 1893, стр. 178, 180.—Я. Березинъ-Ширяевъ, „Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, или дополнительные матеріалы для библіографіи“, Спб. 1873, стр. 27.—„Древняя и Новая Россія“, 1876, № 1, стр. 27.—„Актъ двадцатипятилѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго Института 30 сентября 1853 г.“, Спб. 1853, стр. 7, 38, 99, 103.—Д. В. Кренке, „Кадетскій бытъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ“, „Историческій Вѣстникъ“, 1882 г., май, стр. 353—354.—Смирдинъ, „Роспись россійскимъ книгамъ“, № 2416, 6018.

В. Модзалевскій.

Талызинъ, *Степанъ Александровичъ*, генералъ-маіоръ, шефъ Выборгскаго мушкетерскаго полка, происходилъ изъ богатой дворянской фамиліи, — родился въ 1768 г., службу началъ сержантомъ въ Измайловскомъ полку, въ немъ же произведенъ (1784) въ прапорщики и оставался до 1789 г., когда, будучи капитанъ-поручикомъ, выпущенъ подполковникомъ въ Бѣлорусскій егерскій корпусъ; черезъ пять лѣтъ за боевыя отличія произведенъ въ полковники съ переводомъ въ Орловскій пѣхотный полкъ, въ 1797 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ Выборгскаго мушкетерскаго полка и на слѣдующій годъ былъ исключенъ изъ службы. Т. принималъ участіе въ Шведской войнѣ, а также съ Турціей и польскими конфедератами въ цѣломъ рядѣ сраженій; вотъ главнѣйшія изъ нихъ: 1789 г. —7 сентября при р. Сальчѣ; 12 сентября при штурмѣ Измаила; 4 ноября при занятіи Бендеръ; 1790 г.—6 декабря въ ночной экспедиціи подъ Измаиломъ; 8 декабря на гребной Дунайской флотиліи; 11 декабря при штурмѣ и взятіи Измаила, за что награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени; 1791 г.— съ 17 мая по 12 августа въ прикрытіи батарей на островѣ Дуная; 1792 г.—въ Польшѣ; 1794 г.—6 сентября въ пораженіи конфедератовъ при с. Крупицахъ и 8 сентября подъ м. Тарспольемъ.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, книга за 1707 годъ, № 477.

М. П.

Талызинъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, состоящій по арміи генералъ-лейтенантъ, изъ Московскихъ дворянъ, родился въ 1773 г. и по обычаю времени двухъ лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ рядовымъ сначала въ л.-гв. Преображенскій полкъ, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ л.-гв. Измайловскій, въ которомъ въ 1790 г. произведенъ въ прапорщики. Въ 1798 г. былъ произведенъ въ полковники, а уже черезъ годъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ полка своего имени (впослѣдствіи Селенгинскаго). Дальнѣйшая служба поражаетъ необыкновеннымъ количествомъ перемѣнъ, слѣдовавшихъ быстро одна за другой, иногда по нѣсколько въ годъ; такъ: въ 1800 г.—выключенъ изъ службы «за недѣльное представленіе»; въ 1801 г.— Высочайшимъ приказомъ наименованъ от-

ставнымъ; назначенъ шефомъ Бутырскаго. мушкетерскаго полка; повелѣно состоять по арміи вслѣдствіе увольненія въ годовой отпускъ; въ 1804 г.—назначенъ шефомъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка; уволенъ отъ службы; въ 1812 г. — шефъ 3-го егерскаго полка въ Московскомъ ополченіи; командиръ 3-й дивизіи Московскаго ополченія; принятъ на службу командиромъ 2-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, командиръ 2-го отряда 2-го резервнаго корпуса; въ 1813 г.—командующій 4-й пѣхотной дивизіей; командующій 7-й пѣхотной дивизіей; въ 1814 г.—командиръ 3-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи; въ 1815 г.—отставленъ отъ службы, но по изслѣдованіи ложнаго доноса оправданъ генералъ-фельдмаршаломъ кн. Барклай-де-Толли и принятъ на службу командиромъ 3-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи; въ 1816 г.—командиръ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи; командиръ 16-й пѣхотной дивизіи; въ 1817 г.—командиръ 4-й пѣхотной дивизіи; въ 1820 г.—произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1822 г.—уволенъ въ отпускъ за границу съ зачисленіемъ состоящимъ по арміи; въ 1824 г.—командиръ 11-й пѣхотной дивизіи; въ 1826 г.—отчисленъ отъ должности съ зачисленіемъ состоящимъ по арміи; въ 1828 г.—отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлять; это отставленіе явилось результатомъ военнаго суда при 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ; въ 1839 г. Высочайше повелѣно: «считать уволеннымъ отъ службы и вмѣстѣ съ тѣмъ производить ему по уваженію бѣднаго и болѣзненнаго положенія негласнымъ образомъ по 3.000 руб. ассигнаціями въ годъ вмѣсто получаемыхъ нынѣ 2.160 рублей и сверхъ того выдать ему единовременно 3.000 рублей». Подобная милость была вызвана несомнѣнно воспоминаніемъ о боевой дѣятельности Т. по случаю освященія памятника на Бородинскомъ полѣ; дѣйствительно, формуляръ указываетъ, что Т. былъ выдающимся офицеромъ по боевому опыту и принималъ участіе въ Кавказско-Горской, Отечественной и коалиціонныхъ 1813—1815 гг. войнахъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1804 г.—14 іюня при освобожденіи г. Анакура, осажденнаго горцами, и въ сраженіи при урочищѣ Годоретѣ; 28 іюля на высотахъ горы Лолеша; 3 августа при штурмѣ и взятіи д.д. Верхнія и Среднія Млети, въ Варахскомъ ущельѣ; 5 октября при урочищѣ Гамашичурѣ; 7 октября въ дѣлѣ съ персидскими войсками, предводительствуемыми грузинскимъ царевичемъ Александромъ, напавшими на транспортъ, слѣдовавшій подъ Эривань; 8 октября съ тѣми же войсками близъ р. Каменки, у разоренной крѣпости Лори; 14 октября въ Абаранскомъ ущельѣ, на границѣ Персіи; 1812 г.—26 августа при с. Бородинѣ; 17 сентября при с. Чириковѣ; 10 октября при Тарутинѣ; 11 октября подъ начальствомъ Ермолова у Малоярославца разбилъ игальянскую гвардію, бывшую подъ начальствомъ вице-короля Евгенія (награжденъ Анной 1-й степени); 4 ноября при с. Добромъ; съ 6 ноября въ летучемъ корпусѣ Ермолова при преслѣдованіи непріятеля по виленской дорогѣ черезъ г. Борисовъ до м. Сморгоны; 1813 г.—1 февраля при г. Калишѣ; 20 апрѣля во время сраженія при Люценѣ, занимая дефиле при м. Цвейкау, блестяще выполнилъ самостоятельную задачу прикрывать правый флангъ нашей арміи; 21 апрѣля прикрывалъ движеніе союзныхъ войскъ къ м. Борны; 22 апрѣля прикрывалъ отступленіе черезъ р. Мульду, сдерживая нападеніе французовъ, и подъ ихъ огнемъ сжегъ мостъ; 29 апрѣля при г. Вейсигѣ прикрывалъ правый флангъ; 30 апрѣля при г. Бишофсфельдѣ выдержалъ упорный бой, давая возможность ототупить гр. Милорадовичу; 3 мая при отступленіи къ Бауцену; 7 мая при Бауценѣ; 9 мая, находясь на лѣвомъ флангѣ во время генеральнаго сраженія при Бауценѣ, опрокинулъ французскія войска и затѣмъ прикрывалъ отступленіе; 10 мая при г. Рехенбахѣ; 11 мая выдержалъ упорный бой въ лѣсу, прикрывая отступленіе къ Швейдницу (золотая шпага, алмазами украшенная, съ надписью «за храбрость»); во время перемирія принялъ 7-ю пѣхотную дивизію въ корпусѣ князя Щербатова, вошедшемъ въ составъ Силезской арміи фельдмаршала Блюхера, и съ нею участвовалъ въ дѣлахъ: 7 августа при Зибенейхенѣ, 12 августа при Гольсбергѣ, 14 августа при Кацбахѣ, гдѣ опрокинулъ штыками непріятельскую линію, 15 и 16 августа между р.р. Кацбахъ и Боберъ, 17 августа у р. Бобра взялъ въ плѣнъ дивизію Пюто, 26 сентября, командуя всей пѣхотой подъ Нейштадтомъ г. Дрездена, взялъ укрѣпленія и преслѣдовалъ непріятеля до стѣнъ города;

въ ночь на 20 декабря переплылъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля Рейнъ, овладѣлъ берегомъ, штурмомъ взялъ редутъ съ 6 орудіями и всѣмъ отрядомъ, занялъ Рейнъ-шанецъ и мостъ, за что на полѣ битвы награжденъ орденами Георгія 3-го класса и прусскимъ Краснаго орла; 1814 г.— 11 января взялъ штурмомъ г. Линьи, защищаемый Викторомъ; 13 января при Сенъ-Дизье; 17 января при г. Бріенъ-ла-Шато по приказанію кн. Блюхера опрокинулъ непріятельскихъ стрѣлковъ и содѣйствовалъ блистательной кавалерійской атакѣ ген.-лейт. Ланскаго; 20 января подъ с. Ларотьеръ, въ присутствіи Императора Александра I, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ атаковалъ центръ непріятельской линіи, штурмомъ взялъ батарею въ 10 орудій и прорвалъ линію противника; 28 января при г. Лафертѣ-Су-Жуарѣ, временно командуя 6-мъ корпусомъ, сбилъ непріятельскія батареи и взялъ штурмомъ самый городъ; 30 января при Монмиролѣ отразилъ нападенія французской гвардіи, а затѣмъ, будучи отрѣзанъ кавалеріей Нансути, штыками пробился сквозь нее, сохранивъ всѣ орудія (орд. Владиміра 2-й ст.); 31 января при г. Шато-Тьери; 10 и 11 февраля, командуя 7-й и 18-й дивизіями и тремя баталіонами пруссаковъ, защищалъ въ г. Мери переправу черезъ р. Сену, несмотря на сплошной въ городѣ пожаръ, и тѣмъ обезопасилъ наступательное движеніе Силезской арміи: 24 февраля при Краонѣ; 26 февраля при Лаонѣ; 1 марта при Суассонѣ и 22 марта при блокадѣ Венсенскаго замка. Ордена Т. имѣлъ лишь за боевыя отличія, и къ вышеупомянутымъ слѣдуетъ добавить медали въ память Отечественной войны и взятія Парижа. Въ аттестаціи Т. сказано: «Прилично званію своему изученъ». Въ Орловской губерніи Т. владѣлъ имѣніемъ въ 277 душъ, которое съ 1882 г. распоряженіемъ правительства отдано въ опеку. Отъ брака съ французской уроженкой Юліей Петровой Корнетъ дѣтей не имѣлъ; объ усыновленіи же рожденной до брака дочери подавалъ прошенія на Высочайшее имя. Скончался Т. 3 февраля 1844 г.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, кн. № 631.— Судравскій, „Военная галлерея Зимняго дворца“, стр. 31.

М. П.

Талызины, дворянскій родъ, восходящій къ княженію Василія Темнаго, начало ведетъ отъ татарскаго мурзы *Тагай-Эльдиза*, въ крещеніи названнаго *Яковомъ*. Его правнукъ *Семенъ*, получившій русифицированную изъ прежней фамилію Талызина, въ 1571 г. пожалованъ былъ отчиною въ Муромскомъ уѣздѣ. Онъ имѣлъ сына *Дмитрія*, прозвищемъ *Злоба*—отца *Семена Рахмана*, потомства не оставившаго, и *Ивана Чешихи*, у котораго было четыре сына: *Василій*, *Гавріилъ*, *Никита* и *Лука* Ивановичи. Потомство старшаго и третьяго изъ нихъ прекратилось на дѣтяхъ ихъ—*Степанѣ* и *Никитѣ* Васильевичахъ и *Тимофеѣ* Никитичѣ; скоро угасло потомство и Луки Ивановича; его сыновья—*Лукьянъ* Лукичъ (въ 1629 г. отмѣченъ патріаршимъ стольникомъ, 1636— московскимъ дворяниномъ, 1647—новгородскимъ дьякомъ), *Никифоръ* Лукичъ (въ 1617—1619 г.г. воевода въ Усть-Янскѣ, 1627—1629 дьякъ московскаго Суднаго приказа, 1630—посолъ въ Персію) и московскій дворянинъ *Лука* Лукичъ—дѣтей не имѣли. Родъ Т. продолжился отъ второго сына Чешихи, Гавріила, отца *Никифора* и *Василія* Гавриловичей, изъ которыхъ первый имѣлъ только одного бездѣтнаго сына, *Никифора* же, а второй—пять сыновей: *Лукьяна*, *Якова*, *Василія*, *Ивана* и *Михаила*,—изъ нихъ Яковъ, Иванъ и Михаилъ бездѣтны. Лукьянъ имѣлъ сына *Ивана* Лукьяновича, московскаго дворянина 1676—77 г., потомъ воеводу въ Тарѣ, 1680 г., и внука *Лукьяна* Ивановича, съ 1693 г. воеводу въ Березовѣ и отца двухъ сыновей: *Ѳедора* Лукьяновича (род. въ 1692 г., ум. 26 іюня 1740 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника) и *Ивана* Лукьяновича, адмирала (см. отдѣльно). Послѣдній остался безъ потомства, а первый былъ отцомъ генералъ-поручика (съ 1783 г.) *Петра* Ѳедоровича и дѣйствительнаго камергера и тайнаго совѣтника *Александра* Ѳедоровича (род. 1749 г., ум. 1787 г.); внукъ его отъ единственнаго сына, *Степана* Александровича (см. отдѣльно), *Александръ* Степановичъ (род. 1795 г., ум. 22 марта 1858 г.) былъ съ 1849 г. тайнымъ совѣтникомъ, а правнукъ *Степанъ* Александровичъ (род. 17 іюля 1825 г., ум. 6 октября 1878 г.)—секретаремъ вел. кн. Ольги Ѳедоровны, камергеромъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. На-

конецъ, средній сынъ Василія Гавриловича, *Василій* Васильевичъ (род. 1697 г., ум. 1749 г.) имѣлъ сыновей *Ивана* (род. 1724 г.), *Льва* (род. 1734 г.), *Анисима* (род. 1743 г.) и *Петра* (род. 1745 г.) Васильевичей, изъ которыхъ у послѣдняго сынъ *Евстигней* Петровичъ въ 1835 г. умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. Изъ представителей Т., связь которыхъ съ родомъ трудно установить, слѣдуетъ назвать генералъ-кригсъ-комиссара и директора комиссіоннаго департамента *Александра* Ивановича (ум. 1849 г.), сенатора *Дмитрія* Михайловича (род. 1760 г., ум. при Александрѣ I), тобольскаго, а потомъ оренбургскаго гражданскаго губернатора *Ивана* Дмитріевича (вѣроятно сынъ предыдущаго, род. 1799 г., ум. 14 мая 1844 г. въ Уфѣ) и генералъ-лейтенанта *Петра* Александровича (род. 17 января 1767 г., умеръ 30 апрѣля 1801 г.).

П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, ч. I, Спб. 1885, стр. 389—390.— В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. II, Спб. 1887.—„Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ“ („Бархатная книга“), ч. 3.—Гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ“, Спб. 1890, ч. I.—„Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ“, т. I, Спб. 1797.—„Всемірная Иллюстрація“, 1880, № 611.—М. Чернявскій, „Генеалогія дворянъ, внесенныхъ въ родословную книгу Тверской губ.“, Тверь 1869.— В. Н. Сторожевъ, „Тверское дворянство XVIII в.“, 4 вып., Тверь 1891—1895.—„Алфавитный списокъ родоначальниковъ дворянъ Казанской губ.“, Казань 1896.—Объ отдѣльныхъ лицахъ встрѣчаются упоминанія: „Полное Собраніе Законовъ“, т. 4, стр. 713; т. 22, стр. 150, 151; т. 27, стр. 385; т. 42, стр. 46, 105, 398.—„Акты Историч.“, т. III, стр. 266; т. IV, стр. 47.—„Дополн. къ Акт. Историч.“, т. III, стр. 169.— „Акты Археографич. Экспедиціи“, т. III, стр. 292; т. IV, стр. 3.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. III, стр. 228, 232, 281; т. XX, стр. 338.—„Сборникъ Русскаго Историч. Об-ва“, т. 9, стр. 68; т. 45, стр. 612; т. 73, стр. 436, 438, 572, 573; т. 108, стр. 474, 475.—„Осмнадцатый вѣкъ“, историч. сборн., т. I, изд. 1-е, Спб. 1868, стр. 347.

Тальбергъ, *Дмитрій Германовичъ*, ординарный профессоръ уголовнаго права въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ; родился въ 1853 г. въ Кіевѣ, умеръ тамъ же 30 мая 1891 г. Сынъ инспектора студентовъ Кіевскаго университета, Т. первоначальное образованіе получилъ въ кіевской второй гимназіи и по окончаніи курса поступилъ на юридическій факультетъ кіевскаго университета (1870). Въ 1874 г. онъ получилъ степень кандидата и золотую медаль за сочиненіе «Тюремный вопросъ въ нынѣшнемъ состояніи и въ частности о положеніи русскихъ тюремъ» («Юридич. Вѣстн.», 1875—1876), былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію и поступилъ на службу въ центральный архивъ. 25 іюня 1880 г. онъ былъ назначенъ и. д. доцента Демидовскаго юридическаго лицея по каѳедрѣ уголовнаго права, а послѣ защиты 12 сентября 1880 г. диссертаціи «Насильственное похищеніе чужого имущества по русскому праву: разбой и грабежъ» (Спб. 1880), утвержденъ былъ доцентомъ въ томъ же лицеѣ (19 марта 1881 г.). Въ лицеѣ онъ читалъ курсъ уголовнаго производства, былъ 22 іюля 1881 г. утвержденъ и. д. экстраординарнаго профессора и въ октябрѣ того же года отправился въ полуторагодовую заграничную командировку. Въ 1884 г. (11 мая) онъ былъ избранъ совѣтомъ университета св. Владиміра въ доценты по каѳедрѣ уголовнаго права и сталъ читать уголовное судоустройство и судопроизводство, а въ 1887 г., по защитѣ докторской диссертаціи: «Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ или соединенный процессъ» («Кіевск. Универс. Извѣст.», 1887—88 г., и отд., Кіевъ 1888), былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Трудъ этотъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ является почти единственной монографіей, посвященной столь важному въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи вопросу о соединенномъ процессѣ. Другимъ весьма цѣннымъ трудомъ Т. является «Русское уголовное судопроизводство» (Кіевъ 1889—91, 2 т.), отличающееся широкой постановкой теоретическаго изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ дѣйствующаго законодательства. Въ этомъ трудѣ Т. старается провести мысль о невозможности ограничиться при изученіи законодательства одною такъ называемою положительною критикой и необходимости стремиться также и къ отрицательной критикѣ, т. е. къ тому, чтобы дать оцѣнку извѣстныхъ учрежденій съ точки зрѣнія общихъ понятій пользы и интересовъ общества. «Критическое отрицательное отношеніе къ положительному законодательству, говоритъ онъ, имѣетъ за собою великую заслугу

предъ человѣчествомъ въ исторіи, и этотъ пріемъ всегда служитъ въ рукахъ научной теоріи орудіемъ противъ несовершенствъ дѣйствующихъ законовъ, которые необходимо должны измѣняться подъ вліяніемъ требованій дѣйствительной жизни и измѣняющихся условій соціальной жизни общества». Кромѣ указанныхъ выше работъ, Т. было напечатано еще: «Историческій очеркъ тюремной реформы и современныя системы европейскихъ тюремъ» («Кіевск. Унив. Извѣст.», 1875 г., № 7, 8, 9), «Изъ исторіи ссылки и тюремъ въ Россіи въ царствованіе Александра I, съ документами по этому вопросу, извлеченными изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ» («Проток. Кіевск. Юрид. Общ.», 1878, и «Кіевск. Унив. Извѣст.», 1878), «Историческое происхожденіе существующаго въ уложеніи о наказаніяхъ дѣленія насильственнаго похищенія чужой собственности на два вида: разбой и грабежъ» (ib., 1879), «Вступительная лекція по уголовному процессу» («Времен. Демид. Юридич. Лицея», 1881, кн. 24), «Населеніе исправительныхъ колоній и пріютовъ» («Юрид. Вѣсти.», 1882, № 9), «О несмѣняемости судей во Франціи» (ib., 1883, № 1), «Къ проекту Уложенія о наказаніяхъ» (ib., № 3), «Антропологическое ученіе въ уголовномъ правѣ» (Кіевъ 1885), «Исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи» («Юрид. Вѣстн.», 1885, № 2), рецензія на «Курсъ уголовнаго права» И. Я. Фойницкаго («Кіевск. Унив. Извѣст.», 1885, № 9, стр. 331—350), «Поврежденіе имуществъ по проекту новаго уголовнаго уложенія» («Юрид. Вѣстн., 1886, № 11 и 12), «О соединенномъ процессѣ» («Журн. Гражд. и Уголовн. права», 1887, кн. 3, 6 и 7) и его рѣчь въ засѣданіи Кіевскаго юридич. общества 20 ноября 1889 г. («Юрид. Вѣстн.», 1890, № 1).

В. С. Иконниковъ, „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра. 1834—1884“, Кіевъ 1884, стр. 639—640.—Некрологъ въ „Журн. Гражданск. и Уголовн. Права“, 1891, № 7, стр. 181—182.—К. Головщиковъ, „Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища, 1803—1886“, Ярославль 1887, стр. 141, 155.—Рецензіи на „Русское уголовное судопроизводство“ въ „Журн. Гражд. и Уголовн. Права“, 1890, № 3, стр. 109—114; „Книжный Вѣстн.“, 1889, № 8; „Юридич. Лѣтопись“, 1890, № 2; „Юридич. Библіогр. Демидовск. Лицея“, 1891, кн. 23, стр. 1—92; „Вѣстн. Европы“, 1891, кн. 5; „Русск. Вѣдом.“, 1891, № 135; И. И. Янжулъ, „Книга о книгахъ“, Москва 1892, стр. 232.—Рецензіи на „Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ“: „Юрид. Вѣстн.“, 1889, № 4; „Русск. Мысль“, 1888, № 7; „Журн. Гражд. и Угол. Права“, 1889, № 2; „Новости“, 1888, № 211.—А. Поворинскій, „Системат. указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному“, Спб. 1891.

П. Гуревичъ.

Тальони (Taglioni), *Марія*, знаменитая танцовщица, дочь слѣдующаго, родилась 23 апрѣля 1804 г. въ Стокгольмѣ. Танцовальному искусству обучалась въ Парижѣ уже съ восьмилѣтняго возраста. Впервые Т. выступила передъ публикой въ Вѣнѣ 10 іюня 1822 г. въ балетѣ ея отца «Réception d'une jeune nimphe á la cour de Thérpsychore». Разсказываютъ, что въ смущеніи она забыла па, которому училъ ее отецъ, импровизировала собственное и такъ удачно, что вызвала неописуемый восторгъ публики. Первыя же выступленія на сценѣ создали ей славу первоклассной танцовщицы, а вскорѣ она пріобрѣла европейскую извѣстность. Послѣ Вѣны Т. выступала въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ съ неизмѣннымъ успѣхомъ, 23 іюля 1827 г. дебютировала въ Парижѣ, на сценѣ Большой оперы, въ балетѣ «Сицилiецъ». Успѣхъ ея былъ исключительный, и она получила постоянный ангажементъ въ Парижъ, куда и переѣхала 30 апрѣля 1898 г. по окончаніи контракта въ Мюнхенѣ. Дальнѣйшія выступленія въ Парижѣ окончательно упрочили ея славу, и съ этого времени она считается настоящей королевой танцевъ. До 1837 г. она лишь изрѣдка покидала Парижъ, гастролируя въ Лондонѣ, Берлинѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ и другихъ городахъ. Въ 1832 г. Т. вышла замужъ за графа де-Вуаленъ, но сцены не оставила и продолжала носить свою дѣвичью фамилію. Въ 1837 г. Т. получила приглашеніе въ Петербургъ, причемъ ей были предложены столь выгодныя условія, что администрація парижскаго театра не могла съ ними конкурировать, и Т. приняла предложеніе. Въ Петербургѣ она впервые выступила 6 сентября 1837 г. въ наиболѣе любимомъ ею балетѣ «Сильфида», нарочно для нея соиченномъ ея отцомъ. Успѣхъ ея въ Петербургѣ былъ не меньшій, чѣмъ въ другихъ городахъ. Ей писали стихи Грибоѣдовъ и Пушкинъ, Райтомъ была вы-

гравирована одна только ея нога, стоящая носкомъ на облакѣ, и къ этой гравюрѣ П. А. Вяземскимъ были написаны стихи, заканчивающіеся словами: «Pourquoi chausser une aile?». Еще въ Парижѣ Теофиль Готье, увлеченный ея талантомъ, создалъ для нея изъ бретонской легенды о мертвыхъ дѣвственницахъ балетъ «Жизель или Валисса», который парижскій балетмейстеръ Карали облекъ въ пластическія формы для сцены. Въ Петербургѣ же имя ея стало такъ популярно, что появилась карамель «Тальони», шляпы «Тальони», вальсъ. «Возвратъ Маріи Тальони». П. А. Каратыгинъ написалъ извѣстную въ свое время пьесу-шутку «Ложа 1-го яруса, на послѣдній дебютъ Тальони», часто ставившуюся на петербургской сценѣ. Т. любила появляться преимущественно въ роляхъ стихійныхъ, сверхъестественныхъ существъ. Танецъ ея отличался цѣломудренной чистотой и стыдливостью, античной пластичностью. Больше всего она славилась своими выступленіями въ балетахъ «Sylphide», «Belle du bois dormant», «Fille du Danube», «Révolte au sérail», «Natalie», «Cendrillon», Dieu et Bayarde», «Flore et Zéphire». Въ 1842 г. Т. покинула Россію и опять появилась въ Парижѣ. Послѣднее время публика нѣсколько охладѣла къ ней. Въ 1847 г. она совсѣмъ покинула сцену. Нѣкоторое время послѣ этого Т. давала частные уроки танцевъ въ Лондонѣ, а затѣмъ поселилась въ собственной виллѣ у озера Комо. На парижской сценѣ она выступила еще одинъ разъ съ цѣлью поощренія дебютантки Эммы Леви, слѣдовавшей классическимъ пріемамъ, въ свое время упрочившимся благодаря Т., но уже начинавшимъ забываться съ ея уходомъ со сцены. Спеціально для Эммы Леви она даже разработала балетъ «Papillon». Умерла Т. въ Марселѣ 23 апрѣля 1884 г. Въ книгѣ Плещеева «Нашъ балетъ» помѣщено нѣсколько ея портретовъ.

А. Плещеевъ, „Нашъ балетъ, 1673—1899 г.“, Спб. 1899, стр. 123 и слѣд. – Скальковскій, „Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ“, Спб. 1886, изд. 2-е. — Czerwinski, „Brevier der Tanzkunst“, Leipzig 1880.—„Les origines de l'opera, le ballet de la reine“, Paris 1869—Voss, „Der Tanz und seine Geschichte“, Berlin 1868.—„Исторія танцеванія и балета по розысканіямъ французовъ и англичанъ“, „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1850, т. VII, стр. 23—42.—Ѳ. Кони, „Балетъ въ Петербургѣ“, тамъ же, 1850, т. II, кн. III, стр. 36—38, 50—51, 83, 102—118, 125, 126, 129, 138, 168.—А. И. Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1826 до начала 1855 года“, Спб. 1877, ч. I, стр. 48, 67, 68—69, 74, 84, 91, 99, 103; ч. II, стр. 47, 52, 58, 65, 76, 77, 86, 95, 105, 114, 123, 131.—„Репертуаръ и Пантеонъ“, 1842, кн. VIII, отд. IV, стр. 36, отд. V, стр. 44; книга XI, отд. IV, стр. 33; кн. XII, отд. IV, стр. 29; кн. XV, отд. V, стр. 32. – „Воспоминанія А. Ѳ. Пржецлавскаго“, „Русская Старина“, 1874, т. XI, стр. 472.—„La Grande Encyclopedie“, Paris, t. 5, стр. 157.—Meyer's „Grosses Konversations-Lexikon“, 6. Auflage, Leipzig und Wien 1908, т. 19, стр. 284.—Brockhaus „Konversations-Lexikon“, Leipzig 1886, т. 15, стр. 446.—S. Orgelbranda „Encyklopedja Powszechna“, Warzsawa 1903, т. XIV, стр. 384. — „Справочный энциклопедическій словарь“, изданіе К. Крайя, Спб. 1848, т. X, стр. 61—62.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1888, т. IV, стр. 496.

Тальони, *Филиппъ*, балетмейстеръ, старшій сынъ балетнаго танцора въ Пьемонтѣ Карла Тальони, родился въ Миланѣ въ 1777 г. Первоначально былъ балетнымъ танцоромъ въ Неаполѣ, затѣмъ приглашенъ въ качествѣ балетмейстера въ Стокгольмъ. Когда стала выступать на сценѣ его дочь, Марія, Т. обыкновенно повсюду сопровождалъ ее въ качествѣ балетмейстера. Въ Россіи въ 1835 г. впервые были поставлены его балеты «Сильфида» и «Возстаніе въ Сералѣ» на петербургской сценѣ. Въ 1837 г. онъ вмѣстѣ съ дочерью приглашенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ имъ поставлено было много балетовъ собственнаго сочиненія. Изъ многочисленныхъ его вещей наибольшей славой, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, пользовался балетъ «Сильфида». Значеніе его какъ балетмейстера въ томъ, что онъ замѣнилъ господствовавшую до него въ балетѣ пантомиму классической пластикой, чѣмъ внесъ въ него больше движенія. Кромѣ того, еще будучи въ Стокгольмѣ, онъ ввелъ въ анакреоническомъ балетѣ вмѣсто костюмовъ рококо античные костюмы. Считаясь съ направленіемъ таланта своей дочери, Т. для многихъ своихъ балетовъ бралъ сюжеты изъ фантастическаго міра; таковы: «Озеро волшебницъ», «Воспитанница Амура» и др. Въ 1840 Т. приглашенъ былъ въ качествѣ балетмейстера въ Варшаву. Въ 1853 г. онъ навсегда оставилъ сцену и поселился на озерѣ Комо, въ Италіи, гдѣ и умеръ 11 февраля 1871 г.

Источники тѣ же, что и для Маріи Тальони,

Тамара (также *Томара*), *Василій Степановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, посланникъ и полномочный министръ въ Константинополѣ, былъ въ службѣ съ 1759 г. Сначала служилъ переводчикомъ на Кавказѣ и въ качествѣ такового упоминается въ реляціяхъ князя Н. В. Репнина Екатеринѣ Великой за 1775 г. 3 іюня 1783 г. Т., уже въ чинѣ подполковника, доставляетъ грузинскому царю Ираклію отъ князя Потемкина проектъ трактата о признаніи верховной власти и покровительства Россіи и послѣ принятія его Ираклiемъ отвозитъ его въ Петербургъ. Въ переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію этого трактата, Т. принималъ дѣятельное участіе. Въ октябрѣ 1784 г. онъ ѣздилъ въ Испагань къ Али-Муратъ-хану съ письмомъ отъ князя Потемкина. 21 іюля 1797 г. онъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники, а въ 1799 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Константинополь. Въ этой должности Т. оставался до 1809 г., когда вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Современники отзываются о немъ какъ объ умномъ и талантливомъ дипломатѣ; въ извѣстной книгѣ Жозефа Местра «Les Soirées de St-Pétersbourg»—Т. одно изъ бесѣдующихъ лицъ. Умеръ Т. 3 марта 1819 г., 73 лѣтъ отъ роду. Каннистъ оплакивалъ его смерть въ стихахъ.

П. Г. Бутковъ, „Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 годъ“, Спб. 1869, ч. II, стр. 121, 132, 150, 151, 154, 155, 305, 447, 521, примѣч. 1; ч. III, стр. 168, 183, 184, 186, 187, 190.—А. В. Рачинскій, „Къ біографіи графа Орлова-Чесменскаго“, „Русскій Архивъ“, 1876, т. II, кн. 7. стр. 282 — 284.—„Архивъ князя Воронцова“, Москва 1881, стр. 95, 231, 508.—„Сочиненія Каннпста“, въ изданіи А. Смирдина, стр. 383.—„Сочиненія Г. Р. Державина“ съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1869—1871, т. VI, стр. 278, 365.—„Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества“, т. 15, стр. 444—447, 453, 458, 460, 461, 462, 566, 567, 571, 573, 574, 431, 517, 518; т. 27, стр. 276.—В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи“, Кіевъ 1906, т. II, кн. 1, стр. 1125.—„Опись документовъ и дѣлъ Сенатскаго архива“, т. I, отд. 2, Спб. 1909, № 109.

. **Тамаринскій**, *Михаилъ Антоновичъ*, архитекторъ, воспитанникъ и пенсіонеръ академіи художествъ, сынъ дьякона церкви при этой академіи, родился въ Петербургѣ 15 ноября 1812 г. Склонность къ рисованію у него обнаружилась съ малыхъ лѣтъ. Въ 1822 г. его приняли въ академію художествъ, благодаря покровительству конференцъ-секретаря А. Ѳ. Лабзина, въ качествѣ казеннаго воспитанника. Т. избралъ классъ архитектуры и занимался подъ руководствомъ адъюнктъ-профессора Гомзина, а послѣ смерти послѣдняго — К. А. Тона. За время пребыванія своего въ академіи Т. награжденъ былъ за архитектурныя композиціи въ 1831 г. малой серебряной медалью, въ 1832 г.—большой серебряной, а въ 1833 г. малой золотою медалью. Въ 1833 г. онъ окончилъ академическій курсъ съ аттестатомъ первой степени, и въ томъ же году, по распоряженію академіи, отправился въ Псковъ для работъ по реставрированію древностей мѣстнаго собора. Когда возстановленіе было доведено до конца, ему предложено было мѣсто губернскаго архитектора въ Псковѣ, но онъ отказался и вернулся въ Петербургъ, гдѣ въ 1836 г. по заданной академіей темѣ представилъ изображеніе ярмарки, за что получилъ золотую медаль 1-й ст., давшую ему право на казеннокоштное заграничное путешествіе; въ 1837 г. онъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ много рисовалъ съ натуры, въ Неаполѣ занимался въ королевскомъ музеѣ копированіемъ съ древней живописи, бронзовыхъ украшеній и вазъ. На способности Т. обратили вниманіе, и ему предложено было реставрировать виллу Адріана, работы по которой за смертью онъ не довелъ до конца. Т. считался однимъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ К. А. Тона, и академія художествъ возлагала на него большія надежды. Умеръ онъ въ Римѣ 14 іюня 1841 г.

„Художественная Газета“, 1841, № 17, стр. 5—7.—„Отчетъ Имп. Академіи Художествъ за 1864—1864 г.,“ Спб. 1866, стр. 119.—П. П. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Петербургской Академіи Художествъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1864—1865, т. II, стр. 261, 284, 304, 305 343, 351, 365, 371.

Тамберликъ, *Генрихъ* (*Энрико*), пѣвецъ итальянской оперы въ Петербургѣ съ 1848 г.; родился въ Римѣ 11 марта 1820 г. (нов. ст.); сперва воспитывался въ семинаріи Монте-Фіасконе и полагалъ сдѣлаться юристомъ, но потомъ сталъ учиться пѣнію у Борья и Рульельми. Въ 1841 г. съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ теноровой партіи въ миланскомъ театрѣ дель-Фандо, въ операѣ «Капулетти». Ближайшіе затѣмъ годы пѣлъ въ Лиссабонѣ,

Мадридѣ, Барцелонѣ, Лондонѣ. Въ Петербургѣ впервые выступилъ въ 1848 г. на Императорской сценѣ, на которой пробылъ съ перерывами до 1864 г., при чемъ сдѣланъ былъ придворнымъ пѣвцомъ. Въ 1856 и 1861 гг. онъ выступалъ въ Большой Оперѣ въ Парижѣ; гастролировалъ также въ Сѣверной и Южной Америкѣ. Величественная наружность, свѣжесть и сила голоса, выразительность пѣнія поставили Т. на одну высоту съ выдающимися представителями старо-итальянской вокальной школы; особенно восторгались его до-діезомъ, замѣчательнымъ по своей красотѣ и силѣ. Къ тому же онъ соединялъ въ себѣ вмѣстѣ съ голосомъ недюжинный драматическій талантъ. Репертуаръ его былъ обширный и разнообразный. Лучшими партіями его были: Отелло, пророкъ, герцогъ въ «Риголлето», трубадуръ, Рауль въ «Гугенотахъ», Арнольдъ въ «Вильгельмѣ Телль». Съ неменьшимъ успѣхомъ Т. выступалъ и въ концертахъ. Умеръ Т. въ 1882 г.

Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864. т. III, стр. 603—604.—М. К., „Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы, пѣвцы и пѣвицы“, Москва 1874, стр. 152—53.—П. Д. Перепелицынъ, „Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней“, Спб. 1888, стр. 150 и 192.

Тамбурини, *Антоніо*, пѣвецъ итальянской оперы въ Петербургѣ; родился 28 марта 1800 г. въ Фаэнцѣ. Музыкальное образованіе получилъ у своего отца—профессора музыки. 9-лѣтнимъ мальчикомъ Т. уже хорошо игралъ на волторнѣ и занималъ мѣсто въ оркестрѣ, съ 12 лѣтъ пѣлъ въ церковныхъ и театральныхъ хорахъ. Его способности обратили на него вниманіе извѣстныхъ въ то время пѣвцовъ Момбелли и Пизарини, которые давали ему уроки пѣнія. Впервые на сцену Т. выступилъ въ 1818 г., въ Болоньѣ, въ оперѣ «Джеральди»; дебютъ его имѣлъ большой успѣхъ; въ слѣдующемъ году онъ пѣлъ въ Піаченнѣ, гдѣ отличился въ операхъ «Ченеретоль» и «Итальянка въ Алжирѣ». У него былъ звучный и сильный баритонъ съ низовыми нотами, такъ что онъ могъ пѣть и басовыя партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ недурнымъ актеромъ, хотя ему недоставало темперамента для драматическихъ сценъ. Послѣ своихъ первыхъ успѣховъ Т. выступалъ въ театрѣ Scala въ Миланѣ, затѣмъ въ Тріестѣ, Римѣ, Палермо, Венеціи и другихъ городахъ Италіи. Большая часть его сценической дѣятельности прошла во Франціи, гдѣ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ пѣлъ въ Парижской Большой Оперѣ. Въ 1844 г. Т. выступилъ въ Петербургѣ, гдѣ почти безъ перерывовъ пробылъ до 1852 г.; нѣсколько разъ онъ гастролировалъ и въ Москвѣ. Успѣхъ его въ Россіи былъ не меньшій, чѣмъ въ Западной Европѣ. Съ 1853 г. онъ пѣлъ въ Лондонѣ, а въ 1855 г. покинулъ сценическую дѣятельность. Умеръ Т. Ниццѣ 6 сентября 1867 г.

Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 604.— de-Riez, „Tamburini et la musique italienne“, Paris 1877.—М. К., „Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы, пѣвцы и пѣвицы“, Москва 1874, стр. 144—145.—П. В. Перепелицынъ, „Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней“, Спб. 1888, стр. 150 и 192.—„Илюстрированная Газета“, 1866, т. 17, № 13, стр. 200. „Русск. Стар.“, 1870, т. I, 1-е изд., стр. 575; т. II, стр. 394.

Тамесъ (Tamesz), *Павелъ*, граверъ на мѣди начала XVIII столѣтія, на службѣ у Петра Великаго. Въ изданіи «Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества россійскихъ» (Санктъ-пітербурхъ, лѣта Господня 1713, генваря въ день первый) помѣщены слѣдующія его работы: планъ Новые Канцы, планъ Выборга, крѣпость Динамюндъ. Эти работы хранятся и въ Импер. Эрмитажѣ на отдѣльныхъ листахъ: планъ Новые Канцы въ увеличенномъ размѣрѣ въ одномъ экземплярѣ (папка № 111, полка 5, листъ № 53); планъ Выборга въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ раскрашенный (папка № 111, полка 5, листъ № 26 и папка № 36, полка 5, листъ № 13); крѣпость Динамюндъ (папка № 111, полка 5, листъ № 45). На всѣхъ этихъ листахъ подпись: «Paulus Tamesz fecit». Т. жилъ еще въ 1728 г. въ Петербургѣ.

Д. А. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія Академіи Художествъ“, Москва 1870, стр. 126 и 292.—П. Пекарскій, „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I“, ч. II, стр. 291.

Тамбовцевъ, *Василій*, писатель второй половины XVIII столѣтія, поручикъ бывшаго малороссійскаго легіона, старшина яицкихъ казацкихъ войскъ; написалъ «Топографическое описаніе полей и водъ яицкихъ» (Спб. 1770) и статью «Очи-

щеніе коноплянаго масла», помѣщенную въ «Трудахъ Имп. Вольнаго Экономическаго общества» (1771 г., ч. XVIII). Т. былъ членомъ Имп. Вольнаго Экономическаго общества, въ засѣданіи котораго имъ въ 1768 г. произнесена была рѣчь на полученіе серебряной медали («Труды Имп. Вольнаго Экономическаго Общества», 1768, ч. X).

Митр. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи", Москва 1845, т. II, стр. 190.—„Матеріалы для исторіи русской литературы", изд. П. А. Ефремова, Спб. 1867, стр. 106.—Н. И. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ", Спб. 1772, стр. 212.—В. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1800 гг.", Спб. 1872, стр. 111, 113.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1876—1865 гг.", Спб. 1882 г., т. II, стр. 56, № 14580.—Его же, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1872, стр. 270, № 6697.

Танбовцевъ, *Аѳанасій*, депутатъ Комиссіи для сочиненія новаго уложенія отъ содержащихъ ландполицію Казанскаго уѣзда, Ногайской, Арской и Алатской дорогъ. Въ четырнадцатомъ засѣданіи Комиссіи, 28 августа 1767 г,, прочелъ наказъ отъ пахотныхъ солдатъ съ жалобой на большіе поборы, недостаточное количество земли и слишкомъ обременительную службу. Отстаивалъ необходимость введенія упрощеннаго судопроизводства.

„Сборникъ Импер. Россійскаго Историч. Общества", т. IV (Труды Екатерининской Комиссіи для сочиненія новаго уложенія), стр. 107—108.

Танковъ, *Иванъ Михайловичъ*, живописецъ, декораторъ, академикъ, сынъ чиновника, родился въ 1739 г. Въ 1756 г. онъ поступилъ на службу въ контору строенія и садовъ Ея Величества и здѣсь учился у А. Перезинотти. Въ 1769 г. Т. получилъ званіе подмастерья живописи, въ 1771 г. сталъ посѣщать классы живописи академіи художествъ. Въ сентябрѣ 1778 г. имъ были представлены въ академію двѣ картины, изображающія сельскіе праздники, за которыя онъ былъ признанъ назначеннымъ въ академики. Для полученія званія академика совѣтомъ академіи ему задана была тема «представить село и причинившійся въ ономъ пожаръ, гдѣ требуется въ ночномъ времени представить жителей, спасающихъ себя самихъ, скотъ и домъ отъ распространившагося огня». Т. представилъ картину «Пожаръ въ деревнѣ въ ночное время», за которую и получилъ 17 іюля 1785 г. искомое званіе. Кромѣ пейзажей съ жанровымъ стаффажемъ онъ писалъ также декораціи для императорскаго театра. Картины Т. не по исполненію довольно посредственны. Изъ нихъ назовемъ: «Праздникъ въ провинціальномъ городѣ» и «Тайное крещеніе», которыя находятся въ картинной галлереѣ Третьяковыхъ въ Москвѣ. Умеръ Т. въ Петербургѣ 12 іюля 1799 г.

А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства", Москва 1900, т. II, стр. 218.—А. Сомовъ, „Картинная галлерея Имп. академіи художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи", Спб. 1872, вып. I, стр. 10, 148—149.—„Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. академіи художествъ за 100 лѣтъ" подъ ред. П. Н. Петрова, Спб. 1864, т. I, стр. 138, 144, 234.—„Каталогъ картинной галлереи П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ", стр. 60.

Таннауэръ, *Іоганнъ-Готфридъ*, живописецъ-портретистъ въ службѣ Петра I, сынъ живописца, родился на 1680 г. въ Саксоніи; занимался сначала часовымъ мастерствомъ и музыкой въ Швабіи, отсюда отправился для усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ въ Венецію, но, познакомившись здѣсь съ Себастіано Бомбелли, сталъ учиться у него живописи. Затѣмъ Т. поѣхалъ въ Голландію, гдѣ изучалъ и копировалъ произведенія Рубенса и посвятилъ себя исключительно портретному роду. По рекомендаціи живописца Купецкаго Петръ Великій, во время пребыванія своего въ Карлсбадѣ, пригласилъ Т. на службу въ Россію, назначивъ его придворнымъ живописцемъ. Въ 1710 г. Т. переселился въ Россію и сопровождалъ Петра I въ Прутскомъ походѣ. На ряду съ писаніемъ портретовъ членовъ царской фамиліи и другихъ лицъ онъ занимался и починкой часовъ. До настоящаго времени сохранились слѣдующіе портреты, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они принадлежатъ кисти Т.: Петръ Великій, въ профиль (у графа Шереметева, въ Кусковѣ близъ Москвы); царевичъ Алексѣй Петровичъ (въ галлереѣ дома Романовыхъ при Эрмитажѣ); Императрица Анна Іоанновна (въ Царскосельскомъ и Гатчинскомъ дворцахъ); А. Д. Татищевъ (въ имѣніи

графа Шереметева Кусковѣ); графъ П. И. Ягужинскій (тамъ же); Анна Петровна (въ Царскосельскомъ старомъ дворцѣ). Кромѣ того Т. приписываются слѣдующіе портреты: Петръ I, уснувшій (въ академіи художествъ); онъ же, конный (у Н. Д. Быкова); Петръ I и Екатерина I, поясные (въ Московской Оружейной Палатѣ); царевна Наталья Алексѣевна (въ галлереѣ дома Романовыхъ при Эрмитажѣ); кронпринцесса Шарлотта-Софія (тамъ же). Современникъ Т., Берхгольцъ даетъ слѣдующій отзывъ о портретахъ, которые онъ видѣлъ въ незаконченномъ еще видѣ въ мастерской художника: «это были портреты императора, императрицы, обѣихъ принцессъ и князя и княгини Меньшиковыхъ, всѣ оригинальные, одинаковой величины, и одинъ лучше другого. Хотя каждый изъ нихъ отличался необыкновеннымъ сходствомъ и не имѣлъ никакихъ недостатковъ, однакоже всѣхъ похожѣе былъ портретъ императора—совершенная натура». У графа Шереметева въ Кусковѣ имѣется также собственный портретъ Т., гравированный черной манерой Купецкимъ. Портретъ этотъ принадлежитъ къ сюитѣ пяти чувствъ и представляетъ слухъ: Т. изображенъ на немъ играющимъ на скрипкѣ. Умеръ Т. въ 1737 г.

А. Сомовъ, „Картинная галлерея Имп. академіи художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи“, Спб. 1872, вып. I, стр. 1—2 и 143.—Д. А. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія“, Москва 1870, стр. 90, 117, 172, 173, 249.—Его же, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. I, стр. 247, 291—292, 626—627; т. II, стр. 1325, 1387—1388, 1823, 1734, 1869; дополн., стр. 223, 237, 247, 249—251, 265, 274, 279, 282—284, 289, 290, 348, 352, 362, 368.—А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства“, Москва 1900, т. II, стр. 3 и 28.—П. Божеряновъ, „Очеркъ развитія искусства въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго“, Спб. 1872, стр. 4—5.—„Дневникъ каммеръюнкера Берхгольца“, изд. Аммона, Москва 1858, изд. 2-е, ч. II, стр. 303—304.—J. Hasselblatt, „Historischer Ueberblick der Entwickelung der Kaiserl. Russischen Akademie der Künste in Petersb.“, Спб. 1886, стр. 30.—A. Wassiltchikoff, „Liste alphabetique de portraits russes“, Спб. 1875, т. I, стр. 56, 107 и 423; т. II, стр. 111—132.—П. Н. Петровъ, „Каталогъ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вв. въ Москвѣ“, Спб. 3870, стр, 36, 222.

Танненбергъ, *Богданъ Богдановичъ* (Gotthelf-Wilhelm), докторъ медицины, профессоръ Повивальнаго института и главный врачъ Воспитательнаго дома въ Москвѣ, московскій уроженецъ; медицинское образованіе получилъ за границей, въ университетахъ Геттингенскомъ и Берлинскомъ, въ первомъ изъ которыхъ и удостоенъ докторскаго диплома. По возвращеніи въ Россію Т. 5 августа 1791 г. подвергся экзамену при медицинской коллегіи, получилъ право практиковать въ Россіи и утвержденъ былъ въ званіи доктора медицины. Въ томъ же году онъ опредѣленъ былъ въ Московскій госпиталь «по надобности». Въ 1793 г. его перевели на службу въ Московскій Воспитательный домъ въ качествѣ врача при больницѣ воспитанниковъ и акушера при секретно-родильномъ госпиталѣ. Когда при Воспитательномъ домѣ учрежденъ былъ въ ноябрѣ 1800 г. Повивальный институтъ, Т. назначенъ былъ профессоромъ при немъ, а въ 1804 г., послѣ увольненія Рихтера отъ чтенія лекцій, — старшимъ профессоромъ. Съ 1807 г. Т. кромѣ того занялъ должность директора и главнаго акушера родильнаго госпиталя при Воспитательномъ домѣ. Имъ написано: «Краткое наставленіе беременнымъ и родильницамъ для сбереженія своего здоровья и ожиданія благополучнаго окончанія родовъ» (Москва 1803). Въ 1832 г. Т. вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. CCCV.—В. Красуской, „Краткій историческій очеркъ Имп. Московск. Воспитательнаго дома“, Москва 1878, стр. 224—225.—„Матеріалы для исторіи Имп. Московск. Воспитательнаго дома“, Москва 1863—77, вып. I, гл. II, стр. 66, 67, гл. III, стр. 98; вып. II, гл. I, стр. 6, 22.—„Общій медицинскій списокъ“ на 1809 г., стр. 93; на 1810 г., стр. 101.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки для чтенія А. Смирдина“, Москва 1828 г., стр. 36, № 4676.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Москва 1820—28, ч. 3, стр. 420, № 6503.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова“, Спб. 1828, стр. 40, № 478.

Тантави, *Мухамедъ-Айядъ*, шейхъ, экстраординарный профессоръ Петербургскаго университета и преподаватель азіатскаго института при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, родился около 1806 г. въ г. Тантѣ (въ Египтѣ), отъ котораго и получилъ свою фамилію. Въ 30-хъ годахъ онъ состоялъ профессоромъ арабскаго языка и литературы въ Каирѣ при эль-азгарской мечети и славился въ Египтѣ какъ

одинъ изъ ученѣйшихъ людей и лучшихъ знатоковъ отечественной литературы. Къ нему пріѣзжали изъ Европы арабисты для усовершенствованія въ арабскомъ языкѣ и словесности. Благодаря имъ слава о немъ распространилась и въ Европѣ; у нихъ же Т. научился французскому языку. Больше всего способствовали извѣстности Т. его ученики, оріенталисты Фульгенцій Френель и Густавъ Вейль, переводчикъ «Тысячи и одной ночи» на нѣмецкій языкъ. По предложенію, сдѣланному академикомъ Френомъ вице-канцлеру графу Несельроде, основателю и начальнику азіатскаго института при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Т. въ 1839 г. приглашенъ былъ преподавателемъ арабскаго языка въ этомъ институтѣ и принялъ приглашеніе. Въ Петербургѣ онъ научился русскому языку. Въ 1846 г. Петербургскій университетъ предложилъ ему занять вакантную за уходомъ О. И. Сенковскаго каѳедру арабскаго языка и словесности въ званіи экстраординарнаго профессора. Съ 1848 г. Т. началъ чтеніе лекцій. Въ первые годы онъ объяснялъ Харирія, но убѣдившись въ томъ, что это мало доступно его слушателямъ, сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ. Кромѣ того онъ излагалъ арабскую грамматику, упражнялъ въ разговорахъ и сочиненіяхъ, въ переводахъ съ русскаго языка на арабскій. Для своихъ слушателей Т. составилъ на французскомъ языкѣ руководство разговорнаго языка подъ заглавіемъ «Traité de la langue arabe vulgaire» (Leipzig 1848). Въ бюллетеняхъ Петербургской академіи наукъ напечатаны его статьи «Observations sur la traduction de quelques vers arabes» и «Observations sur la réthorique des nations musulmanes de M. Garcin de Tassy». Написанная имъ по-арабски автобіографія вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ, сдѣланнымъ Козегартеномъ, помѣщена въ «Zeitschriften für die Kunde des Morgenlandes» (1850, VII, 48—83). Каѳедру Т. занималъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1858 г.

В. В. Григорьевъ, „Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“, Спб. 1870, стр. 124 и 252—254.—«Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft“, т. IV, стр. 243—48, статья Готвальда.—П. С. Савельевъ, „Восточная литература и русскіе оріенталисты“, „Русскій Вѣстникъ“, 1856, т. II. стр. 278.—„Journal asiatique“, 1838, январь, стр. 63.—„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1840, № 186 и 207.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 587, № 15261.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 годы“, Спб. 1893, т. II, стр. 246, № 17812 и 17813.

Танѣевъ, *Александръ Сергѣевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта, почетный членъ Имп. академіи наукъ, управляющій 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, родился 18 декабря 1785 г. Образованіе получилъ отчасти домашнее и въ разныхъ пансіонахъ. Службу началъ гвардіи подпоручикомъ, въ 1800 г. вступилъ на службу въ кабинетъ Его Величества. Въ 1808—1810 гг. находился при графѣ Аракчеевѣ въ бытность послѣдняго военнымъ министромъ. Когда учреждена была въ 1812 г. Собственная Его Величества канцелярія, Т. опредѣленъ былъ туда на службу, при чемъ участвовалъ въ поѣздкахъ государя въ Карлсруэ, Брюссель и Лондонъ. Въ 1814 г. онъ присутствовалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, находясь при статсъ-секретарѣ Марченко, а въ 1818 г. на Аахенскомъ конгрессѣ состоялъ при государѣ. Во время Турецкой войны 1828 г. находился при особѣ государя по дѣламъ Собственной Его Величества канцеляріи. Въ ноябрѣ 1831 г. Т. пожалованъ былъ въ статсъ-секретари и назначенъ управляющимъ 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, въ каковой должности находился до самой смерти. Состоялъ членомъ комитета по крестьянскимъ дѣламъ съ 1839 г. Ему поручено было въ 1846 г. составить проектъ образованія инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства, которому предоставлено завѣдываніе всѣмъ составомъ гражданскихъ чиновъ, и онъ же былъ назначенъ главноуправляющимъ этого департамента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ особаго комитета по вопросу объ удаленіи со службы неблагонадежныхъ чиновниковъ. Умеръ Т. 17 іюля 1866 г. и похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Толль, „Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія“, Спб. 1863, т. III, стр. 609.—В. Саитовъ, „Петербургскій некрополь“, Москва 1883, стр. 129.—С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, 1802—

1902", Спб. 1902, стр. 235, 262, 289, 326.—„Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", ч. II, №№ 229, 425, 518.—„Иллюстрированная Газета", 1866, № 30.—„Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества", т. XI, стр. 127, 186, 138, 250; т. 111, стр. 49, 116, 120, 199, 260, 362, 445; т. 113, ч. I, стр. 306, ч. II, стр. 94.—„Русская Старина", изданіе 2-е, 1870, т. I, стр. 538–539.—В. П. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854", Спб. 1893, т. II, стр. 246, № 17814.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1865—1876", Спб. 1882, т. II, стр. 16, № 11293.

Танѣевъ, *Александръ Тихоновичъ*, стольникъ, полковникъ стрѣлецкій, упоминается впервые въ 1672 г. 25 января этого года, тогда стрѣлецкій полуголова Т., былъ у царской руки и 27-го посланъ къ гетману Демьяну Многогрѣшному въ Батуринъ для объясненій по поводу его недовольства нерѣшительной политикой Москвы и отсутствіемъ помощи ему противъ поляковъ. 30 января Т. вмѣстѣ съ подъячимъ Дементіемъ Ивановымъ выѣхалъ изъ Москвы, 6 февраля они въ Батуринѣ, 7-го уже говорили съ гетманомъ. Отъ Многогрѣшнаго Т. выслушалъ признанье, что онъ нѣкоторыя рѣзкія слова по адресу Москвы, о которыхъ дошелъ слухъ въ Москву, дѣйствительно произнесъ, а произнесъ для того, чтобы «великій государь пожаловалъ, поляковъ пускать за Днѣпръ и за Сожъ не велѣлъ: только ихъ пустить за Сожъ—и они станутъ вступаться въ малороссійскіе города, земли и угодья, станутъ называть города на этой сторонѣ Днѣпра своими». При этомъ гетманъ высказалъ исконное опасеніе казаковъ, что Москва хочетъ отдать полякамъ Кіевъ. Отъ стрѣлецкаго полковника Григорія Нелова, вмѣстѣ съ полкомъ своимъ находившимся въ Батуринѣ, Т. узналъ послѣднія батуринскія новости. Оказалось, что въ Батуринѣ распространился слухъ о смѣщеніи Многогрѣшнаго и о назначеніи на его мѣсто запорожскаго посланца въ Москвѣ Кіевскаго полковника Солонины. Извѣстіе это волновало гетмана, гетманъ пилъ и буйствовалъ. 9 февраля гетманъ отпустилъ Т. изъ Батурина въ Москву. 28 февраля пишется царская грамота къ Многогрѣшному, въ которой онъ завѣряется, что Солонину никто не назначалъ,—«мы никогда не назначимъ гетмана безъ челобитья всего войска Запорожскаго и безъ рады войсковой даже и по смерти твоей», и съ увѣщеваніемъ хранить вѣрность государю. Съ этой грамотой Т. вновь посылается въ Батуринъ вмѣстѣ съ подъячимъ Семеномъ Щеголевымъ. 7 марта онъ пріѣхалъ въ Батуринъ и того же числа явился къ гетману. Многогрѣшный опять жаловался на то, что Москва хочетъ отдать Кіевъ, что запорожскій посланецъ не пускается присутствовать въ посольской избѣ при веденіи переговоровъ съ поляками о малороссійскихъ дѣлахъ, а это противно Глуховскому договору, что, наконецъ, Москва помогаетъ полякамъ деньгами. Т. пытался успокоить гетмана, говорилъ, что запорожскому посланцу всѣ акты сообщаются тотчасъ же по написаніи. Гетманъ, однако, продолжаетъ какъ въ эту встрѣчу, такъ и при отпускѣ Т. сыпать упреками и обвиненіями по адресу Москвы, а самому Т. угрожаетъ отдать его въ неволю крымскому хану, если онъ еще разъ будетъ у него съ неправдой. Послѣ неласковой встрѣчи у гетмана Т. спѣшитъ къ Нелову. Неловъ разсказываетъ Т., что гетманъ совсѣмъ перемѣнился, измѣнилъ Москвѣ, вступилъ въ переговоры съ Дорошенкой о томъ, чтобы въ случаѣ отдачи Кіева имъ бы соединиться и вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ за Кіевъ стоять и съ поляками биться. Ночью 8 марта Т. вмѣстѣ съ Неловымъ, переодѣвшись, отправляются къ недовольнымъ Многогрѣшнымъ казацкимъ старшинамъ. Тѣ жалуются на измѣну Многогрѣшнаго, утверждаютъ, что онъ съ Дорошенкой поддался турскому султану, и просятъ Т. о всемъ слышанномъ передать въ Москву государю черезъ боярина Матвѣева, чтобы Москва прислала имъ войска на помощь. Но еще до прибытія помощи старшины обѣщаютъ Т. схватить Многогрѣшнаго и выдать его Нелову. 10 марта Т. уѣзжаетъ въ Москву, а въ ночь на 13-е старшины исполняютъ данное Т. обѣщаніе: они схватили гетмана и отправили его въ Москву. Во время допроса Многогрѣшнаго въ Москвѣ Т. являлся на очную ставку съ нимъ и уличалъ его по своему статейному списку.

Въ 1674 г. Т. былъ приставомъ въ церемоніи по случаю вступленія въ совершеннолѣтіе и объявленія наслѣдникомъ царевича Ѳеодора Алексѣевича: стоялъ при польскомъ резидентѣ Павлѣ Свидерскомъ въ Архангельской папертн отъ Соборной церкви. Въ записной разрядной книгѣ за 1678 — 1679 гг. мы встрѣчаемъ Т. уже

стольникомъ и стрѣлецкимъ полковникомъ, въ приказѣ же у него 8 сотниковъ и 835 стрѣльцовъ. Въ 1680 г. Т. назначенъ въ Переяславль подъ начало воеводы Венедикта Хитрово и товарища его Левшина на смѣну стрѣлецкаго полковника Новгородскаго разряда. Въ Кіевскомъ смѣтномъ спискѣ денежной казны, ратныхъ людей, военныхъ запасовъ, лекарствъ и проч. съ 1 сентября 1681 г. по 1 сентября 1682 г. Т. значится стольникомъ и полковникомъ; въ его приказѣ подполковникъ Тимоѳей Кишкинъ, капитановъ 8 человѣкъ, московскихъ стрѣльцовъ 670 человѣкъ. Въ 1682 г. стрѣльцы, недовольные большинствомъ своихъ полковниковъ, а въ числѣ ихъ и Т., разъ и другой просили объ устраненіи своихъ полковниковъ отъ должностей, о наказаніи ихъ и о взысканіи съ нихъ неправильно взысканнаго. Жалоба стрѣльцовъ была удовлетворена. Т., равно какъ и другимъ полковникамъ, былъ сказанъ именной царскій указъ, коимъ, въ наказаніе за взяточничество, присвоенья, незаконныя требованія и притѣсненіе стрѣльцовъ, онъ лишается чина полковника, помѣстій, устраняется отъ приказа, обязывается возмѣстить незаконные поборы и отданъ въ батоги. Указъ приводится въ исполненіе, и въ теченіе нѣсколькихъ дней на площади происходитъ расправа надъ полковниками, при чемъ руководитъ расправой толпа стрѣльцовъ, своими криками то останавливая, то возобновляя ее. Годъ смерти Т. неизвѣстенъ.

Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 358.—Дополн. къ Актамъ Историч., т. IX, стр. 117; т. X, стр. 101, 111; т. XI, стр. 207.—Полн. Собраніе Зак., т. I, стр. 989.—Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IX, стр. 629—648, 661—663, 665—679, 691, 707, 708, 714, 715, 736, 755, 757, 763, 765—769, 772, 773, 782, 791, 806, 807.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. III, стр. 417, 419, 420, 421—424, 431.—Костомаровъ, „Собр. сочин.“, т. VI, стр. 180—188, 197.—Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Вел.“, т. I, стр. 273; прим. 42.

Танѣевъ, *Сергѣй Александровичъ*, статсъ-секретарь, сынъ Александра Сергѣевича Танѣева, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, главноуправляющій 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, родился въ 1821 г. Первоначально учился дома, а затѣмъ въ декабрѣ 1835 г. поступилъ въ 2-е отдѣленіе 6-го класса открытаго въ этомъ году училища правовѣдѣнія, курсъ котораго окончилъ въ 1842 г. По выходѣ изъ училища Т. вступилъ на службу въ канцелярію 1-го департамента сената съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Въ 1844 г. онъ былъ командированъ къ русской дипломатической миссіи въ Неаполѣ. Въ 1846 г. пожалованъ былъ въ званіе камеръ-юнкера двора. Въ томъ же году Т. возвратился въ Россію и опредѣленъ былъ исправляющимъ должность секретаря при 1-мъ департаментѣ сената, а вскорѣ затѣмъ переведенъ на службу въ 1-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи въ качествѣ старшаго чиновника; въ 1858 г. на него возложено было временное исполненіе обязанностей управляющаго этимъ отдѣленіемъ. Въ теченіе 1859 и 1860 гг. онъ находился въ заграничной командировкѣ по министерству народнаго просвѣщенія и по возвращеніи въ Россію награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Въ 1862 г. Т. былъ вторично командированъ за-границу для ознакомленія съ постановкой народнаго образованія въ Бельгіи, Германіи, Франціи и Швейцаріи. Въ томъ же году онъ пожалованъ былъ въ статсъ-секретари по случаю 50-лѣтняго юбилея 1-го отдѣленія канцеляріи, а вскорѣ назначенъ членомъ совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ помощникомъ главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Съ 1863 г. Т. состоялъ членомъ комптетомъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1865 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Въ 1866 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность управляющаго 1-мъ отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества послѣ смерти отца, Александра Сергѣевича Танѣева, занимавшаго этотъ постъ, а въ слѣдующемъ году въ этой должности утвержденъ. Ему принадлежитъ заслуга приведенія въ порядокъ дѣлъ архива 1-го отдѣленія канцеляріи и изданіе «Сборника историческихъ матеріаловъ», извлеченныхъ изъ этого архива (Спб. 1876, ч. I). Въ 1873 г. Т. опредѣленъ былъ на постъ предсѣдателя комиссіи для пересмотра нѣкоторыхъ условій въ порядкѣ представленія чиновниковъ къ наградамъ. Въ 1877 г. произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. За руководство дѣлами по разсмотрѣнію устава и штатовъ Покровской общины сестеръ милосердія ему въ 1877 г. пожаловано было

званіе почетнаго члена общины. Въ 1879 г. онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ. Съ 1881 г. онъ состоялъ предсѣдателемъ комиссіи для пересмотра правилъ о награжденіи медалями. Въ 1882 г. его избрали почетнымъ членомъ общества Краснаго Креста. На него возложено было въ 1883 г. поднесеніе государю докладовъ о всѣхъ дѣлахъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества, требующихъ Высочайшаго утвержденія и разрѣшенія; въ томъ году ему было поручено предсѣдательствованіе въ постоянной комиссіи для распредѣленія наградъ при Собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1884 г. Т. назначенъ былъ состоять старшимъ членомъ комитета призрѣнія заслуженныхъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства. Постъ управляющаго 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи занималъ до самой смерти, послѣдовавшей 30 мая 1889 г. Имѣлъ ордена до Владиміра 1-й степени включительно.

Некрологи за 1889 г.: „Правительственный Вѣстникъ“, № 97, отъ 4 мая; „Новое Время“, №№ 4733 и 4736.—„Русскій календарь“ на 1890 г., изд. А. Суворина, Спб. 1891, ч. I, стр. 251.—„Пятидесятилѣтній юбилей Имп. училища правовѣдѣнія“, Спб. 1886, стр. 134.—Н. В. Калачевъ, „Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство“, „Сборникъ государственныхъ знаній“, Спб. 1877, т. IV, стр. 216.—С. И. Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи“, Кіевъ 1891, т. I, книга 1, стр. 490.

Тапильскій, *Сила Степановичъ,* протоіерей, писатель и собиратель извѣстій по исторіи духовенства, родился въ 1817 г. въ селѣ Борцѣ, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ семьѣ причетника, учился въ Рязанской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, посланъ былъ въ 1839 г. въ Петербургскую духовную академію. Академію Т. окончилъ со степенью магистра богословскихъ наукъ и 31 января 1845 г. былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по классу св. писанія, которое преподавалъ до 1847 г., когда оставилъ академію. 20 сентября 1846 г. онъ рукоположенъ былъ во священники и опредѣленъ къ церкви Маріи Магдалины при Маріинскомъ институтѣ, при которомъ состоялъ и законоучителемъ. Въ маѣ 1849 г. Т. перемѣщенъ былъ приходскимъ священникомъ къ церкви Покрова Пресвятой Богородицы, 14 января 1860 г. онъ назначенъ былъ настоятелемъ этой церкви и членомъ Петербургской консисторіи, а 5 сентября того же года произведенъ въ протоіереи. Въ декабрѣ 1860 г. перемѣщенъ былъ протоіереемъ Морского Богоявленскаго Николаевскаго собора. Состоялъ членомъ комитета Петербургской консисторіи и старшимъ членомъ и предсѣдательствующимъ комитета богадѣльни для вдовъ и сиротъ лицъ духовнаго званія. Т. работалъ и писалъ главнымъ образомъ по исторіи петербургскаго духовенства; большинство его трудовъ остались неизданными. Имъ напечатанъ «Справочный указатель соборовъ и церквей Петербургской епархіи и состоящихъ при нихъ священнослужителей и приходовъ», а въ «Историко-статистическихъ свѣдѣніяхъ о Петербургской епархіи» (вып. II) помѣщено его «Описаніе Морского Богоявленскаго Николаевскаго собора». Въ архивѣ синода хранятся въ рукописи слѣдующіе его труды и собранные имъ матеріалы: «Записки по св. Писанію», лекціи, читанныя въ Петербургской духовной академіи; «Бесѣды катехизическія», говоренныя имъ въ 1851 г.; «Петербургскіе соборы, церкви и духовенство» (нѣсколько связокъ и переплетовъ); «Дѣла, относящіяся къ Рязанской епархіи», въ которыхъ имѣются и древнѣйшіе грамоты, договоры, указы, «Указы различныхъ временъ—копіи съ данныхъ», по исторіи петербургской епархіи. Умеръ Т. въ Петербургѣ 15 декабря 1873 г.

„Духовная Бесѣда“, 1873, № 51, стр. 412 (некрологъ) — Мих. Алексѣевъ, „Слово, говоренное при погребеніи протоіерея Никол. Богоявленскаго собора С. С. Тапильскаго“, тамъ же, 1873, № 52, стр. 401—407.—„Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, Спб. 1871, вып. II, стр. 253. — И. Чистовичъ, „Исторія С.-Петербургской духовной академіи“, Спб. 1857, стр. 344, 451.—А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII выпусковъ С.-Петербургской духовной академіи 1814 — 1869 гг.“, Спб. 1907, стр. 494—495. — „Памятная книжка С.-Петербургской губерніи на 1896 годъ“, стр. VI. — В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“ Спб. 1882, т. II, стр. 42, № 13.362, стр. 387, № 24.014.

Таппе, *Августъ Вильгельмовичъ* (Dietrich-August-Wilhelm), учитель нѣмец-

каго училища св. Петра въ Петербургѣ, нѣмецкій пасторъ, докторъ философіи и теологіи, составитель учебниковъ, родился въ Ганноверѣ 9 февраля 1778 г. Образованіе получилъ въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ теологію, а степень доктора философіи получилъ въ Эрфуртскомъ университетѣ. Послѣ того долгое время былъ домашнимъ учителемъ въ Зелтингофѣ, Лифляндской губерніи. Въ 1805 г. опредѣленъ былъ въ Выборгскую мужскую гимназію преподавателемъ филологіи и протестантскаго исповѣданія, а въ 1810 г. переведенъ преподавателемъ нравственности, исторіи и антропологіи въ нѣмецкое училище св. Петра. Въ 1815 г. Т. защищалъ диссертацію при Дерптскомъ университетѣ и удостоенъ былъ степени доктора теологіи. Въ 1819 г. онъ оставилъ русскую службу въ чинѣ титулярнаго совѣтника и вернулся въ Германію, гдѣ преподавалъ въ званіи профессора нравственность, нѣмецкій языкъ и отечественную исторію при королевской лѣсной академіи въ Тарандѣ; въ этой должности оставался до самой смерти (3 апрѣля 1830 г.). Помимо диссертацій и нѣсколькихъ книгъ по вопросамъ нравственности и антропологіи, Т. напечаталъ рядъ учебниковъ русскаго языка для нѣмцевъ, а также въ сокращенномъ изложеніи исторію Россіи по «Исторіи Государства Россійскаго» Н. Карамзина. Извѣстны слѣдующія его сочиненія: «Diss. theol. de usu ac ratione dictionis antropopaticae in scriptura sacra» (Dorpati 1815, по ошибкѣ напечатано 1835 г.); «Diss. theol. de regno Dei, a Jesu, Servatore nostro, in terris condito, quae ejus sit ratio et quosque vigeat nostris temporibus (?)» (Dorpati 1815, 2-е изд. Petropoli 1819); «Untrügliche Mittel wider den Biss toller Hunde», соч. Павла Свиньина, перев. съ русскаго (Petersburg, 1817); «Ueber Scheintodte» (Erfurt 1798); «Ueber den Ursprung, Begriff und Werth einer Gründlichen Anthropologie» (Wiburg 1806); «Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische, nach den Hauptlehren der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands» (Petersburg und Riga, 6 изданій, 1810 — 1823); 2-я часть этого учебника подъ заглавіемъ: «Neues russisches Elementarlesebuch für Deutsche, enthaltend Sentenzen und Maximen, Fabeln, Anecdoten, eine geographisch-statistische Uebersicht Russlands, eine Komedie im Auszuge und Bruchstücke aus Karamsins Schriften» (2-е изд. 1812); приложеніе ко 2-ой части: «Russische Uebersetzungen der deutschen Aufgaben nach den Hauptlehren der Grammatik in der Sprachlehre» (Petersburg 1812); 3-я часть: «Russische historische Lesebuch aus Karamsins Geschichte Russlands» (Petersburg, Riga und Leipzig 1819); «Tableau abregé de l'histoire de Russie de Mr. de Karamsin» (2-е изд., 1825); «Сокращеніе исторіи Карамзина съ толкованіемъ труднѣйшихъ мѣстъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ» (Спб. 1819); «Tugendlehren für Kinder in kurzen Sätzen und Versen» (Petersburg 1812); «Vom Göttlichen und Ewigen in Menschen, oder vom Reiche Gottes auf Erden» (ib. und Riga, 1815; 2-е изданія, ib. und Leipzig 1819; 3-е изд., Dresden 1823); «Geschichte von Russland nach Karamsin» (2 части, Dresden und Leipzig, 1828 — 1831); «Ueber die Verwandschaft des Koptischen mit den Sprachen in Nordasien und im nordöstlichen Europa» (въ «Zeitschrift f. die eleg. Welt», 1824, № 2); издалъ «Worte aus dem Buche der Bücher, oder über Welt und Menschenleben» сочиненіе князя N*** (Dresden 1824).

Біографическій очеркъ на нѣмецкомъ яз., составленный Гольдбахомъ, въ приложеніи ко 2-й части сочиненія Т. „Geschichte von Russland nach Karamsin“ (Dresden und Leipzig, 1831).—J. F. von-Recke und R. Ed. Napiersky, „Allgemeine Schriftsteller und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland“, Mitau 1832, т. 4, стр. 345—347.—Meusel, „Gelehrte Deutschlands“, т. 16, стр. 2; т. 21, стр. 3.—„Conversations Lexicon“, т. XII.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, стр. 860 (портретъ).—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія“, Спб. 1863, т. III, стр. 610. — В. С. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, изд. подъ редакціей В. Н. Рогожина, Спб. 1904, ч. II, стр. 80, №№ 2970—2971; ч. III, стр. 135, №№ 5219, 5220, 5221.

Тараканова, *Августа Матвѣевна*, въ иночествѣ *Досиѳея*, предполагаемая дочь Императрицы Елизаветы Петровны отъ морганатическаго брака ея съ гр. Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, ро-

дилась около 1745 г., гдѣ именно—неизвѣстно. Въ дѣтствѣ (когда именно—остается тоже неизвѣстнымъ) была отправлена за границу, кажется въ Италію, гдѣ получила воспитаніе и гдѣ оставалась до 1785 г., когда, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, была привезена въ Россію и водворена на жительство въ московскій Ивановскій монастырь, который по указу 1761 г. предназначался «для призрѣнія вдовъ и сиротъ знатныхъ и заслуженныхъ людей». Тамъ она и была пострижена. На содержаніе ея изъ казначейства отпускалась значительная сумма, а время отъ времени на ея имя «отъ лица неизвѣстныхъ» въ монастырскую кассу вносились крупные денежные вклады, которые монахиня отдавала на украшеніе монастырскихъ церквей, на раздачу бѣднымъ и нищимъ. По распоряженію свыше, съ ней никто не могъ видѣться и разговаривать кромѣ игуменьи, духовника и особаго причетника. Она имѣла отдѣльный столъ, обильный и изысканный, ей отводились особыя мѣста для прогулокъ, даже церковное богослуженіе совершалось для нея одной. Такимъ образомъ жила она въ полнѣйшемъ уединеніи, занимаясь чтеніемъ душеполезныхъ книгъ и рукодѣліемъ, а послѣдніе годы своей жизни провела въ безмолвіи и считалась «праведной». Только послѣ смерти Екатерины ее стали посѣщать московскій митрополитъ Платонъ и нѣкоторыя знатныя лица. Скончалась Т. 4 февраля 1810 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ. На похоронахъ ея, при большомъ стеченіи народа, присутствовали родственники Разумовскихъ и многіе вельможи. Указанная дата смерти отмѣчена на ея надгробномъ памятникѣ, на сохранившемся же портретѣ ея имѣется надпись слѣдующаго содержанія: «Принцесса Августа Тараканова, во иноцѣхъ Досиѳея, пострижена въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ по многихъ лѣтѣхъ праведной жизни своей скончалась въ 1808 году». Изъ этихъ двухъ разнорѣчащихъ датъ правильной считается первая. По этому портрету стало извѣстнымъ имя ея въ мірѣ, свое отчество она сама изобрѣла, происхожденіе же фамиліи остается невыясненнымъ. Догадка гр. Д. Н. Блудова, что фамилія происходитъ отъ дер. Таракановки, изъ которой Разумовскіе будто бы были родомъ, не подтверждается, такъ какъ въ Черниговской губерніи такой слободы нѣтъ. По словамъ видѣвшихъ Т., она была средняго росту, худощава и рѣдкой красоты, имѣла видъ кроткій и безропотно сносила свою участь, по портрету же можно заключить, что она имѣла большое сходство съ Елизаветой Петровной.

Свящ. В. Рудневъ, „Инокиня Досиѳея (княжна Тараканова)“, „Душеполезное Чтеніе“, 1876, № 12, стр. 412—426.—П. Мельниковъ, „Княжна Тараканова и принцесса Владимірская“, „Русскій Вѣстникъ“, 1867, № 5.—Д. Мордовцевъ, „Русскія женщины новаго времени. Женщины второй половины XVIII в.“.—А. А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, т. I, Москва, 1869.—М. Н. Лонгиновъ, „Княжна Тараканова“, „Русск. Вѣстн.“, 1859, т. 24.—Его же, „Замѣтка о княжнѣ Таракановой“, „Русск. Архивъ“, 1865, №1.—„Осмнадцатый вѣкъ“, изд. 1-е, Спб. 1869, стр. 562—571.—„Русскій Архивъ“, 1865, стр. 656.—„Русская старина“ изд. Мартынова, годъ второй, стр. 87.—„Русскія достопримѣчательности“, вып. V, стр. 14—17.—„Чтенія въ Общ. Истор. и Др. Рос.“, 1866, кн. II.—А. А. Мартыновъ, „Русскія достопамятности“, вып. 5: „Ивановскій монастырь“.—Самгинъ, „О княжнѣ Таракановой“, „Современ. Лѣтопись“, 1865, № 13.—Helbig, „Russische Günstlinge“, Tübingen 1809.—Duclo, „Mémoires secrets sur la France“.—„Mémoires de prince Pierre Dolgorouikow“, III, Géneve, 1871.—Prosp. Méhrimé, „Histoir de la prétendue fille d'Elisabéri“, „Journal des Savants“, 1869, juinet u juillet. *Н. С.*

Тараканова, *Елизавета*, княжна-самозванка, «всклепавшая на себя имя», была не болѣе какъ искательница приключеній. Въ сущности, это загадочное лицо такъ и осталось неизвѣстнымъ ни по фамиліи, ни по имени, ни по роду. И не совсѣмъ вѣрно также замѣчаніе Екатерины II, что она «всклепала на себя имя» дѣйствительной княжны Т., о существованіи которой, вѣроятно, даже не знала; не имя «всклепала» она, а только происхожденіе той; имя же той, за кого она себя хотѣла выдать, дочери Елизаветы Петровны, ей дано впослѣдствіи историками и народной молвой, послѣдней—серьезно, первыми—только формально. Если придерживаться обычая, принятаго для наименованій самозванцевъ, то Т. слѣдовало бы назвать *Лже-Таракановой*, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что ея дѣйствительное имя осталось невыясненнымъ и вѣроятно никогда и не выяснится. Загадочно и происхожденіе Т. Нѣкоторые современные ей писатели называли ее, основываясь на слухахъ изъ

сомнительныхъ источниковъ, дочерью то пражскаго трактирщика, то нюрнбергскаго булочника, но это врядъ ли достовѣрно въ виду ея хорошаго воспитанія, изысканныхъ манеръ, такта, обворожительности, знанія многихъ языковъ,—французскаго и нѣмецкаго въ совершенствѣ, англійскаго и итальянскаго въ степени достаточной для свободнаго разговора. Другіе искренно считали ее дочерью турецкаго султана, третьи приписывали ей знатное польское происхожденіе. Сама она говорила о своемъ происхожденіи весьма различно.

Жизнь Т.—сплошная сказка изъ «Тысячи и одной ночи», безконечная вереница смѣняющихся какъ въ калейдоскопѣ авантюръ и приключеній, увлеченій, успѣховъ и паденій, перемѣнъ мѣста, перемѣнъ имени, блеска и роскоши, преслѣдованій и бѣгства, погони за ролью и даже погони за властью. Отличаясь необычайною красотою, гибкимъ и живымъ умомъ, веселымъ нравомъ, она очаровывала людей всякаго круга, ранга, состоянія и происхожденія, кружила имъ головы, часто доводила ихъ до раззоренія и тюрьмы; знатные вельможи бросали свѣтъ, общество, придворную жизнь и поступали къ ней чуть не въ услуженіе, представитель цесарскаго рода просилъ ея руки, готовъ былъ оставить свое княжество и слѣдовать за нею куда угодно. Не отличаясь строгостью нравовъ, Т. любила хорошо пожить, любила роскошь, тратя на это громадныя деньги, чужія и свои, неизвѣстно откуда къ ней притекавшія. Преслѣдуемая кредиторами, она перекочевывала изъ города въ городъ, изъ страны въ страну: изъ Киля, гдѣ впервые объявилась (1770), она переѣхала въ Берлинъ, изъ Берлина въ Гентъ, оттуда въ Лондонъ, затѣмъ въ Парижъ и т. д., именуясь то дѣвицей Франкъ, то Шель, то госпожей Тремуйль. Поселившись въ 1772 г. въ Парижѣ, Т. изъ Али-Эмете или Алины, ея послѣдняго имени, превратилась вдругъ въ принцессу Владимірскую и стала распространять разсказы о томъ, что происходитъ отъ богатаго рода русскихъ князей Владимірскихъ, воспитывалась будто бы въ Персіи у дяди, которымъ былъ чуть ли не персидскій шахъ, и нынѣ, по достиженіи совершеннолѣтія, пріѣхала въ Европу съ цѣлью отысканія наслѣдства, находящагося въ Россіи. Эта первая попытка Т. выдать себя за русскую была скомпанована явно неудачно, ибо никакихъ князей Владимірскихъ въ Россіи не было уже въ теченіе трехъ слишкомъ столѣтій, тѣмъ не менѣе въ Западной Европѣ, гдѣ о Россіи знали очень немногое, придали ей вѣру, и Т. могла свободно спекулировать на своей выдумкѣ. Замѣчательно, что Т., повидимому хорошо зная исторію Западной Европы, вплоть до мелкихъ дипломатическихъ и дворцовыхъ тайнъ, въ русской исторіи обнаруживала невѣжество и промахи, простительные и естественные развѣ только въ виду вообще низкаго уровня знаній въ Европѣ того времени о Россіи. Новые поклонники Т. помогли ей весело прожить еще нѣкоторое время,—среди нихъ блестящій придворный Людовика XV маркизъ де-Моринъ, растратившій на Т. все свое состояніе и затѣмъ, когда кредиторы обратились въ судъ, не задумавшійся послѣдовать за нею во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Тамъ поклонники ея за долги были посажены въ тюрьму, а сама Т. очутилась въ критическомъ положеніи въ виду отсутствія матеріальныхъ средствъ и угрозъ кредиторовъ. Изъ этихъ затрудненій она вышла благодаря сближенію съ гр. Рошфоромъ де-Вилькуромъ, оффиціально считавшимся ея женихомъ, а затѣмъ съ владѣтельнымъ княземъ Гольштейнъ-Лимбурскимъ, который, несмотря на свой преклонный возрастъ, настолько увлекся Т., что не остановился передъ заточеніемъ своего бывшаго друга и нынѣ соперника—де-Вилькура. Поселившись въ одномъ изъ замковъ кн. Лимбурскаго (Нейсисѣ), Т. окружила себя своимъ дворомъ, учредила даже свой орденъ и повела безумно-роскошную жизнь, называя себя то султаншей Элеонорой, то принцессой Азовской, то снова принцессой Владимірской. Своими тратами она совершенно разстроила дѣла князя Лимбурскаго, почти совсѣмъ его раззорила, и если не совсѣмъ успѣла въ этомъ, то благодаря только приближенному министру князя, нерѣдко отказывавшемуся совершать для него новые и новые займы. Въ свою очередь и Т. принесла въ даръ кн. Лимбурскому очень значительную сумму, неизвѣстно откуда полученную, на покупку графства Оберштейнъ и выкупъ заложеннаго графства Стирумъ, изъ которыхъ первое въ октябрѣ 1773 г. было ей княземъ подарено. Обворожённый, очарованный князь предложилъ Т. свою

руку, но она отклонила его предложеніе, ссылаясь на необходимость ѣхать въ Персію, отклонила и тогда, когда князь рѣшился отказаться отъ престола въ пользу младшаго брата и слѣдовать за нею въ Персію или куда будетъ ей угодно. Будучи съ княземъ въ интимныхъ отношеніяхъ, Т. тѣмъ не менѣе не хотѣла связывать себя оффиціально, ибо около этого времени она начала вовлекаться въ планы, сулившіе ей болѣе широкія перспективы и кружившіе ей голову бо́льшими высотами, чѣмъ тронъ княжества Гольштейнъ-Лимбурскаго. Переселившись въ графство Оберштейнъ, гдѣ она окружила себя еще болѣе пышнымъ дворомъ, Т. оттуда вступила въ оживленныя сношенія съ польскими конфедератами, которые рѣшили ее использовать въ своихъ цѣляхъ, для созданія трудностей императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ началѣ 1774 г., подъ вліяніемъ поляковъ, окружавшихъ кн. Карла Радзивилла, бывшаго палатина виленскаго, богатѣйшаго магната, приверженца Барской конфедераціи, Т. объявила себя дочерью Елизаветы Петровны, сестрою Пугачева, дѣйствовавшаго въ это время очень успѣшно, и претенденткою на русскій престолъ, его законною наслѣдницею. Успѣхи Пугачева и длительныя военныя дѣйствія Россіи съ Турціей окрыляли надеждами какъ Т., такъ и игравшихъ ея личностью поляковъ. Чтобы быть ближе къ послѣднимъ и къ Радзивиллу, Т. въ мартѣ 1774 г. отправилась въ Венецію, гдѣ, поселившись подъ именемъ графини Пиннебергъ въ пышной квартирѣ дома французскаго посольства, повела прежній блестящій образъ жизни, окружая себя обществомъ изъ знатныхъ представителей всѣхъ націй и при всякомъ удобномъ случаѣ распространяя послѣднюю легенду о своемъ происхожденіи. Пышность и роскошь, питаемыя средствами Радзивилла, не имѣли бы, вѣроятно, конца, если бы въ это время огромныя литовскія имѣнія польскаго магната не подверглись секвестру, а вмѣстѣ съ этимъ изсякъ источникъ доходовъ. Въ виду этого пришлось торопиться выполненіемъ дальнѣйшихъ пунктовъ намѣченнаго плана,—и 6 мая того же года Т. и Радзивиллъ выѣхали въ Константинополь съ цѣлью послать оттуда въ дѣйствующую противъ Турціи русскую армію воззваніе съ призывомъ присягать «законной наслѣдницѣ престола»,—Т. Доплыть до Константинополя имъ, однако, не удалось, такъ какъ корабль бурею былъ прибитъ къ берегу около Рагузы, въ которой Т. была принята, благодаря нѣкоторымъ неладамъ этой республики съ русскими властями, довольно радушно и прожила до конца 1774 г.

Изъ Рагузы Т., при содѣйствіи Радзивилла, стала сочинять «манифестики» и письма и разсылать ихъ къ коронованнымъ особамъ въ Западной Европѣ и вліятельнымъ русскимъ дѣятелямъ, въ томъ числѣ гр. Панину. Въ письмахъ она говорила о своемъ происхожденіи отъ Елизаветы Петровны, представляя даже вымышленное духовное завѣщаніе императрицы, о житьѣ при матери до 9-лѣтняго возраста, затѣмъ у шаха персидскаго, о намѣреніи при помощи Пугачева занять престолъ и пр. Эту легенду она дополняла и пріукрашивала устными разсказами, которымъ старалась доставить возможно широкое распространеніе. Легенда въ версіи этого времени сложилась въ общихъ чертахъ такимъ образомъ: Родилась Т. въ 1753 г.; до 9 лѣтъ жила при матери; согласно завѣщанію послѣдней, по достиженіи совершеннолѣтія должна унаслѣдовать россійскій престолъ, до тѣхъ же поръ ея опекуномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ регентомъ долженъ быть Петръ III. Екатерина II, низложивъ супруга, ее, Т., въ возрастѣ 10 лѣтъ, сослала въ Сибирь, откуда она черезъ годъ какимъ-то сердобольнымъ священникомъ была похищена и перевезена къ отцу, *гетману* Разумовскому (смѣшивала гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго съ его младшимъ братомъ, Кириллой Григорьевичемъ); опасаясь за ея судьбу, отецъ отослалъ ее къ своему родственнику (!), персидскому шаху; въ Персіи получила образованіе съ помощью выписанныхъ изъ Европы учителей; когда ей исполнилось 17 лѣтъ, шахъ открылъ ей тайну ея рожденія и предложилъ свою руку, но она, какъ православная, предложенія не приняла, почему была отпущена въ Европу. Пугачевъ, по словамъ Т., былъ ея единокровнымъ братомъ, сыномъ Разумовскаго отъ перваго брака.

Будучи въ Рагузѣ, Т. замыслила, помимо обращенія къ русской арміи, послать воззваніе съ «объявленіемъ себя» и на русскую эскадру, стоявшую подъ началь-

ствомъ гр. Алексѣя Орлова и адмирала Грейга въ Ливорно. Въ успѣхѣ, притомъ близкомъ, Т. была настолько увѣрена, что въ серединѣ іюля писала къ кн. Лимбургскому, продолжавшему считаться ея женихомъ: «Постараюсь овладѣть русскимъ флотомъ, находящимся въ Ливорно. Мнѣ необходимо объявить, кто я, ибо уже постарались распустить слухи о моей смерти. Я издамъ манифесты, распространю ихъ по Европѣ, а Порта открыто объявитъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Друзья мои уже въ Константинополѣ. Они работаютъ, что нужно. Сама я не теряю ни минуты и готовлюсь объявить о себѣ всенародно. Въ Константинополѣ я не замѣшкаю, стану во главѣ своей арміи, и меня признаютъ». Между тѣмъ распространившіеся слухи о происхожденіи Т. и связанный съ этимъ шумъ вокругъ ея имени встревожили рагузскій сенатъ, который черезъ своего представителя при петербургскомъ дворѣ запросилъ гр. Н. И. Панина, завѣдывавшаго иностранными дѣлами, какъ относиться къ ней. Панинъ, по уполномочію Императрицы, отвѣтилъ, что нѣтъ никакой надобности обращать вниманія на «эту побродяжку». Екатерина не хотѣла дѣлать изъ этого громкой исторіи и рѣшилась на другое средство—безъ шума и огласки захватить Т. въ чужихъ краяхъ. Исполненіе этого плана было поручено гр. Алексѣю Орлову.

Между тѣмъ планы Т. одинъ за другимъ стали рушиться. Обращеніе къ султану осталось безъ отвѣта. Пугачевъ, на успѣхи котораго Т. возлагала столько надеждъ, былъ окончательно разбитъ и схваченъ. Турецкая война кончилась унизительнымъ для Порты миромъ. При измѣнившихся столь круто условіяхъ оставилъ надежды на успѣхъ и кн. Радзивиллъ, который въ октябрѣ 1774 г. окончательно разорвалъ съ Т. и уѣхалъ въ Венецію. Послѣ нѣсколькихъ оставленныхъ Т. безъ отвѣта писемъ прекратилъ съ нею сношенія и князь Лимбургскій, все еще горячо ее любившій. Французское посольство, по указанію изъ Парижа, отказало ей въ квартирѣ. Брошенная всѣми, кто былъ вліятеленъ и богатъ, Т. осталась съ поклонниками второго и третьяго сортовъ и безъ тѣхъ средствъ, которыя нужны были для удовлетворенія ея страсти къ роскоши. Если до тѣхъ поръ ея домогательства можно было еще разсматривать болѣе или менѣе серьезно, то съ этого момента они были не болѣе какъ политическими шалостями, дѣтскою и наивною игрою въ политику. Переѣхавъ въ Неаполь, а оттуда въ Римъ, Т. вновь гдѣ-то достала значительную сумму денегъ и стала искать поддержки своимъ планамъ сначала у римскихъ кардиналовъ, а затѣмъ, по явному недоразумѣнію, у англійскаго посла Гамильтона,—въ обоихъ случаяхъ, конечно, безъ всякаго успѣха. Тогда Т. прибѣгла къ давно лелѣянному средству,—стала сноситься съ гр. Орловымъ,ославъ къ нему на эскадру «манифестикъ», а ему самому обширное письмо, въ которомъ «объявляла себя» и спрашивала Орлова, чью сторону онъ приметъ. И «манифестикъ» и письмо гр. Орловъ немедленно отправилъ къ императрицѣ, а къ Т., чтобы выиграть время до полученія отвѣта изъ Петербурга, подославъ де-Рибаса (впослѣдствіи основателя Одессы) съ порученіемъ увѣрить ее въ своей готовности на поддержку, чему Т. могла вполнѣ повѣрить, такъ какъ гр. Орловъ въ это время находился въ нѣкоторой немилости. Получивъ отъ императрицы категорическое приказаніе «схватить всклепавшую на себя имя бродяжку во что бы то ни стало», Орловъ послалъ къ Т. своего генералъ-лейтенанта Христанека съ новыми порученіями—войти въ довѣріе къ Т., заплатить за нее долги (около 11 тысячъ червонцевъ) и заманить ее въ Пизу, гдѣ жилъ Орловъ.

Когда Т. прибыла въ Пизу, Орловъ окончательно убѣдилъ ее въ своей дружбѣ и поддержкѣ, притворился, что признаетъ ее дочерью Елизаветы Петровны, оказывалъ знаки уваженія, заботливо окружалъ удобствами и вообще разыгрывалъ свою роль очень искусно. Онъ представился влюбленнымъ, предложилъ ей руку, вступилъ съ нею въ связь и обѣщалъ добыть ей престолъ путемъ бунта населенія и возстанія войскъ. 20 февраля 1775 г. онъ убѣдилъ Т. совершить для пользы дѣла непродолжительную поѣздку въ Ливорно, и когда она взошла на флагманскій корабль «Три Іерарха», Орловъ отдалъ приказъ адмиралу Грейгу арестовать ее и везти въ Россію. Населеніе Пизы и Ливорно было возмущено, тосканскій великій герцогъ и тосканскій дворъ дипломатическимъ путемъ протестовали противъ насилія, совершеннаго на ихъ территоріи, но русское правительство не отвѣчало. Однако гр. Орловъ поспѣшно

оставилъ предѣлы Тосканы, такъ какъ въ виду сильнаго возмущенія противъ себя боялся покушенія.

26 мая 1775 г. Т. была привезена въ Петербургъ и посажена въ одномъ изъ равелиновъ Петропавловской крѣпости. Допросъ ея былъ порученъ фельдмаршалу кн. Голицыну, которому она давала различныя, не совсѣмъ согласныя показанія, въ общемъ сводящіяся къ слѣдующему. Отъ роду имѣетъ 23 года, отца и мать и мѣста рожденія не знаетъ, крещена въ православіи, до 9 лѣтъ воспитывалась въ Килѣ у какой-то г-жи Перетъ, затѣмъ съ няней уѣхала въ Персію, гдѣ у какой-то старухи прожила 3 года, а позже, бѣжавъ отъ старухи, жила въ Багдадѣ у знатнаго перса Гамета, у котораго познакомилась съ персидскимъ княземъ Гали. Послѣдній увезъ ее въ Испагань, относился къ ней очень почтительно, разсказывалъ ей, что она дочь Елизаветы Петровны, и наконецъ предложилъ ей руку, на что она отвѣтила отказомъ. Въ Испагани пробыла до 1769 г., когда вслѣдствіе возникшихъ въ Персіи волненій кн. Гали поспѣшилъ уѣхать въ Европу, взявъ съ собою и Т. Черезъ Россію Т. ѣхала переодѣтая въ мужское платье, боясь быть схваченной, такъ какъ слышала, что въ Персіи она содержится по указу Петра III. Проѣхавъ Россію, Т. съ кн. Гали побывала въ Берлинѣ и Лондонѣ, откуда Гали поспѣшно вернулся въ Персію, а Т., снабженная значительными денежными средствами, перебралась въ Парижъ, потомъ въ германскія государства, гдѣ отъ многихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ снова услышала о своей «настоящей природѣ». Далѣе Т. довольно правдоподобно излагаетъ исторію своего знакомства съ кн. Лимбурскимъ, кн. Радзивилломъ и др. польскими эмигрантами, отрицая, однако, свое желаніе возмутить войска и флотъ и этимъ путемъ достигнуть россійскаго престола, но признавая, что Радзивиллъ и окружавшіе его хотѣли воспользоваться ея именемъ для своихъ цѣлей. Считая себя ни въ чемъ неповинной, Т. неоднократно, но безуспѣшно обращалась и къ посредству кн. Голицына и прямо къ государынѣ съ просьбою освободить ее, а однажды рѣшилась просить даже аудіенціи, на что Екатерина II, недовольная показаніями Т., въ письмѣ къ кн. Голицыну писала: «Распутная лгунья осмѣлилась просить у меня аудіенціи. Объявите этой развратницѣ, что я никогда не приму ея, ибо мнѣ вполнѣ извѣстны и крайняя ея безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присваивать чужіе имена и титулы. Если она будетъ упорствовать въ своей лжи, то будетъ предана самому строгому суду». Судъ, однако, не понадобился. Больная чахоткой, измученная неизвѣстностью, заключеніемъ и частыми допросами, Т. съ каждымъ днемъ все больше таяла и 4 декабря 1775 г. скончалась, незадолго до смерти разрѣшившись отъ бремени сыномъ, отцомъ котораго былъ, несомнѣнно, гр. Алексѣй Орловъ. Тайну своего рожденія она скрыла даже отъ исповѣдывавшаго ее священника. При ея погребеніи не было совершено никакихъ обрядовъ.

Преданіе о гибели Т. во время наводненія въ Петербургѣ въ 1777 г., послужившее сюжетомъ для надѣлавшей въ 1865 г. много шуму картины Флавицкаго, не имѣетъ подъ собою почвы и изслѣдованіями не подтверждается. По свидѣтельству кн. Голицына, Т. была «свойства чувствительнаго, вспыльчиваго, разума и понятія остраго, имѣла многія знанія; росту средняго, сухощава, статна, волосы черные, глаза каріе, немного косила, лицомъ походила на итальянку». Ея бурная и столь трагически закончившаяся жизнь не разъ служила темой для романистовъ, въ томъ числѣ для Г. П. Данилевскаго, написавшаго въ 1883 г. романъ «Княжна Тараканова».

„Бумаги изъ дѣла самозванки, извѣстной подъ именемъ княжны Таракановой"; извлечены изъ Государственнаго архива К. К. Злобинымъ, „Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества", т. I, Спб. 1867, стр. 169 — 196. — П. Мельниковъ, „Княжна Тараканова и принцесса Владимірская", „Русскій Вѣстникъ", 1867, №№ 5, 6, 8 и отд., Спб. 1868. — Отзывы о послѣднемъ трудѣ, исправленія и дополненія: „Вѣстн. Евр.", 1867, № 4, стр. 36 — 44; 1868, № 3, стр. 479 — 480; „Современное Обозрѣніе", 1868, № 4, стр. 30—38. — „Извѣстіе о пребываніи въ Римѣ въ 1774 г. неизвѣстной принцессы Елизаветы, именовавшей себя дочерью россійской императрицы Елизаветы Петровны", „Русск. Старина", 1907, кн. 9. — „Матеріалы для исторіи Россіи, извлеченные изъ Британскаго музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженкомъ", „Чтенія въ Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.", 1870, № 3, гл. 5, стр. XI, 1—48. — В. Панинъ, „Краткая исторія Елизаветы Алексѣевны Таракановой", тамъ же, 1867, № 2, стр. 155—160 и отд., Москва 1867. — А. А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ", т. I, Москва 1869 и Спб. 1880. — „О

картинѣ Флавицкаго: Княжна Тараканова", „Вѣсть", 1864, № 49.—„Письмо въ редакцію" М. Н. Лонгинова, тамъ же, 1864, № 49.—Н. Рамазановъ, „Княжна Тараканова. Картина Флавицкаго", „Моск. Вѣдом.", 1865, № 80.—Г. Юрьевъ, „Къ вопросу о княжнѣ Таракановой", 1865, № 70.—М. Н. Лонгиновъ, „Замѣтка о княжнѣ Таракановой", „Русскій Архивъ", 1865, № 7.—А. Саминъ, „О княжнѣ Таракановой", „Соврем. Лѣтопись", 1865, № 13.—„Княжна Тараканова. Картина Флавицкаго", „Всемірн. Иллюстр.", 1870, № 208.—„Русск. Вѣстн.", 1859, № 24.—„Русская Бесѣда", 1859, № 6.—„Сѣверная Пчела", 1860, № 39.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Ефрона, т. 32, s. v.—G. von Brewern, „Die vergebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth Petrowna. Nach den Acten des Kaiserlichen Russichen Reichsarchivs", Berlin 1867 (отзывъ: „Literarisches Centralblatt", 1867, № 42).—Prosp. Mérimé, „Histoire de la prétendue fille d'Elisabeth", „Journal de Savants", 1869, juinet juillet.—W. R. S. Rabston, „Legend of the Princes Tarakanof", „Macmillan's Magasine", 1869, août.—Challemel-Lacour, „La princesse Tarakanov; histoire d'une aventurière russe au XIX (?) siecle", „Revue des deux Mondes", 1870, 1 mai.—„Eine russische Prätendentin", „Europa", 1873, № 18.—Castera, „Histoire de Catherine II", Paris, an. VIII.—Duclos, „Mémoires secrets sur la France", II, 350.—Helbig, „Russische Günstlinge", 213, 249.

Н. С.

Таракановъ, *Алексѣй Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1671 г., дата смерти неизвѣстна, но упоминается еще въ 1752 г. проживающимъ въ Москвѣ. Въ 1692 г. названъ стольникомъ. Лѣтомъ 1728 г. посланъ (въ чинѣ полковника) на Украйну, въ Черкасскъ, чтобы настоять на высылкѣ съ Дона всѣхъ бѣглыхъ, поселившихся тамъ съ 1695 г. Казачій кругъ, выслушавъ грамоту, на требованіе въ общемъ согласился, но просилъ Т. ограничить высылку поселившимися съ 1712 г. и позднѣе, о пришедшихъ же до этого срока рѣшено черезъ особое посольство въ Москву просить ихъ оставить, ибо изъ такихъ бѣглыхъ у казаковъ «много старшинъ и лучшихъ людей и его величества слугъ»; выслать ихъ означаетъ опустошить всѣ городки, некому будетъ службы служить, рубежи и черты охранять. Верховный тайный совѣтъ позже срокъ высылки утвердилъ съ 1710 г. Въ 1730 г. назначенъ сенаторомъ. Въ объявленныхъ приказахъ сената имя его всегда стоитъ сейчасъ или послѣ П. Ягужинскаго или послѣ кн. М. Голицына. 7 февраля 1731 г. ему указъ императрицы о ежемѣсячныхъ донесеніяхъ по набору ландмилицкихъ полковъ. Резолюціей государыни на доношеніи ген.-фельдм. кн. Долгорукаго Т. (уже генералъ-маіоръ) назначенъ на Царицынскую укрѣпленную линію, а указомъ отъ 4 марта 1732 г. велѣно ему ѣхать въ Петербургъ для доклада о ходѣ работъ по устройству военныхъ линій. Съ сентября 1732 г. Т., совмѣстно съ де-Бриньи работалъ по устройству Украйны, въ томъ числѣ описывалъ поселенія малороссійскихъ казаковъ и укрѣплялъ Украинскую линію. Шесть лѣтъ спустя Миниху, бывшій въ Малороссіи походомъ на Крымъ, доносилъ въ Петербургъ, что работы по укрѣпленіямъ, сдѣланныя Т. и де-Бриньи, изъ рукъ вонъ плохи: редуты на крѣпостяхъ никуда негодны, Бахмутская провинція вся обнажена, мѣста подвергаются набѣгамъ и грабежамъ. «Тяжкій отвѣтъ—писалъ Минихъ—должны дать Богу и вашему величеству генералы князь Шаховской [въ то время главный распорядитель въ Малороссіи] и Таракановъ за то, что во время ихъ управленія въ Украйнѣ народъ до конца разоренъ», что «города и слободы опустошаются, хлѣбъ перекуривается въ вино, растетъ пьянство и гулянье», провіантъ дорогъ и дорожаетъ, магазины пусты. Безпристрастность этой оцѣнки дѣятельности Т. и Шаховского сомнительна, такъ какъ съ послѣднимъ у Миниха были нелады и контры. Въ 1736 г. Т. участвовалъ въ Крымскомъ походѣ и въ осадѣ, причемъ командовалъ пятою колонною арміи того же Миниха, такъ нелестно отзывавшагося о его прошлой дѣятельности.

Полное Собр. Закон., т. VIII, стр. 118, 119, 360, 477, 515, 517, 529, 530, 542, 607, 624, 625, 647, 661, 737, 816, 859, 888, 889, 988, 989; т. IX, стр. 222, 231, 455, 549, 563, 572, 817—823; т. XIV, стр. 180, 181.—„Сборникъ Русскаго Историч. Общества", т. 76, стр. 570; т. 81, стр. 172, 173, 190; т. 84, стр. 122, 123, 172, 173, 512, 648, 651, 696—698; т. 104, стр. 15, 25, 34, 64, 69, 70, 121, 130, 148, 149, 151, 172, 178, 185, 186, 188, 191, 202, 205, 207, 208, 303, 395, 450, 492; т. 106, стр. 60, 69, 77, 79, 181, 225, 355, 357, 358, 382, 383, 404, 405, 464, 478, 613; т. 107, стр. 12, 36, 46, 79, 390; т. 111, стр. 242, 278, 317, 362, 371.
С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. „Общ. Польза", кн. IV, стр. 1103—1104, 1340, 1341, 1343.—„Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ", отд. I, т. 2, Спб. 1910, №№ 705, 712, 714, 721, 726, 767, 877, 907, 1051, 1254, 1302, 1696, 1773, 1846, 2032.

Таракановъ, *Василій Никитичъ*, новгородскій купеческій староста, 1512—

1518 гг. Въ маѣ 1514 г. вмѣстѣ съ нѣсколькими новгородскими боярами подписался на грамотѣ, закрѣпившей между Новгородомъ и Ганзою 10-лѣтній торгово-политическій договоръ, по которому нѣмцы за отказъ отъ дружбы съ Сигизмундомъ пріобрѣтали значительныя права на торговлю различными товарами въ Новгородѣ. Къ этой грамотѣ, сохранившейся и понынѣ (находится въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ), была привѣшена и печать Т., но отъ нея остались только слѣды. Въ 1515 г. царь Шуйскій, въ виду того, что новгородскіе намѣстники и тіуны судили пристрастно, неправильно и мздоимствовали, повелѣлъ «выбрати изъ улицъ (въ Новгородѣ) лутчихъ четыредесять восемь человѣкъ и къ цѣлованью привести; и оттолѣ... уставили судити съ намѣстники старосту купецкого Василія Никитина сына Тараканова, а съ тіуны судити цѣловалникомъ по 4 человѣки на всякій мѣсяцъ».

Полн. Собр. Русскихъ Лѣтоп., т. VI, стр. 280—281.—Карамзинъ, „Исторія Государства Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. VII, прим. 103, 362. — Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI вѣка“, Спб. 1888, стр. 36.

Таракановъ, *Никита Ксенофонтовичъ*, стольникъ и воевода; впервые упоминается въ 1672 г. по поводу посылки его для учиненія розыска о запрещенной рыбной ловлѣ въ водахъ рр. Шексны и Суды, о чемъ представилъ довольно пространную отписку. Въ 1676 г. назначенъ воеводою въ Бѣлозерскъ и спустя три года за ревностную службу получилъ похвалу. Отъ 1678 г. сохранился рядъ царскихъ грамотъ къ нему въ Бѣлозерскъ. Отъ 22 марта грамота ему о высылкѣ ратныхъ людей къ Москвѣ для встрѣчи польскихъ пословъ; отъ 26 марта приказъ рядить воинскихъ и иныхъ чиновъ людей въ Курскъ и Новый Осколъ по случаю ожидавшагося нападенія турокъ и крымскихъ татаръ на Чигиринъ; отъ 16 апрѣля грамота о высылкѣ въ малороссійскіе города на службу въ полкъ думнаго дворянина Венедикта Андреевича Змѣева начальныхъ людей - копейщиковъ, рейтаръ и пушкарей; а «тѣ люди разбѣжались по домамъ, и тѣхъ людей приказано сыскивать и приводить въ Бѣлоозеро въ съѣзжую избу, бить ихъ батогомъ нещадно, а учиня наказаніе высылать на службу». Отъ апрѣля (дата не обозначена) указъ ему выслать къ Змѣеву половину числящихся по Бѣлоозеру пушкарей, а кому идти—о томъ тянуть имъ жребій, и «жребій давать въ правду, никому не норовя, и посуловъ и поминковъ отъ того ни отъ кого не беря». Отъ апрѣля же ему приказъ выслать въ Москву разнаго чина людей для посольской встрѣчи, а за промедленіе или за поблажки, буде такія окажутся, Т. угрожается быть «въ конечномъ раззореніи» и наказаннымъ. На имя Т. сохранился рядъ грамотъ и административнаго характера отъ того же 1678 г.: о денежныхъ окладахъ бѣлозерскимъ подъячимъ Приказа Большого дворца, о доставленіи въ Москву денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ и рыбы указного образца къ царскому столу, о разспросѣ нѣкоего бобыля Артемьева насчетъ найденныхъ у него «предметовъ волшебства». Подъ 1680 г. Т. названъ разборщикомъ; въ январѣ ему приказано собрать бѣлгородскихъ людей и къ 6 февраля стать съ ними въ полкъ къ воеводѣ боярину кн. П. И. Хованскому. Въ 1682 г. Т. правительницею Софьею посланъ въ Крымъ посланникомъ. Изъ Крыма Т. доносилъ, что ханъ, желая получить больше подарковъ, велѣлъ его схватить, отвести въ конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками, но Т. все время стоялъ на томъ, что ничего противъ прежнихъ дачъ не дастъ; ничего не добившись отъ него добровольно, ханъ велѣлъ пограбить у него «всѣ вещи безъ остатка», а самого отпустить на всѣ четыре стороны. Кое-какъ Т. добрался до русскаго стана на р. Альмѣ, откуда и отписалъ обо всемъ въ Москву. Возмущенная насиліемъ и грабежомъ, правительница Софья объявила хану, что московскихъ пословъ онъ у себя болѣе не увидитъ, а необходимые переговоры уполномоченными съ обѣихъ сторонъ будутъ вестись на границѣ. Объ этомъ нанесенномъ царскому посланнику безчестіи, послѣ котораго Т. получилъ прибавку къ окладу въ 50 рублей соболями, упоминается потомъ въ царскомъ указѣ 1686 г., коимъ приказывалось по мѣстамъ готовиться къ походу противъ Крыма. Въ 1692 Т. посланъ съ милостивымъ словомъ и подарками къ гетману Мазепѣ и былъ принятъ имъ очень пышно: стояла шпалерами гетманская пѣхота, играли трубы, били литавры.

„Дополненіе къ Актамъ Историческимъ“, т. VII, стр. 69, 70, 72—75, 77—79, 174—177; т. VIII, стр. 61—63, 88—89, 185,; т. IX, стр. 227; т. X, стр. 62, 76.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. IV, стр. 306, 307, 318.—Полное Собраніе Законовъ, т. II, стр. 841.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. III, стр. 1003. — Костомаровъ, „Собр. сочиненій“, т. VI, стр. 443.

А. Я.

Тарановъ-Бѣлозеровъ, *Александръ Степановичъ*, предводитель дворянства Таврической губерніи, основатель странноприимнаго дома въ Симферополѣ, род. въ 1759 г. въ семьѣ бѣднаго дворянина. Образованіе получилъ въ Харьковской гимназіи, по окончаніи курса которой служилъ въ Луганскомъ драгунскомъ пикинерскомъ полку, въ который записанъ былъ солдатомъ еще въ 1769 г. Первый чинъ заурядъ-поручика получилъ въ 1772 г. За время службы въ полку отмѣчены его стояніе при охранной стражѣ у Бахмутскаго карантина, установленнаго вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда въ Крыму моровой язвы, и работа его по водворенію отставныхъ пикинеровъ съ семействами на земляхъ, принадлежавшихъ до того запорожцамъ. Въ 1779 г. по болѣзни вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и вскорѣ перешелъ на гражданскую службу. Въ 1784 г. онъ избранъ былъ секретаремъ дворянства учрежденной тогда Екатеринославской губерніи и депутатомъ вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ для принесенія благодарности Екатеринѣ. Въ октябрѣ того же года состоялось опредѣленіе его прокуроромъ въ Екатеринославскій губернскій магистратъ съ чиномъ коллежскаго ассесора, а 13 декабря — въ Таврическую верхнюю расправу. Передъ пріѣздомъ Екатерины II въ Крымъ онъ былъ посланъ Потемкинымъ въ Москву для покупки разныхъ вещей, необходимыхъ въ связи съ предстоявшими торжествами, а во время пріѣзда на него возложена была обязанность по наблюденію за порядкомъ въ мѣстахъ, гдѣ Императрица имѣла въ виду дѣлать остановки. Въ 1788 г. Т. назначенъ былъ областнымъ прокуроромъ, а въ 1791 г. перешелъ въ провіантскій штатъ, занявъ должность оберъ-провіантмейстера премьеръ-майорскаго чина. Годъ спустя въ чинѣ подполковника онъ былъ переведенъ совѣтникомъ соляныхъ дѣлъ Таврической губернской палаты и въ этой должности пробылъ до 1795 г., когда принужденъ былъ за болѣзнью оставить службу и для поправленія здоровья выѣхать за границу. По возвращеніи въ Россію, Т. въ 1800 г. назначенъ былъ членомъ незадолго до того учрежденной комиссіи для разбора возникшихъ въ Крыму земельныхъ споровъ и одновременно служилъ два трехлѣтія таврическимъ совѣстнымъ судьей. Въ 1810 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Съ 1812 до 1818 г. онъ избираемъ былъ таврическимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ 1817 г. назначенъ былъ членомъ комиссіи для раскрытія въ Крыму различныхъ злоупотребленій и состоялъ въ этой должности до смерти, послѣдовавшей 31 марта 1819 г.; похороненъ въ Англійскомъ саду близъ принадлежавшей ему деревни Базарджикъ, въ 18 верстахъ отъ Симферополя.

Сынъ бѣднаго дворянина, Т. оставилъ послѣ себя значительное состояніе, изъ котораго завѣщалъ своимъ законнымъ наслѣдникамъ только одно имѣніе въ тогдашней Слободско-Украинской губерніи. Остальное свое недвижимое имущество, находившееся въ Таврической губерніи, и денежный капиталъ въ размѣрѣ 150 тысячъ рублей онъ въ завѣщаніи пожертвовалъ на устройство странноприимнаго дома въ Симферополѣ. Для осуществленія этой воли имъ назначены были попечители, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были уполномочены въ цѣляхъ увеличенія капитала отпускать на свободу крестьянъ, завѣщанныхъ странноприимному дому, за выкупъ, который однако не долженъ превышать 200 рублей за ревизскую душу. Завѣщаніе его было исполнено; странноприимный домъ былъ открытъ въ 1822 г., а въ 1826 г. былъ выстроенъ собственный каменный домъ. Странноприимный домъ Т. существуетъ въ Симферополѣ и понынѣ.

Т. былъ выдающимся по тому времени сельскимъ хозяиномъ; имъ достигнуто было значительное улучшеніе простой породы крымскихъ овецъ путемъ скрещиванія туземной породы съ выписанной имъ въ 1804 г. производителями испанской породы.

Д. Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей земли русской“, Москва 1836, ч. V, стр. 126 — 130. — Брокгаузъ и Ефронъ, „Энциклопедическій словарь“, полут. 21, Спб.

1893, слово „Домъ страннопріимный“, стр. 9—10.—„Справочный энциклопедическій словарь“ Крайя, т. 10, Спб. 1848, стр. 103.—Толль, „Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія“, т. III, Спб. 1863, стр. 611.—В. П. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 годы“, т. II, Спб. 1893, стр. 6, № 8384.—„Полное Собраніе Законовъ“, т. XXXVII, стр. 747, № 28656.

де-Тарантъ, принцесса, *Луиза Эмануиловна де-ла-Тремуль,* статсъ-дама, герцогиня, была придворной дамой при французскомъ дворѣ до Великой французской революціи; пользовалась расположеніемъ королевы Маріи-Антуанетты, будучи одной изъ приближенныхъ къ ней статсъ-дамъ. Съ началомъ революціи эмигрировала въ Россію. Здѣсь Т. 20 іюля 1797 г. пожалована была въ статсъ-дамы и вмѣстѣ съ тѣмъ орденомъ св. Екатерины меньшаго креста. Она была ревностной католичкой и дѣятельно пропагандировала католицизмъ въ средѣ высшаго петербургскаго общества. Такъ, живя у графини Варвары Николаевны Голицыной, Т. обратила ее и ея дочь въ католическую вѣру. До конца своихъ дней она осталась приверженной дому Бурбоновъ. Умерла Т. въ Петербургѣ 22 іюня 1814 г. Послѣ реставраціи тѣло ея перевезено было во Францію.

„Сѣверная Почта“, 1814, № 52.—П. Ѳ. Карабановъ, „Статсъ-дамы русскаго двора въ XVIII столѣтіи“, „Русская Старина“, 1871, № 1, стр. 47—48.

Тарара — нѣсколько иконописцевъ. 1) *Андрей,* работалъ въ Москвѣ, упоминается въ числѣ многихъ другихъ, въ 1644 г. пожалованныхъ царскою наградою за «успенское» письмо. 2) *Василій Ѳедоровичъ,* въ одной изъ «сказокъ» отъ 1660 г. называется кормовымъ иконописцемъ; наряду съ предыдущимъ также, повидимому, участвовалъ въ работахъ по украшенію Успенскаго собора. 3) *Василій,* по фамиліи также *Тараринъ,* былъ кормовымъ иконописцемъ «меньшой статьи» и въ 1650 г. писалъ образа для Саввинскаго монастыря.

П. Е. Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія“, стр. 9, 12, 13.—Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII“, Спб., 1856, стр. 184.—Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи“, Спб. 1903 г., стр. 164.

Тарасевичъ, *Александръ Кипріановичъ,* изъ дворянъ г. Риги, родился 5 апрѣля 1815 г. и по окончаніи курса въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ выпущенъ (30 января 1834 г.) прапорщикомъ во 2-й саперный баталіонъ, въ которомъ и служилъ до 27 февраля 1850 г., когда въ чинѣ штабсъ-капитана былъ переведенъ въ 1-й резервный саперный баталіонъ; произведенный въ томъ же году въ капитаны, Т. получилъ и первую награду—орденъ св. Анны 3-й степени; въ 1855 г. былъ произведенъ въ подполковники, въ 1862 г. въ полковники и черезъ два года (5 мая 1864 г.) назначенъ командиромъ понтоннаго № 6 парка. Паркомъ командовалъ лишь годъ, когда получилъ (9 іюня 1865 г.) 128-й пѣхотный Старооскольскій полкъ. Насколько первые года Т. медленно подвигался по службѣ, настолько сравнительно быстро онъ достигъ чина генералъ-маіора (19 октября 1869 г.), но болѣзненное состояніе вынудило его вскорѣ покинуть службу и выйти въ отставку (19 марта 1870 г.). Т. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ въ 1841, 1849 и 1863 гг., причемъ имѣлъ слѣдующія награды: лично получилъ въ 1842 г. монаршее благоволеніе за храбрость въ стычкѣ съ горцами, св. Станислава (1857) и св. Анны (1864) 2-й степени съ коронами, знакъ отличія безпорочной службы (1857) за 20 лѣтъ, св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ (1859) за 25 лѣтъ и знакъ отличія за службу на Кавказѣ (1864): окончался 19 апрѣля 1882 г.

Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, 3 ст., 4 отд., I кат. 1870 г., № 140, и 3 ст., 6 отд., 1882 г., № 381.

Тарасевичъ, *Леонтій,* украинскій граверъ на мѣди конца XVII и начала XVIII в.; учился искусству у братьевъ Киліановъ въ въ Аугсбургѣ и отъ нихъ перенялъ манеру травить мѣдь крѣпкой водкой; жилъ преимущественно въ Черниговѣ. Въ соцарствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей былъ вызванъ «изъ Черкассъ», вмѣстѣ со своимъ товарищемъ И. Ширскимъ, въ Москву, гдѣ по заказу Шакловитаго награвировалъ двѣ доски: одну съ изображеніемъ св. мученика Стратилата (патрона заказчика), въ рамкѣ, орнаментированной фигурой ангеловъ и воинскими доспѣхами, другую—съ портрета царевны Софіи Алексѣевны, въ коронѣ, съ державою въ рукахъ и съ расположенными вокругъ семью аллегорическими изображеніями (въ медальонахъ) добродѣтелей. Отъ первой работы уцѣлѣлъ единственный оттискъ, хранящійся въ Московскомъ публич-

номъ музеѣ, въ собраніи Д. А. Ровинскаго; экземпляры второй гравюры послѣ паденія Софіи усердно отбирались отъ владѣльцевъ и уничтожались, почему до насъ не дошло ни одного изъ нихъ. Представленіе объ этой гравюрѣ можетъ дать лишь копія съ нея, сдѣланная амстердамскимъ граверомъ Блютелинкомъ. Рядъ выдающихся по исполненію гравюръ сработаны Т. для кіевскаго изданія Печерскаго Патерика отъ 1702 г. Всего насчитывается до 70 гравюръ руки Т.

Д. А. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія до основанія академіи художествъ", Москва 1870.

Тарасенковъ, *Алексѣй Терентьевичъ*, врачъ, писатель, сынъ торговца мѣховыми товарами, родился въ 1813 г. Среднее образованіе получилъ въ одной изъ московскихъ гимназій, высшее—на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, изъ котораго въ 1838 г. вышелъ со званіемъ лекаря 1-го разряда. Служебную дѣятельность началъ въ 1840 г., когда назначенъ былъ врачемъ московской дворцовой конторы; одновременно съ этимъ въ 1842—1843 г.г. состоялъ ординаторомъ московской дѣтской больницы безъ жалованья. Въ 1844 г. за сочиненіе «О признакахъ головного воспаленія вообще и arachoiditis въ особенности)», представленное университету, удостоенъ званія штабъ-лекаря. Въ 1845 г. назначенъ былъ врачемъ московской больницы для чернорабочихъ, а съ 1853 г.—старшимъ врачемъ той же больницы и оставался въ этой должности до 1858 г., когда ему поручено было завѣдывать странноприимнымъ домомъ графа Шереметева и полицейско-арестантской больницей. Кромѣ того Т. состоялъ врачемъ московскаго училища, а съ 1860 г.—попечительства о бѣдныхъ по 1-му Тверскому участку, и былъ секретаремъ инспектора гражданскихъ больницъ, котораго на время отсутствія замѣнялъ. Въ больницахъ, бывшихъ въ его завѣдываніи, Т. ввелъ значительныя улучшенія. Имъ были написаны отчеты и историческія описанія больницъ; таковы: «Историческое описаніе больницы графа Шереметева въ Москвѣ» (Москва 1859), «Отчетъ по временному (тифозному) отдѣленію московской больницы для чернорабочихъ» (1857), «Историческая записка о странноприимномъ домѣ гр. Шереметева» (1857), «Обозрѣніе больныхъ въ московскихъ больницахъ гражданскаго вѣдомства», со времени открытія каждой изъ нихъ (1862), «Медико-статистическіе выводы изъ вѣдомостей московской больницы для чернорабочихъ за 1844—1858 гг., отъ начала существованія ихъ» («Проток. физико-медиц. общ.», 1859, 26 янв.); «Отчетъ объ операціяхъ въ московскихъ гражданскихъ больницахъ въ 1858 г.» (тамъ же, 1859, 2 ноября), «Медико-статистическія данныя изъ отчетовъ всѣхъ больницъ гражданскаго вѣдомства медицинскому инспектору» за 1858—1863 г. (тамъ же, 1859—1864), «О движеніи больныхъ, преимущественно тифозныхъ, съ января по май 1868 г.» (тамъ же, 1868) и др. Кромѣ работы въ больницахъ Т. принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ физико-медицинскаго общества и общества русскихъ врачей въ Москвѣ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, — перваго съ 1854 г., а второго съ 1858 г. Т. лѣчилъ въ 1851—1852 гг. Н. В. Гоголя во время его послѣдней болѣзни и результаты своихъ наблюденій изложилъ въ статьѣ «Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя» («Отечественныя Записки», 1856, № 12, т. CIX, стр. 397; отд. оттискъ, Москва 1857, и 2-е изд., дополн. по рукописи, Москва 1902). Умеръ Т. въ Москвѣ 16 мая 1873 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

По вопросамъ медицины и исторіи медицины Т. написалъ много работъ, основанныхъ главнымъ образомъ на матеріалахъ изъ собственной врачебной практики. Главнѣйшія его работы: «О томъ, какъ излечиваютъ болѣзни и что называется лекарствомъ» (Москва 1850), «Помѣшательство ума послѣ холеры» («Моск. Врач. Журн.», 1854, № 1), «Замѣчанія о господствующихъ перемежающихся лихорадкахъ» (тамъ же, 1854), «Эпидемическая дифтерическая жаба» (тамъ же, 1854), «Историческая записка о состояніи и дѣятельности Медико-Физическаго общества за первыя 50 лѣтъ» (тамъ же, 1856, № 2 и отд., Москва 1856), «Случай перехода острого ревматизма въ холеру» («Протоколы Общества Русскихъ Врачей», Спб. 1857), «Самъ больной лечитъ hydrocoele уколомъ шила» («Моск. Медиц. Газета», 1859, № 59), «Взглядъ врача на женское воспитаніе» (тамъ же, № 48); «Нѣчто о больницахъ» («Моск. Вѣд.», 1859, № 29), «Объ устройствѣ вра-

чебнаго пособія въ деревняхъ» («Моск. Медиц. Газета», 1862, № 50), «О санитарныхъ заведеніяхъ парижскаго общественнаго призрѣнія, читано въ засѣданіи Общ. Русскихъ врачей» (тамъ же, 1870, № 7), «Матеріалы для біографіи А. Н. Бахметьева, попеч. Московск. учебнаго округа» (Москва 1861), «О болѣзняхъ, предшествовавшихъ въ этомъ году холерѣ» («Проток. Моск. Общ. Русскихъ Врачей», 1866).

Некрологи за 1873 г.: „Московская Медицинская Газета", № 10; „Московскія Вѣдомости", 17 мая; „Московскія Епархіальныя Вѣдомости", № 23; „Протоколъ засѣданія Общества русскихъ врачей въ Москвѣ", 18 мая.—„Гражданинъ", 1874 г., № 3.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", Спб. 1886, тетр. 2, стр. 126; тетр. 3, стр. 69.—„Историческій Вѣстникъ", 1902, іюнь, стр. 1081.—А. В. Мезіеръ, „Русская словесность съ IX по XIX вѣкъ", Спб. 1902, ч. II, стр 56, № 5681.—В. И. Межовъ, „Литература русской исторіи за 6 лѣтъ, 1859 — 1864 г г., Спб. 1866, т. I, стр. 163, № 2566.

Тарасенко-Отрѣшковъ, *Наркисъ Ивановичъ*, коллежскій совѣтникъ, членъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, писатель-экономистъ; писалъ, главнымъ образомъ, по вопросамъ финансовой и экономической политики. Т. имѣлъ слабость воображать себя первымъ русскимъ политико-экономомъ, тѣмъ не менѣе работы его не представляютъ собой чего-либо выдающагося и слѣда въ экономической наукѣ не оставили, хотя онъ и касался въ нихъ самыхъ различныхъ вопросовъ изъ области народнаго хозяйства. Ѳ. Булгаковъ называлъ его «русскимъ философомъ безъ логики». Въ 1832 г. Пушкинъ, предполагая издавать подъ своей редакціей литературно-политическую газету, предложилъ ему взять на себя завѣдываніе предполагавшимся изданіемъ, и Т. согласился на это предложеніе, но предпріятіе не осуществилось. Въ 1833 и 1834 гг. Т. издавалъ «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній или Библіотека по части промышленности, сельскаго хозяйства и наукъ къ нимъ относящихся». Имъ были написаны слѣдующія журнальныя и отдѣльно изданныя статьи: «Объ устроеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи» (Спб. 1835); «Объ успѣхахъ сельскаго хозяйства въ Англіи и Россіи» (Спб. 1838); «Поѣздка въ Крымъ»—о фабричной промышленности и торговлѣ («Сѣверная Пчела», 1855, № 153); «Замѣтки о магометанствѣ въ Крыму» («Моск. Вѣдом.», 1856, № 60); «О золотѣ и серебрѣ» (Спб. 1856); «Бесѣды съ землевладѣльцами и торговцами» (Спб. 1858); «Частные банки» («Указатель политико-экономическій», 1859, № 29); «Обзоръ внѣшней торговли въ Россіи за послѣднія 25 лѣтъ» (Спб. 1859); «Положеніе нашей заграничной торговли въ отношеніи къ С.-Петербургу» («Спб. Вѣд.», 1860, № 31); «Обзоръ нынѣшнаго положенія внѣшней торговли въ Россіи» (Спб. 1861); «Нынѣшнее положеніе внѣшней торговли Россіи льномъ» («Труды Имп. Вольно-эконом. общ.», 1860, т. II, отд. III, стр. 136—139 и 316—324); «Причины нынѣшняго безденежья въ Россіи и средства къ ослабленію ихъ дѣйствія» (Спб. 1861); «Замѣтки въ поѣздку во Францію, Сѣверную Италію, Бельгію и Голландію» (Спб. 1871). «Замѣтки въ поѣздку на минеральныя воды въ Крейцнахъ Эмсъ» (Спб. 1872); Особнякомъ стоитъ нѣсколько не вяжущееся съ обычными темами работъ Т, его «Руководство къ вывожденію пятенъ изъ всякаго рода матерій» (Спб. 1833). Т. состоялъ членомъ-корреспондентомъ Имп. Вольно-экономическаго общества».

Ѳ. А. Бычковъ, „Неосуществившаяся газета Пушкина", „Историческій Вѣстникъ", 1883, т. XIII, стр. 299.—П. В. Анненковъ, „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина", т. I, стр. 358.—И. Н. Березинъ, „Русскій энциклоп. словарь", Спб. 1877, отд. IV, т. II, стр. 463.—„Историческій Вѣстникъ", 1886, т. XXIII, январь-февраль, стр. 387—389.—А. Ф. Поворинскій, „Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву", Спб. 1904, № 15221, стр. 728.—В. И. Межовъ, „Каталогъ русскимъ книгамъ продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ф Базунова", Спб. 1869, стр. 233, № 3810, стр. 235, № 3848; стр. 241, № 3927.—Его же, „3-е и 4-е прибавленіе къ каталогу", Спб. 1873, стр. 127, № 2069.—П. и В. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1859 годъ", Спб. 1868, стр. 133, № 2395; то же за 1860 годъ, Спб. 1869, стр. 144, № 2449; стр. 146, № 2494; то же за 1855 годъ, Спб. 1866, стр. 89, № 878; то же за 1856 годъ, Спб. 1861, стр. 46, № 604 —М. Д. Ольхинъ, „Систематическій реестръ русскихъ книгъ съ 1831 по 1846 годъ", Спб. 1846, стр. 58, № 1519; стр. 156, № 3349; стр. 159, № 3394; стр. 165, № 3488; стр. 263, № 5925.

Тарасій *Вербицкій*, архимандритъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоръ Кіевской духовной академіи въ 1768—1773 гг.;

обучался въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи курса академіи принялъ чинъ постриженія и остался при академіи преподавателемъ въ низшихъ классахъ; въ 1758 г. онъ преподавалъ синтаксиму. Затѣмъ опредѣленъ былъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ въ Кіевѣ, а въ 1766 г. произведенъ былъ во игумена Кирилловскаго монастыря. 12 августа 1768 г. онъ переведенъ былъ архимандритомъ Кіево-Братскаго Богоявленскаго монастыря и назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ академіи; за время своего ректорства преподавалъ богословіе. Въ 1773 г. Т. вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и въ качествѣ проповѣдника съ оставленіемъ въ должности ректора академіи. Однако въ Кіевъ онъ не вернулся, такъ какъ 16 января 1774 г. его перевели архимандритомъ въ Антоніевъ Новгородской епархіи монастырь. Затѣмъ Т. переведенъ былъ въ Хутынскій Спасо-Варлаамиевъ Новгородской епархіи монастырь въ іюлѣ 1774 г., а въ апрѣлѣ 1775 г. въ Иверскій Богородичный той же епархіи монастырь; наконецъ, въ маѣ 1774 г. онъ вернулся въ Кіевъ, будучи опредѣленъ архимандритомъ въ Кіевскій Златоверхо-Михайловскій монастырь. Въ 1787 г. Т. ушелъ на покой и жилъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ и скончался 24 февраля 1790 г. Т. былъ извѣстенъ какъ проповѣдникъ; изъ его проповѣдей, говоренныхъ имъ при дворѣ въ бытность его въ Петербургѣ, напечатаны лишь нѣкоторыя въ 1773 и 1774 г.г., большая же часть ихъ, по свидѣтельству митрополита Евгенія, осталась въ рукописяхъ.

Митрополитъ Евгеній, „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви“, изд. 2-е, Спб. 1827, т. II, стр. 264—265.—„Матеріалы для исторіи русской литературы“, изданіе П. А. Ефремова, Спб. 1867, стр. 106.—Н. И. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, Спб. 1867, стр. 213.—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній“, т. III, Спб. 1863, стр. 611.—Макарій Булгаковъ, „Исторія Кіевской духовной академіи“, Спб. 1843, стр. 179, 164 и 168.—В. Аскоченскій, „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіей“, Кіевъ 1856, т. II, стр. 259, 303—304, 311, 312.—„Акты Кіевской духовной академіи“, т. III, № 40.—Строевъ, „Списокъ іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 16, 19, 27, 52, 53, 60.

Тарасій *Глушицкій*, святитель XV в.; былъ игуменомъ Пермской обители, но оставилъ начальствованіе и отправился въ Глушицкій монастырь къ преподобному Діонисію, чтобы жить тамъ подъ его руководительствомъ. Принятый Діонисіемъ, Т. прожилъ съ нимъ 10 лѣтъ. Онъ стяжалъ даръ умиленія и непрестанный плачъ; скончался въ 1440 г. при игуменѣ Амеилохіи и покоится подъ спудомъ въ Глушицкомъ монастырѣ. Память его чтится 12 октября; служба установлена общая со всѣми преподобными Глушицкаго монастыря и отправляется по древней рукописной книгѣ.

Игнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“, ч. II, Спб. 1875, стр. 60—61.—„Словарь историческій о святыхъ“, стр. 259.—Сергій, „Житія русскихъ святыхъ“, ч. II, стр. 272.—Николай Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, Спб. 1882, стр. 542.—Графъ М. Толстой, „Разсказы изъ исторіи русской церкви“, Москва 1865, кн. 3, стр. 50—51.

Тарасій, *Зелика Левоничъ*, игуменъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоръ Кіевскаго училища и завѣдующій типографіей Печерской лавры, жилъ въ концѣ XVI и первой трети XVII вѣка. Учился въ училищѣ Кіево-Братскаго монастыря, по окончаніи котораго принялъ постриженіе. Вызванъ былъ въ Кіево-Печерскую лавру Елисеемъ Плетеницкимъ, гдѣ, начиная съ 1624 г., изъ года въ годъ виденъ завѣдующимъ типографіей, проповѣдникомъ и соборнымъ старцемъ; онъ исполнялъ также обязанности корректора, а по сказанію Кіевскаго каталога ректоровъ академическихъ съ 1831 г. состоялъ игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря и ректоромъ училища монастырскаго. Изъ сочиненій его наиболѣе извѣстенъ трактатъ о литургіи, напечатанный при «Служебникѣ» (Кіевъ, изд. 1628 г.); трактатъ этотъ заключаетъ въ себѣ обширныя каноническія и патрологическія свѣдѣнія и состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) о названіяхъ литургіи, 2) о важности литургіи и достойномъ приготовленіи къ ней и 3) отъ кого установлена и передана она. Онъ перевелъ съ греческаго языка «на общую малороссійскую бесѣду» «Синаксари» Каллиста, помѣщенное въ «Постной Тріодіи» (Кіевъ 1627). Кромѣ того имъ написано послѣсловіе къ «Номоканону» (Кіевъ 1624),

предисловіе къ «Толкованію на Апокалипсисъ» Андрея, архіепископа Кесаріи Каппадокійскія (Кіевъ 1625) и къ «Цвѣтной Тріоди» (Кіевъ 1631); вѣроятно имъ сочинена «Имнологія на Пасху» кіевскихъ типографовъ архимандриту Петру Могилѣ (Кіевъ 1630). Современникъ Т., Кальнофойскій въ похвальной эпитафіи, напечатанной въ его «Тератургимѣ» (Кіевъ 1638, стр. 47), называетъ его «мужемъ, ученымъ въ языкахъ грецкомъ, латинскомъ, словенскомъ и русскомъ». Умеръ Т. 13 сентября 1632 г.

К. Аскоченскій, „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—академіей", Кіевъ 1856, т. I, стр. 102, 328. — Митр. Евгеній Болховитиновъ, „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина", Спб. 1827, т. I, стр. 263 — 264. — Макарій, „Исторія русской церкви", Спб. 1882, т. XII, кн. 2, стр. 387—388.—Филаретъ, „Исторія русской церкви", Черниговъ 1862, изд. 4-е, періодъ 4-й, стр. 91 и 97.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи", Москва 1807—1815, т. I, стр. 492.—С. Голубевъ, „Исторія Кіевской духовной академіи", Кіевъ 1886, вып. 1, стр. 173—174, 175, 225 и прилож., стр. 4. — „Кіевлянинъ", 1840, стр. 159. — П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 17.—Его же, „Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ Н. Н. Царскаго", Москва 1836, стр. 113, № 84; стр. 123—124, № 90.—Его же, „Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ Ѳ. Л. Толстого", Москва 1829, стр. 164, № 70, стр. 165, № 72. — Филаретъ, „Обзоръ русской духовной литературы", т. I, стр. 190, § 169.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1872, стр. 289, № 8035.—Каратаевъ, „Описаніе славяно-русскихъ книгъ", ч. II, стр. 404—429.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографіи за 1800—1854 годы включительно", Спб. 1893, т. 3, стр. 11.—„Энциклопедическій словарь" Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 629.

Тарасій, епископъ ростовскій; въ епископы рукоположенъ въ 1288 г. изъ архимандритовъ Іоанно-Богословскаго монастыря послѣ смерти Игнатія. Біографическихъ свѣдѣній о немъ сохранилось мало. Лѣтопись разсказываетъ о немъ, что въ 1290 г. (6798) князья Ростовскіе, братья Дмитрій и Константинъ Борисовичи послали его изъ Ростова въ Устюгъ Великій для освященія собора церкви Успенья, «а съ нимъ образъ Пресвятыя Богородицы, одигитрія и колоколъ». Въ 1295 г. Т. поссорился со своимъ княземъ Константиномъ Борисовичемъ и уѣхалъ въ Устюгъ. Константинъ поѣхалъ за нимъ и взялъ его подъ стражу вмѣстѣ со всѣми людьми епископскими. О послѣдствіяхъ лѣтопись однако ничего не говоритъ. Извѣстно во всякомъ случаѣ, что послѣ этого столкновенія со своимъ княземъ Т. продолжалъ и послѣ занимать епископскую каѳедру въ ростовскомъ княжествѣ и лишь въ 1299 г. ушелъ на покой. Скончался Т. въ 1304 г.; мѣсто погребенія неизвѣстно.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей т. I, стр. 227; т. IV, стр. 102; т. VI, стр. 128; т. VII, стр. 179, 180, 181, 184; т. VIII, стр. 69.—А. Крыловъ, „Историко-статистическое описаніе Ростовско-Ярославской епархіи", Ярославль 1860, стр. 41 и 45.—„Іерархи ростовско-ярославской паствы", Ярославль 1864, стр. 52.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи", Москва 1807—1815, ч. I, стр. 117; ч. IV, стр. 307.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго", Москва 1819, т. IV, прим. 169, 182, 201, 247.—А. Нилъ, „Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь", Ярославль 1862, стр. 81.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 330.—Соловьевъ, „Исторія Россіи", Москва 1870, изд. 3-е, т. V, стр. 235.

Тарасій, епископъ сарскій и подонскій съ 1572 до 1579 г.; имя его не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ «Исторіи россійской іерархіи» Амвросія. Несомнѣнно только, что Т. присутствовалъ на соборѣ 20 декабря 1578 г., установившемъ празднованіе препод. отцу Іосифу Волоколамскому «отъ нынѣшняго лѣта (7087) доколѣ монастырь Пречистыя стоитъ».

Н. Л. Соловьевъ, „Сарайскіе и крутицкіе епископы", „Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ", 1894, кн. 3, стр. 591.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877 г., стр. 1035.—„Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ", 1847 г., кн. 7, отд. IV, стр. 9.

Тарасій, архимандритъ Антоніева Новгородскаго монастыря съ января 1696 г., ушелъ на покой по Строеву въ 1699 г., по «Исторіи россійской іерархіи» Амвросія въ 1698 г., а въ исторіи монастыря сказано лишь, что онъ упоминается въ монастырскихъ бумагахъ въ декабрѣ 1697 г.

„Описаніе Антоніева Новгородскаго монастыря", Москва 1810, стр. 148.—П. Строевъ „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 95.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи", Москва 1807—1815, т. III, стр. 252.

Тарасій, строитель Коневскаго Рождественскаго С.-Петербургской епархіи монастыря съ 1762 до 1782 г. При немъ въ 1776 г. была окончена постройкой каменная Николаевская церковь; его стараніемъ монастырь обнесенъ былъ деревянной оградой съ небольшими башнями на углахъ. По выходѣ на покой Т. жилъ при томъ же монастырѣ; скончался въ 1787 г. и погребенъ при обители.

П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 286.—„Островъ Ваалмъ и тамошній монастырь; о. Коневецъ", Спб. 1852, стр. 16—17.—„Историческое изображеніе о началѣ Коневскія обители, о запустѣніи, возобновленіи и настоящемъ оной положеніи", Спб. 1817, стр. 19—20.

Тарасовскій, *Петръ*, депутатъ отъ тотемскихъ черносошныхъ крестьянъ въ комиссіи для сочиненія новаго уложенія. Былъ въ числѣ присоединившихся къ мнѣнію Заруднаго и Козельскаго, возражавшихъ противъ предложенія дворянскихъ депутатовъ о недопущеніи къ дворянскому званію (за исключеніемъ случаевъ Высочайшаго пожалованія) лицъ другихъ сословій, достигшихъ на военной службѣ высшихъ чиновъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества", т. IV (Труды Екатерининской комиссіи для сочиненія новаго уложенія).

Тарасовъ, *Василій Ивановичъ*, докторъ медицины, главный врачъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, сынъ пономаря Рязанской губ., родился въ 1822 г. Поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета въ 1840 г. и курсъ окончилъ въ 1845 г. съ отличіемъ, получивъ званіе лекаря 1-го отдѣленія. Назначенъ былъ Кирсановскимъ Тамбовской губ. уѣзднымъ врачемъ. Въ 1851 г. уволенъ былъ съ этой должности. Въ 1854 г. выдержалъ экзаменъ на званіе оператора и получилъ при Московскомъ университетѣ степень доктора медицины за представленную имъ диссертацію: «Anatomico-physiologica perinaei humani descriptio» (Москва 1854). Во время Крымской кампаніи отправился съ Крестовоздвиженской общиной сестеръ милосердія на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ завѣдывалъ учрежденіями, состоявшими подъ покровительствомъ вел. княгини Елены Павловны. По окончаніи кампаніи Т. назначенъ былъ главнымъ врачемъ этой общины. Имъ написано: «Краткій отчетъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія за 1862 г.» («Медицинскій Вѣстникъ», 1863, № 23—26); тоже за 1864 г. (тамъ же, 1865, № 40 и «Вѣстникъ Медицинской Жизни», 1865, ч. 92, II); «Лечебница для приходящихъ при Крестовоздвиж. общинѣ сестеръ милосердія» («Медиц. Вѣстникъ», 1862, № 19); Т. состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго Физико-Медицинскаго общества. Умеръ въ Петербургѣ 6 іюня 1868 г.

Некрологи: „Медицинскій Вѣстникъ", 1868, № 29; „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1868, № 172; „Иллюстрированный календарь" на 1869 г., стр. 320.—Г. Геннади, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей за 1868 г.", „Русскій Архивъ", 1870, стр. 2039.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", Спб. 1886, тетр. 2, стр. 126; 2-е дополненіе, Спб. 1892, стр. 42.—Его же, „Словарь врачей, получившихъ степень доктора мед. въ Московскомъ университетѣ", Спб. 1885, стр. 551.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1772, стр. 281, № 7254; стр. 450, №№ 12114—12115.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1868—1876 годы", Спб. 1882, т. II, стр. 387; т. III, стр. 60.

Тарасовъ, *Дмитрій Климентовичъ*, тайный совѣтникъ, почетный лейбъ-хирургъ, дѣйствительный членъ медицинскаго совѣта, директоръ медицинскаго департамента, родился въ с. Тарасовѣ, Рязанской губ., 26 октября 1792 г.; отецъ его былъ бѣднымъ священникомъ, который самъ пахалъ землю. На восьмомъ году Т. отдали въ Рязанскую духовную семинарію, которую онъ окончилъ 18 лѣтъ. Еще на первомъ году богословскаго курса ему, въ виду отличныхъ успѣховъ, поручалось преподавать въ начальномъ классѣ семинаріи (инфимѣ). Первоначально Т. хотѣлъ сдѣлаться священникомъ, но покровительствовавшій ему архіепископъ Ѳеоктистъ призналъ его слишкомъ молодымъ для священническаго сана и вмѣсто того предложилъ ему должность правителя дѣлъ семинарскаго правленія и комиссіи о построеніи новаго семинарскаго зданія, а также преподавателя латинскаго и греческаго языковъ при семинаріи, на что Т. согласился. Подъ вліяніемъ доктора Воскресенскаго, бывшаго въ Рязани проѣздомъ изъ дѣйствующей арміи во время Отечественной войны, Т. рѣшилъ поѣхать въ одну изъ столицъ учиться

медицинѣ. Рѣшеніе свое онъ привелъ въ исполненіе только въ январѣ 1815 г., когда отправился въ Петербургъ, а въ мартѣ того же года принятъ былъ казеннымъ воспитанникомъ въ медико-хирургическую академію. Будучи на послѣднемъ курсѣ, онъ назначенъ былъ ординаторомъ при профессорѣ, завѣдовавшемъ терапевтической клиникой. Рядъ хирургическихъ операцій, иногда весьма трудныхъ и сложныхъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ удачныхъ, дали ему матеріалъ, на основаніи котораго имъ была написана работа на званіе медико-хирурга. Въ 1818 г. онъ окончилъ курсъ въ академіи съ отличіемъ, золотой медалью, получилъ званіе лекаря 1-го отдѣленія медицинскихъ и ветеринарныхъ наукъ и назначенъ былъ баталіоннымъ лекаремъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ; 28 ноября 1819 г., сохраняя первую должность, онъ опредѣленъ былъ правителемъ дѣлъ канцеляріи президента медико-хирургической академіи баронета Я. В. Виллié. Съ 1820 г. Т. вмѣстѣ съ Дворомъ въ теченіе шести лѣтъ путешествовалъ по Россіи и Западной Европѣ. Онъ сумѣлъ снискать довѣріе Александра I и лечилъ его и присутствовалъ при его смерти. Послѣдніе годы жизни Александра I, его болѣзнь подробно описаны имъ въ его воспоминаніяхъ «Записки моей жизни» («Русская Старина», 1871, т. 4, №№ 9 и 12; 1872, №№ 3 и 8). Со смертью Александра I, служба Т. при Дворѣ окончилась, что было вызвано отчасти разногласіями и неладами его съ баронетомъ Виллié, и онъ былъ назначенъ главнымъ лекаремъ артиллерійскаго госпиталя. Въ 1827 г. Т. былъ вызванъ барономъ Дибичемъ въ Грузію. Здѣсь генералъ Паскевичъ предложилъ ему должность штабъ-лекаря отдѣльнаго кавказскаго корпуса, но Т. не принялъ этого предложенія «въ виду особеннаго рода обхожденія ген. Паскевича съ подчиненными», какъ объясняетъ онъ въ своихъ «Запискахъ». Въ концѣ того же года Т. вслѣдствіе нерасположенія къ нему Виллié перешелъ изъ военнаго вѣдомства въ гражданское и занялъ постъ генеральнаго штабъ-лекаря по гражданской части. Въ 1829 г. за службу при Александрѣ I награжденъ былъ званіемъ почетнаго лейбъ-хирурга. Съ 1830 г. онъ состоялъ членомъ Имп. Человѣколюбиваго общества. За труды по прекращенію холеры произведенъ былъ въ 1831 г. въ статскіе совѣтники. Въ августѣ 1836 г. Т. назначенъ былъ исправляющимъ должность директора военно-медицинскаго департамента, и 20 января 1839 г. медико-хирургическая академія признала его въ степени доктора медицины honoris causa. Въ сентябрѣ 1846 г. Т. по прошенію уволенъ былъ отъ управленія военно-медицинскимъ департаментомъ, съ назначеніемъ членомъ медицинскаго ученаго комитета, а позднѣе также членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. 20 апрѣля 1866 г. петербургскими врачами былъ отпразднованъ 50-лѣтній юбилей его медицинской службы; къ этому же дню Т. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени и чиномъ тайнаго совѣтника. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ іюлѣ 1866 г., онъ умеръ.

Т. вмѣстѣ со Стрѣлковскимъ участвовалъ во 2-мъ изданіи «Фармакопеи» Виллié, а также составилъ и издалъ «Энциклопедическій медицинскій лексиконъ» (Спб. 1842—1850). Т. въ свое время былъ извѣстенъ въ медицинскихъ кругахъ больше всего какъ опытный хирургъ-практикъ. Значительныхъ научныхъ трудовъ онъ не написалъ, а помѣстилъ только въ медицинскихъ журналахъ нѣсколько статей съ описаніемъ рѣдкихъ въ медицинской практикѣ случаевъ. Таковы: «Операція брюха» («Другъ Здоровья», 1836, №№ 36 и 39), «Два случая укушенія людей птицами» («Протоколы Петербургск. Общества русскихъ врачей», 1856, стр. 43) и «Тифозная горячка у трехлѣтняго мальчика» (тамъ же, 1858—1859, стр. 223).

Некрологи за 1866 г.: „Сѣверная Почта“, № 34; „Медицинскій Вѣстникъ“, № 20 и 27; „Иллюстрированная Газета“, № 29.—„Записки Д. К. Тарасова“, „Русская Старина“, 1871, т. 4, № 9 и 12; 1872, т. 5, № 3 кн. 6, № 8.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 126; дополн. 1-е, стр. 69; дополн. 2-е, Спб. 1892, стр. 42.—„Другъ Здоровья“, 1848, № 40 (напечатанъ адресъ, поднесенный Т. петербургскими врачами въ 1848 г.).

Тарасъ, по прозвищу *Трясила*, малороссійскій гетманъ. Свѣдѣнія о немъ отрывочны и не вполнѣ достовѣрны. По одной версіи онъ избранъ былъ гетманомъ въ 1628 г. послѣ умерщвленія Грицька. Собравъ въ короткое время до 30.000 чело-

вѣкъ, Т. встрѣтился съ польскимъ войскомъ, которымъ руководилъ коронный гетманъ Конецпольскій, подъ Переяславлемъ. Здѣсь онъ, пользуясь тѣмъ, что поляки справляли праздникъ, именуемый «панскимъ тяломъ», напалъ на послѣднихъ ночью и одержалъ полную побѣду, овладѣвъ артиллеріей и обозомъ. Битва эта извѣстна въ народѣ подъ именемъ Тарасовой или Переяславльской ночи. Затѣмъ, согласно той же версіи, Т. въ 1629 г. отправился противъ татаръ и турокъ, нанесъ значительный уронъ турецкому флоту и возвратился съ богатой добычей. Болѣе достовѣрной представляется другая версія, по которой Т. избранъ былъ гетманомъ въ 1630 г. на Запорожьѣ, одновременно съ другимъ гетманомъ Григоріемъ Чернымъ. Изъ Запорожья онъ сталъ разсылать универсалы къ украинскимъ казакамъ, призывая ихъ къ себѣ и возбуждая къ неповиновенію Григорію Черному, вызывавшему недовольство казаковъ своими симпатіями къ полякамъ. Вскорѣ Т. вышелъ изъ Запорожья на Украйну, чтобы поддержать поднявшееся тамъ возстаніе противъ поляковъ, проявлявшееся преимущественно въ партизанскихъ дѣйствіяхъ. Къ нему присоединилась и та часть реестровыхъ казаковъ, которая согласно договору съ Польшей, заключенному въ 1625 г. на урочищахъ Медвѣжьи Лозы, должна была постоянно находиться на Запорожьѣ въ цѣляхъ охраны границъ отъ нападенія татаръ. При вступленіи на Украйну запорожцы, находившіеся въ войскѣ Т., стали распространять слухи, будто они намѣрены покориться Григорію Черному. Послѣдній повѣрилъ этимъ слухамъ, но былъ схваченъ сторонниками Т. и изрубленъ. Послѣ этого Т. предъявилъ полякамъ требованія о выведеніи изъ Украйны жолнеровъ, уничтоженіи курковской комиссіи, ограничившей численность казацкаго сословія, и о выдачѣ приверженцевъ Григорія Чернаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ изгонять изъ Украйны пановъ, жолнеровъ и урядниковъ. Противъ него посланъ былъ коронный гетманъ Конецпольскій, который двинулъ на Украйну всѣ бывшія въ его распоряженіи войска. Поляки встрѣтились съ казаками подъ Переяславлемъ. По однимъ даннымъ здѣсь и произошла битва, извѣстная подъ именемъ Тарасовой ночи и относимая иногда къ 1628 г.; по другимъ—Конецпольскій осадилъ казаковъ въ укрѣпленномъ ихъ лагерѣ. Однако осада не была удачна для поляковъ: по польскимъ источникамъ, Конецпольскій потерялъ при штурмахъ больше людей, чѣмъ во время цѣлой русской войны, причемъ однихъ дворянъ пало около трехсотъ человѣкъ. Вскорѣ Конецпольскій принужденъ былъ прекратить осаду. Вообще о дальнѣйшихъ событіяхъ, какъ и о судьбѣ самого Т. достовѣрныхъ данныхъ нѣтъ ни въ малороссійскихъ, ни въ польскихъ источникахъ. По однимъ даннымъ Т. попался въ плѣнъ къ полякамъ, по другимъ же, что представляется весьма загадочнымъ, Т., несмотря на удачный для казаковъ исходъ битвы подъ Переяславлемъ, былъ выданъ послѣдними полякамъ и казненъ въ Варшавѣ. Путивлецъ Григорій Гладкій разсказалъ въ Посольскомъ приказѣ слѣдующее о Переяславльской битвѣ: «Гетманъ Конецпольскій осадилъ казаковъ въ Переяславлѣ. У польскихъ людей съ черкасами въ 3 недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ черкасы поляковъ побивали, а на послѣднемъ бою черкасы у гетмана въ обозѣ народъ взяли, многихъ поляковъ въ обозѣ побили, перевозы по Днѣпру отняли и паромы по перевозамъ пожгли. Послѣ этого боя гетманъ Конецпольскій съ черкасами помирился, а приходилъ на черкасъ за ихъ непослушаніе, что они самовольствомъ ходятъ подъ турецкіе города, и всѣмъ войскомъ убили Гришку Чернаго, котораго онъ прежде далъ имъ въ гетманы. Помирясь съ черкасами, Конецпольскій выбралъ имъ другого гетмана, Тимоху Арандаренко. А было у Конецпольскаго польскихъ и нѣмецкихъ и черкасъ лучшихъ, которые отъ черкасъ пристали къ полякамъ, восемь тысячъ, а черкасъ было семь тысячъ».

Д. Бантышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи“, Москва 1830, т. I, стр. 34, примѣчанія 155, 156; стр. 202—203.—Вл. Антоновичъ, „Изслѣдованія о казачествѣ по актамъ съ 1500 по 1648 годъ“, Кіевъ 1863, стр. CV—CVII. С. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, 3-е изд., Москва 1877, т. X, стр. 96—97.—Его же, „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу“, „Отечеств. Записки“, 1848, № 12.—Александръ Ригельманъ, „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ и казакахъ вообще“, Москва 1847, кн. I, стр. 40—41; кн. IV, стр. III—Д. И. Эварницкій, „Исторія запорожскихъ казаковъ“, Спб. 1895, т. II, стр. 214—215.—Костомаровъ, „Бог-

данъ Хмѣльницкій", Спб. 1884, т. I, стр. 93.—М. А. Максимовичъ, „Собраніе сочиненій", Кіевъ 1876, т. I, стр. 243, 842.—Лѣтопись Грабянки (28); Лѣтопись самовидца, стр. 4; Latop. Zeplieza, т. I, стр. 38.—Pamiętniku do panowania Zygmunta III, т. I, стр. 154, 155.—Костомаровъ, „Борьба украинскихъ казаковъ съ Польшею", „Отечеств. Записки" т. CV, стр. 205.—J. Ch. Engel, „Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken", Halle 1796, стр. 126.—Брокгаузъ-Эфронъ, „Энциклоп. словарь", 1-е изд., полут. 64, Спб. 1902, стр. 629, слово „Тарасова ночь"; полут. 67, стр. 13, слово „Трясила"; полут. 55, стр. 495.—„Справочн. энцикл. словарь", изд. К. Крайя, т. X, Спб. 1848, стр. 479.—Orgelbranda „Encyklopedja powszechna", Warszawa 1903, т. XIV, стр. 402.—В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи", Кіевъ 1908, т. II, кн. 2, стр. 1649.—„Архивъ Юго-Западной Россіи", т. I, стр. 312, LXXXV; стр. 297, LXXX; стр. 301, LXXXI; стр. 306, LXXXIII; стр. 309, LXXXIV.

Тарачковъ, *Александръ Степановичъ*, писатель по естествознанію и статистикѣ, секретарь губернскаго статистическаго комитета въ Орлѣ, родился въ 1819 г. Образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ физико-математическій факультетъ. Въ 1843 г. Т. занялъ должность наставника-наблюдателя и преподавателя естественной исторіи и физики при Орловскомъ Бахтина кадетскомъ корпусѣ и оставался въ этой должности до 1864 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ редактировалъ неоффиціальную часть «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и состоялъ секретаремъ Орловскаго статистическаго комитета. Съ 1864 г. подъ его редакціей издавались ежегодно «Памятныя книжки Орловской губерніи». Т. много работалъ надъ изученіемъ Орловской губерніи. Имъ изслѣдованы и описаны топографія, климатическія условія, почва и фауна различныхъ уѣздовъ Орловской губерніи. Нѣсколько его статей посвящены вопросамъ сельскаго хозяйства, торговли и промышленности въ той же губерніи и обработкѣ собраннаго имъ статистическаго матеріала. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ назначенъ былъ членомъ экспедиціи по изслѣдованію хлѣбной производительности и торговли въ Россіи, причемъ ему поручено было обслѣдованіе Центральнаго района, т. е. губерній Московской, Тульской, Владимірской и частей Курской, Орловской и Рязанской. Для исполненія даннаго ему порученія Т. объѣхалъ свой районъ и представилъ предварительный отчетъ въ 1869 г., помѣщенный въ «Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Географическаго Общества» (т. V, отд. II); онъ имѣлъ въ виду представить полный отчетъ и работалъ надъ составленіемъ его въ теченіе 1870 г., но смерть помѣшала ему довести этотъ трудъ до конца. Большинство своихъ изслѣдованій Т. помѣстилъ въ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Здѣсь напечатаны слѣдующія его статьи: «Топографическое положеніе, климатъ, почва и лѣса Орловскаго уѣзда» (1856, №№ 24 и 27; перепеч. изъ «Газеты Лѣсоводства и Охоты»); «Отчего въ Орлѣ бываютъ большіе пожары?» (1859, № 11); «О причинахъ уменьшенія дичи въ окрестностяхъ Орла и наблюденія надъ весенними и осенними ея перелетами» (1859, №№ 8—10, 13, 14); «Карачевскіе лѣса» (1859, №№ 22—24; перепеч. изъ «Газеты Лѣсоводства и Охоты», №№ 3, 4 и 6); «Очеркъ нынѣшняго состоянія лѣсовъ и лѣсныхъ породъ въ Орловской губерніи» (1859, №№ 26 и 27); «Отчетъ по акклиматизаціи животныхъ и растеній, читанный 5 ноября 1860 г. въ годичномъ засѣданіи Орловскаго отдѣла» (1861, №№ 17 и 18; перепеч. изъ «Акклиматизаціи», т. II, вып. 6); «Геогностическія и гидрологическія условія Орла въ гигіеническомъ отношеніи» (1861, № 37; отд. оттискъ, Орелъ 1861); «Путевыя замѣтки по Орловской и сосѣднимъ съ ней губерніямъ» (1861, №№ 1, 2, 4, 6, 8, 11—14; 1862. №№ 46, 48, 49 и 51, отд. Орелъ 1861—62); «Общество взаимнаго страхованія, какъ вѣрнѣйшее средство для обезпеченія народнаго благосостоянія отъ пожаровъ» (1862, № 32); «Путевыя замѣтки» (1863, №№ 1, 3, 5, 8, 11, 17 и 18); «Опыты надъ торфомъ, находимымъ въ Кромскомъ уѣздѣ» (1864, № 2); «Отчетъ о путешествіи по уѣздамъ придеснинскаго бассейна Орловской губ. для статистическихъ изслѣдованій въ 1863 г.» (1865, №№ 1, 2, 4—8, 10, 15 и 16); «Полезныя въ техническомъ отношеніи ископаемыя произведенія Елецкаго уѣзда» (1865, № 31); «Отчетъ о путешествіи по уѣздамъ Сосненскаго бассейна Орловской губ. для статистическихъ и геогностическихъ изслѣдованій» (1866, №№ 1—5, 7, 9 и 10); «Ископаемыя богатства въ Брянскомъ уѣздѣ» (1868, № 2); «Торговля и главные ея предметы въ г. Мценскѣ» (1868, №№ 9—12, 15); «Анализы пыли съ дорогъ, вымощенныхъ самородомъ въ Орловской губ., произве-

денные Шмидтомъ» (1868, № 21); «О состояніи торговли и промышленности въ городахъ Болховѣ, Малоархангельскѣ, Кромахъ и Дмитровскѣ» (1869, №№ 2, 4, 8, 9, 11, 12, 22—24). Кромѣ того Т. помѣстилъ въ «Памятной книжкѣ Орловской губерніи» (1864, стр. 1—80) «Матеріалы для исторіи торговли и промышленности въ Орловской губ.» и издалъ отдѣльно: «Сады и садоводство въ Орловской губ.» (1858) и «Орловская флора» (1862). Умеръ Т. 19 декабря 1870 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

„Орловскія Губернскія Вѣдомости", 1870, № 52.—Баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, „Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества за 1870 г.", Спб. 1871, стр. 11.—„Орловскія Губернскія Вѣдомости", 1876, №№ 78, 81, 84, 85, 86, 87.—П. и В. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1859 годъ", Спб. 1868, стр. 53, № 881 и 883; стр. 177, № 3167; то же за 1861 г., Спб. 1870, стр. 44, №№ 742, 743, 749; стр. 272, № 4959; то же за 1862 г., Спб. 1872, стр. 54, № 887; стр. 283, № 4876.—В. И. Межовъ, „Литература русской исторіи за 6 лѣтъ, 1859—1864 г.г.", Спб. 1865, т. I, стр. 190, № 3006.

Тарбѣевъ, *Василій Никитичъ*, думный дворянинъ, стольникъ. Въ разрядныхъ книгахъ 1661, 1668, 1676 гг. Т. значится стряпчимъ. Въ 1676 г. получилъ званіе стольника. Въ 1682 г. числился думнымъ дворяниномъ царя Іоанна Алексѣевича. Думнымъ же дворяниномъ упоминается и въ боярскихъ книгахъ за 1686 и 1692 гг.

„Древняя Россійская Вивліоѳика", т. 20, стр. 426.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ", стр. 405.

Тарбѣевъ, *Петръ Матѳеевичъ*, тайный совѣтникъ, бѣлорусско-витебскій гражданскій губернаторъ съ 1801 г. До того служилъ плацъ-майоромъ въ Аренсбургѣ и почти вдругъ пожалованъ былъ генералъ-майоромъ и кавалеромъ и назначенъ витебскимъ губернаторомъ послѣ Сѣверина. Г. Добрынинъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ, что онъ «зналъ службу, много читалъ, много помнилъ и охотникъ былъ разсказывать о дѣйствіяхъ и поведеніи знаменитыхъ особъ». По выходѣ въ отставку Т. получалъ половинную пенсію и пожалованъ былъ деревнями на 12 лѣтъ; умеръ въ своемъ имѣніи.

„Истинное повѣствованіе или жизнь Г. Добрынина, имъ самимъ написанная», „Русская Старина", 1871, октябрь, стр. 341, 343.—Сапуновъ, „Витебская старина", Витебскъ 1883, т. I, стр. 556. „Русская Старина", 1872 т. V, стр. 884.

Тарбѣевъ, *Тимоѳей Никитичъ*, воевода, стольникъ. Впервые упоминается въ 1676 г. дворяниномъ московскимъ. Съ сентября 1679 по 1681 г. былъ воеводой въ Дѣдиловѣ. Въ 1679 г. получилъ 2 царскихъ грамоты о высылкѣ стрѣлецкаго хлѣба, 26 октября того же года—грамоту о сборѣ ямскихъ и полотняничныхъ денегъ. Въ грамотѣ отъ 26, 28 и 29 января 1680 г. Т. предписывается высылать ратныхъ людей, оставшихся послѣ разбора, произведеннаго Никитой Ксенофонтовичемъ Тараканoвымъ, въ Курскъ къ боярину Петру Ивановичу Хованскому по случаю войны съ султаномъ и Крымскимъ ханомъ. Въ грамотѣ отъ 3 февраля того же года приказано ему оберегаться отъ татаръ, слѣдить за ихъ появленіемъ, оповѣщать своевременно окрестныхъ жителей и созывать ихъ въ осаду вмѣстѣ съ имуществомъ. 29 марта приказъ ему выслать половину дѣдиловскихъ пушкарей по жребію въ Сѣвскъ къ боярину Ромодановскому въ полкъ Ягана Купера, и въ грамотѣ отъ 26 апрѣля подтвержденіе съ исполненіемъ высылки торопиться. Въ ноябрѣ Т. приказано было всѣхъ московскихъ чиновъ людей вмѣстѣ съ дѣтьми, братьями и племянниками выслать къ 1 январю 1681 г. къ Москвѣ къ царскому смотру по случаю войны съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Въ томъ же году Т. получилъ грамоты о высылкѣ подводъ въ Тулу къ кн. Порфирію Шаховскому подъ военные запасы, о сборѣ полуполтины со двора на покупку 5 тысячъ лошадей, которымъ быть подъ пушками и подъ всякой полковой казной для воинскихъ походовъ, о сборѣ полтины и десятой деньги. 9 марта 1681 г. Т. получилъ грамоту о сборѣ даточныхъ людей. Въ 1680 пожалованъ въ стольники.

Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. VII, стр. 76—78, 80, 85, 88, 89; т. VIII, стр. 58, 59, 82, 85, 87, 88, 106, 107, 109, 110, 144—145, 258, 259.—Барсуковъ „Списки городовыхъ воеводъ въ XVII столѣтіи", стр. 76.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ", стр. 404.

Тарбѣевъ, *Тимоѳей Петровичъ*, волоколамскій воевода. Впервые его имя упоминается въ 1609 г., когда Т. во время смутнаго времени вмѣстѣ съ княземъ

Ѳедоромъ Шаховскимъ и со всѣми торопчанами писалъ о вѣрности и покорности государю Василію Ивановичу: «попомня Бога и Пречистую Богородицу и русскихъ Чюдотворцевъ и государево крестное цѣлованье, въ соборномъ храмѣ въ Торопцѣ, знаменовались Пречистые Богородицы образомъ на томъ, что имъ служити и прямити государю попрежнему». Въ 1614—1615 гг. Т. служилъ воеводой въ Волоколѣна-Ламѣ (Волоколамскѣ). 16 апрѣля 1614 г. получилъ царскую грамоту объ освобожденіи слугъ и крестьянъ Іосифова Волоколамскаго монастыря отъ службы ратной. Въ іюлѣ того же года ему грамота о возвратѣ Волоколамскому монастырю крестьянъ, разбѣжавшихся во время Литовскаго раззоренья. Въ 1617—1618 гг. Т. отмѣченъ (съ указаніемъ имени, но безъ отчества) воеводой на Унжѣ. Барсуковъ, ссылаясь на дворцовые разряды, не рѣшается приписать это воеводство именно Тимоѳею Петровичу Т., что дѣлаютъ однако составители алфавитнаго указателя къ Разряднымъ книгамъ по оффиціальнымъ спискамъ, хотя и въ этихъ разрядныхъ книгахъ Т. значится тоже безъ отчества.

Акты Историческіе, т. II, стр. 274.—Акты Археогр. Экспедиц., т. III, стр. 7, 82.—Барсуковъ, „Списки городов. воеводъ XVII столѣтія", стр. 49.—Дворцовые разряды, т. I, столб. 147, 189, 295, 348.— Разрядныя книги по оффиц. онымъ спискамъ, т. I, столб. 76, 406, 544.—Акты юридическіе, т. I, стр. 177.

Тарковъ (также *Тархов*), *Савва*, дьякъ Сибирскаго приказа. Въ 1660 г., тогда подъячій, былъ посланъ подъ началомъ тобольскаго сына боярскаго Якова Корвацкаго съ товарищами въ Тобольскій уѣздъ для составленія переписныхъ книгъ. Въ 1662 г., состоя подъячимъ Обской и Обдорской съѣзжей избы, пріѣхалъ съ Обской и Обдорской заставъ вмѣстѣ съ письменнымъ головой Варооломеемъ Головинымъ въ Тобольскъ и здѣсь подалъ воеводѣ Ивану Андреевичу Хилкову письмо, въ которомъ докладывалъ, что на заставахъ узналъ о происходящихъ тамъ съѣздахъ остяковъ къ остяцкому князьку Ермаку, что самъ Ермакъ жаловался имъ на березовскихъ сборщиковъ, говорилъ, что большая часть сбираемаго ясака идетъ самимъ сборщикамъ, что у остяковъ, какъ видно, готовится измѣна воровская. Результатомъ этого донесенія Т. явилась отписка кн. Хилкова березовскому воеводѣ Алексѣю Петровичу Давыдову съ предупрежденіемъ стеречься остяцкой измѣны, держать крѣпкіе караулы, производить розыскъ измѣнниковъ, брать въ заложники членовъ семей скрывшихся остяковъ. Съ 1675 по 1680 гг. Т.—дьякъ Сибирскаго приказа сначала подъ началомъ боярина Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, а съ 1679 кн. Ивана Борисовича Репнина. Грамота отъ 23 февраля 1680 г. еще имѣетъ скрѣпу Т., а въ грамотѣ отъ 6 апрѣля того же года называется уже другой дьякъ.

Акты Историческіе, т. IV, стр. 508; т. V, стр. 36, 47, 51, 70, 72, 78.—Дополненія къ Ак. тамъ Историческимъ, т. IV, стр. 263, 297, 298, т. VI, стр. 376; т. VII, стр. 49, 50, 108, 109, 113, 115, 117, 118, 119, 121, 122, 293, 356, 357; т. VIII, стр. 24, 29, 40, 41, 48, 54, 78, 104, 156, 168, 170, 203, 210, 242, 255, 260, 261; т. IX, стр. 106.

Тарнава-Боричевскій, *Иванъ Петровичъ*, тайный совѣтникъ, членъ совѣта министерства путей сообщенія, директоръ особой канцеляріи главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, писатель по исторіи и археологіи, преимущественно Литвы, сынъ священника, родился въ Минской губерніи въ 1810 г. Родители его жили сначала въ Вильнѣ, а потомъ въ Гроднѣ, гдѣ умеръ его отецъ. Воспитывался Т. въ Минской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Курсъ академіи онъ окончилъ старшимъ кандидатомъ въ 1833 г. и въ томъ же году поступилъ преподавателемъ словесныхъ наукъ въ Орловскую духовную семинарію. Въ 1835 г. Т. уволился изъ духовнаго званія и поступилъ на гражданскую службу, въ департаментъ путей сообщеній и публичныхъ зданій, въ 1838 г. перешелъ на службу въ департаментъ государственныхъ имуществъ, а въ 1839 г. въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства, гдѣ пробылъ до 1841 г. Затѣмъ Т. опять перешелъ на службу въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій, служа сначала въ 1-мъ департаментѣ, а съ 1842 г. — въ бывшемъ тогда департаментѣ искусственныхъ дѣлъ. Съ 1850 г. состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса, а съ 1853 г. — V класса при главноуправляющемъ путями сообщенія и публичными зданіями. Въ сентябрѣ 1855 г. онъ получалъ чинъ

дѣйствительнаго статскаго совѣтника и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ членомъ комитета, учрежденнаго для опредѣленія основныхъ началъ условій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными компаніями, а въ 1856 г.—членомъ отъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій въ Высочайше учрежденный комитетъ для составленія общаго плана хода почтъ въ Имперіи. Въ 1858 г. ему поручено было состоять довѣреннымъ лицомъ отъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій для сношеній съ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ и совѣщательнымъ, отъ того же управленія, членомъ центральнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. По случаю заключенія телеграфной конвенціи между Россіей и Персіей, шахъ персидскій въ 1865 г. пожаловалъ ему орденъ Льва и Солнца 1-й степени; въ томъ же году онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Съ 1870 г. Т. состоялъ членомъ совѣта министерства путей сообщенія и въ этой должности оставался до смерти. Умеръ Т. въ Выборгѣ, 24 іюня 1887 г.

Т. извѣстенъ какъ писатель по исторіи и археологіи. Онъ занимался изученіемъ памятниковъ литовской старины и вообще русскихъ древностей. По этимъ вопросамъ имъ написанъ рядъ журнальныхъ статей, помѣщенныхъ главнымъ образомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», и нѣсколько книгъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Труды его слѣдующіе: «Сказаніе Адольфа Лизека о посольствѣ отъ императора римскаго Леопольда къ великому царю московскому Алексію Михаиловичу въ 1675 году» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1837, ч. XVI); рецензія на книгу Терещенки «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи» (тамъ же, 1838, ч. XVII, отдѣлъ IV); «О книжкѣ «Воспоминанія о посѣщеніи святыни московской государемъ наслѣдникомъ» (тамъ же, 1838, ч. XVIII, отд. V); «О русской лѣтописи въ Литвѣ, называемой „Хроника Быховца“» (тамъ же, 1838, ч. XIX); «Извлеченія изъ оказанія Я. Рейтенфельса о состояніи Руси при царѣ Алексіи Михаиловичѣ» (тамъ же, 1839, ч. XXIII); «Мекленбургскія древности» (тамъ же, 1839, ч. XXIV); «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени», 2 части (Спб. 1840—1841); рецензія на сочиненіе Ко(то)шихина «О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича» («Маякъ», 1841, ч. IV, гл. 4); о первомъ томѣ изданія Сахарова «Сказанія русскаго народа» (тамъ же, 1841, ч. XVII—XVIII, гл. 4); по поводу изданія А. Тургенева «Historica Russiae monimenta» («Журн. Мин. Народн. Просв.», 1842, ч. XXXIV, отд. 6); «Камни литовскихъ богинъ» (тамъ же, 1839, ч. XXII); «Народные славянскіе разсказы» (Спб. 1844); «Свѣдѣнія о древнихъ литовцахъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1844, ч. XLII); «Отрывокъ изъ литовско-русской исторіи» (тамъ же, 1845, ч. XLVIII); объ изданіи «Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи» (тамъ же, 1846 г., ч. L, отд. VI; 1849, ч. LXIV, отд. VI; 1852, ч. LXXIII, отд. VI); «Изслѣдованіе о происхожденіи, названіи и языкѣ литовскаго народа» (тамъ же, 1847, ч. LVI); «Обозрѣніе Губернскихъ Вѣдомостей съ 1842 г. по 1847 г.» (тамъ же, 1848, чч. LVIII и LIX; 1849 г., чч. LXI и LXIII; 1850 г., чч. LXV, LXVII и LXVIII; 1851 г., ч. LXIX); «Обзоръ Губернскихъ Вѣдом. съ 1848 г. по 1850 г.» (тамъ же, 1852, чч. LXXV и LXXVI; 1853 г., ч. LXXX; 1855 г., ч. LXXXV); «Извѣстія о древнихъ памятникахъ, находящихся въ вѣдомствѣ главнаго управленія путей сообщеній» («Извѣстія Имп. Археол. Общ.», т. III, вып. 4); «Православіе и русская народность въ Литвѣ» (Спб. 1851); «Предположенія частныхъ лицъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, поступившія въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій» («Журн. Главн. Упр. Путей Сообщенія», 1863, т. XXXIX, кн. 1 и 2; т. XL, кн. 4). Въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ» (№ 124 за 1860 г.) помѣщена была его статья «Руссы на южномъ берегу Балтійскаго моря», въ которой, на основаніи многихъ старинныхъ источниковъ, доказывается происхожденіе Руссовъ съ южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Т. также принималъ участіе въ составленіи «Судоходнаго дорожника Россійской Имперіи». Т. подписывался подъ статьями и издавалъ свои сочиненія подъ неполной фамиліей «Боричевскій», подъ каковой онъ и извѣстенъ болѣе въ литературѣ.

Некрологъ въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, 1887, № 37, стр. 314. — Д. Д.

Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1887 году“, вып. VII, Спб. 1893, стр. 88—89.—„Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи“, Кіевъ 1869, стр. 113, 33*, 410.—„Русскій Архивъ“, 1873, № 6, стр. 897.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, т. II, стр. 359, № 23400; т. VI, № 55552.—Его же, „Литература русской исторіи за 1859—1864 гг. включительно“, Спб. 1866, т. I, стр. 57, № 794; стр. 323, № 5070.—Его же, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 138, № 2878; стр. 294, № 8606.—П. Прозоровъ, „Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи“, Спб. 1898, отд. IV, стр. 113, № 51.

Тарновскій, *Василій Васильевичъ*, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу, членъ черниговской земской управы, писатель, родился 14 іюня 1810 г. въ Черниговской губерніи, въ семьѣ помѣщика. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своего отца, затѣмъ поступилъ въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко, курсъ которой окончилъ со степенью кандидата въ 1826 г. Въ томъ же году Т. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата, и по желанію родителей началъ службу въ Петербургѣ по контрольному вѣдомству, хотя его влекло къ ученой дѣятельности. Въ Петербургѣ онъ пробылъ недолго, такъ какъ климатъ столицы оказался вреднымъ для его здоровья, и вскорѣ уѣхалъ въ Житомиръ, гдѣ поступилъ преподавателемъ русской исторіи въ мѣстную гимназію. Здѣсь Т. сталъ готовиться къ ученому поприщу, но смерть отца прервала его занятія и принудила его отдать свое время управленію родовымъ имѣніемъ. Живя въ деревнѣ, Т. заинтересовался бытомъ крестьянъ и занялся изученіемъ крестьянскаго вопроса. Состоя членомъ комиссіи, учрежденной при университетѣ св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа, онъ въ «Трудахъ» этой комиссіи помѣстилъ статью «О дѣлимости семействъ въ Малороссіи» (1853, ч. II) и составленную вмѣстѣ съ С. М. Ходецкимъ программу для подробнаго описанія имѣнія въ хозяйственномъ отношеніи (1855, т. III, отд. 3). По воззрѣніямъ своимъ Т. былъ рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного состоянія крестьянъ и всецѣло отдался дѣлу освобожденія. Онъ принималъ участіе, хотя и неоффиціальное, въ выработкѣ инвентарнаго положенія объ урегулированіи взаимоотношеній личныхъ и земельныхъ между крестьянами и ихъ владѣльцами въ Юго-Западномъ краѣ, предпринятой кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ. Когда же съ воцареніемъ Александра II началась подготовительная работа къ крестьянской реформѣ, Т. назначенъ былъ членомъ отъ правительства въ Черниговскомъ по улучшенію крестьянскаго быта комитетѣ; здѣсь онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ по выработкѣ отдѣльнаго проекта упраздненія крѣпостного права, принятаго меньшинствомъ комитета. Съ учрежденіемъ въ 1859 г. редакціонныхъ комиссій онъ назначенъ былъ членомъ-экспертомъ ихъ отъ Черниговской губерніи. Членомъ комиссій Т. оставался до завершенія ими поставленной имъ задачи, принимая въ ихъ работахъ дѣятельное участіе. При раздѣленіи комиссій на отдѣлы онъ вошелъ въ хозяйственный, а позднѣе и въ кодификаціонный отдѣлъ. Кромѣ нѣсколькихъ докладовъ общему присутствію комиссій, главнымъ образомъ по вопросамъ, касающимся крестьянскаго быта Малороссіи, Т. исполнилъ трудъ по общей провѣркѣ вычисленій о существующихъ крестьянскихъ надѣлахъ по Харьковской, Херсонской и Екатеринославской губерніямъ. По своимъ воззрѣніямъ на характеръ крестьянской реформы и способы ея проведенія онъ принадлежалъ къ умѣренно-либеральной группѣ комиссіи и высказывался за вознагражденіе помѣщиковъ за отчуждаемую въ надѣлъ землю. Когда работы редакціонныхъ комиссій были закончены, Т. назначенъ былъ членомъ отъ правительства въ Полтавскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, а въ 1865 г.—членомъ Черниговской губернской земской управы. Умеръ Т. 4 декабря 1866 г.

Т. писалъ мало. Кромѣ указанной выше имъ въ журналахъ помѣщены были еще слѣдующія статьи: «Юридическій бытъ Малороссіи» («Юридическія Записки», 1842, т. II; «Объ основаніяхъ для опредѣленія цѣнности земель» (тамъ же, 1859, т. III); «О вознагражденіи владѣльца за землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе» («Сельское Благоустройство», 1858, № 5, отдѣлъ I).

„Иллюстрированная Газета“, 1866, № 50.—„Кіевлянинъ“, 1867, № 16.—„С.-Петербургскія

Вѣдомости", 1867, № 42. — Геннади, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и ученыхъ, умершихъ въ 1866 г.", „Русскій Архивъ", 1868, № 12, стр. 2020. — „Мѣсяцесловъ на 1868 г.", Спб., стр. 229. — „Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко", Спб. 1859, стр. 206; изд. 2-е, Спб. 1881, ч. I, стр. 461 — 464; ч. II, стр. LXXIX — LXXIX и CXXIX. — Н. П. Семеновъ, „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II", Спб. 1889 — 1892, т. I, стр. 186, 196, 222, 282, 318, 319, 335, 361, 393, 396, 431, 458, 658, 658, 736, 738, 771, 780 — 781 и XIV; т. II, стр. 15, 25, 73, 106, 107, 109 — 110, 279, 284, 387; т. III, ч. 1, стр. 56, 583, 813, 816, 817, 819, 830; т. III, ч. 1, стр. 18, 24 — 25, 26, 27, 36, 38, 39, 42, 44, 47, 51, 74, 94, 99 — 100, 105, 106, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 207, 209—211, 213—214, 259, 271; т. III, ч. 2, стр. 265, 293, 298, 318, 355, 359, 481, 482, 797. — Брокгаузъ и Эфронъ, „Энциклопедическій словарь", пзд. 1-е, полут. 32, стр. 707, слово „Крестьяне". — „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Александра II", Берлинъ, 1860 — 1862, т. 2, стр. 21; т. 3, стр. 111. — П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1859 годъ", Спб. 1868, стр. 121; № 2190. — В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1872, стр. 281, № 7254; стр. 450, №№ 12120—12121; стр. 165, стр. 3424.

Тарновскій, *Константинъ Августовичъ*, драматургъ и музыкантъ, родился въ 1826 г. въ Ковенской губ., умеръ въ 1892 г. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ поступилъ на службу въ дирекцію московскихъ Императорскихъ театровъ, гдѣ былъ сначала секретаремъ дирекціи, а потомъ инспекторомъ репертуара. Т. написалъ, перевелъ и передѣлалъ до 150 пьесъ, напечатанныхъ подъ собственнымъ именемъ и подъ псевдонимами *Семенъ Райскій* и *Евстафій Берендѣевъ*. Хорошій музыкантъ, онъ сочинилъ также нѣсколько романсовъ, пользовавшихся популярностью, и поставилъ на сцену нѣсколько собственныхъ феерій, изъ которыхъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: «Привракъ», «Лѣсной бродяга», «Нена-Саибъ». Его водевили «Мотя», «Взаимное обученіе», «Живчикъ», «Парижа», «Пансіонерка», «Фефонка», «Не бывать бы счастью», «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ», «Назвался груздемъ», «Пощечина» и «Слѣпой курицѣ все пшеница» и др. выдержали множество представленій и входятъ донынѣ въ обычный репертуаръ домашнихъ спектаклей. Т. былъ авторомъ многихъ болѣе крупныхъ и мелкихъ статей и рецензій о театрѣ, которыя печатались въ «Пантеонѣ» Ѳ. Кони, «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Figaro», «Gaulois», «Presse». Въ 1878 г. изданъ его «Театръ» — сборникъ пьесъ, куда вошли трехъактная комедія «Воробушки», водевили «Милые бранятся — только тѣшатся» и «Кварт отъ дамы» и комедія въ 4 д. «Тетеревамъ не летать по деревамъ». Въ «Колосьяхъ» 1884 г. напечатана его драма «Золотой телецъ» (№№ 7 и 8), а послѣ смерти Т. въ «Театральной Библіотекѣ» 1894 г. появились его комедіи — трехъактная «Княжна Маня» (№ 2) и пятиактная «Пришла бѣда — растворяй ворота» (№ 9).

„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ", сезонъ 1891—1892 г., стр. 520—521 (приведенъ полный списокъ сочиненій Т.) — „Историческ. Вѣстникъ", 1892, т. IX, стр. 758. — А. В. Мезіеръ, „Русская словесность съ XI по XIX стол. включит.", ч. II, Спб. 1902, №№ 17835—17840а.

Тароговичъ, *Юрія*, вѣрнѣе *Юрята-Роговичъ*, т. е. *Юрій Рагуиловичъ*, новгородецъ, со словъ котораго монахъ-лѣтописецъ Сильвестръ въ 1071 г. записалъ нѣкоторыя историческія событія. Несторъ пишетъ: «Се же хочю сказати, яже слышахъ прежде сихъ четырехъ лѣтъ, я же сказа ми Юря Тароговичь Новъгородецъ, глаголя сице...». И дальше слѣдуетъ повѣствованіе.

„Нестеровская лѣтопись", стр. 143—146. — Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго", т. II, прим. 64.

Тарсіа, *Варѳоломей* (*Бартоломео*), живописецъ XVIII столѣтія; его пригласилъ въ 1838 г. директоръ гравировальнаго департамента Штелинъ обучать рисованію русскихъ граверовъ при академіи художествъ. Имъ написанъ заглавный листъ къ описанію кунсткамеры академіи художествъ. На листѣ представлена императрица Анна Іоанновна въ видѣ матери, приводящей дѣтей къ Минервѣ; вдали аллегорическія изображенія наукъ и статуя Петра Великаго, вверху слава съ подписью: «Петръ началъ, Анна совершила». Другихъ достовѣрныхъ произведеній Т. не сохранилось.

Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб. 1889, т. 1, стр. 282; т. II, прилож., стр. 304. — Его же, „Русскіе граверы и ихъ произведенія", Москва 1870, стр. 29, 249, 329. — П. Пекарскій, „Исторія Имп. Академіи Наукъ", Спб. 1870, т. I, стр. 542. — „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества", т. XVII, стр. III.

Тарсія, *Джованни-Баттиста*, живописецъ XVIII столѣтія, родомъ изъ Венеціи, сынъ скульптора Антоніо Тарсія, впервые пріѣхалъ въ Россію въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, а во второй разъ въ 1735 г. Онъ писалъ въ Петербургѣ плафоны для императорскихъ дворцовъ, домовъ вельможъ и церквей. Между прочимъ имъ написаны были два портрета: одинъ—его друга, піора Карлоса, съ распятіемъ въ рукѣ; другой, носящій названіе «Портретъ прекрасной венеціанки, поправляющей свое ожерелье», изображаетъ супругу тайнаго совѣтника Саввы Рагузинскаго. Достовѣрныхъ произведеній его плафонной и стѣнной живописи не сохранилось. По свидѣтельству Штелина онъ писалъ очень быстро и манерно малопонятныя, вычурно-задуманныя аллегоріи. Т. дожилъ до глубокой старости и умеръ въ 1765 г. въ Петербургѣ.

Брокгаузъ и Эфронъ, „Энциклопед. словарь", 1-е изд., полут. 64, стр. 654.—И. Н. Березинъ, „Русскій энцикл. словарь", Спб. 1877, отд. IV, т. II, стр. 468.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб. 1889, т. II, приложеніе, стр. 349.

Тархановъ, *Павелъ Васильевичъ*, статскій совѣтникъ, членъ Петербургской академіи наукъ, астрономъ, родился 23 октября 1787 г. въ Угличѣ, въ семьѣ священника. Образованіе получилъ въ Петербургскомъ бывшемъ Педагогическомъ институтѣ. Въ 1811 г. принятъ былъ въ число членовъ Петербургской академіи наукъ въ качествѣ астронома, находясь подъ руководствомъ Шуберта. Въ 1819 г. участвовалъ въ качествѣ астронома въ морской экспедиціи капитановъ Васильева и Беллинсгаузена въ Индійскій океанъ. По возвращеніи въ 1822 г. въ Петербургъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ академіи, а въ 1826 г. экстраординарнымъ академикомъ. Съ 1828 г. ему поручена была редакція календаря, и эту обязанность онъ исполнялъ до самой смерти. Съ 1832 г. онъ преподавалъ астрономію въ офицерскомъ классѣ Морского кадетскаго корпуса. Т. написалъ «Calcul des oppositions de Jupiter et Saturne», «Longitude de Rio Janeiro» и перевелъ «Лекціи астрономіи» Литра, снабдивъ ихъ своими примѣчаніями. Умеръ въ Петербургѣ 16 марта 1839 г.

„Сынъ Отечества", 1839, т. 8, стр. 19.—„С.-Петербургскія Вѣдомости", 1840, № 19, стр. 85—86,—„Мѣсяцесловъ" на 1840 годъ.—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній", Спб. 1864, т. III, вып. IV, стр. 614.—S. Orgelbranda „Encyklopedja powszechna", Warszawa 1903, т. XIV, стр. 402.

Тарханъ-Моуравовъ, князь *Іосифъ Давыдовичъ*, родился въ 1819 г. и по окончаніи курса въ Дворянскомъ полку въ 1837 г. выпущенъ прапорщикомъ въ Эриванскій карабинерный полкъ; дальнѣйшая вся служба его протекла на родномъ ему Кавказѣ въ безпрестанныхъ дѣлахъ съ горцами, и чины штабсъ-капитана (1845), капитана (1846) и полковника (1853) получены за боевыя отличія. Въ 1855 г. Т. былъ назначенъ командиромъ Грузинскаго гренадерскаго великаго князя Константина Николаевича полка и стоялъ во главѣ его до 8 сентября 1859 г., когда съ производствомъ въ генералъ-маіоры состоялось назначеніе его начальникомъ войскъ въ Южномъ Дагестанѣ и управляющимъ Казыкумухомъ; это былъ памятный годъ въ исторіи покоренія Восточнаго Кавказа, когда палъ Гунибъ и сдался Шамиль. На отвѣтственномъ посту Т. тотчасъ проявилъ себя и заслужилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, причемъ подвигъ, послужившій поводомъ къ награжденію, изображенъ такъ: «При занятіи 25 августа аула Гуниба, командуя войсками на сѣверной сторонѣ Гунибъ-дага, овладѣлъ едва доступною и сильно-защищаемою позиціею на вершинѣ горы и совершилъ блистательную и смѣлую атаку; затѣмъ, разсѣявъ сторожившія на этомъ пространствѣ скопища Кази-Магомета, устремился къ аулу Гунибъ и, окруживъ селеніе, доставилъ средство принудить Шамиля сдаться военнопленнымъ». Въ 1860 г. Т. состоялъ военнымъ начальникомъ Сѣвернаго Дагестана, а черезъ годъ отчисленъ отъ должности съ назначеніемъ состоять при Кавказской арміи. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ командующимъ 39-й пѣхотной дивизіей, а черезъ 5 лѣтъ—Кавказской гренадерской дивизіей; на этомъ посту, получивъ (1871) званіе генералъ-адъютанта, Т. оставался до 1877 г., когда былъ назначенъ состоять въ распоряженіи главнокомандующаго Кавказскою арміею. Скончался Т. 26 марта 1878 г., проведя за 59 лѣтъ жизни 16 въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ (1838,

1842, 1844—1846, 1848, 1850, 1852—1855, 1859, 1864, 1867, 1877, 1878 гг.).

„Ежегодникъ Русской арміи", 1879, стр. 126.—Судравскій, „Кавалеры ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія за 140 лѣтъ (1769—1909)", „Военный Сборникъ", 1909, № 12, стр. 250.

М. П.

Татаринова, *Екатерина Филипповна*, рожденная Буксгевденъ, основательница и вдохновительница религіознаго кружка «духовный союзъ», родилась 23 августа 1783 г. Отецъ Т. служилъ въ войскахъ, въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку, нѣкоторое время былъ директоромъ банка въ Тюмени, гдѣ около 1790 г. умеръ, послѣ чего мать Т., въ дѣвичествѣ баронесса Мальтицъ, переѣхала съ дѣтьми въ Петербургъ. Здѣсь Т. съ раннихъ лѣтъ была отдана на воспитаніе въ общество благородныхъ дѣвицъ (нынѣ Смольный институтъ). Съ дѣтства она отличалась мягкимъ и кроткимъ характеромъ и глубокой религіозностью; эти черты, свойственныя ей въ теченіе всей жизни, и ея некрѣпкое здоровье привлекали къ ней женственныя сердца; начальница института г-жа Адлербергъ приняла ее какъ родную въ свою семью и окружала ее материнскими заботами. За прекрасные успѣхи въ языкахъ при выходѣ изъ института она была удостоена фрейлинскаго приданаго. По окончаніи институтскаго курса Т. поселилась у матери, бывшей въ то время няней дочери Императора Александра I, великой княжны Маріи Александровны, и жившей въ одной изъ квартиръ Михайловскаго замка (нынѣ Инженерный замокъ). Выйдя замужъ за Ивана Михайловича Татаринова, служившаго въ Астраханскомъ гренадерскамъ полку капитаномъ, Т. сопровождала мужа въ военныхъ походахъ Отечественной войны и затѣмъ послѣдовала за нимъ и въ заграничный походъ. Тяжело раненый подъ Лейпцигомъ, мужъ Т. принужденъ былъ оставить военную службу, былъ переименованъ изъ полковниковъ въ статскіе совѣтники, возвратился на родину и занялъ должность директора гимназіи въ Рязани, порвавши съ женою отчасти изъ-за различія въ образѣ мыслей, отчасти вслѣдствіе несходства характеровъ. Т. поселилась вновь у матери въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ умеръ ея единственный сынъ.

Оставленная мужемъ и потрясенная смертью горячо любимаго сына, Т. стала искать утѣшенія въ благотворительности, помогая бѣднымъ деньгами, совѣтами и ходатайствомъ, и въ религіи. Лютеранское исповѣданіе, въ которомъ она родилась и выросла, ее не удовлетворяло, да такая относительно наиболѣе раціоналистическая религія и не могла удовлетворить. Только глубокій мистицизмъ съ его тайнами и откровеніями могъ бы увлечь ея въ высшей степени экзальтированную натуру. Въ своихъ исканіяхъ истиннаго Бога — явленіи въ то время очень обычномъ — Т. вошла въ близкія сношенія съ хлыстами и скопцами, которые въ то время пользовались значительною свободою въ отправленіи своихъ обрядовъ, бывала на ихъ радѣніяхъ и слушала ихъ пророковъ. Завязала она близкое знакомство и съ семействомъ Ненастьевыхъ, особенно съ Вѣрой Сидоровной Ненастьевой, очень набожной женщиной, стоявшей въ центрѣ петербургскихъ хлыстовъ, а затѣмъ скопцовъ. Въ это время «сердце ея, — по впечатлѣніямъ хорошо знавшаго ея лица, — горѣло любовію къ Господу Спасителю съ необычайною силою. По искренности и простотѣ она желала открыть радость, которую нашла въ Господѣ, кто только могъ ей произнесть имя Спасителя. Всѣ слова ея запечатлѣвались необычайною силою духа и сообщались любовью». Ни хлысты, ни скопцы своимъ ученіемъ, однако, Т. не удовлетворили; и у тѣхъ, и у другихъ она нашла мало притягательнаго и привлекательнаго, скопчество казалось ей даже мерзкимъ: она рѣзко возстала противъ ихъ запрещенія вступать въ бракъ, не пить вино, не курить и проч.; умерщвленія плоти она не признавала. Единственно, къ чему она питала нѣкоторую склонность, это были радѣнія, которыя она потомъ перенесла и въ свой «духовный союзъ». Въ 1817 г. Т. рѣшилась перейти изъ лютеранства въ православіе. Она увѣряла, что въ минуту присоединенія къ православію почувствовала въ себѣ даръ пророчества. Съ этого времени начинается ея сектантская дѣятельность. Въ эпоху развитія піэтизма расположеніе къ духовной экзальтаціи могло казаться только желательнымъ, и Т. съ разныхъ сторонъ стали уговаривать, чтобы она «не таила дѣла Божія».

Первыми членами кружка Т. были ея мать, братъ — капитанъ Петръ Филиппо-

вичъ Буксгевденъ, деверь — М. М. Татариновъ, директоръ института слѣпыхъ, секретарь общества попечительства о бѣдныхъ, ст. сов. Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій, человѣкъ весьма образованный, беззавѣтно преданный Т., но странный чудакъ, его сынъ Михаилъ и братъ Павелъ, академикъ и живописецъ Владиміръ Лукьяновичъ Боровиковскій, штабсъ-капитанъ Гагинъ и музыкантъ кадетскаго корпуса Никита Ѳедоровъ, извѣстный больше подъ именемъ Никитушки, по своему пророческому дару игравшій такую важную роль въ сектѣ, что она иногда называлась *Никито-Татариновскою*. Изъ этихъ-то лицъ и составилось общество, извѣстное въ началѣ 1817 г. подъ именемъ «братства во Христѣ», а позже подъ различными названіями: «союзъ братства», «союзъ братьевъ и сестеръ», «духовный союзъ». Назвать это общество сектою въ строгомъ смыслѣ этого слова нельзя, такъ какъ оно не имѣло никакой организаціи, вступающимъ въ него не предъявляло никакихъ условій и требованій, не налагало на нихъ никакихъ обязанностей. Никого умышленно къ себѣ не привлекая, Т. никого и не отвергала и не удерживала противъ воли. Большинство участниковъ были просто хорошо знакомые между собою люди, связанные единствомъ религіозныхъ исканій и тяготѣніемъ къ центру кружка, личности Т. Обаяніе этой личности, судя по отзывамъ и даже по поступкамъ ея послѣдователей, было дѣйствительно необыкновеннымъ.

Позже къ этимъ членамъ кружка, составившимъ его ядро, примкнули и другія лица, всего около 70 человѣкъ, и между ними — генералъ Евгеній Александровичъ Головинъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Прибалтійскаго края, съ женою, сыномъ, дочерью и зятемъ, вице-президентъ академіи художествъ Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, директоръ комитета о тюрьмахъ Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичъ и его братъ, полковникъ Дмитрій Григорьевичъ, кн. Степанъ Александровичъ Кропоткинъ съ сыномъ Николаемъ и дочерью Ольгой, княгиня Енгалычева, генеральша Бутурлина, штабъ-лекарь Ѳ. А. Косовичъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія и секретарь Библейскаго общества Василій Михайловичъ Поповъ съ дочерьми Вѣрой, Любовью и Софьей, изъ которыхъ послѣднюю онъ чуть не уморилъ побоями и домашнимъ заключеніемъ за ея отвращеніе отъ сектантскихъ обрядовъ. На собраніяхъ у Т. бывалъ также извѣстный проповѣдникъ свящ. А. Маловъ и умилялся отъ ея пѣсней и пророчествъ. Посѣщалъ ихъ даже самъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. А. М. Голицынъ, вѣрившій въ прорицанія пророковъ и особенно покровительствовавшій Т. и ея кружку. Частымъ гостемъ на нихъ былъ, наконецъ, оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ.

Т. не приняла ни догматическаго, ни нравственнаго ученія хлыстовъ и скопцовъ (ихъ христовъ-искупителей, ихъ безбрачной жизни и пр.) и со стороны внутренняго содержанія своей секты держалась обыкновенныхъ мистическихъ понятій, но почти цѣликомъ усвоила обрядность радѣній, какъ способъ доходить до мистическаго экстаза. Тайну своей секты она основывала на смыслѣ начальныхъ стиховъ гл. XIV перваго посланія къ Коринѳянамъ о дарѣ пророчества: «Держитеся любве, ревнуйте же духовнымъ; паче же да пророчествуйте. Глаголяй бо языки не человѣкомъ глаголетъ, но Богу...» Собранія ея, долгое время происходившія въ Михайловскомъ замкѣ, въ началѣ носили характеръ исключительно религіозныхъ собесѣдованій, не сопровождавшихся обрядностью, радѣнія же появились нѣсколько позже, притомъ не столько по волѣ самой Т., сколько по настоянію другихъ лицъ. Еще позже, когда число членовъ кружка значительно увеличилось, теченіе собраній проходило опредѣленнымъ порядкомъ: открывались они обыкновенно чтеніемъ священныхъ книгъ, потомъ пѣлись разныя пѣсни и затѣмъ начиналось радѣніе. Текстъ пѣсенъ принадлежалъ или самой Т., или былъ заимствованъ у хлыстовъ и у иностранныхъ масоновъ, клались же на музыку онѣ—обыкновенно на простонародные напѣвы—главнымъ уставщикомъ кружка Никитушкою, притомъ «болѣе по внушенію сердца, нежели ума, ибо онъ былъ почти безграмотенъ и даже имя свое съ трудомъ великимъ подписывалъ». Чаще другихъ пѣлись хлыстовскія пѣсни «Царство ты, царство», «Дай намъ, Господи, Іисуса Христа», иногда же церковныя, напр., «Спаси, Господи, люди Твоя». Радѣніе, или ликованіе, состояло въ круженіи,

въ которомъ принимали участіе всѣ присутствующіе, одѣтые въ бѣлыя одежды, женщины—въ платье особаго покроя, мужчины—въ халаты. Радѣніе заканчивалось, когда на кого-нибудь изъ кружившихся «накатывалъ» «духъ святой», и онъ начиналъ—пророчествовать. Пророчества эти, произносившіяся необыкновенно быстро и состоявшія изъ разныхъ, безсвязныхъ рѣчей, подъ складъ народныхъ, прибаутокъ, съ рифмами, относились частью къ ближайшей судьбѣ всего кружка, частью къ судьбѣ отдѣльныхъ его членовъ и лишь очень рѣдко къ общественнымъ или государственнымъ явленіямъ. Чаще всѣхъ пророчествовала сама Т., Никитушка и нѣкая Лукерья. Круженіе, «святое плясаніе, движеніе въ нѣкоемъ какъ бы духовномъ вальсѣ» и пророчества составляли самую замѣтную для всѣхъ особенность секты и были причиною того, что членовъ ея называли русскими квакерами. Кромѣ музыки, сектѣ служили и другія искусства: живопись—въ украшавшихъ ея молельныя картинахъ, чаще всего кисти Боровиковскаго, и хореографическое искусство въ радѣльныхъ пляскахъ, оправданіе и необходимость которыхъ Т. и другіе сектанты видѣли въ танцѣ Давида передъ ковчегомъ.

Собранія въ Михайловскомъ замкѣ, въ квартирѣ Т., продолжались свободно и даже далеко не секретно съ 1816 по 1822 г. Въ 1817 г. на нихъ обратило было вниманіе полиція, произвела дознаніе и результаты его представила кн. А. Н. Голицыну, но послѣдній отвѣтилъ, что государь, разсмотрѣвъ представленную ему по этому поводу записку, приказалъ «оставить оныя собранія безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности». Объясняется это, конечно, тѣмъ, что кн. Голицынъ самъ принадлежалъ къ сторонникамъ Т., а подъ его вліяніемъ къ дѣятельности послѣдней относился сочувственно и государь. Кн. Голицынъ выхлопоталъ Т. значительную ежегодную пенсію (въ шесть или даже десять тысячъ рублей) и съ ея дѣятельностью познакомилъ и лицъ царской фамиліи. Императрица Елизавета Алексѣевна, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Т., обѣщала быть ея покровительницей. Императоръ Александръ I, бывшій въ это время внѣ Петербурга, въ письмѣ къ гофмейстеру Кошелеву говорилъ, что сердце его пламенѣетъ любовью къ Спасителю всегда, когда онъ читаетъ въ письмахъ Кошелева объ обществѣ Т. въ Михайловскомъ замкѣ. По возвращеніи въ столицу государь далъ Т. аудіенцію, принялъ ее благосклонно, долго съ нею бесѣдовалъ, сообщивъ ей «самыя сердечныя свои чувствованія и многое, ей только одной извѣстное, и такъ удостовѣрился въ ея правовѣріи, въ непорочности пути ея и въ подлинности ея пророческаго слова, что возлюбилъ ее въ Богѣ». Въ 1818 г. тайн. сов. Милорадовичъ былъ сильно обезпокоенъ тѣмъ, что въ общество Т. былъ вовлеченъ его сынъ, гвардейскій офицеръ, и по этому поводу жаловался государю. Государь отвѣтилъ ему письмомъ, въ которомъ говорилъ: «Я старался проникнуть его связи и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ (полученнымъ, вѣроятно, отъ Голицына) нашелъ, что ничего такого нѣтъ, что бы отводило его отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязанъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности, посему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны». Разговаривалъ государь и съ Никитушкою, который «за свою пророческую дѣятельность» былъ награжденъ чиномъ коллежскаго регистратора. Наконецъ, государь самъ посѣтилъ одно изъ собраній у Т. и остался весьма доволенъ произведеннымъ на него впечатлѣніемъ. Это было время расцвѣта и наивысшаго успѣха общества Т.

Въ началѣ 1822 г. въ Михайловскомъ замкѣ было помѣщено инженерное училище, и Т., наряду съ другими обитателями дворца, принуждена была очистить квартиру. 1 августа того же года, въ связи съ перемѣной настроеній въ высшихъ сферахъ, былъ изданъ указъ о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ. Переселившись на новую квартиру (на 1-й ротѣ Измайловскаго полка), Т., несмотря на этотъ указъ и на взятую у нея соотвѣтственную подписку, собраній у себя все же не прекратила, хотя они и стали происходить рѣже, а число участвующихъ въ нихъ значительно уменьшилось; вѣрными Т. остались только наиболѣе искренно и глубоко уважавшіе и любившіе ее, какъ, напр., Головинъ, Поповъ, Боровиковскій и нѣкоторые др. Въ виду стѣсненія свободы собираться для моленій и радѣній, члены общества направили свою главную дѣятельность въ

другую сторону—на дѣла благотворительности, обхаживая «жилища бѣдности и страданій» и помогая нуждающимся. Въ 1824 г. былъ арестованъ-сектантъ, проповѣдникъ Дубовицкій, и въ связи съ его дѣломъ началось слѣдствіе и о братствѣ Т. Государь попрежнему ничего преступнаго въ немъ не видѣлъ, но по настояніямъ Аракчеева и А. С. Шишкова, особенно не любившаго Т. и называвшаго ее «жрицей между вакханками», согласился на тщательное, но не гласное слѣдствіе, которое однако ничего новаго не дало, почему Т. и ея приверженцы снова были оставлены въ покоѣ.

Въ 1825 г. палъ кн. Голицынъ, въ лицѣ котораго Т. лишилась самой вліятельной поддержки. Опасаясь новыхъ преслѣдованій со стороны полиціи, Т. съ ближайшими своими послѣдователями—братомъ Никитушкой, Пилецкимъ, Поповымъ и др. — выселилась за городъ, недалеко отъ Московской заставы, гдѣ на средства, данныя ген. Головинымъ, пріобрѣла обширную усадьбу съ просторнымъ домомъ и тамъ основала нѣчто въ родѣ сектантской колоніи. Здѣсь радѣнія кружка Т. продолжались еще 12 лѣтъ. 8 мая 1837 г., по распоряженію Бенкендорфа, согласно волѣ государя, колонія Т. была закрыта, а она сама и всѣ члены кружка, до рѣшенія дальнѣйшей ихъ участи, подверглись аресту въ своихъ комнатахъ. Секретный раскольничій комитетъ, которому было передано дѣло Т., нашелъ, что она и ея послѣдователи составили тайный союзъ и установили «образъ моленія, соединенный съ неприличными обрядами, противными какъ правиламъ и духу православной церкви, такъ и государственнымъ узаконеніямъ». Дальнѣйшую дѣятельность общества секретный комитетъ призналъ вредной, высказалъ мнѣніе о желательности его закрытія и полагалъ главныхъ сектантовъ разослать по монастырямъ, а остальныхъ отдать подъ надзоръ полиціи. Это мнѣніе комитета 11 мая было утверждено императоромъ Николаемъ I; 21 мая 1837 г. Т. была лишена пенсіи и сослана подъ строгій надзоръ въ кашинскій Срѣтенскій монастырь, а ея послѣдователи поселены по другимъ монастырямъ; только немногихъ, въ томъ числѣ Е. А. Головина, спасло ихъ высокое положеніе.

Матеріально поддерживаемая кн. Енгалычевымъ, Т. пробыла въ монастырѣ 10 лѣтъ, ведя строгую жизнь, исполняя всѣ церковные и монастырскіе обряды и занимаясь чтеніемъ священныхъ книгъ. Несогласіе ея признать свои религіозныя убѣжденія и свою религіозную дѣятельность заблужденіемъ было причиною того, что прошенія ея родственника М. Татаринова на имя ген.-адъютанта А. Х. Бенкендорфа объ исходатайствованіи соизволенія на освобожденіе ея изъ монастыря и ея собственныя неоднократныя прошенія о томъ же непосредственно на Высочайшее имя оставляемы были безъ вниманія. Государь приказалъ объявить Т., что освобожденіе ея можетъ послѣдовать только въ томъ случаѣ, «если она отвергнетъ свои заблужденія, на коихъ была основана секта ея». Т. же упорно отказывалась признать его заблужденіемъ, потому что это ученіе, по ея словамъ, привело къ покаянію и послужило къ утвержденію многихъ въ вѣрѣ въ Іисуса Христа. Она говорила, что въ первобытной церкви всегда были особыя общества, но не допускались гласно по той причинѣ, что не всѣ «могутъ сіе вмѣстить», и это послужило бы соблазномъ для многихъ. Признавая, что православная церковь и безъ пророческихъ собраній доставляетъ средство къ дарованію вѣрнымъ Духа святого, Т. тѣмъ не менѣе не отрицала пользы и возможности пророческаго слова. Даръ пророческій, говорила она, возбуждался не круженіемъ тѣла, а вѣрою въ Евангеліе и въ пророческое слово; радѣніе же или круженіе тѣла служило къ умерщвленію строптивой природы, которая противится благодатному дѣйствію на «внутренняго человѣка». Т. утверждала, что въ ихъ собраніяхъ дѣйствительно происходило явленіе св. Духа во плоти, т. е. чрезъ человѣка «слышалось слово жизни тому, кто съ чистымъ сердцемъ желалъ его слышать». Слово это обновляло человѣка точно такъ же, какъ и св. таинства церкви, установленныя Спасителемъ. Только въ 1847 г., когда Т., не отказываясь отъ сущности своего ученія, дала все же безусловное письменное обязательство оказывать искреннее повиновеніе православной церкви, не входить ни въ какія неблаговидныя общества, не распространять ни явно ни тайно своихъ заблужденій и не исполнять никакихъ особенныхъ обрядовъ подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія по закону,

государь разрѣшилъ Т. жительствовать въ г. Кашинѣ, но съ учрежденіемъ надъ нею секретнаго полицейскаго надзора. Изъ тюрьмы она вышла больная и разбитая. Въ іюлѣ 1848 г. ей было разрѣшено жить въ Москвѣ, но безъ права въѣзда въ Петербургъ. Въ Москвѣ Т. и скончалась—13 іюля 1856 г.

Юрьевскій архимандритъ Фотій, основываясь на какихъ-то слухахъ, весьма нелестно отзывается о поведеніи Т., называя ее развратницей; слухи эти однако свидѣтельствами допрошенныхъ лицъ ни малѣйше не подтверждаются, а изслѣдованіями историковъ сектъ рѣшительно опровергаются и причисляются къ измышленіямъ Фотія, почему-то страстно ненавидѣвшаго Т. Изъ всего извѣстнаго о Т. видно, что ея послѣдователи смотрѣли на нее какъ на женщину высоконравственную и вдохновляемую Богомъ; они питали къ ней глубочайшее уваженіе, называли матерью, видѣли въ ней руководительницу на пути къ Богу. То уваженіе, съ которымъ относились къ Т. ея послѣдователи, лучше всего можно видѣть на жизни Е. А. Головина, который по ея слову отказался отъ губернаторскаго поста въ Сибири, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ государя, затѣмъ подалъ въ отставку, которую получилъ вмѣстѣ съ запрещеніемъ жить въ столицахъ, и наконецъ, опять-таки по ея слову, снова вступилъ на службу.

Слѣдствіе по дѣлу Т. и всеподданѣйшія прошенія ея отъ 28 марта 1843 г. и ея деверя, М. Татаринова, отъ неизвѣстной даты 1842 г. находятся въ архивѣ оберъ-прокурора синода, д. № 54, и въ архивѣ синода, д. № 23759.—„Письма Импер. Александра I къ тайн. сов. Милорадовичу“, „Русскій Архивъ“, 1864, стр. 623. — Свящ. Іоанновъ, „Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой и членахъ ея духовнаго союза“, тамъ же, 1872, № 12, стр. 2334—2354.—„Извлеченія изъ записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія“, тамъ же, 1873, стр. 1444—1451.—П. В. Кукольникъ, „Анти-Фотій. Отвѣтъ очевидца на статью, помѣщенную въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г.“, тамъ же, 1874, № 3, стр. 589—611.—„Воспоминанія Ѳаддеева“, тамъ же, 1891, № 3, стр. 397.—И. П. Липранди, „О сектѣ Татариновой“, „Чтенія въ Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1868, № 4, стр. 20 — 51, и отд., Москва 1869 (свѣдѣнія односторонни, основаны на допросахъ прислуги и показаніяхъ сыщиковъ). — Его же, „Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ“, тамъ же, 1870, и отд., Москва 1870.—Ю. В. Толстой, „О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой“, „Девятнадцатый вѣкъ“, историч. сборникъ подъ ред. Бартенева, Москва 1872, т. I, стр. 220—231.—Его же, „Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина“, тамъ же, т. I, стр. 8—10, 21—22.—„Изъ записной книжки художника В. А. Боровиковскаго, 1819—1824 г.г.“, тамъ же, т. I, стр. 213—219.—Н. Дубровинъ, „Наши мистики-сектанты. Е. Ф. Татаринова и А. П. Дубовицкій“, „Русская Старина“, 1895, №№ 10, 11, 12; 1896, №№ 1, 2.—В. Фуксъ, „Изъ исторіи мистицизма. Татаринова и Головинъ“, „Русскій Вѣстникъ“, 1892, январь (цѣликомъ напечатана очень цѣнная по своей искренности и правдивости записка Е. А. Головина, написанная имъ для Паскевича-Эриванскаго по просьбѣ послѣдняго).—„Письма кн. А. М. Голицына К. С. Вязмитинову“, „Историч. Вѣстникъ“, 1884, № 3, стр. 580.—Н. С. Усовъ, „Изъ моихъ воспоминаній“, тамъ же, 1884, № 3, стр. 559.—А. Малышевскій, „Головинъ и Татаринова“, тамъ же, 1896, № 9.—„Любопытныя свѣдѣнія объ извѣстной сектаторшѣ Е. Ф. Татариновой“, „Русскій Міръ“, 1872, № 196.—П. Знаменскій, „Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Императора Александра I“, „Православный Собесѣдникъ“, ч. III, стр. 257—260.—„Татаринова въ Кашинскомъ женскомъ монастырѣ“, „Тверскія Епархіальныя Вѣдом.“, 1891, №№ 10, 11 и 12 (перепечатано въ извлеченіи въ „Богословск. Вѣстникѣ“, 1893, № 6, стр. 369—375). — „Изъ воспоминаній митрополита Филарета“, „Православное Обозрѣніе“, 1868, № 8, стр. 523. — Н. В. Сушковъ, „Записки о жизни митропол. Филарета“.—„Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, Москва 1864, т. III, ч. 6, стр. 38.—Д. Мордовцевъ, „Русскія женщины XIX вѣка“, Спб. 1874, стр. 221—237.—В. Кельсіевъ, „Сборникъ о расколѣ“, Лондонъ 1861, выпускъ II, стр. 130.—„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза-Ефрона, изд. 1-е, т. 32. Спб. 1901, стр. 666—668.

Татариновъ, *Адріанъ Ивановичъ*, надворный совѣтникъ, директоръ экономической канцеляріи медицинской коллегіи, московскій уроженецъ, поступилъ въ Московскій генеральный госпиталь въ 1745 г. Въ 1745 г. получилъ званіе подлекаря, а 27 марта 1753 г.—званіе лекаря съ правомъ хирургической практики въ Москвѣ. Пользовался покровительствомъ Лавр. Блюментроста, воспитанникомъ котораго онъ былъ. По его ходатайству Т. назначенъ былъ въ 1755 г. лекаремъ при Московскомъ университетѣ, а въ 1763 г., по представленію куратора университета Ф. П. Веселовскаго, получилъ званіе штабъ-лекаря. Въ 1768 г. послалъ въ Геттингенскій университетъ диссертацію «De pleuritide vera, singulari casu illustrata» (Göttingae 1768), и получилъ оттуда дипломъ доктора медицины. На основаніи этого диплома Т. просилъ медицинскую коллегію утвердить его въ степени доктора, но

послѣдняя отказала, настаивая на необходимости спеціальнаго экзамена. Тогда Т. написалъ президенту коллегіи А. А. Ржевскому объ этомъ отказѣ, а въ медицинскую коллегію послалъ предложеніе признать его докторомъ; это ходатайство было удовлетворено 7 декабря 1775 г., утвержденъ же въ степени доктора онъ былъ лишь въ 1779 г. по Высочайшему повелѣнію; тогда же награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника. Въ 1776 г. Т. назначенъ былъ помощникомъ директора, а въ 1779 г. директоромъ экономической канцеляріи медицинской коллегіи.

В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, Москва 1820, ч. III, стр. 462.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. CCCV.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 127.

Татариновъ, *Александръ Алексѣевичъ*, докторъ медицины, писатель, извѣстный синологъ, статскій совѣтникъ, родился въ Пензѣ. Среднее образованіе получилъ въ Пензенской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію въ 1835 г. Изъ академіи Т. вышелъ въ 1840 г. со степенью лекаря и тотчасъ отправился въ Пекинъ въ качествѣ врача русской духовной миссіи; пробылъ тамъ 10 лѣтъ, до 1850 г. Хорошо владѣя китайскимъ языкомъ, онъ посвятилъ себя изученію китайской медицины и ея литературы. За свои ученыя изслѣдованія по этой части, напечатанныя въ «Трудахъ» членовъ пекинской миссіи, Т. удостоенъ былъ безъ экзамена степени доктора медицины. Имъ собрана была колекція рѣдкихъ китайскихъ вещей, исключительная по богатству. Замѣчательны его рисунки китайскихъ растеній; они представляли собой не простые контуры растенія, а детальные снимки съ корней, цвѣтовъ и плодовъ. Въ 1850 г. Т. возвратился въ Петербургъ и зачисленъ былъ въ драгоманы при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ сопровождалъ въ Кульджу Е. П. Ковалевскаго, отправившагося туда для переговоровъ объ открытіи тамъ русской торговли. По окончаніи этой миссіи Т. назначенъ былъ первымъ русскимъ консуломъ въ Чугучакѣ. Вслѣдствіе происшедшихъ здѣсь безпорядковъ ссыльныхъ, разгромившихъ русское консульство, онъ принужденъ былъ скрыться въ ближайшій пограничный постъ Бахты. Пока шли переговоры, Т. назначенъ былъ сопровождать графа Путятина, отправившагося хлопотать объ уступкѣ Китаемъ Россіи сѣвернаго берега Амура. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи трактата съ китайскимъ правительствомъ, имъ редактированъ былъ и самый китайскій текстъ трактата. Послѣ заключенія Пекинскаго договора онъ причисленъ былъ къ Игнатьеву, но вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и поселился въ Пензѣ. Т. былъ членомъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, въ «Трудахъ» котораго помѣщены многія его статьи. Умеръ Т. въ Пензѣ 24 сентября 1886 г.

Имъ напечатаны слѣдующія статьи: «Способы изслѣдованія причинъ насильственной смерти, употребляемые китайцами» («Отечеств. Записки», 1847, т. LV, кн. 12; отд. оттискъ, Спб. 1847); «Китайскія средства, приводящія въ безчувствіе» («Финскій Вѣстникъ», т. III); «О состояніи медицины въ Китаѣ» («Труды общества русскихъ врачей въ Петербургѣ», 1853, кн. IV; перепеч. «Medizinische Zeitung Russland's»,; 1853, №№ 45, 63, 70; 78, 85, 93, 101) «О кровообращеніи по понятіямъ китайской медицины» (тамъ же, кн. VI); «Анатомо-физіологическія понятія китайцевъ» (тамъ же); «Catalogus medicamentiorum Chinensium, quae Pekini comparanda et determinanda curavit A. Tatarinow» (Petropolis 1857); «Объ употребленіи болеутоляющихъ средствъ при операціяхъ и о водолѣченіи въ китайской мадицинѣ» («Труды членовъ Пекинской духовной миссіи», Спб. 1857; извлеченія въ «Medizinische Zeitung Russland's», 1858, № 98); разборъ труда П. Корніевскаго «Медицинскій приказъ въ Китаѣ» («Протоколы общества русскихъ врачей въ Петербургѣ», 1861/62); «Семимѣсячный плѣнъ въ Бухаріи», съ картинами (Спб. 1867).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, вып. II, стр. 127.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1886 году“, вып. IV, Спб. 1889, стр. 115; вып. VIII, Спб. 1900, стр. 148.—„Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія“, 1885, ч. CCXLII, кн. 11, отд. IV, стр. 98—99.—„Историч. Вѣстникъ“, 1886, кн. 11, стр. 454—455.—„Свѣтъ“, 1886, № 214.—„Иллюстриров. Газета“, 1867, т. 19, № 14.—„Русскій Инвалидъ“, 1867, № 90.—„Дѣло“, 1866, № 5.—„Книжный Вѣстникъ“, 1867, № 7—8.—Вл. По-

повъ, „Алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ Трудахъ и Протоколахъ общества русскихъ врачей въ Петербургѣ“, Спб. 1886, стр. 56.—В. И. Межовъ, „Каталогъ книгъ книжнаго магазина А. Ф. Базунова“, Спб. 1869, стр. 396, № 5816; 1-е дополненіе къ каталогу, Спб. 1870, стр. XXXIV, № 5816; стр. 248, № 5208; стр. 275, № 5515.

Татариновъ, *Валеріанъ Алексѣевичъ*, государственный контролеръ, выдающійся государственный дѣятель, происходилъ изъ старой дворянской семьи, родился въ 1816 г. Образованіе получилъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и по окончаніи курса въ немъ поступилъ на службу въ канцелярію государственнаго контроля. Въ 1842 г. былъ командированъ въ 2-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи для составленія контрольныхъ правилъ и законовъ. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ вице-директоромъ канцеляріи государственнаго контроля и правителемъ дѣлъ комитета по составленію ревизіоннаго устава. Пріобрѣвъ солидный служебный опытъ, въ 1852 г. занялъ постъ генералъ-контролера департамента гражданскихъ отчетовъ и предсѣдателя особой комиссіи для изслѣдованія растраты суммъ комитета 10 августа 1814 г. Уже въ это время Т. обратилъ свое вниманіе на ненормальное положеніе отчетности въ государствѣ и пришелъ къ убѣжденію, что Россіи нуженъ контроль, обладающій правомъ и обязанностью указывать хозяйственнымъ учрежденіямъ всѣ ихъ ошибки и ложные пріемы, раскрывать и преслѣдовать всѣ злоупотребленія и недосмотры въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, не соотвѣтствующихъ или вредящихъ интересамъ государства. Въ богатомъ иниціативой и творческомъ умѣ Т. зароились реформаторскіе планы. Съ незрѣлыми, но построенными на твердой и здоровой почвѣ проектами нѣкоторыхъ изъ такихъ плановъ былъ ознакомленъ великій князь Константинъ Николаевичъ, а черезъ его посредство и Императоръ Александръ II, отнесшійся весьма сочувственно къ идеямъ и стремленіямъ Т. Въ концѣ 1855 г. онъ былъ посланъ за границу для изученія механизма повѣрки государственной отчетности. На основаніи собственныхъ размышленій и пріобрѣтеннаго за время службы практическаго опыта Т. уже самъ пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ въ области цѣлесообразной постановки государственнаго контроля, выработалъ нѣкоторые руководящіе принципы, поэтому понятно, съ какимъ пыломъ и интересомъ занялся онъ изученіемъ практической постановки этого дѣла въ тѣхъ странахъ, которыя ему удалось посѣтить. И дѣйствительно, едва ли кто-либо другой могъ бы собрать болѣе обильную жатву въ результатѣ этой командировки, чѣмъ сдѣлалъ это Т. Объѣхавъ главныя западно-европейскія государства—Пруссію, Австрію, Бельгію и Францію,—онъ въ каждомъ серьезно и подробно останавливался на постановкѣ государственнаго контроля и изучилъ этотъ вопросъ всюду въ совершенствѣ—отъ основныхъ принциповъ и до мельчайшихъ деталей. Результатомъ этой поѣздки Т. были составленныя имъ пять записокъ: «Государственная отчетность въ Пруссіи», «Государственная отчетность во Франціи», «Государственная отчетность въ Австріи», «Государственная отчетность въ Бельгіи» и «Хозяйство и отчетность военнаго министерства во Франціи». Каждая изъ нихъ, вопреки обыкновенію, была не оффиціальнымъ отпиской-отчетомъ, а свидѣтельствовала о необычайномъ трудолюбіи автора и исключительномъ его интересѣ къ трактуемымъ вопросамъ. Эти труды, по возвращеніи Т. на родину (въ началѣ 1858 г.), были представлены имъ тогдашнему государственному контролеру Анненкову и въ теченіе 1858—1861 гг. появились въ свѣтъ (2-е изд. 1881—1884 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ во время своей командировки Т. собралъ огромное количество подлинниковъ и копій разныхъ документовъ и формъ иностранной государственной отчетности, и этотъ матеріалъ сослужилъ ему хорошую службу впослѣдствіи, при разработкѣ книгъ и разнообразныхъ бланковъ для той же цѣли на родинѣ. Но самое главное—изъ поѣздки Т. возвратился съ вполнѣ готовымъ, глубоко продуманнымъ, систематически разработаннымъ и на иностранныхъ образцахъ провѣреннымъ планомъ реформы государственнаго контроля въ Россіи.

Къ этому времени въ государственной отчетности царилъ полный хаосъ. Недвижимыя имущества, матеріальные капиталы и переходящіе денежные реессурсы не были на счету. Государственная роспись считалась государственной тайной. Цѣлыя отрасли государственныхъ доходовъ, составляя предметъ произвольнаго хозяйничанья

въ рукахъ отдѣльныхъ распорядительныхъ управленій, не поддавались наблюденію даже министерства финансовъ, игравшаго въ то время единственную роль государственной бухгалтеріи, притомъ далеко не точной и не полной. Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи бюджета ограничивался однимъ констатированіемъ фактовъ, предлагавшихся его вниманію, такъ какъ не имѣлъ предоставленнаго закономъ права оріентироваться въ документахъ и матеріалахъ. Роспись составлялась крайне гадательно: источники доходовъ были извѣстны далеко не вполнѣ, а расходная графа составлялась на основаніи простыхъ заявленій министерствъ и главноуправленій, рѣдко представлявшихъ мотивы въ необходимости испрашиваемыхъ средствъ. Такъ называемаго принципа единства кассы, т. е. государственной казны какъ таковой, въ строгомъ смыслѣ не было: министерство финансовъ по буквѣ закона хотя и было призвано исполнять обязанности казнохранилища, но на дѣлѣ три четверти государственныхъ доходовъ хранились и расходовались отдѣльными вѣдомствами. Кромѣ того, каждое министерство, помимо общегосударственныхъ средствъ, пользовалось и своими капиталами, имѣло свое хозяйство, нерѣдко шедшее въ разрѣзъ съ интересами казны; притомъ эти приходо-расходы отдѣльныхъ вѣдомствъ совсѣмъ не показывались въ государственныхъ смѣтахъ. Что же касается государственной отчетности, то тогдашняя система ея повѣрки состояла въ окончательной ревизіи правильности своихъ приходо-расходовъ самими отчетными управленіями, на долю же тогдашняго государственнаго контроля, созданнаго закономъ 30 декабря 1836 г., оставалась формальная и безцѣльная повѣрка общихъ, такъ называемыхъ генеральныхъ отчетовъ высшихъ учрежденій, составлявшихъ ихъ изъ частныхъ отчетовъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ и представлявшихъ ихъ иногда 5—6 лѣтъ спустя по совершеніи оборотовъ; нѣкоторыя же министерства, напр. юстиціи, за длинный рядъ лѣтъ и вовсе умалчивали отчетами предъ государственнымъ контролемъ.

При такихъ ненормальныхъ условіяхъ требовалось рѣзкое и коренное измѣненіе всей системы веденія какъ государственнаго хозяйства, такъ и отчетности. Именно за это въ высшей степени трудное и сложное дѣло и взялся Т. Онъ отлично сознавалъ и грандіозность задачи, и тѣ почти неодолимыя препятствія, которыя онъ встрѣтитъ на своемъ пути въ лицѣ всякаго ранга чиновниковъ, которымъ наличныя условія служили щитомъ и ширмами для собственныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе онъ взялся за это громадное дѣло, вооруженный сознаніемъ его важности для государства и поддержкою немногихъ лицъ, и послѣ ряда лѣтъ если довелъ его и не до желаемаго имъ конца, выполнилъ и не во всемъ его объемѣ, то все же сдѣлалъ очень многое, едва ли не все, что можно было совершить при такомъ обиліи неблагопріятныхъ условій. Въ 1858 г. онъ выработалъ проектъ преобразованія, основанный на совершенно новыхъ началахъ. Въ основу его легли два новыхъ принципа въ отношеніи финансовой системы и два такихъ же новыхъ начала въ порядкѣ ревизіоннаго надзора. Въ преобразованіяхъ финансовой системы онъ предложилъ: 1) «Систематическое, подробное и однообразное для всѣхъ управленій составленіе финансовыхъ смѣтъ и такое же исполненіе ихъ съ безусловнымъ и немедленнымъ обращеніемъ всѣхъ смѣтныхъ остатковъ въ распоряженіе государственнаго казначейства», и 2) «Введеніе единства кассы, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ государства исключительно въ кассахъ министерства финансовъ съ правомъ одного только этого министерства завѣдывать сборомъ всѣхъ государственныхъ доходовъ и обязанностью производства платежей». Въ отношеніи же порядка ревизіи свои предложенія Т. формулировалъ: 1) «Устройство въ государствѣ одной только, но сильной и вполнѣ независимой отъ исполнительной власти ревизіонной инстанціи, имѣющей право по подлиннымъ документамъ производить всестороннее наблюденіе за движеніемъ капиталовъ и уполномоченной повѣрять и судить дѣйствія и хозяйственныя операціи исполнителей и главныхъ распорядителей», и 2) «Установленіе «предварительнаго контроля», обязаннаго въ лицѣ членовъ той же высшей ревизіонной инстанціи производить предварительную повѣрку всѣхъ расходныхъ предписаній, предупреждать и останавливать неправильныя распоряженія государственными капиталами». На выработанномъ Т. проектѣ съ этими четырьмя другъ друга дополняю-

щими началами была положена Высочайшая резолюція о передачѣ его на разсмотрѣніе комитета министровъ, въ которомъ онъ и обсуждался 5 ноября въ присутствіи Государя. Постановленіемъ комитета министровъ было рѣшено для всесторонняго обсужденія новыхъ началъ образовать особую комиссію, въ которую Т. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ, незадолго передъ тѣмъ получивъ званіе статсъ-секретаря. Обсудивъ подробно вопросы о разсмотрѣніи и заключеніи смѣтъ, о введеніи «единства кассы» и установленіи одной независимой ревизіонной инстанціи—государственнаго контроля съ предварительной и послѣдующей повѣрками отчетности,—комиссія во всеподданнѣйшемъ докладѣ (въ февралѣ 1859 г.) заявила, что проектированныя основанія улучшеній финансовой системы и государственнаго контроля «единогласно признаны не только полезными, но и крайне необходимыми», а относительно сдѣланныхъ министрами и главноуправляющими доводовъ противъ реформы замѣтила, что «не только не поколебалась ими, но еще болѣе укрѣпилась въ своемъ рѣшеніи о пользѣ и настоятельной необходимости для Россіи такихъ преобразованій». Несмотря на всѣ нападки лицъ и учрежденій, старавшихся удержать старые порядки независимаго распоряженія казенными средствами, проектъ комиссіи былъ утвержденъ, и тотчасъ же была образована новая комиссія, спеціально для устройства кассоваго и ревизіоннаго порядка, въ которой Т. занялъ мѣсто предсѣдателя. Выработанная ею и вскорѣ введенная въ жизнь новая кассовая система уже въ первые годы своего дѣйствія раскрыла истинное состояніе финансовъ государства, сосредоточивъ всѣ средства страны въ одномъ министерствѣ финансовъ, что повело къ значительному сокращенію расходовъ. Въ 1862 г. по указаніямъ Т. составлены были кассовыя правила, оффиціально названныя «Правилами составленія, исполненія и заключенія финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій», остающіяся и до сихъ поръ главной основой государственнаго счетоводства. Хотя объемъ ихъ въ значительной степени былъ урѣзанъ Государственнымъ Совѣтомъ путемъ введенія ряда сборовъ и доходовъ, не подлежащихъ внесенію въ смѣты, но сущность осталась неизмѣнной, и осуществленіе ихъ явилось крупнымъ и рѣшительнымъ шагомъ по пути дѣйствительнаго контроля надъ денежными операціями государственныхъ учрежденій. 1 января 1863 г. Т. былъ назначенъ исправляющимъ должность государственнаго контролера, и въ томъ же году впервые были примѣнены упомянутыя новыя смѣтныя правила. Въ 1864 г. онъ приступилъ къ производству опыта введенія единства кассы сначала въ одномъ Петербургѣ; въ 1865 г. это начало было распространено еще на 12 губерній, а затѣмъ послѣдовательно и на всю Россію. Параллельно съ этимъ и такимъ же осторожнымъ и послѣдовательнымъ путемъ вводились и контрольныя учрежденія: въ 1864 г. была образована въ Петербургѣ временная ревизіонная комиссія,—первое учрежденіе въ Россіи для своевременной и документальной повѣрки государственныхъ оборотовъ; такія же учрежденія, подъ именемъ контрольныхъ палатъ, въ началѣ 1865 г. были введены еще въ 12 губерніяхъ, а въ 1866 г. распространены и на остальныя; съ этого времени контрольныя палаты стали повѣрять всѣ государственные доходы и расходы на мѣстахъ ежемѣсячно по подлиннымъ документамъ. Въ своихъ отчетахъ до 1866 г. Т. не переставалъ указывать на дефициты въ государственномъ бюджетѣ, представляя соображенія о способахъ возстановленія давно уже нарушеннаго равновѣсія государственной росписи. Результатомъ такихъ настояній было сокращеніе многихъ непроизводительныхъ расходовъ, и въ 1868 и 1869 гг. государственная роспись была сведена безъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Къ 1866—1869 гг. относится введеніе Т. еще одного контрольнаго принципа первостепенной важности—фактическаго контроля. Въ 1866 г. это начало впервые было примѣнено къ эксплоатаціоннымъ дѣйствіямъ Николаевской желѣзной дороги, а въ послѣдующіе годы оно было введено и для другихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ чины государственнаго контроля начали производить внезапныя свидѣтельства перевозки товаровъ, пассажирскихъ поѣздовъ и багажа. Въ 1869 г. Т. вошелъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ о введеніи фактическаго контроля на винокуренныхъ заводахъ и въ оптовыхъ складахъ вина, что приведено было въ испол-

неніе уже послѣ его смерти. Наконецъ, въ 1870 г. впервые введены правила матеріальнаго счетоводства въ интендантскихъ складахъ. Въ цѣляхъ устраненія неудобствъ двойной ревизіи и значительнаго уменьшенія расходовъ казны Т. провелъ слияніе административнаго контроля сборовъ Николаевской желѣзной дороги съ повѣркою доходовъ дороги государственнымъ контролемъ, и эти доходы съ 1867 г. стали повѣряться ежедневно, на самомъ мѣстѣ сбора.

Хотя всѣ главныя предположенія Т. и даже многія второстепенныя удостаивались Высочайшаго одобренія, однако не всѣ они были проведены въ жизнь,—и между ними прежде всего предварительный контроль. Вслѣдствіе возраженій различныхъ вѣдомствъ, особенно министерства финансовъ, эта важная мѣра осталась лишь благимъ пожеланіемъ и была осуществлена уже послѣ смерти Т. Точно также, несмотря на всѣ настоянія Т., осталось въ силѣ изъятіе отъ наблюденія государственнаго контроля цѣлой серіи доходовъ и расходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Тенденціи къ безотчетному и безконтрольному пользованію государственными средствами въ нѣкоторыхъ кругахъ были слишкомъ устойчивы, и борьба Т. съ этимъ явленіемъ не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Т. сдѣлалъ все, что находилъ нужнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимымъ въ государственныхъ интересахъ, и не его вина, если не всѣ его планы, не всѣ его раціональныя предложенія получили осуществленіе. Послѣдующая дѣятельность Т. была поглощена, главнымъ образомъ, усиліями, вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія далеко не всегда успѣшными,—указать и заполнить пропуски и пробѣлы въ проведенной реформѣ, отстоять необходимость исправленія пропусковъ и упущеній. Важность и насущность принципа единства кассы, установленнаго пока лишь временно, должно было доказать въ примѣненіи на практикѣ, и для этого требовался усиленный и неусыпный трудъ со стороны Т. Не мало было работы и второстепенной важности. Изданныя правила движенія, отчетности и ревизіи государственныхъ капиталовъ постоянно требовали въ томъ или иномъ пунктѣ частичнаго пересмотра, согласованія съ многочисленными узаконеніями и регламентами всѣхъ хозяйственныхъ управленій; точно также нуждалось въ дальнѣйшемъ развитіи и установленіе о контрольныхъ палатахъ. И Т. всему и всюду давалъ направленіе, совершалъ подготовительныя работы для будущихъ преобразованій, клалъ начало, собиралъ матеріалы, разрабатывалъ и устанавливалъ образцы книгъ, бланковъ и пр. Усиленный умственный трудъ повелъ къ глубокому разстройству мозга, и эта болѣзнь Т. ускорила его смерть, послѣдовавшую 14 февраля 1871 г. отъ разрыва сердца, въ самый разгаръ его государственной дѣятельности. Онъ не оставилъ семьѣ никакого состоянія, и дѣтямъ его по Высочайшему повелѣнію было выдано 100 тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства. Дѣятельность Т., результаты созданныхъ имъ зрѣло обдуманной отчетности и ревизіонной реформы получили правильную и достойную оцѣнку въ оффиціальномъ заявленіи Государственнаго Совѣта (1876 г.), въ которомъ было констатировано, что «большій сравнительно съ прежнимъ порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ, бо́льшая бережливость въ употребленіи средствъ государства, большее уваженіе къ финансовымъ хозяйственнымъ законамъ стали положительно замѣчаться въ послѣднее время, и на проявленіе всѣхъ этихъ улучшеній значительную долю вліянія безспорно имѣетъ болѣе строгій и внимательный контрольный надзоръ», который и является всецѣло дѣтищемъ Т.

Полное Собраніе Законовъ.—„Архивъ Государственнаго Совѣта“. — А. Головачевъ, „Десять лѣтъ реформъ“, Спб. 1872.—Н. Алышевскій, „Въ память о В. А. Татариновѣ. О прошломъ и нынѣшнемъ устройствѣ государственнаго контроля въ Россіи“, Спб. 1881.—А. Градовскій, „Начала русскаго государственнаго права“, т. II, Спб. 1887.—В. Лебедевъ, „Финансовое право“, т. I, вып. II, Спб. 1891.—Л. Ходскій, „Основы государственнаго хозяйства“, Спб. 1894.—Ф. Вочковскій, „Организмъ государственнаго контроля сравнительно съ государствами Западной Европы“, Спб. 1895.—Ив. Бліохъ, „Устройство финансоваго управленія и контроля въ Россіи въ историческомъ ихъ развитіи“, Спб. 1895.—В. Саковичъ, „Государственный контроль въ Россіи“, Спб. 1896.—В. Тальбергъ, „Государственный фактическій и предварительный контроль въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ“, Кіевъ 1897.—„Преобразованіе государственнаго контроля и нѣкоторыхъ частей финансовой администраціи въ Россіи“, „Морской Сборникъ“, 1859, №№ 6 и 12.—„Преобразованіе государственной отчетности“, ч. III: „Всеподданнѣйшіе доклады, послужившіе основаніемъ къ установленію коренныхъ началъ

новаго устройства смѣтъ, кассъ и ревизіи", Спб. 1861.—„Сборникъ циркуляровъ, изданныхъ по государственному контролю въ 1865—1873 гг." (№№ 11, 27, 73 и др.).—„Голосъ", 1871, № 49.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Ефрона, изд. 1-е, т. 32, Спб. 1902, s. v.—„Историческій Вѣстникъ", 1882, № 7.

Татаринцевъ, *Павелъ*, атаманъ Терскаго «семейнаго» войска, въ 1767 г. былъ депутатомъ отъ этого войска въ Комиссіи для сочиненія новаго Уложенія. Отстаивалъ преимущества духовенства. По вопросу о правахъ и преимуществахъ дворянства, возбудившему горячія пренія въ рядѣ совѣщаній, Т. присоединился къ возраженію Миронова противъ депутатовъ-дворянъ, отстаивавшихъ незыблемость дворянскаго званія и предлагавшихъ не давать этого званія лицамъ другихъ сословій, хотя бы и достигшимъ оберъ-офицерскаго ранга. Въ 1771 г. былъ награжденъ за тридцатисемилѣтнюю службу золотой медалью для ношенія на шеѣ.

„Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества", т. IV (Труды Екатерининской комиссіи для сочиненія новаго Уложенія), стр. 201.

Татевъ, князь *Борисъ Петровичъ*, рюриковичъ въ XX колѣнѣ, бояринъ и воевода. Впервые упоминается въ 1578 г. Подъ 1600 г. въ Разрядныхъ книгахъ названъ воеводою въ Орлѣ. Въ іюнѣ этого года крымцы значительной ордой напали ва Бѣлгородъ и отъ него пошли къ Курску, но по дорогѣ ихъ встрѣтилъ Т., разбилъ и прогналъ прочь. Въ 1605 г. былъ воеводою въ Черниговѣ. Когда въ Польшѣ объявился Отрепьевъ и Борисъ Годуновъ разослалъ къ порубежнымъ воеводамъ приказъ оповѣстить пограничныхъ державцевъ о томъ, что царевичъ Димитрій дѣйствительно убитъ и Отрепьевъ самозванецъ, такой приказъ получилъ и Т. Онъ его исполнилъ и въ своихъ отпискахъ къ державцамъ отъ себя прибавилъ, что убійство Димитрія произошло 14 лѣтъ назадъ. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что Годуновъ считалъ Т. въ числѣ своихъ враговъ и держалъ его въ замаскированной опалѣ. Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ въ челобитной на князя Пожарскаго царю Василію Шуйскому говоритъ: «Прежде, при царѣ Борисѣ, онъ, князь Димитрій Пожарскій, доводилъ на меня ему, царю Борису, многіе затѣйные доводы, будто бы я, сходясь съ Голицыными да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждаю и умышляю всякое зло». Самозванецъ, возсѣвши на престолъ, многихъ изъ опальныхъ при Борисѣ снискалъ особою милостью. Среди такихъ былъ и Т. Онъ присутствовалъ на свадьбѣ Отрепьева съ Мариною, былъ возведенъ въ боярскій санъ, засѣдалъ въ царской думѣ и числился въ приказѣ Большого прихода. Въ концѣ 1606 г. Т. вмѣстѣ съ князьями Скопинымъ-Шуйскимъ и Андреемъ Голицинымъ, по порученію царя Василія Ивановича, повелъ войско на выручку осажденной Болотниковымъ Калуги. Московскіе полки расположились у Серпуховскихъ воротъ для наблюденія за дѣйствіями противника и для боя въ случаѣ его приступа. 1 мая между воеводами Т., Черкасскимъ, Барятинскимъ съ одной стороны и воеводою Болотникова кн. Телятевскимъ съ другой произошла на р. Пчелкѣ жестокая битва, окончившаяся пораженіемъ московскихъ войскъ. Въ этой битвѣ Т. былъ убитъ, по однимъ свѣдѣніямъ 1-го, а по другимъ—3 мая 1607 г.

Никоновская лѣтопись, стр. 84, 88.—Акты Историческіе, т. II, стр. 84.—Акты Археографич. Экспед., т. II, стр. 43.—Древняя Россійск. Вивліоѳика, т. XIII, стр. 121.—„Русскій Историч. Сборн.", т. II, стр. 268.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.", изд. Эйнерлинга, т. XI, стр. 124; прим. 36.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. „Общ. Пользы", кн. II, стр. 734, 739, 755, 817.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI вѣка", Спб. 1888, прилож., стр. 57.—„Русская родослови. книга", изд. „Русск. Старины", т. I, Спб. 1873.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства", т. I, Спб. 1886.

Татевъ, князь *Иванъ Андреевичъ*, стольникъ. Въ 1587 г. вмѣстѣ съ Шуйскими, Урусовыми, Колычевыми и др. князьями былъ схваченъ Годуновымъ, который мстилъ имъ за то, что они, желая умалить его вліяніе, сговаривались совѣтовать царю Ѳедору Іоанновичу разойтись съ супругою Ириною, сестрою Бориса, какъ безплодною. Формальнымъ предлогомъ ареста Т. и другихъ было обвиненіе ихъ въ измѣнѣ царю. Розыскъ ничего не далъ, тѣмъ не менѣе судъ нашелъ ихъ виновными, и Т. былъ сосланъ въ Астрахань. Въ 1604 г. видимъ его однако воеводою въ Черниговѣ, куда вскорѣ былъ назначенъ и его двоюродный братъ Борисъ Петровичъ. Когда этотъ городъ предался Самозванцу, Т., мстя Годунову за прошлыя

обиды, съ охотой перешелъ на сторону Лжедимитрія и сопровождалъ его въ походахъ. Послѣ неудачи подъ Стародубомъ Самозванецъ бѣжалъ въ Путивль, куда за нимъ послѣдовалъ и Т. Оттуда онъ былъ посланъ къ Сигизмунду за ратною помощью, которую и получилъ. Въ 1606 г. присутствовалъ на свадьбѣ Лжедимитрія съ Мариной, причемъ въ сѣняхъ встрѣчалъ посланныхъ Сигизмундомъ по случаю этого торжества пословъ. Позднѣйшихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось.

Древняя Россійская Вивліоѳика, т. III, стр. 119, 138, 160, 257, 302, 303.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 47; т. XI, стр. 88, 100; прим. 283, 291.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 542.—„Сборн. Имп. Историч. Общ.“, т. 38, стр. 83.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I. Спб. 1886.—„Русская родословн. книга“, изд. „Русской Старины“, т. I, Спб. 1873.

Татевъ, князь *Петръ Ивановичъ*, XIX колѣно отъ Рюрика, воевода, бояринъ и окольничій. Впервые упоминается подъ 1556 г.—воеводою въ Нугри. Въ 1565 г.—воевода въ Лукахъ и въ Опочкѣ. Отъ этого года ему государева грамота въ Опочку находящихся при немъ дѣтей боярскихъ передать Григ. Никит. Борисову, а ему самому такой сказъ: «а самъ бы еси и съ людми и съ конми и зъ доспѣхомъ поѣхалъ къ себѣ, *а къ Москвѣ бы еси не ѣздилъ*, а ждалъ бы еси отъ насъ грамоты, гдѣ тебѣ велимъ на своей службѣ быть». Н. П. Лихачевъ предполагаетъ, что въ курсивныхъ словахъ кроется опала. Въ 1570 г. — воевода въ Путивлѣ, откуда первымъ далъ знать въ Москву о наступленіи крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Вмѣстѣ съ другими воеводами онъ, самъ воевода въ Передовомъ полку, вышелъ навстрѣчу татарамъ къ берегамъ Волги, но ханъ обошелъ ихъ и пошелъ къ Москвѣ. Т. съ товарищами пошли туда же болѣе краткими путями, упредили его и заняли разныя предмѣстья столицы. Т. досталась защита Крутицкой части. Въ 1573 г. Т. пожалованъ былъ въ бояре. Въ 1574 г. онъ отмѣченъ воеводою въ правой рукѣ; стоялъ въ Мышогѣ. Годъ спустя уже названъ окольничимъ, а еще черезъ годъ числится воеводою въ Сторожевомъ полку и стоитъ въ Коломнѣ. Отъ этого 1576 г. сохранилась его мѣстническая жалоба: былъ челомъ на бояръ Петра Васильевича Морозова, Никиту Романовича Юрьева и Ивана Васильевича Шереметева, что ему, Т., въ Сторожевомъ полку съ ними быть невмѣстно; отвѣтъ неизвѣстенъ. Въ концѣ лѣта 1578 г. участвовалъ во взятіи Оберпалена; тогда же былъ однимъ изъ воеводъ, заведшихъ мѣстническіе споры; на ихъ челобитныя Іоаннъ черезъ думнаго дьяка Андрея Щелкалова пригрозилъ всѣмъ имъ лишеніемъ власти въ случаѣ дальнѣйшей ссоры. Участвовалъ Т. и въ осадѣ Вендена и былъ однимъ изъ немногихъ воеводъ, сопротивлявшихся Сапѣгѣ до конца,—не бѣжалъ, а попалъ въ плѣнъ. Изъ плѣна былъ выкупленъ за 4114 рублей (12 тысячъ польскихъ злотыхъ) и шесть сороковъ соболей. Въ 1579 г. на него мѣстническая жалоба Данила Борисовича Салтыкова. Т. былъ однимъ изъ самыхъ способныхъ и уважаемыхъ воеводъ при Грозномъ. Умеръ 22 сентября 1586 г. и передъ смертью принялъ иноческій чинъ съ именемъ *Пимена*.

Древняя Россійская Вивліоѳика, т. VIII, стр. 5; т. XIV, стр. 294, 295, 303.—„Сибирскій сборникъ“, стр. 67.—Гейденштейнъ, „Записки о Московской войнѣ“, перев. подъ ред. В. Г. Веселовскаго, Спб. 1888, стр. 35—36.—„Акты Западн. Россіи“, т. III, № 105.—„Русскій Историч. Сборникъ“. т. V (счетное дѣло Салтыковыхъ и Спицкихъ). — „О службѣ и походахъ боярскихъ“, „Отеч. Записки“, ч. 28, стр. 403—421.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI стол.“, Спб. 1888, стр. 115, 212—213, 319, 480—481, 484.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 106, 169, 245; прим. 351, 353, 509, 731; т. X, прим. 23.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб. 1886.—„Русская родословная книга“, изд. „Русск. Старины“, т. I, Спб. 1873.

Татевъ, князь *Ѳедоръ Ивановичъ*, воевода; въ малолѣтство Іоанна IV былъ воеводою въ Рязани. Въ 1534 г. крымскій ханъ Саинъ-Гирей, съ которымъ Москва вела переговоры о союзѣ, по побужденію польскаго короля вдругъ двинулъ значительныя орды крымскихъ и азовскихъ татаръ въ предѣлы Московскаго государства. Въ Рязанской области татаръ встрѣтилъ Т. и князь Пунковъ. Въ жестокой схваткѣ Т. одержалъ рѣшительную побѣду и погналъ татаръ обратно. Слѣдующее извѣстіе о Т. находимъ только подъ 1559 г., когда онъ значится воеводою въ Тулѣ, откуда въ ноябрѣ писалъ въ Москву, что «приходилъ Диви-мурза и воевалъ Ростов-

скую волость», а онъ, Т., «на нихъ приходилъ и языка поймалъ, а за ними не ходилъ, что люди къ нему вскорѣ не собралися». Въ 1564 г. былъ воеводою въ правой рукѣ съ кн. Иваномъ Ѳедоровичемъ Мстиславскимъ и въ томъ же году со своей ратью попалъ въ Большой полкъ подъ начало къ Ивану Дмитріевичу Бѣльскому. Нѣсколько мѣсяцевъ въ 1565 г. былъ воеводою въ Дѣдиловѣ, а потомъ назначенъ намѣстникомъ въ Путивль, каковымъ отмѣченъ еще въ 1567 г.

Акты Историч., т. II, стр. 90—91.—Древняя Россійская Вивліоѳика, т. III, стр. 119; т. VIII, стр. 9; т. XIII, стр. 143, 155, 218, 348, 372, 396.—„Сборн. Русск. Историч. Общ.“, т. 71, стр. 94, 640.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. VIII, стр. 15; прим. 564.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб. 1886.

Татевы, княжескій родъ, отрасль удѣльныхъ князей Стародубовскихъ. Родоначальникомъ ихъ былъ князь *Иванъ Ѳедоровичъ* (XVIII колѣно отъ Рюрика), произвищемъ *Тать*, отъ котораго и произошла фамилія. У него было три сына—*Петръ Ивановичъ* (см. отд.), *Андрей Ивановичъ*, воевода въ Пронскѣ (1556), въ Михайловѣ (1559), въ Сторожевомъ полку въ Коломнѣ (1561), въ Острогѣ (1564), въ Путивлѣ (1567) и въ Орлѣ (1569), и *Ѳедоръ Ивановичъ* (см. отд.). Послѣдній былъ бездѣтенъ. Петръ Ивановичъ имѣлъ сына *Бориса Петровича* (см. отд.), отца трехъ бездѣтныхъ сыновей: *Петра Борисовича*, о которомъ сохранилось только имя, *Ѳедора Борисовича* (стольникъ на первой и второй свадьбѣ царя Михаила Ѳедоровича шелъ за государемъ и несъ колпакъ, умеръ въ 1630 г.) да *Ивана Борисовича* (въ 1613 г. подписалъ грамоту объ избраніи царя). Воевода Андрей Ивановичъ оставилъ четырехъ сыновей: *Юрія*, о которомъ кромѣ имени ничего неизвѣстно, *Ивана Андреевича* (см. отд.), *Ѳедора* и *Семена Андреевичей*—оба упоминаются поѣзжанами въ свадьбѣ Самозванца. Изъ нихъ дѣтей имѣлъ только Ѳедоръ—одного сына, стольника *Ивана Ѳедоровича*, упоминаемаго въ описаніи второй свадьбы царя Михаила Ѳедоровича. Его сынъ *Степанъ Ивановичъ*, въ 1658—1676 гг. стольникъ, въ 1673—нижегородскій воевода, былъ отцомъ послѣдняго князя Татева, *Ивана Степановича*, со смертью котораго родъ пресѣкся.

П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, стр. 150.—„Русская родословн. книга“ (Лобановъ-Ростовскій), изд. „Русск. Старины“, т. I, Спб. 1873 г.—„Русск. Историч. Сборникъ“, т. II, стр. 385—387.—О Семенѣ Андреевичѣ: „Акты Истор.“; II, 121; „Акты Арх. Эксп.“, II, 43; „Др. Рос. Вивл.“, XIII, 117, 375.—О Степанѣ Ивановичѣ: „Акты Истор.“, VI, 331; „Полн. Собр. Зак.“, I, 698.

Татищева, *Анна Алексѣевна*, дочь Алексѣя Даниловича Т., родилась въ 1729 г., была гофъ-фрейлиной императрицы Анны Іоанновны, затѣмъ статсъ-фрейлиной правительницы Анны Леопольдовны (1741 г.) и императрицы Елизаветы Петровны. 8 февраля 1748 г. вышла замужъ за полковника, впослѣдствіи генералъ-аншефа и графа П. И. Панина; во-второмъ бракѣ за тайн. сов. П. М. Бакунинымъ. Скончалась 27 октября 1764 г. въ Петербургѣ и погребена въ ц. св. Іоанна Предтечи на Лиговкѣ. Имя Т. встрѣчается въ описаніяхъ церемоній погребенія Анны Іоанновны и коронаціи Елизаветы Петровны. Ей принадлежатъ переводы нѣсколькихъ повѣстей и романовъ съ французскаго.

Макаровъ, „Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ - авторовъ“, „Дамскій Журналъ“, 1830.—П. Ѳ. Карабановъ, „Статсъ-дамы и фрейлины Русскаго двора“, „Русская Старина“, 1871, т. III, стр. 469.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.“, т. XXII, стр. 330; т. LXXXVII, стр. 351.—Кн. П. Долгоруковъ, „Россійск. родословная книга“, т. II, стр. 226.—„Внутренній бытъ русскихъ государей“, т. I, стр. 383, 446, 476.—„Письмо академика Ададурова къ Н. П. Панину“, „Русск. Архивъ“, 1879 г., т. I, стр. 1370, 1371.—„Донесенія прусскаго послан. гр. Сольмса королю Фридриху II, отъ 29 окт. 1764 г.“, т. VI, стр. 164.—„Записки Порошина“, стр. 99.—Нагробная надпись въ ц. св. Іоанна Предтечи.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ, 1400—1900 гг.“, стр. 180, 210, 347, 348.—„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1748, стр. 102.

Татищевъ, графъ *Александръ Ивановичъ*, генералъ отъ инфантеріи, военный министръ, родился въ 1762 г. и четырнадцати лѣтъ былъ произведенъ въ корнеты кирасирскаго князя Потемкина полка, въ которомъ и служилъ до 1793 г., принявъ участіе въ войнѣ съ Турціей и польскими конфедератами; за отличія при осадѣ Очакова (1788) и въ сраженія съ поляками при м. Грановѣ (1792) Т. былъ награжденъ чинами. Въ 1793 г. въ чинѣ подполковника перевелся въ Полтавскій легкоконный полкъ, откуда въ слѣдующемъ году, согласно Высочайшему указу, командиро-

ванъ въ Придворную конюшенную контору съ званіемъ «присутствующаго»; въ этомъ званіи онъ пробылъ лишь годъ, былъ назначенъ унтеръ-шталмейстеромъ, затѣмъ произведенъ въ полковники, переименованъ въ статскіе совѣтники, а въ 1798 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. При Александрѣ I Т. былъ принятъ на службу генералъ-маіоромъ съ зачисленіемъ въ провіантскій штатъ, но въ 1803 г. снова вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Въ 1806 г., когда формировалась милиція, московское дворянство избрало Т. сначала московскимъ уѣзднымъ начальникомъ, а затѣмъ бригаднымъ начальникомъ подвижной милиціи. Въ этомъ званіи Т. обратилъ на себя вниманіе Императора Александра I, который назначилъ его (2 марта 1808 г.) генералъ-кригсъ-комиссаромъ. Отечественная война вызвала усиленную дѣятельность этого вѣдомства, но Т. блестяще справился съ трудной задачей, причемъ о ходѣ работъ доносилъ непосредственно Государю, надписывая пакеты «въ собственныя руки». Когда былъ сформированъ Главный штабъ Его Величества, на военнаго министра возложены были главнымъ образомъ вопросы военнаго хозяйства, а потому понятно, что Т. явился самымъ подходящимъ кандидатомъ для занятія этого поста, Высочайшій приказъ о чемъ состоялся 14 марта 1823 г., и въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантаріи. По кончинѣ Императора Александра I, извѣстіе о чемъ пришло въ Петербургъ 27 ноября, Т., какъ находившійся въ церкви съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, вслѣдъ за его высочествомъ присягнулъ Константину Павловичу; на его же долю выпало производить дознаніе по дѣлу Краснокутскаго, прокурора 3-го департамента сената, арестованнаго по подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ возмутить 2-ю армію, полковникомъ въ одномъ изъ полковъ которой онъ раньше состоялъ. Въ печальной церемоніи перевезенія тѣла почившаго Императора орденъ св. Анны было поручено нести Т. Въ 1826 г. онъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство и черезъ годъ по болѣзни уволенъ отъ службы. Скончался 17 іюня 1833 г.

Общій Архивъ Главнаго Штаба: формулярный списокъ за 1818 г., сп. 73; прохожденіе службы, кн. 1818 г., стр. 8 и 14.—Архивъ канцеляріи Военнаго Министерства: графское достоинство, д. 1826 г., № 34; увольненіе отъ должности военнаго министра, 1827 г., № 47.—Сенатскій Архивъ, т. I, стр. 197 и 205.—Даниловъ, „Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи“.—Шепеховъ, „Историческій очеркъ главнаго интендантскаго управленія“.—Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“.—Затворницкій, „Столѣтіе военнаго министерства. Память о членахъ военнаго совѣта“, т. III, стр. 9, 10 и 11.—„Русская Старина“, 1882, т. XXXVI, стр. 186; 1897, февраль, стр. 197, мартъ, стр. 469.—Приложеніе къ камеръ-фурьерскому журналу: 1794 г., стр. 67; 1795 г., стр. 118.—Татищевъ: „Родъ Татищевыхъ“, стр. 116, 126, 127, 168, 203, 205, 217, 218, 219, 220, 309, 352.—Петровъ, „Исторіи родовъ русскаго дворянства“.—Князь П. Долгоруковъ, „Россійскій родосл. сборникъ“, т. 2.—Его же, „Россійская родословная книга“, ч. 2.—„Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ“, изданіе департамента герольдіи.—„Столѣтіе Военнаго Министерства“, т. I, стр. 118, 135, 136, 162, 165, 167, 188, 228, 229, 252, 253, 284, 286, 290; т. III, ч. 1, стр. 16, 94, 149, 186, 187, 188, 189, 192, 193, 234, 239, 240, 438, 440, 441, 442, 451, 452, отд. 4, стр. 9 и 64; т. IV, ч. 1, кн. 2, отд. 2, стр. 114 и 184; т. V, стр. 326, 333, 360, 365, 368, 375, 388, 421, 440, 458, 487, 516; т. VII, стр. 136; т. VIII, стр. 52; т. X, ч. 2, стр. 2; т. XI, ч. 1, стр. 154; т. XIII, кн. 3, стр. 104.—„Сборникъ Русск. Историч. Общ.“, т. 20, стр. 503, 511—512, 524.

М. П.

Татищевъ, *Алексѣй Даниловичъ*, генералъ-аншефъ, сынъ комнатнаго стольника Даніила Михайловича Т., родился въ 1697 г.; въ молодыхъ годахъ служилъ денщикомъ у Петра Великаго; государь очень благоволилъ къ нему за расторопность и точность, съ какими Т. выполнялъ возложенныя на него порученія, и нерѣдко сажалъ его обѣдать съ собою. Императрица Екатерина I въ мартѣ 1725 г. произвела Т. въ гофъ-юнкеры, а въ слѣдующемъ году, 26 ноября, пожаловала камеръ-юнкеромъ. Когда во время малолѣтства Петра II дѣлами государства управляли Долгоруковы, Т. попалъ въ опалу и былъ удаленъ отъ двора. Анна Іоанновна въ 1830 г. возвратила ему прежнее званіе, а въ 1737 г. пожаловала въ дѣйствительные камергеры. «Посвятивъ себя придворной жизни, — говоритъ о немъ Бантышъ-Каменскій,—Татищевъ умѣлъ удержаться на скользкихъ паркетахъ въ самое шаткое время, когда Россія стонала подъ игомъ Бирона и тысячи

людей дѣлались жертвами его подозрительнаго нрава». Держался онъ потому, что всячески старался угождать могущественному временщику и кабинетъ-министру А. П. Волынскому. Мертвящая скука, царившая въ придворныхъ сферахъ во времена Бирона, вызвала на сцену шутовъ, шутихъ и разныя развлеченія, въ большинствѣ случаевъ довольно грубаго пошиба. Именно изобрѣтеніемъ такихъ развлеченій и отличался Т.—въ этомъ въ сущности и состояла его придворная служба. Ему принадлежитъ идея извѣстнаго ледянаго дома со всѣми его аксессуарами, вплоть до устройства въ немъ свадьбы шута-князя Голицина, прозывавшагося Квасникомъ, котораго вздумали женить на придворной калмычкѣ Бужениновой. Въ жестокую зиму 1740 г. между старымъ Зимнимъ дворцомъ и зданіемъ адмиралтейства былъ построенъ довольно обширный домъ, стѣны котораго были сложены изъ массивныхъ ледяныхъ плитъ; изъ того же матеріала было сдѣлано все внутреннее его убранство—кровать, столы, стулья, посуда, блюда, даже каминъ и дрова въ каминѣ, шандалы и свѣчи въ шандалахъ. Народъ потѣшали стрѣльбою изъ стоявшихъ у дома ледяныхъ пушекъ, ледяными дельфинами, которые ночью выбрасывали изъ пасти огонь (зажженную нефть), поставленными за ледяными стеклами оконъ «смѣшными картинами», ледянымъ слономъ съ сидѣвшимъ на немъ ледянымъ персомъ, ледяными птицами на ледяныхъ же деревьяхъ и пр. Устройствомъ праздника распоряжался Волынскій, а въ исполненіе приводилъ всю эту затѣю со всѣми деталями Т. и такъ искусно, что домъ, по словамъ современника, «гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того казался сдѣлавъ былъ будто изъ одного куска, и для ледяной его прозрачности и синяго его цвѣту на гораздо дражайшей камень, нежели на мраморъ, походилъ», а все вмѣстѣ—«съ изрядным мастерствомъ сдѣлано было». Т. же придумалъ устроить по случаю этой свадебной оказіи и своеобразную живую этнографическую выставку: изъ разныхъ угловъ Россіи, по его предложенію, вытребовали «по три и по двѣ пары мужеска и женска пола пополамъ» инородцевъ — вотяковъ, черемисъ, татаръ, калмыковъ, остяковъ, самоѣдовъ и пр.—«собою не очень гнусныхъ», въ національныхъ костюмахъ, съ оружіемъ и музыкой, „какая у нихъ употребляется»—для участія въ качествѣ поѣзжанъ. Нѣкоторыя губерніи прислали разныхъ животныхъ, собакъ, козловъ, барановъ и пр., которыя были запряжены въ сани для гостей. Подробности этой «потѣхи» свидѣтельствуютъ объ изобрѣтательности и распорядительности Т.; нѣкоторыя данныя заставляютъ думать, что отъ ея успѣха онъ ожидалъ для себя богатыхъ милостей, однако надежды его почему-то не оправдались. Только 24 мая 1742 г. императрица Елизавета Петровна пожаловала Т. въ генералъ-поручики и назначила генералъ - полицеймейстеромъ съ возведеніемъ этой должности изъ пятаго въ третій классъ. Этому посту Т. удалось исхлопотать полную самостоятельность и приравнять его по значенію съ должностью министра. Такъ, указомъ отъ 1 мая 1746 г. генералъ-полицеймейстеръ былъ изъятъ изъ зависимости сената и генералъ-прокурора и подчиненъ непосредственно императорскому величеству, а сенату предписано повелительныхъ указовъ ему не посылать, принимать отъ него высочайшія повелѣнія и по требованіямъ его оказывать всяческое содѣйствіе; 22 августа того же года повелѣно тайной канцеляріи сноситься съ генералъ-полицеймейстеромъ премеморіями, не требуя отъ него выполненія указаній. 30 августа 1757 г. Т. былъ произведенъ въ генералъ-аншефы. Въ должности генеръ-полицеймейстера онъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 12 сентября 1760 г. Послѣдніе годы Т. имѣлъ отношеніе къ тюрьмамъ. Изобрѣтательность не оставляла его и въ этой дѣятельности; ему принадлежитъ если не изобрѣтеніе, то примѣненіе особой машинки для клейменія преступниковъ съ цѣлью предупреждать ихъ побѣги, а для людей, невинно осужденныхъ и невинно заклейменныхъ словомъ «*воръ*», Т. придумалъ, въ цѣляхъ, такъ сказать, возстановленія истины и въ виду невозможности уничтожить сдѣланное клеймо, передъ послѣднимъ выжигать «оправдательную» частицу «*не*».

Полное Собраніе Законовъ, т. XII, стр. 472, 488, 595, 661, 672, 872, 873, 880, 960; т. XIII, стр. 106, 148, 267, 340, 365, 392, 654, 679, 718, 759, 825, 829, 840, 860, 861, 921, 925; т. XIV, стр. 51, 71, 169, 250; т. XV, стр. 335, 350, 944.—

Дѣло о Татищевыхъ, въ архивѣ департамента герольдіи, лл. 240—242.—„Сенатскій архивъ“, т. II, стр. 169, 240, 260.—Барановъ, „Опись Высочайшихъ указовъ и повелѣній въ сенатскомъ архивѣ“, т. II, № 4394; т. III, №№ 8737, 8809, 9520, 9937, 10103, 11681, 11699.—„Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества“, т. 20, стр. 138; т. 40, стр. 39, 59, 64, 230, 392; т. 69, стр. 750; т. 86, стр. 306; т. 104, стр. 231, 244, 380, 450, 451, 535.—„Дневникъ Берхгольца“, въ „Büsching's Magasine“, 1785, т. XIX, стр. 42—43.—„Записки Нащокина“, стр. 64.—„Извлеченія изъ морскихъ журналовъ“, стр. 157, 158, 210.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота“, т. II, стр. 561—563, 578.—„Внутренній бытъ русскихъ государей“, т. I, стр. 3.—Вотчинное дѣло генер.-полицеймейст. Татищева, въ собраніи рукописей Бѣляева, № 126/1619, въ Румянцевскомъ музеѣ.—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, ч. III, Спб. 1847, стр. 394—398.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ, 1400—1900 г. г.“, Спб. 1900, № 128.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. IV, стр. 1472—1473.—Вейдемейеръ, „Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи“, изд. 2-е, Спб. 1832, ч. II, стр. 141.—М. Крафтъ, „Описаніе Ледяного дома“, стр. 11.—Какъ дѣйствующее лицо въ романѣ Данилевскаго „Ледяной домъ“. — „Переписка Императр. Анны Іоанновны съ московскимъ главнокоманд. гр. Салтыковымъ о сватовствѣ его за княжну Гагарину“, „Русск. Арх.“, 1873, стр. 1665—1667.—Петровъ, „Исторія Петербурга“, стр. 496, 497, 508, 513, 530, 538, 607, 612, 621.—„Осмнадцатый Вѣкъ“, сборн. П. И. Бартенева, т. III, стр. 326—330.—„Русск. Старина“, 1870, т. II, стр. 115.—„Древняя и Новая Россія“, 1876, т. III.

Татищевъ, *Алексѣй Степановичъ*, воевода. Въ 1638 — 41 гг. отмѣченъ на службѣ въ Тулѣ; 17 марта 1644 г. пожалованъ въ стряпчіе; два года спустя находился на службѣ въ Ливнахъ и Бѣлгородѣ, откуда вызванъ въ Москву, пожалованъ (1647) въ стольники и въ этомъ званіи въ ближайшіе годы сопровождалъ государя на богомолья въ монастыри Троице-Сергіевъ и Саввинъ. Въ 1655 г.—на службѣ подъ Дубровною, черезъ четыре года находился воеводою въ Ярославлѣ и въ 1668 г. — воеводою въ Сѣвскѣ. Былъ въ Чигиринскомъ походѣ 1673 г. Въ 1680 г. за старостью отъ службы отставленъ. Окладъ ему помѣстный 755 чет. и денежный въ 40 руб.

«Дворцовые разряды», т. III, стр. 199, 206, 283, 293.—«Памятники дипломатическихъ сношеній», т. X, стр. 51. — «Русск. Историч. Библіот.», т. X, стр. 416.

Татищевъ, *Аѳанасій Даниловичъ*, старшій братъ Алексѣя Даниловича, дѣйствительный камергеръ и ген.-маіоръ, родился 30 апрѣля 1685 г.; службу началъ комнатнымъ стольникомъ, затѣмъ былъ въ числѣ потѣшныхъ царевича Петра, съ 1698 г. сдѣлался сержантомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно брату, денщикомъ Петра Великаго. И его государь любилъ за расторопность при исполненіи порученій, особенно же за веселый нравъ, остроумныя шутки и многочисленныя продѣлки, подчасъ не совсѣмъ невиннаго характера, которыя онъ себѣ позволялъ. Самая извѣстная изъ нихъ такова. Однажды, въ чемъ-то провинившись, Т. былъ посланъ Петромъ къ караульному офицеру, у котораго долженъ былъ получить 50 палочныхъ ударовъ; по дорогѣ онъ встрѣтилъ какого-то подъячаго, котораго и рѣшилъ вмѣсто себя подвести подъ удары. Первая часть продѣлки удалась. Оставалось избѣжать ея послѣдствій. За ближайшимъ обѣдомъ Т., поддерживаемый государынею, сталъ усердно просить прощенія у Петра, который и далъ его, полагая, что рѣчь идетъ о первоначальной продѣлкѣ, за что Т., по его мнѣнію, уже достаточно поплатился 50 ударами. Когда же выяснилась вся исторія, Петръ сильно разгнѣвался, однако, желая сдержать данное слово, не наказалъ Т. и кончилъ тѣмъ, что расхохотался надъ его находчивостью. Невинно пострадавшій подъячій въ конечномъ счетѣ тоже остался въ выигрышѣ: за воровство онъ позже былъ присужденъ къ смерти, но Петръ, вспомнивъ незаслуженно понесенную имъ обиду, простилъ его. Въ 1718 г. Т. получилъ чинъ прапорщика Семеновскаго полка и до конца жизни Петра Великаго состоялъ при его особѣ, сопровождая его въ походахъ и путешествіяхъ. 30 января 1729 г. онъ «за долговременною службою и болѣзнію» былъ отъ службы отставленъ съ чиномъ гвардіи поручика и поселился въ Москвѣ, а 12 августа 1741 г., въ день рожденія Іоанна Антоновича, правительницею Анною Леопольдовною пожалованъ въ дѣйствительные камергеры съ тѣмъ, чтобы «быть ему въ отставкѣ по прежнему». Скончался онъ 30 августа 1750 г., незадолго до смерти получивъ чинъ генералъ-маіора, и погребенъ въ Симоновскомъ монастырѣ въ Москвѣ. До конца жизни онъ сохранилъ самыя теплыя чувства о Петрѣ Великомъ и

со слезами на глазахъ разсказывалъ всѣмъ и каждому разные случаи изъ его жизни.

Дѣло о дворянствѣ Татищевыхъ, въ архивѣ департамента герольдіи, л. 233.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. XIX, стр. 392.—„Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца“, въ „Büsching's Magasin“, 1785, Bd. IX, pp. 112, 156, 171; 1786, Bd. XX, pp. 331, 332, 451—453, 485; 1787, Bd. XXI, p. 231.—В. Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, т. II, стр. 517; т. XIV, стр. 630; т. XV, стр. 47, 200, 201—206.—Его же, „Анекдоты о Петрѣ Великомъ“, Спб. 1807, стр. 406—411, 529—530. — „Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.“, т. 11, стр. 208, 392; т. 104, стр. 107, 108, 220, 283, 321, 322, 342, 462. — „Сборникъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“, т. II, стр. 58, 59, 62—64, 68, 69, 71.—„Архивъ князя Куракина“, т. I, стр. 91. — Барановъ, „Опись сенатскаго архива“, т. II, 33, 113; 370; 34, 370; 35, 216, 523; т. III, 131, 94 и 142, 169.—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, ч. III, Спб. 1847, стр. 398—401.—Устряловъ, „Исторія Петра Великаго“, т. III, стр. 571. — С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, 1400—1900 гг. Спб. 1900, № 129. — Надгробная надпись въ Симоновскомъ монастырѣ.

Татищевъ, *Василій Никитичъ*, родился 19 апрѣля 1686 г., умеръ 15 іюля 1750 г., сынъ стольника Никиты Алексѣевича, принадлежалъ къ древнему русскому аристократическому, но «захудалому» роду, происходившему отъ князей Смоленскихъ. Татищевы были въ родствѣ съ Салтыковыми, и этимъ объясняется принятіе Василія Никитича семилѣтнимъ мальчикомъ въ число стольниковъ ко двору царицы Прасковьи Ѳедоровны, рожденной Салтыковой, жены царя Іоанна Алексѣевича. Одинъ изъ біографовъ Т. полагаетъ, что онъ или до 1704 г., или уже по вступленіи въ военную службу учился въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи Брюса.

Поступивъ на службу въ 1704 г., Т. участвовалъ въ 1704 г. во взятіи Нарвы, въ 1709 г. въ Полтавской битвѣ, а въ 1711 г. въ Прутской кампаніи. Стоянка съ полкомъ въ Польшѣ въ 1710 г. побудила его учиться польскому языку, а пребываніе въ 1713—14—17 г. въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ дало ему возможность усовершенствоваться не только въ наукахъ, но и въ знаніи нѣмецкаго языка, которымъ, по свидѣтельству современниковъ, онъ прекрасно владѣлъ. Во время заграничнаго пребыванія Т. пріобрѣлъ довольно много книгъ по математикѣ, военнымъ наукамъ, географіи и исторіи. Въ 1717 г. Петръ Великій, придававшій большое значеніе изученію древностей, въ особенности русскихъ и славянскихъ, и увѣренный въ познаніяхъ въ этой области Т., отправилъ его въ Гданскъ (Данцигъ) хлопотать о включеніи въ контрибуцію старинной иконы, писанной, какъ гласило преданіе, св. Меѳодіемъ, первоучителемъ славянскимъ. Т. не могъ выполнить порученія царя, потому что магистратъ Гданска не согласился уступить икону, но Петру Великому не пришлось жалѣть объ этой неудачѣ, такъ какъ, ознакомившись съ исторіей иконы, Т. доказалъ невѣрность преданія. По возвращеніи изъ Гданска Т. состоялъ при Брюсѣ, генералъ-фельдцехмейстерѣ и президентѣ бергъ и мануфактуръ-коллегій, и ѣздилъ съ нимъ на Аландскій конгрессъ. Какъ изъ Гданска, такъ и съ Аландскихъ острововъ, Т. привезъ много книгъ, которыя оказали ему большую пользу, потому что, по повелѣнію Петра Великаго, ему пришлось заняться географіей Россіи. Мысль о составленіи подробной географіи Россіи принадлежитъ Брюсу, но онъ самъ не могъ посвятить этому труду достаточно времени, а потому Т. было поручено заняться собираніемъ матеріала. Убѣдившись, что изученіе географіи невозможно безъ знанія исторіи, Т. началъ собирать въ 1719 г. матеріалы для исторіи Россіи. Занятія эти заставили его обратить вниманіе на тотъ вредъ, который происходилъ отъ общности и черезполосности земельныхъ владѣній, и онъ въ томъ же году подалъ царю представленіе о необходимости размежеванія земель въ Россіи, чтобы прекратить частыя ссоры, возникавшія между землевладѣльцами.

Въ 1720 г. Т. долженъ былъ временно прекратить свои историко-географическія работы, такъ какъ, повидимому по представленію Брюса, былъ посланъ «въ Сибирской губерніи, на Кунгурѣ и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ обыщутся удобныя разныя мѣста, построить заводы и изъ рудъ серебро и мѣдь плавить». Для Т. дѣло это было совершенно незнакомо, а заводы, ввѣренные ему, находились въ двухъ обширныхъ губерніяхъ—Сибирской и Казанской. Съ нимъ были отправлены саксонецъ Бліеръ, знатокъ горнаго дѣла, уже прежде бывшій на Уралѣ, и нѣсколько учениковъ московской инженерной школы. Пріѣхавъ въ Кунгуръ, Т. не могъ найти

рабочихъ, потому что, какъ оказалось изъ произведеннаго имъ слѣдствія, при прежнихъ управителяхъ насильно наряжали крестьянъ на горныя работы и по большей части не платили имъ денегъ. Т. поселился на Уктускомъ заводѣ и учредилъ тамъ горную канцелярію, переименованную затѣмъ въ «Сибирское высшее горное начальство». Въ теченіе полутора года, которые Т. пробылъ на уральскихъ заводахъ, онъ воспользовался указаніями Бліера и плѣннаго шведа Шенстрема, вызваннаго имъ изъ Соликамска, чтобы познакомиться въ горнымъ дѣломъ. Несмотря на краткость своего пребыванія на Уралѣ, Т. сдѣлалъ очень много: онъ перенесъ Уктускій заводъ на рѣку Исеть и назвалъ это поселеніе, въ честь жены Петра Великаго, Екатерины Алексѣевны, Екатеринискомъ, чѣмъ положилъ начало теперешнему Екатеринбургу; хлопоталъ о переводѣ туда Ирбитской ярмарки и о колонизаціи заводовъ плѣнными шведами; предлагалъ дозволить разработку рудъ частнымъ предпринимателямъ и учредить для надзора за ними шихтмейстеровъ; открылъ при заводахъ школы, изъ которыхъ двѣ были первоначальныя, гдѣ священники учили читать и писать, а въ двухъ другихъ школахъ учили ариеметикѣ, геометріи и «прочимъ горнымъ дѣламъ»; требовалъ, чтобы были заведены школы въ селеніяхъ, приписныхъ къ заводамъ, и въ видѣ поощренія обѣщалъ грамотнымъ освобожденіе отъ рекрутства. Т составилъ инструкцію для заводскихъ управителей, въ которой главное вниманіе было обращено на добросовѣстное отношеніе къ крестьянамъ, работающимъ на заводахъ. До Т. крестьяне должны были съ своими исками ѣздить въ Тобольскъ, но по его ходатайству былъ назначенъ особый судья на заводы. Башкирамъ, препятствовавшимъ въ розысканіи рудъ, была прислана, по мысли Т., грамота изъ Сената; они послушались этой грамоты и стали показывать рудники.

До пріѣзда Т. на Уралъ заводчикъ Демидовъ, пользовавшійся особымъ покровительствомъ Петра Великаго, былъ тамъ, можно сказать, полновластнымъ хозяиномъ, а потому отнесся недоброжелательно къ новымъ распорядкамъ. Попытка подкупить Т. деньгами, чтобы не учреждались казенные заводы, не удалась; тогда Демидовъ отправилъ въ Петербургъ жалобу на Т., обвиняя его въ томъ, что онъ устроилъ заставы, затрудняющія привозъ хлѣба на заводы, и отнялъ у него, Демидова, часть пристани на рѣкѣ Чусовой. Но Т. устроилъ заставы по требованію сибирскаго губернатора, а пристань отнялъ потому, что она основана была самовольно. Въ это время изъ берг-коллегіи прислали новаго управляющаго заводами совѣтника Михаелиса, а Т. велѣли быть его помощникомъ. Дождавшись Михаелиса, Т. поѣхалъ въ началѣ 1722 г. въ Москву и въ Петербургъ разъяснить свои недоразумѣнія съ Демидовымъ. Онъ не засталъ въ Москвѣ ни Брюса, ни царя, и проѣхалъ въ Петербургъ, а въ концѣ іюля отправился опять на Уралъ, вслѣдъ за Гениномъ, который былъ назначенъ для исправленія мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ и для разслѣдованія дѣла Демидова «не маня ни для кого». Убѣдившись въ правотѣ Т., Генинъ просилъ царя назначить его директоромъ заводовъ. Только въ сентябрѣ 1723 г. получено на Уралѣ оправданіе Т. и дозволеніе приставить его, по прежнему, къ дѣламъ. Въ концѣ этого года Т. былъ посланъ Гениномъ въ Петербургъ съ докладомъ о состояніи заводовъ и въ январѣ 1724 г. представлялся Петру. Въ письменномъ оправданіи Т. по дѣлу съ Демидовымъ Т. привелъ текстъ: «дѣлающему мзда не по благодати, а по дѣлу». Царь потребовалъ объясненія этихъ словъ. Т. отвѣчалъ, что можно обвинять за взятку только въ случаѣ несправедливаго рѣшенія; по мнѣнію Т. судья можетъ получить вознагражденіе отъ тяжущагося: 1) если работалъ послѣ полудня, чего не обязанъ дѣлать изъ-за жалованія, 2) если не тянулъ дѣла справками и придирками, 3) если рѣшилъ дѣло не въ очередь, въ случаѣ крайней въ томъ нужды тяжущагося. Государь сказалъ на это: «сіе все правда и для совѣстныхъ людей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ дозволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотнымъ принужденнаго не было». Т. добавилъ: «лучше всякаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить». Въ 1724 г. Т. произведенъ въ совѣтники берг-коллегіи и назначенъ въ сибирскій оберъ-бергъ-амтъ (какъ было переименовано высшее горное начальство). Вмѣсто Урала онъ былъ посланъ въ Шве-

цію для изученія горнаго дѣла, для вызова оттуда горныхъ инженеровъ и вообще ученыхъ людей въ Россію и для отдачи въ обученіе горному дѣлу нѣсколькихъ учениковъ морской и артиллерійской школъ. Кромѣ того ему было секретно поручено «смотрѣть и увѣдомиться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытыхъ намѣреніяхъ онаго государства».

Весьма интересенъ разговоръ, бывшій у Петра Великаго съ Т. передъ отъѣздомъ его въ Швецію; онъ приведенъ впослѣдствіи Т. въ сочиненіи «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ», откуда мы цѣликомъ его выписываемъ. «Въ 1724 г., какъ я отправлялся въ Швецію, случилось мнѣ быть у его величества въ лѣтнемъ домѣ; тогда лейбъ-медикусъ Блюментростъ, яко президентъ Академіи Наукъ, говоритъ мнѣ, чтобъ въ Швеціи искать ученыхъ людей въ учреждающуюся академію въ профессоры, на что я, разсмѣявся, ему сказалъ: ты хочешь сдѣлать архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и гдѣ поставить мѣста нѣтъ.—Его Величество изволилъ спросить, что я сказалъ, а я донесъ, что ищетъ учителей, а учить некого, ибо безъ нижнихъ школъ академія оная съ великимъ разсходомъ будетъ безполезна. На сіе его величество сказалъ: Я имѣю жать скирды великія, только мельницы нѣтъ; да и построить водяную и воды довольства въ близости нѣтъ; а есть воды довольно въ отдаленіи, токмо каналъ мнѣ дѣлать уже не успѣть для того, что долгота жизни нашея ненадежна и для того перво мельницу строить, а каналъ велѣлъ только зачать, которое наслѣдниковъ моихъ лучше понудить къ построенной мельницѣ воду провести». Мельница—академія, каналъ—школы математическія и епархіальныя, основанныя Петромъ. «Но сіе желаніе и надежда его величества весьма обманула,—продолжаетъ Т.,—ибо по его скорому представленію хотя люди въ наукахъ преславные скоро съѣхались и академію основали, но по епархіямъ, кромѣ новгородской и бѣлгородской, не токмо школы вновь устроены, но нѣкоторыя и начатыя оставлены и разорены; вмѣсто того архіереи конскіе заводы созидать прилежали».

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Швецію Т. заболѣлъ и два мѣсяца пролежалъ въ постели. Не успѣлъ еще онъ приняться за выполненіе возложенныхъ на него порученій, какъ пришло извѣстіе о кончинѣ Петра Великаго, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Впослѣдствіи Т. такъ вспоминалъ о своемъ царѣ-покровителѣ: «Все, что имѣю: чины, честь, имѣніе и главное надъ всѣмъ—разумъ, единственно все по милости Его Величества имѣю: ибо если бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостью не ободрялъ—то бы я не могъ ничего того получить».

Правительство Екатерины I оставило Т. въ Швеціи, и онъ обратилъ тамъ вниманіе на все, что считалъ полезнымъ для Россіи. Осмотрѣвъ горные заводы и рудники, онъ собралъ множество чертежей и плановъ и условился съ мастерами объ отдачи имъ на выучку русскихъ. Относительно найма инженеровъ ему не посчастливились; вслѣдствіе запрещенія шведскимъ правительствомъ вывозить въ большомъ количествѣ какихъ-либо мастеровъ, Т. былъ нанятъ и посланъ въ Екатеринбургъ одинъ только мастеръ, по фамиліи Рефъ. Этотъ Рефъ умѣлъ прочно поставить обученіе гранильному искусству; ученики его, оказавъ замѣчательные успѣхи, въ свою очередь стали обучать граненію слѣдующее поколѣніе, такъ что Екатеринбургъ, построенный Т., ему же обязанъ во все время своего существованія постояннымъ и вѣрнымъ заработкомъ. Т. сблизился въ Швеціи со многими учеными, особенно съ королевскимъ библіотекаремъ Бреннеромъ, котораго онъ зналъ еще въ Россіи, а черезъ него съ упсальскимъ профессоромъ Бензелемъ, извѣстнымъ знатокомъ древностей сѣверныхъ народовъ. При ихъ помощи онъ ознакомился съ библіотеками, архивами и музеями Швеціи и немедленно сообщилъ въ Петербургъ планъ выборки изъ скандинавскихъ историковъ всего, что касается русскихъ древностей. Т. не ограничился собираніемъ историческихъ матеріаловъ и покупкой книгъ; онъ старался пополнить свое образованіе и заимствовалъ у ученыхъ шведовъ методъ изслѣдованія историческихъ источниковъ. Въ бытность свою въ Швеціи Т. посѣтилъ и Данію. По возвращеніи въ Петербургъ онъ прежде всего занялся составленіемъ отчета о своей поѣздкѣ, затѣмъ, принимая во вниманіе шведскую монетную систему, указалъ на необходимость

ввести въ Россіи десятичную систему въ монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ. Вѣроятно, въ это же время онъ представилъ императрицѣ предположенія относительно устройства дороги въ Тобольскъ и въ Нерчинскій край.

Съ 1727 по 1730 гг. Т. былъ членомъ монетной конторы. Послѣ кончины императора Петра II члены Верховнаго тайнаго совѣта послали избранной ими въ императрицы вдовствующей курляндской герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ составленныя безъ вѣдома всѣхъ сословій «кондиціи», на основаніи которыхъ она должна была управлять Россіей. Дворянство, или, какъ тогда его называли, шляхетство, не сочувствуя олигархической программѣ «кондицій» и не желая отдать судьбу Россіи въ руки немногихъ ея представителей, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, рѣшило поднести императрицѣ, по пріѣздѣ ея въ Москву, свои проекты государственнаго устройства Россіи. Въ сочиненіи этихъ проектовъ шляхетства Т. принималъ весьма дѣятельное участіе. Онъ составилъ «мнѣніе» о такомъ устройствѣ по просьбѣ одного изъ шляхетскихъ кружковъ, во главѣ котораго стоялъ кн. А. М. Черкасскій; «мнѣніе» Т. служитъ весьма любопытнымъ и характернымъ выраженіемъ политическихъ воззрѣній какъ кружка, такъ и самого Т., стоявшаго принципіально за монархическое правленіе въ Россіи, но относительно Анны Іоанновны допустившаго нѣкоторыя «поправки» въ своемъ политическомъ принципѣ. Изъ этого довольно обширнаго «мнѣнія» приведемъ только соображенія Т. по поводу «вступленія на престолъ особы женскаго пола». «О государынѣ императрицѣ (Аннѣ Іоанновнѣ)—говоритъ Татищевъ,—хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако жъ, какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна, а паче всего ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить». Это *нѣчто* состояло, по проекту Т., изъ двухъ камеръ, основанныхъ на своеобразномъ представительствѣ отъ шляхетства: «вышнее правленіе»—сенатъ изъ 21 члена представителей высшихъ, родословныхъ, «фамильныхъ» людей, отъ каждой фамиліи по одному, и «нижнее правленіе»—по избранію отъ шляхетства—100 членовъ, раздѣленныхъ на 3 сессіи, по 30 слишкомъ лицъ въ каждой, которыя засѣдаютъ по очереди въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Эти постоянные члены «Нижняго правительства» вѣдаютъ дѣла внутренней экономіи. Три раза въ годъ «нижнее правительство» собирается въ полномъ своемъ составѣ для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ, а въ выдающихся случаяхъ, какъ напр. объявленіе войны, кончина безнаслѣднаго государя,—созывается полный составъ «нижняго правительства» въ общее засѣданіе съ «вышнимъ».

Шляхетство не выказало единодушія; оно разбилось на кружки, изъ которыхъ почти каждый выработалъ особые планы государственнаго строя. Партія кн. Черкасскаго, какъ самая многочисленная, взяла верхъ, и адресъ отъ шляхетства, въ которомъ давалось знать о его желаніяхъ, Т. прочелъ императрицѣ при общемъ собраніи Верховнаго тайнаго совѣта, сената, генералитета, шляхетства и духовенства. По требованію гвардіи былъ возстановленъ прежній порядокъ правленія; тѣмъ не менѣе правительство Анны Іоанновны обратило вниманіе на Т. и произвело его изъ коллежскихъ совѣтниковъ прямо въ дѣйствительные сенатскіе, а въ день коронаціи онъ исправлялъ обязанности оберъ-церемоніймейстера.

Въ томъ же 1730 г. появился планъ академіи ремеселъ, которая должна была состоять изъ четырехъ отдѣленій; во главѣ отдѣленія механики хотѣли поставить Т. Академія эта не была учреждена, потому что противъ нея высказался Остерманъ. Т. былъ назначенъ главнымъ судьею, т. е. предсѣдателемъ, монетной конторы и приложилъ къ этому дѣлу знанія, пріобрѣтенныя въ Швеціи. Если бы онъ дольше оставался во главѣ монетной конторы, то сумѣлъ бы добиться устройства училища для преподаванія наукъ, нужныхъ для монетнаго дѣла; но онъ не поладилъ съ своимъ ближайшимъ начальникомъ гр. М. Г. Головкинымъ, которому въ 1731 г. была подчинена монетная контора вмѣсто сената: Т. предполагалъ, что ихъ ссорилъ Бирономъ. Правительствомъ было получено извѣстіе о взяткахъ Т., и его уво-

лили отъ должности предсѣдателя монетной конторы; весьма вѣроятно, что главная причина увольненія Т. заключалась въ томъ, что гр. Головкинъ вмѣсто одной компаніи скупщиковъ желалъ поставить другую (скупщиками назывались купцы, поставлявшіе въ казну серебро и золото въ иностранныхъ монетахъ, вещахъ, слиткахъ, ломѣ и т. п.).

Въ 1734 г. Т. былъ освобожденъ отъ суда и снова назначенъ на Уралъ «для размноженія заводовъ», согласно данной ему инструкціи. Въ то же время ему поручены составленіе горнаго устава и надзоръ за частными заводами какъ относительно доброкачественности ихъ произведеній, такъ и относительно положенія работниковъ и общаго распорядка на заводахъ. Вмѣшательство въ управленіе частными заводами навлекло на Т. жалобы и нареканія со стороны Демидовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ заводчиковъ, а потому частные заводы были переданы въ вѣдѣніе коммерцъ-коллегіи. Т. пробылъ на Уралѣ до 1737 г., усердно и ревностно выполняя возложенное на него порученіе о «размноженіи заводовъ»: число заводовъ возросло при немъ до 40, и онъ считалъ возможнымъ открыть еще 36. Въ 1736 г. бергъ-директоромъ былъ назначенъ Шомбергъ, вызванный изъ Саксоніи Биронома, который, по словамъ Т., «вознамѣрился оный великій государственный доходъ [т. е. доходъ отъ горныхъ заводовъ] похитить».

Въ 1737 г. Т. былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ въ Оренбургскую экспедицію на мѣсто умершаго Кирилова, извѣстнаго основателя новой Оренбургской линіи, построенной для прикрытія Оренбургскаго края отъ нападенія степныхъ народовъ. Т. нашелъ дѣла запущенными, остался недоволенъ составомъ служащихъ, настоялъ перенести Оренбургъ съ того мѣста, которое выбралъ Кириловъ, и продолжилъ начатое его предмѣстникомъ построеніе укрѣпленной Оренбургской линіи. Одну изъ построенныхъ имъ въ этой линіи крѣпостей онъ назвалъ своимъ именемъ — Татищевой. Т. находилъ, что невозможно окончательно усмирить Башкирію крутыми мѣрами: по его мнѣнію, надо было упорядочить сборъ ясака и отдѣлить башкирскія земли отъ чувашскихъ и мещерякскихъ. Усмиреніе края осложнилось обращеніемъ мятежниковъ къ киргизскому хану Абулъ-Хаиру, котораго они провозгласили своимъ ханомъ. Абулъ-Хаиръ съ толпою мятежныхъ башкиръ явился въ Оренбургъ и началъ творить тамъ судъ и расправу. Т. медлилъ ѣхать въ Оренбургъ, ссылаясь на недостатокъ въ деньгахъ и аммуниціи, но получилъ за это строгое замѣчаніе и поѣхалъ уговаривать Абулъ-Хаира снова присягнуть россійской императрицѣ, что ему и удалось достигнуть. Одновременно съ заботами объ умиротвореніи башкиръ, на долю Т. выпали хлопоты поселенія въ русскихъ предѣлахъ крещеной калмыцкой княгини Тайшиной, для которой онъ выстроилъ городъ, названный Ставрополемъ. Въ январѣ 1739 г. Т. поѣхалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ въ Оренбургскомъ краѣ. Вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ, гр. Головкинъ счелъ нужнымъ отрѣшить Т. отъ должности и назначить особую комиссію для разслѣдованія взводимыхъ на него обвиненій: взятокъ, утайки части жалованья, назначеннаго киргизскому хану и старшинамъ, построенія себѣ дома въ Самарѣ и т. п. По свидѣтельству саксонскаго посланника, во время производства дѣла Т. былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Комиссія работала полтора года; постановили лишить Т. чиновъ и взыскать съ него штрафъ въ возмѣщеніе ущерба, нанесеннаго имъ казеннымъ и частнымъ интересамъ; но такъ какъ не всѣ касающіяся его дѣла были разсмотрѣны, то приговоръ оставили безъ исполненія.

Въ 1741 г. правительство Анны Леопольдовны рѣшило воспользоваться знакомствомъ Т. съ Оренбургскимъ краемъ и съ калмыцкими дѣлами и отправило его во главѣ калмыцкой экспедиціи, а затѣмъ, по вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны, онъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, съ оставленіемъ при калмыцкихъ дѣлахъ. Пріѣхавъ въ Царицынъ, Т. узналъ, что раздоръ между калмыцкими владѣтелями продолжаетъ усиливаться; вскорѣ одинъ изъ нихъ, Дондукъ-Даши, добился должности «намѣстника» калмыцкихъ улусовъ и сумѣлъ расположить къ себѣ вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ настолько, что тѣ вѣрили его жалобамъ и неоднократно присылали выговоры Т. за рѣзкое обращеніе съ намѣстникомъ и въ особенности за нападки на суевѣріе калмыковъ.

Дѣло дошло до того, что намѣстникъ заявилъ подозрѣніе въ покушеніи Т. на его жизнь и обвинялъ его во взяткахъ. Главныя пререканія между ними происходили изъ-за судебнаго устава, составленіе котораго было поручено Т.: намѣстникъ жаловался, что Т. не составляетъ устава; Т. ссылался на то, что намѣстникъ не присылаетъ ему сборника степныхъ обычаевъ. Выведенный изъ терпѣнія, Т. написалъ намѣстнику рѣзкое письмо, въ которомъ между прочимъ почти слово въ слово повторилъ выраженіе своего державнаго учителя о законахъ: «о правахъ вамъ объявляю—писалъ Т.:—хотя я ихъ сочиняю, но тщетно законы писать, если ихъ не хранить». Дондукъ отвѣтилъ дерзостью. Тогда Т. прекратилъ съ намѣстникомъ всякія сношенія и переписку съ нимъ переслалъ въ Петербургъ. По приказанію изъ Петербурга было сдѣлано строгое разслѣдованіе; тѣхъ людей, которые ссорили намѣстника съ губернаторомъ, отвезли въ Петербургъ и одного изъ нихъ наказали плетьми. Вдова калмыцкаго хана Дондукъ-Омбо, Джанша, производившая смуты, была крещена вмѣстѣ съ дѣтьми, и волненія среди калмыковъ наконецъ улеглись.

Во время своего астраханскаго губернаторства Т. обратилъ вниманіе на внутреннюю и внѣшнюю торговлю Астраханскаго края, а такъ какъ первое мѣсто во внутренней торговлѣ принадлежало торговлѣ рыбой, то онъ занялся разборомъ правъ калмыковъ и русскихъ на рыбную ловлю и устроилъ въ Астрахани контору, наблюдавшую за этимъ промысломъ. Желая правильно поставить торговлю съ средней Азіей, онъ сталъ собирать свѣдѣнія о вывозимыхъ и привозныхъ товарахъ и данныя о торговыхъ путяхъ и о населеніи края.

Пространство тогдашней Астраханской губерніи было гораздо больше теперешняго; въ нее входили, кромѣ теперешней Астраханской губерніи, нынѣшняя Саратовская губернія, Земля войска Уральскаго и Прикавказье нашего времени. Т. былъ удрученъ состояніемъ всей этой обширной области и писалъ въ 1742 г. кабинетъ-секретарю императрицы Елизаветы Петровны Ив. Ант. Черкасову, котораго зналъ еще при Петрѣ Великомъ: «Сія губернія такъ разорена, какъ недовольно свѣдущій повѣрить не можетъ, понеже люди разогнаны; доходы казенные растеряны или расточены; правосудіе и порядки едва когда слыханы — что за такимъ великимъ отдаленіемъ и не дивно,—и вамъ, яко болѣе меня свѣдущему, писать пространно не потребно. Причина же сего есть главная, что нѣсколько губернаторовъ сюда вмѣсто ссылки употреблялись и, не имѣя смѣлости, или ничего, или боясь кого, по нуждѣ неправильно дѣлали. А можетъ и то, что, не имѣя достаточнаго жалованія, принуждены искать прибытка, не взирая на законы». Несмотря на недостатокъ помощниковъ, Т. не ограничивался текущими дѣлами и занимался проектами для улучшенія положенія края. Онъ предлагалъ выстроить нѣсколько городковъ и населить ихъ волжскими казаками, крещеными калмыками и выходцами изъ другихъ губерній, чтобы увеличить количество осѣдлыхъ поселеній; для постройки крѣпостей онъ просилъ прислать инженеровъ изъ Петербурга, причемъ артиллерію для нихъ считалъ возможнымъ взять изъ Сибири. Раздача земель, по его предложенію, должна была совершаться по указнымъ дачамъ; въ татарскіе суды надлежало опредѣлять грамотныхъ мурзъ и т. п. Какъ видно, Т. заботился о благоустройствѣ ввѣренной ему губерніи и желалъ, чтобы всюду и всегда *законъ* стоялъ на первомъ планѣ; недаромъ онъ съ огорченіемъ упоминалъ въ письмѣ къ Черкасову, какъ мы видѣли выше, что «правосудіе и порядки едва когда слыханы». О его дѣятельности въ Астраханской губерніи имѣемъ слѣдующее свидѣтельство доктора Лерха, посѣтившаго Астрахань по пути въ Персію: «Татищевъ во всѣхъ дѣлахъ свѣдущъ и рѣшителенъ; умѣлъ каждому посовѣтовать и помочь, а въ особенности купцамъ, которыхъ онъ привелъ въ цвѣтущее состояніе. Дѣлалъ онъ это однако не даромъ, за что подвергся отвѣтственности, и сенатъ прислалъ указъ, которымъ онъ отрѣшается». Т. во время его астраханскаго губернаторства приходилось неоднократно оправдываться въ поборахъ и взяткахъ, какъ видно изъ его писемъ къ Черкасову. Всѣ обвиненія онъ опровергалъ очень основательно, но признавалъ правильнымъ: «когда кому благодѣяніе сдѣлаю, то я по закону божескому принять приносимое безъ зазрѣнія могу».

Отрѣшеніе Т. отъ должности произошло, главнымъ образомъ, изъ-за жалобы на него намѣстника Дондукъ-Даши. Подняли старое дѣло, которому не давали хода болѣе трехъ лѣтъ, и постановили освободить Т. по милостивымъ манифестамъ 1741 и 1744 гг. отъ назначеннаго ему наказанія, но взыскать положенный денежный штрафъ. Несмотря на то, что оберъ-прокуроръ сената Брылкинъ представилъ возраженія какъ относительно денежнаго взысканія, такъ и относительно неправильнаго отрѣшенія отъ должности—канцлеръ гр. Головкинъ настоялъ на увольненіи Т.

Сдавъ дѣла, Т. выѣхалъ изъ Астрахани 17 ноября 1745 г., а 22 декабря прибылъ въ Симбирскую деревню сына, гдѣ перезимовалъ. Затѣмъ онъ отправился въ свою подмосковную Болдино, гдѣ и прожилъ до самой смерти, работая надъ своей «Исторіей Россіи». Онъ считался состоящимъ подъ судомъ, а потому у его двери находился постоянно солдатъ сенатской роты.

Обстоятельства, предшествовавшія его смерти, настолько необычны, что мы приводимъ ихъ на основаніи семейнаго преданія. Наканунѣ своей смерти Т. поѣхалъ верхомъ въ церковь за три версты и велѣлъ туда явиться мастеровымъ съ лопатами. Послѣ обѣдни онъ пошелъ съ священникомъ на кладбище, велѣлъ вырыть для себя могилу подлѣ предковъ и просилъ священника пріѣхать на другой день пріобщить его. Домой онъ вернулся уже не верхомъ, а въ одноколкѣ, и нашелъ тамъ курьера, который привезъ указъ, оправдывающій его, и орденъ св. Александра Невскаго. Онъ возвратилъ орденъ, сказавъ, что умираетъ; то же сказалъ и повару, когда тотъ пришелъ спрашивать объ обѣдѣ на завтра. На другой день, 15 іюля 1750 г. онъ пріобщился св. Таинъ, соборовался, простился со всѣми и скончался.

По своему умственному развитію, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, Т. безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ изъ передовыхъ людей своей эпохи. Его «умоначертаніе», какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, сложилось подъ вліяніемъ западно-европейскихъ мыслителей XVII и XVIII вѣковъ и преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Изъ этихъ мыслителей ему наиболѣе симпатичны: Бэйль, Локкъ, Гоббсъ, Лейбницъ, послѣдователь Лейбница и его популяризаторъ Хр. Вольфъ и основатели науки такъ назыв. естественнаго права—Пуффендорфъ, Томазій и Гуго Гроцій. Свои философскія, религіозныя, политическія и общественныя убѣжденія Т. выразилъ какъ въ «Исторіи Россіи», такъ и въ другихъ ученыхъ и политическихъ трактатахъ.

По мнѣнію Т., цѣль человѣческой жизни—ученіе, развитіе разума, усвоеніе добра и отвращеніе отъ зла; смыслъ науки—самосовершенствованіе и самопознаніе человѣка для плодотворной практической дѣятельности на пользу государства и общества.

Религіозныя убѣжденія Т., составившія ему между современниками репутацію «деиста» и пугавшія многихъ своею смѣлостію, исходили изъ его философскихъ воззрѣній, но не отличались особою устойчивостью. Полагая въ основу всего человѣческаго міросозерцанія разумъ, Т. признавалъ Высшее Существо, Промыслъ Божій и загробную жизнь, высоко чтилъ евангельское ученіе, но относился отрицательно къ вѣроученію положительныхъ христіанскихъ религіозныхъ исповѣданій: нападалъ на чрезмѣрное развитіе обрядности, на смѣшеніе въ религіи важнаго и первостепеннаго съ неважнымъ и второстепеннымъ и на несоотвѣтствіе дѣйствительнаго состоянія духовенства съ его высокимъ назначеніемъ въ народной жизни. Въ жизни, на практикѣ, особенно подъ вліяніемъ личныхъ невзгодъ, онъ исполнялъ благочестивые православные обряды предковъ и отличался даже набожностью. Т. придавалъ религіи большое государственное значеніе и считалъ, что религія охраняетъ народную массу отъ пороковъ и преступленій. Многія изъ этихъ мыслей Т. выражаетъ въ такъ называемой «Духовной», которая содержитъ въ себѣ совѣты его единственному сыну Евграфу Васильевичу, совершенно юному въ то время, когда она писалась. Обыкновенно въ «духовной» дѣлаются распоряженія относительно распредѣленія остающагося имущества, но Т. иначе взглянулъ на дѣло и преподалъ своему сыну наставленія: 1) касательно вѣры, душеполезнаго чтенія и ознакомленія съ инославными христіанскими вѣроисповѣданіями; 2) свѣтскихъ

наукъ, знанія гражданскихъ и воинскихъ законовъ; 3) почтительнаго отношенія къ матери (несмотря на то, что Т. давно разошелся съ своей женой), выбора жены (совѣтуетъ взять жену нѣсколько моложе себя или однихъ лѣтъ съ собой; за богатствомъ не гнаться, но обратить вниманіе, чтобы было «свойство доброе», которое можетъ оказать большую пользу; видѣть въ женѣ «не рабу, но товарища, помощницу во всемъ и друга нелицемѣрнаго»); 4) службу государю и государству нести вѣрно и прилежно; ни отъ какой услуги не отказываться и ни на что не напрашиваться; для шляхетства есть три рода службы: военная, гражданская и придворная, и Т. даетъ совѣты, какъ держать себя на каждомъ изъ этихъ поприщъ.

По политическимъ убѣжденіямъ Т. принадлежалъ къ кружку, во главѣ котораго стоялъ Артемій Петровичъ Волынской, желая страстно, чтобы просвѣщеніе и общественное развитіе Россіи шли дальше по пути, указанному «первымъ русскимъ императоромъ», т. е. заимствовали бы все пригодное и полезное отъ Западной Европы, сообразуясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ частными русскими національными особенностями. Поэтому Т. требовалъ національнаго направленія въ русскомъ правительствѣ и враждебно относился къ Бирону и прочимъ нѣмцамъ-правителямъ, хотя не могъ открыто высказывать это. Исходя изъ своихъ основныхъ воззрѣній на различныя формы правленія въ государствахъ и увлеченный личностью и замыслами Петра Великаго, Т. признавалъ самодержавіе единственной формой правленія, пригодной для Россіи, и считалъ, что власть законодательная и высшая судебная принадлежатъ исключительно монарху. Но понятіе о самодержавіи у него неразрывно связывалось съ представленіемъ о личности его учителя Петра Великаго. Иначе смотрѣлъ Т. на императорскую власть въ рукахъ «персоны женской», какъ мы видѣли это выше. Главнѣйшими обязанностями государственной власти, по убѣжденію Т., были: просвѣщеніе народа, правосудіе, попеченіе объ экономическомъ и нравственномъ благосостояніи всѣхъ классовъ населенія страны, наконецъ, упорядоченіе центральнаго и областного управленія, въ основѣ котораго должно лежать коллегіальное начало.

Какъ уже говорилось выше, Т. по порученію сначала Брюса, а затѣмъ самого Петра Великаго, долженъ былъ составить географію Россіи. Желая уяснить себѣ разные географическіе, этнографическіе и статистическіе вопросы, онъ невольно перешелъ къ изученію исторіи. Въ ней онъ искалъ ключа къ пониманію современнаго ему политическаго, экономическаго и культурнаго состоянія Россіи. Составленіе ландкартъ, изданный имъ «Географическій лексиконъ» (Спб. 1793, 3 тома, доведено до буквы К) и, наконецъ, «Исторія Россіи»— все это подготовительныя работы для достиженія его завѣтной мысли—описанія Россіи въ географическомъ отношеніи. Широкій взглядъ Т. на географію выраженъ имъ въ замѣчательномъ его «Предложеніи о сочиненіи исторіи и географіи Россійской». Предложеніе это было представлено въ 1737 г. въ Академію Наукъ, ему придали оффиціальное значеніе и разослали по областнымъ правителямъ и канцеляріямъ. Оно состояло изъ 198 вопросовъ и было, по справедливому замѣчанію Н. А. Попова, обширною программою для трудовъ многихъ ученыхъ, многихъ экспедицій, многихъ поколѣній. Предложеніе касалось самыхъ разнообразныхъ вопросовъ исторіи, географіи и этнографіи Россіи. Между прочимъ Т. обратилъ вниманіе на тщательное записыванье мѣстныхъ словъ, на изслѣдованіе мѣстныхъ племенныхъ нарѣчій, говоровъ, вѣрованій, на собиранье повѣрій, пѣсенъ, преданій, древнихъ названій разныхъ мѣстностей, урочищъ и рѣкъ и самоназваній разныхъ племенъ, населяющихъ Россійскую имперію, на сохраненіе и описаніе вещественныхъ древностей, на приведеніе въ порядокъ и описаніе мѣстныхъ архивовъ.

Обработкой матеріаловъ для сочиненія «Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неусыпнымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранной и описанной», Т. началъ заниматься въ 1727 г., какъ онъ самъ говоритъ въ донесеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ изъ Самары отъ 29 ноября 1738 г., а собирать матеріалы для этого труда онъ сталъ въ 1720 г. У Т., какъ упомянуто раньше, была большая библіотека; кромѣ того онъ пользовался библіотеками Брюса и извѣстнаго «любителя наукъ» этого времени кн. Дм.

Мих. Голицына, кн. С. Д. Голицына, во время губернаторства послѣдняго въ Казани, въ 1730-хъ годахъ, отъ кн. Черкасскаго, А. П. Волынскаго, Еропкина и Хрущова; покупалъ рукописи на площадяхъ, у разносчиковъ; поручалъ своимъ знакомымъ списывать рукописи; развѣдывалъ, нѣтъ ли старинныхъ рукописей въ монастыряхъ, архивахъ, присутственныхъ мѣстахъ. Пользуясь рукописями, Т. объясняетъ во введеніи къ «Исторіи», почему онъ отдаетъ предпочтеніе тому или другому списку лѣтописи, почему считаетъ свидѣтельство одного лѣтописца достовѣрнѣе другого. Большинство рукописныхъ лѣтописей, вошедшихъ въ составъ Татищевскаго свода, не дошло до насъ. Въ этомъ заключается причина того, что впослѣдствіи стали сомнѣваться во многихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Т. Главное сомнѣніе возбудили приведенные имъ отрывки изъ Іоакимовской и Полоцкой лѣтописей. Т. получилъ отрывки изъ Іоакимовской лѣтописи отъ своего родственника, архимандрита Бизюкова монастыря, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской г., Мельхиседека Борщова въ 1748 г. и, списавъ ихъ, вернулъ тетради Борщову, который вскорѣ умеръ, а имущество его было расхищено.

При жизни Т. встрѣтилъ не только холодность, но даже враждебное отношеніе къ своему труду, и печатаніе его «Исторіи» могло осуществиться только при Екатеринѣ II. Подлинный манускриптъ «Исторіи» Т. сгорѣлъ вскорѣ послѣ его смерти вмѣстѣ съ обширной библіотекой въ его подмосковномъ имѣніи, селѣ Болдинѣ, и его сынъ Евграфъ Васильевичъ принесъ въ даръ Московскому университету весьма неисправную копію съ подлинника. Университетъ рѣшился издать эту копію, поручивъ редактированіе ея извѣстному русскому историку того времени, нѣмцу Миллеру, академику и начальнику Главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Принявъ на себя трудъ редактированія, Миллеръ раздѣлилъ «Исторію» на нѣсколько книгъ и издалъ въ 1768 — 1773 гг. лишь первыя двѣ книги (1-я книга въ двухъ частяхъ), не сумѣвъ исправить искаженія и не понявъ того значенія, какое имѣетъ «Исторія» Т. 3-я книга «Исторіи» была издана по особому повелѣнію императрицы Екатерины II въ Петербургѣ въ 1784 г. Всѣ 3 книги (въ 4 частяхъ) доводятъ событія изъ русской исторіи до 1462 г., т. е. до вокняженія Іоанна III. Черезъ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ изданія 3-й книги «Исторіи» М. П. Погодинъ нашелъ среди своихъ рукописей 4-ю ея книгу, обнимающую событія отъ вокняженія Іоанна III до 1577 г., съ приложеніемъ жизнеописанія царя Ѳеодора Іоанновича, составленнаго патріархомъ Іовомъ. Въ 1848 г., т. е. безъ малаго столѣтіе спустя послѣ смерти Т., эта 4-я книга была издана на средства Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, подъ редакціей проф. О. М. Бодянскаго. Такимъ образомъ мы располагаемъ въ настоящее время печатнымъ экземпляромъ «Исторіи Россійской» Т. съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Ѳеодора Іоанновича включительно. Русскіе историки XIX в.: Погодинъ, Бутковъ, Соловьевъ и митрополитъ Макарій пользовались «Исторіей» Т. для своихъ ученыхъ работъ, а профессоръ П. А. Лавровскій посвятилъ обширную статью опроверженію мнѣнія А. Л. Шлецера, что Т. выдумалъ Іоакимовскую лѣтопись. Этимъ ученымъ, а также и біографамъ Т., отзывы которыхъ о немъ будутъ приведены ниже, наука русской исторіи нашего времени обязана несомнѣнными доказательствами ученой добросовѣстности Т.

Для изученія историческихъ воззрѣній Т. всего болѣе интереса представляетъ введеніе въ его «Исторію», занимающее первую часть первой книги. Въ этомъ введеніи Т. излагаетъ понятіе объ исторіи, подъ которой онъ разумѣетъ *дѣянія* въ смыслѣ всѣхъ явленій и «приключеній» въ общественной и культурной жизни народовъ. Затѣмъ онъ предлагаетъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую и ученую и переходитъ къ изложенію *пользы* исторіи, которая, сообразно представленіямъ вѣка, по мнѣнію Т., заключается прежде всего въ томъ, что исторія есть *наука опыта*, а потому ни богословъ, ни юристъ, ни медикъ, ни администраторъ, ни дипломатъ, ни вождь не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей безъ знанія исторіи. Отечественная исторія, а въ томъ числѣ и русская, всего болѣе нужна въ этомъ отношеніи природнымъ жителямъ своей страны: однако необходимо русскимъ изучать иностранную исторію, а

иностраннымъ историкамъ русскую «для лучшаго обработанія науки исторической». Здѣсь Т. выражаетъ справедливую мысль, что одни отечественные историки недостаточны для «составленія вполнѣ безпристрастной исторіи», потому что отечественные писатели въ своихъ сужденіяхъ могутъ руководствоваться «любовью» или «страхомъ». Западно-европейскіе историки, безъ знанія русской исторіи, не могутъ уяснить себѣ исторіи древнихъ народовъ, обитавшихъ въ предѣлахъ теперешней Россіи, и кромѣ того, только при знаніи русской исторіи они могутъ опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. Нельзя не отмѣтить важнаго замѣчанія Т. о маломъ знакомствѣ русскихъ образованныхъ людей его времени съ русской исторіей, о ихъ нежеланіи узнать ее должнымъ образомъ и о стремленіи ихъ болѣе знакомиться съ исторіей западно-европейской. Разсужденіе о пользѣ исторіи Т. заканчиваетъ указаніемъ на ея воспитательное значеніе, въ смыслѣ собранія нравственныхъ подвиговъ изъ прошлаго, въ примѣръ, нравоученіе, подражаніе современнымъ дѣятелямъ на разныхъ государственныхъ и общественныхъ поприщахъ. «Сія то есть потребность исторіи — говоритъ онъ, — но что всякому человѣку нужно знать, то можно легко уразумѣть, что въ исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмысленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ, изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать».

Основная причина всѣхъ «приключеній», взаимодѣйствіе которыхъ составляетъ предметъ исторіи, по воззрѣнію Т., есть *умъ человѣческій* и обратная его сторона, отсутствіе его, *глупость*. Просвѣщенный умъ, называемый Т. разумомъ, является основной силой всемірной исторіи, а потому *умопросвѣщеніе* есть главнѣйшее ея содержаніе. Это умопросвѣщеніе выражается въ трехъ явленіяхъ, сообразно времени ихъ возникновенія: въ изобрѣтеніи письменъ, въ возникновеніи и распространеніи на землѣ христіанства и въ изобрѣтеніи книгопечатанія. На основаніи ихъ Т. желаетъ разсматривать главнѣйшія «дѣянія» въ исторіи славянъ и славяно-руссовъ, а потому онъ подробно останавливается на вопросѣ о древности письменъ у славянъ, о идолослуженіи, бывшемъ у славянъ, и о крещеніи славянъ и Руси. На возникновеніи и развитіи книгопечатанія у славяно-руссовъ Т. не успѣлъ остановиться, такъ какъ та часть его «Исторіи», гдѣ должно было найти мѣсто это явленіе, имъ не вполнѣ обработана.

Т. перечисляетъ затѣмъ вспомогательныя науки при изученіи исторіи и указываетъ на ея раздѣленіе по *содержанію* (общая, пространная, участная, особенная) и по *времени* (древнѣйшая, древняя, средняя, новая и новѣйшая); потомъ слѣдуютъ разсужденія о качествахъ, необходимыхъ для историка. Нельзя не отмѣтить своеобразный взглядъ Т. на научное отношеніе историка къ своимъ обязанностямъ. «Властно—говоритъ онъ—какъ человѣкъ домовитый къ строенію дому множество потребныхъ припасовъ соберетъ и въ твердомъ хранилищи содержитъ, дабы, когда что потребно, могъ взять и употребить, но къ тому потребно *смыслъ*, чтобъ прежде начатія опредѣленіе о распорядкѣ строенія и употребленія по мѣстамъ пристойнымъ припасовъ положить, а безъ того строеніе его будетъ или нетвердо, нехорошо, непокойно, тако къ писанію исторіи весьма нужно свободный смыслъ, къ чему наука логика много пользуетъ; другое сужденіе, чтобъ яко строитель могъ разобрать припасы годные отъ негодныхъ, гнилые отъ здоровыхъ, тако писателю исторіи нужно съ прилѣжаніемъ разсмотрѣть, чтобъ басенъ за истину, и неудобныхъ за бытія не принять, а паче беречся предразсужденія, и о лучшемъ древнемъ писателѣ, для котораго науку критики знать не безнужно; третье, какъ всякое строеніе требуетъ украшенія, такъ всякое сказаніе краснорѣчія и внятнаго въ немъ сложенія, которому наука риторика наставляетъ».

Уже въ приведенномъ мнѣніи Т. видно его воззрѣніе на историческую критику и историческое изслѣдованіе, но онъ считаетъ это недостаточнымъ и излагаетъ далѣе основательно правила исторической критики, въ которыхъ онъ наряду съ туземными, отечественными письменными источниками ставитъ и свидѣтельства иностранцевъ

отдавая впрочемъ преимущество свидѣтельствамъ русскимъ. Всего болѣе скептицизма замѣчается у Т. относительно достовѣрности историческихъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ лицамъ духовнымъ. «Мню попали измышлено»—постоянно восклицаетъ онъ при такихъ «приключеніяхъ» въ лѣтописяхъ и отдѣльныхъ сказаніяхъ, которыя представляются ему сверхъестественными, чудесными, а потому и невѣроятными. Вполнѣ понимая важность для русскаго историка изученія инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства, онъ считаетъ необходимымъ, кромѣ языковъ русскаго и славянскаго, знаніе для историка Россіи языковъ татарскаго и финскаго. Послѣ изложенія правилъ исторической критики Т. перечисляетъ источники русской исторіи, останавливаясь главнымъ образомъ на источникахъ письменныхъ, и раздѣляетъ весь ходъ русской исторіи на слѣдующіе періоды: 1) свѣдѣнія о народахъ, жившихъ въ предѣлахъ теперешней Европейской Россіи съ незапамятныхъ временъ (скиѳы, сарматы, готы и другія германскія племена, славяне до 800 г. по Р. Хр.); 2) отъ 860 г. до нашествія татаръ; 3) отъ нашествія татаръ до Іоанна III и 4) отъ Іоанна III до Михаила Ѳедоровича Романова. Дальнѣйшія событія русской исторіи. Т. не считалъ возможнымъ обнародовать на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, событія съ воцаренія Михаила Ѳедоровича въ его время были извѣстны большинству тогдашнихъ образованныхъ русскихъ людей, а во-вторыхъ потому, что, излагая подробно обстоятельства избранія Михаила и послѣдующія событія, неизбѣжно пришлось бы затронуть «многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки», чѣмъ можно было «подвинуть потомковъ сихъ родовъ на великую злобу».

Все вышеизложенное составляетъ содержаніе первыхъ трехъ главъ «введенія»; главы 4 и 5 посвящены Іоакимовской лѣтописи и подробному разсмотрѣнію извѣстій начальной Кіевской лѣтописи, въ то время всецѣло приписываемой Нестору. Всѣхъ главъ во введеніи 49. Съ главы 6-й до 42-й включительно Т. приводитъ подробныя свидѣтельства иностранныхъ, древнихъ и средневѣковыхъ, писателей о первоначальныхъ насельникахъ восточной Европы до появленія на ней славянъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ мы встрѣчаемъ весьма цѣнныя даже для нашего времени замѣтки о географіи вообще и о русской въ частности, и объ отношеніи географіи къ исторіи; о древнемъ раздѣленіи Россіи на княжества; о «древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ» (гл. 45); о русскомъ государственномъ гербѣ; о родословіи русскихъ государей; о церковной іерархіи, гдѣ Т. высказывается противъ папства. Послѣдняя 49-я глава первой части «Исторіи» посвящена разсмотрѣнію «чиновъ и суевѣрій древнихъ» по отношенію къ христіанской церковной іерархіи.

Въ 45-й главѣ введенія, опредѣляя разныя формы государственности у разныхъ народовъ сообразно съ ихъ географическимъ положеніемъ и просвѣщеніемъ, Т. приходитъ къ заключенію, что Россіи всего болѣе «приличествуетъ» монархическій образъ правленія: «Великія области—говоритъ онъ—открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится—тамо оба первые [демократія и аристократія] не годятся, но нужна быть *монархія*». Постепенное развитіе монархическаго начала въ русской исторической жизни является для Т. важнымъ факторомъ въ ея общественности. Всѣ явленія антимонархическаго характера признаетъ онъ безпутствомъ. Такими «безпутствами» онъ считаетъ и новгородскій вѣчевой строй и междукняжескія распри.

Въ этой же главѣ Т. предлагаетъ, какъ бы выразились въ наши дни, изложеніе «эволюціи» общественной и политической жизни у людей. Онъ отмѣчаетъ слѣдующія стадіи этой эволюціи: 1) супружество, т. е. мужъ и жена—начало общественности, 2) семья, родъ—родители и дѣти, 3) домъ—господинъ и слуги, 4) гражданское общество, состоящее во взаимной защитѣ своихъ членовъ и въ раздѣленіи занятій, 5) постепенное возникновеніе изъ этого общества государства (демократія, аристократія и монархія).

Сначала Т. намѣревался изложить «Исторію Россіи», какъ онъ выражается, «историческимъ порядкомъ», т. е. прагматически и на современномъ ему русскомъ книжномъ языкѣ, но затѣмъ, найдя въ спискахъ лѣтописи разногласія и опасаясь дальнѣйшихъ «охуленій» его труда, онъ измѣнилъ планъ и рѣшилъ составить сводъ лѣтопис-

ныхъ извѣстій: «естьлибъ—говоритъ Т.—нарѣчіе и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобъ и вѣроятности не погубить». Лѣтописный сводный текстъ онъ сталъ снабжать примѣчаніями, которыя имѣютъ большое значеніе какъ для изученія историческихъ, философскихъ и политическихъ его воззрѣній, такъ и для бытовой исторіи его времени, но и эти примѣчанія въ печатномъ текстѣ очень урѣзаны; они заканчиваются второй печатной книгой его «Исторіи», а 3-я и 4-я состоятъ только изъ свода лѣтописныхъ извѣстій.

Самый выдающійся русскій историкъ XIX вѣка, близко знакомый со всѣмъ ходомъ русской историографіи, С. М. Соловьевъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ научное значеніе «Исторіи Россійской» Т.: «Заслуга Татищева—говоритъ онъ—состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіею; кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ великія услуги Татищева, какъ перваго указателя; не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны; важность же этихъ извѣстій для науки ставится день ото дня ощутительнѣе».

Къ этой мастерской характеристикѣ можно только прибавить слѣдующее. Т. понималъ очень широко для своего времени исторію, какъ общественный процессъ, и задачи исторической науки, ея вспомогательныхъ знаній и исторической критики, гораздо шире, чѣмъ понимали эти вопросы впослѣдствіи многіе изъ русскихъ историковъ XIX вѣка.

Научныя заслуги Т. въ области русской исторіи не исчерпываются печатнымъ изданіемъ его «Исторіи». Необходимо отмѣтить еще слѣдующіе труды его по русской исторіи, распадающіеся на двѣ группы: неизданные до сихъ поръ обзоры и изложенія цѣлыхъ эпохъ русской исторіи и изданные труды историко-юридическіе. Многія историческія рукописи Т. хранятся доселѣ неизданными въ Московскомъ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской академіи наукъ. И. А. Поповъ перечисляетъ часть этихъ рукописей, видѣнныхъ имъ въ вышеупомянутомъ архивѣ. Изъ этого перечисленія видно, что Т. изложилъ все царствованіе Ѳедора Іоанновича и событія смутнаго времени, а равно все царствованіе Михаила Ѳедоровича и жизнеописаніе царя Ѳедора Алексѣевича. Перечисленіе рукописей Т., хранящихся въ академіи наукъ, дано академикомъ Куникомъ.

Т. открылъ для ученаго міра и изслѣдовалъ два важныхъ историко-юридическихъ русскихъ памятника, такъ наз. Царскій Судебникъ Іоанна IV и Ярославову «Русскую Правду», снабдивъ оба памятника интересными примѣчаніями, но оба они, также какъ и «Исторія» Т., были изданы послѣ его смерти: Судебникъ въ 1768 г., а «Русская Правда» въ 1786 г. въ 1-й книгѣ «Продолж. Древ. Рус. Вивліоѳики». Въ этой же книгѣ, изданной академіей наукъ, помѣщено и 2-е изданіе Судебника царя Іоанна IV въ обработкѣ Т.

Кромѣ отмѣченныхъ ученыхъ трудовъ Т. приводимъ списокъ главнѣйшихъ его сочиненій политическихъ и общественныхъ. Таковы: 1) «Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ» (1730),—мнѣніе, поданное Т. Верховному совѣту при воцареніи Анны Іоанновны и подписанное сорока лицами, большею частью изъ высшаго шляхетства (помѣщ. въ сборникѣ Погодина «Утро» на 1859 г.); 2) «Напомнѣніе на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ» (1739—1740) (помѣщ. въ томъ же сборникѣ); 3) «Духовная» (1733) и сходное съ ней предсмертное увѣщаніе сыну (изданы А. А. Дмитріевымъ въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1886, апрѣль; кромѣ того «Духовная» издана А. Н. Островскимъ и помѣщ. въ т. IV «Извѣ-

стій Казанскаго общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи»); впервые эта «Духовная» была напечатана отдѣльной книжкой въ Петербургѣ въ 1773 г. С. В Друковцовымъ по списку его отца, В. М. Друковцова; Островскій отмѣтилъ всѣ неправильности, допущенныя Друковцовымъ, и издалъ «Духовную» вполнѣ научно; 4) «Экономическія записки для управляющаго деревнею» (помѣщ. въ «Временникѣ Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», кн. XII); 5) «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ» (1733—1736); изданъ вполнѣ въ «Чт. М. Общ. Ист. и Др.», 1887 г., кн. I, а выдержки изъ него въ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина (см. «Біографіи и характеристики», стр. 99—140); 6) «Разсужденія о ревизіи поголовной» (2-й ревизіи 1742), напеч. въ книгѣ Н. А. Попова «Татищевъ и его время», приложеніе № 16.

«Экономическія записки» посвящены Т. вопросу объ упорядоченіи отношеній между помѣщиками и крестьянами. На первомъ планѣ стоитъ у него нравственное благосостояніе крестьянъ. Главнѣйшая обязанность помѣщика заключается, по его убѣжденію, въ попеченіи о благолѣпіи церкви и о пріобрѣтеніи ученаго священника, «который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ довести могъ». Затѣмъ слѣдуетъ забота о непремѣнномъ обученіи крестьянъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, грамотѣ и наученье мастерствамъ; попеченіе о здоровьѣ и призрѣніи крестьянъ (необходимость имѣть въ деревняхъ лекарей, больницы и богадѣльни). Излагая подробно наставленіе относительно образа жизни крестьянъ и всего обихода ихъ, онъ считаетъ необходимымъ искоренять въ нихъ лѣнь и пріучать ихъ къ порядку и систематичности въ работахъ; велитъ прикащику имѣть надъ крестьянами строгій надзоръ; работой ихъ не утомлять; лѣтомъ давать большой отдыхъ въ жаръ. Не ограничиваясь работами, производимыми крестьянами для помѣщиковъ, Т. заботится и о зимнемъ времяпрепровожденіи крестьянъ, когда обученные ремесламъ могутъ зарабатывать лично для себя. «А въ зиму ревизуетъ [приказчикъ крестьянъ]—читаемъ мы въ «Экономическихъ запискахъ»—что кто сдѣлалъ для своей продажи и не были ль праздны, понеже отъ праздности крестьяне не только въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ». Отъ управленія деревнями онъ переходитъ къ управленію домомъ и даетъ совѣты даже о количествѣ бѣлья и одежды, которое должно быть у дворовыхъ; «всѣ должны умѣть грамотѣ, партесъ пѣть и на музыкѣ играть; жаловань давать на каждаго не менѣе трехъ рублей въ годъ, дабы оные всѣмъ были довольны, и затѣмъ наказывать за вину нещадно; одна милость безъ наказанія быть не можетъ по закону божію».

Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ» Т. подробно обозрѣваетъ ученіе, свойственное каждому изъ четырехъ возрастовъ человѣческихъ: младенчеству (до 12 лѣтъ), юношеству (до 25 лѣтъ), мужеству (до 50 лѣтъ). Форма разговора, въ которую Т. облекъ свое сочиненіе, была въ то время весьма распространенною, такъ какъ придавала живость изложенію и открывала широкое поле для опроверженія разныхъ возраженій. Отъ обученія отдѣльнаго человѣка Т. переходитъ къ разсмотрѣнію «умопросвѣщенія» всего человѣчества, которое онъ дѣлитъ, сообразно съ возрастами человѣка, также на четыре періода, повторяя здѣсь тѣ же подраздѣленія, которыя имъ высказаны во «введеніи» къ «Исторіи Россіи». Отстранивъ возраженіе противъ пользы науки, бесѣдующій переходитъ къ вопросу о томъ, чему надо учиться. Т. излагаетъ цѣлую классификацію наукъ, на которой рѣзко отражается утилитарное пониманіе знанія въ Россіи, внесенное къ намъ Петромъ Великимъ. «Наука» въ то время понималась у насъ только въ смыслѣ усвоенія необходимыхъ въ житейской практикѣ различныхъ прикладныхъ свѣдѣній. Т. дѣлитъ всѣ науки по ихъ «качеству» на слѣдующія пять группъ: нужныя, полезныя, щегольскія или увеселяющія, любопытныя и тщетныя, вредительныя. Но при томъ нѣкоторыя «по стану или состоянію человѣка могутъ быть нужны или полезны». *Нужныя* науки тѣ, съ помощью которыхъ мы сохраняемъ тѣло и возвышаемъ душу (домоводство, врачебство, законъ Божій, для шляхетства—умѣнье владѣть оружіемъ); *полезныя* науки тѣ, которыя «до способности къ общей и собственной пользѣ принадлежатъ» (сюда относятся: письмо, изученіе иностранныхъ языковъ, математика, исторія, географія и т. д., краснорѣчіе или витійство для лицъ духовныхъ, дипломатовъ и придворныхъ);

щегольскими науками Т. называетъ стихотворство, музыку, танцы, вольтижированіе, знаменованіе (живопись); *любопытными* и *тщетными* такія, которыя «ни настоящей, ни будущей пользы въ себѣ не имѣютъ, но большею частію и въ истинѣ оскудѣваютъ» (таковы: астрологія, физіономика, хиромантія, алхимія); *вредными*, наконецъ, онъ считаетъ разнаго рода гаданія и волшебства. Въ заключеніи «Разговора о пользѣ наукъ» Т. предлагаетъ учредить училища по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ на монастырскіе и церковные доходы, съ тѣмъ, однако, чтобы дѣти изъ шляхетства «особливо отъ подлости отдѣлены были». Особыя шляхетскія школы, по мнѣнію Т., могли быть основаны на суммы, которыя составятся отъ экономіи въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ. Такія шляхетскія училища должны быть основаны въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ и Вологдѣ; учителей надо приготовлять изъ русскихъ.

Въ заключеніе приводимъ характеристики Т. трехъ его біографовъ: Н. А. Попова, В. П. Безобразова и К. Н. Бестужева-Рюмина. «Иностранные путешественники, заѣзжіе академики, образованные русскіе считали Татищева—говоритъ Н. А. Поповъ—человѣкомъ ученымъ и проницательнымъ; петербургскіе правители усереднымъ чиновникомъ и отличнымъ администраторомъ; сослуживцы и подчиненные строгимъ, взыскательнымъ, но справедливымъ начальникомъ; управляемые—разсудительнымъ и свѣдущимъ судьей; купцы, ремесленники, простые рабочіе—человѣкомъ опытнымъ въ ихъ дѣлахъ, къ которому въ случаѣ надобности всегда можно обратиться за совѣтомъ. Лишь отъ одного недостатка не могъ отдѣлаться Татищевъ во всю свою жизнь: отъ природы больной и раздражительный, онъ не умѣлъ укрощать своего крутого, взмѣрчиваго нрава. Съ другой стороны общественная жизнь представляла множество соблазнительныхъ примѣровъ для взяточничества; и Татищевъ любилъ собирать отовсюду благія даянія, умѣлъ и самъ при случаѣ дать посулъ важному лицу. Но зато это былъ трудолюбивѣйшій и внимательнѣйшій къ своему дѣлу человѣкъ того времени».

По справедливому замѣчанію академика В. П. Безобразова, Т. былъ рѣдкимъ и счастливымъ сочетаніемъ человѣка дѣла и человѣка науки. О европейской образованности Т. и о томъ способѣ, какъ онъ использовалъ ее на благо своего отечества, академикъ Безобразовъ говоритъ: «Татищевъ разрѣшилъ въ своей государственной дѣятельности и личности другую трудную задачу, которая возбуждаетъ много недоумѣній и разногласій въ наше время: онъ былъ вполнѣ европеецъ, по своему образованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ съ ногъ до головы русскій человѣкъ,—самобытный и цѣльный. Онъ считалъ Россію нераздѣльною частью общеевропейскаго міра, но зналъ ея особыя историческія и національныя условія. Онъ вспахивалъ русскую ниву съ идеями общеевропейскаго просвѣщенія и съ усовершенствованными орудіями современной ему европейской техники, но онъ проводилъ каждую борозду по этой нивѣ, сообразно со всѣми особенностями ея почвы и климата, и трудился съ такою любовью къ своей землѣ, какой не могли имѣть никакіе иноземцы, процвѣтавшіе на ней въ его время. Для всего этого надо было вполнѣ овладѣть европейскимъ просвѣщеніемъ и наукой, а не быть знакомымъ только съ поверхностными ихъ формами, какъ было большинство окружавшихъ его, такъ называемыхъ «образованныхъ» русскихъ людей».

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ находитъ, что если Пушкинъ назвалъ Ломоносова «первымъ русскимъ университетомъ», то названіе это въ значительной степени можетъ быть примѣнено и къ первоначальнику русской исторической науки—В. Н. Татищеву.

„В. Н. Татищевъ“ (біографія), „Сынъ Отечества“, 1821, ч. 69, № 16, стр. 71—81.—„В. Н. Татищевъ“, „Сибирскій Вѣстникъ“, 1821, ч. 15, стр. 55—77.—„Біографическое извѣстіе о Татищевѣ“ (изъ опыта „Краткая исторія россійской литературы“ Н. Греча), „Сѣверный Архивъ“, 1827, ч. 25, стр. 100—104.—В. Н. Берхъ, „Жизнеописаніе В. Н. Татищева“, „Горный Журналъ“, 1828, №№ 1—4.—П. Г. Бутковъ, „Оборона лѣтописи русской Несторовой онъ навѣта скептиковъ“, Москва 1840 (защита добросовѣстности Татищева въ вопросѣ о Лаврентьевской лѣтописи).—Н. А. Ивановъ, „Общее понятіе о хронографахъ“, Казань 1843, стр. 25—43 и слѣд. (о критическихъ пріемахъ Татищева; доказываетъ его добросовѣстность).—Митроп. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, Москва 1845, т. II.—Д. Н. Бантышъ-Каменскій, „Біогр. словарь достопамятн. людей русской земли“, 1847, т. III.—С. М. Соловьевъ, „Писатели русской исторіи XVIII вѣка. В. Н. Татищевъ“,

„Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи“, изд. Калачова, Москва 1885, кн. II, ч. 1, отд. III, стр. 15—46 (характеристика его историческихъ воззрѣній и критическихъ пріемовъ; анализъ его „Исторіи Россійской“).—П. А. Лавровскій, „Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской“, „Учен. Зап. II Отд. Акад. Наукъ“, 1855, кн. II и отд. изд.—Н. П. Лыжинъ, „Два памфлета временъ Анны Іоанновны“, „Изв. II отд. Акад. Наукъ“, 1858, т. VII, стр. 49—64 (о двухъ отрывкахъ изъ лѣтописей Полоцкой и Новгородской, находящ. въ „Исторіи Россійской“).—Н. К. Чупинъ, „Библіотека В. Н. Татищева въ Екатеринбургѣ“, „Моск. Вѣд.“, 1860, № 203.—Н. А. Поповъ, „В. Н. Татищевъ и его время“, Москва 1861, 803 стр.—А. А. Куникъ, академикъ, „Рецензія на книгу Н. А. Попова «Татищевъ и его время»“ (самая значительная изъ рецензій на эту книгу), въ 32-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ.—П. Полетика и М. Голиковъ, „Ист. основ. русскихъ горныхъ заводовъ“, „Памятная книга для русск. горныхъ инженеровъ“, Спб. 1862.—П. В. Знаменскій, „«Исторія Россійская» Татищева по отношенію къ русск. церковн. исторіи“, „Труды Кіевск. Дух. Акад.“, 1862, кн. 2.—П. П. Пекарскій, „Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ“, Прилож. къ IV тому „Записокъ Имп. Ак. Наукъ“ № 4, Спб. 1864, 66 стр. (съ портретомъ и снимкомъ почерка).—Н. К. Чупинъ, „В. Н. Татищевъ и первое его управленіе Уральскими заводами“, „Перм. Губ. Вѣд.“, 1867 (перепеч. въ „Сборникѣ статей Чупина“, изд. Перм. губ. земствомъ въ 1882 г.).—Д. П. Безобразовъ, „Уральское горное хозяйство“, Спб. 1889.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древн. временъ“, Москва 1871, т. XX, стр. 258—276 (1-е изд.).—Н. К. Чупинъ, „Татищевъ въ дѣлѣ Столѣтова“, „Русск. Стар.“, 1873, т. VIII, стр. 985.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, „В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII в. (1686—1750)“, „Др. и Нов. Россія“, 1875 (перепеч. въ сборникѣ статей „Біографіи и характеристики“, Спб. 1882, стр. 1—175).—Д. А. Корсаковъ, „Отношенія В. Н. Татищева къ А. П. Волынскому и его «конфидентамъ»“, „Др. и Нов. Россія“, 1877, тетр. 8, стр. 281—284.—Лисенко, „Мысли В. Н. Татищева о горнозаводской промышленности въ 1735—1738 гг.“, „Русск. Стар.“, 1879, т. XXVI, стр. 35 и слѣд.—Д. А. Корсаковъ, „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“, Казань 1880.—Е. Е. Голубинскій, „О такъ назыв. Іоакимовской лѣтописи“, Прибавл. къ „Твор. св. отцевъ“, 1881, ч. XXVIII (сторонникъ мнѣнія о подлогѣ этой лѣтописи Татищевымъ).—А. А. Куникъ, „Перечень сочиненій В. Н. Татищева и матеріаловъ для его біографіи“, „Зап. Имп. Ак. Наукъ“, т. XLVII, кн. 1, 1883, стр. 78—87.—М. О. Кояловичъ, „Исторія русскаго самосознанія“, Спб. 1884, стр. 101—109 и др. (біографія Татищева и разборъ его историческихъ трудовъ).—В. И. Рожковъ, „Дѣятельность артиллеріи капитана В. Н. Татищева на уральскихъ заводахъ въ царствованіе Петра Великаго“, „Горный Журналъ“, 1884, и отд., Спб. 1884, 152 стр.—Его же, „Бергъ-компанія въ царств. Анны Іоанновны“, ibid. 1885.—М. П. Сухомлиновъ, „Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ“, Спб. 1885 и 1886 гг.—Д. А. Корсаковъ, „В. Н. Татищевъ“, „Русск. Стар.“, 1887, т. LIV, іюнь, стр. 563—590; перепеч. въ книгѣ „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“, Казань 1891.—Въ сборникѣ „Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 19 апр. 1886 г. въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія В. Н. Татищева“ (съ прилож. портрета, Прилож. къ т. LV „Записокъ Имп. Ак. Наукъ“, Спб. 1887) статьи Н. А. Попова, „Ученіе и литературные труды В. Н. Татищева. Юбилейная рѣчь“, и В. П. Безобразова.—І. П. Сениговъ, „Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева“, „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1887; отд. Москва 1887.

В. Корсакова.

Татищевъ, *Владиміръ Игнатьевичъ*; первое извѣстіе о немъ относится къ 1608 г., когда онъ прибылъ изъ Ладоги въ Новгородъ съ ратной помощью къ своему брату Михаилу Игнатьевичу, бывшему въ Новгородѣ воеводой, а послѣ убіенія его разъяренной толпой былъ посланъ кн. М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ на „воровъ“ по Пшагѣ; въ 1611 г. числился стольникомъ. 7 апрѣля 1612 г. подписался подъ грамотой кн. Д. М. Пожарскаго къ вычегодцамъ о сборѣ денежныхъ средствъ и всеобщемъ ополченіи городовъ для освобожденія Москвы. Въ 1613 г. ѣздилъ въ составѣ депутаціи отъ московскаго земскаго собора въ Кострому и Ярославль съ извѣстіемъ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича. Въ томъ же году новымъ царемъ ему возвращены отобранныя у него раньше Боярскою думою помѣстья. Умеръ Т. 16 января 1615 г. и погребенъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ и донынѣ сохранилась надгробная плита съ надписью.

Разрядный Архивъ за 1775 и 1786 гг. въ Моск. архивѣ минист. юст. — „Акты Археогр. Экспедиціи“, т. II, стр. 357.—„Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 1100. — „Временникъ Моск. Общества Истор. и Древн. Россійск.“, т. VIII, отд. „Смѣсь“, стр. 11, 31. — „Чтенія“ того же общества, 1895 г., I, 1.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, стр. 25, 26, 176, 214, 215, 246, 259, 293.

Татищевъ, *Григорій Игнатьевичъ*, воевода, 1 августа 1598 г. подписался подъ актомъ объ избраніи на царство Бориса Годунова. Подъ 1613 г. названъ воеводою на Вагѣ, подъ 1616 г.—дворяниномъ московскимъ. Во время московскаго си-

дѣнія 1618 г. былъ въ Москвѣ, сидѣлъ въ приказѣ у дѣлъ. Окладъ его помѣстный 700 четей, пожалованъ въ 1616 г., да денежный въ 30 руб., который три года спустя повышенъ до 70 руб. Умеръ 6 февраля 1620 г. и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ.

Собраніе рукописей Бѣляева въ Румянцескомъ музеѣ, № 126/1619. — Акты Историч., т. III, стр. 2.—Дополн. къ Акт. Историч., т. II, стр. 20—21, 24.—Акты Археограф. Экспед., т. II, стр. 44; т. III, стр. 155.—Древняя Россійская Вивліоѳика, т. II, стр. 394; т. XIX, стр. 390.—Боярскія окладныя книги отъ 1619 г. въ Моск. архивѣ министр. иностр. дѣлъ.—„Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, 1895, т. I. — С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ, 1400—1900 гг.“, Спб. 1900, стр. 24, 35, 176, 214, 216, 246, 258, 259, 294.

Татищевъ, *Данило Михайловичъ*, родился въ 1660 г. Подъ 1680 г. числится въ жильцахъ, въ 1682 г. — стряпчимъ и въ этомъ званіи сопровождалъ государей во время поѣздки ихъ въ Троицкій монастырь; въ 1684 г. пожалованъ въ комнатные стольники къ царю Іоанну Алексѣевичу. Въ 1688—1691 гг. былъ вторымъ воеводою на Двинѣ, гдѣ первымъ воеводою состоялъ его отецъ, Михаилъ Юрьевичъ. Подъ 1696 г. значится въ числѣ участниковъ «кумпанства» для постройки корабля въ Азовскомъ флотѣ. Затѣмъ о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній до 1708 г., когда онъ упоминается участникомъ Донского похода въ полку кн. В. В. Долгорукова. Въ 1711 г. Т. получилъ должность суздальскаго коменданта и въ качествѣ такового составилъ переписную книгу г. Суздаля. 10 февраля 1714 г. сенатъ приговорилъ быть ему ландгерихтомъ въ Казанской губерніи, а въ 1718 г. указомъ сената онъ назначенъ «къ дѣламъ» въ Сибирскую губернію, что могло означать ссылку — и для этого были основанія,—но Т. «за скорбію своею у дѣлъ не былъ». Тогда онъ былъ преданъ суду и приговоромъ министровъ отъ 16 марта 1718 г. обвиненъ въ томъ, что «въ бытность ландрихтеромъ въ Суздалѣ слышалъ о постриженіи царицы Евдокіи Ѳедоровны и приходилъ къ ней на поклонъ въ Покровскій дѣвичій монастырь, видѣлъ ее въ мірскомъ платьѣ, привозилъ ей письма и посылки и самъ къ ней съѣстные и прочіе припасы приносилъ», и «за то его плутовство и недонесеніе царскому величеству» присужденъ: «бить его батоги нещадно и по наказаніи освободить». За тѣ же вины къ нещадному битью батогами была присуждена и жена Т., Ульяна Андреевна, дочь окольничаго А. И. Леонтьева, по наказаніи постриженная въ Бѣлгородскомъ монастырѣ съ именемъ Елизаветы. 16 января 1722 г. въ Герольдмейстерской конторѣ сказанъ Т. указъ—въ канцелярію разборнаго дѣла являться ему «по вся дни и безъ указу съ Москвы не ѣхати».

„Двинская лѣтопись“, изд. Титова, стр. 56 — 57. — „Древняя Россійск. Вивліоѳика“, т. XVIII, стр. 53, 54. — „Сенатскіе доклады и приговоры“, т. II, кн. 2, стр. III, 117; т. IV, кн. 1, стр. 100, 144. 193.—Ѳ. Веселаго, „Исторія русскаго флота“, т. I, прил. стр. 185.—Устряловъ, „Исторія Петра Великаго“ т. VI, стр. 222.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 38, 39, 55—58, 75, 178, 200, 207 215—217, 222. 246, 247, 274, 292, 296—299, 343.—Составленная Т. „Переписная книга“ Суздаля за 1711 г. находится въ Моск. архивѣ министр. юстиціи, № 3578.

Татищевъ, *Дмитрій Ивановичъ*, стольникъ; первое упоминаніе о немъ встрѣчается подъ 1620 г., когда онъ отмѣченъ проживающимъ въ своемъ помѣстьѣ с. Бортницы (Суздальскаго уѣзда). Въ 1626 г. его имя называется среди стольниковъ патріарха Филарета, а въ этомъ году (6 августа) изъ патріаршихъ пожалованъ въ царскіе стольники. 14 іюня 1627 г. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ въ Кремлѣ. Въ февралѣ (17, 21 и 24-го) 1630 г. былъ при пріемахъ шведскаго посла Антона Монира. Участвовалъ въ Смоленскомъ походѣ 1632 г. Два года спустя умеръ.

Писцовыя книги въ Моск. архивѣ министюстиціи: по Ростову, № 838; по Дмитрову, № 628; по Суздалю, №№ 11320—11324.—„Разрядныя книги“, т. II, стр. 449.—„Дворц. разряды“, т. II, стр. 840.—„Русск. Истор. Библ.“, т. IX, стр. 404, 497.—„Владим. Губ. Вѣдом.“, 1871, № 52, часть неоф. (челобитная Т.).

Татищевъ, *Дмитрій Павловичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, членъ Государственнаго совѣта, сенаторъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при разныхъ дворахъ, родился въ 1767 г. Сначала служилъ въ войскѣ,—въ л.-гв. Преображенскомъ и л.-гв. Конномъ полкахъ. Въ 1791 г. въ чинѣ подпоручика былъ волонтеромъ въ арміи кн. Потемкина. По заключеніи Ясскаго мира былъ посланъ графомъ Безбородко въ январѣ 1792 г. за повѣрен-

наго въ дѣлахъ въ Константинополь, гдѣ пробылъ четыре мѣсяца; это былъ первый шагъ въ его дипломатической карьерѣ. Въ томъ же 1792 г. записался волонтеромъ въ австро-прусскую армію и участвовалъ во французскомъ походѣ. По возвращеніи въ Петербургъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Во время кампаніи съ польскими конфедератами 1794—95 гг. былъ въ литовской арміи Суворова, участвовалъ въ рядѣ сраженій, при штурмѣ Праги командовалъ охотниками впереди третьей колонны, а за отличіе при взятіи Варшавы произведенъ въ секундъ-ротмистры и награжденъ Георгіемъ 4-й степени. Дальнѣйшее повышеніе Т. по службѣ шло очень быстро: черезъ годъ по полку повышенъ въ ротмистры и по придворной службѣ въ дѣйствительные камергеры, а въ іюнѣ 1799 г. переведенъ въ гражданскую службу съ производствомъ сразу въ тайные совѣтники и съ назначеніемъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Съ этихъ поръ собственно и начинается его дипломатическая дѣятельность, продолжавшаяся свыше 40 лѣтъ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ главнѣйшихъ конгрессахъ этого времени третьимъ, вторымъ или первымъ представителемъ отъ Россіи, и его именемъ скрѣплены почти всѣ важнѣйшіе международные договоры, касавшіеся интересовъ и Россіи. Въ іюнѣ 1802 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, откуда былъ отозванъ въ февралѣ слѣдующаго года съ повелѣніемъ присутствовать въ коллегіи впредь до указа. Въ 1804 г. былъ вторымъ уполномоченнымъ (послѣ кн. Чарторыйскаго) при переговорахъ съ Австріей о союзѣ и 13 (25) октября подписалъ въ Петербургѣ «Декларацію о союзѣ Россіи и Австріи противъ Франціи» (съ австрійской стороны—гр. Стадіонъ). Въ январѣ 1805 г. отправленъ посланникомъ къ Неаполитанскому двору и подписалъ союзный договоръ съ Неаполемъ; оттуда отозванъ въ 1808 г. Въ сентябрѣ 1815 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Испаніи, гдѣ пробылъ до февраля 1821 г., когда (уже въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника, съ 1819 г.) съ тѣми же грамотами переведенъ къ Нидерландскому двору. Съ 1822 г. начинаются его дипломатическія сношенія съ Вѣной, особенно важныя и трудныя, требовавшія исключительныхъ дарованій и опыта въ виду того, что этотъ періодъ совпалъ съ ростомъ могущества Меттерниха и вліянія Австріи въ международныхъ дѣлахъ. Въ этомъ году Т. дважды (въ февралѣ и маѣ) по Высочайшему повелѣнію ѣздилъ въ Вѣну съ особыми порученіями—для предварительныхъ переговоровъ по вопросамъ, которые были разрѣшены на ближайшемъ Веронскомъ конгрессѣ. На этомъ конгрессѣ Т. былъ третьимъ уполномоченнымъ (послѣ гр. Нессельроде и гр. Ливена) и подписалъ: 19 ноября (1 декабря) 1822 г. протоколъ о соглашеніи Россіи, Австріи и Пруссіи съ Франціей по испанскимъ дѣламъ (уполномоченные отъ Австріи—кн. Меттернихъ, Пруссіи—гр. Бернсторфъ, кн. Гацфельдъ, Франціи—герцогъ Монморанси, маркизъ Караманъ и виконтъ Шатобріанъ) и 20 ноября резолюцію объ отмѣнѣ торга неграми, подписанную представителями пяти великихъ державъ (тѣ же и отъ Англіи герцогъ Веллингтонъ). Послѣ конгресса Т. оставленъ въ чрезвычайной миссіи при Австрійскомъ дворѣ. 20 февраля (4 марта) 1825 г. онъ подписалъ въ Вѣнѣ (со стороны Австріи—Меттернихъ) конвенцію о ликвидаціи денежныхъ претензій и дѣлъ по прежнему владѣнію Австріей нѣкоторыми частями Царства Польскаго и Краковской области (награжденъ бриллiантовыми знаками св. Александра Невскаго). 22 августа 1826 г. назначенъ при Вѣнскомъ дворѣ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, каковымъ оставался до 11 ноября 1841 г., когда за болѣзнью вручилъ отзывныя грамоты. За это время имъ заключены и подписаны слѣдующіе международные акты: въ Вѣнѣ 17 (29) апрѣля 1828 г. въ качествѣ перваго уполномоченнаго (вторымъ былъ Грибовскій, отъ Австріи—Меттернихъ и гр. Гоесъ)—конвенцію объ окончательной ликвидаціи взаимныхъ претензій Царства Польскаго и Австріи; въ Мюнхенгрецѣ 6 (18) сентября 1833 г. третьимъ уполномоченнымъ (послѣ Нессельроде и Орлова, отъ Австріи—Меттернихъ и Фикельмонъ)—тайную конвенцію по дѣламъ Оттоманской имперіи и Египта и тамъ же 7 (19) сентября—тайную же конвенцію по дѣламъ Царства Польскаго (награжденъ арендой по 20 тыс. гульденовъ на пять лѣтъ); 29 августа (10 сентября) 1838 г. въ Миланѣ—протоколъ по дѣламъ Кракова (отъ Австріи—Меттернихъ). Въ декабрѣ 1838 г.

Т. назначенъ былъ членомъ Государственнаго совѣта, а 15 апрѣля 1841 г. пожалованъ въ оберъ-камергеры съ оставленіемъ въ должности посла. Сенаторомъ состоялъ съ 1810 г. Умеръ 16 сентября 1845 г. въ Вѣнѣ и похороненъ въ Татищевскомъ погостѣ (Ростовскаго уѣзда Ярославской губ.). Имѣлъ всѣ русскіе ордена (съ алмазными знаками Андрея Первозваннаго включительно), а изъ иностранныхъ—испанскій орденъ Золотого Руна, неаполитанскій св. Януарія и австрійскій св. Стефана 1-й степени. Т. владѣлъ значительнымъ числомъ картинъ испанской школы, собранныхъ въ бытность посланникомъ въ Мадридѣ. Академія художествъ избрала его въ свои члены.

Формулярный списокъ: въ архивѣ минист. иностр. дѣлъ и въ архивѣ сената.—Дипломатическая переписка изъ Константинополя 1792 г., въ Моск. архивѣ минист. иностран. дѣлъ.—Въ Петерб. архивѣ минист. иностр. дѣлъ: переписка Т. въ бытность посланникомъ при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій съ 1805 по 1808 г.; въ Испаніи—съ 1815 по 1821 г.; по поѣздкамъ въ Вѣну 1822 г.; изъ Вѣны—съ 1823 по 1845 г.—„Записки гр. Каподистріи“, „Сборн. Русск. Истор. Общ.“, т. Ш, стр. 279—283 (о поѣздкахъ въ Вѣну).—Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, „Собраніе трактатовъ и конвенцій“, т. II, стр. 407—421; т. IV, ч. 1, стр. 324, 326, 336, 375, 445, 454, 527 (текстъ подписанныхъ Т. конвенцій).—Prockesch-Osten, „Geschichte des Abfalles der Griechen“, т. I и II (донесенія Т.).—„Portfolio“, т. I, II, III и IV (донесенія Т.).—„Архивъ кн. Воронцова“, т. XVIII (переписка Т. съ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовыми).—„Mémoires de Metternich“, т. III, IV, V и VI.—„Воспоминанія П. И. Полетики“, „Русск. Архивъ“, 1885, т. III, стр. 330—336.—„Воспоминанія М. П. Щербинина“, „Русск. Старина“, 1876, кн. III, стр. 292—293.—„Записки гр. Рибопьера“, тамъ же, 1877, кн. II, стр. 16.—„Сборн. Русск. Истор. Общ.“, т. 88, стр. 448, 531.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, стр. 103—105, 217—223, 325—328, 349—350.—П. А. Вяземскій, „Изъ старой записной книжки“.—„Иллюстрація“, 1845, № 27.—„Иллюстр. Газета“, 1866, № 37.—„Историческій Вѣстникъ“, 1897 (статья А. Я. Титова).—Кн. П. Долгоруковъ, „Русск. родословн. книга“, т. II, стр. 227.

Татищевъ, *Евграфъ Васильевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, сынъ историка Василія Никитича, родился въ 1717 г.; первоначальное образованіе получилъ дома подъ руководствомъ отца, въ апрѣлѣ 1732 г. былъ принятъ кадетомъ въ шляхетскій сухопутный корпусъ, откуда 4 ноября 1736 г. выпущенъ въ армію солдатомъ со слѣдующимъ атгестатомъ: «имѣетъ начало въ геометріи, говоритъ и пишетъ твердо по-нѣмецки, училъ исторію и географію, рисуетъ отчасти, искусенъ въ верховой ѣздѣ, фехтованіи и танцованіи». Служилъ Т. сначала въ Пермскомъ драгунскомъ полку, въ 1741 г. вмѣстѣ съ производствомъ въ секундъ-маіоры переведенъ въ Низовые полки съ прикомандированіемъ къ калмыцкой экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ его отца, затѣмъ въ чинѣ премьеръ-маіора былъ въ Нарвскомъ (съ 1751 г.) и подполковника въ Ростовскомъ (съ 1758 г.) пѣхотныхъ полкахъ. 18 декабря 1758 г. произведенъ въ полковники, а 25 декабря 1764 г. переведенъ на гражданскую службу съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники. Вскорѣ послѣ этого Т. вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ въ своемъ домѣ на Петровскомъ бульварѣ въ концѣ 70-хъ гг. XVIII в. принималъ вел. кн. Павла Петровича и гдѣ прожилъ до самой кончины, послѣдовавшей 6 сентября 1781 г. 28 февраля 1767 г. онъ въ числѣ другихъ подписалъ наказъ данковскому депутату въ Комиссію Уложенія. Для него была составлена Василіемъ Никитенко его извѣстная «Духовная».

Полное Собраніе Законовъ, т. XV, стр. 1046.—Дѣла Герольдмейстерской конторы въ Московск. архивѣ минист. юстиціи: 1731 г., кн. 116/90; 1753 г., кн. 400/7; 1757 г., кн. 116/90.—Именной списокъ кадетъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса 1761 г., ч. I, стр. 50.—„Духовная В. Н. Татищева“, Казань 1885.—Дѣло о Татищевыхъ департамента герольдіи, л. 605.—Барановъ, „Опись сенатскаго архива“, т. II, 86, 195.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества“, т. XVIII, стр. 354.—Кн. П. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга“, т. II, стр. 226.—Н. Поповъ, „В. Н. Татищевъ и его время“, стр. 299 и слѣд.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Польза“, кн. V, стр. 1257.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, 1400–1900 гг.“, стр. 83, 97, 98, 182, 202, 205, 207, 209, 222, 307, 308, 348.—Д. Благова, „Разсказы бабушки», стр. 12—14, 47, 125 (о семейной жизни Т.).

Татищевъ, *Иванъ Андреевичъ*, правитель Казанскаго намѣстничества, родился въ 1740 г. и четырехъ лѣтъ зачисленъ солдатомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Въ 1757 г. изъ полковыхъ сержантовъ произведенъ въ прапорщики. 17 лѣтъ спустя названъ капитаномъ гвардіи. Повышенный въ 1774 г. въ полковники, изъ Преображенскаго переведенъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ, которымъ съ слѣдующаго

года сталъ командовать и съ которымъ участвовалъ въ экзерциціяхъ въ присутствіи Екатерины II; удостоенъ выраженія удовольствія. Пять лѣтъ спустя произведенъ въ бригадиры и еще черезъ годъ (1780) въ генералъ-маіоры; въ 1783 г. награжденъ Георгіемъ 4-й степени. Казанскимъ намѣстникомъ назначенъ въ 1783 г. и пробылъ въ этой должности до смерти, послѣдовавшей въ 1789 г.

„Исторія л.-гв. Преображенскаго полка“, т. IV, стр. 208.—Дѣло Герольдмейстерской Конторы, кн. 418/221, въ Моск. архивѣ мин. юстиціи.—Камеръ-фурьерскіе журналы 1775 г., стр. 526—528.—„Воинскій списокъ“ 1780 г., стр. 44.—„Сочиненія Державина“, изд. Акад. Наукъ, т. V, стр. 381, 409, 427, 463, 572, 753; т. VIII, стр. 393, 403.

Татищевъ, *Иванъ Ивановичъ*, писатель, родился въ 1743 г. въ Малороссіи, гдѣ отецъ его, Иванъ Петровичъ, былъ священникомъ (позже придворный священникъ); обучался въ Кенигсбергѣ. По возвращеніи оттуда въ 1764 г. былъ опредѣленъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и отправленъ въ данцигское россійское посольство, а въ 1769 г. переведенъ въ лондонское посольство; въ 1775 г. возвратился въ Петербургъ и продолжалъ службу при той же коллегіи до 1779 г., когда былъ назначенъ московскимъ почтъ-директоромъ; уволенъ отъ службы въ 1801 г. и въ 1802 скончался. Извѣстно его сочиненіе: «Историческія примѣчанія и объясненія Императрицы Екатерины II на объясненія короля шведскаго», написанное Т. по порученію самой государыни, ею же просмотрѣнное и изданное въ Петербургѣ (1789). Ему же принадлежитъ нѣсколько переводовъ съ иностранныхъ языковъ: «Лексиконъ французской академіи», вторая половина, отъ буквы L до Z, — въ первый разъ изданъ анонимно (Спб. 1786), а 2-е изданіе вышло съ именемъ Т. (Спб. 1798); «Нѣмецкій лексиконъ» Аделунга, 5 первыхъ буквъ (Спб. 1798); съ англійскаго — «Рѣчи, говоренныя кавалеромъ Рейнолдсомъ о живописи при открытіи въ Лондонѣ академіи художествъ» (Спб. 1792), разсказъ «О снѣ и фанатизмѣ, или изувѣрствѣ» («Спб. Вѣстн.»), трактатъ «О выдѣлываніи пеньки», «Описаніе картины живописца Патока», представляющей сожженіе турецкаго флота въ Чесмѣ, и «Исторія Шотландіи въ царствованіе королевы Маріи и короля Іакова VI» Робертсона, 2 тома.

Митроп. Евгеній (Болховитиновъ), „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ“, т. I, Москва 1845, стр. 203—204.—Снегиревъ, „Словарь русскихъ писателей“.—„Справочный энциклопед. словарь“ Крайя-Старчевскаго, т. 10, Спб. 1858 г.

Татищевъ, *Иванъ Михайловичъ большой*, окольничій. Отъ 1664 г. упоминается жильцомъ на съѣздѣ съ польскими послами при бояринѣ кн. Н. И. Одоевскомъ и на царскомъ смотру предъ выступленіемъ противъ польскаго короля. Въ 1667 г.— стряпчій, ѣздилъ по службѣ за государемъ въ осенніхъ походахъ. Слѣдующіе два года пробылъ на службѣ въ Сѣвскѣ и подъ Глуховымъ. 6 іюня 1676 г. пожалованъ въ стольники. Въ 1678—79 гг.— воевода въ Чигиринскомъ походѣ князей Г. Г. и М. Г. Ромодановскихъ и послѣ этого ближайшіе три года былъ воеводою въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, откуда вызванъ въ Москву, гдѣ въ 1682 г. отмѣченъ съ государями въ троицкомъ богомольѣ. 29 августа 1684 г. пожалованъ въ думные дворяне. Въ этомъ и въ теченіе слѣдующихъ трехъ годовъ неоднократно упоминается сопровождающимъ царя Іоанна Алексѣевича въ богомольныхъ походахъ въ монастыри Троице-Сергіевъ, Спасовъ, Новодѣвичій, Воскресенскій и Саввинъ. Въ окольничіе повышенъ 23 марта 1689 г. и въ томъ же году умеръ (25 апрѣля). Помѣстный окладъ ему въ 1250 чет.

„Дворцовые разряды“, т. III, стр. 305, 325, 347; т. IV, стр. 3.—Записная книга жалован. царскихъ грамотъ (Моск. архивъ минист. юст.), № 16.—Устряловъ, „Исторія Петра Великаго“, т. I, прилож. XII, стр. 394.

Татищевъ, *Иванъ Юрьевичъ*, стольникъ, новгородскій комендантъ, родился въ 1652 г., службу началъ въ 1668 г. Въ 1678—79 гг. въ званіи московскаго дворянина участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ, а въ 1687 г.—въ первомъ Крымскомъ походѣ; два года спустя былъ воеводою въ Кашинѣ, затѣмъ въ званіи стряпчаго служилъ въ Рыльскѣ въ полку А. С. Шеина. Въ 1690 г. пожалованъ въ стольники; въ февралѣ и мартѣ 1696 г. дневалъ и ночевалъ у гроба царя Іоанна Алексѣевича. Весною 1698 г. посланъ новгородскимъ воеводою П. М. Апраксинымъ за шведскій

рубежъ, въ Нарву, Ревель и Ніеншанцъ, для найма мастеровъ корабельнаго дѣла на Азовскія верфи. Въ 1700 г. Т. участвовалъ въ походѣ подъ Нарву, по дорогѣ куда Петръ I останавливался въ его усадьбѣ Пелешкѣ и обѣдалъ у него. Царскимъ указомъ отъ 30 января 1701 г. велѣно ему быть у стругового дѣла и построить на рѣкахъ Волховѣ и Лугѣ 600 струговъ. 24 января 1702 г. Т. былъ назначенъ начальникомъ верфи при устьѣ Сяси, на которой построилъ первыя суда будущаго Балтійскаго флота. Въ 1703 г. онъ былъ назначенъ воеводою въ Новгородѣ со званіемъ коменданта новгородской приказной палаты. Въ этой должности Т. завѣдывалъ судостроеніемъ на р. Лугѣ, составилъ писцовую книгу Зарусской половины Шелонской пятины, производилъ измѣреніе рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское озеро, и фарватера самаго Ладожскаго озера, въ 1706—1708 гг. изслѣдовалъ берега Невы и описалъ примыкающіе къ нимъ лѣса; 29 августа 1708 г. участвовалъ въ отраженіи шведовъ отъ Петербурга. Отъ должности новгородскаго коменданта Т. уволенъ 23 марта 1721 г.—«за старостью лѣтъ и слѣпостью». Послѣдніе годы онъ прожилъ въ Новгородѣ, гдѣ и скончался въ 1730 г. Въ сохранившихся письмахъ къ нему Петра Великаго послѣдній называетъ его «Нег(г)», «Сватъ» и «Г-нъ комендантъ».

Разрядныя вязки, № 24, дѣло № 40, въ Московск. архивѣ минист. юстиціи.—Приказъ древнихъ лѣтъ, № 26, связка 697, въ морскомъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ.—Переписка на русскомъ языкѣ, 1702 г., № 7, тамъ же.—Дѣла гр. Апраксина, №№ 42, 251, въ Главномъ морскомъ архивѣ.—Кабин. дѣла, отд. II, № 2.—„Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ“, т. IV, стр. 656.—„Памятники дипломатическихъ сношеній“, т. VIII, стр. 1194, 1223, 1242.—Журналы Петра Великаго, въ прилож. къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова, т. IV, ч. 2, стр. 507.—Указы, грамоты и письма къ Т. Петра Великаго и донесенія Т. царю за 1702 г., въ „Матеріалахъ для исторіи русскаго флота“, т. I, стр. 1, 3—8, 10, 11, 12.—Вѣдомость построеннымъ Т. первымъ судамъ Балтійскаго флота, тамъ же, т. III, стр. 644; объ участіи въ отраженіи шведовъ, ibid., т. I, стр. 168; объ увольненіи, т. IV, стр. 456.—Переписка Т. съ царемъ за 1703 и 1704 гг., въ „Письмахъ и бумагахъ Петра Великаго“, т. II, стр. 230, 246, 625, 656; т. III, стр. 623.—Письма къ нему Петра I съ 1706 по 1714 г., въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“ В. Голикова, тт. II—V, XIV, XV.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ, 1400—1900 гг.“, стр. 46, 60—64, 79, 80, 178, 201, 205, 206, 208, 215, 216, 222, 246, 247, 275, 276, 305, 340, 343, 344.

Татищевъ, *Игнатій Петровичъ*, думный дворянинъ, воевода, дипломатъ, государевъ казначей, впервые упоминается въ 1556 г. податнымъ рындой, съ письменнымъ государевымъ саадакомъ, въ походѣ Іоанна IV въ Серпуховъ по крымскимъ вѣстямъ; въ 1559 г.—второй рында въ царскомъ походѣ въ Тулу по тѣмъ же вѣстямъ; 1576 г.—второй голова у надзиранія сторожей въ походѣ съ государемъ въ Калугу; 1577 г.—второй воевода въ Голбинѣ; 1578 г.—второй воевода въ Трекахъ, затѣмъ въ Кеси и второй воевода сторожевого полка на Окѣ; 1579 г.—голова въ государевомъ полку въ походѣ на Ливонію и противъ польскаго короля; 1580 г.—третій воевода въ большомъ полку и во Рже-Володиміровѣ; участвовалъ въ торжествѣ бракосочетанія царя съ Маріею Нагою; 1582 г.—второй воевода въ передовомъ полку во время похода противъ шведовъ и въ битвѣ подъ Орѣшкомъ; 15 апрѣля 1583 г. назначенъ муромскимъ намѣстникомъ. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, когда такъ легко было, даже безъ всякой вины, попасть въ опалу, Т., благодаря своей ловкости, не только удержался на службѣ, но подъ конецъ царствованія этого государя былъ возведенъ, въ 1582 г., въ достоинство думнаго дворянина, сталъ засѣдать наряду съ боярами и окольничими въ Большой думѣ и играть довольно видную роль, особенно въ отношеніи иностранной политики, что видно по неоднократному уполномочію его какъ при Іоаннѣ, такъ и при его пріемникахъ, вести дипломатическіе переговоры то съ Швеціей, то съ Литвою. Въ 1583 г. вмѣстѣ съ новгородскимъ воеводою кн. Семеномъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ и дьякомъ Дружиною Петелинымъ онъ былъ назначенъ вести мирные переговоры со шведами, представителями которыхъ были Класъ Тоттъ и Пунтусъ Делагарди. Такъ какъ еще раньше между Россіей и Швеціей происходили тренія, чьимъ посламъ и куда идти — русскимъ ли въ Стокгольмъ или шведскимъ въ Москву, то, во избѣжаніе униженій и излишнихъ недоразумѣній, стороны сошлись на пограничной р. Плюсѣ, въ Шелонской пятинѣ, причемъ, по извѣстію шведскаго историка Далина, уполномоченные каждой стороны находились въ

отдѣльныхъ палаткахъ, ведя разговоръ на разстояніи. Т. требовалъ сначала отъ шведовъ возвращенія новгородскихъ и эстонскихъ земель и городовъ, но потомъ, исполняя волю Іоанна, опасавшагося Литвы и крымскаго хана Махметъ-Гирея и спѣшившаго миромъ съ Швеціей, 26 мая подписалъ перемиріе на 2 мѣсяца, а 29 іюня на 3 года, не добившись существенныхъ уступокъ. Продиктованный рядомъ затруднительныхъ обстоятельствъ, договоръ этотъ, такимъ образомъ, для русскихъ былъ невыгоденъ, потому что въ рукахъ шведовъ остались многіе искони русскіе города. Въ 1584 г., уже послѣ смерти Іоанна, когда опять возникли опасенія войны съ Швеціей, царь Ѳедоръ Іоанновичъ поручилъ Т. и кн. Ѳедору Дмитріевичу Шестунову возобновить переговоры съ тѣми же шведскими представителями—Тоттомъ и Делагарди. Уполномоченные сошлись 25 октября 1584 г. на устьѣ той же Плюсы, близъ Нарвы, причемъ и на этотъ разъ сохранили церемоніалъ отдѣльныхъ палатокъ, расположивъ ихъ, впрочемъ, такъ близко одна отъ другой, что существенныхъ неудобствъ отъ этого не происходило, ибо одинъ конецъ длиннаго стола, за которымъ сидѣли дипломаты, былъ въ палаткѣ русскихъ, а за другимъ въ своей палаткѣ сидѣли шведы. На этотъ разъ требованія послѣднихъ были еще неумѣреннѣе,—къ предыдущимъ прибавилось требованіе уступки Новгорода и Пскова; Т. съ товарищемъ былъ въ свою очередь уполномоченъ выговорить Иванъ-городъ, Яму, Копорье и Корелу сначала даромъ, въ крайнемъ случаѣ предложивъ выкупъ въ 15 т. р., между тѣмъ какъ шведы за эти города хотѣли 400 тыс. Во время переговоровъ Делагарди утонулъ въ Нарвѣ. Т. и Шестуновъ немедленно сообщили объ этомъ въ Москву, откуда отъ царскаго имени получился отвѣтъ: «Писали вы намъ, что Пунтусъ Делагарди утонулъ; сдѣлалось это Божьимъ милосердіемъ и великаго чудотворца Николая милостію». Со смертью неуступчиваго дипломата предполагалось, что въ переговорахъ пойдутъ перемѣны къ выгодѣ русскихъ, но надежды эти не оправдались. Разница во взглядахъ и требованіяхъ была слишкомъ велика, переговоры принимали нерѣдко весьма острый характеръ, иногда прерывались и снова возобновлялись; въ концѣ концовъ ни къ какому окончательному рѣшенію стороны не пришли, а лишь продлили перемиріе еще на 4 года, сохранивъ прежнее status quo и взаимно обязавшись въ августѣ 1586 г. съѣхаться для соглашенія о «мирѣ вѣчномъ». Дальнѣйшія дипломатическія сношенія со шведами велъ, однако, уже не Т., а окольничій кн. Хворостининъ.

13 декабря 1583 г. Т. присутствовалъ при пріемѣ Іоанномъ IV англійскаго посла Іеронима Бауса; въ 1584 г. былъ вторымъ воеводою большого полка въ Алексинѣ по крымскимъ вѣстямъ, въ 1585 г.—въ Серпуховѣ по тѣмъ же вѣстямъ; 11 ноября 1586 г. въ составѣ Ближней думы сопровождалъ царя Ѳеодора Іоанновича въ шведскій походъ; въ 1588 г. первымъ встрѣчалъ цареградскаго патріарха Іеремію при представленіи его царю Ѳеодору; въ 1589 г. воевода въ Казани; въ 1590 г. участвовалъ въ походѣ противъ шведовъ и 25 февраля заключилъ съ ними перемиріе подъ Нарвою; 1591 г.—воевода въ Новгородѣ и въ томъ же году встрѣчалъ польскихъ пословъ при представленіи ихъ царю. Въ февралѣ 1591 г. Т. вмѣстѣ съ окольничимъ Мих. Салтыковымъ-Морозовымъ былъ посланъ въ Польшу. Цѣлью посольства являлось полученіе окончательнаго согласія Сигизмунда на заключенное упомянутыми послами его въ Москвѣ между Польшей и Россіей перемиріе на 12 лѣтъ. Въ виду войны съ Швеціей подписать перемиріе съ Польшей для Ѳедора Іоанновича было очень важно, почему посламъ въ тайномъ наказѣ повелѣвалось быть уступчивыми, «говорить гладко», не затѣвать лишнихъ пререканій, но «беречь накрѣпко, чтобы король на обѣихъ грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножье и не мимо креста, и не носомъ». Т. и Салтыковъ встрѣтили дурной пріемъ, отчасти потому, что король и паны были противъ этого міра, на которомъ настаивала главнымъ образомъ литовская шляхта, отчасти же въ виду того, что русскіе нарушили одно изъ главныхъ условій подлежавшаго утвержденію перемирія—не воевать съ шведскимъ королемъ Іоанномъ, отцомъ Сигизмунда. Въ дорогѣ Т. терпѣлъ всяческія лишенія, часто не имѣлъ пищи для людей и корма для лошадей, а въ Краковѣ, гдѣ въ то время жилъ Сигизмундъ, встрѣтилъ со стороны послѣдняго рѣшительный отказъ цѣловать перемирную

грамоту. Только послѣ долгихъ и энергичныхъ настояній и послѣ нѣкоторыхъ уступокъ Т. добился желаемаго. Въ Москву онъ прибылъ въ январѣ 1592 г.

Это было послѣднее посольство Т. О дальнѣйшей его дѣятельности сохранились слѣдующія извѣстія: въ 1593 г. онъ состоялъ вторымъ судьей въ судно-владимірскомъ приказѣ; въ 1594 г. посланъ дѣлать засѣки со стороны Крыма и сдѣлалъ одну изъ четырехъ засѣкъ, на которыхъ была возведена крѣпость, ставшая основаніемъ Курска; 22 мая 1597 г. былъ при пріемѣ цесарскаго посла бургграфа Авраама Донавскаго; весною 1598 г. сопровождалъ Бориса Годунова въ походъ въ Серпуховъ, по крымскимъ вѣстямъ, и 1 августа подписался въ ряду окольничихъ подъ грамотой объ избраніи Годунова на царство; въ 1599 г. участвовалъ въ пріемѣ шведскаго королевича; въ 1600 г. Борисъ Годуновъ возвелъ его въ достоинство казначея, поручивъ ему завѣдываніе государевой казной, драгоцѣнными вещами и управленіе казеннымъ приказомъ; съ 16 декабря 1601 по 6 февраля 1602 г. онъ былъ въ отвѣтѣ съ датскими послами. Скончался Т. въ 1604 г., передъ смертью принявъ постриженіе съ именемъ *Іоасафа*.

Дѣла польскія, въ Московск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, № 21, лл. 318—507.—Дѣла шведскія, тамъ же, № 5, лл. 202—257.—Мѣстническія дѣла, въ Московск. архивѣ минист. юстиціи, № 1069, л. 76.—Выпись изъ писцовой книги по Можайску, тамъ же.—Собраніе рукописей Бѣляева, въ Румянцевскомъ музеѣ, № 126/1619.—„Дополненія къ Актамъ Истор.“, т. I, стр. 273.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. II, стр. 42.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. XII, стр. 50, 54, 58, 61, 63—64; т. XIII, стр. 83, 113—114, 219, 254, 294; т. XIV, стр. 448, 454, 455, 492, 493; т. XIX, стр. 389; т. XX, стр. 58.—„Сибирскій Сборникъ“, стр. 61, 72, 79, 81, 82, 141—143, 145. — „Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.“, т. XXXVIII, стр. 104.—„Собраніе Государств. Грамотъ и Договор.“, т. II, стр. 487.—„Büsching's Magasin“, 1773, т. VII, стр. 315, 316.—М. Г. Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ россійскихъ дворянъ“, Москва 1810.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 245, 254; прим. 554, 727, 729; т. X, стр. 31, 67, 95; прим. 117, 187, 194, 284, 300, 315.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 578—579, 584—585, 658.—Бѣлокуровъ, „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“, стр. 320.—Далинъ, „Geschichte des R. Schwed.“, гл. XV, стр. 134.—„Histor. Russiae Monum.“, II, № XIX.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, стр. 223; прилож., стр. 54.—Бантышъ-Каменскій. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, ч. III, Спб. 1847, стр. 412—414.—„Справочный энциклопедич. словарь“ Крайя, т. X, s. v.

Татищевъ, *Леонидъ Александровичъ*, родился 3 мая 1827 г. и по окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ произведенъ (10 августа 1845 г.) въ корнеты л.-гв. Гусарскаго полка. Черезъ 14 лѣтъ службы былъ произведенъ въ полковники и въ 1863 г. назначенъ (5 октября) командиромъ 5-го гусарскаго Александрійскаго полка, а черезъ мѣсяцъ (3 ноября)—2-го лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго. Въ 1865 г. онъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству и въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. На нѣкоторое время строевая служба Т. прервалась, и онъ, въ виду польскаго возстанія, былъ назначенъ военнымъ начальникомъ въ Маріуполь, но въ 1875 г. вернулся снова въ строй командующимъ сперва 6-й, а затѣмъ 11-й кавалерійской дивизіей, съ которой въ чинѣ генералъ-лейтенанта (съ 30 августа 1876 г.) выступилъ въ Турецкую войну 1877—1878 гг. Скончался 5 августа 1881 г. Будучи еще лейбъ-гусаромъ, участвовалъ съ 20 мая по 2 ноября 1849 г. въ Венгерскомъ походѣ, а начальникомъ дивизіи—во всѣхъ четырехъ періодахъ Турецкой войны, причемъ за сраженіе подъ Чаиркіоемъ (9 сентября 1877 г.) награжденъ золотой осыпанной бриллiантами саблей съ надписью «За храбрость», а за отличіе вообще въ Турецкую войну—орденомъ Владиміра 2-й степени съ мечами. Кромѣ того Т. имѣлъ серебряную медаль за труды по устройству крестьянъ Царства Польскаго для ношенія на груди на Анненской лентѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ильинишнѣ Бибиковой, фрейлинѣ Императрицы, дочери генералъ-адъютанта Ильи Гавриловича.

Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, дѣло 3 ст., 6 отд., 1881 г., № 836, св. 2811, стр. 3—21.—„Иллюстрированная хроника войны“, приложеніе къ № 463 „Всемірной Иллюстраціи“, № 60, стр. 74. — „Матеріалы Русско-Турецкой войны 1877—78 гг.“, вып. 94.

М. П.

Татищевъ, *Михаилъ Игнатьевичъ*, думный дворянинъ, потомъ окольничій, дипломатъ при Борисѣ Годуновѣ и Васи-

ліи Шуйскомъ, сподвижникъ кн. М. В. Скопина-Шуйскаго, сынъ царскаго казначея Игнатія Петровича Т., впервые упоминается въ 1596 г. по случаю пожалованія его званіемъ ясельничаго. Первые слѣды его дипломатической или посольской службы встрѣчаются подъ 1598 г., когда онъ былъ посланъ въ Литву для оффиціальнаго извѣщенія объ избраніи на царство Бориса Годунова, затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ въ с. Святыхъ Отецъ встрѣчалъ сына шведскаго короля Эрика, изгнаннаго изъ Швеціи и искавшаго счастья въ Россіи. Въ декабрѣ 1600 г. Т. принималъ видное участіе въ веденіи переговоровъ съ польскимъ посольствомъ, имѣвшимъ во главѣ Льва Сапѣгу и пріѣхавшимъ для установленія «вѣчнаго мира» между Россіей и Польшею. Обнаружившіяся во время совѣщаній несогласія часто вели къ жаркимъ спорамъ, переходившимъ нерѣдко въ брань. Какъ видно изъ документальныхъ данныхъ того времени, именно Т. былъ невоздержнѣе другихъ на языкъ и часто необдуманными и рѣзкими выраженіями давалъ поводъ къ бурнымъ сценамъ. Во время одного изъ совѣщаній онъ, не обинуясь, назвалъ Сапѣгу лжецомъ, на что въ отвѣтъ получилъ имя конюха; подобныя любезности продолжали сыпаться съ обѣихъ сторонъ и въ результатѣ имѣли то, что Сапѣга оставилъ засѣданіе, на время прервалъ переговоры, билъ на Т. челомъ, и ему «въ отвѣтахъ ходить не велѣно».

Въ маѣ 1604 г. Т., по порученію царя Бориса, поѣхалъ въ Грузію, вмѣстѣ съ иверійскимъ архимандритомъ Кирилломъ, пріѣзжавшимъ въ Москву для опроверженія извѣтовъ, взведенныхъ на грузинскаго царя Александра русскими сановниками Нащокинымъ и Леонтьевымъ. Миссія Т. была двоякая: съ одной стороны добиться оффиціальнаго, скрѣпленнаго присягой утвержденія Грузіи въ подданствѣ Москвы, и съ другой—разрѣшить щекотливое «семейственное дѣло»: найти въ Грузіи жениха дочери и невѣсту сыну Бориса. Въ августѣ Т. пріѣхалъ въ г. Загемъ, но не засталъ тамъ царя Александра, находившагося вмѣстѣ съ значительной частью своего войска у персидскаго шаха. Т. принялъ младшій сынъ Александра, Юрій, искренній сторонникъ Москвы; онъ много жаловался на бѣдственное положеніе Грузіи, всегда угрожаемой со стороны Турціи и Персіи, и извинялъ своего отца, который только въ виду такихъ угрозъ принужденъ былъ идти съ войскомъ въ персидскій станъ, несмотря на то, что тѣмъ самымъ наносилось оскорбленіе Москвѣ и московскому царю, въ чьемъ подданствѣ считалась Грузія; только рѣшительныя мѣры со стороны Москвы—постройка крѣпостей въ Грузіи и присылка туда значительнаго войска — могутъ удержать, по мнѣнію Юрія, эту страну въ фактическомъ подданствѣ Москвы, ибо могущество послѣдней при наличныхъ условіяхъ парализуется ея дальностью, а Турція и Персія, благодаря своей близости, во всякое время въ состояніи оказать на Грузію такое давленіе, которому нѣтъ возможности сопротивляться. Какъ бы въ подтвержденіе словъ Юрія, вскорѣ разнеслась вѣсть, что къ Загему идетъ турецкое войско: угроза была на-лицо, отразить ее собственными силами Юрій не могъ, а помощь Москвы была далека. Юрій обратился къ Т. съ просьбою дать ему для отраженія непріятеля стрѣльцовъ, сопровождавшихъ московское посольство. Опасаясь безъ царскаго указа удовлетворить просьбу, ибо этимъ какъ бы объявлялась война Турціи, Т. долго колебался, но въ концѣ концовъ, чтобы удостовѣрить Иверію въ дѣйствительности заботъ объ ея судьбѣ со стороны Московскаго государства, далъ 40 стрѣльцовъ, которые и присоединились къ 6-тысячному отряду грузинъ. Огнестрѣльное оружіе этой горсти русскихъ оказало рѣшительное дѣйствіе: послѣ стычки, произошедшей 7 октября 1604 г., турки, полагая численность русскаго отряда гораздо большей, чѣмъ то было на дѣлѣ, поспѣшно бѣжали. На слѣдующій день при помощи тѣхъ же стрѣльцовъ Юрію удалось разбить толпы полудикихъ обитателей береговъ р. Кумы. Положеніе русскихъ послѣ этихъ побѣдъ все болѣе упрочивалось, и вліяніе Т. росло съ каждымъ днемъ, въ январѣ 1605 г. онъ даже взялъ съ Юрія и народа присягу въ подданствѣ, но въ мартѣ того же года произошелъ рѣзкій поворотъ въ теченіи дѣлъ. Изъ Персіи къ этому времени возвратился царь Александръ съ старшимъ сыномъ Константиномъ, который принялъ въ Персіи магометанство и былъ явнымъ сторонникомъ шаха, даже настолько, что по порученію послѣдняго собралъ войско

и съ помощью персовъ собирался идти къ Шемахѣ. Т. выступилъ рѣшительнымъ противникомъ этого похода, предпринимаемаго подъ вліяніемъ Персіи, а царя Александра неоднократно предостерегалъ противъ старшаго сына, въ которомъ онъ подозрѣвалъ нечистые замыслы. Опасенія Т. оправдались въ самой неожиданной формѣ: 12 марта Константинъ умертвилъ отца и младшаго брата и объявилъ себя царемъ Грузіи. Этотъ дворцовый переворотъ означалъ еще большее усиленіе персидскаго вліянія въ дѣлахъ Иверіи и умаленіе вліянія Москвы. Т. это отлично понималъ, хотя Константинъ и объявилъ ему, что Александръ убитъ случайно, а Юрій—какъ недругъ Россіи, только прикидывавшійся ея доброжелателемъ, что произошедшій переворотъ нисколько не измѣняетъ отношеній Грузіи къ Московскому государству, и онъ, Константинъ, «готовъ во всемъ усердствовать царю христіанскому» Борису. Отвергнувъ предложенные ему Константиномъ дары, Т. въ прямой и категорической формѣ поставилъ вопросъ о подданствѣ Грузіи Москвѣ, на что Константинъ, тяготѣвшій къ Персіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ боявшійся Россіи, далъ уклончивый отвѣтъ, увѣряя, что хотя до поры до времени онъ останется магометаниномъ и въ подданствѣ у шаха, на дѣлѣ же будетъ «другомъ Россіи и защитникомъ христіанства». Такой отвѣтъ не удовлетворилъ Т., и онъ уѣхалъ изъ Загема, объявивъ Константину, что Борисъ добровольно не уступитъ Грузіи шаху, который своимъ несомнѣннымъ содѣйствіемъ убійству Александра и Юрія нарушилъ добрыя отношенія между Россіей и Персіей.

Изъ этой части Грузіи, Кахетіи, Т. отправился въ западную ея часть, Карталинію, къ владѣтелю которой, Юрію, и прибылъ 15 апрѣля 1605 г. Тамъ Т. долженъ былъ, по порученію Бориса, видѣть племянника Юрія, Теймураса, предназначавшагося въ женихи дочери московскаго царя, и заодно и дочь Юрія, Елену, которую, по совѣту архимандрита Кирилла, Борисъ хотѣлъ видѣть женою своего сына Ѳеодора. Теймураса, взятаго персидскимъ шахомъ въ заложники, Т. уже не засталъ въ Карталиніи, почему какъ на женихѣ дочери царя остановился на другомъ родственникѣ Юрія, юномъ князѣ Хоздроѣ. Будучи принятъ Юріемъ съ большими почестями, Т. предложилъ ему вступить въ подданство Россіи и отпустить въ Москву Елену и Хоздроя, «если они имѣютъ достоинства, нужныя для чести вступить въ семейство Борисово». «А сія честь велика,—говорилъ Т.:—императоръ и короли шведскій, датскій и французскій искали ее ревностно». Юрій, получивъ увѣренія въ военной защитѣ отъ персидскаго шаха, объявилъ себя подданнымъ Москвы и представилъ на судъ Т. жениха и невѣсту. Въ донесеніи царю Т. писалъ о нихъ: «Хоздрою 23 года отъ рожденія; онъ высокъ и строенъ; лицо у него красиво и чисто, но смугло; глаза свѣтлые каріе, носъ съ горбинкой, волосы темнорусые, усъ тонкій... въ разговорахъ уменъ и рѣчистъ...; однимъ словомъ хорошъ, но не отличенъ; вѣроятно, что полюбится, но не вѣрно... Елена прелестна, но не чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько бѣлится; глаза черные, носъ небольшой, волосы крашеные; станомъ прямa, но слишкомъ тонка; въ лицѣ не довольно полна». Т. хотѣлъ взять въ Москву и жениха и невѣсту, говоря, что послѣдняя будетъ жить у царицы, учиться языку и навыкать русскимъ обычаямъ, но Юрій отпустилъ только Хоздроя, удержавъ Елену, которая, кстати, не нашла бы уже жениха. По дорогѣ въ Москву Т. узналъ, что турки жестоко отомстили русскимъ въ Дагестанѣ за свое пораженіе въ Грузіи, почему, опасаясь всякихъ случайностей въ пути, онъ оставилъ Хоздроя въ Сіонской землѣ, а самъ поспѣшилъ въ Москву, куда и прибылъ 5 ноября 1605 г., уже въ царствованіе Лжедимитрія. Въ своихъ донесеніяхъ о поѣздкѣ въ Грузію Т. далъ подробное описаніе этой страны, весьма цѣнное какъ свидѣтельство наблюдательнаго очевидца.

Тонкій умомъ и гибкій характеромъ, Т. умѣлъ быстро приспособляться ко всякимъ обстоятельствамъ. Пользуясь раньше довѣріемъ Бориса, онъ лестью и угожденіемъ вскорѣ пріобрѣлъ такое же довѣріе и у Самозванца, сдѣлавшись однимъ изъ постоянныхъ участниковъ пировъ и увеселеній въ царскихъ покояхъ. Когда же узналъ о заговорѣ противъ Лжедимитрія и взвѣсилъ шансы его болѣе чѣмъ вѣроятнаго успѣха, онъ примкнулъ къ заговорщикамъ и пересталъ льстить Самозванцу, сдѣлавшись по отношенію къ нему даже дерзкимъ. Однажды за царскимъ столомъ

кн. Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, замѣтилъ, что русскіе въ постъ не могутъ ѣсть мяса. Лжедимитрій началъ споръ съ Шуйскимъ. Всталъ Т. и заговорилъ въ поддержку Шуйскому, но такъ рѣзко и въ такихъ дерзкихъ выраженіяхъ, что его вывели изъ-за стола, посадили въ тюрьму и хотѣли сослать въ Вятку. Этотъ случай вызвалъ много толковъ при дворѣ; приближенные Лжедимитрія предполагали, что Шуйскій завелъ разговоръ съ умысломъ, а Т., обычно столь дипломатичный, осторожный, изысканный въ своихъ выраженіяхъ, инсценировалъ свою выходку съ намѣреніемъ вызвать царя на какое-нибудь рѣзкое выраженіе, которое могло бы ему повредить. Какъ бы то ни было, черезъ двѣ недѣли Басманову удалось исхлопотать прощеніе Т. у Лжедимитрія, не отличавшагося злопамятствомъ.

Т. былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ какъ въ подготовленіи паденія Самозванца, такъ и въ самомъ актѣ сверженія его. Уже во время переговоровъ съ послами Сигизмунда, Олѣсницкимъ и Гонсѣвскимъ, относительно «союза и дружбы» между Россіей и Польшей, изъ рѣчей Т., смѣлыхъ, часто ироническихъ, нерѣдко дерзкихъ, видно, что онъ чуялъ грядущую перемѣну, вѣрилъ въ нее и въ ея успѣхъ. 17 мая 1606 г., въ день возстанія, Т. былъ во главѣ ворвавшейся во дворецъ толпы и собственноручно закололъ своего спасителя отъ ссылки, Басманова, когда тотъ, убѣжденный сторонникъ Лжедимитрія, пытался успокоить расходившіяся страсти. Въ слѣдующіе дни послѣ переворота Т. наряду съ другими боярами велъ переговоры съ задержанными въ Москвѣ въ качествѣ заложниковъ польскими послами Олѣсницкимъ и Гонсѣвскимъ. Во время возстанія разъяренной толпой были убиты многіе поляки, никакого отношенія къ Лжедимитрію не имѣвшіе и ни въ чемъ неповинные. Естественно было опасаться мести со стороны Польши за невинно погибшихъ, почему всѣ усилія бояръ были направлены къ тому, чтобы доказать, что Польша и Сигизмундъ и являются единственными виновниками въ воцареніи Лжедимитрія, почему и должны примириться съ послѣдствіями. Однако, когда Гонсѣвскій привелъ рядъ фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что русскіе сами виноваты въ воцареніи Самозванца, что они сдавали ему города, что они признали его истиннымъ царевичемъ и короновали въ Москвѣ, а король, нерѣдко даже оскорбляемый Лжедимитріемъ, здѣсь не при чемъ,—бояре не нашлись что возразить. Изъ затрудненія ихъ вывелъ Т., который перевелъ вопросъ въ другую область, указывая, что Польша, терзаемая внутреннимъ возстаніемъ (рокошемъ), находится въ тягостномъ положеніи, выходъ изъ котораго для нея не въ войнѣ, а въ мирѣ съ Москвою. Въ концѣ концовъ онъ добился признанія отъ поляковъ, что въ дѣлѣ Лжедимитрія никто не виноватъ.

Въ 1607 г. Т. былъ возведенъ въ окольничіе и сталъ засѣдать въ Большой думѣ съ боярами, а въ 1608 г.—въ эпоху Тушинскаго вора—былъ назначенъ воеводой въ Новгородъ, куда вскорѣ прибылъ и извѣстный герой Смутнаго времени, кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій для сбора ратныхъ людей и переговоровъ со шведами о помощи Москвѣ. Когда новгородцы стали оказывать москвичамъ «расположеніе подозрительное», Скопинъ-Шуйскій, разсчитывавшій на ихъ и псковитянъ помощь, рѣшилъ искать ее въ другомъ мѣстѣ. Т., сопровождая князя, съ многочисленной дружиной также оставилъ Новгородъ. Ни въ Ивангородѣ, куда они сначала направились, ни въ Орѣшкѣ ихъ однако не приняли. Новгородцы одумались и пригласили Скопина-Шуйскаго обратно. Вернулся въ Новгородъ и Т., пользовавшійся полнымъ довѣріемъ князя и бывшій его правой рукой. Въ началѣ 1609 г. распространилась вѣсть, что отрядъ мятежниковъ подъ начальствомъ Кернозицкаго идетъ къ берегамъ Ильменя. Чтобы помѣшать переправѣ ихъ черезъ Мсту, Скопинъ хотѣлъ вызвать сильный отрядъ въ Бронницы. Предводительствовать этимъ передовымъ отрядомъ вызвался Т. Въ это время нѣсколько новгородцевъ донесли Скопину, что Т. собирается измѣнить и нарочно выпросился идти въ Бронницы, имѣя въ виду помочь Кернозицкому овладѣть Новгородомъ. Въ виду такого важнаго донесенія Скопинъ призвалъ Т., собралъ также всѣхъ ратныхъ людей и объявилъ о доносѣ, имѣя въ виду путемъ допроса обѣихъ сторонъ и народнаго обсужденія добиться истины. Но толпа, услышавъ обвиненіе, взволновалась, пришла въ смятеніе, набросилась на Т. и умертвила его, не давъ сказать ему ни слова въ оправ-

даніе. Похороненъ, однако, Т. былъ—въ монастырѣ св. Антонія—съ почестями, изъ чего можно думать, что уже вскорѣ послѣ убійства новгородцы пришли къ убѣжденію, что ихъ подозрѣнія были ошибочны. Карамзинъ считаетъ Т. «едва ли виновнымъ» въ взведенной на него измѣнѣ, а Соловьевъ говоритъ по этому поводу: «Трудно представить себѣ, чтобы этотъ человѣкъ, такъ сильно стоявшій за старину, убійца Басманова, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ заговорщиковъ противъ перваго Лжедимитрія, хотѣлъ передаться второму. Гораздо вѣроятнѣе, что Татищева не любили за его характеръ, не хотѣли быть подъ его начальствомъ... и, быть можетъ, доносчики сами не хотѣли своимъ доносомъ сдѣлать большого вреда ему».

„Дѣла польскія“, въ Московск. архивѣ минист иностран. дѣлъ, №№ 24, 26, 27.—„Никоновская лѣтоп.“, т. IV, стр. 108. „Дополненія къ Актамъ Историч.“, т. I, стр. 268—269.—„Акты Археограф. Экспедиціи“, т. II, стр. 42.—„Древняя Россійск. Вивліоѳ.“, изд. 1791 г., т. XII, стр. 271, 284; т. XIX, стр. 390; т. XX, стр. 66.—„Временникъ Московск. Общ. Истор. и Древност. Россійск.“, т. VIII, отдѣлъ „Смѣсь“, стр. 22.—„Русская Историческ. Библіот.“, т. I, стр. 20; т. XIII, стр, 389, 392, 410—428, 740.—„Лобановскій Родословецъ“. — „Памятники дипломатическ. сношеній“, т. II, стр. 694.—„Разрядныя книги“, т. I, стр. 141, 149, 150.—„Собраніе Государств. Грамотъ и Договор.“, т. II, стр. 235. — Сказаніе „Еже содѣялся“, „Чтен. Московск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1847 г., т. XI, стр. 20. — „Сказаніе современника о Дмитріи Самозванцѣ“, изд. Устрялова, т. I, стр. 60, 300—304; т. II, стр. 163, 168, 200, 209, 231, 235, 236, 249, 259—261.—Въ изданн. Археограф. Комис. запискахъ о Россіи Шиле, стр. 9; Масса и Геркмана, стр. 88, 232.—Adelung, „Uebersicht der Reisend.“, II, p. 13.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. X, прим. 465; т. XI, стр. 37—42, 44, 148, 162, 169; прим. 38, 47, 91—95, 98, 99, 560; т. XII, стр. 10, 89, 90; пр. 367, 368.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 697, 700, 795, 798, 832, 833, 884.—С. Ѳ. Платоновъ, „Очерки по исторіи смуты“, стр. 295, 298, 306, 388, 386—389, 595.—Костомаровъ, „Смутное время“, „Вѣстн. Европы“, 1872, іюнь, и „Собраніе сочиненій“, т. II, стр. 172.—Проф. Иконниковъ, „Біографія кн. М. В. Скопина-Шуйскаго“, „Древн. и Новая Россія“, т. II, стр. 28—32.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ, 1400—1900 гг.“, Спб. 1900, стр. 17—21, 25, 176, 212—215, 244—246, 257, 338, 341, 342.—Бѣлокуровъ, „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“, стр. 377—414, 420—517. — Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI стол.“, Спб. 1888, стр. 198, 225, 424.—„Zycie Lwa Sapiehy“ въ „Zycia slawnych dolakow“, Бобровича, t. IV.—„Trebickiego posolstwo Lwa Sapiehy“, „Histor. Russ. Monum.“, I, № XXXI.—О переговорахъ съ Олѣсницкимъ и Гонсѣвскимъ, ibid., t. II, №№ LXXVI и CI.—„Справочный энциклопед. словарь“, Крайя-Старчевскаго, т. 10, s. v.

Татищевъ, *Михаилъ Юрьевичъ*, боринъ, родился въ 1620 г. 12 іюля 1639 г. былъ пожалованъ изъ стряпчихъ въ стольники; въ 1641—1646 гг. съ перерывами числился на службѣ въ Тулѣ въ полкахъ князей Я. К. Черкасскаго и Г. С. Куракина, въ 1646 г.—на службѣ въ Мценскѣ въ полку кн. И. А. Трубецкаго, въ 1647 г.—на службѣ въ Ливнахъ въ полку того же кн. Куракина. 27 января 1648 г., на другой день послѣ свадьбы царя Алексѣя Михаиловича съ Маріею Милославскою, Т. за царскимъ столомъ въ Грановитой палатѣ «пить носилъ передъ бояры въ большой столъ». Въ апрѣлѣ и въ сентябрѣ 1651 г. онъ сопровождалъ государя въ богомольные «походы» по монастырямъ. Въ 1655 г. упоминается на ратной службѣ, — подъ Дубровною, въ полку кн. Н. И. Одоевскаго. 25 января 1660 г. вмѣстѣ съ Одоевскимъ посланъ въ г. Борисовъ, что на Березинѣ, на съѣздъ съ польскими комиссарами «для мирнаго постановленія»; съ этою же цѣлью встрѣчался онъ съ польскими уполномоченными и въ февралѣ 1662 г. въ Смоленскѣ. 19 февраля 1664 г. за царскимъ обѣдомъ въ честь англійскаго посла Чарльза Говарда «ставилъ ѣсть предъ великимъ государемъ». 1668 и часть слѣдующаго года Т. провелъ на службѣ въ Сѣвскѣ въ полку кн. Куракина и подъ Глуховымъ въ полку кн. П. А. Долгорукова. 12 ноября 1671 г. за царскимъ столомъ въ честь польскихъ пословъ «ѣсть ставилъ предъ бояры». Въ 1672 г. впервые былъ назначенъ воеводою — въ Арзамасъ, гдѣ пробылъ до 1676 г. когда былъ переведенъ воеводою въ Ростовъ. 24 августа 1684 г былъ пожалованъ въ думные дворяне, а черезъ 5 дней въ окольничіе; въ этомъ званіи въ ближайшее затѣмъ время неоднократно сопровождалъ царя Іоанна Алексѣевича въ поѣздки въ Троицкій, Воскресенскій и другіе монастыри. 25 января 1688 г. назначенъ первымъ воеводою на Двинѣ, каковымъ пробылъ до средины декабря 1690 г. Въ бояре пожалованъ 2 февраля 1691 г., съ помѣстнымъ окладомъ въ 1000 четв. и денежнымъ въ 384 руб. Т. — единственный представитель рода, достигшій званія боя-

рина. Скончался 17 апрѣля 1701 г. и погребенъ въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ.

Полное Собраніе Законовъ, т. II, № 1070, стр. 584.—„Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. IX, стр. 22, 24, 223. — „Древняя Россійск. Вивліоѳика“, т. XIII, стр. 219; т. XVIII, стр. 53, 54; т. XX, стр. 423.—„Дворцовые разряды“, т. III, стр. 245, 282, 567, 859, 869; продолж. III т., стр. 210, 211, 311, 415; т. IV, стр. 305, 321.—„Русская Историч. Библіотека“, т. X, стр. 188, 324, 341, 350, 416.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества“, т. LII, стр. 323,—„Двинская лѣтопись“, изд. Титова, стр. 53, 56, 57.—„Писцовыя книги“ въ Московскомъ архивѣ минист. юстиціи: по Ростову, 7133—34 гг., № 425; по Дмитрову, X, 7135—37 гг., № 628; по Москвѣ, 7178 г., № 9810; по Данкову, 7185—86 гг., № 391; по Рязску, 7183 г., № 388.—Викторовъ, „Опись записныхъ книгъ и бумагъ Дворцоваго приказа“, стр. 326 (жалованная грамота ц. Алексѣя Михайловича отъ 3 іюня 1667 г. Т.).—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 25, 34—39, 54—56, 58, 60, 176, 200, 205, 212—216, 243, 244, 246—248, 250, 251, 263—265, 292, 294—298, 342, 344.

Татищевъ, графъ *Николай Алексѣевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, родоначальникъ графской линіи Татищевыхъ, родился въ 1739 г. и четырехъ лѣтъ былъ записанъ на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ немъ же началъ и дѣйствительную службу въ 1759 г. гвардіи поручикомъ. Отмистромъ (съ 1763 г.) въ рядахъ Нижегородскаго карабинернаго полка участвовалъ въ 1768 г. въ походѣ противъ польскихъ конфедератовъ и былъ при штурмѣ Варшавы. Въ турецкомъ походѣ слѣдующихъ лѣтъ участвовалъ въ рядѣ сраженій, за отличіе въ бою при Кагулѣ произведенъ въ премьеръ-маіоры и награжденъ Георгіемъ 4-й степени, за бой подъ Вухарестомъ (20 октября 1771 г.) повышенъ въ полковники, отличился также въ сраженіи подъ Турномъ (16 октября 1773 г.), подъ Черноводами (18 октября) и подъ Рущукомъ и Туртукаемъ (1774). Въ апрѣлѣ 1777 г. получилъ чинъ полковника и назначенъ командиромъ Новотроицкаго кирасирскаго кн. Потемкина полка, во главѣ котораго въ слѣдующемъ году (22 марта) встрѣчалъ въ Дерптѣ прусскаго наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма. Въ бригадиры былъ произведенъ въ іюнѣ 1782 г. и менѣе чѣмъ черезъ годъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ временно командующимъ Преображенскаго полка въ званіи его премьеръ-маіора. Въ іюлѣ 1788 г. во главѣ отряда изъ трехъ баталіоновъ (по одному отъ Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ) и трехъ эскадроновъ конной гвардіи выступилъ въ Финляндію въ походъ противъ шведовъ, откуда, награжденный Анной 1-й степени, возвратился только въ октябрѣ слѣдующаго года. 2 сентября 1793 г., въ день празднованія Ясскаго мира съ Турціей пожалованъ орденомъ Александра Невскаго. При Павлѣ I былъ въ немилости и уволенъ отъ службы съ переименованіемъ изъ генералъ-поручиковъ въ генералъ-лейтенанты, но со вступленіемъ на престолъ Александра I вновь принятъ на службу, повышенъ въ генералъ отъ инфантеріи, назначенъ командиромъ Преображенскаго полка и начальникомъ по инфантеріи петербурской инспекціи. 15 сентября 1801 г., въ день коронаціи, возведенъ съ потомствомъ въ графское достоинство. Въ 1806 г. назначенъ главнокомандующимъ первою областью Земскаго войска. Умеръ въ ноябрѣ 1823 г. и похороненъ въ с. Ретени (Лужскаго уѣзда). Имѣлъ орденъ Андрея Первозваннаго (1807). Екатерина Великая была крестною матерью его дочери Екатерины.

Дѣло департам. герольдіи, л. 252.—Камеръ-фурьерскіе журналы, 1780 г., стр. 27, 29, 30, 99; 1786 г., стр. 637; 1789 г., стр. 466, 473, 474.—„Исторія л.-гв. Преображенскаго полка“, т. IV, стр. 202, 208.—„Сенатскій архивъ“, т. I, стр. 6.—„Сборн. Русск. Историч. Общ.“, т. 15, стр. 143, 144; т. 22, стр. 469, 506; т. 26, стр. 410, 424, 490, 499; т. 27, стр. 506; т. 29, стр. 111, 208, 442, 534; т. 42, стр. 12; т. 45, стр. 186.—Бантышъ-Каменскій, „Списки георг. кавалеровъ“, стр. 328.—„Русск. Архивъ“, 1864, стр. 220, 221, 777; 1867, стр. 223.—„Русск. Старина“, 1870, 2-е изд., стр. 250. — „Девятнадцатый вѣкъ“, сборн. П. Бартенева, т. II, стр. 15.—Кн. Долгоруковъ, „Родословная книга“, т. II, стр. 228.— С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, стр. 115—117, 218—221.

Татищевъ, *Петръ Алексѣевичъ*, членъ Новиковскаго литературнаго кружка въ Москвѣ, извѣстный масонъ, родился въ 1730 г. Въ 1744 г. вступилъ въ службу солдатомъ лейбъ гвардіи Преображенскаго полка, вскорѣ былъ произведенъ въ сержанты, въ 1748 г. — въ прапорщики, 1751 г.—въ подпоручики, 1753 г.—въ поручики, 1758 г.—въ капитанъ-поручики, 25 декабря 1761 г. по болѣзни отставленъ отъ службы съ чиномъ гвардіи секундъ-маіора и поселился въ Москвѣ. 9 марта

1767 г. въ его домѣ у Красныхъ воротъ происходили выборы предводителя дворянства Московскаго уѣзда и депутата отъ этого сословія и уѣзда въ Комиссію для составленія новаго уложенія, а 19 апрѣля того же года—выборы депутатовъ въ ту же Комиссію отъ 5-й и 6-й частей Москвы. Въ 1774 г. Т. вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ принималъ участіе въ защитѣ Казанской цитадели противъ полчищъ Пугачева. Въ 1779 г. онъ примкнулъ къ масонству, именно къ такъ называемому «берлинскому» его направленію, начавшемуся въ Москвѣ съ пріѣздомъ Шварца, съ которымъ Т. тѣсно сдружился. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ «теоретическомъ градусѣ» онъ сдѣлался мастеромъ московской ложи «Трехъ знаменъ», въ 1782 г.—главнымъ мастеромъ ложи «Гармонія», а съ 1783 г.—главою всѣхъ русскихъ масоновъ съ титуломъ пріора «Восьмой провинціи» ордена (т. е. Россіи) и съ именемъ «Peter или eques a signo triumphale», одновременно будучи префектомъ ложи «Коронованнаго знамени», или, какъ она называлась въ его честь, «Капитула Татищева». Въ 1784 г. Т. образовалъ въ Москвѣ «директорію для теоретической степени». Таковы фактическія данныя, говорящія объ участіи Т. въ такомъ видномъ духовно-нравственномъ теченіи конца XVIII в., какъ масонство. Значеніе дѣятельности его въ этой области до нѣкоторой степени освѣщается въ указанныхъ ниже источникахъ, тѣмъ не менѣе роль его въ русскомъ масонствѣ въ общемъ и понынѣ остается далеко еще не выясненной. Не можетъ быть однако никакого сомнѣнія въ преданности и усердіи Т. къ дѣлу, въ его искреннемъ увлеченіи имъ, о чемъ свидѣтельствуютъ даже оффиціальные документы; такъ, московскій генералъ-губернаторъ К. А. Прозоровскій въ своемъ донесеніи къ т. с. Шешковскому характеризуетъ Т. какъ фанатика. Съ 1782 г. Т. состоялъ однимъ изъ учредителей «Компаніи Типографической», въ которой было напечатано столько важныхъ историческихъ документовъ, и «Дружескаго ученаго общества при Московскомъ университетѣ», открытіе котораго состоялось (6 ноября) въ его домѣ. Умеръ Т. 10 марта 1810 г. въ Москвѣ.

„Абшидъ“ отъ 8 февраля 1763 г., въ архивѣ московск. депутатск. собранія, —„Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества“, т. II, стр. 105, 148, 150, 151, 153 („Новые документы по дѣлу Новикова“); т. IV, стр. 17, 19, 22; т. VI, стр. 166.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. XIX, стр. 392.—М. Н. Лонгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“, Спб. 1867, стр. 138–141, 143, 148, 150, 165—167, 175, 176, 181, 184, 195, 196. 199, 212, 213, 216, 232, 273, 357. — Статья Ешевскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, т. LII, стр. 361—406; т. LVI, стр. 5—52.—Тамъ же за 1810 г., ч. 10, въ прибавленіи къ № 4, стр. 1—4, напечатаны „Стихи на смерть И. А. Татищева, 1810 г. 10 марта“, съ подписью: А. Т.—Д. Корсаковъ, „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“, стр. 71—75.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 92, 93, 180, 202, 208, 300, 301, 304, 310, 312, 313, 347.

Татищевъ, *Петръ Петровичъ*, сынъ предыдущаго, родился въ 1758 г., дѣтство провелъ въ Казани, гдѣ 15-ти лѣтъ вступилъ волонтеромъ въ сформированный казанскимъ дворянствомъ уланскій корпусъ и въ качествѣ субалтернъ-офицера принималъ участіе въ защитѣ казанской цитадели противъ пугачевцевъ. 10 ноября 1774 г. Екатерина II, по просьбѣ графа П. И. Панина, «въ разсужденіе претерпѣннаго мученическаго конца въ вѣрности непоколебимаго старика Кудревцева» (дѣда Т. по матери, погибшаго во время осады Казани), опредѣлила Т. на дѣйствительную службу, сразу пожаловавъ его въ поручики Бѣлевскаго полка. Въ апрѣлѣ 1776 г. онъ былъ повышенъ въ капитаны съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ при фельдмаршалѣ, 9 іюня 1782 г. произведенъ въ секундъ-маіоры, а 20 мая 1786 г. въ премьеръ-маіоры и уволенъ по прошенію въ отставку. Слѣдуя отцу, Т. съ конца 70-хъ гг. сдѣлался масономъ и въ 1781 г. со своимъ воспитателемъ, извѣстнымъ Шварцемъ, ѣздилъ за границу для изученія системы «строгаго наблюденія», а по возвращеніи поступилъ членомъ въ капитулъ «8-й провинціи» (т. е. Россіи) ордена.

Дѣло о Татищевыхъ въ архивѣ департам. герольдіи, лл. 237, 245 и обор.—Дѣла Герольдмейстерской конторы въ московскомъ архивѣ министр. юстиціи, кн. 512, л. 334.—„Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества“, т. II, стр. 151; т. VI, стр. 164, 180, 185.—М. Н. Лонгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“, стр. 139, 141, 150, 176, 232.—Д. А. Корсаковъ, „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.“, стр. 81–83.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 92, 102, 103, 202, 207, 300, 301, 304, 310, 349.

Татищевъ, *Прокофій Андреевичъ*, воевода, родился въ 1678 г.; восьми лѣтъ

числится стольникомъ царицы Праскочьи Ѳедоровны; въ 1692 г.—комнатный стольникъ царя Іоанна Алексѣевича; въ 1698 г. назначенъ сержантомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Въ 1711 г.—указъ о посылкѣ его на службу въ Бѣлгородъ, въ полкъ кн. М. Г. Ромодановскаго, затѣмъ почему-то отмѣненный. Между 1728 — 1735 гг. жилъ въ Москвѣ не у дѣлъ, а 23 декабря послѣдняго года былъ назначенъ воеводою въ Суздаль, гдѣ прослужилъ до 1739 г., когда былъ отрѣшенъ отъ должности «за многіе непорядочные поступки, взятки и слабое взысканіе недоимокъ», а въ маѣ 1740 г. отданъ подъ слѣдствіе за самовластный отъѣздъ съ воеводства, безъ сдачи преемнику дѣлъ и ключей. 1 сентября того же года выпущенъ въ отставку отъ военныхъ и статскихъ дѣлъ «за старостью и дряхлостью», тѣмъ не менѣе оставленъ подъ слѣдствіемъ, впрочемъ до его смерти, послѣдовавшей въ 1743 г., не закончившимся.

Сказка о службахъ Т., въ Моск. архивѣ минист. юстиціи, дѣла Герольдмейст. конторы 1735 г., кн. №№ 162, 232; 1759 г., кн. № 487.—„Сенатскій архивъ“, т. IV, стр. 449.—„Доклады и приговоры сената“, т. I, стр. 61; т. II, ч. 2, стр. 102; т. IV, ч. 1, стр. 442.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 89, 101, 181, 203, 205, 206, 215, 216, 222, 247, 288, 309.—Устряловъ, „Исторія Петра Великаго“, т. III, стр. 571.

Татищевъ, *Сергѣй Даниловичъ*, капитанъ-командоръ, на службу поступилъ въ 1716 г. гардемариномъ и былъ посланъ для науки «за море», въ Англію, по возвращеніи откуда въ 1721 г. произведенъ въ унтеръ-лейтенанты. 8 января 1722 г. Т. назначенъ былъ состоять въ командѣ капитана Вильбоа при Петербургскомъ портѣ, а мѣсяцъ спустя — въ комиссію для содержанія кригсрехтовъ при адмиралтействѣ. Произведенный 7 января 1726 г. въ лейтенанты, онъ исполнялъ разныя порученія по заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ, для чего въ 1731 г., напр., былъ отправленъ въ Новгородъ, а съ 1734 г. сталъ командовать отдѣльными судами, сначала яхтою «Принцесса Анна», потомъ брандвахтеннымъ фрегатомъ «Старо-Феникъ». 27 февраля 1738 г. Т. былъ назначенъ завѣдывающимъ всѣми придворными судами. 23 декабря 1740 г., при перенесеніи тѣла импер. Анны Іоанновны изъ лѣтняго дворца въ Петропавловскій соборъ, онъ былъ ассистентомъ при ген.-лейт. Измайловѣ, несшемъ въ процессіи скипетръ. Въ январѣ 1741 г. Т. получилъ чинъ капитана, а въ капитанъ-командоры былъ повышенъ при отставкѣ, послѣдовавшей 27 іюля 1744 г. Дата смерти его неизвѣстна.

Дѣло Герольдмейстерской конторы въ Московск. архивѣ минист. юстиціи № 139 и 99.—Дѣло о Татищевыхъ въ архивѣ департ. герольдіи, л. 248 и обор.—„Записки капитанъ-командора Татищева“, рукописный списокъ съ подлинника въ библіотекѣ академіи наукъ, № 45.—„Общій морской списокъ“, ч. I, стр. 368.—„Внутренній бытъ русскихъ государей“, т. I, стр. 475.—Барановъ, „Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ правит. сенату“, т. II, 72^{128}, 88^{57}.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 77, 78, 178, 201, 207, 303, 304, 207 222, 226.

Татищевъ, *Степанъ Лазаревичъ*, воевода; въ 1610 г. — подъ Смоленскомъ съ великими послами Боярской думы къ польскому королю Сигизмунду III, откуда возратился въ слѣдующемъ году; 13 мая 1613 г. отправленъ кн. Д. М. Пожарскимъ изъ Ярославля въ Новгородъ съ грамотами къ митрополиту Исидору, боярину кн. Одоевскому и шведскому военачальнику Делагарди и 1 іюня съ отвѣтными грамотами этихъ лицъ возвратился въ Ярославль къ Пожарскому, занявъ мѣсто воеводы въ рати послѣдняго въ походѣ на Москву. Въ 1616 г. пожалованъ въ московскіе дворяне; въ 1617 г. назначенъ вторымъ воеводою въ Вязьмѣ; 1618—1619 г.г.—полковой воевода въ Болховѣ; въ сентябрѣ 1623 г. посланъ по станамъ въ государевомъ «походѣ» изъ Москвы въ Троице-Сергіевъ монастырь и обратно; 1625—1627 г.г. — воевода въ Теркѣ; 1631 г.—объѣзжій голова для береженія отъ огня и отъ всякаго воровства въ московскомъ Китай-городѣ; 10 апрѣля 1631 и 1 апрѣля 1632 г. — «видѣлъ свѣтлыя царскія очи»; въ 1633 г.—объѣзжій голова для той же цѣли за Яузскими воротами въ Москвѣ; 23 мая 1637 г., въ бытность царя въ с. Покровскомъ, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ въ Кремлѣ; въ 1642 г. за старостью отставленъ отъ службы и черезъ годъ умеръ. Помѣстный окладъ ему въ 1632 г. учиненъ въ 1000 чет. и денежный въ 90 руб.

Писцовыя книги въ Московск. архивѣ минист. юстиціи за 1637—1639 г.г.: по Кинешмѣ, № 627; по Дмитрову, № 628.—Въ

Румянцевск. музеѣ, Вотчинный архивъ въ собраніи Бѣляева, № 126/1619. — „Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ“, т. II, стр. 485, 588—592, 598.—„Разрядныя книги“, т. I, стр. 484, 538, 636, 1248, 1354; т. II, стр. 86. 367.—„Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 287. 346, 422, 570, 572, 740, 847, 848, 937; т. II, стр, 23, 197, 329; 848, 858.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 14, 27—29, 173, 176, 200, 206, 213, 214, 216, 224, 244, 246, 259, 260, 342, 353.

Татищевъ, *Юрій Игнатьевичъ*, стольникъ и воевода; первое извѣстіе о немъ есть отъ 1598 г., когда онъ 1 августа подписалъ грамоту объ избраніи на царство Бориса Годунова; въ 1604 г. пожалованъ въ стольники; 25 марта этого года посланъ съ ѣствою отъ государева стола къ грузинскому послу архимандриту Кириллу. Въ 1611 г. Т. былъ назначенъ воеводою въ Курскѣ, гдѣ въ слѣдующемъ году выдержалъ 4-недѣльную осаду отъ поляковъ, заставивъ ихъ въ концѣ концовъ отступить отъ города; въ память этого событія основанъ Знаменскій монастырь въ Курскѣ, гдѣ онъ воеводствовалъ до 1616 г., когда былъ отозванъ. 8 и 28 іюня 1617 г. въ качествѣ стольника служилъ за царскимъ обѣдомъ въ честь англійскаго посла Ивана Мерика и «смотрѣлъ въ кривой столъ». Въ іюнѣ 1618 г. посланъ въ Калугу къ больному, вѣрнѣе — сказавшемуся больнымъ кн. Д. М. Пожарскому съ милостивымъ словомъ, но по мѣстническимъ счетамъ отказался исполнить это порученіе, за что былъ битъ кнутомъ и выданъ Пожарскому головою. Въ томъ же 1618 г. былъ на Москвѣ во время сидѣнія въ «королевичъ приходъ» и за это награжденъ вотчиною. Въ 1619 г. посланъ съ титуломъ намѣстника курмышскаго первымъ уполномоченнымъ межевать границы съ польскимъ комиссаромъ въ Торопецъ и Велижъ; мѣстническая жалоба на него второго уполномоченнаго по межеванію, Глѣбова, оставлена была безъ отвѣта. 17 апрѣля 1621 г. звалъ персидскаго посла отъ государя къ столу. Въ февралѣ 1622 г. назначенъ въ товарищи къ окольничему Головину съ порученіемъ «сыскать про оклады стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ, и московскихъ жильцовъ»; по поводу этого назначенія имъ вчинена мѣстническая жалоба на Головина, въ которой ему отказано, а онъ за безчестіе посаженъ на три дня въ тюрьму. Въ 1625 г. упоминается въ Серпуховѣ у городового дѣла, въ 1626—воевода въ Вязьмѣ, 1627 г.—московскій дворянинъ; 12 іюля, въ день государева ангела, обѣдалъ за царскимъ столомъ въ золотой палатѣ; 14 сент. слѣдующаго года присутствовалъ при пріемѣ персидскаго посла. Въ началѣ 1629 г. пожалованъ помѣстнымъ окладомъ въ 1000 чет. и денежнымъ въ 90 руб., а нѣсколько мѣсяцевъ спустя первый окладъ увеличенъ еще на 200 чет.

„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. II. стр. 44.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т XIX, стр. 390.—Справки разряднаго архива за 1775 и 1786 г.г., въ Моск. архивѣ минист. юстиціи.—„Книги разрядныя“, т. I, стр. 195, 558, 559; т. II, стр. 1195.—„Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 149, 192, 245, 282, 283, 329, 372, 409, 497, 498, 843, 928, 932, 934, 999, 1004, 1018, 1019; т. II, стр. 6.—„Чтеніе Московск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, т. I, 1895 г. — „Русск. Историческ. Библіотека“, т. IX, стр. 411, 423, 501, 509, 511.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ Боярскимъ книгамъ“, стр. 406.—Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ россійскихъ дворянъ“, Москва 1810.—Бѣлокуровъ, „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“, стр. 409. — С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ. 1400—1900 г.г.“, Спб. 1900, стр. 21—25, 176, 200, 205, 213—215, 244, 246, 257, 258, 292—294, 342.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн II, стр. 1301.—Писцовыя книги Моск. архива минист. юстиціи: по великому Устюгу, № 583; по Вологдѣ, № 56; по Ярославлю, № 550; по Ростову, № 838. Справка вотчин. архива въ Собраніи Бѣляева, № 126/1619, въ Румянцевскомъ музеѣ.—Полное Собраніе Законовъ, т. II, № 1070, стр. 584.

Татищевъ, *Юрій Степановичъ*, воевода. Въ первомъ о немъ упоминаніи отъ 1636 г. названъ московскимъ дворяниномъ; въ октябрѣ этого года, въ бытность царя въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, трижды дневалъ и ночевалъ въ кремлевскомъ государевомъ дворѣ. Подъ 1638 г. отмѣченъ на службѣ въ Тулѣ въ полку кн. И. Я. Черкасскаго. 5 февраля слѣдующаго года присутствовалъ при пріемѣ персидскаго посла. Въ 1646—47 гг. былъ на службѣ въ Ливнахъ и Бѣлгородѣ въ полку кн. Н. И. Одоевскаго. Участвовалъ въ литовскихъ походахъ 1654—56 гг. воеводою въ государевомъ полку. Въ 1559—60 гг. на службѣ подъ Конотопомъ въ полку кн. А. М. Трубецкого. Въ 1665 г. упоминается умершимъ. Окладъ ему (1660 г.) помѣстный 900 чет. и денежный 47 руб.

„Дворцовые разряды“, т. II, стр. 158.—„Русск. Историч. Библіот.“, т. X, стр. 19, 213, 232, 477.

Татьяна Михайловна, великая княгиня и царевна, дочь царя Михаила Ѳеодоровича отъ второй его супруги Евдокіи Лукьяновны (Стрѣшневой); родилась 5 января 1636 г. Осталась 6 лѣтъ сиротою по отцу и девяти лѣтъ по матери. Вмѣстѣ съ сестрами Ириной и Анной Михайловнами воспитывалась и росла на половинѣ царевенъ, выходя оттуда лишь въ большіе дни, чтобы присутствовать, раньше въ качествѣ царской сестры, а впослѣдствіи въ качествѣ царской тетки и самаго старшаго члена царской семьи, на разныхъ семейныхъ празднествахъ и торжественныхъ выходахъ. Существуютъ многочисленныя упоминанія въ разныхъ актахъ о присутствіи ея на царскихъ пріемахъ, на чинѣ избранія и возведенія на патріаршество новгородскаго митрополита Питирима, на чинахъ поставленія на царство царя Ѳеодора Алексѣевича и совокупно царствовавшихъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, на пріемахъ пословъ и проч. Въ царствованіе Іоанна и Петра ей, повидимому, какъ старшему члену семьи, предоставляются наиболѣе почетныя роли на семейныхъ торжествахъ: такъ, напр., мы видимъ ее вмѣстѣ съ Петромъ воспріемницей царевенъ Ѳеодосіи Іоанновны (4 іюня 1690 г.) и Екатерины Іоанновны (29 октяб. 1691 г.). Она упоминается среди другихъ членовъ царской семьи во многихъ грамотахъ и указахъ царей, патріарховъ, митрополитовъ и другихъ правящихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ: въ извѣщеніяхъ о рожденіи или кончинѣ членовъ царской семьи, въ приказахъ о служеніи молебствій по случаю побѣдъ, въ грамотахъ о приведеніи къ присягѣ и т. п. Есть рядъ указаній, что она сыграла нѣкоторую роль въ реформахъ и нововведеніяхъ, которыя совершились какъ при братѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, такъ и при племянникахъ. Она сочувствовала церковной реформѣ и была очень расположена къ Никону. Во время ссылки Никона въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ его окружали тяжелыя условія, она неоднократно просила Ѳедора Алексѣевича объ улучшеніи участи опальнаго патріарха и добилась бы вѣроятно цѣли, но встрѣтила противодѣйствіе со стороны патріарха Іоакима, въ ревности къ власти боявшагося соперничества. «Сверженъ онъ не нами, — отводилъ патріархъ просьбы и доводы Т. М.,—а великимъ соборомъ и вселенскими патріархами; мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома». Когда же созванный царемъ соборъ вынесъ отрицательное для Никона рѣшеніе, Т. М. упросила царя написать ему собственноручное письмо въ утѣшеніе. Ея вліяніе и просьбы сказались и въ томъ, что тѣло Никона было перенесено и торжественно предано землѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ. Въ возникшей послѣ смерти царя Ѳеодора распрѣ между сторонниками царствія Іоанна и сторонниками соцарствія сбоихъ царевичей Т. М. склонялась, повидимому, къ первымъ. Имѣются, по крайней мѣрѣ, свидѣтельства, что радость царицы Натальи Кирилловны (Нарышкиной) по случаю избранія на царство и сына ея Петра вызвала Т. М. раздраженіе; когда Т. М. узнала, что царица Наталья съ Петромъ простились съ покойникомъ Ѳеодоромъ и возвратились во дворъ, не дождавшись конца службы, то она съ сестрой Анной отправила къ царицѣ монахинь съ выговоромъ. Съ упроченіемъ Софьи у власти Т. М. была у нея въ милости, пользовалась вліяніемъ и почетомъ и получала значительныя средства для широкой жизни; на семейныхъ торжествахъ и парадныхъ пріемахъ она исполняетъ самыя почетныя роли; во время извѣстнаго диспута съ раскольниками въ Грановитой палатѣ она возсѣдала вмѣстѣ съ правительницей Софьей на царскихъ тронахъ, тогда какъ царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣевна и патріархъ сидѣли пониже, въ креслахъ.

Паденіе Софіи вызвало неблагопріятныя послѣдствія и для Т. Михайловны. Ея вліяніе упало: нигдѣ въ актахъ этого времени, гдѣ она только упоминается, она не фигурируетъ (какъ это бывало въ актахъ прежняго времени) въ качествѣ совѣтчицы, наставительницы или вообще лица, играющаго видную роль. Положеніе ея при Петрѣ ухудшилось не только въ политическомъ отношеніи, но и въ матеріальномъ.

Объ оскудѣніи ея средствъ при Петрѣ имѣются свидѣтельства въ дошедшихъ до насъ жалобахъ ея людей; въ жалобахъ этихъ указывалось, что раньше было обиліе и былъ достатокъ, а теперь того нѣтъ. Дворцовый поваръ Чуркинъ сѣтуетъ, что «у царевны Татіаны Михайловны онъ стряпаетъ вверху, живетъ недѣлю и добычи нѣтъ ни по копѣйкѣ на недѣлю», что «кравчій князь

Хапѣтовскій ставитъ ей, государынѣ, яйца гнилыя», между тѣмъ какъ «прежде сего все было полно», «прежде сего во дворцѣ по погребамъ рыбы было много и мимо дворца проѣзжіе говаривали, что воняетъ, а нынѣ вотъ де не воняетъ,—ничего нѣтъ». Помимо этой краснорѣчивой жалобы имѣются и другія указанія. Такъ, наприм., установлено (Костюринское дѣло въ столбцахъ Преображенскаго приказа), что въ 1698 году, т. е. сейчасъ послѣ подавленія стрѣлецкаго бунта и разгрома стрѣлецкаго войска, стрѣльцы связывали свои надежды на возстановленіе своего вліянія и значенія съ неудовольствіемъ нѣкоторыхъ членовъ царской семьи петровскими нововведеніями и рядомъ съ царевичемъ Алексѣемъ упоминали и Т. М., которая жаловалась будто царевичу на боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, что онъ ее и другихъ царевенъ съ голоду поморилъ: «если бы де не монастыри насъ кормили, мы бы съ голоду померли». Этимъ положеніемъ Т. М. и другихъ царевенъ вызвана и фраза стрѣльцовъ: «не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и царскія сѣмена». О послѣднихъ годахъ жизни Т. М. почти не имѣется свѣдѣній. Умерла она 23 августа 1706 г. О смерти ея сохранился документъ «Чинъ погребенія царевны Татіаны Михаиловны 24 августа 1706 г.». Изъ документовъ руки Т. М. сохранилось ея письмо къ новгородскому митрополиту Корнилію съ благодарностью за присылку 200 сыртей и съ препровожденіемъ къ нему отъ имени царевны Анны Михайловны въ подарокъ скатерти.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 195; т. VI, стр. 54.—Акты Историч., т. IV. стр. 226, 297; т. V, стр. 131, 136.—Дополн. къ Актамъ Историч., т. II, стр. 154; т. IV, стр. 40; т. V, стр. 12; т. VI, стр. 240; т. VIII, стр. 287; т. X, стр. 123—124.—Акты Археограф. Экспед., т. III, стр. 196; т. IV, стр. 44, 85.—Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 238, 368, 378, 397, 413, 717; т. II, стр. 2, 3, 5, 58, 387, 429, 441, 448, 449; т. III, стр. 15, 69, 115; т. IV, стр. 154.—„Сборн. Русск. Историч. Общ.“, т. 84, стр. 667.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 1292; кн. III, стр. 605, 886, 892, 915—919, 1202, 1375.

Татьянинъ, *Степанъ Андреевичъ*, воевода важскій. Въ 1598 г. въ чинѣ жильца участвовалъ на соборѣ, избравшемъ царемъ Бориса Годунова, и къ грамотѣ руку приложилъ. Въ декабрѣ того же года былъ посланъ изъ Москвы до Пскова провожать англичанина Чирѣя, при чемъ ему было приказано: «береги того накрѣпко, чтобъ ему и людемъ его ни отъ кого отъ русскихъ людей безчестья и обиды никаковой не было». Въ Псковѣ ему велѣно было получить отписку у воеводы кн. Андрея Ивановича Голицына и въ Москвѣ представить ее въ Посольскій приказъ. Въ 1640 и 1641 гг. Т. отмѣченъ воеводой на Вагѣ. Отъ 3 іюля 1640 и 3 апрѣля 1641 г. сохранились 2 царскихъ грамоты ему на Вагу.

Дополненія къ Актамъ Историч., т. II, стр. 235—237. — Акты Археограф. Экспедиц. т. II, стр. 45, 52.—„Сборникъ Русск. Историч. Общ.“, т. 38, стр. 266—267.—Барсуковъ, „Городовые воеводы въ XVII стол.“, стр. 35.

Татьянинъ, *Ѳедоръ Степановичъ*, сынъ предыдущаго, стольникъ. Въ 1655 г. былъ посланъ Алексѣемъ Михайловичемъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Пахоміемъ призывать на его великаго государя имя, а въ Савинскій монастырь Сторожевскаго во крестьянство польскихъ и литовскихъ людей. Въ 1658 г. былъ при столѣ въ честь грузинскаго царевича Николая (въ «Древн. Россійск. Вивл.» названъ въ этомъ случаѣ *Таянинъ*, вѣроятно, опечатка). Въ 1682 г. при Петрѣ и Іоаннѣ власти названнаго монастыря просили о выдачѣ имъ изъ приказа холопьяго суда копіи съ переписныхъ книгъ крестьянъ, поселившихся на ихъ земляхъ. Несмотря на государевъ указъ, монастырскія власти списковъ не получили и въ 1686 г. снова били челомъ, при чемъ просили сдѣлать допросъ Т. Въ томъ же году Т. на допросѣ у боярина Бориса Ивановича Прозоровскаго подтвердилъ, что въ свое время государевъ указъ о призывѣ въ крестьянство въ Савинскій монастырь получилъ и что за исполненное порученье былъ пожалованъ въ сибирскій городъ Верхотурье.

Дополненія къ Актамъ Историч., т. X, стр. 125—127.

Таубе, *Василій Ѳедоровичъ*, баронъ, вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ, родился 25 декабря 1817 г., умеръ 4 іюля 1880 г. въ Петербургѣ. 11-ти лѣтъ поступивъ въ морской кадетскій корпусъ, былъ въ началѣ 1834 г. произведенъ въ гардемарины и въ теченіе лѣта и осени этого года на различныхъ судахъ—фрегатѣ «Паллада», корветахъ «Св. Георгій Побѣдоносецъ» и «Императоръ Петръ I» — прохо-

дилъ практическую морскую службу, крейсируя въ Балтійскомъ морѣ и плавая отъ Кронштадта до нѣкоторыхъ портовъ Западной Европы, преимущественно—Свинемюнде, Копенгагена и Данцига. По окончаніи кампаніи онъ былъ повышенъ въ мичмана (21 декабря) и назначенъ въ 45-й флотскій экипажъ, находившійся въ Астрахани, гдѣ въ качествѣ командира мелкихъ береговыхъ судовъ, главнымъ образомъ ботовъ, служилъ до 1838 г., когда возвратился въ Балтійскій флотъ. Произведенный здѣсь въ лейтенанты (10 іюля 1840 г.), въ 1840—1845 гг. на люгерахъ «Ораніенбаумъ» и «Петергофъ» участвовалъ въ ежегодныхъ морскихъ кампаніяхъ. Капитанъ-лейтенантомъ лѣтомъ слѣдующаго года на транспортѣ «Або» былъ въ Неаполѣ, гдѣ въ числѣ другихъ русскихъ моряковъ неаполитанскимъ королемъ былъ пожалованъ орденомъ Франциска I. По возвращеніи назначенъ командиромъ брига «Аяксъ» и сначала на немъ, а затѣмъ также командиромъ на корветѣ «Наваринъ» и пароходо-фрегатѣ «Храбрый» съ 1847 по 1852 г. то плавалъ съ учебными отрядами, то несъ брандвахтенную службу, то крейсировалъ у разныхъ береговъ Балтійскаго моря. Въ 1852 г. отправленъ въ Архангельскъ, откуда, принявъ команду надъ заканчиваемымъ постройкою винтовымъ фрегатомъ «Полканъ», ѣздилъ въ Англію для изученія сборки машинъ и парового двигателя, предназначенныхъ для этого фрегата. Возвратившись въ Архангельскъ, онъ наблюдалъ за оборудованіемъ «Полкана» привезенными машинами и, по завершеніи работъ, перешелъ на немъ въ Кронштадтъ, гдѣ въ апрѣлѣ 1854 г. повышенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1854—1855 г. на томъ же суднѣ участвовалъ въ защитѣ Кронштадта при нападеніи на него англо-французскаго флота; ближайшіе годы, уже капитанъ 1-го ранга (26 августа 1856 г.) и командиръ новопостроеннаго винтового корвета «Ретвизанъ», на послѣднемъ совершалъ плаваніе въ Средиземное море, одно изъ нихъ весьма продолжительное. Въ 1860 г. назначенъ начальникомъ штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта и на этой службѣ 30 августа 1863 г. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Во время встрѣчи въ кронштадтскихъ водахъ тѣла усопшаго наслѣдника Николая Александровича въ апрѣлѣ 1865 г. Т. командовалъ кораблемъ «Императоръ Николай I», въ то же время состоя начальникомъ штаба командующаго всѣми судами флота. 9 мая 1866 г. назначенъ младшимъ флагманомъ Балтійскаго флота, а въ 1867 г. командовалъ отрядомъ броненосныхъ судовъ. Въ мартѣ 1868 г. получилъ назначеніе директоромъ инспекторскаго департамента морского министерства, а 6 мая — членомъ главнаго военно-тюремнаго комитета. По званію директора департамента, онъ участвовалъ въ занятіяхъ ряда особо учрежденныхъ комиссій — по составленію устава морскихъ учебныхъ заведеній, по пересмотру проекта морского устава, по разсмотрѣнію проекта новаго устава кронштадтскихъ лоцмановъ и др. Вице-адмиральскій чинъ Т. получилъ 28 марта 1871 г. Дальнѣйшая дѣятельность Т. сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ разнаго рода комиссіяхъ и комитетахъ: 28 сентября того же 1871 г. онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи морскихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ принималъ участіе въ работахъ комиссіи по установленію однообразія маячнаго сбора во всѣхъ русскихъ моряхъ, въ 1873 г. морскимъ министерствомъ уполномоченъ былъ въ качествѣ его представителя въ комиссіи по пересмотру положенія о судахъ общества офицеровъ, въ 1875 г. состоялъ членомъ особаго комитета для обсужденія сдѣланнаго Уайтгедомъ предложенія о покупкѣ отъ него нѣсколькихъ экземпляровъ самодвижущихся минъ и секрета ихъ изготовленія и въ 1876 г. на правахъ члена участвовалъ въ занятіяхъ комиссіи по разработкѣ правилъ объ организаціи государственнаго ополченія и о порядкѣ призыва ратниковъ на службу. За эту разнообразную дѣятельность награжденный орденами св. Владиміра 2-ой ст. (1873) и Бѣлаго орла (1876) и ежегодной арендой въ 2000 руб. срокомъ на 12 лѣтъ (1877), Т. 1 января 1878 г. былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а спустя два года, 24-го марта 1880 г.—назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, въ каковой должности и пробылъ до самой смерти.

„Общій морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1900, стр. 6—9. — Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ прилож. списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1852.

Таубе, *Іоганнъ*—авантюристъ XVI в., родомъ ливонецъ; въ 1560 г. взятъ рус-

скими въ плѣнъ и около 1567 г. вступилъ на царскую службу. «Хитрой лестью» онъ сумѣлъ расположить къ себѣ Іоанна IV, вошелъ къ нему въ довѣренность и сталъ однимъ изъ ближайшихъ, даже главнымъ совѣтникомъ царя въ ливонскихъ дѣлахъ. Именно Т., дѣйствуя въ полномъ согласіи съ другимъ любимцемъ Іоанна, Элертомъ Крузе, внушилъ царю мысль образовать изъ ливонскихъ орденскихъ земель отдѣльное королевство и дать ему особаго владѣтеля съ вассальными обязанностями къ Московскому государству, увѣряя, что жители прибалтійскихъ земель сдѣлаются вѣрнѣйшими подданными Россіи, приставутъ къ ней «душой и сердцемъ», а шведовъ и литовцевъ отъ себя изгонятъ. Т. указывалъ даже и лицъ, пригодныхъ съ точки зрѣнія Москвы на роль ливонскаго короля—курляндскаго герцога Готгарда (Кетлера) и датскаго принца Магнуса, владѣтеля Эзеля. Получивъ своему плану одобреніе отъ Іоанна, Т. вмѣстѣ съ тѣмъ же Крузе для болѣе вѣрнаго успѣха въ 1569 г. отправился въ Дерптъ и оттуда повелъ переговоры съ жителями Ревеля съ одной стороны, обѣщая имъ свободу и долголѣтній миръ, и съ курляндскимъ герцогомъ—съ другой. Однако ни ревельскіе граждане, ни герцогъ, зная характеръ Іоанна, въ обѣщанія Т. не повѣрили и его предложенія отвергли. Потерпѣвъ неудачу у Готгарда, Т. отъ имени Іоанна санъ ливонскаго короля предложилъ датскому принцу Магнусу, который оказался болѣе довѣрчивымъ, предложеніе принялъ и въ 1570 г. пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Іоаннъ дѣйствительно объявилъ его ливонскимъ королемъ и женихомъ своей племянницы Евфиміи, дочери Владиміра Андреевича Старицкаго. Послѣ того какъ были выработаны условія зависимости ливонскаго короля отъ московскаго царя, Магнусъ отправился въ Ливонію, куда сопровождали его и Т. съ Крузе въ роли ближайшихъ совѣтниковъ. По увѣреніямъ Т. Ливонія должна была принять новаго короля чуть ли не съ радостью, однако, когда Магнусъ съ 25-тысячнымъ отрядомъ русскаго войска подошелъ (23 августа 1570 г.) къ Ревелю, городъ отказался его впустить. Слушаясь совѣтовъ Т., Магнусъ началъ правильную осаду Ревеля, продолжавшуюся всю осень и зиму и сопровождавшуюся болѣзнями въ станѣ какъ осаждаемыхъ, такъ и осаждавшихъ. Когда въ февралѣ на помощь первымъ явился шведскій флотъ и надеждъ на покореніе города стало меньше, среди русскаго войска начало обнаруживаться недовольство. Магнусъ былъ въ отчаяніи и во всемъ обвинялъ Т. и Крузе. Новые переговоры съ Ревелемъ черезъ пастора Шраффера опять не дали успѣха. Потерявши всякую надежду добиться цѣли, Магнусъ 16 марта снялъ осаду и съ небольшимъ отрядомъ ушелъ въ Оберпаленъ, а остальное войско отодвинулось въ восточную часть Ливоніи. Тогда Т. и Крузе, утративъ довѣріе Магнуса и боясь отвѣтственности за неудачу передъ царемъ, которому обѣщали легкій успѣхъ относительно Ревеля, уѣхали въ Дерптъ и оттуда вступили въ тайныя сношенія съ польскимъ королемъ, обѣщая овладѣть Дерптомъ въ его пользу, если онъ приметъ ихъ милостиво и дастъ тѣ же выгоды, какими они пользовались въ Москвѣ. Получивъ согласіе Сигизмунда-Августа, они подговорили нѣкоего Розена, начальника находившейся въ русской службѣ нѣмецкой дружины, напасть на русскихъ въ воскресный день, въ послѣобѣденное время, когда тѣ по обыкновенію будутъ спать. Что же касается нѣмецкихъ жителей города, то они, по разсчетамъ Т., относясь съ ненавистью къ Россіи, легко согласятся на подданство Польшѣ. Заговорщики сначала имѣли было успѣхъ—перебили стражу, выпустили заключенныхъ, которые взяли оружіе убитыхъ и стали помогать нападавшимъ; но когда послѣдніе обратились къ жителямъ, призывая ихъ къ оружію, то тѣ не оказали имъ ни малѣйшаго содѣйствія. Между тѣмъ русскіе — дѣти боярскія и стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ, вооружились и приготовились къ сопротивленію, а имъ на помощь явились стрѣльцы, квартировавшіе въ посадѣ, и многіе русскіе купцы. При ближайшемъ столкновеніи выяснился перевѣсъ на сторонѣ русскихъ, почему Розенъ со своимъ отрядомъ поспѣшилъ очистить городъ. Т. и Крузе, потерпѣвъ и здѣсь неудачу, спаслись бѣгствомъ къ польскому королю, принявшему ихъ очень благосклонно,—въ надеждѣ вывѣдать у Т. разныя государственныя тайны Россіи. Въ то время какъ годомъ раньше Т. писалъ императору Максимиліану, что московскій царь имѣетъ непобѣдимое войско и въ силахъ изгнать изъ Европы турокъ, теперь

онъ сталъ увѣрять того же Максимиліана и другихъ государей, что Россія безсильна и ее легко завоевать. Подстрекательства его къ войнѣ съ Іоанномъ однако никакого успѣха не имѣли. Судя по одному изъ заявленій дьяка Андрея Щелкалова въ переговорахъ съ литовскими послами, можно думать, что Т. въ Россіи за измѣну и послѣдующую дѣятельность его при иностранныхъ дворахъ былъ приговоренъ къ смертной казни, и даже была потребована его выдача, встрѣченная отказомъ. Для герцога курляндскаго Т. составилъ обширную записку о русскихъ дѣлахъ, въ которой очень много цѣнныхъ фактическихъ данныхъ о царствованіи Іоанна Грознаго; хотя Т. далеко не всюду безпристрастенъ, но все имъ сообщаемое уже по тому одному имѣетъ несомнѣнныя достоинства, что написано не по слухамъ, а лицомъ, хорошо посвященнымъ въ русскія дѣла.

Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IX, стр. 52, 100—103, 117, 130, 151, 155; прим. 130, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 142, 143, 147, 150, 154, 156, 160, 166, 188, 183, 186, 187, 189—195, 198, 199, 201, 206, 268. 275, 277, 283, 284, 289, 291, 293—295, 298, 302, 310, 321, 341—343, 356, 359—361, 364—366, 420.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществен. Польза“, кн. II, стр. 205, 210—211.—Кельхъ, „Liflandische Hist.“, pp. 277—278, 303. – А. Браудо, „Посланіе Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру“, „Журн. Министр. Народн. Просвѣщ.“, 1890, № 10. — G. Ewers und Engelgardt, „Beiträge zur Kenntniss Russlands“, 1811, стр. 187—238 (впервые напечатано донесеніе Т. курляндскому герцогу; подлинникъ хранится въ Кенигсбергскомъ музеѣ).—Дѣла Польскія, въ Московск. архивѣ министр. иностран. дѣлъ, №№ 6, 7, 9.—„Акты Западной Россіи“, т. III, № 41.—„Histor. Russ. Monumenta“, I, №№ CXLV, CLI. — „Monumenta Liv. antiquae“, I, 267.—„Справочный энциклопедич. словарь“, Крайя-Старчевскаго, т. 10, Спб. 1858, s. v — „Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 13, стр. 687—688; т. 16, стр. 848; т. 18, стр. 334; т. 32, стр. 683.

Таубе, *Максимъ Максимовичъ*, баронъ, генералъ-лейтенантъ и сенаторъ, родился въ 1782 г.; образованіе получилъ въ Петербургскомъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1798 г. и поступилъ на службу въ чинѣ подпоручика въ 5-й артиллерійскій батальонъ. Значительная часть служебной дѣятельности Т. прошла въ походахъ и бояхъ. Онъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1807 и 1811 гг., находясь при взятіи Бухареста, въ сраженіяхъ подъ Журжею, при взятіи Силистріи, при блокадѣ Шумлы и штурмѣ Рущука, причемъ за дѣло при Силистріи награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью «За храбрость». Въ 1812 г. за участіе въ отечественной войнѣ Т. получилъ чинъ подполковника. Въ кампаніи противъ французовъ 1813—1814 г. онъ сражался подъ Лейпцигомъ и за отличіе получилъ орденъ Георгія 4-й степени, участвовалъ въ занятіи Гамбурга, въ сраженіяхъ при Краонѣ и Лаонѣ, гдѣ пожалованъ былъ алмазными знаками ордена Анны 2-й степени, а также при взятіи Парижа. Въ эту же кампанію Т. за отличіе произведенъ былъ въ полковники. По окончаніи военныхъ дѣйствій командированъ былъ за границу въ 1817 г. въ отдѣльный корпусъ графа Воронцова въ качествѣ исправляющаго должность окружнаго начальника по артиллерейской части въ крѣпостяхъ, временно занятыхъ русскими войсками. Въ 1819 г. его назначили командиромъ Тамбовскаго пѣхотнаго полка, въ 1822 г. съ производствомъ въ генералъ-майоры — на должность начальника сначала 1-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, а затѣмъ 3-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи. Съ 1825 по 1831 г. Т. служилъ на Кавказѣ при войскахъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Здѣсь онъ участвовалъ въ экспедиціи, предпринятой въ 1831 г. въ Чечню, и въ подавленіи возстанія койсубулинцевъ въ Дагестанѣ. Въ 1832 г. назначенъ предсѣдателемъ кавказскаго областного управленія, а въ 1835 г.—кавказскимъ гражданскимъ губернаторомъ; въ 1836 г. произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1839 г. назначенъ сенаторомъ. Умеръ 25 іюля 1849 г.

„Справочный энцикл. словарь“ изд. К. Крайя, т. X, Спб. 1848, стр. 142. — П. Толль, „Настольный словарь“, т. III, Спб. 1864, вып. IV, стр. 617. — „Записки П. С. Мирковича“, „Русская Старина“, 1874, № 2.—„Русская Старина“, 1876, № 12, стр. 842—844.

Таубертъ, *Иванъ Андреевичъ*, статскій совѣтникъ, библіотекарь и членъ правленія петербургской академіи наукъ, членъ императорскаго вольно-экономическаго общества, родился въ нѣмецкой семьѣ въ Петербургѣ 31 августа 1717 г. Съ 1726 г. обучался въ гимназіи академіи наукъ. Въ 1734 г. произведенъ въ студенты. Въ 1735 г. назначенъ членомъ Россійскаго со-

бранія, при которомъ числился переводчикомъ. Въ 1736 г. произведенъ въ адъюнкты по историческому классу. Хотя впослѣдствіи, въ 1745 г., въ спорѣ съ Шумахеромъ профессора, между прочимъ, жаловались, что Т. произведенъ въ адъюнкты вслѣдствіе того, что Шумахеръ хотѣлъ «сдѣлать этотъ чинъ наслѣдственнымъ въ своей фамиліи» (Т. былъ зятемъ Шумахера), но нельзя, однако, считать этотъ отзывъ о Т. чуждымъ пристрастія. Такъ, въ этой же жалобѣ, признавъ за Т. познанія въ «россійскомъ языкѣ», профессора заявляютъ, что «по французскому языку онъ *отчасти* обученъ», а между тѣмъ имѣется много указаній, что Т. обладалъ солиднымъ знаніемъ французскаго и другихъ иностранныхъ языковъ: въ 1743 г. вице-канцлеръ Бестужевъ поручаетъ ему и почтъ-директору Ашъ отвѣтственную и требующую тонкаго знанія языковъ работу — дешифрировать и переводить депеши иностранныхъ министровъ и пословъ и получаемыхъ ими отъ своихъ дворовъ рескриптовъ; въ разное время академія поручаетъ ему переводъ различныхъ актовъ, редактировать чужіе переводы и пр. Въ 1741 г. онъ назначается субъ-библіотекаремъ академической библіотеки, что въ то время заключалось не только въ выдачѣ книгъ, но главнымъ образомъ въ составленіи каталоговъ, рецензированіи книгъ и т. п. Относительно его долголѣтней дѣятельности библіотекаря мы имѣемъ отзывы исключительно его недоброжелателей, отзывы, которые не могутъ не страдать односторонностью. Безспорно, однако, то, что за короткое время онъ возстановилъ противъ себя значительную часть профессоровъ и студентовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ «доношенія» разныхъ лицъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Шумахера сенату, президенту академіи и пр. Такъ, въ 1742 г. въ упомянутой слѣдственной комиссіи слушалась жалоба на Т. въ томъ, что онъ, пользуясь родствомъ съ Шумахеромъ, позволяетъ себѣ забирать чужія бумаги, распечатывать двери палаты и вообще хозяйничаетъ по своему усмотрѣнію. Т. давалъ по этому поводу объясненія, которыя, повидимому, были сочтены слѣдственной комиссіей удовлетворительными, такъ какъ его положеніе въ это время не только не пошатнулось, но скорѣе окрѣпло: вскорѣ ему было поручено «смотрѣть, чтобы все порядочно происходило» въ академіи, что включало фактическій надзоръ за профессорами. Это вызвало возмущеніе въ средѣ профессоровъ, которое и выразилось въ 1745 г. въ извѣстномъ заявленіи-протестѣ на имя Шумахера, подписанномъ профессорами Гмелинымъ, Вейсбрехтомъ, Миллеромъ, Леруа и Рихманомъ. «...Надсмотрщикомъ надъ нами вы поставили человѣка, котораго мы въ самомъ маломъ дѣлѣ не считаемъ такимъ, какъ вы о немъ разсуждаете», говорится о Т. въ протестѣ. Далѣе профессора протестуютъ противъ оставленія Т. библіотекаремъ, находя, что такая должность требуетъ и больше знаній, и больше стараній и трудолюбія. Одно изъ главныхъ ихъ требованій, чтобы Т. надъ ними «смотрѣнія никакого не имѣлъ». На своеволіе Т. жаловался (въ 1756 г.) сенату переводчикъ Волчковъ. Затѣмъ мы знаемъ многократныя жалобы и донесенія Ломоносова на его самоуправство и плохое управленіе. Но всѣ эти жалобы и офиціальныя по нимъ разслѣдованія не приносили, повидимому, большого ущерба карьерѣ Т.: честолюбивый и настойчивый, изворотливый и острый умомъ, съ большимъ самообладаніемъ встрѣчавшій самыя непріятныя неожиданности, онъ — по свидѣтельству Шлецера — всегда съ большимъ умѣніемъ пользовался своими связями при дворѣ и среди высокопоставленныхъ лицъ и, лавируя между вліяніями, удачно отражалъ удары, которые готовились наносить ему его многочисленные недоброжелатели. Послѣ заявленія профессоровъ Шумахеру и донесенія ихъ сенату (о несоотвѣтственно высокомъ жалованьѣ Т. какъ библіотекаря) онъ не только не терпитъ какого-либо ущерба, но удостаивается чина коллежскаго ассесора и получаетъ отъ академіи лестное порученіе вмѣстѣ съ Ломоносовымъ и Волчковымъ, «понеже переводчика Кондратовича переведенныя имъ книги на россійскій языкъ имѣютца, а годны ли для печатанія не извѣстно... обще разсмотрѣть незамедлительно и увѣдомить письменно канцелярію, что тѣ книги въ переводѣ сходны ли съ оригиналами, а въ рѣчахъ и штилѣ по свойству россійскаго языка исправны ли и можно ль тотъ ево переводъ безъ дальнѣйшаго поправленія въ печать издать». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ участіе въ изданіи «Санктъ-

Петербургскихъ Вѣдомостей» (отъ этой должности уволенъ въ 1748 г.). Въ 1752 г. онъ былъ вызванъ президентомъ академіи Разумовскимъ вмѣстѣ съ секретаремъ канцеляріи Ханинымъ и переводчикомъ Тепловымъ (впослѣдствіи вліятельнымъ членомъ академіи) въ Москву, куда президентъ послѣдовалъ за переѣхавшимъ туда дворомъ и гдѣ Т. съ товарищами долженъ былъ исполнять порученія вліятельныхъ придворныхъ и царедворцевъ. Въ 1753 г. ему было поручено академіей просмотрѣть и подготовить къ печати переводъ рѣчей, произнесенныхъ студентами на латинскомъ языкѣ 5 сентября, въ день тезоименитства Елизаветы Петровны. Все это время Т. въ нескончаемыхъ спорахъ Шумахера съ профессорами и Ломоносовымъ держалъ сторону перваго. Поэтому ростъ его вліянія въ академіи и близость его къ нѣкоторымъ вліятельнымъ сановникамъ вызывали тревогу въ профессорскихъ кругахъ. Ломоносовъ, непримиримый врагъ Т., сохранившій къ нему острую непріязнь до самаго гроба, пишетъ 1 ноября 1753 г. гр. И. И. Шувалову, что возвышеніе Т., этого «пригордаго невѣжды и высокомысленнаго фарисея», вызываетъ тревогу и что «всѣ нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорятъ: «не дай Богъ, чтобы академія досталась Тауберту въ приданое за дочкой Шемахеровой: обоихъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходитъ, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особенно профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ». Въ 1754 г. сенатъ предложилъ Т. участвовать въ громадной работѣ по пересмотру уложенія составленіемъ «пунктовъ по академіи наукъ». Въ 1756 г. онъ былъ назначенъ цензоромъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», которыя долженъ былъ просматривать въ сотрудничествѣ съ Поповымъ и Миллеромъ. Въ 1757 г. назначенъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ присутствующимъ въ канцеляріи академіи, а въ 1758 г. произведенъ въ совѣтники канцеляріи. Съ этого момента между нимъ и Ломоносовымъ борьба становится особенно ожесточенной. Присутствовавъ въ канцеляріи вмѣстѣ около десяти лѣтъ, они почти по всѣмъ возникавшимъ въ академической жизни вопросамъ держались разныхъ мнѣній, которыя каждый изъ нихъ старался провести доступными всѣми средствами. Борьба велась съ перемѣннымъ успѣхомъ: если Ломоносовъ вкладывалъ въ нее всю страстность своей натуры и энергію, съ которой онъ брался за всякое дѣло, то Т. обладалъ качествами, которыя весьма успѣшно противопоставлялъ натиску бурнаго темперамента Ломоносова: онъ никогда не терялъ самообладанія, былъ чрезвычайно настойчивъ и постояненъ въ средствахъ. Разногласія начались съ первыхъ же шаговъ ихъ совмѣстной дѣятельности—изъ-за преобразовательныхъ плановъ Ломоносова, находившаго, что академія загромождена ремесленными заведеніями (между тѣмъ какъ Т. особенно ими дорожилъ), и требовавшаго расширенія на ихъ счетъ учебныхъ учрежденій. Ломоносовъ винилъ Т., что онъ унижаетъ «науки» передъ «художествами». Разногласія вызывало также требованіе Ломоносова, чтобы диссертаціи переводились на русскій языкъ и на немъ печатались; Т. отстаивалъ латинскій какъ единственный достойный ученыхъ трудовъ языкъ. Особенное противодѣйствіе со стороны Т. вызывали планы Ломоносова объ увеличеніи числа гимназистовъ и студентовъ академіи. Т. находилъ лучшимъ сосредоточить всѣ силы на немногихъ молодыхъ людяхъ и сдѣлать изъ нихъ ученыхъ; противъ расширенія числа учащихся онъ былъ и изъ экономическихъ соображеній. Противъ плана Ломоносова онъ возсталъ и Фишера. «Фишеръ—жалуется Ломоносовъ — принявъ Таубертовы совѣты, спорилъ противъ числа студентовъ и гимназистовъ, точно его слова употребляя: что куда де столько студентовъ и гимназистовъ, куда ихъ дѣвать и употреблять?» Т. пытался воздѣйствовать и на самого Ломоносова, доказывая ему, по словамъ послѣдняго, каждый день предпочтительность ограниченнаго числа студентовъ; дѣйствовалъ онъ и черезъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ. Побѣдителемъ, однако, вышелъ Ломоносовъ, хотя для этого ему пришлось прибѣгнуть къ вліянію И. И. Шувалова. Острыя тренія выходили между Т. и Ломоносовымъ на почвѣ стремленій послѣдняго къ усиленію русскаго элемента въ академіи.

Послѣ ряда столкновеній съ Т. Ломоносовъ подалъ президенту обширное донесеніе изъ десяти пунктовъ о «продерзостяхъ канцеляріи совѣтника Тауберта», оставшееся безъ отвѣта.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны положеніе Ломоносова значительно окрѣпло, и онъ иногда одерживалъ верхъ надъ Т. Но какъ разъ въ эти годы положеніе и Т. было очень прочнымъ. Въ 1758 г. президентъ академіи поручилъ Т. «въ особливое его смотрѣніе» типографію, словолитную, пунцонную, механическую лабораторію, переплетную и книжную лавку, а 9 іюня 1759 г. типографія уже отдана ордеромъ президента въ «единственное его вѣдѣніе». Въ апрѣлѣ 1760 г. онъ съ Бургавомъ былъ посланъ «въ чужіе краи, чтобы иностранныхъ ученыхъ увѣрить, якобы академическое состояніе было въ лутчемъ цвѣтѣ» (слова Ломоносова). Т. чрезвычайно ревниво относился къ престижу академіи и составу ея ученаго штата и всегда старался привлечь самыхъ выдающихся европейскихъ ученыхъ.

Въ томъ же 1761 году Т. исходатайствовалъ у президента академіи разрѣшеніе издавать постепенно собраніе русскихъ лѣтописей подъ заглавіемъ «Библіотеки россійской исторіи». Шлецеръ, такъ много сдѣлавшій для изученія этихъ лѣтописей и для установленія методовъ ихъ изслѣдованія, расточая Т. самыя горячія похвалы за проведеніе въ жизнь идеи изданія лѣтописей, утверждаетъ, однако, что мысль объ этомъ пришла первому не Т., а Миллеру, который не имѣлъ такого вліянія, чтобы осуществить ее. Началомъ этого изданія послужила «Лѣтопись Несторова съ Кенигсбергскаго или Радзивилловскаго списка»; печатаніе ея подвигалось чрезвычайно медленно и въ 1767 г. еще не было закончено. Продолженія «Библіотеки» не было: она прекратилась на Несторовой лѣтописи. Объ этомъ изданіи Шлецеръ пишетъ: «Таубертъ, не истинный ученый по профессіи, обремененный другими дѣлами, вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, отъ котораго можно бы ожидать успѣшнаго изданія средневѣковой лѣтописи. Печать, корректуру и все дѣло онъ передалъ неученому академическому канцеляристу Баркову. Несчастный выборъ, потому что этотъ человѣкъ сверхъ недостатка учености имѣлъ еще ту слабость, что часто бывалъ не трезвъ. И что еще большее зло, Таубертъ позволилъ, или, лучше сказать, приказалъ этому издателю: 1) измѣнять старую орѳографію или подновлять ее; 2) пропускать цѣлые отрывки неисторическаго содержанія, какъ-то религіозныя разсужденія со многими цитатами изъ библіи (которыя могли бы быть полезны при собираніи варіантовъ), 3) непонятныя мѣста измѣнять по догадкамъ и дѣлать ихъ понятными, старыя слова замѣнять новыми по соображенію и 4) пробѣлы пополнять изъ другихъ источниковъ». Шлецеръ и Миллеръ дѣлали настойчивыя представленія Т. о необходимости сохранить подлинную орѳографію, но онъ отклонялъ эти представленія. Онъ любилъ Шлецера, давалъ ему важныя порученія, проводилъ многія его идеи въ жизнь, но соображеній его объ исторической критикѣ не могъ понять. Выпускать лѣтопись въ ея подлинномъ видѣ, по его словамъ, онъ не можетъ, такъ какъ въ высокихъ сферахъ будутъ его и его подчиненныхъ обвинять въ незнаніи грамматики.

Переворотъ 28 іюня 1762 г. и воцареніе Екатерины II прошли не безъ вліянія на судьбу Т., который и самъ принималъ нѣкоторое участіе въ немъ: въ занимаемомъ имъ академическомъ домѣ ночью, съ его вѣдома и приказа, печатался манифестъ, который былъ розданъ уже на разсвѣтѣ. 19 іюля 1762 г. онъ былъ удостоенъ титула статскаго совѣтника съ назначеніемъ ему жалованія въ 1500 рублей. Въ это время хотя Ломоносовъ еще оставался въ канцеляріи совѣтникомъ наравнѣ съ Т., но фактическое управленіе ею перешло къ Т., и когда Ломоносовъ разъ отказался подписать дѣло, подписанное Т. и производившееся по его приказу, онъ распорядился производить впредь дѣла безъ подписи Ломоносова. Онъ могъ это сдѣлать потому, что Екатерина относилась къ Ломоносову холодно, какъ къ человѣку, покровительствуемому опальнымъ Шуваловымъ, и Ломоносову оставалось только утѣшаться въ желчныхъ письмахъ къ разнымъ лицамъ; въ одномъ письмѣ онъ называетъ, напр., Т.—Таубергауптъ (тупая голова).

Въ это время Т. проявилъ большую дѣятельность, участвуя въ различныхъ комиссіяхъ академіи, разсматривая всѣ ея дѣла, работая по учрежденію новыхъ учебныхъ заведеній (институтъ Разумовскаго, учрежденіе для малолѣтнихъ дѣтей при академической гимназіи) и т. п. Особенно достойнымъ упоминанія является его содѣйствіе Шлецеру въ выработкѣ статисти-

ческихъ таблицъ, научной обработкѣ послѣднимъ данныхъ о народонаселеніи въ Россіи и нѣкоторыхъ другихъ его трудахъ. Относясь къ Шлецеру съ уваженіемъ и покровительствуя ему, онъ предоставилъ въ его полное распоряженіе библіотеку и особенный интересъ проявлялъ къ его педагогическимъ занятіямъ. Шлецеръ обратилъ вниманіе Т. на то, что въ общемъ планѣ преподаванія въ институтѣ Разумовскаго(гдѣ Т. былъ инспекторомъ) нѣтъ географіи, и на необходимость *познанія отечества* (такъ онъ называлъ статистику). Т. заинтересовался, выразилъ желаніе присутствовать на опытныхъ урокахъ, пришелъ отъ нихъ въ восторгъ и распорядился ввести эти предметы въ программу института, предоставивъ Шлецера полную свободу въ выборѣ и добываніи свѣдѣній по географіи и статистикѣ Россіи. Скоро онъ сталъ доставлять Шлецеру офиціальные документы изъ разныхъ государственныхъ коллегій съ соотвѣтственными данными и собиралъ для него подходящій матеріалъ, который тотъ и использовалъ для составленія учебника географіи, изданнаго и получившаго быстрое распространеніе. Вскорѣ Т. поручилъ Шлецеру составить образцы церковныхъ списковъ (на необходимость которыхъ для выясненія вопроса о народонаселеніи Россіи послѣдній указывалъ); они и были выполнены къ концу 1763 г. Образцы эти Т. представилъ государынѣ черезъ Бецкаго, и 11 февраля 1764 г. именнымъ указомъ повелѣно о введеніи этихъ таблицъ въ Петербургѣ въ видѣ опыта, а съ марта уже сталъ поступать въ академію статистическій матеріалъ. Собранный за десять мѣсяцевъ матеріалъ Т. поручилъ Шлецеру, который и обработалъ его по методу тогдашнихъ авторитетовъ Зюсьмильха и Вартентина. Извѣстно, что выводы Шлецера изъ этихъ данныхъ, обработанные въ его статьѣ «Русскій патріотъ», вызвали горячіе споры. Тѣмъ не менѣе согласіе императрицы на повсемѣстное введеніе таблицъ было дано. Такимъ образомъ, если Шлецера можно назвать отцомъ русской статистики, то Т. должно считать акушеромъ ея: только благодаря его вліянію и энергіи была проведена въ жизнь идея церковныхъ списковъ, которая еще раньше, при Петрѣ Великомъ, вылилась въ форму закона (дополненіе къ Духовному Регламенту 1722 г. о веденіи священниками книгъ о родившихся), подтвержденнаго въ 1726 г. и 1737 г. и тѣмъ не менѣе основательно забытаго ко времени царствованія Екатерины II.

Въ 1764 г. Т. поручилъ Шлецеру составить русскую грамматику въ виду указанныхъ послѣднимъ многихъ погрѣшностей въ грамматикѣ Ломоносова. Весною было готово 11 листовъ большого in-octavo (до склоненія прилагательныхъ). Фактъ этотъ вызвалъ ярость Ломоносова, который усмотрѣлъ въ этомъ подвохи Т. Въ виду того, что Ломоносовъ въ это время началъ пользоваться милостью государыни, Т. прекратилъ изданіе Шлецеровской грамматики.

Въ 1763 г. Т. вмѣстѣ съ Миллеромъ завѣдывалъ составленіемъ «картъ россійскихъ продуктовъ» для: 1) Великой Россіи или европейской ея части, 2) Малой Россіи со всѣми заднѣпровскими мѣстами и границами польской и турецкой, 3) Сибири, или азіатской части Россіи, и 4) Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи. Въ мартѣ 1764 г. ему и Ломоносову было поручено президентомъ академіи «обще или, есть ли не согласятся, порознь, приглашая каждый къ себѣ изъ господъ профессоровъ кого пожелаетъ, разработать новый регламентъ академіи». 10 сентября былъ приказъ президента, чтобы «какъ Ломоносовъ, такъ же бы г. Таубертъ своего сочиненія штатъ предложили въ будущемъ собраніи». Одобренъ былъ проектъ Ломоносова; проектъ же Т. не разсматривался. Возможно, что такое пренебреженіе къ нему было слѣдствіемъ ослабленія вліянія Т. и усиленія Ломоносова. Это совпадаетъ съ неловкимъ положеніемъ при дворѣ Разумовскаго вслѣдствіе извѣстныхъ малороссійскихъ событій.

Пошатнувшееся вліяніе Т. уже не было, повидимому, возстановлено и послѣ смерти Ломоносова (4 апр. 1765 г.). Оставшись единственнымъ директоромъ канцеляріи, онъ, однако, не могъ себя чувствовать совершенно свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ въ это время пересталъ пользоваться расположеніемъ государыни. Объ ея отношеніи къ Т. свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. На сдѣланной Т. описи принятыхъ въ академію въ 1735 г. изъ пожитковъ Брюса книгъ и «всякихъ куріезныхъ вещей» съ отмѣткой Т., что двѣ малоцѣнныхъ вещи пропали, Екатерина сдѣлала рѣзкую приписку, которая отно-

сится по адресу Т.: «Тожъ выкралъ. У меня въ конюшни отцѣпили и продали за 30 рублевъ англійскую лошадь, которая стоитъ 500 рублевъ, но то учинено незнающими людьми. Видно, что у нихъ [т. е. въ академіи] безпорядица не менѣе какъ въ послѣдней воеводской канцеляріи, но таковыхъ воеводъ смѣняютъ нынѣ отчасти». Особливое раздраженіе государыни Т. вызвалъ устройствомъ при академіи безъ ея вѣдома и разрѣшенія «учрежденія къ воспитанію малолѣтныхъ, опредѣляемыхъ къ высокимъ наукамъ». Она узнала объ этомъ только изъ газетъ, черезъ которыя Т. публиковалъ, чтобы «желающіе всякаго чина, кромѣ крѣпостныхъ, приводили въ канцелярію академіи дѣтей своихъ не старѣе какъ отъ пяти до шести лѣтъ». Екатерина повелѣла Теплову нарядить слѣдствіе и потребовать отъ Т. отвѣта, «на какомъ основаніи онъ то дѣлаетъ». Ни пространныя письменныя объясненія Т., ни прекрасный отзывъ Теплова о внутреннемъ устройствѣ заведенія и его порядкахъ не могли, однако, ослабить раздраженія императрицы, какъ это видно изъ ея собственноручныхъ помѣтокъ къ объясненію Т.

Въ 1766 г., когда начальникомъ академіи съ званіемъ директора ея былъ назначенъ нерасположенный къ Т. графъ Влад. Гр. Орловъ, Т. потерялъ всякое вліяніе въ академической жизни. Орловъ скоро упразднилъ совершенно канцелярію, въ которой Т. былъ единственнымъ (за смертью Ломоносова) распорядителемъ и совѣтникомъ, и учредилъ вмѣсто нея комиссію для завѣдыванія хозяйственными дѣлами академіи. Т. былъ назначенъ ея членомъ, но онъ уже и формально былъ лишенъ рѣшающей роли, такъ какъ всѣ дѣла комиссіи подписывались самимъ Орловымъ.

Къ этому времени относится знакомство Т. съ русскимъ законовѣдомъ XVIII стол. А. Я. Полѣновымъ, которому онъ, несмотря на свое пошатнувшееся положеніе, оказалъ благодѣтельное покровительство и вниманіе. Усмотрѣвъ въ будущемъ авторѣ «Записки о крѣпостномъ состояніи крестьянъ Россіи», бывшемъ тогда студентомъ университета при академіи, высокія способности, Т. послалъ его за границу для пополненія образованія и все время переписывался съ нимъ, поощряя его къ наукамъ. Полѣновъ питалъ къ Т. самыя горячія чувства благодарности и уваженія. Уже послѣ полнаго почти удаленія Т. отъ дѣлъ Полѣновъ писалъ Т. (7 января 1767 г.): «Словами не могу довольно изобразить сколь мнѣ сіе прискорбно. Однако имѣю честь увѣрить, что мои мысли не перемѣнились. Я знаю почитать моихъ благодѣтелей и надежду свою возлагаю на Бога».

Относительно дѣятельности Т. въ послѣдніе годы его жизни (онъ умеръ 9 мая 1771 г.) сохранилось мало свѣдѣній, можетъ быть потому, что вслѣдствіе паденія вліянія и дѣятельности особенной не было. Въ промежуткѣ между 1765 и 1769 г. онъ написалъ книгу «Начертаніе касающееся до скотскаго падежа». Т. написалъ также «Камчатскую исторію» (не издана) и перевелъ книгу Байера «Объ Азіи», которая была напечатана въ Петербургѣ (1758, 1768, 1782 гг., 8°). Подъ его смотрѣніемъ одно общество начало было трудиться въ собираніи Полнаго Россійскаго словаря и собрало матеріалъ по букву В, но продолженіе оставлено (Митрополитъ Евгеній).

„Матеріалы для исторіи академіи наукъ“.— „Лѣтопись русской литературы и древностей“, т. V, стр. 1—36.—„Русскій Архивъ“, 1865, № 4, стр. 446, 447, 448, 450, 454, 457, 459, 460, 461, 466, 467. — Тамъ же, годъ 3-й, изд. 2-е, стр. 559, 563, 564, 567, 568, 569, 572, 574, 577, 578, 587, 588, 594, 600. — „Записки Императорской Академіи Наукъ“, т. VII, стр. 121, 122, 125, 250, 252, 294; приложеніе, стр. 70, 71. — „Русская Старина“, 1870, изд. 2-е, стр. 197.—„Чтеніе въ Обществѣ Исторіи и Древн. Рос.“, 1866, № 4, стр. 134.—Письма Эйлера къ Т., тамъ же, отд. „Смѣсь“, стр. 130—133. — Письма Т. къ Козицкому и прошеніе его къ Екатеринѣ, тамъ же, 1876, № 3, стр. 4—7.—„Полное Собраніе Законовъ“, т. XIV, стр. 202; т. XV, стр. 857. — „Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества“, т. VII, стр. 42, 349; т. X, стр. 21, 22, 41; т. XVII, стр. 315, 317.—„Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ написанная“, перев. съ нѣмецкаго, „Сборникъ отдѣла русскаго языка и словесности Имп. академіи наукъ“, т. XIII, стр. 36, 38, 50, 56, 57—62, 90,—93, 98—101, 103, 104, 106, 109, 111, 114, 118, 119, 121, 122, 132—144, 152, 153, 176—182, 186, 187, 191, 193—195, 211, 212, 215, 216, 219—224, 227, 228, 231, 232, 238, 241243, 246, 247, 250, 252, 255, 256, 259, 260, 263,—267, 272, 273, 283, 286, 287, 311, 325, 327, 339, 340, 344. — „Письма Шлецера къ Тауберту“, тамъ же, стр. 359—386. — Біографія Т. помѣщена въ словарѣ Новикова и въ „Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, митрополита Евгенія, стр. 204, 254, 255.— П. Бартеневъ, „Осмнадцатый вѣкъ“, т. II,

Москва 1869, стр. 327, 430, 431, 474, 475. — Д. Полѣновъ, „А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ восемнадцатого вѣка“ (оттдѣльный оттискъ для Публичной библіотеки), стр. 2, 3, 4, 6, 7, 12, 14, 17, 18, 25, 27, 35, 44, 47, 48, 51, 57.—Билярскій, „Матеріалы для біографіи Ломоносова“, Спб. 1865, стр. 16, 17, 66, 191, 229, 246, 283, 287, 322, 368, 385, 387, 430, 440, 481, 492, 493, 494, 495, 496, 524, 527, 528, 529, 551—557, 566, 569, 570, 589, 595, 596, 603, 604, 608, 610, 611, 637, 652, 669, 673, 712, 724, 730, 731, 752, 790, 791.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. IV, стр. 419; т. V, стр. 249, 545, 563, 564; т. VI, стр. 210, 211, 223, 231, 242, 243, 244, 247, 263, 270. — П. Пекарскій, „Исторія импер. академіи наукъ“, Спб. 1870, т. I.—Его же, „Дополнительныя извѣстія къ біографіи Ломоносова“, приложеніе къ VIII тому „Записокъ Имп. Академіи Наукъ“, 1865, № 7, подъ 1765 годомъ. — Ламанскій, „Ломоносовъ и Императорская академія наукъ“.—П. А. Ефремовъ, „Матеріалы для исторіи русской литературы“, Спб. 1867. — Н. Пыпинъ, „Исторія русской литературы“, Спб. 1903, т. III, стр. 497, 534.

Тауберъ, *Андрей Михайловичъ*, профессоръ Харьковскаго университета съ 1813 г. до 1824 г., минералогъ и зоологъ, родомъ изъ Германіи, среднее образованіе получилъ въ эйзенбергской и гальской гимназіяхъ, затѣмъ посѣщалъ университетъ въ Іенѣ и Лейпцигѣ, посвящая себя изученію, главнымъ образомъ, естественныхъ наукъ, въ особенности же — минералогіи. Съ цѣлью болѣе детальнаго ознакомленія съ этой наукой Т. посѣщалъ также горную академію въ Фрейбергѣ. По окончаніи образованія преподавалъ четыре года минералогію въ Дрезденѣ, затѣмъ въ теченіе шести лѣтъ путешествовалъ по Германіи и Даніи съ цѣлью ознакомиться съ лучшими минералогическими кабинетами этихъ странъ. За это время имъ составлено было минералогическое описаніе рельефовъ вблизи Дрездена, которое вмѣстѣ съ картою и 6 рисунками, изображающими внутреннее строеніе кряжей, издано было въ Нюрнбергѣ въ 1793 г. За эту работу, въ свое время обратившую на себя вниманіе ученыхъ, онъ избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ минералогическаго и физическаго общества въ Іенѣ, а потомъ и геттингенскаго общества. Въ 1805 г. Т. пріѣхалъ въ Россію съ цѣлью вступить на русскую службу и опредѣленъ былъ минералогомъ при Главномъ правленіи училищъ, при чемъ ему поручено было приведеніе въ порядокъ минералогическихъ коллекцій, которыя присланы были изъ Сибири и предназначались для различныхъ университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній. Въ 1808 г. Т. избранъ былъ адъюнктъ-профессоромъ Московскаго университета, но каѳедры ему не дали; онъ командированъ былъ университетомъ въ Западную Сибирь для собиранія минералогическихъ коллекцій. Помимо исполненія даннаго ему порученія, Т. въ теченіе двухлѣтней своей командировки изучалъ также заводы въ Уральскихъ горахъ. Въ Москву онъ возвратился со значительной коллекціей минераловъ, а также съ картами и чертежами, изображающими какъ внутреннее, такъ и наружное строеніе Уральскихъ горъ. О результатахъ своихъ работъ и изслѣдованій имъ сдѣланъ былъ докладъ въ Московскомъ обществѣ естествоиспытателей. Въ 1811 г. университетъ избралъ было его для вторичнаго путешествія уже на Кавказъ, но приведенію этой командировки въ исполненіе помѣшала возникшая тогда война съ французами. Тогда Т. по порученію университета сталъ писать, пользуясь собраннымъ матеріаломъ, сочиненіе, посвященное минералогическому описанію Уральскихъ горъ. Въ это время произошло вторженіе Наполеона въ Москву, и Т. въ общемъ пожарѣ столицы потерялъ все свое имущество, библіотеку, измѣрительные инструменты и приборы и рукописи. Онъ переселился въ Харьковъ. Здѣсь онъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора занялъ въ 1813 г. каѳедру минералогіи, а въ концѣ того же года сдѣланъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Онъ былъ помощникомъ проф. Делявина, вмѣстѣ съ которымъ завѣдывалъ зоологическимъ и минералогическимъ кабинетами, которые, однако, были вскорѣ изъяты изъ его вѣдѣнія, такъ какъ по болѣзни онъ оставлялъ ихъ въ неисправности. Т. читалъ на латинскомъ языкѣ минералогію, придерживаясь химической системы Карстена, орикгогнозію по русскому сокращенію Фишера и геогнозію. Въ 1814 г. правленіе Харьковскаго университета командировало его вмѣстѣ съ проф. Громовымъ въ Чугуевъ для осмотра найденныхъ тамъ костей мамонта. Въ теченіе своей профессуры въ Харьковѣ Т. нѣсколько разъ получалъ подобныя командировки. Послѣ истребленія его рукописей пожаромъ въ Москвѣ, Т. больше никогда уже почти ничего не писалъ, посвящая

все свое время практической и лекторской дѣятельности. Только въ 1820 г. онъ представилъ университету на соисканіе каѳедры технологіи сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ «О красильномъ искусствѣ», но каѳедра эта отдана была другому — Дьячкову. Въ 1824 г. Т. вышелъ въ отставку, и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не извѣстно.

Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, Харьковъ 1894, т. I, стр. 326, 504—505, 539, 629, 719, 720, 747, 775; т. II, стр. 146, 147, 335, 464, 486, 579, 588. — Рославлевъ-Ростовскій, „Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія“, „Журналъ Министерства Народн. Просв.“, 1855, № 7, часть LXXXVII, стр. 8 и 19. — М. И. Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи по русской исторіи литературы и просвѣщенію“, Спб. 1889, т. I, стр. 235.

Тачаловъ, *Арсеній Васильевичъ*, протоіерей православныхъ церквей въ Висбаденѣ и Парижѣ, духовный писатель, родился въ семьѣ священника въ с. Быковѣ, Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи. Воспитывался въ Тверской семинаріи и съ 1859 г. въ Петербургской духовной академіи, курсъ которой кончилъ въ 1863 г. со степенью магистра богословія. Въ томъ же году опредѣленъ былъ псаломщикомъ при Висбаденской православной церкви. По принятіи 3 января 1867 г. сана священника, онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ, а въ 1875 г. протоіереемъ той же церкви. Изъ Висбадена Т. часто ѣздилъ въ Эмсъ, а съ 1876 г. также въ Гомбургъ, Югенгеймъ и Румпенгеймъ для совершенія церковныхъ службъ. Въ Эмсѣ благодаря Т., сумѣвшему привлечь для этого крупныхъ жертвователей, была построена православная церковь. По порученію общества любителей духовнаго просвѣщенія онъ велъ личныя и письменныя сношенія съ представителями старокатоличества и принималъ дѣятельное участіе въ 6 конгрессахъ старокатоликовъ. Участвовалъ также въ обѣихъ конференціяхъ въ Боннѣ по вопросу о возсоединеніи церквей. Въ 1887 г. Т. переведенъ былъ протоіереемъ православной церкви въ Парижѣ. Умеръ въ Берлинѣ 7 апрѣля 1890 г.

Т. помѣстилъ въ духовныхъ журналахъ слѣдующія статьи по вопросамъ духовнаго просвѣщенія и догматики, изъ которыхъ нѣкоторыя написаны имъ еще въ годы студенчества: «Состояніе и нужды духовныхъ учебныхъ заведеній» («Правосл. Обозрѣніе», 1861, кн. 6, 7, 8, 11 и 12); «Учебные часы и экзамены въ семинаріяхъ» (тамъ же, 1862, кн. 11); «Изученіе древнихъ языковъ въ духовныхъ училищахъ» (тамъ же, 1862, кн. 8); «Объ уничтоженіи наслѣдственности мѣстъ въ духовномъ званіи» («Духъ Христіанина», 1863); «Новая книга І. Овербека „Свѣтъ съ Востока“» («Прав. Обозрѣніе», 1865, кн. 11; 1867, кн. 6); «Протестантскій нѣмецкій союзъ и первое его собраніе въ Эйзенахѣ» (тамъ же, 1866, кн. 8); «Новѣйшія сочиненія о жизни Іисуса Христа: 1) Жизнь Іисуса Христа по Ренану; 2) Характеристическій образъ І. Христа соч. Шенкеля; 3) Жизнь І. Христа, соч. Штрауса; 4) Евангеліе; 5) Чудеса»(«Христ. Чтеніе», 1867, ч. I); «Протесты въ Германіи и Австріи противъ новаго, на ватиканскомъ соборѣ 18 іюля 1870 г. провозглашеннаго догмата о папской непогрѣшимости» (тамъ же, 1871, №№ 5 и 6). Нѣкоторыя статьи Т. подписывалъ сокращеннымъ именемъ А. Т—овъ. Въ цѣляхъ ознакомленія старокатоликовъ съ православной церковью онъ издавалъ на нѣмецкомъ языкѣ оберъ-прокурорскіе отчеты за 1870—1877 г.г.; имъ переведена съ нѣмецкаго языка книга Ците «Истина и величіе христіанства» (Спб. 1869) и издана нѣмецко-русская хрестоматія подъ псевдонимомъ Васильевичъ.

Некрологи за 1890 годъ: „Церковныя Вѣдомости“, приложеніе къ № 18, стр. 579; „Новое Время“, № 5068; „Историческій Вѣстникъ“, кн. 7, стр. 236.—П. Чистовичъ, „Исторія Петербургской духовной академіи за послѣднія 30 лѣтъ“, Спб. 1889, приложеніе, стр. 21.—П. М. Семевскій, „Альбомъ Знакомые“, Спб. 1888, стр. 269—270.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. X, Спб. 1907, стр. 74.—„Wiesbadener Tagblatt“, 1890, № 99.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы“, т. III, №№ 26, 503; т. VI, № 58096.—П. А. Ефремовъ, „Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за 1860—1870 гг.“, Москва 1872, стр. 65, 79, 102, 145.—„Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» за 1821—1903 г.г.“, Спб. 1905, №№ 1645, 2194, 4254.

Тачановскій, *Владиславъ Казимировичъ*, зоологъ, родился въ д. Яблонна, Люблинской губерніи, 5 марта 1819 г. Образованіе получилъ въ Люблинской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1838 г. Затѣмъ онъ поселился въ д. Яблонна, гдѣ управлялъ оставшимся послѣ смерти отца

имѣніемъ. Здѣсь Т. заинтересовался зоологіей и сталъ усердно ею заниматься, въ особенности же орнитологіей. Въ 1852 г. онъ поступилъ на государственную службу чиновникомъ особыхъ порученій при радомскомъ губернаторѣ для составленія зоологическихъ коллекцій Радомской и Люблинской губерній, которыя предполагалось основать при губернскихъ правленіяхъ. На этой должности Т. первоначально занялся изученіемъ орнитологической и мастологической фауны Царства Польскаго. Предположеніе объ основаніи коллекцій при губернскихъ правленіяхъ не было приведено въ исполненіе, и Т. въ 1855 г. получилъ мѣсто хранителя зоологическаго кабинета при Варшавскомъ университетѣ. Переселеніе въ Варшаву дало ему возможность заняться научной обработкой своихъ наблюденій и матеріаловъ. Въ 1857 г. онъ командированъ былъ Варшавскимъ учебнымъ округомъ въ Парижъ для изученія способовъ набивки и препарировки животныхъ. Въ 1866 г. графы А. и К. Броницкіе устроили ему поѣздку въ Алжиръ, гдѣ онъ пробылъ съ ноября 1866 по апрѣль 1867 г. Сдѣланныя имъ здѣсь наблюденія послужили ему матеріаломъ для нѣсколькихъ статей по орнитологіи Алжира. Съ 1871 г. Т. сталъ получать коллекціи, которыя составлялись К. Ельскимъ, а затѣмъ И. Штольцманомъ въ Перу и Кайеннѣ, и В. Дыбовскимъ и В. Годлевскимъ въ Восточной Сибири. Благодаря этимъ коллекціямъ Т. пріобрѣлъ возможность написать нѣсколько работъ о птицахъ Восточной Сибири и Перу. Много времени посвятилъ онъ изученію пауковъ, главнымъ образомъ кайенскихъ. Богатый матеріалъ былъ ему доставленъ также и графами Броницкими, которые совершили въ 1863 г. съ цѣлью составленія зоологическихъ коллекцій путешествіе къ верховьямъ Нила. За труды по орнитологіи на французскомъ языкѣ онъ удостоенъ былъ преміи Имп. Академіи Наукъ. Т. приложилъ много заботъ объ обогащеніи Варшавскаго зоологическаго кабинета. Особенной полнотой и богатствомъ отличаются экзотическій отдѣлъ, а въ немъ—колибри. Между этой коллекціей имѣлось много образцовъ, повтореній которыхъ въ то время не было ни въ одномъ другомъ европейскомъ зоологическомъ музеѣ. Въ уваженіе къ научнымъ заслугамъ Т. Ягеллонскій университетъ удостоилъ его въ 1887 г. степени доктора философіи honoris causa. Т. состоялъ членомъ Петербургскаго общества естествоиспытателей, общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ, Орнитологическаго общества въ Берлинѣ, Французскаго зоологическаго общества, Зоолого-Ботаническаго общества въ Вѣнѣ, Зоологическаго общества въ Лондонѣ, Академіи Гиппоны въ Боннѣ. Умеръ Т. въ Варшавѣ 5 января 1890 г.

Онъ написалъ свыше 60 работъ (на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ), издавая ихъ отдѣльно и помѣщая въ повременныхъ изданіяхъ. Главнѣйшія его работы слѣдующія: «Liste de vertébrés de Pologne»(«Bull. de la Société zoologique de France», 1877); «Tabelle ruchu ptastwa w latach 1845—48» («Biblioteka Warszawska»); «Spis ptaków gubernii lubelskiéj» (тамъ же, 1851); «Sur la nidification du Remiz pendilinus»(«Revue et Magazin de Zoologie», 1859); «O ptakach drapieznych w krolewstwie polskiém» (Warszawa 1860); «Оологія польскихъ птицъ» (Варшава 1862); «Spis pajaków zebranych w okolicach Warszawy w 1865 («Извѣстія Варшавской гл. школы», 1866, № 5); «Konstantego Tyzenhausa oologia ptakow polskich wystawiona na 170 tablicach rytych na miedzi i kolorowanych pochwala do których opisyulozyl Taczanowski» (Warszawa 1862); «Историческій очеркъ состоянія Варшавскаго зоологическаго кабинета» («Варш. Унив. Извѣстія», 1870, № 2); «Uebersicht der Vögel die in Algerien, Provinze Constantine, während der Reise vom Ende Novembre 1866 bis Ende April 1867 gesammelt und beobachtet wurden» («Journal für Ornithologie», 1870); «Description dese spèces nouvelles de la collection pérouvienne de M. D-r Raimondi de Lima» («Procedings of the Zoological Society of London», 1883) «Description de nouveau cerf du pays d'Ussuri méridional Cervus Dybowsky» (тамъ же, 1876); «Verzeichniss der Vögel, welche durch die Herrn Dybowski und Godlewski in südlichen Ussuri-Lande und namentlich an den Küsten des Japanischen Meers gesammelt und beobachtet wurden» («Jurnal für Ornithologie», 1876);«Liste des oiseaux recueillis par M. Kalinowski à Sidemi» («Proceedings of the Society Zoological of London»,

1885); «Liste des oiseaux recueillis par M. Kalinowski en Corée aux environs de Seoul» (тамъ же, 1887); «Les Araniedes du Pérou» («Bull. tin de la Société des naturalistes du Moscou», 1878); «Сравнительный обзоръ орнитологической фауны средней Европы и Юго-Восточной Сибири» («Труды 3-го съѣзда русск. естеств. и врачей въ Кіевѣ», 1872); «Критическій обзоръ орнитологической фауны Восточной Сибири» («Труды 5-го съѣзда русск. естеств. и врачей въ Варшавѣ», 1876); «О нѣкоторыхъ новыхъ видахъ птицъ, найденныхъ гг. Дыбовскимъ и Годлевскимъ въ Забайкальской области въ 1873 г.» («Извѣстія Спб. отдѣленія Имп. Русск. Географ. Общ.», 1875, т. 5, № 3—4); «Eu hydris marima steller», на польск. яз. (ежемѣс. «Вселенная», 1882, т. I); «Дятлы» (тамъ же, 1882, т. I); «О странствованіи птицъ, преимущественно мѣстныхъ» (тамъ же, 1886, т. V); «Изслѣдованіе Камчатки въ естественно-историческомъ отношеніи» (тамъ же, 1882, т. I). Отдѣльно изданы: «Ptaki krajowe» (Krakow, 2 тома, 1882—1883), «Ornithologie du Pérou» (т. I, Paris 1884; т. II и III, Rennes 1885—1886); «Faune ornithologique de la Siberie orientale» (Спб. 1891).

S. Orgelbrand, „Encyklopedija powszechna", изд. 2-е, т. 14, Warszawa 1903, стр. 382—383.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. 10, Спб. 1907, стр. 74.—„Извѣстія Имп. Общества Любителей Естествознанія", Москва 1889, т. VII, л. 24.—„Московскія Вѣдомости", 1890, № 14.—A. Wrzesniowski, „Wladyslaw Taczanowski", „Wszechswial", 1883.—S. Sztolcman, „Wladyslaw Taczanowski", тамъ же, 1890.—K. Estreicher, „Bibliografia polska XIX stolecia", Krakow 1878 г., т. IV, стр. 479.—В. И. Межовъ, „Сибирская библіографія", Спб. 1903, т. III, стр. 178, №№ 22129, 22130 и 22132; стр. 288, № 24884; стр. 360, №№ 25170—25179.

Ташлыковъ, *Аѳанасій Ѳедоровичъ*, московскій дворянинъ, дьякъ. Въ 1658 г. (6 іюля) участвовалъ въ проводѣ въ Грановитую палату къ царю Алексѣю Михаиловичу грузинскаго царя Теймураза Давидовича. Въ томъ же 1658 г. былъ отправленъ княземъ Ромодановскимъ въ Малороссію на раду для избранія новаго гетмана. Съ 1672 г. поставленъ дьякомъ Казанскаго дворца, гдѣ черезъ его руки проходили важныя государственныя дѣла. Въ царскихъ грамотахъ 19 марта, 5 и 20 мая и 17 іюня 1673 г. астраханскому воеводѣ Одоевскому «о убѣжденіи калмыцкихъ тайшей и ногайскихъ мурзъ итти войной на турковъ и крымцевъ совмѣстно съ донскими казаками и запорожскими черемисами» повелѣвается «отписки» подавать въ приказѣ Казанскаго дворца боярину Михаилу Юрьевичу Долгорукому и дьяку Т. Подобное повелѣніе отдавалось и относительно многихъ другихъ дѣлъ. Въ этомъ же приказѣ сохранилось много документовъ—царскихъ грамотъ, воеводскихъ донесеній и пр., скрѣпленныхъ его рукой.

„Акты Историческіе", т. IV, стр. 505—508, 511, 516.—„Дополненія къ Актамъ Историческимъ", т. VI, стр. 243, 250; т. VI, стр. 132, 134, 208, 260, 265, 266, 268, 275, 286, 301, 306, 340; т. VII, стр. 172, 193, 203, 206, 231; т. IX, стр. 51, 71.—„Древняя Рос. Вивліоѳика", т. VIII, стр. 120.—Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 852, 862.

Твардовскій, *Осипъ Петровичъ*, профессоръ Виленскаго университета; высшее образованіе получилъ въ Виленскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1807 г. со степенью доктора. Въ началѣ 1823 г. совѣтомъ Виленскаго университета онъ былъ избранъ на должность ректора и сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ математики подъ вліяніемъ Адама Чарторыйскаго, который надѣялся имѣть въ немъ вѣрнаго проводника своихъ взглядовъ на дѣло постановки просвѣщенія въ Польшѣ. До своего избранія Т. стоялъ въ сторонѣ отъ академической жизни и жилъ въ своемъ богатомъ помѣстьѣ, занимаясь математикой. Пребываніе Т. въ должности ректора ознаменовалось броженіемъ въ студенческой средѣ, приведшимъ въ концѣ концовъ къ закрытію университета. Въ цѣляхъ борьбы съ этимъ броженіемъ Т. выработаны были «Правила для слушателей университета», которыми введенъ былъ усиленный надзоръ за студентами въ стѣнахъ и внѣ университета. Однако мѣры, предпринимавшіяся университетскимъ начальствомъ, не привели къ желаннымъ результатамъ, а 17 мая 1823 г. былъ арестованъ и самъ Т., но скоро освобожденъ. Когда же въ 1824 г. Новосильцевъ заявилъ Т., что правительство не довѣряетъ университету и вынуждено будетъ реорганизовать его, онъ, видя свое безсиліе, подалъ въ отставку и удалился въ свое имѣніе. Напечатаны слѣдующія произведенія Т.: «Zagajenie posiedzenia publiczнego cesarskiego universytetu Wileń-

skiego» (Wilno); «O teraźniejszym stanie oświecenia pospolstwa tudzież o szkołach parafialnych i o funduszach na ubogich uczniów w gubernii Mińskiéj (Wilno 1819).

„Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, Спб. 1898, т. I, стр. XIV, XXIV, XXXII—XXXIII, XXXVI, XXXVII, LXXXIV—XV, LXXXVI, LXXXVII, LXXXVIII, XCII, CIII—CIV, CVII—CX, CXI—CXXVIII; т. II, стр. 800, 802, 804; т. III, стр. 693.—„Русскій Архивъ“, 1874, стр. 1174, 1210.—Szeliga, „Proces filaretów w Wilnie“, „Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce“, t. VI, 1890, стр. 170.—Kniaze Adam Czartoryski i Józef Twardowski korrespondenza 1822 — 1824“, „Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk Poznańskiego“, t. XXVI, Poznań, стр. 192—201.—Estreicher, „Bibliografia polska XIX stólecia“, Kraków 1878, т. IV, стр. 546—547.

Твердиковъ, *Григорій Ивановичъ*, московскій гость. Въ 1598 г. подписался подъ грамотой объ избраніи на царство Бориса Годунова. Въ 1610 г. участвовалъ въ посольствѣ къ королю Сигизмунду III для врученія ему хартіи объ избраніи Владислава на московскій престолъ. Въ 1619 г. было спрошено его мнѣніе по поводу просьбы Англіи разрѣшить ея купцамъ вести черезъ Россію торговлю съ Персіей; Т. отвѣтилъ, что просьбу эту удовлетворить можно: «пусть только государь велитъ англичанамъ торговать указными своими товарами заморскими, а русскими товарами торговать имъ съ персіянами не велитъ».

С. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 1176.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. XII, стр. 191, примѣч. 616.—И. И. Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, Москва 1837—1846, изд. 2-е, стр. 293.—„Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго“, Москва 1790, т. II, стр. 21.—„Акты Археографической Комиссіи“, Спб. 1836, т. II, стр. 45.

Твердиковъ, *Степанъ*, купецъ. Въ 1568 г. былъ посланъ вмѣстѣ съ Ѳедотомъ Погорѣловымъ въ Англію къ королевѣ Елизаветѣ царемъ Иваномъ, озабоченнымъ въ то время установленіемъ торговыхъ сношеній съ западно-европейскими странами. Въ сохранившемся документѣ «Опись царскаго имущества» имѣются указанія относительно грамоты объ отпускѣ его въ Англію, выданной ему царемъ. Данное ему порученіе онъ, повидимому, исполнилъ успѣшно, о чемъ свидѣтельствуетъ относящееся къ этому времени (9 мая 1567 г.) письмо королевы Елизаветы къ царю Ивану, гдѣ она пишетъ, что изъ дружбы къ царю дозволитъ русскимъ купцамъ свободно исправлять свои торговыя дѣла въ Англіи. Въ 1584 г. пожалованъ въ дьяки Казанскаго двора. Въ расходной книгѣ объ отпускѣ вещей по царскимъ указамъ («Книги, а въ нихъ писанъ расходъ казенной къ ружнымъ церьквамъ ладанъ и годовое») сохранилось указаніе, что за его приписью выдавалось жалованіе «царскимъ охотникомъ и рожечникомъ». Будучи дьякомъ, Т., какъ видно изъ сохранившейся «грамоты аглицкаго купца Еремея Горше къ Ульяму къ Трумбору», продолжалъ вести торговыя дѣла съ англійскими купцами. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича по его и другихъ русскихъ купцовъ жалобѣ на неплатежъ долговъ англійскими купцами возникли дипломатическіе переговоры между московскимъ правительствомъ и королевой Елизаветой. Въ 1598 г. былъ на соборѣ, избравшемъ Годунова въ цари, и подписался подъ грамотой.

„Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества“, т. XXXVIII, стр. 241.—Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I, стр. 199—200.—Акты Археографической Экспедиціи, т. I, стр. 351; т. II, стр. 45.—С. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. II, стр. 392.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. IX, прим. 260; т. XII, прим. 616.

Твердиславъ Михайловичъ, извѣстный новгородскій посадникъ, принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ новгородскихъ боярскихъ родовъ, которые въ XII—XIII вв. монополизировали въ своихъ рукахъ должность посадника. Отецъ его, Михаилъ (Михайка) Степанычъ, трижды посадничалъ въ Новгородѣ, соперничая съ бояриномъ Мирошкой Нездиничемъ, самъ Т. М. занималъ эту должность четыре раза, въ посадникахъ были также и сынъ его Степанъ Твердиславичъ, и внукъ Михаилъ Степанычъ. Впервые въ Новгородской лѣтописи С. Т. упоминается подъ 1205 г., когда онъ въ Аркадіевомъ монастырѣ соорудилъ большую каменную церковь (во имя Св. Симеона Столпника),—обычный пріемъ богатыхъ новгородцевъ, желавшихъ пріобрѣсть популярность въ широкихъ народныхъ массахъ и благодаря ей достигнуть видныхъ общественныхъ должностей. Посадникомъ въ первый разъ Т. М. былъ избранъ въ 1209 г., явившись замѣстителемъ Дмитрія Мирошкина, сына упомянутаго Мирошки Нездинича. Въ слѣдующемъ 1210 г. Т. М. упоминается какъ участникъ похода на Литву,

когда бывшіе подъ его предводительствомъ новгородцы одержали блестящую побѣду при Ходыничахъ. Возвратившись изъ этого похода покрытый славою искуснаго ратнаго вождя и упрочивъ тѣмъ самымъ свою популярность, Т. М. могъ бы на значительное время обезпечить за собою должность посадника; тѣмъ не менѣе въ 1211 г. онъ уступилъ ее «старѣйшему себя» своему единомышленнику Дмитрію Якуничу, сыну извѣстнаго посадника Якуна Мирославича, возвратившемуся къ этому времени съ низовой Руси; «и съступися Твьрдиславъ посадничества по своеи воли старѣйшю себе»— отмѣчается это событіе въ лѣтописи. Трудно съ опредѣленностью сказать, какими соображеніями руководствовался онъ, совершая такой исключительный актъ самоотреченія; само по себѣ «старѣйшинство» Дмитрія Якунича едва ли сыграло здѣсь рѣшающую роль, особенно если принять во вниманіе честолюбіе и властолюбіе Т. М., а также то обстоятельство, что какъ во время посадничества, такъ и послѣ отреченія отъ него онъ былъ и продолжалъ быть единственнымъ руководителемъ партіи, стоявшей въ то время у власти. Болѣе вѣроятнымъ будетъ предположить, что своимъ поступкомъ молодой еще Т. М. хотѣлъ еще болѣе поднять и углубить свою популярность, разсчитывая использовать ее въ близкомъ будущемъ. Дѣйствительно, едва ли кто-либо изъ бывшихъ до и послѣ него посадниковъ пользовался такой преданностью къ себѣ низшихъ слоевъ новгородскаго населенія, и едва ли кого-либо послѣдніе защищали съ такой отвагой, какъ защищали они Т. М., когда вѣсы бурной и измѣнчивой политической исторіи Великаго Новгорода склонялись не въ его пользу. Въ 1214 г. онъ былъ избранъ на должность посадника во второй разъ. Въ этомъ году новгородскій князь Мстиславъ Романовичъ водилъ рать на Кіевъ противъ Всеволода Святославича Чермнаго, и Т. М., по должности своей, былъ въ числѣ лицъ, сопутствовавшихъ князю. Во время похода среди новгородцевъ по разнымъ причинамъ росло недовольство какъ самимъ княземъ, такъ и участвовавшими въ походѣ въ значительномъ числѣ смолянами. Недовольство перешло въ глухое броженіе, грозившее вылиться въ мятежъ. Князь не могъ предупредить разрыва. Сдѣлать это удалось Т. М.; въ длинной рѣчи, обращенной къ ратникамъ, онъ изложилъ заслуги князей, указалъ на опасность, грозившую Новгороду отъ недоведенія до конца похода, и—по лѣтописной передачѣ — заключилъ: «Яко, братіе, страдали дѣды наши и отчи за Русскую землю, тако, братіе, поидемъ по своемъ князи». Броженіе улеглось, походъ былъ продолженъ и закончился, какъ извѣстно, взятіемъ многихъ приднѣпровскихъ городовъ, плѣненіемъ нѣкоторыхъ князей изъ противнаго лагеря и сверженіемъ Всеволода Святославича съ кіевскаго великокняжескаго престола, перешедшаго къ Мстиславу Романовичу. Въ 1215 г. Т. М. сопровождалъ въ Новый Торжокъ покинувшаго новгородскій престолъ князя Ярослава II Всеволодовича, впослѣдствіи великаго князя Кіевскаго и Владимірскаго, и оттуда возвратился богато одаренный. Въ этомъ же году онъ, повидимому, лишился посадничества, хотя ни самый фактъ, ни обусловившія его причины и сопровождавшія обстоятельства въ лѣтописяхъ не отмѣчаются; объ этомъ можно судить лишь по тому, что въ періодъ 1215—1217 гг. посадникомъ упоминается другое лицо,—Гюрги Ивановичъ. Въ третій разъ должность посадника Т. М. занялъ въ 1217 г. и вскорѣ послѣ этого въ челѣ соединенной рати новгородцевъ и псковитянъ ходилъ на чудь; этотъ походъ, изображенный въ лѣтописяхъ нѣсколько миѳически, былъ удаченъ, и Т. М. вернулся изъ него «съ побѣдою и богатою добычею». Въ началѣ 1218 г. Новгородъ былъ взволнованъ темною исторіей объ арестѣ и выдачѣ князю нѣкоего новгородскаго боярина Матѳея Душильцевича (также Душиловича), почему-то бѣжавшаго изъ города, но пойманнаго и насильно возвращеннаго. Подробности этой исторіи неизвѣстны, но вольнолюбивые новгородцы, повидимому не безъ основанія, усмотрѣли въ ней нарушеніе своихъ традиціонныхъ гражданскихъ правъ. И арестъ, и выдачу боярина молва приписала Т. М., и часть населенія придала ей вѣры. Торговая сторона и Неревскій конецъ 27 января возстали противъ Т. М. Однако болѣе демократическая часть Новгорода, Софійская сторона, особенно же Людинъ конецъ и улица Прусы, рѣшительно взяли сторону посадника. У городскихъ воротъ разыгралась сѣча, которая кое-какъ была прекращена лишь послѣ значительныхъ жертвъ людьми. Дѣло перешло на обсу-

жденіе вѣча. Цѣлую недѣлю длились бурныя вѣчевыя собранія; повидимому, противники Т. М. свои обвиненія стропли на вѣскихъ данныхъ, и только непоколебимая популярность его среди большинства вѣча служила ему защитой. Во всякомъ случаѣ неизвѣстно, чѣмъ закончились бы эти волненія, если бы одно обстоятельство не придало имъ совершенно иного направленія. Неожиданно для всѣхъ новгородскій князь Святославъ Мстиславичъ заявилъ, что онъ отнимаетъ посадничество у Т. М. Протестъ противъ этого самовластнаго вмѣшательства князя въ дѣло, подлежащее вѣдѣнію исключительно вѣча, объединилъ всѣ партіи. Разсчеты князя воспользоваться шатаніемъ умовъ для расширенія своей власти не оправдались; онъ получилъ рѣшительный отпоръ: «тобѣ ся кланяемъ, а се нашь посадникъ; а въ то ся не вдадимъ», отвѣтило ему вѣче. Т. М. оставленъ былъ по настоянію вѣча посадникомъ, а князю его вмѣшательство стоило стола: не желая быть въ натянутыхъ отношеніяхъ съ вѣчемъ и посадникомъ, княженіе онъ передалъ своему младшему брату Всеволоду, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ къ отцу, Мстиславу Романовичу. Посадничества Т. М. лишился въ 1219 г.; на этотъ разъ его обвинили въ томъ, что онъ посовѣтовалъ суздальскимъ князьямъ Юрію и Ярославу Всеволодовичамъ не пропускать черезъ свои бѣлоозерскія владѣнія новгородца Семьюна Емина, который съ дружиной въ 400 человѣкъ отправился въ походъ на Тойли(мо)кары (въ Двинской землѣ). Улики какъ видно, были неопровержимы, и Т. М. принужденъ былъ уступить власть противникамъ. Но уже въ слѣдующемъ 1220 г. онъ былъ вновь—въ четвертый и послѣдній разъ—избранъ въ посадники, въ должности котораго пробылъ, однако, недолго. Князь Всеволодъ Мстиславичъ, не любившій Т. М., какъ виновника паденія его брата, на этотъ разъ самъ «възвади весь городъ, хотя убити Твѣрдислава». По возвращеніи князя изъ Смоленска Т. М. былъ предъ нимъ въ чемъ-то оклеветанъ, и Всеволодъ Мстиславичъ во главѣ вооруженнаго отряда отправился на Ярославовъ дворъ—мѣсто вѣчевыхъ собраній—съ цѣлью арестовать посадника. Часть собравшихся туда новгородцевъ однако воспротивилась этому и съ оружіемъ въ рукахъ стала на защиту Т. М. Повторилась прежняя исторія. Опять Прусы и Людинъ конецъ встали за Т. М., а Неревскій конецъ и Торговая сторона противъ него. Всеволодъ на кровопролитіе не рѣшился. Споръ перешелъ на обсужденіе вѣча. Самъ Т. М. въ это время былъ боленъ, и на Ярославовъ дворъ его привезли на саняхъ. Вмѣшательство архіепископа Митрофана повело къ перемирію между враждующими. Послѣ этихъ волненій Т. М., ссылаясь на болѣзнь, самъ отказался отъ посадничества. Получивъ согласіе вѣча, онъ дѣйствительно окончательно отстранился отъ политической дѣятельности, а вскорѣ совсѣмъ удалился изъ міра, постригшись въ Аркадіевомъ монастырѣ, гдѣ и скончался. Вслѣдъ за нимъ постриглась и жена его, именемъ, кажется, Ѳеодора,—въ монастырѣ св. Варвары.

Политическая дѣятельность Т. М. совпала съ крайнимъ обостреніемъ партійной борьбы въ Новгородѣ. Предметъ и содержаніе этой борьбы извѣстны: княженіе на новгородскомъ столѣ Ольговичей или суздальской линіи, во-первыхъ, и политическое господство широкихъ массъ, демоса, или имущественныхъ слоевъ аристократіи—во-вторыхъ. Однако роль Т. М. въ этой борьбѣ остается не совсѣмъ выясненной и разнорѣчиво освѣщается изслѣдователями. Мнѣнія сходятся въ томъ, что Т. М. во всѣхъ случаяхъ поддерживалъ Ольговичей и всегда былъ непримиримымъ противникомъ суздальской линіи, а также въ томъ, что онъ былъ несомнѣннымъ главою одной изъ враждующихъ новгородскихъ партій. Но какой именно? Одни изслѣдователи, какъ Костомаровъ и Пассекъ, видятъ въ немъ вождя партіи бояръ, партіи новгородской имущественной аристократіи, другіе (Рожковъ) считаютъ его представителемъ интересовъ демократической партіи. При скудныхъ данныхъ первоисточниковъ вопросъ этотъ едва ли можетъ быть разрѣшенъ съ полною опредѣленностью. Есть одинъ аргументъ, который является почти рѣшающимъ, именно то, что во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ Т. М. за него вставали части города, населенныя простымъ народомъ,—Людинъ конецъ, улица Прусы и Загородскій конецъ, а противъ него—«онполовцы», т. е. жители Торговой стороны, торговая и имущественная аристократія. Исходя изъ этого, Т. М. слѣдовало бы считать вождемъ демократической партіи, но этому до извѣстной степени про-

тиворѣчитъ его тяготѣніе къ усиленію княжеской власти, за что онъ неоднократно подвергался обвиненіямъ. Попыткою выйти изъ этого противорѣчія было предположеніе, что въ борьбѣ съ боярами и въ стремленіи урѣзать ихъ могущество новгородскій демосъ самъ (а съ нимъ и вождь его, Т. М.) одно время искалъ союза съ княземъ и былъ сторонникомъ уширенія его власти за счетъ могущества бояръ. Исторически вообще совершенно правильное и допустимое, это предположеніе все же по отношенію къ Новгороду остается гипотезой и требуетъ спеціальныхъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ мнѣніе, что Т. М. былъ представителемъ интересовъ новгородской аристократіи, аргументируется значительно слабѣе противоположнаго, и его слѣдуетъ считать менѣе вѣроятнымъ.

Новгородская первая лѣтопись, Москва 1781, стр. 73, 76, 80, 82, 92—96.—Никоновская лѣтопись, ч. II, Спб. 1768, стр. 307, 317, 345.—Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики, ч. II, Спб. 1786, стр. 444, 447, 448, 454, 466, 467—471. Кн. Щербатовъ, „Россійская исторія“, т. II, стр. 449, 500.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. III, стр. 91, 103—105, 156; прим. 129, 132, 152, 153, 161, 180, 182, 208, 331, 369; т. VI, стр. 84, прим. 190.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. I, стр. 578, 579, 584, 596, 597.—Г. Калайдовичъ, „Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва 1821, стр. 110—118.—Д. Прозоровскій, „Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологіи и исторіи“, вып. IX, Спб. 1892, стр. 106—107 123,—Пассекъ, „Новгородъ самъ въ себѣ“, „Чтенія общества Исторіи и Древностей россійск“., 1869 г., кн. IV.—Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства“.—Н. А. Рожковъ, „Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вв.“, „Журналъ Минист. Народн. Просв.“, 1901, апрѣль, стр. 252, 260—261, 262, 263.

Твердышевъ, *Осипъ*, купецъ и фабрикантъ, принадлежалъ къ гостинной сотнѣ. Еще въ 1791 г. онъ имѣлъ лавки въ Симбирскѣ, около крѣпости. Въ 1790 г. Т. вмѣстѣ съ другими русскими купцами образовалъ въ Москвѣ компанію для усовершенствованія суконнаго производства; этой компаніи, во главѣ которой стоялъ Щеголинъ, Петръ Великій особымъ именнымъ указомъ отъ 17 февраля 1720 г. даровалъ различныя привилегіи; ей принадлежала крупнѣйшая фабрика того времени—«Большой суконный дворъ».

„Русская родословная книга“, изд. „Русской Старины“, Спб. 1873, т. I, стр. 307.—Е. II. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, Спб. 1874, стр. 208—209.—Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“, изд. 2-е, Спб. 1900, т. I, стр. 12.—Полное Собраніе Законовъ“ т. 76, стр. 136, № 3526.

Твердышевы, братья *Иванъ Борисовичъ*, коллежскій ассесоръ, купецъ, основатель многихъ мѣдноплавильныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ, и *Яковъ Борисовичъ*, его компаньонъ, директоръ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, родомъ изъ Симбирска, обладали значительными для своего времени богатствами. Существуетъ маловѣроятное преданіе, которое приводится и кн. П. Долгоруковымъ въ его «Mémoires», что къ промышленной дѣятельности ихъ направилъ Петръ Великій. Около Симбирска или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ ему пришлось переѣзжать черезъ Волгу. Гребцами на царской лодкѣ были три брата Т. (кромѣ Ивана и Якова еще ихъ младшій братъ Петръ, умершій въ 1749 г.). Петръ разговорился съ ними, братья ему понравились, показавшись бойкими и смышленными людьми, и Петръ предложилъ имъ идти на Уралъ, чтобы, подобно Демидову, заняться горнымъ дѣломъ. Когда Т. сослались на отсутствіе денегъ, Петръ распорядился дать имъ 50 рублей, съ которыми они и отправились на Уралъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что въ царствованіе Анны Іоанновны или въ самомъ началѣ царствованія Елизаветы Петровны Иванъ и Яковъ Т. вмѣстѣ съ Ив. Сем. Мясниковымъ-Пустинниковымъ, также изъ Симбирска, женатымъ на сестрѣ ихъ, задумали по примѣру Никиты Демидова искать счастья въ Пріуральскомъ краѣ. Свою дѣятельность они сосредоточили главнымъ образомъ въ Оренбургскомъ краѣ. Наиболѣе энергичнымъ изъ нихъ былъ Иванъ Т. Первоначально онъ вмѣстѣ съ компаньонами занялся торговыми дѣлами, бралъ на себя разные подряды и поставки для казны. Ему удалось внести значительное оживленіе въ торговлю Оренбурга и Уфы; онъ заботился также объ изысканіи болѣе прямыхъ и удобныхъ дорогъ. Благодаря этому онъ имѣлъ возможность брать поставки для казны по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ другіе. И дѣйствительно, при всѣхъ поставкахъ Иванъ Т. уступилъ казанской губернской канцеляріи болѣе 21 тысячи рублей противъ объявленной ею цѣны. Въ 1743 г. онъ подалъ генералъ-губернатору

прошеніе о передачѣ ему на опредѣленныхъ условіяхъ мѣдноплавильнаго казеннаго завода близъ Табанска. Это былъ единственный заводъ во всемъ краѣ, построенный еще въ 1736 или 1737 г., но вскорѣ оставленный. Ходатайство это поддерживалъ передъ бергъ-коллегіей начальникъ Оренбургскаго края Неплюевъ. И хотя о томъ же въ 1742 г. просилъ А. Н. Демидовъ, однако вопросъ рѣшенъ былъ бергъ-коллегіей въ пользу Т. въ виду того, что онъ исправно и дешевле другихъ исполнялъ казенные подряды. Вмѣсто возобновленія работъ стараго завода Т. построилъ новый, въ 90 вер. отъ Табанска, на рѣкѣ Торѣ, впадающей въ Бѣлую, на болѣе удобномъ мѣстѣ, назвавъ его Воскресенскимъ. Этимъ было положено начало металлургической промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Затѣмъ братья Т. основали рядъ другихъ заводовъ. Подъ конецъ жизни имъ принадлежало, кромѣ Воскресенскаго, 5 мѣдноплавильныхъ заводовъ: Преображенскій на рѣкѣ Урманъ, построенный въ 1748 г., Богоявленскій на Усолкѣ (1572), Архангельскій на Аксынѣ (1753), Верхоторскій у верховьевъ Торы (1574) и Покровскій, переставшій дѣйствовать во время возстанія Пугачева. Въ нихъ выплавлялось въ годъ по 25 тысячъ пудовъ мѣди. Кромѣ того имъ принадлежалъ лѣсопильный Симскій и слѣдующіе желѣзодѣлательные заводы: Катавъ-Ивановскій на р. Катавѣ, построенный въ 1757 г., молотовой Юрюзянь-Ивановскій на Юрюзянѣ (1758), Бѣлорѣцкій на Бѣлой (1762) и молотовой Усть-Катавскій. Въ разныхъ мѣстахъ на западномъ склонѣ Урала Т. открыли богатую желѣзную и мѣдную руду. Росту ихъ богатства способствовало еще и то, что имъ удавалось дешево скупать большія пространства земли у башкиръ. За свои труды по развитію горнозаводской промышленности Т. награждены были въ 1760 г. званіемъ потомственнаго почетнаго гражданства; кромѣ того Иванъ Т. получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а Яковъ назначенъ былъ директоромъ мѣдноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Подъ конецъ жизни имъ, кромѣ капиталовъ и заводовъ, принадлежало 76 тысячъ крѣпостныхъ. Иванъ Т. умеръ въ 1773 г., а Яковъ въ 1783 г. Ни тотъ, ни другой изъ братьевъ не оставилъ потомства: Иванъ умеръ бездѣтнымъ; у Якова была одна дочь, Татьяна, замужемъ за Гавриломъ Ильичемъ Бибиковымъ, но и она умерла бездѣтной ранѣе своихъ родителей. Поэтому все огромное состояніе Т. перешло въ руки четырехъ дочерей Мясникова, также не имѣвшаго мужского поколѣнія.

Е. П. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, Спб. 1874, стр. 208—210.—П. И. Рычковъ, „Оренбургская топографія“, Спб. 1762, ч. II, стр. 223—233.—„Сборникъ историческихъ и статистическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи“, 1868, стр. 186—192.—А. Артемьевъ, „Казанскія гимназіи въ XVIII вѣкѣ“, Спб. 1874, стр. 64—65.—„Русская родословная книга“, изд. „Русской Старины“, Спб. 1873, т. I, стр. 307—308.—„Русскій Архивъ“, 1872, стр. 235.—„Русская Старина“, 1872, ч. VI, стр. 682; 1875 г., ч. 12, № 2, стр. 394 и № 3, стр. 540.—В. Рожковъ, „Матеріалы къ исторіи горнаго промысла въ Оренбургскомъ краѣ“, „Горный Журналъ“, 1868, ч. 3, № 8, стр. 297.—„Историческій Вѣстникъ“, 1886, т. XXIII, стр. 575.—Pierre Dolgorukow, „Mémoires de prince“, Géneve 1867—1871, т. I, стр. 89—91.

Тверитиновъ, *Алексѣй Владиміровичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1742 г., умеръ 18 ноября 1798 г.; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ 1759 г., т. е. вскорѣ послѣ основанія этого учебнаго заведенія. Окончивъ корпусный курсъ и произведенный въ 1761 г. въ гардемарины, съ этого времени и вплоть до 1769 г. проходилъ практическую службу на судахъ Балтійскаго флота, причемъ былъ однимъ изъ участниковъ Кольбергской экспедиціи. Будучи мичманомъ (съ 1766 г.), онъ въ 1769 г. перешелъ въ Азовскую флотилію, гдѣ его вѣдѣнію на первое время были поручены 14 военныхъ лодокъ, а затѣмъ транспортное судно «Шантія», на которомъ онъ, уже въ чинѣ лейтенанта (съ 1772 г.), въ теченіе двухъ лѣтъ плавалъ по Азовскому и Черному морямъ. Въ 1774 г. Т., находясь въ эскадрѣ вице-адмирала А. К. Сенявина на кораблѣ «Модонъ», участвовалъ въ сраженіи при защитѣ Керченскаго пролива отъ турецкаго флота, когда послѣдній, несмотря на превосходство силъ, принужденъ былъ отступить съ урономъ. Послѣ очищенія сѣверныхъ береговъ Чернаго моря отъ непріятельскаго флота Т. получилъ въ командованіе гальотъ «Верблюдъ» и на немъ свободно могъ плавать между Керчью и Балаклавою. Затѣмъ Т. командовалъ послѣдовательно «малымъ» бомбардирскимъ судномъ, бо-

томъ «Міусъ», снова тѣмъ же гальотомъ «Верблюдъ», кораблемъ «Модонъ», на которомъ состоялось его первое серьезное боевое крещеніе, и фрегатомъ «Седьмой» въ эскадрѣ капитана Н. А. Карташова, плавалъ въ бассейнахъ Азовскаго и Чернаго морей, крейсировалъ у различныхъ береговъ послѣдняго, на кораблѣ «Азовъ» сдѣладъ нѣсколько переходовъ изъ Керчи въ Таганрогъ и обратно, въ 1777 г., произведенный въ капитанъ-лейтенанты, былъ командированъ въ Москву за церковною утварью для церкви св. Николая въ Таганрогѣ, наконецъ, въ слѣдующемъ году получилъ командировку въ Изюмскую и Бахмутскую провинціи для описи лѣсовъ и промѣра глубинъ рѣки Донца. Оттуда онъ возвратился въ концѣ 1779 г. и тогда же былъ назначенъ командиромъ фрегата «Крымъ», на которомъ оставался до января 1787 г., когда вмѣстѣ съ производствомъ въ капитаны 1-го ранга (2-го ранга получилъ въ 1783 г.) переведенъ совѣтникомъ черноморской интендантской экспедиціи. Слѣдующій чинъ — капитана бригадирскаго ранга Т. получилъ 8 іюня 1790 г. и черезъ полгода былъ назначенъ на должность «оберштеръ-кригскомиссара»; наконецъ, 24 ноября 1796 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и прикомандированъ къ адмиралтействъ-коллегіи, при которой и оставался до смерти.

„Общій морской списокъ“, ч. V, Спб. 1890, стр. 170—171.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ его существованія“, Спб. 1852.

Тверитиновъ, *Дмитрій Евдокимовичъ*, московскій еретикъ, родомъ изъ Твери, по которой и получилъ свое прозвище (настоящая фамилія его — *Дерюшкинъ*), былъ сначала стрѣльцомъ, потомъ перешелъ въ чернослободцы. Въ Москву Т. переселился въ 1692 г. и тамъ, чтобы снискать себѣ пропитаніе, служилъ у иноземцевъ разныхъ религій. Когда въ Нѣмецкой слободѣ въ 1700 г. Іоганномъ Грегори открыта была первая частная аптека, Т. поступилъ туда, съ цѣлью, по его словамъ, «искать науки у дохтуровъ и лекарей». Природа одарила его пытливымъ умомъ и живою воспріимчивостью; онъ былъ «между другими отъ натуры остроумнѣе и тщаливѣе». Учась лекарскому искусству, Т. въ то же время живо интересовался религіозными вопросами, жадно прислушивался къ разговорамъ въ этомъ смыслѣ, нерѣдко и самъ принималъ въ нихъ участіе. Это было время, когда свобода вѣрованія не испытывала особенныхъ стѣсненій. Въ указѣ 1702 г. Петръ I объявлялъ: «Мы... совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о спасеніи души своей». Объ этомъ же говаривалъ и Т.: «Нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, повольно всякому, кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ». Понятно, что только при такихъ условіяхъ могло свободно развиться, а главное — свободно распространиться то ученіе, основателемъ котораго явился Т.

Понявъ, что съ его элементарнымъ образованіемъ далеко не уйти, и сгорая жаждою основательно познакомиться съ разными вѣрованіями, Т. не остановился передъ трудностью изученія латинскаго языка и, преодолѣвъ его, съ жаромъ набросился на чтеніе Библіи, катехизисовъ и разныхъ религіозныхъ трактатовъ. Въ результатѣ этого чтенія и постоянныхъ бесѣдъ съ образованными обитателями Нѣмецкой слободы онъ усвоилъ себѣ многія изъ протестантскихъ воззрѣній, которыя впослѣдствіи развилъ и дополнилъ собственными домыслами. Т. отрицалъ авторитетъ церковнаго преданія, отвергалъ значеніе церкви съ ея іерархіей, соборами и св. отцами, говоря: «Я самъ церковь, во Христѣ всѣ—цари и іереи»; признавая единственнымъ ходатаемъ Іисуса Христа, онъ видѣлъ заблужденіе во всякомъ посредничествѣ между человѣкомъ и Богомъ, въ ходатайствѣ ангеловъ, Богоматери и святыхъ, отвергая почитаніе ихъ; тѣмъ менѣе могло быть допустимымъ, по убѣжденіямъ Т., такое посредничество простого человѣка, почему онъ молитву за умершихъ считалъ почти кощунствомъ; отрицалъ онъ, далѣе, знаменія, чудеса, всѣ обряды, почитаніе иконъ, креста и мощей, посты, монашество и другія установленія церкви. Единственное, что онъ признавалъ и на чемъ строилъ какъ все свое отрицаніе, такъ и положительные выводы, былъ Ветхій и Новый Завѣтъ. Изъ этого видно, что протестантизмъ оказалъ большое и несомнѣнное вліяніе на складъ воззрѣній Т., однако его нельзя назвать простымъ послѣдователемъ и рас-

пространителемъ ученія средневѣковыхъ реформаторовъ, — протестантской догмы. Отъ протестантизма воззрѣнія Т. существенно отличались тѣмъ, что онъ не принялъ основного догмата протестантовъ— объ оправданіи одною вѣрою, а напротивъ говорилъ, что человѣкъ спасается единственно по дѣламъ своимъ и заслугамъ. «Правая вѣра—говорилъ онъ—отъ добродѣтели познавается»; спасеніе не въ догмѣ, а въ жизни; отсюда его убѣжденіе, что «спастись можно во всѣхъ вѣрахъ», чему онъ находилъ подтвержденіе и въ словахъ апостола: «Бояйся Бога и дѣлаяй правду во всякомъ языцѣ пріятенъ ему есть». Нѣкоторыми сторонами своихъ воззрѣній онъ сходился съ сектой стригольниковъ, имѣвшей значительное распространеніе при Іоаннѣ III въ Новгородѣ и въ Москвѣ; къ такимъ сторонамъ относятся его непризнаніе церковной іерархіи, моленія ангеламъ, святымъ и «стихословіе похвалъ». Его аргументы противъ разныхъ церковныхъ установленій нерѣдко очень сильны и поражаютъ своею яркостью; видно, что они принадлежатъ не книжнику, черпающему свои доводы изъ различныхъ писаній и трактатовъ, а человѣку, самостоятельно искавшему разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ, размышлявшему надъ ними долго и настойчиво.

Воззрѣнія Т. какъ нельзя болѣе подходили къ той эпохѣ, въ которой онъ жилъ,— эпохѣ преобразованій Петра, ломки старыхъ учрежденій и обычаевъ. Вполнѣ естественно, что и въ области религіи раздался протестъ противъ устарѣвшихъ и въ своей неподвижности застывшихъ формъ. Въ противоположность ученію другихъ сектантовъ, ученіе Т. не призывало къ оставленному прошедшему, а именно противъ него и противъ всего того, что отъ него еще осталось, возставало; его догма—протестъ русской старинѣ въ дѣлахъ церкви, именно въ дѣлахъ церкви, а не вѣры, протестъ, отрицаніе, реформа, почему она такъ и подходила ко всей дѣятельности Петра, и почему Петръ инстинктивно, безотчетно благоволилъ къ Т. Еще одно обстоятельство очень характерно для ученія Т.—въ немъ относительно очень мало мистицизма, неизмѣннаго спутника ученій, возникающихъ въ моменты, такъ сказать, общественныхъ тупиковъ; напротивъ, вполнѣ гармонируя съ духомъ времени, ученіе Т. проникнуто значительной дозой здраваго смысла, реализма.

Т. пользовался всякимъ случаемъ, чтобы распространить свои воззрѣнія. Если больной у него просилъ лекарства отъ болѣзни глазъ или зубной боли, онъ съ насмѣшкой совѣтовалъ ему сдѣлать серебряный глазокъ или зубокъ къ образу св. Ипатія или Антипія чудотворца; если заставалъ больного за чтеніемъ церковной книги, то отговаривалъ отъ чтенія, утверждая, что въ Библіи находится все нужное для спасенія; при видѣ постной пищи, вооружался противъ постовъ; встрѣчаясь съ людьми, интересовавшимися богословскими вопросами, заводилъ рѣчь о догматахъ, отличавшихъ православную церковь отъ протестантской, и, смотря по обстоятельствамъ, то прямо критиковалъ православное ученіе, то притворялся сомнѣвающимися. По свидѣтельству знавшихъ его, человѣкъ «неглупый въ политикѣ», Т. имѣлъ «незатыкаемыя уста», любилъ говорить о богословскихъ предметахъ и говорилъ красно и убѣдительно. Его недюжинный даръ слова и манеру говорить оффиціальный документъ, «Записка» объ его дѣлѣ, характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Онъ имѣетъ понравіе уклонное, мягкое и весьма льстивое, такъ что уже и тѣломъ своимъ не можетъ быть не уклоненъ, не уступчивъ, не прегибателенъ на тотъ бокъ и на другой; такожде и шею свою и на то и на другое плечо полагаетъ, и самъ весь изгибается, и говоритъ очень вѣжливо, утѣшно, смѣхомъ растворяя; приступаетъ и уступаетъ и всячески мастеритъ, дабы тому, что съ кѣмъ говоритъ, пріятенъ былъ, и таковымъ понравіемъ такъ одаренъ, что едва равнаго ему обрѣсти можно». Разсужденія Т. слушались «въ сладость», съ удовольствіемъ. Онъ самъ искалъ серьезныхъ противниковъ, съ которыми вступалъ въ споръ, и часто ходилъ въ славяно-греколатинскую академію для диспутовъ какъ съ профессорами, такъ и съ воспитанниками ея. Сравнительно малообразованный человѣкъ, онъ владѣлъ такимъ стихійнымъ талантомъ діалектики, что изъ споровъ даже съ серьезнѣйшими противниками выходилъ побѣдителемъ. По словамъ той же «Записки» объ его дѣлѣ, онъ «едва не прельстилъ» архимадрита Златоустинскаго монастыря Антонія и «повредилъ» даже префекта славяно-греко-латинской академіи и учи-

теля философіи Стефана Прибыловича, уѣхавшаго изъ Москвы съ «болѣзнью сердца»,—съ сомнѣніями, посѣянными въ немъ Т. Однажды пригласилъ его къ себѣ для преній сенаторъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, почитавшій себя и другими почитаемый за человѣка весьма начитаннаго въ богословіи. Т. однако «переговорилъ его такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ четверть часа заставилъ его замолчать». Тѣмъ сильнѣе, было, конечно, вліяніе его на людей малообразованныхъ. Въ спорахъ онъ выдвигалъ преимущественно собственныя разсужденія, но не пренебрегалъ и текстами изъ всященнаго писанія, которое зналъ почти сплошь наизусть. Въ особыхъ тетрадяхъ онъ собралъ до 500 наиболѣе характерныхъ текстовъ, раздѣливъ ихъ на группы въ доказательство отдѣльныхъ своихъ мнѣній и каждую группу отмѣтивъ особенными надписями, вродѣ слѣдующихъ: «О идолѣхъ языческихъ»—противъ иконопочитанія, «О тлѣніи человѣческаго естества»—противъ чествованія мощей, и др. Эти тетради вмѣстѣ съ переведеннымъ на русскій языкъ «Лютеровымъ катехизисомъ» онъ давалъ читать и списывать. Въ переднемъ углу комнаты, гдѣ жилъ Т., находился листъ съ начертанными на немъ первыми двумя заповѣдями, непонятно почему выдвинутый позже противниками Т. какъ главная улика противъ него въ ереси.

12 лѣтъ спокойно прожилъ Т. въ Москвѣ. Въ теченіе этого времени онъ пріобрѣлъ не одну тысячу послѣдователей какъ въ древней столицѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Многіе сами распространяли его ученіе. Наиболѣе ревностными и способными его послѣдователями были его двоюродный братъ Ѳома Ивановъ, фискалъ Михайло Андреевъ Косой, воспитанникъ славяно-греко-латинской академіи Ивашка Максимовъ и шуринъ Т., Петръ Олисовъ, позже ставшій его противникомъ и всячески добивавшійся, чистыми и нечистыми мѣрами, его осужденія. Правительственныя лица были хорошо освѣдомлены объ его мнѣніяхъ, но долгое время оставляли его въ покоѣ, вѣроятно въ виду упомянутаго указа Петра о вѣротерпимости. Однако, благодаря доносамъ и происканъ упомянутаго Петра Олисова и другихъ противниковъ Т., духовенство зорко слѣдило за нимъ, а въ 1713 г. рѣшилось начать противъ него слѣдственное дѣло по обвиненію въ ереси. Первымъ былъ схваченъ Ивашка Максимовъ, а затѣмъ по оговорамъ послѣдняго—Т. и другіе его послѣдователи. Главнымъ двигателемъ этого дѣла о «новыхъ московскихъ философахъ» или «московскихъ вольнодумцахъ» былъ мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій. Не ожидая даже окончанія слѣдствія, онъ въ маѣ того же 1773 г. произнесъ проповѣдь, направленную противъ Т. и его ученія и исполненную рѣзкихъ и не всегда справедливыхъ нападокъ. И началъ и кончилъ мѣстоблюститель свою проповѣдь текстомъ: «Отче святый, соблюди ихъ во имя Твое... да будутъ едино, яко же и мы», съ чѣмъ въ кричащемъ противорѣчіи находится вся его послѣдующая дѣятельность въ этомъ дѣлѣ. Слѣдствіе о послѣднемъ велось духовнымъ начальствомъ при содѣйствіи Преображенскаго приказа. Какъ Т., такъ и схваченные его послѣдователи были признаны виновными. Т. и Косому какимъ-то образомъ удалось ускользнуть изъ Преображенскаго приказа и бѣжать въ Петербургъ, гдѣ они жаловались кн. Як. Ѳед. Долгорукову, обѣщавшему имъ свое покровительство. Когда изъ Преображенскаго приказа въ Петербургѣ было получено требованіе выдать Т., то за него заступились многіе вліятельные сановники: Долгоруковъ, сенаторъ Мих. Мих. Самаринъ и Тих. Никит. Стрѣшневъ, александро-невскій архимандритъ Ѳеодосій и др., все лица, не любившія Яворскаго. По просьбѣ Долгорукаго, Петръ въ августѣ, несмотря на всѣ хлопоты Яворскаго, приказалъ дѣло о Т. и его послѣдователяхъ изъять изъ Преображенскаго приказа и передать на новое разсмотрѣніе въ сенатъ. Только благодаря этому Т., по выраженію автора «Молотка на Камень вѣры», «избѣгъ меча», ибо сенатъ, выслушавъ всѣхъ обвиняемыхъ, объявившихъ себя православными, а когда-либо произнесенныя «дерзкія слова» объяснившихъ или спорами для упражненій въ латинскомъ языкѣ, или еще проще — опьяненіемъ, не нашелъ въ дѣлѣ чего-либо серьезнаго. Примѣчательно, что изъ всѣхъ обвиняемыхъ Т. оправдался полнѣе всего. Указомъ Петра отъ 3 іюня 1714 г. было повелѣно товарищей Т. по дѣлу послать въ Москву къ Яворскому, и «хотя они и сказали, что пребываютъ въ православіи, однако все еще ихъ освидѣтельствовать духовно, истинно ли они православную вѣру содержатъ и

если явится, что истинно, то... въ торжественный день, въ соборной церкви велѣть имъ самимъ о себѣ объявить, что они въ православной вѣрѣ пребываютъ твердо, дабы тѣмъ объ нихъ народное мнѣніе искоренить». Что же касается Т., то никакимъ предварительнымъ испытаніямъ подвергать его не найдено было нужнымъ, и митрополиту Стефану въ томъ же приказѣ прямо предписывалось «всенародно объявить, что онъ, Димитрій, ... въ церковныхъ догматахъ противленія никакого не имѣетъ... и въ Петербургѣ св. тайнъ причаститися сподобленъ, дабы тѣмъ объявленіемъ объ немъ, Димитріи, прежнее всенародное мнѣніе искоренить и учинить его свободна». Такимъ образомъ, Петръ, удовлетворившись отреченіемъ Т. отъ еретическихъ мнѣній, категорически предписывалъ Яворскому присоединить его къ православной церкви и «учинить свободна». Однако Стефанъ, вопреки царской волѣ, поступилъ иначе: и Т., и его единомышленниковъ онъ подъ крѣпкимъ карауломъ заключилъ по монастырямъ, снова началъ слѣдственное дѣло о нихъ и обнародовалъ «увѣщаніе къ православнымъ», приглашая всѣхъ, кто что-либо о нихъ знаетъ, объявить о томъ, донести «освященному собору, а кто утаитъ—будетъ подъ соборною клятвою». Яворскій считалъ себя въ правѣ возобновить дѣло потому, что къ нему поступили будто бы новые документы, съ несомнѣнностью свидѣтельствующіе о виновности Т., но если бы это было такъ, то не было никакой надобности обращаться съ воззваніемъ о доносахъ. Документы, на которые ссылался Яворскій, были—тетради Т. съ текстами изъ писанія и его таблица съ первыми двумя заповѣдями, но первыя изъ нихъ и раньше были въ рукахъ слѣдственной власти, а вторая ни съ какой стороны не могла послужить обвинительнымъ матеріаломъ. Мотивы, побудившіе мѣстоблюстителя продолжать это дѣло, слѣдуетъ искать въ другой плоскости: это былъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы духовной власти съ свѣтской изъ-за преобладанія въ сферѣ духовныхъ дѣлъ. Боявшійся царя, чтобы вести съ нимъ борьбу открыто, нерѣшительный Яворскій ухватился за это дѣло, въ которомъ формально право было на его сторонѣ, потому что наличность отклоненія Т. отъ православія являлась несомнѣнной, но сила была на сторонѣ Петра.

Доносчики, конечно, нашлись, хотя показанія ихъ ничего новаго и существеннаго къ уже извѣстному не прибавили. Т., заключенный въ Заиконоспасскій монастырь, обратился съ жалобою къ Петру на дѣйствія Яворскаго, но мѣстоблюститель задержалъ ее. Сильно повредилъ своимъ товарищамъ Ѳома Ивановъ, находившійся на покаяніи въ Чудовомъ монастырѣ: доведенный до отчаянія крутымъ обращеніемъ съ нимъ, онъ разсѣкъ косаремъ въ церкви образъ св. Алексія чудотворца, за что позже былъ сожженъ. Яворскій по обыкновенію снова выступилъ противъ Т. и его единомышленниковъ въ рядѣ проповѣдей и въ одной изъ нихъ, не дожидаясь рѣшенія собора, предалъ ихъ анаѳемѣ. Московскому собору оставалось только присоединиться къ рѣшенію его главы, что онъ и сдѣлалъ, въ 1714 г. предавъ еретиковъ проклятію и отдавъ ихъ гражданскому суду. Но прежде чѣмъ гражданскій судъ произнесъ свой приговоръ надъ Т. и его «богопротивной компаніей», дѣло о немъ опять было потребовано въ Петербургъ, чего добился кн. Долгоруковъ, спеціально изъ-за этого на время переселившійся въ Москву и внимательно слѣдившій за дѣйствіями Яворскаго. Петръ приказалъ и самому Яворскому явиться въ Петербургъ «къ отвѣту о бывшемъ соборѣ» и за неисполненіе царскаго указа объ освобожденіи Т. Въ мартѣ 1715 г. дѣло Т. вновь разсматривалось въ сенатѣ и приняло совершенно неблагопріятный оборотъ для мѣстоблюстителя, такъ что однажды «сенаторы съ великимъ студомъ и жалемъ изгнали его вонъ». Изъ обвинителя Яворскій превратился въ обвиняемаго. Т. къ тому же представилъ нѣкоторые документы, изъ которыхъ явствовало, что мѣстоблюститель самъ относился, по крайней мѣрѣ въ прошломъ, сочувственно къ протестантизму. По указу Петра отъ 22 февраля 1715 г. Т. былъ отданъ одному изъ архіереевъ «въ служеніе при его домѣ,... дабы непоколебимъ въ вѣрѣ». Въ 1718 г. онъ былъ освобожденъ на поруки, и впослѣдствіи, окончательно отрекшись отъ своихъ воззрѣній, ходатайствовалъ о полномъ прощеніи. Синодъ въ 1723 г. опредѣлилъ разрѣшить его отъ церковнаго проклятія, и онъ былъ принятъ въ церковное общеніе.

Литературнымъ памятникомъ религіоз-

наго броженія, связаннаго съ именемъ Т., остались три полемическихъ сочиненія: первое — Стефана Яворскаго, вышедшій уже послѣ его смерти извѣстный «Камень вѣры»; второе—«Рожнецъ духовный», написанный шуриномъ Т., Петромъ Олисомъ, въ иночествѣ Пафнутіемъ; третье—«Молотокъ на Камень вѣры», направленный, какъ видно изъ названія, противъ сочиненія Яворскаго; авторъ «Молотка» неизвѣстенъ.

Слѣдственное дѣло о Т. находится въ Московской синодальной библіотекѣ, № 58.—„Записка о дѣлѣ Тверитинова", составленная Леонтіемъ Магницкимъ, въ „Памятникахъ древней письменности", Спб. 1882, стр. I—XII, I—V, 1—272. — Тетради Т. и выдержки изъ слѣдственнаго дѣла о немъ напечатаны въ „Православн. Обозр.", 1863, № 8. — Митроп. Стефанъ, „Камень вѣры", съ предисл. Θеοфилакта Лопатинскаго, М. 1728, 1729 и 1730 (три изданія). — Инокъ Пафнутій, „Рожнецъ духовный", рукопись въ Московскомъ Публичномъ музеѣ, № 1226 (безъ указанія имени автора).—И. Чистовичъ, „Неизданныя проповѣди митропол. Ст. Яворскаго", „Христіанск. Чтеніе", 1867.—„Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода", т. I и II (помѣщена часть протоколовъ сенатскаго суда и приведены нѣкоторые оффиціальные документы).—„Сборникъ Русск. Историч. Общества", т. XI, стр. 301. — Ф. Терновскій, „Мѣстоблюститель патріаршаго престола, митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій и Димитрій Тверитиновъ", „Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ", ч. XXI, Москва 1862. — Его же, „Митрополитъ Стефанъ Яворскій", „Труды Кіевской Духовной Академіи", тт. I—II. — Его же, „Московскіе еретики въ царствованіе Петра I", „Православное Обозрѣніе", 1863, № 4, стр. 305—347; № 5, стр. 111—135; № 6, стр. 323—338. — Его же, „«Рожнецъ духовный» и «Камень вѣры». Два полемическихъ сочиненія противъ московскихъ еретиковъ", тамъ же, 1863, № 12.— „Памятники древней письменности. Дѣло Тверитинова", тамъ же, 1883, № 8. — Д. Извѣковъ, „Проповѣдническая и противопротестантская литература на Руси", тамъ же, 1871, № 1, стр. 80—90.—Его же, „Изъ исторіи богословской полемической литературы XVIII вѣка", тамъ же, 1871, № 8.—Н. Тихоправовъ, „Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій", „Русскій Вѣстникъ", 1870, № 9; 1871 г., №№ 2, 6 (перепечатано въ „Собраніи сочиненій", т. II, Москва 1898). — Н. Покровскій, „Борьба съ протестантскими идеями въ петровское время", тамъ же, 1872, № 9.—Протоіерей І. Моревъ, „«Камень вѣры» Стефана Яворскаго, его мѣсто среди отечественныхъ противопротестантскихъ сочиненій и характеристическія особенности его догматическихъ воззрѣній", Спб. 1904. — Его же, „Митроп. Стефанъ Яворскій въ борьбѣ съ протестантскими идеями своего времени", Спб. 1905. — Чистовичъ, „Θеοфанъ Прокоповичъ и его время", Спб. 1868, стр. 415.—В. В. Андреевъ, „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи", Спб. 1870, стр. 241—263. — Филаретъ, „Исторія русской церкви", періодъ IV.—П. Знаменскій, „Руководство къ русской церковной исторіи", Казань 1888. — А. Доброклонскій, „Руководство по исторіи русской церкви", вып. IV, Москва 1893. — Устряловъ, „Исторія Петра Великаго", т. VI. — С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. 1866, т. XVI, стр. 336—344; изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. IV, стр. 256—262.—„Московск. Вѣдомости", 1883, № 108.— Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, стр. 708—709.

Тверитиновъ, *Сергѣй Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ; родился въ 1820 г.; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1842 г. произведенъ въ гардемарины, а два года спустя въ мичманы и оставленъ въ офицерскомъ классѣ. Ближайшіе затѣмъ годы на фрегатѣ «Отважность» и яхтѣ «Нева» плавалъ въ Балтійскомъ морѣ; въ 1848 г. переведенъ въ Черноморскій флотъ; на корветѣ «Три Іерарха», на транспортѣ «Мамай», фрегатѣ «Кулевчи», пароходо-фрегатѣ «Бессарабія» и бригѣ «Птоломей» въ кампаніи 1849—1853 гг. то крейсировалъ по Черному морю, то несъ охранительно-береговую или транспортную и продовольственную службу. Въ 1853 г. на «Бессарабіи» участвовалъ въ синопскомъ сраженіи, за которое былъ награжденъ Анной 3-й степени и годовымъ окладомъ. Во время Севастопольской обороны сначала находился на рейдѣ, съ 13 сентября 1854 г. по 27 марта слѣдующаго былъ въ гарнизонѣ, на бастіонѣ Корнилова и на редутѣ Камчатка, причемъ на послѣднемъ 26 мая былъ раненъ штуцерною пулей въ голову и осколкомъ бомбы въ грудь, но скоро оправился и состоялъ по особымъ порученіямъ при Нахимовѣ во время бомбардировокъ. За Севастополь награжденъ Владиміромъ 4-й и Анной 2-й степени и золотою полусаблей съ надписью «За храбрость». Въ апрѣлѣ 1857 г., будучи въ чинѣ капитанъ-лейтенанта и оставаясь въ морскихъ спискахъ, былъ переведенъ на гражданскую службу — сначала николаевскимъ городничимъ (въ Самарской губ.), потомъ самарскимъ полицеймейстеромъ. Въ сентябрѣ 1864 г., въ чинѣ капитана 2-го ранга (съ 1862 г.) назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ войска Оренбургскаго края по части оберъ-квартирмейстера для завѣдыванія отдѣленіемъ по аральской флотиліи. 27 марта

1866 г. повышенъ въ капитаны 1-го ранга и въ ноябрѣ слѣдующаго года назначенъ на должность Гурьевскаго уѣздаго начальника, а также предсѣдателемъ организаціонной комиссіи по введенію новаго положенія между киргизами въ Гурьевскомъ уѣздѣ. Осенью 1870 г. находился въ Киргизской степи начальникомъ военнаго отряда для усмиренія адаевцевъ и уничтоженія хищныхъ шаекъ, а также для повѣрки пригодности мѣстности при озерѣ Масме, избранной подъ укрѣпленіе. Съ 7 апрѣля по 9 октября 1871 г. командовалъ отрядомъ, посланнымъ на нижнюю Эмбу для постройки укрѣпленія на раньше имъ обозрѣнномъ мѣстѣ при озерѣ Масме и для изысканій пути въ Хиву. Въ августѣ этого же года назначенъ предсѣдателемъ временнаго совѣта по управленію внутреннею киргизскою ордою. 31 марта 1874 г. переименованъ въ военный чинъ и повышенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по адмиралтейству, гдѣ и числился до апрѣля 1884 г., когда вмѣстѣ съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты былъ уволенъ отъ службы. Умеръ 20 марта 1885 г. Высшей наградой имѣлъ орденъ св. Станислава 1-й степени.

„Общій морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1900, стр. 11—13.

Тверскіе *великіе и удѣльные князья*— могущественный и многочисленный княжескій родъ древней Руси, въ теченіе почти двухъ съ половиною столѣтій стоявшій во главѣ великаго княжества Тверского, отъ названія котораго и получилъ свое собирательное имя. О времени основанія центральнаго пункта Тверского княжества, Твери, въ старину писавшейся также Тферью и Тьферью, мнѣнія варьируютъ; одни историки относятъ это событіе къ 1181 г., когда Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо для охраненія своихъ владѣній отъ набѣговъ новгородской вольницы поставилъ при устьѣ Тверцы (это имя рѣка пріобрѣла впослѣдствіи) крѣпостцу, которая позже, около 1240 г., съ низменнаго и потому часто заливаемаго водою лѣваго берега Волги была перенесена на правый, нагорный берегъ. Этому предположенію о суздальскомъ происхожденіи Твери, основанному на нѣкоторыхъ, впрочемъ не совсѣмъ опредѣленныхъ лѣтописныхъ данныхъ, противополагается другое мнѣніе, впервые высказанное проф. Бѣляевымъ и основывающееся на историческихъ соображеніяхъ общаго характера. Не отрицая того, что крѣпостца Тверь дѣйствительно заложена въ 1181 г.; проф. Бѣляевъ, а за нимъ и другіе историки считаютъ вполнѣ вѣроятнымъ, что основанію крѣпостцы на лѣвомъ берегу Волги предшествовало основаніе на правобережной сторонѣ торговаго поселенія, начало которому значительно раньше было положено новгородцами; сохранилась даже грамота отъ 1134 или 1135 г., въ текстѣ которой упоминается «тверской гость», изъ чего слѣдовало бы сдѣлать рѣшительное заключеніе о существованіи Твери уже въ это время, если бы подлинность грамоты не подлежала сомнѣнію. Въ общемъ можно считать установленнымъ, что въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка новгородцами на принадлежавшемъ имъ тогда правомъ берегу Волги основано торговое поселеніе, которое никакой политической роли не играло и потому лѣтописями обходилось молчаніемъ, а затѣмъ въ первой четверти XII вѣка на противоположномъ берегу суздальскими князьями заложена была крѣпость, позже перенесенная на правый берегъ, послѣ покоренія послѣдняго Владимірскимъ княжествомъ. Первое вполнѣ опредѣленное лѣтописное слово о Твери относится къ 1209 г. въ связи съ раздорами между Новгородомъ и вел. кн. Всеволодомъ, сынъ котораго Константинъ ходилъ на Торжокъ и затѣмъ, согласно Лаврентьевской лѣтописи,—«возвратишеся съ *Тьфери*», а Воскресенская лѣтопись, говоря о томъ же, выражается еще яснѣе — «сынове Всеволожи отошли суть на *Тверь* въ Володимеръ ко отцю своему».

Въ началѣ XIII в. Тверь несомнѣнно принадлежала владимірско - суздальскимъ князьямъ и примыкала къ Переяславльскому удѣлу; это видно, наприм., изъ того, что приглашенный къ себѣ новгородцами и до того сидѣвшій въ Переяславлѣ Ярославъ Всеволодовичъ, прибывъ въ Новгородъ и схвативъ новгородскаго тысяцкаго Якуна Зуброшинича и новоторжскаго посадника Ѳому Доболомича, «поточи я въ *Тверь*», и позже, когда тотъ же Ярославъ поссорился съ Новгородомъ, «его мужи, собравши *тверичь*, путь отъ Новгорода засѣкоша и рѣку Тверцу», т. е. препятствовали подвозу въ Новгородъ товаровъ и

жизненныхъ припасовъ; наконецъ, вставшій на защиту новгородцевъ кн. торопецкій Мстиславъ Удалый, получивъ отъ Ярослава отказъ заключить съ Новгородомъ миръ и прекратить враждебныя дѣйствія, отомстилъ Ярославу походомъ на ту же Тверь, Ярославъ же, «слышавъ, оже грабятъ *тверьское*, иде съ Торжку во Тверь», результатомъ чего былъ извѣстный Липецкій бой. Приведенныя данныя съ достаточною опредѣленностью свидѣтельствуютъ о томъ, что Тверь въ указанное время принадлежала къ отчинѣ Ярослава, т. е. къ Переяславльскому удѣлу. Съ другой стороны, выраженіе «грабятъ *тверьское*», по толкованію новѣйшихъ историковъ, равносильно выраженію «грабятъ Тверской край» и указываетъ на видное положеніе Твери уже въ это время, возвысившейся до того, что ея именемъ обозначается цѣлый край. Послѣ 1216 г., т. е. со времени опустошеній Мстислава, Тверь почти совсѣмъ не упоминается до эпохи нашествія татаръ, когда и она и прилегающій къ ней край были сильно опустошены.

Начало самостоятельнаго существованія Тверского княжества нужно отнести къ 1245—1247 гг. Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ смерти своего брата сдѣлавшійся великимъ княземъ Владимірскимъ, отдалъ прежній свой удѣлъ, Переяславль, сыну Александру (Невскому), а Тверь—другому сыну, Ярославу Ярославичу, который и является первымъ самостоятельнымъ тверскимъ княземъ. Во вновь образовавшееся княжество, помимо самой Твери, вошли еще слѣдующіе болѣе крупные населенные пункты: Кашинъ, Микулинъ, Холмъ, Ржева, Зубцовъ, Новый Городокъ (Старица).

Пространство, занимаемое Тверскимъ княжествомъ, относительно было небольшое—около 140—150 верстъ въ длину и отъ 20 до 85 верстъ въ ширину. Тѣмъ не менѣе, уже на первыхъ порахъ своего существованія Тверь пріобрѣла исключительное положеніе среди другихъ княжествъ древней Руси, чему способствовали, съ одной стороны, ея военные успѣхи, и съ другой—то обстоятельство, что первые тверскіе князья были вмѣстѣ съ тѣмъ и великими князьями Владимірскими. О значеніи тверскихъ князей можно судить и по тому, что многіе изъ нихъ одновременно княжили и въ богатомъ и могущественномъ Великомъ Новгородѣ, иногда приводя его свободолюбіе подъ свою волю, а Новгородъ, какъ извѣстно, приглашалъ къ себѣ въ князья только самыхъ сильныхъ изъ Рюриковичей. Въ началѣ XIV в. соперницей Твери выступаетъ Москва. Съ этого времени между двумя сильнѣйшими сѣверно-русскими княжествами — Тверскимъ и Московскимъ—начинается жестокая и упорная борьба, видимымъ объектомъ которой являлось великое княжество Владимірское, а истиннымъ — политическое преобладаніе, политическая гегемонія. Борьба продолжалась около 180 лѣтъ, вначалѣ съ перемѣннымъ успѣхомъ для той и другой стороны, даже скорѣе съ большимъ успѣхомъ для Твери, князья которой продолжали еще долгое время оставаться Владимірскими великими князьями и вершить дѣла на Сѣверной Руси по своей волѣ; но потомъ, при московскомъ князѣ Иванѣ Калитѣ и особенно при Дмитріи Донскомъ, чаша вѣсовъ склонилась на сторону Москвы, и Тверь потеряла свое первенствующее положеніе, а въ 1486 г. она совсѣмъ была покорена и поглощена своей соперницей.

Тверское княжество на своей территоріи дало начало нѣсколькимъ удѣльнымъ княжествамъ, въ отличіе отъ которыхъ оно стало называться великимъ,—эпитетъ, который перешелъ и къ самимъ князьямъ, сидѣвшимъ на тверскомъ столѣ. Впервые въ особый удѣлъ вышелъ Кашинъ, который около 1319 г. достался младшему сыну Михаила Юрьевича—Василію. *Кашинскіе князья*—единственно изъ всѣхъ удѣльно-тверскихъ князей добились выдающагося положенія и настолько усилились, что вели, и не безъ успѣха, борьбу даже съ Тверью. Почти одновременно съ Кашинскимъ возникли и другіе удѣлы на Тверской землѣ: Холмскій—первый князь Всеволодъ Александровичъ (14), Микулинскій — Михаилъ Александровичъ (26), Зубцовскій—Борисъ Александровичъ (7), Дорогобужскій—первый князь неизвѣстенъ, вѣроятно, Константинъ Михайловичъ (24). Удѣльно-тверскіе князья *Холмскіе*, *Микулинскіе*, отъ которыхъ позже обособились кн. *Телятевскіе* съ удѣломъ того же имени, затѣмъ кн. *Зубцовскіе*, удѣлъ которыхъ какъ выморочный вскорѣ снова вошелъ въ собственно Тверское княжество,—играли роль второстепенную и въ договорныхъ грамотахъ всегда фигурируютъ какъ «молодшая

братія» Тверскихъ князей. Наконецъ, кн. *Дорогобужскіе* и произошедшіе отъ нихъ кн. *Чернятинскіе*, за исключеніемъ Еремѣя Константиновича (изъ числа первыхъ), въ исторіи Твери вообще почти никакой роли не играютъ и даже въ лѣтописяхъ встрѣчаются рѣдко.

I. Родословныя. А. Рукописныя: Въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ №№ 84/110 (4°, гл. 8), 174/280 (F°, гл. 8), 187/296 („Родословная книга о великихъ князехъ отъ Августа Кесаря Римскаго и о великихъ князехъ великіе Россіи Московскаго государства и о удѣльныхъ князехъ", 4°), 222/383 („Родословецъ", 4°), 592/1094 („Родословецъ русскихъ великихъ князей и удѣльныхъ князей русскихъ"); въ Импер. Публичн. библіотекѣ — Q, IV, №№ 47, 102 (гл. 8), 272; тамъ же, въ отд. древнехранилища М. П. Погодина—№№ 1518 („Лѣствица великихъ государей и великихъ князей русскихъ") и 1604; въ библіотекѣ Имп. академіи наукъ—№№ 29 (4°, гл. 8—9), 31 (4°) и 37 (F°); въ Моск. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ — №№ 177, 178 и 179 (4°, гл. 10). — Б. Изданныя: „Родословная книга въ трехъ спискахъ, синодальному и двумъ другимъ", изд. „Времен. Импер. Моск. общ. истор. и древн. Россійск.", кн. X, Москва 1851.—„Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ" („Бархатная книга"), ч. II, Москва 1787, гл. 7.— М. Г. Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ", Москва 1810.— Т. Мальгинъ, „Зерцало россійскихъ государей", изд. 3-е, Спб. 1791.—„Родословная книга великихъ и удѣльныхъ князей рода Рюрикова", въ „Запискахъ касательно россійской исторіи", ч. V, Спб. 1793.—И. Жанти, „Родословная царей и князей русскихъ... съ присоединеніемъ хронологическихъ таблицъ", Тифлисъ 1888.—П. Строевъ, „О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ", „Сынъ Отечества", 1844, ч. XIV, и „Жизнь и труды П. М. Строева".—(Приписываемый Екатеринѣ II) „Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ рода Рюрикова", Спб. 1793.—Л. Митонъ, „Родословная владѣтельныхъ россійскихъ князей по росписямъ Н. М. Карамзина", Спб. 1821. — И. Шиловъ, „Родословныя таблицы", въ „Ключѣ, или алфавитномъ указателѣ къ Исторіи Россіи Соловьева".—П. Хавскій, „О родословныхъ росписяхъ потомства вел. кн. Рюрика", „Сѣверная Пчела", 1835, № 135. — Эрмеринъ, „Общій обзоръ родовъ, происшедшихъ отъ вел. кн. Рюрика".— Кн. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга", 2 т. — Кн. П. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга", т. I, Спб. 1854.— П. Н. Петровъ, „Для немногихъ; спеціальныя замѣтки по генеалогіи, исторіи, археологіи и искусству", Спб. 1871. — Его же, „Исторія родовъ русскаго дворянства", т. I, Спб. 1885. — Н. Головинъ, „Родословная роспись потомковъ вел. кн. Рюрика", Москва 1851.—В. Дурасовъ, „Родословная книга всероссійскаго дворянства", ч. I, Спб. 1906, отд. I, гл. 2. — Барсуковъ, „Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія".

II. Лѣтописи и акты: „Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей", т.т. I, II, IV, V, VI, VII, VIII, XV. — „Никоновская лѣтопись", т.т. II—V.—„Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ", т. I, №№ 31, 38. 56—59, 67, 86, 97, 98, 110, 111, 124, 138, 144, 151, 187. — „Акты Археограф. Экспедиціи", т. I, № 78.—„Дополненія къ Актамъ Историч.", т. I, № 3.—„Акты Западной Россіи", т. I, №№ 33, 50, 51, 71.— „Микулинская лѣтопись, составленная по древнимъ актамъ", Москва 1854. — „Хожденіе за три моря (тверского гостя) Аѳанасія Никитина", изд. И. И. Срезневскимъ въ „Учен. Записк. 2-го отдѣл. Академіи Наукъ". — Матвѣй Мѣховскій, „Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae et eorum quae in eis continentur", кн. II, глава „De Moskovia" (критич. разборъ въ ст. „Матвѣй Мѣховскій и его сочиненіе „О двухъ Сармаціяхъ", „Отечеств. Записки", 1854 г., т. III).—Adelung, „Augustin Freiher von Meyerberg und seine Reise nach Russland", съ прилож. атласа рисунковъ, на 26 листѣ котораго изображенъ гербъ Тверского княжества, а на 27 л. — видъ древней Твери.—„Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи", главы о Кампензе и о Павлѣ Іовій.—„О синодикѣ Старицкаго Успенскаго монастыря", „Журналъ 17-го засѣданія Тверск. учен. арх. ком.", 3 авг. 1888 г. въ „Тверск. Губ. Вѣд.", 1888, № 86.

III. Пособія общаго характера и отдѣльныя статьи. Н. Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго", изд. Эйнерлинга, Спб. 1843 г., т.т. IV—IX. — С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т—ва „Общ. Польза", кн. I—II. — В. Татищевъ, „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ", т.т. II—III. — Бестужевъ Рюминъ, „Русская исторія", т. I. — Бѣляевъ „Разсказы изъ русской исторіи", т. II. — Его же, „Русская земля передъ пришествіемъ Рюрика", стр. 87—88. — Его же, „Географическія свѣдѣнія на Руси", „Записки Русск. Географич. Общ.", 1852, т. VI, стр. 52.—Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства", т. I.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверского княжества", Спб. 1876, стр. 269+152.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ", Спб. 1891, т. II, стр. 444—557. — Барсовъ, „Очерки русск. историч. географіи", стр. 165.—Соловьевъ, „Географич. извѣстія о древней Россіи", „Современникъ", 1853, т. 86, стр. 111. — „Списки населенныхъ мѣстъ въ Тверской губерніи", т.т. I—XXV.— „Краткое описаніе Тверской губерніи", Тверь 1847, стр. 48—49. — В. И. Покровскій, „Истор.-статистическое описаніе Тверской губ.", т. I, Тверь 1879. — „Остатки старины въ Тверской губ.", „Тверск. Губ. Вѣд.", 1865, № 10.—„Тверскія древности", тамъ же, 1845, прибавл. къ № 1.—„Происшествія въ Россіи, современныя построенію Твери", тамъ же, 1840, № 27. — Европеусъ, „О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецы въ Бѣжецкомъ у. Тверской губ.", „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1872, № 12.— Сахаровъ, „Обозрѣніе русской археологіи", „Записки Русско-Слав. Археологіи", т. I, стр.

9. — Чертковъ, „Описаніе древнихъ русскихъ монетъ", Москва 1834.—Рейхель, „Дополн. къ русск. нумизматикѣ", „Записки Академіи Наукъ", т. I, стр. 28.—Энциклопед. и справочные словари Плюшара, Березина, Крайя-Старчевскаго, т—ва „Просвѣщеніе", Брокгауза-Ефрона, s. v.

IV. Объ отдѣльныхъ городахъ и княжествахъ. А) О Кашинскомъ княж.: Проф. Иноземцевъ. „Удѣльные князья Кашинскіе", „Чтенія Моск. общества истор. и древн. Россійск.", 1873, № 4. — Б) О Калязинѣ — „Записка о городѣ Калязинѣ", „Архивъ историч. свѣдѣній" Калачова, т. II. — Ратшинъ, „Полное собраніе свѣдѣній о русскихъ монастыряхъ". — И. Некрасовъ, „Зарожденіе національной литературы въ Сѣверной Руси", Одесса 1870. — В) О Ржевѣ: Статья проф. Цеплина въ „Сѣверн. Архивѣ", 1882, ч. IV. — Г) О Микулинѣ: „Историческая записка о селѣ Микулино-Городище", Тверь 1852. — Мартыновъ, „Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества", т. I, тетр. 11.

I. Тверскіе князья.

1. *Александръ Ивановичъ*, средній изъ троихъ сыновей Ивана Михайловича (22), двѣнадцатый князь на тверскомъ столѣ, родился около 1380 г. Первое лѣтописное слово о немъ относится къ 1390 г., когда онъ находился въ числѣ встрѣчавшихъ митрополита Кипріана, приглашеннаго въ Тверь Михаиломъ Александровичемъ (26), дѣдомъ А. И., для суда надъ тверскимъ владыкою Евѳиміемъ. Въ 1399 г. А. И., по завѣщанію Михаила Александровича, получилъ совмѣстно со своимъ отцомъ Тверь и рядъ другихъ городовъ, но такъ какъ Иванъ Михайловичъ, ставъ великимъ княземъ, владѣлъ всѣмъ полученнымъ для себя и сыновей нераздѣльно, то А. И. никакого удѣла не имѣлъ. Только въ 1402 г. ему отказалъ свою часть удѣла Иванъ Всеволодовичъ холмскій, и съ этого времени вплоть до мая 1425 г. А. И. является въ сущности княземъ *холмскимъ*. Сдѣлавшись удѣльнымъ княземъ, онъ сталъ принимать замѣтное участіе въ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ, главнымъ образомъ въ ссорахъ отца съ его братомъ Василіемъ Михайловичемъ (11) кашинскимъ въ сношеніяхъ перваго съ Литвою. Напримѣръ, въ 1403 г. онъ, по порученію отца, ходилъ съ тверскими полками на Кашинъ и завладѣлъ имъ, а въ слѣдующемъ 1404 г. былъ подъ Смоленскомъ, въ лагерѣ Витовта, къ которому ѣздилъ, вѣроятно, съ какими-либо порученіями отъ отца. Когда Иванъ Михайловичъ въ 1405 г. вновь овладѣлъ Кашиномъ и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ, для приведенія кашинскихъ дѣлъ въ порядокъ и осмотра городскихъ укрѣпленій былъ посланъ А. И. Вслѣдъ за этимъ имя А. И. исчезаетъ со страницъ лѣтописей на цѣлыхъ шесть лѣтъ, вплоть до 1411 г., когда онъ упоминается гостящимъ у Витовта въ Кіевѣ, принявшаго и отпустившаго его «со многою честью». Конечно, и на этотъ разъ поѣздка А. И. къ Витовту была связана съ какимъ-либо порученіемъ отъ Ивана Михайловича, что находитъ подтвержденіе въ заключенномъ между тверскимъ и литовскимъ князьями годомъ позже «единачествѣ», т. е. союзѣ. 22 мая 1425 г. умеръ Иванъ Михайловичъ, и А. И., какъ старшій изъ живыхъ сыновей его, унаслѣдовалъ великокняжескій тверской столъ, но на немъ сидѣлъ очень недолго: 25 октября того же 1425 г., послѣ пятимѣсячнаго княженія, онъ умеръ отъ морового повѣтрія. А. И. былъ женатъ на дочери моложскаго князя Ѳедора Михайловича, по имени неизвѣстной, отъ брака съ которой имѣлъ троихъ сыновей — *Юрія* (34), *Бориса* (7) и *Ярослава* (37).

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей т. IV, стр. 106, 121, 360; т. V, стр. 252, 263 т. VI, стр. 74 130—132; т. VIII, стр. 75—76, 193 т. XV, стр. 445, 470—471, 488. — Никоновск лѣтоп., т. IV, стр. 195, 305, 307, 308, 314—315 т. V, стр. 37, 42—43. — Татищевскій сводъ, т. IV, стр. 410, 456, 459, 490. — Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго", изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 101, 119, 143; прим. 186, 212, 232, 254, 258. — Арцыбашевъ, „Повѣствованіе о Россіи", т. II, стр. 156, прим. 1119. — С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. I, стр. 1026, 1083. — Ключевскій, „Источники древне-русскихъ житій святыхъ", стр. 183. — С. В. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества", Спб. 1876, стр. 171, 177, 179, 191; прим. стр. 110—112. — А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси", Спб. 1891, т. II, стр. 106, 497—499, 503—507, 534, 536, 547, 555.

2. *Александръ Михайловичъ*, второй сынъ Михаила Ярославича (31), пятый великій князь на тверскомъ столѣ, род. 7 октября 1301 г. Когда отецъ его, уѣзжая въ орду, раздѣлилъ между дѣтьми свою вотчину, А. М. достались, какъ кажется, Холмъ и Микулинъ; такое заключеніе можно вывести изъ того, что именно этими городами владѣло потомство А. М. Самъ онъ въ своемъ удѣлѣ если и бывалъ, то очень рѣдко, живя преимущественно въ Твери,

гдѣ его присутствія, какъ старшаго въ родѣ послѣ княжившаго Дмитрія Михайловича (16), требовали тревожныя времена и постоянныя ссоры Твери съ Москвою. Въ 1320 г. А. М. ѣздилъ въ Москву въ связи съ хлопотами о полученіи тѣла убитаго въ ордѣ отца и тамъ съ Юріемъ московскимъ «въ любовь по цѣлованію крестному» «докончалъ миръ», впрочемъ настолько непрочный, что уже въ слѣдующемъ году онъ былъ нарушенъ Юріемъ его походомъ на принадлежавшій Твери Кашинъ и требованіемъ отъ послѣдней уплаты 2000-рублеваго «выхода». А. М. былъ однимъ изъ лицъ, стоявшихъ въ челѣ тверской рати во время этого похода, закончившагося безъ кровопролитія, — уступкою тверского князя домоганіямъ Москвы. Слѣдующее лѣтописное слово объ А. М. относится къ 1322 г., когда онъ на р. Урдомѣ, притокѣ Волги, подстерегъ ѣхавшаго въ орду Юрія и отобралъ у него упомянутый выше денежный «выходъ», который тотъ сначала было утаилъ, а теперь везъ хану. Въ лѣтописяхъ не имѣется никакихъ указаній о томъ, подвергся ли А. М. ханскому гнѣву за самовольный поступокъ. Возможно, что ограбленныя деньги онъ самъ отвезъ хану, и только, пожалуй, этимъ и можно объяснить благоволеніе къ нему хана въ то время, когда въ 1224 г. его старшій братъ Дмитрій Михайловичъ убилъ въ ордѣ Юрія. Виновника убійства разгнѣванный ханъ нѣсколько позже казнилъ, тверскихъ князей называлъ «крамольники и ратныхъ себѣ», А. М. же, тоже находившагося тогда въ ордѣ, безпрепятственно отпустилъ въ Тверь, впрочемъ съ какими-то «должницами его» (см. стр. 399), отъ которыхъ «много тягости было Тверской землѣ»; послѣ казни же брата А. М. не только былъ утвержденъ тверскимъ княземъ, но даже получилъ ярлыкъ на великое княжество Владимірское. Такимъ образомъ, тверской столъ вмѣстѣ съ великокняжескимъ Владимірскимъ А. М. получилъ въ концѣ 1335 г., а вскорѣ послѣ того своимъ княземъ его признали и Новгородъ.

Первенство А. М. среди русскихъ князей было непродолжительно. Паденіе его связано съ такъ называемой «щелкановщиной». Въ 1327 г. изъ орды въ Тверь явился татарскій посолъ, двоюродный братъ хана Узбека—Шевкалъ, болѣе извѣстный по народно-былинной пѣснѣ подъ именемъ Щелкана Дудентьевича. О цѣляхъ его посольства не сохранилось достовѣрныхъ данныхъ. Извѣстно лишь, что какъ онъ самъ, такъ и сопровождавшій его татарскій отрядъ, повидимому не очень численный, страшно угнетали тверичанъ «насильствомъ, и грабленіемъ, и біеніемъ, и поруганіемъ», а по слову упомянутой пѣсни стали они—

И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми паругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Такой произволъ вывелъ тверичей изъ терпѣнія, и 16 августа они возстали: «смятошася людіе, ударища въ колоколъ и собрашася вѣчіемъ»; возбужденіе перешло въ «замятню», ожесточенные тверичане набросились на татаръ, большинство ихъ перебили, а Шевкала въ занятомъ имъ силою великокняжескомъ дворцѣ сожгли. Узнавъ о мятежѣ и гибели своего любимца, ханъ пришелъ въ ярость. Судя по отрывочнымъ лѣтописнымъ даннымъ, самъ А. М. къ мятежу и его исходу былъ непричастенъ, даже старался образумить обращавшихся еще раньше къ нему жителей съ жалобами на притѣсненія. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно не безъ соотвѣтственныхъ усилій московскаго князя, дѣло предъ ханомъ было изображено такъ, что главнымъ виновникомъ случившагося оказался А. М. Ханъ потребовалъ къ себѣ Ивану Калиту (или Калита самъ поспѣшилъ въ орду), далъ ему 50-тысячное войско и послалъ на Тверскую землю. Во главѣ этой силы и въ союзѣ съ суздальскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ, Калита взялъ Тверь и Кашинъ, «а прочая грады и волости пусты сотвориша, а люди изсѣкоша, а иныхъ во плѣнъ поведоша», и даже пожегъ и пограбилъ Новоторжскую волость, принадлежавшую Новгороду; «и бысть тогда всея русской землѣ велія тягость, и томленіе, и кровопролитіе...» Бороться съ такою силою А. М. было невозможно. Задумавъ бѣжать, онъ обратился съ просьбою о пріютѣ къ Новгороду, но тотъ, изъ опасенія навлечь на себя разоренье татаръ, просьбу отклонилъ. Тогда А. М. ушелъ въ Псковъ, куда за нимъ послѣдовали его мать и братья, Константинъ (24) и Василій (10). Стремившійся

тогда къ отдѣленію отъ Новгорода и къ полной самостоятельности, даже «себѣ владыку и князя умыслиша», Псковъ принялъ А. М. съ радостью и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, посадилъ его на свой столъ. Такимъ исходомъ ханъ былъ менѣе всего доволенъ; онъ приказалъ русскимъ князьямъ доставить А. М. въ орду. Приказъ былъ категориченъ, и, не говоря уже о Калитѣ, послѣ бѣгства А. М. утвержденномъ въ достоинствѣ великаго князя Владимірскаго, даже родной братъ А. М., Константинъ, занявшій въ его отсутствіе тверской столъ, посылалъ ему совѣтъ идти въ орду. А. М. отказался. Въ силу новаго приказа хана силою доставить тверского князя на его судъ, многіе князья во главѣ съ Калитою ополчились на Псковъ. Видя, что Пскову въ предстоящей неравной борьбѣ не устоять, А. М. выразилъ уже готовность идти «за всѣхъ страдати», но вѣче «крестъ цѣловаша, что его не выдати русскимъ княземъ», и заявило: «мы вси главы своя за тебя положимъ». Къ противникамъ А. М. присоединилась и духовная власть: митрополитъ Ѳеогностъ, по уговору Калиты, наложилъ на непокорныхъ псковичей отлученіе. Эта почти всеобщая погоня князей и духовенства на опальнаго А. М., готовность ихъ помочь хану и выдать ему головою одного изъ своихъ возмущаетъ даже лѣтописцевъ, одинъ изъ которыхъ выражается особенно энергично: «вложилъ окаянный врагъ дьяволъ злую мысль князьямъ русскимъ взыскать князя Александра Михайловича тверскаго, повелѣніемъ царя татарскаго царя Азбяка и подъяша всю землю Русскую». Въ виду такого противъ него ополченія А. М. рѣшилъ удалиться въ Литву, къ своему другу Гедимину, передъ уходомъ принявъ отъ псковитянъ клятву, что они не выдадутъ его жены. Изъ Литвы онъ возвратился черезъ $1^1/_2$ года и остановился опять въ Псковѣ, гдѣ вторично былъ посаженъ на княжескій столъ. Здѣсь онъ прожилъ еще около 8 лѣтъ. Въ 1335 г. Калита хотѣлъ было снова двинуться на убѣжище А. М., но противъ его затѣи на этотъ разъ возсталъ Новгородъ, въ виду измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ начавшій тяготѣть къ Литвѣ. Калита долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Понимая, однако, что покой его въ Псковѣ непроченъ, А. М. рѣшился на рискованный шагъ—отправиться лично въ орду съ повинною. Въ 1336 г. онъ послалъ туда предварительно сына своего Ѳедора (39). Послѣдній «со слезами многими просилъ объ отцѣ своемъ» и добился ханскаго отвѣта—пусть самъ отецъ «придетъ съ виною и проситъ, тогда не отъидетъ безъ милости». Въ виду такихъ благопріятныхъ вѣстей А. М. не замедлилъ явиться въ орду; въ 1337 г. онъ находится уже тамъ. Прямодушіе, открытыя рѣчи, «сладость словесъ и смиреніе» А. М. понравились хану, и онъ сложилъ свой гнѣвъ и вернулъ А. М. его княжество.

Въ 1338 г. А. М. возвратился въ Тверь и сѣлъ на княжескій столъ, безпрепятственно уступленный братомъ; тогда же изъ Пскова прибыли его жена и дѣти. Княженіе его было и на этотъ разъ недолговременно. Между Тверью и Москвою не замедлили обнаружиться вновь раздоры. Причина ихъ кроется, повидимому, въ томъ, что А. М. захотѣлъ возвратить себѣ Владимірское великое княженіе, отъ котораго Москва не пожелала отказаться. Къ этому времени многіе бояре А. М. покинули Тверь и перешли въ Москву или потому, что въ результатѣ грядущихъ распрей предвидѣли побѣду Москвы, или же потому, какъ полагаютъ Карамзинъ и Соловьевъ, что они, коренные тверскіе бояре, завидовали новымъ любимцамъ князя, которыхъ тотъ пріобрѣлъ во время скитаній внѣ отчины. Въ 1338 г. А. М. послалъ сына Ѳедора сначала къ Калитѣ для переговоровъ о возвратѣ великаго княженія, а послѣ ихъ неудачи—въ орду съ цѣлью хлопотать о томъ передъ ханомъ. Туда же отправился и Калита, который старался очернить всячески А. М., въ чемъ и успѣлъ; это подтверждается и лѣтописнымъ словомъ: «сего же (Калиты) думою посла царь Азбякъ на Русь по князя Александра Михайловича», т. е. ханъ потребовалъ послѣдняго къ себѣ. По Никоновской лѣтописи, ханъ требовалъ его «не съ яростью и жестокостью, но съ тихостью и кротостью», обѣщая дать ему «великое княженіе и честь велію»,—дѣйствуя такъ вѣроятно изъ опасенія, чтобы А. М. снова не ушелъ въ Литву. Освѣдомленный объ успѣхахъ Калиты, А. М. медлилъ поѣздкой въ орду; уклонился онъ и по вторичному посылу, но послалъ сына Ѳедора разузнать о положеніи дѣлъ. Несмотря на неблагопріятныя вѣсти, въ серединѣ 1339 г. А. М. наконецъ рѣшился

предстать предъ ханомъ. Прибывъ въ орду, онъ собиралъ справки, даривъ приближенныхъ хану лицъ и пр., но дѣло его было проиграно—ему объявили, что онъ будетъ казненъ. 28 октября того же 1339 г., послѣ того какъ онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія по вотчинѣ, А. М. вмѣстѣ съ сыномъ Ѳедоромъ былъ убитъ:—«розоимаша ихъ по составамъ». Тѣла убитыхъ были привезены въ Тверь, гдѣ и преданы землѣ въ церкви Спаса Преображенія.

А. М. былъ женатъ съ 1320 г. на Анастасіи, по отчеству и по происхожденію неизвѣстной, и отъ брака съ нею имѣлъ сыновей: *Льва* (25), *Ѳедора* (39), *Всеволода* (14), *Михаила* (26), *Владиміра* (13) и *Андрея* (5) и дочерей—*Ульяну* (46) (супруга Ольгерда) и *Марію*, бывшую въ супружествѣ за Семеномъ Гордымъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтопис., т. I, стр. 230; т. III, стр. 73—75, 77—79; т. IV, стр. 50—54, 185—186; т. V, стр. 12, 210. 215—222; т. VII. стр. 185, 191—192, 197—201, 204—205; т. XV, стр. 412—416, 418—420, 467.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 124, 126—131, 137, 141, 151—154, 164—170.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 101, 112—113, 115—117, 122—125, 136—142.—Супрасл. рукопись, изд. кн. Оболенскимъ, стр. 52.—„Собраніе Госуд. Грамотъ и Договор.“, т. I, № 15.—„Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ“, Москва 1818, стр. 31—36.—„О происхожденіи Нащокиныхъ“, „Временникъ“, 1851, т. X, по списку А, стр. 197.—Костомаровъ, „Начало единодержавія“, „Вѣстникъ Европы“, 1870, № 12.—Его же, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“, Спб. 1873, стр. 185.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. I, стр. 908, 911, 916—918, 920—921.—Его же, „Отношенія между русскими князьями Рюрикова дома“, стр. 467.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IV, стр. 113, 120—122, 124—126, 134—144; прим. 206, 243, 248, 253, 258, 260, 263, 280, 286, 290, 299—301, 304—306, 308; т. V, стр. 221; т. VII. стр. 28.—И. Д. Бѣляевъ, „Разсказы изъ русской исторіи“, разск. 6-й.—Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“, т. I, стр. 393.—Вешняковъ, „О возвышеніи Москвы“, стр. 62.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 120—126, 253—261; прим. стр. 64—71, 151.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 48, 85, 86, 161—162, 291, 367; 398, 447, 469—478. 485. 538—540, 550, 640 641.—Иловайскій, „Русская исторія“ (Московско-Литовскій періодъ).

3. *Александръ Михайловичъ*, первый сынъ Михаила Александровича (26), въ отличіе отъ своего брата того же имени (4) называется *бо́льшимъ*; на великокняжескомъ столѣ онъ не сидѣлъ и особаго удѣла не имѣлъ, почему тверскимъ княземъ, вѣрнѣе княжичемъ, его слѣдуетъ считать только лишь какъ одного изъ членовъ рода. О немъ только въ Никоновской лѣтописи, подъ 1357 г., замѣчено, что онъ скончался «у бабы своея, у великіе княгини Софьи въ Софійскомъ монастырѣ», чѣмъ и исчерпываются дошедшія до насъ извѣстія.

Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 120.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, Спб. 1891, стр. 497, 641.

4. *Александръ Михайловичъ*, прозваніемъ *Ордынецъ*, второй сынъ Михаила Александровича (26), см. *Кашинскіе князья*.

5. *Андрей Александровичъ*, шестой сынъ Александра Михайловича (2); свѣдѣнія о немъ скудны, но несомнѣнно, что особаго удѣла онъ не имѣлъ, почему за нимъ и сохранилось имя рода—тверского князя. Изъ Никоновской лѣтописи видно, что онъ скончался въ 1364 г. отъ моровой язвы; затѣмъ имя его упоминается среди другихъ князей и княжичей въ жалованной грамотѣ кн. Василія Михайловича (10) Тверскому отрочу монастырю. Онъ былъ женатъ на нѣкоей Евдокіи, ни по отчеству, ни по происхожденію намъ неизвѣстной, но потомства не оставилъ.

Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 9.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. I, № 5.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и уд. князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 476, 569, 526, 641.—Карамзинъ, „Ист. гос. Рос.“, изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 5, прим. 5.

6. *Андрей Ивановичъ*—лицо невыясненное; въ договорѣ 1437 г. Бориса Александровича (7) съ вел. кн. московскимъ Василіемъ Темнымъ А. И. упоминается цѣлующимъ крестъ въ соблюденіи этого договора и называется тверскимъ княземъ; однако, изъ этого единственнаго упоминанія о немъ совершенно не видно, чей, какого князя Ивана онъ сынъ. По хронологическимъ соображеніямъ его слѣдуетъ считать вѣроятнѣе всего сыномъ кн. Ивана Ивановича (21), хотя родословныя и не даютъ послѣднему мужского потомства.

„Акты Археограф. Экспедиціи“, т. I, № 33.—А. В. Экземплярскій, „Вел. и уд. князья Сѣв. Руси“ т. II, стр. 537, 641, 643.

7. *Борисъ Александровичъ*, средній изъ троихъ сыновей Александра Ивановича (1), тринадцатый князь на тверскомъ столѣ,

дата рожденія въ точности неизвѣстна, вѣроятнѣе всего относится къ 1402—1404 гг. Начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1426 г., когда умеръ его старшій братъ, Юрій Александровичъ (34), и Б. А. занялъ послѣ него тверской столъ. Надо думать, что послѣднимъ онъ овладѣлъ не безъ борьбы со своимъ племянникомъ Иваномъ Юрьевичемъ (23); сыномъ умершаго князя и, слѣдовательно, прямымъ наслѣдникомъ тверского стола, въ конечномъ результатѣ удовлетворившимся Зубцовымъ. Былъ, повидимому, и другой претендентъ на тверской столъ, кашинскій князь Василій Михайловичъ III (28), долгое время неизвѣстно гдѣ скитавшійся и теперь возвратившійся въ Кашинъ въ надеждѣ на полученіе стола. Надежды эти, однако, не оправдались, такъ какъ Б. А. схватилъ его и посадилъ подъ стражу.

Княженіе Б. А. было въ общемъ спокойно. Онъ совершенно прекратилъ борьбу съ князьями тверскихъ удѣловъ и все вниманіе сосредоточилъ на отношеніяхъ къ Москвѣ и Литвѣ, стремясь къ заключенію выгодныхъ союзовъ то съ той, то съ другой стороной и силясь поддержать между нихъ самостоятельность своего княжества. Въ августѣ 1427 г. В. А. заключилъ договоръ съ Литвою «быть за одно»: Витовтъ не вступается «ни въ великое княжество Тверское, ни въ воды, ни въ земли тверскія», ни въ отношенія Б. А. къ родичамъ его, «такъ какъ онъ (Б. А.) воленъ и жаловать, и казнить кого хочетъ»; далѣе, Витовтъ даетъ обѣщаніе не принимать къ себѣ никого изъ родственниковъ Б. А. съ ихъ вотчинами, а если кто и уйдетъ въ Литву, то отчина бѣглеца остается въ распоряженіи тверского князя. Подобныя же обязательства далъ и Б. А. по отношенію къ Витовту. Каждая сторона, наконецъ, обязывалась помогать другой во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ «думою и помочью», словомъ и дѣломъ. И Б. А. добросовѣстно выполнялъ принятыя имъ на себя обязанности; въ 1428 г. онъ, напр., помогъ ратью Витовту противъ Новгорода, съ котораго литовскій князь взялъ большой окупъ. Союзныя и дружественныя отношенія его съ Литвою подтверждаются и другими фактами: въ 1430 г. Б. А. ѣздилъ къ Витовту въ гости, когда тотъ намѣревался короноваться королевскимъ вѣнцомъ и устроилъ извѣстный съѣздъ коронованныхъ лицъ. Послѣ смерти Витовта Б. А. въ томъ же 1430 г. породнился съ преемникомъ его вел. кн. Свидригайломъ Ольгердовичемъ, женившимся на двоюродной сестрѣ Б. А., Аннѣ Ивановнѣ, и помогалъ ему въ его борьбѣ съ братомъ Витовта, Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, а позднѣе, въ 1432 и 1433 гг., посылалъ ему на помощь своего брата Ярослава (37). Когда же Свидригайло въ 1435 г. подъ Вилькомиромъ былъ разбитъ, Б. А. поспѣшилъ заключить союзный договоръ также и съ его побѣдителемъ, Сигизмундомъ.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ московскихъ смутахъ Б. А. не принималъ участія. Тверь въ это время служила только убѣжищемъ для московскихъ изгнанниковъ. Прежде другихъ, въ 1433 г., явился туда изъ Москвы бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, тесть дяди Б. А. Юрія Ивановича (36). Всеволожскій питалъ, повидимому, надежду на то, что ему удастся пробудить въ Б. А. старинную вражду Твери къ Москвѣ, но успѣха не имѣлъ и ушелъ къ претенденту на московскій престолъ Юрію Дмитріевичу галицкому. Побѣжденный послѣднимъ, въ томъ же году въ Тверь бѣжалъ и великій князь московскій Василій Васильевичъ съ матерью и женою; Б. А. принялъ ихъ съ почетомъ и съ честью же отпустилъ въ Кострому. Въ 1434 г., послѣ вторичной побѣды Юрія надъ Василіемъ Васильевичемъ, въ Тверь бѣжалъ шуринъ Б. А. кн. Иванъ можайскій, а по смерти Юрія спасся бѣгствомъ въ Кашинъ сынъ его, Василій Косой.

Около 1440 г. Б. А. измѣнилъ направленіе своихъ симпатій. Когда на московскій престолъ снова сѣлъ Василій Васильевичъ, Б. А. разрываетъ свой союзъ съ Литвой и заключаетъ дружественный договоръ съ московскимъ княземъ. Этотъ договоръ, заключенный князьями какъ равный съ равнымъ, слѣдовательно возвратившій Б. А. давно утраченное тверскими князьями положеніе,—содержитъ въ себѣ взаимныя обязательства князей помогать другъ другу противъ татаръ, литвы, ляховъ и нѣмцевъ, а также обѣщанія Василія Васильевича не брать Твери и Кашина, если ему предложатъ ихъ татары, взамѣнъ чего Б. А. обязуется сложить крестное цѣлованіе къ Сигизмунду, заявивъ ему, что онъ теперь заодно съ Москвою. Въ 1440 г. Б. А. далъ московскому князю помощь противъ

Новгорода, а въ 1444 г. неизвѣстно по какимъ побужденіямъ самъ ходилъ на республику и повоевалъ пограничныя новгородскія волости—Бѣжецкій Верхъ, Заборовье и нѣкоторыя новоторжскія заселенія. Годъ спустя онъ дважды повторилъ походъ на новгородскія земли — сперва пограбилъ 50 новгородскихъ и бѣжецкихъ волостей, а во второй разъ взялъ Торжокъ и пограбилъ его, причемъ увезъ въ Тверь пограбленнаго товару 40 «повозковъ». Успѣхъ Твери можетъ быть объясненъ тѣмъ, что Новгородъ былъ занятъ борьбою съ нѣмцами и внутренними смутами, вслѣдствіе чего не могъ дать надлежащаго отпора.

Вскорѣ Б. А. долженъ былъ принять участіе и въ московской смутѣ. Нѣкоторыя лѣтописи, напр. Никоновская, передаютъ, что въ возникшей между Дмитріемъ Шемякой и Василіемъ Васильевичемъ борьбѣ Б. А. принялъ будто бы сторону перваго и даже былъ причастенъ къ ослѣпленію второго. Въ рядѣ другихъ источниковъ этого извѣстія нѣтъ, и изслѣдованіями новѣйшихъ историковъ оно вовсе отвергается,—слишкомъ этому противорѣчатъ какъ послѣдующія событія, такъ и положеніе вещей въ тотъ моментъ. Съ одной стороны, Б. А. находился въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Василіемъ Васильевичемъ, что опасаться послѣдняго у него едва ли были основанія. Съ другой же, хорошія отношенія между князьями сохранились и въ теченіе послѣдующаго времени, что, конечно, оказалось бы невозможнымъ, если бы Б. А. былъ участникомъ ослѣпленія Василія Васильевича. Послѣднему, уже слѣпому, дали, какъ извѣстно, Вологду, но онъ пробылъ тамъ недолго и въ 1447 г. отправился въ Тверь, гдѣ Б. А. принялъ его съ почетомъ и богато одарилъ; здѣсь же и тогда же состоялось обрученіе семилѣтняго сына Василія Васильевича, Ивана, съ дочерью тверского князя Маріей Борисовной (бракъ послѣдовалъ только въ 1452 г.); наконецъ, Б. А. помогъ Василію Темному и ратною помощью въ его походѣ противъ Шемяки, за что московскій князь, послѣ побѣды надъ соперникомъ, отблагодарилъ его уступкой Ржевы, жители которой, впрочемъ, не пожелали перейти къ Твери и добили Б. А. челомъ лишь послѣ того, какъ тверской князь принудилъ ихъ къ тому оружіемъ. Вскорѣ, однако, на Ржеву напалъ литовскій князь Казиміръ, и Б. А., временно пробывавшій тамъ со своею семьей, едва успѣлъ спастись отъ плѣна бѣгствомъ. Но въ 1449 г. вражду Б. А. съ Казиміромъ замѣнилъ союзъ, закрѣпленный особымъ договоромъ, который въ существенныхъ чертахъ сходенъ съ договоромъ, заключеннымъ тверскимъ княземъ раньше съ Витовтомъ.

Въ 1453 или 1454 г. В. А. и московскій великій князь вновь подтвердили свой союзъ и дружбу договоромъ, главные пункты котораго гласятъ: 1) каждый изъ князей, ни дѣти ихъ, ни «молодшая братья» ихъ не должны принимать къ себѣ недруговъ другой стороны; 2) отчины князей, отъѣхавшихъ изъ Твери въ Москву, остаются за тверскимъ княземъ, а изъ Москвы въ Тверь—за московскимъ; 3) оба князя взаимно обязываются заботиться о женѣ и дѣтяхъ того изъ нихъ, который раньше умретъ; 4) въ случаѣ нападенія на одного изъ договаривающихся князей литвы, ляховъ или нѣмцевъ, другой долженъ *лично* садиться на коня и спѣшить на помощь первому; 5) московскій князь обязуется не принимать отъ татаръ Твери и Кашина, и В. А.—Москвы и Новгорода. Въ договорѣ князья другъ друга называютъ «братьями», т. е. выступаютъ какъ равныя стороны.

В. А. скончался 10 февраля 1461 г. и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Твери. Онъ былъ женатъ дважды: въ первый разъ на Анастасіи Андреевнѣ (ум. 12 февраля 1451 г.), сестрѣ можайскаго князя Ивана Андреевича, и второй разъ съ 1452 г. на дочери кн. Александра Васильевича суздальскаго, именемъ также Анастасіи. Отъ перваго брака имѣлъ дочь *Марію* и отъ второго сыновей: *Михаила* (27), вступившаго послѣ его смерти на тверской столъ, и *Александра* (р. 1455 г.), умершаго въ младенчествѣ.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 141; т. IV, стр. 123—125, 131, 146 147; т. V, стр. 262, 264—265, 269, 271; т. VI, стр. 143, 148 149, 172—173, 176—178; т. VIII, стр. 95, 97, 99, 115, 119—121, 125; т. XV, стр. 488—491, 493—495.—Никоновск. лѣтоп., т. V, стр. 96—97, 112, 117, 119, 191, 202, 211, 213, 221.—Татищевскій сводъ, т. IV, стр. 501, 506, 513, 563, 572—573, 575.—„Акты Историческ.“, т. I, № 51.—„Акты Археографич. Экспедиц.“, т. I, № 33.—„Акты Зап. Россіи“, т. I, №№ 5, 53.—„Сборникъ Муханова“, №№ 1, 8.—„Собраніе Государств. Грам. и Договор.“, т. I, №№ 63, 66, 76, 77, 98.—„Лѣтопись вел. княж. Литовскаго“, „Учен. Записки Акад. Наукъ“, 1854, № 1, стр. 50—51, 55.—„Pomniki do dziejów Litewskich“ („Лѣтописецъ

Выховца"), изд. Нарбутта, Wilno 1846, стр. 42, 46.—Длугошъ, „Historia Polonica", t. I, lib. XI, стр. 611.—Стрыйковскій, т. II, стр. 185, 187.—Карамзинъ, „Ист. госуд. Россійскаго", изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. V, стр. 143, 146, 147, 164, 178, 182, 184, 186, 191, 193, 195, 206; прим. 258, 307, 319, 327, 332, 345, 348, 349, 358, 386.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. I, стр. 1066, 1070, 1083—1085, 1087.—Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego", t. VII, pp. 120, 123, 127.—Koialowicz, „Historia Lituana", t. II, pp. 125, 126.—Коцебу, „Свидригайло, вел. кн. Литовскій", Спб. 1835, стр. 116. — Арцыбашевъ, „Повѣствованіе о Россіи", т. II, стр. 184, 203; прим. 1421.—Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ", вып. III, стр. 58.—Бѣляевъ, „Разсказы изъ русской исторіи", т. II, стр. 550.—С. В. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества", Спб. 1876, стр. 191—199.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси", т. II, Спб. 1891, стр. 107, 242—244, 246, 321, 323, 325, 399, 512, 521, 536, 548, 553. 555-557, 642, 643.—Н. П. Лихачевъ, „Слово похвальное инока Ѳомы о благов. и вел. кн. Борисѣ Александровичѣ", „Памятники древней письмен.", т. CLXVIII, 1908.

8. *Борисъ Михайловичъ*, четвертый сынъ Михаила Александровича (26), упоминается въ лѣтописяхъ только два раза: по случаю женитьбы въ 1384 г. на дочери (именемъ неизвѣстной) смоленскаго князя Святослава Ивановича и по случаю смерти, послѣдовавшей 19 іюля 1395 г. Можно думать, что онъ съ 1389 г. и до кончины владѣлъ Кашиномъ. Имѣлъ единственнаго сына *Ивана* (19).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 360; т. VIII, стр. 65,74; т. XV, стр. 443. — Никонов. лѣт., т. IV, стр. 145, 257.—Проф. Иноземцевъ, „Удѣльные князья Кашинскіе", „Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.", 1873, т. IV, стр. 48—49.—Н. Головинъ, „Удѣльные князья Кашинскіе", отд. брошюра.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества", прим. 824. — А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 495—497, 529—532, 536, 643.—Карамзинъ. „Ист. гос. Россійск.", т. V, стр. 101; прим. 137, 186, 254.

9. *Василій Васильевичъ*, старшій сынъ слѣдующаго (10), родился въ 1330 г. Упоминается въ лѣтописяхъ только разъ по поводу смерти, послѣдовавшей въ 1362 г. Говоря объ этомъ, Никоновская лѣтопись называетъ В. В. княземъ *кашинскимъ*, изъ чего съ вѣроятностью можно думать, что онъ владѣлъ Кашиномъ, который достался ему отъ отца, когда послѣдній занялъ великокняжескій тверской столъ. Потомства В. В. не оставилъ.

Никоновск. лѣтоп., т. IV, стр. 5.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 481, 484, 519, 525, 526.—В. С. Борзаковскій, „Истор. Тверскаго княжества", стр. 134, прим. 603.—Костомаровъ, „Церковно-историческая критика въ XVII в.", „Вѣстн. Евр.", 1870, № 4, стр. 483.—Проф. Иноземцевъ, „Удѣльные князья Кашинскіе", „Чтен. Моск. Общ. Истор. и Др. Росс.", 1873, кн. 4.—Н. Головинъ, „Удѣльные князья Кашинскіе", отд. брошюра.

10. *Василій Михайловичъ I*, четвертый и младшій сынъ Михаила Ярославича (31), девятый тверской и первый кашинскій князь, дата рожденія неизвѣстна. Впервые упоминается въ 1319 г., когда провожалъ отца въ его послѣдней поѣздкѣ въ орду, а въ слѣдующемъ году встрѣчалъ его тѣло, перенесенное изъ Москвы въ Тверь. Въ 1327 г., послѣ извѣстныхъ событій въ связи съ сожженіемъ въ Твери татарскаго посла Шевкала и избіенія его отряда, (см. стр. 390), В. М. бѣжалъ въ Ладогу, откуда вернулся въ 1328 г. Отъ отца онъ получилъ въ удѣлъ Кашинъ, но кашинскимъ княземъ начинаетъ называться почему-то только съ 1339 г., до тѣхъ поръ вося имя князя тверского. Послѣ внезапной кончины въ 1345 г. Константина Михайловича (24), старшаго брата В. М., послѣдній, какъ старѣйшій въ родѣ, остался несомнѣннымъ кандидатомъ на тверской столъ. Готовясь къ поѣздкѣ въ орду за ярлыкомъ и понимая, что его можно получить только при помощи не малыхъ денегъ, В. М. не имѣя собственныхъ средствъ, воспользовался отсутствіемъ своего племянника, Всеволода Александровича (14) холмскаго, и взялъ «дань» съ его удѣла. Всеволодъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ негодованіе и въ отмщеніе рѣшился оспаривать у В. М. тверской столъ, ярлыкъ на который ему и удалось получить въ ордѣ. Какъ законный наслѣдникъ великокняжескаго стола въ Твери, В. М. этого дѣла такъ не оставилъ, и между нимъ и племянникомъ возникъ упорный споръ, который они нѣсколько разъ доводили до хана. Въ 1347 г. вышло окончательное рѣшеніе хана, коимъ тверской столъ былъ утвержденъ за Всеволодомъ Александровичемъ, но В. М. не сдавался: между противниками продолжалась «брань велія.., и мало кровопролитія не бысть межи ими». Только въ 1348 г. ихъ примирилъ тверской владыка Ѳеодоръ: В. М. получилъ тверской столъ, а Всеволодъ сѣлъ въ Холмѣ, и такимъ образомъ «укрѣпишась межи собою крест-

нымъ цѣлованіемъ въ единомысліи, въ совѣтѣ и во единствѣ жити». Благодаря, повидимому, ходатайству московскаго князя Семена Гордаго, дочь котораго была за сыномъ В. М., послѣдній, даже не ѣздя въ орду, въ 1351 г. получилъ и ярлыкъ на тверское княженіе. Ободренный этимъ успѣхомъ и укрѣпившись на столѣ, онъ вдругъ нарушилъ недавно принесенное Всеволоду Александровичу крестное цѣлованіе, началъ тѣснить его самого и «тягостью данною оскорбляти» его бояръ и слугъ. Всеволодъ обиды «братанича» покорно сносилъ до 1356 г., когда, наконецъ, обратился съ жалобою на него къ владимірскому митрополиту Алексію, который попытался было примирить дядю и племянника, но успѣха не достигъ, главнымъ образомъ потому, что В. М., поддерживаемый Семеномъ Гордымъ, ставилъ унизительныя для Всеволода условія: «много быша межи ихъ глаголанія, но конечный миръ и любовь не сотворися». Продолженіе этой распри находимъ въ ордѣ, куда въ томъ же 1356 г. ѣздили всѣ русскіе князья предоставляться новому хану Бердибеку. Всеволодъ Александровичъ, благодаря тому, что его не пропустилъ черезъ свои владѣнія московскій князь, опоздалъ въ орду, и этимъ обстоятельствомъ воспользовался В. М., истолковавъ его предъ ханомъ въ невыгодномъ смыслѣ для холмскаго князя, попросту — оклеветавъ его, и этимъ добился отъ хана выдачи себѣ племянника головой. Всеволодъ Александровичъ тогда покинулъ свой Холмъ, которымъ тотчасъ завладѣлъ В. М., и удалился въ Литву, гдѣ въ лицѣ Ольгерда пріобрѣлъ сильную поддержку, почему, возвратившись на Русь, нашелъ дядю значительно смягчившимся и готовымъ дѣлиться волостьми. Послѣднему обстоятельству въ извѣстной мѣрѣ способствовало ропотъ и другихъ племянниковъ противъ своеволія В. М., а также церковные вопросы, главнымъ образомъ поднятый Ольгердомъ вопросъ объ образованіи Галицкой митрополіи. Упорствуй В. М. въ своей волѣ надъ молодшими, недовольные имъ племянники во главѣ съ Всеволодомъ поддержали бы Ольгерда, и послѣдній добился бы своей цѣли. Въ виду такихъ опасеній В. М. пошелъ на уступки и миролюбивую сдѣлку, чѣмъ и помѣшалъ Ольгерду осуществить свое давнишнее желаніе.

Не успѣлъ В. М. окончательно умиротворить одного племянника, какъ противъ него возсталъ другой, братъ Всеволода, популярный въ то время на Руси микулинскій князь Михаилъ Александровичъ (26), къ которому тверичи питали любовь и желали его видѣть своимъ княземъ. Популярность Михаила была В. М. не по душѣ, и онъ, въ намѣреніи обезсилить племянника, двинулся было въ 1363 г. на Микулинъ, но города взять не могъ, почему покончилъ миромъ, который продолжался лишь до 1364 г. Въ этомъ году отъ моровой язвы умеръ бездѣтнымъ князь дорогобужскій Семенъ Константиновичъ, свой удѣлъ отказавъ Михаилу Александровичу. Усиленіе племянника-противника было совсѣмъ не на руку В. М., почему онъ возобновилъ борьбу, въ 1366 г. кончившуюся миромъ, о которомъ запросилъ самъ В. М. Вмѣстѣ съ этимъ престижъ В. М. въ Твери палъ совсѣмъ: онъ только по имени продолжалъ называться великимъ княземъ, всѣ же дѣла вершилъ и властью пользовался Михаилъ Александровичъ, котораго и лѣтописи выдвигаютъ на первый планъ, оставляя В. М. въ тѣни. Именно поэтому о послѣднихъ годахъ его жизни почти не сохранилось извѣстій. Извѣстно только, что скончался онъ въ 1368 г. Отъ брака съ княжною брянской Еленой Ивановной онъ имѣлъ сыновей *Василія* (9) и *Михаила* (28).

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 51, 139, 185; т. V, стр. 210, 217—218; т. VII, стр. 192, 215; т. XV, стр. 416—417. — Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 138—139, 155, 167, 184—185, 190—193, 195, 208, 210—211, 214; т. IV, стр. 5, 8—9, 12, 15—16, 19. — Татищ. сводъ, т. IV, стр. 119—120, 160, 167—170, 172, 183—186, 198, 201—202, 205. — «Pomniki do dziejów Litewskich», изд. Нарбутта, Wilno 1846, стр. 22.— „Акты Археогр. Экспед.“, т. I, № 5. — Проф. Иноземцевъ, „Удѣльные князья Кашинскіе“, „Чтен. Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1873, т. IV, стр. 38 и слѣд. — „Удѣльные князья Кашинскіе“, брошюра, принадлежащая, кажется, Н. Головину. — Арцыбашевъ, „Повѣствованіе о Россіи“, т. II, стр. 102, прим. 732. — Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, t. V, p. 237.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 126, 135, 143, 144, 171, 175, 178; прим. 248, 301, 306, 308,, 328, 365, 369, 379, 383; т. V, стр. 7, 8; прим. 9 11.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. I, стр. 940, 941, 953, 960, 962.—Костомаровъ, „Церковно-историческая критика XVII в.“, „Вѣстн. Европы“, 1870, № 4, стр. 483. — В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб.

1876, стр. 133—141; прим. стр. 71—78.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 473, 476—477, 488, 516—519, 524—528, 531, 540—544, 641.

11. *Василій Михайловичъ II*, пятый сынъ Михаила Александровича (26), см. *Кашинскіе князья*.

12. *Василій Михайловичъ III*, единственный сынъ Михаила Васильевича (28), Кашинскіе князья.

13. *Владиміръ Александровичъ*, пятый сынъ Александра Михайловича (2); изъ лѣтописи о немъ извѣстно только, что онъ скончался отъ моровой язвы въ 1364 г.; упоминается еще въ одной жалованной грамотѣ вел. кн. Василія Михайловича (10) Тверскому отрочу монастырю, начинающейся словами: «Се милостыня князя великаго Васильева Михайловича и его братаничевъ: княжа Всеволожа... княжа Володимерова...» и др. Этимъ исчерпываются всѣ дошедшія до насъ о немъ извѣстія.

Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 9.—„Акты Археограф. Экспедиціи“, т. I, № 5.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 476, 519, 526, 539, 641.—Карамзинъ, „Исторія гос. Россійск.“, т. V, стр. 5, прим. 5.

14. *Всеволодъ Александровичъ*, третій сынъ Александра Михайловича (2), седьмой князь тверской и вмѣстѣ съ тѣмъ князь холмскій, родился въ Псковѣ приблизительно въ серединѣ 1320-хъ годовъ, когда отецъ его находился тамъ въ невольномъ изгнаніи. Въ 1339 г., незадолго до своей трагической кончины въ ордѣ, Александръ Михайловичъ «о своей вотчинѣ глаголавъ», т. е., по толкованію историковъ, подѣлилъ ее между своими сыновьями, причемъ В. А. получилъ въ удѣлъ Холмъ, въ управленіе которымъ, вѣроятно по малолѣтству, вступилъ нѣсколько позже. Дѣйствующимъ лицомъ въ тогдашнихъ событіяхъ В. А. выступаетъ въ 1345 г. Въ это время его самого и его мать Настасью сталъ утѣснять дядя В. А., тверской князь Константинъ Михайловичъ (24): «нача имати бояря ихъ и слуги въ серебрѣ за волости» (толкуется въ томъ смыслѣ, что Константиномъ Михайловичемъ съ удѣла В. А. сталъ насильно браться денежный сборъ для ордынскаго выхода). «Того не моги терпѣти», В. А. ушелъ искать управы на дядю въ Москву, а затѣмъ въ орду, куда прибылъ и Константинъ Михайловичъ. Ханъ Чанибекъ долженъ былъ дать противникамъ судъ, но онъ не состоялся за внезапною смертью Константина Михайловича. На освободившійся тверской столъ прямымъ наслѣдникомъ, какъ старшій въ родѣ, являлся братъ умершаго Василій Михайловичъ (10), который и сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ орду за ярлыкомъ; не имѣя денегъ, необходимыхъ для дачи хану и его приближеннымъ, онъ задумалъ собрать ихъ съ удѣла отсутствовавшаго В. А., для чего послалъ въ Холмъ своихъ «даньщиковъ», взявшихъ тамъ «дань на людехъ». Но В. А. не былъ изъ тѣхъ, котораго можно было безнаказанно обижать. За обиду отъ дяди онъ отплатилъ ему бо́льшимъ: пользуясь пребываніемъ въ ордѣ, рѣшился оспаривать у него тверской столъ и въ своихъ хлопотахъ имѣлъ успѣхъ, а на обратномъ пути изъ орды встрѣтилъ Василія Михайловича въ г. Бездежѣ и вдобавокъ «ограби его». Вскорѣ послѣ этого лѣтописи отмѣчаютъ обоихъ противниковъ находящимися въ ордѣ, гдѣ они, хлопоча каждый за себя, пробыли до 1347 г., когда ханъ, по совѣту матери, окончательно отдалъ предпочтеніе В. А. Обойденный Василій Михайловичъ не оставилъ своего дѣла, и между нимъ и В. А. «сотворися нелюбіе». Рядъ проистекшихъ изъ этихъ раздоровъ неурядицъ въ тверской землѣ побудилъ вмѣшаться въ споръ тверского владыку Ѳеодора, при посредствѣ котораго противники примирились: В. А. уступилъ Тверь дядѣ, а самъ ограничился холмскимъ удѣломъ, которымъ онъ и правилъ мирно до 1351 г. Съ этого же года его опять начинаетъ тѣснить Василій Михайловичъ, начавшій бояръ и слугъ В. А. «тягостію данною оскорбляти». «Не хотя со стріемъ своимъ битися», долго и терпѣливо сносилъ В. А. обиды, но въ 1356 г. онъ обратился съ жалобою на дядю къ владимірскому митрополиту Алексію, прося у него заступничества. По зову митрополита во Владиміръ явился и Василій Михайловичъ, предварительно заручившійся поддержкой московскаго вел. кн. Іоанна II Іоанновича. Между племянникомъ и дядею «много быша глаголанія», но «конечный миръ и любовь не сотворися»; отношенія ихъ даже ухудшились, что и сказалось въ томъ же 1356 г., когда всѣ русскіе князья ѣздили къ новому хану Бердибеку. В. А. для поѣздки въ орду

избралъ путь черезъ Переяславль, но тамошній намѣстникъ московскаго князя, вѣдая, что послѣдній держитъ сторону Василія Михайловича, не пропустилъ В. А. Онъ долженъ былъ пройти въ орду черезъ Литву, почему пришелъ позже остальныхъ князей. Запозданіе В. А. тверскому князю удалось истолковать въ невыгодномъ для того смыслѣ передъ ханомъ, который безъ суда и выдалъ его Василію Михайловичу. Для В. А. наступило «томленіе веліе»: бояре, слуги и народъ его подвергались «грабленію», имущества ихъ конфисковывались и продавались. Такая несправедливость возмутила тверского владыку Ѳеодора, и онъ хотѣлъ оставить свою епископію.

Въ 1358 г. В. А. удалось уйти въ Литву, откуда онъ возвратился въ Тверь въ слѣдующемъ году. Съ этихъ поръ отношенія къ нему со стороны Василія Михайловича измѣняются въ лучшую сторону, что объясняется измѣненіями въ политическомъ положеніи и политическихъ симпатіяхъ того времени. Въ бытность въ Литвѣ В. А. сдружился съ сильнымъ литовскимъ княземъ Ольгердомъ, съ которымъ онъ издавна находился въ свойствѣ: Ольгердъ былъ женатъ на его сестрѣ, Ульянѣ Александровнѣ. Литовскій князь въ это время лелѣялъ мечту объ образованіи для православныхъ подданныхъ Литвы независимой митрополіи. Его ставленникъ, нѣкій Романъ, личность довольно темная, утвержденный константинопольскимъ патріархомъ въ качествѣ митрополита литовскаго, въ 1359 г. появляется на Руси съ цѣлью произвести «замятню»— устранить владиміро-московскаго митрополита Алексія и сдѣлаться общерусскимъ митрополитомъ. Затѣя эта въ конечномъ счетѣ не удалась, но въ данный моментъ В. А., заключивъ союзъ съ нѣсколькими другими удѣльно-тверскими князьями, охотно поддерживалъ притязанія Романа, благодаря чему въ свою очередь пользовался поддержкой отъ Ольгерда. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще, что новый великій князь московскій, Дмитрій Константиновичъ суздальскій, бывшій въ свойствѣ какъ съ Ольгердомъ, такъ и съ В. А., являлся далеко не такимъ безусловнымъ сторонникомъ Василія Михайловича, какъ его предшественникъ, Іоаннъ Іоанновичъ. Въ виду этихъ-то измѣнившихся обстоятельствъ Василій Михайловичъ и сталъ болѣе уступчивымъ къ В. А. По лѣтописнымъ даннымъ, послѣдній «взя миръ и любовь съ братьею своею», а тверской князь «треть ихъ отчины отступися і раздѣлишася волостьми», т. е. сдѣлалъ значительныя уступки сплотившимся во главѣ съ В. А. тверскимъ удѣльнымъ князьямъ.

Послѣдніе годы своей жизни В. А. провелъ мирно; по крайней мѣрѣ лѣтописи послѣ событій 1359 г. ничего не говорятъ о немъ до самой его кончины, послѣдовавшей въ 1364 г. отъ моровой язвы, которая унесла много народу, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ лицъ тверского княжескаго дома. Нѣсколько раньше отъ той же язвы скончалась и супруга В. А., Софья, происхожденіемъ, какъ кажется, изъ рязанскаго дома. Отъ брака съ нею В. А. имѣлъ двоихъ сыновей, *Юрія* (35) и *Ивана* (20).

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VII, стр. 210, 215.—Никоновская лѣтопись, т. III, стр. 184—185, 190—192, 193, 195—196, 198, 208, 210—211, 214; т. IV, стр. 9.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 159—160, 168—169, 172, 183—185, 186, 189—190.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IV, стр. 171, 175, 178; пр. 369. 379, 383; т. V, стр. 5, пр. 5.—Саблуковъ, „Очеркъ Кипчакскаго царства“, „Сарат. Губернск. Вѣдом.“, 1844, стр. 78. — В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 133—141; прим. стр. 71—78.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 476. 478, 479, 483, 485, 519, 524, 526, 539—546, 551, 648.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. III, стр. 937, 940, 941, 953, 959, 1247, 1248.

15. *Даніилъ Дмитріевичъ*, старшій сынъ Дмитрія Юрьевича (17), недолго владѣлъ холмскимъ удѣломъ, а затѣмъ перешелъ на службу къ Москвѣ, гдѣ прославился какъ воевода, между прочимъ въ Казанскомъ походѣ.—см. *Холмскій, Даніилъ Дмитріевичъ*.

16. *Дмитрій Михайловичъ*, прозваніемъ *Грозныя очи*, старшій сынъ Михаила Ярославича (31), четвертый великій князь на тверскомъ престолѣ, родился 15 сентября 1299 г., а 8 ноября 1302 г. надъ нимъ совершенъ постригъ. Въ походахъ и междоусобіяхъ сталъ принимать участіе очень рано. Еще въ 1311 г., когда ему было едва 12 лѣтъ, онъ, «собра многи вои», по порученію отца ходилъ на Нижній-Новгородъ; его водительство ратью могло быть только номинальнымъ, и дѣлами въ сущности распоряжались довѣрен-

ные люди отца. Походъ не былъ доведенъ до конца, такъ какъ во Владимірѣ Д. М. встрѣтилъ препятствіе въ лицѣ митрополита Петра, рѣшительно воспротивившагося походу, грозя въ противномъ случаѣ «не благословить его (Д. М.) столомъ во Владимери»; 3 недѣли простоялъ тамъ юный князь, «бія челомъ Петру, да его разрѣшитъ», и когда тотъ «разрѣшилъ» (т. е. простилъ), распустилъ, конечно не безъ согласія отца, рать и возвратился въ Тверь. Въ 1314 г. Д. М., въ отсутствіе отца, бывшаго въ это время въ ордѣ, ходилъ къ Волгѣ на новгородцевъ, возставшихъ противъ Твери, прогнавшихъ отъ себя ея намѣстниковъ и пожегшихъ тверскія заселенія на лѣвомъ волжскомъ берегу. Битвы не было: простоявъ другъ противъ друга 6 недѣль, стороны заключили миръ. Въ 1318 г., осенью, Д. М. провожалъ отца въ послѣднюю его поѣздку въ орду. Тверской столъ Д. М. занялъ въ концѣ 1319 г., послѣ того какъ въ Твери стало извѣстно о мученической кончинѣ Михаила Ярославича, и тотчасъ по вокняженіи позаботился о перенесеніи тѣла отца на родину. Въ концѣ слѣдующаго года Д. М. женился на дочери литовскаго князя Гедимина, Маріи. Бракъ заключенъ не безъ расчета со стороны Д. М. Имѣя на одной сторонѣ враждебную и сильную Москву и на другой не менѣе враждебный и богатый Новгородъ, Д. М. въ борьбѣ съ ними не могъ полагаться на собственныя силы, тѣмъ болѣе, что Тверь сильно поистратилась въ ордѣ при ссорѣ Михаила Ярославича съ Юріемъ московскимъ. Между тѣмъ Литва къ этому времени становится весьма крѣпкимъ княжествомъ, и тяготѣніе Д. М. къ ней, закрѣпленное брачнымъ союзомъ, вполнѣ естественно. Въ 1321 г. въ Кашинъ, городъ Тверского княжества, приходилъ изъ орды татаринъ Таянчаръ съ «жидовиномъ должникомъ» и «много тягости училъ Кашину». Въ томъ же году, не совсѣмъ понятно по какому поводу, на тотъ же Кашинъ ходилъ Юрій со «всей силой низовской и суздальской». Д. М. вывелъ противъ него большую рать, но до битвы и тутъ не дошло: при посредничествѣ бывшаго тверского владыки Андрея противники пришли къ «докончанію», по которому Д. М. обязался уплатою Юрію 200 рублей «выхода» (ордынской дани) и обѣщалъ не искать великаго княженія. Такъ какъ Юрій полученный «выходъ» не отдалъ хану, а утаилъ, то Д. М., узнавъ объ этомъ, въ началѣ 1322 г. отправился въ орду, гдѣ и разсказалъ о поступкѣ московскаго князя и использовалъ гнѣвъ хана, попросивъ себѣ ярлыкъ на великое княжество Владимірское. Юрій пытался было съѣздить въ орду, дабы оправдаться и отдать утаенныя деньги, но по дорогѣ туда подвергся нападенію со стороны младшаго брата Д. М., Александра(2), и ограбленъ. Въ 1323 г. изъ орды приходилъ на Русь татарскій посолъ, который, учинивъ между прочимъ «много пакости низовскимъ городамъ», звалъ Юрія къ хану. Вслѣдъ за Юріемъ поспѣшилъ въ орду и Д. М. Между князьями-противниками долженъ былъ состояться ханскій судъ. Однако Д. М., не дожидаясь суда и «мстя кровь отчу», 21 ноября 1324 г. напалъ на Юрія и въ пылу раздраженія убилъ его, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ хана, хотя тотъ и медлилъ съ наказаніемъ. Историки по поводу этой медлительности высказываютъ недоумѣніе, не находя объясняющихъ ее причинъ, тѣмъ болѣе, что ханъ даже отпустилъ въ Тверь брата Д. М., Александра. Объясненіе, какъ кажется, кроется въ томъ, что Александръ уѣхалъ за сборомъ денегъ, потребованныхъ ханомъ въ видѣ выкупа за Д. М. Въ лѣтописяхъ недаромъ сказано, что Александра сопровождали «должницы». Какъ бы ни было, ханъ расправился съ тверскимъ княземъ лишь 15 сентября 1325 г. Въ этотъ день Д. М. былъ убитъ на р. Кондраклѣ. Дѣтей онъ послѣ себя не оставилъ; Никоновская лѣтопись ошибочно приписываетъ ему сына Ѳедора. Супруга его, Марія Гедиминовна, умерла въ 1348 г.

Полное Собраніе Русск. Лѣтописей, т. I, стр. 208, 209, 229; т. III, стр. 70, 72, 73; т. IV, стр. 47—50; т. V, стр. 205, 210, 216—217; т. VII, стр. 182, 186, 191, 198—200, 216, 237, 248; т. XV, стр. 413—414, 467.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 107, 124—125, 128—129, 192.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 109, 115, 169.—Супрасл. рукопись, издан. кн. Оболенскимъ, стр. 51.—„Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ“, т. I, №№ 15, 16.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, т. IV, стр. 108, 113, 118, 120—125, 144; прим. 206, 243, 252, 258, 259, 278.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. I, стр. 903, 904, 908, 911; кн. III, стр. 874, пр. 3.—Костомаровъ, „Начало единодержавія“, „Вѣстникъ Европы“, 1870, № 12.—Его же, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“, Спб. 1873, стр. 184.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 115—119; прим. стр. 64—66.—А. В. Экземплярскій, „Великіе

и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ", т. II, Спб. 1891, стр. 398, 462, 463, 468–471, 476, 538.

17. *Дмитрій Юрьевичъ*, единственный сынъ Юрія Всеволодовича (35), послѣ второго отъѣзда послѣдняго (1408 г.) въ орду отъ тверского князя Ивана Михайловича (22) получилъ часть отцовскаго холмскаго удѣла. Въ лѣтописяхъ имя Д. Ю. не встрѣчается ни разу, зато упоминается въ одной изъ договорныхъ грамотъ Бориса Александровича (7) съ московскимъ княземъ Василіемъ Темнымъ: непосредственно послѣ тверского князя и сына его Михаила онъ цѣлуетъ крестъ въ соблюденіи договора о дружбѣ и союзѣ. Отъ брака съ неизвѣстной имѣлъ сыновей *Данііла* (15), *Михаила* (29), *Василія*, *Ивана*. Послѣдніе двое удѣловъ не имѣли, а были на службѣ у Москвы.

„Собран. Госуд. Грамотъ и Догов.", т. I, №№ 76—77. — В. С. Борзаковскій, „Истор. Тверск. княжества", стр. 186.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 501, 507, 546, 548, 553.—Родословная Воскресенской лѣтоп., въ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VII, стр. 245.

18. *Еремѣй Константиновичъ* (1346—1372), старшій сынъ Константина Михайловича (24), владѣлъ Дорогобужемъ, отъ имени котораго и получилъ отдѣльное прозвище,—см. *Дорогобужскіе князья*.

19. *Иванъ Борисовичъ*, единственный сынъ Бориса Михайловича (8), упоминается съ 1399 г., когда онъ, по завѣщанію дѣда Михаила Александровича (26), сталъ совмѣстно съ дядей Василіемъ (10) владѣть Кашиномъ и Коснятиномъ. Среди тогдашнихъ удѣльныхъ тверскихъ князей только И. Б. не подвергся притѣсненіямъ со стороны сѣвшаго на тверской столъ Ивана Михайловича (22), даже вошелъ къ нему въ милость, благодаря тому, что мать его сумѣла подойти къ великому князю съ «лукавой лестью» и тѣмъ ему настолько угодила, что онъ подарилъ И. Б. озеро Луское и слободку Іерусалимскую. Но въ 1408 г. великій князь чѣмъ-то былъ разгнѣванъ И. Б. и пошелъ на Кашинъ, который повоевалъ и обложилъ данью, И. Б. же бѣжалъ въ Москву. Позже они, однако, повидимому, примирились, по крайней мѣрѣ въ 1412 г. И. Б. во главѣ тверичанъ защищалъ Кашинъ противъ Василія Михайловича III, т. е. стоялъ на сторонѣ Ивана Михайловича. Это послѣдній годъ, подъ которымъ онъ упоминается. Нѣкоторыя родословныя даютъ ему сына *Андрея* (6), что неправильно,—потомства онъ не имѣлъ.

Полное Собр. Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 82.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 297, 299; т. V., стр. 17, 45.—Татищевскій сводъ, т. IV, стр. 439—440, 462. — Хмыровъ, „Родословная", № 319.—Н. Головинъ, „Родословная роспись потомковъ Рюрика", Москва 1851, № 624.—Его же, „Кашинскіе удѣльные князья", отд. брош.—А. Д. Иноземцевъ, „Удѣльные Кашинск. князья", „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.", 1879, т. IV, стр. 49.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества", стр. 178, 186, 187.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 495, 498, 502, 529, 531–538, 642.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.".—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. „Общ. Польза", кн. I, стр. 1025, 1027, 1027.

20. *Иванъ Всеволодовичъ*, второй и младшій сынъ Всеволода Александровича (14), совмѣстно съ старшимъ братомъ Юріемъ (35) владѣлъ Холмомъ, приблизительно съ 1364 г. О первыхъ годахъ его княженія извѣстій не сохранилось; только на основаніи нѣкоторыхъ, не совсѣмъ достовѣрныхъ сказаній о Куликовской битвѣ можно думать, что онъ былъ участникомъ въ этомъ сраженіи. Первое опредѣленное лѣтописное слово объ И. В. относится къ 1397 г., когда онъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу (26) и ушелъ въ Москву, гдѣ женился на сестрѣ великаго князя Анастасіи Дмитріевнѣ и отъ него получилъ Торжокъ. Въ 1398 г. онъ былъ посланъ московскимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ княжить во Псковъ, но пробылъ тамъ только четыре мѣсяца. Когда на тверской столъ сѣлъ Иванъ Михайловичъ (22), И. В. «сослался» съ нимъ, взялъ «миръ и докончаніе» и въ 1400 г. вмѣстѣ съ женою и боярами переѣхалъ въ Тверь, а оттуда въ Холмъ. Скончался онъ въ 1402 г., на другой день Пасхи, передъ смертью принявъ иночество съ именемъ *Игнатія*. Свою часть въ холмскомъ удѣлѣ онъ завѣщалъ сыну великаго князя тверского, Александру Ивановичу (1). Самъ потомства не оставилъ.

Полное Собр. Лѣт., т. IV, стр. 144, 195, т. V, стр. 18; т. VI, стр. 130–131; т. VIII; стр. 70—71, 75; т. XV, стр. 457—458.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 93, 270, 278, 305; т. V, стр. 18.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 266—267.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв Руси", т. II, стр. 494, 497—498, 505, 545—547.—

Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск."—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. „Общ. Пользы", кн. I, стр. 977, 1026 и прим. 2. — В. С. Борзаковскій, „Истор. Тверск. княжества", стр. 178.

21. *Иванъ Ивановичъ*, старшій сынъ слѣдующаго (22), даты рожденія и смерти неизвѣстны. Въ 1398 г., передъ своей кончиной, вел. кн. Михаилъ Александровичъ (26), дѣдъ И. И., назначилъ своему старшему сыну Ивану Михайловичу и дѣтямъ его, Александру и И. И., слѣдующіе города: Тверь, Ржеву, Зубцовъ, Новый Городокъ, Радиловъ, Вобрынь и Опоку. Получилъ ли И. И. какой-либо изъ этихъ городъ въ удѣлъ или въ отдѣльное управленіе — свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Въ 1406 г. И. И. вмѣстѣ съ другими тверскими удѣльными князьями участвовалъ въ походѣ московскаго князя Василія Дмитріевича противъ Витовта; походъ закончился перемиріемъ противниковъ, заключеннымъ на р. Плавѣ безъ вѣдома и безъ предупрежденія тверскихъ князей, чѣмъ послѣдніе, а въ числѣ ихъ также И. И., были оскорблены и немедленно покинули московскій станъ. Подъ 1403 г. въ лѣтописи имѣется извѣстіе, что И. И. женился и былъ вѣнчанъ въ Твери епископомъ Арсеніемъ, но имя жены не называется. Отъ этого брака онъ имѣлъ, кажется, сына *Андрея* (6) и дочь *Анну*, которая въ 1430 г. вышла замужъ за литовскаго князя Свидригайла.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 365; т. V, стр. 252, 254; т. VI, стр. 133; т. VIII, стр. 74, 78; т. XV, стр. 474–476, 489.—Никонлѣт., т. IV, стр. 307.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 423.—Карамзинъ, „Ист. Гос. Рос.", изд. Эйнерлинга, т. V, прим. 198, 254.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества", стр. 173, 177, 182.—А. В. Экземплярскій, „Вел. и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II. стр. 497, 500, 504, 505, 641.

22. *Иванъ Михайловичъ*, третій сынъ Михаила Александровича (26), одиннадцатый великій князь тверской, родился въ 1357 г. Слѣдующій разъ лѣтописи говорятъ о немъ подъ 1371 г., когда онъ былъ посланъ отцомъ, въ то время тягавшимся съ Москвою, въ орду и тамъ оставленъ въ качествѣ заложника; оттуда его выкупилъ за 10 тыс. рублей московскій князь Дмитрій Ивановичъ, взялъ его съ собою въ Москву и посадилъ на дворѣ митрополита Алексія, гдѣ онъ «и сѣде нѣколико, донели-же выкупиши его», г. е. пока оттуда его въ 1373 г. не выкупилъ за ту же сумму отецъ. Въ 1375 г. И. М., по желанію отца, женился на литовской княжнѣ Маріи Кейстутьевнѣ, родной сестрѣ ставшаго впослѣдствіи великимъ княземъ литовскимъ Витовта.

Въ 1398 г., по смерти отца, И. М., какъ старшему изъ живыхъ дѣтей, досталась Тверь и рядъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ волостей — Новый Городокъ, Ржева, Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынь, Опока, Вертязинъ. Чтобы утвердиться въ великокняжескомъ достоинствѣ на тверскомъ столѣ, И. М. послалъ къ хану своихъ «киличеевъ» съ просьбою пожаловать его «отчиною его и дѣдиною, а своимъ улусомъ княженіемъ Тверскимъ». Ханъ Шадибекъ принялъ «киличеевъ» съ лаской и опустилъ ихъ съ «честью» и съ ярлыкомъ на тверской столъ.

Въ 1400 г. И. М. сталъ тѣснить болѣе слабыхъ тверскихъ князей, племянника Ивана Борисовича (19) и своихъ родныхъ братьевъ—«на свою братію нелюбы нача держати». Одинъ изъ братьевъ его, Василій МихайловичъII (12) кашинскій-косняТинскій, жаловался на поступки И. М. ихъ матери Евдокіи Константиновнѣ, которая послала къ нему своихъ бояръ съ увѣщаніемъ. То же сдѣлали съ своей стороны Ѳедоръ Михайловичъ (40) и упомянутый Иванъ Борисовичъ. И. М. однако увѣщаніямъ пословъ не внялъ и пуще прежняго сталъ «враждовать и нелюбы держать» противъ братьевъ и даже противъ матери. Тогда мать Ивана Борисовича избрала путь—по выраженію лѣтописи—«лукавой лести». Со своимъ сыномъ она явилась къ И. М., била ему челомъ и заявила, что своихъ бояръ они не посылали. Такая покорность пришлась по сердцу И. М., онъ принялъ Ивана Борисовича подъ свою руку и въ 1401 г. отдалъ ему озеро Луское и слободу Ерусалимскую, отнятыя у брата Василія Михайловича. Послѣдній, самъ слабый и не имѣя надежды ни на Москву, ни на Литву, незадолго передъ тѣмъ «сотворившихъ единъ миръ и любовь» съ Тверью, по старому обычаю обратился къ духовному лицу, уважаемому въ Тверской землѣ владыкѣ Арсенію, котораго онъ и просилъ быть ходатаемъ предъ И. М. объ общемъ судѣ; на ходатайство это И. М. отвѣтилъ отказомъ. Неудавшаяся попытка примиренія

еще болѣе обострила вражду между И. М. и Василіемъ, которая въ 1403 г. дошла до открытаго междоусобія; И. М. сначала пошелъ было лично, а затѣмъ послалъ сына Александра во главѣ значительнаго войска походомъ на Кашинъ. Василій Михайловичъ бѣжалъ въ Москву, а Александръ овладѣлъ Кашиномъ. Въ томъ же 1401 г. братьевъ примирилъ московскій князь,—признавъ надъ собою волю тверского князя, Василій получилъ Кашинъ обратно. Миръ былъ не продолжителенъ; его нарушилъ въ 1404 г. И. М., схвативъ пріѣзжавшаго въ Тверь Василія. Хотя братья вновь примирились и Василій былъ отпущенъ въ Кашинъ «съ любовью», но уже въ началѣ лѣта 1405 г. «любовь» была забыта, и тѣснимый Тверью Василій, «не хотя самъ себя вдати въ напасть», убѣжалъ изъ Кашина въ Москву, а И. М. послалъ въ его волость своихъ намѣстниковъ, которые «продажами и грабежомъ» много зла причинили жителямъ. Не получивъ въ Москвѣ поддержки, Василій принужденъ былъ заговорить о мирѣ, который и былъ заключенъ, причемъ на этотъ разъ продолжался цѣлыхъ шесть лѣтъ. Василій Михайловичъ получилъ обратно Кашинъ, но принужденъ былъ сдѣлать значительныя уступки И. М.

Еще до этого замиренія у И. М. началась вражда съ другимъ княземъ, Юріемъ Всеволодовичемъ (35) холмскимъ; послѣдній, прослышавъ о томъ, что въ Твери былъ схваченъ Василій Михайловичъ, и опасаясь подобной же участи, въ 1405 г., по совѣту своихъ бояръ, бѣжалъ въ Москву. Возможно, что опасенія эти были напрасными, ибо И. М. нѣсколько разъ посылалъ въ Москву уговаривать холмскаго князя возвратиться, самъ предлагая, въ случаѣ нанесенной ему невольно какой-либо обиды, передать дѣло на судъ владыки Арсенія. Тѣмъ не менѣе Юрій, удерживаемый боярами, остался въ Москвѣ. Въ 1406 г. между литовскимъ княземъ Витовтомъ, захватившимъ Смоленскъ и сдѣлавшимъ набѣгъ на Псковскую область, и великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, этому самовольству воспротивившимся, начались враждебныя дѣйствія, участіе въ которыхъ принялъ и И. М., послѣ нѣкотораго колебанія ставшій на сторону Москвы и сложившій крестное цѣлованіе къ Витовту. Какъ кажется, тверскіе полки участвовали уже въ первомъ походѣ москвичей на Литву, въ 1406 г., когда безуспѣшно осаждались Вязьма, Серпейскъ и Козельскъ. Во всякомъ случаѣ, когда московскій князь предпринялъ въ томъ же году второй походъ на Литву, извѣстный подъ именемъ Плавскаго, и обратился за помощью къ И. М., послѣдній послалъ съ этой цѣлью братьевъ Василія кашинскаго и Ѳедора микулинскаго, сына Ивана (21) и кн. Ивана Еремѣевича дорогобужскаго. Разрывъ съ Литвой, старинной союзницей Твери, представлялъ нежданный поворотъ въ политикѣ тверскихъ князей и настолько противорѣчилъ сложившимся традиціямъ, что не могъ быть длительнымъ явленіемъ. И дѣйствительно, уже во время Плавскаго похода обнаружились обстоятельства, заставившія И. М. пожалѣть о перемѣнѣ тактики. Русскіе встрѣтились съ литовцами на р. Плавѣ, безплодно простояли тамъ нѣсколько дней въ виду другъ друга и затѣмъ заключили миръ. Способъ заключенія этого-то мира и внесъ раздоръ между московскимъ и тверскимъ князьями. Первый, начавъ мирные переговоры, не предупредилъ о томъ тверскихъ князей и воеводъ, а въ перемирной грамотѣ «не написа честно имени брата своего, вел. кн. Ивана тверскаго, но *написа и послѣ братіи своей*». Тверичи вознегодовали на Василія Дмитріевича, говорили, что они не на службу пришли къ нему, и въ сильномъ озлобленіи покинули лагерь москвичей. Раздоръ повелъ къ тому, что оскорбленный И. М. сталъ чуждаться Москвы и снова склоняться на сторону Литвы, и когда въ слѣдующемъ 1407 г. между Москвою и Литвою произошло новое столкновеніе и Василій Дмитріевичъ опять обратился къ И. М. за помощью, послѣдній, ссылаясь на недавно нанесенную ему обиду, отвѣтилъ отказомъ:—«се отселѣ не помогаю вы».

Возникшими между Василіемъ Дмитріевичемъ и И. М. раздорами поспѣшилъ воспользоваться Юрій Всеволодовичъ холмскій, изъ Москвы въ іюнѣ 1407 г. отправившійся въ орду, въ надеждѣ тамъ найти поддержку своимъ притязаніямъ. Мѣсяцъ спустя поѣхалъ въ орду (Волгою) и И. М., до тѣхъ поръ тамъ не бывавшій. На судѣ предъ новымъ ханомъ, Булатъ-Салтаномъ, сѣвшимъ на мѣсто изгнаннаго незадолго

передъ тѣмъ Шадибека, дѣло выигралъ И. М.,—онъ былъ «оправленъ» и въ январѣ 1408 г. отпущенъ въ Тверь «съ честью» и съ подтвердительнымъ ярлыкомъ на всю Тверскую землю. Вскорѣ возвратился въ Москву и Юрій и черезъ сопровождавшаго его татарскаго посла Маманта Дербоша потребовалъ отъ И. М. уступки Кашина, пожалованнаго ему ханомъ уже по отъѣздѣ И. М. изъ орды. И. М. отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что онъ самъ «только вчера» отъ хана, что въ полученномъ имъ, И. М., ярлыкѣ ему жалуется *вся* Тверская земля, слѣдовательно въ томъ числѣ и Кашинъ, и что такому противорѣчивому распоряженію хана онъ повѣрить не можетъ, пока его люди, которыхъ онъ по этому поводу посылаетъ въ орду, не разузнаютъ объ этомъ дѣлѣ и не подтвердятъ правильность его.

Въ 1408 г. И. М. былъ поставленъ въ затруднительное положеніе во время похода на Москву извѣстнаго татарскаго воеводы Едигея. Послѣдній, подступивъ къ Москвѣ и обложивъ ее, намѣрѣвался разрушить ея стѣны и послалъ къ И. М. въ Тверь приказъ лично явиться со всею тверскою ратью и «съ пушками, и съ тюфяками, и съ пищалями, и съ самострѣлами», а главное—немедленно доставить подъ Москву «сосуды градобійные», тогдашнюю артиллерію. И. М. не хотѣлось раздражать ни татаръ, ни московскаго князя, а потому онъ пустился на «коварство»,—съ маленькой дружиной и съ стѣнобитными орудіями онъ хотя и вышелъ въ походъ къ Москвѣ, но шелъ такъ медленно, что помощь его не понадобилась. «И таковымъ коварствомъ—по выраженію лѣтописи—премудрова: ни Едигея разгнѣва, ни князю великому (московскому) погрубі, обоимъ обоего избѣжа; се же сотвори уменски, паче же истенски». За свою нехитрую хитрость онъ все же поплатился, такъ какъ татары, уходя отъ Москвы и по дорогѣ все разрушая, коснулись и Тверской земли: разорили Клинскую волость, пожгли ее и многихъ жителей увели въ плѣнъ.

Въ томъ же 1408 г. М. И. снова началъ непріязненно относиться къ своему племяннику Ивану Борисовичу, которому долгое время покровительствовалъ. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, И. М. вдругъ двинулся на Кашинъ, гдѣ княжилъ Иванъ Борисовичъ, и вынудилъ послѣдняго бѣжать въ Москву. Въ Кашинѣ И. М. оставилъ своихъ намѣстниковъ, съ жителей взялъ дань, захватилъ въ плѣнъ «сноху свою княгиню Борисову» и примирился съ братомъ Василіемъ Михайловичемъ, который, повидимому, въ этомъ столкновеніи держалъ сторону бѣжавшаго Ивана Борисовича. Къ 1411 г. относится сближеніе И. М. съ Витовтомъ, на свиданіе съ которымъ изъ Твери въ Литву ѣздилъ второй сынъ И. М., Александръ (1), принятый тамъ очень любезно. Годъ спустя послѣ этого у И. М. опять начинается «нелюбіе веліе» съ братомъ Василіемъ, княжившимъ въ Кашинѣ; въ концѣ іюня 1412 г. онъ велѣлъ схватить Василія, его жену, бояръ и слугъ, а въ Кашинъ послалъ намѣстниковъ, но по дорогѣ въ Тверь, куда были препровождены плѣнные, Василію удалось ускользнуть отъ стражи и бѣжать въ Москву. Повидимому въ связи съ этимъ утѣсненіемъ кашинскаго князя стоитъ пріѣздъ въ Тверь татарскаго «посла люта», который звалъ И. М. въ орду, куда онъ и отправился въ августѣ 1412 г., передъ этимъ на случай возможныхъ осложненій заключивъ договоръ съ Витовтомъ о взаимной поддержкѣ. Нѣсколькими недѣлями раньше поѣхалъ въ орду и Василій Михайловичъ. Послѣдній вернулся въ Москву уже въ октябрѣ, а 24 декабря, наканунѣ Рождества, во главѣ толпы татаръ внезапно подступилъ къ Кашину, но наткнулся на рѣшительный отпоръ со стороны бывшаго въ городѣ тверского отряда (состоявшаго подъ начальствомъ Ивана Борисовича, съ которымъ И. М. передъ отъѣздомъ въ орду, надобно полагать, помирился) и потерпѣлъ неудачу.

И. М. вернулся изъ орды только въ апрѣлѣ 1413 г.; ханъ Каримбердей отпустилъ его «съ честью и съ пожалованіемъ». Съ этого времени и вплоть до 1422 г. о немъ въ лѣтописяхъ не встрѣчается никакихъ свѣдѣній, откуда слѣдуетъ заключить, что послѣдніе годы его княженія протекли мирно: удѣльные князья не поднимались противъ него, Москва и татары не нападали на Тверь. Къ 1422 г. относится извѣстіе, что И. М. женилъ своего младшаго сына Юрія на дочери вліятельнаго московскаго боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго, что слѣдуетъ толко-

вать какъ шагъ въ смыслѣ сближенія съ Москвою. Подъ этимъ же годомъ встрѣчается еще одно упоминаніе объ И. М.,—о военной помощи, оказанной имъ Витовту въ войнѣ послѣдняго съ рыцарями.

Скончался И. М. 22 мая 1425 г. отъ моровой язвы, передъ смертью принявъ схиму съ именемъ *Іова*. Онъ былъ женатъ дважды: съ 1375 г. на сестрѣ Витовта, Маріи Кейстутьевнѣ (44; ум. 1404 г.,) и съ 1408 г. на дочери дорогобужскаго князя Дмитрія Еремѣевича, Евдокіи. Дѣтей имѣлъ только отъ перваго брака—сыновей *Ивана* (21), *Александра* (1) и *Юрія* (36).

Полное Собр. Русск. Лѣтопис., т. III, стр. 103, 105, 110; т. IV, стр, 104, 106, 113, 120—121, 360, 417; т. V, стр. 252, 254, 257, 258, 263; т. VI, стр. 130—133, 135, 136, 139, 142, 143; т. VIII, стр. 18, 71, 74—78, 81—83, 86, 91, 93; т. XV, стр. 461, 470—471, 474—480, 486, 488.—Никоновская лѣтопись, т. III, стр. 305; т. IV, стр. 296—298, 299, 307, 313—317; т. V, стр. 1, 8, 9, 11, 13, 17, 25—26, 37, 42, 43, 47, 79, 85, 262.—Татищ. сборн., т. IV, стр. 400—403, 418—422, 439, 440, 455, 460, 464, 490.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876, стр. 177—191, 262—269; прим. стр. 109—119, 151—152.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, Спб. 1891, стр. 228, 490, 492, 494—507, 520, 530, 533—537, 543, 545—547, 551, 552, 556; 642.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IV, прим. 390; т. V, стр. 15, 99—101, 108, 112, 114, 119, 143; прим. 23, 137, 183, 185, 186, 198, 203, 207, 211—213, 232, 254, 258.—С. М. Соловьевъ, «Исторіи Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 964, 967, 970, 1025, 1027, 1028, 1083.

23. *Иванъ Юрьевичъ*, сынъ Юрія Александровича (34), единственный самостоятельный князь зубцовскій. Извѣстія о немъ весьма скудны. Послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ 1425 г., онъ, по малолѣтству ли или по другимъ причинамъ, не занялъ великокняжскаго тверского стола, перешедшаго его дядѣ Борису Александровичу (7), но отъ послѣдняго получилъ въ удѣлъ пригородъ Твери—Зубцовъ, которымъ и управлялъ, повидимому, до половины XV в., т. е. до времени, когда съ опредѣленностью можно считать его еще живымъ. Въ слѣдующій разъ И. Ю. упоминается въ духовной грамотѣ митрополита Фотія, писанной въ 1431 г.; въ числѣ другихъ князей Фотій въ духовной преподаетъ благословеніе и ему; наконецъ, имя И. Ю. фигурируетъ еще въ двухъ договорныхъ грамотахъ Бориса Александровича съ вел. кн. московскимъ Василіемъ Темнымъ, относящихся къ 1437 и къ 1450 гг.; въ обоихъ актахъ онъ отмѣчается въ числѣ «молодшей братіи» перваго князя и цѣлуетъ крестъ въ соблюденіи договоровъ. Потомства И. Ю. не оставилъ.

Полное Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 146; т. VII, стр. 245.—«Собраніе Госуд. Грам. и Догов.», т. I, №№ 76, 77.—«Акты Археогр. Экспед.», т. I, № 33.—Карамзинъ, «Ист. гос. Россійск.», изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 143; прим. 258, 332, 349.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. I, стр. 1084.—А. В. Экземплярскій, «Вел. и уд. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 507, 556.—В. С. Борзановскій, «Исторія Тверскаго княжества», стр. 119.

24. *Константинъ Михайловичъ*, третій сынъ Михаила Ярославича (31), шестой князь на тверскомъ столѣ, родился въ 1306 г. Впервые упоминается подъ 1318 г., когда отцомъ, затѣявшимъ передъ ханомъ тяжбу съ московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, былъ посланъ въ орду въ качествѣ заложника; въ виду того, что самъ Михаилъ Ярославичъ медлилъ пріѣздомъ въ орду, разгнѣванный ханъ хотѣлъ было 12-лѣтняго К. М. уморить голодомъ и только по настоятельнымъ совѣтамъ своихъ приближенныхъ отказался отъ этого намѣренія. Находился К. М. въ ордѣ и во время казни отца; въ лѣтописяхъ упоминается, что въ тяжкой потерѣ утѣшала его жена Узбека, Балынь. Изъ орды его въ 1320 г. вывезъ Юрій Даниловичъ въ Москву, тамъ женилъ на своей дочери Ссфьѣ и вскорѣ отпустилъ въ Тверь, впрочемъ за солидный выкупъ въ 2.000 руб., внесенный за К. М. его старшимъ братомъ, Дмитріемъ (16). Затѣмъ лѣтописныя извѣстія о немъ надолго обрываются, возобновляясь лишь въ 1327 г. въ связи съ происшествіями, слѣдовавшими послѣ избіенія въ Твери ханскаго посланника Шевкала и его свиты. Нагрянувшему вслѣдъ за этимъ на Тверь Ивану Калитѣ, которому ханъ далъ 50-тысячное войско и поручилъ наказать виновныхъ, тверскіе князья не могли сопротивляться и разбѣжались въ разныя стороны; К. М. вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Василіемъ ушелъ въ Ладогу, но тамъ пробылъ недолго, тотчасъ по уходѣ татаръ возвратившись въ разоренную Тверь, гдѣ первое время «сѣдоша въ велицѣй нищетѣ и убожествѣ, понеже земля Тверская пуста»... Но К. М. съ помощью брата Василія

«начаша помалу собирати люди и утѣшати отъ великія печали и скорби». Такъ какъ княжившій въ Твери до нашествія татаръ Александръ Михайловичъ (3) принужденъ былъ и далѣе скитаться на чужбинѣ, то К. М., какъ слѣдующій по старшинству, въ 1328 г. поѣхалъ въ орду за княжескимъ ярлыкомъ для себя. Ханъ попрежнему держалъ гнѣвъ на тверскихъ князей, и получить ярлыкъ самому К. М. едва ли бы удалось, если бы ему не помогъ Калита, въ это время также бывшій въ ордѣ. Княженіе К. М. характеризуется отсутствіемъ самостоятельности, подчиненіемъ волѣ Калиты, за которымъ тверской князь, по выраженію А. В. Экземплярскаго, шелъ какъ бы на привязи: онъ сопровождалъ Калиту въ его многократныхъ поѣздкахъ въ орду, помогалъ ему въ походахъ, напр. въ 1333 г., когда московскій князь ходилъ войною на Новгородъ. Причины этой покорности ясны: унаслѣдовавъ разгромленное и обезсиленное княжество, К. М. не могъ помышлять о первенствѣ; съ другой стороны вполнѣ вѣроятно и формальное согласіе подчиняться Калитѣ какъ воздаяніе за оказанную ему послѣднимъ помощь при полученіи княжескаго ярлыка. Однако пассивность К. М. выходила за предѣлы простой покорности, достигая степени униженія: когда руководимые Калитою русскіе князья посылали сказать бѣжавшему въ Псковъ Александру Михайловичу, чтобы тотъ шелъ въ орду, К. М. также принялъ участіе въ этомъ хорѣ противъ его брата; долженъ былъ онъ примкнуть и къ походу, предпринятому Калитою на Псковъ съ цѣлью принудить послѣдній къ выдачѣ Александра Михайловича. Не думая о борьбѣ съ Москвою, подчиняясь ей, К. М. направилъ усилія къ тому, чтобы возстановить силы княжества, привести въ порядокъ внутреннія дѣла, утвердить крѣпость своей отчины, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, успѣлъ; недаромъ Александръ Михайловичъ назвалъ его однажды «наставникомъ и собирателемъ отчины». Замѣчательно, что К. М. былъ менѣе всего честолюбивъ; когда братъ его Александръ получилъ въ 1337 г., наконецъ, отъ хана прощеніе, онъ безъ всякаго сопротивленія уступилъ ему княженіе въ Твери, фактъ для того времени исключительный. Но въ 1339 г. Александръ былъ казненъ въ ордѣ, и княжескій столъ снова перешелъ къ К. М. Зависимое положеніе его отъ Москвы стало еще тягостнѣе. Это было время, когда Калита сталъ особенно тѣснить другихъ князей, и, по выраженію лѣтописи, «наста насилованіе много». Понятно, что менѣе всего щадилъ онъ свою исконную противницу Тверь, и въ этомъ отношеніи дошелъ до того, что приказалъ снять колоколъ съ главной тверской Спасо-Преображенской церкви, усыпальницѣ мѣстныхъ князей, и перевезти его въ Москву,—обида по тогдашнимъ понятіямъ исключительная. Не вышелъ К. М. изъ повиновенія у Москвы и со вступленіемъ (1340 г.) на ея престолъ сына Калиты, Семена Гордаго; во время поѣздки послѣдняго за великокняжескимъ ярлыкомъ въ орду, куда сопровождалъ его и К. М., ханъ даже оформилъ эту зависимость, отдавъ К. М. наряду съ другими князьями «подъ руцѣ его», Семена. Въ послѣдніе годы въ общемъ тихаго и мирнаго княженія у К. М. «бысть нелюбье» съ княгиней Настасьей, супругой брата его Александра, и съ племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ; желая, вѣроятно, обогатиться на ихъ счетъ, К. М. «начати имати бояръ ихъ и слуги... черезъ людцкую силу». Всеволодъ Александровичъ, «того не моги терпѣти», бѣжалъ въ Москву, а затѣмъ отправился съ жалобою въ орду, куда поспѣшилъ и К. М. Тамъ долженъ былъ разсудить ихъ ханъ, но незадолго до предстоявшаго суда К. М. внезапно скончался,—въ 1345 г. Женатъ онъ былъ дважды: первый разъ на упомянутой Софьѣ Юрьевнѣ, дочери московскаго кн. Юрія Даниловича, и второй—на Евдокіи, отчествомъ и родомъ неизвѣстной: вѣроятно отъ второго брака имѣлъ двоихъ сыновей *Семена* (33) и *Еремѣя* (18). Такъ какъ послѣдніе послѣ смерти отца княжили въ Дорогобужѣ, то является предположеніе, что этотъ городъ получилъ въ удѣлъ еще К. М. отъ своего отца Михаила Ярославича, когда тотъ передъ трагически закончившейся поѣздкой въ Москву раздѣлилъ между сыновьями свою вотчину. Тѣмъ не менѣе имя князя *дорогобужскаго* К. М. не привилось, вѣроятно потому, что прозваніе его по великокняжескому столу вытѣснило прозваніе по удѣлу.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 79; т. IV, стр. 55; т. V, стр. 209, 210, 217, 220, 222;

т. VI, стр. 192; т. VII, стр. 191, 201, 203, 206, 209, 210, 237; т. XV, стр. 410, 414, 419.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 120, 124, 139, 140—141, 151, 159, 161, 170, 171, 178—179, 184; т. IV, стр. 12, 204.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 99, 101, 110, 120, 121, 130, 131, 142, 153, 159—160.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IV, стр. 112, 115, 116, 119, 121, 126, 134, 135, 140, 143, 153, 170; прим. 247, 280, 291, 301, 308, 369; т. V, стр. 5.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Польза“, кн. I, стр. 908, 910, 919—920, 940; кн. III, стр. 874, пр. 3.—Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“, стр. 417.—П. Д. Бѣляевъ, „Великій кн. Михаилъ Ярославичъ Тверской“, „Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос.“, 1861, № 3.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 125—127, 130—132.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 47, 86, 399, 400, 467, 469, 473, 476—478, 516, 540.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., Спб. 1895, полут. 31, стр. 72.

25. *Левъ Александровичъ*, старшій изъ шести сыновей Александра Михайловича (2); лѣтописи отмѣчаютъ только дату его рожденія—1321 годъ; вѣроятно умеръ малолѣтнимъ.

Полное Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 414.—Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 126.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и уд. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 476, 640.

26. *Михаилъ Александровичъ*, четвертый сынъ Александра Михайловича (2), десятый князь на тверскомъ столѣ и первый князь микулинскій, родился въ 1333 г. во Псковѣ, гдѣ въ то время изгнанникомъ жилъ его отецъ; крестилъ его новгородскій владыка Василій, ради этого пріѣзжавшій во Псковъ. Когда М. А. получилъ въ удѣлъ Микулинъ, изъ лѣтописныхъ данныхъ не видно, но вѣроятно въ 1339 г., когда Александръ Михайловичъ передъ послѣдней поѣздкой въ орду «о вотчинѣ своей глаголавъ». По малолѣтству въ управленіе удѣломъ вступилъ лишь значительно позже, предоставивъ веденіе дѣлъ боярамъ. Въ 1841 г. онъ былъ отвезенъ изъ Твери въ Новгородъ къ владыкѣ Василію для обученія грамотѣ. Это послѣднее лѣтописное извѣстіе, относящееся къ дѣтскимъ и юношескимъ годамъ М. А.—въ теченіе дальнѣйшихъ цѣлыхъ 20 лѣтъ имя его въ древнихъ актахъ не встрѣчается. Только подъ 1362 г. лѣтописи снова заговариваютъ о немъ, къ тому же съ пространностью и полнотою, дѣлающими еще менѣе понятнымъ такое длительное молчаніе. Въ Тверской лѣтописи, напр., подъ этимъ годомъ подробно говорится о добромъ нравѣ М. А. и о томъ, что тверичи питали къ нему необыкновенную любовъ—«вси сынове тверстіи прилагахуся къ нему и храбри служаху ему». Изъ этой любви тверского населенія къ М. А. можно заключить, что онъ если и жилъ преимущественно на своемъ удѣлѣ, въ Микулинѣ, то нерѣдко бывалъ и въ Твери, гдѣ въ это время княжилъ дядя его, Василій Михайловичъ кашинскій (10), и въ дѣлахъ тверскихъ имѣлъ уже тогда значительное вліяніе. Популярность М. А. среди тверичей вызывала враждебныя къ нему чувства и опасенія со стороны Василія Михайловича, который, внимая наговорамъ и навѣтамъ своей супруги Елены, «нача гнѣватися на Михаила, зло враждоваше на него», а въ 1363 г. предпринялъ даже походъ на Микулинъ, кончившійся, впрочемъ, миромъ: дядя и племянникъ «смиришась и любовь сотвориша». Опасенія тверского князя были не безосновательны; изъ нѣкоторыхъ данныхъ видно, что въ сущности М. А., благодаря своей популярности, пользовался въ Твери большимъ значеніемъ и вліяніемъ, чѣмъ самъ князь тверской, Василій Михайловичъ.

Въ 1364 г. М. А. значительно усилился территоріально и матеріально, унаслѣдовавъ удѣлъ отъ своего двоюроднаго брата, дорогобужскаго князя Семена Константиновича, павшаго жертвой свирѣпствовавшей въ этомъ году моровой язвы. Завѣщаніе Семена Константиновича вызвало протестъ со стороны прямого наслѣдника, старшаго брата его Еремѣя; по ходатайству послѣдняго предъ митрополитомъ, дѣло о наслѣдствѣ перешло, согласно установившемуся обычаю, на судъ духовнаго лица, и судьею призванъ былъ тверской владыка Василій, признавшій права М. А. на удѣлъ, въ виду яснаго смысла завѣщанія, безспорными. Впослѣдствіи за это рѣшеніе владыка самъ подвергся суду князей, слѣдствіемъ котораго владыкѣ «сотворися проторъ великъ». Усиленіе М. А. было, конечно, не по душѣ Василію Михайловичу, и онъ, не будучи въ состояніи справиться съ нимъ собственными силами, потерпѣвъ уже однажды въ этомъ неудачу, для борьбы съ М. А. сталъ искать союзника, котораго и нашелъ въ лицѣ московскаго князя Димитрія Ивановича (Донского), къ этому

времени окончательно утвердившагося на московскомъ престолѣ. Въ свою очередь и М. А., также не надѣясь на собственныя силы для предстоящей неизбѣжной борьбы, нашелъ поддержку у Литвы, которая, такимъ образомъ, изъ-за междоусобій тверскихъ князей впервые пришла въ столкновеніе съ Москвой. Когда Дмитрій Ивановичъ, по выраженію лѣтописи, «нача посягати» на русскихъ князей, въ томъ числѣ и на М. А., послѣдній отправился за помощью къ Ольгерду. Воспользовавшись отсутствіемъ М. А., враги его—Василій Михайловичъ и Еремѣй Константиновичъ въ союзѣ съ Москвою—соединенными силами пошли на... Тверь. Именно на Тверь, а не на Микулинъ, и это является въ значительной степени необъяснимымъ, такъ какъ тверскимъ великимъ княземъ въ это время продолжалъ оставаться одинъ изъ соучастниковъ похода и враговъ М. А.—Василій Михайловичъ. Единственное объясненіе, которое здѣсь можно допустить и которое обычно приводится, это то, что тверичи въ возникшихъ распряхъ взяли сторону своего любимца, М. А., и князь тверской хотѣлъ наказать ихъ за измѣну себѣ. Какъ бы то ни было, взять городъ союзникамъ не удалось, но окрестнымъ жителямъ пришлось испытать «муки, безчестье и грабежъ» отъ ихъ войскъ, удалившихся лишь послѣ того, какъ «все пусто сотвориша». Осенью того же 1366 г. М. А. возвратился съ литовскими войсками. Ему съ первыхъ же шаговъ сопутствовалъ успѣхъ: взявъ въ плѣнъ женъ князей Василія и Еремѣя, а также многихъ бояръ и слугъ перваго, онъ почти безпрепятственно подступилъ къ Кашину. Василій Михайловичъ не въ состояніи былъ оказать серьезнаго сопротивленія племяннику и запросилъ мира, который и былъ заключенъ въ селѣ Андреевскомъ. Непосредственно вслѣдъ за этимъ М. А. взялъ «миръ и любовь» также съ Дмитріемъ Ивановичемъ и Еремѣемъ Константиновичемъ, а въ день Крещенія 1367 г. цѣловалъ крестъ въ любви и дружбѣ и съ сыномъ тверского князя, Михаиломъ Васильевичемъ (28). Хотя условія этого ряда мирныхъ соглашеній и неизвѣстны, но несомнѣнно, что главнѣйшимъ ихъ пунктомъ было утвержденіе за М. А. спорнаго удѣла княже-Семена. Съ другой стороны, вліяніе М. А. въ дѣлахъ Тверского княжества, и до тѣхъ поръ весьма видное, стало исключительнымъ, хотя тверской столъ все же остался въ рукахъ Василія Михайловича, несмотря на желаніе тверичей имѣть своимъ княземъ М. А. Наибольшее удовлетвореніе заключенные мирные договоры доставили народной массѣ, въ теченіе предыдущихъ княжескихъ междоусобицъ сильно разорившейся и теперь, въ виду измѣнившихся политическихъ условій, торжествовавшей неописуемо; даже высшимъ слоямъ населенія наступившія спокойныя времена доставляли радость,—«и радовалась бояре, и всѣ вельможи, также гости и купцы, и ремественницы, и работные люди», повѣствуетъ лѣтопись.

Всеобщая радость была однако непродолжительна: уже въ томъ же 1367 г. Еремѣй Константиновичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ М. А. и ушелъ въ Москву, гдѣ снова поднялъ вопросъ объ удѣлѣ своего брата. Пользуясь всякимъ случаемъ для вмѣшательства въ дѣла тверскихъ князей, Дмитрій Ивановичъ не упустилъ и этого обстоятельства, выставилъ себя защитникомъ утѣсненнаго князя и по совѣту съ боярами пригласилъ въ Москву М. А. для переговоровъ о спорномъ дѣлѣ. Не безъ основанія подозрѣвая въ этомъ приглашеніи ловушку, М. А. медлилъ согласіемъ, но когда получилъ завѣренія въ безопасности даже отъ митрополита Алексія, счелъ это достаточной гарантіей и въ началѣ 1368 г. былъ уже въ Москвѣ. Обѣщанія митрополита были нарушены самымъ безцеремоннымъ образомъ: послѣ нѣкотораго подобія суда, рѣшившаго дѣло по указкѣ московскаго князя въ пользу Еремѣя, М. А. самого и его бояръ неожиданно схватили, арестовали и посадили въ заточеніе. Такой поступокъ былъ настолько вѣроломенъ, что имъ были поражены даже пріѣхавшіе вскорѣ послѣ этого въ Москву трое татарскихъ князей,—«слышавше сіе, усумнѣшась». Именно это обстоятельство, повидимому, и заставило московскаго князя освободить М. А. и тверскихъ бояръ, связавъ его, впрочемъ, крестнымъ цѣлованіемъ, а на чемъ—изъ лѣтописей не видно; можно лишь предполагать,—или чтобы М. А. не мстилъ въ союзѣ съ Литвою за причиненную ему обиду, или же въ томъ, что онъ отступился отъ части удѣла, завѣщаннаго ему Семеномъ Константиновичемъ; послѣднее пред-

положеніе болѣе вѣроятно, ибо почти непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ М. А. Дмитрій Ивановичъ занялъ относившійся къ этому удѣлу Градокъ, въ которомъ посадилъ своего намѣстника.

Въ 1368 г. скончался Василій Михайловичъ, и М. А., унаслѣдовавъ послѣ него великокняжескій столъ, сталъ тверскимъ княземъ не только de facto, но и de jure. Вокняженіе въ Твери М. А., человѣка воинственнаго и самостоятельнаго, не могло быть по душѣ Дмитрію Ивановичу, и послѣдній, не давая М. А. освоиться въ новомъ положеніи и собраться съ силами, выслалъ противъ него сильную рать. Не будучи въ состояніи ей сопротивляться, М. А. бѣжалъ въ Литву, гдѣ ему снова удалось вооружить противъ Москвы Ольгерда. Во главѣ могучей рати, по пути усиленной присоединившимися смолянами, воинственный Ольгердъ двинулся противъ Дмитрія Ивановича, на р. Тростнѣ 21 ноября 1368 г. уничтожилъ московскій сторожевой полкъ и затѣмъ подступилъ къ самой Москвѣ, гдѣ затворился великій князь съ боярами и духовенствомъ. Три дня простоялъ Ольгердъ подъ городомъ, взять его не могъ, но кругомъ «сотворилъ много зла», какого Москва никогда прежде не видала даже отъ татаръ. По заключенному вскорѣ миру М. А. получилъ обратно Градокъ и другія волости изъ удѣла княжъ-Семена, ранѣе отнятыя Москвою.

Мирный договоръ въ сущности почти не измѣнилъ взаимоотношеній Твери и Москвы. Обѣ стороны сознавали неустойчивость положенія и готовились къ болѣе рѣшительнымъ событіямъ; М. А. въ 1369 г., напр., укрѣпилъ Тверь деревянною стѣною, «срубилъ градъ древянъ и глиною помазалъ». Враждебныя дѣйствія и на этотъ разъ началъ Дмитрій Ивановичъ, который уже вскорѣ послѣ замиренія послалъ рать на Смоленскъ и Брянскъ съ цѣлью наказать ихъ за союзъ съ Ольгердомъ и Тверью. Было ясно, что Дмитрій Ивановичъ не оставитъ въ покоѣ и Тверь. И дѣйствительно, уже въ августѣ 1370 г. московскій князь сложилъ крестное цѣлованіе къ М. А. и объявилъ ему войну. М. А. опять бѣжалъ въ Литву. Въ его отсутствіе московскія войска сильно пограбили Тверскую землю, забравъ при томъ въ плѣнъ многихъ жителей, а затѣмъ въ сентябрѣ того же года явились снова, уже подъ начальствомъ самого Дмитрія Ивановича, взяли Зубцовъ и Микулинъ, по пути «все пусто сотворили и людей многое множество въ полонъ повели». Старанія М. А. получить помощь отъ Ольгерда противъ Москвы на этотъ разъ успѣха не имѣли, ибо Литва была занята войною съ нѣмцами. Тогда М. А. отправился въ орду, гдѣ неожиданно возобновилъ одно изъ прежнихъ притязаній тверскихъ князей—сталъ хлопотать о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Желая, очевидно, поселить еще большую рознь между враждующими князьями и вмѣстѣ съ тѣмъ устрашить усиливавшагося Дмитрія Ивановича, которому въ это время принадлежалъ титулъ великаго князя Владимірскаго, ханъ Мамай къ хлопотамъ М. А. отнесся благосклонно и просимый ярлыкъ ему выдалъ. Въ Москвѣ, однако, относились уже не съ такою покорностью къ ханской волѣ, какъ прежде. Узнавъ о происках М. А. и о рѣшеніи хана, Дмитрій Ивановичъ сначала «негодова о семъ», а затѣмъ попросту распорядился изловить М. А. на его пути изъ орды, несмотря на то, что тверской князь возвращался въ сопровожденіи татарскаго посла Сарыхожа. Предупрежденный объ этомъ своими московскими доброхотами, М. А. избѣжалъ погони, направившись въ Литву, гдѣ опять сталъ просить помощи у Ольгерда противъ Москвы, — на этотъ разъ не безплодно. Въ союзѣ съ своимъ братомъ Кейстутомъ и многими другими литовскими князьями Ольгердъ вторично двинулся на Москву; въ ноябрѣ 1370 г. онъ былъ уже въ московской области, гдѣ пожегъ и пограбилъ окрестности Волоколамска, а 6 декабря подступилъ къ Москвѣ, которую осаждалъ въ теченіе 8 дней. Только военные успѣхи серпуховскаго князя Владимира Андреевича, выступившаго на помощь Дмитрію Ивановичу и грозившаго напасть на Тверь либо обрушиться въ тылъ осаждавшимъ, заставили Ольгерда снять осаду и самостоятельно заключить съ Москвою миръ. Оставшись безъ поддержки литовскаго князя, М. А. также принужденъ былъ заключить перемиріе, по условіямъ котораго хотя и сохранилъ за собою всѣ владѣнія, но отказался отъ притязаній на великое княжество Владимірское.

Результатами этого похода М. А. остался недоволенъ, ибо ни расширить территоріи

Твери, ни удержать за собою титулъ великаго князя Владимірскаго, ни ослабить Москвы ему не удалось. Съ другой стороны, въ послѣднюю его поѣздку въ орду выяснилось благосклонное отношеніе къ нему хана. М. А. теперь и задумалъ искать у него поддержки и въ началѣ 1371 г. вторично поѣхалъ въ орду, гдѣ дѣйствительно получилъ подтвердительный ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, но отъ предложенной ханомъ ему ратной помощи для осуществленія новыхъ правъ почему-то отказался. Этой поѣздкой въ орду М. А. сдѣлалъ двойную ошибку: вторичнымъ обращеніемъ къ татарамъ, гнетъ которыхъ становился на Руси все болѣе невыносимымъ, онъ возстановилъ противъ себя почти все населеніе Руси, а отказомъ отъ татарской помощи лишился возможности хотя бы силой утвердиться въ великомъ княженіи. Поэтому, когда московскій князь, узнавъ о поступкѣ М. А., велѣлъ во всѣхъ городахъ привести жителей къ крестному цѣлованію въ томъ, что они не пустятъ М. А. на Владимірское великое княженіе, онъ всюду встрѣтилъ единодушное согласіе. И дѣйствительно, когда М. А. подошелъ къ Владиміру, жители не пустили его въ городъ,ославъ сказать ему: «ты взялъ обманомъ великое княженіе». Сопровождавшій и этотъ разъ М. А. татарскій посолъ Сарыхожа приглашалъ Дмитрія Ивановича, ставшаго съ ратью у Переяславля-Залѣсскаго, повиноваться ханской волѣ, на что московскій князь отвѣтилъ: «къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе Владимірское не пущу, а тебѣ послу путь чистъ». Оставленный Сарыхожей, котораго Дмитрій Ивановичъ щедрыми подарками привлекъ къ себѣ, М. А. отъ Владиміра двинулся было на Бѣжецкій Верхъ, но затѣмъ повернулъ въ Тверь, куда и вошелъ въ маѣ. Полная неудача тѣмъ не менѣе не сломила рѣшимости М. А. добиваться великаго княженія, и онъ вскорѣ послалъ къ хану своего старшаго сына Ивана съ жалобой на московскаго князя, но послѣдній, провѣдавъ объ этомъ, самъ поѣхалъ въ орду, гдѣ не щадилъ денегъ и подарковъ, при поддержкѣ Сарыхожи вполнѣ оправдался и получилъ подтвержденіе на великокняжескій ярлыкъ. М. А. же въ лицѣ его сына ханъ велѣлъ сказать: «Мы дали тебѣ великое княженіе и давали тебѣ рать, а ты не захотѣлъ и сказалъ, что своею силою сядешь, и ты сиди съ кѣмъ тебѣ любо, а отъ насъ помощи не ищи». Такимъ образомъ дѣло М. А. въ ордѣ было окончательно проиграно. Однако, пользуясь отсутствіемъ Дмитрія Ивановича, М. А. постарался нанести ему вредъ съ другой стороны—во главѣ значительнаго войска двинулся на московскія области и повоевалъ Кострому, Угличъ и снова Бѣжецкій Верхъ, въ которыхъ посадилъ своихъ намѣстниковъ. Необдуманнымъ захватомъ Бѣжецкаго Верха онъ вооружилъ противъ себя новгородцевъ, владѣвшихъ этой волостью, и они, до тѣхъ поръ не державшіе ничьей стороны въ борьбѣ Твери съ Москвою, вслѣдствіе такой обиды вступили въ тѣсный союзъ съ московскимъ княземъ. Послѣдній, возвратившись изъ орды, тотчасъ же послалъ свою рать къ Бѣжецкому Верху, гдѣ намѣстникъ М. А., Никифоръ Лычъ, былъ схваченъ и убитъ; однако московскія войска вскорѣ были отозваны къ участію въ походѣ на Рязань. Этимъ обстоятельствомъ, т. е. поглощеніемъ всѣхъ боевыхъ силъ Москвы походомъ противъ рязанскаго князя Олега, и воспользовался М. А.: въ 1372 г. онъ напалъ на Кистму, гдѣ захватилъ тамошнихъ воеводъ, затѣмъ пошелъ къ Дмитрову, пожегъ его окрестности, ограбилъ городъ и увелъ многихъ жителей въ плѣнъ, далѣе, при помощи литовцевъ, обрушился на Переяславль, который также разорилъ и обложилъ выкупомъ, оттуда, узнавъ о томъ, что кашинскій князь Михаилъ Васильевичъ бѣжалъ въ Москву и тамъ заключилъ съ Дмитріемъ Ивановичемъ союзъ,—двинулся къ Кашину, взялъ его, обязалъ окупомъ, окрестности разорилъ, наконецъ—направился къ Торжку, безъ труда его покорилъ и посадилъ тамъ намѣстниковъ. Когда же на защиту Торжка поднялись новгородцы, изгнавшіе тверскихъ намѣстниковъ, а тверскихъ гостей избившіе и ограбившіе, М. А. вернулся къ этому городу, въ происшедшей битвѣ разбилъ новгородцевъ на-голову, городъ же разграбилъ и сжегъ до основанія; во время этого пожара, принявшаго вслѣдствіе бушевавшаго вѣтра страшные размѣры, погибло много людей; вообще М. А. на этотъ разъ учинилъ такое зло, какого, по выраженію лѣтописи, «и отъ поганыхъ не бывало».

Успѣхи М. А. поселили въ немъ рѣшимость еще разъ напасть на Москву; раз-

счеты его могли быть тѣмъ болѣе основательными, что на помощь ему снова пришелъ литовскій князь Ольгердъ съ значительными силами. Въ союзѣ съ послѣднимъ М. А. дѣйствительно двинулся къ Москвѣ. Однако Дмитрій Ивановичъ на этотъ разъ не былъ застигнутъ врасплохъ. Съ сильнымъ войскомъ онъ встрѣтилъ противниковъ у Любутска и въ первой же стычкѣ разбилъ сторожевой полкъ Ольгерда, вслѣдствіе чего литовскій князь принужденъ былъ отступить и занять оборонительную позицію. Нѣсколько дней безплодно простоявъ другъ противъ друга, князья рѣшились на перемиріе, въ актѣ о которомъ, помимо М. А., даже противъ его воли, были включены и нѣкоторыя условія, касавшіяся тверского князя: послѣдній долженъ былъ возвратить все пограбленное въ области Владимірскаго великаго княженія и вывести своихъ намѣстниковъ изъ городовъ Дмитрія Ивановича, если же откажется подчиниться или начнетъ непріязненныя дѣйствія раньше окончанія срока перемирія (съ 31 іюля до 26 октября)—московскій князь самъ съ нимъ перевѣдается, а Ольгердъ не заступается. Положеніе М. А., такимъ образомъ, стало довольно затруднительнымъ: онъ принужденъ былъ или добровольно отказаться отъ всего прежде завоеваннаго, или, случаѣ сопротивленія, разсчитывать на собственныя силы. М. А. принужденъ былъ предпочесть первый исходъ и вернулся въ Тверь. Это было необходимо и потому, что, пользуясь затруднительными обстоятельствами М. А., отъ него отложился недавно усмиренный кашинскій князь Михаилъ Васильевичъ, ушедшій сначала въ Москву, а затѣмъ въ орду о чемъ-то хлопотать, хотя хлопоты его успѣха не имѣли. Впрочемъ, затрудненія, чинимыя М. А. кашинскимъ княземъ, закончились благополучно, такъ какъ Василій Михайловичъ вскорѣ по возвращеніи изъ орды скончался (1372 г.), сынъ же его, Михаилъ Васильевичъ II, «съ бабою своею, со княгинею Еленою, и съ бояры пріѣхалъ во Тверь къ великому князю Михаилу съ челобитьемъ и вдаясь во всю волю его». Между тѣмъ срокъ перемирія между Москвою и Тверью подходилъ къ концу, и М. А., повидимому, опасался, что Дмитрій Ивановичъ пойдетъ на него походомъ; именно въ виду этого онъ энергично сталъ укрѣплять Тверь—прорылъ вокругъ канаву и насыпалъ валъ отъ Волги до р. Тмаки. До столкновенія, однако, дѣло не дошло, такъ какъ Дмитрій Ивановичъ былъ отвлеченъ татарами, угрожавшими изъ-за Оки; въ концѣ же 1373 г. между противниками окончательно былъ заключенъ миръ, по которому Дмитрій Ивановичъ отпустилъ сына тверского князя, Ивана Михайловича, получивъ за него раньше уплоченный имъ въ ордѣ выкупъ въ 10 тыс. рублей, а М. А., согласно выше упомянутому перемирному договору, вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ всѣхъ волостей, взятыхъ имъ у Москвы. «И быстъ радость велика всѣхъ христіанамъ», заключаетъ лѣтописецъ по случаю этого мира.

По обыкновенію, миръ и на этотъ разъ оказался непродолжительнымъ. Въ томъ же 1373 г. въ Тверь изъ Москвы явились два бѣглеца, сынъ московскаго тысяцкаго Иванъ Вельяминовъ и купецъ Некоматъ, которыхъ лѣтописи и считаютъ виновниками вновь возгорѣвшейся вражды между М. А. и Дмитріемъ Ивановичемъ. Эти перебѣжчики, по словамъ лѣтописи, пріѣхали въ Тверь «на христіанскую напасть, на христіанскую пагубу, со многою ложью, льстивыми словами,—отъ нихъ-то и огонь весь загорѣлся». Изъ ихъ разсказовъ о намѣреніяхъ—отчасти дѣйствительныхъ, отчасти мнимыхъ—московскаго князя М. А. убѣдился въ томъ, что Дмитрій Ивановичъ злоумышляетъ какъ противъ Твери, такъ и противъ орды; полученныя извѣстія были приняты тверскимъ княземъ съ полнымъ довѣріемъ и сочтены настолько важными, что онъ обоихъ перебѣжчиковъ съ этими вѣстями послалъ въ орду, а лично съ цѣлью хлопотать о союзѣ противъ Москвы отправился въ Литву, гдѣ ему была обѣщана помощь. Изъ Литвы М. А. вернулся весною 1375 г., а въ іюлѣ прибылъ изъ орды Некоматъ съ татарскимъ посломъ Ачихожею и съ ярлыкомъ для М. А. на великое княженіе Владимірское, изъ чего видно, что вѣстямъ о намѣреніяхъ московскаго князя придалъ вѣры также и ханъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ М. А. послалъ сказать Дмитрію Ивановичу о сложеніи крестнаго цѣлованія и одновременно съ этимъ отправилъ намѣстниковъ въ Торжокъ и значительную рать на Угличъ. Такимъ образомъ, М. А., въ разсчетѣ на поддержку Литвы и орды, самъ началъ борьбу съ Москвою. Но разсчеты его не оправ-

дались: съ одной стороны, ни орда, ни Литва не оказали ему обѣщанной помощи; съ другой же, Москва была вполнѣ подготовлена къ сопротивленію, даже къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ іюлѣ 1375 г. Дмитрій Ивановичъ съ помощью почти всѣхъ князей сѣверо-восточной Руси двинулся на Тверь. Противъ М. А. вооружились даже бывшіе его союзники, какъ, напр., смоленскіе князья. Вездѣ и всюду противъ него поднялось негодованіе за то, что онъ «сложился съ Мамаемъ и со всею ордою его». Въ виду такого оборота дѣлъ и наступленія противниковъ, М. А., не въ силахъ оказать открытаго сопротивленія, заперся въ Твери; союзныя войска начали воевать и опустошать окрестности города,—взяли Микулинъ и другія волости, которыя пожгли и пограбили, а въ началѣ августа подступили къ самой Твери, пытались взять ее приступомъ, но потерпѣли неудачу, послѣ чего обложили городъ съ цѣлью принудить его къ сдачѣ голодомъ. Въ то время какъ Дмитрій Ивановичъ усилился еще присоединеніемъ къ нему новгородцевъ, въ отмщеніе за прошлыя обиды пришедшихъ къ Твери «рыкающе, съ яростью, скрежчюще зубы на тферичь», въ то время какъ разосланные въ разныя стороны московскимъ княземъ отряды взяли Зубцовъ, Бѣлгородъ и Старицу,—М. А. не получалъ поддержки ни отъ татаръ, ни отъ Ольгерда и принужденъ былъ защищаться собственными силами; правда, къ Твери подошла было литовская рать, но когда узнала о превосходныхъ силахъ московскаго князя, поспѣшно бѣжала обратно. При такихъ обстоятельствахъ М. А., «видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля возстала на него», рѣшился просить мира,ославъ къ Дмитрію Ивановичу съ челобитьемъ объ этомъ тверского владыку Евфимія «и старѣйшихъ и нарочитыхъ бояръ своихъ». По заключенному мирному соглашенію М. А. «во всю волю (Дмитрія) даяся», сдѣлавъ важныя уступки и Москвѣ и Новгороду—въ пользу первой отказался отъ всякихъ притязаній на вел. княж. Владимірское, призналъ независимость Кашинскаго княжества, и въ пользу второго—возвратилъ всѣ села, купленныя тверскими князьями, вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Торжка, отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ новгородцевъ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ М. А. призналъ себя «младшимъ братомъ» Дмитрію Ивановичу, обязался давать ему военную помощь и принужденъ былъ разъ навсегда отказаться отъ союза съ Литвою. Встрѣчныя обязательства Дмитрія Ивановича были далеко не такого широкаго объема, ограничиваясь почти исключительно военной помощью Твери, если бы на нее напали татары или литовцы.

Такимъ образомъ, продолжительная борьба М. А. съ Москвою закончилась полнымъ его пораженіемъ, и въ дальнѣйшей своей дѣятельности хотя онъ и предпринимаетъ рядъ шаговъ съ цѣлью возстановить расшатанныя силы Тверского княжества и возвратить ему утраченное значеніе, но эти усилія не всегда сопровождаются успѣхомъ. Такъ, напр., уже въ концѣ того же 1375 г. М. А. женилъ своего старшаго сына, Ивана, на литовской княжнѣ Маріи Кейстутовнѣ, устроивъ этотъ бракъ, конечно, съ политическими разсчетами, но послѣдніе не оправдались, ибо два года спустя умеръ Ольгердъ, и литовскимъ княземъ сталъ Ягелло, а въ 1382 г., во время смутъ въ Литвѣ, былъ удавленъ и отецъ Маріи—Кейстутъ. Если въ этомъ отношеніи М. А. потерпѣлъ неудачу, то неожиданное усиленіе онъ получилъ съ другой стороны: въ 1382 г. умеръ кашинскій князь Василій Михайловичъ, потомства не оставившій, и его удѣлъ, изъ-за котораго пролилось столько крови, снова перешелъ въ семейство М. А., доставшись его сыну Борису.

Совсѣмъ почти не выяснена роль М. А. въ связи съ Куликовской битвой. Въ однихъ сказаніяхъ объ этой битвѣ тверскіе князья совершенно не упоминаются участниками въ ней, въ другихъ же говорится, что М. А. на помощь Дмитрію Ивановичу, по его просьбѣ, послалъ своего племянника, Ивана Всеволодовича холмскаго. Въ виду существовавшихъ обязательствъ М. А. оказывать Москвѣ помощь, необходимость которой въ данномъ случаѣ была особенно настоятельной, слѣдуетъ второе предположеніе считать болѣе вѣроятнымъ.

Разразившееся вслѣдъ за Куликовской битвой нашествіе на Русь хана Тохтамыша, имѣвшее цѣлью наказать собственно московскаго князя, угрожало бѣдствіями и Тверской землѣ, которыя М. А. предупредилъ обычнымъ въ то время «дипломатическимъ» пріемомъ—задарилъ Тохтамыша, притомъ настолько обильно, что тотъ, «прія

дары... послалъ ерлыкъ свой, жалованіе свое къ великому князю Михаилу Александровичу». Благосклонное отношеніе къ нему хана и относительное обезсиленіе Москвы, значительно пострадавшей во время нашествія Тохтамыша, вновь на моментъ воскресило въ М. А. надежды на возстановленіе былого положенія Твери. Вмѣстѣ со своимъ сыномъ Александромъ (3), запасшись дарами, онъ поспѣшилъ въ орду, гдѣ предъ ханомъ возбудилъ свои прежнія притязанія на Владимірское великое княженіе. Цѣлый годъ пробылъ М. А въ ордѣ, но въ своихъ хлопотахъ не успѣлъ: «Я улусы свои самъ знаю—отвѣтилъ ему ханъ,—и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ, а что неправда предо мною улусника моего кн. Дмитрія московскаго и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ во отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину во Тверь и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую». Въ 1383 г. М. А., ничего не добившись, уѣхалъ изъ орды, оставивъ тамъ для дальнѣйшихъ хлопотъ сына Александра, который также ничего не успѣлъ и въ 1386 г. возвратился въ Тверь. Съ этихъ поръ М. А. окончательно прекратилъ свои домогательства на великое княженіе Владимірское и свои искательства въ ордѣ; если онъ и заботился объ исправленіи въ различныхъ пунктахъ старыхъ укрѣпленій и о возведеніи новыхъ, напр. въ Новомъ Городкѣ на Волгѣ и въ самой Твери, то дѣлалъ это исключительно въ цѣляхъ успѣшной обороны противъ возможныхъ наступленій Москвы. Въ этихъ же видахъ онъ старался укрѣпить родственныя связи съ Литвой и Смоленскомъ, въ 1385 г. женивъ двухъ своихъ сыновей—Бориса на дочери Святослава Ивановича смоленскаго и Василія на дочери Владиміра Ольгердовича кіевскаго, причемъ послѣдній бракъ снискалъ расположеніе къ Твери Витовта. Стремился М. А. также къ пріобрѣтенію друзей и въ самой Москвѣ, для чего своего младшаго сына Ѳедора женилъ на дочери знаменитаго московскаго боярина Ѳедора Андреевича Кошки, причемъ родство М. А. съ послѣднимъ не разъ сослужило ему службу въ томъ смыслѣ, что, благодаря вліянію Кошки въ московскихъ дѣлахъ, происки мелкихъ князей противъ М. А. часто оставались безрезультатными. Въ послѣдніе годы своей жизни М. А. обратилъ особенное вниманіе на внутреннее устроеніе своего княжества, расшатаннаго предшествовавшимъ тревожнымъ временемъ; онъ добился того, что въ княжествѣ исчезли разбойники, тати, ябедники, корчевники, мытари, прекратились насилованія и грабежи; онъ отличался правосудіемъ—«паче же всего любляше судъ правъ, ве на лица судити, боляромъ не потакаше, но паче сиротамъ во всемъ полагаше, милостыню присно безпристани творяше». Отношенія его съ Москвою въ это время значительно улучшились: въ сохранившейся договорной грамотѣ съ Василіемъ Дмитріевичемъ онъ называется братомъ послѣднему, т. е. признается равнымъ ему; въ этой же грамотѣ онъ обязывается за себя и за дѣтей своихъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни Новгорода; наконецъ, тамъ же находится и обязательство М. А. оказывать ратную помощь Москвѣ противъ татаръ, литовцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, чему соотвѣтствуетъ подобное же обязательство со стороны Василія Дмитріевича по отношенію къ Твери.

Лѣтомъ 1399 г. М. А. заболѣлъ настолько тяжело, что приказалъ писать «грамоты душевныя», составилъ завѣщаніе, раздѣлилъ между сыновьями Тверское княжество и 20 августа митрополитомъ Арсеніемъ былъ постриженъ съ именемъ *Матѳея*. Послѣдніе дни онъ прожилъ въ монастырѣ св. Аѳанасія, гдѣ и скончался, 26 августа того же 1399 г., передъ самой смертью принявъ схиму. Онъ имѣлъ шесть сыновей—*Александра большого* (3) и *Александра меньшого* (4), *Иоана* (22), *Василія* (11), *Бориса* (8) и *Ѳедора* (40), изъ которыхъ только Иванъ, Василій и Ѳедоръ пережили отца.

О личности М. А. въ лѣтописяхъ находимъ указанія, что его боялись, «яко бѣ мужъ страшенъ и сердце его яко сердце льву», но вмѣстѣ съ тѣмъ ему ставится въ заслугу его любовь къ дружинѣ, его безкорыстіе и безпристрастіе: «сладокъ же бѣаше дружинѣ своей, яко не любляше злата, ни ризъ многоцѣнныхъ, но вся, елико имѣаше... дружинѣ своей; сего ради друголюбецъ прозвашеся..; и не имѣаше единаго или дву любити паче инехъ всѣхъ, но къ всѣмъ разсудинѣ достойную честь подаваше и сладкую любовь простираше».

Полное Собраніе Русск. Лѣтопис., т. I, стр. 231—233; т. III, стр. 77, 89—90, 230; т. IV, стр. 53, 66—71, 75, 90, 360; т. V, стр. 220, 231, 233; 234, 238, 251 — 252; т. VI, стр. 90; т. VII, стр. 73, 203; т. VIII, стр. 15—20, 22, 23, 42, 47, 48, 49; т. XV, стр. 430 — 434, 442, 443, 445, 468 — 469.—Никоновская лѣт., т. III, стр. 175; т. IV, стр. 5, 8—9, 12, 15, 17, 19—20, 22—26, 28—30, 33—38, 40, 41, 43 — 46, 93, 131, 137 — 138, 141, 143, 154—156, 199, 202, 255, 285 - 296.—Татищ. сборн., т. IV, стр. 198, 201—202, 205, 208—209, 211—212, 216—219, 227—229, 234—235, 237, 256, 266—267, 304, 306, 312 — 313, 322, 365, 385. — „Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ“, т. I, №№ 8, 16, 17, 28, 31. - „Акты Археограф. Экспедиціи“, т. I, №№ 5, 8, 14.—Григорьевъ, „Изъ протоколовъ Константинопольскаго патріархата“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1847 г., ч. LIV.—Бѣляевъ, „Михаилъ Александровичъ, великій князь Тверской“, „Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1861. III.— Его же, «Разсказы изъ русской исторіи», т. II, стр. 453 и слѣд.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843 г., т. IV, стр. 168; прим. 359, 367; т. V, стр. 7, 8, 11, 13, 15—18, 21—24, 50, 51, 61, 99, 100, 130, 233; прим. 5, 9, 10, 17, 19, 20, 22, 25, 26, 29, 32, 35, 65, 98, 102, 137, 183, 230, 232, 254, 420. - С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. I, стр. 960 — 969, 977, 983, 984, 989, 1024, 1025, 1172, 1173.—Костомаровъ, „Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ“, т. I, стр. 208 и слѣд.—Его же, „Церковно - историческая критика“, „Вѣстн. Европы“, 1870, т. IV, стр. 483 — 485. — Вестужевъ-Рюминъ, „Русск. исторія“, т. I, гл. VII, стр. 419, 420; пр. 20. — Д. Ключевскій, „Древне-русскія житія святыхъ“, стр. 177 — 180. — А. Поповъ, „Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій“, стр. 57.—Преосв. Макарій, „Исторія русской церкви“, т. IV, стр. 49—61.— „Древняя Россійск. Вивліоѳика“, т. I, №№ 31, 32.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверн. Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 41, 53, 102, 104, 105, 295 — 298, 412, 447, 474, 476, 478, 482—498, 505, 516—520, 526—533, 536, 539, 540, 544, 546, 550, 555—558, 585, 629, 641, 642.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 142—176, прим. стр. 79—109.—„Энциклоп. слов.“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., полут. 36, Спб. 1896, стр. 485—486.

27. *Михаилъ Борисовичъ*, старшій сынъ Бориса Александровича (7), четырнадцатый и послѣдній великій князь Тверской, родился въ 1453 г.; тверской столъ унаслѣдовалъ въ 1461 г., когда умеръ его отецъ. Восьмилѣтній мальчикъ не былъ, конечно, въ состояніи управлять княжествомъ, и его именемъ правили и вершили дѣло приближенные бояре. Они-то въ 1462 г. и заключили съ недавно вступившимъ на московскій престолъ Іоанномъ III, женатымъ на сестрѣ М. Б., двѣ договорныя грамоты, которыми тверской и московскій князья обязываются помогать другъ другу противъ литвы, ляховъ, нѣмцевъ, татаръ, и каждый изъ нихъ обѣщаетъ не принимать недруговъ другого и не брать отъ татаръ въ даръ: М. Б. — Москву и Новгородъ, а Іоаннъ — Тверь и Кашинъ. Такъ какъ М. Б. княжилъ мирно, ни съ кѣмъ не ссорясь, то ему не приходилось просить помощи у Москвы, но самъ онъ помогалъ войсками Іоанну неоднократно: такъ, напр., тверская рать участвовала въ первомъ новгородскомъ походѣ (1471 г.), подъ начальствомъ кн. Юрія Андреевича Дорогобужскаго и Ивана Никитича Жито, а во второмъ походѣ Москвы на Новгородъ, въ 1477 г., помимо посылки вспомогательной рати подъ начальствомъ кн. Михаила Ѳедоровича микулинскаго, тверской князь принималъ и личное участіе; помогъ М. Б. Москвѣ и въ заключительномъ аккордѣ сверженія татарскаго ига: на р. Угрѣ, гдѣ въ 1480 г Іоаннъ встрѣтился съ Ахматомъ, были и тверскіе полки во главѣ съ князьями Михаиломъ Дмитріевичемъ холмскимъ и Осипомъ Андреевичемъ дорогобужскимъ. Изъ того обстоятельства, что М. Б. не ограничивался личнымъ участіемъ въ походахъ Іоанна III и посылкой ратной помощи ему, а часто отдавалъ московскому князю и «кормы по своей вотчинѣ», чего по договору дѣлать былъ не обязанъ, должно заключить, что тверской князь чувствовалъ себя въ зависимости отъ московскаго, хотя союзъ съ нимъ и заключилъ какъ равный съ равнымъ. Тягаться М. Б. съ Москвою было, конечно, совершенно не подъ силу, если же Іоаннъ и не трогаетъ его, то, вѣроятно, потому только, что отъ этого союза имѣлъ большія выгоды, ибо по первому требованію всегда получалъ отъ Твери значительныя вспомогательныя войска и въ большомъ числѣ принималъ къ себѣ выѣзжихъ изъ Тверского княжества бояръ и дѣтей боярскихъ.

Союзныя отношенія М. Б. къ Москвѣ, въ сущности—полная покорность ей, продолжались до 1483 г., когда онъ рѣзко измѣнилъ свою политику: видя, что Новгородъ покоренъ Москвою, что могущество ея все растетъ, ея владѣнія все расширяются, со всѣхъ сторонъ окружаютъ Тверскую землю, сдавливаютъ ее какъ бы желѣзнымъ кольцомъ, М. Б. началъ сознавать свое опасное положеніе—раньше или позже быть поглощеннымъ могущественнымъ сосѣ-

домъ,—и сталъ искать поддержку противъ Москвы тамъ, гдѣ ее и раньше часто находили тверскіе князья,—у Литвы. Съ великимъ княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ онъ заключилъ въ 1483 г. договоръ о взаимной поддержкѣ другъ друга противъ враговъ и этотъ союзъ стремился укрѣпить родственными связями, хлопоча о своей женитьбѣ на внучкѣ Казимира. Сношенія М. Б. съ Литвой не остались тайной для Москвы, и Іоаннъ Ш, какъ только узналъ объ этомъ, послалъ войско, сильно опустошившее Тверскую землю. Такъ какъ помощи отъ непостояннаго Казимира никакой не было, то М. Б., не въ состояніи обороняться собственными силами, очутился въ критическомъ положеніи, изъ котораго могъ быть только одинъ выходъ—добить челомъ московскому князю на всей его волѣ, что онъ и сдѣлалъ черезъ посредство тверского владыки. На этотъ разъ осторожный Іоаннъ не посягнулъ еще на цѣлость Тверского княжества, но миръ, данный имъ М. Б., заключенъ былъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ для тверского князя, который долженъ былъ отказаться отъ равенства съ московскимъ княземъ, сталъ называться «молодшимъ братомъ» не только по отношенію къ Іоанну Васильевичу, но и къ старшему его сыну Ивану Ивановичу, принужденъ былъ разорвать свой союзъ съ Казимиромъ и, наконецъ, далъ обязательство ничего не предпринимать самолично: во всѣхъ важныхъ дѣйствіяхъ предварительно испрашивать согласія великаго князя московскаго, о второстепенныхъ же по меньшей мѣрѣ его извѣщать.

Отъѣзды князей изъ Твери въ Москву, и раньше довольно частые, послѣ заключенія этого для Твери невыгоднаго мира еще болѣе усилились. Уже въ 1485 г. оставили Тверское княжество и перешли на московскую службу два видныхъ удѣльныхъ князя—Андрей микулинскій и Осипъ дорогобужскій, первому изъ которыхъ Іоаннъ Ш далъ Дмитровъ, а второму—Ярославль; за ними туда же перешли и многіе тверскіе бояре. Изъ одного мѣста Софійской лѣтописи видно, что этотъ массовый переходъ бояръ къ Іоанну Ш объясняется выгодностью служить у него, ибо всѣ возникавшія земельныя и иныя тяжбы между тверскими и московскими боярами неизмѣнно разрѣшались, благодаря силѣ Іоанна, въ пользу послѣднихъ.

Въ такомъ положеніи М. Б. возобновилъ свои сношенія съ Литвой, втайнѣ отъ Москвы,—но тамъ за нимъ зорко слѣдили и одного его гонца съ грамотами къ королю перехватили. М. Б. прибѣгнулъ было къ разъ испытанному способу: послалъ тверского владыку Вассіана добить челомъ Іоанну, но послѣдній челобитья не принялъ, а новое посольство отъ М. Б., во главѣ съ кн. Михаиломъ Дмитріевичемъ холмскимъ, даже и на глаза къ себѣ не пустилъ. Ясно было, что раскрытымъ обстоятельствомъ московскій князь хочетъ на этотъ разъ воспользоваться болѣе рѣшительно. Онъ сталъ собирать войско и 21 августа 1486 г., лично начальствуя, выступилъ въ походъ на Тверь, куда, по приказу изъ Москвы, значительный отрядъ выслали и новгородцы. 8 сентября московское войско подошло къ Твери и осадило ее, 10-го зажжены были посады, а на слѣдующій день многіе тверскіе князья и бояре явились въ московскій станъ и били Іоанну челомъ о принятіи на службу. Ночью на 12 сентября М. Б., «видя свое изнеможеніе», взялъ свою казну и «съ малою дружиною» бѣжалъ въ Литву къ Казимиру. Оставшись безъ великаго князя, тверской владыка Вассіанъ, кн. Михаилъ холмскій съ сыномъ и братьями, а также другіе князья, бояре и земскіе люди держали совѣтъ, какъ быть, и порѣшили отворить городъ. Іоаннъ велѣлъ всѣхъ жителей привести къ присягѣ, а 15 сентября самъ въѣхалъ въ Тверь, которую отдалъ своему сыну Ивану Ивановичу, посадивъ въ ней намѣстникомъ боярина Василія Ѳедоровича Образецъ-Добрынскаго; многихъ князей и бояръ онъ свелъ на Москву, «у себя ихъ пожаловалъ, въ боярѣхъ учинилъ», сохранивъ за ними всѣ имущества и вотчины, чѣмъ отнялъ у нихъ всякій поводъ къ недовольству.

Такимъ образомъ при М. Б. Тверь пала, потеряла свою независимость отдѣльнаго великаго княжества и вошла составною частью въ княжество Московское. Долголѣтняя борьба кончилась въ пользу Москвы. М. Б. обратился было за помощью къ Литвѣ, но получилъ отказъ, о чемъ Казимиръ, изъ-за союза съ которымъ Тверь пострадала, поспѣшилъ даже извѣстить Іоанна. Послѣ неудачи въ Литвѣ М. Б. уѣзжалъ куда-то въ другое мѣсто, затѣмъ былъ въ Краковѣ, гдѣ отъ короля получилъ нѣкоторыя села, но не военную помощь. Какъ сложилась

дальнѣйшая жизнь послѣдняго тверского князя, объ этомъ извѣстій нѣтъ; съ 1505 г. имя его совсѣмъ исчезаетъ со страницъ лѣтописей.

М. Б. былъ женатъ дважды: въ первый разъ съ 1417 г. на Софьѣ Семеновнѣ, дочери кіевскаго князя Семена Олельковича, и во второй разъ—на неизвѣстной по имени внучкѣ Казимира IV, отъ которой имѣлъ дочь, бывшую, по преданію, въ замужествѣ за однимъ изъ Радзивилловъ, и сына Бориса, упоминаемаго только въ родословныхъ.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 44—45, 134—135; т. V, стр. 43—44, 237; т. VI, стр. 206—207, 336—237; т. VIII, стр. 161, 163, 184, 185, 214, 216; т. XV, стр. 495, 497—498, 500.—Никоновская лѣт., т. VI, стр. 22, 25, 74—76, 120—121.—Татищ. сборн., т. V, стр. 16, 18, 90.—„Собраніе Госуд. Грам. и Догов.“, т. I, №№ 88, 89, 119, 120—„Акты Западной Россіи“, т. I, №№ 79, 89, 218; т. II, № 35.—„Сборникъ Муханова“, №№ 10, 11, 31, 33.—Narbutt, „Dziéje narodu Litewskiego“, t. VIII, p. 234.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. V, стр. 206; прим. 349; т. VI, стр. 7, 24, 70, 110—112, 127, 155; прим. 282, 396, 629; т. XI, стр. 75.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. I, стр. 1388—1392.—Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“, т II, стр. 251—252.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 199—204; прим. стр. 128—130.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 315, 336, 511—514, 522, 548, 553, 556.—„Русскій Историческ. Сборникъ“ Погодина, ст. „Мѣстничество“—о боярахъ, перешедшихъ отъ тверского князя къ московскому.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., полут. 38, Спб. 1896, стр. 486.

28. *Михаилъ Васильевичъ*, второй и младшій сынъ Василія Михайловича I (10), родился въ 1331 г. Въ 1362 г., послѣ смерти старшаго брата, Василія Васильевича (9), онъ получилъ во владѣніе Кашинъ. При жизни отца М. В. принималъ участіе въ борьбѣ его съ Михаиломъ Александровичемъ (26) за Дорогобужскій удѣлъ; напр., въ 1367 г. вмѣстѣ съ отцомъ и Еремѣемъ Константиновичемъ, кн. дорогобужскимъ, ходилъ на тверскую область, которую они сильно ограбили и опустошили, но когда тверской князь возвратился изъ Литвы съ значительнымъ войскомъ, полученнымъ тамъ, М. В., боясь за судьбу своего удѣла, однимъ изъ первыхъ явился къ Михаилу Александровичу «взять съ нимъ миръ». Въ слѣдующемъ году М. В. вновь поднялъ вопросъ о Дорогобужскомъ удѣлѣ и съ этою цѣлью ѣздилъ въ Москву, гдѣ обратился по этому поводу къ авторитету митрополита Алексія, у котораго успѣха не имѣлъ. Въ 1371 г. онъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и пытался вступить въ союзъ съ Москвою, но тверской князь внезапно обрушился на Кашинъ, разгромилъ его, а М. В. привелъ «во всю свою волю». Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ еще одну попытку бороться съ тверскимъ княземъ, въ 1372 г. снова нарушивъ крестное цѣлованіе и уѣхавъ въ Москву, а оттуда въ орду, гдѣ билъ челомъ на Михаила Александровича, но ничего не добился и вернулся ни съ чѣмъ. Умеръ М. В. зимою 1373 г., отъ брака съ дочерью велик. кн. московскаго Симеона Гордаго, Василисою оставивъ единственнаго сына—*Василія* (12).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 215; т. VIII, стр. 19; т. XV, стр. 433.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 12, 15, 17, 22—24.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 201—202, 205, 208, 215.—А. Д. Иноземцевъ, „Удѣльные Кашинскіе князья“, „Чтен. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс.“, 1873 г., т. IV, стр. 45 и слѣд.—Н. Головинъ, „Кашинскіе удѣльные князья“, отд. брош.—„Акты Археогр. Экспедиц.“, т. I, № 5.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876 г., стр. 134, 144, 145, 147 и 148, прим. 655.—Костомаровъ, „Церковно-историческая критика въ XVII в.“, „Вѣстн. Европы“, 1870 г., № 4, стр. 483.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.“—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Польза“, кн. I, стр. 937, 960, 962, 965, 967.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 481, 484, 487, 489, 491, 492, 519, 525—527, 541.

29. *Михаилъ Дмитріевичъ*, второй сынъ Дмитрія Юрьевича (17), владѣлъ Холмомъ сначала совмѣстно съ братомъ Даніиломъ (15), а послѣ ухода послѣдняго въ Москву—единолично. Свѣдѣнія о немъ исчерпываются временемъ между 1480—1486 гг. Въ 1480 г. онъ называется воеводою тверскихъ войскъ и, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, принималъ участіе въ походѣ московскихъ войскъ на р. Угру. Затѣмъ онъ упоминается въ договорной грамотѣ отъ 1485 г. Михаила Борисовича (27) съ московскимъ княземъ, причемъ въ качествѣ «молодшаго брата» тверского князя цѣлуетъ крестъ въ соблюденіи договора. Когда въ Москвѣ обнаружили сношенія Михаила Борисовича съ Литвою и Твери грозила

жестокая расправа, М. Д. во главѣ боярскаго посольства ѣздилъ къ московскому князю для переговоровъ, но послѣдній и «на очи не допустилъ» его. Наконецъ, когда Иванъ Васильевичъ въ 1486 г. подступилъ къ Твери, М. Д. вмѣстѣ съ владыкой Вассіаномъ и другими лицами составили депутацію, которая вышла къ московскому князю и передала ему городъ.

„Собр. Госуд. Грам. и Догов.“, т. I, №№ 88, 89, 119, 120.—Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 236—237.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 513, 514, 521, 548, 549.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 201 202.

30. *Михаилъ Ярославичъ*, второй сынъ Ярослава Ярославича (38), въ отличіе отъ слѣдующаго брата того же имени называется *старшимъ*, годъ рожденія неизвѣстенъ, умеръ же въ 1271 г., вскорѣ по кончинѣ отца. Такъ какъ М. Я. умеръ раньше старшаго брата, Святослава Ярославича (32), то тверского стола не занималъ; нѣтъ также никакихъ данныхъ предполагать, чтобы онъ сидѣлъ на какомъ-либо удѣлѣ. Свѣдѣнія о жизни М. Я. весьма скудны. Ранніе годы дѣтства онъ, подобно старшему брату, провелъ въ татарскомъ плѣну; въ 1268 г., когда онъ впервые называется по имени, участвовалъ въ извѣстной битвѣ подъ Раковорою (Везенбергомъ), стоя на лѣвомъ крылѣ новгородцевъ; наконецъ въ 1270 г., во время ссоры Ярослава Ярославича съ Новгородомъ, водилъ на послѣдній великокняжескіе полки. Женатъ М. Я., вѣроятно, не былъ, по крайней мѣрѣ ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы онъ оставилъ потомство.

Полное Собраніе Русск. Лѣтопис., т. I, стр. 226; т. III, стр. 59; т. IV, стр. 40, 42; т. V, стр. 193, 198; т. VII, стр. 167.—Никоновск. лѣтопись, т. III, стр. 46, 51.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 36.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійск.“, Спб. 1843, т. IV, стр. 63; прим. 137. — В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 84.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 395, 452, 454, 455, 639.

31. *Михаилъ Ярославичъ*, въ отличіе отъ предыдущаго называется *младшимъ*, родился въ 1240 г., третій сынъ Ярослава Ярославича (38) и третій князь на тверскомъ столѣ, на который сѣлъ послѣ смерти своего брата Святослава Ярославича (32), вѣроятно въ 1282 г., во всякомъ случаѣ не позднѣе 1285 г.; подъ этимъ годомъ онъ впервые послѣ рожденія упоминается разными лѣтописями, которыя, называя его великимъ княземъ тверскимъ, отмѣчаютъ закладку имъ соборной церкви въ Твери. М. Я. было еще не болѣе 15 лѣтъ, когда ему пришлось уже испытать тревоги военнаго времени и водительствовать полками; въ 1286 г. въ Тверскую землю вторглись литовцы и повоевали нѣкоторыя области. Такъ какъ литовское разореніе угрожало и другимъ княжествамъ, то къ вооружившимся тверичамъ, въ челѣ коихъ сталъ молодой князь, присоединились новоторжцы, волочане, дубчане, ржевцы, дмитровцы, москвичи, и всѣ они, догнавъ врага въ глухомъ лѣсу, обрушились на него совмѣстными силами, разбили, отобрали весь полонъ и захватили даже ихъ князя Доманта.

Въ 1288 г. у М. Я. вышли нелады съ великимъ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ. Въ виду того, что «не восхотѣ Михаилъ тверской поклонитися вел. кн. Димитрію», подобно другимъ князьямъ, и такъ какъ Дмитріемъ не была позабыта помощь, оказанная Тверью въ 1281 г. (при Святославѣ Ярославичѣ) его противнику и брату Андрею Александровичу, то великій князь въ союзѣ съ братьями Даніиломъ московскимъ и Андреемъ городецкимъ, а также съ Димитріемъ Борисовичемъ ростовскимъ и новгородцами двинулся къ Твери; по дорогѣ союзники девять дней простояли подъ Кашиномъ, взять который не могли, но вокругъ него «все пусто сотвориша», затѣмъ разорили Коснятинъ. Недалеко отъ послѣдняго ихъ встрѣтилъ съ войскомъ М. Я. Не рѣшаясь вступить въ бой, противники стали ссылаться о мирѣ, который и былъ заключенъ на условіяхъ, оставшихся для насъ неизвѣстными.

Въ 1293 г. М. Я. ѣздилъ въ орду; отмѣчая этотъ фактъ, лѣтописи не говорятъ о его цѣляхъ; по согласному же мнѣнію изслѣдователей, поѣздка была М. Я. предпринята для представленія новому хану Тохтѣ, сыну Менгу-Тимура, и для полученія подтвердительнаго ярлыка на княженіе. Во время его отсутствія въ Тверь бѣжали и тамъ скрывались многіе люди, ушедшіе изъ городовъ, разоренныхъ или только ждавшихъ разоренія отъ татарскихъ отрядовъ, по наущенію городецкаго князя Андрея высланныхъ ханомъ

противъ Дмитрія Александровича. Татары въ такомъ множествѣ шныряли по всѣмъ большимъ дорогамъ, что М. Я., возвращаясь изъ орды, чтобы обойти «поганыхъ» и попасть въ Тверь, принужденъ былъ избрать окольный путь. Тверь во главѣ съ прибывшимъ княземъ приготовилась къ отчаянному сопротивленію на случай нападенія татаръ, но послѣдніе не рѣшились на это; изъ выраженія Лаврентьевской лѣтописи—«Татарове же и Андрей князь слышавше приходъ княжь Михаиловъ и не поидоша на Тфѣрь»—и аналогичнаго мѣста въ Воскресенской лѣтописи можно заключить, что именно возвращеніе М. Я., только что получившаго отъ хана ярлыкъ на княженіе, и удержало татаръ отъ похода на Тверь, которая такимъ образомъ оказалась чуть ли не единственнымъ исключеніемъ среди тогдашняго почти всеобщаго разгрома. Борьба между Андреемъ городецкимъ и Дмитріемъ Александровичемъ кончилась пораженіемъ послѣдняго, бѣжавшаго во Псковъ. Въ этомъ междоусобіи, принесшемъ столько бѣдъ древней Руси, М. Я. держался въ сторонѣ, сочувствуя скорѣе слабѣйшей сторонѣ, Дмитрію, несмотря на то, что за его противника стояли татары. Такъ, въ 1294 г. обезсиленнаго Дмитрія онъ принималъ у себя въ Твери и позволилъ тверскому епископу быть посредникомъ для веденія мирныхъ переговоровъ между Дмитріемъ съ одной стороны и Андреемъ съ новгородцами—съ другой. Дмитрій недолго пережилъ свое паденіе,—вскорѣ онъ постригся и умеръ, великимъ же княземъ владимірскимъ сталъ Андрей. Могущество послѣдняго при поддержкѣ татаръ было внѣ всякаго сомнѣнія, и М. Я. приходилось съ этимъ считаться. Можно думать, что М. Я. повелъ въ виду этого двойственную политику,—старался сблизиться, по крайней мѣрѣ не портить отношеній съ Андреемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился путемъ союза съ третьими лицами обезопасить себя отъ дурныхъ послѣдствій всякихъ случайностей. Такъ, въ 1294 г. онъ женился на дочери ростовскаго князя Дмитрія Борисовича, Аннѣ, сестра которой была за Андреемъ; здѣсь именно сказалось желаніе М. Я. сблизиться съ Андреемъ и нейтрализовать, такъ сказать, сильное Ростовское княжество. Съ другой стороны, въ 1295 г. М. Я. заключилъ съ Новгородомъ договоръ, которымъ договаривавшіеся обязывались ко взаимной поддержкѣ въ случаѣ обиды отъ Андрея и татаръ. Повидимому, М. Я. вступилъ въ этотъ договоръ въ предвидѣніи треній съ великимъ княземъ. Дѣйствительно, почти непосредственно за этимъ у него возникла съ Андреемъ изъ-за неизвѣстныхъ намъ причинъ ссора, которая, впрочемъ, разрѣшилась мирнымъ путемъ на совѣтѣ князей во Владимірѣ, куда кромѣ тяжущихся собрались князья Даніилъ московскій и Иванъ Дмитріевичъ переяславльскій со стороны М. Я. и Ѳедоръ Ростиславичъ переяславльскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій со стороны Андрея. Для разбора тяжбы прибылъ туда и ханскій посолъ. Примиреніе состоялось, главнымъ образомъ, благодаря посредничеству владимірскаго епископа Симеона. Не успѣла окончательно сгладиться старая, какъ въ томъ же году вспыхнула новая ссора, послѣ которой Андрей хотѣлъ идти на Переяславль, Москву и Тверь, но М. Я. съ московскими князьями сталъ у Юрьева и загородилъ Андрею путь. Бой не состоялся,—князья «докончали цѣлованіемъ креста на мирѣ» и на этотъ разъ.

Вытекавшія изъ заключеннаго въ 1295 г. съ Новгородомъ договора обязательства М. Я. пришлось выполнить въ 1301 г., когда онъ вышелъ на помощь новгородцамъ, у которыхъ завязалась борьба со шведами, незадолго передъ тѣмъ построившими на Невѣ, противъ Охты, крѣпостцу Ландскрону съ цѣлью господствовать надъ Балтійскимъ моремъ и мѣшать новгородской торговлѣ. Походъ доводить до конца оказалось не нужнымъ, такъ какъ въ пути М. Я. узналъ, что новгородцы въ союзѣ съ владимірскими войсками одержали надъ шведами побѣду и Ландскрону сожгли. На происходившемъ въ томъ же году въ Дмитровѣ съѣздѣ князей, имѣвшемъ, повидимому, цѣлью урегулированіе положенія Переяславля, М. Я. въ чемъ-то не сошелся съ его князьями, слѣдствіемъ чего была разнорѣчиво лѣтописями описанная и не совсѣмъ ясная вражда М. Я. съ ними.

Съ 1304 г. начинается упорная и продолжительная борьба Твери съ Москвою, завершившаяся такъ трагически для М. Я. Въ этомъ году умеръ великій князь Андрей Александровичъ, и владимірскій столъ остался вакантнымъ. Претендентами на

него явились М. Я., ибо «ему же по старѣйшинству дошелъ бяше степени княженія великаго», и незадолго передъ тѣмъ вокняжившійся въ Москвѣ послѣ смерти Даніила (ум. 1303) сынъ его Юрій. Соотношеніе силъ противниковъ въ этотъ моментъ и общія тогдашнія политическія условія были настолько ясны, именно къ выгодѣ М. Я., что, напр., владимірскіе бояре почти всѣ отъѣхали въ Тверь, въ твердомъ убѣжденіи, что въ грядущихъ событіяхъ она возьметъ верхъ. М. Я. безъ замедленія отправился въ орду за великокняжескимъ ярлыкомъ; туда же и съ той же цѣлью выѣхалъ и Юрій Даниловичъ. Въ отсутствіе М. Я. бояре его между тѣмъ всячески старались дѣйствовать, хотя далеко не удачно, въ его пользу,—захватили въ Костромѣ брата Юрія, Бориса Даниловича, хотѣли захватить и самого Юрія, но успѣха не имѣли, въ Новгородъ «съ силою и безстудствомъ многимъ» послали намѣстниковъ, но новгородцы, оскорбленные самовластіемъ тверитянъ, «высокоумие ихъ и безстудство ни во что же положиша», затѣмъ къ Торжку противъ тѣхъ же новгородцевъ выслали войско, но, не добившись успѣха, вскорѣ принуждены были заключить миръ, наконецъ, пытались овладѣть Переяславлемъ, но предупрежденная объ этомъ Москва выслала свои войска на выручку города, и тверичи близъ него понесли такое пораженіе, что «бысть во Твери печаль и скорбь велия, а въ Переяславлѣ веселие и радость велия». Такимъ образомъ, хотя и «бысть замятня на всѣй Суздалстей землѣ во всѣхъ градѣхъ», но почти всѣ попытки тверитянъ одна за другой терпѣли неудачу. М. Я. между тѣмъ получилъ въ ордѣ ярлыкъ на великокняжескій владимірскій столъ. Не малую роль при этомъ сыграли и денежныя средства, которыми онъ располагалъ въ большомъ количествѣ, чѣмъ его противникъ; на значительность даннаго М. Я. хану «выхода», т. е. дани, есть косвенное указаніе и въ лѣтописи, гдѣ говорится, что послѣ этого «бысть тягота велика въ Русской земли».

Достигнувъ цѣли, ставъ великимъ княземъ, М. Я. задумалъ обезсилить свою соперницу Москву и вскорѣ по возвращеніи изъ орды, въ томъ же 1304 г., пошелъ на нее съ ратью, но не будучи въ состояніи осилить Юрія, принужденъ былъ заключить съ нимъ миръ. Походъ на Москву онъ повторилъ и въ 1308 г., бился подъ городомъ, «много зла сотворилъ», но и на этотъ разъ рѣшительнаго успѣха не имѣлъ и, заключивши миръ, вернулся въ Тверь. Послѣ этого борьба съ Москвою на нѣкоторое время утихаетъ съ тѣмъ, чтобы позже взообновиться съ новою силою. Сдѣлавшись великимъ княземъ владимірскимъ, М. Я. тѣмъ самымъ сталъ считаться княземъ Новгорода, такъ какъ послѣдній еще до отъѣзда князей на тяжбу въ орду рѣшилъ посадить на свой столъ того изъ соперниковъ, кто добудетъ у хана великокняжескій ярлыкъ. Тѣмъ не менѣе М. Я., занятый борьбою съ Москвою, только въ 1308 г. выѣхалъ въ Новгородъ, чтобы тамъ вокняжиться офиціально, да и то лишь потому, что новгородцы сами попросили его къ себѣ для разбора возникшихъ у нихъ споровъ и ссоръ съ тверскими намѣстниками—Борисомъ Константиновичемъ и Ѳедоромъ Михайловичемъ, первый изъ которыхъ своимъ нещаднымъ управленіемъ совершенно разорилъ кореловъ, и тѣ въ большинствѣ ушли къ шведамъ, а второй трусливо бѣжалъ съ поля битвы и во время бѣгства еще пограбилъ нѣкоторыя новгородскія волости. Такихъ намѣстниковъ Новгородъ не захотѣлъ кормить «новгородскимъ хлѣбомъ» и потребовалъ у М. Я. ихъ смѣщенія. Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно,—повидимому удовлетвореніемъ новгородцевъ; изъ сохранившихся же отъ времени этой поѣздки М. Я. нѣсколькихъ договорныхъ грамотъ его съ Новгородомъ видно, что это требованіе новгородцевъ не было единственнымъ: наряду съ нимъ они выдвинули и рядъ другихъ, касавшихся власти князя и вольностей населенія, и между прочимъ настаивали на возвращеніи взятыхъ отъ Новгорода предшественниками М. Я. разныхъ селъ и городовъ. Хотя М. Я. требуемаго и не возвратилъ, но изъ Новгорода уѣхалъ безъ ссоры.

Неудачные походы 1308 г. на Москву не смутили М. Я., и онъ задумалъ овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ,—вѣроятнѣе всего съ цѣлью съ двухъ сторонъ тѣснить города, лежавшіе между Тверью и Нижнимъ, а также области въ бассейнѣ р. Оки, слѣдовательно и Москву. Въ 1311 г. онъ отправилъ къ Нижнему значительную рать подъ номинальнымъ начальствомъ своего 12-лѣтняго сына Дмитрія, самъ же уча-

стія въ походѣ не принялъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы въ его отсутствіе Москва или Новгородъ не напали на Тверь.

Въ 1312 г. у М. Я. вновь вышли нелады съ Новгородомъ. Чѣмъ-то разсерженный, князь вызвалъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ, остановилъ туда подвозъ хлѣба, занялъ Торжокъ и Бѣжичи. Республика, терзаемая внутренними раздорами, пережившая незадолго передъ тѣмъ грандіозный пожаръ, не была въ состояніи оказать стойкое сопротивленіе и быстро пошла на уступки, согласившись уплатить 1.500 гривенъ серебра. Въ отвѣтъ на это М. Я. «ворота отворилъ», т. е. снялъ запретъ на подвозъ продуктовъ, и возвратилъ въ Новгородъ намѣстниковъ. Послѣдніе, пользуясь положеніемъ стороны побѣдившей, стали притѣснять новгородцевъ, вызывая въ вольнолюбивомъ населеніи ропотъ и недовольство. Новгородъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы свергнуть съ себя тяжелое иго. Въ 1313 г. М. Я. поѣхалъ за ярлыкомъ къ новому хану Узбеку въ орду, откуда возвратился только въ 1315 г. Этимъ продолжительнымъ отсутствіемъ князя и воспользовались новгородцы; попрежнему тѣснимые тверскими намѣстниками, они въ 1314 г. возстали, прогнали отъ себя утѣснителей и стали звать къ себѣ на княженіе Юрія Даниловича московскаго, который предложеніе принялъ и въ Новгородъ послалъ князя Ѳедора Ржевскаго; этотъ же арестовалъ намѣстниковъ М. Я. и заключилъ ихъ во владычномъ дворѣ, а затѣмъ съ значительной ратью двинулся на Тверскую землю и на лѣвомъ берегу Волги пожегъ нѣсколько селъ. Такимъ образомъ вновь возникла у Твери борьба съ Москвою. Вышедшій противъ новгородцевъ къ Волгѣ отрядъ тверитянъ во главѣ съ 15-лѣтнимъ сыномъ М. Я., Дмитріемъ, вступить въ бой не рѣшился, и противники послѣ 6-недѣльнаго безплоднаго стоянія другъ противъ друга заключили миръ на условіяхъ, повидимому, для новгородцевъ весьма выгодныхъ, такъ какъ послѣдніе послѣ этого могли звать Юрія въ князья «на всей новгородской волѣ». Вокняжившійся на новгородскомъ столѣ Юрій пробылъ однако на немъ недолго. Въ 1315 г. М. Я. вернулся изъ орды и тотчасъ принялъ противъ Новгорода рѣшительныя мѣры: съ одной стороны онъ пустилъ обычное и испытанное средство, т. е. повсюду задержалъ новгородскихъ гостей и пріостановилъ къ Новгороду всякій подвозъ, вслѣдствіе чего цѣны на продукты первой необходимости въ немъ неимовѣрно поднялись; во-вторыхъ же, будучи еще въ ордѣ, гдѣ онъ былъ подтвержденъ въ великомъ княженіи, М. Я. вооружилъ хана противъ Юрія, добился вызова послѣдняго въ орду для объясненій и получилъ татарское войско для борьбы съ Новгородомъ. Въ то время какъ Юрій медлилъ исполненіемъ воли хана, чѣмъ еще болѣе сгущалъ надъ своей головой тучи его гнѣва, тверской князь въ челѣ низовскихъ полковъ и значительнаго отряда татаръ вторгся въ Новгородскую землю. Около Торжка встрѣтивъ новгородцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ брата Юрія, Аѳанасія, онъ 10 февраля 1315 г. нанесъ имъ жестокое пораженіе и принудилъ ихъ затвориться въ городѣ. Требованіе М. Я. о выдачѣ начальниковъ новгородцы сначала рѣшительно отвергли, но затѣмъ согласились на частичное его удовлетвореніе, выдавъ кн. Ѳедора Ржевскаго, послѣ чего стороны заключили миръ, по условіямъ котораго Новгородъ обязался уплатою 5.000 гривенъ серебра. Благоразуміе требовало отъ М. Я. умѣренной политики, но онъ, опьяненный успѣхомъ, переступилъ ея границы, шагнувши въ область насилія и ничѣмъ неоправдываемыхъ жестокостей. Заключенный съ Новгородомъ миръ оказался призрачнымъ,—его нарушилъ самъ М. Я. Въ ознаменованіе заключеннаго договора устроивъ торжество и пригласивъ на него Аѳанасія Даниловича и многихъ видныхъ новгородскихъ бояръ, онъ коварно ихъ всѣхъ схватилъ и отправилъ въ Тверь какъ заложниковъ; затѣмъ, вопреки уговору, не пощадилъ и Торжка,—бралъ съ жителей окупъ, грабилъ ихъ, отбиралъ коней и оружіе, разрушилъ мѣстный кремль; пользуясь угнетеннымъ положеніемъ Новгорода, принудилъ его заключить съ собою новый договоръ, для себя весьма выгодный,—согласно ему новгородцы, помимо разныхъ другихъ обязательствъ, должны были уплатить князю еще 12 тысячъ серебряныхъ гривенъ; но и получивъ ихъ, попрежнему продолжалъ тѣснить вольный городъ, попрежнему чинилъ всякія препятствія подвозу туда хлѣба, а его намѣстники попрежнему угнетали народъ.

Вокругъ Новгорода вновь завязался узелъ, который въ конечномъ результатѣ распутался трагически для тверского князя. Вскорѣ

послѣ Новоторжской битвы Юрій, лично въ ней не участвовавшій, поѣхалъ въ орду, куда еще раньше звалъ его ханъ для объясненій. Оправдаться теперь ему не стоило особенныхъ усилій; наоборотъ, своеволіе и жестокости М. Я. позволяли Юрію безъ труда отвлечь вниманіе хана отъ своихъ винъ и перенести его гнѣвъ на тверского князя. Не малую роль при этомъ должны были сыграть и сопровождавшіе Юрія нѣкоторые знатные новгородцы, уполномоченные республикою свидѣтельствовать о винахъ М. Я. и снабженные богатыми дарами для снисканія ханской милости. Не довольствуясь этими посланными, Новгородъ съ тою же цѣлью послалъ въ орду еще особое самостоятельное посольство, которое, впрочемъ, до орды не дошло, такъ какъ въ пути было схвачено и приведено въ Тверь. Новое засиліе М. Я. взволновало новгородцевъ и вызвало среди нихъ возстаніе, завершившееся изгнаніемъ тверскихъ намѣстниковъ. Хотя М. Я. вслѣдъ за этими событіями и поднялся со всею Низовскою землею на Новгородъ, но въ виду рѣшимости послѣдняго защищаться до послѣдней возможности и въ виду доходившихъ слуховъ объ успѣхахъ Юрія въ ордѣ дѣйствовалъ не такъ стремительно и не такъ рѣшительно, какъ прежде; очень близко придвинувшись къ Новгороду, дойдя до Устьянъ, всего въ 50 верстахъ отъ него, онъ раздумалъ продолжать походъ и повернулъ назадъ. Это неожиданное отступленіе явилось гибельнымъ для войска: блуждая по лѣсамъ и болотамъ, люди терпѣли страшный голодъ, ѣли конину, даже кожу со щитовъ, заболѣвали и умирали. Заболѣлъ и самъ М. Я., но неудача, однако, не смягчила его. Когда новгородцы, желая воспользоваться его труднымъ положеніемъ, послали къ нему владыку Давида хлопотать объ освобожденіи плѣнниковъ и заложниковъ, М. Я. рѣшительно отвергъ это предложеніе.

Между тѣмъ гроза противъ М. Я. собиралась и съ другой стороны. Поѣздка Юрія Даниловича въ орду увѣнчалась для него полнымъ успѣхомъ. Тамъ князь породнился съ ханомъ, женившись на его сестрѣ Кончакѣ, и получилъ ярлыкъ на великокняжескій столъ. На помощь ему были даны татарскія войска, а для совѣта—татарскіе послы. М. Я. и оставшіеся ему вѣрными суздальскіе князья встрѣтили Юрія на Волгѣ, близъ Костромы, гдѣ противники долго простояли другъ противъ друга бездѣйственно. На сторонѣ Юрія были и татары, и родство съ ханомъ; М. Я. на этотъ разъ подчинился требованіямъ благоразумія,— не вступая въ бой, онъ отказался отъ великаго княженія въ пользу Юрія и вернулся въ Тверь. Это было только начало развертывавшейся драмы. По собственному опыту М. Я. долженъ былъ понимать и понималъ, что Юрій не оставитъ его въ покоѣ. Дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени тотъ сталъ собирать ихъ въ Костромѣ. На его сторону перешли и суздальскіе князья. Вошелъ Юрій въ договоръ и съ новгородцами, по которому послѣдніе должны были напасть на Тверь съ сѣвера; онъ самъ намѣревался одновременно обрушиться на нее съ юга. Новгородъ согласился и выступилъ въ походъ. Но М. Я. не даромъ всю жизнь провелъ въ бояхъ, — его опытность и пониманіе условій успѣха въ нихъ, его воинскія способности внѣ всякаго сомнѣнія. Воспользовавшись 6-недѣльной проволочкой новгородскихъ войскъ подъ Торжкомъ, откуда они сносились съ союзникомъ о времени одновременнаго нападенія, и не давши эти переговоры довести до конца, онъ быстро вышелъ навстрѣчу новгородцамъ и подъ тѣмъ же Торжкомъ одержалъ блистательную побѣду, а послѣдовавшимъ за нею миромъ обязалъ ихъ возвратиться домой и соблюдать строжайшее невмѣшательство. Оставался еще болѣе сильный противникъ, Юрій, который подходилъ къ Твери съ юга, подвергая все встрѣчающееся на пути грабежу, насилію и опустошенію. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ творилъ зло Юрій въ Тверской землѣ и, наконецъ, въ 15 верстахъ отъ Твери остановился. Не будучи увѣренъ въ своихъ силахъ, М. Я. затворился въ городѣ. Простоявъ подъ Тверью 5 недѣль, причемъ татарскій совѣтникъ Кавгадый посылалъ къ М. Я. пословъ «все съ лестью, и не бысть межи ими мира», и не рѣшаясь идти на городъ приступомъ, Юрій двинулся къ Волгѣ, намѣреваясь перейти на ея лѣвый берегъ для продолженія грабежей. Это намѣреніе встрѣтило неожиданный отпоръ со стороны кашинцевъ, которые, предупреждая надвигающуюся бѣду, возстали. Теперь М. Я. въ лицѣ кашинцевъ нашелъ неожиданнаго союзника, съ большею вѣроятностью могъ разсчитывать на успѣхъ и рѣшился перейти въ наступленіе. Соеди-

нившись съ кашинцами, онъ встрѣтилъ Юрія при теперешнемъ с. Бортеневѣ. 22 декабря 1318 г. произошла кровавая битва. М. Я. одержалъ рѣшительную побѣду—взялъ большой полонъ, захватилъ многихъ бояръ и князей, въ томъ числѣ и другого брата Юрія, Бориса, и жену перваго, Кончаку, которая сопровождала своего мужа въ походѣ. Самъ Юрій бѣжалъ въ Новгородъ. Татары, бывшіе подъ начальствомъ упомянутаго Кавгадыя, въ этой битвѣ, неизвѣстно почему, не принимали почти никакого участія, въ самомъ началѣ ея удалившись въ свой станъ.

Разгромивъ Юрія, М. Я. не трудно было разбить и Кавгадыя. Но посолъ былъ въ большой милости у хана, и тверской князь не только не нападаетъ на него, но всячески ищетъ съ нимъ примиренія, щадитъ его людей, хочетъ перетянуть его на свою сторону. На другой день послѣ битвы М. Я. лично видѣлся съ татарскимъ вельможей, пригласилъ его съ дружиной въ Тверь и тамъ держалъ въ чести. Кавгадый обѣщалъ М. Я. защиту передъ ханомъ, но, какъ оказалось позже, вѣроломно обманулъ князя.

Находясь въ Новгородѣ, Юрій прилагалъ всѣ усилія, чтобы получить отъ него помощь противъ М. Я. Новгородъ, такимъ образомъ, стеченіемъ обстоятельствъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе: не помочь Юрію — значило навлечь гнѣвъ хана и покорно терпѣть чрезмѣрное усиленіе Твери, помочь же — значило нарушить недавно заключенный съ тверскимъ княземъ договоръ, съ чѣмъ, впрочемъ, по тогдашнимъ временамъ, не очень считались, а главное — подвергнуть опасной мести находившихся въ Твери въ качествѣ заложниковъ новгородскихъ бояръ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Новгородцы рѣшили принять на себя роль примиряющаго посредника между враждующими князьями и вмѣстѣ съ псковичами вышли на Волгу; надѣясь болѣе на миръ, чѣмъ на бой, они взяли съ собою новгородскаго владыку Давида. М. Я. встрѣтилъ ихъ у «брода». Битва, дѣйствительно, не состоялась. Было принято рѣшеніе, что оба князя пойдутъ на судъ въ орду. Вмѣстѣ съ тѣмъ новгородцы заключили здѣсь съ М. Я. договоръ, которымъ тверской князь сдѣлалъ имъ значительныя уступки; обѣщался признать старыя границы между договаривавшимися землями, къ выгодѣ новгородской, не задерживать хлѣбныхъ обозовъ, купцовъ и пословъ новгородскихъ, возвратить захваченныя въ разное время села и волости, уничтожить нѣкоторыя старыя, для Новгорода невыгодныя грамоты, освободить плѣнныхъ новгородскихъ бояръ, а также князей Аѳанасія и Бориса, братьевъ Юрія, и жену его Кончаку.

Соглашаясь на ордынскій судъ, М. Я. сильно надѣялся на поддержку Кавгадыя. Но до него скоро дошли слухи, что всѣ обѣщанія послѣдняго были лицемѣрны и онъ стоитъ за Юрія. Къ тому же въ Твери внезапно скончалась Кончака. Прошла молва, что ее отравили. Эти обстоятельства поселили въ М. Я. сомнѣнія относительно благопріятнаго исхода его дѣла предъ ханомъ, и онъ сталъ медлить отъѣздомъ въ орду. Сначала туда былъ посланъ его 12-лѣтній сынъ Константинъ, не ходатаемъ за отца, а съ качествѣ заложника; затѣмъ М. Я. отправилъ въ Москву одного изъ своихъ приближенныхъ, Александра Марковича, съ «посольствомъ о любви», но посолъ былъ тамъ убитъ. Двуличній Кавгадый, этотъ, по выраженію лѣтописи, «начальникъ всего зла, беззаконный, треклятый», недавно увѣрявшій М. Я. въ готовности защитить его передъ ханомъ, находился теперь у Юрія и давалъ ему указанія, какъ лучше всего повести дѣло въ ордѣ,—совѣтовалъ взять съ собою поболѣе бояръ, князей и знатныхъ новгородцевъ въ качествѣ свидѣтелей виновности М. Я. и написать противъ него, по лѣтописному выраженію, «многія лжесвидѣтельства». Въ то время какъ М. Я. все еще размышлялъ и медлилъ, его противники были уже въ ордѣ и всячески старались оклеветать его передъ ханомъ и приближенными послѣдняго, выдвинувъ на первый планъ обвиненіе въ утайкѣ дани: «...собралъ по городамъ многія дани и хочетъ бѣжать къ нѣмцамъ, а къ тебѣ идти не хочетъ и твоей власти не повинуется». Весьма обычное и часто основательное, на этотъ разъ обвиненіе въ утайкѣ денегъ было простымъ извѣтомъ, тѣмъ не менѣе оно достигло цѣли,—ханъ придалъ ему вѣры и въ гнѣвѣ хотѣлъ уморить голодомъ заложника-сына М. Я., отъ чего воздержался только вслѣдствіе довода, что въ такомъ случаѣ отецъ навѣрное не

пріѣдетъ. Опасаясь, какъ бы М. Я. не успѣлъ въ доказательствѣ своей невинности, Кавгадый подослалъ было къ нему убійцъ, но неудачно, затѣмъ сталъ увѣрять хана, что тверской князь, чувствуя свою вину, совсѣмъ не пріѣдетъ. Между тѣмъ, уже въ августѣ 1318 г. М. Я. выѣхалъ въ орду. Предчувствуя недоброе, онъ принялъ благословеніе отъ тверского епископа Варсонофія и позволилъ своимъ дѣтямъ и женѣ провожать вебя до р. Керли. Во Владимірѣ М. Я. встрѣтилъ ханскаго посла Ахмыла, человѣка прямодушнаго, предупредившаго его объ оболганіи Кавгадыемъ и гнѣвѣ хана и давшаго совѣтъ торопиться въ орду для оправданія. Окружавшіе М. Я. бояре и родные держали рѣчь за то, чтобы онъ лично не спѣшилъ, а послалъ бы вмѣсто себя одного изъ сыновей, но М. Я., «исполненъ смиренія», рѣшительно возразилъ словами (въ передачѣ Ключевскаго): «Царь хочетъ не кого-либо другого, а именно меня, если я не поѣду, то вотчина моя въ полону будетъ и множество христіанъ убито; нужно же когда-нибудь умирать, такъ не лучше ли теперь положить свою душу за многія души». Въ лѣтописномъ изображеніи этой сцены М. Я. выступаетъ величественной фигурой, готовой идти за правду на самопожертвованіе. Давъ сыновьямъ своимъ «рядъ, написа грамоту, раздѣливъ имъ вотчину свою», онъ отослалъ ихъ въ Тверь, а самъ продолжалъ путь и въ началѣ сентября нашелъ хана на берегу Азовскаго моря, при устьѣ Дона. По обычаю, онъ началъ съ одариванія какъ самого хана, такъ и приближенныхъ къ нему лицъ, но Юрій успѣлъ всѣхъ еще раньше задобрить. Черезъ полтора мѣсяца ханъ велѣлъ дать тяжущимся князьямъ судъ, который производился дважды. Въ обоихъ случаяхъ Кавгадый былъ и главнымъ свидѣтелемъ, и обвинителемъ, и судьею. М. Я. обвиняли и признали виновнымъ въ томъ, что онъ утаилъ отъ хана многія собранныя деньги, гордый и непокорливый, бился съ его посломъ, побилъ многихъ татаръ, хотѣлъ бѣжать къ нѣмцамъ и отравилъ Кончаку. Оправданія М. Я. были пропущены мимо ушей, и онъ признанъ достойнымъ смерти. Участь его однако была рѣшена не тотчасъ,— Узбекъ пошелъ тогда походомъ на властителя Ирана, хана Абусаида. М. Я., закованный по рукамъ и ногамъ, съ тяжелою колодою на шеѣ, долженъ былъ слѣдовать за ханомъ, подвергаясь всевозможнымъ униженіямъ. Только когда татары приблизились къ Дербенту, въ окрестностяхъ этого города, въ среду 22 ноября 1318 г., была совершена надъ М. Я. казнь, вѣрнѣе—убійство, такъ какъ умеръ онъ отъ нещадныхъ побоевъ, нанесенныхъ ему въ присутствіи Кавгадыя, Юрія и множества народа. Тѣло его привезли въ Москву и погребли въ Спасскомъ монастырѣ, нѣсколько же позже оно, по просьбѣ дѣтей М. Я. и съ разрѣшенія Юрія, было перевезено въ Тверь и предано землѣ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. За свою мученическую кончину М. Я. причисленъ церковью къ лицу благовѣрныхъ; память объ убіеніи его чтится 22 ноября.

Полное Собраніе Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 22, 207—208, 209, 228—229, 282; т. III, стр. 65—66, 67—68, 70, 71—72, 130, 223; т. IV, стр. 43, 44—46, 48 — 49, 183; т. V, стр. 201 — 215; т. VII, стр. 179, 180—181, 183—186, 188—197; т. XV, стр. 406—407, 408—413.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 85, 88, 91—94, 99—101, 103, 105, 108—111, 112—123.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 69, 75, 77, 82. 88, 92, 94 - 95, 97—108, 110.—„Собраніе Государствен. Грамотъ и Договоровъ“, т. I, №№ 4—7, 9—12, 14.—„Степенная книга“, стр. 425—428.—„Страданіе за христіаны въ ордѣ велик. князя Михаила Ярославича Тферскаго“, рукописный сборникъ въ Императ. Публичной библ., № 83. — Соколовъ, „Св. князь Михаилъ Тверской“, Тверь 1864.—Горскій и Невоструевъ, „Описаніе славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки“, Москва 1855, стр. 292, 283.—Филаретъ, „Русскіе святые, чтимые всей церковью или мѣстно“, ноябрь, стр. 372—383.—Кн. Щербатовъ, „Россійская исторія“, т. III, стр. 290 и слѣд.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. II, прим. 64; т. III, пр. 244; т. IV, стр. 87—89, 95, 96—99, 102, 103, 105—112, 113—117, 121, 124—125, 133, 140, 144, 149; пр. 118, 154, 158, 170, 178, 182, 183, 186, 187, 191, 197; 200, 206—208, 210, 212, 214, 215, 217, 221—227, 229, 232, 234, 236, 238, 239, 243, 245, 248; т. V, стр. 14; пр. 254, 349, 394; т. VI, стр. 7, 112; пр. 195.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. I, стр. 850, 880, 881, 882, 884, 901—903, 904—906, 907—910; кн. III, стр. 874, пр. 3.—Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“, стр. 395 и слѣд.—И. Д. Бѣляевъ, „Разсказы изъ русской исторіи“, т. II, стр. 199, 393, 395, 403, 408, 411—412, 414, 417.—Его же, „О монгольскихъ чиновникахъ на Руси“, „Архивъ истор.-юридическ. свѣдѣній, относящихся до Россіи“, кн. I.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 87—117 и прим., стр. 42—64.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, Спб., 1891, т. I, стр. 65—66;

т. II, стр. 6, 8, 27, 30, 33, 35, 38, 81, 265, 274, 454, 457—469, 471, 479—480, 516, 523—524, 531, 538, 540, 550, 557, 575—576, 626—627, 635—636.—Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“, Спб. 1873, стр. 180. — Его же, „Сѣверно-русскія народоправства“, т. I, стр. 154. — Его же, „Церковно-историческая критика въ XVII в.“, „Вѣстникъ Европы“, 1870, апрѣль. — Дмитріевъ, „О церк.-исторической критикѣ въ XVII в.“, „Чтен. Моск. общ. истор. и древн. россійск.“, 1871, № 4, стр. 43. — Гр. Толстой, „Разсказы изъ исторіи Русской церкви“, 2 е изд., 1870, т. II, стр. 48. — Буслаевъ, „Очеркъ русск. словесности и искусства“, т. II, стр. 351, 357. — Narbutt, „Dziéje narodu Litewskiego“, IV, p. 326—327.—Hammer, „Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak“, 1840, p. 286, 288—289, 290—292. — D'Ohsson, „Histoire des Mongols“, 1884, p. 413.— Калайдовичъ, „Историч. и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва 1821.—Д. Прозоровскій, „Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“, вып. IX, Спб. 1892. — Н. А. Рожковъ, „Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вв.“, „Журналъ Минист. Народн. Просв.“, 1901, № 4.— „Энциклоп. слов.“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., полут. 38, Спб.. 1896, стр. 487.

32. *Святославъ Ярославичъ*, старшій сынъ Ярослава Ярославича (38), второй князь на тверскомъ столѣ. О жизни его до вокняженія въ Твери извѣстно сравнительно немного. Послѣ переяславской битвы ребенкомъ былъ взятъ татарами въ плѣнъ, въ которомъ пробылъ, вѣроятно, до 1258 г. Вслѣдъ за этимъ упоминается подъ 1266 г., когда Ярославъ Ярославичъ, самъ вокняжившись въ Новгородѣ, посадилъ его на псковскій столъ. Будучи княземъ въ Псковѣ, онъ въ 1267 г. крестилъ бѣжавшихъ туда отъ волненій на родинѣ знатныхъ литовцевъ, въ томъ числѣ кн. Довмонта. Неизвѣстно, чѣмъ псковитянамъ былъ по нраву Довмонтъ и почему у нихъ съ С. Я. произошли раздоры, но первый вскорѣ, въ томъ же 1267 г., былъ объявленъ псковскимъ княземъ, а С. Я. лишенъ стола; этотъ актъ сильно разгнѣвалъ отца С. Я., Ярослава Ярославича, который было ополчился на мятежный городъ, но послѣ угрозы новгородцевъ дѣло Пскова считать своимъ собственнымъ отказался отъ похода. Въ 1268 г. С. Я. участвовалъ въ Раковорской битвѣ въ слѣдующемъ году, по приказу отца, собравшагося походомъ на Колывань (Ревель), водилъ въ Новгородъ низовскіе полки и во время ссоры Ярослава Ярославича съ новгородцами въ 1276 г. былъ посылаемъ имъ на вѣче для переговоровъ.

Тверской великокняжескій столъ С. Я. занялъ въ 1271 г., тотчасъ по смерти отца. Бывшій въ ту пору великимъ княземъ владимірскимъ дядя его, Василій Ярославичъ (костромской), велъ тогда споръ изъ-за Новгорода съ Дмитріемъ Александровичемъ (переяславскимъ), призваннымъ на новгородское княженіе. Силою обстоятельствъ С. Я. принужденъ былъ принять ту или другую сторону въ этой распрѣ родичей, ибо Тверь, находясь въ непосредственной близи къ мѣсту военныхъ дѣйствій, раньше или позже подверглась бы опустошенію отъ кого-либо изъ враждовавшихъ и самымъ ходомъ событій должна была быть вовлечена въ междоусобіе. С. Я. сталъ на сторону сильнѣйшаго изъ нихъ, Василія Ярославича, и въ 1273 г. со своими войсками и татарами повоевалъ Волокъ, Бѣжецкъ, пограбилъ въ Низовокой землѣ новгородскихъ купцовъ и вернулся въ Тверь съ большой добычей. Попытка Дмитрія Александровича начать мирные переговоры съ вел. кн. Василіемъ послѣднимъ была отвергнута, и оскорбленные этимъ новгородцы со своимъ княземъ въ челѣ двинулись на Тверь, считая ее, повидимому, наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ. Дойдя до Торжка, они, однако, разсудили, что имъ не подъ силу бороться съ С. Я. и пошли на уступки, отказавъ въ княженіи Дмитрію, который удалился въ Переяславль, и пригласивъ на новгородскій столъ Василія Ярославича. Такимъ образомъ послѣдній вокняжился въ Новгородѣ при непосредственномъ содѣйствіи С. Я.

Въ теченіе слѣдующихъ 8 лѣтъ ни о Твери вообще, ни о С. Я. въ лѣтописяхъ никакихъ упоминаній нѣтъ, изъ чего съ нѣкоторою вѣроятностью можно заключить, что этотъ періодъ княжество прожило въ тишинѣ и мирѣ. Только въ 1281 г. С. Я. съ тверичанами вновь принимаетъ участіе въ распряхъ князей, на этотъ разъ въ борьбѣ братьевъ Дмитрія и Андрея (городецкаго) Александровичей, возникшей вслѣдствіе притязаній послѣдняго на великокняжескій престолъ, на которомъ сидѣлъ Дмитрій. И на этотъ разъ вовлеченіе С. Я. въ борьбу было для него, по тѣмъ же причинамъ, вынуждено обстоятельствами, и теперь, какъ и раньше, онъ взялъ сторону болѣе сильнаго изъ

противниковъ, именно Андрея, за котораго стояли и татары и многіе мелкіе князья. Было ясно, что поддерживаемый татарами Андрей долженъ побѣдить, и слѣдовательно Тверь, возьми она сторону Дмитрія, подверглась бы настоящему разгрому, тѣмъ болѣе, что незадолго до этого татары въ ней уже многое «пусто сотвориша», хотя она тогда и сохраняла невмѣшательство. Какъ бы ни было, но С. Я. въ союзѣ на этотъ разъ съ новгородцами и Даніиломъ Александровичемъ (московскимъ) направился къ Переяславлю и дошелъ до Дмитрова, подъ которымъ встрѣтилъ Дмитрія Александровича. Никто изъ противниковъ начать первымъ бой не рѣшался, и послѣ пятидневнаго безплоднаго стоянія они заговорили о мирѣ, который и былъ заключенъ, на условіяхъ, впрочемъ, для насъ неизвѣстныхъ. 1282 годъ является послѣднимъ, подъ которымъ С. Я. еще упоминается; вѣроятно, въ этомъ году онъ и умеръ, во всякомъ случаѣ не позже 1285 г., когда въ разныхъ лѣтописяхъ великимъ княземъ тверскимъ называется уже братъ его, Михаилъ Ярославичъ (меньшій). Былъ ли С. Я. женатъ и имѣлъ ли дѣтей, — извѣстій объ этомъ не сохранилось.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтоп., т. III, стр. 58—59, 60, 62—63; т. V, стр. 198—199; т. VII, стр. 172. — Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 46—47, 50, 55—57.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 45, 46. — Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, стр. 63, 75, 83, 89; прим. 120, 125, 127, 129, 163, 169, 172. — В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 84—87.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, Спб. 1891, стр. 451, 454—458, 552, 639.—Щербатовъ, „Россійская исторія“, т. III, стр. 206.

33. *Семенъ Константиновичъ* (умеръ 1364 г.), второй сынъ Константина Михайловича (24), ом. кн. *Дорогобужскіе*.

34. *Юрій Александровичъ*, старшій изъ троихъ сыновей Александра Ивановича (1), тринадцатый великій князь Тверской, родился около 1400 г. Извѣстій о немъ не сохранилось почти никакихъ. Тверской столъ онъ занялъ, надо полагать, сейчасъ же послѣ смерти отца, т. е. въ концѣ октября 1425 г.; но такъ какъ лѣтописи отмѣчаютъ, что онъ княжилъ только четыре недѣли, умеръ же онъ 23 апрѣля 1426 г., то, слѣдовательно, на основаніи этихъ данныхъ начало его вокняженія въ Твери слѣдуетъ отнести къ концу марта того же 1426 г. Разногласіе этихъ датъ о моментѣ занятія Ю. А. тверского стола можетъ быть примирено только при предположеніи, что Ю. А. дѣйствительно великимъ княземъ Тверскимъ сдѣлался непосредственно вслѣдъ за смертью отца, т. е. въ октябрѣ 1425 г., утвержденъ же ханомъ онъ былъ только въ мартѣ слѣдующаго года. Свое кратковременное княженіе Ю. А. не успѣлъ чѣмъ-либо ознаменовать, откуда понятна и скудость извѣстій о немъ. Умеръ онъ отъ моровой язвы. Отъ брака съ неизвѣстной имѣлъ сына *Ивана* (23).

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VII, стр. 245; т. VIII, стр. 93; т. XV, стр. 488.—Никоновск. лѣт., т. V, стр. 85.—Карамзинъ, „Ист. госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 143; прим. 254, 258.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Польза“, кн. I, стр. 1083.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 506, 536, 556.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 191.

35. *Юрій Всеволодовичъ*, старшій сынъ Всеволода Александровича (14), совмѣстно съ младшимъ братомъ Иваномъ (20) владѣлъ Холмомъ. Хотя отецъ его умеръ еще въ 1364 г., но Ю. В. почему-то очень долгое время не упоминается въ лѣтописяхъ, вплоть до 1404 г., когда онъ, опасаясь Ивана Михайловича (22), тѣснившаго мелкихъ удѣльныхъ князей, по совѣту какихъ-то «злыхъ человѣкъ» бѣжалъ въ Москву. Подозрѣнія его противъ тверского князя, кажется, были напрасны, по крайней мѣрѣ послѣдній нѣсколько разъ посылалъ къ нему въ Москву съ предложеніемъ, повидимому вполнѣ искреннимъ, вернуться въ свой удѣлъ. «И не отлучайся, брате, своего отечества,—писалъ Иванъ Михайловичъ,—но поиди, живи на предѣли отца своего, а злыхъ человѣкъ не слушай; аще ли ти кая обида есть, да се о насъ епископъ Арсеній и мужи честніи отець нашихъ». Но Ю. В. не внялъ увѣщаніямъ и увѣреніямъ тверского князя, а въ 1407 г., не дождавшись помощи отъ Москвы, отправился въ орду; притязанія его, которыя онъ надѣялся осуществить въ ордѣ, разными лѣтописями рисуются разно: по однимъ даннымъ онъ желалъ получить десять волостей въ Тверскомъ княжествѣ, по другимъ третью часть, по третьимъ—Кашинское княжество, а по четвертымъ—даже все Тверское: «ища—по лѣтописному слову — великаго княженія

тверскаго подъ вел. кн. Иваномъ Михайловичемъ». Провѣдавъ объ этомъ, послѣдній также поѣхалъ въ орду, гдѣ безъ труда одержалъ верхъ надъ соискателемъ тверского стола и потому вскорѣ вернулся въ Тверь. Ю. В., оставшись въ ордѣ, послѣ отъѣзда Ивана Михайловича сталъ хлопотать еще болѣе усиленно и кое-чего добился—въ 1408 г. онъ вернулся въ Москву въ сопровожденіи ханскаго посла Дербыша, который немедленно выѣхалъ въ Тверь и тамъ заявилъ Ивану Михайловичу, что ханъ пожаловалъ Ю. В. частью Тверской земли. Великій князь отвѣтилъ, что повѣрить этому не можетъ, такъ какъ самъ еще «вчера» вернулся отъ хана съ другимъ рѣшеніемъ, поэтому пошлетъ въ орду справиться объ этомъ. Потерпѣвъ неудачу, Ю. В. опять поѣхалъ въ орду—и на этомъ извѣстія о немъ обрываются. Отъ брака съ неизвѣстной (1391 г.) онъ имѣлъ сына *Дмитрія* (17).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI, стр. 132; т. VIII, стр. 77; т. XV, стр., 473—474, 478, 480.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 202, 313; т. V, стр. 9—10.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 418.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 177—178, 180—181, 184—185; прилож. 4, стр. 262—268.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 498, 500—501, 505, 544—548.—Карамзинъ, „Истор. гос. Россійск.“.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. I, стр. 1026, 1027.

36. *Юрій Ивановичъ*, третій и младшій сынъ Ивана Михайловича (22), князь неудѣльный, родился, вѣроятно, послѣ смерти своего дѣда, вел. кн. Михаила Александровича (26), т. е. послѣ 1399 г., ибо послѣдній, распредѣляя свою отчину между своими сыновьями и внуками, объ Ю. И. ничего не говоритъ, изъ чего можно заключить, что его въ это время еще не было на свѣтѣ. Упоминается лишь единственный разъ, по случаю женитьбы его на дочери московскаго боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго, что произошло по однѣмъ лѣтописямъ въ 1421 г., по другимъ—въ 1422 г.; потомства, видимо, не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 142; т. VII, стр. 91.—Никонов. лѣт., т. V, стр. 79.—А. В. Экземплярскій, „Вел. и уд. князья Сѣвер. Руси“, т. II, стр. 503, 504, 508, 642.—В. С. Борзаковскій, „Истор. Тверск. княжества“, стр. 189.

37. *Ярославъ Александровичъ*, третій и младшій сынъ Александра Ивановича (1). Лѣтописныя свѣдѣнія о немъ очень скудны: въ 1432 г. онъ былъ посланъ своимъ старшимъ братомъ Борисомъ Александровичемъ въ Литву на помощь Свидригайлу въ борьбѣ послѣдняго съ Сигизмундомъ за обладаніе литовскимъ княжествомъ; помогалъ онъ Свидригайлу также въ 1433 и въ 1435 г., причемъ въ послѣдній разъ участвовалъ въ битвѣ подъ Вилькомиромъ, гдѣ Свидригайло былъ жестоко разбитъ, а Я. А. сложилъ голову. Говоря о помощи Я. А. литовскому князю, Тверская лѣтопись отмѣчаетъ, что въ этомъ походѣ съ нимъ была «сила тверская... сила *городецкая*»; курсивное слово даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что Я. А. владѣлъ однимъ изъ мелкихъ тверскихъ удѣловъ, именно Городенскимъ, центромъ котораго былъ г. Городецъ, нынѣ село Городенъ или Городня—на правомъ берегу Волги, въ 28 верстахъ отъ Твери. Существованіе этого удѣла вполнѣ несомнѣнно, ибо подтверждается сохранившимися городенскими монетами, но о сидѣвшихъ на этомъ столѣ князьяхъ, которые, конечно, тоже были, извѣстій никакихъ не сохранилось. Если Я. А. дѣйствительно былъ *городенскимъ* удѣльнымъ княземъ, то, надо полагать, онъ единственный занималъ этотъ столъ, ибо потомства не оставилъ, и подвластный ему удѣлъ, какъ выморочный, снова слился съ Тверскимъ великимъ княжествомъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 489.—„Лѣтоп. Велик. кн. Литовскаго“, „Учен. Зап. Акад. Наукъ“, 1854 г., т. I, стр. 50—51.—Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, т. VII, стр. 120, 123, 127, 176, 176.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 505, 506, 555, 556.—В. С. Борзаковскій, „Ист. вел. кн. Тверскаго“, стр. 193, 194; прим., стр. 121—122.—„Pomniki do dziejow Litewskich“, Wilno 1846, стр. 46.—Kojalowicz, „Historia Litwana“, II, 159.

38. *Ярославъ III Ярославичъ*, шестой сынъ великаго князя кіевскаго и владимірскаго Ярослава II Всеволодовича, внукъ Всеволода Юрьевича Большое гнѣздо, первый великій князь Твери и великій князь владимірскій, родился въ 1230 г. О молодости его не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Точно также не имѣется въ лѣтописяхъ опредѣленныхъ и прямыхъ указаній и на время вокняженія его въ Твери, а слѣдовательно—на дату, къ которой слѣдовало бы отнести начало самостоятельнаго существованія Тверского княжества. Только на

основаніи косвенныхъ данныхъ можно предполагать, что время этихъ однозначущихъ событій относится къ 1247 г., когда Я. Я. было около 17 лѣтъ. Именно въ этомъ году Святославъ Всеволодовичъ, унаслѣдовавшій великокняжескій Владимірскій престолъ послѣ смерти (1246) брата Ярослава II, разсажалъ дѣтей послѣдняго, слѣдовательно своихъ племянниковъ, по разнымъ городамъ, причемъ Я. Я., по волѣ усопшаго, досталась Тверь. Этой датѣ противорѣчитъ лишь одно мѣсто въ Никоновской лѣтописи (т. Ш, стр. 3), гдѣ Я. Я. названъ тверскимъ княземъ уже подъ 1238 г., но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ титулъ данъ ему лѣтописью, происхожденія позднѣйшаго, переднимъ числомъ.

Первымъ дѣломъ Я. Я. было отраженіе въ 1248 г. военной угрозы со стороны литовцевъ; собравшись въ значительную рать, они продвинулись до самаго Зубцова, но здѣсь были встрѣчены Я. Я. въ союзѣ съ братьями и въ схваткѣ съ ними потерпѣли жестокое пораженіе. Въ 1249 г. у старшихъ братьевъ Я. Я., Александра (кіевскаго), княжившаго тогда въ Новгородѣ, и Андрея, князя суздальскаго, вышла «пря велія о великомъ княженіи». Я. Я., повидимому, не вмѣшивался въ споръ, оставаясь сторониимъ наблюдателемъ; по крайней мѣрѣ имя его въ связи съ этой борьбою лѣтописями въ ту пору нигдѣ не упоминается. Но въ 1252 г. Александръ Ярославичъ отправился изъ Новгорода въ орду, гдѣ предъ сыномъ Батыя, тогдашнимъ ханомъ Сартакомъ, оклеветалъ Андрея и получилъ «старѣйшинство во всей братіи его», а также ратную помощь, съ которою и пошелъ на Суздальскую землю. Поступокъ Александра вывелъ Я. Я. изъ сторонняго положенія, и онъ принялъ рѣшительно сторону Андрея. Одно неясное мѣсто Ипатьевской лѣтописи дало поводъ историку Тверского княжества, В. С. Борзаковскому, въ видѣ догадки высказать соображеніе, что было и еще одно основаніе, побудившее Я. Я. выступить противъ Александра; изъ не совсѣмъ опредѣленнаго указанія этой лѣтописи можно заключить, что Я. Я. одно время, приблизительно съ 1247 г., принадлежалъ Кіевъ, который по утвержденному ханомъ и выше отмѣченному дѣлежу между братьями перешелъ къ Александру; именно стремленіе возвратить этотъ городъ, по мнѣнію В. С. Борзаковскаго, и было другимъ соображеніемъ, опредѣлившимъ симпатіи и антипатіи Я. Я. въ этомъ междоусобіи. Какъ бы ни было, но еще до возвращенія Александра изъ орды Я. Я. вмѣстѣ съ Андреемъ захватилъ хорошо укрѣпленный Переяславль Залѣсскій, гдѣ укрылъ и свое семейство. Союзники были, повидимому, очень сильны, ибо знали, конечно, съ какой цѣлью Александръ отправился въ орду, и хорошо должны были понимать, что имъ придется сражаться не только съ его воинами, но и татарами. Тѣмъ не менѣе послѣдовавшая битва подъ Переяславлемъ кончилась для Я. Я. и Андрея печальнымъ образомъ: городъ былъ взятъ. Андрей бѣжалъ сначала въ Новгородъ, затѣмъ въ Псковъ, Колывань (Ревель) и оттуда въ Швецію, дѣти Я. Я. попали въ плѣнъ, жена его была убита, а рать истреблена и разсѣяна. Въ несчастномъ бою самого Я. Я. не было; незадолго передъ тѣмъ и неизвѣстно почему онъ уѣхалъ куда-то, вѣроятнѣе всего въ Тверь, замѣстивъ себя воеводою Жидиславомъ, также убитымъ татарами. Новѣйшіе историки въ этой битвѣ видятъ болѣе чѣмъ одинъ изъ обычныхъ узловъ сплетавшихся тогда междоусобій, — въ ней усматривается *первая* попытка, хотя и неудачная, открытыхъ враждебныхъ дѣйствій на сѣверѣ Руси противъ татаръ.

Нѣкоторое время послѣ переяславской битвы Я. Я. пробылъ въ Твери, но затѣмъ, опасаясь мести со стороны Александра за союзъ съ Андреемъ, въ началѣ 1854 г. вмѣстѣ съ приближенными боярами бѣжалъ въ Ладогу, гдѣ былъ принятъ честно; отсюда онъ, какъ кажется, собирался послѣдовать за Андреемъ, т. е. перебраться въ Швецію, но неожиданно развернувшіяся событія въ Новгородѣ заставили его остаться. На историческую сцену республики, къ области которой принадлежала и Ладога, къ этому времени появляются двѣ враждующія партіи,— по терминологіи С. М. Соловьева, партія «бо́льшихъ» и «меньшихъ»; первая была сторонницей Александра Ярославича и княжившаго тогда въ Новгородѣ его сына Василія, вторая же, недовольная ихъ самовластіемъ и гнетомъ, пожелала видѣть на новгородскомъ столѣ Я. Я., разсчитывая на менѣе самовластное вмѣшательство съ его стороны во внутреннія дѣла Новгорода. Въ 1255 г. приверженцы Я. Я. на

вѣчахъ одержали верхъ, и онъ вокняжился сначала во Псковѣ, а затѣмъ и въ Новгородѣ. Для Александра Ярославича этотъ двойной ударъ—изгнаніе изъ Новгорода сына и вокняженіе тамъ политическаго противника—не оказался неожиданнымъ и не засталъ его врасплохъ; въ самомъ непродолжительномъ времени онъ въ союзѣ съ двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Святославичемъ и новоторжцами двинулся къ Новгороду. Не надѣясь на новгородцевъ, значительная часть которыхъ къ тому же была враждебно къ нему настроена, и опасаясь вступить въ открытый бой съ подступавшими союзниками, Я. Я. предпочелъ оставить недавно занятый имъ княжескій столъ и бѣжалъ,—неизвѣстно куда; новгородцы же должны были примириться съ Александромъ, признать его вновь своимъ княземъ и ему въ угоду посадника Ананію, сторонника партіи «меньшихъ», замѣнить внукомъ извѣстнаго Твердислава Михаиловича, Михаиломъ Степановичемъ, приверженцемъ «большихъ».

Гдѣ скитался Я. Я. и когда онъ возвратился въ Тверь, прямыхъ указаній на это нѣтъ; возможно, что онъ пребывалъ въ Швеціи; возвращеніе же его состоялось, вѣроятнѣе всего, въ концѣ того же 1255 г., когда изъ той же Швеціи выѣхалъ на родину и его братъ Андрей. Оба они примирились съ Александромъ, и въ 1258 г. всѣ трое ѣздили въ орду, гдѣ Я. Я. былъ впервые и отсюда отпущенъ «со многою честью». Изъ орды онъ вывезъ, какъ кажется, и взятыхъ туда въ плѣнъ послѣ Переяславльской битвы своихъ дѣтей. Примиреніе Я. Я. съ Александромъ произошло на почвѣ подчиненія перваго второму. Это ясно хотя бы изъ того, что когда въ 1262 г. новгородцы пошли походомъ на нѣмцевъ и въ помощь имъ Александръ послалъ Я. Я., этотъ подчинился приказанію. Походъ былъ удаченъ: союзники взяли Юрьевъ (Дерптъ), разорили его и домой возвратились со многими награбленными товарами и съ большимъ полономъ.

Въ ноябрѣ 1263 г. на обратномъ пути изъ орды скончался ѣздившій туда для умилостивленія хана (въ связи съ частичными возмущеніями населенія противъ татарскихъ сборщиковъ) Александръ Ярославичъ. Снова возникъ вопросъ о томъ, кому быть великимъ княземъ. Бывшіе когда-то союзники, Я. Я. и Андрей выступили теперь другъ противъ друга какъ враги. Не желая, однако, вызывать кровопролитія, братья разсудили свой споръ о великокняженіи передать на рѣшеніе хана. Ѣздившій по требованію послѣдняго для объясненій въ орду, Я. Я. возвратился оттуда съ великокняжескимъ ярлыкомъ, одержавъ, такимъ образомъ, верхъ надъ Андреемъ, который, впрочемъ, вскорѣ скончался (1264 г.). Сохраняя за собою Тверь, Я. Я., слѣдовательно, сталъ владѣть также княжествомъ Владимірскимъ, а обаяніе пріобрѣтенной имъ силы и опасенія навлечь на себя нерасположеніе благоволившаго къ нему хана заставили практичныхъ новгородцевъ предложить ему и свой княжескій столъ, для чего они изгнали малолѣтняго Дмитрія Александровича. Пришедшее изъ Новгорода въ Тверь посольство принесло грамоту, заключавшую условія, на которыхъ Я. Я. долженъ былъ принять новгородское княженіе,—условія относительно народныхъ вольностей, княжескихъ торговыхъ пошлинъ, доходовъ, охоты и пр. Отдѣльнымъ пунктомъ новгородцы требовали отъ него не дѣлать такихъ насилій, какія учинялись его братомъ Александромъ. Я. Я. предложеніе, конечно, принялъ, нерушимость выставленныхъ условій подтвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ, выѣхалъ въ Новгородъ и 27 января 1266 г. вокняжился тамъ, своего сына Святослава посадивъ во Псковѣ. Симпатіи новгородской партіи «меньшихъ» и раньше были на его сторонѣ, съ цѣлью же примирить съ собою и привязать къ себѣ и противную партію, «большихъ», онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью одного изъ наиболѣе видныхъ представителей этой группы, боярина Юрія Михайловича (Болховскаго). Мирныя отношенія Я. Я. съ новгородцами продолжались, однако, очень недолго; уже въ слѣдующемъ 1267 г. онъ едва не поссорился съ ними: спасаясь отъ начавшихся въ Литвѣ послѣ убійства Миндовга междоусобій, во Псковъ прибѣжало до 300 видныхъ литовцевъ, которыхъ псковитяне приняли съ лаской и одного изъ нихъ, Довмонта, даже сдѣлали своимъ княземъ. Предпочтеніе Довмонта Святославу привело Я. Я. въ гнѣвъ, и онъ, находясь въ то время въ Твери, съ значительнымъ отрядомъ выступилъ оттуда по направленію въ Новгородъ, намѣреваясь продолжать путь на Псковъ. «Перевѣдайся, княже, раньше съ нами», замѣтило ему вольно-

любивое и самолюбивое новгородское вѣче, чѣмъ умѣрило его воинственный пылъ. Вынужденный распустить полки по домамъ, Я. Я. не пожелалъ возвратиться въ Новгородъ, оставивъ тамъ своего племянника Юрія Андреевича. Въ 1268 г. взаимоотношенія его съ новгородцами нѣсколько улучшились, и онъ, по ихъ просьбѣ, выслалъ имъ на помощь противъ датчанъ своихъ сыновей, Святослава и Михаила, и нѣкоторыхъ другихъ князей, которые и приняли участіе въ знаменитой раковорской (везенбергской) битвѣ, завершившейся побѣдой новгородцевъ, но стоившей имъ громадныхъ потерь и, главное, не давшей въ результатѣ столь желаннаго новгородцами внѣшняго мира. Эта конечная неудача войны повела къ большой смутѣ въ Новгородѣ, въ началѣ 1269 г. вылившейся въ открытый мятежъ. Образовались двѣ разномыслящія группы: одна считала, что только Я. Я. можетъ примирить ихъ съ нѣмцами, и потому полагала необходимымъ обратиться къ его посредничеству, другая же рѣшительно противъ этого возставала. Сплетеніемъ этихъ неблагопріятныхъ для республики обстоятельствъ — внутренними смутами и продолжающейся угрозой со стороны внѣшняго врага — и задумалъ воспользоваться Я. Я. съ цѣлью нѣсколько укротить свободолюбивыхъ гражданъ, устранить отъ дѣлъ нѣкоторыхъ наиболѣе вліятельныхъ и ему непріятныхъ новгородцевъ и замѣнить ихъ своими сторонниками. И вотъ въ это время онъ переѣзжаетъ изъ Владиміра въ Новгородъ, гдѣ передъ вѣчемъ излагаетъ свои жалобы-извѣты на неугодныхъ ему лицъ Ярослава Давидовича, Михаила Мишинича, Юрія Сбыславича и др., выставляетъ ихъ единственными виновниками длящейся ссоры съ нѣмцами и требуетъ лишенія ихъ власти. Чувство суверенитета новгородскаго вѣча, однако, одержало верхъ надъ сознаніемъ своей слабости, даже безсилья, и оно отвергло притязанія Я. Я., но при этомъ просило его не оставлять Новгорода и руководить новымъ походомъ противъ нѣмцевъ. Пользуясь критическимъ и безвыходнымъ положеніемъ новгородцевъ, Я. Я. поступилъ какъ разъ обратно тому, о чемъ его просили: отверхъ предложеніе и уѣхалъ. Тогда вѣче пошло на уступки—послало къ князю владыку и «лучшихъ мужей» съ просьбой воротиться и съ завѣреніемъ пойти навстрѣчу нѣкоторымъ его желаніямъ. Я. Я. воротился, вѣче отвѣчало смѣщеніемъ съ должностей нѣкоторыхъ, хотя и не всѣхъ неугодныхъ ему бояръ, причемъ въ тысяцкіе избрало его сторонника, Ратибора Клуксовича. Уступки новгородцевъ обязывали Я. Я. къ ратной помощи, и онъ въ слѣдующемъ 1270 г. сталъ стягивать въ Новгородъ свои и татарскіе полки, готовясь идти войною на нѣмцевъ. Въ прямомъ смыслѣ помощь оказалась, однако, не нужной, но косвенно послужила новгородцамъ на пользу, такъ какъ нѣмцы, повидимому именно въ виду этой угрозы, поспѣшили предложить имъ миръ «на всей новгородской волѣ». Напрасно стянутые полки Я. Я. хотѣлъ было двинуть на корельцевъ, грабежомъ которыхъ и намѣревался вознаградить своихъ воиновъ, но новгородцы, считая Корелу своею областью, удержали князя отъ его затѣи. Полки были отосланы по мѣстамъ, а Я. Я., не особенно довольный исходомъ этого дѣла, все же остался на нѣкоторое время жить въ Новгородѣ. Поддерживаемый своими сторонниками, онъ здѣсь сталъ обнаруживать тѣ самыя стремленія, отъ которыхъ особымъ пунктомъ упомянутой грамоты присягалъ воздерживаться,—стремленія къ чрезмѣрному самовластью: вмѣшивался въ новгородско-нѣмецкую торговлю, тѣснилъ ее, переверпшалъ иногда грамоты, отнялъ нѣкоторыя вотчины у храма св. Софіи, его «гогольные» ловцы мѣшали судоходству по Волхову, его любимцы стали угнетать народъ и т. п. Это было даже слишкомъ много, чтобы вызвать въ новгородцахъ вспышку. Дѣйствительно, уже въ томъ же 1270 г. произошло возстаніе, вынудившіе какъ самого Я. Я., такъ и его наиболѣе приближенныхъ сторонниковъ бѣжать въ Городище. Здѣсь онъ получилъ отъ вѣча грамоту съ прописаніемъ цѣлаго ряда его винъ, въ которой, между прочимъ, говорилось: «Поѣзжай, княже, отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ». Пришла очередь за Я. Я. идти на уступки,—войско его было отпущено, на небольшую горсть оставшихся людей опереться не являлось возможнымъ, и онъ «отступился» отъ всего, въ чемъ его обвиняли; но новгородцы уже не вѣрили ему и рѣшительно заявили: «Князь, поѣзжай прочь, не хотимъ тебя, а не то всѣмъ Новгородомъ пойдемъ про-

гнать тебя» (изъ Городища). Я. Я. ушелъ изъ новгородской земли и сталъ собирать войска, чтобы вернуться туда силою. Къ нему на помощь съ ратью пришли Дмитрій Александровичъ переяславскій, Глѣбъ Ростиславичъ смоленскій и значительный отрядъ отъ татарскаго хана Менгу-Тимура, котораго Я. Я. вооружилъ противъ Новгорода всякими извѣтами. Въ этомъ затруднительномъ положеніи новгородцы получили неожиданно помощь, откуда менѣе всего могли ожидать ее: костромской князь Василій Ярославичъ Мезинный (меньшой), младшій братъ Я. Я., опасаясь, повидимому, чрезмѣрнаго усиленія Твери, которая, поглотивъ Новгородъ, могла поглотить и Кострому, вдругъ послалъ къ новгородцамъ пословъ съ поклономъ отъ себя: «Кланяюсь св. Софіи и мужамъ новгородцамъ! слышалъ, что Ярославъ, Дмитрій и Глѣбъ идутъ на Новгородъ со всею силою своею. Жаль мнѣ своей вотчины», а самъ поѣхалъ въ орду опровергать извѣты Я. Я. на Новгородъ и ходатайствовать объ отозваніи высланнаго противъ послѣдняго войска. Ходатайство было успѣшно,—татарскій отрядъ ханомъ былъ вороченъ. Съ другой стороны на помощь укрѣпившемуся и поголовно вооружившемуся Новгороду пришли и псковичи, лодожане, вожане, корела, ижора и, по даннымъ Никоновской лѣтописи, даже нѣмцы. Эти внушительныя приготовленія и рѣшимость Новгорода къ отчаянному сопротивленію въ значительной степени умѣрили боевое рвеніе Я. Я., и онъ, узнавъ о приближеніи противниковъ къ Городищу, отступилъ къ Русѣ, откуда послалъ повторить новгородцамъ, что отступается отъ всего, за что тѣ его не «взлюбили». Новгородцы отказались отъ переговоровъ и придвинулись къ Русѣ. Въ теченіе цѣлой недѣли стояли здѣсь другъ противъ друга противники, не рѣшаясь вступить въ бой. Я. Я. заблагоразсудилъ прибѣгнуть къ посредничеству духовной власти; по его просьбѣ, митрополитъ Кириллъ II послалъ новгородцамъ грамоту, въ которой увѣщевалъ ихъ примириться съ княземъ, «иже всей злобы лишается», въ противномъ случаѣ угрожалъ наложеніемъ на Новгородъ запрещенія. Грамота подѣйствовала: новгородцы, а вслѣдъ за ними и Я. Я. пошли на взаимныя уступки; Я. Я. снова былъ признанъ княземъ на новгородскомъ столѣ, но цѣловалъ крестъ на всей новгородской волѣ, что было скрѣплено особою грамотою. Выѣзжая изъ Новгорода, онъ оставилъ тамъ своимъ намѣстникомъ Андрея Воротиславича, а въ Псковѣ посадилъ какого-то литовскаго князя Ай(в)густа. Въ 1271 г. вмѣстѣ съ братовъ Василіемъ и Дмитріемъ Александровичемъ Я. Я. для чего-то ѣздилъ въ орду,—вѣроятнѣе всего судиться съ этими князьями, а на обратномъ пути оттуда 16 октября того же 1271 г. умеръ, незадолго до кончины, по обычаю времени, принявъ схиму съ именемъ *Аѳанасія*. Останки его епископомъ Симеономъ погребены въ Твери, въ церкви св. Косьмы и Даміана.

Ни имя, ни происхожденіе первой супруги Я. Я., убитой татарами послѣ переяславскаго боя, неизвѣстны; отъ нея онъ имѣлъ двоихъ сыновей—*Святослава* (32) и *Михаила-старшаго* (30), отъ брака же съ Ксеніей Юрьевной (Георгіевной) Волховской, которую лѣтописи называютъ премудрою, блаженною, преподобною, святою (см. т. «Кнаппе — Кюхельбекеръ», стр. 511—512), имѣлъ сына *Михаила-младшаго* (31) и двухъ неизвѣстныхъ по имени дочерей, изъ которыхъ одна съ 1282 г. была замужемъ за кн. Юріемъ Волынскимъ, а другая въ 1291 г., будучи дѣвицею, постриглась.

Оцѣнка дѣятельности Я. Я. историками далеко не одинакова. Въ то время какъ С. М. Соловьевъ находитъ, напр., что общія политическія условія въ періодъ княженія Я. Я. какъ нельзя болѣе благопріятствовали усиленію Твери и выступленію ея въ качествѣ средоточивающаго пункта древней Руси, но что этому воспрепятствовалъ недостатокъ твердости князя,—В. С. Борзаковскій, наоборотъ, полагаетъ, что Я. Я. былъ, быть можетъ, даже слишкомъ смѣлъ, успѣшной же дѣятельности его мѣшали именно общія неблагопріятныя обстоятельства и самоограниченіе политическихъ интересовъ предѣлами Тверского княжества, т. е. игнорированіе и недостаточное пониманіе важности интересовъ общерусскихъ. Во всякомъ случаѣ, Я. Я. должно считать одною изъ центральныхъ фигуръ въ исторіи междоусобій Руси второй половины XIII вѣка.

Полное Собраніе Русск. Лѣтопис., т. I, стр. 201—202, 203, 226, 252; т. II, стр. 341, 342; т. III, стр. 55—56, 58—60, 61—62, т. IV стр. 38, 39, 40—41, 180—182; т. V, стр. 187, 188, 190, 192, 193—195, 196 — 198; т. VII, стр. 156, 159, 162,

163, 164, 167—168, 169 — 170, 176, 236; т. XV, стр. 396, 398, 400, 402—403.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 3, 26, 31, 33—34, 35—36, 38—39, 42, 43, 46—48, 49—50, 52—54, 85, 89.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 1, 19, 20, 24, 32 — 33, 35, 38—39, 41—42, 43.—„Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ“, т. I, №№ 1, 2, 3.—„Русско-ливонскіе акты“, № 26.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IV, стр. 46, 56, 59—69, 93; прим. 1, 38, 78, 92, 114, 122, 125, 129, 130, 132, 137, 154, 179, 187, 207, 260.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. I, стр. 839, 844, 845, 846, 847. — И. Д. Бѣляевъ, „Разсказы изъ русской исторіи“, т. II, стр. 367. — Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, IV, p. 108, 109, 207, 208.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 4, 5, 23, 207, 263, 354, 365, 367, 368, 394, 395, 448—456, 639.—В. О. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 68—83 и прилож. № 1, стр. 241—245.—Соколовъ, „Св князь Михаилъ Тверской“, Тверь 1864.—Андреевскій, „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами“, стр. 16. — Калайдовичъ, „Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва, 1821.—Д. Прозоровскій, „Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“, вып. IX., Спб. 1892.—Пассекъ, „Новгородъ самъ въ себѣ“, „Чтенія Общества Исторіи и Древн. Россійск.“, 1869, кн. IV.—Н. А. Рожковъ, „Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вв.“, „Журн. Минист. Народн. Просв.“, 1901, № 4.

39. *Ѳедоръ Александровичъ*, второй сынъ Александра Михайловича (2), начинаетъ упоминаться съ 1327 г., когда въ Твери произошло извѣстное избіеніе татаръ и Александръ Михайловичъ, въ виду приближенія татарскаго карательнаго войска, вмѣстѣ съ Ѳ. А. и другими дѣтьми бѣжалъ сначала во Псковъ, а затѣмъ въ Литву. Когда Александръ Михайловичъ, послѣ долгихъ скитаній по чужимъ землямъ, задумалъ возвратить себѣ Тверское княжество, съ ходатайствомъ объ этомъ къ хану въ 1335 г. онъ послалъ Ѳ. А. Послѣдній изъ орды, въ сопровожденіи татарскаго посла Авдула, возвратился прямо въ Тверь, откуда и далъ знать въ Псковъ отцу, что ханъ готовъ сложить гнѣвъ на милость, если опальный тверской князь лично явится въ орду и принесетъ повинную. Какъ извѣстно, Александръ Михайловичъ, съѣздивъ въ орду, дѣйствительно былъ прощенъ ханомъ и снова получилъ ярлыкъ на великокняжескій тверской столъ, изъ чего должно заключить, что ходатайствовавшій Ѳ. А. былъ одаренъ большими, говоря современнымъ языкомъ, дипломатическими способностями. Подтверждается это и дальнѣйшими событіями: какъ только Александръ Михайловичъ попадалъ въ затруднительное положеніе, такъ или иначе разрѣшить которое зависѣло отъ хана, съ ходатайствомъ къ послѣднему онъ всегда посылалъ Ѳ. А., а если ѣздилъ самъ, то неизмѣнно все же бралъ и сына. Такъ, когда у тверского князя въ 1337 г. началась вражда съ Москвою, Ѳ. А. вновь ѣздилъ съ хлопотами въ орду, а въ 1339 г. туда же сопровождалъ отца, вызваннаго ханскимъ посломъ. Ѳ. А. поѣхалъ въ орду даже нѣсколько раньше, чтобы разузнать о положеніи дѣлъ. Противъ вліянія въ ордѣ могущественнаго московскаго князя Ивана Калиты, съ которымъ у тверского великаго князя и былъ споръ, Ѳ. А. ничего не могъ сдѣлать, почему далъ знать, что дѣла идутъ плохо, и что ему грозитъ опасность. Александръ Михайловичъ тѣмъ не менѣе не внялъ предостереженіямъ сына и поѣхалъ въ орду, гдѣ вскорѣ выяснилось, что опасенія Ѳ. А. были не напрасны. Жизнь его закончилась трагически: онъ раздѣлилъ судьбу отца—вмѣстѣ съ нимъ 28 октября 1339 г. былъ въ ордѣ казненъ. Тѣла ихъ погребены были въ церкви Спаса-Преображенія. Потомства Ѳ. А. не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., III, стр. 78—79; т. IV, стр. 53—54, 186; т. V, стр. 220—222; т. VII, стр. 204—205; т. XV, стр. 418—420.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 162, 164—170.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 136 — 142. — Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 140, 143; прим. 299, 306.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществен. Польза“, кн. I, стр. 913, 922.—С. В. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 127—128, 257—259.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 474—475, 640.

40. *Ѳедоръ Михайловичъ*, шестой и младшій сынъ Михаила Александровича (26), см. *Микулинскіе князья*.

II. Тверскія княгини.

41. *Анна Дмитріевна* — супруга Михаила Ярославича (31), дочь Дмитрія Борисовича Ростовскаго; годъ рожденія ея неизвѣстенъ, замужъ же за Михаила Ярославича вышла 8 ноября 1294 г. А. Щекатовъ въ своемъ «Географическомъ словарѣ» полагаетъ, что вмѣстѣ съ рукою А. Д. къ Михаилу Ярославичу, какъ бы въ видѣ приданаго, перешелъ Кашинъ, но это невѣрно, ибо ужъ подъ 1288 г. Кашинъ упо-

минается въ числѣ тверскихъ городовъ. Во всякомъ случаѣ, бракъ этотъ былъ заключенъ съ политическими разсчетами, разсчетами тверского князя путемъ родственныхъ связей обезпечить для себя въ трудныхъ обстоятельствахъ поддержку Ростова. Въ 1318 г. А. Д. провожала своего мужа до р. Нерли, когда тотъ въ послѣдній разъ ѣздилъ въ орду. Позже А. Д. постриглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ съ именемъ *Софіи*. Обычно принимается, что постриженіе произошло вскорѣ послѣ трагической смерти Михаила Ярославича въ ордѣ и даже вызвано было этимъ событіемъ, но справедливость такого предположенія опровергается лѣтописными данными, согласно которымъ она еще въ 1327 г. жила въ мірѣ; въ этомъ году произошло въ Твери извѣстное избіеніе татарскаго посла-вельможи Шевкала (Щелкана), на что ханъ отвѣчалъ посылкою карательнаго отряда, изъ страха передъ которымъ тверскіе князья бѣжали во Псковъ, причемъ въ числѣ бѣжавшихъ лѣтопись упоминаетъ и А. Д., называя ее великой княгиней и не оговариваясь объ ея иноческомъ имени. Только подъ 1357 г. встрѣчается извѣстіе, изъ котораго опредѣленно можно заключить, что къ этому времени она была въ монастырѣ: «У кн. Михаила Александровича Тверскаго, внука Михаилова, правнука Ярослава, преставись сынъ Александръ у бабы своея, у вел. кн. Софьи въ Софѣйскомъ монастырѣ». Скончалась А. Д. въ 1367 г. Послѣдніе годы своей жизни она жила попеременно то въ Твери, то въ Кашинѣ, удѣлѣ меньшаго сына своего Василія,—и въ Кашинѣ, кажется, и скончалась, почему составленное въ XVII в. житіе А. Д. называетъ ее «благовѣрной княгиней Анной *Кашинской*, во иночествѣ Софіей». Впослѣдствіи, (12 іюня 1650 г.) состоялось прославленіе княгини-инокини, и останки ея, обрѣтенные нетлѣнными, были перенесены ростовскимъ митрополитомъ Варлаамомъ, въ присутствіи царя Алексѣя Михаиловича и патріарха Іосифа, изъ Успенской церкви Кашина въ Воскресенскій соборный храмъ того же города. Въ 1667 г. возникъ вопросъ о канонизаціи княгини, но сопричисленіе къ лику святыхъ по разнымъ причинамъ (въ томъ числѣ обнаруженное двоеперстіе княгини) пришлось отложить «до подлиннаго извѣщенія, егда еще впредь Богъ объявитъ и утвердитъ». Рака княгини была запечатана, изображенія ея на иконахъ, служба и житіе отобраны и спрятаны, пѣніе молебновъ воспрещено, храмъ, созданный во имя ея въ Кашинѣ, освященъ вновь во имя Всѣхъ Святыхъ. Съ тѣхъ поръ останки княгини почивали подъ спудомъ до 12 іюня 1909 г., когда состоялось ея воспрославленіе.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 228, 230; т. III. стр. 65—66,74; т. IV, стр. 44, 51, 183, 185, т. V, стр. 202; т. VII, стр. 180—181, 200; т. XV, стр. 406—407.—Никон. лѣт., т. III, стр. 210; т. IV, стр. 20.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 185.—Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской, рукопись XVII в., приписываемая свящ. Василію (находится въ Московск. Патріаршей библіотекѣ, № 622); напечатана: „Житіе и подвиги св. благов. вел. кн. Анны Кашинской“ (народное изданіе), Москва 1909, и „Житіе благов. вел. кн. Анны Кашинской“, съ предисл. Ан. Титова, Ростовъ 1909.—Рукопись житія въ библіотекѣ Академіи Наукъ, № 31. 6. 34; напечатана іером. Іоакимомъ: „Житіе св. благ. вел. кн. Анны Кашинской“, Москва 1909.—„Соборное дѣяніе о блаженной княгинѣ Аннѣ“, находится въ Московской Синодальной библіотекѣ, въ сборникѣ № 684, лл. 381—415; напечатано Костомаровымъ въ его ст. „Церковноисторическая критика въ XVII в.“, „Вѣстн. Евр.“, 1870, апр.—Дмитріевъ, „По поводу статьи Костомарова—Церковно-историч. критика въ XVII в.“, „Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1871, № 4; тамъ же (1872, № 1) напечатано въ полномъ видѣ упомянутое „Соборное дѣяніе“.—Филимоновъ, „О серебряномъ образѣ княгини Анны Кашинской“, тамъ же, 1872, № 1.—Гр. Толстой, „Разсказы изъ русской исторіи“, т. II, изд. 2-е, 1870, стр. 48.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 113—114.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣверн. Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 30, 459, 467, 473, 476, 523.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 113, 121; прим. 248, 308.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. товар. „Общ. Польза“, кн. III, стр. 874; прим. 3.—Е. Е. Голубинскій, „Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви“, Москва 1903, стр. 130—170.—В. О. Ключевскій, „Древне-русскія житія святыхъ“, стр. 340 и слѣд.

42. *Евдокія Константиновна*, жена Михаила Александровича (26), дочь Константина Васильевича кн. суздальскаго,—послѣднее, впрочемъ, лишь предположительно: одни историки и нѣкоторыя родословныя даютъ ей указанное отчество, другіе же считаютъ ее извѣстной только по имени. Свѣдѣнія о ней очень скудны. По хронологическимъ соображеніямъ можно думать, что замужъ за тверского князя она вышла въ 1351 или 1352 г., а единственное лѣтописное упоминаніе о ней, относящееся къ

1400 г., даетъ основаніе заключить, что умерла она въ глубокой старости. Въ этомъ году младшій сынъ Е. К., Василій Михайловичъ кн. кашинскій, обратился къ ней съ жалобой на своего старшаго брата Ивана Михайловича, который, сдѣлавшись великимъ княземъ тверскимъ, сталъ усиленно тѣснить удѣльныхъ князей. Стремясь сохранить между своими дѣтьми миръ, Е. К. послала своихъ бояръ къ Ивану Михайловичу съ порученіемъ сказать ему, что онъ «не по грамотѣ отца ходитъ», т. е. не исполняетъ мирныхъ завѣтовъ, преподанныхъ дѣтямъ Михаиломъ Александровичемъ передъ смертью. Вмѣстѣ съ этимъ Е. К. просила сына, чтобы онъ «пожаловалъ, велѣлъ бы своимъ боярамъ крестное цѣлованіе держать по грамотѣ... отца», но, видно, она плохо знала характеръ своего сына, на котораго можно было повліять только лестью. Заступничество Е. К. не только не достигло успѣха, но имѣло совершенно обратные результаты. Иванъ Михайловичъ напоминаніе ему о долгѣ счелъ дерзостью, сталъ еще болѣе тѣснить своихъ младшихъ братьевъ и даже противъ Е. К. началъ «враждовать, держать нелюбье».

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 467—468.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 297—299.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 401—403.—Карамзинъ, „Истор. гос. Рос.“, т. V, прим. 186, 254.—С. М. Соловьевъ, „Истор. Россіи“, изд. тов. „Общ. Польза“. кн. I, стр. 1025, 1026.—С. В. Борзаковскій, „Истор. Тверскаго княжества“, стр. 178—А. В. Экземплярскій, „Велик. и уд. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 482, 497, 498, 533, 544, 551, 643.

Марія Гедиминовна, жена Дмитрія Михаиловича (16), дочь великаго князя литовскаго Гедимина. О ней извѣстно лишь, что въ замужествѣ за тверскимъ княземъ она была съ 1320 г. и въ 1349 г. скончалась, дѣтей не оставивъ.

Полное Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 414, 467.—Никон. лѣт., т. III, стр. 124,192.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 109, 169.—В. С. Борзаковскій, „Истор. Тверск. княжества“, стр. 118.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и уд. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 469, 471.

44. *Марія Кейстутьевна*, княжна литовская, первая супруга Ивана Михайловича (22), родная сестра вел. кн. литовскаго Витовта, замужемъ съ конца 1375 г. Бракъ Ивана Михайловича съ М. К. былъ заключенъ по желанію отца перваго, вел. кн. тверского Михаила Александровича (26), который имѣлъ въ виду тѣмъ самымъ укрѣпить союзъ между Тверью и Литвою, но разсчеты эти на первое время не оправдались, ибо въ Литвѣ вскорѣ преобладающее значеніе пріобрѣла партія, враждебная дому, изъ котораго происходила М. К., и ея отецъ въ 1382 г. былъ убитъ; только съ вокняженіемъ Витовта Тверь снова возобновила дружескія связи съ Литвою. Витовтъ относился къ браку своей сестры съ тверскимъ княземъ очень дружелюбно и въ 1398 г., напр., весьма торжественно принималъ у себя супружескую чету. Имя Маріи М. К. получила при крещеніи, связанномъ съ замужествомъ и совершенномъ тверскимъ владыкой Евфиміемъ, первоначальное же имя ея было *Микловса*. Скончалась М. К. въ 1404 г., незадолго до смерти принявъ иночество съ именемъ *Маѳы*.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VIII, стр. 71; т. XV, стр. 435, 443, 457.—Никоновск. лѣт., т. IV, стр. 46, 156, 269.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 237, 313, 385.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, Спб. 1889.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 93; прим. 137,183,254.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. тов. „Общ. Польза“, кн. I, стр. 970.—Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, V, pp. 214, 290, 299.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 164, прим. 749—752.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 494, 496, 504, 553.

Софія Семеновна, первая жена михаила Борисовича (27), замужемъ за которымъ была съ 1471 г.,—дочь кіевскаго князя Семена Олельковича. Если добавить еще, что по Тверской лѣтописи она скончалась 7 февраля 1483 г., а по Татищевскому своду—2 апрѣля того же года, то этимъ исчерпываются всѣ сохранившіяся о ней свѣдѣнія.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI стр. 497.—Татищ. сводъ, т. V, стр. 88.—Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, стр. 234, пр. 1—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверск. княжества“, прим. 962.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и уд. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 513, 514.

44. *Ульяна Александровна*, дочь Александра Михайловича (2), вторая жена велик. кн. литовскаго Ольгерда, род. въ 1331 г., замужъ вышла въ 1348 г. Бракъ этотъ состоялся съ разрѣшенія московскаго князя Симеона Гордаго, которому У. А. доводилась свояченицей и который въ то время пользовался значительнымъ вліяніемъ на тверскія дѣла. Въ Литву У. А. сопровождала ея мать, вел. кн. Настасья, использовавшая свою поѣздку для упроченія союза между ея сыномъ Всеволодомъ и

Ольгердомъ. О жизни У. А. въ Литвѣ сохранились слѣдующія свѣдѣнія: княгиня рѣдко выѣзжала изъ дому, всецѣло посвятивъ себя воспитанію своихъ дѣтей и занимаясь рукодѣліемъ; работы, выходившія изъ ея рукъ и рукъ окружавшихъ ее придворныхъ дамъ, были рѣдкаго совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ У. А. имѣла, повидимому, значительное вліяніе на своего мужа, что подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ 1370 г. братъ ея, Михаилъ Александровичъ, споря съ Дмитріемъ Донскимъ о владимірскомъ великомъ княженіи, дважды обращался за помощью къ Литвѣ, первый разъ непосредственно къ Ольгерду, причемъ получилъ отказъ, а второй разъ черезъ У. А., которую просилъ повліять на мужа въ желаемомъ смыслѣ; ходатайство за брата имѣло полный успѣхъ: Ольгердъ, вмѣстѣ съ братомъ Кейстутомъ и другими литовскими князьями, поднялся на Москву. Есть и другое извѣстіе, подтверждающее ея вліяніе на мужа: будучи сама очень набожной, она убѣдила Ольгерда передъ смертью принять крещеніе и даже облечься въ схиму. Скончалась У. А. въ 1391 г., незадолго передъ смертью постригшись съ именемъ *Маріны*.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 215; т. XV, стр. 446.—Никоновск. лѣт., т. III, стр. 192—193; т. IV, стр. 25—26, 202.—Татищевск. сводъ, т. V, стр. 169, 365.—„Pomniki do dziejow Litewskich", изд. Нарбутта, 1846, стр. 22.—Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego", t. V, p. 237.—Преосв. Макарій, „Истор. русск. церкви", т. IV, стр. 133.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.", изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 165; прим. 351; т. V, стр. 29, 89, прим. 50, 71, 254.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. тов. „Общ. Польза", кн. II, стр. 1392.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества", Спб. 1876, стр. 134—135, 149; прим. 606.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльн. князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 476, 481, 489, 543.

Тверской, *Николай Михайловичъ*, академикъ исторической живописи, сынъ художника, служившаго при академіи гувернеромъ, родился въ Петербургѣ 3 мая 1804 г. Въ маѣ 1813 г. принятъ въ воспитанники академіи; въ 1820 г. еще въ ученикахъ награжденъ малою серебряною медалью за рисунки съ натуры и въ 1822 г. серебряною же большою. За картину «Христосъ въ вертоградѣ или явленіе Спасителя двумъ Маріямъ по воскресеніи» награжденъ обществомъ поощренія художниковъ въ 1824 г. золотою медалью. За недостаткомъ средствъ Т. не могъ кончить курса и въ 1823 г. вышелъ изъ академіи. Въ 1827 г. онъ былъ признанъ назначеннымъ въ академики за портретъ во весь ростъ императора Николая I. Покровительствовавшее ему общество поощренія художниковъ отправило его за свой счетъ за границу для усовершенствованія. Т. поселился въ Римѣ и здѣсь по заказу, сдѣланному ему въ 1833 г. академіей художествъ, исполнилъ копію съ «Авроры», написанной альфреско картины Рени, украшающей плафонъ садоваго павильона при палаццо Роспильози въ Римѣ. Званіе академика Т. получилъ за картину, исполненную имъ по заданной ему академіей темѣ: «Тезей по указанію матери подымаетъ камень, подъ коимъ сокрыто оружіе отца его». Умеръ Т. 7 октября 1848 г.

А. Сомовъ, „Каталогъ картинной галлереи Имп. академіи художествъ", Спб. 1872, вып. II, стр. 43 и 187.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Петербургской академіи художествъ за 100 лѣтъ", Спб. 1864—1865, т. I, стр. 52, 132, 148, 167, 217, 222, 236, 251, 296, 336; т. II, стр. 191—192, 196.—Д. И. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб. 1889, т. II, стр. 600, прилож. стр. 741.

Твороговъ, *Иванъ*, елецкій казакъ, участникъ пугачевскаго бунта. Кн. А. Вяземскій въ своемъ донесеніи лифляндскому генералъ-губернатору Юрію Юрьевичу Броуну отзывается о немъ, какъ о «первомъ во всѣхъ чинимыхъ Пугачевымъ злодѣйствахъ способникѣ». Однако онъ вмѣстѣ съ Чумаковымъ, Коноваловымъ и нѣкоторыми другими пугачевцами за то, что, «внявъ гласу и угрызенію совѣсти и сочувствуя тяжесть беззаконій своихъ, не только пришли сами съ повинною, но и виновника пагубы, Пугачева, связавъ, предали себя и самого злодѣя и самозванца законной власти и правосудію», помилованъ 9-мъ пунктомъ «сентенціи 1775 г. января 10 о наказаніи смертною казнію измѣнника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщниковъ». Въ числѣ 25 человѣкъ, ставшихъ раньше на сторону Пугачева, но впослѣдствіи раскаявшихся и тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовавшихъ властямъ въ подавленіи мятежа, Т. былъ высланъ въ Лифляндію, признанную страной, гдѣ—среди инородческаго и иновѣрческаго населенія—ихъ «буйство» и безпокойный нравъ могли остаться безъ вредныхъ по-

слѣдствій. Прибывъ въ Лифляндію, Т. подалъ прошеніе гр. Броуну отъ своего и товарищей имени о переводѣ ихъ—вслѣдствіе ихъ прежнихъ земледѣльческихъ занятій—въ Кіевскую губернію или хотя бы въ рѣчной городъ Лифляндской губ., гдѣ бы они могли заниматься рыболовствомъ. Т. съ нѣкоторыми другими былъ поселенъ въ г. Перновѣ. Въ 1804 г. императоръ Александръ I повелѣлъ, вслѣдствіе прошенія казака Семена Фофанова объ освобожденіи его отца, бывшаго участника мятежа,—узнать, «какого перновскіе переведенцы поведенія» и желаютъ ли они вернуться на родину. Мѣстныя власти дали о Т. благопріятный отзывъ, и ему было разрѣшено вернуться на родину. Но онъ отказался уѣзжать изъ Лифляндіи и выхлопоталъ себѣ у Буксгевдена право свободнаго передвиженія по губерніи. Умеръ въ Перновѣ около 1804 г.

Тебеньковъ, *Михаилъ Дмитріевичъ*, вице-адмиралъ, гидрографъ, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1821 г. Ближайшіе годы служилъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота, затѣмъ (1824 г.) завѣдывалъ работами вблизи Нарвы по заготовленію лѣса для постройки судовъ. Въ январѣ 1825 г. поступилъ на службу Россійско-Американской компаніи и въ теченіе послѣдующихъ 1826—34 годовъ послѣдовательно командовалъ компанейскими бригами «Головнинъ», «Рюрикъ», «Чичаговъ» и шлюпомъ «Урупъ». 1835 годъ прослужилъ въ главномъ управленіи компаніи въ Петербургѣ, а затѣмъ командовалъ корветомъ «Елена» вплоть до 1840 г., когда съ чиномъ капитанъ-лейтенанта вышелъ изъ службы компаніи, поступилъ въ министерство народнаго просвѣщенія и былъ назначенъ инспекторомъ студентовъ Харьковскаго университета съ переименованіемъ въ коллежскіе ассесоры. Въ январѣ 1844 г. вновь поступилъ на морскую службу и былъ назначенъ главнымъ правителемъ русскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ (впослѣдствіи проданныхъ Соединеннымъ Штатамъ) съ производствомъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1846 г. имъ по предложенію правительства и на казенный счетъ была снаряжена экспедиція для обслѣдованія судоходства устья Амура. Экспедиція пришла къ заключенію, что сѣверная часть Амурскаго лимана доступна лишь для небольшихъ парусныхъ судовъ, для судовъ же глубокосидящихъ доступъ въ устье исключается; основываясь на этомъ заключеніи, правительство остановилось на положеніи, что «напрасно хлопотать объ Амурѣ, когда дознано, что въ него могутъ входить только однѣ шлюпки»,—и этотъ невѣрный взглядъ продержался до 1849 г., когда Амурская экспедиція пришла къ другимъ выводамъ. Въ августѣ 1849 г. Т. получилъ чинъ капитана 1-го ранга. Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ состоять по флоту и ближайшее время употребилъ на составленіе по собраннымъ имъ за время службы матеріаламъ атласа сѣверо-западныхъ береговъ Америки и Алеутскихъ острововъ, за который ему государемъ былъ пожалованъ брилліантовый перстень и шведскимъ королемъ орденъ Меча. Въ 1853 г. назначенъ членомъ комиссіи по составленію морскихъ уложеній и слѣдующій годъ, будучи командиромъ 1-й бригады шхерной гребной флотиліи, работалъ по сооруженію укрѣпленій Роченсальма. Въ мартѣ 1855 г. назначенъ капитаномъ надъ Петербургскимъ портомъ, а вскорѣ послѣ этого и бригаднымъ командиромъ рабочихъ экипажей, расположенныхъ въ Петербургѣ, въ каковыхъ должностяхъ состоялъ до 1859 г., когда былъ зачисленъ по резервному флоту. 5 сентября 1860 г. произведенъ въ вице-адмиралы (контръ-адмиралъ съ 1855 г.) и уволенъ отъ службы. Скончался 3 апрѣля 1872 г.

„Общій морской списокъ“, т. VIII, Спб. 1894, стр. 293—295.—Г. Н. Геннади, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ 1872 г.“, „Русскій Архивъ“, 1874, № 12, стр. 1122.—„Отчетъ Императорск. Русскаго Географич. Общества“ за 1872 г., составленный гр. К. Ф. Литке, Спб. 1873.—С. В. Максимовъ, „Годъ на Востокѣ“, отд. изданіе, стр. 326; въ „Полномъ собраніи сочиненій“, изд. т-ва „Просвѣщеніе“, стр. 362—363.

Тебеньковъ, *Яковъ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился въ 1781 г. и по окончаніи курса въ Шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ выпущенъ (1799) подпоручикомъ въ артиллерію. Принявъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона въ теченіе 1805—1811 г., Т. вернулся въ Россію уже по вторженіи Наполеона и поступилъ въ корпусъ генералъ-адъютанта Винцингероде, который имѣлъ назначені-

емъ прикрывать Смоленскъ. Постепенно подвигаясь по іерархической лѣстницѣ, онъ въ 1828 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ конно-артиллерійской дивизіи, съ которой принялъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія 1830—1831 гг. Въ 1836 г. онъ покинулъ строевую службу, будучи назначенъ командиромъ Казанскаго порохового завода, гдѣ ввелъ много улучшеній какъ въ смыслѣ внѣшняго благоустройства, такъ равно и въ способахъ выдѣлки пороха: возвелъ много новыхъ казенныхъ зданій, привелъ въ порядокъ солдатскіе дома, улучшилъ бытъ нижнихъ чиновъ, ввелъ системы зернильную и бочешную для размельченія и смѣшиванія сѣры съ углемъ, вскорѣ улучшилъ эти системы, ввелъ зернильную коннодѣйствующую машину и принялъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы обезопасить производство. Въ 1845 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и 13 марта 1847 г. скончался. За свою службу получилъ рядъ Высочайшихъ благоволеній,—первое изъ нихъ въ 1811 г. за приведеніе въ образцовый порядокъ конно-артиллерійской № 20 роты, и неоднократныя денежныя и земельныя награды.

„Казанскія Губернскія Вѣдомости“, 1847 № 12, стр. 102 (некролог.). — Н. Баженовъ „Воспоминаніе о генералъ-лейтенантѣ Я. П. Тебеньковѣ“, „Казанскія Губернскія Вѣдомости“, 1847, № 17, стр. 219.

Тебякинъ, *Владиміръ Александровичъ*, родился въ 1825 г., образованіе получилъ въ Дворянскомъ полку, откуда выпущенъ въ 1844 г. унтеръ-офицеромъ въ Таврическій гренадерскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ офицеры; дослужившись до чина полковника (1864), въ 1872 г. былъ назначенъ командиромъ 64-го пѣхотнаго Казанскаго полка, съ которымъ и выступилъ въ походъ 1877 г.; вскорѣ за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады въ той же 16-й пѣхотной дивизіи. 30 августа во время боя подъ Плевной, при отраженіи турецкой атаки со стороны редута Багларъ-баши, были выведены въ подкрѣпленіе сражавшимся войска изъ Скобелевскаго редута № 1, въ командованіе раіономъ которыхъ вступилъ начальникъ 3-й стрѣлковой бригады генералъ-маіоръ Добровольскій; онъ былъ скоро смертельно раненъ, и его замѣнилъ Т. 31 числа кровавый бой продолжался; турки поражали редутъ № 1 не только со стороны Багларъ-баши, но и въ тылъ изъ-за Тученицкаго оврага. Вскорѣ третья часть артиллерійской прислуги выбыла изъ строя, и, наконецъ, одна граната срѣзала гребень траверса, ударила въ зарядный ящикъ и взорвала его, причемъ Т. былъ контуженъ и обожженъ; вслѣдъ затѣмъ другой гранатой онъ былъ убитъ.

„Ежегодникъ Русской арміи“, 1878, стр. 93.—„Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканскомъ полуостровѣ“, изданіе Военно-Исторической комиссіи Главнаго Штаба, т. V, стр. 207, 222, 246 и 247.—„Иллюстрированная хроника войны“, приложеніе къ № 468 „Всемірной Иллюстраціи“, № 49, стр. 390.—„Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ“, изданіе Военно-Исторической комиссіи Главнаго Штаба, выпускъ XIII, ч. 1, стр. 14.

М. П.

Теглевъ, *Алексѣй Васильевичъ*, генералъ-маіоръ; образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1808 г. гардемариномъ и затѣмъ въ теченіе ближайшихъ 1809—1819 гг. на различныхъ судахъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и его заливахъ. Въ 1814 г. онъ былъ назначенъ командиромъ транспорта «Генигкейгъ», который 14 іюня того же года потерпѣлъ крушеніе у острова Большого Тютерса въ Финскомъ заливѣ; наряженное по этому поводу слѣдствіе выяснило, что катастрофа явилась слѣдствіемъ ряда неотвратимыхъ причинъ, и Т. въ качествѣ командира судна былъ признанъ невиновнымъ. Получивъ затѣмъ въ командованіе новый транспортъ «Каледонія», Т. въ 1815 г. на немъ совершилъ плаваніе въ Нѣмецкое море, гдѣ неоднократно бывалъ и въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ на фрегатахъ «Аргусъ» и «Легкій» и корабляхъ «Не тронь меня» и «Ростиславъ» Въ 1819 г. онъ былъ командированъ въ Архангельскъ, гдѣ прослужилъ до 1822 г., когда возвратился въ Кронштадтъ и получилъ назначеніе въ офицерскую команду корвета «Фершампенаузъ», а нѣсколько позже, въ 1823—1824 гг., состоя на шлюпѣ «Свирь», принималъ дѣятельное участіе въ описи южныхъ береговъ Финскаго залива. Въ чинѣ капитанъ-лейтенанта (съ 30 декабря 1826 г.) Т. нѣсколько лѣтъ на кораблѣ «Св. Георгій Побѣдоносецъ» крейсировалъ у Красной Горки, перевозилъ дессанты изъ Кронштадта въ Либаву,

совершалъ кампаніи въ Балтійскомъ и въ сосѣднихъ съ нимъ моряхъ и пр. Произведенный въ капитаны 2-го ранга, онъ въ 1838 г. былъ назначенъ смотрителемъ зданій главнаго интендантства и въ этой должности, съ 6 декабря 1841 г. будучи уже капитаномъ 1-го ранга, прослужилъ до 8 апрѣля 1851 г., когда по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генералъ-маіоры и вскорѣ послѣ этого скончался.

„Общій морской списокъ", ч. VIII, Спб. 1894, стр. 270—271.—Ѳ. Ф. Веселаго „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ его существованія", Спб. 1852.

Тейльсъ (де), *Андрей Дмитріевичъ*, составилъ «Ручную библіотеку для людей, употребительную по русскому сельскому хозяйству и по части домоводства» (1838, 7 книжекъ), и помѣстилъ въ «Запискахъ для Чтенія» статью о «Земледѣліи въ Россіи» (1869, №№ 1—3). Т. служилъ нѣкоторое время въ гвардіи, а въ 1830 г. исполнялъ обязанности одоевскаго уѣзднаго судьи. Позже онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ. Послѣ него осталось много рукописныхъ мистически-масонскихъ трактатовъ, а также семейныя записки о его предкахъ. Судя по бумагамъ Т., онъ принятъ былъ въ ученическую степень одной изъ масонскихъ ложъ. Умеръ Т. въ Тулѣ въ 1870 г.

С. Петровскій, „Изъ записокъ Тейльса", „Историческій Вѣстникъ", 1886, ноябрь, стр. 397.—Систематическій реестръ русскимъ книгамъ за 1831—1846 годы", изд. М. Д. Ольхина, Спб. 1846, стр. 245, № 6324.—„Каталогъ журнальныхъ статей домашней библіотеки бр. Таланцевыхъ", стр. 299.—С. В. Ельшевскій, „Московскіе масоны 80-хъ годовъ прошедшаго (XVIII) столѣтія", „Историч. Вѣстникъ", 1865, № 3, стр. 50.

Тейльсъ (де), *Антонъ Антоновичъ*, вице-директоръ Московскаго университета, сынъ слѣдующаго, родился въ 1733 г. Вступивъ въ службу въ 1744 г., произведенъ былъ 1 марта 1752 г. изъ сержантовъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса въ поручики, а 25 декабря 1755 г.—изъ поручиковъ въ капитаны. Перейдя затѣмъ изъ военной службы въ статскую съ чиномъ коллежскаго ассесора (15 февраля 1761 г.), онъ съ 1766 г. состоялъ ассесоромъ конференціи Московскаго университета, службу въ которомъ продолжалъ и въ послѣдующіе годы. Такъ, въ 1769 г. онъ управлялъ конференціею университета, а въ 1770—1771 гг., вслѣдствіе назначенія директора университета М. М. Краснова вице-президентомъ бергъ-коллегіи, занималъ его должность, будучи въ то же время совѣтникомъ канцеляріи университета. Послѣдніе годы своей службы Т. состоялъ въ чинѣ статскаго совѣтника и былъ вице-директоромъ университета; отъ должности былъ уволенъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника 25 сентября 1798 г. Умеръ между 1811 и 1818 годами.

Въ литературѣ имя Т. впервые появилось въ 1779 г., когда имъ печатался переводъ «Мнѣній Паскаля» въ «Утреннемъ Свѣтѣ» (части VI и VII). Затѣмъ изъ другихъ его сочиненій и переводовъ намъ извѣстны слѣдующіе: «Описаніе совершеннаго строенія мѫльницъ», сочиненіе г. Штурма, переводъ съ нѣмецкаго, съ фигурами (1-е изданіе Москва 1782, 2-е Москва 1800); «Чувствованія благотвореній. Драма съ балетомъ, сочиненная въ Твери г. Тейльсомъ и въ Высочайшемъ присутствіи въ проѣздъ изъ Москвы 1787 года, іюля 9 дня, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича представленная питомицами Тверскаго Дворянскаго училища» (Москва 1787; вѣроятнѣе, что это сочиненіе принадлежитъ Игнатію Антоновичу Тейльсу, хотя въ «Росписи» Сопикова авторомъ ея названъ Антонъ Антоновичъ Т.); «Извѣстія, служащія къ исторіи Карла XII, короля Шведскаго», съ портретомъ, переводъ съ французскаго (2 части, Москва 1789); «Надпись Карлу XII», стихи (въ «Иппокренѣ» 1799, ч. II, стр. 286); «Его Превосходительству Ѳ. Ѳ. А.», стихи (тамъ же, ч. II, стр. 303); «Къ чижу прекрасной Лизы», стихи (въ «Новостяхъ» 1799, іюль, стр. 216); «Къ Юліи», стихи (тамъ же, стр. 219); «Стихи къ К....» («въ Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1805, ч. VIII, стр. 163); «Эпистола», стихи (въ «Сѣверномъ Меркуріи» 1811, ч. IX, стр. 208); «Къ Клименѣ», стихи (тамъ же, 1811, ч. X, стр. 42—43); «Къ мудрецамъ», стихи (тамъ же, ч. X, стр. 43—44); «Анакреонтическая пѣснь» (тамъ же, ч. X, стр. 63—64); «Къ Крт. Бзс.» (тамъ же, ч. X, стр. 64); «Пѣсни изъ Галатеи» (тамъ же, ч. X, стр. 76—79); «Къ цинніи» (тамъ же, ч. X, стр. 108—109);

«Гимнъ Купидону» (тамъ же, ч. X, стр. 110—112).

Дѣло архива департамента герольдіи правительствующаго сената о дворянствѣ рода де-Тейльсъ.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, Спб. 1874 (по указателю).—Ст. Шевыревъ, „Исторія Императорскаго Московскаго университета“, Москва 1855, стр. 146, 164, 171, 178.—„Сенатскій Архивъ“, т. I, Спб. 1888, стр. 442.—„Русскій Архивъ“, 1874, стр. 1324; 1876 г., ч. III, стр. 29.—Н. Петровскій, „Библіографическія замѣтки о русскихъ журналахъ XVIII вѣка“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1898, № 1, стр. 100.—„Драматическій словарь“, Москва 1787; изданіе 2-е, Спб. 1881, стр. 153—157.—Списокъ чинамъ 1773 г.—Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 63.—Сопиковъ, №№ 3472, 4428, 7728, 7729.—„Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1871, кн. III, стр. 47—48.

Вад. Модзалевскій.

Тейльсъ (де), *Антонъ Вильгельмовичъ*, докторъ медицины, штатъ-физикъ Московской медицинской конторы, родился въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его, голландскій подданный, служилъ при голландскомъ посольствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ различныя дипломатическія порученія и для русскаго правительства, а послѣ неудачнаго Прутскаго похода способствовалъ примиренію Россіи съ Турціей. По словамъ В. Рихтера, Вильгельмъ де-Тейльсъ служилъ при русскомъ посланникѣ въ Константинополѣ, баронѣ Шафировѣ, переводчикомъ. За услуги, оказанныя Россіи, Петръ Великій приглашалъ Вильгельма де-Тейльса на русскую службу, но послѣдній, проникнутый республиканскими взглядами, счелъ невозможнымъ для себя поступить на службу къ неограниченному монарху. Вмѣсто себя онъ послалъ въ Россію своего сына Антона. Послѣдній обучался медицинѣ въ Падуанскомъ университетѣ, который окончилъ со степенью доктора философіи и медицины. Нѣкоторое время служилъ врачомъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Въ 1714 г. онъ, слѣдуя приглашенію, поѣхалъ въ Москву, снабженный рекомендательнымъ письмомъ барона Шафирова къ государственному канцлеру князю Г. И. Головкину. По пріѣздѣ Т. опредѣленъ былъ въ Московскую Главную или Верхнюю аптеку докторомъ. Въ этой должности пробылъ около 12 лѣтъ, послѣ чего 22 декабря 1726 г. назначенъ былъ докторомъ въ Низовый корпусъ, но не успѣлъ доѣхать до мѣста назначенія, какъ былъ уволенъ, а 11 августа 1727 г. опять опредѣленъ былъ на старую должность. По смерти Бидлоо Т. въ маѣ 1735 г. назначенъ былъ главнымъ врачомъ въ Московскій госпиталь на р. Яузѣ, но дѣло велъ, по словамъ Я. Чистовича, плохо. Къ тому же онъ жестоко обращался съ учениками хирургической школы при госпиталѣ; напр., сейчасъ послѣ своего назначенія Т., пріѣхавъ въ госпиталь, наказалъ будто бы за пьянство батогами нѣсколькихъ учениковъ, а семерыхъ велѣлъ заковать въ кандалы и отправить для наказанія въ коллегію экономіи. Плохое управленіе госпиталемъ вызвало недовольство архіятера Фишера, и послѣдній сталъ постоянно назначать Т. въ командировки. Такъ, при отправленіи русскихъ полномочныхъ пословъ въ мартѣ 1737 г. для заключенія мира съ Турціей, Т., какъ знающему турецкій языкъ, поручено было сопровождать ихъ. Въ 1738 г. онъ командированъ былъ въ Немировъ для прекращенія и леченія чумы въ войскахъ на Украйнѣ; въ томъ же году назначенъ былъ фельдъ-медикомъ при арміи Миниха. За это время управленіе госпиталемъ передано было Л. Блюментросту, а въ 1740 г. Т. отставленъ былъ отъ занимаемой должности. Въ 1748 г. онъ назначенъ былъ штатъ-физикомъ Московской медицинской конторы; въ 1750 г. былъ уволенъ, а 17 апрѣля 1757 г. опять назначенъ на эту должность. Въ концѣ концовъ, чувствуя себя утомленнымъ, онъ самъ подалъ въ отставку въ іюнѣ 1761 г. Въ запискахъ одного изъ потомковъ его, Андрея Тейльса, говорится, что Петръ Великій поручилъ Т. «между разными должностями главный надзоръ за вновь устрояемыми учебными заведеніями», что онъ пожаловалъ ему въ разныхъ мѣстахъ 1000 душъ крестьянъ и устроилъ его бракъ сначала съ сестрой графа Чернышева, потомъ женилъ его на Кологривовой и въ третій разъ—на царевнѣ Грузинской, однако въ другихъ источникахъ эти факты не указаны. Умеръ Т. въ Москвѣ.

Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 626.—В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, 1820, ч. III, стр. 147.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, стр. 58, 59, 65, 66, 69, 70, 90, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 218—219, 232, 245, 263—265, LVII—LIX.—„Изъ записокъ Тейльса“, сообщ. С. Петровскій.

„Историческій Вѣстникъ“, 1886, ноябрь, стр. 397 — 402. — С. Смирновъ, „Исторія Славяно-греко-латинской академіи“, Москва 1855, стр. 240.

Е. К.

Тейльсъ (де), *Иванъ Антоновичъ*, докторъ медицины, сынъ предыдущаго, родился въ Москвѣ и служилъ сперва въ межевомъ департаментѣ, но затѣмъ, оставя службу, отправился изучать медицину заграницу. Получивъ степень доктора медицины при Лейденскомъ университетѣ, Т. возвратился въ Россію и 1 іюня 1746 г. опредѣленъ былъ на службу младшимъ докторомъ въ Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь на мѣсто умершаго доктора Экелунда, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ. По знанію русскаго языка и умѣнію хорошо говорить и писать на немъ Т. могъ бы быть хорошимъ учителемъ въ госпитальной школѣ. Однако въ это время былъ вызванъ въ Россію изъ Голландіи докторъ Абрамъ Кау-Бургаавъ для занятія должности старшаго врача при Петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, а до его прибытія мѣсто это поручено было вѣдѣнію Т. Прослуживъ недолго въ качествѣ замѣстителя Бургаава, Т. вскорѣ возвратился на службу въ генеральный сухопутный госпиталь, а 3 іюня 1749 г. назначенъ былъ докторомъ ландмилиціоннаго корпуса въ команду генерала фонъ-Бисмарка, на мѣсто умершаго доктора Цумпе. Послѣдующая служба Т. прошла въ войскахъ, съ которыми онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ. Затѣмъ, въ 1772 г. онъ опредѣленъ былъ старшимъ докторомъ въ Кіевскій полевой госпиталь (на мѣсто умершаго отъ чумы С. Митрофанова), въ 1774 г. былъ ассесоромъ въ вотчинномъ департаментѣ и межевой конторѣ Слободской Украинской губерніи, а въ августѣ 1777 г., по собственной просьбѣ и за старостью, переведенъ на службу въ Новороссійскую губернію съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ и съ правомъ владѣть 240 десятинами земли. Послѣдніе годы своей жизни Т. былъ докторомъ въ Кременчугѣ (въ 1778—1786 гг.), гдѣ имъ была открыта безплатная больница для бѣдныхъ. Есть извѣстіе, что онъ принадлежалъ къ числу масоновъ. Подобно своимъ братьямъ Антону (см. выше) и Игнатію (см. ниже) Т. также занимался литературой, но изъ печатныхъ его произведеній извѣстно только два: «Стихи къ городу Санктпетербургу» («Собраніе разныхъ сочиненій и новостей», 1776, январь, стр. 67) и «Стихи къ бывшему 12 февраля маскераду, на которомъ воспитывающіяся въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ благородныя дѣвицы были въ вестальскихъ одеждахъ» (тамъ же, 1776, февраль, стр. 11). Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника, 21 августа 1786 г. въ Кременчугѣ.

Дѣло архива департамента герольдіи правительствующаго сената о дворянствѣ рода де-Тейльсъ.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. CLIX.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ 1703—1802 гг.“, Спб. 1874, стр. 218.—„Историческій Вѣстникъ“, 1886, т. 26, стр. 402, 403.— „Роспись чиновныхъ особъ на 1774 г.“, стр. 229.—„Мѣсяцесловъ“ на 1778, стр. 347, и на 1781, стр. 409.

Вад. Модзалевскій.

Тейльсъ (де), *Игнатій Антоновичъ*, тайный совѣтникъ и сенаторъ, прозаикъ и стихотворецъ, родился въ 1744 г., братъ предыдущаго. Въ молодые годы Т. писалъ стихотворенія, которыя были имъ изданы отдѣльно въ Петербургѣ въ 1769 г. Кромѣ этой книжки ему принадлежатъ двѣ отдѣльно изданныя похвальныя оды: «Слово императрицѣ Екатеринѣ II на выздоровленіе ея отъ прививанія оспы» (Спб. 1771) и «Слово похвальное графу Никитѣ Ивановичу Панину» (Спб. 1771). Онъ перевелъ съ нѣмецкаго языка сочиненіе Іоганна Линденгера «Обычаи достопамятныхъ народовъ» (Москва 1766; изданіе 2-е, 1788) и съ французскаго языка сочиненіе Дюгальда «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описаніе Китайскія имперіи и Татаріи китайскія» (2 части, Спб. 1774—1777). Новиковъ говоритъ, что Т. былъ «сочинитель проекта новаго уложенія дирекціонной комиссіи». Въ дальнѣйшемъ Т. оставилъ свои литературныя занятія и отдался служебной дѣятельности. Онъ былъ экзекуторомъ въ первомъ департаментѣ сената, а въ 1786 г. переведенъ въ Тверь въ качествѣ предсѣдателя палаты уголовнаго суда Тверского намѣстничества и директора мѣотнаго училища; позже былъ назначенъ вице-губернаторомъ, а затѣмъ и губернаторомъ Тверской губерніи. Въ 1807 г., со времени присоединенія Бѣло-

стокской и Тарнопольской областей къ Россіи, Т. назначенъ былъ начальникомъ этихъ областей. Ему же Высочайшимъ указомъ 26 іюня 1815 г. поручена была сдача уступленной обратно Австріи Тарнопольской области.

Т. пользовался большимъ расположеніемъ со стороны императрицы Екатерины II, которая ему поручила особенное наблюденіе за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, воспитывавшимся въ кадетскомъ корпусѣ. Въ запискахъ одного его потомка Д. А. Тейльса разсказывается, что въ царствованіе Павла I Т. по чьему-то оговору былъ заключенъ въ Гатчинскій замокъ, но, послѣ того какъ выяснилась ложность сдѣланнаго на него доноса, былъ освобожденъ и щедро награжденъ императоромъ. Есть основанія полагать, что онъ былъ масономъ; Новиковъ предлагалъ его принять черезъ С. В. Перфильева въ 1783 г. въ Петербургскій капитулъ масонскаго рыцарскаго ордена, говоря въ своей рекомендаціи, что «онъ человѣкъ по всему заслуживающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь». За время своей административной службы Т. былъ награжденъ орденами св. Александра Невскаго, св. Анны 3-й степени, св. Владиміра 3-й степени и былъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Умеръ Т. 18 сентября 1815 г. въ Бѣлостокѣ, гдѣ онъ остановился на возвратномъ пути изъ Таганрога въ Петербургъ для осмотра ввѣренной ему Бѣлостокской области.

„Сѣверная Почта“, 1815, № 79 (некрологъ).—Митрополъ. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, Москва 1845, т. II, стр. 205.—Н. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, Спб. 1772, стр. 216.—Брокгаузъ и Ефронъ, „Энциклопедическій словарь“, 1-е изд., Спб. 1901, полут. 64, стр. 766.—С. Петровскій, „Изъ записокъ Тейльса“, „Историческій Вѣстникъ“, 1886, т. XXVI, стр. 402.—„Матеріалы для исторіи русской литературы средняго періода“, изданіе П. А. Ефремова, Спб. 1867, стр. 106.—„Словарь историческій или Сокращенная библіотека“, изд. А. Свѣтушкина, 1793, ч. XII, стр. 350.—„Сочиненія С. В. Ешевскаго“, Москва 1870, ч. 3, стр. 541—542.—„Русскій Архивъ“, 1877, т. II, стр. 266.—„Сочиненія Г. Р. Державина“ съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, Спб. 1869—1871, т. V, стр. 468, 476, 478, 542, 543; т. VI, стр. 95.—Д. А. Ровинскій, „Русскія народныя картинки“, Спб. 1881, ч. IV, стр. 346.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 годы“, Спб. 1874, стр. 615.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, изд. подъ В. Н. Рогожина, Спб. 1905, ч. IV, стр. 5, № 6996; стр. 38, № 7544; стр. 280, № 10811; стр. 282, № 10844.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина“, Спб. 1828, стр. 239, № 3131; стр. 273, № 3574.—Анастасевичъ, „Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова“, Спб. 1820, стр. 221, № 2645.—„Систематическій указатель содержанія Историческаго Вѣстника за 1880—1889 годы“, Спб. 1891, стр. 81, № 1128.—„Роспись содержанію „Русскаго Архива“ за первыя 30 лѣтъ, 1863—1892 годы“, Москва 1894, стр. 48, № 979.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 270, № 6195.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 г.г. включительно“, Спб. 1882, т. II, стр. 56, № 14578.

Е. К.

Тейльсъ (де), *Наталья*, писательница; по всей вѣроятности — Наталья *Андреевна* Тейльсъ, родившаяся въ 1789 г., дочь статскаго совѣтника, московскаго губернскаго прокурора Андрея Антоновича Тейльсъ и Екатерины Михайловны Страховой; по другимъ свѣдѣніямъ, родилась въ 1793 г. и воспитывалась въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ въ то время, когда имъ управляла Е. В. Перре, т. е. съ 1807 по 1814 г. Единственное сочиненіе Т., извѣстное въ литературѣ и написанное ею еще въ бытность въ институтѣ, представляетъ собою рядъ незрѣлыхъ и неопытныхъ стихотвореній, статей въ прозѣ и переводовъ и носитъ названіе: «Подарокъ нѣжному родителю въ Новый годъ; или Сочиненія и Переводы Натальи Тейльсъ» (Москва 1810).

Дѣло архива департ. герольдіи правительств. сената о дворянствѣ рода де-Тейльсъ.—Кн. Н. Н. Голицынъ, „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ“, Спб. 1889, стр. 243.—„Всероссійская библіографія“, 1881, статья Н. Г.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, № 8434.

Вад. Модзалевскій.

Тейль-фонъ-Сероскеркенъ, баронъ *Ѳедоръ Васильевичъ*, генералъ-маіоръ; въ 1818—1821 гг. былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Ріо-Жанейро, а въ 1823—1826 гг. ту же должность занималъ въ Филадельфіи. Въ его честь, какъ бразильскаго посланника, названъ «Островомъ Тейля» открытый въ январѣ 1821 г. капитаномъ 2-го ранга Беллинсгаузеномъ островъ на ши-

ротѣ 62°58′ S и долготѣ 61°55′ W, нѣсколько южнѣе Ново-Шотландскихъ острововъ.

А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1894, стр. 14.—„Записки ученаго комитета морского штаба“, т. XI, стр. 249.—Беллинсгаузенъ, „Двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта“, т. II, стр. 263—266.

Тейхеръ, *Іоганнъ-Христоферъ*, граверъ по мѣди, адъюнктъ-профессоръ академіи художествъ въ 1761—1763 гг., родился въ 1715 г. въ Дрезденѣ. Былъ приглашенъ изъ Вѣны академіей наукъ въ 1761 г. въ помощь Шмидту для усиленія надзора за граверами; одновременно преподавалъ гравированіе по мѣди и при академіи художествъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора при Чемесовѣ. Въ 1763 г. былъ уволенъ со службы и уѣхалъ обратно въ Вѣну. За время пребыванія въ Россіи имъ были выгравированы: портретъ французскаго посла маркиза д'Опиталь съ оригинала Токке; поколѣнный портретъ Петра III съ оригинала Рокотова, хранящійся въ академіи наукъ. Портретъ Петра III остался неизданнымъ, по свидѣтельству Штелина, за несходствомъ, а какъ замѣчаетъ Ровинскій — вслѣдствіе вступленія въ это время на престолъ Екатерины II. Заграницей имъ сдѣланы слѣдующія работы: Фридрихъ III, съ портрета Гюбера; живописецъ Генрихъ Стеенвикъ, съ рисунка Эйзена; Махаелесъ, продавецъ эстамповъ; Богоматерь съ Спасителемъ для Дрезденской галлереи съ картины Пармеджіано; «Смерть св. Іосифа» для галлереи графа Брюлля съ картины Рибейра, и четыре гравюры, изображающія времена года, съ картинъ А. Керна.

Д. А. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи Художествъ“, Москва 1870, стр. 41, 45, 118, 229, 317.—Его же, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1888—1889, т. III, стр. 17; т. IV, стр. 278, 313, 385, 588.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ“, Спб. 1870, т. I, стр. 15; примѣчанія, стр. 627, 680.—Nagler, „Neues Künstler-Lexicon“, т. XVIII, стр. 281.—„Библіотека для Чтенія“, 1860, № 1.

Текелли, *Петръ Абрамовичъ*, генералъ-аншефъ, участникъ многихъ войнъ, усмиритель Запорожской Сѣчи, родился въ 1720 г. въ Сербіи, въ старинной дворянской семьѣ. Военную службу началъ въ Австріи, откуда въ 1747 г. переселился въ Россію и здѣсь былъ принятъ въ войска съ чиномъ поручика. Постепенно повышаясь въ чинахъ, Т. въ 1757 г., будучи уже секундъ-маіоромъ, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и 19 августа отличился въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфѣ, во время котораго былъ раненъ въ голову. 5 марта 1758 г. онъ за участіе въ бомбардировкѣ крѣпости Кистрина получилъ чинъ подполковника, въ томъ же году былъ подъ начальствомъ ген. Фермора въ извѣстной битвѣ при Цорндорфѣ, когда русскіе овладѣли 26 орудіями, многими знаменами, штандартами и взяли около 1500 чел. въ плѣнъ; 12 іюля 1760 г. находился въ сраженіи при Пальцигѣ, 1 августа въ битвѣ подъ Франкфуртомъ, нѣсколько позже подъ главнымъ предводительствомъ фельдмаршала гр. Салтыкова командовалъ особымъ летучимъ отрядомъ и отличился въ дѣлѣ подъ мѣстечкомъ Кеслиномъ, гдѣ былъ вторично раненъ—пулею въ правую ногу, но тѣмъ не менѣе театра военныхъ дѣйствій не оставилъ и, какъ только нѣсколько оправился отъ раны, возвратился къ своему посту; до окончанія войны онъ принялъ участіе еще въ занятіи гр. Чернышевымъ Берлина, гнался за непріятелемъ до Шпандау, причемъ ему удалось отбить у того нѣсколько пушекъ и взять плѣнными болѣе ста человѣкъ, а 2 октября 1761 г. онъ съ своимъ отрядомъ подъ мѣстечкомъ Голнау разбилъ отрядъ пруссаковъ, шедшій изъ Штетина къ Кольбергу съ запасами пороха и бомбъ, овладѣлъ обозомъ и военными снарядами; это небольшое, но блестяще выполненное дѣло доставило Т. объявленіе Высочайшаго благоволенія. Послѣдніе мѣсяцы семилѣтней войны Т. прослужилъ подъ начальствомъ Румянцева и въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ послѣднему во взятіи Кольберга. За рядъ отличій, оказанныхъ Т. въ этой войнѣ, по окончаніи ея, онъ былъ произведенъ въ полковники.

При Екатеринѣ II въ 1764—1768 гг. Т. сражался въ Польшѣ противъ конфедератовъ и «за благоразумныя распоряженія» заслужилъ похвалу отъ военной коллегіи вмѣстѣ съ чиномъ бригадира. Въ послѣдовавшую затѣмъ турецкую войну Т. вновь «обнажилъ свою саблю»; первымъ дѣломъ, въ которомъ онъ «понюхалъ по-

роху» въ этой войнѣ, былъ рядъ битвъ подъ Хотинымъ, произошедшихъ 17, 19 и 21 апрѣля 1769 г.; находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Голицына, Т. неоднократно проявлялъ на дѣлѣ тонкое пониманіе положенія и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ помощниковъ командующаго, разбившаго въ концѣ концовъ упорное сопротивленіе Абазы-паши. «За оказанныя отличія» въ этомъ дѣлѣ Т. удостоился вторично получить Высочайшее благоволеніе «съ обнадеживаніемъ, что заслуги (его) въ забвеніи оставлены не будутъ». 19 іюня онъ подъ Каменецъ-Подольскомъ содѣйствовалъ оттѣсненію непріятеля за Днѣстръ, а черезъ нѣсколько дней (30 іюня) имѣлъ сраженіе съ турками въ горахъ и въ теченіе почти 7 часовъ, несмотря на превосходство непріятеля, удерживалъ со своимъ отрядомъ, составленнымъ изъ гусарскихъ полковъ, мѣсто битвы; когда же на помощь ему подоспѣлъ батальонъ пѣхоты, Т. умѣло воспользовался этимъ незначительнымъ шансомъ, въ самый критическій моментъ быстро двинулъ въ дѣло свѣжія силы, чѣмъ создалъ впечатлѣніе полученныхъ русскими крупныхъ подкрѣпленій, и принудилъ непріятеля къ бѣгству. 2 іюля Т. разбилъ другой турецкій отрядъ, шедшій изъ Хотина, а 22 числа того же мѣсяца разсѣялъ вспомогательное турецкое войско, спѣшившее на помощь находившимся подъ Хотинымъ главнымъ непріятельскимъ силамъ, и удостоился получить похвалу «за неустрашимость». Послѣ перехода русской арміи за Днѣстръ Т. участвовалъ въ рядѣ небольшихъ стычекъ 6 и 29 августа и 5 сентября, вмѣстѣ съ остальной арміей вступилъ въ предѣлы Валахіи, 3 и 4 января, командуя правымъ флангомъ, былъ въ битвѣ при Фокшанахъ, 17 и 18 января разбилъ турокъ при Браиловѣ, а 4 и 5 февраля—подъ Журжею; лѣтомъ принялъ дѣятельное участіе въ битвахъ 15 и 17 іюня, затѣмъ содѣйствовалъ оттѣсненію лагеря турокъ и преслѣдованію ихъ; находился въ схваткахъ 3—5 іюля и, наконецъ, въ генеральныхъ сраженіяхъ, происшедшихъ 7 и 21 іюля, когда онъ овладѣлъ турецкими шанцами и отбилъ у непріятеля взятое имъ раньше наше знамя. За все это онъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1771 г. Т. командовалъ авангардомъ ген.-фельдмаршала гр. Румянцева, состоявшимъ изъ 7 батальоновъ пѣхоты и трехъ полковъ конницы. Румянцевъ отправилъ его на помощь ген. Эссену, который начальствовалъ 2-й дивизіей и неудачно покушался овладѣть Журжею. Съ приходомъ Т. обстоятельства рѣзко измѣнились. 20 октября соединенныя русскія силы, насчитывавшія въ своемъ составѣ всего около 8 тыс. человѣкъ, сразились при урочищѣ Попешти съ непріятелемъ и, несмотря на свою малочисленность, отбросили 45-тысячную турецкую армію, овладѣвъ 14 орудіями и взявъ въ плѣнъ до 2.000 человѣкъ. Въ этомъ блистательномъ дѣлѣ Т. имѣлъ такой успѣхъ благодаря стратегической хитрости: спрятавшись вмѣстѣ со своимъ отрядомъ за высотами, онъ далъ главнымъ турецкимъ силамъ пройти мимо себя и затѣмъ неожиданно для тѣхъ атаковалъ ихъ во флангъ и тылъ, между тѣмъ какъ гея. Эссенъ устремился на нихъ съ фронта. Атакованный съ трехъ сторонъ и представляя себѣ численность нападавшихъ значительно большей, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, непріятель отступилъ въ сторону свободнаго отъ натиска фланга, оставивъ Журжу, которая 24 октября была занята русскими. 1772 годъ прошелъ весь въ переговорахъ. Въ слѣдующемъ 1773 г. Т. участвовалъ сначала въ неудачной осадѣ Задунайской Силистріи, затѣмъ въ разсѣяніи турецкаго стана, расположившагося на высотахъ, окопавшагося рвомъ и обложившагося пушками. Наконецъ, въ 1774 г. онъ также былъ во многихъ болѣе или менѣе крупныхъ сраженіяхъ, въ одномъ изъ нихъ овладѣвъ нѣсколькими десятками пушекъ и всѣмъ обозомъ верховнаго визиря. 17 марта 1774 г. Т. былъ произведенъ въ генералъ-поручики, а 26 ноября того же года награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Послѣ окончанія войны съ Турціей и заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Т. былъ назначенъ на время отсутствія кн. Потемкина командующимъ войсками, расположенными въ Новороссійскомъ краѣ. Въ началѣ мая 1775 г. онъ получилъ приказъ занять Сѣчь и положить конецъ вольному устройству и своеволію запорожцевъ. Изъ крѣпости св. Елизаветы (Елисаветграда), гдѣ онъ квартировалъ, Т. со значительными силами быстро двинулся

по назначенію и 25 мая, въ Троицынъ день, уже занялъ всѣ наиболѣе главные стратегическіе пункты Запорожскаго войска, съ дивизіей пѣхоты и конницы подошелъ къ самой Сѣчи и выстроилъ противъ нея артиллерію. На третій день послѣ этого Т. вызвалъ къ себѣ всѣхъ запорожскихъ старшинъ и сообщилъ имъ текстъ манифеста объ уничтоженіи Сѣчи. Послѣ бурныхъ совѣщаній, въ которыхъ осѣдлые казаки настаивали на повиновеніи, а атаманы, «ватажки» (атаманы разбойничьихъ шаекъ) и «характерники» (сѣчевые забубенныя головы, храбрецы) требовали сопротивленія, Т. наконецъ удалось склонить запорожцевъ къ покорности. Кошевой Колыша и другія должностныя лица пришли съ хлѣбомъ-солью къ Т., который принялъ ихъ ласково и на другой день даже обѣдалъ у кошевого, но спустя недѣлю почему-то перемѣнилъ политику, нѣсколькихъ видныхъ лицъ Сѣчи, въ томъ числѣ судью Касапя и писаря Глобу, арестовалъ и отправилъ въ Петербургъ. Видя арестъ старшинъ, запорожцы начали волноваться и думать, «якъ бы москаливъ убрать (обмануть), а самимъ десь дальше мандрувать (убраться подальше)». Съ этой цѣлью 50 казаковъ явились къ Т. съ просьбой о выдачѣ имъ одного общаго пропускного билета для ловли рыбы на р. Тилигулѣ (Ингудѣ), впадающей недалеко отъ устья Буга въ Черное море и принадлежавшей тогда туркамъ. Получивъ пропускъ, казаки собрали всѣ свои пожитки и харчевые клунки, сѣли ночью на свои чайки, взяли съ собою еще нѣсколько сотъ безбилетныхъ запорожцевъ и черезъ Днѣпровскій лиманъ «мандрували» къ Ингулу, гдѣ и остались навсегда, испросивъ на то разрѣшеніе у султана, давшаго его охотно. Такую продѣлку съ однимъ и тѣмъ же пропускомъ запорожцы повторили нѣсколько разъ, вслѣдствіе чего вся запорожская «сиромаха» очутилась въ Турціи. Т. замѣтилъ обманъ только тогда, когда въ Сѣчи осталась лишь небольшая горсть людей. Созвавъ оставшихся куренныхъ атамановъ, Т. обрушился на нихъ съ попреками, чѣмъ дѣла, конечно, не поправилъ, и вскорѣ послѣ этого поспѣшно выѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ расквартированную въ предѣлахъ Запорожья 7-ю дивизію. Какъ ни трагикомиченъ былъ результатъ покоренія Сѣчи, все же за Т. остается та важная заслуга, что онъ сумѣлъ убѣдить запорожцевъ къ покорности не проливъ ни единой капли крови, и эта заслуга признана была и въ Петербургѣ, гдѣ Т. былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Послѣ уничтоженія независимости Сѣчи Т. былъ назначенъ главнокомандующимъ 18-тысячной арміей, охранявшей безопасность русскихъ границъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Ему неоднократно приходилось разсѣивать собиравшіяся на правомъ берегу Кубани непріятельскія толпы и всегда быть настороже противъ турецкихъ крѣпостей Анапы и Суджукъ-Кале, которыя онъ послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ стычекъ съ ихъ гарнизонами почти совсѣмъ обезвредилъ. Въ 1786 г. Т. былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы, въ слѣдующемъ году назначенъ шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, а 14 апрѣля 1789 г., отягченный годами и болѣзнями, подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую и получилъ съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ. Скончался онъ въ 1793 г., совершенно потерявъ зрѣніе—въ селѣ Александровскѣ, Херсонской губ., Александрійскаго уѣзда.

Интересенъ и характеренъ отзывъ о Т. фельдмаршала Суворова. «Помню, помню,— говорилъ какъ-то знаменитый полководецъ,— сего любезнаго моего сослуживца, усача-гусара и рубаку-наѣздника, гордившагося сходствомъ съ Петромъ Великимъ, съ портретомъ котораго и умеръ. Его вздумалъ одинъ миролюбивый предводитель уклонять по какимъ-то политическимъ видамъ отъ нападенія, но онъ, сказавъ ему: «Политыка, политыка, а рубатыся треба»—бросился на непріятеля, разбилъ его и, возвратясь къ миролюбивому китайцу, произнесъ: «А що твоя папира?»— Я бы (т. е. Суворовъ) воевалъ съ Текелли безъ бумаги: онъ съ саблею, а я со штыкомъ». Эти слова прекрасно характеризуютъ Т. какъ полководца и его манеру воевать, сходную съ манерой самого Суворова, выражающуюся въ девизѣ «быстрота и натискъ». Былъ случай въ жизни Т., прекрасно говорящій объ его великодушіи: когда Екатерина II предоставила Т. за усмиреніе Сѣчи избрать любую награду, тотъ лаконически отвѣтилъ: «Прости Хорвата». Наконецъ, въ Малороссіи, въ народныхъ слояхъ разсказывается по пре-

данію, будто Т., вступившій въ бракъ въ преклонныхъ годахъ, сильно ревновалъ свою молодую, красивую жену и никуда не позволялъ ей отлучаться; именно съ этимъ случаемъ связывается происхожденіе и донынѣ извѣстной малороссійской пѣсенки «Ой пидъ вышнею, пидъ черешнею», кончающуюся адресованными Т. его женою словами: «Ой ты, старый дидуга, изогнувся якъ дуга, а я, молоденька, гуляты раденька».

Полное Собраніе Законовъ, т. XVII, стр. 1092; т. XX, стр. 193, 221; т. XXII, стр. 571; т. XXIV, стр. 869.—„Сборникъ Императ. Русскаго Историческ. Общества", т. XXVI, стр. 290, 407; т. XXVII, стр. 50, 382, 443, 457, 532.—„Архивъ военно-походной канцеляріи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго", „Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ", 1865 г., № 1; 1866 г., № 1 (письма Румянцева къ Т.).—Масловскій, „Русская армія въ Семилѣтнюю войну".—Скальковскій, „О запорожцахъ".—И. И. Срезневскій, „Запорожская старина", сборникъ матеріаловъ.—Engel, „Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken", Halle 1796.—Марковичъ, „Исторія Малороссіи".—Д. И. Бантышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи", Москва 1830 г.—Его же, „Словарь достопамятныхъ людей земли Рузской", т. II, стр. 420—425.—Военно-энциклопедич. словарь", т. V, Спб. 1854, стр. 557—558; т. XII, Спб. 1857, стр. 552.—„Одесскій Вѣстникъ", 1859, № 42.—„Русская Старина", 1870, т. II, стр. 359.—„Сочиненія Фукса", Спб. 1827, стр. 143.

Телепневъ, *Василій Григорьевичъ*, думный дьякъ Посольскаго приказа при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, братъ слѣдующаго. Въ концѣ 1610 г. кѣмъ-то былъ составленъ для врученія Сигизмунду списокъ думныхъ дворянъ и дьяковъ, извѣстныхъ своею приверженностью къ Шуйскому, причемъ имя Т. въ этомъ спискѣ среди дьяковъ стоитъ вторымъ, сейчасъ послѣ имени Василія Янова, бывшаго во главѣ Разряднаго приказа. Упоминается Т. еще въ книгѣ Московскаго стола отъ 1627 г., въ которой говорится: «При царѣ Василіѣ.... въ посолскомъ приказѣ былъ думной діакъ Василей Телепневъ, и Василій Телепневъ былъ менше Василья Якова», что даетъ изслѣдователямъ основаніе предполагать, что Разрядный приказъ стоялъ выше посольскаго.

„Акты Историческіе", т. II, стр. 367, 379, 383.—„Акты Археографической Экспедиціи", т. II, стр. 235.—„Историческая Библіотека", изд. Археогр. комиссіи, т. IX, Спб. 1884, стр. 437—438.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т.-ва „Общ. Польза", кн. II, стр. 1116.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI в." Спб. 1888, стр. 131, 529, 532.

Телепневъ, *Ефимъ Григорьевичъ*, думный дьякъ Посольскаго приказа, старшій братъ предыдущаго. Дьякомъ былъ уже въ 1605 г., что видно изъ этимъ годомъ датированной и имъ скрѣпленной десятни по Торопцу; въ слѣдующемъ году верстал торопецкихъ и холмскихъ дворянъ и боярскихъ дѣтей. Въ 1608 г. былъ дьякомъ въ Новгородѣ. Какъ разъ въ это время тамъ же находился извѣстный юноша-воевода Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Т. помогалъ ему какъ совѣтомъ въ веденіи переговоровъ со шведами относительно помощи ихъ Москвѣ противъ Тушинскаго вора, такъ и сообщеніемъ свѣдѣній насчетъ настроенія новгородцевъ. Именно онъ и окольничій Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ освѣдомили Скопина-Шуйскаго о «подозрительномъ дружелюбіи» къ нему новгородцевъ, о возможной и вѣроятной ихъ измѣнѣ, и онъ же подалъ совѣтъ уйти изъ Новгорода, притомъ и самъ сопровождалъ Шуйскаго; когда послѣдній, по усиленной просьбѣ покаявшихся новгородцевъ, вновь пришелъ къ нимъ, вернулся въ Новгородъ и Т. Послѣ трагической смерти Татищева (подозрѣваемый въ измѣнѣ, былъ растерзанъ толпою) Т. сдѣлалъ опись всему оставшемуся послѣ него имуществу. Въ 1610 г. Т. участвовалъ въ переговорахъ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ о признаніи Владислава русскимъ царемъ, причемъ онъ прочиталъ при его же участіи составленныя условія съ русской стороны, часть которыхъ Жолкѣвскій вскорѣ и подписалъ. Въ 1613—1614 гг. Т. завѣдывалъ денежнымъ дворомъ, а затѣмъ печатнымъ дворомъ вплоть до 22 декабря 1626 г., когда былъ пожалованъ думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа на мѣсто проворовавшагося Ивана Грамотина. Послѣднія извѣстія о Т. относятся къ 1630 г., когда онъ значится думнымъ дьякомъ Казеннаго приказа; въ этомъ же году уволенъ отъ дьячества.

Архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ, десятни №№ 60 (по Торопцу), 121 и 130 (по Новгороду—Деревенской и Бѣжецкой пятинамъ).—„Акты Историческіе", т. II, стр. 303, 305—307; т. III, стр. 97, 100, 255, 285, 305, 307, 466.—„Дополн. къ Актамъ Историческ.", т. I, стр. 268—269; т. III, стр. 159.—„Акты Археограф. Экспедиціи", т. II, стр. 98; т. III, стр. 265.—„Древняя Россійская Вивліоѳика",

т. VI, стр. 224; т. XIII, стр. 161.—„Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“, т. VIII (опись имущества Татищева). — „Собраніе Государствен. Грамотъ и Договоровъ“, т. II, стр. 418.—„Указатель къ книгамъ боярскимъ“, стр. 407.—„Историческая Библіотека“, изд. Археогр. комиссіи, т. IX, Спб. 1888, стр. 427—438.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI в.“, Спб. 1888, стр. 130—131, 198, 449, 531, 532.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго,“ изд. Эйнерлинга, т. XII, стр. 89, 140; прим. 367.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 1313.

Телепневъ, *Иванъ Степановичъ*, стольникъ и думный дворянинъ. Впервые упоминается въ 1653 г.; въ этомъ и 1654 г. Т. участвовалъ въ посольствѣ ближняго боярина Василія Васильевича Бутурлина съ товарищами, отправленномъ въ Малороссію для приведенія къ присягѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, войска Запорожскаго и всѣхъ жителей малороссійскихъ городовъ на подданство царю Алексѣю Михайловичу. Въ январѣ 1654 г. Т. отправленъ былъ въ Павловскій полкъ «всякихъ чиновъ людей къ вѣрѣ приводить и городы и всякіе крѣпости и нарядъ и зелье и свинецъ и всякое строеніе описать». Въ 1655 г. находился съ жильцами при наказномъ атаманѣ Иванѣ Золотаренкѣ. 17 апрѣля этого года Т. вмѣстѣ съ другимъ стольникомъ Михаиломъ Дмитріевымъ послалъ отписку государю въ Смоленскъ о томъ, что Золотаренко по просьбѣ осажденныхъ въ Могилевѣ посылаетъ къ нимъ помощь и самъ со всѣми ратными людьми собирается туда же идти. Отъ 24 апрѣля Т. была послана царская грамота изъ-подъ Смоленска, чтобы онъ возвращался отъ гетмана къ государю, развѣдавъ предварительно про гетманскій походъ подъ Могилевъ и собравъ и иныя вѣсти. Въ письмѣ къ государю отъ 10 мая Золотаренко, сообщая о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей, просилъ государя оставить съ нимъ Дмитріева и Т., отличающихся большой храбростью. Отъ 22 мая Т. была послана повторная грамота съ приказомъ явиться къ государю. Въ письмѣ къ государю отъ 19 мая Золотаренко выражаетъ сожалѣніе объ отозваніи Т., который, по словамъ гетмана, «всегда сильно ставился противъ враговъ и недруговъ вашего царскаго величества, яко на всякаго рыцеря пристоитъ, не жалуетъ здоровья своего покладаши на всякомъ мѣстѣ рыцерскомъ за достоинство и за расширеніе государствъ вашего царскаго величества». Въ 1658 г. при пріѣздѣ и въ 1660 г. при отпускѣ грузинскаго царевича Николая Давыдовича у стола, къ которому былъ приглашенъ царевичъ, Т. въ чинѣ стольника предъословъ пить носилъ. Въ 1667 г. на отпускѣ польскихъ пословъ, пріѣхавшихъ для подтвержденія Андруссовскаго перемирія, у стола, въ честь ихъ данномъ, Т. надзиралъ и потчивалъ въ большой столъ. Въ томъ же году 12 февраля Т. былъ посланъ въ Кіевъ къ боярину и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву и въ Гадячъ къ гетману Брюховецкому съ извѣщеніемъ о заключеніи Андруссовскаго перемирія на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ и съ грамотой Брюховецкому, которою гетману велѣлось не ходить по ту сторону Днѣпра и обѣщалась ему ратная помощь. О своемъ пребываніи въ Малороссіи Т. велъ статейный списокъ, въ которомъ подробно разсказывается о пріемѣ его гетманомъ и о переговорахъ, которые велись между ними. 28 февраля Т. былъ отпущенъ гетманомъ. По дорогѣ въ Кіевъ ему пришлось сутки простоять въ Борзнѣ, такъ какъ получились вѣсти о томъ, что султанъ и татары перешли Днѣпръ. 8 марта онъ прибылъ въ Кіевъ и того же числа былъ у боярина Шереметева. Шереметевъ жаловался Т. на недостатокъ ратныхъ людей, докладывалъ, что многіе города около Бѣлой церкви отложились къ Дорошенкѣ и что татары и измѣнники черкесы перешли Днѣпръ. 11 марта Т. уѣхалъ изъ Кіева.

Съ 1671 по 1679 гг. Т. вѣдалъ оружейную палату. Въ 1673 г. за обѣдомъ у царя по случаю поставленія митрополита Питирима въ патріархи Т. сидѣлъ за властелинскимъ поставцомъ. 2 мая 1682 г. онъ въ числѣ 10 стольниковъ, боярина, окольничьяго и думнаго дьяка, назначенныхъ на каждый день по указу царя Петра Алексѣевича, дневалъ и ночевалъ у гроба Ѳедора Алексѣевича. Подъ 1684 г. (въ «Боярскихъ книгахъ») и подъ 1685 г. (въ «Полномъ Собраніи Законовъ») Т. упоминается въ званіи думнаго дворянина.

„Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. V, стр. 310; т. VI, стр. 239; т. IX, стр. 106.—„Акты Южной и Западной Россіи“, т. VI, стр. 160, 163, 172, 173—175, 176; т. IX, столбецъ 485; т. X, столбецъ 139, примѣч. къ столбц.

239—240, 251; т. XIV, столбцы 553—556, 601, 609—610, 633—635.—Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 907; т. II, стр. 602.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, т. VI, стр. 357; т. VII, стр. 393; т. VIII, стр. 143, 175; т. XIV, стр. 59; т. XV, стр. 298.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 407. — Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд „Обществ. Пользы“, кн. III, стр. 343.

Телепневъ, *Стахій Никитичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ концѣ 40-хъ гг. XVIII вѣка. Образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 21 мая 1763 г. Произведенный въ 1763 г. въ гардемарины, онъ, плавая на различныхъ судахъ въ Балтійскомъ морѣ, здѣсь прошелъ первоначальную практическую школу и въ 1769 г., вмѣстѣ съ повышеніемъ въ мичманы, былъ командированъ въ Донскую флотилію, имѣвшую главную базу въ Таганрогѣ. Отсюда Т. въ теченіе 1770—1774 гг. совершалъ ежелѣтнія крейсерскія кампаніи въ водахъ Чернаго и Азовскаго морей и, между прочимъ, принималъ участіе въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ у мыса Таклы, за отличіе въ которомъ получилъ чинъ лейтенанта. Возвращенный въ 1775 г. изъ Таганрога въ Кронштадтъ, Т. былъ назначенъ командиромъ пинка «Св. Евстафій», на которомъ ближайшимъ лѣтомъ совершилъ нѣсколько переходовъ въ Перновъ. Въ 1876—1878 гг. на фрегатахъ «Наталія» и «Павелъ» онъ участвовалъ въ продолжительной образовательно-развѣдочной кампаніи въ южно-европейскихъ моряхъ, побывалъ въ Константинополѣ, плавалъ въ Архипелагѣ и другихъ частяхъ Средиземнаго моря, посѣтилъ Ливорно, Танжеръ, Гибралтаръ и только въ 1779 г. возвратился въ Кронштадтъ, гдѣ черезъ годъ былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты. Ближайшее затѣмъ время Т. служилъ сначала на кораблѣ «Св. Спиридоній» въ эскадрѣ вице-адмирала И. А. Борисова (1780—1781), а потомъ на кораблѣ «Царь Константинъ» въ эскадрѣ вице-адмирала В. Я. Чичагова (1782—1784), неоднократно на этихъ судахъ ходилъ въ разные иностранные порты Балтійскаго и Средиземнаго морей и 26 ноября 1784 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1785 г. Т. впервые получилъ въ свое командованіе большое военное судно—фрегатъ «Слава». Въ слѣдующемъ году онъ успѣшно выполнилъ данное ему порученіе—наборъ рекрутовъ въ Костромскомъ намѣстничествѣ, и по возвращеніи оттуда былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга (1 мая) и одновременно съ этимъ назначенъ командиромъ линейнаго корабля «Азія», каковымъ состоялъ до 1788 г., когда получилъ должность помощника капитана надъ Ревельскимъ портомъ. Лѣто 1790 г. Т. почти все провелъ въ бояхъ со шведами. Командуя въ чинѣ капитана 1-го ранга (съ 1 января этого года) 66-пушечнымъ кораблемъ «Ярославъ», 2 мая онъ участвовалъ въ извѣстномъ ревельскомъ сраженіи, во время котораго шведской эскадрѣ, бывшей подъ флагомъ герцога Зюдерманландскаго, адмираломъ Чичаговымъ было нанесено жестокое пораженіе; оказанное имъ въ этой битвѣ отличіе было награждено золотою шпагою съ надписью «За храбрость». Затѣмъ корабль Т. былъ въ числѣ тѣхъ, которые 25 мая неожиданно для шведовъ показались въ виду острова Сескаръ — мѣсто стоянки шведской эскадры—и, придвинувшись къ ней, вынудили герцога Зюдерманландскаго удалиться въ глубь Выборгской бухты. По выработанной Чичаговымъ диспозиціи, Т. со своимъ кораблемъ поступилъ въ отрядъ капитанъ-бригадира П. И. Лежнева (позже вице-флагманъ Черноморскаго флота) и 22 іюня принялъ участіе въ выборгскомъ сраженіи, во время котораго на его долю выпала атака шведской гребной флотиліи, закончившаяся полнымъ разгромомъ и сдачей послѣдней. Послѣ войны Т. былъ назначенъ капитаномъ надъ Ревельскимъ портомъ и въ этой должности состоялъ до 1796 г., когда былъ перемѣщенъ капитаномъ же въ Кронштадтскій портъ, гдѣ 14 ноября 1796 г. повышенъ въ капитанъ-бригадиры, а 21 сентября 1798 г. переименованъ въ генералъ-маіоры. Послѣдній чинъ генералъ-лейтенанта онъ получилъ 13 ноября 1802 г. одновременно съ назначеніемъ первоприсутствующимъ въ Московской адмиралтейской конторѣ, въ каковой должности состоялъ до самой смерти, послѣдовавшей 12 февраля 1806 г.

„Общій морской списокъ“, ч. V, Спб. 1890, стр. 176—178.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1893, стр. 94, 96, 138, 175, 207.—Шишковъ, „Военныя дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1787—1790 гг.“, стр. 124, 141, 156, 182.—Головачевъ, „Дѣйствія

русскаго флота въ войнѣ со шведами 1790 г.“, стр. 207. — „Морской Сборникъ“, 1872, № IX, стр. 873.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія, 1656—1856 гг.“, Спб., 1871. — Его же, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1852. — „Матеріалы для исторіи русскаго флота“ (по указателю).

Телепневъ, *Степанъ Васильевичъ*, стольникъ. Въ 1623 г. 3 декабря, въ чинѣ стряпчаго, находился въ меньшой золотой палатѣ въ рындахъ въ бѣломъ платьѣ по правую руку отъ государя на пріѣздѣ кизылбашскаго купчины вмѣстѣ со стольникомъ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Татевымъ. Въ 1624 г. сентября 19 въ свадьбу царя Михаила Ѳедоровича съ княжной Маріей Владимировной Долгорукой Т. несъ княгининъ коровай вмѣстѣ съ братомъ своимъ и другимъ стряпчимъ. Въ 1625 г. присутствовалъ въ меньшой золотой палатѣ при отпускѣ кизылбашскаго посла Русамъ-бека съ товарищами, а послѣ того у стола въ Грановитой палатѣ въ большой столъ ѣсть ставилъ. Въ 1626 г. ноября 25 при пріемѣ шведскихъ пословъ короля Густава Адольфа въ меньшой золотой палатѣ былъ при государѣ въ рындахъ въ бѣломъ платьѣ. Въ 1627 г. іюля 28 пожалованъ изъ стряпчихъ въ стольники и къ кресту приведенъ, а 3 сентября на пріемѣ шведскихъ пословъ былъ въ рындахъ въ бѣломъ платьѣ. Іюля 5 1634 г. былъ у государя у стола. Въ 1636 г. сентября 23, 26, 29 и ноября 2 въ отсутствіе государя, бывшаго на богомольѣ въ Троице-Сергіевомъ и Угрѣшскомъ монастыряхъ, Т. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1637 г. января 30 на пріѣздѣ гонца польскаго и литовскаго короля Владислава Адама Орлика въ золотой подписной палатѣ Т. стоялъ рындою въ бѣломъ платьѣ; 25 апрѣля тоже на отпускѣ персидскаго и кизылбашскаго купчины Наврузъ-Ага и Шамахейскаго хана купчины Маготетъ-Касима; 25 мая въ отлучку государя въ село Покровское Т. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ съ окольничимъ Степаномъ Матвѣевичемъ Нроѣстевымъ. Въ 1639 г. апрѣля 9 дневалъ и ночевалъ съ окольничимъ Михаиломъ Михайловичемъ Салтыковымъ у гроба царевича Василія Михайловича. 26 мая 1641 г. былъ рындой на пріѣздѣ пословъ греческаго митрополита. Въ 1645 г. назначенъ посломъ въ Царьградъ. Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Кузовлевымъ Т. проживалъ въ Кафѣ и здѣсь въ началѣ 1646 г. со словъ архимандрита Іоакима и плѣннаго малороссійскаго казака Ивашки Романова провѣдалъ о самозванцѣ Ивашкѣ Вергуненкѣ, выдававшемъ себя за царевича за сына царя Димитрія, коего самозванца раньше держалъ при себѣ крымскій ханъ, а нынѣ выслалъ его въ Константинополь. Въ то же время объявился въ Константинополѣ и другой самозванецъ, Тимошка Акундиновъ, выдававшій себя за сына царя Василія и присланный Молдавскимъ господаремъ Василіемъ. Т. далъ знать великому визирю, что у него на дворѣ скрываются воры, и просилъ, чтобы рѣчамъ ихъ не вѣрить, а разыскать бы подлинно; русскій переводчикъ и толмачъ, присланные Т., передъ визиремъ уличали Тимошку. Усиленные розыски Т. про самозванцевъ побудили визиря указать ему, что «то дѣло не ихъ (пословъ), присланы они не за тѣмъ—имъ до этого дѣла нѣтъ». Въ октябрѣ того же 1646 г. архимандритъ сообщилъ Т., что Ивашка посаженъ въ Семибашенный замокъ, а Тимошка донесъ визирю о сношеніяхъ его, архимандрита, съ Т., и визирь по этому случаю ему угрожалъ, почему Амфилоній просилъ Т. впредь вести сношенія тайно. Въ это же время пошли и другія строгости: пословъ стали держать взаперти, что вызвано было дошедшими въ Константинополь вѣстями о движеніи русскихъ войскъ подъ Азовъ. Въ ноябрѣ Т. умеръ на чужбинѣ.

„Акты Южной и Западной Россіи“, т. VIII, стр. 279, 334. — „Разрядныя книги по оффиціальнымъ онымъ спискамъ“, т. I, столбецъ 1040.—„Дворцовые разряды“, т. I, столб. 685; т. II, столб. 397, 529, 536.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, т. VIII, стр. 143, 151. — Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 408. — „Русская Историческая Библіотека“, т. IX, стр. 431, 507, 562; т. X, стр. 19, 34; 41, 54, 63, 93, 170, 253, 287.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. Общественной Пользы“, кн. II, стр. 1496—1499.

Телепневъ-Нѣмой-Оболенскій, князь *Петръ Ивановичъ*, по прозванію *Одолба*, сынъ Ивана Васильевича (см. выше), воевода. Значился въ дѣтяхъ боярскихъ. Въ 1526 г. января 21 въ бракосочетаніе Василія Іоанновича съ княжной Еленой Васильевной Глинской свѣчу великаго князя къ мѣсту и къ постели несъ

и десятымъ у постели былъ и постель стлалъ. Въ 1544 г. съ марта служилъ первымъ воеводой второго Ертаульнаго полка въ Казанскомъ луговою стороной походѣ. Въ 1545 г. былъ первымъ воеводой большого полка въ Казани по крымскимъ вѣстямъ. Въ 1549 г. съ 20 апрѣля первымъ воеводой тринадцатаго большого полка въ шведскомъ походѣ.

Спиридовъ, „Сокращенное описаніе служебъ благор. росс. дворянъ“, ч. I, стр. 332.—„Древнѣйшая разрядная книга“, изд. Милюковымъ, „Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1902 г., кн. 1, стр. 1.— Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 47, 241. — „Бархатная книга“, ч. I, стр. 216. — Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 42. — Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 31.

Телепневъ-Оболенскій, кн. *Иванъ Васильевичъ*, по прозвищу *Нѣмой*, боринъ и воевода. Въ 1471 г. былъ посланъ изъ Устюга на Вятку войсковымъ воеводою, и велѣно ему на орду идти. Въ 1477 г. Т. въ походѣ на Новгородъ былъ въ передовомъ полку подъ братомъ велик. князя Ивана Васильевича княземъ Андреемъ Меньшимъ воеводой надъ володимерцами. Въ 1482 г. въ Нижнемъ по казанскимъ вѣстямъ воеводой. Въ 1512 г. Т. былъ первымъ воеводой въ Стародубѣ; въ томъ же году первымъ воеводой на Сурѣ для храненія отъ прихода казанцевъ, а по перемѣнѣ воеводъ въ декабрѣ того же года въ походѣ на Литву первымъ воеводой передового полка на Угрѣ. Въ 1513 г. первымъ воеводой передового полка въ Тулѣ, а затѣмъ въ Дорогобужѣ. Въ 1514 г. во время третьяго Смоленскаго похода первымъ воеводой лѣвой руки войскъ въ Тулѣ, въ іюлѣ того же года участвовалъ во взятіи Смоленска. Въ 1515 г. при походѣ съ Лукъ Великихъ подъ Полоцкъ Т. былъ воеводой лѣвой руки передового полка, въ томъ же году первымъ воеводой передового полка на Дорогошанѣ для храненія отъ прихода казанцевъ. Въ 1516 г. вторымъ воеводой въ Рославлѣ. Въ 1517 г. Т. былъ вторымъ воеводой передового полка, а по перемѣнѣ воеводъ большого полка на Вошанѣ, потомъ на Сурѣ противъ казанцевъ; въ томъ же году первымъ воеводой въ Стародубѣ. Въ 1518 и 1519 гг. былъ первымъ воеводой лѣвой руки войскъ на берегу Оки для храненія отъ крымцевъ и первымъ же воеводой въ Стародубѣ. Въ 1520 и 1521 гг. былъ намѣстникомъ въ Бѣлой. Въ 1522 г. пожалованъ въ окольничіе и въ томъ же году въ Коломенскомъ противъ крымскаго хана Махметъ-Гирея съ государемъ въ походѣ былъ. Въ 1523 г. вторымъ воеводой большого полка Береговой рати въ походѣ на Суру. Въ 1524 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1526 г., января 21, въ бракосочетаніе великаго князя Василія Іоанновича съ княжной Еленой Васильевной Глинской Т. былъ первымъ у постели стоялъ и постель стлалъ, а на другой день съ государемъ въ мыльнѣ былъ. Въ 1527 г. сопровождалъ вел. князя на богомолье въ Тихвинскій монастырь. Въ 1530 г. Т. былъ посланъ первымъ воеводою войскъ противъ Казани; 16 іюля этого же года Т. совершенно разбилъ казанцевъ, убивъ у нихъ множество людей. Въ 1534 г. Т. умеръ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ (рукопись Императ. Публичн. Библіот.), ч. IV, стр. 353, 354. — Его же, „Сокращенное описаніе служебъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 328.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, стр. 31.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 42.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей“, т. VI, стр. 265.—Разрядная книга, изд. Милюковымъ, въ „Чтеніяхъ Московскаго Общ. Любителей Древности“ за 1902 г., кн. I, стр. 1, 12, 51, 56, 62, 63, 65, 72, 73.—„Временникъ“, изд. Московскаго общ. любителей древности, кн. X, стр. 47, 241.—„Родословная книга князей и дворянъ“ (Бархатная книга), ч. I, стр. 216.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. VII, прим. 98, 110, 231.—Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, приложеніе, стр. 13.

Телепневъ - Овчина-Оболенскій, князь *Иванъ Ѳедоровичъ*, конюшій, фаворитъ правительницы Елены Васильевны Глинской, второй жены царя Василія III и матери Іоанна Грознаго, могущественный царедворецъ, оставившій по себѣ память храбраго воина, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокаго человѣка. Сблизившись съ правительницей черезъ сестру свою Аграфену Челяднинову, мамку великаго князя, Т. пріобрѣлъ исключительное вліяніе на вел. княгиню Елену и на управленіе государствомъ, оттѣснивъ на второй планъ Шигону Поджогина и даже могущественнаго родственника Елены, Михаила Львовича Глинскаго. Результатомъ сближенія Т. съ Еленою

и пріобрѣтеннаго имъ могущества было удаленіе, ссылка или заключеніе въ тюрьму наиболѣе близкихъ къ двору и вліятельныхъ бояръ, многіе изъ которыхъ тамъ вскорѣ умерли—часто насильственною смертью. Раньше другихъ пострадалъ братъ покойнаго царя, Юрій Ивановичъ, удѣльный князь дмитровскій, человѣкъ привѣтливаго нрава, весьма популярный и любимый народомъ. Его обвинили въ томъ, что онъ перезывалъ къ себѣ на службу нѣкоторыхъ изъ москоскихъ бояръ и думалъ воспользоваться малолѣтствомъ Ивана Васильевича, чтобы завладѣть великокняжескимъ престоломъ. Юрія схватили и заключили въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ умеръ, какъ гласили небезосновательные слухи — отъ умора голодомъ. Въ августѣ 1534 г. были также схвачены и посажены въ тюрьму князья Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій и Иванъ Михайловичъ Воротынскій, безъ всякихъ основаній заподозрѣнные какъ соумышленники кн. Семена Бѣльскаго и Ивана Ляцкаго, въ виду возникшихъ преслѣдованій бѣжавшихъ въ Литву. Нѣкоторое противленіе преслѣдованію вліятельныхъ лицъ Т. встрѣчалъ еще въ лицѣ Михаила Глинскаго, ошибочно считавшагося долгое время душою, вождемъ окружавшихъ правительницу лицъ и руководителемъ сложившейся при ней политики. Т. было тѣсно съ Глинскимъ, и Елена должна была выбрать между «близкимъ человѣкомъ» и братомъ. Она выбрала Т. Глинскій былъ обвиненъ въ томъ, что замышлялъ единолично вершать дѣла государства и что будто бы отравилъ Василія Іоанновича. Обвиненія, въ особенности послѣднее, были явно несправедливы, тѣмъ не менѣе его схватили, посадили въ тюрьму и тамъ уморили.

Если въ этихъ преслѣдованіяхъ Т. дѣйствовалъ еще съ согласія приближенныхъ къ Еленѣ бояръ, то, при заключеніи второго дяди Іоанна, удѣльнаго князя старицкаго Андрея Ивановича, дѣйствующими лицами являются только Елена и Т. Андрей Ивановичъ, получивъ отказъ отъ правительницы въ территоріальной прибавкѣ къ своему удѣлу, обидѣлся и уѣхалъ въ Старицу, гдѣ, въ кругу своихъ приближенныхъ иногда высказывался довольно рѣзко объ Еленѣ и ея фаворитѣ Т., о чемъ съ прикрасами и добавленіями доносилось наушниками правительницѣ. Когда въ 1536 г. Елена пригласила его въ Москву для совѣщанія о казанскихъ дѣлахъ, онъ не поѣхалъ, ссылаясь на болѣзнь, а въ самомъ дѣлѣ опасаясь раздѣлить участь старшаго брата, Юрія. Ему не повѣрили, а Т. отдалъ приказаніе схватить нѣкоторыхъ его бояръ. Видя, что отношенія его къ Еленѣ обостряются, и предупрежденный своими людьми, что противъ него въ Москвѣ замышляютъ неладное, кн. Андрей Ивановичъ собралъ отрядъ изъ боярскихъ дѣтей и двинулся по направленію къ Новгороду, гдѣ надѣялся встрѣтить хорошій пріемъ и найти сторонниковъ. По распоряженію Т., противъ Андрея Ивановича изъ Новгорода выступилъ воевода Бутурлинъ, на помощь которому изъ Москвы былъ посланъ отрядъ подъ начальствомъ Никиты Васильевича Хромого-Оболенскаго, а самъ Т., во главѣ другого, болѣе значительнаго отряда, двинулся въ тылъ старицкому князю и около с. Тюхоли настигъ его. Далѣе извѣстія начинаютъ разногласить, потому что одни лѣтописцы держали сторону московскаго правительства, другіе—сторону удѣльнаго князя. По московскимъ извѣстіямъ, когда обѣ стороны приготовились къ битвѣ, князь Андрей раздумалъ «бой поставити» и вступилъ въ переговоры съ Т., соглашаясь положить оружіе, если тотъ клятвенно ему обѣщастъ, что правительница большой опалы на него не положитъ и вообще не поступитъ съ нимъ худо. Т., не обославшись съ Еленою, далъ требуемую клятву, вслѣдствіе чего кн. Андрей довѣрчиво поѣхалъ съ повинною въ Москву. Елена же сдѣлала будто бы Т. строгій выговоръ, зачѣмъ безъ ея согласія далъ клятву князю Андрею, а послѣдняго велѣла схватить и заключить въ оковы, чтобы «впередъ такой смуты не было, ибо многіе московскіе люди поколебались». По другимъ извѣстіямъ, Т. еще въ Москвѣ получилъ наказъ звать князя Андрея, чтобы шелъ въ Москву, гдѣ великій князь его пожалуетъ-де и вотчинъ ему придастъ; въ силу этого наказа Т. первый сталъ посылать къ старицкому князю съ предложеніями не проливать крови и съ наказанными ему обѣщаніями. Какъ бы ни было, клятва и обѣщанія Т. были нарушены; Андрей Ивановичъ съ женою и дѣтьми былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ спустя шесть мѣсяцевъ умеръ насильственною смертью.

Въ 1534 г. истекло перемиріе между Москвою и Литвою, и Сигизмундъ I задумалъ воспользоваться малолѣтствомъ Іоанна VI, чтобы вернуть себѣ Смоленскъ. Его

войска сначала имѣли успѣхъ, но затѣмъ перевѣсъ перешелъ на сторону русскихъ; передовымъ отрядомъ ихъ начальствовалъ Т., который опустошилъ литовскія волости и дошелъ почти до самой Вильны. Въ началѣ 1535 г. въ Москву дошли слухи, что Сигизмундъ готовится къ новому походу на Смоленскъ. Изъ Москвы тотчасъ отрядили сильную рать, передовымъ полкомъ которой начальствовалъ опять Т. Нигдѣ не встрѣтивъ литовцевъ, пошедшихъ въ иномъ чѣмъ предполагалось направленіи, московскіе воеводы удовольствовались сожженіемъ посада Мстиславскаго и опустошеніемъ его окрестностей. Обманувшись въ своихъ разсчетахъ на успѣхъ, литовскій король заговорилъ о мирѣ. Еще въ сентябрѣ 1535 г. въ Москву къ Т. пріѣхалъ человѣкъ брата его Ѳедора, находившагося въ литовскомъ плѣну, Андрей Горбатый, который объявилъ, что гетманъ Юрій Радзивиллъ говорилъ о желаніи короля жить въ мирѣ съ Москвою. Т. по совѣтѣ съ боярами отослалъ Горбатаго обратно съ грамотой, въ которой писалъ, что война начата не Москвою и что «государь нашъ, какъ есть истинный христіанскій государь, и прежде не хотѣлъ и теперь не хочетъ, чтобы кровь христіанская лилась, а бусурманская рука высилась; хочетъ нашъ государь того, чтобы христіанство въ тишинѣ и покоѣ было. Такъ если король желаетъ того же и пришлетъ къ нашему государю, то пересылками между государей добрыя дѣла становятся». Въ февралѣ 1536 г. къ Т. пришелъ посолъ отъ Радзивилла съ опасной грамотой для московскихъ пословъ въ Литву и съ другой грамотой къ Т. Нѣкоторыя выраженія послѣдней какъ Т., такъ и боярамъ не понравились, почему Т. отправилъ въ Литву не полномочныхъ пословъ, а лишь одного человѣка съ отвѣтной грамотой, и то только для того, чтобы не прервать переговоровъ. Послѣ пораженія литовцевъ подъ Себежомъ Радзивиллъ, понимая, что теперь московское правительство не согласится посылать своихъ пословъ въ Литву, послалъ Т. новую грамоту съ предложеніемъ—дабы не возникало спора о томъ, кому изъ государей приличнѣе первому посылать пословъ—встрѣтиться послѣднимъ на границѣ. Т. на это предложеніе отвѣтилъ отказомъ, формально мотивировавъ его тѣмъ, что «это кто-нибудь, не желая между государями добраго согласія, такія новизны выдумываетъ»; по существу же Т. писалъ, что «отъ предковъ нашихъ государей повелось, что отъ королей къ намъ послы ходили и дѣла у нихъ дѣлывали». Дальнѣйшіе переговоры, въ 1537 г. закончившіеся перемиріемъ на 5 лѣтъ, велись королемъ непосредственно съ царемъ Іоанномъ, но Т. принималъ въ нихъ, разумѣется, самое близкое и рѣшающее участіе.

Подъ конецъ правленія Елены Глинской Т. сдѣлался единоличнымъ фактическимъ вершителемъ государственныхъ дѣлъ. Безъ его участія не рѣшалось ничего важнаго, не происходили пріемы иностранныхъ пословъ. Понятно, что такимъ могуществомъ Т. многіе были недовольны, особенно старинные княжескіе роды, какъ, напр., Шуйскіе. Вмѣстѣ съ этимъ явно было, что его положеніе прочно только при жизни Елены, такъ какъ хотя великій князь Іоаннъ тоже очень его любилъ, но по малолѣтству едва ли могъ бы защитить его. Съ другой стороны, исключительное могущество Т. было и причиной преждевременной смерти Елены. 3 апрѣля 1538 г. она скончалась скоропостижно, какъ твердили упорные слухи—отъ отравленія, а на 7-й день послѣ ея смерти былъ схваченъ Т. вмѣстѣ съ сестрой своею Аграфеной. Несмотря на плачъ Іоанна, его заковали въ цѣпи и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ отъ недостатка въ пищѣ и отъ тяжести оковъ; сестру же его сослали въ Каргополь и въ мѣстномъ монастырѣ постригли.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VI, стр. 250, 254, 261, 263—264, 266—267, 272—275; т. VIII, стр. 269, 280—286, 292—294.—Никоновск. лѣтоп., т. VII, стр. 1—3.—Синодальная лѣтоп., № 486; № 645, стр. 415; № 788, стр. 529.—Львовская лѣт., т. IV, стр. 9—10.—„Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ“, т. II, №№ 30, 32.—„Царствен. книга“, стр. 36—37, 65—70.—„Акты Археографической Экспедиціи“, т. I, стр. 337.—„Акты Западной Россіи“, т. II, № 175.—„Древняя Россійск. Вивліоѳика“, т. XIII, стр. 16, 17.—„Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества“, т. 59, стр. 14—29, 30—39, 42, 45, 47—48, 56—58, 184, 187, 201, 523.—„Родословн. книга“, изд. „Русской Старины“, т. II.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. VII, стр. 92, 98, 105; прим. 201, 265, 302; т. VIII, стр. 6, 9, 11, 17, 19, 21, 23, 26, 28, 30, 31, 49; прим. 2, 12, 16, 69, 74, 75.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Польза“, кн. I, стр. 1641; кн. II, стр. 6, 8—11, 13—16, 24, 29, 30, 347.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 807.—„Разрядная

книга“ П. Ѳ. Лихачева, стр. 30, 119. — Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI стол.“, стр. 81, 305 (приводится фактъ вліянія Т. на составленіе разрядныхъ росписей).

Телепневъ-Овчина - Оболенскій, князь *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, братъ Ивана Ѳедоровича, воевода. Во время войны съ Литвою при Еленѣ Глинской начальствовалъ однимъ изъ московскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ Сѣверской землѣ. Въ 1534 г. онъ изъ Стародуба ходилъ къ Мозырю, Турову, Могилеву и доходилъ до самого Новгорода-Литовскаго, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія и разрушая все встрѣчающееся по дорогѣ. Въ 1535 г. литовское войско, захвативъ Гомель, осадило Стародубъ, гдѣ начальникомъ гарнизона былъ Т. Онъ оказалъ энергическое сопротивленіе. Не будучи въ силахъ взять городъ приступомъ, литовцы подвели подъ его стѣны подкопъ, 29 августа взорвали ихъ и чрезъ образовавшуюся брешь проникли въ городъ. Т. съ войскомъ встрѣтилъ непріятеля геройски, долго съ успѣхомъ отбивался, два раза доходилъ даже до его стана, но въ концѣ концовъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ густыми рядами превосходнаго непріятеля, долженъ былъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Въ этой битвѣ погибло около 13 тысячъ русскихъ. Когда первоначальный успѣхъ литовцевъ смѣнился на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ пораженіемъ ихъ, пребываніемъ Т. въ плѣну воспользовался гетманъ Юрій Радзивиллъ, въ концѣ сентября 1535 г. обратившійся черезъ него къ его брату, Ивану Ѳедоровичу, съ переговорами о мирѣ. Въ февралѣ слѣдующаго года Радзивиллъ писалъ Ивану Ѳедоровичу, что Т. будто бы билъ челомъ, чтобы паны ходатайствовали у короля о мирѣ, вслѣдствіе чего и посылается въ Москву опасная грамота на проѣздъ русскихъ пословъ въ Литву для дальнѣйшихъ переговоровъ. Этотъ фактъ—челобитье Т. безъ какихъ-либо полномочій изъ Москвы—едва ли достовѣренъ; вѣроятнѣе всего, что онъ сочиненъ Радзивилломъ для того, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Во всякомъ случаѣ въ Москвѣ этому не придали ни вѣры, ни значенія, и фактическій глава правительства, Иванъ Ѳедоровичъ Т., отвѣчалъ Радзивиллу: «Пишутъ на князя Ѳедора, что имъ князь Ѳедоръ челомъ бьетъ; а князь Ѳедоръ у нихъ въ рукахъ, что хотятъ, то на него и пишутъ»; вмѣстѣ съ этимъ самому Т. была послана грамота съ наказомъ, что ему, если сообщенное справедливо, бить челомъ непригоже. Послѣ заключенія 5-лѣтняго перемирія съ Литвою въ 1537 г. Т. воротился въ Москву.

Любопытенъ наказъ Т., присланный имъ изъ литовскаго плѣна своему сыну Дмитрію, имѣющій въ виду участившіеся на Руси разбои, руководителями которыхъ становились часто лица изъ высшихъ сословій. «Жилъ бы ты по отца своего наукѣ,—пишетъ Т.,—не смутилъ (смуты не затѣвалъ), людямъ отца своего и своимъ красть, разбивать и всякое лихо чинить не велѣлъ, отъ всякаго лиха унималъ бы ихъ, велѣлъ бы своимъ людямъ по деревнямъ хлѣбъ пахать и тѣмъ сытымъ быть; а если людей отцовскихъ и своихъ отъ лиха удержать не сможешь, то бей челомъ боярину князю Ивану Ѳедоровичу (брату Т.), чтобъ велѣлъ ихъ удержать, чтобъ отъ государя... въ отцовскихъ людяхъ и въ твоихъ тебѣ срамоты не было».

„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. XIII стр. 2, 18.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. VII, стр. 98; прим. 201, 302; т. VIII, стр, 17, 20, 23, 72 т. IX, пр. 11.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общественная Польза“, кн. II, стр. 13—15, 134, 487.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, стр. 807.

Телешова, *Екатерина Александровна*, ученица Дидло, любимая балерина Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, извѣстная своимъ талантливымъ исполненіемъ пантомимныхъ ролей. Родилась въ 1805 г., умерла въ 1850 г. Воспитывалась въ Императорскомъ театральномъ училищѣ. Еще воспитанницей Т. обратила на себя вниманіе графа М. А. Милорадовича, тогдашняго петербургскаго военнаго генералъ-губернатора. Благодаря его покровительству и родству съ драматургомъ - княземъ А. А. Шаховскимъ, Т. стали выдѣлять среди остальныхъ ученицъ училища, и она стала выступать на петербургской сценѣ. Впервые она выступила въ 1819 г. въ балетѣ «Зефиръ и Флора», исполняя роль Гименея. Въ 1821 г. она обратила на себя вниманіе удачнымъ исполненіемъ роли Бабеты въ балетѣ «Дезертиръ», а въ слѣдующемъ году имѣла рѣшительный успѣхъ въ ба-

летѣ «Разрушенный кумиръ», поставленномъ Дидло въ бенефисъ знаменитой балерины Истоминой. Курсъ театральнаго училища Т. окончила въ 1823 г. и съ тѣхъ поръ постоянно стала выступать на балетной сценѣ, восхищая всѣхъ своей легкостью и граціей. Ѳаддей Булгаринъ («Русская Талія») пишетъ о ней: «Телешова юная питомица Терпсихоры, отличная въ трудномъ искусствѣ пантомимы, всѣ свои роли исполняетъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Она подаетъ большія надежды своимъ постояннымъ стремленіемъ къ совершенствованію». По словамъ современниковъ, Т. была красавица, стройная, изящная, увлекательная. Красотой и талантомъ она пріобрѣла многихъ восторженныхъ поклонниковъ, среди которыхъ находились Милорадовичъ и Грибоѣдовъ. Послѣдній писалъ о ней своему другу: «Телешова въ три-четыре вечера меня съ ума свела». Въ свое время было много толковъ о томъ, что личная исторія изъ-за Т., которая вышла у Грибоѣдова съ гр. Милорадовичемъ, помѣшала постановкѣ въ 1825 г. «Горе отъ ума» на петербургской сценѣ. По поводу выступленія Т. въ роли волшебницы, обольщающей витязя («Русланъ и Людмила»), Грибоѣдовъ написалъ «Посланіе къ Телешовой» (напечатанное въ «Сынѣ Отечества» за 1825 годъ):

О, кто она? Любовь, Харита?
Иль Пери изъ страны иной?
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?..
Зачѣмъ манишь рукою нѣжной,
Зачѣмъ влачишь изъ дальнихъ странъ
Пришельца въ плѣнъ твой неизбѣжный
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ.

Особеннымъ успѣхомъ пользовалась Т. въ балетахъ «Дезертиръ», исполняя роль Луизы, «Ѳедра», «Возвращеніе изъ Индіи», «Фенелла», исполняя съ громаднымъ успѣхомъ роль нѣмой Фенеллы. Выступала она неоднократно въ драматическихъ роляхъ, напр. въ драмахъ Скриба, особенно удачно въ роли русской сироты Ольги.

Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ“.—Плещеевъ, „Нашъ балетъ“.—Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“. — „Пантеонъ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ“ за 1840 г.—Покровскій. „Біографія Грибоѣдова“,—Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 190 (письмо къ Бѣгичеву).—„Сынъ Отечества“, 1825—„Русская Талія“, 1825.

Телешовъ, *Иванъ Ивановичъ*, думный дьякъ. Въ 1500 г. посланъ Іоанномъ III къ литовскому князю Александру, своему зятю, съ объявленіемъ, чтобы тотъ не вступался въ отчины князей Симеона стародубскаго и Василія Рыльскаго, которые добровольно присоединяются къ Москвѣ и будутъ подъ ея защитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Т. долженъ былъ вручить Александру «складную грамоту», въ которой Іоаннъ, слагая къ нему крестное цѣлованіе, объявлялъ Литвѣ войну за ея принужденіе православныхъ къ латинству. Въ 1502 г. посланъ вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Нодроватовымъ въ Казань «для поимки царя» Абдылъ-Летифа, досадовавшаго Москвѣ своими «неправедностями», и съ порученіемъ привезти его въ Москву, что посланными и было выполнено; Абдылъ-Летифъ былъ заточенъ на Бѣлоозеро. Въ 1514 г. участвовалъ въ церемоніи пріема турецкаго посла Камала: наряду съ другими встрѣчалъ посла предъ дверьми большой палаты и провожалъ его къ великому князю. Въ 1515 г. вновь ѣздилъ въ Казань съ порученіемъ московскаго великаго князя уладить вопросъ о престолонаслѣдіи въ связи съ ожидавшеюся кончиною хана Махлетъ-Аминя. Ханъ тогда выздоровѣлъ, умеръ же три года спустя (1518), и Т. опять ѣздилъ въ Казань съ тою же цѣлью, имѣлъ сношенія съ казанскими вельможами и съ нѣкоторыми изъ нихъ вернулся въ Москву, гдѣ ханомъ былъ объявленъ Шигъ-Алей. Въ 1520 г. былъ думнымъ дьякомъ, причемъ имя его въ думскихъ актахъ всегда называется впереди именъ о тальныхъ двухъ думныхъ дьяковъ. Въ царствованіе Василія Іоанновича былъ противникомъ Глинскихъ, осуждалъ второй бракъ царя и за недоброжелательство къ Еленѣ, наряду со многими другими вельможами, подвергся опалѣ, которая съ него была снята 25 августа 1530 г., по случаю рожденія царевича Іоанна (Грознаго).

„Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ“, въ Московскомъ архивѣ минист. иностран. дѣлъ, связка 1, № 1.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VI, стр. 45, 47; т. VIII, стр. 241, 260, 266.—„Акты Историческіе“, т. I, стр. 177—182. — „Памятники дипломатическихъ сношеній“, т. I, стр. 216—432.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.“, т. 25, стр. 243—245, 302, 335—339, 376, 670; т. 95, стр. 96, 411, 530.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, Спб. 1843, т. VI, стр. 183—184; прим. 533, т. VII, прим. 149,—181, 310.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, Спб. 1888, стр. 177—170.

Телицинъ, *Максимъ*, служилый человѣкъ. Упоминается подъ 1641 г. Получилъ наказъ отправиться изъ Якутска на рѣку Юганду вмѣстѣ съ товарищами, ленскими воеводами Петромъ Головинымъ и Матвѣемъ Глѣбовымъ, для сбора ясака и открытія новыхъ земель. Наказъ, помимо порученія финансоваго характера, предъявлялъ къ Т. большія требованія какъ къ изслѣдователю; въ немъ писалось: «и идучи имъ, Максимку съ товарищи, съ усть Лѣны рѣки до Юганды рѣки смотрѣть того накрѣпко, которые рѣки впали устьемъ въ море и сколько отъ которой рѣки отъ устья до устья ходу парусомъ или греблею и распрашивать про тѣ рѣки доподлинно, какъ тѣ рѣки словутъ, и отколѣво вершинами выпали и какіе люди по тѣмъ рѣкамъ живутъ и чѣмъ кормятся».

„Дополненія къ Актамъ Историческимъ", т. II, стр. 256—528.

Телушкинъ, *Петръ*, казенный крестьянинъ Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, мастеръ кровельнаго цеха, въ 1831 г. получилъ временную, но громкую извѣстность своимъ смѣлымъ подъемомъ на рукахъ, безъ лѣсовъ, до креста на шпицѣ Петропавловскаго собора (въ Петербургѣ) для починокъ. Крестъ и ангелъ собора часто терпѣли поврежденія отъ молній и вѣтра, и каждый разъ починка обходилась очень дорого; всего больше затратъ требовало возведеніе лѣсовъ, такъ какъ высота Петропавловскаго собора вмѣстѣ со шпицемъ до креста 57 саженъ. Осенью 1831 г. вѣтромъ отъ креста оторвало листы, а отъ ангела крылья. Предстояла обычная починка съ предварительнымъ возведеніемъ лѣсовъ. Въ это время Т. было подано письменное заявленіе о томъ, что онъ берется исправить всѣ поврежденія въ крестѣ и ангелѣ собора безъ постройки лѣсовъ. За свой трудъ опредѣленнаго вознагражденія онъ не назначилъ, предоставляя начальству установить величину его, а просилъ лишь о выдачѣ ему около 1500 руб. за матеріалы, которые потребуются ему при производствѣ починки. Предложенныя Т. условія вслѣдствіе ихъ выгодности были приняты, хотя на благопріятный исходъ его предпріятія никто не надѣялся. Тѣмъ не менѣе Т. удачно выполнилъ взятое на себя дѣло, проявивъ при этомъ необыкновенную физическую силу, ловкость и сообразительность. Въ свое время газеты были переполнены описаніемъ этого предпріятія.

Въ краткихъ чертахъ обстоятельства этого подъема таковы. Въ колокольномъ шпицѣ Петропавловскаго собора имѣются слуховыя окна и два небольшихъ (до 1 кв. аршина) люка, открывающихся наружу,— верхній изъ нихъ на разстояніи приблизительно 8 саженъ отъ слуховыхъ оконъ. По деревяннымъ укрѣпленіямъ во внутренности шпица Т. добрался до верхняго люка. Шпицъ собора покрытъ мѣдными позолоченными листами, въ горизонтальныхъ спаяхъ непосредственно наложенныхъ другъ на друга, въ вертикальныхъ же—загнутыхъ ребромъ; загибы выступаютъ на два вершка отъ поверхности и образуютъ полосы по длинѣ шпица. Этими выступающими ребрами Т. и воспользовался здѣсь для того, чтобы обвить веревкою шпицъ. Прикрѣпивъ конецъ веревки къ внутреннимъ деревяннымъ укрѣпленіямъ шпица и опоясавшись ею, онъ вышелъ наружу, значительно спустился внизъ и затѣмъ, поддерживая корпусъ веревкой, сталъ передвигаться отъ ребра къ ребру вокругъ шпица и вверхъ по немъ. Передвиженіе это стоило неимовѣрныхъ усилій, ибо двухвершковые выступы позволяли хвататься за нихъ только двумя пальцами (большимъ и указательнымъ), и у Т. отъ напряженія изъ-подъ ногтей нерѣдко показывалась кровь. Нужна была исключительная физическая сила, чтобы на четырехъ пальцахъ подыматься всѣмъ корпусомъ вверхъ. Въ такихъ неимовѣрныхъ условіяхъ Т. удалось окружить шпицъ и подняться вмѣстѣ съ тѣмъ до люка, отъ котораго онъ опустился. Обвитая вокругъ шпица веревка могла уже плотно придерживать его къ шпицу, а вмѣстѣ съ тѣмъ стягиваніемъ свободнаго конца веревки, продѣтаго сквозь особую петлю, онъ получилъ возможность укорачивать веревочное кольцо на шпицѣ, что было необходимо, потому что послѣдній утончался кверху. Поддержка корпуса такимъ образомъ была обезпечена. Но нужны были еще средства для подъема. Отъ верхняго люка до самаго яблока, на которомъ находится крестъ съ ангеломъ, расположены по длинѣ шпица желѣзные крюки, одинъ отъ другого въ $4^1/_2$ аршинахъ, съ выступомъ отъ крыши на 2 вершка. Ими Т. и воспользовался для дальнѣйшаго поднятія. Изъ двухъ вере-

вокъ остроумнымъ примѣненіемъ сложныхъ петель и ямского узла онъ устроилъ подвижныя стремена, которыя и накинулъ на ближайшій крюкъ. Съ помощью этихъ-то стремянъ, затрачивая страшныя усилія и прибѣгая къ разнымъ, иногда весьма находчивымъ уловкамъ, Т. отъ крюка къ крюку добрался до самаго яблока. Самымъ труднымъ было подняться по дугѣ яблока къ кресту, гдѣ и требовалось сдѣлать починку. Шпицъ имѣетъ у яблока въ діаметрѣ нѣсколько болѣе аршина, въ то время какъ діаметръ яблока достигаетъ 4 аршинъ. Непосредственно по яблоку слѣдовательно подниматься не было возможности. Т. привязалъ къ шпицу двѣ новыя веревки, одѣлалъ въ нихъ петли близко къ поверхности шпица и просунулъ въ эти петли ступни ногъ такъ, чтобы можно было упираться ими въ шпицъ подъ самымъ яблокомъ, а конецъ той веревки, которая была обвита вокругъ шпица и до того плотно его къ шпицу придерживала, онъ нѣсколько опустилъ. Благодаря этому онъ занялъ наклонное положеніе и повисъ въ воздухѣ почти горизонтально, обращенный лицомъ кверху. Вися въ такомъ положеніи, Т. имѣвшуюся при немъ веревку длиною въ 6 саженъ привязалъ однимъ концомъ къ веревкѣ, обвитой вокругъ шпица, а другой собралъ кругами и сильнымъ размахомъ бросилъ вверхъ, давъ направленіе по дугѣ справа налѣво. Веревка, описавъ въ воздухѣ дугу, обвилась вокругъ основанія креста, и размотавшійся конецъ ея свѣсился къ Т. На немъ Т. сдѣлалъ глухую петлю, продѣлъ въ нее другой конецъ и передергивалъ веревку до тѣхъ поръ, пока она не затянулась на крестѣ. По этой веревкѣ, на которой предварительно сдѣланы были узлы, онъ взобрался къ кресту. Задача была рѣшена. Сдѣлать веревочную лѣстницу для постоянныхъ подъемовъ уже не представляло трудностей, разъ ее можно было укрѣпить у креста. Весь подъемъ Т. совершилъ въ два дня: первый былъ потраченъ на подготовленія и на обходъ шпица у люка, а второй на дальнѣйшій подъемъ. Самая починка не представляетъ интереса. За работу ему было заплачено 5000 рублей ассигнаціями. А. Н. Оленинъ представилъ Т. государю, который наградилъ его деньгами и медалью на аннинской лентѣ. Слава и посыпавшіеся кровельные заказы не пошли Т. въ прокъ: онъ скоро спился и въ 1833 г. умеръ. Чертежи, изображающіе его подъемъ, приложены къ ниженазваннымъ статьѣ А. Н. Оленина и книгѣ А. Башуцкаго и къ т. XV «Русской Старины» за 1876 г.

А. О—ъ (Оленинъ), „О починкѣ креста и ангела (безъ лѣсовъ) на шпицѣ Петропавловскаго собора въ Петербургѣ“, „Сынъ Отечества“, 1831, ч. 140, т. 18, № 14, стр. 406—414; то же отдѣльной брошюрой, Спб. 1831.—„П. Телушкинъ“, „Петерб. Вѣдомости“, 1831, № 109, стр. 452—453.—„Московскія Вѣдомостя“, 1831, № 104.—„Ярославскія Губ. Вѣдом.“, 1831 № 14, перепечатка статьи А. Н. Оленина.—Ив. Пушкаревъ, „Описаніе С.-Петербурга и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи“, Спб. 1839, ч. I, стр. 165.—А. Башуцкій, „Панорама С.-Петербурга“, Спб. 1834, ч. I, стр. 117—124.—Прот. Д. Флоринскій, „Историко-статистическое описаніе С.-Петербургскаго каѳедральнаго Петропавловскаго собора“, Спб. 1857, стр. 31—33.—Ѳ. Г. Солнцевъ, „Моя жизнь и художественно археологическіе труды“, „Русская Старина“, 1876, т. XV, стр. 639—643.—В. Лѣствицынъ, „Крестьянинъ Телушкинъ“, „Ярославскія Губ. Вѣдом.“, 1869, № 2.—Пр. И—въ, „Кровельщикъ Телушкинъ“, „Архангельскія Губ. Вѣдом.“, 1875, № 9.—„Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, Спб. 1869, ч. I, гл. II, стр. 74—75.—„Настольный словарь“ Ф. Толля, т. III, Спб. 1864, стр. 632.—„Справочный энциклопед. словарь“ К. Крайя, т. X, Спб. 1848, стр. 199.—„Историческій Вѣстникъ“, 1883, августъ, стр. 483.

Телѣгинъ, *Никита Дмитріевъ*, былъ воеводой въ Перми и въ Чердыни въ 1634—1635 гг. Въ 1636 г. Т. отнущенъ былъ къ Москвѣ, а на его мѣсто въ Чердынь посланъ иноземецъ Христоферъ Рыльской. Отъ времени его воеводства сохранились три царскихъ грамоты, къ нему посланныхъ: отъ 9 октября 1634 Т. извѣщался о дозволеніи польскимъ военноплѣннымъ возвратиться на родину; отъ 17 августа 1635 г. ему указывалось выслать въ Москву на судъ чердынскихъ земскихъ старостъ за взысканіе податей съ обѣльной Ныробской волости; отъ 26 сентября 1635 г. Т. указывалось разыскать бѣжавшаго въ Чердынь чернаго діакона Брюханова, обвиненнаго въ измѣнѣ, и за поимку обѣщано царское жалованіе. Подъ 1636 г. Т. упоминается (Боярскія книги) въ чинѣ московскаго дворянина. Въ 1640 г. онъ постригся.

„Акты Археологической Экспедиціи“, т. III, стр. 389, 391—393, 396.—„Разрядныя книги по оффиц. оныхъ спискамъ“, т. II, столбцы 826, 931.—Барсуковъ, „Городовые воеводы въ XVII столѣт.“, стр. 177.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 408.

Телятевскій, князь *Андрей Андреевичъ*, прозваніемъ *Хрипунъ*, бояринъ, потомокъ, удѣльныхъ князей Тверскихъ, извѣстный дѣятель Смутнаго времени, сторонникъ Шаховскаго, Болотникова и Лже-Петра. Первое упоминаніе о немъ относится къ 22 іюня 1587 г., когда онъ рындою присутствовалъ при пріемѣ литовскаго посла Сапѣги недавно передъ тѣмъ восшедшимъ на престолъ царемъ Ѳедоромъ. 7 августа 1590 г. разбиралось мѣстническое дѣло Т. съ кн. Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ, а 25 апрѣля 1591 г. «искалъ (онъ) своего отечества на князь Андрѣе Петровиче Куракине для того что Куракину велѣно быть въ сторожевомъ полку въ первыхъ, а Телятевскому въ большомъ полку въ другихъ». 22 мая 1597 г.—въ званіи стольника присутствовалъ въ Грановитой палатѣ при пріемѣ знатнаго цесарскаго посла, бургграфа Авраама Донавскаго. При Борисѣ Годуновѣ онъ былъ пожалованъ въ бояре, засѣдалъ въ думѣ, сдѣлался виднымъ сановникомъ и былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся воеводъ этого царствованія. Въ 1604 г., когда дѣйствія Лжедимитрія приняли угрожающій характеръ, Т. во главѣ значительнаго отряда выступилъ изъ Брянска для противодѣйствія самозванцу и для защиты противившагося ему Новгорода. Около Трубчевска онъ принялъ участіе въ совѣтѣ русскихъ воеводъ, рѣшившемъ послать сандомирскому воеводѣ Мнишеку требованіе уйти изъ предѣловъ Россіи. Участвовалъ Т. и въ битвѣ подъ Трубчевскомъ, окончившейся пораженіемъ Лжедимитрія. Въ 1605 г. Т., одинъ изъ немногихъ воеводъ, остался вѣренъ новому царю, Ѳедору Борисовичу, и долженъ былъ бѣжать въ Москву, когда увидѣлъ измѣну Басманова и войска и понялъ, что приверженцы самозванца одержали верхъ. Есть извѣстіе, что по прибытіи въ Москву онъ былъ арестованъ, но потомъ, когда положеніе дѣлъ окончательно повернулось въ пользу Лжедимитрія, присягнулъ самозванцу и получилъ свободу. 3 іюня 1605 г. Т. вмѣстѣ съ Воротынскимъ былъ избранъ московскимъ населеніемъ идти въ Тулу, гдѣ находился самозванецъ, съ повинною отъ столицы. Лжедимитрій встрѣтилъ посланныхъ грубою и рѣзкою рѣчью, приближенные его также ихъ позорили, а Т., какъ остававшагося дольше другихъ вѣрнымъ Годуновымъ, чуть не убили. Во все время царствованія Самозванца онъ, повидимому, находился въ опалѣ и вліянія на дѣла не имѣлъ.

Въ 1607 г., когда царемъ былъ уже Василій Шуйскій, появились слухи о новомъ самозванцѣ. Въ видахъ самозащиты царь Василій отрекся отъ того, что говорилъ раньше о смерти царевича Димитрія, и съ большой торжественностью перенесъ тѣло убіеннаго изъ Углича въ Москву, объявивъ всѣмъ, что Димитрій не покончилъ съ собою въ припадкѣ болѣзни, а дѣйствительно былъ убитъ. Т., вѣрно служившій царю Борису, возмутился тѣмъ, что убійство царевича официально стало приписываться Годунову, и сталъ на сторону новаго Димитрія, хотя ничего положительнаго о немъ еще никто не зналъ. Отказавшись раньше предаться «живому, торжествующему самозванцу», Т. теперь предался одному его имени. Возможно также, что онъ вѣрилъ въ спасеніе Лжедимитрія, о чемъ тогда въ Москвѣ ходили упорные слухи. Ставшій во главѣ возстанія противъ Шуйскаго, извѣстный Болотниковъ былъ раньше холопомъ Т., и послѣдній имѣлъ на него, повидимому, сильное вліяніе. При Лже-Петрѣ онъ начальствовалъ значительною частью его приверженцевъ и, будучи во главѣ ихъ, около Тулы разбилъ московскаго воеводу Воротынскаго и занялъ Тулу и Дѣдиловъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Калугѣ и по дорогѣ къ ней встрѣтился съ сильнымъ московскимъ войскомъ подъ начальствомъ воеводъ Татева, Черкасскаго и Борятинскаго. Въ жестокой битвѣ при Пчельнѣ, происшедшей 2 мая 1607 г., Т. разбилъ на голову царское войско, причемъ Татевъ и Черкасскій легли на полѣ битвы, 15 тыс. человѣкъ перешли на сторону Болотникова, а остальная часть въ безпорядкѣ бѣжала къ Калугѣ въ станъ Мстиславскаго. Эта рѣшительная и блестящая побѣда Т. произвела въ Москвѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Потребовались неимовѣрныя усилія со стороны московскаго правительства, чтобы собрать новое значительное войско и прежнее, деморализованное неудачами и ненадежное, привести въ боевое состояніе. Давъ отдыхъ своимъ людямъ послѣ битвы при Пчельнѣ, Т. соединился съ Болотниковымъ и направился затѣмъ къ Каширѣ съ намѣреніемъ занять ее, но при р. Восмѣ встрѣтился съ московскими полками. 21 мая на берегахъ этой рѣки произошло новое сраженіе, въ которомъ верхъ одержало цар-

ское войско. О роли Т. въ этой битвѣ существуютъ двѣ версіи. По одной изъ нихъ, онъ былъ въ лагерѣ мятежниковъ и послѣ пораженія съ небольшимъ уцѣлѣвшимъ отрядомъ бѣжалъ въ Тулу, гдѣ и скрывался вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Болотниковымъ и Лже-Петромъ. По другому извѣстію, Т. въ самый разгаръ сраженія съ четырехъ-тысячнымъ отрядомъ перешелъ на сторону Шуйскаго и тѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго. Если принять первую версію, то ничѣмъ нельзя объяснить послѣдующую судьбу Т. Какъ извѣстно, царь Василій лично осадилъ Тулу; осажденные два раза посылали въ Польшу съ просьбой выслать какого-нибудь новаго Лжедимитрія,—и онъ, наконецъ, нашелся въ лицѣ Тушинскаго вора; тѣмъ не менѣе Тула продержалась только до 10 октября, когда голодъ и болѣзни принудили осажденныхъ сдаться; свое категорическое обѣщаніе помиловать мятежниковъ Шуйскій не сдержалъ: Болотникова утопили, Лже-Петра повѣсили, Шаховскаго сослали въ пустынь на Кубенское озеро. При перечисленіи этихъ лицъ и постигшихъ ихъ каръ о Т. ничего не говорится. Между тѣмъ въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», многія свѣдѣнія которой почерпнуты изъ сгорѣвшихъ въ 1812 г. при московскомъ пожарѣ документовъ, есть указаніе, что Т. умеръ въ 1612 г. въ *боярскомъ санѣ*. Трудно предположить, чтобы Т., если онъ дѣйствительно находился въ станѣ мятежниковъ при ихъ сдачѣ, былъ пощаженъ. Поэтому едва ли соотвѣтствуетъ истинѣ слѣдующее категорическое положеніе Карамзина: «Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ не лишили ни свободы, ни боярства, къ посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному». Соловьевъ болѣе правдоподобно предполагаетъ, что при Шуйскомъ Т. могъ быть въ опалѣ и все же умереть въ боярскомъ санѣ, вернувъ его къ себѣ послѣ сверженія Василія Шуйскаго. «Съ другой стороны,—продолжаетъ Соловьевъ,—нельзя не принять къ свѣдѣнію и показанія, что Телятевскій еще при Восмѣ перешелъ на сторону Шуйскаго», и это положеніе, повидимому, наиболѣе правдоподобно, легко объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшую судьбу Т.

„Акты Археографической Экспедиціи“, т. II, стр. 43, 173.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. XI, стр. 421; т. XIII, стр. 14, 254, 294, 330—331, 342, 377, 383; т. XX, стр. 86.—Дѣла польскія, въ архивѣ министерства иностран. дѣлъ въ Москвѣ, листъ 209.—Разрядная книга Е. В. Барсова, лл. 483, 561—562, 595—596.—Разрядная книга П. О. Лихачева, стр. 501.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. X, прим. 58, 315; т. XI, стр. 93, 111, 113, 117, 120—121; прим. 272, 285, 311; т. XII, стр. 16, 19, 27, 31, 32, 34, 39, 40; прим. 51, 61, 114, 123, 131—133, 155.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 767, 769, 770, 822, 825.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI стол.“, стр. 492, 503, 504, 518—519, 523; въ приложеніи стр. 49, 68, 71.—„Справочный энциклопед. словарь“, Крайя-Старчевскаго, т. 10, s. v. — „Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, стр. 827—828.

Телятевскій, князь *Василій Ивановичъ*, прозваніемъ *Ватутинъ*, воевода. Впервые упоминается подъ 1564—66 гг. намѣстникомъ въ Брянскѣ. Въ 1569 г. Т. былъ первымъ воеводой передового полку калужскихъ войскъ, а по смѣнѣ воеводъ первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ. Въ 1570 г. вторымъ воеводой въ Калугѣ по крымскимъ вѣстямъ. Въ 1571 г. участвовалъ въ походѣ противъ Девлетъ-Гирея; 22 сентября посланъ изъ Опричнины въ Тарузу первымъ воеводой сторожевого полка. Въ 1573 г. во время Лифляндскаго похода былъ головою у ночныхъ сторожей и спалъ въ государевомъ станѣ въ Новгородѣ. Въ 1574 г. вторымъ воеводой съ Серпуховѣ, а послѣ, по смѣнѣ большихъ воеводъ, съ 3 сентября первымъ воеводою сторожевого полка въ Колпинѣ. Въ 1576 г. первымъ воеводой въ Новгородѣ. Въ 1579 г. былъ первымъ осаднымъ воеводой въ Полоцкѣ. На эту крѣпость, считавшуюся почти неприступной, направилъ свой первый ударъ Стефанъ Баторій, предпринявшій походъ на Россію. Т. начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій въ одной изъ крѣпостей, Острогѣ, а кн. Щербатый въ другой—Стрѣлецкой, «имѣя довольно много запасовъ и снарядовъ, много усердій и мужества, гораздо менѣе искуства». Приступъ начался съ городской части, гдѣ начальствовалъ Т. Воеводы оказали упорное сопротивленіе. Когда поляки стали одолѣвать, Т. вмѣстѣ Щербатымъ хотѣли взорвать крѣпость, но «слабый духомъ» Волынскій и стрѣльцы не допустили до этого. Тогда вѣрные воеводы заперлись въ церкви, откуда ихъ затѣмъ силой

извлекли и представили Баторію «смиренныхъ безъ униженія». По другой версіи, менѣе вѣроятной, Т. и другіе воеводы измѣнили государю, ибо «были худы, а милы имъ были жены». Стефанъ не покаралъ воеводъ, но отъ себя не отпускалъ, по мнѣнію Карамзина, какъ бы опасаясь возвратить непріятелю такихъ вѣрныхъ доблихъ воиновъ. Вѣроятнѣе однако, что воеводы оставались у Баторія, опасаясь гнѣва Іоаннова; такъ, гонецъ литовскій Богданъ сказалъ царскому чиновнику въ Новгородѣ: «король ихъ всѣхъ (воеводъ Полоцкихъ)... къ государю отпущалъ, а они сами ѣхать не хотѣли». Щербатовъ утверждаетъ, что имя Т. встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ еще подъ 1581 г., т. е. что Т. вернулся изъ плѣна, однако послѣднее утвержденіе Карамзинымъ отвергается.

Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. IX, стр. 174, прим. 365, 527.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 271, 272.—Щербатовъ, „Исторія Россійская“, т. V, ч. III, стр. 28.—„Древняя Россійск. Вивліоѳика“, изд. 2-е, т. XIII, стр. 364; т. XIV, стр. 306.—„Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1902 г., кн. I, стр. 246, 256, 265.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 240.—„Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Дѣла польскія (рукопись Моск. арх. иностр. дѣлъ), № 11, л. 184.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русск. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. Библ.), ч. III, стр. 402, 403.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ“, ч. II, стр. 186.—Лобановъ-Ростовскій, „Руская родословная книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, стр. 132, 135. *А. Я.*

Телятевскій, князь *Дмитрій Ивановичъ*, воевода. Въ 1536 г. служилъ первымъ воеводой, а гдѣ—не сказано. Въ 1542 г. вторымъ воеводой передового полка въ Коломнѣ. Въ 1544 г. (1 марта) назначенъ былъ вторымъ воеводой первой правой руки войскъ въ Казанскомъ луговою сторону походѣ. Въ 1549 г. воевода большого полка въ Муромѣ. Съ 27 сентября 1551 г. воевода сторожевого полка въ Полоцкомъ походѣ; 2 октября того же года записанъ во вторую статью Московскаго списка; въ томъ же году былъ первымъ воеводой у Николы Зарайскаго и въ походѣ противъ крымцевъ, коихъ разбилъ и прогналъ. Въ 1559 г. первый воевода въ Мещерѣ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ благородныхъ россійскихъ родовъ“ (рукопись Имп. Публ. Библ.), ч. III, стр. 401, 402.—Его же, „Сокращенное описаніе служ. благ. росс. дворянъ“, ч. II, стр. 186.—Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 246.—„Временникъ Имп. Моск Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 52, 240.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I стр. 132, 135.

Телятевскій, князь *Иванъ Михайловичъ Большой*, сынъ слѣдующаго, бездѣтный. Родословныя Лобанова-Ростовскаго и Петрова указываютъ на 1495 г. какъ на годъ полученія Т. боярства и на 1512 г.—годъ его смерти. Спиридовъ приписываетъ эти даты брату Т., *Ивану Михайловичу меньшому*, по прозванію Ватута. Старыя родословныя Воскресенской лѣтописи, «Временника» и «Бархатной книги» не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, древнѣйшая разрядная книга, изд. Милюковымъ, упоминая воеводу Ивана Михайловича Т. въ Новгородскомъ походѣ 1495 г. и въ литовскихъ походахъ 1506—1508 гг., не обозначаетъ, былъ ли то большой или меньшой Т.

О *Иванѣ Михайловичѣ меньшомъ*, по прозванію *Ватута*, сохранились слѣдующія свѣдѣнія, которыя могутъ быть отнесены только къ нему. Упоминается впервые подъ 1492 г., когда служилъ первымъ воеводой лѣвой руки войскъ, а гдѣ—не сказано. Въ 1495 г. пожалованъ въ бояре и вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ Новгородскомъ съ государемъ въ походѣ былъ. Въ 1506, 1507 и 1508 гг. воеводой большого полка въ походахъ изъ Дорогобужа на Литву. Въ 1508 г. (въ сентябрѣ) посланъ былъ изъ Москвы въ Вязьму, а оттуда на помощь Дорогобужу противъ литовцевъ первымъ воеводой лѣвой руки войскъ. Въ 1512 г. умеръ. Былъ родоначальникомъ вѣтви князей *Телятевскихъ-Ватутиныхъ*; имѣлъ троихъ сыновей: Петра, Дмитрія и Василія.

Спиридовъ, „Записки о старин. служб. русск. благор. родовъ“ (рукопись Императ. Публ. библ.), ч. III, стр. 399.—Его же, „Сокращен. описаніе службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 185.—„Древнѣйшая разрядная книга“ изд. Милюковымъ, „Чтенія въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1902 г., кн. I, стр. 21, 36, 40, 42.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 52, 240.—Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 246.—„Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—Дурасовъ, „Родословная кн. всероссійск. дворянства“, т. I, гл. II, стр. 151.

Телятевскій, князь *Михаилъ Ѳедоровичъ*, бояринъ тверской и московскій. Былъ сыномъ перваго князя Телятевскаго. Ѳедора Александровича, а не родного дяди послѣдняго, кн. Ѳедора Микулинскаго, какъ нѣкоторые историки полагаютъ. Невѣрно также утвержденіе Петрова и Экземплярскаго, что Михаилъ Ѳедоровичъ Т. прозывался *Ватутой* и былъ родоначальникомъ вѣтви *Ватутиныхъ*-Телятевскихъ; по старымъ родословнымъ Воскресенской лѣтописи, В«ременника» и «Бархатной книги», а также по новѣйшимъ Лобанова-Ростовскаго и Дурасова *Ватутой* (не Ващутой) прозывался сынъ Михаила Ѳедоровича Иванъ Михайловичъ Меньшой и потомки послѣдняго прозывались Ватутиными-Телятевскими. Впервые Т. упоминается въ тверскихъ боярахъ. Въ 1477 г. Т. по государеву указу посланъ отъ великаго князя тверского воеводой тверскими войсками въ походъ подъ Новгородъ и 4 ноября пришелъ въ станъ къ государю въ селеніе Боблово, и «князь великій, почтивъ его, да велѣлъ ему за собою пойти по своей дороги»; 19 ноября Т. былъ назначенъ въ товарищи къ брату вел. кн. князю Андрею Большому вторымъ воеводой правой руки войскъ подъ Новгородомъ; 3 декабря указано ему стоять у монастыря св. Николы на Островкѣ. Въ 1478 г. Т. пожалованъ былъ въ московскіе государевы бояры. Въ 1488 г., опасаясь враждебнаго отношенія Іоанна къ тверскому вел. кн. Михаилу, Т. перешелъ на службу къ московскому государю и получилъ отъ него помѣстье Дмитровъ. Въ 1492 г. былъ назначенъ вторымъ воеводой тверскихъ войскъ на берегу Оки. Въ 1493 г. второй воевода правой руки войскъ въ походѣ на Литву. Въ 1495 г. былъ въ Новгородскомъ съ государемъ походѣ. Въ 1496—1497 гг. воевода правой руки конной роты въ походѣ къ Казани. Въ 1500 г. Т. участвовалъ въ походѣ на Литву, ходилъ къ Рославлю и къ Ельнѣ, первымъ воеводой передового полка стоялъ на берегу р. Ведроши, въ какомъ мѣстѣ была столь удачная для русскихъ битва 14 іюля. Въ 1501 г. Т. четвертымъ воеводой въ Твери съ государевымъ сыномъ кн. Василіемъ Ивановичемъ; въ октябрѣ того же года первымъ воеводой правой руки войскъ въ походѣ на Ливонію. Въ 1502 г. въ походѣ на Литву съ царскимъ сыномъ Димитріемъ вторымъ воеводой сторожевого полка, а по второму наряду воеводой правой руки войскъ въ походѣ на Литву и противъ лифляндцевъ, коихъ 24 ноября русскіе разбили и въ Лифляндіи великія разоренья учинили: въ томъ же году второй воевода сторожевого полка въ походѣ къ Смоленску. Въ 1505 г. Т. былъ посланъ вторымъ воеводой судовой рати въ походѣ къ Казани. Въ 1508 г. въ литовскомъ походѣ указано ему было идти изъ Великихъ Лукъ къ Торопцу для соединенія съ кн. Щенятевымъ, а по взятіи Дорогобужа былъ первымъ воеводой лѣвой руки войскъ въ этомъ городѣ. Въ 1510 г. намѣстникомъ во Владимирѣ и въ этомъ же году умеръ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI, стр. 206; т. VII, стр. 246; т. VIII, стр. 184, 186, 187; т. XV, стр. 498.—Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. VI, стр. 74, 75.—„Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 52, 240.—Родословная книга, извѣстная подъ названіемъ „Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русск. благ. родовъ“ (рукопись Императ. Публ. библ.), ч. III, стр. 398.—Его же, „Сокращенное опис. службъ благ. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 184.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. VI, столбцы 70, 71, 75, 111, 196; примѣчанія 488, 516, 541; т. VII, прим. 9, 31.—Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 553, 557.—„Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1902 г., кн. I, стр. 21, 24, 27, 32.—Дурасовъ, „Родословная книга всероссійск. дворянства“, ч. I, гл. II, стр. 133.

Телятевскій-Ватутинъ, кн. *Петръ Ивановичъ*, бояринъ и воевода. Съ 25 декабря 1542 г. былъ первымъ воеводой большого полка по крымскимъ вѣстямъ. Въ 1543 г. первымъ воеводой передового полка сначала въ Крымской, а затѣмъ въ Литовской Украинѣ, въ октябрѣ того же года первымъ на приступѣ къ Полоцку въ ворота Московской башни. Съ 1 марта 1544 г. Т. былъ вторымъ воеводой перваго сторожевого полка въ Казанскомъ нагорною стороною походѣ. Въ 1545 г. первый воевода на Плесѣ; въ 1547 г. первый воевода передового, а въ 1548 г. сторожевого полка въ Муромѣ. Въ 1549 г. пожазанъ въ окольничихъ, съ 20 апрѣля этого года вторымъ воеводой перваго сторожевого полка въ Шведскомъ походѣ. Въ 1550 г. во время

государева Казанскаго похода первымъ воеводой въ Нижнемъ. Съ 1551 г. (съ 27 сентября) первымъ воеводой осьмой лѣвой руки войскъ въ Полоцкомъ походѣ, а послѣ вторымъ воеводой въ Рязани и въ походѣ противъ крымцевъ. Въ 1555 г. Т. былъ въ походѣ съ государемъ по крымскимъ вѣстямъ въ Коломну и въ Тулу. Въ 1563 г. былъ пожалованъ въ бояре: въ томъ же году съ 30 ноября третьимъ въ походѣ съ государемъ къ Полоцку. Въ 1564 г. первымъ воеводой правой руки войскъ въ Калугѣ отъ поля. Въ 1566 г. умеръ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ русск. благ. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. III, стр. 400.—Его же, „Сокращен. описаніе служебъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 186.—Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 246.—„Временникъ Московск. Общ. Исторіи и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 52, 240.—Родословная, извѣстная подъ названіемъ „Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословская книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. I, стр. 354.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, т. IX, прим. 66.

Телятевскій, князь *Ѳедоръ Александровичъ*,—первый и единственный владѣтельный князь телятевскій. Современникъ Василія Темнаго (XVII колѣно рюриковичей), сынъ кн. Александра Ѳедоровича Микулинскаго, внука великаго князя тверского Михаила Александровича, Т. получилъ свое имя по удѣлу Телятеву, выдѣлившемуся изъ Микулинскаго удѣльнаго княжества. Княжилъ онъ въ Телятевѣ съ 1397 по 1437 г. Въ лѣтописяхъ, кромѣ лѣтописной родословной, не упоминается, но въ жалованной грамотѣ вел. кн. тверского Бориса Александровича («Акты Арх. Экспедиціи»), данной тверскому Отрочу монастырю, Т. названъ послѣ великаго князя въ числѣ другихъ удѣльныхъ князей, отъ которыхъ дается эта грамота. Грамоту издатели ея относятъ къ 1437—1461 гг. Послѣдніе годы жизни Т. провелъ у великаго князя Бориса Александровича.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VII, стр. 246.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 52, 240.—Родословная, извѣстная подъ названіемъ „Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. I, стр. 380; т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русск. благор. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. III, стр. 394, 377.—Его же, „Сокращ. опис. службъ благ. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 184.—„Акты Археографич. Экспед.“, т. I, № 34.—Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверн. Руси“, т. II, стр. 557.—Дурасовъ, „Родословная книга всероссійск. дворянства“, ч. I, гл. II, стр. 111.

Телятевскій, князь *Ѳедоръ Андреевичъ*, стольникъ и воевода. Впервые упоминается въ 1623 г., въ коемъ 15 августа въ чинѣ стольника смотрѣлъ въ большой государевъ столъ. Въ 1624 г. 2 февраля Т. наряжалъ вина при государевомъ столѣ, 19 сентября въ бракосочетаніе царя Михаила Ѳедоровича съ княжной Долгорукою былъ тридцатымъ въ поѣздѣ, 22 сентября смотрѣлъ въ большой столъ въ Грановитой палатѣ, 17 октября въ большой столъ смотрѣлъ въ передней палатѣ. Въ 1625 г. 17 мая при столѣ, на который, были званы кизылбашскіе послы, Т. предъ государемъ пить носилъ. Въ 1626 г. съ 20 мая отправленъ вмѣстѣ съ Юріемъ Игнатьевичемъ Татищевымъ и съ ними 408 ратныхъ людей на 4 мѣсяца первымъ воеводой въ Вязьму, откуда вернулся въ Москву уже 19 сентября того же года. Въ 1627 г. 11 декабря Т. со столомъ ѣздилъ отъ государя и отъ патріарха къ турецкому послу. Въ 1628 г. съ 13 апрѣля Т. служилъ въ Украинномъ разрядѣ первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ по крымскимъ вѣстямъ; въ царской грамотѣ отъ 31 мая Т. приказывалось смотрѣть за укрѣпленіями, слѣдить за приходомъ непріятеля, звать окрестныхъ жителей въ осаду при приближеніи непріятеля, доносить обо всемъ государю и воеводамъ ближайшихъ городовъ, посылать дозорщиковъ, ловить языковъ, смотря по вѣстямъ—самому противъ крымчанъ ходить «и товарищей своихъ другихъ воеводъ посылать»; въ случаѣ нападенія крымчанъ и ногайцевъ на Тулу къ Т. на сходъ должны были идти воеводы съ Дѣдилова, съ Крапивны, съ Переяславля Рязанскаго и со Мценка, въ случаѣ же нападенія на Рязань Т. долженъ былъ поспѣшить туда на помощь; въ приказѣ отъ 20 сентября Т. отпускался съ 1 октября съ Тулы къ Москвѣ, если не будетъ вѣстей про воинскихъ людей. Съ 31 мая 1631 г. по 16 мая 1633 г. Т. служилъ первымъ воеводой въ Тобольскѣ; служба его совпала со временемъ расширенія и закрѣпленія нашихъ сибирскихъ владѣній, и этимъ задачамъ Т. приказано было всячески содѣйствовать: въ наказѣ

бывшимъ въ то время на Тарѣ воеводамъ кн. Никитѣ Михайловичу Барятинскому и Константину Селивестровичу Сытову имъ приказано окладныя книги всякаго рода посылать въ Тобольскъ стольнику и Т., ему же, какъ видно изъ этого наказа, поручался сыскъ и досмотръ про ясачныхъ людей, ему должны были посылаться отписки о татарскихъ измѣнникахъ, онъ долженъ былъ смирять ихъ войною вмѣстѣ съ тарскими воеводами и отговаривать ихъ отъ измѣны; отъ 1632 г. сохранилась переписка между Т. и верхотурскимъ воеводой Бояшевымъ о сыскѣ бѣглыхъ верхотурскихъ ясачныхъ людей, и отписки Бояшеву со стороны Т. объ оповѣщеніи верхотурскихъ жителей, чтобы они калмыцкихъ ясырей приводили въ съѣзжую избу, не крестили и не продавали бы ихъ; въ 1634 г. про сидѣніе Т. воеводой въ Тобольскѣ посылался сыскивать сыщикъ Ѳедоръ Ивановичъ большой Голенищевъ-Кутузовъ. Въ 1634 г. 2 февраля смотрѣлъ въ большой государевъ столъ въ столовой палатѣ; 4 и 15 февраля былъ первымъ рындою при вторичномъ пріѣздѣ къ государю турецкаго посла въ золотой подписной палатѣ; 1 марта въ именины царицы Евдокіи Лукьяновны (Стрѣшневой) смотрѣлъ въ большой государевъ столъ въ столовой палатѣ; 6 апрѣля въ Свѣтлое Воскресеніе Т. наряжалъ вина при государевомъ столѣ въ столовой палатѣ, въ большой же столъ смотрѣлъ кн. Алексѣй Ивановичъ Воротынскій, и по сему случаю Т. билъ челомъ государю на князя Алексѣя Воротынскаго о мѣстѣхъ, а князь Алексѣй билъ челомъ на Т. о безчестьѣ; 18 іюня и 27 іюля Т. былъ первымъ рындою при представленіи государю кизылбашскаго купчины, юргенскаго и шведскихъ пословъ; 28 іюля смотрѣлъ въ большой государевъ столъ въ столовомъ шатрѣ Новодѣвичьяго монастыря; 3 и 22 августа и 3 и 23 сентября стоялъ первымъ рындой на пріѣздѣ къ государю шведскихъ, голштинскихъ и турецкихъ пословъ въ большой подписной палатѣ; 29 сентября первымъ рындой при пріѣздѣ вдругорядъ голштинскаго посла и гонца; 5 октября въ крестины царевны Софьи Михайловны въ столовой палатѣ въ большой государевъ столъ смотрѣлъ; 28 октября первымъ рындою при отпускѣ шведскихъ пословъ въ меньшей золотой палатѣ въ Николинъ день смотрѣлъ въ большой государевъ столъ въ передней палатѣ. Въ 1636 г. 10 апрѣля въ Вербное Воскресеніе у патріарха въ столовой кельѣ, 17 апрѣля (въ Свѣтлое Воскресеніе), 5 мая въ именины царевны Ирины Михайловны, 5 іюня (въ Троицынъ день) 15 августа и 25 декабря въ столовой палатѣ Т. смотрѣлъ въ большой государевъ столъ. То же въ 1637 г. 12 января (въ именины царевны Татьяны Михайловны), 2 апрѣля (въ Вербное Воскресеніе), 9 апрѣля (въ Свѣтлое Воскресеніе), 2 іюня (въ именины царевича Ивана Михайловича), 15 августа и 8 сентября; съ 23 же сентября Т. назначенъ былъ первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ. Въ 1638 г. опять въ Москвѣ стольникомъ до 5 мая, когда былъ у государя у руки при отпускѣ въ Одоевъ первымъ воеводой для храненія отъ прихода крымцевъ и ногайцевъ. Въ 1640—41 г. снова стольникъ. Въ 1642 г. былъ посланъ первымъ воеводой въ Астрахань, гдѣ оставался до 1645 г.; при вступленіи въ воеводство ему былъ данъ царскій наказъ, повелѣвавшій ласково себя держать по отношенію къ ногайскимъ, юртовскимъ и едисанскимъ мурзамъ, «въ аманаты (заложники) имати лучшихъ людей и держать на закладномъ дворѣ и береженіе держать противъ прежняго государства указу», женамъ же и дѣтямъ заложниковъ выдавать на прокормленіе, приходящихъ кочевать съ Крымской стороны подъ Астрахань и на Ногайскую сторону ногайскихъ мурзъ повелѣвалось переписывать по улусамъ и съ нихъ тоже брать заложниковъ; въ 1642 г. во время воеводства Т. калмыки сдѣлали нападеніе подъ Астрахань, при чемъ едисанскіе мурзы перешли на ихъ сторону, и Т. впослѣдствіи пытался отговорить едисанцевъ отъ измѣны. Въ 1645 г. Т. въ Астрахани же скончался.

Спиридовъ, „Записки о старин. службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. III, стр. 415, 415, 417.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ благородн. россійск дворянъ“, ч. II, стр. 191.—„Акты Историческіе“, т. III, стр. 313—315, 491; т. IV, стр. 46, 82, 91.—Полное Собраніе Законовъ, т. III, стр. 553, 557, 564, 580, 581.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, т. III, стр. 149, 153.—„Русская Историческая Библіотека“, т. IX, стр. 411, 423, 429, 540, 546, 568, 569; т. X, стр. 135, 141, 166, 167, 173, 191, 198, 199.—„Разрядныя книги по офиціальнымъ оныхъ спискамъ“, т. I, столб. 1230; т. II, столбцы 8, 9, 10, 16, 17, 25, 26, 28, 29, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 46, 49, 51, 52, 54, 56, 101,

362, 689.—„Дворцовые разряды“, т. I, столбцы 643, 652, 733, 843, 934, 964, 983, 988, 991; т. II, столбцы 81, 93, 127, 159 (прим. 3), 184, 296, 352, 360, 361, 366, 367, 368, 380, 387, 388, 392, 397, 401, 402, 403, 405, 406, 506, 507, 508, 510, 516, 523, 525, 526, 527, 528, 534, 539, 544, 552, 561, 564, 603, 621, 630, 672, 688.—А. П. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ Московскаго государства въ XVII столѣтіи“, стр. 9, 55, 237.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 403.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. II, стр. 294. *А. Я.*

Темирязевъ см. *Тимирязевъ*.

Темка-Яновъ-Ростовскій, князь *Иванъ Ивановичъ*, воевода; потомокъ Рюрика въ XIX колѣнѣ, сынъ Ивана-Яна Андреевича удѣльнаго князя ростовскаго, правнука Константина Васильевича, родоначальника младшей линіи князей Ростовскихъ рода Василія Константиновича. Получивъ прозвище Темка, кн. Ив. Ив. сдѣлался родоначальникомъ кн. Темкиныхъ-Ростовскихъ. Въ 1474 г. произошла продажа великому князю Ивану Васильевичу Борисоглѣбской стороны Ростова, и съ этого года Т., хотя и рожденный удѣльнымъ княземъ, пересталъ быть таковымъ и въ источникахъ упоминается только какъ воевода. Въ 1495 г. Т. служилъ воеводой въ Тулѣ. Въ 1501 г. воеводой передового полка въ Новгородѣ. Въ 1502 г. стоялъ на заставѣ противъ лифляндцевъ сперва въ Ямъ-городѣ, а послѣ въ Корбосельской волости. Въ 1503 г. первымъ воеводою въ Ивангородѣ; 13 сентября того же года неожиданно пришедшихъ къ сему городу лифляндцевъ разбилъ и многихъ полонилъ; 16 декабря вторично разбилъ лифляндцевъ на Ругодѣвскомъ полѣ. Въ 1509 г. Т. былъ первымъ воеводой сторожевого полка въ походѣ изъ Вязьмы на помощь Дорогобужу. Въ 1514 г. во время третьяго государева къ Смоленску похода Т. былъ воеводою передового полка въ Великихъ Лукахъ, а по взятіи Смоленска ходилъ изъ Великихъ Лукъ подъ Оршу первымъ воеводою того же полка; 8 сентября того же года былъ убитъ въ битвѣ съ литовцами подъ Оршей на Днѣпрѣ: «а мѣсто пришло тѣсно... и убиша изъ пушки воеводу въ передовомъ полку кн. Ив. Ив. Темку-Ростовскаго». Т. имѣлъ четырехъ сыновей: *Семена*, *Юрія*, *Василія*, *Григорія*.

Бархатная книга, ч. I, стр. 86.—„Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.“, кн. X. стр. 39, 40, 58, 142, 230.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. II, стр. 183.—Петровъ, „Исторія родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.—„Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ за 1902 г., кн. I, стр. 29, 55.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 83, 84.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ благородн. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 28.—А. Экземплярскій. „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 58.—Карамзинъ, „Исторія государства россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. VII, примѣч. 110, 123.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. I, стр. 1008, табл. I.—Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, стр. 306.

Темкинъ-Ростовскій, князь *Василій Ивановичъ*, бояринъ и воевода; сынъ Ивана Ивановича Темки. Въ 1540, 1543, 1544 гг. Т. служилъ первымъ воеводою въ Рязани за городомъ. Въ 1550 г. значился въ боярахъ двоюроднаго брата Ивана Васильевича кн. Владиміра Андреевича Старицкаго; 31 мая этого года въ свадьбу сего князя съ дѣвицей Нагой Т. сидѣлъ четвертымъ въ кривомъ государевомъ столѣ противъ Государевыхъ бояръ. Въ 1558 г., 22, 23, 24 апрѣля во вторую свадьбу кн. Владиміра Андреевича съ княжной Одоевской Т. сидѣлъ вторымъ къ кривомъ государевомъ столѣ противъ бояръ же. Въ 1559 г. Т. посланъ въ Каширу со своимъ же княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Послѣ 1563 г., когда кн. Владиміру Андреевичу была объявлена опала, Т. въ числѣ другихъ бояръ ушелъ со службы Старицкаго на государеву службу и поступилъ въ опричнину. Въ 1565 г. Т. былъ посланъ первымъ воеводою изъ опричнины изъ Москвы противъ крымцевъ. Въ 1566 г. И онъ былъ плѣнникомъ въ Литвѣ; при началѣ переговоровъ объ обмѣнѣ плѣнныхъ царь Московскій, въ отвѣтъ на предложеніе обмѣнять Т. на полоцкаго воеводу Довойну, потребовалъ съ литовцевъ приплаты 15 тысячъ золотыхъ; бояре, ведшіе переговоры съ литовцами, говорили про Т., что онъ по сравненіи съ Довойной «не тое версты; служилъ въ удѣлѣ, то селскіе князи и тово и поминати нечево, что Темкина взяти за Довойна»; переговоры затянулись и лишь въ 1567 г. Т. вернулся въ Москву, гдѣ продолжалъ службу въ опричнинѣ. Въ 1568 г. Т. былъ пожалованъ въ государевы бояре; въ этомъ же году онъ, согласно Карамзину, «прежде воинъ именитый, тогда слуга тиранства, подобно Басмановымъ», былъ

посланъ въ Соловецкій монастырь вмѣстѣ съ епископомъ суздальскимъ Пафнутіемъ и архимандритомъ андроніковскимъ Ѳеодосіемъ искать клеветниковъ на митрополита Филиппа: Т. съ другими послами то угрожалъ монахамъ, то ласкалъ ихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго игумена; когда, однако, всѣ монахи говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ, и только игуменъ отецъ Паисій, прельстившись ожидаемыми наградами, дерзнулъ утверждать противное, тогда изобрѣтены были доносы и улики и представлены Іоанну. Въ 1570 г. въ маѣ мѣсяцѣ Т. во время мирныхъ переговоровъ съ литовцами участвовалъ въ приговорѣ царя и бояръ о рубежахъ Полоцкаго повѣта и названъ при этомъ «бояриномъ изъ опричнины»; въ іюнѣ мѣсяцѣ участвовалъ въ переговорахъ съ литовцами о титулѣ литовскаго и польскаго короля Сигизмунда-Августа. Въ 1570 г. 4 сентября посланъ изъ опричнины по крымскимъ вѣстямъ, и указано ему ожидать государева похода, а съ 16 числа того же мѣсяца вторымъ въ походѣ съ государемъ изъ Александровской слободы къ Николѣ Зарайскому, въ Каширу, Коломну и подъ Серпуховъ. Въ 1571 г. Т. находился вмѣстѣ съ государемъ и кн. Черкасскимъ на берегахъ Оки подъ Серпуховымъ воеводою передового полка, будучи въ приближенныхъ у государя, а послѣ сего стоялъ первымъ воеводой Опричнаго разряда съ дружиною опричниковъ за Неглинною при нашествіи на Москву крымскаго хана Девлетъ-Гирея; когда же ханъ ушелъ и кн. Черкасскому приказало было его преслѣдовать, Т. въ семъ несостоявшемся походѣ назначено было быть правою рукой Черкасскаго; въ этомъ году Т. былъ награжденъ помѣстьями, но въ этомъ же году впалъ въ немилость и казненъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ: «пакы потомъ тѣхъ же княжатъ Ростовскихъ; иже и здѣсь страдалъ за него Василій Темкинъ съ сыномъ своимъ, разсѣканы отъ кромѣшниковъ его, катовъ избранныхъ, за повелѣніемъ его» (Курбскій).

„Акты Историческіе“, т. I, стр. 341.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, ч. XIII, стр. 81; ч. XX, стр. 49, 50, 54.—„Сборникъ Имп. Россійск. Историч. Общ.“, т. LXXI, стр. 413, 414, 420, 421, 422, 423, 432, 440, 441, 661, 716, 717.—Дѣла польскія (рукопись Московскаго архива иностр. дѣлъ), десятни 7 и 9.—„Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“ за 1902 г., кн. I, стр. 8, 17, 120.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 40, 142, 230.—„Бархатная книга“, ч. I, стр. 87.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. II, стр. 183.—Петровъ, „Исторія родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.—„Сказанія кн. Курбскаго“, изд. 3-е Устрялова, стр. 84, 319, 390.—Спиридовъ. „Записки о старин. служб. русск. благор. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 87, 88.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 29, 30.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. IX, стр. 62, 70, 106, прим. 197, 221, 268, 353. *А. Ясный.*

Темкинъ, князь *Григорій Ивановичъ*, воевода. сынъ Ивана Ивановича Темки. До 1550 г., числился въ ярославскихъ и двоюроднаго брата царя Іоанна Васильевича князя Владимира Андреевича старицкаго дѣтяхъ боярскихъ. Въ 1550 г., при раздачѣ помѣстій въ Московскомъ уѣздѣ, Т., занесенный въ первую статью дѣтей боярскихъ, получилъ 200 четей; 31 мая того же года Т. былъ третьимъ въ поѣздѣ во время свадьбы князя Владимира Андреевича съ дѣвицей Нагой; въ томъ же году былъ третьимъ есауломъ въ казанскомъ походѣ. Въ 1552 г. Т. служилъ первымъ воеводою въ Тулѣ. 21 іюня отъ него къ государю пригналъ гонецъ съ вѣстями о приходѣ крымцевъ на Тулу. Іоаннъ послалъ къ Тулѣ воеводъ Щенятева и Курбскаго съ товарищами, собирался и самъ выступить на другой день въ помощь, но на утро пришла вторая вѣсть отъ Т., что крымцевъ мало и они, пограбивъ окрестъ, ушли. Царь отпустилъ по этимъ вѣстямъ только воеводъ, а самъ остался. 23 іюня прискакалъ новый гонецъ отъ Т. съ вѣстью, что Тулу осаждаетъ самъ царь казанскій съ большимъ нарядомъ и янычарами. Велѣвъ передовымъ воеводамъ переходить Оку, Іоаннъ вновь лично собрался въ походъ и поспѣшилъ къ Каширѣ, но не дойдя до нея получилъ извѣстіе, что хана уже нѣтъ подъ Тулой. Іюня 22 Т. удалось отбить всѣ приступы татаръ несмотря на малочисленность защитниковъ, на утро 23-го же ханъ, свѣдавъ, что на помощь идетъ самъ царь, сталъ отступать, а Т. вмѣстѣ съ тулянами бросился его преслѣдовать, много татаръ, въ числѣ ихъ шурина ханскаго князя Камбируся, перебилъ въ тотъ день, захватилъ многихъ плѣнныхъ и огнестрѣльный снарядъ; въ этой вылазкѣ принимали

участіе даже жены и дѣти тульскія; черезъ нѣсколько часовъ подоспѣли посланные на помощь царскіе воеводы и разбили убѣгавшихъ татаръ на рѣчкѣ Шиворонѣ. Карамзинъ по поводу спасенія Тулы называетъ Т. «бодрымъ начальникомъ», однако и на Т. падаетъ тѣнь отъ упрека воеводамъ въ письмѣ Іоанна къ Курбскому за неиспользованіе тульской побѣды: «Егдажъ къ нашу отчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ Крымскій царь, и мы тогда васъ послахомъ противу него: оному же устрашившуся и въ своя возвратившуся, Агметъ Улану же, воеводѣ его, не со многими людьми оставшуся, вы же тогда поѣхаете на обѣдъ къ воеводѣ нашему, ко князю Григорію Темкину, и ядше, пойдоста за ними и ничто жъ имъ сотворише: они бо въ то время въ далечайшее разстояніе отъ васъ отъидоша. Аще убо вы и раны многи претерпѣста, но побѣды никоея же не сотвориша». Въ 1553 г. Т. служилъ первымъ воеводой въ Путивлѣ; 5 ноября того же года въ свадьбу казанскаго царя Симеона съ дѣвицей Кутузовой былъ третьимъ въ поѣздѣ. Въ 1555 г. служилъ головою для посылокъ въ походѣ съ государемъ въ Коломну и Тулу противъ крымцевъ. Въ 1556 г.—второй воевода для вылазокъ. Въ 1556 г.—первый воевода въ Казани. Въ 1558 г. Т. стоялъ съ ратью въ Изборскѣ, откуда былъ посланъ воевать ближайшіе предѣлы Ливоніи, чтобы наказать нѣмцевъ за вѣроломство, такъ какъ они во время Великаго поста неожиданно стали стрѣлять изъ Нарвы въ Ивангородъ, отдѣленный отъ нихъ одной лишь рѣкой; Т. выжегъ село въ окрестностяхъ Валка, разбилъ непріятельскій отрядъ, взялъ 4 пушки и возвратился въ Изборскъ. Въ октябрѣ того же года Т. посылался сначала подъ Юрьевъ, а потомъ во Псковъ противъ ливонскаго магистра первымъ воеводой сторожевого полка. Въ 1560 г. посылался по крымскимъ вѣстямъ для охраненія воеводою въ Темниковъ. Въ 1562 г. Т. служилъ первымъ воеводою сторожевого полка въ Серпуховѣ и оттуда ходилъ къ Мценску противъ крымцевъ; въ томъ же году посланъ первымъ воеводою въ Казань.

„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійск.“, кн. X, стр. 40, 142, 230. — „Бархатная книга“, ч. I, стр. 87.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, ч. XIII, стр. 56, 59, 297; ч. XVII, стр. 158.—„Царственная книга“, стр. 228, 230, 231.—„Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“ за 1902 г., кн. I, стр. 5, 155, 159, 174, 184, 199, 201, 202, 221, 229.—„Сказанія кн. Курбскаго“, изд. 3-е Устрялова, стр. 186.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. VIII, стр. 91, 165; примѣч. 509; т. IX, стр. 36.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. I, стр. 73.—Спиридовъ, „Записки о старин. служб. благор. россійск. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 88, 89, 90.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 30.—Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, примѣч. 27.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. II, стр. 183.—Петровъ, „Исторія родовъ россійскаго дворянства“, т. I, стр. 102.

А. Я.

Темкинъ, князь *Иванъ Васильевичъ*, воевода въ большомъ полку, сынъ Василія Ивановича. Въ 1565 и 1570 гг. служилъ вторымъ воеводою большого полка въ Калугѣ. Въ 1571 г. при походѣ на крымскаго хана Девлетъ-Гирея былъ посланъ вмѣстѣ съ шуриномъ царя Іоанна кн. Михайлой Темрюковичемъ Черкасскимъ изъ опричнины въ Тарусу вторымъ воеводою большого полка; въ томъ же году этотъ молодой выдающійся воевода былъ казненъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Спиридовъ, какъ бы не вѣря въ его гибель, называетъ Т. воеводою въ разныхъ городахъ впредь до 1602 г., что ошибочно.

Курбскій, „Сказанія кн. Курбскаго“, стр. 84, 319, 390.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русск. благор. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 90. 91.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 30.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 142.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. II, стр. 183.—Петровъ, „Исторія родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.

Темкинъ, князь *Иванъ Григорьевичъ*, сынъ боярскій, сынъ Григорія Ивановича. Въ 1573 г. былъ тринадцатымъ изъ поѣзжанъ въ свадьбу дочери двоюроднаго брата царя Іоанна Васильевича князя Владимира Андреевича старицкаго княжны Маріи Владимировны и короля Арцымагнуса. Въ 1579, 1580, 1581 гг. былъ головою у надзиранія ночныхъ сторожей и спалъ въ государевомъ стану въ походахъ на лифляндцевъ и противъ польскаго короля. Въ 1590 г. былъ головою у огней въ новгородскомъ и подъ Ругодѣвъ походахъ.

Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 30.—Петровъ, „Исторія родовъ россійскаго дворянства“, т. I, стр. 102.

Темкинъ, князь *Михаилъ Григорьевичъ*, воевода сынъ Григорія Ивановича, братъ предыдущаго. Въ 1579, 1580 и 1581 гг. Т., подобно брату, служилъ головою у надзиранія ночныхъ сторожей въ походахъ на лифляндцевъ и противъ польскаго короля. Въ 1590 г. — голова у огней въ новгородскомъ и подъ Ругодѣвъ походѣ. Въ 1591 г., числясь въ дворянахъ, награжденъ за отогнаніе крымцевъ отъ Москвы золотымъ. Въ 1594, 1595 и 1596 гг. служилъ первымъ воеводой въ Свіяжскѣ. 22 мая 1597 г. стоялъ среди дворянъ въ Грановитой палатѣ при пріемѣ австрійскаго посла бургграфа Авраама Донавскаго; въ томъ же году посланъ воеводой въ Орелъ. Въ 1598 г. принималъ участіе въ соборѣ, избравшемъ на престолъ Бориса Годунова, и къ грамотѣ за него руку приложилъ кн. Андрей Хилковъ; въ томъ же году—второй воевода у огней въ государевомъ стану въ Серпуховскомъ по крымскимъ вѣстямъ походѣ. Въ 1600 г. Т. былъ первымъ объѣзжимъ въ Москвѣ въ Кремлѣ; въ этомъ же году имѣлъ мѣстническое дѣло съ кн. Василіемъ Ивановичемъ Буйносовымъ. Въ 1601—1602 гг. служилъ воеводой въ Корелѣ; въ 1602 же году посланъ былъ первымъ воеводой въ Орѣшну. Въ 1605 г. вмѣстѣ съ дьякомъ Филимономъ Озеровымъ поверсталъ муромскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а послѣ Мурома въ этомъ и 1606 г. поверсталъ съ тѣмъ же дьякомъ въ Нижнемъ, Арзамасѣ, Новгородѣ и въ Лухѣ. Въ 1614—1615 гг. служилъ первымъ воеводой въ Вологдѣ.

„Акты Историческіе“, т. Ш, стр. 92.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. II, стр. 43; т. III, стр. 18.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, ч. XIII, стр. 159, 272, 274, 275, 309, 419; ч. XIX, стр. 386.—„Акты Юридическіе“, т. I, стр. 234, 366, 368.—„Временникъ Импер. Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 40; кн. XIV, стр. III.—„Разрядныя книги по оффиц. оныхъ спискамъ“, т. I, столбцы 76, 180.—„Дворцовые разряды“. т. I, столбцы 134, 150, 190.—П. Ѳ. Лихачевъ, „Разрядная книга“ (рукопись хранится въ Имп. Публ. библ.), стр. 475.—Е. В. Барсовъ, „Разрядная книга“ (рукопись хранится въ Имп. Публ. библ.), стр. 648.—Московскій архивъ министерства юстиціи, десятни 6 и 9.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, стр. 199, 518, 528; 532; примѣч. 57, 69, 70, 71.—Спиридовъ, „Записки о старин. службахъ россійск. благор. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 91.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ благор. россійск. родовъ“, ч. II, стр. 30, 31.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ Московскаго государства въ XVII, столѣтіи“, стр. 46, 111. Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. X, примѣч. 315.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 1663.

Темкинъ, князь *Михаилъ Михайловичъ*, стольникъ и большой воевода, а потомъ бояринъ и дворецкій, сынъ предыдущаго. Впервые упоминается подъ 1617 г. головою въ Дорогобужѣ. Въ 1623 г.—мѣсяцъ и день не указаны—Т., уже въ чинѣ стольника, смотрѣлъ въ большой государевъ столъ. Въ 1625 г. 19 сентября, въ первое бракосочетаніе царя Михаила Ѳедоровича съ княжной Марьей Владимировной Долгорукой Т. пятнадцатымъ въ поѣздѣ былъ. Въ 1626 г.,—5 февраля, во второе бракосочетаніе того же царя—десятымъ въ поѣздѣ былъ. Съ 4 апрѣля 1630 г. Т. находился на службѣ въ украинномъ разрядѣ первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ для береженья отъ крымскихъ и ногайскихъ людей, а съ нимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ городовъ и иноземцевъ 1095 чел. Предъ отправленіемъ въ Тулу Т. получилъ царскій наказъ отъ 30 марта на службѣ своей смотрѣть за укрѣпленіями, производить смотры ратнымъ людямъ, слѣдить за приближеніемъ непріятеля, звать по вѣстямъ окрестныхъ жителей въ осаду, доносить о непріятелѣ государю и воеводамъ ближайшихъ городовъ, посылать дозорщиковъ, ловить языковъ, самому или общими силами съ другими воеводами отражать непріятельскія нападенія. 1 октября 1630 г. Т. въ числѣ другихъ большихъ воеводъ былъ отпущенъ на осень къ Москвѣ. Въ 1633 г.—21 февраля—наряжалъ вина при государевомъ столѣ въ селѣ Тайнинскомъ. Съ 24 мая 1635 г. Т. назначено было быть первымъ воеводой въ Тобольскѣ на смѣну князя Андрея Голицына, отпущеннаго къ Москвѣ; въ Тобольскѣ Т. служилъ до мая же мѣсяца 1639 г. Подобно другимъ тобольскимъ воеводамъ и Т. приходилось служить дѣлу закрѣпленія и расширенія нашей сибирской окраины: въ 1639 г. ему и товарищу его Андрею Васильевичу Волынскому приказано было содѣйствовать отправкѣ въ Ленскіе острожки воеводъ, стольниковъ Петра Головина и Матвѣя Глѣбова; отъ того же года сохранилась отписка сына боярскаго Шахова къ Т. и его товарищу объ отсылкѣ имъ въ Тобольскъ собраннаго Шаховымъ на рѣкѣ

Вилкѣ ясака и о полученіи въ свою очередь изъ Тобольска денегъ для раздачи жалованья служилымъ людямъ. Въ 1640 г.—12 іюля (въ государевы имянины) въ столовой палатѣ, 17 сентября въ селѣ Коломенскомъ (на новосельѣ) въ новыхъ хоромахъ, 1 октября въ селѣ Рубцовѣ—смотрѣлъ въ большой государевъ столъ. Въ 1641 г.—12 января (въ именины царевны Татьяны Михайловны), 1 марта (въ именины царицы Евдокіи Лукьяновны), 17 марта (въ именины царевича Алексѣя Михайловича), 27 апрѣля и 5 мая (въ именины царевны Ирины Михайловны)—въ столовой палатѣ въ большой государевъ столъ смотрѣлъ. Въ этомъ же 1641 г. Т. посланъ былъ первымъ воеводой въ Казань, гдѣ остается и въ 1642 и 1643 гг.; отъ времени его воеводства въ Рязани сохранилась копія царской къ нему грамоты объ избавленіи крестьянъ и бобылей Тетюшинскаго Покровскаго монастыря отъ стоянія въ Тетюшской засѣкѣ. Въ 1644 г. 28 января Т. первымъ смотрѣлъ въ большой государевъ столъ въ Грановитой палатѣ при датскомъ царевичѣ Вальдемарѣ. Въ 1645 г. 9 августа Т. встрѣчалъ на большой встрѣчѣ у дверей золотой палаты польскаго посла Гавриды Стемпковскаго, а послѣ со столомъ къ нему отъ государя ѣздилъ; 28 сентября въ коронацію царя Алексѣя Михайловича—третьимъ предъ государемъ ходилъ, а 30 сентября вина наряжалъ при государевомъ столѣ въ Грановитой палатѣ; 1 октября того же 1645 г. Т. пожалованъ въ бояре и дворецкіе, а у сказки стоялъ боярин Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, а сказывалъ думный разрядный дьякъ Иванъ Гавреневъ; того же дня у государя въ столовой палатѣ за столомъ былъ. Въ 1647 г. 6 іюня (въ Троицынъ день) въ трапезѣ Троице-Сергіевскаго монастыря—у государя за столомъ былъ. Въ 1648 г. 16 января въ бракосочетаніе царя Алексѣя Михайловича съ дѣвицей Марьей Ильинишной Милославской Т. былъ первымъ въ царицыныхъ сидячихъ, съ 21 января вторымъ оставленъ былъ вѣдать Москву въ государево отсутствіе въ Троице-Сергіевъ монастырь, 25 марта—у государя въ столовой палатѣ за столомъ былъ, съ 7 апрѣля вновь вторымъ оставленъ былъ Москву вѣдать въ государево отсутствіе въ село Покровское. Съ 14 іюня того же 1648 г. Т. былъ назначенъ первымъ судьей Разбойнаго приказа. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ высылалъ Т. для переговоровъ съ возмутившимся народомъ, причемъ подвергся безчестью и побоямъ со стороны толпы и былъ ограбленъ дворъ его въ Москвѣ; въ томъ же году 8 сентября и 25 декабря у государя въ столовой палатѣ за столомъ былъ. Въ 1650 г.—2 іюня (въ Троицынъ день) въ трапезѣ Троице-Сергіева монастыря, 12 іюня въ Кашинѣ въ столовомъ шатрѣ и 25 декабря въ столовой палатѣ—у государя за столомъ былъ; тоже въ 1651 г.—30 марта (въ Свѣтлое Воскресенье) въ столовой палатѣ, 18 мая (въ Троицынъ день) въ трапезѣ Троице-Сергіева монастыря, 28 іюля въ столовомъ шатрѣ Новодѣвичьяго монастыря, 15 августа у патріарха въ столовой кельѣ; тоже въ 1652 г.—18 апрѣля (въ Свѣтлое Воскресеніе) въ столовой палатѣ, въ 1653 г.—19 января въ трапезѣ Савина монастыря, въ 1654 г.—30 апрѣля въ трапезѣ Троице-Сергіева монастыря. 16 мая 1654 г. Т. у государя у руки былъ при отпускѣ его въ Вязьму первымъ воеводой сторожевого полка предъ государевымъ походомъ противъ поляковъ; 25 мая послано къ нему отъ государя изъ стану подъ Шолковкой повелѣніе «итти войной тотчасъ» съ полкомъ своимъ подъ Бѣлую, а «учиня подъ Бѣлую Промыслъ» идти къ государю въ Дорогобужъ; въ началѣ іюня Т. взялъ у поляковъ и литовцевъ Бѣлую, съ каковою вѣстью прискакалъ къ государю въ Дорогобужъ 14 іюня стольникъ Степанъ Никитичъ Шаховской, и пожалована была ему за это грамота похвальная, а при томъ указано ему идти съ полкомъ своимъ въ Дорогобужъ къ государю, оставя въ Бѣлой осаднаго голову Захарія Новосильцова. 9 іюля государь послалъ Т. изъ стана подъ Смоленскъ вмѣстѣ съ воеводой большого полка княземъ Черкасскимъ и воеводой передового полка княземъ Одоевскимъ подъ Оршу первымъ воеводой сторожевого полка; 2 августа пригнали отъ воеводъ изъ-подъ Орши къ государю въ станъ на Дѣвичью гору гонцы—отъ Т. гонцомъ былъ Иванъ Евтифіевъ Тверитиновъ—съ извѣстіемъ, что «Божьей милостью, а его государевымъ счастьемъ» городъ Оршу взяли, а гетманъ Радзивиллъ изъ-подъ Орши побѣжалъ и воеводы его преслѣдуютъ; 3 августа посланъ былъ стольникъ князь Александръ Лобановъ-Ростовскій къ воеводамъ съ государевымъ жалованнымъ словомъ за

оршанскую службу; 7 августа вновь прибыли гонцы отъ воеводъ изъ-подъ Орши къ государю подъ Смоленскъ—отъ Т. гонецъ Лыковъ—съ вѣстью, что «гетмана Радзивилла и польскихъ и литовскихъ людей побили и языки многіе взяли». Изъ-подъ Орши Т. вмѣстѣ съ тѣми же воеводами отправился подъ Дубровну; 23 сентября государь послалъ имъ подъ Оршу извѣщеніе о взятіи имъ Смоленска; въ октябрѣ воеводы взяли Дубровну, о чемъ Т. увѣдомилъ государя чрезъ гонца Ивана Васильевича Тыртова, прибывшаго къ государю, когда тотъ шелъ въ Дорогобужъ, 16 октября. Въ этотъ счастливый для Россіи и для Т. походъ, онъ, кромѣ Бѣлой, Орши и Дубровны принималъ еще участіе во взятіи Копаси и Шклова. Съ 11 марта 1655 г. Т. третьимъ въ походѣ съ государемъ изъ Москвы въ Смоленскъ и изъ Смоленска подъ Вильну противъ польскаго короля. Въ 1661 г. Т. умеръ. Состоялъ въ бракѣ съ Марьей Ивановной Измайловой, въ первомъ бракѣ бывшей за княземъ Сицкимъ; дѣтей не имѣлъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. IV, стр. 338, 339, 340.—„Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. II, стр. 164—168, 234, 472.—„Акты Археографической экспедиціи“, т. IV, стр. 122, 128.—„Акты Южной и Западной Россіи“, т. IX, стр. 479; т. XIV, стр. 762.—„Акты историческіе и юридич. и древн. царск. грамоты Казанской губ.“, собр. Мельниковымъ, т. I, стр. 22—24.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, т. XIII, стр. 159, 175, 193, 272, 274, 275, 309, 404, 408, 412, 419.—„Синбирскій сборникъ“, изд. Языковымъ, стр. 147.—„Русская Историческая Библіотека“, т. X, стр. 286, 386, 387, 390, 402, 465, 475.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, кн. III, глава „Матеріалы“, стр. 118. — „Разрядныя книги по оффиціальн. оныхъ спискамъ“, т. II, стр. 217, 218, 224, 225, 226, 227, 228, 230, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 243, 245, 247, 248, 251, 253, 255, 256, 257, 259, 262, 305, 449, 828, 833.—„Дворцовые разряды“, т. III, стр. 7, 19, 20, 134, 412, 420, 430, 431, 435, 439, 440, 441.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ благор. россійск. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 92, 93, 94, 95, 96 — Его же, „Сокращенное описаніе службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 31, 32.—Барсуковъ. „Списки городовыхъ воеводъ Моск. государства въ XVII столѣт.“, стр. 87, 237.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 409.—Петровъ, „Исторія родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.

А. Я.

Темкинъ, князь *Юрій Ивановичъ*, сынъ Ивана Ивановича Темки, бояринъ и воевода. Въ 1529 г. былъ присланъ отъ воеводъ изъ-подъ Казани къ государю съ извѣстіемъ о разбитіи татаръ и черемисъ, а потомъ посланъ отъ государя въ Новгородъ и Псковъ съ объявленіемъ о рожденіи ему сына Іоанна. Въ 1531 г. Т.—первый воевода большого полка въ Галичѣ, гдѣ сразился съ пришедшими татарами. Въ 1532 г.—первый воевода въ Чухломѣ, откуда ходилъ въ погоню за дѣлавшими набѣги татарами; въ томъ же году первый воевода въ Бѣломъ Колодезѣ близъ Коломны, затѣмъ первый приставъ при царѣ Шигъ-Алеѣ въ Нижнемъ. Въ 1533 г.—воевода въ Путивлѣ, а потомъ въ Новгородъ - Сѣверскѣ. Въ 1534 г. Т. служилъ первымъ воеводой въ Тулѣ за городомъ; въ томъ же году въ бою съ казанцами на Унжѣ первый воевода большого полка. Въ 1535 г.—первый воевода сторожевого полка въ Брянскѣ, а затѣмъ первый воевода передового полка по стародубскимъ вѣстямъ. Въ 1536 г.—первый воевода въ Нижнемъ за городомъ, а при приближеніи казанцевъ и въ погонѣ за ними до Долгова острова—первый воевода передового полка. Въ 1537 г.—вновь первый воевода въ Нижнемъ за городомъ. Въ 1541 г. — первый воевода сторожевого полка въ казанскомъ походѣ; въ томъ же году первый воевода сторожевого полка для храненія отъ прихода крымцевъ, сначала въ Рославлѣ, а потомъ на Окѣ; когда 1 августа крымскій ханъ пытался перейти Оку, Т. съ другими воеводами не допустилъ перехода, погнался за ханомъ и принудилъ его покинуть русскія области. Въ 1542 г.—первый воевода большого полка въ Алексинѣ; въ томъ же году — воевода въ Серпуховѣ, откуда, соединясь съ другими воеводами, пошелъ противъ пришедшихъ въ рязанскія и зарайскія мѣста крымцевъ; воеводы, нагнавъ крымцевъ на Дону на Куликовомъ полѣ, разбили ихъ общими силами, гнали до рѣки Мечи и многихъ полонили. Въ 1543 г., во время одного изъ многочисленныхъ (послѣ малолѣтства Іоанна IV) дворцовыхъ переворотовъ, Т., примыкавшій къ партіи Шуйскихъ, былъ сосланъ, однако вскорѣ возвращенъ въ Москву и въ дальнѣйшемъ, несмотря на ратную службу свою, продолжалъ принимать участіе въ борьбѣ дворцовыхъ партій за власть и вліяніе на молодого царя. Съ 1 марта 1544 г. Т. былъ первымъ воеводой 7-го ертаульнаго полка въ казанскомъ

нагорною стороною походѣ. 1547 г. Т. былъ однимъ изъ главныхъ подстрекателей черни къ возстанію противъ Глинскихъ, которые были обвинены въ волшебствѣ и объявлены виновниками великихъ бѣдствій, постигшихъ Москву въ февралѣ и іюнѣ того года. Ненавидя Глинскихъ, захватившихъ власть, Т. и князь Ѳедоръ Шуйскій-Скопинъ, главари партіи Шуйскихъ и главные совѣтники казненнаго въ 1543 г. Андрея Шуйскаго, не рѣшались уже, запуганные расправами Іоанна, на открытое самоуправство, а потому и стали дѣйствовать посредствомъ народа, предварительно заключивъ союзъ съ царскимъ духовникомъ Барминымъ и дядей царицы Григоріемъ Захарьинымъ, также враждебно столкнувшимися съ Глинскими. Послѣ событій 26 іюня, день, въ который чернь вторгнулась въ Успенскій соборъ, выволокла оттуда Юрія Глинскаго, убила его и свиту его и разграбила дворъ Глинскихъ, Т. былъ снова сосланъ. И на этотъ разъ ссылка Т. продолжалась недолго: въ 1549 г. онъ былъ не только возвращенъ въ Москву, но и пожалованъ боярствомъ; въ этомъ же году былъ назначенъ сначала вторымъ, а затѣмъ первымъ воеводой передового полка въ Коломнѣ. Въ 1550 г. во время государева казанскаго похода Т.—первый воевода правой руки войскъ, сначала въ Коломнѣ, а потомъ въ Нижнемъ. Въ 1551 г.—воевода большого полка въ Калугѣ. Въ 1552 г. — первый воевода въ Смоленскѣ. Въ 1553 г. посланъ первымъ изъ Казани въ Кадомъ. Въ 1554 г.— первый воевода сторожевого полка въ Коломнѣ. Въ 1555 году—первый воевода сторожевого полка, сначала у Николы Зарайскаго, а съ іюля въ Коломнѣ, откуда ходилъ противъ крымцевъ, къ Тулѣ шедшихъ. Въ 1556 г.—первый воевода лѣвой руки войскъ въ Калугѣ, а затѣмъ первый воевода сторожевого полка въ Серпуховѣ и Усть-Лопаснѣ. Въ 1557 г.—намѣстникъ и первый воевода въ Смоленскѣ. Въ 1561 г. умеръ въ Казани, будучи тамъ первымъ воеводой. Т. оставилъ двухъ бездѣтныхъ сыновей: Дмитрія и Ивана. Нѣкоторыя даты послѣднихъ лѣтъ жизни Т., указанныя у Спиридова, совпадаютъ съ таковыми же приведенными относительно брата Т., Григорія Ивановича, однако провѣрить ихъ невозможно, такъ какъ Спиридовъ пользовался матеріалами впослѣдствіи сгорѣвшими.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VIII, стр. 299.—„Акты Археографической Экспедиціи“, т. I, стр. 345, 350.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 2-е, ч. 20, стр. 36, 44.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 40, 142, 230. — „Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, за 1902 г., кн. I, стр. 87, 88, 91, 92, 97, 98, 103, 113, 132, 133, 140, 155, 162, 163, 168, 171, 177, 178, 180, 214; кн. II, стр. 225. — „Бархатная книга“, ч. I, стр. 87. — „Царственная книга“, стр. 347.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ россійск. благор. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 84, 85, 86, 87.—Его же, „Сокращенное описаніе службъ благ. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 28, 29. — Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 37, 42.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книги“, ч. II, стр. 183.—Петровъ, „Исторія родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.

Тенгоборскій, *Людвигъ Валеріановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государствен. Совѣта, писатель по политической экономіи и статистикѣ, родился въ 1793 г., умеръ 30 марта 1857 г. Первые годы своей служебной дѣятельности былъ вице-референдаріемъ въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго. Въ 1820 г. ѣздилъ на конгрессъ въ Троппау для занятія вопросами, касающимися финансовыхъ отношеній великаго герцогства Варшавскаго съ сосѣдними государствами. Въ 1828 г. онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Данцигъ, въ каковой должности оказалъ важныя услуги Россіи во время польской кампаніи. Въ 1832 г. былъ назначенъ полномочнымъ комиссаромъ въ Вѣну, гдѣ въ качествѣ представителя Россіи участвовалъ въ совѣщаніяхъ о переустройствѣ Краковской республики. Нѣсколько позже сопровождалъ въ Парижъ князя Друцкаго-Любецкаго, отправленнаго туда для ликвидаціи финансовыхъ отношеній между Франціей и бывшимъ великимъ герцогствомъ Варшавскимъ. Въ 1845 г. былъ русскимъ уполномоченнымъ для веденія переговоромъ съ австрійскимъ правительствомъ, результатомъ которыхъ было заключеніе въ 1846 г. судоходной конвенціи Россіи съ Австріей. По возвращеніи въ Петербургъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи проекта таможенныхъ реформъ, выступая противъ существовавшихъ тогда почти запретительныхъ тарифовъ. Утвержденный въ 1850 г. новый таможенный тарифъ былъ составленъ Т. и сравнительно съ предшествовавшимъ далъ значительное пониженіе

ставокъ по главнымъ предметамъ ввоза, главнымъ образомъ по хлопчатобумажнымъ тканямъ, красильнымъ веществамъ, колоніальнымъ продуктамъ и орудіямъ фабричнаго производства. Въ 1848 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Когда въ 1850 г. въ связи съ Лондонской всемірной выставкой была учреждена особая комиссія для устройства на ней русскаго отдѣла, Т., какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской и иностранной промышленности, былъ назначенъ ея предсѣдателемъ. Съ этого же года и до смерти состоялъ предсѣдателемъ тарифнаго комитета.

Т. принадлежитъ рядъ значительныхъ работъ по общественнымъ, экономическимъ и финансовымъ работамъ, матеріалы для которыхъ имъ собраны и изучены отчасти въ связи съ своей служебной дѣятельностью. Первой изъ нихъ вышла въ свѣтъ „Des l'instruction publique en Autriche“ (Парижъ 1841)—содержитъ изложеніе и основательный критическій разборъ общественно-образовательныхъ учрежденій въ Австріи. Два года спустя вышло одно изъ капитальнѣйшихъ сочиненій Т.: „De finances et du crédit public en Autriche“ (Парижъ 1843), въ которомъ дается сравнительное изложеніе австрійскихъ, французскихъ и прусскихъ финансовъ со многими оригинальными теоретическими объясненіями. Въ 1844 г. напечатано въ Вѣнѣ «Uebersicht des österreichischen Handels in dem elfjärigen Zeitraume von 1831 bis 1841“, и въ 1848 г. тамъ же появилось „Expositions des motifs concernant la révision du tarif“; обѣ работы даютъ обильный статистическій матеріалъ изъ дѣйствовавшей тогда тарифной системы и основательную ея критику. Главное сочиненіе Т. касается Россіи, хотя написано на французскомъ,—это «Essai sur les forces productives de la Russie» (Парижъ 1852—1855); въ русскомъ переводѣ проф. И. Вернадскаго оно вышло подъ названіемъ «О производительныхъ силахъ Россіи» (Москва и Спб. 1854—1858) и долгое время считалось лучшимъ систематическимъ трудомъ въ области хозяйственной статистики Россіи, являясь въ то же время первой серьезной попыткой ознакомить иностранцевъ съ промышленностью и рынкомъ нашего отечества. Общія воззрѣнія Т., положенныя въ основу этой работы, сводятся къ тому, что Россія по пространству, почвѣ, естественнымъ условіямъ и географическому положенію есть страна по преимуществу земледѣльческая, прочія же отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности въ ней стоятъ на второмъ планѣ. Т. не отрицаетъ важности промышленности и для Россіи и для другихъ странъ, но находитъ, что благосостояніе страны должно строиться и въ большинствѣ государствъ дѣйствительно строится на земледѣліи; даже въ Англіи, странѣ торгово-промышленной по преимуществу, подоходный налогъ со всей мануфактурной промышленности, торговли и движимыхъ имуществъ не составляетъ и двухъ-третей суммы подоходнаго налога, взимаемаго съ земледѣлія. Во всѣхъ болѣе или менѣе обширныхъ странахъ, по выкладкамъ Т., цѣнность продуктовъ земледѣлія значительно превышаетъ цѣнность продуктовъ промышленности. И Т. дѣлаетъ общій выводъ, что обширныя государства могутъ достигнуть значительной степени благосостоянія и безъ большого развитія мануфактурной промышленности, но такое благосостояніе для страны невозможно, если ея земледѣліе находится въ дурномъ состояніи и въ пренебреженіи. Поэтому мануфактурная промышленность въ лучшемъ случаѣ должна идти наравнѣ съ успѣхами земледѣлія, но однюдь не быть покровительствуемой за счетъ послѣдняго, особенно въ странахъ преимущественно земледѣльческихъ. Указаніе на то, что земледѣліе извлекаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ непосредственныя выгоды изъ успѣховъ премышленности, Т. считаетъ вполнѣ справедливымъ для отдѣльныхъ округовъ, но отрицаетъ эти выгоды для страны взятой въ цѣломъ: въ конечномъ счетѣ эти выгоды далеко не оправдываются. Наоборотъ, интересы земледѣлія, по мнѣнію Т., очень часто могутъ потерпѣть ущербъ, если мануфактурная промышленность чрезмѣрно покровительствуется на его счетъ, т. е. если она удорожаетъ рабочія руки, заставляетъ земледѣльца хронически или въ продолженіе значительнаго времени очень дорого оплачивать всѣ сфабрикованныя въ странѣ вещи, цѣны на которыя въ силу покровительственныхъ пошлинъ чрезмѣрно высоки, и если, наконецъ, отнимаетъ у земледѣльческаго класса возможность мѣны во

внѣшней торговлѣ, особенно когда покровительственная политика и въ связи съ нею ростъ цѣнъ простирается на предметы первой необходимости. Изъ этихъ соображеній, подкрѣпляемыхъ фактами и цифрами, Т. дѣлаетъ слѣдующіе выводы въ отношеніи Россіи: Россія по своимъ естественнымъ условіямъ не въ состояніи сравниться съ другими странами, а тѣмъ болѣе превзойти ихъ на поприщѣ мануфактурной промышленности. Поэтому, ставя фундаментомъ нашей хозяйственной жизни земледѣліе, изъ отраслей обрабатывающей промышленности слѣдуетъ преимущественно заботиться лишь о тѣхъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ положенію нашей страны, въ высшей степени по своимъ свойствамъ земледѣльческой, и наилучше могутъ быть соединены и связаны съ сельскохозяйственной промышленностью,—вообще должно поощрять тѣ отрасли промышленности, для которыхъ почва Россіи производитъ въ изобиліи сырой матеріалъ.

Т. принадлежатъ еще слѣдующія менѣе значительныя работы: «Sur les gîtes aurifères de la Californie» (1848); рядъ брошюръ по поводу восточной войны: «De la politique anglo-française dans la question d'Orient», «Encore quelque mots sur la question d'Orient», «Stimme aus Norden an Oesterreichs Freunde»; далѣе, «Sur les finances de la Russie» (Bruxelles 1854) и «Essai surle crèdit mobilier» (ibid. 1856). Т. принималъ дѣятельное участіе въ основаніи журнала «Nord», который, выходя въ Парижѣ и не имѣя официальнаго значенія, являлся средствомъ вліянія на иностранное общество.

Л. В. Тенгоборскій, „Производительныя силы Россіи», Спб. 1854—1858, съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ проф. И. Вернадскимъ.—Некрологъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", 1857, № 84.—„Иллюстрированная Газета", 1871, т. 28, № 48.

Теннеръ, *Карлъ Ивановичъ*, извѣстный топографъ, сынъ управляющаго небольшимъ имѣніемъ Амферъ, близъ Нарвы, родился 22 іюля 1783 г. Бѣдность родителей была причиной тому, что мальчикъ пользовался уроками лишь урывками, пріобрѣтая познанія отъ странствовавшихъ въ мѣстахъ его родины учителей и землемѣровъ. Способности мальчика обратили на себя вниманіе богатаго помѣщика, графа Мантейфеля, который взялъ его къ себѣ въ домъ для совмѣстнаго съ своими дѣтьми обученія; Т. дѣлалъ быстрые успѣхи, такъ что когда ему было всего 15 лѣтъ, Мантейфель поручилъ ему составить карту для издаваемаго имъ на французскомъ языкѣ описанія путешествія по Сибири; работа эта требовала поѣздки въ Петербургъ, гдѣ генералъ-квартирмейстеръ П. К. Сухтеленъ зачислилъ Т. на службу въ колонновожатые и принялъ къ себѣ въ домъ на все готовое. 11 сентября 1802 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики и опредѣленъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, причемъ долженъ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ слушать курсъ астрономіи у академика Шуберта. Когда въ 1805 г. снаряжалось посольство Головкина въ Китай, на Т., какъ знакомаго съ Азіатской Россіей по работамъ съ Мантейфелемъ, Сухтеленъ возложилъ подготовку необходимыхъ матеріаловъ для ученой экспедиціи, долженствовавшей сопровождать посольство, въ составъ котораго входилъ и Т. Посольство въ октябрѣ достигло Кяхты, причемъ офицеры сняли глазомѣрно путь отъ Перми помимо опредѣленія долготъ и широтъ попутныхъ городовъ, а на обратномъ пути въ 1807 г. четыре офицера, въ томъ числѣ и Т., сняли глазомѣрно Нерчинскій округъ и китайскую границу на востокъ до Амура, а на западъ до Омска. По возвращеніи въ Россію Т. былъ произведенъ въ поручики и тотчасъ назначенъ въ распоряженіе Штейнгеля, находившагося въ дѣйствующей арміи. Вскорѣ Т. получилъ и боевое крещеніе, будучи раненъ въ сраженіи при Фридландѣ, во время переправы черезъ рѣку Алле подъ выстрѣлами. Въ 1809 г. онъ съ двумя помощниками произвелъ первый опытъ тригонометрической съемки Петербурга и затѣмъ занимался тріангуляціей южнаго берега Финскаго залива въ теченіе трехъ лѣтъ, пока Отечественная война не вызвала его на поле брани. Офицеры квартирмейстерской части во время всей кампаніи исключительно производили рекогносцировки, выбирали бивуаки и т. п., и лишь въ диспозиціи на 5 октября для нападенія на Мюрата на р. Чернишнѣ упоминается о нихъ какъ о назначенныхъ состоять во время боя при корпусахъ, причемъ Т. былъ прикомандированъ къ 8-му пѣхотному; кромѣ того, онъ несомнѣнно участвовалъ въ сра-

женіи при Маломъ Ярославцѣ (12 октября), такъ какъ за это дѣло былъ произведенъ въ подполковники, и въ дѣлахъ коалиціонной войны 1813—1814 гг., ибо за отличіе въ разныхъ сраженіяхъ былъ награжденъ чиномъ полковника, а за Лейпцигъ орденомъ Георгія 4-й степени.

16 декабря 1815 г. Т. Высочайше было повелѣно произвести тригонометрическую и топографическую съемку Виленской губерніи, для чего избрать основаніе на одномъ изъ озеръ въ окрестностяхъ Браслава или Орисвята и зимою же измѣрить его по льду; въ помощь ему даны три офицера. Строго-математическое образованіе Т., его прекрасная теоретическая подготовка, значительный опытъ въ геодезическихъ работахъ и любовь къ нимъ (въ геодезическихъ работахъ онъ видѣлъ возможность осуществленія завѣтной мысли—измѣрить дугу меридіана) — обезпечивали порученному ему дѣлу полный успѣхъ. Зимой 1815 — 1816 гг. онъ произвелъ рекогносцировку Виленской губерніи и представилъ свои соображенія по производству тріангуляціи князю Волконскому, начальнику Главнаго штаба, который далъ разрѣшеніе связать съ этой тріангуляціей всѣ астрономическія работы, вызываемыя градуснымъ измѣреніемъ. Одновременно и Лифляндское экономическое общество предложило профессору Дерптскаго университета В. Я. Струве произвести астрономическія и тригонометрическія работы градуснаго измѣренія, которыя онъ велъ къ сѣверу отъ Лифляндіи до Норвегіи, а Т. въ то же время — къ югу до Дуная. Совокупнымъ трудамъ этихъ ученыхъ Россія обязана, что измѣрена дуга меридіана въ $25^{\circ}20'$, изъ которой $11^{\circ}10'$ отъ Двины до Измаила есть трудъ Т., выполненный съ совершенствомъ. Съемка Виленской губерніи была окончена въ 1821 г., причемъ измѣрено три базиса (Орисвятскій, у м. Понедѣлъ и при Полангенѣ) и опредѣлено 115 треугольниковъ сѣти, связывавшихъ 98 точекъ. Начальнымъ пунктомъ работъ Т. избралъ Мѣшканцы въ 26 верстахъ отъ Вильны, гдѣ устроилъ обсерваторію; инструменты были доставлены отъ Главнаго штаба, но весьма не полно, къ тому же невысокаго качества; эти недочеты Т. пополнялъ, пользуясь обсерваторіей Виленскаго университета, профессора котораго оказывали полное содѣйствіе и принимали дѣятельное участіе въ его трудахъ. Во время работъ Т. получилъ приказаніе (1819) приступить къ топографическимъ работамъ, для чего отъ первой арміи были назначены 15 офицеровъ квартирмейстерской части и 10 артиллеристовъ, изъ которыхъ только 5 человѣкъ знали инструментальную съемку и черченіе горъ, почему весь годъ Т. вынужденъ былъ употребить на чисто учебную съемку; послѣдовавшій же приказъ князя Волконскаго, чтобы ежегодно пятерыхъ офицеровъ замѣнять новыми, вызвалъ ходатайство Т. назначить къ нему 15 воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій, изъ числа готовящихся въ инженерные кондуктора; опытъ вышелъ удачный, и въ теченіе трехъ лѣтъ 70 воспитанниковъ прошли школу съемки подъ руководствомъ Т.; многіе изъ нихъ оказались очень способными къ дѣлу и дали Т. возможность окончить обширную работу, т. е. снять $57.432\frac{1}{4}$ квадратныхъ версты на 658 листовъ и представить статистическое описаніе Виленской губерніи. За успѣшное выполненіе этого порученія Т. былъ произведенъ (23 мая) въ генералъ-маіоры и пожалованъ столовыми деньгами по 4000 рублей въ годъ. Почти одновременно со съемкой Виленской губерніи Т. приступилъ къ составленію тріангуляціи въ Курляндіи, увлекаясь этой работой, такъ какъ она служила продолженіемъ его градуснаго измѣренія до Западной Двины, гдѣ оно могло быть соединено съ таковымъ же Струве. Окончивъ въ два года тригонометрическую съемку Курляндіи, Т. началъ распространять тріангуляцію по Гродненской и Минской губерніямъ. Въ 1835 онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а черезъ нѣсколько лѣтъ назначенъ присутствующимъ въ варшавскихъ правительствующаго сената департаментахъ и начальникомъ тріангуляціи Царства Польскаго; на этихъ должностяхъ Т. былъ произведенъ въ генералы отъ пѣхоты (1856). Умеръ Т. 8 января 1860 г.

За свою многолѣтнюю службу помимо орденовъ (золотая шпага съ надписью «за храбрость» въ 1812 г., Георгія 4-й степени въ 1813 г. Владиміра 2-й степени въ 1826 г., Анны 1-й степени въ 1831 г., Бѣлаго орла въ 1846 г., Св. Александра Невскаго въ 1851 г., знакъ отличія безпорочной службы за 45 лѣтъ въ

1851 году и таковаго же за 50 лѣтъ въ 1858 г.) — Т. получалъ неоднократно денежныя награды, единовременныя пособія, подарки и аренды.

Высочайшіе приказы соотвѣтствующихъ годовъ. — Дивизіонные списки, книга 48. — Списки полковниковъ съ 1807 г. по 1818 г., стр. 76. — Списки генераловъ съ 1818 г., стр. 128. - Списки генераловъ съ 1835 г., стр. 243.— Глиноецкій, „Русскій генеральный штабъ въ царствованіе Императора Александра I“, „Военный Сборникъ“, 1874, №№ 10, 11 и 12.— „Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822 по 1872 г.“, „Столѣтіе Военнаго Министерства. Главный Штабъ“, т. IV, ч. 1, кн. 2, отд. 1, стр. 204, 234, 275, 240, 282, 393, 394, 395, 396.

М. П.

Теннеръ, *Николай Карловичъ*, изъ дворянъ Минской губерніи, родился 29 января 1831 г. и по окончаніи образованія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ выпущенъ (1848) прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, въ которомъ служилъ до 29 октября 1864 г., когда, въ чинѣ полковника (съ 1862 г.), былъ назначенъ командиромъ 11-го гренадерскаго Фанагорійскаго полка. Въ 1872 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ году назначенъ командиромъ 2-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи, которой командовалъ до 11 октября 1878 г., когда по болѣзни былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей. Участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ при усмиреніи Польскаго возстанія 1863 г., съ 2-го февраля по 14 іюля въ составѣ Виленскаго военнаго округа: при рѣшительномъ пораженіи 25 апрѣля генералъ-маіоромъ Ганецкимъ соединенныхъ скопищъ Сѣраковскаго и Колышки при Медейкѣ; 26 апрѣля при фольваркахъ Гавенишкахъ и Гудзишкахъ и 27 апрѣля при фольваркѣ Шнуркишкахъ въ Ковенской губерніи.

Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго штаба, дѣло 5 ст., 6 отд., 1878 г. № 174, св. 2447.

Теплова, *Надежда Сергѣевна*, въ замужествѣ *Терюхина*, писательница, родилась 19 марта 1814 г. въ Москвѣ, въ купеческой семьѣ; получила довольно хорошее для того времени образованіе, главнымъ образомъ литературное и музыкальное. Въ литературѣ выступила очень рано: когда ей было только 13 лѣтъ, появилось въ печати первое ея стихотвореніе «Къ родной сторонѣ» («Московскій Телеграфъ», 1827, № 12, отдѣлъ 2, стр. 136), а вслѣдъ затѣмъ и другое стихотвореніе «Идиллія» («Дамскій Журналъ», 1827, № 20, стр. 221). Вскорѣ Т. познакомилась съ М. А. Максимовичемъ, который сталъ ея руководителемъ. Съ тѣхъ поръ ея стихотворенія стали появляться въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Ею напечатаны были, кромѣ указанныхъ выше: «Послѣдняя пѣснь» и «Къ присланной лампадѣ» («Московскій Телеграфъ, 1829 ч. I); «На смерть А. П. Эссена» (тамъ же, ч. II); «Русская пѣснь» и «Къ чародѣю» (тамъ же, 1830, ч. I); «Безнадежность» (альманахъ «Денница», 1830); «Жажда молитвы» («Сынъ Отечества», 1833, т. 2, отд. I, стр. 93); «Спокойствіе» (альманахъ «Подарокъ бѣднымъ» на 1834 г., Одесса 1834, стр. 153); «Къ дѣвицѣ поэту» («Библіотека для Чтенія», 1838, № 3); «Забытые» и «Юноша» (Кіевлянинъ, 1840, стр. 78 и 230). Т. писала преимущественно небольшія лирическія стихотворенія; исключеніе въ ихъ ряду представляетъ отрывокъ изъ повѣсти въ стихахъ, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ», т. XVII. По характеру ея лирики Т. принадлежала къ Пушкинской школѣ; стихотворенія ея проникнуты задушевностью и теплымъ чувствомъ. Критика того времени отзывалась одобрительно о ея произведеніяхъ. Въ 1833 г. Т. собрала ихъ въ отдѣльный томикъ, подъ заглавіемъ «Стихотворенія» (Москва 1833; 2-е изданіе Москва 1838). Послѣ ея смерти М. А. Максимовичемъ выпущено было 3-е изданіе «Стихотвореній», значительно дополненное, содержащее въ себѣ 81 пьесу (Москва 1860). Кромѣ того въ «Кіевской Старинѣ» (1882, т. I, стр. 162 и 164) напечатаны два ея стихотворенія изъ альбома М. А. Максимовича. Подписывалась она какъ фамиліей по мужу, такъ и дѣвичьей. Умерла въ Звенигородѣ, 16 іюня 1848 г.

Князь П. П. Голицынъ, „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ. Спб. 1889, стр. 224—Н. Билевичъ, „Русская писательница XIX вѣка „Московскій Городской Листокъ“, 1847, № 169, стр. 678—Ф. Толль, «Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отрослямъ знанія“, Спб. 1864, т. II, стр. 642.—„Русскій Архивъ“, 1865, стр. 1210,

1211, 1228. — „Московскій Телеграфъ“, 1833, № 16, стр. 583. — Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду“, 1838, № 47.—„Сѣверная Пчела“, 1834, № 175. — М. Лонгиновъ, „Стихотворенія Надежды Тепловой“, „Русскій Вѣстникъ“, 1861, т. 31, № 2, стр. 217—219.— „Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника“, 1861, № 20, стр. 32.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 годы“, Спб. 1893, т. II, стр. 18, № 10376.—Мезіеръ, „Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно“, Спб. 1902, № 17868, стр. 397.—„Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, изд. М. Д. Ольхина, Спб. 1846, стр. 241, № 5299.

Тепловъ, *Григорій Николаевичъ*, сенаторъ, статсъ-секретарь, государственный дѣятель и писатель, сынъ истопника, родился 20 ноября 1717 г. Первоначальное образованіе получилъ въ школѣ, учрежденной въ Петербургѣ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и затѣмъ послѣднимъ былъ посланъ доучиваться за границу, именно въ Германію. По возвращеніи оттуда въ 1736 г. онъ поступилъ въ студенты при академіи наукъ, а годъ спустя былъ назначенъ переводчикомъ въ ней. Въ 1740 г. едва не пострадалъ по дѣлу Волынскаго. Въ 1741 г. онъ былъ пожалованъ въ адъюнкты академіи наукъ. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны Т. снискалъ расположеніе и довѣріе всесильнаго гр. А. Г. Разумовскаго, который въ 1743 г. ввѣрилъ ему воспитаніе своего младшаго брата, гр. Кирилла Григорьевича. Съ послѣднимъ Т. въ томъ же 1743 г. уѣхалъ въ чужіе края въ качествѣ воспитателя. Именнымъ указомъ повелѣно было ему «для дальнѣйшаго и совершеннаго обученія и усмотрѣнія въ чужестранныхъ академіяхъ наилучшихъ порядковъ и учрежденій отправиться въ Вюртембергское королевство, въ городъ Тубингъ (Тюбингенъ), а оттуда въ Парижъ, дабы, возвратясь послѣ четырехъ или пяти лѣтъ, достойнымъ профессоромъ быть», причемъ ему было опредѣлено 600 руб. жалованья въ годъ. Требованіе отъ Т. присмотрѣться къ порядкамъ, существующимъ въ иностранныхъ академіяхъ, исходило изъ намѣренія сдѣлать Кириллу Разумовскаго президентомъ академіи наукъ, а Т.—помощникомъ ему въ этомъ званіи. Возвратясь изъ-за границы, Разумовскій 11 іюня 1746 г. дѣйствительно былъ назначенъ президентомъ, а Т.—ассесоромъ академіи.

Власть Т. въ академіи была безгранична; президентомъ фактически былъ онъ, ибо Разумовскій поступалъ всегда по его совѣтамъ и безъ нихъ ничего не предпринималъ. «Въ челѣ академіи,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—стоялъ человѣкъ, не достойный этого положенія ни по способностямъ, ни по образованію, человѣкъ, кромѣ того, нерадивый, исполнявшій свою должность чужими (Теплова) руками, и руками нечистыми». Въ исторіи академіи Т. не оставилъ по себѣ свѣтлой памяти. Нѣтъ, кажется, ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что принадлежавшая ему исключительная власть была направлена имъ на благо академіи или отдѣльныхъ выдающихся членовъ ея. Скорѣе напротивъ. Индиферентный къ судьбамъ академіи, какъ цѣлаго, къ ея ученымъ успѣхамъ, къ ея славѣ и процвѣтанію, онъ вмѣшивался въ тогдашнюю борьбу ея членовъ между собою, вмѣшивался какъ начало не примиряющее, а обостряющее разногласія, ибо всегда становился на опредѣленную сторону—былъ партіенъ, а слѣдовательно не безпристрастенъ. Его деспотизмъ и гнетъ пришлось испытать и труженику Миллеру, и гордости академіи—Ломоносову, и даже Тредьяковскому. Въ 1749 г. Т. показалось подозрительнымъ, зачѣмъ Миллеръ составлялъ найденныя въ его бумагахъ родословныя, и онъ, именемъ гр. Разумовскаго, запросилъ историографа, «самъ ли собою» онъ сочинилъ ихъ или «по чьему-либо приказу или прошенію», и хотя Миллеръ далъ вполнѣ естественное объясненіе — родословныя таблицы нужны ему по должности историка, ибо исторія и генеалогія тѣсно связаны между собою,—тѣмъ не менѣе Т. объявилъ ему, чтобы впредь родословныхъ не сочинять. Въ 1749 г. тотъ же Миллеръ написалъ рѣчь «О происхожденіи народа и имени Русовъ», въ которой развивалъ новое для того времени положеніе о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ. По поводу этой рѣчи и проводимаго въ ней положенія въ средѣ академиковъ завязался горячій споръ, который былъ разрѣшенъ Т. слѣдующей резолюціей, къ наукѣ имѣющей мало отношенія, но несомнѣнно вынужденной взглядами, которые были вызваны этимъ споромъ въ высшихъ кругахъ: «Диссертацію профессора Миллера, — писалъ онъ отъ имени президента,—собравъ

черную и бѣлую рукописную, отдать въ архиву, а напечатанную и съ корректурами хранить до указу подъ особливою канцелярскою печатью, не выпуская ни подъ какимъ видомъ ни единаго экземпляра въ свѣтъ, дабы со столь многими сомнительствами и важными погрѣшностями не могъ себя авторъ подвергнуть дальнему толкованію...» Враги Миллера, впрочемъ, пошли даже далѣе Т.: и «черную», и «бѣлую рукописную», и напечатанную, и корректуры они сожгли. Нѣсколько позже Т. счелъ за нужное отнять у Миллера должность ректора находившагося при академіи университета и принудить его къ чтенію лекцій по всеобщей исторіи. Въ отвѣтъ на ропотъ и жалобы историографа ему пригрозили вычетомъ изъ жалованья. Не безъ основанія подозрѣвая во всемъ этомъ Т., выведенный изъ себя Миллеръ подалъ на него жалобу президенту, говоря въ ней о Т. какъ о человѣкѣ, который во всемъ ему, Миллеру, вредитъ. Послѣдствія этого предвидѣть было не трудно. Разумовскій прислалъ въ академію бумагу, въ которой грозилъ, въ случаѣ повторенія подобныхъ жалобъ, совсѣмъ прогнать Миллера, пока же разжаловалъ его изъ академиковъ въ адъюнкты. Скоро, впрочемъ, ошибка была сознана, и Миллеру возвратили прежнее званіе. Значительныя непріятности приходилось выносить отъ Т. и Ломоносову. Въ началѣ 1755 г. возникъ вопросъ о пересмотрѣ академическаго устава. Ломоносовъ высказался за болѣе обширное участіе ученаго корпуса въ управленіи академіею и за соотвѣтственное ограниченіе власти президента. Т. былъ, конечно, противъ этого, такъ какъ, съ принятіемъ предложенія, уменьшилась бы его собственная власть. Споръ перешелъ въ брань, послѣ чего Т., съ нимъ и Шумахеръ, донесли президенту, что присутствовать на академическихъ собраніяхъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ они не могутъ. Разумовскій, по совѣту Т. же, велѣлъ сдѣлать Ломоносову выговоръ и запретилъ ему являться въ собранія. «Я осужденъ», писалъ Ломоносовъ по этому поводу И. И. Шувалову: «Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ. Виноватый оправданъ, правый обвиненъ... Президентскимъ ордерамъ готовъ повиноваться, только—не Теплова...», и Ломоносовъ проситъ Шувалова ходатайствовать передъ императрицей, чтобы его «отъ Теплова ига избавить не презрила». Отчасти изъза этого ига Т. Ломоносовъ впослѣдствіи хлопоталъ и объ отставкѣ. Что касается Тредьяковскаго, то отношеніе Т. къ нему было самое безцеремонное, въ чемъ тотъ самъ отчасти былъ повиненъ. Въ 1755 г. Тредьяковскій подкинулъ пасквиль на президента академіи, на Миллера и другихъ академиковъ-иностранцевъ, болѣе же всего доставалось въ немъ Т. Послѣдній подалъ жалобу, въ которой доказывалъ, что по всѣмъ признакамъ авторомъ пасквиля долженъ быть Тредьяковскій. «Въ многорѣчіи своемъ,—писалъ Т.,—которое есть истинное Тредьяковскаго, по всей піесѣ отъ начала до конца, онъ столь же особливъ же, что едва ли можно въ родѣ человѣческомъ быть другому Тредьяковскому...» Въ жалобѣ мѣтко осмѣивается стиль Тредьяковскаго, его «трикъ-тракъ-треки» и «фра-фре-фри», и дается бранчивая характеристика дѣятельности профессора элоквенціи: «Служба его состояла въ негодномъ и стыдъ академіи приносящемъ трудѣ, т. е. въ гнусномъ стихосложеніи, въ пусторѣчіи латини». Не довольствуясь жалобою, Т. вызвалъ Тредьяковскаго въ домъ къ президенту, встрѣтилъ его тамъ лично и, по словамъ самого Тредьяковскаго, «ругалъ, какъ хотѣлъ, м..., и грозилъ шпагою заколоть». Въ своей жалобѣ въ академію Тредьяковскій писалъ, что ему отрѣзанъ путь для словесныхъ представленій президенту, такъ какъ живущій при домѣ послѣдняго совѣтникъ Т. ругаетъ его «поносными браньями безъ всякаго права».

Въ 1750 г. гр. К. Г. Разумовскій былъ назначенъ гетманомъ Малороссіи и поселился въ Глуховѣ. Безъ Т. однако Разумовскій всюду былъ безрукъ, почему передъ отъѣздомъ онъ просилъ дать ему «одного Теплова для правленія домашнихъ гетманскихъ дѣлъ», на что императрица отвѣтила повелѣніемъ Т. быть при гетманѣ «всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоусмотритъ по его чину, и получать свое довольствіе отъ гетмана». «Правленіе домашнихъ гетманскихъ дѣлъ» было лишь ширмой; въ сущности Т. управлялъ не только «домашними», но и всею совокупностью дѣлъ гетманства. Онъ былъ, по выраженію Соловьева, ментором лѣниваго и скучающаго въ Глуховѣ Разумовскаго. Объ его исключительной роли въ дѣлахъ управленія можно судить по

тому, что самые знатные малороссіяне считали своею обязанностью ѣздить къ нему съ поздравленіями въ день рожденія его дочери. Несмотря на свое положеніе, онъ былъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно трудолюбивъ, одинъ «стоилъ четверыхъ великороссійскихъ членовъ прежней Малороссійской коллегіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сближается съ образованными малороссіянами, обмѣнивается съ ними книгами, собираетъ обширный матеріалъ для исторіи Малороссіи и настолько обстоятельно въ общемъ и въ деталяхъ изучаетъ положеніе края и его нужды, что безспорно считается однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ его знатоковъ того времени, и впослѣдствіи, уже въ царствованіе Екатерины II, его мысли кладутся въ основу реформы Малороссіи. Какъ Разумовскій, такъ и Т. часто наѣзжали въ Петербургъ и Москву и подолгу оставались тамъ. Только этимъ и объясняется возможность для Т. быть въ курсѣ дѣлъ академіи наукъ, вліять на ихъ теченіе, а самое главное—быть въ курсѣ другого рода дѣлъ, болѣе важнаго характера, дѣлъ общеполитическихъ.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Петра III служебная карьера Т. на время оборвалась. Какими-то «нескромными словами» на счетъ государя онъ навлекъ на себя его подозрѣніе, былъ арестованъ, допрошенъ, но успѣлъ и на этотъ разъ вывернуться и отдѣлался только отставкой. Любопытно, что, будучи въ отставкѣ, онъ тѣмъ не менѣе 23 марта 1762 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ добавленіемъ—«быть въ отставкѣ попрежнему». Отставка однако не мѣшала Т. попрежнему уже фактически управлять изъ-за спины Разумовскаго дѣлами какъ въ Малороссіи, такъ и въ академіи наукъ. Немилость, въ которой Т. находился при Петрѣ III, послужила вполнѣ естественнымъ толчкомъ къ тому, что онъ вмѣстѣ съ Разумовскимъ сблизился съ приверженцами Екатерины. Несмотря на всѣ отрицательныя черты его характера, онъ былъ необходимымъ человѣкомъ въ заговорѣ и оказался весьма полезнымъ при осуществленіи послѣдняго. Тогдашній австрійскій посолъ въ донесеніи къ гр. Кауницу въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ Т.: «Признанъ всѣми за коварнѣйшаго обманщика цѣлаго государства, впрочемъ очень ловкій, вкрадчивый, корыстолюбивый, гибкій, изъ-за денегъ на всѣ дѣла себя употреблять позволяющій. Когда онъ находился при гетманѣ Украйны, то несправедливостями и неотвязчивыми вымогательствами такъ сильно распустилъ всю страну, что, конечно, не избѣжалъ бы смертной казни, если бы въ предыдущія оба царствованія (Елизаветы и Петра III) господствовалъ хоть малѣйшій порядокъ». Эта характеристика, можетъ быть, слишкомъ ужъ мрачна, тѣмъ не менѣе значительную долю истины въ себѣ содержитъ, и даже осторожный Соловьевъ почти всецѣло къ ней присоединяется, называя Т. «безнравственнымъ, смѣлымъ, умнымъ, ловкимъ, способнымъ хорошо говорить и писать». Людей и безнравственныхъ, и смѣлыхъ, и умныхъ, и ловкихъ среди приверженцевъ Екатерины было достаточно и безъ Т.; но онъ былъ чуть не единственнымъ, обладающимъ даромъ краснорѣчія и даромъ писать. Именно поэтому всѣ важнѣйшіе акты, изданные въ первые дни царствованія Екатерины II, принадлежатъ перу Т.: въ самый день переворота онъ составилъ—и, пожалуй, онъ одинъ только и могъ составить въ теченіе какого-нибудь получаса — манифестъ о восшествіи и формулу присяги, и ему же принадлежитъ составленіе текста отреченія Петра отъ престола,—акты, въ которыхъ каждое слово должно было быть обдумано и взвѣшено. И если въ нихъ оказались недочеты и неясности, то нужно удивляться не этому, а тому, что они достаточно удовлетворительны, ибо ихъ Т. приходилось писать чуть ли не стоя, составлять на-спѣхъ, почти экспромтомъ. О роли Т. въ теченіе переворота можно судить еще и по тому, что въ чрезвычайномъ совѣтѣ сенаторовъ, обсуждавшихъ во главѣ съ новой императрицею распоряженія относительно флота, приморскихъ мѣстъ и заграничной арміи, онъ—единственный не-сенаторъ—исполнялъ обязанности секретаря! Наконецъ, вмѣстѣ съ Алекс. Григ. Орловымъ и кн. Ѳед. Серг. Борятинскимъ онъ находился 6 іюля 1762 г. въ Ропшинскомъ дворцѣ въ тотъ часъ, когда произошла кончина Петра III. Участіе въ переворотѣ сблизило его съ Орловыми и особенно тѣсно съ Панинымъ и кн. Дашковой. Екатерина II, за оказанныя имъ услуги, щедро наградила его денежно, приняла вновь

на службу и назначила членомъ комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ.

Тѣмъ не менѣе вскорѣ при дворѣ къ Т. стали относиться очень осторожно. Уже ко времени коронаціи онъ жаловался, что не пользуется прежней довѣренностью императрицы. Охлажденіе Екатерины къ Т. могло произойти изъ-за его тѣсной дружбы съ Дашковой, которая чрезмѣрнымъ афишированіемъ своей будто бы исключительной роли въ переворотѣ навлекла на себя, какъ извѣстно, немилость государыни. Могъ повредить Т. и бывшій канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, который еще въ 1749 г. имѣлъ съ нимъ на какой-то пирушкѣ рѣзкую стычку, закончившуюся, несмотря на канцлерство Бестужева и тогдашній «малый чинъ» Т., дерзостями послѣдняго по адресу перваго. Кромѣ того Бестужевъ имѣлъ противъ Т. кое-что и посерьезнѣе: когда канцлера при Петрѣ III отрѣшили отъ должности и судили, его, между прочимъ, спрашивали, для чего и по какимъ дѣламъ посылалъ онъ многократно курьеровъ къ гетману Разумовскому; когда же при Екатеринѣ Бестужевъ снова былъ приближенъ, къ нему въ руки попало слѣдственное дѣло о немъ самомъ, причемъ на поляхъ документовъ имъ было сдѣлано нѣсколько приписокъ, изъ которыхъ видно, что Бестужевъ доносителемъ о перепискѣ между Екатериною и Разумовскимъ считалъ Т., ибо только ему одному изъ незаинтересованныхъ лицъ было объ этомъ извѣстно; эти замѣчанія, выставлявшія Т. измѣнникомъ по отношенію къ Екатеринѣ, были ей, конечно, извѣстны. Какъ бы то ни было, отношеніями къ нему императрицы Т. былъ недоволенъ, что и видно изъ его писемъ къ уѣхавшему въ Москву Панину. Въ письмѣ отъ 29 августа 1762 г. онъ писалъ между прочимъ: «Я теряю терпѣніе, но привожу себѣ на память, что человѣкъ солидный не долженъ помрачать свою добродѣтель простыми предположеніями, и что два мѣсяца недостаточны, чтобы сказать, что имѣешь довольно опытности при дворѣ... Вѣрно то, что не станутъ удерживать силою того, отъ кого хотятъ отдѣлаться. Служить, не имѣя довѣренности государя,—все равно, что умереть отъ сухотки...» Въ другомъ письмѣ къ Панину же, отъ 1 сентября того же года, жалуясь на то, что тексты составляемыхъ имъ указовъ передѣлываются, при томъ неудачно, Т. замѣчаетъ: «Но человѣкъ безъ кредита, какъ я, долженъ все проглатывать».

Съ начала 1763 г. Т. вернулъ себѣ утраченное было довѣріе. Въ апрѣля этого года онъ былъ пожалованъ въ статсъ-секретари, опредѣленъ къ принятію прошеній на Высочайшее имя и вскорѣ затѣмъ, вмѣстѣ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, сдѣланъ дѣлопроизводителемъ комиссіи о дворянствѣ, а въ декабрѣ—дѣлопроизводителемъ комиссіи о коммерціи и купечествѣ. Вліятельность его въ это время можно иллюстрировать хотя бы нашумѣвшимъ дѣломъ Хитрово, изъ котораго видно, что Т. вмѣстѣ съ Панинымъ, гр. Кириллою Разумовскимъ, Пассекомъ и др. участвовалъ въ соглашеніи, воспрепятствовавшемъ браку Екатерины II съ гр. Григоріемъ Орловымъ. Еще болѣе возросло вліяніе Т. съ 1764 г., когда возникъ вопросъ о реформахъ въ Малороссіи. Сдѣлавшись придворнымъ, онъ явно сталъ на сторону Орловыхъ, превратившись въ ихъ клеврета, и измѣнилъ Разумовскому, забывъ оказанныя ему послѣднимъ милости и важныя услуги и своими совѣтами не въ пользу гетмана подготовивъ его паденіе. Когда въ 1764 г. возникла мысль объ упраздненіи гетманства, мысль о томъ, чтобы «вѣкъ и имя гетмановъ исчезли», Екатерина для точнѣйшаго уясненія дѣла обратилась къ мнѣнію Т., который, какъ сказано, прекрасно зналъ малороссійскія дѣла и уже раньше, въ неоднократныхъ разговорахъ съ императрицею, упоминалъ о тамошнихъ безпорядкахъ. Въ отвѣтъ Т. составилъ обширную записку, содержаніе которой въ краткихъ словахъ таково. Въ Малороссіи все управляется не правомъ и законами, а силою старшинъ и обманомъ грамотныхъ людей. Вслѣдствіе такого управленія число свободныхъ землевладѣльцевъ чрезвычайно уменьшилось, а число крѣпостныхъ, напротивъ, увеличилось. Старшинами и другими чиновными и богатыми людьми свободные казаки обращены въ крѣпостное состояніе. По ревизіи, произведенной великорусскими офицерами вскорѣ послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, свободныхъ дворовъ было 45 тысячъ, а гетманъ Разумовскій не нашелъ ихъ и 4 тысячъ, несмотря на увеличеніе населенія. Злоупотребленія старшинъ безмѣрны. Съ другой стороны казаки отяг-

чены непосильными податями и воинскими повинностями. Полный безпорядокъ царитъ и въ обмежеваніи земель, что является источникомъ ссоръ, тяжбъ, часто дракъ и «наѣздовъ» сильныхъ на болѣе слабыхъ. Въ большомъ ходу продажа мѣстъ, подкупы и пр. Хотя гетманскіе универсалы признаютъ казака свободнымъ, независимымъ отъ помѣщика землевладѣльцемъ, однако на дѣлѣ онъ угнетается и сотникомъ въ сотнѣ и помѣщикомъ въ деревнѣ. Хозяйство у крестьянъ ведется плохо. Богатые помѣщики переманиваютъ къ себѣ безнаказанно крѣпостныхъ отъ бѣдныхъ. «Такимъ образомъ, въ плодородной Малороссіи земледѣлецъ терпитъ голодъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, богатый усиливается, и государственная выгода часъ-отъ-часу уменьшается»... «Сіи суть только генерально показанные непорядки въ малороссійскомъ народѣ,—говоритъ Т. въ заключеніе записки;—но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ (судебныхъ) дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію: тогда множайше еще показаться могутъ».

Эта любопытная записка, краски которой едва ли сгущены, окончательно убѣдила императрицу въ необходимости реформъ въ Малороссіи, начавъ ихъ съ уничтоженія гетманства. Разумовскій былъ уволенъ. Не безъ вліянія Т. былъ изданъ и указъ объ учрежденіи взамѣнъ гетманства малороссійской коллегіи подъ предсѣдательствомъ гр. П. А. Румянцева, который получилъ отъ императрицы обширное наставленіе по управленію края, составленное не только въ духѣ записки Т., но, вѣроятно, имъ и написанное. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что по желанію Екатерины Румянцевъ, по поводу управленія Малороссіей, имѣлъ съ Т. рядъ устныхъ «большихъ конверзацій». Участіе Т. въ уничтоженіи гетманства заставляло многихъ смотрѣть на него, не безъ основанія, какъ на измѣнника по отношенію къ Разумовскому. Не подлежитъ, напр., сомнѣнію, что именно онъ своими внушеніями довелъ Разумовскаго до того, что послѣдній сталъ мечтать объ учрежденіи наслѣдственнаго въ своемъ семействѣ достоинства гетмана Малороссіи, что и было первымъ толчкомъ къ совершенному упраздненію этого званія. Съ другой стороны, толковали, что и донесеніе о движеніи въ пользу наслѣдственнаго гетманства подано тоже Т. Иллюстраціей къ тогдашнимъ мнѣніямъ и разговорамъ о Т. можетъ служить разсказъ о томъ, что когда Разумовскій, по пріѣздѣ изъ Малороссіи, явился во дворецъ, гдѣ его встрѣтилъ Т. съ распростертыми объятіями, присутствовавшій при этой сценѣ гр. Григорій Орловъ будто бы сказалъ: «И лобза его же предаде».

Только въ послѣдніе годы отчасти выяснена довольно видная роль, которую Т. игралъ въ составленіи проектовъ учебной реформы, столь обильныхъ въ первую половину царствованія Екатерины II. Въ архивѣ Государственнаго Совѣта сохранился документъ, озаглавленный «Начальное разсужденіе о планѣ для учрежденія публичныхъ училищъ», написанный по поводу представленнаго Екатеринѣ (вѣроятно Бецкимъ) «Проекта обществъ для воспитанія благородныхъ дѣтей по губерніямъ» и замѣчаній на него исторіографа Герг. Миллера и капеллана англійской факторіи въ Петербургѣ Дюмареска Авторомъ этого документа С. В. Рождественскій въ своемъ изслѣдованіи «Проекты учебныхъ реформъ въ царствов. Екатерины II» не безъ основанія считаетъ Т. Авторъ «Начальнаго разсужденія» въ общемъ присоединяется къ началамъ, изложеннымъ Бецкимъ въ «Генеральномъ учрежденіи для воспитанія юношества обоего пола» отъ 12 марта 1764 г., находя, что только они могутъ быть лучшимъ способомъ «для вкорененія правилъ добраго воспитанія и васажденія добраго гражданства», но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ ихъ слишкомъ «генеральными», почему и полагаетъ нужнымъ измѣненія. Въ запискѣ Миллера и Дюмареска онъ находитъ нѣкоторыя мысли здравыми и «остроумными», особенно пунктъ записки о раздѣленіи училищъ по спеціальностямъ на военныя, гражданскія и коммерческія, большинство же соображеній ея отвергаетъ какъ «немного соотвѣтствующія состоянію нашего государства». Свои «резоны» по поводу записки Миллера и Дюмареска Т. представилъ Бецкому, но послѣдній «по несогласованію сего генеральнаго основанія съ воспитаніемъ юношества, почитая всѣ тѣ сумнѣнія ненужными и подлежащими отмѣненію», возвратилъ ихъ автору «безъ всего». Въ отвѣтъ на это Т. обратился

къ императрицѣ, испрашивая, чтобы «повелѣно было, до дальнѣйшаго приступленія къ сему плану, учинить подробное разсмотрѣніе», и въ результатѣ этого доклада былъ указъ о назначеніи комиссіи изъ Т., Миллера и Дюмареска съ порученіемъ составить планъ учебной реформы. Въ концѣ 1766 г. комиссія представила «Генеральный планъ дѣтскихъ воспитательныхъ академій» или «государственныхъ гимназій» вмѣстѣ съ двумя докладами,—однимъ отъ имени одного Т., и другимъ съ подписью остальныхъ участниковъ. Самый проектъ «государственныхъ гимназій» содержитъ много любопытныхъ положеній, въ центрѣ которыхъ лежитъ оригинальный типъ воспитательно-учебнаго заведенія, совмѣщающаго задачи низшей, средней и высшей школы, но осуществленъ онъ не былъ. Въ 1871 г. Т. участвовалъ въ другой комиссіи по составленію проекта учебной реформы, именно въ такъ называемой «комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ», въ составъ которой, кромѣ Т., вошли петербургскій архіепископъ Гавріилъ, архіепископъ псковскій Иннокентій и оберъ-прокуроръ синода П. П. Чебышевъ. Разсмотрѣнный комиссіей проектъ «Учрежденія школъ нижнихъ въ городахъ столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и въ мѣстечкахъ» былъ составленъ архіепископомъ Гавріиломъ и Т. Отличительная черта этого проекта, тоже оставшагося неосуществленнымъ,—преобладающее значеніе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія.

22 сентября 1765 г. Т. получилъ Анненскую ленту. Въ 1766 г. онъ участвовалъ въ заключеніи трактата съ Великобританіей, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ присутствующимъ въ межевой экспедиціи, членомъ комиссіи по разслѣдованію злоупотребленій въ духовномъ вѣдомствѣ въ Тобольской губерніи, а затѣмъ, одновременно съ повышеніемъ въ тайные совѣтники, сдѣланъ почетнымъ опекуномъ Петербургскаго воспитательнаго дома. Въ 1769 г. ему вмѣстѣ съ Волковымъ было поручено произвести изысканія о томъ, какую подать должны вносить въ тогдашнее военное время купечество и мѣщанство. Т. пришелъ къ выводу о необходимости соотвѣтственные налоги временно удвоить, причемъ, работая надъ этимъ вопросомъ, составилъ попутно любопытныя и нынѣ весьма цѣнныя какъ историческій матеріалъ статистическія таблицы числу фабрикъ, заводовъ, машинъ, печей съ указаніями цѣнности ихъ, количеству народонаселенія по сословіямъ и пр. 10 іюля 1775 г. Т. былъ пожалованъ званіемъ сенатора и Александровскою лентою. 30 марта 1779 г. онъ скончался и похороненъ въ церкви Св. Лазаря въ Александро-Невской лаврѣ.

Т. почитался за одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорскихъ академіи наукъ и академіи художествъ, почетнымъ же членомъ мадридской академіи, дѣйствительнымъ членомъ вольно-экономическаго общества, одно время преподавалъ политическія науки наслѣднику престола Павлу Петровичу, съ которымъ сошелся весьма близко. Человѣкъ живой, онъ всего стремился отъ работъ надъ задачами государственнаго характера съэкономить себѣ время для другихъ занятій, которыя носили печать разносторонности и разнообразія; съ увлеченіемъ занимался музыкою и зналъ въ ней толкъ, много времени посвящалъ домоводству, строительству, садоводству и сельскому хозяйству въ своемъ большомъ и благоустроенномъ имѣніи, селѣ Молодовомъ, Орловской губ. Карачевскаго уѣзда, гдѣ и донынѣ сохранился огромный каменный домъ съ обширными службами, садомъ, собраніемъ картинъ и гравюръ, цѣннымъ архивомъ и богатою библіотекою. Съ 1763 г. Т. вмѣстѣ съ В. А. Гудовичемъ содержалъ въ Малороссіи табачную монополію и не мало способствовалъ разведенію тамъ разныхъ сортовъ табаку какъ практическими указаніями отдѣльнымъ мелкимъ плантаторамъ, такъ и своею книгою—«О засѣвѣ разныхъ табаковъ иностранныхъ въ Малороссіи» (Спб. 1765). Извѣстенъ былъ Т. въ свое время и какъ писатель по разнороднымъ вопросамъ. Изъ его сочиненій изданы въ свѣтъ: «Россійская географія», предназначенная для семинаріи Ѳеофана Прокоповича, «Знанія вообще до философіи касающіяся» (Спб. 1751), «Наставленіе сыну» (ib. 1768), «Птичій дворъ» (ib. 1777) и «Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ» (ib. 1774) — своеобразный памфлетъ, вызванный недовольствомъ Т. лечившими его врачами. Изданы и два его перевода съ латинскаго—«Ода на

новый 1738 годъ» (Спб. 1738), написанная академикомъ Таубертомъ, и «Рѣчи, которыя были читаны въ публичномъ собраніи Спб. академіи наукъ 29 апрѣля 1742 г.» (ib. 1842). Двѣ его работы—«Каталогъ кабинета естественной исторіи» и переводъ на латинскій языкъ сатиръ Кантемира—остались ненапечатанными. Собранные Т. обширные матеріалы и цѣнные источники для исторіи Малороссіи, которую онъ не успѣлъ написать, перешли въ руки Ив. Перф. Елагина.

Полное Собраніе Законовъ, т. XVI, стр. 118, 157, 176—178, 193, 194, 237, 238, 293, 303, 387—389, 426, 427, 629, 699; т. XVII, стр. 148, 659, 662, 821, 952; т. XVIII, стр. 435, 704, 930, 1012; т. XIX, стр. 94, 96, 98, 114, 115, 210, 211, 543, 565, 567, 603, 634, 673, 759, 844, 972; т. XX, стр. 99, 168; т. XXIV, стр. 601, 602, 657, 702, 703, 705, 706; т. XXV, стр. 42, 173; т. XXVI, стр. 661; т. XXIX, стр. 1165; т. XXXIII, стр. 1025, т. XXXIV, стр. 212; т. XXXVI, стр. 123.—«Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества», т. I, стр. 293; т. II, стр. 275; т. IV, стр. 11, 35; т. VII, стр. 101—109, 116, 121, 123; 133, 142, 170, 185, 226—228, 232, 233, 238—267, 280, 290, 291, 294, 297, 298, 300, 310, 313, 319, 325, 350, 391, 397—399, 403, 404; т. X, стр. 7—8, 21, 32, 41, 42, 69, 134, 138, 209, 246, 251, 259, 312, 321, 326—329, 363—367, 370; т. XII, стр. 53, 191, 192, 229, 341; т. XIII, стр. 114, 115, 168, 270, 273, 279; т. XVII, стр. 270; т. XVIII, стр. 248, 266, 462, 467; т. XXII, стр. 94, 268; т. XXVI, стр. 40, 41, 52, 215, 216, 236; т. XXVII, стр. 169, 235; т. XXIX, стр. 332, 330, 337; т. XLII, стр. 297, 303, 369; т. XLVI, стр. 393; т. XLVIII, стр. 314.—«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. XIII, стр. 102.—Журналы Сената, отъ 8 марта 1748 г.; 26 февраля и 2 марта 1751 г.; 9 декабря 1763 г.—„Записка" А. П. Бестужева-Рюмина въ Государств. архивѣ; тамъ же письма Т. къ Панину.—П. Пекарскій, „Исторія Академіи Наукъ", т. II.—Сухомлиновъ, „Исторія Императ. Академіи Наукъ".—„Собраніе сочиненій Ломоносова", въ изд. Бокрама, Спб. 1867, и Смирдина (письма Ломоносова къ Т.).—Билярскій, „Матеріалы для біографіи Ломоносова".—П. Пекарскій, „Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова", прилож. къ VIII т. „Записокъ Импер. Академіи Наукъ", 1865 г.—„Матеріалы для біографіи Третьяковскаго", ibid., т. IX.—„Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, имъ самимъ составленная", перев. съ нѣм. В. Кеневича, Спб. 1875, гл. 12 и прилож. — П. А. Ефремовъ, „Матеріалы для исторіи русской литературы", Спб. 1867. — М. Н. Лонгиновъ, „Біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ XVIII в. и библіографическія извѣстія объ ихъ произведеніяхъ", „Русская Старина", 1870, №№ 5, 7, 8. — В. И. Межовъ, „Исторія русской словесности", т. II, стр. 248—270.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Общественная Польза", кн. V, стр. 566, 567, 626, 632—633, 707—708, 485, 850—857, 1041, 1324, 1334—1335, 1340—1341; 1345, 1368—1370, 1383, 1455—1457, 1469, 1483, кн. VI, стр. 6, 30—33, 37, 223, 234—236, 380, 413, 1007—1008.—Его же, „Письма Н. Г. Теплова, 1777 г.", „Русскій Архивъ", 1869, № 2, стр. 216—220 (къ М. М. Щербатову и Н. И. Панину).—Его же, „Гергардъ-Фридрихъ Миллеръ", „Современникъ", 1854, № X.—Его же, „Писатели русской исторіи XVIII в.".—Имъ же сообщено, „Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветина царствованія", „Осьмнадцатый вѣкъ", сборн. П. И. Бартенева, Москва 1869, № 4, стр. 87—96.—„Записки Марковича", подъ 1751—1752 гг.—„Записка" Т. о Малороссіи напечатана въ „Запискахъ Южной Россіи", т. II.—А. А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ", Москва 1869, стр. 120, 218—221.—„Собраніе сочиненій М. А. Максимовича", т. I, отд. III (по поводу „Записки" Т. о Малороссіи).—„Mémoires de l'Imper. Catharine", II, pp. 248, 250, 271.—„Mémoires de la princ. Daschkoff", I, p. 82; то же въ нѣмецк. изд., Hamburg 1857, I, S. 145—146.—„La cour de la Russie il y a cent ans", Berlin 1858, S. 228—230.—„Vis de Piérre III". I, p. 230.—„Начальное разсужденіе о планѣ учрежденія публичныхъ училищъ" находится въ архивѣ Государственнаго Совѣта, дѣла II отдѣленія собств. Е. И. В. Канцеляріи, 320/221.—С. В. Рождественскій, „Проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе императр. Екатерины II", „Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.". 1907, № 12; 1908, № 2 и 3.—„Исторія народной школы", изъ серіи „Педагогическая Академія", изд. т-ва „Польза", Москва 1910.—П. М. Майковъ, „Иванъ Ивановичъ Бецкой", Спб. 1904, стр. 90, 182, 209, 253, 298, 313, 318; прим. стр. 38, 135, 163.—А. С. Лаппо-Данилевскій, И. И. Бецкой и его система воспитанія", Спб. 1904, стр. 38 и слѣд.—„Журн. Мининст. Народнаго Просв.", 1844, ч. 43, отд. V (мнѣніе Т. о провинціальныхъ школахъ).—„Письмо Теплова къ тверскому архіепископу Платону, 1771 г.", сообщ. П. С. Казанскій, „Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Россійск.", 1876, № 3, стр. 105.—„Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, оберъ-прокурора синода", Спб. 1872, прил., гл. 3.—А. П., „Выдержки изъ прошедшаго и давнопрошедшаго Архангельской губерніи", „Арханг. Губ. Вѣдом.", 1874 г., № 9 (письма Т.).—„Отправка купеческихъ сыновей въ Англію, 1766 г.", сообщ. А. Подвысоцкій, „Русск. Стар.", 1875, № 7, стр. 437 — 439 (письма Т. объ этомъ).—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ русскихъ людей", т. V, Спб. 1836, стр. 133 — 137. — Митроп. Евгеній, „Словарь свѣтскихъ писателей", ч. II, стр. 205—207.—„Справочн. энциклопед. словарь" Крайя-Старчевскаго, т. X, s. v.—„Энциклопедич. словарь Брокгауза-Ефрона, изд. 1-е, т. 32, стр. 924.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", №№ 4305, 6578, 7014, 8208, 9557, 9712, 9963.—„Роспись книгамъ изъ библіотеки Смирдина", № 10429.—„Russische Günstlinge", p. 316.—Бантышъ-Каменскій, „Полное собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ россійскихъ орденовъ", стр. 224, 304.—„Москвитянинъ", 1852, II, стр. 5.—„Русскій Архивъ", 1864, изд. 2-е, стр. 404, 446; 1866, стр. 315,

582. — „Русская Старина", 1870, изд. 2-е, т. II, стр. 362.— „Адресъ-календарь на 1767 г.", стр. 11, 121, 122.

Теплоуховъ, *Александръ Ефимовичъ*, лѣсоводъ и археологъ, писатель, родился въ селѣ Карагайскомъ (Оханскаго уѣзда, Пермской губерніи) 21 августа 1811 г. въ семьѣ крѣпостного Строгановыхъ. Уже съ дѣтства онъ обратилъ на себя своими способностями вниманіе администраціи имѣній Строгановыхъ и былъ опредѣленъ въ учрежденную графинею С. В. Строгановой въ Петербургѣ школу сельскаго хозяйства и горныхъ наукъ. Въ 1830 г. Т. окончилъ курсъ школы по горному отдѣленію съ аттестатомъ высшаго разряда, послѣ чего въ теченіе 1830—1833 гг. занимался въ Петербургской главной конторѣ Строгановыхъ. Въ 1833 г. С. В. Строгановой ему было предложено поступить въ Фрейбургскую горную академію для усовершенствованія въ горнозаводскихъ наукахъ. Чувствуя больше склонности къ сельскому хозяйству, Т. просилъ разрѣшенія заняться изученіемъ лѣсныхъ наукъ въ Тарантской королевской лѣсной академіи, въ Саксоніи, на что и получилъ согласіе. Въ этой академіи Т. пробылъ съ 1834 по 1838 г. По возвращеніи въ Россію онъ получилъ дарственную и назначенъ въ 1839 г. преподавателемъ лѣсныхъ наукъ въ школѣ графини Строгановой. Для практическихъ занятій по лѣсоводству съ учениками Т. предоставлены были двѣ дачи въ имѣніи Строгановыхъ Марьино, Новгородской губерніи. Здѣсь онъ сталъ производить первые опыты примѣненія германской системы лѣсохозяйства къ мѣстнымъ условіямъ. Эти опыты описаны имъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Лѣсномъ Журналѣ» за 1841—1842 гг. Издававшее этотъ журналъ «Общество для поощренія лѣсного хозяйства» поручило ему составить руководство для устройства лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которое и было издано на счетъ Общества въ 1847 г. Начиная съ 1841 г. ученики, занимавшіеся подъ руководствомъ Т. лѣсными науками, по окончаніи школы отправлялись въ Пермскій маіоратъ Строгановыхъ, гдѣ они производили съемку и таксацію заповѣдныхъ лѣсовъ. По закрытіи училища Т. уѣхалъ въ Пермь въ качествѣ главнаго лѣсничаго и члена главнаго управленія лѣсами маіората, дальнѣйшая съемка и таксація которыхъ производилась подъ его непосредственнымъ руководствомъ. По освобожденіи крестьянъ онъ назначенъ былъ главноуправляющимъ пермскимъ маіоратомъ. Т. много работалъ надъ опытами по акклиматизаціи и росту древесныхъ породъ въ питомникѣ, устроенномъ имъ въ селѣ Ильинскомъ, мѣстѣ своего постояннаго жительства. Наблюденія, сдѣланныя имъ за время своей долголѣтней практики въ качествѣ лѣсовода, послужили матеріаломъ для многочисленныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ различныхъ русскихъ и нѣмецкихъ повременныхъ изданіяхъ. Къ концу своей жизни Т. сталъ интересоваться археологіей, занятіямъ которой онъ посвятилъ все свое время, послѣ того какъ оставилъ службу въ качествѣ завѣдующаго маіоратомъ Строгановыхъ. Толчкомъ къ этому послужило открытіе имъ въ окрестностяхъ села Ильинскаго ямы, наполненной костями и обломками старинной глиняной посуды. Съ тѣхъ поръ онъ усердно отыскивалъ и собиралъ всякаго рода древнія вещи въ Пермской губерніи, изъ которыхъ у него составился цѣлый музей. Результаты этихъ занятій археологіей описаны имъ въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ. Т. былъ почетнымъ членомъ Уральскаго общества любителей естествознанія съ 1880 г. и Лѣсного общества въ Петербургѣ съ 1883 г., дѣйствительнымъ членомъ Пермскаго губернскаго статистическаго комитета съ 1854 г., комитета лѣсоводства при Имп. Обществѣ сельскаго хозяйства въ Москвѣ съ 1856 г. и Антропологическаго общества въ Вѣнѣ съ 1883 г.; членомъ-корреспондентомъ Петербургскаго общества для поощренія лѣсного хозяйства съ 1839 г., Импер. вольно-экономическаго общества съ 1845 г., Импер. Казанскаго экономическаго общества съ 1859 г., Германскаго общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи въ Берлинѣ съ 1878 г., Финно-Угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ и Финскаго историческаго съ 1885 г.; членомъ-сотрудникомъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ съ 1879 г.

Умеръ Т. 17 апрѣля 1885 г. въ селѣ Ильинскомъ, Пермской губерніи.

Имъ напечатаны слѣдующія статьи, посвященныя различнымъ вопросамъ лѣсного хозяйства и археологіи: „Тарантская академія"

(„Лѣсной Журналъ“, 1837, № 3); „Лѣса и лѣсоводство Шварцвальдскихъ горъ“ (тамъ же, 1840, ч. I, кн. 2); „О приведеніи въ извѣстность и первоначальномъ устройствѣ лѣсовъ въ частныхъ имѣніяхъ“ (тамъ же, 1840, ч. III, кн. 3); „Нѣкоторыя свѣдѣнія объ учрежденіи правильнаго лѣсного хозяйства въ имѣніи графини С. В. Строгановой, Марьинѣ“ (тамъ же, 1841, ч. II, кн. 2); „Замѣчанія и наблюденія, произведенныя при введеніи правильнаго лѣсного хозяйства въ имѣніи Новгородской губ., Марьинѣ“ (тамъ же, 1842, ч. I и II); „Наблюденія надъ изсякновеніемъ источниковъ вслѣдствіе обнаженія отъ лѣсовъ“ (тамъ же, 1842, ч. IV); „Объ урожаѣ еловыхъ сѣмянъ“ (тамъ же, 1842), „Наставленія по лѣсохозяйству для дѣтей Марьинской школы земледѣлія“ (въ изд. „Сельскія бесѣды“, Спб. 1842, бесѣды XII—XV); «Bemerkungen über die Waldwirtschaft und das Verhalten des wichtigsten Holzarten auf den Uralgebirge im Vergleich mit denen des Nowgorodschen Gouvernements“ („Forstliches Cotta-Album“, 1844, Breslau und Oppeln, § 244); „Устройство лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ“ (Спб. 1848, изд. 2-е Спб. 1850); „Beobachtungen eines Forstmannes am Uralgebirge im Sommer des Jahres 1844“ („Mitteillungen des Kais. Freien Oekonomischen Geselschaft“, Petersb. 1849, 2. Heft); „Ueber Windbruch Holzsamen, Waldgrüserei und über Schaden in den Kornfeldern durch die Raupe Agrostis Exclamationis“ (тамъ же, 1849); „О пользѣ и вредѣ уборки вершинника, хвороста и другого сора въ лѣсахъ“ („Земледѣльческая Газета“, 1849, № 98, и „Лѣсной Журналъ“, 1850, № 2—3); „Подробное наставленіе о механическомъ разложеніи лѣсной почвы простыми средствами“. „Лѣсной Журналъ“, 1850, №№ 16, 17 и 18); „Наблюденія надъ побѣгопроизводительностью и приростомъ березы, сдѣланныя въ лѣсной дачѣ Билимбаевскаго завода“ („Труды Импер. Вольно-Эконом. Общ.“. 1852, январь); „О бобовидной рудѣ, открытой въ Пермскомъ уѣздѣ, въ имѣніи гр. Н. П. Строгановой“ (изд. Пермск. статист. комитета, 1855); „Лѣсохозяйственное описаніе Чердынскаго уѣзда“ (изд. Пермск. статист. комитета, 1856); „Статистическія свѣдѣнія объ употребленіи лѣсовъ въ заводахъ и оброчныхъ имѣніяхъ графини Н. П. Строгановой, состоящихъ въ Пермской губ., въ уѣздахъ Пермскомъ, Оханскомъ, Соликамскомъ и Екатеринбургскомъ“ („Пермскія Губернскія Вѣдомости“, 1857, № 31 и слѣд.); „130 словъ, провинціальныхъ и техническихъ, употребляемыхъ въ Пермской губ. и относящихся до крестьянскаго хозяйства, лѣсоводства, горнаго дѣла и судостроенія“ („Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета“, 1857, кн. II); „Краткое описаніе рукодѣлій, относящихся къ лѣсной промышленности крестьянъ Срѣтенскаго вѣдомства“ („Экономическія Записки“, 1858, № 22); „Объ угольныхъ работникахъ, урочныхъ положеніяхъ и вознагражденіи за работы“ („Газета Лѣсоводства и Охоты“, 1858, № 48); „Лѣсохозяйственныя замѣтки“ („Экономическія Записки“, 1858, № 41); „О выдѣленіи особыхъ лѣсныхъ участковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ для подъзованія крестьянъ“ (Журналъ Сельскаго Хозяйства“, 1858, № 9, перепеч. въ „Запискахъ Комитета Лѣсоводства“, 1859, т. II); „Историческій взглядъ на лѣсохозяйство въ Пермскомъ нераздѣльномъ имѣніи“ (Пермь 1881); „Сборники лѣсохозяйственныхъ постановленій и правилъ въ Ильинскомъ округѣ пермскаго маіората графовъ Строгановыхъ“ („Труды Имп. Вольно-Экономическаго Общества“, 1859, сентябрь); „О сырости или сочности дерева“ (тамъ же, 1859, декабрь); „Примѣры изслѣдованія быта крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи“ („Пермскій сборникъ“, изд. Д. Д. Смышляевымъ, 1860, кн. 2); „О значеніи въ лѣсохозяйствѣ обуви, изготовляемой изъ древесной коры“ („Экономич. Записки“, 1862, № 13; перепеч. въ „Журн. Минист. Госуд. Имуществъ“, 1862, апрѣль); „О рубкѣ и возобновленіи казенныхъ лѣсовъ въ Чердынскомъ уѣздѣ“ („Экономич. Записки“, 1862, № 34 и 36); Мѣры противъ пожаровъ“ („Труды Имп. Вольно-Экономич. Общества“, 1866, т. I, вып. 2); „Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge“ („Archiv für Anthropologie“, Bd XII, Freiburg 1879); то же въ перев. на русскій О. Е. Клерова подъ заглавіемъ „О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ въ Уральскихъ горахъ“ („Записки Уральскаго Общ. Любителей Естествознанія“, 1880, т. I, вып. 2); „Archäologische Beiträge aus dem Osten Europas“ („Mittheilungen der Anthropologischen Geselschaft in Wien“, 1879, VIII, №№ 10—12); „Извѣстіе о чудскомъ селищѣ близъ села Кудышкорскаго“ („Записки Уральскаго Общ. Любителей Естествознанія“, т. VI, вып. 1); „Описаніе коллекціи черепковъ глиняной посуды изъ Чудскаго селища близъ села Кудышкорскаго въ Соликамскомъ уѣздѣ“ (тамъ же, т. VI, вып. 4, 1884); „Moschusochse“ („Archiv für Anthropologie“, XVI); „Древесныя растенія, прозябающія въ саду моемъ на открытомъ воздухѣ безъ всякаго прикрытія на зиму“ („Лѣсной Журн.“, 1885, в. 3).

Литература о Т.: Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, Спб. 1907, вып 10, стр. 98.—D-r J. J. Ratzeburg, „Forstwissenschaftliches Schriftsteller-Lexicon“, Berlin 1872.—Н. А. Роговъ, „Матеріалы для исторіи пермскаго заповѣднаго имѣнія графовъ Строгановыхъ“, Пермь 1902, стр. 87, 102 и слѣд.—Д. Д. Смышляевъ, „Сборникъ статей о Пермской губерніи“, Пермь 1891, стр. 285—292.—„Труды Пермской губернской ученой Архивной Комиссіи“, 1902, вып. V, стр. 68—70.—Brockhaus Conversations Lexicon, Leipzig 1886, XV, 563.—„Пермскія Губернскія Вѣдомости“, 1885, № 33.—„Illustrirte Zeitung“, 1835, № 2189.—„Лѣсной Журналъ“, 1885, вып. 3, стр. 152; вып. 11, стр. 495.—П. Н. Вереха, „Лѣсоводство въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство»“, Спб. 1891, стр. 82.

Тепляковъ, *Викторъ Григорьевичъ*, поэтъ и путешественникъ-археологъ, родился въ Твери 15 августа 1804 г. отъ брака Григорія Алексѣевича Теплякова съ Прасковьею Аггеевною Свѣчиною. Первоначальное образованіе получилъ дома. Бу-

дущій поэтъ отличался уже въ дѣтствѣ довольно сильно развитой мечтательностью и яркой фантазіей. «Благотворная фея» мечты рано стала навѣщать Т., и онъ впослѣдствіи не разъ вспоминалъ о тѣхъ временахъ, «когда, бывало, ты мнѣ мелькала въ златыхъ лучахъ денницы красной; когда въ лугахъ языкъ согласный пѣвцовъ рѣчныхъ иль волнъ морскихъ ты объясняла, о фея, мнѣ; когда на днѣ рѣчномъ казала дома духовъ, рядъ стѣнъ зубчатый, чудесъ палаты изъ облаковъ... ты со мной, рука съ рукой, одна блуждала вкругъ стѣнъ сѣдыхъ — развалинъ длинныхъ, церквей былыхъ, гробницъ старинныхъ; и рядъ людей вѣковъ минувшихъ, и тѣни дней давно мелькнувшихъ, изъ-подъ земли вставая мшистой, вились вдали чредой сребристой;—ты съ жизнью ихъ меня сливала, съ чудесъ былыхъ покровъ срывала»... Въ уста Перваго Странника, въ стихотвореніи «Странники», поэтъ вложилъ, безъ всякаго сомнѣнія, свои воспоминанія о дѣтствѣ: «и родной весны цвѣты златые, родной зимы снѣга сѣдые, разсказы няни, игры дѣвъ, косца знакомаго напѣвъ, знакомыхъ пчелъ въ саду жужжанье, домашнихъ псовъ далекій лай, родныхъ потоковъ лепетанье». Въ этой мирной домашней обстановкѣ воображеніе ребенка усердно работало. Ангелъ поэзіи, говорилъ Т., его «младые годы когда-то розами вѣнчалъ; игру младенца золотую благословеньемъ оживлялъ и въ сердце юноши святую міровъ гармонію вдыхалъ». Изъ родительскаго дома Т. былъ отправленъ въ Москву и опредѣленъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Уже тогда онъ писалъ стихи. Въ 1820 г. Т. поступилъ юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Тогдашняя военная среда, въ которой пришлось вращаться Т., была культурной сферой, богатой образованными людьми; изъ нея вышли дѣятели тайныхъ союзовъ двадцатыхъ годовъ и участники декабрьскаго движенія 1825 г. Знакомство съ Западной Европой, которое вынесли офицеры изъ недавняго парижскаго похода, значительно подняло уровень ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Офицерство занималось литературой, науками, примыкало къ тайнымъ обществамъ и масонскимъ ложамъ. Эта среда была очень полезна для Т.; онъ познакомился съ извѣстнымъ своей эксцентричностью, образованіемъ и умомъ П. П. Каверинымъ, другомъ Пушкина. Каверинъ ввелъ его въ одну масонскую ложу. Въ 1824 г. Т. оставилъ военную службу и переѣхалъ въ Петербургъ. Вращаясь тамъ среди лучшей тогдашней молодежи, Т. не могъ не быть знакомъ со многими дѣятелями Сѣвернаго тайнаго общества и участниками военнаго бунта 14 декабря 1825 г. Тѣнь подозрѣнія пала и на Т.; у него былъ произведенъ обыскъ, при которомъ были найдены предметы, обличавшіе въ немъ члена масонской ложи. Т. былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Сидѣть ему пришлось довольно долго. Въ стихотвореніи «Затворникъ» онъ превосходно изобразилъ весь ужасъ страданій, причиняемыхъ одиночнымъ заключеніемъ, когда «минуты черныя бредутъ вѣковъ огромныхъ колоссальнѣй», «безумства ядъ душѣ грозитъ, во всѣ мечты ея впиваясь», и только слышны «на башнѣ крикъ ночного врана, часовъ церковныхъ дальній бой, да крики стражей, да порой трескъ заревого барабана». Въ крѣпостномъ казематѣ Т. заболѣлъ и былъ отправленъ въ военный госпиталь. По выздоровленіи его перевели, по Высочайшему повелѣнію, въ Александро-Невскую лавру на церковное покаяніе. Здоровье его было совсѣмъ разстатано; въ концѣ 1826 г. онъ обратился къ императору Николаю I съ прошеніемъ о переводѣ изъ лавры и о разрѣшеніи жить въ болѣе теплыхъ краяхъ. Тогда ему было назначено жить въ Херсонѣ, подъ надзоромъ полиціи; туда его повезли подъ конвоемъ жандарма. Остановившись дорогой въ родной Твери, Т. имѣлъ возможность свидѣться и проститься съ родными. Свое разставаніе съ ними онъ изобразилъ въ стихотвореніи «Изгнанникъ». Въ Херсонѣ его на первыхъ же порахъ обокралъ его крѣпостной лакей, который былъ арестованъ; благодаря этому прошелъ въ городѣ слухъ, что у Т. водятся деньги. Шайка грабителей ночью ворвалась въ его квартиру и ограбила его, причемъ самъ онъ былъ раненъ и впослѣдствіи долго страдалъ отъ этой раны. Положеніе ограбленнаго и изувѣченнаго Т. было такъ ужасно, что онъ описалъ его въ письмѣ къ государю. Николай Павловичъ былъ растроганъ этимъ письмомъ; къ тому же единственная вина Т. заключалась въ его участіи въ масонской ложѣ. Госу-

дарь приказалъ возвратить ему права, принять на государственную службу и прислалъ двѣ тысячи рублей, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, стараясь вознаградить за несправедливое преслѣдованіе и лишеніе свободы. Кромѣ того, для разслѣдованія дѣла о грабежѣ былъ командированъ флигель-адъютантъ. Т. былъ опредѣленъ на службу въ Таганрогскую таможню, но служба эта была ему не по душѣ, и въ ней онъ пробылъ недолго. Новороссійскій генералъ-губернаторъ и полномочный намѣстникъ Бессарабской области, графъ М. С. Воронцовъ, взялъ его къ себѣ (въ 1827 г.) чиновникомъ особыхъ порученій; въ этой должности онъ пробылъ до 1835 г. Жизнь Т. измѣнилась значительно къ лучшему, когда онъ поселился въ живой и веселой Одессѣ. Въ Одессѣ тогда жилъ и цѣйствовалъ значительный кругъ умныхъ и высокообразованныхъ людей; нарождалась цѣлая школа южно-русскихъ археологовъ, и было чему питать жаждущую знаній и впечатлѣній душу Т. Въ 1828 г. Т. отправился вмѣстѣ съ семействомъ своего московскаго знакомаго Г. А. Римскаго-Корсакова на Кавказъ, который произвелъ на поэта очень сильное впечатлѣніе.

Т. зналъ нѣсколько языковъ; эпиграфы къ своимъ стихотвореніямъ онъ бралъ изъ Шиллера, Байрона, Данте, Камоэнса, французскихъ авторовъ; особенно же любилъ онъ исторію и въ частности археологію. Въ Одессѣ тогда открылся музей новоосноваго общества исторіи и древности, главной цѣлью котораго было изданіе южнорусской и черноморской археологіи. Т. занялся розысканіемъ памятниковъ древности для музея. По предложенію его директора И. П. Бларамберга, онъ былъ отправленъ, во время войны съ турками въ 1829 г., на Балканскій полуостровъ, въ города древней Мидіи и Ѳракіи, гдѣ пробылъ до конца кампаніи. Немало памятниковъ древности было имъ прислано въ одесскій музей. Отчетъ его объ экспедиціи, представленный имъ по возвращеніи графу М. С. Воронцову, былъ напечатанъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и затѣмъ переведенъ во многихъ европейскихъ журналахъ. Во время похода Т. написалъ лучшее и самое крупное изъ своихъ произведеній—«Ѳракійскія элегіи», а подробное научное описаніе своей ученой поѣздки издалъ особою книгою—«Письма изъ Болгаріи», вышедшею въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1833 г. Натура Т. была такова, что онъ, близкій свидѣтель грозныхъ происшествій войны, нимало не занимался ими и во время войны уносился духомъ въ мирныя картины своей излюбленной древности. Живя въ Одессѣ, Т. былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Одесскаго Вѣстника» и печаталъ въ «Одесскомъ Альманахѣ» свои стихи. По поводу «Писемъ изъ Болгаріи» В. А. Жуковскій писалъ Т. 27 апрѣля 1834 г.: «Давно уже уважаю васъ, какъ поэта съ дарованіемъ необыкновеннымъ и какъ пріятнаго прозаика, умѣющаго давать слогомъ своимъ прелесть учености». Престарѣлый поэтъ И. И. Дмитріевъ писалъ ему тоже по поводу этой книги 16 января 1834 г.: «Завидное преимущество творческаго ума! Съ его благодатною книгою я, не сходя съ домашнихъ креселъ, забываю пятнадцать градусовъ мороза, любуюсь радужнымъ востокомъ на голубомъ небѣ, яркою зеленью бархатныхъ долинъ, прохладою искрометныхъ фонтановъ и заслушиваюсь моего путеводителя, глубокомысленнаго поэта-живописца и ученаго наблюдателя». Т. владѣла страсть къ путешествіямъ, не та «охота къ перемѣнѣ мѣсть, весьма мучительное свойство» многихъ, но жажда все видѣть, все знать, все испытать. Онъ отлично выразилъ ее въ стихотвореніи «Странники»: «Блаженъ, блаженъ, кто моря зрѣлъ волненье, кто Божій міръ отчизною назвалъ, свой отдалъ путь на волю провидѣнья и воздухомъ вселенной подышалъ! Бродячей жизни бредъ счастливый, ты, какъ поэта сонъ игривый, разнообразіемъ богатъ! Сегодня—кровъ убогой хаты, деревня, пашни полноты, а завтра—пышныхъ зданій рядъ, искусствъ волшебныя созданья, священный генія завѣтъ, чудесъ минувшихъ яркій слѣдъ, народовъ пѣсни и преданья!»... Ояъ любилъ, говоря его же словами, «погрузиться думою въ смыслъ исторіи, ускользнувшій отъ человѣческихъ лѣтописей и столь глубокій, столь краснорѣчивый на пощаженныхъ тысячелѣтіями обломкахъ».

Со времени путешествія по Болгаріи Т. сталъ усердно заниматься изученіемъ Востока, что ему было тѣмъ легче, что онъ владѣлъ обоими древними языками и турецкимъ, не говоря уже о нѣсколькихъ европейскихъ. Въ 1834 г. онъ былъ ко-

мандированъ въ Константинополь и Смирну. Въ октябрѣ 1834 г. Т. предпринялъ путешествіе съ научною цѣлью въ Константинополь, Грецію и Малую Азію. Путешествіе обогатило его археологическія знанія; въ путевыхъ запискахъ (неизданныхъ) онъ изложилъ свои наблюденія. Возвратившись изъ этой поѣздки въ апрѣлѣ 1835 г. въ Одессу, Т. вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ—хлопотать о переводѣ на службу при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Это удалось ему съ трудомъ, потому что вице-канцлеръ графъ К. В. Нессельроде былъ настроенъ противъ него. Дневникъ его пребыванія въ Петербургѣ въ 1835 и 1836 гг. сохранилъ отрывочныя замѣтки, изъ которыхъ видно, что онъ вращался въ обществѣ А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, П. А. Плетнева, графа М. Ю. Віельгорскаго, А. С. Норова, князя В. Ѳ. Одоевскаго, С. А. Соболевскаго. На одномъ литературномъ вечерѣ у Жуковскаго Т. слушалъ чтеніе Гоголемъ его «Ревизора», на другомъ, въ присутствіи цесаревича Александра Николаевича, самъ читалъ свои «Ѳракійскія элегіи». Лѣто 1835 г. Т. провелъ частью въ имѣніи своего отца, с. Дорошихѣ, подъ Тверью, частью въ Москвѣ; встрѣчался съ поэтомъ Ѳ. Н. Глинкою и романистомъ И. И. Лажечниковымъ. Въ 1836 г. вышелъ въ свѣтъ второй томъ его «Стихотвореній». Первый томъ вышелъ еще въ 1832 г. (въ него вошли стихотворенія, написанныя съ 1824 до 1831 г.). Онъ доставилъ Т. нѣкоторую извѣстность, но второй томъ показалъ въ немъ одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Въ III книгѣ «Современника» 1836 г. Пушкинъ помѣстилъ свою рецензію на второй томъ «Стихотвореній» Т. Указавъ на нѣкоторые недостатки стиховъ Т., великій поэтъ все же нашелъ у него «необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и силу въ мысляхъ» и заключилъ: «вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы Тепляковъ ничего другого не написалъ, кромѣ элегіи «Одиночество» и статьи «Любовь и ненависть», то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами». А. С. Стурдза и В. А. Жуковскій очень похвалили этотъ томъ.

Состоя при русской миссіи въ Константинополѣ, Т. былъ всячески отстраняемъ отъ дѣлъ, и даже архивъ посольства не былъ ему доступенъ. Несмотря на эти неблагопріятныя условія, Т. нѣсколько разъ представлялъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ записки о внутреннемъ и финансовомъ положеніи Турціи. Въ 1837 г. онъ ѣздилъ въ качествѣ дипломатическаго курьера въ Аѳины, а въ началѣ 1838 г. отправился въ путешествіе по Египту, Сиріи и Палестинѣ, причемъ изучалъ исторію и свою излюбленную археологію. Въ Сиріи Т. познакомился съ извѣстной авантюристкой леди Стэнгопъ; посѣтилъ Палестину и на Голгоѳѣ заказалъ панихиду по Пушкинѣ. (Отрывки изъ своихъ путевыхъ записокъ онъ помѣстилъ впослѣдствіи въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду»). Т. былъ въ Константинополѣ, когда до него дошла печальная вѣсть о смерти Пушкина, котораго онъ довольно близко зналъ, любилъ, и подъ могущественнымъ вліяніемъ котораго выросъ и окрѣпъ его литературный талантъ. 18 февраля и 17 марта 1837 г. хорошая знакомая Т. графиня Р. С. Эдлингъ (сестра А. С. Стурдзы) сообщила ему въ своихъ письмахъ изъ Одессы подробности кончины Пушкина. Еще больше подробностей сообщилъ ему П. А. Плетневъ, другъ Пушкина, въ письмѣ изъ Петербурга отъ 29 мая 1837 г. Возвратившись изъ путешествія по Востоку, Т. просилъ свое начальство о переводѣ его въ какое-нибудь изъ русскихъ посольствъ въ Западной Европѣ. Въ концѣ 1839 г. онъ писалъ своему брату, Алексѣю Григорьевичу: «Я оставляю Константинополь, развалины чума и варварство мнѣ надоѣли; хочется на западъ, хочется посмотрѣть на Европу, поближе взглянуть на прославленную цивилизацію нашего времени». Въ министерствѣ Т. недолюбливали и на его просьбу отвѣтили отказомъ. Тогда онъ вышелъ въ отставку и, недолго проживъ въ Петербургѣ, въ маѣ 1840 г. отправился въ Западную Европу. Живя въ Парижѣ, онъ посѣщалъ салонъ С. П. Свѣчиной, гдѣ встрѣчался съ Ламартиномъ, Шатобріаномъ и занималъ общество своими интересными разсказами о Востокѣ. Здоровье его было очень плохо, и въ началѣ мая 1841 г. онъ поѣхалъ на воды въ Энгіенъ. Немного поправивъ здоровье, онъ пустился снова въ дорогу; проѣхалъ по Рейну, посѣтилъ Швейцарію и въ октябрѣ прибылъ въ Италію. Въ Римѣ

онъ познакомился съ знаменитымъ языковѣдомъ кардиналомъ Меццофанти. Здѣсь онъ пожелалъ представиться папѣ Григорію XVI; раньше зная лишь поверхностно итальянскій языкъ, онъ въ одну недѣлю овладѣлъ имъ въ такой мѣрѣ, что въ Ватиканѣ въ присутствіи папы Т. разсказывалъ о Востокѣ по-итальянски. Григорій XVI предложилъ ему написать по архивнымъ документамъ біографію Беатриче Ченчи; Т. взялся за работу, но вскорѣ оставилъ ее. Возвратившись изъ Рима во Францію, Т. нѣкоторое время лечился въ Виши, а затѣмъ опять переѣхалъ въ Парижъ. Операція, которой онъ тамъ подвергся, не облегчила его болѣзни. Онъ усталъ душевно, тоска и скука овладѣли имъ. Изъ Парижа онъ писалъ брату: «Я видѣлъ все, что только есть любопытнаго въ подлунномъ мірѣ, и все это мнѣ надоѣло до невыразимой степени». 9 октября 1842 г. ударъ сразилъ его; онъ погребенъ на парижскомъ Монмартрскомъ кладбищѣ.

Не занимая среди современниковъ Пушкина особенно выдающагося мѣста, Т. все же не былъ эфемернымъ дарованіемъ, и имя его не затеряется среди безчисленныхъ именъ, наводнявшихъ журналы и альманахи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Онъ не былъ продуктивенъ; будучи способенъ создать очень многое, онъ создалъ мало. Его недолгая жизнь прошла въ скитаніяхъ; онъ былъ изъ тѣхъ, которые «и жить торопятся, и чувствовать спѣшатъ». П. А. Плетневъ какъ-то совѣтовалъ ему переработать научно и поэтически все, что пришлось ему увидѣть, узнать и пережить: «Слава Богу, что вамъ удалось столько увидѣть, столько прочувствовать и кинуть все это въ свои восточные портфели. Это не должно погибнуть»... Желаніе Плетнева не сбылось; Т. не суждено было разработать богатый запасъ своего житейскаго опыта, научныхъ знаній и поэтическихъ впечатлѣній, и отъ него осталось только нѣсколько археологическихъ трудовъ, нынѣ, конечно, утратившихъ значительную часть своего научнаго достоинства, да два томика стихотвореній, которыя не дадутъ имени Т. быть забытымъ въ исторіи русской литературы. Это былъ поэтъ-эстетикъ и мыслитель по преимуществу, поэтъ строгихъ и грустныхъ раздумій. Онъ, говоря его же стихами («Чудный домъ»), «въ царствѣ ума, средь Божественныхъ Музъ, рѣчь чистаго счастья слѣдилъ». Мысли свои о поэзіи Т. изложивъ въ предисловіи къ первому тому своихъ «Стихотвореній»: «Во всѣ времена и между всѣми народами истинная поэзія сливала сыновъ съ безсмертными подвигами ихъ предковъ, была грозою утѣснителя, защитою и усладою безпомощнаго. И нашему ли вѣку, столь ярко озаренному поэтическимъ пробужденіемъ внутренняго человѣка, и намъ ли, юнымъ питомцамъ своего вѣка, позволено видѣть въ поэзіи младенчество народовъ и почитать себя выше всѣхъ животворныхъ чудесъ ея? Когда можетъ устарѣть душа и сдѣлаться предметомъ пренебреженія для тѣла, движимаго ея могуществомъ? И кто болѣе насъ могъ замѣтить, до какой степени переплетены между собою вѣтви единаго древа—вѣтви многолиственнаго кедра наукъ, коего отрасли, не осыпанныя благоухающими цвѣтами поэзіи, показались бы намъ дикими, сухими, безжизненными». Поэзія, по мнѣнію Т., есть та сила, которая является на помощь слабой и мятущейся человѣческой душѣ, когда она «вотще обнять сей міръ огнемъ всѣхъ чувствъ своихъ желаетъ... въ здѣшнемъ мракѣ видѣть льстится своей отчизны милый свѣтъ... когда въ божественномъ забвеньи, сама въ себя погружена, груститъ о родинѣ она», — и «небесный ангелъ разрѣшаетъ ее тогда отъ здѣшнихъ узъ и благодатный заключаетъ съ ней родины ея союзъ», и душа освобождается отъ «земного мучительнаго груза». Въ свѣтѣ этого божественнаго озаренія «отрокъ, дѣва другъ, любовь, подъ солнцемъ выспреннихъ міровъ,—одно и то же для творенья» («Фриголетта»), и поэтъ видитъ «лучшій, идеальный міръ», ощущаетъ «ту гармонію сердецъ, которую, ощутивъ однажды, мы никогда позабыть не можемъ». При такомъ настроеніи души міръ кажется жалкимъ ничтожнымъ, тщетнымъ. «Я знаю вѣрно, что не знаю ничего, океанъ тоски мертвящей—умъ пытливый мудреца»,—говоритъ поэтъ. «Съ презрѣньемъ я гляжу на блескъ подлунной славы», слава — «дымъ пустой». Все въ мірѣ тлѣнно, все вянетъ, все гибнетъ. Пустой и однообразной жизнью живетъ «народовъ муравейникъ»: — «вѣка вѣковъ лишь повторенье! Спервa — свободы обольщенье, гремушки

славы наконецъ; за славой — роскоши потоки, богатства съ золотымъ ярмомъ, потомъ — изящные пороки, глухое варварство потомъ». («Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!» замѣтилъ Пушкинъ, выписавъ приведенныя строки, представляющія собою переводъ изъ Байрона). Какъ истинный поэтъ, Т. всю жизнь любилъ тотъ таинственный образъ, которому поклонялся Лермонтовъ, который Верленъ назвалъ: «mon nêve familier»:—«она своей тоской, своей улыбкой роковой моей души безпечный міръ мечтами странными отъ раннихъ лѣтъ смутила». Истинное счастье—въ золотой серединѣ домашняго спокойствія, скромнаго довольства малымъ, которыхъ, однако, не довелось испытать Т.: «хижина миромъ хранимая, садъ надъ лазурью морской стали, какъ дѣва любимая, сердца любимой мечтой». Онъ жаждалъ этого тихаго уголка: «Дайте хижину простую мнѣ надъ рѣчкой голубой, дочь природы молодую, книгу, садикъ и покой. Тамъ любовію своею душу мрамору я дамъ и другую Галатею съ сердцемъ огненнымъ создамъ!» Но есть и другой счастливый удѣлъ,—счастье созерцающей души, счастье парящей мечты. Счастье можно найти только въ «царствѣ золотыхъ бриллiантовыхъ думъ; по ихъ океану блуждая, какъ сладко пируетъ воспрянувшій умъ, вещественный міръ покидая!» Создавъ вокругъ себя особую духовную атмосферу, поэтъ обращается къ самому себѣ: «Пусть, какъ волны моря шумнаго ропщутъ страсти вкругъ тебя,—до тщеславья ихъ безумнаго что тебѣ, душа моя! Возносись, какъ розъ дыханіе, какъ органа звуки ты, крылья взявъ у созерцанія, къ солнцу вѣчной красоты!» На Т. сильное вліяніе имѣлъ Пушкинъ, котораго онъ называлъ своимъ «великимъ учителемъ». Вліяніе это особенно сильно сказывается въ первыхъ стихотвореніяхъ Т. Слогъ его блестящій, страстный. Эпитеты яркіе, простые, но поэтъ умѣетъ ими пользоваться, и они не кажутся общими и скучными. Образовъ у Т. немного, но они красивы и свѣжи, стихъ звученъ и силенъ,—какъ выразился Пушкинъ, «энергиченъ».

„Стихотворенія Виктора Теплякова“, Москва 1832; „Стихотворенія Виктора Теплякова“, томъ второй, Спб. 1836.—„Отчетъ о разныхъ памятникахъ древности открытыхъ и пріобрѣтенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи и Румеліи“ Одесса 1829. — „Письма изъ Болгаріи“ В. Г. Теплякова, Москва 1833.—„Московскій Телеграфъ“, 1829, ч. 27.—„Литературная Газета“, 1830, №№ 6, 13, 21, 23, 29, 38.—„Новости Литературы“, 1824, кн. VIII, № 22.—„Сѣверная Пчела“, 1843.—„Отечественныя Записки“, 1843, т. XXVIII, отд. VIII, стр. 74—103.—„Одесск. Вѣстникъ“, 1832, № 41, стр. 162—164, библіографія.—„Одесскій Альманахъ“ на 1831 и на 1834 г.—„Одесск. Вѣстникъ“, 1831, № 6.—„Современникъ“, 1836, т. III.—„Сочиненія А. С. Пушкина“, изд. Литерат. фонда, Спб. 1887, т. V, 334—340.—„Русск. Архивъ“, 1866, стр. 1148. — „Викторъ Григорьевичъ Теплляковъ“, біографическій очеркъ Ѳ. А. Бычкова, „Историч. Вѣстникъ“, 1877, іюль, 5—23; съ портретомъ.—„В. Г. Тепляковъ“, очеркъ П. Быкова, „Нива“, 1888, № 41, стр. 1016, 1018, съ портретомъ.—„Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“ Н. В. Гербеля, изд. 2-е, Спб. 1880, стр. 326—327.—„Отчетъ Имп. Публичной библіотеки за 1898 г.“.—„Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“, 1837, № 3.—„Общезанимательный Вѣстникъ“, 1857, № 6, статья А. Грена; статья его же въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ“, 1861, № 14, стр. 310—314.—Нѣмецкая „Leipz. Litter. Zeitung“, 1830, статья „Aus Moskau“.—„Изъ одесскихъ преданій“, статья Н. Лернера („Вѣдомости Одесск. Градоначальства“, 1900, № 285).—„Объ одномъ стихотвореніи В. Г. Теплякова“, библіографическая справка Н. Лернера, „Записки Импер. Одесскаго Общества Истор. и Древн.“, т. XXIV, протоколы, 70—71.

Н. Л.

Тепчегорскій, *Григорій*, *Павловичъ*, живописецъ и граверъ на мѣди конца XVII и начала XVIII вѣка, состоялъ при Московской гражданской типографіи и работалъ подъ надзоромъ Шикара, ученикомъ котораго былъ и манеры котораго онъ придерживался въ своихъ произведеніяхъ. Онъ былъ не только живописцемъ и граверомъ, но также рисовальщикомъ и даже сочинителемъ стиховъ, которые помѣщалъ на своихъ гравюрахъ и рисункахъ. П. А. Безсоновымъ онъ упоминается какъ сочинитель духовныхъ виршей, положенныхъ на ноты монахомъ Александромъ Мезенцемъ. Т., вѣроятно, былъ духовнымъ, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ: «Вспомянухъ житіе свое клироское, азъ недостойный Григорій...», а подъ нѣкоторыми своими произведеніями онъ подписывался «Іерей Григорій». Гравировалъ онъ, главнымъ образомъ, огромныхъ размѣровъ богословскіе тезисы. Ему принадлежатъ слѣдующія произведенія: 1) Святцы изъ 12 листовъ; каждый листъ раздѣленъ на 5 полосъ и содержитъ одинъ мѣсяцъ; 2) 26 картинокъ,

вклеенныхъ въ рукописный «Акаѳистъ Алексѣю, человѣку Божію» съ посвященіемъ царевичу Алексѣю Петровичу; единственный экземпляръ этого Акаѳиста находится въ библіотекѣ А. И. Хлудова; 3) Огромная гравюра на 8 доскахъ, сдѣланная по заказу Аѳанасія Зарудкаго, протопопа Новгородъ-Сѣверскаго, въ 1717 г.; въ серединѣ изображены Петръ I, Екатерина I и царевичи Алексѣй и Петръ Петровичи, справа отъ Петра I — Іоаннъ Богословъ и маленькій царевичъ Петръ Алексѣевичъ, вверху — Богоматерь; два экземпляра этой гравюры хранятся въ Московской Оружейной палатѣ и одинъ въ академіи наукъ; 4) Тезисъ Лаврентія Трансильванскаго, одѣланный Т. вмѣстѣ съ Ив. Зубовымъ; 5) «Образъ преблагословенной Дѣвы Маріи, отъ святого евангелиста Луки, начертанный въ Бѣлой Россіи» (копія съ иконы Богородицы Ченстоховской), помѣченный 1711 годомъ; 6) Св. Николай Чудотворецъ, съ виршами, сочиненными Т., гравировано въ 1718 г.; 7) Поколѣнное изображеніе св. Іоанна Златоуста, съ посохомъ въ лѣвой рукѣ, правой—благословляетъ (въ 1715 г.); 8) «Комедія притчи о блудномъ сынѣ, бываемое въ лѣто 1685 года», сдѣлано по инвенціи Пикара старшаго совмѣстно съ Л. Буниным; 9) Три листа съ изображеніемъ иконъ Богородицы, — хранятся въ собраніи Д. Ровинскаго; 10) Заглавный листъ съ изображеніемъ артиллерійскихъ орудій къ «Артиллеріи» Бринка (Москва 1710), также картинка «Ватер-пас ілі оризонтальной». Кромѣ того Т. скопировалъ съ «Библіи» Пискатора рисунки для Апокалипсиса, вырѣзаннаго Коренемъ (1696 г.), увеличивъ ихъ вчетверо, причемъ придалъ своимъ фигурамъ совершенно польскій характеръ, одѣлъ ихъ въ польскіе кафтаны и сдѣлалъ въ сочиненіи Пискатора стольно измѣненій, что, по словамъ Д. Ровинскаго, трудъ его можно считать почти оригинальнымъ. Подъ наблюденіемъ Т. выгравирована была въ первой половинѣ XVIII вѣка маленькая библія съ нѣмецкаго оригинала; подъ каждой картинкой этой библіи помѣщены вирши, сочиненныя Т., въ которыхъ встрѣчаются польскія выраженія. Затѣмъ имъ же сдѣланъ 4-й листъ Синодика 1702 г. — Лука митрополитъ. Свои произведенія Т. подписывалъ не только полнымъ именемъ, но также: «Григорій», «Григорій Гридеръ», «іерей Григорій» и иниціалами Г. Т.

Д. И. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія“, Москва 1870, стр. 33, 113, 117, 120, 126, 129, 207, 210, 235, 259, 299 — 304.— Его же, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. I, стр. 251—252, 894; т. II, стр. 1436, 1444—1454, прилож., стр. 365 и 367. — Его же, „Русскія народныя картинки“, Спб. 1881, т. III, стр. 194, 373, 475, 524, 526, 616, 687, 881, 624 и 712; т. IV, стр. 521, 592, 600 и 634; т. V, стр. 10 и 16.—В. Клюшниковъ, „Всенаучный энциклопедическій словарь“, Спб. 1882, ч. 2, стр. 854.— Ѳ. И. Булгаковъ, „Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства“, Спб. 1889, т. I, стр. 291. — А. П. Новицкій- „Исторія русскаго искусства“, Москва 1900, т. II, стр. 40.—П. А. Безсоновъ, „Каликп пе, рехожіе“, т. II, № XI.—П. Пекарскій, „Исторія россійской академіи наукъ“, т. I, стр. 305.

Тергукасовъ, *Арзасъ Артемьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1819 г. Образованіе получилъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1852 г. былъ зачисленъ маіоромъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ во многихъ кавказскихъ экспедиціяхъ. Въ 1859 г. назначенъ командующимъ этого полка, и вскорѣ послѣ того, командуя его 1-мъ и 4-мъ баталіонами, онъ съ ними двинулся къ аулу Гунибъ и послѣ горячаго боя овладѣлъ непріятельскими завалами у этой деревни. Съ 1868 г. Т. управлялъ среднимъ отдѣломъ Терской области, а годъ спустя получилъ въ командованіе 38-ю пѣхотную дивизію вмѣстѣ съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Во время Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Т. оставался въ Кавказскомъ дѣйствующемъ корпусѣ и начальствовалъ Эриванскимъ отрядомъ. 18 апрѣля 1877 г. онъ со своею дивизіей занялъ покинутый непріятелемъ Баязетъ, оставилъ въ крѣпости небольшой гарнизонъ и самъ съ остальными силами двинулся къ Эрзеруму, попутно выбивъ 28 мая непріятеля изъ укрѣпленія Алашкартъ. 9 іюня отрядъ Т., выдержалъ бой у с. Даяры, гдѣ былъ атакованъ значительно превосходными силами Мухтара-паши. Послѣдній имѣлъ въ виду воспользоваться отдаленностью главныхъ силъ нашего Кавказскаго корпуса, оставшагося подъ Карсомъ, овладѣть проходомъ Делибаба, преградить такимъ образомъ путь отряду Т. къ Эрзеруму и нанести ему рѣшительный ударъ. Сраженіе открылось въ 2 часа пополудни артиллерійскимъ огнемъ

съ обѣихъ сторонъ, отъ котораго пострадали значительно болѣе турки, чѣмъ русскіе; въ $4^1/_2$ часа непріятель двинулся въ атаку, направляя главныя усилія противъ праваго фланга отряда Т., но на всѣхъ пунктахъ былъ отбитъ; въ 10 час. вечера бой прекратился безъ ясныхъ результатовъ. Ночью Т. получилъ приказаніе отступать, вызванное неудачами нашихъ главныхъ силъ у Зевина. Несмотря на большія трудности пути и слѣдованіе непріятеля по пятамъ, отступленіе было совершено въ полномъ порядкѣ, и турки вскорѣ прекратили преслѣдованіе. Направляясь обратнымъ путемъ къ Баязету, Т. подоспѣлъ къ нему какъ разъ въ критическій моментъ для находившагося тамъ русскаго отряда. Вскорѣ по уходѣ Т. къ Эрзеруму, оставленный имъ въ Баязетѣ малочисленный отрядъ (около 1.600 чел.) былъ осажденъ 25-тысячнымъ отрядомъ Измаила-паши и Кази-Магомы, занявшимъ внѣшній городъ и обложившимъ крѣпость. Болѣе 20 дней осажденный гарнизонъ мужественно отражалъ непріятеля. 28 іюня Т. подошелъ къ крѣпости и послѣ боя принудилъ осаждавшихъ къ бѣгству. 28 октября Т. вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Гейманомъ нанесъ рѣшительное пораженіе туркамъ при Деве-Бойну, весьма сильной съ фронта и фланговъ горной позиціи, на которой сосредоточилъ всѣ свои силы Мухтаръ-паша. Т., соединившись съ генераломъ Гейманомъ, 28 октября въ $4^1/_2$ часа дня атаковалъ эту позицію. Послѣ жестокаго боя русскіе овладѣли ключомъ позиціи, высотою Узунъ Ахметъ, и вскорѣ за этимъ принудили турокъ къ поспѣшному отступленію. Почти вся непріятельская артиллерія сдѣлалась нашею добычей. По окончаніи войны Т. былъ назначенъ командиромъ 2-го Кавказскаго корпуса, въ каковой должности оставался до смерти, послѣдовавшей 8 января 1881 г.

„Русскій Инвалидъ“, 1881, № 12. — „Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Еврона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 947. — „Матеріалы по описанію Русско-Турецкой войны 1878—1879 гг.“, изд. Военно-Исторической комиссіи Главнаго штаба.

Теребеневъ, *Александръ Ивановичъ*, скульпторъ, академикъ, сынъ скульптора же и карикатуриста Ивана Ивановича Теребенева, родился въ Петербургѣ 24 января 1812 г. На 12-мъ году поступилъ въ академію художествъ, гдѣ учился сначала въ рисовальномъ классѣ, но потомъ избралъ спеціальностью скульптуру, которой обучался у профессора Демутъ-Малиновскаго. Въ это время скульптура въ академіи переживала переходное время: вмѣсто подражанія формамъ древней классической Греціи стали стремиться къ изображенію естественныхъ, реальныхъ формъ. Въ числѣ приверженцевъ новаго направленія былъ и Т. Онъ проявилъ большія дарованія, дѣлалъ блестящіе успѣхи въ ваяніи и получилъ цѣлый рядъ наградъ: еще въ первые годы своего ученія двѣ малыя серебряныя медали за лѣпку группы съ натуры и за бюстъ съ натуры же книгопродавца И. Сленина (его дяди), въ 1835 г. двѣ большія серебряныя медали (одну за лѣпку группы съ натуры, другую за исполненный по программѣ барельефъ) и малую золотую за барельефъ «Іоаннъ Креститель проповѣдуетъ въ пустынѣ о пришествіи Спасителя», за который онъ оставленъ былъ при академіи пенсіонеромъ (хранится въ академической церкви); малую же золотую медаль получилъ и за другой исполненный по заданной программѣ барельефъ «Іосифъ, разсказывающій въ темницѣ о значеніи сновъ, видѣнныхъ двумя царедворцами фараона». Въ 1836 г. былъ выставленъ на выставкѣ художественныхъ произведеній его барельефъ «Построеніе ковчега Ноемъ съ сыновьями», который обратилъ на себя всеобщее вниманіе и былъ пріобрѣтенъ академіей художествъ; барельефъ этотъ не сохранился. Окончивъ въ 1836 г. курсъ академіи со званіемъ художника XIV класса и будучи оставленъ при академіи пенсіонеромъ, Т. получилъ право поѣхать на казенный счетъ въ Италію, для чего ему нужно было исполнить работу на соисканіе большой золотой медали; но этой работѣ помѣшала его женитьба (на дочери профессора А. Е. Егорова); онъ сталъ работать для заработка и долженъ былъ отказаться отъ мысли о поѣздкѣ за границу. Въ ближайшіе годы по выходѣ изъ академіи Т. исполнилъ горельефъ, изображающій Вѣру, для зданія Опекунскаго совѣта и тамъ же круглыя статуи и горельефы, украшающіе арки, ниши и паруса парадной лѣстницы, и вылѣпилъ въ видѣ барельефа четырехъ евангелистовъ для городской церкви въ Петергофѣ. Вскорѣ ему удалось проявить

свои дарованія при работахъ въ Зимнемъ дворцѣ послѣ пожара; имъ сдѣланы слѣдующія работы: двѣ колоссальныя статуи, изображающія Мудрость и Правосудіе, для парадной лѣстницы; огромный барельефъ, длиной въ семь саженъ, изображающій битву амазонокъ съ центаврами, находящійся въ кавалерійскомъ залѣ; двѣ фигуры—Флору и Гебу въ видѣ барельефа—въ покояхъ государыни; двѣ фигуры ангеловъ изъ papier mâché, изображающія Старый и Новый завѣты—для дворцовой церкви. Эти работы выдвинули Т. въ рядъ лучшихъ скульпторовъ и доставили ему многочисленные заказы. Имъ было исполнено два большихъ горельефа, въ 4 саж. каждый, для залы Опекунскаго совѣта (вызвавшіе много толковъ и въ значительной мѣрѣ способствовавшіе его извѣстности), по заказу графини Орловой-Чесменской горельефъ для Юрьевскаго монастыря, изображающій Богородицу и св. Ѳеоктиста, памятники пастору Мураль ду и генералу Кононову, цѣлый рядъ работъ для Александровскаго сиротскаго дома, Екатерининскаго института и др. Затѣмъ Т. въ званіи скульптора командированъ былъ въ Крымъ для руководства изысканіями пантикапейскихъ древностей въ Керчи. Здѣсь онъ вылѣпилъ бюстъ керченскаго градоначальника князя Херхеулидзе и началъ лѣпить круглую статую Амфитриды, но не успѣлъ закончить ее, такъ какъ вскорѣ возвратился въ Петербургъ съ керченскими древностями; многія изъ этихъ древностей онъ удачно реставрировалъ. Самыми замѣчательными и выдающимися изъ его работъ являются каріатиды и термы, сдѣланныя имъ для Эрмитажа. Фигуры эти высѣчены были изъ сердобольскаго гранита. Каріатиды сдѣланы колоссальныхъ размѣровъ, въ 7 аршинъ вышины, и украшаютъ собой подъѣздъ Эрмитажа; за глиняную модель каріатида, представленнаго имъ на конкурсъ, онъ удостоенъ былъ званія академика, а за первую сдѣланную фигуру Императоръ Николай I, которому она очень понравилась, наградилъ его брилліантовымъ перстнемъ. Всего имъ было высѣчено 10 каріатидъ. Термесовъ имъ было сдѣлано 80 большихъ, изъ которыхъ 17 отправлено было въ Петергофъ для Новаго павильона, и 40 меньшихъ размѣровъ; термы помѣщены между оконъ Эрмитажа. Для Эрмитажа же имъ былъ сдѣланъ плафонъ въ Аполлоновой залѣ и нѣкоторыя работы для галлерей, прилегающихъ къ залѣ. Для производства всѣхъ этихъ работъ Т., по повелѣнію государя, отведенъ былъ подъ мастерскую манежъ рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ. По окончаніи работъ для Эрмитажа онъ пожалованъ былъ орденомъ Анны 3-й степени и получилъ кромѣ причитавшейся ему платы еще 17 тыс. рублей награды отъ государя. Такія же термы, какъ и для Эрмитажа, были имъ сдѣланы по повелѣнію государя для подарка прусскому королю. Термы эти отвезены были въ Берлинъ самимъ Т.; за нихъ онъ награжденъ былъ отъ короля брилліантовымъ перстнемъ. Въ 1850 г. онъ назначенъ былъ на службу въ качествѣ помощника начальника 2-го отдѣленія Эрмитажа, а позднѣе — также завѣдующимъ всѣми скульптурными произведеніями, находящимися въ императорскихъ дворцахъ и садахъ. За время его службы имъ была сдѣлана на фронтонъ зданія Адмиралтейства статуя, изображающая мѣсяцъ Февраль, затѣмъ изсѣчены изъ мрамора копіи съ античной статуи Атлета, снимающаго ножомъ потъ со своей руки, памятникъ герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому въ видѣ саркофага, находящійся въ католической капеллѣ пажескаго корпуса, бюсты императора Николая I и императрицы Александры Ѳеодоровны, отправленные къ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Изъ остальныхъ его работъ, сдѣланныхъ въ разное время, наиболѣе замѣчательны: отлитый изъ бронзы бюстъ артиста В. А. Каратыгина, который поставленъ на памятникѣ артиста на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, бюстъ А. С. Пушкина, сдѣланный изъ мрамора, и бюсты Голенищевой-Кутузовой, Куницына, Косиковскаго, Яковлева, артиста В. М. Самойлова, графа Д. И. Хвостова, Н. В. Кукольника, художника Василенко.

Въ періодъ расцвѣта своего таланта Т. получалъ многочисленные заказы, и доходы его были значительны. Но онъ велъ широкій образъ жизни и быстро проживалъ все, что зарабатывалъ, тратясь на роскошную обстановку, собственные выѣзды, званные обѣды и балы. При нуждѣ же въ деньгахъ онъ продавалъ что только могъ, съ трудомъ перебиваясь до новаго крупнаго заработка; однажды онъ продалъ даже домъ съ мраморными колоннами, подокон-

никами и фронтонами, только что имъ отдѣланный. Къ тому Т. не былъ способенъ къ усидчивому труду, и когда съ годами его стало покидать вдохновеніе, онъ пересталъ получать выгодные заказы и разорился. Изъ Эрмитажа онъ былъ уволенъ, не дослуживъ до пенсіи. Въ 1858 г. Т. заболѣлъ черной оспой и легъ въ Маріинскую больницу. Его жена заразилась отъ него и умерла. Смерть жены окончательно подорвала его силы, и онъ сдѣлался ипохондрикомъ. Весною 1859 г. онъ простудился и легъ въ Обуховскую больницу, гдѣ и умеръ 31 іюля 1859 г., въ нищетѣ и всѣми забытый. Послѣ него не осталось средствъ даже на похороны, которыя были устроены за свой счетъ мраморщикомъ Балушкивымъ, помогавшимъ Т. во время его работъ для Эрмитажа. На кладбище за его гробомъ шли только Балушкинъ и К. А. Ухтомскій.

„Сѣверный Цвѣтокъ“, 1859, № 38. — „Русское Слово“, 1859, № 10, отдѣлъ III, стр. 78—82.—„Архитектурный Вѣстникъ“, 1860, № 2.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 948.—„Настольный словарь“ Ф. Толля, Спб. 1864, т. III, стр. 645.— „Справочный энциклопед. словарь“ К. Крайя, т. X, Спб. 1848, стр. 223.—Н. Рамазановъ, „А. П. Теребеневъ“, „Современная Лѣтопись“, 1866, № 15, стр. 14. — Д. Карейша, „Скульпторъ А. П. Теребеневъ“, „Одесскій Вѣстникъ“, 1843, № 8, стр. 35 — 36. — „Иллюстрированная Газета“, 1868, т. 21, стр. 166, статья „Каріатиды“. — П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ“, Спб. 1870, т. II, стр. 197, 293, 295, 304, 309, 318, 325, 328, 345, 346.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1859 г.“, Спб. 1868, стр. 110, № 1996 и 1998; то же за 1860 годъ, Спб. 1869, стр. 119, № 2030.

Теребеневъ, *Иванъ Ивановичъ*, рисовальщикъ, скульпторъ и граверъ, родился въ 1780 г., воспитывался въ Петербургской академіи художествъ и шелъ сначала по классу живописи, но затѣмъ занялся скульптурою. Курсъ академіи окончилъ въ 1800 г. со званіемъ художника и малой золотой медалью и былъ оставленъ при академіи пенсіонеромъ, но, тяготясь условіями пенсіонерской жизни, вскорѣ оставилъ академію. До 1805 г. жилъ въ Петербургѣ, занимаясь исполненіемъ незначительныхъ частныхъ заказовъ, потомъ переѣхалъ въ Тверь на должность преподавателя въ тамошней гимназіи, а въ 1807 г. вышелъ въ отставку и опять поселился въ Петербургѣ. Здѣсь онъ исполнилъ рядъ большихъ скульптурныхъ работъ, доставившихъ ему значительную извѣстность; таковы его большіе орнаментальныя барельефы на зданіи Адмиралтейства, барельефы и статуи для Нарвскихъ тріумфальныхъ воротъ и нѣсколько крупныхъ фигуръ, вылѣпленныхъ для залы въ зданіи биржи въ Петербургѣ. Гораздо большую извѣстность онъ составилъ себѣ своими каррикатурами, нерѣдко очень ѣдкими и остроумными, на войну 1812 г.,—всего 43 листа. Умеръ 16 января 1815 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Д. Ровинскій, „Русскія народныя картинки“, т. II, №№ 376—418 (подробное описаніе всѣхъ 43 листовъ каррикатуръ). — П. Н. Петровъ, „Матеріалы для исторіи академіи художествъ“ (по указателю, составленнымъ Юндаловымъ). - В. И. Срезневскій, „Изъ писемъ Теребенева къ Востокову“, „Русская Старина“, 1901, № 1.—А. Востоковъ, „Ив. Ив. Теребеневъ, художникъ и каррикатуристъ“, „Сынъ Отечества“, ч. 19, № 4, стр. 164—166.

Теребеневъ (Теребенинъ), *Михаилъ Ивановичъ*, портретистъ и историческій живописецъ, академикъ, сынъ художника, родился въ 1795 г. Обучался въ академіи художествъ по классу портретной живописи на казенный счетъ. Будучи еще ученикомъ академіи Т. награжденъ въ 1810 г. малой и въ 1812 г. большой серебряной медалью за рисунки съ натуры; въ 1814 г. получилъ золотую медаль за картину на заданную тему: «Русская крестьянская свадьба». Въ томъ же году онъ окончилъ курсъ академіи по классу живописи портретовъ и въ виду выдающихся дарованій оставленъ былъ при академіи, но въ 1817 г. ушелъ изъ нея. Въ 1824 г. онъ былъ избранъ въ назначенные въ академики по миніатюрной живописи. На соисканіе званія академика ему задано было «написать въ миніатюрѣ поколѣнный портретъ профессора скульптуры Д. Малиновскаго», за который въ 1831 г. и былъ удостоенъ искомаго званія. Кисти Т. принадлежатъ поясные портреты профессора медико-хирургической академіи И. В. Будильскаго, актера В. А. Каратыгина, портретъ академика живописи Ѳ. Я. Алексѣева и картина «Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостного состоянія». Въ 1860 г. онъ написалъ 14 аналойныхъ образовъ для церкви Михайловскаго артиллерійскаго училища и картину «Семейное

разговѣніе послѣ обѣдни свѣтлаго Христова Воскресенія»; въ 1861 г.—4 образа для хоругвей церкви того же училища, походный иконостасъ съ чертежей проф. А. Е. Егорова и плащаницу для церкви Петропавловской больницы. Умеръ Т. въ 1864 г.

Д. И. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб. 1889, т. I, стр. 365 и 902; т. II, прилож., стр. 261. П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ", Спб. 1864—1866, т. I, стр. 554, 564, 567; т. II, стр. 3, 15, 33, 67, 69, 70, 71, 93, 192, 194, 245, 279; т. III, стр. 446.—Отчетъ Импер. Академіи Художествъ за 1859—1860 г., Спб. 1860, стр. 50; то же за 1860—1861 г., Спб. 1861, стр. 59; то же за 1861—1862 г., Спб. 1862, стр. 113.

Терентій Даниловичъ, новгородскій боярин. Управлялъ Новгородомъ съ 1633 по 1641 гг. Въ 1633 г. великій князь Іоаннъ Даниловичъ, возвратясь отъ хана, потребовалъ съ новгородцевъ серебра закамскаго, новгородцы отказали, Іоаннъ занялъ Бѣжицу, Торжокъ и окрестности; тогда къ великому князю отправлены были Т. Д. и архіепископъ Василій, которые безуспѣшно предлагали Іоанну 500 р. Въ 1640 г. Т. Д. вмѣстѣ съ братомъ и другимъ боярином посланъ былъ въ Торжокъ на помощь тамошнимъ жителямъ противъ сборщиковъ дани великаго князя Симеона Іоанновича; они арестовали намѣстника и даньщиковъ великаго князя, но вскорѣ сами были изгнаны новоторжской чернью.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. III, стр. 77, 80; т. IV, стр. 54; т. V, стр. 222; т. VII, стр. 206. — Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго", изд. Эйнерлинга, т. IV, примѣч. 291, 332.

Терентій Ѳоминичъ, псковскій бояринъ. Въ 1410 г. былъ посланъ псковичами совмѣстно съ псковскимъ посадникомъ Акимомъ для заключенія мира съ Витовтомъ: «и взяша миръ съ Витовтомъ». Въ 1417 г. онъ и посадникъ Силивестръ Левонтьевичъ были посланы въ Москву къ великому князю Василію Дмитріевичу съ хлопотами о назначеніи княземъ на псковскій столъ Ѳедора Александровича, въ чемъ и успѣли и «въ Псковъ пріѣха за двѣ недѣли до Рождества».

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. V, стр. 21 – 22.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго", изд. Эйнерлинга, т. V, примѣч. 201 и 202.

Терентій, протопопъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, духовникъ Лжедмитрія (Отрепьева). Въ 1605 г. при въѣздѣ Самозванца въ Москву привѣтствовалъ его витіеватымъ похвальнымъ словомъ, въ которомъ называлъ его «доблестнымъ вѣнценосцемъ, милость на языкѣ носящимъ», «свѣтлымъ храборникомъ», «твердымъ адамантомъ, рачителомъ и красителемъ христіанской церкви» и подобными же условными фигурами церковнаго витійства. Въ заключеніе Т. умолялъ царя простить народъ, по невѣдѣнію шедшаго противъ него. «Воздвигни милостивыя очи свои на насъ,— говорилъ онъ,—пощади насъ, отврати отъ насъ праведный гнѣвъ свой». Тогда же былъ назначенъ духовникомъ царя и въ 1606 г. вѣнчалъ Лжедимитрія и Марію Мнишекъ.

„Акты Археографич. Экспедиціи", т. II, стр. 383—385.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. „Общ. Пользы", кн. II, стр. 771, 900.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго", изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 126, 158, 159; примѣч. 377.

Терентьевъ, *Николай Алексѣевичъ,* генералъ-лейтенантъ, начальникъ артиллерійскаго управленія морского министерства, родился 1 мая 1800 г., умеръ 3 октября 1863 г. 11-ти лѣтъ онъ поступилъ въ морскую артиллерію юнгою, черезъ годъ (9 октября 1812 г.) былъ произведенъ въ канониры 1-ой статьи, еще черезъ годъ— въ бомбардиры, которымъ оставался до 1819 г., когда повышенъ въ констапели и почти одновременно съ этимъ назначенъ преподавателемъ математики, военныхъ наукъ и черченія юнкерамъ и унтеръ-офицерамъ корпуса морской артиллеріи. Пріобрѣтенныя имъ солидныя теоретическія и практическія познанія въ области изготовленія морского вооруженія обратили на Т. вниманіе, и въ 1822 г. его наблюденію была поручена портовая мастерская станковъ и другихъ принадлежностей для орудій судовой артиллеріи. Произведенный въ 1826 г. въ унтеръ-лейтенанты и черезъ три года въ лейтенанты, онъ въ серединѣ 1829 г. былъ назначенъ преподавателемъ теоріи и практики морской артиллеріи гардемаринамъ морского корпуса, до 1832 г. сохраняя за собою и должность преподавателя юнкерамъ. Военно-учебная дѣятельность Т., въ общей

сложности продолжавшаяся свыше 28 лѣтъ, до 1847 г., создала ему съ одной стороны репутацію опытнаго преподавателя, обладающаго обширной эрудиціей въ техническихъ вопросахъ, и съ другой—выдвинула его въ качествѣ лица, способнаго оказать цѣнныя услуги и въ области чисто практической. Такія услуги онъ, дѣйствительно, и оказалъ въ эту пору сначала въ должности правителя дѣлъ комитета для разсмотрѣнія конструкціи морскихъ орудій, занимаемой имъ съ 1830 по 1840 г., а затѣмъ въ роли управляющаго чертежною артиллерійскаго департамента морского министерства (1832 — 1846 гг.). Переименованный въ январѣ 1831 г. въ поручики корпуса морской артиллеріи, почти непосредственно за этимъ повышенный въ штабсъ-капитаны, затѣмъ въ декабрѣ 1832 г. — въ капитанъ-лейтенанты, награжденный за отличія нѣсколькими орденами, а за составленные имъ для Е. И. В. генералъ-адмирала чертежи по части морской артиллеріи пожалованный въ 1842 г. бриліантовымъ перстнемъ и въ слѣдующемъ 1843 г. чиномъ подполковника, Т. 1 мая 1846 г. былъ назначенъ вице-директоромъ артиллерійскаго департамента и эту должность занималъ до 10 октября 1854 г., когда, уже будучи полковникомъ (съ 6 декабря 1849 г.), повышенъ въ исправляющаго должность директора, каковымъ былъ утвержденъ 27 марта 1855 г. вмѣстѣ съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Съ 20 апрѣля того же года онъ кромѣ того занималъ мѣсто инспектора корпуса морской артиллеріи, но многочисленныя обязанности, сопряженныя съ первой должностью, и участіе его въ занятіяхъ разныхъ комиссій вынудили Т. въ 1857 г. просить отъ освобожденія отъ обязанностей инспектора. Съ преобразованіемъ морского министерства въ 1860 г. онъ получилъ назначеніе начальникомъ артиллерійскаго управленія, каковымъ и оставался до самой смерти, незадолго до нея будучи произведенъ въ генералъ-лейтенанты,—17 апрѣля 1862 г. Участіе Т. въ подготовительныхъ работахъ разныхъ учрежденій выразилось, главнымъ образомъ, въ занятіяхъ временнаго артиллерійскаго комитета, учрежденнаго въ 1850 г. подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, и комиссіи, на обязанность которой возложено было составленіе проекта новаго морского устава.

„Общій морской списокъ“, ч. VIII, Спб. 1894, стр. 299—301.

Тереховскій, *Мартынъ Матвѣевичъ* (*Мартыновичъ*), докторъ медицины, профессоръ химіи, ботаники и анатоміи Петербургскаго генеральнаго госпиталя и ботаническаго сада, писатель, сынъ гадяческаго священника, родился въ 1740 г. Учился въ Кіевской духовной академіи, по окончаніи курса которой (1763) поступилъ въ Петербургскій генеральный госпиталь и по экзамену 23 сентября 1765 г. произведенъ въ лекари того же госпиталя. Съ 1767 г. состоялъ при Ботаническомъ садѣ. Въ 1770 г. онъ просилъ разрѣшенія поѣхать за-границу «для обученія медицинскимъ наукамъ, чтобы черезъ то снискать совершеннѣйшее въ оныхъ знаніе и потомъ большую отечеству приносить пользу», на что и получилъ дозволеніе. Т. изучалъ медицину въ теченіе $4^1/_2$ лѣтъ въ Страсбургскомъ университетѣ, гдѣ осенью 1775 г. получилъ степень доктора медицины. По возвращеніи въ Россію былъ подвергнутъ экзамену, при чемъ его экзаменаторы дали о немъ слѣдующій отзывъ: «se medicum eruditum et probe doctum praestitit» (показалъ себя знающимъ медикомъ и достаточно ученымъ). Послѣ этого Т. въ маѣ 1777 г. получилъ право практики и назначенъ былъ доцентомъ всей медицины Кронштадтскаго морского госпиталя. Въ 1779 г. его перевели въ качествѣ лектора анатоміи въ Петербургскій генеральный госпиталь на мѣсто умершаго Хр. Ф. Меллена. Здѣсь у Т. происходили постоянныя столкновенія съ его помощникомъ, младшимъ докторомъ Діобольтомъ, разсчитывавшаго, что онъ, а не Т. назначенъ будетъ лекторомъ госпиталя. Вслѣдствіе этого Т. подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на разстроенное здоровье, и былъ уволенъ въ январѣ 1781 г., а на его мѣсто назначенъ былъ Діобольтъ. Позже Т. выѣхалъ въ Малороссію, но остановился въ Москвѣ и сталъ просить о назначеніи его на имѣющееся вакантное мѣсто въ Московскій госпиталь для преподаванія ботаники и акушерства. Въ это время Діобольтъ былъ уволенъ изъ Петербургскаго генеральнаго госпиталя, и Т. снова назначенъ былъ туда (24 февраля 1782 г.). Въ 1783 г. онъ получилъ званіе профессора и

читалъ, кромѣ анатоміи, еще и ботанику, вслѣдствіе чего поселился въ Ботаническомъ саду. Когда возникла мысль объ основаніи высшей медицинской школы, медико-хирургической академіи, Т. вмѣстѣ съ проф. Шумлянскимъ посланъ былъ въ 1784 г. за-границу для осмотра тамъ высшихъ медицинскихъ школъ, и собранные имъ матеріалы были впослѣдствіи использованы при учрежденіи академіи. Осенью 1786 г. Т. вернулся изъ-за границы и въ январѣ 1787 г. вступилъ въ исправленіе своей должности, причемъ сталъ читать также химію съ фармаціей и матерію-медику. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ медицинской коллегіи, въ дѣлахъ которой принималъ дѣятельное участіе. По отзыву знавшихъ его, Т. отличался большимъ трудолюбіемъ, много работалъ по своей спеціальности, слѣдя за успѣхами науки, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ какъ ученый, обладающій обширными для своего времени познаніями, и опытный врачъ. Имъ было положено много труда для приведенія въ порядокъ Ботаническаго сада. 24 марта 1795 г. онъ просилъ объ увольненіи его отъ химическихъ работъ въ Ботаническомъ саду, такъ какъ по старости лѣтъ не чувствовалъ достаточно силъ для усиленныхъ занятій. Умеръ Т. въ іюнѣ 1796 г.

По словамъ митроп. Евгенія, Т. много писалъ по естествознанію и медицинѣ, но не всѣ его сочиненія появились въ свѣтъ. Имъ издано: «De vermibus infusoris,—de Chao infus. Sinnaei» (Strasburg 1775),—докторская диссертація, о которой съ похвалой отзывается геттингенскій проф. Гмелинъ въ своей «Зоологіи»; «Польза, которую растенія смертнымъ приносятъ» (Спб. 1796; 2-е изд. Спб. 1809) и «Описаніе Парижской хирургической школы». Кромѣ того имъ переведено съ латинскаго сочиненіе ванъ-Свитена, «Краткое описаніе болѣзней, которыя весьма часто приключаются въ арміяхъ, съ правилами, какъ оныя врачевать должно» (Спб. 1778; 2-е изд. Спб. 1788).

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. 166—167 210, 348, 349, 588, CCCV—CCCVII.—А. Никитинъ, „Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіе Екатерины II“, Спб. 1855, стр. 28, 63—64.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 127.—Митроп. Евгеній (Болховитиновъ), „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, Москва 1845, т. II, стр. 207.—„Записки И. И. Мартынова“, „Заря“, 1871, № 6, стр. 69.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг. включ.“, т. I, стр. 159, № 4027.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 368, № 4757; стр. 600, № 8226.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб. 1813—31, ч. 4, стр. 49—50, №№ 7528—7529; стр. 169, №№ 8514—8515.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова“, Спб. 1820, стр. 46, № 546; стр. 420, № 5294.

Терешкевичъ, *Николай Александровичъ*, земскій дѣятель и статистикъ; среднее образованіе получилъ въ Саратовской гимназіи, курсъ которой окончилъ съ золотою медалью, и высшее на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, изъ котораго въ 1880 г. вышелъ со степенью кандидата и поступилъ на службу въ московское земство, гдѣ работалъ въ статистическомъ бюро подъ руководствомъ В. И. Орлова. Вскорѣ Т. получилъ мѣсто завѣдующаго статистическимъ бюро Полтавскаго губернскаго земства, гдѣ и работалъ до самой смерти. Подъ его редакціей и при дѣятельномъ его участіи былъ собранъ, обработанъ и изданъ «Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи», въ 5 томахъ (Полтава 1882—1885); въ этомъ Сборникѣ описаны уѣзды Зѣньковскій (т. I, ч. 1 и 2), Полтавскій (т. II), Миргородскій (т. III), Лубенскій (т. IV) и Гадячскій (т. V). Т. составлены были для каждаго уѣзда отдѣлъ общихъ свѣдѣній и очеркъ сельско-хозяйственныхъ условій. Работы его, занявшія видное мѣсто въ земско-статистической литературѣ, отличаются полнотой и тщательностью разработки положеннаго въ ихъ основу матеріала. За плодотворную дѣятельность на этомъ поприщѣ Т. въ 1886 г. награжденъ былъ Импер. Географическимъ обществомъ золотою медалью. Умеръ Т. въ Севастополѣ въ концѣ декабря 1888 г.

„Русскія Вѣдомости“, 1889, № 7.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, Спб. 1900, вып. VIII, стр. 113.—„Энциклопед. словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 64, стр. 955.—„Отчетъ Импер. Московскаго университета за 1880 годъ“, Москва 1881, стр. 22.

Терещенко, *Александръ Васильевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, этнографъ и археологъ, родился въ 1806 г., умеръ 21 февраля 1865 г. въ Зеньковѣ, Полтавской губерніи. Наибольшую извѣст-

ность какъ писатель-этнографъ Т. пріобрѣлъ своей книгой «Бытъ русскаго народа» (Спб. 1848, 4 тома въ 7 частяхъ). Въ ней собраны свѣдѣнія о самыхъ различныхъ сторонахъ народнаго быта: о жилищахъ, домоводствѣ, нарядахъ, музыкѣ, о крещеніи, похоронахъ и поминкахъ, времясчисленіи, обрядовыхъ праздникахъ, свадьбахъ, объ играхъ, забавахъ, обрядахъ. Какъ первый опытъ всесторонняго описанія народнаго быта, содержащій много новаго матеріала, книга эта на первыхъ порахъ обратила на себя вниманіе круговъ, интересующихся этнографіей, но позднѣе обнаружены были дефекты, значительно обезцѣнивающіе ея значеніе. Трудъ Т. вызвалъ замѣчательныя статьи Кавелина, представляющія собой обстоятельный разборъ «Быта русскаго народа» и являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ первой у насъ попыткой поставить изученіе этнографическаго матеріала на научную почву. Кавелинъ, отдавая должное Т., констатируетъ, что его книга «представляетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраніе матеріаловъ для теперешняго и древнѣйшаго быта русскаго народа. Эти матеріалы тѣмъ важнѣе, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ устныхъ разсказовъ простого народа, непосредственныхъ живыхъ наблюденій автора и другихъ лицъ, подобно ему интересующихся предметомъ». Но поскольку Т., не ограничиваясь ролью собирателя этнографическаго матеріала, беретъ на себя трудную задачу систематической обработки и изслѣдованія этого матеріала, дѣлаетъ выводы и заключенія, онъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ основными методами исторической науки. «Какъ изслѣдователь,—говоритъ Кавелинъ,—онъ впадаетъ въ самыя забавныя ошибки». Въ общемъ, книга носитъ характеръ панегирика славянству, въ частности русской народности, что ведетъ часто къ чисто субъективнымъ, мало обоснованнымъ выводамъ обобщеніямъ автора. Книга Т. не безупречна и съ внѣшней стороны. Она изобилуетъ грамматическими и стилистическими ошибками, особенно недопустимыми въ работахъ такого рода. Кромѣ «Быта русскаго народа» главными трудами Т. являются «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи», 3 части (Спб. 1837). «Очерки Новороссійскаго края» (Спб. 1854) Т. всю жизнь работалъ надъ собираніемъ историческихъ документовъ и матеріаловъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Археографической комиссіи съ самого ея учрежденія и занимался разборомъ различныхъ архивовъ, Астраханскаго, Виленскаго, Варшавскаго, главнымъ же образомъ южно-русскихъ. Результаты этихъ изысканій изложены имъ въ многочисленныхъ статьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Вотъ перечень его главнѣйшихъ работъ: «Katalog raisonné des manuscripts du compte Th. A. de Tolstoy» (Спб. 1830—1831), гдѣ описано 137 иностранныхъ рукописей; «О трудахъ Максима Грека» («Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія», 1838, № 8), гдѣ сообщаются важныя данныя изъ документовъ Румянцевскаго музея; «Коллекція актовъ 1508—1621 гг. на русскомъ и польскомъ языкахъ, извлеченныхъ изъ Варшавскаго коронnаго архива въ 1838 году» («Лѣтопись занятій Археографической комиссіи», кн. Ш, проток. 4—19), въ числѣ которыхъ много матеріаловъ о смутномъ времени и списки съ подлинныхъ грамотъ Дмитрія Самозванца; «Списокъ всѣхъ актовъ, находящихся въ Археографической комиссіи» (тамъ же, кн. V, 105, кн. VI, 30); «О смерти Петра II», соч. Ѳеофана Прокоповича («Сынъ Отечества», 1837, CLXXXIV); «Суздальскія древности» («Библіотека для Чтенія», ч. CVII); «Насыпи могильныя въ южной Россіи съ указаніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ въ другихъ мѣстахъ» («Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія», 1835, іюль); «О каменныхъ бабахъ» (тамъ же, № 39); «Окольничій Ѳ. Ртищевъ» (тамъ же, № 33); «Біографическій очеркъ А. Б. Куракина и Н. И. Панина» («Сборн. Русск. Историч. Общества», т. Ш); «Открытіе новыхъ документовъ (дѣла ландъ-милицейской украинской канцеляріи съ 1732 по 1762 годъ) въ Константиноградѣ, въ 1859 году» («Сѣверная Пчела», 1860, № 265); «И. П. Котляревскій» («Основа», 1861, № 2); «Отписка или донесеніе сына боярскаго Петра Гутова, ходившаго въ Корякскую землю въ 1712 году на берестѣ, изъ Охотскаго острова» («Лѣтопись занятій Археографич. комиссіи», 1861, кн. 1); «О сарайскомъ серебряномъ рублѣ» («Археологическій Вѣстникъ», 1860, іюль-августъ»); «Докладная записка о соборномъ протопопѣ Козминѣ, преслѣдовавшемся архі-

епископомъ астраханскимъ и ставропольскимъ Варлаамомъ Лещинскимъ» («Русскій Архивъ», 1865); Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка» (тамъ же). Послѣ его смерти напечатаны были изъ его бумагъ слѣдующіе статьи и матеріалы: «Грамота Петра I, 1695 года, жителямъ г. Переяславля Южнаго на право магдебургское, вольности и земли» («Чтеніе въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.», 1866, № 1); «О могильныхъ насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ» (тамъ же, № 4); «Замѣтки о звенигородскихъ древностяхъ» («Археологич. Вѣстникъ», 1867, № 4); «Извѣстія о началѣ учрежденія и состояніи лѣгулярнаго войска въ Россіи, съ показаніемъ перемѣнъ», съ рукописи, принадлежавшей канцлеру графу Румянцеву («Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи и Древностей Рос.», 1874, кн. III; отдѣльный оттискъ, Москва 1875).

„Одесскій Вѣстникъ“, 1865, № 196.—Г. И. Геннади, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1865 году“, „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 978—979.—„Энциклопедич. словарь“ Эфрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 955.—„Русскій энциклопедическій словарь“ Березина, т. II, Спб. 1877, стр. 531.—Приложеніе къ I тому „Настольнаго словаря“ Ф Толля, Спб. 1865, стр. 500.—„Историческій Вѣстникъ“, 1883, т. XVII, стр. 288.—А. Н. Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи“, т. I, Спб. 1890—1891, стр. 413; т. II, стр. 2, 25.—А. С. Архангельскій, „Изъ лекцій по исторіи русской литературы“, Казань 1898, стр. 14.—Рецензія К. Д. Кавелина въ „Современникѣ“, 1848, кн. IX, стр. 1—49, кн. X, стр. 85—139, и въ „Собраніи сочиненій“, Спб. 1900, т. IV, стр. 3—201.—Письмо преосвященнаго Иннокентія, епископа Чигиринскаго, къ А. В. Терещенко, „Русская Правда“, альманахъ на 1860 г., стр. 66—70.—Д. А. Ровинскій, „Русскія народныя картинки“, Спб. 1881, ч. V, стр. 245.—„Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова“, Спб. 1898, стр. 215, №№ 619, 620; стр. 87, №№ 222, 226; стр. 406, № 1620.—А. Ф. Поворинскій, „Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву“, Спб. 1904, стр. 139, № 2471.—В. С. Иконниковъ, „Опытъ россійской исторіографіи“, Кіевъ 1891, т. I, кн. 1, стр. 108, 135, 136, 138, 140, 142, 226, 230, 235, 236, 238, 243, 256, 266, 310, 343, 403, 570, 679, 865, 868, XV, XXXVI, CXXXIII, CL; кн. 2, стр. 1012, 1132, 1163, 1164, 1260, 1282, 1360, 1395, 1516, CCXLIV, CCLXXXIII, CCCXXI.—„Роспись содержанія Русскаго Архива“ за первыя 30 лѣтъ, 1863—1892 г.“, Москва 1894, стр. 9, № 153; стр. 26, № 504; стр. 136, № 2804.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія“ за 1856 г., Спб. 1861, стр. 8, № 76; стр. 108, № 1446; стр. 125, № 1670; тоже за 1860 г., 1869, Спб. стр. 8, № 100; стр. 15, № 1877.—М. Д. Ольхинъ, „Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, Спб. 1846, №№ 1816, 1896.—А. В. Мезіеръ, „Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе“, Спб., ч. I, стр. 38, № 1021; стр. 39, № 1045; стр. 42, № 1136а; стр. 107, № 2697; ч. II, стр. 153, № 922.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, №№ 1072, 2793, 2794, 2795 2798, 7255, 10493, 13284.—Его же, „Сибирская библіографія“, Спб. 1903, т. I, № 1767.—Его же, „Литература русской исторіи за 1859—1864 годы“, Спб. 1866, т. I, №№ 4874, 5541, 5542.—Его же, „Третье прибавленіе къ систематическому каталогу книгъ И. И. Глазунова“, Спб. 1882, стр. 72, № 9158.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 годъ включительно“, Спб. 1882—1886, т. I, № 2519; т. II, №№ 11126, 14771, 24057; т. IV, № 39217; т. V, №№ 46123, 52264, 54073, 54272.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.“, Спб. 1893, т. II, стр. 19, № 10495.

Терлецкій, *Антонъ*, написалъ слѣдующія сочиненія: «Теорія и практика измѣренія горъ барометромъ или нивелированіе земныхъ мѣстъ отъ горизонта морского» (Москва 1820), «Новое доказательство общей формулы или фигурнаго ключа, служащаго къ раскладкѣ и вычисленію суммъ ядеръ, гранатъ и бомбъ, располагаемыхъ въ геометрическія фигуры» (Спб. 1832), «Орономія, или горозаконіе земного шара въ прогрессивной системѣ; новое физико-геометрическое открытіе» (Спб. 1831), «О новомъ дорожномъ барометрѣ» (Спб. 1836).

Д. М. Ольхинъ, „Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, Спб. 1846, стр. 115, № 2676; стр. 117, № 2697; стр. 119, № 2733. — „Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина“, Спб. 1828, стр. 310, № 4017.

Термонтъ, *Иванъ*, врачъ-хирургъ, именуемый въ архивныхъ документахъ также *Термундъ*, *Тирмундъ*, а у Голикова въ одномъ мѣстѣ (ч. XIV, стр. 61) *Пормолтъ*, родился въ 1640 г., по архивнымъ даннымъ въ Фрисландіи, а по рукописному списку Миллера, упоминаемому В. Рихтеромъ, въ Бременѣ. Обучался у доктора Сигизмунда Зоммера, черезъ посредство котораго вступилъ на царскую службу: началъ службу въ Москвѣ въ 1660 г., какъ это явствуетъ изъ поданной имъ 4 мая 1694 г. просьбы о дозволеніи ему отправиться въ Германію по личнымъ дѣламъ, гдѣ указано, что онъ находится на русской службѣ уже 34 года. Т. нахо-

дился въ качествѣ врача на кораблѣ «Орелъ», который, подъ руководствомъ голландца Давида Ботлера (Будлера) въ 1668 г. прибылъ изъ села Дѣдинова въ Астрахань по ходатайству одной персидской купеческой компаніи для охраны ея товаровъ на Каспійскомъ морѣ. Въ Астрахани команда подверглась нападенію Разина, а «Орелъ» былъ имъ сожженъ; при этомъ Т. удалось спастись. О Т. и его присутствіи на кораблѣ «Орелъ» упоминаетъ и Петръ I въ предисловіи къ морскому регламенту. Однако въ докладѣ о челобитной, поданной Т. при возвращеніи въ Москву о выдачѣ ему жалованья, разсказывается, что онъ подвергся нападенію Разина на возвратномъ пути изъ Персіи, куда онъ ѣздилъ съ посольствомъ Томаса Брейна, отправленнымъ къ персидскому шаху при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1666 г. Въ челобитной повѣствуется, что Т. былъ въ Астрахани во время осады ея Разинымъ и, при приступѣ, получилъ три раны; отсюда онъ бѣжалъ на Терекъ, а затѣмъ обратно въ Пероію, а изъ Персиды ѣздилъ въ Индію, а хотѣлъ «изъ Индѣи проѣхать къ Москвѣ, и къ Москвѣ же тогда проѣхать ему было невозможно и пріѣхалъ онъ изъ Индѣи въ Персиду, а изъ Персиды съ Андреемъ Приклонскимъ къ Москвѣ». Сколько Т. пространствовалъ — неизвѣстно, но въ 1675 г. онъ уже былъ въ Москвѣ. Современники отзываются о немъ какъ о хорошемъ врачѣ; о немъ упоминаютъ Шлессингъ, Корбъ, Гордонъ. Т. пользовался особымъ расположеніемъ Петра I и сопровождалъ его въ походахъ; находился при Петрѣ также во время его заграничнаго путешествія въ 1697—1898 гг. Умеръ Т. въ 1704 г.; въ словарѣ Березина говорится, что онъ умеръ въ 1717 г., но въ архивныхъ матеріалахъ и въ спискѣ Миллера указана первая дата, и къ тому послѣ 1704 г. имя его не встрѣчается.

В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, Москва 1820, ч. II, стр. 331 — 332; прилож., стр. 358; ч. III, стр. 180 — 181.—„Настольный словарь“ Ф. Толля, Спб. 1864, т. III, стр. 649.—„Всенаучный энциклопедическій словарь“ В. Клюшникова, Спб. 1882, ч. II, стр. 856. — „Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи“, Спб. 1885, вып. 4, стр. 1255—1257.—Вен. Бергманъ, „Исторія Петра Великаго“, Спб. 1883, т. I, стр. 164, примѣч. 1.—„Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“, Спб. 1867—1868, т. VIII, стр 573 — 574, 615, 664, 752, 847, 848; т. IX, стр. 21, 939, 1006, 1016, 1025, 1027, 1030. — „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“, Москва 1872, т. I, стр. 42.—„Справочный энциклоп. словарь“ К. Крайя, Спб. 1848, т. X, стр. 232.—„Русскій энциклоп. словарь“ И. И. Березина, Спб. 1877, т. III, стр. 534. — И. Полевой, „Исторія Петра Великаго“, Спб. 1843, ч. 1, стр. 158. — Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго“, т. II, стр. 110; прил. 1, стр. 398. — Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, Москва 1837 — 1843, изд. 2-е, ч. I, стр. 342; ч. XIV, стр. 61—62, 423.—„Письма и бумаги императора Петра Великаго“, Спб. 1889, т. II, стр. 149, 488, 494, 519, 520, 521. — Штелинъ, „Полное собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ“, Москва 1801, т. I, ч. 1, стр. 30—32.— А. Висковатовъ, „Краткій историческій обзоръ морскихъ походовъ русскихъ и мореходства ихъ вообще до исхода XVII столѣтія“, Спб. 1864, стр. 83, 87, 88.—„Дополненіе къ Актамъ Историческимъ“, Спб. 1867, т. X, стр. 470—474.—С. Шубинскій, „Историческіе очерки“, стр. 14. — J. Scheltema, „Peter de Groote in Holland ende Zaardam“, Амстердамъ 1814. — Его же, „Russland en de Nederlanden“, Амстердамъ 1817, т. I; стр. 285. — М. А. Веневитиновъ, „Русскіе въ Голландіи“, Москва 1897, стр. 54.

Тернеръ, *Густавъ-Карлъ Даниловичъ*, статскій совѣтникъ, докторъ медицины Дерптскаго университета, родился 12 декабря 1797 г. въ Дерптѣ; съ 1815 г. изучалъ въ Дерптскомъ университетѣ медицину и въ 1821 г. окончилъ медицинскій факультетъ со степенью доктора медицины за диссертацію: «Sistens meletemata quaedam de vi respirationis in vitam animalem servandam» (1821). Т. служилъ врачомъ при первой морской артиллерійской бригадѣ, затѣмъ въ 1840 г. назначенъ былъ вторымъ старшимъ ординаторомъ Обуховской больницы въ Петербургѣ, а отсюда переведенъ старшимъ врачомъ въ Маріинскую больницу. Умеръ въ Петербургѣ въ 1846 г. Имъ написана на нѣмецкомъ языкѣ статья: «Ueber die epidemische Brechruhr» («Seidlitz und Lichtenstädts Mitteilungen», т. I).

Hasselblatt, „Album Academicum der Universität zu Dorpat“, Dorpat 1867, S. 46, № 1031.—Recke und Napiersky, „Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland“, Mitau 1832, IV, 360 и 626.

Терновскій, *Алексѣй Григорьевичъ*, статскій совѣтникъ, докторъ медицины, адъюнктъ-профессоръ Московскаго универ-

ситета, анатомъ, родился въ 1792 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ священникъ, человѣкъ съ обширными познаніями, и подъ его руководствомъ Т. получилъ первоначальное образованіе, потомъ учился въ Московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ отличался успѣхами въ древней словесности, философіи и богословіи. Курсъ въ академіи окончилъ въ 1812 г., передъ самымъ нашествіемъ французовъ. Нѣкоторое время Т. колебался, выбрать ли себѣ поприще священника или врача, но подъ вліяніемъ лекцій по медицинѣ, читавшихся въ академіи извѣстнымъ проф. Мухинымъ, рѣшился на послѣднее. Въ 1814 г. Т. поступилъ на врачебное отдѣленіе Московскаго университета, гдѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, особенно Мудрова и Мухина, своими дарованіями и усердіемъ. Окончилъ университетъ въ 1819 г. со степенью лекаря. Ему разрѣшено было, во вниманіе къ оказаннымъ имъ успѣхамъ, тотчасъ же экзаменоваться для полученія степени доктора медицины, но онъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ въ 1821 г., когда представилъ диссертацію: «De morbis nervoruru in genere et in specie de prosoplagia» и защитилъ ее въ присутствіи совѣта университета. Еще до полученія докторской степени ему поручена была должность лектора анатоміи и надзирателя при медицинскомъ институтѣ, открытомъ въ 1820 г. при университетѣ. Тогда же на него, совмѣстно съ прозекторомъ Гумбургомъ, возложена была обязанность производить вскрытіе и освидѣтельствованіе, согласно судебной медицинѣ, труповъ, доставляемыхъ изъ полиціи. Въ 1821 г. Т. назначенъ былъ исправляющимъ должность секретаря врачебнаго отдѣленія. Въ 1827 г. онъ произведенъ былъ въ адъюнкты анатоміи и назначенъ помощникомъ при проф. Лодерѣ. Тогда онъ издалъ для своихъ слушателей конспективную программу своихъ лекцій подъ заглавіемъ «Brevis explicatio anatomica structurae osseae sceleti gumani» (Москва 1827). Кромѣ того имъ издано сочиненіе, заслужившее похвальный отзывъ французскихъ ученыхъ: «De methodo cadevri operiendi ac sedes morborum causasque mortis in corpore mortuo investigaudi» (Москва 1829); сочиненіе это является результатомъ наблюденій, которыя Т. сдѣлалъ, вскрывъ въ теченіе 10 лѣтъ до 600 труповъ. Съ 1834 г. Т. кромѣ анатоміи читалъ еще діэтику по книгѣ Вальдбрехта. Въ 1836 г. поступилъ въ университетъ любимый ученикъ Лодеровъ, анатомъ Эйнбротъ, и «при немъ,—говорится въ «Біографич. словарѣ профессоровъ Московск. унив.», Терновскій увидѣлъ себя излишнимъ, и въ 1836 году за реформой уволенъ изъ университета». По выходѣ въ отставку Т. занялся частной практикой. Онъ оказывалъ медицинскую помощь главнымъ образомъ бѣднымъ слоямъ населенія столицы; состоялъ врачемъ Московской больницы для чернорабочихъ. Такая практика не могла доставить ему достаточнаго матеріальнаго обезпеченія, и ему вмѣстѣ со своей семьей приходилось жить въ постоянной нуждѣ. Т. много работалъ во время холеры 1830 и 1848 гг. Имъ сдѣлано было первое въ Москвѣ вскрытіе холернаго трупа; но собранные имъ матеріалы и наблюденія онъ не успѣлъ привести въ порядокъ и обработать. За труды во время холеры награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ, а въ 1845 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника. Т. состоялъ также членомъ Физико-Медицинскаго общества. Умеръ 15 февраля 1852 г.

„Біографическій словарь профессоровъ Имп. Московскаго университета“, Москва 1855, ч. II, стр. 482—486.—Шевыревъ, „Исторія Имп. Московскаго университета“, Москва 1855, стр. 447, 448, 452 и 551.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 127—128.—Его же, „Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Московскомъ университетѣ“, Спб. 1885, стр. 56.—„Москвитянинъ“, 1852, т. II, № 6, стр. 88—90.—„Сынъ Отечества“, 1852, т. II, кн. 3, стр. 27.—„Московскія Вѣдомости“, 1852, № 28.—„Московскій Врачебный Журналъ“, 1852, кн. 1—2, стр. 102—103.—„Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1870, № 4, стр. 218.—„Энциклопедическій словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 33.

Терновскій, *Петръ Матвѣевичъ*, заслуженный профессоръ богословія, церковной исторіи, церковнаго законовѣдѣнія, логики и опытной психологіи въ Московскомъ университетѣ, протоіерей, писатель, родился 26 мая 1798 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его, Матвѣй Матвѣевичъ, былъ священникомъ Іоанно-Предтеченской церкви, что на Покровкѣ, умеръ, по однимъ свѣдѣніямъ—5-го, по другимъ—15 сентября 1874 г. 10 лѣтъ отъ роду поступилъ въ славяно-греко-латинскую академію, откуда

въ 1814 г., послѣ преобразованія духовныхъ училищъ, перешелъ въ только что открытую тогда при Николо-Перервинскомъ монастырѣ духовную семинарію, курсъ которой окончилъ со степенью студента въ 1818 г. и тотчасъ былъ принятъ въ Московскую духовную академію. Въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ послѣдней, занимаясь богословскими, философскими и историческими науками, а также новыми и древними—особенно еврейскимъ—языками, Т. на выпускномъ испытаніи въ 1822 г. былъ удостоенъ степени магистра и послѣ этого оставленъ при академіи бакалавромъ греческаго языка; съ 1823 по 1826 г. исполнялъ онъ въ академіи также обязанности секретаря конференціи и правленія. За это время Т. дѣятельно и, какъ кажется, не безъ пользы для дѣла, участвовалъ въ производившемся тогда переводѣ Священнаго Писанія съ древне-еврейскаго языка на русскій и самостоятельно работалъ надъ переводомъ съ греческаго твореній св. отцовъ для петербургскаго журнала «Христіанское Чтеніе». Въ концѣ 1827 г. Т. оставилъ службу въ академіи и въ началѣ слѣдующаго года митрополитомъ Филаретомъ былъ рукоположенъ во священника церкви Благороднаго пансіона и опредѣленъ въ послѣдній преподавателемъ закона Божія и греческаго языка. Однако уже въ концѣ 1827 г. онъ по покровительству вліятельныхъ лицъ, хотя и не имѣя научныхъ заслугъ, былъ сразу назначенъ ординарнымъ профессоромъ богословія и церковной исторіи въ Московскій университетъ, а нѣсколько позже, именно съ 1831 г. занялъ мѣсто настоятеля университетской церкви, бывшей тогда на Красной горкѣ. Написанное Т. въ это время руководство для студентовъ, подъ заглавіемъ «Богословіе догматическое», доставило автору, благодаря поддержкѣ митрополита Филарета, степень доктора богословскихъ наукъ и званіе дѣйствительнаго члена конференціи Московской духовной академіи. Этотъ мало оригинальный трудъ, своими тенденціями какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій господствовавшему духу времени, былъ признанъ офиціальнымъ руководствомъ для студентовъ, и только этимъ объясняется то обстоятельство, что въ короткое время онъ выдержалъ три изданія (1838, 1839 и 1844 гг.). Въ 1837 г. Т. былъ переведенъ настоятелемъ церкви, построенной при зданіи университета, и тогда же возведенъ въ санъ протоіерея. Дальнѣйшая его педагогическая дѣятельность характерна какъ для него самого, такъ и особенно для современной ему эпохи. Когда въ 1850 г. въ университетѣ было упразднено преподаваніе философіи и оставлены лишь опытная психологія и логика, чтеніе лекцій по этимъ предметамъ было возложено именно на Т., причемъ въ руководство при изложеніи этихъ наукъ ему были даны программы, выработанныя Московской духовной академіей. Если у Т. были еще нѣкоторыя данныя, хотя и весьма скромныя, для чтенія богословія, то психологія и логика совершенно уже не соотвѣтствовали ни его знаніямъ, ни его подготовкѣ. Тѣмъ не менѣе и эти предметы, какъ богословіе и церковную исторію, онъ продолжалъ излагать до самой отставки, причемъ еще въ декабрѣ 1852 г. былъ удостоенъ званія заслуженнаго профессора. За время своей службы въ университетѣ онъ занималъ различныя должности декана отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, члена училищнаго комитета, цензора проповѣдей и пр. Кромѣ «Богословія догматическаго», имъ напечатаны еще «Слово о пророчествахъ Ветхаго завѣта» (Москва 1828) и «Избранныя мѣста изъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта съ назидательными и новыми размышленіями» (Москва 1851). «Труды его,—по словамъ біографа Т.—много разъ были удостоены милостиваго вниманія начальства»,—и это по времени вполнѣ достаточная и краснорѣчивая ихъ характеристика.

С. Шевыревъ, „Исторія Императорск. Московскаго университета (1755—1855)“, Москва 1855, стр. 503, 546, 558.—„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета“, ч. II, Москва 1855, стр. 479—482.—„Протоіерей П. М. Терновскій“, „Христіанское Чтеніе“, 1874, октябрь.—„Календарь для духовенства на 1875 г.“, стр. 88.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 33, Спб. 1904, стр. 33.

Терновскій, *Филиппъ Алексѣевичъ*, профессоръ Кіевской духовной академіи и доцентъ по каѳедрѣ церковной исторіи въ университетѣ св. Владиміра, докторъ русской исторіи, сынъ дьякона (впослѣдствіи священника церкви Воздвиженья на Острожкахъ въ Москвѣ), родился 11 августа 1838 г., умеръ 23 мая 1884 г. Среднее

образованіе получилъ въ Московской духовной семинаріи (1852—1858) и высшее въ Московской же духовной академіи, курсъ которой окончилъ 1862 г. со степенью магистра богословія, удостоенный ею за диссертацію «Мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій и Димитрій Тверитиновъ» («Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ», 1862, т. XXI, кн. 3); два года спустя эта работа вышла въ дополненномъ и расширенномъ видѣ подъ названіемъ «Митрополитъ Стефанъ Яворскій; біографическій очеркъ» («Труды Кіевск. Дух. Академіи», 1864, т. I и II, кн. 1, 3 и 6)—одинъ изъ значительнѣйшихъ трудовъ въ исторической литературѣ о дѣятельности Яворскаго. Еще на студенческой скамьѣ Т. опубликовалъ нѣсколько работъ, большею частью за подписью «Ф. Алексѣевъ»,—таковы «Современное религіозное движеніе въ Италіи» («Прав. Обозр.», 1860, кн. 8), «Положеніе протестантскихъ партій въ Пруссіи» (тамъ же, 1860, кн. 11), «Германскій богословъ Христіанъ Бунзенъ и его литературные труды» (тамъ же, 1861, кн. 5), «Обозрѣніе матеріаловъ для исторіи русской духовной литературы» (тамъ же, 1862, кн. 3), «Изъ исторіи нашихъ духовныхъ школъ въ XVIII стол.» (тамъ же, 1862, кн. 10) и «О монашествѣ и безбрачіи по отношенію къ избранію въ санъ епископа» (тамъ же). За эти работы и диссертацію Т. былъ назначенъ баккалавромъ Кіевской духовной академіи по каѳедрѣ обличительнаго богословія (съ 30 окт. 1862 г.), а черезъ годъ (въ декабрѣ 1863) на каѳедру русской гражданской исторіи, на которой до февраля 1866 г. числился баккалавромъ, а съ этого времени повышенъ въ экстраординарнаго профессора, коимъ состоялъ 17 лѣтъ. Одновременно съ профессурой въ духовной академіи Т. соединялъ должность одно время (1868—1870) преподавателя нѣмецкаго языка въ академіи же и учителя русской исторіи въ Кіевскомъ епархіальномъ училищѣ (1863—1873); 28 марта 1869 г. онъ былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ въ университетъ св. Владиміра по каѳедрѣ церковной исторіи и въ 1872 г. утвержденъ въ званіи штатнаго доцента. За работу «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси» («Кіевск. Унив. Извѣстія», 1875—1876, и отд.: Кіевъ 1877, 2 вып., стр. 214 + 301) онъ былъ удостоенъ въ 1877 г. университетомъ доктора русской исторіи. Къ этому времени уже появились въ свѣтъ главнѣйшія работы Т. по исторіи протестантизма и вольнодумства на Руси, каковы «Московскіе еретики въ царствованіе Петра I» («Правосл. Обозр.», 1863, кн. 4—6, и отд.: Москва 1863), «Матеріалы по дѣлу Тверитинова» (тамъ же, 1863, кн. 8), „«Рожнецъ духовный» и «Камень вѣры», два полемическихъ сочиненія противъ московскихъ еретиковъ въ царствованіе Петра I“ (тамъ же, 1863, кн. 11 и 12), «Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1863, т. III, кн. 10), «Русское вольнодумство при Екатеринѣ II и эпоха реакціи» (тамъ же, 1868, кн. 3 и 7), «Императоръ Петръ I въ его отношеніяхъ къ католичеству и протестантству» (тамъ же, 1869, кн. 3). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ синодъ усмотрѣлъ «направленіе, несогласное съ духомъ православія, и склонность къ мнѣніямъ протестантскихъ историковъ» и указомъ отъ 16 ноября 1883 г. уволилъ его отъ профессуры при Кіевской духовной академіи. Доцентомъ въ университетѣ Т. однако остался. Еще раньше, въ декабрѣ 1879 г., онъ былъ избранъ въ экстраординарные профессора, но утвержденъ не былъ, по оффиціальной мотивировкѣ — изъ-за смѣты. Послѣдніе годы жизни (1883—1884) онъ состоялъ также преподавателемъ русской исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

Т. оставилъ очень значительное литературное наслѣдство. Для нѣкоторыхъ трудовъ онъ работалъ въ московскихъ и петербургскихъ архивахъ и ѣздилъ даже на Аѳонъ. Кромѣ упомянутыхъ выше назовемъ еще слѣдующія его болѣе важныя работы: «Объ отношеніи между духовною и свѣтскою литературою» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1862, кн. 3), «Участіе древнихъ русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ» (тамъ же, 1870, кн. 5), «Очеркъ историческаго движенія русской религіозной церковной жизни», извлеченіе изъ лекцій («Правосл. Обозр.», 1870, кн. 1), «Указатель статей по церковной и общей русской исторіи», литографированное изданіе (Кіевъ 1870), «Первые три вѣка христіанства» («Кіевск. Унив. Изв.», 1877, и отд.: Кіевъ 1877; эта работа написана Т. совмѣстно съ братомъ, С. А. Терновскимъ,

доцентомъ Казанской духовной академіи), «Кіево-Софійскій протоіерей Іоаннъ Вас. Леванда», біографія, неизданныя проповѣди, рѣчи и письма («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1878, и отд.: Кіевъ 1879, 376 стр.), «Матеріалы для исторіи кіевской іерархіи въ XVIII в.», по архивнымъ документамъ («Чтенія въ Обществѣ Нестора-лѣтописца», Кіевъ 1879, и отд. ibid. 1879), «Очерки для исторіи русской іерархіи въ XVIII в.: Стефанъ Яворскій» (Древн. и Нов. Россія», 1879, кн. 8), «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Опытъ руководства по церковной исторіи» (этотъ трудъ, написанный Т. тоже совмѣстно съ братомъ, составляетъ продолженіе вышеназванной ихъ общей работы и по напечатаніи въ «Кіевск. Универс. Извѣст.», 1879—1883, также вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ: Кіевъ 1883, 551 стр.), «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила» («Кіевск. Старина», 1882, кн. 4), «Серапіонъ, митрополитъ кіевскій» (тамъ же, 1883, кн. 9 и 10; 1884, кн. 7), «Собраніе церковныхъ древностей въ Аѳонѣ, въ Дрезденѣ и Берлинѣ» (читано рефератомъ въ собраніи Церковно-археолог. общества и напечатано въ «Труд. Кіевск. Дух. Акад.», 1883, кн. 2).

Напечатано также нѣсколько рѣчей Т., произнесенныхъ въ связи съ разными торжественными случаями: «Рѣчь по случаю поминовенія Кіевскою дух. академіею ея основателей, благодѣтелей, начальниковъ и проч.» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1867, кн. 1), «Религіозный характеръ русскихъ государей XVIII в.», актовая рѣчь (тамъ же, 1874, кн. 10), «Характеристика Импер. Александра I», актовая рѣчь (тамъ же, 1878, кн. 1). Т. принадлежитъ рядъ цѣнныхъ рецензій на разныя сочиненія: «Два пути духовнаго развитія», по поводу «Сочиненій И. В. Кирѣевскаго» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1864, кн. 4), разборъ книги П. Знаменскаго: «Руководство къ русской церковной исторіи» («Кіевск. Унив. Изв.», 1877, кн. 5), разборъ сочиненія епископа Хрисанфа: «Религія древняго міра» (тамъ же, 1877, кн. 6), разборъ «Исторіи русской церкви» митроп. Макарія («Кіевск. Стар.», 1883, кн. 5) и др.

Т. былъ членомъ редакціи журнала «Воскресное Чтеніе», принималъ дѣятельное участіе въ редактированіи перевода на современный языкъ «Апокрисиса» (Кіевъ 1870), «Актовъ русскаго Аѳонскаго монастыря» (на греческомъ и русскомъ языкахъ), «Матеріаловъ для исторической топографіи Кіева», «Твореній блажен. Іеронима» (съ латинскаго) и перевода съ французскаго статьи Амедея Тьерри «О блажен. Іеронимѣ». Ему же принадлежитъ редакція русской компиляціи книги Куно Фишера «Бекон Веруламскій» (1863). По порученію Общества исторіи и древн. россійск. онъ окончилъ переводъ «Лѣтописи византійца Ѳеофана», начатый профес. К. И. Оболенскимъ еще въ 1859 г.; переводъ этотъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ» общества за 1884 (кн. 1—3) (1885, кн. 1—4) и 1886 (кн. 1—3). Рядъ актовъ, переведенныхъ Т. съ греческаго, напечатанъ въ «Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Др. Россійск.». Т. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей, Импер. Московскаго археологическаго общества, Историческаго общества Нестора-лѣтописца и Церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи.

Некрологи: „Московскія Вѣдомости“, 1884, № 24; „Кіевлянинъ“, 1884, № 27 и 114—116 (біографическій очеркъ); „Кіевская Старина“, 1884, кн. 6, стр. 358; „Историческій Вѣстникъ“, 1884, кн. 7, стр. 224—225; „Афиши и Объявленія“, 1884, № 383; „Свѣтъ“, 1884, № 116; „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1884, февраль, стр. 28. — „Энциклоп. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 34.—„Прибавленіе къ Трудамъ св. отцевъ“, т. II, стр. 648—676.—Смирновъ, „Исторія Московской духовной академіи“, Москва 1879, стр. 244, 469, 468 и 568.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. 4, Спб. 1888, стр. 89—93; вып. 5, Спб. 1889, стр. 15; вып. VI, Спб. 1889, стр. 7.—„50-лѣтній юбилей Кіевской духовной академіи“, Кіевъ 1869, стр. 189, 396, 400.—„Труды Кіевской Духовной академіи“, 1877, кн. 6 („Докторскій диспутъ проф. Ф. А. Терновскаго“).—„Біографическій словарь профес. и преподавателей университета св. Владиміра“, Кіевъ 1884, стр. 640—644.

Терновскій-Платоновъ, *Иванъ Матѳеевичъ*, магистръ богословія, профессоръ Московской семинаріи и преподаватель логики Московскаго университета, сынъ священника, родился въ Москвѣ въ 1800 г. Образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, курсъ которой окончилъ съ отличіемъ и удостоенъ былъ степени магистра богословскихъ наукъ. Съ 1826 по 1834 г. состоялъ профессоромъ словесности, гражданской исторіи и нѣмецкаго языка Московской семинаріи. Съ 1834 по

1846 г. преподавалъ въ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ россійскую словесность и логику; кромѣ того въ 1837—1839 гг. читалъ логику въ Московскомъ университетѣ. Умеръ въ Москвѣ 19 ноября 1849 г.

„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московск. университета", Москва 1855, ч. II, стр. 486.—С. Шевыревъ, „Исторія Имп. Московс. университета", Москва 1855, стр. 558.—В. И. Межовъ, „Исторія всеобщей и русской словесности", Спб. 1872, стр. 267, № 6806.

Терсинскій, *Иванъ Григорьевичъ*, магистръ Петербургской духовной академіи, тайный совѣтникъ, родился въ 1817 г. Отецъ его былъ священникомъ Саратовской епархіи. Образованіе получилъ въ Петербургской духовной академіи (1839—1843), которую окончилъ въ 1843 г. со степенью магистра богословія и вскорѣ послѣ того назначенъ преподавателемъ богословія въ Саратовской духовной семинаріи. Въ 1847 г. онъ оставилъ должность въ семинаріи и перешелъ на гражданскую службу, въ которой пробылъ въ разныхъ вѣдомствахъ до 1859 г., когда былъ назначенъ оберъ-секретаремъ синода. Въ качествѣ дѣлопроизводителя Т. принималъ близкое участіе въ дѣятельности учрежденныхъ при синодѣ комитетовъ для разсмотрѣнія вопроса о сокращеніи переписки по духовному вѣдомству и для пересмотра положенія 1842 г. объ обезпеченіи православнаго духовенства въ западныхъ епархіяхъ; состоялъ также членомъ особой комиссіи по составленію проекта законоположенія о нотаріальной части духовнаго вѣдомства. Въ 1866 г. онъ назначенъ управляющимъ дѣлами Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Въ результатѣ трудовъ этого присутствія подверглись измѣненіямъ всѣ статьи Свода Законовъ изд. 1857 г., касавшіяся личныхъ и сословныхъ правъ православнаго духовенства. Съ образованіемъ въ 1867 г. особаго учрежденія при синодѣ для ревизіи книгъ и отчетовъ по оборотамъ денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, состоящихъ въ завѣдываніи синода, Т. былъ назначенъ завѣдующимъ контролемъ при синодѣ, а съ 30 іюня 1872 г. переименованъ управляющимъ контролемъ при синодѣ. По этой должности онъ былъ представителемъ отъ духовнаго вѣдомства въ комиссіи при бывшемъ II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи для кодификаціи законовъ о правахъ дѣтей лицъ духовнаго званія православнаго духовенства, а также и о правахъ дѣтей лицъ армяно-григоріанскаго исповѣданія, въ комиссіяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для составленія правилъ объ обезпеченіи православнаго духовенства Западнаго края землями и домами и въ комиссіи по составленію положенія о всеобщей воинской повинности. Въ послѣдніе годы жизни онъ работалъ въ комиссіи для пересмотра правилъ о церковномъ хозяйствѣ, а также по измѣненію и дополненію прежней редакціи устава духовныхъ консисторій для новаго его изданія въ 1883 г., согласно послѣдовавшимъ со времени перваго (въ 1841 г.) изданія сего устава новымъ узаконеніямъ, значительно измѣнившимъ и дополнившимъ многія изъ его статей. Умеръ Т. 12 февраля 1888 г. и 14 февраля погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ Петерб. дух. акад., 1814—1869 г.", стр. 487—488.—„Церковныя Вѣдомости", 1888, стр. 218—219.

Терской (также **Терскій**), *Аркадій Ивановичъ*, генералъ-рекетмейстеръ, тайный совѣтникъ, родился 21 іюля 1732 г. На службу вступилъ въ 1744 г., а въ 1758 г. записанъ былъ по опредѣленію сената въ дворянскій списокъ и пожалованъ коллегіи юнкеромъ. Въ 1760 г. получилъ чинъ коллежскаго секретаря, въ 1763 г. возведенъ въ секретари капитанскаго чина, два года спустя опредѣленъ сенатскимъ секретаремъ, а въ 1775 г. назначенъ (въ чинѣ надворнаго совѣтника съ 1769 г.) на должность оберъ-секретаря 1-го департамента сената. Въ 1780 г. Т. опредѣленъ былъ на должность генералъ-рекетмейстера съ возведеніемъ въ чинъ статскаго совѣтника; эту должность онъ занималъ въ теченіе 16 лѣтъ. На обязанности генералъ-рекетмейстера лежало разсмотрѣніе жалобъ на несправедливость и волокиту судебныхъ установленій и составленія о нихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ; ему же подавались прошенія на Высочайшее имя. О дѣятельности Т. въ этой должности сохранились вполнѣ ей благожелательные отзывы, одинъ изъ нихъ говоритъ даже о данномъ ему современниками прозваніи «защитника правоты». Однако

Державинъ въ своихъ «Запискахъ» даетъ ему совсѣмъ иную характеристику. «Терской, — говоритъ Державинъ, — человѣкъ хотя умный, дѣла знавшій, но хитрый и совершенный подъячій, готовый всегда угождать сильной сторонѣ». Въ придворныхъ кругахъ Т. пользовался большимъ вліяніемъ вслѣдствіе расположенія къ нему Екатерины II. Въ 1783 г. онъ по Высочайшему указу возведенъ былъ въ потомственное дворянство и награжденъ орденомъ Владиміра 2-й степени. Въ 1784 г. Т. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а позднѣе—тайнаго совѣтника. Въ 1795 г. Екатерина II пожаловала ему 600 душъ въ Бѣлостокскомъ краю. Съ вступленіемъ на престолъ Павла I, Т. въ 1796 г. былъ уволенъ въ отставку, хотя и съ награжденіемъ орденомъ Анны 1-й степени. Умеръ Т. въ Москвѣ 2 августа 1815 г. и погребенъ на Донскомъ кладбищѣ.

„Обзоръ жизни генералъ-рекетмейстера А. И. Терскаго“, „Русскій Вѣстникъ“, 1824, кн. 5, стр. 3—15 (съ портретомъ).—„Черты изъ жизни генералъ-рекетмейстера А. И. Терскаго“, „Московскія Вѣдомости“, 1836, № 65, стр. 1331 — 1333. — „Литературныя Прибавленія къ „Русскому Инвалиду“, 1836, № 57, стр. 451—453.—„Сочиненія Г. Р. Державина“, съ примѣчаніями Я. Грота, Спб. 1869—1871, т. V, стр. 310, 333, 566, 583, 584, 585, 600, 623, 705—706, 720—725, 727, 737, 738, 869, 870, 872; т. VI, стр. 622, 631, 655, 661, 636—638, 657, 658, 659, 685 — 686. — В. Клюшниковъ, „Всенаучный энциклопед. словарь“, Спб. 1882, ч. II, стр. 859.—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 651.—„Справочный энциклопед. словарь“, Крайя, Спб. 1848, т. X, стр. 237.—„Русскій Архивъ“, 1867, стр. 1268.—„Историческій Вѣстникъ“, 1886, т. XXIII, стр. 134—138, 142.

Терюхина, см. *Теплова*.

Теряевъ, *Андрей Михайловичъ*, статскій совѣтникъ, профессоръ Педагогическаго института и медико-хирургической академіи, переводчикъ и писатель по естественно-научнымъ предметамъ, родился 30 ноября 1767 г., умеръ 12 октября 1827 г. Образованіе получилъ въ Петербургской учительской семинаріи и, какъ одинъ изъ блестяще окончившихъ курсъ, былъ назначенъ къ отправленію за границу для усовершенствованія, но открывшаяся война воспрепятствовала этому. Т. остался при семинаріи и въ 1789 г. былъ произведенъ въ профессоры естественной исторіи, которую преподавалъ въ учительской гимназіи и въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Когда въ 1805 г. учительская семинарія была преобразована въ Педагогическій институтъ, Т. былъ назначенъ въ этомъ учебномъ заведеніи экстраординарнымъ профессоромъ минералогіи, ботаники и зоологіи. Въ 1808 г. онъ опредѣленъ адъюнктомъ тѣхъ же предметовъ въ медико-хирургическую академію, а въ 1809 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ какъ въ институтѣ, такъ и въ академіи. Въ исторіи естествознанія въ Россіи Т. извѣстенъ своимъ проектомъ о снабженіи всѣхъ учебныхъ заведеній коллекціями предметовъ по естественной исторіи. Ему принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «Разсужденіе о новѣйшихъ перемѣнахъ въ минералогіи, съ присовокупленіемъ краткой системы сей науки» (Спб. 1796), «Разсужденіе о природѣ, или разсужденіе о естественныхъ тѣлахъ вообще» (Спб. 1802), «Начальныя основанія ботанической философіи» (Спб. 1810), «Систематическое расположеніе ископаемыхъ и животныхъ тѣлъ» (Спб. 1810), «Исторія минералогіи съ присовокупленіемъ главнаго основанія новѣйшихъ системъ по всѣмъ частямъ всеобщей минералогіи» (Спб. 1819) и «Главное основаніе системы царства животныхъ» (Спб. 1824). Перевелъ съ нѣмецкаго «Руководство къ естественной исторіи» Бауменбаха (Спб. 1794) и «Экономическую ботанику» (Спб. 1801).

„Андрей Михайловичъ Теряевъ“, „Сынъ Отечества“, 1827, ч. 116, № 22, стр. 131—138.—„Энциклопед. Словарь“ Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 96.

Теслевъ, *Александръ Петровичъ*, сынъ титулярнаго совѣтника, лютеранскаго вѣроисповѣданія, родился въ 1781 г.; началъ службу капраломъ въ Невскомъ пѣхотномъ полку, а въ 1793 г. переведенъ колонновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части и произведенъ въ прапорщики въ 1797 г. При новой организаціи квартирмейстерской части на академика Шуберта была возложена подготовка офицеровъ къ геодезическимъ работамъ; Шубертъ читалъ имъ курсъ астрономіи въ теченіе 1802—1805 гг. и обратилъ вниманіе на Т.; несомнѣнно, что молодой поручикъ и тогда уже выдѣлялся своими способностями, потому что былъ назначенъ зимой 1803—1804 гг. сопровождать Шуберта для наблюденія солнечнаго затменія въ Полоцкъ и опредѣленія

долготы и широты этого города; по возвращеніи изъ этой командировки Т. отправился съ Шубертомъ же для опредѣленія астрономическаго положенія пунктовъ на восточномъ и южномъ берегахъ Бѣлаго моря, Онежскаго и Ладожскаго озеръ, въ мѣстностяхъ, вовсе не изслѣдованныхъ до того времени, при чемъ были опредѣлены долготы и широты городовъ Сердоболя, Онеги, Архангельска, Вытегры, Кеми и монастырей Сердобольскаго и Никольскаго; затѣмъ А. Б. принималъ въ теченіе трехъ лѣтъ участіе въ опредѣленіи пунктовъ по берегамъ Финскаго и Рижскаго заливовъ. Въ 1805 г. было снаряжено въ Китай посольство Головкина, которое сопровождала астрономическая экспедиція; въ составъ ея вошелъ и Т. Въ октябрѣ экспедиція достигла Кяхты, сдѣлавъ 6.228 верстъ, причемъ начиная отъ Перми Шубертъ и Т. опредѣляли долготы и широты всѣхъ попутныхъ городовъ; на обратномъ пути Т. въ числѣ четырехъ офицеровъ снималъ глазомѣрно Нерчинскій округъ и всю китайскую границу на востокъ до Амура, а на западъ до Омска, пройдя маршрутами 6.022 версты; Т., кромѣ того, опредѣлилъ еще положеніе десяти пунктовъ въ Забайкальѣ.

Въ 1807 г. начинается семилѣтняя (съ перерывомъ въ два года) дѣятельность Т. на театрѣ военныхъ дѣйствій, причемъ онъ принялъ участіе во многихъ дѣлахъ: въ 1807 г., состоя въ арміи барона Бенингсена: 24 мая при дд. Вольфсдорфъ, Лангенау, Нейсдорфъ и Глагау, 25 іюня при дд. Квецъ, Аннендорфъ, Деппенъ, 29 и 30 іюня подъ Гейльсбергомъ, 2 іюля подъ Фридландомъ; въ шведской войнѣ 1808—1809 гг., въ кампаніи 1808 г.: 22 февраля при Куопіо, 4 и 6 апрѣля при киркахъ Пихаіоки и Сигаіоки въ авангардѣ подполковника Кульнева, 2 іюня при киркѣ Лаппо, 28 іюня при киркѣ Аллово, 5 августа при той же киркѣ, 9 августа при киркѣ Вирдойсъ, 20 августа при киркѣ Куортанъ, 15 и 30 октября при Иденсальмѣ; въ кампанію 1809 г. находился подъ командой генералъ-лейтенанта Штейнгеля, «былъ посылаемъ парламентеромъ и на Аландскіе острова и, презирая опасности, достигъ почти Стокгольма, собравъ множество полезныхъ для насъ свѣдѣній». О заслугахъ Т. свидѣтельствуютъ награды: онъ получилъ слѣдующій чинъ, золотую саблю съ надписью «За храбрость», брилліантовый перстень и особое Высочайшее благоволеніе.

Въ 1810 г. Т. былъ командированъ на Аландъ для съемокъ, въ виду существовавшаго предположенія выстроить тамъ крѣпость; во время этихъ работъ онъ сломалъ лѣвую ногу, въ уваженіе чего ему была пожалована пенсія по 500 р. Слѣдующій годъ Т. былъ занятъ составленіемъ атласа части Сибири и китайской Монголіи, а затѣмъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ при войскахъ, въ Новой Финляндіи расположенныхъ, подъ начальство знавшаго его по Шведской войнѣ генерала Штейнгеля. Передъ началомъ Отечественной войны, когда въ Финляндіи формировался амбаркируемый корпусъ, Т. былъ опредѣленъ въ немъ Штейнгелемъ старшимъ по квартирмейстерской части, «такъ какъ онъ опытами извѣстенъ о знаніи своего дѣла и усердіи къ службѣ» (изъ донесенія Штейнгеля военному министру). Въ августѣ корпусъ отплылъ изъ Гельсингфорса въ Ревель, откуда двинулся въ Ригу; въ пути Т. получилъ указъ о возведеніи его съ потомствомъ въ дворянское достоинство. Началась опять боевая дѣятельность Т.; онъ участвовалъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: 1812 г.—14 сентября при Доленкирхенъ, 15 сентября при Гроссъ-Эккау, 18 сентября на р. Аа при Цемаленѣ, 7 и 8 октября при Полоцкѣ, 12 октября при д. Кубличахъ (за два послѣднихъ дѣла чинъ полковника), 19 октября при Чашникахъ, 2 ноября при мызѣ Смольянахъ (орденъ Владиміра 3-й степени), 15 ноября при Борисовѣ; 1813 г.—5 и 6 апрѣля при осадѣ крѣпости Витенберга, 20 апрѣля подъ Люценомъ, 7, 8 и 9 мая подъ Бауценомъ, съ 10 августа по 5 сентября въ дѣлахъ при Пирнѣ, Кульмѣ, подъ Дрезденомъ, при м. Гонглейбъ, гдѣ былъ раненъ пулей въ руку (за эти дѣла произведенъ въ генералъ-маіоры); при отступленіи отъ Дрездена французы отбили нашъ обозъ, и Т. лишился всего имущества, въ вознагражденіе чего ему пожаловано 1.500 р.; 4, 6 и 7 октября былъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ (орденъ Георгія 4-й степени); 1814 г.—15 февраля при Баръ-Сюръ-Обѣ, 19 и 20 февраля при д. Лабрюсель и г. Траа (за что вторично награжденъ чиномъ генералъ-маіора), 9 марта при Арсисѣ и Феръ-шампенуазѣ, 17 и 18

марта подъ Парижемъ (золотая шпага, украшенная алмазами). Въ 1815 г. Т. былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, а въ 1819 г. командиромъ 21-й пѣхотной дивизіи, но вскорѣ перемѣщенъ на таковую же должность въ 23-ю и произведенъ (22 августа 1826 г.) въ генералъ-лейтенанты. Прежняя служба въ Финляндіи была несомнѣнно причиной, что Т. былъ назначенъ (1833) помощникомъ Финляндскаго генералъ-губернатора по гражданской части, а еще ранѣе, именно въ 1832 г., и. д. вице-канцлера Александровскаго университета; на этихъ постахъ Т. былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи (1 іюля 1841 г.) и исключенъ изъ списковъ умершимъ въ 1847 г. (3 ноября этого года). Высшей наградой имѣлъ орденъ Александра Невскаго (1839).

Въ аттестаціи Т. сказано: «Отчеты по должности всегда представлялъ въ срокъ. Жалобамъ никакимъ не подвергался и въ виду начальства таковыхъ не было. Слабымъ въ отправленіи обязанностей службы замѣченъ не былъ, безпорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ. Въ неприличномъ поведеніи оглашаемъ и изобличаемъ не былъ». Отъ брака съ Іоганной-Маріей урожд. Гельсингіусъ имѣлъ шесть человѣкъ дѣтей.

Высочайшіе приказы соотвѣтствующихъ годовъ.—„Списокъ генераловъ съ 1845 г.“, стр. 131.—„Матеріалы Воен.-Учен. Архива Генеральнаго Штаба. Отечественная война 1812 г.“, т. XII, стр. 176.—Судравскій, „Военная галлерея Зимняго Дворца“, стр. 31.—„Столѣтіе Военнаго Министерства. Главный Штабъ“, т. IV, ч. 1, кн. 2, стр. 206 и 282.—Глиноецкій, „Русскій Генеральный штабъ въ царствованіе Императора Александра I“, „Военный Сборникъ“, 1874, №№ 10, 11 и 12.—Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, Московское отдѣленіе, дѣло 3 стола 3 отдѣленія Инспекторскаго департамента военнаго министерства за 1848 годъ, № 1251, по архиву связка 302. *М. П.*

Тетеревниковъ, *Николай Кузьмичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ главнаго военнаго суда, участникъ Севастопольской обороны, родился въ 1805 г.; воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, по выходѣ изъ котораго произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Въ составѣ своднаго гвардейскаго полка Т. принималъ участіе въ Персидской войнѣ 1826 и 1827 гг., причемъ отличился при осадѣ крѣпости Абасъ-Абадъ, гдѣ былъ раненъ пулей въ руку, въ сраженіи при Джеванъ-Булакѣ (за особыя отличія награжденъ Владиміромъ 4-й степени съ бантомъ); за дѣла при взятіи Эривани награжденъ золотой полусаблей съ надписью «За храбрость». Въ 1828 г. вернулся съ Закавказья въ Петербургъ. Въ 1829 г. онъ въ рядахъ своднаго гвардейскаго полка находился въ Подольской губерніи и участія въ происходившей въ то время войнѣ съ Турціей не принималъ. Въ 1831 г. при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій и обложеніи крѣпости Модлина (Новогеоргіевскъ) находился въ составѣ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Послѣ замиренія Польши Т. въ 1832 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, переведенъ былъ въ генеральный штабъ, гдѣ находился до 1843 г., служа сначала въ Оренбургскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба. Въ 1843 г., съ производствомъ въ полковники, назначенъ начальникомъ межеванія казенныхъ земель въ Саратовской губерніи съ переводомъ въ корпусъ военныхъ топографовъ, а въ 1844 г. снова опредѣленъ въ генеральный штабъ, съ назначеніемъ въ штабъ дѣйствующей арміи. Въ 1847 г., занялъ должность оберъ-квартирмейстера IV корпуса и въ 1848 г. переведенъ на ту же должность во II корпусъ. Принималъ въ 1849 г. дѣятельное участіе въ Венгерской кампаніи и за сраженіе при Дебречинѣ произведенъ въ чинъ генералъ-майора. Въ 1851 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба III пѣхотнаго корпуса, въ 1853 г.—командиромъ 2-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи и въ концѣ 1854 г. отправился съ дивизіей въ Крымъ, въ дѣйствующую армію. Прибывъ къ Евпаторіи въ началѣ февраля 1855 г., онъ принималъ участіе въ рекогносцировкѣ этого города, занятаго союзными войсками, а 5 февраля участвовалъ въ штурмѣ Евпаторіи, командуя средней колонной наступательнаго отряда. Въ мартѣ того же года Т. назначенъ былъ начальникомъ сѣверныхъ укрѣпленій и береговыхъ батарей въ Севастополѣ; здѣсь онъ пробылъ 5 мѣсяцевъ и 4 дня, съ 23 марта по 27 августа, а въ сентябрѣ переведенъ командиромъ 8-й дивизіи. Въ 1860 г. назначенъ командующимъ башкирскихъ войскъ. Позже послѣдовательно командовалъ 23-й (съ 1862 г.), 4-й и 37-й пѣхотными диви-

зіями, имѣя уже чинъ генералъ-лейтенанта. Въ 1868 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ Одесскаго военнаго окружнаго суда, а въ 1871 г.—членомъ главнаго военнаго суда. Умеръ 4 марта 1874 г. въ Варшавѣ проѣздомъ изъ Одессы.

Некрологи за 1874 г.: „Русскій Инвалидъ“, № 51; „Иллюстрированная Недѣля“, № 17.—„Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя“ подъ ред. Н. Дубровина, Спб. 1871, вып. 2, стр. 60, 113, прилож. стр. 29.—М. И. Богдановичъ, „Восточная война 1853—1856 годовъ“, Спб. 1876, т. 3, стр. 217—218.—Д. И. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1886, т. II, прилож. стр. 861.—„Портреты лицъ, отличившихся своими заслугами въ 1853—1856 гг.“, Спб. 1857—1860 (портретъ Т.).

Тетеря, *Павелъ*, малороссійскій заднѣпровскій гетманъ. О его происхожденіи и раннихъ годахъ не имѣется достовѣрныхъ свѣдѣній. Онъ былъ зятемъ Юрія Хмельницкаго и любимцемъ его отца, Богдана. До 1647 г. занималъ должность регента, т. е. правителя канцеляріи городского суда во Владимирѣ-Волынскомъ, а затѣмъ недолго состоялъ на службѣ у брацлавскаго каштеляна Г. Стемпковскаго. Когда въ 1648 г. вспыхнуло возстаніе Богдана Хмельницкаго, Т. присоединился къ казакамъ и занялъ должность переяславльскаго полковника. Въ концѣ 1653 г. изъ Москвы въ Украйну пришло посольство боярина Бутурлина для принятія Малороссіи въ подданство. 31 декабря это посольство въ 5 верстахъ отъ Переяславля торжественно встрѣчено Т., бывшимъ во главѣ 600 казаковъ. Сойдя съ лошади, онъ произнесъ витіеватую привѣтственную рѣчь, въ которой отъ лица казаковъ выражалъ радость, «яко вы (послы) со исполненіемъ царскаго обѣта грядете къ намъ, еже быти подъ высокою великодержавнаго благочестиваго царя восточнаго рукою православному и преславному войску запорожскому», и послѣ обмѣна привѣтствіями ввелъ посольство въ Переяславль, куда 6 января 1654 г. прибылъ и Хмельницкій съ войсковыми чинами. Во всѣхъ дальнѣйшихъ переговорахъ, предшествовавшихъ присягѣ, въ совѣщаніяхъ тайныхъ и явныхъ и въ извѣстной Переяславльской радѣ. Т. принималъ ближайшее участіе. Когда въ церкви, куда стороны пришли для присяги, между Хмельницкимъ и Бутурлинымъ вышли разногласія въ томъ, присягать ли и Бутурлину за царя встрѣчною клятвою въ ненарушеніи вольностей казацкихъ, отъ чего Бутурлинъ отказывался,—гетманъ и всѣ старшины отправились въ домъ Т. для совѣщанія, а потомъ Т. и миргородскій полковникъ Сахновичъ возвратились въ церковь и продолжали настаивать на своемъ требованіи. Т. ссылался на примѣръ польскихъ королей, приносящихъ присягу своимъ подданнымъ, но Бутурлинъ стоялъ на своемъ, полагая, что и говорить о присягѣ царя непристойно, а въ сохраненіи вольностей завѣряя своимъ посольскимъ словомъ. Съ этимъ Т. и вернулся въ свой домъ къ Хмельницкому. 8 января гетманъ и полковники, въ ихъ числѣ и Т., принесли присягу. 12 января Т., войсковой писарь Выговскій, войсковой судья Самойла Богдановичъ и другія лица предложили Бутурлину дать хотя бы грамоту за своей рукой, дабы показывать ее по полкамъ для приведенія къ присягѣ, ибо безъ такого письменнаго документа «въ города ѣхать для привода къ присягѣ нельзя, потому что всѣмъ людямъ въ городахъ будетъ сомнительно». Бутурлинъ отказалъ. Т. и судья Самойла Богдановичъ (Зарудный) составили договорныя статьи о присоединеніи Малороссіи, а въ концѣ марта Т. и судья Гонсевскій были посланы въ Москву для представленія ихъ царю Алексѣю Михайловичу. Т. билъ челомъ, чтобы 1) урядники въ городахъ были избираемы изъ мѣстныхъ людей, а не назначались изъ Москвы, 2) гетманъ и войско могли принимать иностранныхъ пословъ, если только они не пришли съ чѣмъ-нибудь противнымъ царскому величеству, 3) число реестровыхъ казаковъ было не менѣе 60 тысячъ, 4) по смерти гетмана войско могло избирать новаго по своей волѣ, 5) права и вольности не были нарушены. На всѣ эти пункты послѣдовало согласіе царя и бояръ.

Въ началѣ 1657 г. Т. снова ѣздилъ въ Москву въ качествѣ посла отъ Хмельницкаго. Тамъ онъ долженъ былъ, съ одной стороны, дать отвѣтъ на два вопроса бояръ,—почему мало денегъ собирается съ казаковъ и какъ эти средства расходуются (до Москвы доходили вѣсти о злоупотребленіяхъ сборщиковъ, полковниковъ и гетмана) и по какому праву гетманъ принимаетъ пословъ (хотя это не противорѣчило договору), а съ другой—предста-

вить нѣсколько грамотъ Хмельницкаго и нѣсколько челобитій войсковаго писаря, судей и др. При представленіи царю Т. произнесъ большую рѣчь, преисполненную фигурами витійства, въ чемъ онъ былъ незаурядным мастеромъ. Пока шли переговоры, получилась вѣсть о смерти Хмельницкаго, послѣ чего Т. повелъ рѣчь о новомъ гетманѣ, имѣя въ виду сына Богдана, Юрія Хмельницкаго, и не зная еще о выборѣ радою въ гетманы Ивана Выговскаго. На предложеніе Т. послѣдовало царское согласіе, для извѣщенія о которомъ въ Малороссію было отправлено посольство Кикина.

По возвращеніи въ Малороссію Т. присоединился къ партіи Выговскаго, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ измѣнилъ и передался на сторону Польши, за что и былъ назначенъ заднѣпровскимъ наказнымъ гетманомъ. Въ 1660 г., когда западно-бережный гетманъ Юрій Хмельницкій началъ умышлять измѣну, Т., по настояніямъ королевскаго комиссара Бенѣвскаго, былъ избранъ войсковымъ писаремъ. Такъ какъ Юрій былъ еще «молоденькій» и, въ противоположность отцу, человѣкъ небольшихъ дарованій, то онъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе Т., человѣка дѣятельнаго и краснорѣчиваго. Уже съ этого времени Т. сталъ фактически гетманомъ западной части Малороссіи и свое вліяніе направилъ въ пользу Польши. Въ 1662 г. Юрій открыто измѣнилъ. Въ послѣдовавшихъ въ томъ же году битвахъ гетманъ былъ сначала разбитъ княземъ Г. Ромодановскимъ, но затѣмъ самъ нанесъ жестокое пораженіе московскимъ войскамъ. Тѣмъ не менѣе его положеніе было шаткимъ, и Т. неоднократно писалъ и посылалъ сказать королю, что необходима помощь казакамъ, иначе дѣла примутъ дурной оборотъ, ибо войско непослушно, своевольничаетъ, притомъ татары изъ союзниковъ грозятъ превратиться въ господъ. По отношенію къ Юрію онъ, повидимому, держался лицемѣрной политики, внѣшнимъ образомъ уговаривая казаковъ его не смѣнять, а тайно добиваясь этого. Въ концѣ 1662 г. Юрій самъ отказался отъ гетманства и постригся. На его мѣсто гетманомъ западной стороны былъ избранъ Т. Враги его говорили, что онъ получилъ гетманство отъ Хмельницкаго по родству, но въ избраніи его злоупотребленія были, повидимому, не свыше обычныхъ. Свое гетманство Т. началъ съ посольства къ польскому королю, прося его о немедленной помощи и обращая вниманіе на все возрастающую силу и вліяніе среди казаковъ татаръ. Гетманство Т., хотя и продолжалось около 5 лѣтъ, было непрочно и неспокойно. Украйна раздиралась междоусобіями, вызванными вопросомъ о гетманствѣ въ восточной ея части, на которое было нѣсколько претендентовъ. Одного изъ послѣднихъ, Самко, Т. всячески старался привлечь на сторону Польши. Послѣ избранія въ гетманы восточной стороны Брюховецкаго Т. сталъ посылать туда «прелестные листы», въ которыхъ призывалъ казаковъ склониться къ Польшѣ, но успѣха не имѣлъ. Во время похода того же 1662 г. польскаго короля на восточную часть Украйны Т. начальствовалъ казаками и отрядомъ союзныхъ татаръ. Сначала онъ обложилъ Гадячъ, но чрезъ нѣсколько недѣль принужденъ былъ отступить, такъ какъ прослышалъ о приближеніи кн. Ромодановскаго съ московскими полками. Въ апрѣлѣ онъ осадилъ кошевого Сѣрко въ Смѣлой, но урона осажденнымъ не могъ принести. Неудачи побудили Т. писать къ канцлеру Пражмовскому, что миръ съ Москвой необходимъ, особенно въ виду—настойчиво указываемой имъ и раньше—опасности со стороны татаръ, явно стремящихся оторвать Украйну отъ Польши и присоединить ее къ Крымскому ханству. На предложеніе Т. не было обращено вниманія, несмотря на то, что въ такомъ случаѣ онъ просилъ уволить его отъ гетманской должности, въ чемъ ему тоже было отказано. 22 мая Т. съ поляками напалъ на Каневъ, гдѣ заперся Брюховецкій. Рядъ нападеній осаждавшихъ и вылазокъ осажденныхъ не дали яснаго результата, и поляки отошли за Бѣлую Церковь, а Т. съ казаками и татарами направился къ Умани, чтобы помѣшать жителямъ Уманскаго и Браславскаго полковъ, сторонникамъ Москвы, убрать хлѣбъ съ полей, да кромѣ того попытаться склонить ихъ вновь въ сторону короля. На «прелестныхъ листахъ» его съ соотвѣтствующимъ воззваніемъ нарисованъ былъ крестъ и образъ Богоматери; крестомъ и образомъ онъ клялся, что никому не будетъ мести ни отъ короля, ни отъ него. Въ октябрѣ Т. совмѣстно съ польскимъ воеводой Чарнецкимъ настигъ царскаго воеводу Косагова въ Медвинѣ и держалъ его 4 недѣли въ осадѣ, но взять не могъ и отступилъ. Есть извѣстіе, что

около этого времени Т. черезъ какого-то монаха предлагалъ царю простить его и обѣщалъ служить вѣрно и помирить Москву съ крымскимъ ханомъ. Вскорѣ Т. удалился въ Польшу, потомъ въ Молдавію, откуда по какимъ-то соображеніямъ намѣревался пройти въ Константинополь. Черезъ нѣкоторое время онъ возвратился, опять ввязался въ борьбу съ Брюховецкимъ, но въ 1667 г. былъ схваченъ и казненъ.

„Акты Южной и Западной Россіи“, т. VII—XII.—Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малороссійскаго приказа, № 5865, 6001 и др.—Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла Малороссіи, 1662—1665 гг.—Государственный архивъ, столбцы Приказа тайныхъ дѣлъ, № 75.—„Акты Археографической Комиссіи“, т. IV.—Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 308, 311, 313—315; т. VI, стр. 682.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, по изд. „Общ. Пользы“ кн. II, стр. 1634—1638; кн. III, стр. 2—5, 91—97, 107—114, 124, 125, 130—135, 142, 414.—Д. Бантышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи“, Москва 1830.—Д. И.Эварницкій, „Исторія запорожскихъ казаковъ“, Спб. 1895.—Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, Спб. 1884.—J. Engel, „Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken“, Halle 1796.

Теттенборнъ, баронъ *Фридрихъ-Карлъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1778 г. въ Австріи, умеръ въ 1845 г. Служилъ сначала въ австрійскихъ войскахъ, участвовалъ въ кампаніи 1809 г. противъ Наполеона. Австрійскія военныя неудачи побудили его покинуть службу тамъ и перейти на русскую. Въ 1812 г. онъ былъ назначенъ въ отрядъ Винцингероде, гдѣ неоднократно проявилъ себя удачными дѣлами. По выступленіи французовъ изъ Москвы Т. съ отличіемъ командовалъ однимъ изъ партизанскихъ отрядовъ. Въ 1813 г. сдѣлалъ удачный набѣгъ на Бременъ. Въ 1814 г. онъ былъ назначенъ во главѣ значительнаго летучаго отряда, которому было поручено содержать сообщеніе между главною и силезскою арміями. Въ 1818 г. онъ перешелъ на баденскую службу и былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну.

„Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества“, т. 121, стр. 239—241—245, 247, 277; т. 122, стр. 50, 78—82, 84, 89.

Тетъ, *Егоръ Егоровичъ* (Джоржъ), адмиралъ, родомъ англичанинъ, на русскую службу поступилъ въ 1771 г. Впервые былъ въ сраженіи при Наполи-ди-Романья и при Чесмѣ. Въ чинѣ капитана 1-го ранга, командуя 74-пушечнымъ корветомъ «Киръ Іоаннъ», участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи 6 іюля 1788 г. Въ 1790 г., уже капитанъ-бригадиръ, во главѣ того же корвета, былъ въ Ревельскомъ сраженіи и способствовалъ пораженію эскадры подъ флагомъ герцога Зюдерманландскаго. 25 мая того же года въ составѣ эскадры адмирала В. Я. Чичагова вышелъ съ своимъ судномъ изъ Ревеля и участвовалъ въ преслѣдованіи непріятельской эскадры вплоть до Выборгской губы, а 22 іюня—въ извѣстномъ Выборгскомъ сраженіи, во время котораго захватилъ въ плѣнъ шведскій фрегатъ. За это сраженіе произведенъ въ контръ-адмиралы. Въ 1798 г., уже въ чинѣ вице-адмирала, командовалъ эскадрою изъ 6 крупныхъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ при блокадѣ голландскихъ береговъ, по окончаніи которой соединился на Норскомъ рейдѣ съ англійскою эскадрою, бывшею подъ флагомъ вице-адмирала Дункена, и русскою эскадрою подъ командою вице-адмирала Макарова. По окончаніи войны былъ назначенъ сенаторомъ 3-го департамента. Умеръ въ 1826 г.

А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1894, стр. 94, 138, 176, 209, 244, 246, 484, 485.—Головачевъ, „Дѣйствія русскаго флота во время войны Россіи со Швеціей въ 1788—1790 гг.“, стр. 42, 64, 208.—Шишковъ, „Военныя дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 гг.“, стр. 124, 141, 153, 156.—„Собраніе разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующаго арміями и флотомъ ко двору донесеній“, 1789.—„Записки Гидрографич. Департамента“, т. VIII, стр. 326.—Шишковъ, „Собраніе морскихъ журналовъ“, стр. 113—122.—„Сборникъ Русскаго Историч. Общества“, т. 29, стр. 290.

Тибѣкинъ, *Василій*, баснописецъ начала XIX вѣка. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. «Собраніе басенъ» Т. вышло въ Петербургѣ въ 1819 г. Оно посвящено кн. Я. Ив. Лобанову-Ростовскому и содержитъ 30 басенъ.

Березинъ-Ширяевъ, „Матеріалы для библіографіи“, Спб. 1868, стр. 159.—„Энциклопед. словарь“ Ефрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 156.

Тигерстедтъ, *Аксель Ѳедоровичъ*, родился въ 1813 г. и по окончаніи курса въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ выпущенъ 1832 г. прапорщикомъ въ гвардейскую артиллерію; черезъ три года командированъ на Кавказъ, гдѣ принялъ участіе въ дѣлахъ съ горцами, а затѣмъ возвращенъ въ бригаду и продолжалъ въ ней

службу до производства въ полковники (1847) и полученія 3-й батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады; батареей командовалъ годъ, такъ какъ былъ назначенъ командиромъ резервной бригады гренадерской артиллерійской дивизіи, съ каковой совершилъ Венгерскій походъ 1849 г. Черезъ два года (1851) назначенъ командиромъ сводной резервной бригады 1-й, 2-й и 3-й артиллерійскихъ дивизій, а на слѣдующій годъ—13-й полевой артиллерійской бригады. Во время Восточной войны при дѣйствіяхъ противъ Карса состоялъ командующимъ артиллеріей Ахалцыхскаго отряда и въ этомъ званіи былъ произведенъ (1855) въ генералъ-маіоры. 1860—1864 годы провелъ въ отставкѣ, но затѣмъ поступилъ на службу вновь командиромъ 38-й артиллерійской бригады, на каковой должности и скончался въ іюнѣ 1870 г.

„Ежегодникъ Русской арміи", 1871, стр. 68.

Тидебель, *Сигизмундъ Андреевичъ*, инженеръ-генералъ, начальникъ Николаевской академіи, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, родомъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи, родился 8 мая 1824 г. Учился въ главномъ, нынѣ Николаевскомъ, инженерномъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1844 г., въ томъ же году произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики и оставленъ при училищѣ въ качествѣ преподавателя. Въ іюнѣ 1845 г. его перевели на службу въ Рижскую инженерную команду, затѣмъ въ Ревельскую и въ 1851 г. въ Варшавскую, а въ маѣ 1852 г. назначили адъютантомъ къ начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту Шильдеру. Въ чинѣ поручика принялъ участіе въ Восточной войнѣ 1853—1856 гг. Въ качествѣ адъютанта генерала Шильдера онъ распоряжался постройкой въ январѣ 1854 г. батареи при Дунаѣ противъ турецкой флотиліи, 20 февраля былъ подъ начальствомъ генерала Хрулева въ дѣлѣ подъ Каларашемъ, а 1 марта — въ форсированной переправѣ черезъ Дунай у Браилова; въ маѣ 1854 г. принималъ участіе въ осадѣ Силистріи, завѣдуя частью осадныхъ работъ, и былъ въ числѣ инженеровъ, которые 28 мая спустились въ ровъ непріятельскаго укрѣпленія Арабъ-Тагба и устроили крытый переходъ черезъ ровъ. За эти дѣла произведенъ (17 февраля 1854 г.) въ штабсъ-капитаны и награжденъ золотой полусаблей съ надписью «за храбрость». Послѣ того какъ осада Силистріи была снята и русскія войска перешли на лѣвый берегъ Дуная, Т. былъ перемѣщенъ въ Крымъ и назначенъ въ распоряженіе Тотлебена для производства инженерныхъ работъ въ Севастополѣ. Здѣсь онъ заявилъ себя какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ Тотлебена. Подъ руководствомъ Тотлебена имъ былъ заложенъ и построенъ одинъ изъ передовыхъ редутовъ — Селенгинскій на Киленбалочномъ хребтѣ, причемъ работы приходилось производить подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ; онъ также принималъ участіе въ отраженіи штурма этого редута непріятелемъ. Совмѣстно съ Сахаровымъ Т. заложилъ Волынскій редутъ, находившійся на четвертомъ бастіонѣ, работая при сильномъ бомбардированіи его непріятелемъ. 10 марта 1855 г. имъ возстановлены передовые ложементы Камчатскаго люнета, послѣ того какъ изъ нихъ выбитъ былъ непріятель, причемъ онъ принималъ участіе и въ боѣ; 28 марта онъ завѣдывалъ производствомъ работъ на Камчатскомъ редутѣ. Эти три редута, возведенные Т., находились подъ постояннымъ непріятельскимъ огнемъ и вслѣдствіе этого ежедневно разрушались; приходилось по мѣрѣ возможности постоянно возобновлять разрушенныя непріятелемъ части, что Т. исполнялъ съ неослабной энергіей. Въ мартѣ его перевели въ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ. Въ апрѣлѣ онъ выполнилъ трудное и требовавшее значительной смѣлости предпріятіе—построилъ ложементы впереди четвертаго бастіона. 10 мая того же года принималъ участіе въ дѣлѣ на Кладбищенской высотѣ (за отличіе пожалованъ Георгіемъ 4-й степени). Когда 8 іюня Тотлебенъ былъ раненъ въ ногу, завѣдываніе оборонительными инженерными работами на Корабельной сторонѣ было передано Т., который и исполнялъ эту обязанность до 25 іюня. Онъ участвовалъ также въ отраженіи штурма непріятельскими войсками севастопольскихъ укрѣпленій, произведеннаго въ августѣ 1855 г. (награжденъ Владимиромъ 4-й степени и произведенъ въ капитаны). Послѣ отступленія русскихъ войскъ съ южной стороны Т. командированъ былъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Николаевъ для устройства Херсонской оборо-

нительной линіи. Всего онъ провелъ на севастопольскихъ бастіонахъ 11 мѣсяцевъ. Въ октябрѣ 1856 г., когда Восточная война была окончена, Т. былъ произведенъ въ полковники и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Николаевичу старшему, бывшему тогда генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Будучи произведенъ въ апрѣлѣ 1863 г. въ генералъ-маіоры, онъ одновременно опредѣленъ былъ членомъ техническаго комитета главнаго инженернаго управленія.

Въ октябрѣ 1866 г. Т. былъ назначенъ начальникомъ Николаевской инженерной академіи и училища. Въ качествѣ начальника академіи и училища онъ ставилъ себѣ главной задачей вести эти военно-учебныя заведенія въ военномъ направленіи; онъ внимательно слѣдилъ за работами преподавателей по тактикѣ, фортификаціи и артиллеріи, и подъ его руководствомъ составлено было преподавателями академіи и училища руководство для офицеровъ полевыхъ войскъ: «Саперныя работы въ полѣ» (Спб. 1869). По его иниціативѣ организованы и первые три года (начиная съ 1878) подъ личнымъ его наблюденіемъ велись лѣтнія полевыя тактико-фортификаціонныя занятія обучающихся въ академіи, причемъ Т. составлялъ для нихъ инструкціи; позднѣе эти занятія введены были и въ инженерномъ училищѣ. Имъ же организованы были не практиковавшія до того публичныя лекціи по наиболѣе интереснымъ и важнымъ вопросамъ теоріи и практики военно-инженернаго искусства; лекціи эти происходили ежегодно во время поста, и къ участію въ нихъ Т. привлекалъ преподавателей академіи и наиболѣе выдающихся дѣятелей генеральнаго штаба. За время пребыванія въ должности начальника инженерной академіи Т. былъ назначенъ въ ноябрѣ 1869 г. въ свиту Его Величества, а въ мартѣ 1871 г.—произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ іюнѣ 1868 г. онъ получилъ командировку заграницу для ознакомленія съ организаціей военно-инженерныхъ и артиллерійскихъ учебныхъ заведеній въ Германіи и Бельгіи и для осмотра крѣпостныхъ работъ въ Антверпенѣ и Пруссіи. Нѣсколько разъ ему поручалось осматривать крѣпости и наблюдать за производствомъ крѣпостныхъ работъ. Въ должности начальника военно-инженерной академіи и училища Т. пробылъ 20 лѣтъ, до апрѣля 1886 г., когда былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Въ августѣ 1887 г. былъ произведенъ въ инженеръ-генералы. Т. былъ почетнымъ членомъ Николаевской инженерной академіи и числился въ спискахъ роты юнкеровъ ея. Скончался въ Петербургѣ 18 января 1890 г.

Некрологи: „Русскій Инвалидъ“, 1890, № 18 (статья А. Плющинскаго), и „Новое Время“, 1890, № 4991.—„Энциклопедич. словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 165.—„Настольный энциклоп. словарь“ бр. Гранатъ, 1-е изд., т. VIII, стр. 4755.—„Русскій календарь на 1891 годъ“, изданіе А. С. Суворина, стр. 285.—„Краткій біографическій очеркъ замѣчательныхъ дѣятелей изъ бывшихъ воспитанниковъ Николаевской инженерной академіи и училища“, „Всемірная Иллюстрація“, 1869, № 52, стр. 410.—М. Максимовскій, „Историческій очеркъ развитія Главнаго инженернаго училища, 1819—1869 гг.“, Спб. 1869, стр. 144, 188, 196 и 201.—Богдановичъ, „Восточная война 1853—1856 годовъ“, Спб. 1876, т. III, стр. 243, 244, 249, 263, 295, 400.—Тотлебенъ, „Описаніе обороны г. Севастополя“, Спб. 1868, ч. II, отд. I, стр. 20, 24, 25, 29.—Д. И. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. IV, стр. 861.—Портретъ Т. помѣщенъ въ изданіи 1857—1860 гг. „Портреты лицъ, отличившихся заслугами въ 1853—1856 годахъ“.

Тизенгаузенъ, баронъ *Евгеній Богдановичъ*, морской инженеръ, строитель Кронштадтскихъ доковъ, генералъ-лейтенантъ, родился 2 февраля 1817 г. Въ ноябрѣ 1831 г. поступилъ въ Главное инженерное училище кондукторомъ, 1 января 1836 г. произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики, черезъ годъ въ подпоручики и еще черезъ годъ, по окончаніи полнаго курса наукъ въ «верхнемъ» офицерскомъ классѣ, повышенъ въ поручики съ назначеніемъ въ инженерный корпусъ и оставленіемъ при Главномъ инженерномъ училищѣ для подготовки къ преподаванію, а въ декабрѣ 1839 г. былъ назначенъ при томъ же училищѣ, именно въ офицерскомъ классѣ, преподавателемъ строительнаго искусства. Въ августѣ 1840 г. Т. былъ командированъ въ распоряженіе начальника V пѣхотнаго корпуса г.-л. Лидерса, въ составѣ десантнаго отряда, снаряженнаго къ берегамъ Босфора. Въ 1844 г. по порученію инженернаго училища ѣздилъ за границу для обозрѣнія крѣпостей Германіи и Франціи и для изученія новыхъ данныхъ въ области строительнаго искусства. 28 января 1847 г. Т., будучи въ чинѣ инженеръ-

капитана (съ 1846 г.), переведенъ въ л.-гв. Саперный баталіонъ, въ видѣ особаго отличія съ тѣмъ же чиномъ и съ причисленіемъ къ штабу генералъ-инспектора по инженерной части въ число адъютантовъ при его высочествѣ. 5 декабря 1849 г. назначенъ для особыхъ порученій по морской строительной части къ начальнику главнаго морского штаба, а два года спустя произведенъ въ полковники съ переводомъ въ инженеры морской строительной части. Лѣто 1858 г. Т. провелъ въ Архангельскѣ за изученіемъ и изысканіемъ средствъ по углубленію бара Сѣверной Двины и предупрежденію заносовъ впереди тамошняго адмиралтейства. Въ 1854 г. онъ совершилъ поѣздку по Западной Европѣ, побывалъ въ Голландіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Германіи и Англіи для изученія разныхъ работъ по гидротехнической части, и по возвращеніи былъ назначенъ для особыхъ порученій по морскому министерству. Въ іюлѣ 1855 г. назначенъ членомъ комитета по вооруженію кронштадтскихъ укрѣпленій и завѣдывалъ оборонительными работами фортовъ. Почти весь слѣдующій 1856 годъ Т. провелъ въ Астрахани, командированный туда для выясненія мѣръ по упорядоченію канала при Астраханскомъ портѣ и для постройки самоосвѣщающагося маяка на островѣ Святомъ въ Каспійскомъ морѣ, а по возвращеніи назначенъ помощникомъ строителя всѣхъ кронштадтскихъ укрѣпленій. Въ августѣ 1857 г. прикомандированъ къ морскому министру для особыхъ порученій, въ мартѣ слѣдующаго года ѣздилъ депутатомъ отъ Россіи въ составъ международной технической комиссіи, засѣдавшей въ Парижѣ, для обсужденія вопроса объ урегулированіи пароходства по Дунаю, лѣтомъ 1859 г. работалъ по изслѣдованію бара главнаго невскаго фарватера и какъ членъ комитета по сооруженію гавани при Петровскомъ укрѣпленіи у Каспійскаго моря. За успѣшное исполненіе этихъ работъ Т. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (8 сентября 1859 г.). Въ 1860 г. назначенъ производителемъ работъ по углубленію бара главнаго невскаго фарватера грунтовыми минами и членомъ строительнаго отдѣленія морского техническаго комитета. Въ слѣдующемъ году ѣздилъ въ Германію съ цѣлью заказа машинъ для возведенія доковъ въ Кронштадтѣ и по возвращеніи назначенъ строителемъ этихъ доковъ. Въ 1863 г. составилъ проектъ броненосной лодки съ подводнымъ миннымъ тараномъ; испытанная особою комиссіей лодка найдена пригодною. 1 января 1868 г. произведенъ въ инженеръ-генералъ-лейтенанты и пожалованъ денежною наградою за оборудованіе красносельскихъ дворцовъ водопроводомъ; ѣздилъ въ Виндаву и Либаву для осмотра портовъ и выбора направленія къ нимъ будущей желѣзной дороги. Былъ представителемъ отъ Россіи при открытіи Суэцкаго канала въ 1869 г. Въ апрѣлѣ 1870 г. назначенъ предсѣдателемъ строительнаго отдѣленія морского техническаго комитета и въ томъ же году наблюдалъ за строеніемъ порта въ Поти, потомъ работалъ въ качествѣ члена комиссіи по составленію проекта морского канала между Кронштадтомъ и устьемъ Невы. Подъ его ближайшимъ руководствомъ въ 1873 г. былъ построенъ въ Николаевѣ памятникъ адмиралу Грейгу. Въ 1874 г. ѣздилъ въ Англію заказывать водоотливныя машины для новыхъ кронштадтскихъ доковъ и по пріѣздѣ оттуда назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта. Въ должности строителя кронштадтскихъ доковъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 5 ноября 1875 г. Высшими наградами имѣлъ ордена Владиміра 2-й степени и Бѣлаго Орла, а на Вѣнской всемірной выставкѣ 1873 г. удостоенъ медалью «За преуспѣяніе» въ мореходномъ дѣлѣ. Въ «Морскомъ сборникѣ» напечатаны его статьи: «Объ опытахъ подводныхъ грунтовыхъ взрывовъ, произведенныхъ въ устьѣ Невы весною 1853 г.» (1853), «О способахъ, употребляемыхъ въ Нидерландахъ для предохраненія крутостей рѣчныхъ дамбъ отъ размыванія и для искусственнаго наращиванія береговъ» (1855), «Польза песчаныхъ основаній подъ каменными строеніями» и «О колебаніяхъ горизонта Каспійскаго моря на устьяхъ Волги» (1858).

„Общій морской списокъ“, ч. 12, Спб. 1900, стр. 22—25.

Тизенгаузенъ, *Иванъ Андреевичъ* (Johann Otto), графъ, оберъ-гофмейстеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, происходилъ изъ старинной остзейской дворянской фамиліи, родился въ 1745 г. Начавъ службу съ 1772 г., Т. 22 сентября 1792 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

При воцареніи Павла I онъ пожалованъ былъ 6 ноября 1796 г. гофмаршаломъ, а 19 ноября того же года награжденъ александровской лентой. Съ 1796 г. по 1798 г. Т. надзиралъ за гофъ-интендантской конторой. 18 декабря 1799 г. онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и украшенъ былъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, съ правами кавалеровъ Большого Креста. За время своей придворной службы дослужился до званія оберъ-гофмейстера. Т. женатъ былъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Стакельбергъ; умеръ въ 1815 г.

„Русская Старина", 1871, т. III, стр. 55; 1872, т. V, стр. 251—252.—„Энциклопедическій словарь" Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 167.—Полное Собраніе Законовъ, т. XXV, стр. 108, № 18401; стр. 857, № 19184; т. XXVI, стр. 69—70, № 19311.

Тизенгаузенъ, баронъ *Карлъ Егоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, род. въ 1802 г. и по окончаніи образованія въ частномъ учебномъ заведеніи поступилъ (1816) въ л.-гв. Егерскій полкъ, черезъ 4 года былъ произведенъ въ прапорщики и оставался въ гвардіи до 1822 г., когда перевелся штабсъ-капитаномъ сначала въ Александропольскій егерскій полкъ, затѣмъ (1823) въ Рязанскій пѣхотный и наконецъ (1827) въ Могилевскій пѣхотный, съ которымъ выступилъ въ Турецкій походъ 1828 — 1829 гг., гдѣ за отличіе при штурмѣ (13 сентября 1828 г.) турецкихъ укрѣпленій подъ крѣпостью Варной награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ 1833 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ Витебскому генералъ-губернатору князю Хованскому и вскорѣ переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Въ 1837 г. перешелъ въ корпусъ жандармовъ подполковникомъ съ назначеніемъ губернскимъ штабъ-офицеромъ въ Тверской губерніи, а въ слѣдующемъ году переведенъ на ту же должность въ Новгородскую губернію. Произведенный въ полковники, онъ вскорѣ (1847) былъ назначенъ начальникомъ полицейскаго управленія Петербургско-Московской желѣзной дороги, но въ 1852 г. снова вернулся на должность губернскаго штабъ-офицера Вятской губерніи и въ томъ же году былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Пробывъ три года на этой должности, Т. былъ причисленъ къ штабу корпуса жандармовъ, а затѣмъ (1857) къ министерству внутреннихъ дѣлъ; въ 1885 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ зачисленіемъ въ запасъ армейской кавалеріи, гдѣ пробылъ два года. Умеръ 30 іюня 1887 г.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, формулярные списки состоящимъ въ запасѣ, лит. Т, сп. 16.

Тилезіусъ-фонъ-Тиленау, *Вильгельмъ-Готтлибъ*, естествоиспытатель, членъ академіи наукъ, писатель, родился въ Мюльгаузенѣ (въ Тюрингенѣ) 17 іюля 1769 г., умеръ тамъ же 17 мая 1857 г. Въ Лейпцигскомъ университетѣ изучалъ философію и медицину, въ 1797 г. получилъ тамъ степень доктора философіи, а въ 1801 г.—доктора медицины и затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ доцентомъ по накожнымъ, венерическимъ и глазнымъ болѣзнямъ въ различныхъ нѣмецкихъ университетахъ. Когда Крузенштернъ въ 1803 г. предпринялъ свое извѣстное кругосвѣтное путешествіе, Т. былъ приглашенъ вмѣстѣ съ другимъ естествоиспытателемъ Лангсдорфомъ принять участіе въ экспедиціи въ качествѣ натуралиста. 26 іюля 1803 г. экспедиція отплыла изъ Кронштадта въ составѣ двухъ кораблей («Надежда» и «Нева»), направилась черезъ Атлантическій океанъ, обогнула мысъ Горнъ, особенное вниманіе обратила на изслѣдованіе Камчатки, Курильскихъ острововъ и Сахалина и 19 августа 1806 г. вернулась обратно. Въ теченіе этого трехлѣтняго кругосвѣтнаго плаванія Т. занимался естественно-историческими изслѣдованіями, преимущественно по зоологіи. Результатомъ этихъ изслѣдованій явился рядъ работъ о различныхъ классахъ животнаго царства, главнымъ образомъ о кишечнополостныхъ, иглокожихъ и рыбахъ. Работы эти были впослѣдствіи напечатаны въ изданіяхъ академіи наукъ. Важное изслѣдованіе его о голотуріяхъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «Naturhistorische Früchte der ersten kaiserlich-russischen unter dem Kommando des Herrn von Krusenstern glücklich vollbrachten Erdumseglung: I. Ueber die Seeblasen; II. Bemerkungen über den Jocko oder Orang-Outang» (Спб. 1813). По возвращеніи изъ экспедиціи Т. былъ приглашенъ адъюнктомъ естественной си-

сторіи въ академію наукъ (въ октябрѣ 1806 г.), 12 апрѣля 1809 г. назначенъ экстраординарнымъ академикомъ, каковымъ пробылъ до сентября 1817 г., когда со званіемъ почетнаго члена академіи наукъ выступалъ изъ нея и уѣхалъ въ Германію (жилъ въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, Дрезденѣ и Мюльгаузенѣ).

Во время своего пребыванія въ Россіи Т. напечаталъ въ изданіяхъ академіи наукъ слѣдующія работы по зоологіи, ботаникѣ, географіи и палеонтологіи: «Sur le plus petit volcan du globe, c'est à dire sur la petite isle de Cooisma située dans l'archipel du Japan pres du Cap Sangar» («Mémoires de l'Académie Impériale de sciences de St.-Pétersbourg», V série, т. X); «De skeleto mammonteo sibirico ad moris glacialis littora anno 1797 effosso, cui praemissae elephantini generis specierum distinetiones» (ibid., т. V, стр. 406—513); на русскомъ языкѣ работа эта была напечатана въ «Трудахъ Академіи Наукъ» за 1821 г. (ч. I, стр. 106—173) подъ названіемъ: «Описаніе остова мамонта, вырытаго изъ земли въ 1797 г. при берегахъ Ледовитаго моря, съ присовокупленіемъ разсужденія о различіи породъ слоноваго рода»; «Описаніе большого губчатаго гриба» («Технологическій Журналъ», т. VIII, 1811, ч. 4); «Cheirostemon platanoides Humboldti ob mirabilem interioris corollae structuram denuo pictum ac descriptum» («Mémoires de l'Academie etc.», V série, т. V, стр. 321—330, 579—582); «Извѣстіе о естественномъ и политическомъ состояніи острова Нукаиву, никѣмъ еще не описаннаго, на которомъ путешественники около свѣта еще не были, изъ числа тѣхъ острововъ Южнаго моря, которые адмиралъ Менданна, въ честь маркизу Мендозѣ, назвалъ Маркизскими» («Технологич. Журн.», т. III, 1806, ч. 4); «De novo Actiniarium specie gigantea Kamtschatica, quam in portu Petro-Pauli ad vivum pinxit de descripsit... 4 august 1804. Praemissis annotationibus characterem Actiniarum genericum spectanibus ab auctore anno 1804 adjectis» («Mémoires etc.», V série, т. I); «Piscium Kamtschaticorum Терпукъ et Вахня descriptiones et icones» (ibid., т. II, III и IV); «De Cancris, Camtschaticis, Oniscis, Entomostracis et Cancellis marines miscroscopis noctilucentibus» (ibid., т. V); «De Piscium Australium novo genere icone illustrato» (ibid., т. VI); «De Geskone Australi argyropode, nec non de generum naturalium in Zoologia systematica dignitata tuenda, atque de Geckonibus in genere» (ibid., т. VII); «Additamenta conchiliologyca ad zoographiam Rosso-Asiaticam» (ibid., т. VIII); «De chitone giganteo Camtschatico» (ibid., т. IX); «De Corallio singulari maris orientalis, ejusque organo laudifico» (ibid., т. X); «Описаніе нѣкоторыхъ новыхъ рыбъ, открытыхъ во время путешествія вокругъ свѣта» («Умозрительныя Изслѣдованія Академіи Наукъ», 1812, т. III); «Объ открытіи доселѣ неизвѣстнаго органа у животныхъ млекопитающихъ» («Технологич. Журн.», 1812, т. IX); «О рогачѣ безъ брюшныхъ перьевъ, новомъ родѣ изъ Южнаго моря или Тихаго моря» («Труды Академіи Наукъ», 1821, ч. I); «О достопамятномъ превращеніи въ кость грудныхъ мышцъ у курицы» (ibid., 1823, ч. II). Въ Германіи имъ напечатаны еще до пріѣзда въ Россію: «Musae paradisiacae, quae nuper Lipsiae floruit» (Лейпцигъ 1792), «Ueber die sogennanten Seemäuse» (ibid., 1802), и послѣ отъѣзда изъ Россіи: «Beiträge zur Naturgeschichte der Medusen» («Nova Acta Acad. Leop. Car.», т. XV, 1831), «Die Wallfische» («Isis», 1835), а также рядъ работъ по медицинѣ, изъ которыхъ важнѣйшія: «De pathologia artis fristoria plasticesque auxilio illustanda» (Лейпцигъ 1801), «Ausführliche Beschreibung und Abbildung der beiden sogennanten Stachelschweinmenschen aus der bekannten englischen Familie Lambert oder der porcupine-man» (Альтенбургъ 1802), «Theorie der flechtenartigen Ausschläge» (Лейпцигъ 1802), «Neueste ableitende Behandlungsart der kramfartigen Cholera asiatica» (ibid. 1831), «Ueber die Cholera und die kräftigsten Mittel dagegen» (Нюренбергъ 1830—31).

„Allgemeine Deutsche Biographie", т. 38, Лейпцигъ 1894.—„Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker", herausgeg. von d-r A. Hirsch, т. V, Вѣна и Лейпцигъ 1887. — „Систематическій и алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Императ. Академіи Наукъ", ч. I, Спб. 1872, стр. 190, 195, 214, 256, 257, 417, 447; ч. II, стр. 108, 118, 119, 143. — „Энциклопедич. словарь" Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 172. — „Slownik nauzny", Прага 1869, т. IX, стр. 446.

Тиличеевъ, *Николай Павловичъ*, директоръ Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, родился въ 1810 г.; происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи. Образованіе получилъ домашнее. Въ 1827 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, гдѣ дослужился до чина капитана. Въ 1834 г. переведенъ въ Петрозаводскій внутренній гарнизонный батальонъ, а вскорѣ назначенъ былъ адъютантомъ при генералѣ 3-го округа внутренней стражи. 30-го мая 1837 г. Т. уволенъ былъ съ военной службы и опредѣленъ въ гражданскую съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Съ 1839 г. состоялъ на службѣ въ корпусѣ лѣсничихъ, лѣснымъ ревизоромъ въ Черниговской, потомъ въ Тульской губерніяхъ. 8 марта 1848 г. Т. вновь уволился отъ службы, а 6 ноября того же года назначенъ былъ вмѣсто Голохвастова директоромъ Демидовскаго лицея съ чиномъ коллежскаго ассесора. Историкъ лицея Головщиковъ замѣчаетъ, что «службы въ Ярославлѣ Тиличеевъ добился потому только, что въ это время братъ его былъ въ Ярославлѣ же управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ». Прослуживъ въ качествѣ директора $1^1/_2$ года, Т. 8 іюня 1850 г. перемѣщенъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій VI класса. О дальнѣйшей дѣятельности Т. свѣдѣній не имѣется.

Головщиковъ, „П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища“, Ярославль 1887, стр. 179—180.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза - Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 173.

Тилло, *Иванъ Алексѣевичъ*, профессоръ французскаго языка и словесности Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея. Преподавалъ въ 1820-хъ годахъ французскій языкъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, нынѣ институтѣ, въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ. Считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей французскаго языка, такъ какъ зналъ хорошо и русскій, что для французовъ-преподавателей того времени было рѣдкостью. Въ 1821 г. приглашенъ былъ преподавателемъ французскаго языка и французской литературы въ въ Царскосельскій лицей въ званіи адъюнктъ-профессора, оставивъ при этомъ преподаваніе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1824 г. онъ получилъ званіе профессора, и ему поручено было преподаваніе какъ для младшаго, такъ и для старшаго возраста. Преподавателемъ тамъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 27 сентября 1830 г.

„Сѣверная Пчела“, 1830, № 120, стр. 1 (некрологъ).—В. В. Григорьевъ, „Импер. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“, Спб. 1870, стр. 52.—П. Плетневъ, „Первое двадцатипятилѣтіе Импер. С.-Петербургскаго университета“, Спб. 1844, стр. 65.—„Памятная книжка Импер. Александровскаго лицея на 1886 годъ“, Спб. 1886, приложенія, стр. 30.—А. Лоранскій, „Историческій очеркъ развитія Горнаго института“, Спб. 1873, стр. 48.—Селезневъ, „Историческій очеркъ импер. Александровскаго лицея 1811—1861 годовъ“, Спб. 1861, стр. 59, 84, 113, 261, 262.

Тилло, *Эдуардъ Ивановичъ*, извѣстный гидротехникъ, инженеръ-генералъ, предсѣдатель строительнаго комитета морского министерства, родился 12 августа 1820 г., умеръ 11 января 1893 г. въ Петербургѣ. 3 ноября 1834 г. поступилъ въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища, изъ которой, произведенный сначала въ полевые инженеръ-прапорщики, затѣмъ въ подпоручики, въ 1838 г. перешелъ въ «верхній» офицерскій классъ того же училища. 29 августа 1839 г. Т. окончилъ курсъ и былъ выпущенъ на дѣйствительную службу въ инженерный корпусъ. Въ чинѣ поручика (съ 14 іюня 1842 г.) онъ въ 1845 г. былъ причисленъ къ кронштадтской инженерной командѣ, изъ которой три года спустя, уже въ чинѣ штабсъ-капитана (съ 14 сентября 1847 г.), былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ морской строительной части съ зачисленіемъ въ петербургскую инженерную команду. Въ 1849 г. Т. впервые получилъ болѣе или менѣе самостоятельную должность, въ которой можно было обнаружить и энергію, и присущую ему иниціативу,—завѣдывающаго работами и чинами инженерной команды въ Архангельскѣ, но вслѣдствіе неладовъ съ начальствомъ былъ принужденъ въ январѣ 1850 г. уволиться отъ всякой службы и перейти «къ статскимъ дѣламъ». Однако уже въ декабрѣ того же года состоялся обратный пріемъ его, на этотъ разъ въ кронштадтскую инженерную команду. Произведенный вскорѣ послѣ этого въ капитаны, онъ въ 1854 г. былъ назначенъ завѣдывающимъ работами по сооруженію канонерской гавани и редута на Лисьемъ носу. Во время нападенія англо-французскаго флота на Крон-

штадтъ Т. долгое время находился на фортѣ «Князь Меньшиковъ», распоряжаясь нѣкоторыми срочными, вызываемыми необходимостью инженерными работами. Нѣсколько позже, именно 4 апрѣля 1856 г., за отличіе при этой защитѣ онъ былъ повышенъ въ чинъ подполковника. Въ 1856 г. состоялась его командировка въ Западную Европу для собранія свѣдѣній по устройству различныхъ морскихъ сооруженій. Объѣздивъ Францію, Австрію, Пруссію, Голландію и Бельгію, Т. осмотрѣлъ и изучилъ постройку цѣлаго ряда доковъ, эллинговъ, водопроводовъ и т. п., и по возвращеніи въ 1858 г. былъ назначенъ командиромъ петербургской инженерной команды. Заграничная поѣздка дала ему знакомство съ новѣйшими усовершенствованіями какъ въ гидротехникѣ, такъ и въ области военнаго инженернаго искусства, обогатила его запасомъ разнообразнѣйшихъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, касающихся его спеціальности, что и обнаружено имъ было въ небольшой, но талантливо составленной рецензіи на книгу Charles Byrn'a, «On the construction of breakwators, for harbours simily situated as the one at Dover», напечатанной въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1859 г. Обширная эрудиція обратила на него вниманіе, и 6 декабря 1859 г., вмѣстѣ съ переводомъ въ военные инженеры, онъ былъ назначенъ помощникомъ строителя Кронштадтской крѣпости. Успѣшность работъ по этому сооруженію доставила Т. въ 1861 г. полковничій чинъ и назначеніе исправляющимъ должность командира Петербургскаго инженернаго округа, которымъ онъ состоялъ до 17 августа 1865 г., когда, до того произведенный въ генералъ-маіоры, былъ перемѣщенъ вице-директоромъ главнаго инженернаго управленія. Въ 1869 г. Т. былъ командированъ въ Египетъ въ качествѣ представителя отъ Россіи для присутствованія при открытіи Суэцкаго канала, причемъ воспользовался случаемъ для осмотра и изученія этого въ своемъ родѣ единственнаго сооруженія; результаты собранныхъ матеріаловъ и свѣдѣній были изложены имъ въ обширной статьѣ, подъ заглавіемъ «Суэцкій каналъ», напечатанной въ «Инженерномъ Журналѣ» за 1870 г. (№№ 4 и 5). Въ 1871 г. онъ получилъ новую командировку въ Амстердамъ и другіе порты Западной Европы для изученія гидротехническихъ сооруженій, и свое пребываніе въ Амстердамѣ использовалъ для всесторонняго изученія тамошняго морского канала, описаніе котораго дано имъ въ трудѣ «Амстердамскій морской каналъ», помѣщенномъ въ томъ же журналѣ за 1872 г. (№ 4). Во время пребыванія въ Австріи онъ былъ удостоенъ ордена Франца-Іосифа, а по возвращеніи въ Россію награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. и 30 августа 1873 г. за отличіе произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ декабрѣ 1876 г. Т. былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ морской строительной части съ назначеніемъ предсѣдателемъ строительнаго отдѣленія морского техническаго комитета. Основнымъ стремленіемъ его въ качествѣ начальника корпуса инженеровъ было—придать этому учрежденію исключительно военную организацію. Въ теченіе 1880—1882 гг. онъ совершилъ рядъ поѣздокъ въ Англію, въ Керчь-Еникале, Севастополь, Николаевъ и въ рядъ другихъ пунктовъ Азовскаго и Чернаго морей, въ Англію—съ цѣлью ознакомиться съ усовершенствованіями въ сооруженіи маяковъ, и на югъ Россіи—преимущественно съ цѣлью осмотрѣть, испытать и провѣрить дѣйствіе существовавшихъ маяковъ. Ордена Бѣлаго Орла и Александра Невскаго были его наградою за успѣшно выполненное порученіе. Въ 1884 г. Т. получилъ новое назначеніе — членомъ-представителемъ отъ морского министерства въ совѣтѣ министерства путей сообщенія; оставаясь въ прежней должности. Еще до этого онъ началъ принимать участіе въ главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, сначала въ званіи члена, затѣмъ вице-предсѣдателя общества, и въ теченіе болѣе чѣмъ 10 лѣтъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ въ разрѣшеніи разнообразныхъ техническихъ вопросовъ, причемъ нѣкоторыя сооруженія особой важности велись подъ личнымъ его наблюденіемъ. Съ преобразованіемъ морского министерства въ 1886 г. Т. занялъ должность предсѣдателя морского строительнаго (нынѣ техническаго) комитета и въ ней оставался до самой отставки, послѣдовавшей 1 мая 1889 г. За сооруженіе Алексѣевскихъ доковъ въ Кронштадтѣ онъ удостоился особой Высочайшей благодарности и брилліантовыхъ знаковъ ордена св. Александра Невскаго (въ 1887 г.), а 4 декабря 1888 г. за отличіе былъ произведенъ въ инженеръ-генералы. Слѣдуетъ отмѣтить, что подъ

руководствомъ Т. были произведены важныя работы по расширенію портовыхъ сооруженій въ Балтійскомъ морѣ и Великомъ океанѣ и особенно при устройствѣ новаго Севастопольскаго порта. Ему принадлежитъ рядъ научныхъ сочиненій и статей, преимущественно по гидротехникѣ, изъ которыхъ, помимо упомянутыхъ, вниманія заслуживаетъ его «Проектъ огражденія Петербурга отъ наводненій», законченный имъ всего за два дня до смерти.

„Общій морской списокъ", ч. XII, Спб. 1900, стр. 26—29.—„Правительственный Вѣстникъ", 1893, № 10.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Эфрона, 1-е изд. т. 33, Спб. 1903, стр. 175.—„Историческій Вѣстникъ", 1889, январь, стр. 248 (о его юбилеѣ); 1893, февраль, стр. 650 (некрологъ).

Тильманъ, *Карлъ Андреевичъ* (Karl Henrich), тайный совѣтникъ, лейбъ-окулистъ, писатель по медицинѣ, сынъ бѣдныхъ родителей, родился 7декабря 1802 г. въ г. Николаи, въ Верхней Силезіи. Изучалъ въ Бреславльскомъ университетѣ сначала филологію, а затѣмъ медицину. Хотя онъ прослушалъ весь курсъ медицинскаго факультета, однако, вслѣдствіе несчастливо окончившейся дуэли, принужденъ былъ оставить университетъ въ Бреславлѣ еще до выдержанія имъ окончательныхъ экзаменовъ съ званіемъ помощника хирурга. Въ 1827 г. Т. пріѣхалъ въ Петербургъ и занялъ мѣсто домашняго учителя въ семьѣ лейбъ-окулиста доктора Лерхе, бывшаго тогда директоромъ Петербургскаго глазного госпиталя. Здѣсь Т. получилъ возможность пополнить свое медицинское образованіе, причемъ онъ главнымъ образомъ совершенствовался въ леченіи глазныхъ болѣзней. Въ 1831 г. Т. представилъ въ Дерптскій университетъ удостовѣреніе о выслушаніи имъ всего курса медицинскаго факультета, выданное ему Бреславльскимъ университетомъ, послѣ чего допущенъ былъ къ окончательнымъ экзаменамъ изъ естественныхъ наукъ, которые и выдержалъ съ успѣхомъ. Въ 1832 г. онъ въ Дерптскомъ же университетѣ получилъ степень доктора медицины за представленную имъ диссертацію: «Veterum opiniones de angiologi atque sanguinis motu inde ab antiquissimis temporibus usque ad Galenum enarratae sive questio utrum sanguinis circulatio veteribus innobuerit nec ne?» (Dorpati 1832). По возвращеніи въ Петербургъ Т. принятъ былъ на службу морскимъ врачемъ въ одномъ изъ флотскихъ экипажей. Здѣсь онъ пріобрѣлъ славу хорошаго окулиста удачнымъ леченіемъ эпидеміи воспаленія глазъ, возникшей въ томъ году въ военныхъ госпиталяхъ столицы. Благодаря этому онъ приглашенъ былъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ качествѣ ординатора Ораніенбаумскаго морского госпиталя, въ 1833 г. Въ 1837 г. Т. переведенъ былъ главнымъ врачемъ Петропавловской больницы. Здѣсь онъ особенно интересовался леченіемъ тифа и холеры. Наблюденія, которыя Т. дѣлалъ при леченіи тифа, и выводы, къ которымъ онъ пришелъ, были изложены имъ въ сочиненіи «Der Darmtyphus, beobachtet im Jahre 1840 im Peter-Paul Hospital zu Petersburg» (Leipzig 1841). Леченіе холеры привело его къ изобрѣтенію особыхъ противохолерныхъ капель, пользовавшихся извѣстностью. Съ 1844 г. Т. вмѣстѣ съ Гейне и Кребелемъ сталъ издавать газету «Medicinische Zeitung Russlands», которую онъ редактировалъ до 1860 г. Въ ней онъ напечаталъ до 60 статей, главнымъ образомъ по офтальмологіи и частной патологіи. Въ 1851 г. Т. получилъ званіе лейбъ-окулиста. Умеръ онъ 14 августа 1872 г.

М. Лещинскій, „К. А. Тильманъ", Спб 1874. — „Иллюстрированная Газета", 1872 № 33.—„Allgemeine deutsche Biographie", Leipzig 1894, Bd. XXXVII, 759.—Hasselblatt, „Album Academicum der Universität Dorpat", Dorpat 1867, § 131, № 2913.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы", Спб. 1889, т. II, стр. 22, 389.—„Энциклопедич. словарь" Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 177.

Тимаевъ, *Матвѣй Максимовичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, педагогъ, инспекторъ классовъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго училища, родился въ Ревелѣ 6 ноября 1796 г. Первоначально воспитывался въ Устюгѣ, гдѣ отецъ его служилъ по лѣсному вѣдомству въ качествѣ форстмейстера, затѣмъ поступилъ въ Вологодскую губернскую гимназію, по окончаніи курса которой въ 1811 г., какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ, отправленъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Петербургскій Педагогическій институтъ. Здѣсь Т. занимался изученіемъ по преимуществу философіи, словесныхъ и государственныхъ наукъ. Въ Педагогическомъ институтѣ онъ провелъ 5 лѣтъ и

по окончаніи курса въ 1816 г. командированъ былъ заграницу вмѣстѣ съ тремя другими студентами того же института, Свенске, О. Ободовскимъ и Ѳ. Буссе, для изученія различныхъ методовъ начальнаго образованія, господствовавшихъ въ то время въ Западной Европѣ, въ особенности же метода взаимнаго обученія Белля и Ланкастера. Это было время, когда въ правящихъ кругахъ дѣлались попытки къ лучшей постановкѣ народнаго образованія. Наибольшими симпатіями и въ руководящихъ кругахъ правительства и въ обществѣ пользовался методъ взаимнаго обученія, впервые предложенный англійскимъ педагогомъ Ланкастеромъ въ концѣ XVIII столѣтія и получившій быстрое распространеніе въ Западной Европѣ. Министерство народнаго просвѣщенія предполагало въ широкихъ размѣрахъ примѣнить этотъ методъ къ начальному образованію. Вопросъ этотъ обсуждался въ печати, было организовано частное общество, имѣвшее своей задачей устройство начальныхъ школъ сообразно этому методу, и самъ государь серьезно имъ интересовался. По его распоряженію и были отправлены заграницу студенты Педагогическаго института. Прежде всего они направились въ Лондонъ, гдѣ ими руководилъ секретарь русскаго посольства Штрандманъ и англичанинъ Гердъ, готовившійся къ отъѣзду въ Россію по приглашенію канцлера графа Румянцева для введенія въ его помѣстьяхъ метода взаимнаго обученія. Здѣсь студенты ознакомились съ постановкой обученія по методу Ланкастера въ центральной школѣ (Central School of the British and Foreign School Society), служившей образцомъ для всѣхъ школъ этого типа, и затѣмъ съ центральной школой, организованной по методу взаимнаго обученія Белля, и съ нѣкоторыми другими лондонскими учебными заведеніями. Изъ Лондона они отправились путешествовать по всей Англіи и Шотландіи и осмотрѣли нѣсколько наиболѣе выдающихся школъ. Позже они побывали въ Парижѣ, гдѣ осматривали мѣстную Ланкастерскую центральную школу и ознакомились съ методомъ аббата Готье, и въ Швейцаріи, гдѣ знакомились съ земледѣльческой школой Фелленберга въ Гофвилѣ, потомъ посѣтили Фрейбургъ, гдѣ находилась школа монаха Жирара, и побывали въ Ивердюнѣ, гдѣ познакомились съ методами преподаванія и пріемами воспитанія Песталоцци. Въ серединѣ 1819 г. студенты получили приказаніе вернуться въ Россію и на обратномъ пути осматривали наиболѣе замѣчательныя учебныя заведенія Германіи, посѣтивъ Висбаденъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Галле и Берлинъ.

Вынесенныя изъ заграничной поѣздки свѣдѣнія Т. почти не пришлось примѣнить къ дѣлу, такъ какъ въ правительственныхъ кругахъ къ Ланкастерскому методу охладѣли уже къ тому времени. Ему поручено было, впрочемъ, составить таблицы по Ланкастерскому методу, и Т. дѣйствительно въ 1821 г. составилъ 8 таблицъ для чтенія, 6 таблицъ славянскихъ и 19 ариѳметическихъ. По окончаніи этой работы онъ былъ назначенъ преподавателемъ во вновь учрежденный учительскій институтъ, причемъ взялъ на себя по собственному выбору преподаваніе исторіи и кромѣ того обучалъ воспитанниковъ института декламаціи. Къ этому же времени Т. опредѣленъ былъ въ качествѣ преподавателя ариѳметики во вновь учрежденный военно-учительскій институтъ, который предназначался къ образованію учителей для нижнихъ чиновъ военнаго званія; въ этомъ учебномъ заведеніи онъ преподавалъ недолго, такъ какъ въ 1822 г. оно по распоряженію Аракчеева переведено было въ село Грузино. Когда въ 1823 г. учительскій институтъ былъ преобразованъ въ 3-ю Петербургскую гимназію, Т. утвержденъ былъ при ней старшимъ учителемъ исторіи. Въ этомъ же году начинается педагогическая дѣятельность его при женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, состоящихъ подъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны: 11 августа 1823 г. онъ былъ опредѣленъ учителемъ переводовъ въ училище ордена св. Екатерины, а въ 1824 г. назначенъ на службу въ классы Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ въ качествѣ преподавателя исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Т. съ 1825 г. назначенъ былъ преподавателемъ русской словесности въ Артиллерійское училище. 12 ноября 1827 г. онъ опредѣленъ былъ на должность помощника инспектора классовъ при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, а 1 декабря того же года—на ту же должность при училищѣ св. Екатерины. Съ назначеніемъ на эти должности Т. въ

виду обилія обязанностей принужденъ былъ отказаться отъ должности преподавателя исторіи при гимназіи. Въ 1828 г. онъ назначенъ адъюнктомъ всеобщей и русской исторіи при Главномъ Педагогическомъ институтѣ, гдѣ пробылъ до 1 августа 1832 г. Т. также преподавалъ русскую исторію нѣкоторымъ членамъ Императорской фамиліи: въ 1833 г. великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, въ 1837 г. (исторію и географію) великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, въ 1840 г. принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской, тогда невѣстѣ, а впослѣдствіи супругѣ Александра II, въ 1841 г. великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. Въ награду за свои занятія съ членами Императорской фамиліи онъ 1 іюля 1839 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника, а за занятія съ великой княжной Маріей Николаевной ему назначена была пожизненная пенсія въ тысячу рублей ежегодно и такая же пенсія по прекращеніи преподаванія русской исторіи великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Въ 1845 г. Т. назначенъ былъ членомъ учебнаго комитета, учрежденнаго при IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи для разсмотрѣнія учебныхъ пособій и установленія большаго единства въ Маріинскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда въ маѣ 1849 г. при Александровскомъ училищѣ былъ учрежденъ спеціальный педагогическій классъ, Т. назначенъ былъ инспекторомъ его. На актѣ по поводу послѣдовавшаго черезъ годъ перваго выпуска спеціальнаго педагогическаго класса (14 апрѣля 1850 г.) имъ прочитанъ былъ докладъ «О началахъ воспитанія вообще и началахъ воспитанія, принятыхъ въ спеціальномъ классѣ, въ особенности». Вскорѣ послѣ этого ему поручено было организовать учебную часть въ Павловскомъ институтѣ согласно съ началами вновь изданнаго для этого института устава. 25 августа 1851 г. Т. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Т. составилъ нѣсколько учебныхъ пособій, главнымъ образомъ по исторіи и словесности. Пособія эти въ то время приняты были въ качествѣ руководствъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно вѣдомства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и нѣкоторыя изъ нихъ выдержали много изданій въ томъ числѣ и посмертныя. Ему принадлежитъ составленіе слѣдующихъ учебниковъ и пособій: «Начертаніе курса изящной словесности» (Спб. 1833), представляющее собой конспектъ по теоріи и исторіи литературы къ курсу, читавшемуся имъ въ женскихъ институтахъ; «Тетрадь сокращенной русской грамматики» (Спб. 1839); «Histoire universelle, cours préparatoire à l'usage de la commutant Impériale des demoiselles» (2-е изд., Спб. 1843); «Программа преподаванія всеобщей русской исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ» (Спб. 1855); «Тетрадь всеобщей географіи», приготовительный курсъ (Спб. 1841; 8-е изд. 1863), предназначенный для начальнаго преподаванія и приспособленный къ дѣтскому пониманію. Напечатана его рѣчь, произнесенная 5 апрѣля 1856 г. на актѣ выпуска изъ спеціальнаго педогогическаго класса при Александровскомъ училищѣ: «Объ отношеніяхъ науки и жизни» (Спб. 1856). Въ рукописи послѣ Т. сохранился его дневникъ, содержащій подробное описаніе заграничной командировки, и два краткихъ руководства, одно по древней, а другое по средней исторіи. Педагогическая дѣятельность Т. продолжалась до самой смерти, послѣдовавшей отъ паралича 27 февраля 1858 г.

К. Свенске, „Воспоминанія о М. М. Тимаевѣ“, „Журналъ для Воспитанія“, 1859, т. V, стр. 18—37.—Г. Геннади, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1858 году“, „Библіографическія Записки“, 1861, т. 3, № 4, стр. 125—126.—„Энциклопедич. словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 178.—С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. 1802—1902“, Спб. 1902, стр. 145.—А. Вороновъ, „Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго округа съ 1829 по 1853 годъ“, Спб. 1854, стр. 324, примѣч. 2.—„Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго института съ 1828 по 1859 годъ“, Спб. 1859, стр. 29.—„Актъ двадцатипятилѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго института“, Спб. 1853, стр. 7, 13, 43, 102.—А. Смирновъ, „Обозрѣніе двадцатипятилѣтія Главнаго Педагогическаго института“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1854, ч. LXXXI, стр. 37.—„Русская Старина“, 1870, т. II, стр. 145.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1859 годъ“, Спб. 1868, стр. 106, № 1916.—„Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, изданіе М. Д. Ольхина, Спб. 1846, стр. 207, № 4322.

Тиманъ, *Иванъ Карловичъ* (Johann-Wilhelm-Ludwig), дѣйствительный статскій

совѣтникъ, лейбъ-медикъ, московскій уроженецъ, сынъ лекаря, родился въ іюнѣ 1761 г. Учился въ Московскомъ университетѣ, потомъ въ Московскомъ госпиталѣ, а въ іюнѣ 1775 г. уволенъ былъ за границу, гдѣ въ разныхъ университетахъ слушалъ курсъ медицинскихъ наукъ и въ іюнѣ 1781 г. удостоенъ званія доктора медицины. По возвращеніи въ Россію онъ въ декабрѣ того же года подвергся экзамену при медицинской коллегіи и получилъ право практики въ Россіи. Въ мартѣ 1782 г. его опредѣлили докторомъ въ г. Софію, Петербургской губ., откуда въ скоромъ времени перевели въ Петербургскій уѣздъ. Т. просился на службу при арміи и въ мартѣ 1784 г. опредѣленъ дивизіоннымъ докторомъ пограничной дивизіи въ Крыму. Отсюда онъ въ 1785 г. переведенъ былъ въ Елисаветградъ, въ 3-ю дивизію. Въ февралѣ 1787 г. былъ уволенъ по болѣзни въ отставку, но вскорѣ вновь принятъ на службу и назначенъ генеральнымъ штабъ-докторомъ Екатеринославской губ. Т. находился безотлучно въ Яссахъ при князѣ Г. А. Потемкинѣ и пользовался расположеніемъ и покровительствомъ со стороны послѣдняго. Здѣсь онъ своею властью произвелъ 11 подлекарей въ лекари и нѣсколько цирюльниковъ въ подлекари, не понеся за это никакой кары. 12 февраля 1792 г. Т. по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ придворнымъ докторомъ. Назначеніе это подтверждено было указомъ Павла I отъ 20 февраля 1797 г. Въ должности лейбъ-медика онъ оставался до самой своей смерти. Умеръ 30 января 1831 г.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. CCCVII—CCCVIII.—Д. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. II, стр. 1745.—С. Н. Шубинскій, „Историческіе очерки и разсказы“, Спб. 1893, стр. 278, 280.—„Общій медицинскій списокъ“ на 1810 г., стр. 102.—„Русская Старина“, 1875, т. 13, стр. 140; т. 14, стр. 247.

Тимашевскій, *Орестъ Исааковичъ*, академикъ живописи, историческій живописецъ и жанристъ, по происхожденію крестьянинъ, вольноотпущенный помѣщика Булгакова, родился въ 1822 г. Обучался въ академіи художествъ въ качествѣ вольноприходящаго ученика, находясь въ числѣ учениковъ Ѳ. Бруни. За время пребыванія въ академіи получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ и большую серебряную за картину, изображающую двухъ дѣвушекъ. При окончаніи курса академіи, въ сентябрѣ 1850 г., награжденъ былъ малой золотою медалью за написанную по заданной программѣ картину «Возвращеніе блуднаго сына въ отеческій домъ»; эта же картина дала ему званіе класснаго художника. Въ слѣдующемъ году Т. представилъ написанную на предложенную академіей тему картину «Первые христіанскіе мученики при св. Владимирѣ, св. Ѳеодоръ и Іоаннъ, пострадавшіе въ Кіевѣ въ 983 году»; за нее онъ получилъ большую золотую медаль и отправленъ былъ за границу въ качествѣ пенсіонера академіи въ 1852 г.; картина эта находится въ картинной галлереѣ академіи. Изъ Рима Т. прислалъ лѣтомъ 1859 г. картину «Римскій народный праздникъ», которая первоначально помѣщена была на выставкѣ общества поощренія художниковъ, а затѣмъ перевезена въ музей академіи. Эта картина доставила ему въ 1860 г. званіе академика. Въ 1864 г. Т. возвратился въ Россію и умеръ въ Петербургѣ въ 1866 г.

А. Сомовъ, „Картинная галлерея академіи художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи“, Спб. 1879, стр. 78—79, 218.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. академіи художествъ за 100 лѣтъ ея существованія“, Спб. 1866, т. III, стр. 90, 93, 96, 130, 132, 145, 146, 157, 164, 216, 336, 350, 355, 386, 439, 447.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, т. II, стр. 448, № 25709.

Тимашевъ, *Алексѣй Ивановичъ*, контръ-адмиралъ, потомъ генералъ-лейтенантъ. Служилъ въ Балтійскомъ флотѣ. Въ 1790 г., въ чинѣ капитана 1-го ранга командуя 66-пушечнымъ корветомъ «Побѣдоносецъ», участвовалъ въ Ревельскомъ сраженіи 2 мая и, за отличіе въ немъ, былъ награжденъ золотою шпагой съ надписью «За храбрость». 25 мая въ составѣ эскадры адмирала В. С. Чичагова подошелъ къ острову Сескарь, изъ-подъ котораго русскія суда принудили удалиться въ глубь Выборгской бухты шведскую эскадру герцога Зюдерманландскаго. 22 іюня участвовалъ въ Выборгскомъ сраженіи. Его корвету въ этотъ день сдался шведскій корабль «Финландъ» съ 56 пушками и 390 чел. команды. За это отличіе Т. быть произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени.

Въ 1794 г., повышенъ въ контръ-адмиралы и въ 1803 г. вмѣсто повышенія былъ переименованъ въ генералъ-лейтенанты. Годъ смерти неизвѣстенъ: въ 1823 г. упоминается еще въ живыхъ.

Шишковъ, „Военныя дѣйствія русскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 гг.“, стр. 156, 157, 214—216.—Головачевъ, „Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ съ шведами въ 1790 г.“, стр. 57, 77, 78.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1893, стр. 94, 96, 138, 176, 205, 210.

Тимашевъ, *Егоръ Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, оренбургскій губернскій предводитель дворянства, родился въ 1791 г.; службу началъ юнкеромъ въ Оренбургскомъ драгунскомъ полку и черезъ два года (1811) произведенъ въ корнеты съ переводомъ въ Сумскій гусарскій полкъ, въ которомъ получилъ боевое крещеніе, причемъ за боевыя отличія подъ Лейпцигомъ и Провіансомъ получилъ два чина, ордена Св. Анны и Св. Владиміра 4-й степени; въ 1817 г. вернулся въ Оренбургъ съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ; въ 1819 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ съ оставленіемъ въ должности адъютанта, каковую исполнялъ до назначенія въ 1822 г. управляющимъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ; въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ полковники съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Въ 1831 г. вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ въ обширныхъ своихъ имѣніяхъ; начиная съ 1833 г., былъ избираемъ дворянствомъ въ теченіе пяти трехлѣтій губернскимъ предводителемъ дворянства. По избраніи на третье трехлѣтіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ каковымъ чиномъ и вышелъ въ 1845 г. въ отставку. Онъ владѣлъ 2.519 душъ крестьянъ въ девяти деревняхъ Оренбургскаго уѣзда и 152.000 десятинъ земли, не считая недвижимостей въ г. Оренбургѣ. Его сынъ Александръ былъ впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Боевой формуляръ Т. за періодъ 1812—1814 гг. указываетъ на многочисленныя дѣла и сраженія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, будучи молодымъ офицеромъ: 1812 г.—15 іюля подъ Витебскомъ, 16 іюля при отступленіи отъ Витебска до д. Полызовой, 18 іюля при д. Орлово, 26 іюля при д. Руднѣ, 6 августа въ прикрытіи батарей при г. Смоленскѣ, 7 августа при д. Лаврова, 9 августа при задержаніи натиска непріятеля во время переправы нашей арміи черезъ Днѣпръ, 15 августа при д. Семлевѣ, 17 августа при Вязьмѣ, 26 августа при Бородинѣ; 1813 г.—14 августа подъ Дрезденомъ, 16 августа при с. Фаленштейнъ, 17 августа при с. Цинвальдъ, 23 августа при с. Кинендорфъ, 24 августа при с. Петерсвальдъ, 25 августа при с. Готламбъ, 26 августа при Пирнѣ, 27 августа при м. Допау, 2 сентября при пораженіи непріятеля между д. Оберсвальдъ и с. Гисгюбель, 3 сентября въ дѣлѣ между сс. Гисгюбель и Голендорфъ, 4 сентября близъ с. Петерсвальде, 27 сентября при м. Борно, 2 октября при с. Вакхау, 4 и 6 октября въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ; 1814 г.—13 января при с. Фонтенѣ, 17 января въ составѣ партизанскаго отряда генералъ-маіора Сеславина подъ городомъ Бріенъ ла Шато, 1 февраля въ занятіи города Монтаржи, 3 февраля подъ г. Нетивьеръ, 5 февраля подъ г. Бельгардъ (раненъ пулей въ ногу), 6 февраля подъ г. Арельсонъ, 11 февраля при Баръ-сюръ-Сенъ, 14 февраля при с. Лафертѣ, 16 февраля при с. Вальеръ, 9 марта при г. Арсисѣ, 13 марта при г. Вольнаксъ, 15 марта подъ г. Провансомъ (произведенъ въ ротмистры и получилъ отъ Императора Австрійскаго орденъ Св. Леопольда малаго креста, а отъ Короля Баварскаго орденъ Св. Максимиліана).

Московское отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба. Дѣло 3 стола отдѣленія Инспекторскаго департамента военнаго министерства за 1845 годъ, № 526, связка 1431.—„Столѣтіе военнаго министерства“, т. XI, ч. 2, прил., стр. 230. *М. П.*

Тимашевъ, *Иванъ Ивановичъ*, изъ дворянъ Астраханской губерніи, родился 27 декабря 1813 г.; воспитаніе получилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, причемъ какъ отличнѣйшій по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ записанъ на мраморную доску; выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ (1831), въ которомъ служилъ до 1845 г., когда былъ командированъ въ Павловскій кадетскій корпусъ для испытанія и перевода въ оный впослѣдствіи. Въ 1848 г. былъ произведенъ въ полковники съ переводомъ

во 2-й кадетскій корпусъ и въ томъ же году—въ Дворянскій полкъ. Здѣсь онъ пробылъ около года и вернулся въ строй, въ Полтавскій пѣхотный полкъ, изъ котораго былъ командированъ (1850) въ Образцовый пѣхотный полкъ «для принятія въ ономъ правилъ фронтовой службы». Пробывъ годъ въ командировкѣ, Т. распоряженіемъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса былъ назначенъ командовать баталіономъ въ Алексопольскомъ егерскомъ полку, но и тамъ пробылъ недолго, такъ какъ вскорѣ назначенъ командующимъ пѣхотнымъ графа Дибича-Забалканскаго полкомъ. За отличія въ сраженіяхъ во время Восточной войны былъ произведенъ (1855) въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ по арміи въ запасныхъ войскахъ, но черезъ три года назначенъ непремѣннымъ президомъ комиссіи военнаго суда при Петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ, на каковой должности и скончался 16 января 1864 г.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло № 41 министерства военнаго, департамента инспекторскаго, отд. 3, столъ 3.

Тимашевъ-Берингъ, *Алексѣй Александровичъ*, изъ дворянъ Калужской губерніи, родился въ 1812 г. въ г. Задонскѣ, куда родители его удалились изъ Калуги вслѣдствіе вторженія Наполеона. Съ домашнимъ воспитаніемъ поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-Кирасирскій полкъ, гдѣ въ слѣдующемъ 1831 г. произведенъ въ корнеты за участіе въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ: подъ Сіядовымъ и при с. Рудкахъ (8 мая), въ сраженіи при Желткахъ (9 мая), въ авангардномъ дѣлѣ между Замосцемъ и Странсунемъ (14 мая); участвовалъ еще 24 іюля въ стычкѣ при с.с. Недаровомъ и Божаловомъ, 25 и 26 августа при штурмѣ Варшавы и съ 15 по 24 сентября въ преслѣдованіи остатковъ польской арміи до мѣстечка Припиглива. Въ кирасирскомъ полку Т. служилъ затѣмъ до 1839 г., когда въ чинѣ ротмистра былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру 6-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанту Нейдгардту, съ переводомъ въ Оренбургскій уланскій полкъ; съ назначеніемъ Нейдгардта командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса Т. послѣдовалъ за своимъ начальникомъ на Кавказъ и оставался тамъ до 1844 г., когда былъ переведенъ въ резервный армейскій № 25 эскадронъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ полицеймейстеромъ въ Москву, произведенъ на этой должности въ подполковники (1846) и полковники (1847), а затѣмъ перешелъ (1849) для особыхъ порученій къ московскому генералъ-губернатору. Пробывъ половину 1851 г. членомъ Московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, онъ вышелъ въ отставку для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника и тотчасъ былъ назначенъ московскимъ вице-губернаторомъ; черезъ три года снова былъ зачисленъ по кавалеріи полковникомъ съ назначеніемъ (12 мая 1854 г.) исправляющимъ должность московскаго оберъ-полицеймейстера; на этой должности онъ былъ произведенъ (1855) въ генералъ-маіоры; въ 1857 г. уволенъ по болѣзни отъ службы. Пробывъ 9 лѣтъ въ отставкѣ, Т. опять поступилъ на службу съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Съ этого времени онъ не имѣлъ опредѣленныхъ обязанностей, а исполнялъ различныя порученія: въ 1866 г. состоялъ членомъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи о дѣлателяхъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, а въ 1870 г.—предсѣдателемъ комиссіи по устройству тюремной части въ Москвѣ. Въ 1872 г. вторично вышелъ въ отставку и скончался въ томъ же году 7 ноября.

Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, дѣло 3 ст., 4 отд., 1872 г., № 40, стр. 9—16.—Некрологъ въ „Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 1872, № 49.

Тимирязевъ, *Богданъ Аѳанасьевичъ*, лихвинскій городовой дворянинъ, воевода. Въ 1628—1630 гг. Т. служилъ воеводой въ Перемышлѣ. Въ 1630 г.—воеводой въ Крапивнѣ. Въ 1632—1634 гг. воеводой въ Чернѣ; 10 іюля 1634 г. велѣно ему быть въ Москвѣ, а на его мѣсто въ Чернь посланъ Ѳедоръ Бунаковъ. Въ 1640 г. Т. снова служилъ воеводой въ Черни и въ 1642 г. снова въ Крапивнѣ. Съ марта 1652 г. по февраль 1656 г. воеводой въ Мосальскѣ; отъ времени его воеводства въ Мосальскѣ сохранились: отъ августа 1655 г. составленная Т. роспись «столникомъ и стряпчимъ и дворяномъ московскимъ и жильцомъ, которые по государеву указу, коихъ челобитье для болезни съ его государевой и(з) смоленска отпущены по древнямъ до срока до йльина дня нынешняго 163 году и ихъ самихъ и помѣстей и вот-

чиныхъ и крестьянъ въ мосалску і въ мосалскомъ уезде нетъ»; отъ 1655 г. же отписка о сборѣ рабочихъ подводъ, въ отвѣтъ на полученный имъ 24 февраля того же года указъ изъ Монастырскаго приказа; отъ 1656 г. черновая отписка Т. о наборѣ войскъ, въ коей Т. увѣдомляетъ государя, что согласно царской грамотѣ отъ 17 декабря 1655 г. о наборѣ охочихъ людей въ стрѣльцы онъ посылалъ «кликать во многихъ торгъ», однако никто не объявился, потому «что которыя стрелецкія и казачьи дети въ масалску и те все въ службѣ въ стрельцахъ і въ казакахъ, а иныхъ вольныхъ никакихъ людей въ мосалску и въ мосалкомъ уезде нетъ»; въ сохранившейся отпискѣ Данилы Племянникова государю отъ 1656 г. Племянниковъ извѣщалъ, что февраля съ 14 принялъ отъ Т. воеводство на Черни.

„Разрядныя книги по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ“, т. II, столб. 173, 270, 672, 673, 724.—„Временникъ Императ. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. IV, стр. 32.—„Русская Историческая Библіотека“, т. IX, стр. 563; X, 208, 222.—„Акты Московскаго Государства“, т. I, стр. 500.—„Калужскія Губернскія Вѣдомости“ за 1874 г., №№ 86, 87, 89, отдѣлъ „Калужская старина“.—„Извѣстія Калужской Ученой Архивной Комиссіи“ за 1898 г., вып. VII—VIII, стр. 17.—А. П. Барсуковъ, „Городовые воеводы Московскаго государства въ XVII столѣтіи“, стр. 115, 141, 170, 273.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 409.

Тимирязевъ, *Василій Аванасьевичъ*, воевода. Въ Кормленной книгѣ Костромской чети подъ 1616 г. значится, что Т. назначено было при царѣ Василіи Шуйскомъ денежнаго жалованья изъ чети 16 рублей, каковое жалованье и продолжаетъ ему выдаваться. Въ 1626 г. г. Т. посланъ былъ воеводой въ Перемышль на мѣсто князя Андрея Шаховскаго, отпущеннаго къ Москвѣ; въ Перемышлѣ оставался до 1628 г.; отъ 15 іюня 1626 г. сохранилась отписка Т. изъ Перемышля о наличномъ составѣ ратныхъ людей, снарядовъ и хлѣбныхъ запасовъ. Съ 1633 г. Т. служилъ осаднымъ головой въ Пронскѣ. Въ 1635 г. согласно наказу пронскимъ воеводамъ Ивану Федорову и Алексѣю Борзецову Т. долженъ былъ остаться воеводой въ Пронскѣ на случай, если названные воеводы пойдутъ по крымскимъ вѣстямъ на сходъ въ Крапивну; въ томъ же году Т. отпущенъ былъ къ Москвѣ, а на его мѣсто назначенъ Григорій Хитрой. Въ 1637 г. Т. посланъ на мѣсто Григорія Хитрого воеводой въ Пронскъ же; въ Пронскѣ оставался до 1639 г. Въ боярскихъ книгахъ подъ 1636 г. Т. значился дворяниномъ московскимъ.

„Разрядныя книги по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ“, т. I, столб. 1225, 1336; т. II. столб. 67, 793, 796. — „Дворцовые разряды“, т. I, столб. 733.—„Русская Историческая Библіотека“, т. IX, стр. 391, 530; т. X, стр. 84, 108; т. XV, стр. 56.—А. П. Барсуковъ „Списки городовыхъ воеводъ Московск. госуд. въ XVII столѣтіи“, стр. 170, 182.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 409.

Тимирязевъ, *Иванъ Семеновичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1791 г. Начавъ въ 1807 г. службу юнкеромъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, Т. на слѣдующій годъ перевелся въ конную гвардію, гдѣ произведенъ (1810) въ корнеты; съ полкомъ принялъ участіе въ Отечественной войнѣ, а по окончаніи ея былъ назначенъ адъютантомъ къ Цесаревичу Константину Павловичу, хорошо знавшему его по л.-гв. Конному полку, въ которомъ Т. былъ полковымъ адъютантомъ. Т. состоялъ при Цесаревичѣ до 1819 г., когда въ чинѣ полковника (съ 1816 г.) вышелъ въ отставку и пробылъ въ ней восемь лѣтъ, а затѣмъ вновь поступилъ на службу въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ. Въ 1829 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ. При возмущеніи въ Варшавѣ выступилъ съ полкомъ въ походъ и за отличіе при штурмѣ Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Въ 1834 г. Т. былъ назначенъ исправляющимъ должность астраханскаго военнаго губернатора и управляющимъ гражданской частью, въ 1835 г. утвержденъ въ должности, въ 1840 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1844 г. отчисленъ отъ должности и въ 1846 г. уволенъ въ отставку. Такая перемѣна была вызвана нареканіями на неправильныя дѣйствія Т. по должности губернатора, но сенаторская ревизія, произведенная княземъ Гагаринымъ, выяснила недоказанность предположеній, и дѣйствія Т. были подвергнуты разсмотрѣнію сената и окончательному обсужденію государственнаго совѣта, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 26 октября 1853 г., по которому Т. отъ

всякаго взысканія освобожденъ и принятъ вновь на службу съ назначеніемъ къ присутствованію въ сенатѣ.

Въ боевомъ формулярѣ упоминаются слѣдующія дѣла, въ которыхъ Т. принималъ участіе: 1812 г.—13 и 14 іюля подъ Витебскомъ, 4, 5 и 6 августа подъ Смоленскомъ, 26 августа при Бородинѣ, 6 октября подъ Тарутинымъ, 12 и 13 октября подъ Малымъ Ярославцемъ, 4, 5 и 6 ноября подъ Краснымъ; 1813 г.—20 апрѣля подъ Люценомъ, 8 и 9 мая подъ Бауценомъ, 17 августа подъ Кульмомъ (чинъ штабсъ-ротмистра), 4, 5 и 6 октября подъ Лейпцигомъ (золотая шпагу съ надписью «За храбрость»); 1814 г.—20 января при Бріенѣ, 13 марта подъ Фершампенгуазомъ, 18 марта при взятіи Парижа; 1830 г.—будучи начальникомъ аванпостовъ съ 17 по 20 ноября, захватилъ 70 мятежниковъ съ орудіемъ, 20 ноября при переправѣ черезъ Вислу подъ м. Пулавами, 5 декабря при переправѣ черезъ Бугъ; 1831 г.—13 февраля подъ Гроховымъ, 16 мая при переправѣ вплавь Буга у с. Гранны и у м. Цѣхановцы, 11 мая подъ м. Нуръ, 14 мая подъ Остроленкою, 11 іюля при м. Роціонже во время пораженія полкомъ и совершеннаго истребленія 2-го Краковскаго полка, 16 іюля при переправѣ черезъ Вислу у с. Немовы, 17 іюля, командуя отрядомъ, разбилъ мятежниковъ и обезоружилъ жителей въ г. Ленчицы, 25 іюля при г. Ловичѣ, 26 іюля подъ м. Балимовымъ, 3 августа въ м. Карваріи, 25 и 26 августа при штурмѣ Варшавы. Имѣлъ рядъ орденовъ, въ томъ числѣ св. Владимира 2-й, св. Георгія 4-й степени, Бѣлаго Орла, прусскій «За заслуги», австрійскій Леопольда, баварскій Максимиліана и персидскій Льва и Солнца.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, кн. № 28441, св. 600.

Тимковскій, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился въ 1802 г.; въ 1822 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ, въ которомъ и произведенъ 1 января 1825 г. въ корнеты. Въ 1832 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры и въ слѣдующемъ году перевелся маіоромъ въ Новгородскій кирасирскій полкъ, а черезъ два года—въ Малороссійскій кирасирскій; произведенный за отличіе въ подполковники и полковники Т. перевелся въ 1846 г. въ Бѣлгородскій уланскій полкъ и черезъ два года назначенъ его командиромъ. Въ 1853 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1857 г. зачисленъ въ запасныя войска, а въ 1861 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ увольненіемъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей полнаго содержанія. Т. участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 г., а именно въ сраженіяхъ при Желткахъ, Остроленкѣ, Старомъ Якацѣ и при штурмѣ Варшавы.

Формуляръ Общаго Архива Главнаго Штаба, дѣло 3 ст., 1 отд., 1861 г., № 285, ч. III, стр. 179—182.—„Сборникъ біографій Кавалергардовъ, 1801—1826 гг.“, стр. 398.

Тимковскій, *Василій Ѳедоровичъ*, гражданскій губернаторъ Бессарабской области, писатель, братъ слѣдующаго и Ивана, Ильи и Романа Ѳедоровичей, родился въ 1781 г. Первоначальное образованіе, подобно братьямъ, получилъ подъ руководствомъ монахинь Золотоношскаго Благовѣщенскаго монастыря. Съ дѣтства онъ предназначался родителями къ поступленію въ монашество, но въ Кіевской духовной академіи, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе, Т. увлекся литературой и воспротивился намѣренію родителей. На студенческой скамьѣ онъ занимался переводами изъ иностранныхъ языковъ и писалъ стихотворенія на духовныя и свѣтскія темы; нѣсколько его стихотвореній напечатано въ книгѣ «Радостныя чувствованія музъ» (Кіевъ 1796), которою академія привѣтствовала новаго кіевскаго митрополита Іероѳея. По окончаніи академическаго курса Т. нѣсколько лѣтъ жилъ, повидимому, въ небольшомъ родительскомъ имѣніи въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Въ 1804 г. появился въ печати его переводъ «Путешествія Морица по Англіи» (Москва) и два года спустя—«Жизнь графа Миниха» Галема (Москва 1806). Только въ 1810 г. онъ поступилъ на государственную службу—въ канцелярію государственнаго совѣта. Т. былъ человѣкомъ несомнѣнно весьма способнымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ знавшіе его (напр. М. Л. Максимовичъ), такъ и тѣ должности, которыя онъ занималъ: человѣкъ относительно безродный, онъ, съ самаго начала службы и долгое время въ теченіе ея, состоялъ для особыхъ порученій при вліятельныхъ лицахъ, а по-

рученія ему давались иногда исключительной важности. Въ канцеляріи государственнаго совѣта онъ состоялъ при предсѣдателѣ департамента государственной экономіи Н. С. Мордвиновѣ. Въ началѣ 1812 г. его взялъ къ себѣ бывшій тогда въ званіи государственнаго секретаря А. С. Шишковъ. Т. былъ постояннымъ спутникомъ и сотрудникомъ Шишкова во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи и Европѣ вслѣдъ за Императоромъ Александромъ I. Ему поручалось, между прочимъ, составленіе манифестовъ въ эпоху войнъ съ Наполеономъ. Позже Т. занималъ послѣдовательно должности: правителя канцеляріи при полномочномъ намѣстникѣ Бессарабской области, начальника обоихъ отдѣленій азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, предсѣдателя Оренбургской пограничной комиссіи. По просьбѣ главнокомандующаго въ Грузіи Ермолова онъ былъ командированъ къ нему для особыхъ порученій. Въ 1826 г. былъ назначенъ губернаторомъ Бессарабской области, каковымъ оставался до 1828 г. Умеръ Т. въ 1832 г.

Въ бытность чиновникомъ для порученій при бессарабскомъ намѣстникѣ Т. собиралъ матеріалы для исторіи этого края и использовалъ ихъ въ трудѣ «Исторія Бессарабіи» (написана въ 1816—1817 гг.), не напечатанномъ, такъ какъ рукопись погибла во время петербургскаго наводненія. М. А. Максимовичъ свидѣтельствуетъ о другой работѣ Т., историческомъ изслѣдованіи подъ названіемъ «Князь Курбскій», но о судьбѣ ея ничего неизвѣстно. Во время своихъ путешествій и поѣздокъ онъ велъ путевыя замѣтки и писалъ записки о Кавказѣ; рукописи эти тоже, повидимому, погибли. Видѣвшій ихъ М. А. Максимовичъ очень высокаго мнѣнія о ихъ достоинствахъ, также какъ и о талантахъ ихъ автора, о которыхъ онъ говоритъ: «Сила пера его нерѣдко уравнивалась съ силою его увлекательнаго изустнаго слова, въ которомъ я не зналъ ему равнаго».

П. В. Шунгуровъ, „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій“, „Кіевская Старина“, 1891, т. 34, стр. 215—216.—„Русскій Архивъ“, 1871, № 12, стр. 2108—2119.—„Энциклопед. словарь“ Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 183.

Тимковскій, *Егоръ Федоровичъ*, братъ предыдущаго, тайный совѣтникъ, родился 23 мая 1790 г. въ д. Егорской-Тимковщинѣ (Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи); начатки грамоты получилъ у монахинь Золотоношскаго Благовѣщенскаго монастыря, потомъ учился въ Кіевѣ и Переяславлѣ и высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. Въ 1813 г. поступилъ на службу въ главное управленіе путей сообщенніе, находившееся тогда въ Твери; съ переводомъ въ 1815 г. этого управленія въ Петербургъ на жительство туда переѣхалъ и Т. Занимая должность секретаря совѣта путей сообщенія, онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ разныхъ комитетовъ и комиссій по представляемымъ въ этотъ совѣтъ проектамъ и запискамъ. Въ 1820 г., по предложенію М. М. Сперанскаго, бывшаго тогда сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, Т. было поручено сопровождать въ Пекинъ вновь составленную во главѣ съ архимандритомъ Петромъ Каменскимъ духовную миссію и вывести изъ Пекина въ Россію прежнюю духовную миссію, начальникомъ которой былъ извѣстный синологъ Іакинфъ Бичуринъ. Т. выѣхалъ изъ Кяхты 31 августа 1820 г., а возвратился туда изъ Китая 1 августа 1821 г., причемъ 9 мѣсяцевъ изъ этого времени провелъ въ Пекинѣ. Свою поѣздку Т. использовалъ для многосторонняго изученія Китая, результатомъ котораго было изданное по Высочайшему повелѣнію на казенный счетъ трехтомное сочиненіе «Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ» (Спб. 1824). Въ первомъ томѣ этого сочиненія описывается караванный путь между Кяхтой и Пекиномъ, второй заключаетъ разнообразнѣйшія свѣдѣнія о Китаѣ, отчасти о Восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ и Кореѣ, и третій посвященъ описанію возвращенія въ Россію и общему обозрѣнію Монголіи съ точки зрѣнія исторической, географической, административной, этнографической и религіозной. Къ книгамъ приложены карта пройденнаго пути и нѣсколько плановъ и рисунковъ съ натуры. Книга Т. теперь устарѣла какъ въ фактическихъ данныхъ, такъ и въ своихъ выводахъ, но въ свое время представляла самое полное и обстоятельное собраніе свѣдѣній о Китаѣ. Достаточно сказать, что она была переведена на англійскій, нѣмецкій и французскій языки. Въ теченіе многихъ лѣтъ она была необходимѣйшимъ пособіемъ, даже настольною книгою для

всѣхъ изучавшихъ Китай. Въ теченіе своего относительно недолгаго пребыванія въ Китаѣ Т., конечно, не могъ собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя даны въ его книгѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что часть ихъ онъ почерпнулъ изъ бесѣдъ съ Бичуринымъ.— Другимъ послѣдствіемъ путешествія Т. въ Китай былъ пріѣздъ въ Россію Іакинфа Бичурина. Духовную миссію въ Пекинѣ Т. нашелъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Отягченное Наполеоновскими войнами, правительство, повидимому, совсѣмъ забыло объ этой миссіи, въ теченіе долгихъ лѣтъ не посылало туда содержанія, и Бичуринъ принужденъ былъ продать все, даже церковную утварь. Роль Т. въ смыслѣ избавленія Бичурина отъ этихъ обстоятельствъ не можетъ быть точно выяснена, но М. М. Сперанскій, очевидно, имѣлъ основаніе выразиться такъ: «Нашъ Тимковскій подарилъ Россіи два китайскихъ творенія: одно живое—отца Іакинфа, и другое живописное—свою книгу». По пріѣздѣ въ Россію Бичуринъ былъ преданъ суду по обвиненію въ разстройствѣ дѣлъ миссіи, осужденъ и заточенъ въ Валаамскій монастырь, и только въ значительной мѣрѣ благодаря ходатайству Т. былъ освобожденъ и могъ отдаться своимъ научнымъ работамъ. Еще важнѣе то содѣйствіе, которое Т. оказалъ Бичурину въ изданіи его книгъ, настоятельно рекомендуя азіатскому департаменту печатаніе ихъ на казенный счетъ,—этимъ онъ оказалъ важную услугу и русской синологіи.— По возвращеніи изъ Китая Т. въ ближайшіе годы служилъ начальникомъ отдѣленія въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1830 по 1836 г. былъ консуломъ въ Молдавіи. Утомленный службою, въ 1836 г. онъ вышелъ въ отставку и около 9 лѣтъ прожилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи въ Золотоношскомъ уѣздѣ, но въ 1845 г. вновь поступилъ на службу, занявъ должность начальника драгомановъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1852 г. назначенъ на должность управляющаго петербурскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ а съ 1866 г. служилъ членомъ совѣта этого министеретва и въ этой должности и умеръ 9 февраля 1875 г. Съ 8 мая 1846 г. Т. состоялъ дѣйствит. членомъ Императ. Географическаго общества. Въ «Кіевской Старинѣ» 1894 г. напечатаны «Воспоминанія» Т., доведенныя имъ до 1813 г. Въ нихъ много интересныхъ данныхъ о Московскомъ университетѣ, описанномъ Т. въ моментъ предъ нашествіемъ Наполеона и видѣннаго имъ также вскорѣ по уходѣ французовъ изъ Москвы.

К. А. Скачковъ, „Е. Ѳ. Тимковскій“, „Московскія Вѣдомости“, 1875, № 47 (до напечатанія этотъ біографическій очеркъ былъ читанъ на засѣданіи Импер. Географическаго общества).—Его же, „Еще о Е. Ѳ. Тимковскомъ“, тамъ же, 1875, № 66.—„Воспоминанія Е. Ѳ. Тимковскаго“, „Кіевская Старина“, 1894, т. 44 и 45 (съ предисловіемъ и краткимъ біографическомъ очеркомъ, составлен. Н. В. Шугуровымъ).—„Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Россійск.“, 1874, № 4, стр. 167 (краткая біографич. замѣтка О. М. Бодянскаго).—„Отчетъ Императ. Русскаго Географическаго общества за 1875 г.“, составл. И. И. Вильсономъ, Спб. 1876, отдѣлъ „Некрологи“.—„Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака Черепанова“, „Древняя и Новая Россія“, 1876, № 6, гл. 1.—„Въ память гр. М. М. Сперанскаго“, Спб. 1872, прилож. III (письма Сперанскаго къ Т.).—„Гражданинъ“, 1876, № 4.—„Календарь А. Гатцука“ на 1876, стр. 205.—„Русскій календарь“ А. С. Суворина на 1876 г.—„Энциклоп. словарь“ Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 183.

Тимковскій, *Иванъ Осиповичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ медицины, цензоръ, директоръ гимназій и училищъ Петербургской губерніи, родился въ 1768 г. Среднее образованіе получилъ въ Московской университетской гимназіи, куда вступилъ въ августѣ 1781 г. По окончаніи гимназіи принятъ былъ студентомъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета; въ ноябрѣ 1791 г. экзаменовался въ Петербургѣ при медицинской коллегіи, послѣ чего ему дано было право представить диссертацію. Вслѣдствіе болѣзни онъ воспользовался этимъ правомъ лишь черезъ $1^1/_2$ года, когда представилъ въ медицинскую коллегію диссертацію: «De structura ventriculi ejusque functione»; 19 декабря 1793 г. Т. признанъ былъ докторомъ модицины и назначенъ въ Московскій военный госпиталь сверхъ комплекта. Въ іюлѣ 1795 г. онъ назначенъ былъ врачемъ въ Иркутское намѣстничество. Пробывъ здѣсь $1^1/_2$ года, Т. соскучился и попросилъ о переводѣ въ Московскій военный госпиталь, хотя бы сверхъ штата и безъ жалованья, что и было удовлетворено въ сентябрѣ 1797 г. Въ февралѣ 1800 г. по собственной просьбѣ переведенъ былъ въ Петербургскій «физи-

катъ» безъ жалованья, которое онъ сталъ получать лишь съ 1802 г. Въ 1804 г. назначенъ былъ петербургскимъ цензоромъ и оставался въ этой должности до 1821 г. Онъ также завѣдывалъ больницами по обѣимъ столицамъ. Въ 1810 г. за усердіе по службѣ награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ. Въ 1811 г. назначенъ былъ смотрителемъ вольныхъ въ Петербургѣ пансіоновъ, а затѣмъ директоромъ гимназій и училищъ Петербургской губерніи, въ томъ же году опредѣленъ былъ также членомъ военной комиссіи учебныхъ пособій кантонистамъ поселенческихъ войскъ, а въ 1819 г.—членомъ совѣта по учебной части въ Петербургскомъ учительскомъ при университетѣ институтѣ. Со службы въ физикатѣ уволенъ въ 1827 г. Умеръ Т. въ Петербургѣ 4 апрѣля 1837 г. Перевелъ съ французскаго языка «Врачъ свѣтскихъ людей», соч. Тиссота (Москва 1792) и помѣстилъ въ «Pharmaceutische Zentralblatt» статью «Togurak-Seife» (1832, № 21). Пушкинъ упоминаетъ о Т. какъ цензорѣ въ одной эпиграммѣ: «Тимковскій царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ, что врядъ ли гдѣословъ найдешь подобныхъ двухъ...», и во «Второмъ посланіи къ цензору».

Некрологи за 1837 г.: „С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 82, и „Сѣверная Пчела“, № 79.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, стр. CCCIX.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886 г., тетр. 2, стр. 128.—„Общій медицинскій списокъ“ на 1809 г., стр. 94, и на 1810 г., стр. 20.—„Русская Старина“, 1872, т. 5, стр. 281; 1875, т. 13, стр. 476.—„Русскій Архивъ“, 1873, стр. 1039.—П. К. Щебальскій, „Матеріалы для исторіи русской цензуры“, „Бесѣды въ обществѣ любит. россійск. словесности“, 1871, вып. 3, стр. 10, 12. — В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, т. III, стр. 371.—Его же, „Сибирская библіографія“, Спб. 1890, т. II, стр. 227.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб. 1813 ч. 2, стр. 229, № 2671.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки В. Плавильщикова“, Спб. 1820, стр. 46, № 555.

Тимковскій, *Иванъ Ѳедоровичъ*, поэтъ и переводчикъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, братъ слѣдующаго и профессора Романа Ѳедоровича; учился въ Кіевской духовной академіи, окончилъ Московскій университетъ съ тремя медалями. Служилъ въ канцеляріи графа Воронцова, а потомъ въ комиссіи сочиненія законовъ. Умеръ молодымъ, на 30-мъ году. Т. переводилъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ и помѣщалъ свои оригинальныя стихотворенія и переводы въ повременныхъ изданіяхъ того времени. Въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» имъ помѣщено за 1796 г. «Къ пышной гробницѣ» (ч. XII, стр. 97); за 1797 г.: «Мысли прекрасной вдовы о цвѣтахъ», перев. съ нѣмецк. (ч. XIV, стр. 17), «Выписки изъ арабской рукописи» (ч. XIV, стр. 38), «Судъ», перев. съ нѣм. (ч. XIV, стр. 49), «Подобіе лица, истинное происшествіе въ Германіи» (ч. XV, стр. 49); за 1798 г.: «Пріятный вечеръ при лунномъ сіяніи», перев. съ нѣм. (ч. XIX, стр. 209), «Утро въ Вильденфельдѣ», перев. съ нѣм. (ibid, стр. 363), «Маркеллъ изъ Сиракузъ», изъ Т. Ливія, кн. XXV, гл. 24, (ibid., стр. 382), «Милый кавалеръ» (ч. XX, стр. 20), «Кончина Фокіонова» стих. (ibid., стр. 125), «Къ лунѣ», стих., (стр. 140). Въ «Ипокренѣ» за 1799 г.: «Сцены 31 декабря 1798 г.», стих. (ч. I, стр. 125), «Утомленный странникъ» (ibid., стр. 151). Свои журнальныя статьи подписывалъ сокращеннымъ именемъ *И-ъ Тмквск.* или *Т-й.* Кромѣ того Т. отдѣльно издалъ: «Природа и любовь», соч. Мильтенберга, перев. (Москва 1799), «Жизнь Екатерины Великой», соч. барона Танненберга (Москва 1801, 2-е изд. Спб. 1804), «Секретарь новый или полный письмовникъ, содержащій въ себѣ полное наставленіе, какъ должно образовать себя въ письменномъ слогѣ», 2 части (Москва 1801), «Полное собраніе сочиненій Геснера», 4 части (Москва 1802—1803).

„Кіевская Старина“, 1891, августъ, стр. 215.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 включ.“, Спб. 1875, стр. 771, 773, 774, 779, 780 и 816.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб. 1813—31, ч. 3, стр. 79 и 80, №№ 3977–3978; ч. 4, стр. 223, № 9040—9041; стр. 365, № 10186; стр. 464, № 11009; ч. 5, стр. 185, № 13103.—Г. Геннади, „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, Берлинъ 1880, т. II, стр. 373.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 163, № 2192; стр. 213, № 2813; стр. 485, № 6171; стр. 663, № 9288.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова“, — Спб. 1820, стр. 264, № 3097.—В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей“, — Спб. 1891, стр. 127.—„Энциклоп. словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 184.

Тимковскій, *Илья Ѳедоровичъ*, профессоръ россійскаго правовѣдѣнія Харь-

ковскаго университета, директоръ Новгородсѣверской гимназіи, педагогъ и писатель, родился 15 іюля 1772 или 1773 г. въ Переяславлѣ (Полтавской губ.). Въ 1777 г. семья Тимковскихъ переѣхала въ свое имѣніе въ Золотоношскую сотню, а затѣмъ въ село Згарское. Четыре года Т. обучался дома, нѣкоторое время вмѣстѣ съ сестрой и двоюродными братьями у монахинь Золотоношскаго Благовѣщенскаго женскаго монастыря, устроившихъ у себя нѣчто вродѣ маленькаго пансіона. Въ 1781 г. его опредѣлили въ Переяславльскую семинарію, а затѣмъ въ 1785 г. Т. поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Изъ академіи ежегодно поступало нѣсколько человѣкъ въ Московскій университетъ; они писали своимъ товарищамъ о профессорахъ, занятіяхъ въ университетѣ, московской жизни. Извѣстія эти побудили Т. по окончаніи академіи, въ сентябрѣ 1789 г., отправиться въ Москву и поступить въ университетъ. Университетскій курсъ Т. прошелъ блестяще. Онъ получилъ за представленныя сочиненія 2 серебряныя медали, въ 1790 и 1792 гг., по философскому факультету, и серебряную и золотую, въ 1793 и 1795 гг., по юридическому факультету. Больше всего Т. занимался правовѣдѣніемъ. «Кончивъ первый курсъ, — пишетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», — я предался правамъ и политикѣ, удержалъ только прикладную математику, по любви моей: знаніе побочное, но которое на вѣку часто было мнѣ пригодно». Будучи студентомъ, Т. сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ того времени, помѣщая стихи и статьи въ прозѣ, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, за подписью *И-я Тмквск.* Одно изъ его стихотвореній, помѣщенное въ № 1 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1797 г., обратило на себя вниманіе куратора университета, князя Ѳ. Н. Голицына. Т. помѣстилъ: въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» за 1796 г., въ ч. IX: «Изслѣдованіе природы», соч. Сенъ-Пьера (перев. съ франц.), «Къ отечеству» (ода), «Вольнодумецъ» (изъ Геллерта); въ ч. X: «Вкусъ», «Клариссѣ, любящей стихотворство». «Солнце» (изъ Сенъ-Пьера), «Добродѣтель», «Вѣнокъ» (изъ Гакгедорна), «Краснорѣчіе», «Бѣглецъ»; въ ч. XII: «Взглядъ на самого себя», «Къ потерянному сну», «Тоска по отечеству»; за 1797 г., въ ч. XIII: «Размышленіе о Богѣ», «Къ Тебѣ, предвѣчный сынъ»; въ ч. XIV: «Утро» (стих.); въ ч. XV: «Желаніе» (изъ Геснера, перев. съ нѣмецк.), Сонъ» (стих.), «Замыслы», «Изъ Гакгедорна», «Письмо», «Къ Аонидѣ»; въ «Новостяхъ» за 1799 г.: стих. «Вѣсть» (май) и «Утренняя прогулка» (августъ).

Въ 1797 г. Т. окончилъ курсъ университета. Въ это время генералъ-прокуроръ князь А. Б. Куракинъ обратился въ университетъ съ просьбой доставить ему двухъ свѣдущихъ правовѣдовъ; конференція въ числѣ этихъ двухъ выбрала и Т. Вначалѣ 1797 г. Т. уѣхалъ въ Петербургъ и 7 февраля того же года назначенъ преподавателемъ россійскаго правовѣдѣнія въ сенатскій юнкерскій институтъ, а въ 1801 г. опредѣленъ секретаремъ сената. Здѣсь имъ составлено было «Систематическое расположеніе законовъ россійскихъ», — первый опытъ систематизаціи русскихъ законовъ. За это сочиненіе онъ въ августѣ 1802 г. награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ, само же сочиненіе передано было въ комиссію сочиненія законовъ черезъ графа П. В. Завадовскаго. Послѣдній предложилъ ему поступить въ самую комиссію, но Т. отказался. Въ томъ же 1802 г., когда образованы были министерства, Т., по предложенію назначеннаго тогда министромъ юстиціи Г. Р. Державина, занялъ должность юрисконсульта при департаментѣ министерства юстиціи; здѣсь онъ составилъ, по порученію Державина, проектъ третейскаго совѣстнаго суда. Въ этой должности Т. пробылъ недолго, около 4 мѣсяцевъ. Въ январѣ 1803 г. онъ получилъ два предложенія: одно отъ Дерптскаго университета — занять въ качествѣ ординарнаго профессора каѳедру россійскаго правовѣдѣнія, другое отъ назначеннаго попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа графа С. О. Потоцкаго — сдѣлаться профессоромъ Харьковскаго университета, который еще предстояло открыть. Желая быть ближе къ родинѣ, онъ принялъ послѣднее предложеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ на него возложена была обязанность визитатора учебныхъ заведеній Харьковскаго округа. Въ іюнѣ 1803 г. Т. переселился въ Харьковъ. На его долю выпало немало труда въ дѣлѣ подготовленія открытія университета, такъ какъ В. Н. Каразинъ принужденъ былъ выѣхать изъ Харькова въ Петербургъ. Т. заботился о пріисканіи и приготовленіи

зданія для университета, о сборѣ пожертвованій и т. п. Въ мартѣ 1804 г. съ пріѣздомъ Потоцкаго былъ образованъ комитетъ университета, въ который вошелъ и Т.; къ торжественному открытію университета онъ составилъ церемоніалъ и сочинилъ для этого случая стихотвореніе. Читалъ Т. «россійское право, не только гражданское и уголовное, но также общее и частное, вмѣстѣ съ исторіей оныхъ». Лекціи его отличались витіеватостью и вычурностью языка и съ большимъ трудомъ усваивались студентами. Больше всего дѣятельность Т. проявлялась въ визитаціи учебныхъ заведеній обширнаго въ то время Харьковскаго округа. О результатахъ своихъ ревизій онъ представлялъ подробные отчеты, хранящіеся въ архивѣ Харьковскаго университета, попечителю или его замѣстителю Н. Н. Новосильцеву. По словамъ Лавровскаго, въ этихъ отчетахъ заключается обильный матеріалъ для исторіи учебныхъ заведеній Харьковскаго округа. «Едва ли,—говоритъ Лавровскій,—какой городъ ускользнулъ отъ посѣщенія Т.; изъ отчетовъ его можно видѣть, съ какимъ участіемъ и любознательностью относился онъ къ разнымъ сторонамъ и явленіямъ тогдашней провинціальной жизни, хотя бы вовсе и независимымъ отъ непосредственно порученнаго ему дѣла. Онъ провѣрялъ при ревизіяхъ не только познанія учениковъ, но и учителей, проектировалъ устройство при университетахъ краткосрочныхъ педагогическихъ и методологическихъ курсовъ для учителей низшихъ учебныхъ заведеній, высказывался въ своихъ отчетахъ за широкое распространеніе грамотности среди крестьянъ». При содѣйствіи Т. были устроены вновь открытыя Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Воронежская, Новгородсѣверская, Таганрогская и Одесская гимназіи и уѣздныя училища въ тѣхъ же губерніяхъ. Т. состоялъ членомъ правленія университета, членомъ училищнаго и цензурнаго комитетовъ; кромѣ того въ 1807, 1810 и 1811 гг. онъ былъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, а въ 1810 г. назначенъ былъ членомъ комитета «для испытанія чиновниковъ и преподаванія наукъ молодымъ людямъ, обязаннымъ гражданской службой», причемъ составилъ программу испытаній по праву и государственному хозяйству. Въ 1805 г. Московскій университетъ призналъ его докторомъ правъ honoris causa, а въ засѣданіи 18 декабря 1804 г. то же сдѣлалъ и Харьковскій университетъ. Въ 1811 г. Т. подалъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ изъ университета. При этомъ совѣтъ университета, перечисливъ всѣ заслуги Т., счелъ нужнымъ заключить, что «университетъ всегда съ величайшей признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ университета, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду проф. Тимковскаго» (въ засѣданіи 15 іюля 1811 г.). За время службы при университетѣ были напечатаны три его рѣчи: «О бывшихъ въ Россіи помѣстьяхъ и помѣстномъ правѣ» («Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Харьк. унив. 30 іюня 1810 г.», Харьковъ 1811), «О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства» (тоже, отъ 17 января 1808 г., Харьковъ 1808). «Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка» (Харьковъ 1811).

По выходѣ въ отставку Т. поселился въ своемъ имѣніи Турхановкѣ, Черниговской губ. 18 августа 1812 г. онъ былъ избранъ членомъ дворянскаго комитета, снаряжавшаго ополченіе во время Отечественной войны, и состоялъ въ немъ по 2 января 1815 г. Съ 1815 г. служилъ по выборамъ два трехлѣтія Глуховскимъ уѣзднымъ судьей. Въ 1825 г. вновь назначенный попечитель Харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскій предложилъ ему занять должность директора Новгородсѣверской гимназіи. Въ первые годы завѣдыванія Т. гимназіей произошло нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ ней въ виду строгости экзаменовъ, какъ вступительныхъ, такъ и переводныхъ, но вслѣдъ затѣмъ число это стало быстро возрастать: въ 1833 г. было 126 учениковъ, а въ 1838 г.—454. Поэтому въ Новгородсѣверской гимназіи раньше, чѣмъ въ большей части губернскихъ гимназій, потребовалось раздѣлить первые три класса на два отдѣленія, о чемъ состоялось Высочайшее повелѣніе 27 декабря 1838 г. Успѣшная педогогическая дѣятельность Т. побудила попечителя вновь образованнаго Кіевскаго учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке предложить ему занять мѣсто директора Нѣжинскаго лицея въ 1834 г., но Т. отказался, мотивируя отказъ желаніемъ быть поближе къ

своимъ роднымъ и привязанностью къ Новгородсѣверской гимназіи.

Въ 1838 г., утомленный многолѣтними трудами, Т. вышелъ въ отставку и окончательно поселился въ Турхановкѣ, посвящая свое время сельскому хозяйству, въ частности пчеловодству. Онъ напечаталъ «О состояніи пчеловодства въ Черниговской губ.» («Москвитянинъ», 1853, № 19). Т. написалъ также свои воспоминанія, о которыхъ съ похвалой отзывался Погодинъ, они помѣщены въ «Москвитянинѣ» за 1852 г. и перепечатаны были въ «Русскомъ Архивѣ» за 1874 г. Кромѣ того имъ помѣщена въ «Москвитянинѣ» статья «Судья и парадоксы» (1855, № 19). Въ бумагахъ его есть указаніе на сочиненіе, написанное имъ на латинскомъ языкѣ въ бытность его въ Харьковскомъ университетѣ: «Сравненіе юстиніановыхъ законовъ съ россійскими», за которое Геттингенское ученое общество избрало его своимъ членомъ въ 1809 г., причемъ осталось невыясненнымъ время и мѣсто его изданія. Умеръ Т. въ Турхановкѣ, въ февралѣ 1853 г., 80-лѣтнимъ старикомъ.

„Воспоминанія И. Ѳ. Тимковскаго“, „Москвитянинъ“, 1852, ч. 5, № 17, 18, и 20, и „Русскій Архивъ“, 1874, № 6.—Н. В. Шугуровъ, „И. Ѳ. Тимковскій, педагогъ прошлаго времени“, „Кіевская Старина“, 1891, августъ, стр. 212; сент., стр. 375; октябрь, стр. 82.—„Энциклоп. словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 184.—Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи Харьковск. универс.“, Харьковъ 1894, т. I, стр. 3, 15, 53, 98, 99, 105—108, 121, 126, 127, 129—131, 135, 136, 142, 145, 149, 153, 155, 159—161, 169, 170, 186–189, 191, 212, 214, 216, 241, 242, 257, 259, 260, 262, 263, 271, 278, 280, 299, 306, 355, 372, 510—522, 541, 542, 575, 578, 579, 586, 651—653, 688, 704, 729, 730, 733, 770, 775, 782, 783, 847, 856, 862—866, 870, 894, 954, 956, 960—970, 1001, 1096, 1097, 1107—1110, 1112, 1118, 1124, 1131, 1132, 1145—1147, 1149, 1150, 1155—1163, 1165—1169, 1172—1186; т. II, стр. 364, 554.—Н. А. Лавровскій, „В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковск. универс.“, „Журн. Мин. Народ. Просв.“, 1872, январь, стр. 78, 84, 87, 92; февраль, стр. 197, 202, 212—214, 242.—Его же, „Изъ первоначальной исторіи Харьковск. унив.“, тамъ же, 1869, октябрь, стр. 242—245, 247.—К. Фойгтъ, „Историко-статистическія свѣдѣнія объ Имп. Харьковск. унив.“, Харьковъ, 1859, стр. 140, 141, 143,—Д. И. Багалѣй, „Характеристика просвѣтительной дѣятельности Харьковск. унив.“, „Русская Школа“, 1892. № 10, стр. 21; № 11, стр. 11, 15, 17.—П. Пекарскій, „Русскіе мемуары XVIII в.“, „Современникъ“, 1855, № 4, стр. 80—82.—Ярославлевъ-Петровскій, „Объ ученой дѣятельности Харьковск. унив.“, „Журн. Мин. Народ. Просв.“, 1855, ч. LXXXVII, стр. 2, 4, 8, 11, 12, 28, 31.—Роммель, „Пять лѣтъ изъ жизни Харьковскаго унив.“, Харьковъ 1868, стр. 60.—„Харьковскій Сборникъ“, 1889, стр. 142; 1890 г., стр. 116, 119,—„Русскій Архивъ“, 1869, стр. 1547.—„Воспоминанія М. К. Чалаго“, „Кіевская Старина“, 1889, № 3, стр. 620; № 4, стр. 232; № 5, стр. 327—335; № 6, стр. 15—32; № 7, стр. 157—176; № 8, стр. 443—444.—В. И. Межовъ, „Исторія всеобщей и русской словесности“, Спб. 1872, стр. 482, № 12838.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.“, Спб. 1893, т. II, стр. 248, № 17868.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія 1855 г.“, Спб. 1861, стр. 46 № 448.—Г. Геннади, „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, Берлинъ 1880, т. II, стр. 47.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, Спб. 1875, стр. 768, 806, 834.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки для чтенія А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 451, № 572; стр. 503, № 6439.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб. 1813—1831, ч. 3, № 4387; ч. 5, № 11247.—В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей“, Спб. 1891, стр. 127.—„Русская Старина“, 1875, сентябрь, стр. 195.—„Біографич. словарь юрид. фак. Харьк. у-та“, 1903.

Тимковскій, *Іосифъ Васильевичъ*, докторъ медицины, московскій штатъ-физикъ, служилъ лекаремъ въ С.-Петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Для пополненія медицинскаго образованія ѣздилъ въ 1761 г. за-границу, гдѣ изучалъ въ теченіе 4 лѣтъ медицину въ Лейденскомъ университетѣ. Для полученія степени доктора медицины написалъ и представилъ въ 1765 г., въ университетъ диссертацію «De morbis incurabilis» (Лейденъ 1765). Въ 1770 г. опредѣленъ былъ полевымъ врачемъ въ Смоленскую дивизію. Впослѣдствіи назначенъ былъ на должность московскаго штатъ-физика. Умеръ въ Москвѣ.

В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, Москва 1820, ч. III, стр. 501.—Митроп. Евгеній Болховитиновъ, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, Москва 1845, т. II, стр. 207—208.—А. Никитинъ, „Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіе Екатерины II“, Спб. 1855, стр. 64.—Н. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, Спб. 1772, стр. 226.—„Матеріалы для исторіи русской литературы“, изд. Ефремова, Спб. 1867.

Тимковскій, *Романъ Ѳедоровичъ*, филологъ, ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ римской и греческой словесности, докторъ философіи, родился въ 1785 г. въ деревнѣ Згарѣ Полтавской губерніи, Золотоношскаго повѣта. Элементарныя начатки грамоты мальчикъ получилъ въ кельѣ своего дяди,

инока Кіево-Печерской обители; аскетическій образъ жизни перваго наставника и суровая окружающая обстановка оказали на душу ребенка настолько сильное впечатлѣніе, что уже изъ него нѣкоторые біографы Т. пытаются вывести тѣ черты, которыя отличали его характеръ въ позднѣйшемъ, необщительность, любовь къ уединенію, нѣкоторая суровость и пр. Съ элементарными познаніями мальчикъ вступилъ въ число учениковъ Кіевской академіи, но тамъ пробылъ недолго и въ октябрѣ 1797 г. перешелъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, а по окончаніи въ 1782 г. ея курса съ серебряной медалью былъ принятъ въ самый университетъ. Главное свое вниманіе здѣсь Т. сосредоточилъ на изученіи классической словесности, которою занимался подъ руководствомъ профессоровъ Христіана-Фредерика Маттеи, Іоганна-Вильгельма Мельмана и П. А. Сохацкаго. Успѣхи его въ этой области были поощрены въ 1803 г. серебряной медалью и порученіемъ ему вести греческій этимологическій и латинскій синтаксическій классы. Окончивъ въ 1804 г. университетскій курсъ кандидатомъ и удостоенный въ 1805 г. за нижепоименованную диссертацію о дифирамбахъ степенью магистра словесныхъ наукъ, а въ слѣдующемъ году степенью доктора философіи, для дальнѣйшаго совершенствованія въ классической словесности онъ былъ отправленъ за-границу. Вмѣстѣ съ командированнымъ туда же для изученія восточной словесности А. В. Болдыревымъ, впослѣдствіи профессоромъ этого предмета въ Московскомъ университетѣ, Т. направился прежде всего въ Галле; городъ вскорѣ былъ осажденъ французами, университетъ разгромленъ, а Т. остался безъ всякихъ средствъ. Очутившись въ критическомъ положеніи, онъ оставилъ Галле и въ сопутствіи того же Болдырева пѣшкомъ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ занимался въ теченіе одного года, а затѣмъ перешелъ въ славившійся тогда своими учеными силами университетъ въ Геттингенѣ. Подъ руководствомъ профессоровъ Гейне и Мичерлиха, живѣйшую признательность къ которымъ, особенно къ первому изъ нихъ, Т. сохранилъ всю жизнь, тамъ онъ съ исключительнымъ усердіемъ отдался изученію древней словесности и археологіи, успѣшности занятій которыми въ немалой степени способствовали богатѣйшія сокровища университетской библіотеки, одной изъ замѣчательнѣйшихъ въ тогдашней Европѣ. Въ Германіи Т. пробылъ въ общей сложности три года и за это время успѣлъ очень много. Съ запасомъ обширныхъ познаній и солиднымъ научнымъ багажомъ въ 1809 г. возвратился онъ въ Москву, и съ 1 сентября того же года въ званіи адъюнкта, которымъ былъ удостоенъ непосредственно передъ заграничной поѣздкой, открылъ въ университетѣ курсъ древней словесности. Выдающійся успѣхъ, который онъ встрѣтилъ съ самаго начала своей педагогической дѣятельности, побудилъ университетскій совѣтъ избрать его въ 1810 г. экстраординарнымъ и уже въ слѣдующемъ—ординарнымъ профессоромъ греческой и латинской словесности. Впослѣдствіи лекціи по этимъ обширнѣйшимъ предметамъ были раздѣлены между двумя лицами, но Т. читалъ ихъ одинъ, возможность чего находитъ свое объясненіе отчасти въ дѣйствительно прекрасномъ знакомствѣ его съ ними, отчасти же въ томъ сравнительно невысокомъ уровнѣ, на какомъ стояли какъ научная разработка этихъ областей, такъ и изложеніе ихъ съ университетской каѳедры. Изъ греческихъ классиковъ Т. объяснялъ слушателямъ преимущественно Софокла, Геродіана, Гомера, Геродота, Ксенофонта, Аполлодора и Демосфена, изъ латинскихъ же—Ливія, Виргилія, Цицерона и Горація. Курсъ римскихъ древностей онъ раздѣлилъ на двѣ части—древности государственныя и древности, по его терминологіи, «домашнія»,—и каждый годъ попеременно читалъ то одну, то другую изъ нихъ. По примѣру заграничныхъ университетовъ имъ былъ введенъ и при Московскомъ филологическій семинарій, въ которомъ студенты подъ его руководствомъ практически работали надъ разборомъ и критикою классическихъ писателей и древностей, о которыхъ параллельно шла рѣчь на лекціяхъ. Характеръ лекцій Т. ученикомъ его А. М. Кубаревымъ рисуется слѣдующимъ нѣсколько тяжеловѣсными словами: «Чтенія его... близко подходили къ диктованію... Изъ повтореній, когда это было нужно, сказаннаго имъ прежде, выражаемыхъ всегда почти тѣми же словами, было очевидно, что каждая его лекція была основательно имъ обдумана. Онъ такъ привыкъ къ какой-то ученой

отчетливости и полности, что никогда почти не увлекался или не позволялъ себѣ увлекаться дальше границъ, предписанныхъ самому себѣ. При объясненіи древностей охотно раскрывая намъ прекраснѣйшія мѣста изъ класиковъ, онъ однакожъ никогда не пускался въ эстетическій разборъ красотъ ихъ, оставляя слушателямъ самимъ ихъ чувствовать. Но изъ выбора этихъ мѣстъ было видно, что онъ былъ проникнутъ ихъ красотами...»

Дѣятельность Т. въ университетѣ, помимо его прямыхъ обязанностей, отмѣчена и другими сторонами: съ 1812 по 1818 г. онъ состоялъ членомъ училищнаго комитета, нѣсколько лѣтъ (1814, 1815 и 1817 гг.) занималъ должность декана словеснаго отдѣленія, съ 1811 г. и до смерти состоялъ при цензурномъ комитетѣ, а съ 1815 г.— директоромъ педагогическаго института, наконецъ, преподавалъ греческій и латинскій языки въ находившейся при университетѣ гимназіи и нѣкоторое время латинскую словесность въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Лѣтомъ 1812 г., не предвидя угрожавшей Москвѣ опасности, Т. уѣхалъ на родину, оставивъ въ Москвѣ все свое имущество, которое и было уничтожено пожаромъ,—въ томъ числѣ цѣнное собраніе книгъ и рукописей, которымъ онъ чрезвычайно дорожилъ, особенно частью, собранной имъ съ большимъ трудомъ и матеріальными лишеніями во время пребыванія за границею. Дѣятельность Т. продолжалась очень недолго; упорная болѣзнь, обострявшаяся его раздражительнымъ характеромъ и въ свою очередь неблагопріятно на него вліявшая, скоро свела его въ могилу, въ послѣднее время послуживъ причиною задумчивости, нервности, угрюмости Т., а также охлажденію, почти равнодушію его къ ученымъ занятіямъ. 15 января 1820 г. онъ скончался.

Какъ ученый, Т. въ свое время пользовался выдающейся извѣстностью; нѣкоторые труды его на много лѣтъ пережили автора, и отзвуки ихъ, конечно лишь весьма слабые, можно и понынѣ встрѣтить въ литературѣ, посвященной изслѣдованію древне-русскихъ памятниковъ; какъ ни обширны были познанія Т. въ классической филологіи, тѣмъ не менѣе наиболѣе существенныя услуги оказалъ онъ наукѣ совсѣмъ въ другой области—почти совершенно неразработанной области критическаго изслѣдованія подлинности упомянутыхъ памятниковъ. Первый трудъ Т., относившійся къ классической филологіи, вышелъ еще въ 1803 г., когда автору было всего 18 лѣтъ. Это былъ сдѣланный имъ переводъ (съ нѣмецкаго) Оссіана. Въ 1806 г. вышла въ Москвѣ магистерская диссертація Т.—«De Dithyrambis eorumque usu apud Graecos et Romanos", относительно которой проф. І. Т. Буле писалъ: «Разсужденіе сіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что оно важнѣе по своему содержанію, относящемуся къ такому предмету древней классической литературы, который до сихъ поръ еще не былъ довольно обработанъ и объясненъ. Сверхъ того, такъ какъ подобныя занятія, при всей ихъ пользѣ и необходимости для усовершенствованія наукъ въ Россіи, очень рѣдки между нашими молодыми людьми,—оно можетъ также для прочихъ служить примѣромъ и образцомъ къ подражанью». Сочиненіе это, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ напечатанное также въ «Актахъ» словеснаго семинарія Лейпцигскаго университета, дѣйствительно обладаетъ научными достоинствами, отмѣченными и нѣкоторыми нѣмецкими авторитетами. Почти одновременно съ нимъ появилось изданіе Т. на латинскомъ языкѣ басенъ Федра подъ заглавіемъ «Phaedri Augusti liberti fabularum Aesopiarum libri quinque ex recensione P. Burmani» съ русскимъ подзаголовкомъ: «Федровы басни съ замѣчаніями издалъ Романъ Тимковскій» и съ посвященіемъ «въ знакъ признательности за благосклонность и милостивыя попеченія объ авторѣ» М. Н. Муравьеву, тогдашнему попечителю Московскаго университета. Трудъ этотъ, предпринятый по желанію Муравьева, въ своей текстуальной части представляетъ просто дословную перепечатку съ заграничнаго изданія Бурмана съ нѣкоторымъ уклоненіемъ лишь въ знакахъ препинанія; цѣнны и оригинальны въ немъ лишь примѣчанія Т., обнаруживающія въ молодомъ филологѣ—ему въ это время было всего 20 лѣтъ—солидныя и разносторонія познанія. Объ этой работѣ, за которую, по ходатайству того же Муравьева, Т. былъ награжденъ золотою табакеркою изъ кабинета, онъ тѣмъ не менѣе вспоминалъ впослѣдствіи съ большой неохотой, считая ее неудовлетворительной и несерьезной и лишь отчасти извиняя себя той спѣшностью, съ которою пришлось ее заканчивать

передъ самымъ отъѣздомъ заграницу. Послѣднимъ сочиненіемъ Т. по классической филологіи была произнесенная имъ на университетскомъ актѣ 5 іюля 1811 г. торжественная рѣчь «De virtutibus Graecorum et Romanorum non nisi ex eorum ingenio moribus et vita recte aestimandis», въ переводѣ И. И. Давыдова напечатанная въ «Трудахъ профессоровъ Московскаго университета» и предвосхитившая многія положенія Нибура въ области классической древности.

Въ послѣдніе годы своей жизни Т. замѣтно охладѣлъ къ классической филологіи и преимущественное вниманіе сталъ удѣлять русской древней словесности; главнѣйшая заслуга его въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что онъ первый подвергъ критикѣ установленное на шаткихъ основаніяхъ XVIII в. мнѣніе о сочиненіяхъ преп. Нестора, первый пришелъ къ мысли детальнаго сличенія и сличилъ лѣтопись съ другими памятниками, приписывавшимися Нестору, съ «Патерикомъ» и «Житіемъ св. Ѳеодосія», причемъ первый же указалъ несходство между лѣтописью и «Житіемъ» и открылъ, по его собственнымъ словамъ, «весьма важную истину, что преподобный Несторъ не оставилъ намъ по себѣ никакого другого памятника, кромѣ драгоцѣнной лѣтописи». Избранный въ дѣйствительные члены Историческаго общества, онъ, по предложенію послѣдняго, занялся изданіемъ поученія Луки Жидяты, которое и появилось въ I части «Русскихъ Достопамятностей», снабженное цѣнными филологическими примѣчаніями. Имъ же предпринятое изданіе Несторовской лѣтописи долгое время считалось образцовымъ. Наоборотъ, довольно слабымъ явился его трудъ—„Разсужденіе о Несторѣ, какъ сочинителѣ «Патерика»“, напечатанный въ «Трудахъ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ» (ч. I). Наконецъ, Т. много трудился надъ объясненіемъ «Слова о полку Игоревѣ» и по этому предмету написалъ обширное изслѣдованіе, которое затерялось послѣ его смерти.

Въ заключеніе приведемъ небольшую характеристику Т. какъ ученаго, принадлежащую одному изъ его біографовъ: «Съ глубокими свѣдѣніями въ греческой и римской словесности онъ соединялъ основательное знаніе древностей и исторіи. Какъ искусный критикъ, онъ умѣлъ тонко раздроблять предметъ и глубоко проникать въ оный; порядокъ и точность были средствомъ и цѣлью его изслѣдованій, какія онъ посвящалъ и на разсмотрѣніе исторической истины, и на опредѣленіе происхожденія и значенія слова». Помимо древнихъ, Т. въ совершенствѣ зналъ и нѣсколько новыхъ языковъ,—французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій, а латинскій былъ для него «какъ бы природнымъ».

С. Шевыревъ, „Исторія Императорскаго Московскаго университета“, Москва 1855, стр. 345, 348, 408, 410, 424, 425.—Его же, „Обзоръ столѣтняго существованія Импер. Московскаго университета“ въ „Исторической запискѣ... и отчетѣ Московскаго университета“, Москва 1855.—И. Двигубскій, „Краткая исторія Императорскаго Московскаго университета съ 6 іюля 1819 г. по 6 іюля 1820 г.“, Москва 1820.—Н. В. Сушковъ, „Московскій Благородн. пансіонъ“, Москва 1858.—„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета“, Москва 1855, ч. II, стр. 486—498.—„Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго университета профессорами онаго съ краткимъ ихъ жизнеописаніемъ“, ч. III, Москва 1821.—Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. I, Спб. 1888.—М. П. Сухомлиновъ, „Русскіе университеты при Александрѣ I“.—„Воспоминанія И. Ѳ. Тимковскаго“, „Москвитянинъ“, 1852, ч. 5 №№ 17, 18, 20, и „Русск. Архивъ“, 1874 № 6.—А. Н. Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи“, т. I, стр. 27, 29, 223, 317, 322.—„Энциклоп. словарь“ Березина, s. v.—„Настольный словарь“ Ф. Толя, т. III, Спб. 1864 г., s. v.

Тиммерманъ, *Францъ Ѳедоровичъ*, голландскій купецъ, учитель Петра I по геометріи и фортификаціи, корабельный мастеръ. Въ исторіяхъ Бергмана, Галема, Полевого Т. названъ уроженцемъ Страсбурга, но вѣрнѣе, что онъ былъ родомъ изъ Голландіи, такъ какъ самъ Петръ въ предисловіи къ морскому регламенту называетъ его голландцемъ. Время пріѣзда Т. въ Россію неизвѣстно, но есть основаніе полагать, что это было задолго до знакомства его съ Петромъ, ибо голландскій посланникъ Борель, пріѣзжавшій въ Москву въ 1664 г., называетъ и Т. въ числѣ жившихъ здѣсь голландскихъ купцовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ на это указываетъ Устряловъ, о долголѣтнемъ пребываніи его въ Россіи свидѣтельствуютъ и сохранившіяся учебныя тетради Петра, въ которыхъ задачи записаны рукой учителя довольно правильнымъ русскимъ языкомъ и твердымъ почеркомъ. Существуютъ двѣ

версіи о времени и обстоятельствахъ, при которыхъ Т. сдѣлался учителемъ Петра. По одной изъ нихъ, основанной на воспоминаніяхъ Крекшина и повторяемой Голиковымъ, Забѣлинымъ и др., знакомство Петра съ Т. произошло въ 1684 г. Послѣ одного изъ упражненій въ пушечной стрѣльбѣ и въ метаніи бомбъ Петръ попросилъ начальствующаго пушечнымъ дворомъ указать ему искуснаго въ артиллерійской стрѣльбѣ офицера; на слѣдующій день въ качествѣ такого ему представленъ былъ Т. (тогда будто бы поручикъ), съ которымъ Петръ долго разговаривалъ, остался имъ доволенъ, сдѣлалъ его своимъ учителемъ и повелѣлъ отвести ему во дворцѣ комнату. У Голикова разсказывается также, что вскорѣ затѣмъ въ томъ же 1684 г. Петръ «повелѣлъ ему, Тиммерману, въ рощахъ Преображенскихъ, при рѣкѣ Яузѣ, сдѣлать малую регулярную крѣпость... и назвалъ крѣпостницу свою Пресбургъ»,— разсказъ маловѣроятный, не подтверждаемый данными, какія имѣются о построеніи потѣшнаго городка Пресбургъ: о Т. въ нихъ не упоминается; къ тому же нигдѣ въ сохранившихся дѣлахъ онъ не именуется поручикомъ. Между тѣмъ въ Государственномъ архивѣ (кабинетныя дѣла, отдѣлъ I, книга 38) сохранился собственноручно Петромъ написанный разсказъ (принятый и въ школьныхъ руководствахъ) о своемъ знакомствѣ съ Т., изданный въ видѣ предисловія къ морскому регламенту. Согласно этому документу Петръ, узнавъ въ 1687 г. о существованіи астролябіи, попросилъ князя Як. Долгорукова, отправлявшагося посломъ во Францію, пріобрѣсть ему этотъ инструментъ, который и былъ привезенъ въ маѣ 1688 г. Такъ какъ никто изъ приближенныхъ царя не умѣлъ обращаться съ астролябіей, то Петръ попросилъ доктора фанъдеръ-Гульста сыскать человѣка, знакомаго съ инструментомъ. «Оный дохторъ,—разсказываетъ Петръ,—въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ, сказалъ тожъ, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ, къ чему я гораздо присталъ съ охотой учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Францъ черезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами». Сохранившіяся учебныя тетради Петра свидѣтельствуютъ о томъ, съ какой охотой и усердіемъ занимался онъ съ Т.; хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, но довольно быстро познакомился онъ съ ариѳметикой, геометріей, фортификаціей и артиллеріей, научился владѣть астролябіей и вычислять полетъ пушечнаго ядра, ознакомился также со строеніемъ крѣпостей. Какъ математикъ Т. стоялъ не высоко, часто ошибался въ элементарныхъ дѣйствіяхъ, въ одной его задачѣ встрѣчается ошибка даже въ сложеніи. Преподаваніе его сводилось къ простому изложенію основныхъ правилъ и практическихъ пріемовъ, изобиловавшему множествомъ иностранныхъ терминовъ; такъ, четыре основныхъ дѣйствія ариѳметики Т. называлъ «адиціо» (Петръ писалъ «одпцое», «водицыя»), «субстракція», «мунтиплизаціо», «дивизіо». Занятія Т. съ Петромъ продолжались недолго, но въ точности продолжительность ихъ неизвѣстна.

Имя Т. связано также съ зарожденіемъ русскаго флота: онъ сопровождалъ Петра, когда послѣдній лѣтомъ 1688 г. нашелъ въ Измайловѣ, среди разнаго стараго хлама, старый ботъ, «дѣдушку русскаго флота»; моментъ этотъ изображенъ на картинѣ Мясоѣдова «Дѣдушка русскаго флота». Т. объяснилъ Петру, что ботъ можетъ ходить на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра, и указалъ на голландца Карштенъ-Бранда, какъ человѣка, который сможетъ починить ботъ и управлять имъ. Въ дальнѣйшемъ мы видимъ Т. принимающимъ живое участіе въ построеніи флота. Такъ, еще въ 1790 г., 7 апрѣля, «по указу великихъ государей велѣно дать иноземцу Францу Тиммерману на покупку полотна на паруса и на иные мелочные припасы къ струговому дѣлу четыре рубли 3 алтына и 2 деньги»; въ 1692 г., при постройкѣ флотиліи въ Переяславлѣ, онъ именуется корабельнымъ мастеромъ. Ему поручается покупка различныхъ матеріаловъ для корабельнаго дѣла, доставка ихъ изъ Москвы, и вообще онъ употребляется для разныхъ посылокъ то до Переяславля, то до Верховажа, то до Вологды. 10 октября 1693 г. посланъ по указу великихъ государей довольно странный запросъ изъ Конюшеннаго приказа въ Оружейную палату: «отписать, размѣрнаго дѣла мастеръ Францъ Тиммерманъ да часового дѣла мастеръ Иванъ Ганъ нынѣ въ лицахъ ли?»,

на который изъ Оружейной палаты получился отвѣтъ, что «изъ тѣхъ иноземцевъ великихъ государей у дѣлъ часового дѣла Иванъ Ганъ, и нынѣ онъ въ лицахъ, а размѣрнаго Францъ Тиммерманъ въ Оружейной палатѣ не вѣдомъ, и нынѣ онъ въ лицахъ ли, того не вѣдоможъ». Однако Т. все время былъ «въ лицахъ» и 22 ноября 1693 г. получаетъ «прогонныхъ денегъ отъ Москвы до Переяславля и назадъ до Москвы на 3 подводы ямскія по три алтынъ за подводу», также упоминается о немъ и въ маѣ 1693 и въ 1694 г. въ связи съ постройкой флотилiи въ Переяславлѣ. Дѣятельность Т. по постройкѣ флота прервана была на время первымъ Азовскимъ походомъ, въ которомъ онъ принималъ участіе въ качествѣ главнаго инженера. Что такова была роль Т. въ этомъ походѣ, видно ужъ изъ того, что онъ имѣлъ свой собственный стругъ, входившій въ составъ дивизіи А. М. Головина; подтверждается это и воспоминаніями современниковъ, напримѣръ Гордона и др. Помощниками его были Адамъ Вейде и Яковъ Брюсъ. Для роли инженера онъ оказался еще менѣе пригоднымъ, чѣмъ для роли преподавателя математическихъ и военныхъ наукъ. Отъ взрыва пороха въ подкопѣ, устроенномъ имъ и его помощниками, крѣпостная стѣна, какъ это имѣлось въ виду, не обрушилась, но пострадали русскія же войска; много народу было перебито, что вызвало въ войскѣ неописанный ужасъ и неудовольствіе иностранцами. Послѣ Азовскаго похода 1696 г. Т. возвращается къ корабельному дѣлу и принимаетъ участіе въ постройкѣ азовскаго флота. Ему поручается ближайшій надзоръ за кораблестроеніемъ, завѣдываніе хозяйственной и технической частью; вѣроятно, онъ принималъ участіе и въ составленіи росписи предметовъ, нужныхъ для постройки и вооруженія судовъ, для такъ называемыхъ кумпанствъ; ему же порученъ былъ наемъ для кумпанствъ иностранныхъ мастеровъ, которыхъ онъ и выписывалъ изъ Голландіи. Т., какъ и нѣкоторые другіе иностранцы, бралъ на себя по рядным записямъ постройку судовъ отъ кумпанствъ, которыя вслѣдствіе неопытности не умѣли сами взяться за дѣло, и имъ заключена была первая по времени рядная запись съ кумпанствомъ князя Одоевскаго (16 апрѣля 1697 г.).

Несмотря на свою близость къ Петру и на очевидное расположеніе къ нему послѣдняго, Т. никогда не достигалъ высокаго положенія при дворѣ. Въ актахъ и дѣлахъ онъ большею частью именуется иноземцемъ, иногда — корабельнымъ мастеромъ или размѣрныхъ дѣлъ мастеромъ и одинъ разъ—инженеромъ; вызванные имъ иностранные мастера въ одной бумагѣ величаютъ его «адмиралцейцемъ». Т., вѣроятно, и не стремился къ чинамъ: «барыши,— говоритъ Устряловъ,—прельщали его больше, чѣмъ царская служба». Несмотря на разнообразіе дѣлъ, какія онъ исполнялъ при Петрѣ, онъ не переставалъ быть купцомъ. Такъ, еще въ 1689 г. 1 декабря у него «куплено столъ каменный, цѣною 25 рублевъ, а тотъ столъ къ великому государю въ хоромы»; 28 февраля 1690 г. у него же «куплено въ мастерскую палату пара пистолей, дано 12 рублевъ». А въ дѣлахъ Главнаго архива, переданныхъ въ военное министерство, имѣется жалованная грамота, данная Т. 11 февраля 1693 г. «на корабельный заводъ и на выдѣлку корабельныхъ парусныхъ полотенъ у Архангельска на Двинѣ и на устьѣ Мезени, потомственно на 20 лѣтъ съ 1694 года съ правомъ строить корабли и рубить лѣсъ вездѣ, кромѣ заповѣдныхъ». Правомъ, предоставленнымъ ему этой грамотой, онъ почему-то не воспользовался. Въ 1701 г. 1 января ему отданъ былъ Хамовный плацъ въ Москвѣ для производства паруснаго полотна съ поставкой въ казну, и Т. завелъ здѣсь фабрику. Въ сущности участіемъ Т. въ постройкѣ Азовскаго флота кончается его дѣятельность при Петрѣ. Время его смерти нигдѣ прямо не указано; въ просьбѣ, поданной сыномъ Т. Иваномъ отъ 25 апрѣля 1713 г. (въ Государственномъ архивѣ, кабинетныя дѣла, отд. II, кн. 18), говорится, что отецъ его умеръ, провладѣвъ Хамовнымъ плацомъ полтора года; а такъ какъ плацъ этотъ былъ Т. отданъ въ январѣ 1701 г., то отсюда можно заключить, что Т. умеръ въ серединѣ 1702 г.

Т. изображенъ въ числѣ другихъ лицъ на гравюрѣ Шхонебека, представляющей осаду Азова; съ этой гравюры заимствованъ его поколѣнный портретъ, въ овалѣ, съ планомъ Азова въ рукахъ. Кромѣ того имѣется его портретъ, гравированный Афанасьевымъ(въ собраніи портретовъ Бекетова).

Астровъ, „Первоначальное образованіе Петра Великаго“, „Русскій Архивъ“, 1875, кн. 3, стр. 213—217.—Голиковъ, „Дѣяніе Петра Великаго“, 2-е изд., Москва 1837—1843, т. I, стр. 5, 29, 30, 73, 242, 269; т. XIV, стр. 6.—Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго“, т. II, стр. 18—19, 25—26, 233, 267, 310, 312, 352—354, 373, 390, 393—394, 399, 423, 436, 564 (въ „Дополненіяхъ“ къ т. II—снимки съ учебныхъ тетрадей Петра).—В. Ключевскій, „Курсъ русской исторіи“, Москва 1910, ч. IV, стр. 14—15.—Веніаминъ Бергманъ, „Исторія Петра Великаго“, Спб. 1833, т. I, стр. 142, 159.—М. П. Погодинъ, „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“, Москва 1875, стр. 132—135.—И. Забѣлинъ, „Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи“, Москва 1872, т. I, стр. 21.—„Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“, Москва 1872, т. I, стр. 102, 107, 112, 137—139, 292, 298, 302, 327, 331—332, 381—382, 385, 386.—Ѳ. Туманскій, „Полное описаніе дѣяній государя императора Петра Великаго“, Спб. 1788, ч. 1, стр. 174.—Записки Петра Никифоровича Крекшина“, въ сборникѣ П. Сахарова „Записки русскихъ людей“, Спб. 1841, стр. 67.—Крекшинъ, „Краткое описаніе жизни и дѣлъ императора Петра Великаго въ разговорахъ“, Спб. 1788.—Николай Полевой, „Исторія Петра Великаго“, Спб. 1843, ч. I, стр. 118.—Gordon, „Tagebuch“, II, стр. 603.—Брикнеръ, „Исторія Петра Великаго“, изд. А. С. Суворина, Спб. 1882, ч. I, стр. 88, 110, 137, 140 (приложенъ портретъ Т.).—Галемъ, „Жизнь Петра Великаго“, Спб., ч. I, стр. 9, 49.—Ѳеофанъ Прокоповичъ, „Исторія императора Петра Великаго“, Москва 1788.—С. Елагинъ, „Исторія русскаго флота, періодъ Азовскій“, Спб. 1864, стр. 24, 56, 60—61, 62, 302.—Штелинъ, „Полное собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ“, Москва 1801, т. I, ч. 1, стр. 20.—Ѳ. Веселаго, „Краткая исторія русскаго флота“, Спб. 1893, стр. 9.—T. Schelthema, „Russland en de Nederlanden“, Амстердамъ 1817—1818, т. I, стр. 272.—А. А. Матушинскій, „Послѣднія художественныя выставки въ Петербургѣ“, „Русскій Вѣстникъ“, 1872, іюнь, стр. 783—784.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. III, стр. 1653, 2036—2037; т. IV, стр. 366, 466.—Катифоръ, „Житіе Петра Великаго“, перев. съ греческ. яз., Спб. 1772.—Rabener, „Leben Petri des Ersten und Grossen“, Leipzig 1725.—von-Claudius, „Peter der Grosse“, 1798, т. I.—П. Пекарскій, „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, Спб. 1862, т. I, стр. 268; т. II, стр. 245.—K. Walischewsky, „Pierre le Grand, l'education — l'homme — l'oeuvre“, Paris 1897.

Тиммъ, *Василій Ѳедоровичъ* (Вильгельмъ Фридриховичъ), живописецъ и рисовальщикъ баталическихъ и жанровыхъ сценъ, издатель «Русскаго Художественнаго Листка», сынъ живописца, родился въ Ригѣ въ 1820 г., тамъ же учился рисованію, а затѣмъ въ 1835 г. поступилъ въ Петербургскую академію художествъ въ качествѣ вольноприходящаго ученика. Своей спеціальностью онъ избралъ баталическій родъ живописи и занимался ею подъ руководствомъ профессора А. П. Зауервельда, основателя этого направленія въ Россіи. За рисунокъ «Группа улановъ» ему дана была въ 1838 г. малая серебряная медаль. Въ 1839 г. Т. кончилъ курсъ академіи со званіемъ художника XIV класса и получилъ большую серебряную медаль. Послѣ того онъ нѣкоторое время путешествовалъ по Востоку, гдѣ много работалъ съ натуры; за это время имъ написана картина «Алжирка учитъ дитя ходить, заставляя его итти за черепахой». Т. писалъ не только красками, но и рисовалъ; онъ хорошо владѣлъ такъ называемымъ «италійскимъ карандашемъ». Наиболѣе извѣстны его рисунки: «Кавалеръ», «Гуляки», «Торговка», «Священникъ». Въ 1844 г. Т. отправился въ Парижъ для усовершенствованія и работалъ тамъ подъ руководствомъ О. Вернета. Онъ участвовалъ въ парижскихъ салонахъ и обратилъ на себя вниманіе двумя картинами: «Русскій фельдъегерь» и «Арабскій импровизаторъ у воротъ Баль-эль-Уедъ въ Алжирѣ». Послѣдняя картина, выставленная въ 1848 г., считается лучшимъ его произведеніемъ. Въ 1849 г. Т. вернулся въ Россію и сталъ издавать «Русскій Художественный Листокъ» (съ 1851 г.). Изданіе представляло собою періодическій сборникъ, въ которомъ помѣщались литографіи, какъ самого Т., такъ и другихъ художниковъ, съ небольшимъ пояснительнымъ текстомъ. Оно имѣло значительный успѣхъ, особенно во время Крымской кампаніи. Т. самъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій при участвовавшихъ въ кампаніи великихъ князьяхъ и помѣстилъ въ своемъ изданіи много рисунковъ, изображающихъ различные эпизоды войны. Онъ много путешествовалъ по Россіи, побывалъ на Кавказѣ, гдѣ тогда шла борьба съ горцами, заимствуя тамъ сюжеты для своихъ баталическихъ рисунковъ и картинъ. Большое число его акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ находится въ альбомахъ особъ Императорской фамиліи. Бытовыя свои произведенія онъ издалъ въ видѣ отдѣльнаго сборника подъ названіемъ «Русскіе типы». Въ 1855 г. академія художествъ избрала его своимъ членомъ. Изданіе «Русскаго

Художественнаго Листка» продолжалось до 1863 г., когда Т. вслѣдствіе болѣзни глазъ принужденъ былъ оставить занятія искусствомъ. Онъ уѣхалъ заграницу и поселился въ Берлинѣ, гдѣ занимался живописью на фарфорѣ и фаянсѣ, составивъ у себя большую коллекцію своихъ работъ этого рода. Въ послѣдніе годы своей жизни Т. завѣдывалъ частнымъ керамическимъ заведеніемъ въ Берлинѣ, гдѣ и умеръ въ 1893 г.

В. А. Никольскій, „Русская живопись“, Спб. 1904, стр. 272, 275, 277.—А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства“, Москва 1900, т. II, стр. 156.—Ѳ. И. Булгаковъ, „Наши художники“, Спб. 1890, книга II, стр. 293.—А. Ивановскій, „Ф. И. Прянишниковъ и его картинная галлерея“, Спб. 1870, стр. 98—99, 144, 186—187.—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 666.—„Собраніе матеріаловъ для исторіи Импер. академіи художествъ“, т. II, стр. 363, 386, 390; т. III, стр. 248.—Д. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1882, т. II, стр. 1556; прил., стр. 129, 130.—„Русская Старина“, 1875, т. 14, стр. 66, 67, 511.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія“ за 1855 г., Спб. 1861, стр. 143, № 1438; то же за 1856 г., Спб. 1861, стр. 182, № 2464.—„Энциклопедическій словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 53, стр. 332 (слово „Русск. Худож. Листокъ“) и полут. 65, стр. 184—185.

Тимоѳеева, см. *Стрѣльникова, Авдотья Тимоѳеевна.*

Тимоѳеевъ, *Алексѣй Васильевичъ*, поэтъ, родился 15 марта 1812 г. въ гор. Курмышѣ, Симбирской губ.; умеръ въ іюлѣ 1883 г. въ имѣніи Саратовской губ.; среднее образованіе получилъ въ Казанской гимназіи, а высшее—въ Казанскомъ же университетѣ, на юридическомъ факультетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1830 г. со степенью кандидата. Въ слѣдующемъ году Т. переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу помощникомъ столоначальника въ департаментъ удѣловъ. Первыми напечатанными его произведеніями были пятиактная драма «Разочарованный» (Спб. 1832), сборникъ стихотвореній подъ названіемъ «Двѣнадцать пѣсенъ» (Спб. 1838; 2-е изд., 1835), фантазія въ 3 сценахъ «Поэтъ» и повѣсть «Художникъ» (1834). Эти произведенія имѣли значительный успѣхъ и обратили на Т. вниманіе въ литературной средѣ того времени. Академикъ и цензоръ А. В. Никитенко подъ 11 марта 1834 г. записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Я недавно сблизился съ молодымъ писателемъ Тимофеевымъ. Это совершенно новое и пріятное для меня явленіе. Онъ одаренъ пламеннымъ воображеніемъ, энергіей и талантомъ писателя. Доказательствомъ того служатъ его «Поэтъ» и «Художникъ», двѣ пьесы, исполненныя мысли и чувства. Онъ совершенно углубленъ въ самого себя, дышетъ и живетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ страстями, которыя служатъ для него источникомъ мукъ и наслажденій. Службой онъ почти не занимается и можетъ не заниматься, потому что имѣетъ деньги и не имѣетъ русскаго честолюбія, т. е. страсти къ чинамъ и орденамъ. Всегда задумчивъ, съ привлекательной физіономіей. Первоначально насъ свела цензура. Я не могъ допустить къ печати его пьесъ безъ исключеній и измѣненій: въ нихъ много новыхъ и смѣлыхъ идей. Вездѣ прорывается благородное негодованіе противъ рабства, на которое осуждена большая часть нашихъ бѣдныхъ крестьянъ. Впрочемъ, онъ только поэтъ: у него нѣтъ никакихъ политическихъ замысловъ». Баронъ Брамбеусъ (Сенковскій) увидѣлъ въ Т. восходящую звѣзду необыкновенной яркости; онъ превозносилъ его талантъ, называлъ Т. прямымъ наслѣдникомъ Пушкина и вторымъ Байрономъ и, конечно, пригласилъ въ постоянные сотрудники своей «Библіотеки для Чтенія». За 1834 г. Т. помѣстилъ въ послѣдней двѣ мистеріи—«Жизнь и Смерть» (кн. 8) и «Послѣдній день» (кн. 10). Одновременно съ этимъ онъ сталъ сотрудничать и въ «Сынѣ Отечества», въ которомъ за тотъ же годъ напечаталъ разсказы «Невидимка» (№ 18) и «Важный споръ» (№ 35), стихотворенія—«Мой демонъ» (№ 23) и «Посланіе къ барону Брамбеусу» (№ 27).

Въ концѣ 1834 г. Т. вышелъ въ отставку и отправился въ путешествіе по Западной Европѣ. Онъ побывалъ въ Германіи, Швейцаріи, Италіи и Голландіи, посылая въ русскіе журналы то корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ,—напр. «Утрехтскія происшествія» («Библ. для Чт.», 1834), «Русскіе художники въ Римѣ» (тамъ же, 1835, кн. 8), «Гамбургъ; письмо къ редактору» («Сынъ Отеч.», 1834, № 35), «Письмо къ ред. изъ Амстердама» (тамъ же, 1835, № 36), «Письмо къ ред. изъ Кастеля близъ Майнца» (тамъ же, № 45), то мелкія стихотворенія, какъ отрывокъ изъ фантазіи «Человѣкъ» (тамъ же, № 10), «Жен-

щина—посланіе къ мурзѣ Мелику» (тамъ же, № 32), «Я» (№ 33), то болѣе обширные разсказы и повѣсти, каковы: «Сентиментальная женщина» (тамъ же, № 3), «Валерій и Амалія, или несчастное семейство» («Библ. для Чт.», 1835, кн. 5; отд. Москва 1835) и «Конрадъ фонъ-Тейфельбергъ» (тамъ же, кн. 8). Возвратившись въ 1835 г. изъ путешествія, Т. снова поступилъ на службу, въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ членъ редакціи его оффиціальнаго журнала, въ которомъ особенно дѣятельнаго участія, повидимому, не принималъ, такъ какъ за долгое время помѣстилъ всего двѣ статьи: «Сравнительное состояніе русскихъ университетовъ за 1834 г.» (1835, ч. IX) и «Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ» (1836, ч. XIII). Болѣе часто появлялись произведенія Т. все въ той же «Библ. для Чтенія»; за ближайшіе годы были напечатаны его стихотворенія «Воронъ» (1835, т. XII), «Мысль» (т. XIII), «Пѣсня на новый годъ» и «Всадникъ» (1836, т. XIV), «Вѣтеръ и Роза» (т. XVI), «Вдали и вблизи» (т. XVII), «Пробужденіе въ снѣ» (т. XVIII), «Луна» (1837, т. XX), «Курганъ» (т. XXI), «Признаніе и возрожденіе» (т. XXII), «Время» и «Комета» (т. XXIV), «Море и вулканъ», «Выборъ» и «Терпѣніе» (1837, т. XXV), «Тоска» (1838, т. XXVI), «Посидѣлки» (баллада, т. XXVIII), «Бѣдность и богатство» (1839, т. XXXII) и крупная повѣсть «Джуліо» (1836), написанная, какъ сказано въ предисловіи, въ сотрудничествѣ съ «А. Бѣлкинымъ», — псевдонимъ, давшій многимъ поводъ думать, что подъ нимъ скрывается Пушкинъ (И. П. Бѣлкинъ), на самомъ же дѣлѣ онъ принадлежитъ О. И. Сенковскому. Отдѣльно онъ издалъ за это время фантазію «Елизавета Кульманъ» (Спб. 1835), въ 1837 г. вышедшую въ переводѣ K. Z. v-C. на нѣмецкомъ языкѣ («Elisabeth Kulmann», Phantasie von A. Timofeew), «Опыты въ прозѣ и стихахъ», 3 части (Спб. 1837), пятиактную трагедію «Римъ и Карагенъ» (1837) и «Очерки Іерусалима и свв. мѣстъ: Виѳлеема, Виѳаніи, Іордана, пустыни св. Іоанна, монастыря св. Саввы и пр.», — отчасти оригинальные, отчасти же составленные по перепискѣ о Востокѣ Мишо (1837).

Помѣстивъ въ «Маякѣ» 1843 г. нѣсколько мелкихъ стихотвореній и «Богатырскіе сборы Ильи Муромца» — прологъ къ драматической поэмѣ «Илья Муромецъ», Т. вдругъ исчезаетъ съ литературнаго горизонта, не появляясь на немъ въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ. Объ этомъ періодѣ жизни Т. извѣстно слѣдующее: въ 1843 г. онъ перешелъ на службу въ канцелярію одесскаго ген.-губернатора М. С. Воронцова, черезъ два года возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто столоначальника въ департаментѣ министерства юстиціи, въ 1849 г. былъ назначенъ въ Уфу губернскимъ прокуроромъ и въ этой должности оставался до 1853 г., когда вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ близъ Уфы; въ 1856 г. онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ снова служилъ—чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, а въ 1870 г. окончательно вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ. Въ дневникѣ того же А. В. Никитенко подъ 28 марта 1856 г. сохранилась слѣдующая замѣтка, характеризующая Т. въ періодѣ его литературнаго, такъ сказать, бездѣйствія и отчасти объясняющая послѣднее: «Встрѣтилъ недавно Т., бывшаго нѣкогда литераторомъ, но уже давно не появлявшагося въ печати..... Насилу могъ узнать. Лицо его, нѣкогда довольно пріятное, теперь точно опухло и заплыло жиромъ. Онъ женился, разбогатѣлъ, взявъ за женою огромное имѣніе, не служитъ, отъѣдается и отпивается, то въ своихъ деревняхъ, то въ Москвѣ. Это былъ большой писака! Писаніе у него было родъ какого-то животнаго процесса, какъ бы совершавшагося безъ его вѣдома и воли. Онъ мало учился и мало думалъ, но какъ подъ мельничнымъ жерновомъ у него въ мозгу все превращалось въ стихи, и стихи выходили гладкіе, иногда въ нихъ присутствовала мысль.... Журналы наполнены были его стихами. Онъ издалъ три тома своихъ сочиненій (разумѣются упомянутые «Опыты») — и вдругъ замолчалъ и скрылся куда-то. Но вотъ теперь выплылъ съ семьей, съ деньгами и съ брюхомъ — уже безъ стиховъ. Впрочемъ, виноватъ, стихи есть. У него со временемъ развилось странное направленіе: онъ пишетъ и прячетъ все написанное. У него полны ящики исписанной бумаги. «Что жъ вы не печатаете?» — спросилъ я.—Да такъ,—отвѣчалъ онъ:— Вѣдь я пишу, потому что пишется». Т. дѣйствительно писалъ, работалъ надъ произведеніемъ, которому онъ придавалъ осо-

бенное значеніе. Въ 1874 г. въ сборникѣ «Складчина» появилось его нѣсколько мелкихъ стихотвореній, а два года спустя онъ выступилъ съ огромной поэмой—«Микула Селяниновичъ, представитель земли». Это главное его произведеніе представляетъ попытку, въ большей части удачную, представить въ рядѣ живописныхъ картинъ всю исторію Россіи и въ рельефныхъ образахъ дать очеркъ происхожденія славянъ.

Несмотря на то, что въ 30-хъ годахъ Т. пользовался большою популярностью какъ поэтъ, онъ, однако, мало чѣмъ выдѣлялся изъ ряда посредственныхъ стихотворцевъ того времени. Проникнутымъ мыслью, хотя и не глубокой, гладкимъ, иногда красивымъ и образнымъ стихамъ Т. сильно вредитъ ихъ высокопарность, часто напыщенность, стремленіе произвести эффектъ, отсутствіе простоты, а порою и слащавость. Поэзія Т. напоминаетъ бенедиктовскую, но слабѣе ея. Зато у него есть много пѣсенъ въ народномъ духѣ, которыя выше «русскихъ пѣсенъ» Дельвига своею цѣльностью, непосредственностью и задушевностью. Положенныя на музыку лучшими композиторами, онѣ сдѣлались народнымъ достояніемъ; таковы: «Не женись на умницѣ», «Осѣдлаю коня», «Борода ль моя, бородушка» и друг.

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. III, Спб. 1887, стр. 76—77; вып. IV, Спб., 1888, стр. 12.—„Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, Гербеля, Спб. 1880, стр. 425—427.—И. И. Панаевъ, „Литературныя воспоминанія“, Спб. 1875, стр. 150—151. — „Дневникъ академика А. В. Никитенко“, „Русская Старина“, 1889, № 8, стр. 286—287; 1890, № 7, стр. 140—141.—„Историческій Вѣстникъ“, 1883, № 8, стр. 486.—„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза-Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 189.—„Русская Муза“, сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составилъ П. Я. (Якубовичъ), Спб. 1904, стр. 98.—Мезіеръ, „Русская словесность съ XI по XIX стол. включительно“, ч. II, Спб. 1902, №№ 17943—17960.

Тимоѳеевъ, *Антипъ*, служитель Соловецкаго монастыря, лоцманъ, спасшій жизнь Петру Великому, проведя яхту, на которой ѣхалъ Петръ, въ безопасное мѣсто. Во второй свой пріѣздъ въ Архангельскъ, въ маѣ 1694 г., Петръ Великій, согласно данному имъ прежде обѣту, отправился на архіерейской яхтѣ въ Соловецкій монастырь. Страшная буря, разразившаяся въ пути, грозила гибелью всѣмъ находившимся на утлой яхтѣ. Не потерявшій присутствія духа Т. рѣшительной рукой взялъ руль и на желаніе царя помочь ему будто бы отвѣтилъ такъ: «Поди прочь! я знаю что дѣлать! если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Т. благополучно провелъ яхту между многочисленными камнями Упскаго залива, введя ее въ Упскую гавань. «Славно ты меня отчиталъ», замѣтилъ Петръ Т. на берегу, чѣмъ тотъ былъ очень смущенъ; но государь, выше словъ цѣнившій дѣло наградилъ, его своей одеждой, 25 рублями денегъ и приказалъ навсегда освободить его отъ монастырскихъ работъ.

С. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. III, стр. 1089.—„Въ память Петра Великаго“, очеркъ Полевого, стр. 63, 64.

Тимоѳеевъ, *Артамонъ*, дьякъ приказа Большого дворца, былъ близокъ къ заговорщикамъ, приверженцамъ царевны Софьи Алексѣевны. Имъ написана окладная книга по Каширскому уѣзду, доведенная по 1677 г., благодаря которой «взято въ казну недоимокъ 5000 чет. да денегъ 427 руб.». Такую свою заслугу Т. выдвигаетъ въ челобитной, прося предоставить ему мѣсто на Окѣ для постройки мельницы въ безоброчное пользованіе въ теченіе 5 лѣтъ. Удовлетвореніе его просьбы, переходъ затѣмъ мельницы въ пользованіе его дѣтей и наконецъ отобраніе ея по рѣшенію камеръ-коллегіи послужило матеріаломъ для длительнаго и въ историческомъ отношеніи любопытнаго дѣла между зятемъ Т., Корчминымъ, камеръ-коллегіей и сенатомъ. Канцлеру Головину въ оправданіе поступка камеръ-коллегіи пришлось дать между прочимъ біографическія справки о Т.: «Съ прошлаго 190 года (1622), послѣ бунта, вскорѣ подъячій Артамонъ Тимоѳеевъ былъ при хоромахъ царевны Софьи Алексѣевны и выдана за него изъ ея хоромъ дѣвка и по той причинѣ былъ онъ, подъячій, въ милости ея, царевны Софьи Алексѣевны и пожалованъ во дворцовые дьяки. А онъ вору Федькѣ Щегловитому, который казненъ смертью, былъ великій другъ и въ поступкахъ его воровскихъ помощникъ, и за такимъ подозрѣніемъ ему, Тимоѳееву, въ Москвѣ ни въ какомъ приказѣ у дѣлъ быть не велѣно и посланъ былъ въ Сибирь». Есть указаніе, впрочемъ, что въ Сибирь Т. былъ посланъ только въ

1690 г., при боярин С. М. Салтыковѣ. Вскорѣ послѣ этого времени онъ умеръ; въ прошеніи Корчмина 1704 г. уже говорится о его смерти.

„Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“, т. 69.—„Акты Археографической Экспедиціи“, т. III.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. III.

Тимоѳеевъ, *Богданъ*, дьякъ монастырскаго прихода. Въ 1606 г. имя его впервые встрѣчается на жалованной грамотѣ Кириллову монастырю «объ изъятіи изъ вѣдомства городовыхъ мѣстныхъ начальствъ сбора денегъ и даточныхъ людей» съ крестьянъ означеннаго монастыря. Въ 1613 г. имъ утверждается уставная грамота крестьянамъ Борисоглѣбской слободы. Въ подтвержденіи жалованной грамоты Василія Шуйскаго «протопопу Саввѣ съ братіею собора Преображенія Спасова въ Нижнемъ Новгородѣ» Т. называется «государевымъ, царевымъ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руси дьякомъ», при чемъ подписывается имъ подтверждающая грамота. Большинство разрѣшительныхъ и жаловакныхъ грамотъ монастырямъ проходитъ черезъ руки Т. Такъ, имъ подписана жалованная грамота архимандриту Трифону Солотченскаго монастыря 21 мая 7122 (1614 г.), въ томъ же году жалованная «несудимая» грамота Никольскому Прилуцкому монастырю (на Двинѣ), въ 1615 г. грамота Бѣлозерскому воеводѣ Головину о невзысканіи «съ отчины Троицко-Сергіева монастыря необходимыхъ запасовъ на ратныхъ людей», въ томъ же году царская жалованная грамота Торузскому Николаевскому собору «на половину мыти на рѣкѣ Окѣ», въ 1616 г. царицѣ-инокинѣ Даріи Алексѣевнѣ жалованная грамота на село Никифоровское съ деревнями, въ 1619 г. разрѣшительная грамота Старо-Прилуцкому монастырю на безпошлинный провозъ соли и др.

„Акты Историч.“, т. II и III.—„Дополненія къ Актамъ Историч.“, т. I и II. — „Акты Археографической Экспедиціи“, т. I.

Тимоѳеевъ, *Василій*, дьякъ Посольскаго приказа; въ 1632 г. былъ подъячимъ при боярин В. С. Проестевѣ; сохранился указъ ему озаботиться устройствомъ двора для запасовъ корма посольствамъ, пріѣзжающимъ въ Москву. Въ 1666 г. на требованіе короля шведскаго Христіана отпустить на родину, въ Швецію, генералъ-поручика Николая Бодмана, посылавшагося въ Россію для обученія «шляхетскимъ» пріемамъ русскаго войска, за подписью Т. посланъ отвѣтъ, что Бодманъ необходимъ еще на нѣкоторое время, а вторичной грамотой за его же подписью сообщается, что генералъ-поручикъ отосланъ съ наградой. Когда въ 1671 г. извѣстные въ Россіи XVI вѣка иноземцы Петръ Марселисъ и фонъ деръ Гатель были приговорены къ высылкѣ «подъ надзоръ» въ Богородицкое, ихъ сопровождалъ Т. Значительной миссіей была посылка Т. въ качествѣ посла царя въ Польшу; по отзыву русскаго резидента въ Варшавѣ Тяпкина она была неудачно имъ выполнена. Порученіе Т. состояло въ томъ, чтобы привести къ присягѣ резидента Тяпкина и бывшихъ съ нимъ людей, вручить грамоту королю Яну III и разузнать тайно, насколько дѣйствительно возможенъ миръ Польши съ Турціей. 8 декабря 1675 г. Т. прибылъ въ Варшаву. Ему было вслѣно отдать грамоту королю непремѣнно при резидентѣ Тяпкинѣ, но благодаря сѣти интригъ канцлера Паца онъ былъ принятъ одинъ. Въ ожиданіи королевскаго пріема Т. успѣлъ поссориться съ резидентомъ изъ-за своихъ людей, безчинствовавшихъ въ Варшавѣ. Личная непріязнь, вѣроятно, дала поводъ Тяпкину говорить потомъ о Т., что онъ привезъ для подарковъ изъ Москвы соболи «самые плохіе и прѣлые, а лучшіе себѣ взялъ». Отъ короля польскаго Т., согласно данному наказу, долженъ былъ ѣхать къ императору Леопольду и передать ему грамоту царя Алексѣя Михаиловича. Ему поручается тайно разузнать, какія отношенія «у цезаря съ султаномъ, съ королями испанскимъ и французскимъ», да, кромѣ того, добиться, чтобы на грамотахъ царю писали «величество», а не «пресвѣтлѣйшество», какъ было въ прежнихъ грамотахъ. Въ 1677 г. Т., уже дьяку Рейтарнаго приказа, повелѣвается сдѣлать наборъ рейтаръ въ Ядринскомъ уѣздѣ и выслать списки помѣщиковъ и татаръ, набранныхъ воеводой Нелединскимъ въ Ядринскомъ уѣздѣ.

С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, кн. III, т. XII, стр. 511—514. — „Памяти дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“, т. IV, стр. 413, 416, 421, 475, 476, 478 — 484, 497, 498, 502 — 505, 664, 674, 1160, 1166.—„Дополненія къ Актамъ Историч.“, т. V, стр. 92; т. VI, стр. 185; т. VII, стр. 69.

Тимоѳеевъ, *Василій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1770 г.; въ дѣтствѣ еще лишившись отца, Т., по окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ (1797), вышедши прапорщикомъ въ армію, вынужденъ былъ жить на скудное офицерское жалованье. Боевое крещеніе онъ получилъ въ чинѣ штабсъ-капитана Выборгскаго пѣхотнаго полка въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе храбростью и распорядительностью; шефъ полка генералъ-маіоръ Олсуфьевъ упоминалъ о немъ особо въ донесеніи главнокомандующему. Въ кампанію 1807 г. Т. поддержалъ свою репутацію, когда подъ Прейсишъ-Эйлау съ охотниками атаковалъ колонну французскихъ егерей и отбилъ 2 орудія и единорогъ, за что былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ. По окончаніи похода Т. перевелся въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ, изъ котораго былъ командированъ въ 2-ю пѣхотную дивизію для указаній новыхъ правилъ обученія войскъ; это порученіе Т. выполнилъ очень удачно и послѣ Высочайшаго смотра удостоился награжденія брилліантовымъ перстнемъ (1809). 8 ноября 1811 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ командиромъ баталіона въ новый л.-гв. Литовскій (нынѣ Московскій) полкъ, съ которымъ и выступилъ въ Отечественную войну. Во время Бородинской битвы, въ которой полкъ покрылъ себя славой, Т. оказалъ нѣсколько крупныхъ услугъ: когда французы заняли Семеновскіе редуты и защищавшіе ихъ чины гренадерскихъ баталіоновъ стали отходить по одиночкѣ, онъ пристроилъ ихъ къ своему каре, а затѣмъ часть отправилъ на сосѣднюю батарею, которая, за убылью прислуги у орудій, не могла бы безъ нихъ дѣйствовать; выдѣлившись далеко впередъ, высмотрѣлъ расположеніе непріятельскихъ колоннъ, скрытыхъ за горой, и лично, съ разрѣшенія командира батареи, навелъ на нихъ орудіе; когда кирасиры готовились къ атакѣ на его каре, онъ велѣлъ лишь дѣлать движеніе ружьями, зная по опыту, что лошади не пойдутъ на блестящіе штыки; мѣра эта имѣла дѣйствительно успѣхъ, и кирасиры, поѣздивъ вокругъ каре, начали въ 30 шагахъ строиться въ колонну, чтобы ударить массой, но въ это время Т. бросился съ каре въ штыки, и латники обратились въ бѣгство; съ лѣваго фланга изъ-за лѣса появилась непріятельская колонна съ артиллеріей, съ очевиднымъ намѣреніемъ занять командующую высоту; замѣтивъ это, Т. испросилъ разрѣшеніе подъѣхавшаго генерала Коновницына предупредить непріятеля на этомъ пунктѣ и занялъ его раньше французовъ, но вскорѣ разрѣзная пуля, обвитая волосомъ, вывела его изъ строя, раздробивъ кость лѣвой ноги; за эти подвиги онъ былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. Рана оказалась очень серьезной, не заживала, и жизнь Т. долго была въ опасности, но все же, пролежавъ болѣе года въ госпиталѣ уѣзднаго города Касимова, онъ поправился и въ 1814 г. прибылъ къ арміи въ Варшаву, гдѣ былъ назначенъ комадующимъ гвардейскою резервною пѣхотною дивизіею. Въ 1816 г. Т. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а съ 1818 г. по 1824 г. командовалъ сформированною имъ гренадерскою бригадою отдѣльнаго Литовскаго корпуса, состоя подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, когда былъ переведенъ въ отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній. Въ 1828 г. Т. былъ назначенъ командиромъ резервной пѣхоты, а въ слѣдующемъ — начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи, на каковой должности произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ Турецкой войнѣ 1828—1829 гг. онъ принялъ участіе лишь во второй кампаніи, исправляя должность военнаго генералъ-губернатора Румеліи; при возвращеніи въ Россію былъ назначенъ на ту же должность въ Севастополь на мѣсто генерала Столыпина, убитаго во время свирѣпствовавшей тамъ чумы. Когда началось польское возстаніе, Т. выступилъ съ 11-й пѣхотной дивизіей для обложенія крѣпости Замостья. 4 августа 1831 г. генералъ Кайсаровъ, желая воздѣйствовать на гарнизонъ, рѣшилъ овладѣть двумя редутами впереди форштадта и уничтожить хранившіеся тамъ запасы; предпріятіе это выполнилъ удачно Т. въ два часа ночи, во главѣ 22-го Егерскаго полка, причемъ былъ контуженъ осколкомъ гранаты въ руку и ногу, а также ушибся при паденіи убитой подъ нимъ лошади; паденіе это имѣло дурныя послѣдствія, вызвавъ приливъ крови къ глазу; ушибленному пескомъ подъ Бородинымъ,

Т. началъ испытывать сильныя страданія; нѣсколько операцій не помогли, и въ 1837 г. глазъ былъ вынутъ. Въ 1842 г. Т. былъ назначенъ командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса въ Москвѣ, за отличное состояніе котораго былъ награжденъ орденами Александра Невскаго (1843), алмазными знаками къ нему (1846) и Владиміра 1-й степени (1848), а черезъ годъ назначенъ шефомъ Московскаго пѣхотнаго полка, что было послѣдней и самой почетной наградой. Скончался Т. 5 января 1850 г. и похороненъ въ церкви Новодѣвичьяго монастыря.

„Москвитянинъ", 1850, ч. 2, № 8, книга 2.— „Московскія Вѣдомости", 1850, № 4.

Тимоѳеевъ, *Иванъ*, дьякъ, авторъ извѣстнаго «Временника» о событіяхъ Смутнаго времени. По ошибочному предположенію П. М. Строева, его долгое время считали дьякомъ новгородскаго митрополита, но проф. С. Ф. Платоновъ на основаніи новыхъ изысканій устанавливаетъ, что онъ былъ государевымъ дьякомъ,—въ 1598 г., когда его имя вообще упоминается впервые, онъ подписался подъ грамотой объ избраніи Бориса Годунова, именно въ качествѣ приказнаго дьяка. О томъ, что онъ дѣйствительно служилъ въ московскихъ приказахъ, свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя данныя, приводимыя въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній»: такъ, въ маѣ 1604 г. ему была дана память снабжать «кормомъ и питьемъ» цесарскаго посла Бальтазара Марлу и его людей, и въ іюнѣ того же года—память о томъ же на обратной дорогѣ посла. При Димитріи Самозванцѣ Т. вмѣстѣ съ бояриномъ кн. Василіемъ Карданукoвичемъ Черкасскимъ и кн. Андреемъ Васильевичемъ Хилковымъ версталъ на Тулѣ помѣстнымъ и денежнымъ окладами дѣтей боярскихъ. Въ концѣ 1606 или началѣ 1607 г. Т. былъ отправленъ на службу въ Новгородъ государевымъ дьякомъ. Тамъ онъ былъ, между прочимъ, свидѣтелемъ народнаго самосуда надъ окольничимъ Михаиломъ Ивановичемъ Татищевымъ, заподозрѣннымъ въ измѣнѣ, и послѣ его трагической смерти составилъ опись и расцѣнку оставшагося по немъ имущества. Отбывъ службу къ началу 1610 г., Т. долженъ былъ возвратиться въ Москву, но сдѣлать этого по недостатку средствъ ему не удалось, и онъ задержался въ Новгородѣ вплоть до взятія этого города шведами и во все время господства послѣднихъ. Въ 1618—1619 гг. Т. вмѣстѣ съ дьякомъ Иваномъ Грязевымъ значится въ Астрахани при воеводѣ Андреѣ Хованскомъ, откуда въ 1620 г. отзывается въ Москву и черезъ два года (1620) получаетъ назначеніе въ Ярославль при воеводѣ Воейковѣ, гдѣ остается до 1625 г. Позже былъ дьякомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ отозваніемъ въ Москву изъ послѣдняго мѣста свѣдѣнія о немъ обрываются. П. М. Строевъ дату его смерти относитъ къ 1628—1630 гг.

Разореніе Новгорода шведами, чему Т. былъ очевидцемъ, произвело на него сильное впечатлѣніе, и тогда-то въ немъ зародилась мысль описать бѣдствія родины, вызванныя политической смутой. Поддержанный въ этой мысли новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ, Т. приступилъ къ составленію своего «Временника» въ 1616—1617 г. и проработалъ надъ нимъ, вѣроятно, до конца 20-хъ годовъ. Сочиненіе Т. носитъ названіе—«Временникъ по седьмой тысящи отъ сотворенія свѣта во осьмой въ первые лѣта». Оно сохранилось всего въ единственномъ экземплярѣ-спискѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Флорищевой пустыни (№ 168/682, въ 4-ю долю на 313 листахъ, скорописью XVII вѣка). Долгое время этотъ интересный временникъ былъ неизвѣстенъ; впервые на него указалъ П. М. Строевъ, честь же его изслѣдованія принадлежитъ С. Ѳ. Платонову въ его трудѣ «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ». Не представляя цѣльнаго очерка всѣхъ событій смуты, «Временникъ» содержитъ въ себѣ рядъ неравномѣрно разработанныхъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ царствованій Іоанна Грознаго, Ѳеодора, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. Періода междуцарствія Т. почти не касается, ограничиваясь характеристикой дѣятельности патріарха Гермогена. Въ видѣ дополнительныхъ статей къ «Временнику» присоединены главы: 1) «Лѣтописецъ вкратцѣ»—сжатый конспектъ всего предшествующаго изложенія, 2) «О крестномъ цѣлованіи королевичу Владиславу», 3) «О вдовствѣ Московскаго государства двѣ притчи» — риторическое сравненіе Московскаго государства въ эпоху смуты съ домомъ, въ которомъ, по смерти

хозяина, безчинствуютъ рабы. Въ заключительныхъ строкахъ «Временника» авторъ кратко упоминаетъ о прекращеніи смуты и свою работу заканчиваетъ восторженнымъ панегирикомъ Михаилу Ѳеодоровичу, патріарху Филарету и инокинѣ Маріѣ.

Въ ряду русскихъ сказаній о Смутномъ времени «Временникъ» Т. занимаетъ видное мѣсто какъ по своеобразной манерѣ изложенія, чрезвычайно изысканной и витіеватой, такъ и по раннему времени написанія, что придаетъ особое, весьма цѣнное значеніе нѣкоторымъ его показаніямъ. Что особенно интересно въ отношеніи автора, писавшаго въ первой четверти XVII вѣка, это его ярко выраженное стремленіе подняться отъ чисто фактическаго разсказа до обобщающихъ выводовъ. Т. сильно занимаетъ вопросъ о генезисѣ смуты, онъ часто останавливается на немъ и, разрѣшая его, пытается пойти дальше обычной въ такихъ случаяхъ въ древней письменности точки зрѣнія провиденціализма. Причины смуты онъ усматриваетъ въ другихъ общественно-историческихъ явленіяхъ: въ деспотической политикѣ Іоанна Грознаго, въ упадкѣ личной и общественной нравственности на Руси—и это положеніе иллюстрируется всѣмъ содержаніемъ «Временника», наполненнаго отрицательными характеристиками дѣятелей Смутнаго времени, начиная съ Бориса Годунова,—и въ разъѣдающей русское общество розни, возникшей на почвѣ взаимнаго недовѣрія и отсутствія сознательныхъ общихъ интересовъ. Въ виду всѣхъ этихъ условій и неурядицъ чисто внутренняго характера, происки и домогательства внѣшнихъ враговъ, какъ причина смуты, получаютъ въ глазахъ Т. второстепенное значеніе, что онъ и выражаетъ въ своей фразѣ: «Не чуждіи зе́мли нашей раззорители, но мы есмы сами той потребители». «Временникъ» Т. полностью напечатанъ въ XIII т. «Русской Исторической Библіотеки», издаваемой Археографической комиссіей.

Архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ; книги десятенъ, №№ 19, 223.—„Дополненія къ Актамъ Историческ.“, т. I, стр. 268—269.—„Акты Юридическіе“, № 214.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. V, стр. 5.—„Памятники дипломатическихъ сношеній“, т. II, стр. 814, 837.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. II, № 7.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI в.“, Спб. 1888 г., стр. 197—201, 400, 527, 528; прилож., стр. 60, 68.—С. Ѳ. Платоновъ, „Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“, Спб. 1888, стр. 128—168.—П. Строевъ, „Библіологическій словарь“.—П. Г. Васенко, „Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ“, Спб. 1908, 36 стр.

Тимоѳеевъ, *Константинъ Акимовичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, педагогъ, поэтъ и писатель; образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, гдѣ въ 1847 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата и золотою медалью за сочиненіе на тему: «Объяснить идею о философіи исторіи, возникшую въ новѣйшее время». Состоялъ преподавателемъ русскаго языка и словесности, а затѣмъ и инспекторомъ классовъ въ Петербургскомъ Смольномъ институтѣ. Умеръ въ Петербургѣ 25 марта 1881 г.

Т. помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи критическія и педагогическія, а также нѣсколько самостоятельныхъ и переводныхъ стихотвореній; нѣкоторыя его произведенія по исторіи литературы изданы отдѣльно. Напечаталъ: «Критико-эстетическіе очерки», вып. I: «Гамлетъ, принцъ Датскій» (Спб. 1862), «Пособіе при изученіи исторіи русской словесности» (Спб. 1869, 2-е изд., Спб. 1873), «Шекспиръ», соч. Гервинуса, перев. съ нѣмецк. яз. (Спб. 1869—1870; 2-е изд., Спб. 1873), «Воспоминаніе о королевѣ Вюртембергской Екатеринѣ Павловнѣ», переводъ (Спб. 1872), «Прощаніе», стих., посвящ. выпускнымъ воспитанницамъ Смольнаго института (Спб. 1879), «Генрихъ Песталоцци», біограф. очеркъ («Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.», 1856, ч. XC—XCI; отдѣльн. оттискъ, Спб. 1856, 2-е изд., Спб. 1877), «О направленіи и единствѣ преподаванія въ гимназіяхъ» (тамъ же, 1857, ч. XCII), «О журналѣ для воспитанія, издаваемомъ А. Чумиковымъ» (тамъ же, ч. XCIII), «Предѣлы самостоятельности въ воспитаніи», соч. Кюнера, переводъ (тамъ же, ч. XCIV), «Воспитаніе и воспитатели» (тамъ же, ч. XCVI), «Могила Пушкина и село Михайловское» (тамъ же, 1859, ч. CIII, кн. 8), «Пѣсня», стихотв. («С.-Петерб. Вѣдомости», 1854, № 119), «Поѣздка въ Видлицы» («Олонецкія Губ. Вѣдомости», 1864, № 46), «Князю П. А. Вяземскому», стихотв. («Сѣверная Почта», 1866, № 264), «Пѣвецъ», баллада Гёте («Литературная Библіотека», т. 4, стр. 147), «Памяти А. В. Шакѣева» («Современный Листокъ», 1870, № 75).

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1881 г.“, Спб. 1903, вып. I, стр. 66—67.—В. В. Григорьевъ, „Импер. Петербургскій универс. въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“, Спб., 1870, стр. XLII и LXXXV.—„Записки и дневникъ А. В. Никитенко“, Спб. 1893, т. I, стр. 524—525.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія“ за 1856 г., Спб. 1861, № 2078; то же за 1859 г., Спб. 1868, № 1874.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882—90, т. II, №№ 20089, 25027; т. IV, №№ 36857, 36858, 41388; т. VI, №№ 63972 и 63973.—А. В. Мезіеръ, „Русская словесность съ IX по XIX вѣкъ включ.“, Спб. 1902, ч. II, №№ 3699, 15309а, 15559.

Тимоѳеевъ, *Николай Дмитріевичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1799 г.; по окончаніи образованія въ первомъ кадетскомъ корпусѣ выпущенъ въ 1816 г. въ 16-ю артиллерійскую бригаду. Черезъ нѣсколько лѣтъ перевелся въ 19-ю артиллерійскую бригаду, съ которой принялъ участіе въ Турецкой войнѣ, отличившись въ нѣсколькихъ дѣлахъ: при взятіи Браилова, при Чифликѣ 17 іюля 1828 г. въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Ридигера (произведенъ въ штабсъ-капитаны), при блокадѣ Шумлы, въ сраженіи при Кульчѣ, въ дѣлахъ при Айдосѣ, Сливно и Адріанополѣ. Въ 1830 г. былъ произведенъ въ капитаны и въ слѣдующемъ году назначенъ командиромъ легкой № 3 роты 18-й артиллерійской бригады, съ которой участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 г., при блокадѣ крѣпости Замостья. 18-я бригада затѣмъ была послѣдовательно переименована въ 14-ю и 15-ю, и Т. продолжалъ служить въ ней до 1845 г., когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ 17-й артиллерійской бригады; этой бригадой онъ командовалъ и въ чинѣ генералъ-маіора (съ 1852 г.) до 1854 г., въ который разстался съ артиллеріей, получивъ 1-ю бригаду 14-й пѣхотной дивизіи. Оборона Севастополя дала возможность Т. отличиться еще разъ: 24 октября онъ, во главѣ Минскаго пѣхотнаго полка и 4 орудій произвелъ вылазку съ 6-го бастіона на лѣвый флангъ непріятельской линіи; противникъ стянулъ къ этому пункту 3 французскихъ дивизіи и турецкіе резервы, но Т. началъ наступать и навелъ непріятеля подъ перекрестный огонь крѣпостныхъ батарей, которыя нанесли ему значительный уронъ; за это дѣло Т. былъ награжденъ орденомъ Станислава 1-й степени. 26 мая 1855 г. Т., командуя пятымъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, повелъ ввѣренныя войска на штурмъ занятой французами Забалканской батареи; при штурмѣ онъ былъ раненъ пулей въ голову и черезъ три дня скончался.

„Артиллерійскій Журналъ“, 1856, № 5, стр. 14—15.

Тимоѳеевъ, *Парфенъ*, стрѣлецъ въ Азовѣ, поднявшій въ 1689 г. азовскихъ стрѣльцовъ, виновникъ такъ называемаго «Азовскаго бунта». Вскорѣ послѣ раскрытія дѣла стрѣльцовъ, взятыхъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, Т. въ Азовѣ началъ подбивать стрѣльцовъ «итти и бить начальниковъ». Призывъ его не вызвалъ всеобщаго возмущенія и серьезныхъ послѣдствій не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе надъ участниками движенія произведена суровая расправа: Т. былъ казненъ вмѣстѣ со многими въ декабрѣ 1698 г.

Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, кн. II, стр. 1193, 1201.—Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Полномъ Собр. Законовъ, т. IV, № 1679.

Тимоѳеевъ, *Петръ*, прозванный *Мстиславецъ* (по мѣсту рожденія въ Мстиславлѣ), вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровымъ былъ первымъ книгопечатникомъ въ Москвѣ. Т. былъ пришельцемъ въ Москвѣ, онъ самъ въ послѣсловіяхъ къ напечатаннымъ имъ книгамъ указываетъ на свое происхожденіе изъ г. Мстиславля, Могилевской области. Приглашенъ ли онъ въ Москву, когда здѣсь задумано было устроить типографію, или же прибылъ туда по собственному почину, остается невыясненнымъ. Неизвѣстно также, съ какого времени онъ поселился въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ уже здѣсь, когда въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія основана была первая московская типографія. Во вновь устроенной типографіи Т. работалъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровымъ, являясь помощникомъ послѣдняго; это видно изъ того, что сказанія половины XVII столѣтія «О воображеніи книгопечатнаго дѣла», сохранившіяся въ Печатномъ дворѣ, называютъ Т. «клевретомъ» Ѳедорова. Остается невыясненнымъ и вопросъ, гдѣ и у кого Т. обучался типографскому искусству. Существуетъ предположеніе, что обоихъ первопечатниковъ обучалъ Гансъ Миссенгеймеръ (или Богбиндеръ), датскій посолъ

привезшій въ 1552 г. Іоанну Грозному грамоту отъ датскаго короля Христіана III, въ которой предлагается объединеніе православной церкви съ лютеранской; «если это наше предложеніе (о церковномъ единеніи), — говорится въ грамотѣ,—и двѣ книги съ Библіей будутъ приняты и одобрены тобой, возлюбленный братъ, патріархомъ, митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ, то этотъ нашъ служитель (Гансъ), по переводѣ означенныхъ книгъ, напечатаетъ ихъ въ нѣсколькихъ ста экземпляровъ, и такимъ образомъ можно будетъ въ немногіе годы споспѣшествовать и содѣйствовать пользѣ всѣхъ церквей и прочихъ подданныхъ, ревнующихъ о славѣ Христовой и о своемъ спасеніи». Но предложеніе это принято не было, посолъ датскаго короля встрѣченъ былъ недружелюбно, и потому маловѣроятно, чтобы ему поручено было обучать типографскому искусству лицъ, которыя должны были печатать богослужебныя книги. Тѣмъ менѣе вѣроятно, какъ на это указываетъ Соловьевъ, высказываемое нѣкоторыми изслѣдователями предположеніе, что Гансъ Богбиндеръ руководилъ первопечатниками при печатаніи «Апостола»: ни въ послѣсловіи къ московскому «Апостолу», ни въ послѣсловіяхъ къ другимъ своимъ изданіямъ Иванъ Ѳедоровъ и Т. не упоминаютъ о Гансѣ. По сказаніямъ «О воображеніи книгопечатнаго дѣла» Иванъ Ѳедоровъ и Т. выучились книгопечатанію у итальянцевъ-фряговъ. Если принять во вниманіе, что со времени Іоанна III Московское государство находилось въ близкихъ сношеніяхъ съ Италіей, въ особенности же съ Венеціей, откуда въ Москву стали пріѣзжать художники и ремесленники, что въ послѣсловіяхъ къ изданіямъ первопечатниковъ встрѣчаются итальянскія техническія названія и что въ украшеніяхъ книгъ, печатанныхъ Иваномъ Ѳедоровымъ и Т., замѣчается сходство съ орнаментовкой венеціанскихъ изданій, то предположеніе, что учителями нашихъ первопечатниковъ былъ кто-либо изъ жившихъ тогда въ Москвѣ итальянцевъ, становится весьма вѣроятнымъ; и въ послѣсловіи къ московскому «Апостолу» говорится, что Іоаннъ Грозный «началъ помышляти, како бы изложити печатныя книга, яко же въ Грекехъ и въ Венецыи и въ Фрижи». Достаточно обоснованнымъ такое предположеніе тѣмъ не менѣе не можетъ считаться, ибо, во-первыхъ, въ документахъ нигдѣ нѣтъ даже намека соотвѣтственнаго, и къ тому же, во-вторыхъ, итальянское искусство стало проникать въ Россію еще за 100 лѣтъ до основанія первой московской типографіи, а итальянскіе термины усвоены были въ то время во всей Европѣ и могли проникнуть въ Москву косвеннымъ путемъ. Относительно Т. вѣроятнѣе всего допустить, что онъ ко времени прибытія въ Москву уже былъ знакомъ съ типографскимъ дѣломъ, которому могъ научиться въ Вильнѣ или вообще на западѣ или юго-западѣ Руси, куда русское книгопечатаніе было занесено изъ Чехіи и гдѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія были извѣстны изданія доктора Скорины. Гатцукъ высказываетъ даже мысль, что Т. былъ учителемъ Ивана Ѳедорова; и если не Т., а Ивану Ѳедорову отведена была главная роль въ московской типографіи, то потому, что хотя Т. былъ православный, но все же пришлецъ изъ Польши, главнымъ же образомъ потому, что ему, какъ міранину, нельзя было поручить дѣло исправленія церковныхъ книгъ, для чего по преимуществу и была устроена московская типографія. Необходимостью обучить Ивана Ѳедорова книгопечатному дѣлу Гатцукъ объясняетъ и то обстоятельство, что между основаніемъ московской типографіи и началомъ работы въ ней прошло десять лѣтъ. Флетчеръ, жившій въ Россіи во второй половинѣ XVI столѣтія, свидѣтельствуетъ, что первопечатники учились въ Польшѣ, откуда вывезены были шрифтъ и станокъ.

Первой книгой, напечатанной Ѳедоровымъ и Т. въ московской типографіи, былъ «Апостолъ». Нѣкоторые библіографы высказываютъ предположеніе, пока не подтвердившееся, что еще до «Апостола» тѣми же лицами печатались въ Москвѣ и другія книги. Апостолъ, какъ это видно изъ послѣсловія, начатъ печатаніемъ 19 апрѣля 1563 г. при митрополитѣ Макаріи и законченъ при преемникѣ его, митрополитѣ Аѳанасіи, 1 марта 1564 г. Онъ заключаетъ въ себѣ 267 листовъ малаго формата, по 25 строкъ въ каждой страницѣ. Книга эта напечатана съ разными украшеніями, заглавныя буквы киноварью, и въ ней помѣщено изображеніе евангелиста Луки, который держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ со словами: «первое убо слово».

Печать «Апостола» хорошая и свидѣтельствуетъ о тщательности и усердіи, но въ немъ встрѣчается много орѳографическихъ ошибокъ, а изъ знаковъ препинанія употреблены только точка и запятая, часто не у мѣста. Второй книгой былъ «Часословъ», начатый печатаніемъ 2 сентября и оконченный 29 октября 1565 г.; онъ содержитъ 172 листа въ четвертую долю листа, по 13 строкъ въ страницѣ. Какъ установилъ архимандритъ Леонидъ, московскими книгопечатниками напечатано было еще «Евангеліе напрестольное» безъ выходного листа: время печатанія его архим. Леонидомъ относится къ 1564—1568 гг.

Дѣятельность первопечатниковъ въ Москвѣ продолжалась недолго. Державшіеся покровительствомъ митрополита Макарія, они послѣ его смерти были обвинены въ ереси и волшебствѣ, типографія была подожжена, и они принуждены были бѣжать въ Литву. На роль духовенства въ преслѣдованіи Ивана Ѳедорова и Т. указываетъ и Флетчеръ; немало этому, вѣроятно, способствовали и переписчики книгъ, такъ называемые «доброписцы», промыселъ которыхъ долженъ былъ совершенно пасть вслѣдствіе введенія книгопечатанія. Время ихъ бѣгства въ точности неизвѣстно. Въ Литвѣ они встрѣтили благосклонный пріемъ у короля и у пановъ рады литовской, о чемъ разсказывается въ послѣсловіи къ львовскому «Апостолу» 1574 г.: «Егда же оттуду (т. е. изъ Москвы) сѣмо преидохомъ и, по благодати богомольнаго Іисуса Христа, Господа нашего, хотящаго судити вселеннѣй въ правду, въспріяша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ Августъ, кроль польскій и великій князь литовскій со всѣми паны рады своея». Пріемъ этотъ могъ произойти или на Виленскомъ сеймѣ въ концѣ 1565 г. или въ началѣ 1566 года, или же на Гродненскомъ сеймѣ въ серединѣ 1567 г., такъ какъ на этихъ сеймахъ присутствовалъ король съ литовской радой. Въ Литвѣ московскіе бѣглецы получили приглашеніе отъ Григорія Александровича Ходкевича, «наивысшаго гетмана великаго княжества Литовскаго», извѣстнаго ревнителя православія, устроить типографію въ его имѣніи Заблудовѣ (нынѣ мѣстечко Бѣлостокскаго уѣзда), обѣщавшаго дать нужныя для этого средства. Предложеніе было принято, и типографія устроена. Здѣсь напечатано съ 8 іюня 1568 г. по 17 марта 1569 г. «Евангеліе учительское»... «Не пощадѣхъ,—говоритъ Ходкевичъ въ послѣсловіи,—отъ Бога дарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати, къ тому же изобрѣтахъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарскомъ людей наученыхъ Ивана Ѳедорова Москвитина и Петра Тимоѳеевича Мстиславца, повелѣли есмы имъ, учинивши веритатъ друкарски, выдруковати сію книгу Евангеліе учительское». Въ печатаніи заблудовской «Псалтири съ часословцами» въ 1570 г. Т. уже участія не принималъ: она напечатана однимъ Ѳедоровымъ. Т. покинулъ Заблудово и отправился въ Вильну, а заблудовская типографія вскорѣ прекратила свое существованіе по желанію ея основателя.

Въ Вильну Т. прибылъ по приглашенію друзей князя Курбскаго, Зарѣцкихъ и Мамоничей. При помощи виленскихъ купцовъ, братьевъ Козьмы, Льва и Луки Мамоничей, онъ устроилъ здѣсь типографію, гдѣ и возобновилъ свою дѣятельность. Переселеніе Т. въ Вильну произошло вѣроятно въ 1570 г., т. е. тотчасъ послѣ соединенія Литвы и Польши по Люблинской уніи въ 1569 г., когда православію и вообще всему русскому стала на Литвѣ угрожать большая опасность. Перенесши свою дѣятельность въ Вильну, Т. занялъ одинъ изъ передовыхъ и наиболѣе опасныхъ постовъ въ борьбѣ православія съ католицизмомъ за распространеніе своего вліянія въ Западной Руси. Первымъ изданіемъ, напечатаннымъ Т. въ типографіи Мамоничей, было «Четвероевангеліе», начатое 14 мая 1574 г. и законченное 30 марта 1575 г., размѣромъ въ листъ на 9+395 листахъ, по 17 строкъ въ страницѣ. Азбука «Четвероевангелія» великорусская, но въ нее по требованіямъ мѣстнаго произношенія введены юсы. Шрифтъ, который Т. употреблялъ въ виленской типографіи, сдѣлался родоначальникомъ такъ называемыхъ «евангельскихъ шрифтовъ». Къ «Четвероевангелію» приложены изображенія четырехъ евангелистовъ. Затѣмъ Т. напечаталъ «Псалтирь» въ 1576 г., размѣромъ въ листъ, на 249 листахъ. На этомъ дѣятельность Т. заканчивается. При изданномъ виленской типографіей въ 1576 г. «Апостолѣ» безъ выходного листа помѣщена королевская привилегія польскаго короля, дарованная Мамоничамъ, а объ участіи Т.

въ печатаніи «Апостола» ничего не говорится. Очевидно, Мамоничи выхлопотали себѣ привилегію, послѣ того какъ воспользовались искусствомъ и принадлежностями Т., устранивъ его самого отъ дѣла. Дальнѣйшая судьба Т. неизвѣстна. Виленская типографія существовала послѣ этого еще около 60 лѣтъ и называлась «Друкарня въ дому Мамоничевъ».

„Послѣсловія“ къ московскому (1564) и львовскому „Апостолу“ (1574), къ „Евангеліямъ“ заблудовскому (1565) и виленскому (1575) и къ „Псалтири“ (Вильна 1575—1576).—Ѳ. И. Булгаковъ, „Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства“, Спб. 1889, т. I, стр. 215—230, 236, 238, 252.—И. Н. Божеряновъ, „Историческій очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла“, Спб. 1895, стр. 9—10.—В. Е. Румянцевъ, „Сборникъ матеріаловъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи“, Москва 1872, выпускъ I. — Митрополитъ Евгеній, „Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви“, Спб. 1827, т. I, стр. 260 и слѣд.—А. А. Бахтіаровъ, „Исторія книги на Руси“, Спб. 1875, стр. 75—81.—А. Гатцукъ, „Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи“, „Русскій Вѣстникъ“, 1872, май, стр. 328—339, 341.—К., „Старопечатныя славянскія изданія“, „Вѣстникъ Славянства“, 1895, кн. X, стр. 120.—Н. С., „Очеркъ книгопечатнаго дѣла въ Россіи“, въ приложеніи къ „Русской Библіографіи“ за 1878 г., выпускъ 2, стр. 12—13.—И. Снегиревъ, „О сношеніяхъ датскаго короля Христіана III съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ“, „Русскій Историческій Сборникъ“, Москва 1840, т. 4, кн. 1, стр. 118. — „Отчетъ о седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова“, Спб. 1864, стр. 33—38.—В. С. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“ подъ редакц. В. Н. Рогожина, Спб. 1904, ч. I, предисловіе, стр. XXXII—XXXIII; № 73; ч. V, №№ 12893 и 12897.—А. С. Петрушевичъ, „Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ“, Львовъ 1883, стр. 38.—И. И. Малышевскій, „Новыя данныя для біографіи Ивана Ѳедорова, русскаго первопечатника“ „Чтенія въ Историч. Общ. лѣтописца Нестора“, 1893, кн. 7, стр. 95—96.—Евгеній, „О слав.-русск. типографіяхъ“, „Вѣстн. Европы“, 1813, ч. LXX, № 14.—„Первые русскіе типографщики“, изд. А. Воейкова, Спб. 1838. — К. Тромонинъ, „Достопримѣчательности Москвы“, Москва 1844, стр. 17—24.—Ляхницкій, „Начало книгопечатанія въ Россіи“, Спб. 1833. — Флетчеръ, „О государствѣ россійск.“, гл. 21.—Н. Гречъ, „Опытъ краткой исторіи россійск. литературы“, Спб. 1822, стр. 43—44.—Д. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи художествъ“, Москва 1870, стр. 55.—П. Н. Полевой, „Очеркъ жизни и дѣятельности перваго русскаго печатника Ивана Ѳедорова“, Спб. 1883.—Л. Снегиревъ, Первинк а русскаго книгопечатанія“, „Библіографическія Записки“, 1862, № 1.—П. В. Владимировъ, „Начало славянскаго и русск. книгопечатанія въ XV—XVI вв.“, Кіевъ 1894.—„О древнихъ типографіяхъ“, „Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1845 — 1846, кн. 3.—J. Frich, „Historia linguae slavonicae“, Berlini 1727.—Geideke, „Ueber die Einführung und den Fortgang der Buchdruckereikunst in Russland“, Riga 1808. — Brandt, „Historia drukarú w królewstwie Polskiemi w kr. Litewskiem“, 1826. — Его же, „Historia drukarú krakowskich“, стр. 146—147.—J. Backmeister, „Essai sur la Bibliothèque publique“, стр. 98.—В. Берхъ, „О евангеліи, напечатанномъ въ 1575 г. въ Вильнѣ“, „Сѣверный Архивъ“, 1822, ч. 2, № 8.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, Спб. 1821, т. IX, стр. 50; примѣч. 89 на стр. 27. — Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, ч. VII, стр. 259, 285.—А. Новицкій, „Исторія русскаго искусства съ древнѣйшихъ временъ“, Москва 1903, т. I, стр. 374.—„Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи“, изд. П. Н. Батюшкова, Спб. 1874, вып. VI, стр. 142, 171.—„Энциклопедическій словарь“ Эфрона, 1-е изд., полут. 23, стр. 88, слово „Заблудово“; полут. 39, стр. 102; полут. 46, слово „Печатное дѣло“, стр. 526; полут. 54, стр. 414. — П. Кеппенъ, „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Библіографическіе листы 1825 г.“, Спб. 1826, стр. 37—38; стр. 293, № 217; стр. 294, № 233; стр. 295, № 242; стр. 296, № 243.—М. А. Максимовичъ, „Книжная старина южно-русская“, „Временникъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1849, № 1, стр. 3.—„Вѣстникъ Европы“, 1813, № 18, стр. 93, и 1822, № 11 и 12 (статьи Калайдовича); 1823, № 4.—„Православное Обозрѣніе“, 1883, № 11.—„Сѣверный Архивъ“, 1823, ч. 2, стр. 318.—„Кіевская Старина“, 1886, № 6, стр. 238.—„Реестръ старопечатныхъ славянскихъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ А. С. Ширяева“, Москва 1833, № 6.—П. Строевъ, „Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ И. Н. Царскаго“, Москва 1836, стр. 8, № 15; стр. 11, № 17; стр. 15, № 21.—Его же, „Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящихся въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого“, Москва 1829, стр. 25—28, № 16; стр. 28—32, № 17; стр. 41, № 19.—Его же, „Дополненіе къ старопечатнымъ книгамъ“, стр. 242—243.—Сахаровъ, „Обозрѣніе славяно-русской библіографіи“, Спб. 1849, стр. 14, № 45; стр. 15, № 46; стр. 16, № 50; стр. 18, №№ 76 и 77.—И. Каратаевъ, „Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 г.г.“, Спб. 1861, стр. 11, №№ 54, 55, 59; стр. 13, №№ 69, 70.—И. И. Срезневскій, „Древнія русскія книги“, въ „Христіанскихъ древностяхъ“ Прохорова, 1864, кн. 2 и 5.—В. М. Ундольскій, „Очеркъ славяно-русской библіографіи“, Москва 1871, стр. 11, №№ 61, 62; стр. 12, № 66; стр. 13, №№ 76, 77, 78.—Архим. Леонидъ, „Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ въ 1564—1568 г.г.“, Спб. 1883.—„Московскія Вѣдомости“, 1853, № 152.—„Жур-

налъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1838, ч. IX, стр. 563; 1849, ч. XXI, стр. 162; 1884, май, стр. 42.—„Другъ Просвѣщенія", 1806, ч. IV, стр. 151.—„Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества", т. II, вып. 1, стр. 33, примѣч. 68.—В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи", Кіевъ 1891, т. I, кн. 1, стр. 785.—„Трехсотлѣтіе перваго друкаря на Руси Ивана Ѳедорова. 1583 — 1883 г.г.", юбилейное изданіе журнала „Обзоръ Графическихъ Искусствъ". — П. Шибаповъ, „Каталогъ русскихъ и славянскихъ книгъ, напечатанныхъ внѣ Москвы и Петербурга", Москва 1888.—П. П. Голике, „Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ", Спб. 1895.—А. Кирпичниковъ, „Очеркъ исторіи книги",„Пантеонъ Литературы", 1888, № 2.

Тимоѳеевы—нѣсколько болѣе или менѣе выдающихся иконописцевъ XVII в.— 1. *Абрамъ*, упоминается впервые въ 1664 г., когда писалъ образа въ церкви Евдокіи-мученицы; въ 1668 г. работалъ въ Саввинскомъ монастырѣ, въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ и вмѣстѣ съ Гришкой Ивановымъ «на кормовомъ дворцѣ доски прянишныя писалъ, и кадки яишныя травами писалъ, и столы травами писалъ жъ, и шесты писалъ, и въ Чудовомъ монастырѣ школы патріархомъ писалъ, трубы, печи писалъ...» и т. д. — 2. *Артемій*, родомъ изъ Костромы, въ 1681 г. расписывалъ церковь Ильи пророка въ Ярославлѣ и соборъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ; въ 1673—1684 гг. писалъ потѣшную книгу для царевича Петра Алексѣевича. — 3. *Борисъ*, въ 1664 г. за «успенское» письмо былъ пожалованъ царскою наградою; подъ 1650 г. называется 2-мъ кормовымъ иконописцемъ у письма въ Саввинскомъ монастырѣ. — 4. *Иванъ*, упоминается какъ иконописецъ въ 1668 г., повидимому также работалъ надъ писаніемъ образовъ для Саввинскаго монастыря. — 5. *Поликарпъ*, по одной изъ сказокъ отъ 1652 г. называется кормовымъ иконописцемъ. — 6. *Тимоѳей*, подъ 1642 г. величается «изуграфомъ московскимъ»; въ 1664 г. получилъ царскую награду за «успенское» письмо. — *Ѳедоръ*, наиболѣе выдающійся изъ всѣхъ, носилъ званіе царскаго иконописца «большой статьи»; впервые упоминается подъ 1661 г., когда получилъ порученіе «исправить на дому карту»; въ въ 1664 г. былъ у иконнаго письма въ церкви Евдокіи-мученицы; въ слѣдующемъ году писалъ образа во дворѣ троюроднаго брата царя Михаила Ѳедоровича, боярина Никиты Ивановича Романова (повидимому, по заказу жены, такъ какъ самого боярина къ этому времени уже не было въ живыхъ; умеръ въ декабрѣ 1655 г.); наконецъ, въ 1666 г. былъ у письма въ церкви Спаса и въ Саввинскомъ монастырѣ.

И. Е. Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія", стр. 9, 12, 13, 28, 53, 55, 73, 74, 91, 103.—Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка", Спб. 1856, стр. 184—185.—Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи", Спб. 1903, стр. 138, 165.

Тимоѳей Васильевичъ (*Власьевичъ*), псковскій посадникъ, принадлежалъ къ знатному боярскому роду во Псковѣ. Посадникомъ упоминается между 1448 и 1471 гг., но въ лѣтописяхъ нѣтъ точныхъ указаній о томъ, когда впервые онъ былъ избранъ на эту должность и въ какіе изъ отмѣченныхъ годы онъ былъ не у власти, т. е. долженъ считаться бывшимъ посадникомъ. Въ 1448 г. онъ участвовалъ въ псковско-ливонскомъ съѣздѣ на р. Наровѣ по заключенію мира между совѣщавшимися сторонами; несомнѣнно, что въ это время онъ былъ степеннымъ посадникомъ, т. е. стоялъ у власти. Обратное слѣдуетъ предполагать о послѣдующемъ времени, длившемся около 15 лѣтъ, вплоть до 1463 г., когда Т. В., повидимому, опять въ роли степеннаго посадника, былъ посланъ псковичами въ Москву къ Іоанну III просить въ Псковъ князя; такъ какъ Іоаннъ гнѣвался на Псковъ, то онъ сначала не хотѣлъ принимать Т. В., но послѣ трехдневныхъ переговоровъ согласился его выслушать, и въ результатѣ «отпусти его съ милостивымъ словомъ». Въ томъ же 1463 г. Т. В., во главѣ псковской рати, вышелъ противъ ливонцевъ, подошедшихъ къ Новому городку; при его приближеніи ливонцы сначала поспѣшно отступили, но затѣмъ съ подоспѣвшими къ нимъ на помощь свѣжими силами возвратились, готовые принять бой; вступить въ борьбу съ превосходнымъ непріятелемъ Т. В. не рѣшился и отошелъ къ Пскову, гдѣ сталъ собирать подкрѣпленія. Есть еще одно упоминаніе о Т. В. подъ 1463 г. — въ концѣ года онъ провожаетъ до Невадичъ уѣзжающаго въ Москву великокняжескаго воеводу Ѳедора Юрьевича Шуйскаго и подноситъ ему дары. Въ 1465 г. Т. В. заложилъ новыя деревянныя стѣны вокругъ Пскова, а годъ спустя началъ строить въ городѣ, по случаю большого мора, церковь св. Варлаама

Хутынскаго. При его посадничествѣ въ 1468 г. произошелъ раздѣлъ новыхъ, значительно разросшихся пригородовъ Пскова на концы. Въ 1471 г. Т. В. участвовалъ въ псковско-литовскомъ съѣздѣ на Березничи, а вскорѣ послѣ этого съ псковской ратью пошелъ на помощь Іоанну Васильевичу, осаждавшему Новгородъ; по дорогѣ Т. В. осадилъ Вышегородъ, но затѣмъ, добившись выдачи находившихся тамъ въ плѣну псковичей, осаду снялъ и подступилъ къ Княжичамъ, гдѣ долженъ былъ оставить рать, а самъ спѣшно поѣхалъ въ Коростыню, куда вызвалъ его зачѣмъ-то Іоаннъ III. Послѣднее извѣстіе о Т. В. относится тоже къ 1471 г., подъ которымъ упоминается, что онъ и псковская рать, послѣ заключенія между Новгородомъ и Москвою мира, возвратились въ Псковъ.

„Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей“, т. IV, стр. 214, 222—223, 226 — 227, 229—231, 235, 240—242; т. V, стр. 31, 34.— „Акты Историческіе“, т. I, стр. 101.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. V, стр. 47, 319.

Тимоѳей Васильевичъ, новгородскій посадникъ; въ этой должности упоминается всего единственный разъ, именно подъ 1 сентября 1421 г., когда вмѣстѣ съ тысяцкимъ Кузьмой Терентьевичемъ и другими видными новгородцами участвовалъ въ чинѣ избранія на новгородскій святительскій столъ новаго архіепископа, Ѳеодосія, бывшаго игумена Троицкаго монастыря (на мѣсто скончавшагося въ іюнѣ этого года архіеп. Симеона); во главѣ сословія именитыхъ новгородцевъ Т. В. «взведоша Ѳеодосіа въ домъ св. Софіи на сѣни». По всѣмъ вѣроятіямъ слѣдуетъ думать, что посадничалъ онъ до 1428 г.,— только въ этомъ году въ посадникахъ упоминается уже другое лицо, Григорій Посихно.

„Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики“, ч. II, Спб. 1786, стр. 699. — Степенная книга, ч. I, стр. 512. — К. Ф. Калайдовичъ, „Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва 1821, стр. 237—238.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. V, Спб. 1843, прим. 254. — Д. Прозоровскій, „Новыя разысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“, вып. IX, Спб. 1892, стр. 119, 128.

Тимоѳей Евстафьевичъ, новгородскій посадникъ; имя его, наряду съ именами многихъ другихъ бывшихъ посадниковъ, упоминается въ двухъ грамотахъ отъ 1471 г., которыми новгородская республика скрѣпила свой союзъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ; въ первой изъ нихъ, такъ называемой «Новой докончальной и приписной» грамотѣ (отъ 11 августа) рѣчь идетъ о томъ, чтобы великому князю Новгородъ «держати въ старинѣ по пошлинѣ безъ обиды», взамѣнъ чего новгородцамъ княженіе на ихъ столѣ московскаго князя также «держати честно и грозно безъ обиды», литовскому князю «не отдатися нѣкоторою хитростью» и отъ Москвы «быти неотступными ни къ кому» и пр. На этой «миромъ и крестнымъ цѣлованіемъ докончанной» грамотѣ имя Т. Е. съ новгородской стороны стоитъ первымъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ былъ посадникомъ *степеннымъ*, т. е. правительствовавшимъ въ тотъ моментъ, а не бывшимъ. Дѣйствительно, степеннымъ посадникомъ онъ и называется во второй грамотѣ отъ того же года, которою были признаны со стороны Москвы права Новгорода на владѣніе нѣкоторыми землями на сѣверѣ и Уралѣ.

„Акты Археогр. Экспедиціи“, т. I, №№ 91, 93, стр. 66, 72.—„Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ“, ч. I, стр. 26.—К. Ѳ. Калайдовичъ, „Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва 1821, стр. 250.—Д. Прозоровскій, „Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“, вып. IX, Спб. 1892, стр. 122. — Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. VI, прим. 66.

Тимоѳей Юрьевичъ, новгородскій посадникъ, представитель виднаго новгородскаго боярскаго рода, сынъ посадника же Юрія (Гюргія) Ивановича; впервые упоминается подъ 1386 г., когда, не будучи еще посадникомъ, вмѣстѣ съ занимавшимъ тогда эту должность Ѳедоромъ Тимоѳеевичемъ, по приговору вѣча, былъ отправленъ въ Заволочье для сбора съ тамошнихъ жителей 5.000 рублей, предназначенныхъ въ вознагражденіе поволжскимъ городамъ за убытки, причиненные заволочанами самовольнымъ ихъ вторженіемъ туда. Время перваго избранія Т. Ю. въ посадники неизвѣстно, но въ 1392 г. онъ называется уже состоящимъ въ этой должности. Въ это время Новгородъ переживалъ одинъ изъ нелегкихъ моментовъ своей исторіи; на почвѣ отказа его платить Москвѣ «черную», или народную дань между нимъ и

великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ происходили тренія. Желая усложнить конфликтъ, вызвать городъ на болѣе явную враждебность и тѣмъ самымъ получить поводъ для военныхъ дѣйствій противъ него, князь послалъ въ Новгородъ московскаго митрополита Кипріяна, которому поручилъ, опираясь на бывшій когда-то обычай, потребовать отъ новгородцевъ подчиненія ихъ въ гражданскихъ дѣлахъ духовному суду митрополита. Въ отвѣтъ на эти притязанія руководимые Т. Ю. новгородцы сослались на крестную грамоту, которой они раньше постановили «къ митрополиту не зватися», и отказались подчиниться. Кипріанъ уѣхалъ «съ великою досадою», а великій князь тотчасъ же выступилъ походомъ на новгородскія области и многія мѣста предалъ огню и грабежу. Съ своей стороны и новгородцы не остались въ долгу: Т. Ю., наряду съ князьями Романомъ литовскимъ и Константиномъ Іоанновичемъ бѣлозерскимъ, собралъ значительную рать «охвочихъ людей» новгородской вольницы и позднею весною 1393 г. обрушился на московскія области по Сѣверной Двинѣ, захвативъ и разграбивъ Устюгъ, Устюжну и Кличенъ-городокъ. Перевѣсъ остался на сторонѣ Москвы, и новгородцы должны были пойти на уступки: «не хотя видѣти кровопролитья больше», какъ снисходительно выражается лѣтопись, они послали къ великому князю «съ челобитьемъ о старинѣ», а къ митрополиту Кипріану «грамоту цѣловальную». Повидимому, вскорѣ послѣ этихъ событій Т. Ю. былъ лишенъ посадничества, но уже въ 1397 г. по маловажному случаю упоминается «Тимоѳей Юрьевичъ и вси посадницы», изъ чего слѣдуетъ, что къ этому времени онъ вновь стоялъ во главѣ управленія. Существовавшіе между Новгородомъ и Псковомъ раздоры, по почину псковитянъ, опасавшихся нападенія литовскаго князя Витовта, и при посредничествѣ новгородскаго архіепископа Іоанна, въ 1398 г. были устранены миромъ, и Т. Ю. первымъ со стороны Новгорода подписался подъ заключеннымъ договоромъ. Этотъ актъ оказался кстати и для новгородцевъ, ибо къ этому времени стало извѣстно, что московскій князь отказался возобновить съ ними истекавшій срокомъ мирный договоръ, а искони принадлежавшая Новгороду двинская область Заволочье, по происканъ нѣкоторыхъ новгородцевъ, отложилась къ Москвѣ. Владѣніе этимъ краемъ для Новгорода было важно, ибо изъ него и черезъ него изъ Сибири получался цѣнный мѣхъ, одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли Новгорода съ нѣмцами. Среди жителей вспыхнула ненависть къ Москвѣ и загорѣлся воинственный духъ. Была собрана значительная рать (8.000 чел.), и главное начальство надъ нею принялъ Т. Ю. Въ самомъ почти началѣ похода, во время кратковременной остановки въ городкѣ Корелицѣ, Т. Ю. узналъ, что великокняжескій бояринъ Андрей Алберузовъ обложилъ уже нѣкоторыя заволочскія волости данью, а изъ Москвы былъ даже присланъ спеціальный намѣстникъ для отложившейся области, кн. Ѳедоръ Ростовскій. Эти вѣсти, свидѣтельствовавшія о нежеланіи Москвы отказаться отъ пріобрѣтеннаго безъ труда края и о полномъ хозяйничаніи въ немъ, еще болѣе озлобили новгородцевъ, и Т. Ю. перешелъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Прежде всего онъ напалъ на союзную Москвѣ Бѣлозерскую область, опустошилъ и разграбилъ ее на значительномъ пространствѣ, взялъ городъ Бѣлозерскъ, мѣстныхъ князей и находившихся тамъ московскихъ воеводъ заставилъ явиться въ новгородскій станъ съ изъявленіемъ покорности, а жителей пощадилъ только за выкупъ, впрочемъ небольшой. Съ плѣнными и добычею двинулся Т. Ю. далѣе и вскорѣ овладѣлъ Вологдою, Кубеною и Устюгомъ, изъ послѣдняго часть отряда послалъ опустошить Галичъ и его окрестности, а самъ съ главными силами спустился внизъ по Двинѣ, и вскорѣ достигъ собственно Заволочья, изъ-за измѣны котораго и возникъ весь походъ. Серьезное сопротивленіе оказалъ здѣсь новгородцамъ на первыхъ же порахъ городокъ Орлецъ, но послѣ 4-недѣльной осады они имъ овладѣли и крѣпость «раскопаша»; руководителей защиты, новгородскаго боярина Іоанна и его братьевъ Герасима и Родіона, подъ вліяніемъ и по наущенію которыхъ главнымъ образомъ и произошло отложеніе Заволочья, Т. Ю. казнилъ, нѣкоторыхъ сообщниковъ ихъ заключилъ въ оковы, у великокняжескаго намѣстника кн. Ѳедора Ростовскаго отнялъ всѣ собранныя имъ пошлины, всю наличную казну и затѣмъ съ миромъ отпустилъ его въ Москву, съ жителей взялъ 3.000 руб. и 300 руб. съ находившихся

въ городѣ московскихъ купцовъ. Паденіе Орлеца рѣшило исходъ всего похода, и Т. Ю. вскорѣ вернулся въ Новгородъ съ побѣдою и торжествомъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна; повидимому, онъ отстранился отъ политическихъ дѣлъ. Скончался онъ въ 1410 г. — по датѣ Никоновской лѣтописи (по «Древней Россійск. Вивліоѳ.» —1409 г.).

„Полное Собраніе Русскихъ Лѣтоп“., тт. III, V, VI, XII.—„Никоновская лѣтопись“, ч. IV, Спб. 1786, стр. 150, 271, 274 — 277; ч. V, Спб. 1788 стр. 35. — „Новгородская первая лѣтопись“, Москва 1781, подъ 6899—6906 гг.—„Софійская лѣтопись“, ч. I, Спб. 1895, стр. 346.—„Архангелогородская лѣтопись“, Москва 1781, стр. 92, 99, 100. — „Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳ.“, ч. II, Спб. 1786, стр. 652, 660, 661, 680; ч. XVIII, стр. 5. — Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. V, стр. 77, 93, 92; прим. 107, 147, 149, 171, 197, 254.—Г. Калайдовичъ, „Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва 1821, стр. 211—217.—Н. А. Рожковъ, „Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ“, „Журналъ Министерства Народнаго Просв.“, 1901, апрѣль.—Пасекъ, „Новгородъ самъ въ себѣ“, „Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Россійск.“, 1869, кн. 4.—Д. Прозоровскій, „Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“, вып. IX, Спб. 1892, стр. 113, 115—116, 129.

Тимоѳей, святой XII вѣка; съ 1124 г. былъ игуменомъ Кіево-Печерской лавры. При немъ въ Кіевѣ былъ большой пожаръ, отъ котораго сгорѣла значительная часть города и около 600 церквей. Въ лѣтописи подъ 6637 (1130) годомъ значится, что Т. обложилъ золотомъ и серебромъ раку преп. Ѳеодосія на средства Суздальскаго тысяцкаго, князя Георгія Симоновича, приславшаго для этой цѣли 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота. Скончался Т. въ 1131 г.; мощи его хранятся въ пещерѣ препод. Ѳеодосія, память его чтится 28 августа.

Филаретъ, „Русскіе святые“, Черниговъ 1864, августъ, стр. 115.—Д. И. Прототоповъ, „Житія святыхъ“, Москва 1885, августъ, стр. 85.—Евгеній Болховитиновъ, „Описаніе Кіево-Печерской лавры“, Кіевъ 1821, стр. 107.— Н. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, Спб. 1882, стр. 549.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 12.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. II, стр. 43.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II, стр. 12, 293.—Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго“, Спб. 1815, т. II, прим. № 256.—Сергій, „Полный мѣсяцеслов Востока“, Москва 1876, т. II, ч. 1, стр. 227.

Тимоѳей, духовникъ Мстислава Удалого; упоминается подъ 1226 (6734) годомъ въ лѣтописи при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ году галицкій бояринъ Ярославъ завелъ смуту среди остальныхъ бояръ; онъ увѣрилъ ихъ, что Мстиславъ ведетъ ихъ въ степь къ своему тестю Котяну съ тѣмъ, чтобы тамъ ихъ всѣхъ перебить. Испуганные бояре скрылись въ Карпатскія горы, въ Перемышльскій округъ. Тогда Мстиславъ удалой послалъ къ нимъ своего духовника Т. Послѣднему удалось разувѣрить бояръ и привести ихъ обратно къ Мстиславу.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II, стр. 165.—Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, Москва 1869—1870, изд. 4-е, т. II, стр. 354; т. III, стр. 72.

Тимоѳей, пономарь Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, лѣтописецъ. Въ синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи подъ 6738 г. находится слѣдующее извѣстіе: «Той же зимѣ въ ведоша съ Хутина отъ святого Спаса Арсенія игумена, мужа кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спиридонъ и весь Новгородъ, и даша игуменство у святаго Георгія; а Саву лишиша, посадиша и въ келіи, и разболѣся, лежавъ шесть недѣль, и преставися въ марта 15, въ субботу, предъ обѣднею, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсеніемъ и всею братьею, а дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и *мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю*». Курсивныя слова, вписанныя отъ перваго лица, даютъ на первый взглядъ поводъ думать, что Т.-пономарь и есть авторъ какъ даннаго отрывка, такъ и всей лѣтописи. Между тѣмъ въ спискѣ той же лѣтописи, находящемся въ Академіи наукъ, на мѣстѣ этихъ словъ стоятъ другія—«*и мнѣ грѣшному Іоанну-попови*». Возникаетъ вопросъ, кто же изъ этихъ лицъ авторъ лѣтописи, или можетъ быть имъ не былъ ни тотъ, ни другой, оба же они не болѣе какъ переписчики съ болѣе древняго списка или даже съ подлинника, въ соотвѣтственномъ мѣстѣ замѣнившіе стоящее тамъ имя автора или переписчика-предшественника своимъ именемъ. Сталкивавшіеся съ этимъ вопросомъ ученые давали на него различные отвѣты. Митрополитъ Евгеній сочинителемъ Новгородской

лѣтописи считаетъ Іоанна-попа, а Т.-пономаря его подражателемъ. А. В. Полѣновъ полагаетъ, что Т. былъ только переписчикомъ. Преосвященный Филаретъ замѣчаетъ, что «пономарь Т. не былъ только переписчикомъ лѣтописи, а сочинителемъ ея», объ Іоаннѣ-попѣ же онъ вовсе не упоминаетъ. М. П. Погодинъ о Т.-пономарѣ и Іоаннѣ-попѣ говоритъ, что они «скорѣе были переписчиками..., чѣмъ сочинителями; сочинителями они оба въ одно время быть не могли, а переписчиками могли; Тимофею-пономарю могъ принадлежать второй почеркъ, который продолжается до конца 1234 г.». П. А. Лавровскій замѣчаетъ: «Едва ли не положительно должно утверждать о пономарѣ Тимофеѣ, какъ о несомнѣнномъ писцѣ второго почерка». Митрополитъ Макарій предполагаетъ, что Т.-пономарь и Іоаннъ-попъ могли быть только переписчиками. Проф. Голубинскій считаетъ Іоанна лѣтописцемъ, а Т. переписчикомъ, поставившимъ свое имя вмѣсто имени Іоанна-попа. Сениговъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ мнѣнію Погодина и Лавровскаго, т. е. къ тому, что Т. принадлежитъ второй почеркъ, полагаетъ возможнымъ, съ нѣкоторой вѣроятностью, считать Т. первымъ продолжателемъ Софійскаго временника. Наконецъ, посвятившій этому вопросу отдѣльную статью И. Тихоміровъ задался вопросомъ установить относительную древность каждаго изъ списковъ и на этомъ основаніи рѣшить авторство того или другого лица; на основаніи характера письма и другихъ внѣшнихъ признаковъ онъ заключаетъ, что болѣе древнимъ является списокъ Т., почти современный описываемымъ событіямъ, почему должно считать болѣе вѣроятнымъ чтеніе имени Т.-пономаря, а не Іоанна-попа. Тѣмъ не менѣе Тихоміровъ не рѣшается считать Т. авторомъ лѣтописнаго Новгородскаго свода отъ 1200 до 1234 г.,—ни авторомъ, ни переписчикомъ, а отводитъ ему особую роль: живя близко къ описываемымъ событіямъ, Т. не могъ бы допустить, по мнѣнію Тихомірова, той путаницы, какая существуетъ въ этомъ лѣтописномъ сводѣ; онъ былъ пономаремъ при Юрьевскомъ монастырѣ, гдѣ и велъ современнымъ и недавно прошедшимъ событіямъ записки, которыми впослѣдствіи воспользовался какой-нибудь позднѣйшій безымянный составитель свода, плохо разобравшійся въ нихъ и многое перепутавшій.

Изъ изложеннаго видно, что вопросъ объ авторствѣ Т. Новгородской лѣтописи, несмотря на всѣ изысканія, остается открытымъ, да при наличіи имѣющагося матеріала едва ли можетъ быть окончательно разрѣшенъ. Т.-пономаря не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ пономаремъ того же имени, переписчикомъ Лобковскаго пролога. Послѣдній былъ при церкви св. Іакова въ Неревскомъ концѣ Новгорода. Прежніе изслѣдователи (Снегиревъ, Филаретъ) считали обоихъ пономарей за одно лицо.

„Ученыя Записки Императорск. Академіи Наукъ, по I и III отдѣламъ“, т. II, вып. 5, стр. 750, 751, 753, 754.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійскаго“, т. I, стр. XVI; т. III, прим. 369.—„Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей“,—въ III т. напечатана Новгородская лѣтоп., на стр. 47 находится цитированное мѣсто.—Митроп. Евгеній, „Словарь о писателяхъ духовнаго чина“, т. I, стр. 258; т. II, стр. 265.—А. В. Полѣновъ, „Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей“, „Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.“, 1849, ноябрь, стр. 86.—Преосвящ. Филаретъ, „Обзоръ русской духовной литературы“, 3-е изд., стр. 45.—М. П. Погодинъ, „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, т. V, стр. 349—350.—П. А. Лавровскій, „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“, стр. 155.—Митроп. Макарій, „Исторія русской церкви“, 2-е изд., т. III, стр. 203.—Проф. Голубинскій, „Исторія русской церкви“. т. I, стр. 653 и прим. 2.—Сениговъ, „О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Новгорода Великаго“, стр. 98.—Ив. Тихоміровъ, „О Тимофеѣ-пономарѣ, упоминаемомъ въ синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи“, „Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.“, 1887, мартъ.

Тимоѳей, епископъ Сарскій и Подонскій, начала XV столѣтія, до посвященія былъ игуменомъ Борисо-Глѣбскаго монастыря. Въ епископы Т. хиротонисанъ 22 іюля 1404 г.; у Строева однако показана другая дата—20 іюля того же года, въ «Исторіи іерархіи» же Амвросія посвященіе Т. отнесено къ 1413 г. Татищевъ и Русская Лѣтопись по Никонову списку подтверждаютъ, что въ 1404 (6212) году всероссійскій митрополитъ Кипріанъ совершилъ на Голенищевѣ рукоположеніе въ епископа Сарскаго и Подонскаго, не называя имени рукоположеннаго. Изъ дѣяній Т. извѣстно только, что 22 марта 1416 г. (а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ въ 1415 г.), въ недѣлю средокрестную, въ Москвѣ, въ церкви св. архангела Михаила, онъ въ числѣ прочихъ архіереевъ былъ на поставленіи Сампсона, нареченнаго Симеономъ, въ епископа Новгородскаго и Псков-

скаго, которое совершалъ всероссійскій митрополитъ Фотій въ присутствіи великаго князя Василія Дмитріевича и его братьевъ князей Юрія и Константина.

Н. Л. Соловьевъ, „Сарайскіе и Крутицкіе епископы“, „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1894, кн. 3, стр. 38—39.—Полн. Собраніе Русскихъ Лѣтописей“, т. III, стр. 106 и 130; т. IV, стр. 114; т. V, стр. 260; т. VIII, стр. 77 и 88.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 1033.—Н. Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, Спб. 1819, т. V, примѣч. 254, стр. 156, 172 и 182.—Татищевъ, „Исторія Россійскаго государства“, Спб. 1784, т. IV, стр. 415—416.—„Русскій Временникъ“, т. I, стр. 264.—Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, 1890, мартъ, отд. III, стр. 22.

Тимоѳей, протопопъ Архангельскаго Московскаго собора, въ 1552 г. упоминается въ Царственной Книгѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ Свіяжскѣ въ этомъ году начала свирѣпствовать цынга; казанцы, воспользовавшись этимъ, взволновали всю горную страну. Среди населенія и въ войскахъ началось броженіе, царило любострастіе. Чтобы успокоить свіяжцевъ и совершеніемъ молебствій пріостановить эпидемію, митрополитъ московскій Макарій послалъ въ Свіяжскъ Т., «мужа изряднаго, наученнаго богодухновенному писанію», со святой водой, освященной на мощахъ, перенесенныхъ изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій; Т. повезъ съ собой также письменное поученіе отъ митрополита къ начальникамъ и ко всему войску. Возвращаясь уже изъ Свіяжска, Т. встрѣтился во Владимирѣ на Клязьмѣ 8 іюля съ Іоанномъ IV и говорилъ ему, что служилъ молебны въ мѣстныхъ храмахъ, совершалъ крестные ходы, «и всѣ христіане, пребывающіе во градѣ томъ, со усердіемъ и со слезами молили Бога и за кресты ходили»; что эпидемія утихла и населеніе успокоилось.

„Царственная книга“, Спб. 1769, стр. 209, 237.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, Спб. 1819, т. VIII, стр. 141; примѣч. 261, 280.—Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшаго времени“, Москва 1856, т. VI, стр. 97.

Тимоѳей, іеромонахъ, ректоръ греко-славянскаго училища и справщикъ Большого московскаго печатнаго двора послѣдней четверти XVII вѣка, прибылъ съ Востока въ Москву въ 1679 г. Въ «Историческомъ извѣстіи о Московской академіи» («Древн. Россійск. Вивл.») о немъ сказано, что онъ «нѣсколько лѣтъ обходящь святая земля въ Палестинѣ и въ Святогорскихъ монастыряхъ». По прибытіи въ Москву Т. былъ у царя Ѳеодора Алексѣевича, которому разсказалъ о притѣсненіяхъ, какія терпѣла православная церковь въ святой Землѣ отъ латинянъ и магометанъ, объ оскудѣніи греческаго духовнаго просвѣщенія на Востокѣ. Царемъ эти вѣсти были сообщены московскому патріарху Іоакиму, который взялъ Т. въ крестовые монахи въ свой домашній клиръ. Для поддержанія православной церкви и греческаго просвѣщенія на Востокѣ противъ латинянъ и магометанъ устроено было при Большомъ Московскомъ печатномъ дворѣ греко-славянское училище, первымъ ректоромъ котораго назначенъ былъ Т.; изъ этого училища возникла потомъ Заиконоспасская славяно-греко-латинская академія. Въ 1689 г. Т. назначенъ былъ справщикомъ Большого московскаго печатнаго двора. Въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ» говорится, что Т. былъ вѣроятно тотъ самый пресвитеръ, который подписался подъ опредѣленіями Іерусалимскаго собора 1672 г., повторенными затѣмъ въ посланіи патріарховъ восточныхъ къ синоду въ 1722 г. и изданными въ переводѣ на русскій языкъ въ 1838 г. Умеръ Т. въ 1699 г.

Сергѣй Смирновъ, „Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи“, Москва 1855, стр. 9, 10, 11.—„Историческое извѣстіе Московской академіи“ соч. Поликарпова въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“, Москва 1791, т. XVI, стр. 292.—Филаретъ Гумилевскій, „Исторія россійской церкви“, Черниговъ 1862, изд. 4-е, періодъ 4, стр. 106.—Л. Н. Майковъ, „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ“, Спб. 1889, стр. 157.—Ѳ. И. Булгаковъ, „Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства“, Спб. 1889, т. I, стр. 278, примѣч. 144, и стр. 286.—„Прибавленіе къ твореніямъ святыхъ отцевъ“, Москва 1845, т. II, стр. 174—175.—„Древности. Труды Московскаго Археологическаго общества“, Москва 1869, т. II, вып. 1, стр. 13, 16 и 37.

Тимоѳей *Архиповичъ*, подъячій, потомъ монахъ, юродивый. Жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны, супруги Іоанна Алексѣевича, и въ это время началъ юродствовать. Многіе изъ современниковъ приписывали ему даръ прорицанія и считали его за святого. Объ этомъ свидѣтельствуетъ историкъ Татищевъ, знавшій

Т. лично. «Дворъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича (матери императрицы Анны),—пишетъ онъ,—отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродивыхъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичъ, сумасбродный подъячій, котораго за святого и пророка суевѣрцы почитали, да не токмо при немъ, какъ послѣ него предсказанія вымыслили. Онъ императрицѣ Аннѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахиней и называлъ ее Анфисой, царевнѣ Прасковьѣ—быть за королемъ и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ Анна императрицей учинилась, сказывали, якобы онъ ей задолго корону провѣщалъ. Когда я отъѣзжалъ 1722 года другой разъ въ Сибирь къ горнымъ заводамъ и пріѣхалъ къ царицѣ прощеніе принять, она, жалуя меня, спросила онаго шалуна: скоро я возвращусь? Онъ какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самаго закопаетъ. Но сколько то право, то всякому видно». Нѣкоторыя данныя о личности Т. получаемъ изъ собственноручной записки и показаній Іосіи Самгина, строителя Берлюковской пустыни (въ связи съ извѣстнымъ процессомъ саровскаго монаха Зворыкина и Маркелла Радышевскаго, одного изъ передовыхъ борцовъ съ проникавшимъ въ началѣ XVIII в. въ Россію протестантизмомъ). Іосія показалъ, что онъ почиталъ Т. А. святымъ угодникомъ за его прозорливость, въ подтвержденіе которой приводитъ рядъ фактовъ, преимущественно въ отгадываніи дурныхъ мыслей. Изъ дальнѣйшихъ показаній Іосіи и другихъ явствуетъ, что Т. раньше былъ иконописцемъ, что многіе дѣйствительно почитали его за святого, клали передъ нимъ по два поклона, какъ предъ угодникомъ, носили въ шейныхъ крестахъ его волосы, полагали, что онъ «совѣсти человѣческія знаетъ» и пр. Къ нему ходили за совѣтомъ и за разрѣшеніемъ религіозныхъ и житейскихъ сомнѣній, почитая его за ясновидца. Отвѣты свои онъ давалъ источнымъ голосомъ, часто въ очень грубой и рѣзкой формѣ, чаще же всего ничего не значащими словами, неопредѣленными и ничего не говорящими. Но и рѣзкость и неопредѣленность отвѣтовъ нисколько не смущали вопрошавшихъ, и они въ обрывкахъ брошенныхъ словъ искали смысла и разрѣшенія своихъ сомнѣній и нерѣдко находили ихъ, вкривь и вкось толкуя брошенныя слова. Бывало, что являлся къ нему человѣкъ съ не совсѣмъ чистой совѣстью, и фраза Т. въ родѣ: «Врагъ Божій, покинь и не дѣлай этого»—а такія фразы онъ произносилъ часто—попадали мѣтко въ цѣль и служили къ сугубой славѣ Т. какъ ясновидца, нерѣдко исправляя и кающихся, чему и примѣры приводятся въ показаніяхъ Іосіи и другихъ. Къ нему часто приходили съ просьбой: «Батюшка, помолись обо мнѣ грѣшномъ», на что Т. либо ничего не отвѣчалъ, либо, согласно показаніямъ, «токмо не знамо для чего обѣими руками своими вертѣлъ около головы подушку». Мнѣніе, что Т. «совѣсти человѣческія знаетъ» и «что кому скажетъ, то и сбудется» пользовалось значительнымъ распространеніемъ. Его реченіямъ, если въ нихъ только можно было уловить смыслъ, подчинялись даже очень высокопоставленныя лица изъ его почитателей, напр. царица Прасковья Ѳедоровна, или царевна Екатерина Іоанновна, которая, по показанію казненнаго въ 1736 г. Столѣтова, «изволила сомнѣваться ѣхать въ С.-Петербургъ, для того, что Архиповичъ говорилъ, что она, государыня, въ С.-Петербургѣ скончается». Въ числѣ его поклонниковъ были нѣкоторые изъ Путятиныхъ, въ домѣ которыхъ на Москвѣ онъ часто жилъ, нѣкоторые изъ Долгорукихъ, много другихъ изъ свѣтскихъ лицъ, немало также и изъ духовенства. Въ письмахъ къ нему иногда дѣлали такія надписи: «Великому угоднику Божію Тимоѳею Архиповичу, прибѣжище отчаянныхъ, надежда ненадежныхъ». Трудно, однако, судить, была ли въ юродствованіи Т. какая-либо мистификація, разсчитанная на легковѣріе времени, охваченнаго шатаніемъ умовъ въ связи съ Петровской реформой.

Скончался Т. въ 1731 г. и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ; на могильной плитѣ была высѣчена надпись: «былъ юродъ міру, а не себѣ». Понятно, что если при жизни его почитали за ясновидца и святителя, то послѣ смерти всякія сомнѣнія уже не могли быть оживлены, и ничего нѣтъ удивительнаго, что тѣло его многими почиталось нетлѣннымъ, нѣкоторые имѣли при себѣ его волосы, части его одежды и образы, написанные съ вѣн-

цомъ на бумагѣ въ Саровской пустыни трудникомъ бѣглецомъ Григоріемъ. «У іеродіакона Іоны,—показываетъ Іосія,—я видѣлъ и читалъ множество чудесъ, отъ Тимоѳея Архиповича бывшихъ», а нѣкто Зворыкинъ имѣлъ намѣреніе собрать въ отдѣльную книгу описаніе этихъ чудесъ. «Персона» его въ видѣ образа писана была многократно лицами и неизвѣстными, и установленными позднѣйшими розысками. «А съ персоны Тимоѳея которая была у меня въ Саровской пустыни и привезена ко мнѣ въ Берлюковскую пустынь,—говоритъ тотъ же Іосія,—велѣлъ списать персонъ пять или шесть, подлинно не помню, всѣ съ вѣнцами, и поставлены онѣ были въ моихъ кельяхъ и въ сѣняхъ; а списывалъ малыя тѣ персоны, по приказанію моему, мальчишка Григорій, и я ему велѣлъ сказывать, ежели кто его о той персонѣ спроситъ, чтобы онъ сказывалъ—пишетъ Іеронимову персону». Помимо Іосіи Самгина, еще одинъ саровецъ, Ефремъ Короткой вздумалъ прославить Т. по его смерти церковными пѣснями и сочинилъ въ честь его службу. «И я дерзнулъ,—показывалъ Ефремъ на позднѣйшемъ допросѣ,—безъ благословенія святѣйшаго синода сочинять службу, какъ въ церкви обычай имѣется святымъ угодникамъ Божіимъ, юродивому Тимоѳею Архиповичу и сочинилъ, памятуется мнѣ, малую вечерню, а на большой стихиры, также и на литіи со словникомъ и на стиховнѣ, и тропарь, да канона—не знаю, четыре, не знаю, пять пѣсней; стихиры писаны на бумажкѣ, а тѣ бумажки заложены у меня въ кровлѣ, а канона часть на дощечкѣ, а дощечка положена за печью въ моей кельѣ; а спряталъ я того ради, чтобы кто отъ братіи, пришедши, не читалъ и оттого мнѣ, ради грубаго моего сочиненія, не было спѣху; и того ради о той моей продерзости ни строителю, ни братіи отнюдь никому не извѣстно, а писано у меня то тайно. А вину того сочиненія я принялъ отъ похвальныхъ рѣчей разстриги Якова и другихъ, что они про него сказывали, что онъ сущій угодникъ, и рабъ Божій ради его прозорства; и я, вѣря ихъ словамъ, благодарилъ Бога о томъ, что Онъ въ наши лѣта даровалъ такого святого мужа. А самъ я Тимоѳея Архиповича не видывалъ». Впослѣдствіи синоду стоило много труда и усилій, чтобы развѣнчать память Т. отъ ореола святости, прозорливости и проч. Едва ли эта цѣль была достигнута вполнѣ, но значительная тѣнь была набросана на его память нѣкоторыми добытыми слѣдствіемъ компрометирующими обстоятельствами. Одно изъ показаній, напр., свидѣтельствуетъ: «По приходѣ ихъ въ домъ, гдѣ оный Тимоѳей жилъ, ночью, только еще съ вечера (понеже до того слыхалъ онъ, что къ оному Т. пускать не велѣно, а для чего, не знаетъ) послали служителя—что время ль къ нему придти. И оный служитель къ тому Тимоѳею ходилъ и, возвратясь, сказалъ имъ, что оный Тимоѳей пьянъ и кричитъ и не даетъ никому къ себѣ приступиться, знать-де дѣвушки его напоили». Такія и подобныя свидѣтельства значительно охладили горячія чувства къ памяти Т. его поклонниковъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ поручилъ оберъ-секретарю Дудину собрать свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Т. А. Во исполненіе сего порученія Дудинъ обратился къ секретарю московской синодальной канцеляріи Павлу Протопопову со слѣдующимъ письмомъ: «Изволь весьма секретно справиться и учтиво поступить, дабы никто никакъ догадаться не могъ: въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ погребено тѣло Тимоѳея Архиповича, и надъ гробомъ его положено и нѣтъ ли каковыхъ отмѣтинъ противу прочихъ? Также какая при гробѣ его на стѣнѣ надпись написана и кѣмъ и когда? И съ той описи формально спиши копію, и къ намъ съ вышеописаннымъ пришли въ немедленномъ времени: ибо того требуется высокими персонами для нужнаго дѣла». Протопоповъ увѣдомлялъ, что «Тимоѳей Архиповичъ погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ церкви Архистратига Михаила, по правую сторону алтаря, и надпись изсѣчена на лещади и вмазана въ алтарной стѣнѣ; начальныя литеры наведены киноварью, а прочія чернилами; вокругъ лещади дорожникъ на подобіе столярнаго выкрашенъ мумією, а кругъ дорожника чернилами, а по угламъ шишки, на подобіе рамы. Противу той надписи на землѣ на могилѣ ни камня и никакого знаку не имѣется. И тотъ осмотръ и списокъ учинилъ одинъ и никто того не видалъ. А кѣмъ и когда та надпись учинена, о томъ онъ спрашивать опасался, понеже велѣно ему то учинить весьма секретно, дабы никто дознаться не могъ. А, повидимому, та надпись сдѣлана отнынѣ около

годичнаго времени—и не далѣе». Надгробная надпись гласила: «1731 года маія въ 29 день при державѣ благочестивѣйшія и великія государыни нашея Анны Іоанновны, самодержицы всея Россіи, представись рабъ Божій Тимоѳей Архиповъ сынъ, который, оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ матери ея императорскаго величества государыни императрицы, благочестивѣйшія государыни царицы и великія княгини Параскевы Ѳедоровны двадцать осмь лѣтъ и погребенъ въ 1 день іюня». Вслѣдствіе этого розыска надгробная плита Т. была уничтожена.

Татищевъ, „Россійская исторія", т. I, стр. 46.—Чистовичъ, „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время", Спб. 1868, стр. 537—543.—„Зворыкинъ—эпизодъ изъ исторіи Ѳеофана Прокоповича", „Духъ Христіанина", 1862, кн. 3, стр. 130—177.—„Чтенія Общ. Исторіи и Древности Россійск.", Москва 1875.—„Историческій очеркъ Николаевской Берлюковской пустыни".—„Голосъ", 1869, № 65.—„Церковная Лѣтопись", 1869, № 17 и 18.

Тимоѳей, въ мірѣ *Каменевичъ-Рвовскій*, іеродіаконъ Холопьяго монастыря (на рѣкѣ Мологѣ) въ 1684—1697 гг., родомъ изъ Москвы, писатель конца XVII столѣтія. Болѣе другихъ извѣстна его работа «О древностяхъ Россійскаго государства» (1690; рукопись Московской синодальной библіотеки), представляющая собою обширную компиляцію изъ лѣтописей и другихъ источниковъ; ею пользовался уже Карамзинъ. Мало изучена передѣлка «Повѣсти о семи мудрецахъ» (1692; рукопись Императорской Публичной библіотеки). Ему принадлежатъ еще слѣдующія произведенія: «Исторія Греко-Славянская» (1684), «О началѣ Славяно-Россійскаго народа» (1699), «Лѣтопись о началѣ Москвы» и «Градъ Божій»—увѣщательное посланіе къ К. Истомину, написанное (отчасти силлабическими стихами, отчасти прозой) по поводу слуха о томъ, что Истоминъ желаетъ оставить монашеское званіе и жениться; далѣе, четыре церковныхъ поученія, свидѣтельствующихъ о большой начитанности автора, но сугубо-риторическихъ и мало содержательныхъ. Его историческія компиляціи, поскольку рѣчь идетъ о фактическомъ ихъ содержаніи, представляютъ значительную цѣнность, въ особенности потому, что часть документовъ, изъ которыхъ онъ черпалъ свѣдѣнія, сгорѣли впослѣдствіи во время пожаровъ; что же касается выводовъ, соображеній и умозаключеній Т., то они въ большинствѣ слабы, хотя самъ Т. былъ именно объ этой сторонѣ своихъ работъ очень высокаго мнѣнія, полагая, что онъ освѣтилъ и даже разрѣшилъ многіе запутанные вопросы. Въ общемъ онъ является подражателемъ Симеона Полоцкаго.

А. Титовъ, „Рукопись В. Вахромѣева", вып. II.—Филаретъ, еп. Харьк., „Обзоръ русской духовной литературы (862—1720)", кн. 3, стр. 255.

Тимоѳей, въ мірѣ *Тихонъ Ивановичъ Щербакъ* или *Щербацкій*, по синодскому дѣлу Щернацкій, родился въ Трипольѣ при рѣкѣ Днѣпрѣ въ 1698 г.; отецъ его, зажиточный мѣщанинъ, желая дать сыну образованіе, опредѣлилъ его въ Кіевскую духовную академію. Обладая отличнымъ голосомъ, Т. поступилъ въ академическій пѣвческій хоръ. Петръ Великій, во время своего перваго посѣщенія Кіева, обратилъ вниманіе на его голосъ, очень ему понравившійся, и велѣлъ взять его пѣвчимъ въ придворную капеллу. Но вскорѣ Т., желавшій продолжать ученіе, воспользовался тѣмъ, что у него сталъ мѣняться голосъ, испросилъ себѣ увольненіе и вернулся въ Кіевскую академію. По окончаніи курса въ академіи онъ принялъ монашество и получилъ мѣсто каѳедральнаго писаря при Кіевскомъ Софійскомъ монастырѣ, въ 1737 г. Въ томъ же году Т. былъ произведенъ въ игумены и опредѣленъ настоятелемъ Мгарскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, Полтавской епархіи. Здѣсь онъ пробылъ недолго, ибо въ томъ же году переведенъ обратно въ Кіевъ въ Выдубицкій монастырь. Въ 1739 г. онъ рукоположенъ былъ въ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Златоверхомихайловскаго монастыря, а 14 апрѣля 1740 г. въ присутствіи кіевскаго митрополита Рафаила избранъ и утвержденъ былъ настоятелемъ Кіево-Печерской лавры. Когда въ сентябрѣ 1744 г. въ Кіевъ ожидалась императрица Елизавета Петровна, Т. написалъ въ Петербургъ графу А. Г. Разумовскому письмо, въ которомъ указывалъ, что домъ генералъ-губернатора, приспособляемый для пріема государыни, совершенно не соотвѣтствуетъ этой цѣли, а гораздо болѣе подходящимъ было бы для императрицы поселиться въ келіяхъ Кіево-Печер-

ской лавры. Предложеніе было принято, и во время пребыванія въ Кіевѣ Елизавета Петровна жила въ архимандритскихъ покояхъ. Т. встрѣтилъ государыню рѣчью, въ которой восхвалялись добродѣтели императрицы и ея заслуги передъ Россіей (издана подъ названіемъ «Рѣчь Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на прибытіе ея въ Кіево-Печерскую лавру», Спб. 1744). Съ этихъ поръ Т. сталъ пользоваться покровительствомъ Елизаветы Петровны и уже въ 1745 г., по смерти архіепископа московскаго Іосифа Волочанскаго, въ числѣ прочихъ кандидатовъ на вакантный постъ былъ выставленъ синодомъ и Т. По Высочайшему повелѣнію онъ немедленно вытребованъ былъ въ Петербургъ. Но пока производилось дѣло объ утвержденіи одного изъ намѣченныхъ кандидатовъ, скончался кіевскій митрополитъ Рафаилъ, и тогда, по указанію императрицы, на постъ кіевскаго митрополита 9 ноября 1747 г. назначенъ былъ Т., прямо изъ архимандритовъ. Посвященіе его состоялось въ Петербургѣ 6 марта 1748 г. По выбытіи Т. изъ Кіево-Печерской лавры на митрополитію братія этого монастыря на основаніи вольныхъ правъ избранія себѣ настоятеля выбрала 4 февраля 1748 г. Т. своимъ архимандритомъ. Когда синодъ опротестовалъ это избраніе, лавра сослалась на то, что въ 1570 г. она представила званіе архимандрита Мелентію Хрентовичу, когда тотъ назначенъ былъ епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ; тѣмъ не менѣе синодъ избранія Т. не утвердилъ. За время своего пребыванія въ Кіевѣ въ качествѣ митрополита Т. обращалъ усиленное вниманіе на улучшеніе постановки учебнаго дѣла въ духовной академіи; при немъ въ академіи была введена философская система Баумейстера и изученіе французскаго языка. 4 ноября 1754 г. Т. назначенъ былъ членомъ синода. Чувствуя себя усталымъ, онъ въ 1757 г. просилъ объ увольненіи его на покой, но вмѣсто удовлетворенія этой просьбы переведенъ былъ митрополитомъ въ Московскую епархію 22 октября того же года. Здѣсь, въ качествѣ члена синода, онъ присутствовалъ въ Московской синодальной конторѣ. Въ 1764 г. Т. переименованъ былъ въ митрополита Московскаго и Калужскаго. 3 января 1767 г. онъ уволенъ былъ на покой, а 18 апрѣля того же года скончался. Онъ первый изъ архіереевъ погребенъ былъ не по монашескому, а по священническому обряду, что послѣ этого было особымъ указомъ возведено на степень общаго правила; похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ Москвѣ. На могилѣ Т. іеромонахомъ Ѳеофилактомъ была говорена проповѣдь, напечатанная въ Москвѣ въ 1747 г. Имѣется его портретъ въ Кіевской духовной академіи.

Евгеній Болховитиновъ, „Описаніе Кіево-Печерской лавры“, Кіевъ 1826, стр. 123.—Н. Розановъ, „Исторія Московскаго епархіальнаго управленія“, Москва 1870—71, ч. II, кн. 2.—Его же, „Встрѣча московскому митрополиту Тимоѳею 100 лѣтъ тому назадъ“, „Душеполезное Чтеніе“, 1868, ч. I, стр. 142.—Ф. фонъ-Эттингеръ, „Митрополиты въ царствованіе имп. Екатерины II“, „Сынъ Отечества“, 1848, кн. 12, отд. I, стр. 2.—„Письма Т. Щербацкаго“, сообщ. В. Аскоченскимъ, „Кіевскія Губернскія Вѣдомости“, 1857, № 37.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 64, 91; т. II, стр. 51—52, 539; т. VI, стр. 881, 894.—В. Аскоченскій, „Кіевъ и его древнѣйшее училище—академія“, Кіевъ. 1856, т. II, стр. 74—75, 93—94, 151—216.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 7, 14, 15, 131 и 929.—„Московскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1869, №№ 27 и 28.—Д. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. II, прилож., стр. 294.—В. П. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, т. II, №№ 13459, 24073, 24074; т. III, № 27835—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, изд. В. Рогожина, Спб. 1905, ч. IV, стр. 150, № 9110, и стр. 218, № 9990.—„Описаніе Кіево-Софійскаго собора“ и „Кіевская іерархія“ Евгенія Болховитинова, 1825, стр. 225.

Тимоѳей, *Максимовичъ*, архимандритъ Елецкаго Успенскаго Черниговскаго монастыря съ 1727 г. До производства въ архимандриты Т., въ санѣ іеромонаха, состоялъ въ теченіе трехъ лѣтъ наставникомъ Черниговскаго коллегіума, а затѣмъ десять лѣтъ былъ каѳедральнымъ писаремъ. Въ архимандриты Елецкаго монастыря посвященъ 20 іюня 1727 г. преосвящ. Иродіономъ. Скончался въ 1749 г.

Филаретъ, „Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи“, Черниговъ 1873, кн. 3, стр. 24—25—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, 1877, стр. 515—„Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Правит. Синода“, т. X, стр. 16, № 17; стр. 84, № 32, стр. 385, № 226.

Тимофей, въ мірѣ *Трофимъ Котляревъ*, епископъ смоленскій, родился 23 іюля 1782 г. въ с. Костыряхъ, Рославльскаго

уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Послѣ домашняго воспитанія обучался въ Смоленской духовной семинаріи и изъ средняго отдѣленія былъ отправленъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. По окончаніи ученія въ академіи, въ 1806 г., болѣе 10 лѣтъ занималъ должность учителя при Смоленской духовной семинаріи въ среднемъ и высшемъ грамматическихъ классахъ, а по преобразованіи ея въ 1817 г. былъ опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ философіи. Въ 1821 г., 18 ноября, онъ былъ постриженъ съ именемъ Тимофея, рукоположенъ въ іередіаконы, потомъ въ іеромонахи, 9 іюля 1822 г., возведенъ въ санъ архимандрита Смоленскаго Троицкаго монастыря и вскорѣ перемѣщенъ въ Харьковъ ректоромъ тамошняго коллегіума. Значительное вліяніе оказалъ на него здѣсь Иванъ Борисовъ, впослѣдствіи извѣстный епископъ Иннокентій, а также тогдашній харьковскій преосвященный, которому Т. ежевоскресно долженъ былъ давать подробные отчеты по управленію коллегіумомъ. Изъ Харькова въ 1828 г. былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія, и здѣсь митрополитъ Серафимъ, знавшій Т. въ бытность свою въ Смоленской епархіи, пожелалъ имѣть его викаріемъ по новгородской каѳедрѣ. 7 октября 1828 г. Т. былъ хиротонисанъ во епископа Старыя Русы и новгородской митрополіи викарія. Новый архіерей былъ при погребеніи императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ это время Т. снискалъ расположеніе Императора Николая I въ связи съ извѣстнымъ возмущеніемъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Графъ Аракчеевъ, скрываясь отъ возмутившейся толпы, прожилъ нѣсколько дней и ночей въ Хутынскомъ монастырѣ у Т., переодѣтый въ крестьянское платье. Когда на ближайшей панихидѣ по убитымъ во время возмущенія іеродіаконъ возгласилъ «о убіенныхъ рабѣхъ Божіихъ», Т. громко повелѣлъ говорить: о «*невинно* убіенныхъ рабѣхъ Божіихъ». Между присутствовавшими поселянами произошло волненіе, но Т. еще громче повторилъ свое приказаніе и потомъ произнесъ увѣщаніе на тему о раскаяніи и признаніи вины, заключивъ: «Кровь невинныхъ вопіетъ на васъ предъ Господомъ». Черезъ два часа послѣ панихиды прибылъ на мѣсто происшествія Императоръ Николай I и былъ свидѣтелемъ еще продолжавшагося волненія. Наградой Т. былъ орденъ св. Анны 1-й степени, но безъ означенія этого событія въ рескриптѣ, а вскорѣ (1834) Т. назначенъ былъ на смоленскую каѳедру. Въ этомъ назначеніи выразилась особая милость къ нему Императора, ибо во избѣжаніе непотизма обычно не назначаютъ епископовъ въ мѣста ихъ рожденія. Т. и самъ былъ, повидимому, не очень доволенъ назначеніемъ въ родныя мѣста и первую свою проповѣдь началъ словами: «Нѣсть славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ», которыя ему впослѣдствіи неоднократно приходилось повторять въ оборону отъ своихъ многочисленныхъ недоброжелателей, упрекавшихъ его дѣятельность болѣе всего за непотизмъ.

Служеніе Т. смоленской церкви продолжалось ровно 25 лѣтъ. Его стараніями былъ обновленъ и украшенъ Богоявленскій соборъ (1840—1843), построенъ въ немъ придѣлъ во имя святого Меркурія, смоленскаго чудотворца (1843), двухъ-этажный корпусъ для Бѣльскаго духовнаго училища (1852). Главной заслугой Т. является учрежденіе женскаго духовнаго училища для дѣвицъ духовнаго званія при Вяземскомъ Аркадьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (1849), перемѣщеннаго въ 1852 г. въ Смоленскъ. Онъ усердно боролся противъ раскола, за что въ 1855 г. получилъ благодарность синода. Въ 1856 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра большого креста, а 26 августа 1856 г. пожалованъ въ санъ архіепископа.

Сохранившіеся отзывы свидѣтельствуютъ, что Т. въ епархіальныхъ дѣлахъ былъ крайне недовѣрчивъ, такъ же какъ и въ домашнемъ быту. Малѣйшая непріятность со стороны высшаго правительства повергала его почти въ болѣзненное состояніе; онъ хотѣлъ, чтобы и мимолетная тѣнь не падала на него и на окружающихъ его. По какой-то необъяснимой почти боязни онъ никогда не печаталъ своихъ проповѣдей, иногда, по свидѣтельству его біографа, весьма краснорѣчивыхъ и содержательныхъ, и не позволялъ печатать провѣди и другимъ. Особеннымъ расположеніемъ его пользовались монастыри и монашествующіе, почему его и называли «монахолюбивымъ». 31 мая 1843 г. онъ разослалъ посланіе ко всѣмъ благочиннымъ своей епархіи съ

приглашеніемъ вдовыхъ священнослужителей и церковниковъ поступать въ монашество.

Въ 1859 г. Т., по слабости здоровья и преклонности лѣтъ, просилъ синодъ объ увольненіи отъ управленія епархіею. Для жизни на покоѣ онъ построилъ себѣ еще раньше домъ съ церковью въ Бѣльской Красногородищенской пустыни, отличающейся прекраснымъ мѣстоположеніемъ, но неудовольствіе настоятеля пустыни на то, что постройка обезобразила монастырь и что самъ онъ долженъ будетъ оставить настоятельство въ случаѣ переселенія туда преосвященнаго, побудило Т. избрать мѣстомъ своего покоя Ордынскую пустынь, въ 50 верстахъ отъ Смоленска, куда и переселился въ декабрѣ 1859 г. Тамъ же и скончался 23 іюля 1862 г.

Александръ Ратшинъ, „Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчат. церквахъ въ Россіи“, стр. 493, 494.—„Ордынская пустынь Смоленской епархіи“, Спб. 1873, стр. 15 и слѣд., стр. 40 и слѣд.—В. В. Звѣринскій, „Матеріалы для историко топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи“, II, стр. 255.—„Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи“, Спб. 1864, стр. 373 и слѣд.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоят. монаст. Росс. церкви“, стр. 559.—„Памятная книжка Смол. губ. на 1862 г.“, стр. 37 и 38 (отд. II).—„Странникъ“, 1862, № 312, стр. 491—493.—„Смоленск. Вѣд.“, 1879, № 10, стр. 396—419.

Тимоѳей *Самбикинъ*, архимандритъ Задонскаго, Соловецкаго и Святодухова Виленскаго монастырей, постригся въ монахи изъ вдовыхъ діаконовъ. Въ 1791 г. опредѣленъ игуменомъ Задонскаго, Воронежской епархіи, монастыря, а 10 сентября 1798 г. возведенъ въ санъ архимандрита того же монастыря. Съ 1791 же года состоялъ присутствующимъ членомъ Воронежской консисторіи. 15 іюля 1805 г. Т. уволенъ былъ изъ Задонскаго монастыря и опредѣленъ настоятелемъ Соловецкаго на Бѣломъ морѣ монастыря, но и здѣсь пробылъ недолго и въ томъ же году былъ вторично уволенъ по болѣзни и опредѣленъ на пенсіи въ Воронежскій Акатовъ монастырь. Здѣсь онъ пробылъ до 1808 г., когда 14 марта его назначили настоятелемъ Виленскаго Святодухова монастыря, игравшаго въ то время большую роль въ качествѣ разсадника православія въ Литвѣ. Въ Вильнѣ Т. свершилъ проступокъ, за который понесъ наказаніе. Въ 1810 г., въ субботу на свѣтлой седмицѣ онъ въ еврейской домѣ повѣнчалъ больного чахоткой полковника Зеленина, который черезъ три дня послѣ того умеръ, съ дѣвицей, отъ которой Зеленинъ имѣлъ уже троихъ дѣтей. Бракъ этотъ признанъ былъ недѣйствительнымъ, а Т. подвергнутъ былъ временному лишенію права священнослуженія, причемъ о поступкѣ его объявлено было по епархіи. «Дѣло это,—говоритъ его біографъ,—архимандритомъ Т. совершено было по простодушію, не ради корысти и не по другой какой-либо предосудительной причинѣ». Запрещеніе священнослуженія снято было съ него уже при новомъ минскомъ архіепископѣ Серафимѣ, 7 мая 1812 г. Въ маѣ же Т. просилъ объ увольненіи его ва покой, ссылаясь на разстатанное здоровье и на все увеличивающуюся слабость зрѣнія, которое онъ къ этому времени почти совсѣмъ потерялъ. 10 февраля 1813 г. Т. получилъ увольненіе; мѣстомъ пребыванія ему назначенъ былъ Задонскій Воронежскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ 2 сентября 1817 г. Во время пребыванія Т. въ Вильнѣ Святодуховъ монастырь былъ въ значительной мѣрѣ разграбленъ и раззоренъ проходившими въ 1812 г. французскими войсками.

Флегонтъ Смирновъ, „Виленскій Свято-Духовъ монастырь“, Вильна 1888, стр. 265—268, 338.—Архим. Досиѳей, „Лѣтописецъ Соловецкій на 4 столѣтія“, Москва 1847, стр. 136—137.—Геронтій, „Историко-статистическое описаніе Задонскаго Богородицкаго монастыря“. Москва 1873, 2-е изд.—„Воронежскія Епархіальная Вѣдомости“, 1869, №№ 6, 7 и 9.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 539, 817 и 874.

Тимоѳей—имя двухъ поповъ иконописцевъ. 1) Попъ московскій, вмѣстѣ съ иконописцемъ Діонисіемъ, Коня и др., упоминается въ 1481 г., когда они «написали деисусъ съ праздники и пророки вельми чюденъ въ новую церковь пречистыя Богородицы соборныя въ Москвѣ»; въ 1482 г. онъ съ тѣми же лицами получилъ отъ ростовскаго архіепископа Вассіана сто рублей съ тѣмъ, чтобы «написати деисусъ въ новую церковь святыя Богородицы», и «написаша чюдно вельми его, и праздники и пророки»—2) Ростовскій попъ, въ

1644 г. пожалованъ царскою наградою за «успенское» письмо.

Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей, т. III, стр. 177.—„Русскій Временникъ", ч. II, стр. 138.—И. Е. Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія", стр. 9.—Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII в", Спб. 1856, стр. 185.—Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи", Спб. 1903 стр. 165.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго", Москва 1819, т. VI, прим. 629.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", Москва 1855, т. V, стр, 245--246.

Тимротъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенатъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ Эстляндской губерніи, родился въ 1790 г.; службу началъ въ 1805 г. подпрапорщикомъ въ гренадерскомъ Короля Прусскаго полку, гдѣ произведенъ въ 1807 г. въ прапорщики и оставался до 1821 г., когда въ чинѣ подполковника (съ 1819 г.) былъ переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ полковники. Какъ выдающійся офицеръ Т. обратилъ на себя вниманіе Императора Николая I, былъ пожалованъ въ 1829 г. во флигель-адъютанты и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ Образцоваго пѣхотнаго полка; черезъ 4 года Императоръ Николай I отличилъ Т., назначивъ его командиромъ любимаго государемъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ 1836 г. Т. былъ назначенъ окружнымъ генераломъ 2-го округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, въ 1842 г. состоящимъ для особыхъ порученій при корпусѣ внутренней стражи—въ 1847 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Скончался 20 января 1848 г.

Съ гренадерскимъ Короля Прусскаго полкомъ Т. принялъ участіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ и сраженій во время войнъ 1805—1807 гг. съ Наполеономъ, при оборонѣ побережья Балтійскаго моря во время Шведской войны 1808—1809 г., Отечественной, а также коалиціонныхъ 1813 и 1814 годовъ: 1805 г.—съ 16 по 19 сентября въ десантномъ корпусѣ на Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ въ отрядѣ сухопутныхъ войскъ въ Шведской Помераніи, Мекленбургъ-Шверинской и Стрѣлецкой областяхъ; 1806 г.—съ 20 октября по 12 декабря въ Пруссіи; 14 декабря при отступленіи отъ мѣстечка Насильдека; 1807 г. 22 января подъ Пултускомъ; при д. Инковѣ; 25 января при отступленіи отъ Ламберга; 26 и 27 января подъ Прейсишъ-Эйлау; 29 мая при Гейльсбергѣ, 2 іюня при Фридландѣ, причемъ раненъ пулями въ обѣ руки; 1808 г.—съ 14 августа по 16 сентября при блокадѣ Балтійскаго порта и при оборонѣ береговыхъ укрѣпленій; 1812 г.—13 и 14 іюля подъ Витебскомъ, 6 августа подъ Смоленскомъ, 26 августа при Бородинѣ, причемъ награжденъ золотой шпагой съ надписью «За храбрость», 6 октября при с. Спасскомъ, 12 октября подъ Малоярославцемъ, 5 и 6 ноября подъ Краснымъ; 1813 г.—20 апрѣля при Люценѣ, 7 мая при Бауценѣ, 15 и 16 августа подъ Дрезденомъ, 18 августа подъ Кульмомъ, 4, 5, и 6 октября въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ; 1814 г.—при блокадѣ крѣпости Бельфуртъ (съ 28 декабря 1813 по 4 января 1814 г.)., 20 января подъ Бріеномъ, 8 марта при Арсисѣ и 18 марта при взятіи Парижа.

Въ аттестаціи Т., данной командиромъ корпуса генераломъ Гартонгомъ, было сказано: «Отчеты по должности, какіе имѣлъ въ теченіе службы, въ срокъ представлялъ. Жалобамъ не подвергался. Слабымъ въ отправленіи обязанностей службы замѣченъ не былъ и никакихъ безпорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ. Обличаемъ и оглашаемъ не былъ». Отъ брака съ дочерью Курляндскаго оберъ-гауптмана барона фонъ Бистрома, Елисаветой Григорьевой, имѣлъ пять сыновей, причемъ Карла, родившагося въ бытность Т. командиромъ Измайловскаго полка, воспринималъ отъ купели Императоръ Николай I.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба. Дѣло 3-го стола 3-го отдѣленія Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства за 1848 годъ. № 79, связка 290.

Тимченко, *Григорій*, капитанъ 1-го ранга. Въ чинѣ капитанъ-лейтенанта 17 іюня 1788 г. участвовалъ въ сраженіи подъ Очаковымъ и за храбрость награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. Въ 1798 г. въ чинѣ капитана 2-го ранга находился въ эскадрѣ вице-адмирала Ушакова, отправленной по повелѣнію Императора Павла I для оказанія помощи султану въ его войнѣ съ Франціей. Командуя въ этой эскадрѣ корветомъ «Марія Маг-

далина», онъ участвовалъ въ военныхъ операціяхъ противъ Іоническихъ острововъ, отнятыхъ Франціей у Турціи. Операціи сводились къ крейсированію въ прилегающихъ водахъ, и Т. плавалъ въ Средиземномъ морѣ «не далѣе Египта, Кандіи, Мореи и Венеціанскаго залива, смотря по нуждѣ и обстоятельствамъ». Въ октябрѣ (8 числа) въ составѣ эскадры онъ присоединился къ флотскому отряду капитана 1-го ранга Селивачева, блокировавшему Корфу, и 18 февраля 1799 г. сражался при взятіи передовыхъ верковъ этой крѣпости. Послѣ этого ходилъ съ эскадрой въ Неаполь, оттуда въ маѣ 1800 г. возвратился къ Корфу, и затѣмъ, за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, перешелъ въ Севастополь.

Висковатовъ, „Военныя дѣйствія Россіи въ 1787—1791 гг.“.—Петровъ, „Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II“, стр. 145—146.—Скаловскій, „Жизнь адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова“, стр. 61, 227, 232.—„Записки Гидрографическаго Департамента“, т. VIII, стр. 279 и дал.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій русскаго флота“, стр. 5, 30, 192, 349, 480.

Тимченко, *Григорій Павловичъ*, докторъ медицины, профессоръ Московской акушерской школы, родомъ изъ Малороссіи, первоначально обучался въ Кіевской духовной академіи, откуда 6 сентября 1772 г. поступилъ въ Петербургскую адмиралтейскую госпитальную школу. Не удовлетворяясь знаніями, какія давала эта школа, Т. ходатайствовалъ объ увольненіи его заграницу для изученія тамъ медицины, на что въ апрѣлѣ 1773 г. получилъ разрѣшеніе. Т. занимался медицинскими науками $5^1/_2$ лѣтъ въ Килѣ, затѣмъ $1^1/_2$ года въ Копенгагенѣ, послѣ чего опять вернулся въ Киль, гдѣ получилъ степень доктора медицины 7 октября 1780 г. за диссертацію „Observationes medico obsterticae“ (Kilae 1780). По возвращеніи въ Россію Т. былъ утвержденъ въ полученной имъ степени медицинской коллегіей (11 января 1781 г.), по экзамену, произведенному Ашемъ, Линдеманомъ и Тихорскимъ. Въ февралѣ того же года онъ опредѣленъ былъ врачемъ въ Симбирскъ, а 1783 г. переведенъ докторомъ въ 3-ю дивизію. Въ 1786 г. Т. назначенъ былъ профессоромъ акушерства въ Московскій генеральный госпиталь, Московскую акушерскую школу (повивальный институтъ) и медико-хирургическое училище. Умеръ въ Москвѣ 21 сентября 1793 г.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1873, стр. CCCIX—CCCX.

Тимянскій, *Василій Ильичъ*, надворный совѣтникъ, профессоръ естественной исторіи и ботаники при Казанскомъ университетѣ, родился въ 1791 г.; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ 1801 г. поступилъ въ Казанскую губернскую гимназію, а въ 1805 г. переведенъ былъ въ открывшійся въ то время Казанскій университетъ, изъ котораго вышелъ въ февралѣ 1809 г. со степенью кандидата, полученною за сочиненіе «О раздѣленіи тѣлъ на три царства» (сохранилось въ рукописи въ архивѣ Казанскаго университета). По окончаніи университета Т. продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ профессора К. Ѳ. Фукса. 23 марта 1811 г. онъ былъ утвержденъ магистромъ физико-математическихъ наукъ, въ особенности же естественной исторіи и затѣмъ состоялъ помощникомъ при профессорѣ К. Ѳ. Фуксѣ и завѣдующимъ естественно-историческимъ кабинетомъ и ботаническимъ садомъ. Въ мартѣ 1814 г. Т. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ естественной исторіи и ботаники. Ему поручено было въ 1815/16 г. читать курсъ минералогіи, о чемъ и было объявлено въ «извѣщеніи о преподаваніи наукъ», «сколько сіе возможно по малочисленности штуфовъ, въ университетскомъ минералогическомъ кабинетѣ находящихся»,—однако курса этого онъ не читалъ. Съ марта 1816 г. Т. вмѣстѣ съ адъюнктъ-профессорами Дунаевымъ и Юнаковымъ редактировалъ по назначенію совѣта университета «Казанскія Извѣстія». Въ 1820 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ естественной исторіи и ботаники на мѣсто Фукса, получившаго кафедру практической медицины. Для полученія этого званія онъ по предложенію университетскаго совѣта представилъ конспектъ по своей спеціальности; объ этомъ конспектѣ профессоръ Фуксъ далъ отзывъ, что, «несмотря на краткость, въ немъ изложены предметы естественной исторіи ясно и опредѣленно; авторъ изслѣдуетъ ихъ, разсматриваетъ цѣль и основаніе науки и сопровождаетъ это разсужденіемъ о пользѣ оной». При назначеніи Т. экстраординарнымъ профессоромъ ему по-

ставлено было въ заслугу составленіе имъ рукописнаго курса зоологіи и приведеніе въ порядокъ минералогическаго кабинета. 22 іюля 1820 г. Т. вошелъ въ составъ «издательскаго комитета», сформированнаго изъ 7 профессоровъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа А. Магницкимъ для «Казанскаго Вѣстника», замѣнившаго «Казанскія Извѣстія». Въ мартѣ 1823 г. онъ утвержденъ былъ въ званіи ординарнаго профессора и съ начала того же года состоялъ секретаремъ университетскаго совѣта. Вмѣстѣ съ профессоромъ Городчаниновымъ Т. былъ докладчикомъ на университетскомъ судѣ по извѣстному дѣлу ректора Казанскаго университета Г. П. Солнцева. Въ 1824 г. онъ, оставаясь въ должности профессора Казанскаго университета, назначенъ былъ естествоиспытателемъ на военный шлюпъ «Смирный», отправлявшійся въ русскія сѣверо-американскія колоніи; «Смирный», вышедшій изъ Кронштадта, на пути изъ Копенгагена въ Портсмутъ принужденъ былъ вслѣдствіе бури укрыться въ Арендальскомъ порту въ Норвегіи и здѣсь оставался съ 20 октября 1824 до 8 мая 1825 г., когда полученъ былъ приказъ о возвращеніи обратно въ Россію. Послѣ этой неудавшейся экспедиціи Т. уже не возобновлялъ своей преподавательской дѣятельности при Казанскомъ университетѣ, а подалъ прошеніе объ отставкѣ; причина этого обстоятельства неизвѣстна. 13 іюля 1825 г. онъ былъ уволенъ изъ университета и вступилъ на службу въ строительный департаментъ морского министерства, гдѣ занималъ должность помощника директора.

Въ бытность профессоромъ Казанскаго университета Т. напечаталъ слѣдующія работы и статьи: «Легкій способъ снимать точнѣйшія изображенія мотыльковъ» («Казанскія Извѣстія», 1816, № 26), «Дополненіе къ описанію водянаго смерча въ окрестностяхъ г. Казани» (тамъ же 1816, № 58); «Наблюденія надъ круговращеніемъ сока въ растеніи, названномъ отъ Линея Chara vulgaris», переводъ («Казанскій Вѣстникъ», 1821, кн. I), «О торжественномъ собраніи Казанскаго университета въ 17-й день генваря 1821 года» (тамъ же, кн. II), «Выписка изъ отчета посѣтительнаго комитета тюремнаго общества за 1820 годъ» (тамъ же, кн. VIII, XI и XII), «Естественная исторія янтаря, примѣненная къ каменному янтарю» (тамъ же, кн. X), «О фосфорическомъ свѣтѣ ископаемыхъ» (тамъ же, кн. X), «О бирюзахъ» (тамъ же, 1822, кн. X), «О сѣрнокисломъ квининѣ и о наблюденіяхъ надъ температурой въ рудникахъ» (тамъ же, 1822, кн. XI).

Н. П. Загоскинъ, „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета 1804—1904 годовъ", Казань 1904, ч. I, стр. 509—511.—Н. Буличъ, „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, 1805—1819 годы", Спб. 1904, изд. 2-е, ч. II, стр. 243, 722.—„Энциклопедическій Словарь" Брокгауза, 1-е изд., полут. 269, стр. 902: слово „Казанскій Вѣстникъ", стр. 904: слово „Казанскій университетъ", стр. 906: слово „Казанскія Извѣстія".—Н. Поповъ, „Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани съ 1805 по 1834 годъ", „Русскій Вѣстникъ", 1859, т. 23, стр. 71.—Н. П. Лихачевъ, „Казанскій Вѣстникъ", „Книговѣдѣніе", 1894, №№ 2, 3, 4, стр. 11, 14, 24, 49, 52, 54, 55, 73, 74, 76, 77, 80.—„Казанскія Извѣстія", 1816, № 19.

Тинбаевы—княжескій татарскій родъ, въ XVII вѣкѣ бывшій на службѣ Московскаго государства. Татарская фамилія—*Гинбай*, *Тинбай*.—1) *Абла* Т., мурза едисанскій, въ 1635 г. былъ пожалованъ Деревяницкими и Гнилушинскими водами, а также устьемъ рѣки Ахтубы, въ которыхъ ему было разрѣшено безданно производить ловъ рыбы; оберегая свои владѣнія, онъ посылалъ ратныхъ людей подъ Астрахань на калмыковъ, которыхъ послѣ многократныхъ столкновеній почти совсѣмъ обезвредилъ, но зато и совершенно разорилъ и ограбилъ.—2) *Конай* Т., съ 1625 по 1630 г. находится на службѣ въ Астрахани; у него татарскій отрядъ въ 2000 человѣкъ, которымъ онъ бережетъ рубежъ отъ набѣговъ кочующихъ племенъ.—3) Князь *Михаилъ Конаевичъ* Т., вѣроятно сынъ предыдущаго, воевода; въ 1616 г., вскорѣ послѣ прекращенія русско-литовскихъ переговоровъ подъ Смоленскомъ, получилъ указъ идти въ содружествѣ съ воеводою Никитой Лихоревымъ за литовскій рубежъ для воеванія и поиска непріятеля: «землю воевать, села и деревни жечь и городомъ проходить рѣзвымъ дѣломъ и того искать, чтобъ гдѣ городъ или у города посады пожечь и литовскимъ людямъ тѣсноту учинить». Т. шелъ на Литву черезъ Волокъ, Погорѣлое городище, на рѣкѣ Бѣлой взялъ языковъ и по ихъ сказамъ дошелъ до Литвы, гдѣ разорилъ горо-

да Суражъ, Велижъ и Витебскъ, особенно же окрестности ихъ. — 4) *Рахмангулъ* Т., мурза, вмѣстѣ съ братомъ Абла былъ пожалованъ упомянутыми водами и съ нимъ же берегъ рубежи отъ калмыковъ.—5) Князь *Янламетъ Янаевичъ* Т., юртовскій табунный голова; въ 1678 г. отъ него потребовано выслать 300 юртовскихъ татаръ, «добрыхъ конныхъ», въ помощь русскимъ войскамъ во время похода въ Малороссію; Т. жаловался на обѣдненіе и изнеможеніе народа, указывалъ, что по малолѣтству однихъ и дряхлости другихъ стольвихъ людей онъ не можетъ поставить и послалъ всего 27 человѣкъ, въ томъ числѣ своего сына Канмамета, но черезъ астраханскаго воеводу Салтыкова ему дано знать, чтобы не замедлилъ выслать и остальныхъ вытребованныхъ татаръ.

1 и 4) „Акты Историч.“, т. II, стр. 150, 151; т. III, стр. 538; т. IV, стр. 90; „Времен. Московск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“, кн. II, отдѣлъ „Матеріалы“, стр. 56; кн. III, тотъ же отдѣлъ, стр. 2.—2) „Разр. книга по офиціальнымъ спискамъ“, т. I, стр. 1142, 1249, 1354; т. II, стр. 86, 190, 287, 352, 741; „Времен. Московск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“, кн. 4, отдѣлъ „Смѣсь“, стр. 44. - 3) „Разр. книга по офиціальнымъ спискамъ“, т. I, стр. 169, 170, 173; С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 1133.—5) „Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. III, стр. 31—32.

Тиньковъ, *Александръ*, переводчикъ второй половины XVIII столѣтія, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, ведущаго начало отъ временъ Василія Темнаго. Служилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Перевелъ съ французскаго «Воображеніе Петраркова или письмо его къ Ларѣ, его любовницѣ» (Спб. 1768). Въ томъ же году въ Петербургѣ появился переводъ Т. нѣсколькихъ элегій и разныхъ другихъ мелкихъ произведеній Овидія. Во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ въ 1770—1772 гг. моровой язвы Т. состоялъ частнымъ смотрителемъ.

Ефремовъ, „Матеріалы русск. литературы. Опытъ историч. словоря о Россійскихъ писат. Ник. Новикова“, стр. 110.—Мезіеръ, „Русская словесность“, ч. II, № 17968—17970.—Венгеровъ, „Русская поэзія“, вып. VI, примѣч. и дополн. къ I т., стр. 364.—„Описаніе моровой язвы“, Москва 1778, стр. 400.—Энциклопед. словарь“ Брокгауза, 1-е изд., полут. 65, стр. 203.

Типольтъ, *Карлъ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, помощникъ начальника 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ Витебской губерніи, родился въ 1801 г.; по окончаніи образованія въ частномъ учебномъ заведеніи, службу началъ 1820 г. юнкеромъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ офицеры; черезъ шесть лѣтъ былъ переведенъ въ л.-гв. Драгунскій (нынѣ л.-гв. Конно-Гренадерскій) полкъ, гдѣ служилъ до 1841 г., когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ Новороссійскаго драгунскаго полка; на этой должности произведенъ (1845) за отличіе въ генералъ-маіоры и черезъ годъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи, каковой командовалъ 4 года, послѣ чего получилъ въ командованіе л.-гв. Конно-Гренадерскій полкъ; въ дальнѣйшей службѣ Т. перемѣны слѣдовали быстро; такъ, въ 1852 г. опредѣленъ командиромъ 1-й бригады 1-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, въ 1853 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ состоять при гвардейскомъ корпусѣ, въ 1854 г. назначенъ командиромъ 1-й легкой кавалерійской дивизіи, въ 1855 г. начальникомъ 1-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, въ 1856 г. состоящимъ при гвардейскомъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ и въ 1857 г. помощникомъ къ начальнику 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Съ Конно-Гренадерскимъ полкомъ Т. участвовалъ въ дѣлахъ Турецкой войны 1828—1829 гг. и въ усмиреніи Польскаго возстанія 1831 г.: 1828 г.—15 сентября, въ сраженіи при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ; 18 сентября въ составѣ отряда принца Евгенія Виртембергскаго въ сраженіи близъ Варны, на правомъ берегу лимана (орденъ св. Анны 3-й степени); 30 сентября при преслѣдованіи корпуса Омеръ-Вріоне-паши отъ Варны до р. Камчикъ, 3 октября въ дѣлѣ на р. Камчикѣ, у подножія Балканскихъ горъ; 1831 г.—23 марта по приказанію генералъ-лейтенанта графа Ностица переправился съ эскадрономъ черезъ Наревъ у м. Ражаны, послѣ чего спѣшилъ эскадронъ и защищалъ переправу отъ многочисленнаго непріятельскаго отряда (золотое оружіе съ надписью «за храбрость»); съ 24 по 26 марта въ отрядѣ генералъ-адъютанта Бистрома при воспрепятствованіи мятежникамъ переправиться черезъ Бугъ и Наревъ; съ 7 по 23 апрѣля

въ экспедиціяхъ между Остроленкою, с. Приштицъ и г. Вышковымъ; 1 мая въ экспедиціи между с. с. Валсево, Длугосѣдло, Поренбы и г. Вышковымъ; 5 мая въ стычкахъ подъ с. с. Соколовымъ и Старымъ Яковцемъ; 6 и 7 мая при защитѣ переправы въ пѣшемъ строю у м. Клячкова (Владимира 4-й степени); 8 мая въ стычкахъ при с. Рудкахъ; 9 и 10 мая въ дѣлѣ при Тикочинахъ: 11—13 мая въ стычкахъ при м. Клячковѣ; 15 мая въ преслѣдованіи отряда Гельгута, причемъ, «находясь въ резервѣ, поддерживалъ атаку л.-гв. Уланскаго полка подъ жестокимъ огнемъ артиллеріи мятежниковъ и на каждомъ шагу служилъ достойнымъ примѣромъ для подчиненныхъ» (св. Анны 2-й степени); затѣмъ участвовалъ во многихъ мелкихъ дѣлахъ и въ штурмѣ Варшавы, когда былъ раненъ пикой въ спину съ поврежденіемъ двухъ реберъ, въ лѣвое плечо съ поврежденіемъ ребра и саблей въ лѣвую руку и подбородокъ (корона къ ордену св. Анны 2-й степени); эти раны вынудили Т. временно покинуть строй, куда вернулся при возвращеніи корпуса въ Петербургъ. Командуя 1-й легкой кавалерійской дивизіей, Т. находился съ нею во время Восточной войны въ составѣ отряда, охранявшаго съ 15 апрѣля по 1 сентября 1854 г. прибрежье Петербургской губерніи. Кромѣ указанныхъ выше наградъ имѣлъ еще св. Георгія 4-й степени, св. Владимира 3-й степени, св. Анны и св. Станислава 1-й степени и нѣсколько медалей за разныя кампаніи.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, № 762, списки, доставленные отъ штаба Гвардейскаго корпуса за 1857 г.

Тироль, *Константинъ Петровичъ*, участникъ Севастопольской обороны, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1827 г. и курсъ котораго окончилъ 4 января 1835 г. съ чиномъ гардемарина. Ближайшія два лѣта онъ проходилъ практическую службу на кораблях «Березина» и «Императоръ Александръ I» въ Балтійскомъ морѣ, послѣ чего, вмѣстѣ съ производствомъ въ мичманы, былъ отправленъ въ Черноморскій флотъ, на фрегатѣ котораго, крейсируя у абхазскихъ береговъ, участвовалъ въ сраженіи съ горцами, завершившемся взятіемъ мыса Константиновскаго (Адлера), и за оказанное въ этомъ дѣлѣ отличіе былъ удостоенъ ордена Анны 4-й степени на саблю съ надписью «За храбрость». На томъ же фрегатѣ и у тѣмъ же береговъ плавалъ онъ и въ теченіе слѣдующихъ 1838—1842 гг., неоднократно будучи участникомъ обстрѣливанія горскихъ отрядовъ, причемъ выказалъ новыя отличія, за одно изъ которыхъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени и чиномъ лейтенанта (19 апрѣля 1842 г.). Въ кампаніи 1843—1851 гг. онъ на различнѣйшихъ судахъ Черноморскаго флота—пароходо-фрегатѣ «Одесса», фрегатахъ «Флора», «Кулевчи» и «Кагулъ», кораблѣ «Ягудіилъ»—крейсировалъ у восточныхъ береговъ и въ открытыхъ водахъ Чернаго моря, неся десантную службу, ходилъ между Одессою и Константинополемъ и проч. Произведенный 30 марта 1852 г. въ капитанъ-лейтенанты, Т. получилъ въ командованіе бригъ «Персей» и на немъ вышелъ въ Архипелагъ и Средиземное море, гдѣ пробылъ до осени слѣдующаго, когда слухи о предстоящей войнѣ заставили его возвратиться въ бассейнъ Чернаго моря. Въ 1854 г. онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата «Месемврія», съ которымъ въ началѣ войны стоялъ на Севастопольскомъ рейдѣ, послѣ чего поступилъ въ составъ севастопольскаго гарнизона. Безстрашный храбрецъ, будучи начальникомъ 1-го отдѣленія 5-го бастіона, онъ всегда стоялъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, за что и поплатился жизнью: 24 ноября былъ пораженъ пулею и отъ этой раны черезъ нѣсколько часовъ скончался.

„Общій морской списокъ", ч. XII, Спб. 1900, стр. 36.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ", Спб. 1903, стр. 410, 423.—Тотлебенъ, „Описаніе обороны Севастополя", т. I, стр. 181.—А. Жандръ, „Матеріалы для исторіи обороны г. Севастополя", стр. 264.—„Морской Сборникъ", 1854, ч. XII, стр. 231 и LXV; 1855, ч. IV, стр. 507.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ", Спб. 1852.

Тироль, *Михаилъ Петровичъ*, начальникъ Сѣверной оборонительной линіи, капитанъ 1-го ранга; службу началъ въ 1830 г. гардемариномъ на фрегатѣ «Анна» Балтійскаго флота, въ слѣдующемъ году перешелъ на корветъ «Императоръ Александръ I» и на немъ служилъ до 1840 г.,

когда, въ чинѣ лейтенанта (1837), получилъ въ командованіе ботъ «№ 4». 1841—1846 годы на корветѣ «Императоръ Петръ I», бригѣ «Агамемнонъ» и корветѣ же «Львица» крейсировалъ по Балтійскому морю и несъ службу въ портахъ Финскаго залива; неоднократно, между прочимъ, ему поручалась проводка глубокосидящихъ судовъ по мелководному устью Невы. Повышенный въ капитанъ-лейтенанты (съ 1847 г.), въ кампаніи 1888—1852 гг. крейсировалъ на корветахъ «Березино» и «Императоръ Петръ I» у датскихъ береговъ. Передъ началомъ Крымской войны онъ на фрегатѣ «Аврора» перешелъ въ Петропавловскій портъ, и въ 1854 г. участвовалъ при отраженіи отъ Петропавловска англо-французской эскадры; за отличіе произведенъ въ капитаны 2-го ранга и награжденъ орденомъ Владимира 4-й степени съ мечами. На томъ же фрегатѣ въ 1855 г. перешелъ изъ Петропавловска въ заливъ Де-Кастри, гдѣ 8 и 9 мая сражался при новомъ отраженіи непріятельскаго флота (орденъ Анны 2-й степени). Въ 1856 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и назначенъ командиромъ фрегата «Аврора», съ которымъ въ слѣдующемъ году перешелъ въ Кронштадтъ. Ближайшіе затѣмъ годы служилъ на кронштадтскомъ рейдѣ и командовалъ 2-мъ флотскимъ экипажемъ и корветомъ «Выборгъ», а въ 1863 г. былъ назначенъ начальникомъ Сѣверной оборонительной линіи въ Кронштадтѣ, въ каковой должности пробылъ до смерти, послѣдовавшей 18 іюля 1866 г.

Н. К., „М. П. Тироль", „Морской Сборникъ", 1866, № 11, стр. 177—181.—„Общій морской списокъ", ч. XII, Спб. 1900, стр. 36—38.

Тироль, *Павелъ Петровичъ,* контръ-адмиралъ, братъ предыдущихъ, родился 30 марта 1812 г. и въ маѣ 1824 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, курсъ котораго окончилъ 30 марта 1830 г. съ чиномъ гардемарина; въ слѣдующемъ году произведенный въ мичманы, онъ былъ опредѣленъ въ Балтійскій флотъ и на различныхъ судахъ его—кораблѣ «Не тронь меня», бригахъ «Агамемнонѣ» и «Казарскій» совершалъ незначительные береговые переходы, плавалъ и крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ и его заливахъ, преимущественно Финскомъ, вплоть до 1844 г., когда, уже въ лейтенантскомъ чинѣ (съ 1837 г.), былъ переведенъ въ отрядъ гребной флотиліи и на ея судахъ несъ сторожевую службу у Кронштадта. 11 апрѣля 1848 г. Т. былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты вмѣстѣ съ назначеніемъ на корабль «Эмгейтенъ», на которомъ онъ впервые вышелъ за предѣлы балтійскихъ водъ,—въ Нѣмецкое море, гдѣ крейсировалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ кампаній; въ составѣ офицерской команды того же корабля онъ принималъ участіе и въ оборонѣ Кронштадта въ 1854 г. противъ соединеннаго англо-французскаго флота и по окончаніи ея былъ назначенъ командиромъ транспорта «Америка», на которомъ ходилъ между Кронштадтомъ и Свеаборгомъ до 15 октября 1856 г., когда транспортъ потерпѣлъ крушеніе у о. Гогланда. Наряженное по этому поводу слѣдствіе выяснило, что причины крушенія носили неотвратимый характеръ, почему Т. былъ оправданъ. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ командиромъ винтовой лодки «Бурунъ» и непосредственно вслѣдъ за этимъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, каковымъ оставался до 17 апрѣля 1862 г., когда вмѣстѣ съ повышеніемъ въ капитаны 1-го ранга былъ отправленъ въ Николаевскъ-на-Амурѣ, гдѣ его командованію былъ ввѣренъ 27-й флотскій экипажъ. Изъ Восточной Сибири Т. возвратился зимою 1866 г. и тогда же былъ назначенъ начальникомъ 8-го флотскаго экипажа. Контръ адмиральскій чинъ онъ получилъ въ 1870 г. вмѣстѣ съ увольненіемъ отъ службы и вскорѣ послѣ этого, именно 12 января 1871 г., скончался.

„Общій морской списокъ", ч. XII, Спб. 1900, стр. 38—39.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ", Спб. 1852.

Титинецъ, *Ѳедоръ Пименовичъ,* новгородскій посадникъ. Степеннымъ посадникомъ, т. е. у власти, былъ въ 1207 г. Большинство лѣтописей его не называетъ, кромѣ Новгородской, которая пишетъ его *Тихфинецъ.* Тамъ же говорится, что онъ на собственныя средства въ 1207 г. заложилъ двѣ церкви, во имя св. Пантелеймона и во имя Николая Чудотворца.

Калайдовичъ, „Историческій и хронологическій опытъ исторіи новгородскихъ посадниковъ", Москва 1821, стр. 105—106.—„Исторія русской іерархіи", т. V, стр. 456.

Титова, *Елизавета Ивановна*, писательница начала XIX столѣтія, родилась въ 1780 г. Еще въ 1797 г. она выпустила въ свѣтъ переведенную ею комедію въ одномъ дѣйствіи «Слѣпая въ Спа», сочиненіе Жанлисъ (Москва 1797), а въ 1798 г. помѣстила въ журналѣ «Пріятное и Полезное препровожденіе времени» (ч. XVII) свой переводъ «Отрывковъ изъ китайской исторіи Хао-Кангъ», подписанный иниціалами Е. Т. Въ началѣ XIX столѣтія Т. написала нѣсколько комедій и драмъ въ духѣ господствовавшаго въ то время сантиментальнаго направленія. Ея произведенія ставились на петербургской сценѣ и пользовались значительнымъ успѣхомъ у публики. Т. написала слѣдующія оригинальныя драматическія произведенія: «Густавъ Ваза или торжествующая невинность», драма въ 5 дѣйствіяхъ съ хорами (Спб. 1810), поставленная въ придворномъ Петербургскомъ театрѣ въ первый разъ 27 іюня 1809 г. съ участіемъ Яковлева и Каратыгиной; «Аделаида и Вольмаръ», драма въ 5 дѣйствіяхъ (Спб. 1811), поставленная на сценѣ въ первый разъ 5 февраля 1811 г. и болѣе всего, по словамъ Арапова, способствовавшая извѣстности Т.; «Крестьянскій театръ», комедія въ одномъ дѣйствіи, въ первый разъ поставленная на петербургской же сценѣ 23 августа 1811 г.; «Ольга или торжество вѣры», поэма въ 4 пѣсняхъ (Спб. 1813). Кромѣ того Т. помѣстила въ «Вѣстникѣ Европы», въ періодъ изданія его Н. Карамзинымъ, нѣсколько лирическихъ стихотвореній.

Князь Н. Н. Голицынъ, „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ“, Спб. 1889, стр. 245.—С. В. Русовъ, „Библіографическій каталогъ россійскимъ писательницамъ“, Спб. 1826, стр. 42.—В. Клюшниковъ „Всенаучный, энциклопедическій словарь“, Спб. 1882, ч. II, стр. 871.—Галаховъ, „Исторія русской словесности“, Спб. 1868, т. II, стр. 130.—Н. Билевичъ, „Русскія писательницы XIX вѣка“, „Московскій Городской Листокъ“, 1847, № 80, стр. 320; № 114, стр. 455.—П. Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, Спб. 1861, стр. 143, 193,209, 210.—„Дамскій Журналъ“, 1830, ч. 29, стр. 27; ч. 30, стр. 81; ч. 31, стр. 36.—„Русскій Архивъ“, 1865, стр. 1211, 1224.—А. П. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 годы“, Спб. 1874, стр. 777.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“ подъ редакціей В. Н. Рогожина, Спб. 1904, ч. II, стр. 104, № 3343; ч. III, стр. 161, № 24.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки для чтенія А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 559, № 7485; стр. 598, № 8183.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова“, Спб. 1820, стр. 333.

Титова, *Наталья Ивановна*, писательница, супруга Николая Сергѣевича Титова, родилась въ 1709 г. Писала элегіи и пѣсни, «отличающіяся чистотой, пріятностью и нѣжностью слога», перевела съ французскаго аллегорическую повѣсть «Бокъ и Зюльба», въ 2 частяхъ (Москва 1774). По свидѣтельству Новикова, Т. свои оригинальныя стихотворенія печатала въ журналахъ «Всякая Всячина», «Трутень» и «Парнасскій Щепетильникъ», но установить ихъ названія не представляется возможнымъ, такъ какъ стихи въ этихъ журналахъ печатались обычно безъ подписей авторовъ.

Мезіеръ, „Русская словесность“, ч. II, № 17974.—Венгеровъ, „Русская поэзія“, вып. VI, стр. 364.—Ефремовъ, „Матеріалы русск. литерат. Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Ник. Новикова“, стр. 111.—„Дамскій Журналъ“, 1830, ч. 12, № 7; ч. 30, № 21.

Титовъ, *Алексѣй Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, членъ военной коллегіи, музыкантъ и композиторъ, родился 12 іюня 1769 г., умеръ 8 ноября 1827 г. Долгое время служилъ въ конной гвардіи. Т. отлично игралъ на скрипкѣ и недурно владѣлъ техникой композиціи. Онъ написалъ довольно много оперъ, изъ нихъ нѣкоторыя въ свое время ставились на русской сценѣ и игрались даже въ Парижѣ. Наиболѣе важныя изъ нихъ: «Пивоваръ или кроющійся духъ», «Судъ царя Соломона» (слова С. Глинки, поставлена при Павлѣ I), «Ямъ» (слова Княжнина, поставлена въ 1805 г.), «Амуръ-судья или споръ трехъ грацій» (слова Княжнина, 1805), «Нурзахадъ» (слова Княжнина, 1807), «Дѣвишникъ или Филаткина свадьба, слѣдствіе Ума» (слова Княжнина, 1809), «Эммерикъ Текелій» (1812), «Праздникъ Могола или торжество Олимара» (1823), «Минутное заблужденіе» (слова С. Глинки), «Наталья боярская дочь» (слова С. Глинки), «Татьяна прекрасная на Воробьевыхъ горахъ», «Солдатъ и Пастухъ», «Легковѣрные» и др. Ему же, вѣроятно, принадлежитъ опера «Вотъ каковы русскіе или мужество кіевлянъ» (слова Княжнина, поставлена въ 1817 г.). Музыка Т. носитъ отпечатокъ Гайдновско-Моцартовскаго стиля, а иногда

въ ней замѣчаются и проблески вліянія русской народной музыки.

„Воспоминанія Николая Алексѣевича Титова“ (его сына), „Древняя и Новая Россія“, 1878, кн. III.—Марковъ, „Исторія русской оперы“ (полный перечень его оперъ).—В. В. Стасовъ, „Списокъ оперъ, поставленныхъ въ Россіи“, „Русская Музыкальная Газета“, 1898, и отд., Спб. 1898.—„Энциклопедич. Словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 257.

Титовъ, *Григорій Семеновичъ*, стрѣлецкій голова и полковникъ, сынъ думнаго дьяка Семена Степановича Титова. Въ 1670 г. названъ стряпчимъ, а въ 1676 г. пожалованъ въ стольники. Въ 1678 г. служилъ въ стрѣлецкомъ приказѣ полковникомъ; подъ началомъ у него въ полку 10 капитановъ и 938 стрѣльцовъ; старшимъ надъ нимъ былъ князь Михаилъ Юрьевичъ Долгоруковъ. Въ томъ же году посланъ былъ со своимъ полкомъ изъ Москвы въ Малороссію, именно въ Чигиринъ къ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, и тамъ участвовалъ въ рядѣ мелкихъ стычекъ съ турками и татарами. По случаю этого похода къ прежнему окладу ему пожаловано помѣстной придачи 100 четей и денежной 10 рублей. Подъ 1679 г. отмѣченъ въ Казанскомъ разрядѣ въ Большомъ полку. Въ іюлѣ 1697 г. находился съ полкомъ подъ Кіевомъ: полкъ его прежняго состава. Позже служилъ комендантомъ въ Таганрогѣ. Умеръ въ 1713 г.

Полное Собраніе Законовъ, т. II, стр. 80.—„Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. IX, стр. 117, 203.—„Акты Археографич. Экспед.“, т. IV, стр. 358.—„Акты Юго-Западной Россіи“, т. XIII, стр. 98, 325.—Ивановъ, „Описаніе государственнаго разряднаго архива“, стр. 85.—„Разрядная книга по офиціальнымъ спискамъ“, т. II, стр. 1195, 1201, 1327, 1328, 1358.

Титовъ, *Кузьма Семеновичъ*, стольникъ стругового и плотничьяго дѣла, завѣдывавшій Воронежской верфью; былъ сыномъ извѣстнаго въ царствованіе Алексѣя Михаиловича думнаго дьяка Семена Степановича Титова и со стороны Петра Великаго пользовался довѣріемъ и расположеніемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ неоднократныя грамоты воеводѣ князю Савину Горчакову о высылкѣ Т. требуемыхъ имъ людей, матеріаловъ, денегъ и проч. Весь періодъ съ 1693 по 1697 г. Т. завѣдывалъ постройкой струговъ на Воронежской верфи; въ 1697 г. по приказу Петра принимаетъ запасы хлѣба изъ городовъ края для стрѣлецкаго войска. Въ выполненіи плана Петра Великаго о скорѣйшей постройкѣ нужнаго флота для Азовскаго похода Т. сыгралъ значительную роль.

„Старинныя грамоты, относящіяся къ эпохѣ Петра Великаго“, „Воронежскія Губ. Вѣдомости“, 1871, № 88, 90, 92, 99; 1872, № 16.

Титовъ, *Михаилъ Алексѣевичъ*, братъ извѣстнаго композитора Николая Алексѣевича, тоже композиторъ, авторъ довольно популярныхъ въ свое время романсовъ, родился въ 1804 г. Получилъ довольно солидное музыкальное образованіе,—учился теоріи композиціи у Джуліани, автора «Introduction au code d'harmonique»; поэтому у него довольно умѣлая фактура. Романсы его относятся къ 1820—1830 гг. Наиболѣе значительны изъ нихъ: «Зачѣмъ исчезъ прелестный сонъ?», «Ожиданіе», «Нещастный», «Ахъ, въ мірѣ я одинъ», «Quand deux flambeaux brulent ensemble», «Ce que je veux...», «Не вѣрьте мнѣ...». Большинство изъ нихъ написаны очень музыкально. Т. составилъ также нѣсколько танцевъ для фортепіано. Въ молодости онъ служилъ въ Преображенскомъ полку; въ 1830 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Павловскѣ, гдѣ и скончался 3 декабря 1853 г.

С. Буличъ, „Дѣдушка русскаго романса—Николай Алекс. Титовъ“, „Русск. Музыкальн. Газета“, 1890, № 17.—„Сочиненія Державина“, въ изд. Академіи Наукъ, т. V: „Переписка“ (письма Т. къ Державину).—„Воспоминанія Никол. Алекс. Титова“, „Древняя и Новая Россія“, 1878, кн. III.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза-Ефрона, т. 33, 1-е изд., стр. 258.

Титовъ, *Михаилъ Ивановичъ*, коммерціи совѣтникъ, фабрикантъ ситцевыхъ издѣлій, родился 1 сентября 1767 г. Имъ основана была въ Москвѣ первая въ Россіи фабрика ситцевыхъ издѣлій. Живя постоянно въ Москвѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни города; былъ бурмистромъ, въ разное время состоялъ членомъ комитетовъ: о дарованіи льготы раззореннымъ послѣ непріятеля жителямъ, объ изысканіи городскихъ доходовъ, о разсмотрѣніи приходовъ и расходовъ городской думы, комитета для постройки въ Москвѣ биржи и др. Многіе годы Т. состоялъ депутатомъ для разсмотрѣнія смѣты расходовъ думы и членомъ московскаго отдѣленія коммерческаго совѣта. Оставаясь по выбору общества кан-

дидатомъ въ должность городского головы, онъ занялъ это мѣсто въ 1814 г. по смерти бывшаго до того городскимъ головой Ѳ. И. Кожевникова. Несмотря на отказъ, онъ избранъ былъ на новое трехлѣтіе. За время служенія городскимъ головой Т. много способствовалъ устроенію Москвы послѣ Отечественной войны, за что и былъ награжденъ рядомъ орденовъ. Онъ имѣлъ также золотую медаль для ношенія на шеѣ, бронзовую—за 1812 годъ и большую похвальную золотую медаль съ именемъ за успѣхи въ ситцевомъ производствѣ. Умеръ Т. въ Москвѣ, 6 ноября 1835 г., 68 лѣтъ отъ роду.

„Московскія Вѣдомости“, 1835, № 94, стр. 4668—4669.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.“, Спб. 1893, т. II, стр. 248, № 17879.

Титовъ, *Николай Алексѣевичъ*, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ русскихъ композиторовъ въ области романса и танцовальныхъ мотивовъ, извѣстный подъ прозвищемъ «Дѣдушка русскаго романса». Это лестное прозвище, данное Т. еще при жизни и поддержанное такими авторитетами, какъ Глинка и Даргомыжскій, основывается на ходячемъ мнѣніи, что Т. положилъ начало русскому романсу изданіемъ въ 1820 г. своей «Уединенной сосны», о которой между прочимъ упоминаетъ Тургеневъ въ «Запискахъ охотника» (разсказъ «Татьяна Борисовна и ея племянникъ»), ошибочно приписывая этотъ романсъ Варламову. Русскій романсъ однако существовалъ уже за 10—15 лѣтъ до первыхъ опытовъ Т. (К. Шаликовъ, кн. П. И. Долгоруковъ). Тѣмъ не менѣе Т. имѣетъ право на данный ему титулъ, такъ какъ именно его романсы впервые получили широкое распространеніе, сдѣлались популярны, отчасти отвѣчая назрѣвшимъ эстетическо-музыкальнымъ потребностямъ русскаго общества, отчасти же и способствуя ихъ пробужденію. Въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка, по словамъ профессора А. Н. Бекетова, не было «музицирующей барышни, которая не пѣла бы романсъ Титова «Коварный другъ, но сердцу милый». Т. родился 28 апрѣля 1800 г. въ Петербургѣ; воспріемникомъ его отъ купели былъ Императоръ Александръ I, тогда еще наслѣдникъ. Семейная обстановка какъ нельзя болѣе могла способствовать развитію въ ребенкѣ музыкальныхъ и художественныхъ наклонностей. Въ домѣ отца Т., Алексѣя Николаевича (см. выше), музыканта и композитора, часто устраивались вечера, на которыхъ исполнялась камерная музыка. Иногда въ этомъ домашнемъ кварталѣ принимали участіе и заѣзжія знаменитости; посѣщали домъ и композиторы, артисты, артистки, художники, пѣвцы и пѣвицы. Эти впечатлѣнія дѣтства въ значительной мѣрѣ повліяли на развитіе музыкальныхъ наклонностей младшаго брата Т., Михаила Алексѣевича (см. выше), но на его собственной судьбѣ почти не отразились, благодаря тому, что воспитаніе его въ области музыки сразу же пошло неправильно. Учителя музыки, которому одному за другимъ ввѣряли ребенка Т., рутиной своего преподаванія не только не способствовали дремавшей въ его душѣ музыкальной искрѣ, но скорѣе содѣйствовали тому, что въ мальчикѣ родилась сначала апатія, а потомъ почти отвращеніе къ музыкѣ. Послѣ ряда опытовъ и перемѣны нѣсколькихъ учителей отецъ Т. бросилъ надежду сдѣлать сына музыкантомъ. Общее образованіе Т. до 8-лѣтняго возраста получалъ дома, потомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, который черезъ два года послѣ поступленія долженъ былъ по слабости здоровья оставить, послѣ чего побывалъ въ нѣсколькихъ частныхъ пансіонахъ, изъ которыхъ въ пансіонѣ Сантъ-Флорана и окончилъ курсъ.

Только къ 19 годамъ въ Т. проснулось музыкальное чувство, или, по его собственнымъ словамъ, въ немъ «заговорило впервые сердце», и онъ «началъ фантазировать на фортепіано и сочинять, насвистывая, сначала вальсы, а послѣ и романсы». Когда Т. показалъ свои первые опыты и болѣе удавшійся романсъ ва слова «Rendez la moi cette femme chèrie» отцу, послѣдній пришелъ въ восторгъ и настоятельно сталъ совѣтовать сыну взяться за теорію музыки и композиціи. Отчасти подъ руководствомъ отца, отчасти самостоятельно Т. съ этихъ поръ сталъ серьезно изучать доступные ему музыкально-теоретическіе труды, одновременно взявшись и за игру на фортепіано. Запоздалое и безсистемное ученіе, конечно, не могло замѣнить Т. настоящей музыкальной школы, и онъ вслѣдствіе этого навсегда въ сущности остался лишь дилетантомъ-композиторомъ какъ Алябьевъ, Верстовскій, Варламовъ,

и даже въ большей степени, чѣмъ они; композиторская техника его не могла освободиться отъ дилетантскаго характера и много уступала даже техникѣ его отца. Дальше простѣйшей формы салоннаго романса и танца, наполненнаго музыкальнымъ содержаніемъ, элементарнымъ въ смыслѣ гармоническаго и методическаго творчества, Т. не пошелъ. Пріемы его фортепіаннаго письма очень несложны, а ритмъ, часто вопреки содержанію текста, принимаетъ плясовой характеръ; напр., его романсъ «Я не скажу вамъ, кто она» (1831) написанъ въ ритмѣ галопа, молитва «Въ минуту жизни трудную» (1840) въ формѣ вальса и «Птичка Божія не знаетъ»— польки. Тѣмъ не менѣе искренность настроенія и теплота чувства въ большинствѣ романсовъ, нерѣдко переходящая въ естественную для того времени сантиментальность, вмѣстѣ съ безпритязательной простотой и общедоступностью композиторскаго стиля, искупаютъ недостатки творчества Т., и именно эти стороны создали ему широкую популярность. Самая сильная сторона его творчества—мелодія, часто краткая, куплетная, но закругленная, пѣвучая и легко запоминаемая.

Первымъ появившимся въ печати романсомъ Т. была, какъ сказано, «Уединенная сосна» (1820), а вслѣдъ за нею послѣдовалъ и рядъ другихъ. Всего перу Т. принадлежитъ свыше 60 романсовъ на русскіе и французскіе тексты; наибольшею популярностью изъ нихъ пользовались: «Шарфъ голубой» (слова М. А. Марковича, 1830), «Мальвина» (В. А. Жуковскаго, 1831), «Коварный другъ» (М. Офросимова, 1831), «Какая грусть владѣетъ мной» (слова, вѣроятно, самаго Т.), «Звѣздочка» (Новикова), «Къ Морфею» (Пушкина, 1860), «Прости на долгую разлуку», «Признаніе» (Офросимова), «Гусли мои, гусли» (Н. Кукольника), «Мечта любви» (кн. П. А. Вяземскаго), «Пѣсня ямщика» (К. Бахтурина), «Колыбельная пѣсня» (Лермонтова), «Горныя вершины» (Лермонтова изъ Гете) и др. Въ началѣ 1820-хъ годовъ Т. началъ сочинять и издавать свои танцы. Такъ, въ 1823 г. въ музыкальномъ журналѣ «La Harpe du Nord» появилась его кадриль въ три руки, а въ слѣдующемъ 1824 г. онъ издалъ свою знаменитую кадриль «Vieux pochès» (a-mol), сдѣлавшуюся любимѣйшею въ публикѣ, разошедшуюся, по словамъ ея издателя Бернарда, болѣе чѣмъ въ 16 тысячахъ экземпляровъ и пережившую нѣсколько поколѣній. Въ 1824 г. Т. сочинилъ свой первый скорый маршъ, аранжированный Н. А. Дерфельтомъ для военнаго оркестра и имѣвшій большой успѣхъ. Съ этихъ поръ марши Т. вошли въ моду и очень нравились при Дворѣ, такъ что великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи неоднократно заказывали ему новые и удостаивали его разными подарками. Изъ наиболѣе выдающихся инструментальныхъ произведеній Т. слѣдуетъ назвать маршъ «Кіа-кингъ», маршъ на тему изъ оперы «Красная шапочка», вальсы «Родные звуки» «Mon Salût à Pawlowsk», «Весенній букетъ», «Maria-Valse», «Alexander-Valse», польку «Die Eigensinnige»; въ общей сложности инструментальныхъ произведеній имъ написано свыше 30. Недавно напечатаны въ видѣ матеріаловъ къ біографіи Т. нѣсколько написанныхъ имъ стихотвореній, преимущественно шуточныхъ и довольно слабыхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію; довольно вѣроятно, что текстъ нѣсколькихъ его романсовъ принадлежитъ также ему.

Что касается служебной дѣятельности Т., то она началась въ 1817 г., когда онъ опредѣлился подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, и кончилась въ 1867 г. Въ 1819 г. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, 27 марта 1822 г. произведенъ въ офицеры, въ 1830 г. вышелъ по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку, но въ 1833 г., по предложенію самого государя, снова поступилъ въ военную службу—въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ; въ февралѣ 1834 г. онъ упалъ съ лошади, сильно расшибся, долго проболѣлъ, по выздоровленіи оставилъ строевую службу и перевелся чиновникомъ особыхъ порученій въ комиссаріатскій департаментъ, гдѣ позже послѣдовательно занималъ должности—смотрителя казенной фабрики офицерскихъ вещей, директора лосиной фабрики и члена общаго присутствія. Въ отставку онъ вышелъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Съ 1839 г. былъ женатъ на извѣстной московской красавицѣ Софіи Алексѣевнѣ Смирновой. Скончался Т. 10 декабря 1875 г.

„Воспоминанія“ Т., имѣющія автобіографическій характеръ, напечатаны въ „Русской

Старинѣ", 1870, кн. I, изд. 1-е, стр. 148—149, 419—422; изд. 2-е, стр, 215—222, а также въ „Древней и Новой Россіи", 1878, т. III, стр. 265—286.—С. Буличъ, „Дѣдушка русскаго романса—Николай Алексѣевичъ Титовъ", „Русская Музыкальная Газета", №№ 17—20, и отд., Спб. 1900 (приведенъ полный перечень сочиненій Т.). Его же. Нѣсколько новыхъ данныхъ для біографіи Николая Алексѣевича Титова", тамъ же, 1900, № 50.—М. Ивановъ, „Пушкинъ въ музыкѣ", Спб. 1899, стр. 32.—„Воспоминанія В. Т. Соколова", „Историческій Вѣстникъ", 1889, т. 32, стр. 528.—„Изъ семейной хроники Л. Н. Павлищева", тамъ же, 1888, т. 31, стр. 315.—„М. А. Офросимовъ" (авторъ текста многихъ романсовъ Т.), „Древняя и Новая Россія", 1878, т. I, стр. 274.—„Общій полный каталогъ музыкальнаго магазина П. Юргенсона въ Москвѣ", отд. IV: „Русскіе романсы и пѣсни для пѣнія съ сопровожденіемъ фортепіано", Москва 1898.—„Русскій Архивъ", 1887, т. II, стр. 541—542.—„Н. А. Титовъ. Некрологъ", „Голосъ", 1875, № 352.—„Н. А. Титовъ. Некрологъ", „Иллюстрированная Недѣля", 1876, № 4.—То же „Народная Школа", 1876, № 2, стр. 17—18 (прилож.).—То же, „Гражданинъ", 1876, № 4.—„Необходимое дополненіе къ Настольному словарю Ф. Толля", s. v.—„Энциклопед. словарь" Брокгауза-Эфрона, 1-е изд., т. 33.

Титовъ, *Николай Сергѣевичъ*, капитанъ-поручикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, сынъ Сергѣя Николаевича, композиторъ романсовъ, годъ рожденія и смерти неизвѣстенъ (въ воспоминаніяхъ его двоюроднаго брата, Николая Алексѣевича, сказано: «умеръ въ цвѣтущихъ годахъ въ Москвѣ»). Ему принадлежитъ около 20 романсовъ, вышедшихъ въ изданіяхъ Стелловскаго и Бернарда и нерѣдко приписывавшихся болѣе популярному Н. А. Титову, ибо и по фактурѣ и по стилю они ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ произведеній «дѣдушки русскаго романса». Наиболѣе выдаются слѣдующіе его романсы: «Фонтанъ», «Слыхали ль вы?», «Даруетъ небо человѣку», «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Я помню чудное мгновенье», «Палъ туманъ на сине море», «Талисманъ», «Прощай, свободная стихія». Нѣкоторые изъ нихъ («Талисманъ», «Даруетъ небо человѣку» и др.) были очень популярны во второй и третьей четвертяхъ прошлаго вѣка, а романсъ «Слыхали ли вы?» и донынѣ часто встрѣчается въ концертныхъ репертуарахъ.

С. Буличъ, „Дѣдушка русскаго романса—Николай Алексѣевичъ Титовъ", „Русская Музыкальн. Газета", 1900, № 17, и отд., Спб. 1900,—„Воспоминанія Никол. Алекс. Титова", „Древняя и Новая Россія", 1878, кн. III, и „Русск. Старина", 1870, т. I.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Ефрона, т. 33, 1-е изд., стр. 258.

Титовъ *Нилъ Михайловичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1804 г., умеръ 16 марта 1866 г.; воспитаніе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ апрѣлѣ 1817 г. и черезъ пять лѣтъ окончилъ его курсъ гардемариномъ. Произведенный въ февралѣ 1821 г. въ мичманы, онъ былъ опредѣленъ на фрегатъ «Помощный», въ составъ офицерской команды котораго то плавалъ въ Финскомъ заливѣ, то крейсировалъ въ водахъ Нѣмецкаго моря вплоть до 1827 г., когда былъ перемѣщенъ на корабль «Александръ Невскій», на немъ перешелъ изъ Кронштадта въ Портсмутъ, а оттуда въ эскадрѣ контръ-адмирала гр. Л. П. Гейдена (впослѣдствіи главнаго командира Ревельскаго порта)—въ Средиземное море, гдѣ принялъ участіе въ Наваринскомъ сраженіи, за что удостоился получить орденъ св. Анны 4-й ст. съ надписью «За храбрость». Въ теченіе ближайшихъ затѣмъ четырехъ лѣтъ Т. на томъ же кораблѣ продолжалъ крейсировать въ Архипелагѣ, при чемъ былъ участникомъ блокады Дарданеллъ и только по ея снятіи возвратился въ Кронштадтъ, гдѣ 11 января 1831 г. получилъ лейтенантскій чинъ. Въ 1838 г. онъ былъ переведенъ въ Свеаборгъ, на рейдѣ котораго въ продолженіе четырехъ лѣтъ несъ брандвахтенную службу въ составѣ офицерской команды брига «Агамемнонъ», послѣ чего одновременно съ производствомъ въ капитанъ-лейтенанты (19 апрѣля 1842 г.) былъ назначенъ командиромъ порохода «Проворный», которымъ оставался до 1846 г. Награжденный орденами Св. Станислава 3-й ст. и «за 18 морскихъ кампаній» Георгія 4-го класса, Т. получилъ въ командованіе другой пароходъ «Неву» (1848 г.), которымъ начальствовалъ до декабря слѣдующаго года, когда былъ назначенъ командиромъ 3-го рабочаго экипажа вмѣстѣ съ переименованіемъ въ маіоры. Оставаясь въ той же должности, 26 марта 1860 г. былъ произведенъ въ полковники, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ зачисленъ по резервному флоту. Генералъ-маіорскій чинъ Т. получилъ 30 августа 1861 г. одновременно въ увольненіемъ отъ службы.

„Общій морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1900, стр. 40—41.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитаниковъ“. Спб. 1852.

Титовъ, *Павелъ Николаевичъ*, драматургъ и переводчикъ конца XXVIII и начала XIX в., навдорный совѣтникъ съ 1800 г. Напечатаны слѣдующія его произведенія: «Истинный другъ», драма въ 3 д. (Спб. 1795), «Наслѣдники» драма въ 1 д. (Спб. 1799), «Баронъ Фельзеймъ», драма въ 3 д. съ хорами, балетомъ и военными эволюціями (Спб. 1812). Послѣднее произведеніе представляетъ собою передѣлку съ французскаго.

Мезіеръ, „Русская словесность“, ч. II, № 17977, 17978.—Березинъ - Ширяевъ Описаніе“, русскихъ и иностранныхъ книгъ“, 1873, стр. 372.

Титовъ, *Петръ Петровичъ*, художникъ-портретистъ 40—50-хъ годовъ; происходилъ изъ вольноотпущенныхъ, крестьянъ. Воспитывался въ академіи художествъ. Въ 1851 г. представилъ написанную съ натуры голову для полученія званія художника. Сохранилось нѣсколько достовѣрныхъ его произведеній, по которымъ его можно оцѣнить какъ вполнѣ выработавшагося и довольно даровитаго мастера изъ школы Левицкаго, Рокотова и Боровиковскаго.

П. Петровъ, „Сборникъ матер. для ист. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, т. 3, стр. 152.—А. Бенуа, „Исторія русской живописи“, стр. 17, 18.

Титовъ, *Петръ Савельичъ*, живописецъ декоративной живописи, академикъ. Художественный талантъ развивался и складывался внѣ вліянія академіи. Въ 1845 г. онъ расписывалъ стѣны Греческаго монастыря въ Москвѣ. Въ 1849 г. представилъ для полученія званія некласснаго художника картину, изображающую цвѣты. За работы по росписи церкви лейбъ-гвардіи Егерскаго полка удостоенъ званія академика.

П. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб. 1864, т. 3, стр. 3, 109, 247.

Титовъ, *Семенъ Степановичъ*, думный дьякъ въ Разрядѣ, изъ дворянскаго стариннаго рода, уходящаго съ XVI. ст. Въ 1663 г. дьякъ денежнаго сбора. Въ 1665—1669 гг. состоялъ въ приказѣ Большого дворца. Въ 1670 г. по повелѣнію Алексѣя Михайловича завѣдывалъ формировкой отрядовъ для посылки въ Алатырь по случаю бунта Разина. Въ 1672 г. при посвященіи въ Москвѣ въ патріархи архіепископа новгородскаго Питирима Т. былъ въ числѣ представителей власти «черныя и бѣлыя», сопровождалъ патріарха въ его объѣздѣ Кремля и былъ у царскаго стола. Въ Разрядѣ въ качествѣ думнаго дьяка находился до самой смерти, послѣдовавшей въ 1676 г.

Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 379, 550 551, 699, 815, 818, 822, 823, 870, 874, 892, 941, 947, 986; т. II, стр. 3.—«Акты Историч.», т. IV, стр. 516.—«Дополн. къ Акт. Историч.», т. IV, стр. 316, 318; т. V, стр. 38, 229, 335, 340, 363, 409, 418; т. VI, стр. 61—63, 65, 38, 253, 254; т. VII, стр. 4; т. IX, стр. 51, 175, 257; т. X., стр. 48.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. IV, стр. 229, 235, 237.—Древняя Россійская Вивліоѳика», т. VI, стр. 356. т. XVI, стр. 356;—Графъ Бобринскій, «Дворянскіе роды», т. I, стр. 684.

Титовъ, *Сергѣй Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ военной коллегіи (1804—1809), композиторъ, родился въ 1770 г., умеръ 24 марта 1825 г.; славился какъ очень хорошій музыкантъ—игралъ на фортепіано, на альтѣ и віолончели. Съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ ему приписываютъ оперы «Посидѣлки» (слова Княжнина, 1809), «Старинныя святки» (1809), «Легковѣрные» (слова Княжнина, 1812) и «Принужденная женитьба». Вторая и четвертая изъ этихъ оперъ принадлежатъ ему несомнѣнно, остальныя же двѣ написаны, вѣроятно, его старшимъ братомъ, — Алексѣемъ Николаевичемъ. Неизвѣстно, кто изъ нихъ былъ авторомъ балета «Новый вертепъ» (поставленъ въ 1799 г.) и оперы «Исправленный игрокъ» (поставлена при Александрѣ I). Ему же принадлежитъ комедія въ 1 дѣйствіи «Обманутый опекунъ» (Спб. 1788).

«Воспоминанія Николая Алексѣевича Титова» (племянника Т.), «Древняя и Новая Россія», 1878, кн. III.—Марковъ, «Исторія русской оперы».—В. В. Стасовъ, «Списокъ оперъ, поставленныхъ въ Россіи», «Русская Музыкальн. Газета», 1898.—«Энциклопедич. словарь» Брокгауза-Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 257.—Мезіеръ, «Указатель къ русской литературѣ», Спб. 1903, № 1795, 1796.—Венгеровъ „Русская поэзія“, вып. VI, Спб. 1897.

Титовъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, капитанъ 1 ранга, герой Севастопольской обороны. Образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1847 г. былъ произве-

денъ въ первый офицерскій чинъ, гардемарины, въ 1849—въ мичманы и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ на службу въ Черноморскій флотъ. Въ 1850 г. на транспортахъ «Бзыбь» и «Бугъ», фрегатѣ, «Флора», корветѣ «Орестъ» и шхунѣ «Дротикъ» совершалъ переходы изъ Очакова въ Севастополь, плавалъ и крейсировалъ въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ, въ 1851—1853 гг. на той же шхунѣ «Дротикъ» корветѣ «Уріилъ», бригахъ «Орфей», «Персей», «Птоломей» и фрегатахъ «Флора», «Коварна» и «Мидія» совершалъ крейсерскія кампаніи у абхазскихъ береговъ и во время одной изъ нихъ (1853 г.) участвовалъ въ сраженіи съ тремя турецкими пароходами, послѣ чего на небольшомъ баркасѣ съ командою въ нѣсколько человѣкъ былъ посланъ въ укрѣпленіе Бомбары, а оттуда въ Сухухъ-кале къ начальнику эскадры контръ-адмиралу П. М. Вукотичу съ донесеніемъ о результатахъ сраженія. Когда началась Крымская война, фрегатъ «Коварна», на которомъ тогда находился Т., стоялъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Съ началомъ блокады порта Т. въ составѣ десантной команды фрегата высадился на сушу и съ 11 по 13 сентября 1854 г. былъ въ числѣ защитниковъ сѣверныхъ укрѣпленій Севастополя. 13 сентября онъ перешелъ на Малаховъ курганъ и, командуя 4-й ротой десантнаго стрѣлковаго батальона, стоялъ на этомъ опаснѣйшемъ мѣстѣ въ теченіе 17 дней, до 30 сентября, когда, назначенный командиромъ 10-пушечной № 25 батареи, былъ переведенъ на городскую сторону, занявъ позицію между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. При первомъ бомбардированіи Севастополя батарея Т. мѣтко посланными снарядами взорвала пороховые погреба на французской сторонѣ, чѣмъ обратила на себя всеобщее вниманіе. Солдатская молва окрестила батарею именемъ Т., и это названіе, перешедшее потомъ и въ офиціальный языкъ, продержалось до самаго конца осады. Съ этого опаснаго мѣста Т. 21 ноября былъ переведенъ на другое, не менѣе опасное — назначенъ траншей-маіоромъ по 1-му отдѣленію оборонительной линіи. Здѣсь онъ обнаружилъ чудеса храбрости. Среди всѣхъ смѣльчаковъ и безшабашныхъ удальцовъ, которыми была такъ богата Севастопольская оборона, Т. былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся. Безудержная храбрость, презрѣніе къ опасности, «отчаянность» толкали его на самыя рискованныя вылазки. Во главѣ горсти матросовъ (20 человѣкъ), вооруженныхъ мушкетонами, и подъ прикрытіемъ двухъ горныхъ «единороговъ» въ ночь съ 29 на 30 ноября онъ вплотную подступилъ къ непріятельскому редуту № 1 и, произведя нѣкоторыя опустошенія, всполошивъ изумленныхъ французовъ, безъ всякихъ потерь возвратился въ русскія укрѣпленія. Подобныя вылазки, опасныя и не всегда цѣлесообразныя, ибо, несмотря на сопряженный съ ними рискъ, онѣ въ виду малочисленности участниковъ не могли быть богаты успѣхомъ, Т. совершалъ неоднократно. Только въ ночь съ 7 на 8 января 1855 г. ему удалось испросить разрѣшеніе на вылазку и организовать ее въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Во главѣ пяти ротъ Тобольскаго полка и 100 матросовъ - охотниковъ въ эту ночь онъ произвелъ нападеніе на центръ французскихъ траншей и стремительнымъ приступомъ, послѣ кровопролитной рукопашной схватки, изъ нѣкоторыхъ траншей вытѣснилъ непріятеля. Понятно, что долго удержаться здѣсь онъ не могъ; подоспѣвшія французскія подкрѣпленія вынудили отрядъ отступить. Отступленіе совершено было уже не подъ командой Т., такъ какъ при схваткѣ изъ-за второй траншеи штуцерною пулею онъ былъ раненъ въ грудь на вылетъ и съ поля сраженія унесенъ полумертвымъ. Тщательность медицинскаго ухода спасла ему жизнь, чему не мало способствовали, конечно, его молодость и крѣпость организма. Къ началу декабря онъ уже значительно оправился и на правахъ раненыхъ былъ прикомандированъ къ морскому корпусу. Однако потеря силъ не позволила ему уже болѣе принимать участіе въ оборонѣ. «За храбрость и неустрашимость при оборонѣ Севастополя» по ея окончаніи Т. былъ сразу награжденъ орденами св. Георгія 4-й степени, св. Владиміра той же степени съ бантомъ и производствомъ въ лейтенантскій чинъ. 14 февраля 1858 г. онъ былъ переведенъ въ Гвардейскій экипажъ съ назначеніемъ сначала завѣдующимъ катерами Императорской фамиліи, а затѣмъ командиромъ катерами Его Величества и гвардейскихъ гребныхъ судовъ. Въ этой исключительно почетной для лейтенантскаго чина долж-

ность Т. пробылъ до 15 марта 1860 г., когда былъ переведенъ исправляющимъ должность начальника Петергофскаго порта и завѣдывающимъ гвардейскими загородными судами. Получивъ рядъ знаковъ отличія и чинъ капитанъ-лейтенанта, онъ въ 1869 г., ссылаясь на обостряющуюся болѣзнь—отзвуки полученной имъ раны,—испросилъ отчисленія отъ занимаемыхъ имъ должностей. Произведенный въ капитаны 2-го ранга (1875) и продолжительнымъ леченіемъ возстановивъ свои силы, Т. въ 1875 г. былъ назначенъ начальникомъ того же Петергофскаго порта, которымъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 5 января 1880 г. Чинъ капитана 1-го ранга былъ полученъ имъ 17 января 1875 г. Въ 1871 г. боровическимъ земствомъ онъ былъ избранъ на первое и въ 1878 г. на второе трехлѣтіе въ почетные мировые судьи.

„Общій морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1900, стр. 42—44.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1893, стр. 7, 504, 505, 522.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса“, Спб. 1855. — Тотлебенъ, „Описаніе обороны Севастополя“, т. I, стр. 333, 337, 357.—„Въ память столѣтняго юбилея Императорск. военнаго ордена св. Великомуч. и Побѣдоносца Георгія, 1769—1869 гг.“.—„Списки кавалеровъ Имп. воен. ордена св. Великом. и Побѣд. Георгія за боевыя отличія“, Спб. 1869.—Дубровинъ, „Матеріалы для исторіи Крымской войны“, Спб. 1871—1873.—Жандръ, „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя“.—„Морской Сборникъ“, 1854, № XII, стр. 226; 1855, № II, стр. 265; № IV, стр. 509; 1857, т. II, стр. LXVI.

Титъ, кіевскій граверъ на деревѣ начала XVIII вѣка. Въ «Акаѳистахъ» 1706 и 1709 гг., изданныхъ въ Кіевѣ, подпись его встрѣчается на слѣдующихъ листахъ: листъ 93—Іоаннъ Креститель; листъ 137—Соборъ св. апостоловъ; листъ 145—Св. Николай, на облакахъ Богъ-Отецъ и Іисусъ Христосъ; листъ 220—Соборъ печерскихъ преподобныхъ. Въ тѣхъ же Акаѳистахъ имѣется картинка, на которой изображенъ Соборъ всѣхъ святыхъ, сверху съ Христомъ, Богомъ-Отцомъ и Предтечей, авнизу имѣется подпись «Титъ — 1706» и стихи: «Тако святіи Христу Богу угодиша Яко жизнь себѣ окрестъ его получиша».

Д. И. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія“, Москва 1870, стр. 124, 308.

Титъ, книгописецъ XVI вѣка, монахъ. Имъ написанъ «Сборникъ поученій наиболѣе І. Златоустаго отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ,» носящій общее заглавіе «Пятидесятницы». Рукопись въ 404 листа (хранится въ Троице-Сергіевой лаврѣ, № 146/1512), имѣетъ искусную заставку, написана полууставомъ, крупно, четко, относится къ 1511 г. Монашество Т. принялъ въ Комельскомъ Никольскомъ монастырѣ, но въ 1540 г. уже находится при игуменѣ Порфиріи II въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ.

„Чтенія въ Московскомъ Общ. любителей древ. письм.“, 1878, кн. 2, стр. 116 — 121. — Горскій, „Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры“, Москва 1841, стр. 74.

Титъ, пресвитеръ, преподобный печерскій, монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, жившій въ XII вѣкѣ. Въ Патерикѣ печерскомъ, въ «Сказаніи о двою брату, о Титѣ попѣ и Евагріи діаконѣ, имѣвшихъ между собой вражду», входящемъ въ составъ посланія епископа Симона Владимирскаго и Суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу Печерскому, объ этомъ угодникѣ разсказывается слѣдующее. Т. былъ очень друженъ съ діакономъ Евагріемъ, но вскорѣ дружба эта перешла во вражду. Черезъ нѣкоторое время Т. тяжело заболѣлъ и, лежа уже на смертномъ одрѣ, послалъ за Евагріемъ, взыскуя съ нимъ мира; но Евагрій отказался идти на миръ и еще болѣе злословилъ Т. Тогда печерская братія насильно привела діакона къ умирающему. Напрасно Т. со слезами просилъ прощенія у Евагрія: этотъ остался непреклоненъ и объявивъ передъ всѣми, что онъ ни теперь, ни въ будущемъ не проститъ пресвитера. Но едва діаконъ вымолвилъ эти слова, какъ упалъ мертвымъ, а Т. въ то же время выздоровѣлъ. Сказаніе свое Симонъ начинаетъ слѣдующими словами: «и се ти еще ино чудскажу, иже самъ видѣхъ, еще убо сотворися въ томъ же Печерскомъ монастырѣ». Мощи преподобнаго Т. почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ; память его чтится 27 февраля.

Викторова, „Кіево-Печерскій патерикъ“, Кіевъ 1897, стр. 53 — 55. — „Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви“, 2-е изд., Спб. 1865, стр. 228—229. — Макарій, „Исторія русской церкви“, изд. 2-е Спб. 1868, т. III, стр. 47—Евгеній Болховитиновъ, „Описаніе Кіево-Печерской лавры“, Кіевъ 1826, стр. 85.—Ф. Л. Ч. (Фила-

ретъ), „Русскіе святые“, Черниговъ 1862, мѣс. февраль, стр. 138—141.—Д. И. Протопоповъ, „Житія святыхъ“, Москва 1884, мѣс. февраль, стр. 193—194.—Сергій, „Полный мѣсяцесловъ Востока“, Москва 1876, т. II, ч. 1, стр. 50. — Кальнофорій, „Teraturgima“, Kiow 1636, p. 15.—Н. Барсуковъ. „Источники русской агіографіи“, Спб. 1882, стр. 549—550. — „Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ“ изд. В. Яковлевымъ, Спб. 1872, стр. CIX—CX.— Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 288.—„Кіевская Старина“, 1886, № 8, стр. 626.—Игнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“, Спб. 1875, ч. I.

Титъ-воинъ, преподобный печерскій; въ житіяхъ о немъ разсказывается, что въ молодости онъ былъ воиномъ и во время одного похода опасно раненъ въ голову. Нѣсколько оправившись отъ полученной раны, Т. пришелъ въ Кіевскій Печерскій монастырь и принятъ былъ въ число иноковъ. Т. изображается въ Житіяхъ святыхъ какъ строгій отшельникъ, ведшій постоянную и упорную борьбу съ плотью, часто подвергавшійся искушеніямъ дьявола, но стойко выдерживавшій ихъ; о немъ говорится, что еще при жизни онъ получилъ отпущеніе грѣховъ. Время его жизни неизвѣстно. Мощи Т. почиваютъ въ пещерѣ препод. Антонія въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ; память его чтится 28 августа; служба общая.

Евгеній Болховитиновъ, „Описаніе Кіево-Печерской лавры“, Кіевъ 1826, стр. 89. — Д. И. Протопоповъ, „Житія святыхъ“, Москва 1885, августъ, стр. 433—434.—Сергій, „Полный мѣсяцесловъ Востока“, Спб. 1875 — 76, т. II, ч. I, стр. 226.—„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Эфрона. 1-е изд. полут. 65, стр. 259. — Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 314. — „Кіевская Старина“, 1886, № 8, стр. 630.

Тіу (*Tiycъ*), *Романъ Ульяновичъ*, «медикусъ» и аптекарь въ Москвѣ, въ серединѣ XVII вѣка, родомъ изъ Англіи. Время прибытія его въ Россію неизвѣстно; въ 1644 г. онъ уже значится среди лицъ, служившихъ въ Аптекарскомъ приказѣ. Повидимому, Т. долгое время пробылъ на службѣ у царя Алексѣя Михаиловича; въ аттестатѣ, данномъ Т. 4 іюля 1655 г., и одобрительной грамотѣ означены его преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе. Изъ расходныхъ книгъ Аптекарскаго приказа видно, что Т. получалъ очень высокое по тому времени жалованье,—по 25 руб. въ мѣсяцъ. При увольненіи его царь поручилъ ему прислать другого аптекаря на свое мѣсто. Т. прислалъ аптекаря Романа Биньяна, который, какъ видно, былъ не столь искусенъ, какъ его предшественникъ, и Алексѣй Михаиловичъ выразилъ желаніе имѣть Т. опять въ своей службѣ. Въ 1658 г. царскому комиссару Гебдону дано порученіе снова пригласить Т. въ Россію. Впослѣдствіи о Т. однако нигдѣ не упоминается ни слова, изъ чего можно думать, что онъ по старости своей уже не могъ рѣшиться вновь отправиться въ Россію.

„Акты Историч.“, т. III, стр. 396.—„Дополн. къ Акт. Историч.“, т. III, стр. 1.—Рихтеръ, „Исторія медиц. въ Россіи“, ч. II, стр. 271.— „Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи“, вып. I, стр. 75; вып. III, стр. 578, 581.

Тихановскій, *Іосифъ Андреевичъ*, изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился 1 апрѣля 1810 г. и по окончаніи образованія въ Дворянскомъ полку поступилъ (15 апрѣля 1829 г.) прапорщикомъ въ 7-й Егерскій полкъ, а черезъ два года перевелся въ 49-й Егерскій и вторично черезъ два года—въ Волынскій пѣхотный полкъ. Получая за отличіе по службѣ всѣ чины, Т., подполковникъ съ 1853 г., былъ назначенъ въ 1859 г. командиромъ 6-го резервнаго баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка и въ томъ же году произведенъ въ полковники. Въ 1863 г. баталіонъ съ его командиромъ вошелъ въ составъ 157-го пѣхотнаго Имеретинскаго полка, въ которомъ Т. оставался до назначенія (24 марта 1868 г.) командиромъ Свеаборгскаго крѣпостного полка. 13 декабря 1874 г. Т. за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ запасныя войска, въ которыхъ состоялъ 9 лѣтъ до зачисленія въ запасъ армейской пѣхоты. Скончался 11 августа 1884 г. Прямо со школьной скамьи Т. отправился въ Турцію на театръ военныхъ дѣйствій (съ 13 іюня 1829 г. по 3 марта 1830 г.), принялъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 г., а послѣдующая его боевая дѣятельность сосредоточилась исключительно на Кавказѣ въ дѣлахъ съ горцами: былъ въ дѣлахъ 2—19 апрѣля 1841 г., 16 іюня—29 ноября 1855 г., 1 іюля—5 декабря 1860 г., 3 ноября—20 декабря, въ составѣ мало-лабинскаго отряда въ теченіе цѣлаго 1863 года и въ 1864 г. съ 1 января по 1 ноября.

Формуляръ Общаго Архива Главнаго Штаба, форм. сп. состоящимъ въ зап. войскахъ лит. Т., сп. 19.

Тихановичъ, *Іосифъ Кирилловичъ* (*Карловичъ*), коллежскій совѣтникъ, докторъ медицины, адъюнктъ рецептуры въ Московскомъ университетѣ, происходилъ изъ кіевскихъ мѣщанъ. Съ позволенія кіевскаго магистрата вступилъ въ декабрѣ 1804 г. въ академическую гимназію при Московскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ гимназіи произведенъ въ августѣ 1812 г. въ студенты медицинскаго отдѣленія и принятъ на казенное содержаніе. Черезъ 4 года распоряженіемъ сената уволенъ изъ податного сословія. Въ ноябрѣ 1819 г. окончилъ курсъ университета со степенью лекаря 1-го отдѣленія и по предписанію министра народнаго просвѣщенія оставленъ при университетѣ «для большаго усовершенствованія въ наукахъ и полученія званія доктора медицины». Въ январѣ 1820 г. попечитель Московскаго университета поручилъ ему имѣть надзоръ за студентами медицинскаго факультета, а въ сентябрѣ того же года онъ назначенъ былъ помощникомъ директора Врачебнаго института. Въ 1823 г. Т. представилъ диссертацію на тему «De febre puerperarum» (Москва 1823) и получилъ 4 іюля степень доктора медицины. По представленію попечителя Московскаго учебнаго округа онъ 17 ноября 1825 г. назначенъ былъ адъюнктомъ рецептуры и завѣдующимъ университетской аптекой и въ апрѣлѣ 1826 г. опредѣленъ врачемъ Московской губернской гимназіи. Съ 9 сентября того же года Т. по предписанію попечителя округа отправлялъ должность инспектора казенныхъ студентовъ сначала временно, а съ 22 ноября 1827 г. съ утвержденіемъ въ должности. За отличіе по службѣ и усердіе получилъ 28 апрѣля 1828 г. монаршее благоволеніе. 18 августа 1828 г. утвержденъ былъ въ должности директора Медицинскаго института. Въ университетѣ Т. находился до 1830 г., когда по прошенію выбылъ изъ него и ушелъ въ качествѣ врача въ Турецкую кампанію. Какъ преподаватель и ученый онъ ничѣмъ не выдавался. За періодъ дѣятельности въ университетѣ имъ, кромѣ диссертаціи, было написано еще: «Врачебныя правила для сохраненія здоровья и жизни роженицъ и новорожденныхъ младенцевъ», 2 ч. (Москва 1825). Въ 1830 г. Т. назначенъ былъ старшимъ лекаремъ, а вскорѣ главнымъ докторомъ Варшавскаго военнаго временнаго госпиталя, откуда въ томъ же году переведенъ въ Виленскій военный госпиталь. Въ теченіе 1831 г. служилъ старшимъ лекаремъ послѣдовательно въ Венгровскомъ, Ружанскомъ и Бѣлостокскомъ военныхъ временныхъ госпиталяхъ; въ 1832 г. переведенъ ординаторомъ въ Динабургскій военный госпиталь, въ 1833 г.—въ Петербургскій госпиталь, а 1834 г.—въ госпитальное отдѣленіе въ д. Эригмана, откуда въ 1837 г. былъ уволенъ. Въ 1839 г. поступилъ въ Кременчугскую больницу, но въ томъ же году назначенъ лубенскимъ, Полтавской губ., уѣзднымъ врачемъ. Въ 1848 г. перешелъ въ московское губ. правленіе и при канцеляріи гражданскаго губернатора въ качествѣ врача. Вышелъ въ отставку въ 1855 г. За время своей службы военнымъ врачемъ Т. составилъ «Рисунки хирургическихъ инструментовъ, съ краткимъ ихъ описаніемъ для молодыхъ врачей» (Москва 1833).

„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго унив.“, Москва 1855, ч. II, стр. 498—499.—Шевыревъ, „Исторія Имп. Московскаго универс.“, Москва 1855, стр. 551.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 130.—Его же, „Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Московск. унив.“, Спб. 1885, стр. 57.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 276, № 6808.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 361, № 4677.

Тихановичъ, *Поликарпъ Васильевичъ*, дѣйств. ст. совѣтникъ, ординарный профессоръ греческой и римской филологіи Харьковскаго университета, родился 22 февраля 1813 г. въ мѣстечкѣ Рашевкѣ (Гадячскаго уѣзда Полтавской губерніи) въ купеческой семьѣ. Среднее образованіе получилъ въ Переяславской духовной семинаріи и высшее на философскомъ факультетѣ Харьковскаго университета, курсъ котораго въ 1838 г. окончилъ со степенью кандидата. Служебную дѣятельность онъ началъ въ качествѣ преподавателя латинскаго языка при первой Харьковской гимназіи. Въ 1841 г. получилъ степень магистра классической филологіи. Въ 1849—1858 гг. былъ инспекторомъ Курской гимназіи, при чемъ въ теченіе 1849—1852 гг. часто исправлялъ должность ди-

ректора училищъ Курской губерніи. Въ 1858 г. опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ греческой и римской филологіи, въ 1859 г. исполняющимъ должность экстраординарнаго, а въ 1862 г. ординарнаго профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Т. состоялъ инспекторомъ классовъ Харьковскаго женскаго института, а съ 12 іюля 1868 г.—директоромъ первой Харьковской гимназіи. Ему принадлежатъ слѣдующія работы изъ области древнегреческой и римской жизни и филологіи: «Римскіе авгуры» («Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія», 1849, ч. LXIII), «Древнія гречанки» («Библіотека для Чтенія», 1850, кн. 9, 11 и 12), «Очеркъ гимнастическихъ игръ у древнихъ грековъ» («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1856, ч. XCII, кн. 12; отд. оттискъ, Спб. 1856), «Древнія римлянки» (въ сборникѣ «Пропилеи», изданномъ П. М. Леонтьевымъ), «Медея, Еврипида трагедія», актовая рѣчь («Годичный торжественный актъ въ Харьковскомъ университетѣ», 1861), «Театръ у древнихъ грековъ» («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1869, ч. CXLIV, кн. 12), рецензія на «Xenophontis Anabasis» Крешера (тамъ же, 1870, № 8), «Греко-латино-русскій словарь къ сочиненію Ксенофонта Κύρου Ἀναβασις» (Харьковъ 1874), рецензія на русско-латинскій словарь А. Г. Орлова («Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1877, №№ 1 и 8), переводъ «Ифигеніи въ Авлидѣ» Еврипида (тамъ же, 1881, № 7). Умеръ Т. въ Харьковѣ 4 мая 1888 г.

Некрологи за 1888 г.: „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, № 117; „Московскія Вѣдомости“, № 132; „Московскій Листокъ“, № 130.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, Спб. 1900, вып. VIII, стр. 113—114.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 579, № 15066; стр. 584, № 15116.—А. І. Лященко, „Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофиціальной части „Журнала Мин. Народнаго Просвѣщенія“ за время съ 1867 г. по 1891 г.“, Спб. 1894, стр. 72, № 1105; стр. 85, № 1311 и 1314; стр. 191, № 3091; стр. 307, № 4870; стр. 339, №№ 5395—5396.—П. Прозоровъ, „Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи“, Спб. 1898, отд. II, стр. 44, №№ 731 и 732; стр. 45, № 760; стр. 51, № 879; стр. 54, № 939; отд. IX, стр. 199, № 134; стр. 206, № 275; стр. 236, № 910.—„Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1877, ч. CXV, № 12, стр. 79.—Н. А. Рубакинъ, „Библіографическій указатель переводной беллетристики“, Спб. 1897, стр. 125, 126.

Тихановъ, *Михаилъ Никитичъ*, дьякъ Посольскаго приказа при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ качествѣ посла въ Персію въ 1614 г. получаетъ подробный наказъ, что дѣлать и говорить у шаха персидскаго. Дипломатическая задача, согласно наказу, состояла въ томъ, чтобы дать подробное описаніе бѣдствій родной земли отъ неурядицъ внѣшнихъ и внутреннихъ въ прошломъ, указать на то, что при нынѣшнемъ царѣ, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ государствѣ процвѣтаетъ миръ и благосостояніе, и установить дружбу и прочный миръ съ Персіей. Въ его задачу входило также установленіе точности границы между Персіей и Московскимъ государствомъ, такъ какъ въ этомъ чувствовалось существенная необходимость, ибо постройка городовъ на Сумшѣ изъ-за пограничныхъ споровъ и неурядицъ задерживалась. Посольство Т. было удачно: шахъ Аббасъ объявилъ, что хочетъ быть съ царемъ Михаиломъ въ дружбѣ, извинялся, что по просьбѣ Марины и Заруцкаго обѣщалъ помочь имъ казною и ратными людьми, и клялся, что «отнынѣ пусть Богъ меня убьетъ, если неправду сдѣлаю царю Михаилу Ѳеодоровичу». Наладившіяся отношенія дали возможность Михаилу Ѳеодоровичу устроить заомъ у персидскаго шаха въ 7000 руб. серебромъ въ слиткахъ.

С. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, кн. II, стр. 1102.—„Памятники дипломатическихъ сношеній“, т. II, стр. 1126, 1164, 1170, 1171.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“, т. V, стр. 16, 43, 129.

Тихменевъ, *Иванъ Андреевичъ*, волоколамскій воевода; въ 1660 г. пожалованъ въ стряпчіе и служилъ въ Москвѣ до 1677 г., когда отправленъ стряпчимъ въ Волоколамскъ. 1678 г. назначенъ воеводою тамъ же; въ этомъ же году сдѣлалъ перепись Волоколамску и окрестностямъ. Сохранилось нѣсколько грамотъ ему объ освобожденіи крестьянъ Волоколамскаго монастыря отъ городового дѣла. Въ 1680 г. пожалованъ въ стольники.

„Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. IX, стр. 228.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. IV, стр. 304.—Барсуковъ, „Списокъ городовыхъ воеводъ Московскаго государства въ XVII столѣтіи“, стр. 49.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 411.—„Чтенія при Импер. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“, 1902, кн. 2, стр. 35.

Тихменевъ, *Петръ Александровичъ*, капитанъ 1-го ранга, авторъ нѣсколькихъ трудовъ по морской исторіи; образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ началѣ 1857 г.; въ 1839—1842 гг. гардемариномъ на фрегатахъ «Паллада» и «Аврора», кораблѣ «Императрица Александра», бригѣ «Полинуръ», совершалъ учебныя плаванія по Балтійскому морю, потомъ въ отрядѣ гребной флотиліи ходилъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Въ чинѣ мичмана онъ въ теченіе слѣдующихъ 1841—1845 гг. на кораблѣ «Ретвизанъ» и брандвахтенномъ люгерѣ «Стрѣльна» несъ береговую службу въ Финскомъ заливѣ, былъ въ кампаніяхъ на Ревельскомъ рейдѣ, затѣмъ, произведенный въ 1846 г. въ лейтенанты, на шхунѣ «Снѣгъ» принималъ участіе въ работахъ при промѣрѣ глубинъ въ Финскомъ заливѣ. 7 февраля 1848 г. Т. былъ назначенъ адъютантомъ къ астраханскому губернатору съ переводомъ на суда Каспійскаго флота, на одномъ изъ которыхъ, пароходѣ «Ленкорань», онъ и ходилъ по портамъ Каспійскаго моря каждое лѣто вплоть до 1852 г., когда былъ возвращенъ въ Балтійскій флотъ. Въ этомъ году на фрегатѣ «Паллада» онъ вышелъ изъ Кронштадта въ продолжительное плаваніе къ берегамъ Японіи, изъ котораго возвратился, сухимъ путемъ, только въ 1854 г. и вскорѣ былъ опредѣленъ на невскія батареи Елагина острова и Галерной гавани. 18 іюня 1856 г. Т. получилъ назначеніе помощникомъ капитана надъ Астраханскимъ портомъ, гдѣ прослужилъ лишь годъ и затѣмъ былъ уволенъ для службы въ Россійско-Америк. компаніи,— почти одновременно съ повышеніемъ въ капитаны-лейтенанты. Пользуясь архивными и живыми данными о дѣятельности этого общества, онъ на ихъ основаніи составилъ обстоятельный очеркъ «Историческаго обозрѣнія образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствія ея до настоящаго времени», за который въ 1861 г. удостоился получить Высочайшую благодарность и двухъ Демидовскихъ премій. Въ маѣ 1864 г. Т. вновь былъ зачисленъ на дѣйствительную службу, въ 8-й флотскій экипажъ, вскорѣ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, но, не прослуживши на этотъ разъ и года, съ чиномъ капитана 1-го ранга вышелъ въ отставку и поселился въ Костромской губерніи, гдѣ дважды былъ избираемъ (1878 и 1881) въ почетные мировые судьи Буйскаго уѣзда. 11 января 1882 г. Т. вновь былъ принятъ на службу съ назначеніемъ начальникомъ архива Кронштадтскаго порта, на мѣсто скончавшагося И. И. Стренцеля,—съ переименованіемъ въ надворные совѣтники, и въ этой должности оставался до самой смерти, послѣдовавшей 7 сентября 1888 г. Работая въ кронштадтскомъ архивѣ, Т. воспользовался его мало разработанными матеріалами и на ихъ основаніи написалъ нѣсколько статей историческаго содержанія, наиболѣе важной изъ которыхъ является «Кронштадтская старина», печатавшаяся въ теченіе 1882 — 1887 гг. въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ».

„Общій морской списокъ, ч. XII, Спб. 1900, стр. 45—47.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ его существованія", Спб. 1852.—„Русская библіографія морского дѣла, 1701—1882 гг.", Спб. 1885. — „Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.", т. 27, стр. 430. — „33-е присужденіе учрежденныхъ Демидовыхъ наградъ, 26 іюня 1864 г,", Спб. 1865, стр. 31—78 (разборъ книги Т.).

Тихобразовъ, *Николай Ивановичъ*, историческій живописецъ и портретистъ, родился въ 1818 г. Съ дѣтства онъ проявлялъ склонность къ живописи, но вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ не имѣлъ возможности систематически обучаться ей. Въ 1835 г. получилъ стипендію отъ общества поощренія художниковъ, поступилъ въ академію художествъ и сталъ посѣщать классъ живописи въ качествѣ вольноприходящаго ученика. Въ академіи учился подъ руководствомъ К. П. Брюллова, бывшаго его главнымъ наставникомъ. На него возлагались большія надежды, онъ считался однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе обѣщающихъ учениковъ Брюллова, характеръ и достоинства живописи котораго онъ впослѣдствіи усвоилъ. За время прохожденія курса въ академіи Т. получилъ двѣ серебряныя медали, одну за рисованіе, другую за живопись, а въ 1843 г. награжденъ былъ малою золотою медалью за исполненную по заданной программѣ картину «Геркулесъ освобождаетъ Прометея». При окончаніи имъ въ 1845 г. курса академіи онъ представилъ написанную по программѣ картину «Христосъ изго-

няетъ торгующихъ изъ храма», за которую награжденъ былъ большою золотою медалью, получилъ звавіе художника XIV класса и право быть посланнымъ за границу на казенный счетъ. Картины, писанныя Т. въ академіи, были лучшими изъ его работъ; онѣ давали основанія предполагать въ немъ выдающіяся способности къ живописи, особенными же достоинствами отличалась послѣдняя картина. Однако онъ не оправдалъ полностью возлагавшихся на него надеждъ, не создавъ въ дальнѣйшемъ ничего, что могло бы сравняться съ его академическими работами, и всю жизнь остался среднимъ талантомъ, хотя въ трудоспособности ему нельзя сдѣлать упрека. Въ 1847 г. онъ отправился на казенный счетъ за-границу и поселился въ Римѣ, но долго пробыть здѣсь ему не пришлось, такъ какъ въ 1849 г. онъ вызванъ былъ обратно въ Россію вслѣдствіе политическихъ волненій, происходившихъ въ то время въ Италіи. На академической выставкѣ 1851 г. находился его большой образъ «Моленіе о чашѣ», а въ 1852 г. была выставлена его картива «Албанка за шитьемъ», за которую онъ получилъ званіе художника. Съ этихъ поръ Т. жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, занимался преподаваніемъ рисованія и бралъ заказы по исполненію живописныхъ работъ всякаго рода, въ томъ числѣ и портретовъ. Съ 1852 по 1861 г. онъ преподавалъ рисованіе великимъ князьямъ, дѣтямъ государя, а нѣкоторое время также дѣтямъ великой княгини Маріи Николаевны. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ содержалъ въ Петербургѣ фотографическое заведеніе. Живописныя работы его довольно разнообразны. Имъ было написано три иконостаса въ 1854 г. для церквей Кіевскаго и Новгородскаго кадетскихъ корпусовъ и для церкви Петербургскаго батальона военныхъ кантонистовъ, въ 1857 г.—образъ для одной изъ церквей въ Дербентѣ, въ 1869 г.—образъ для домовой церкви П. Н. Игнатьева и въ 1869—1870 гг.—образъ для православнаго собора въ Сѣдлецахъ. Изъ работъ по стѣнной живописи наиболѣе извѣстны: живопись, украшающая стѣны и потолки собственной Его Величества дачи близъ Петергофа, и такая же живопись въ заново отдѣланныхъ залахъ Стараго Эрмитажа; затѣмъ, въ 1861 г., имъ было написано 17 декоративныхъ картинъ для парадной гостиной въ дворцѣ великаго князя Николая Николаевича (нынѣ Ксеніинскій институтъ). Изъ портретовъ, писанныхъ Т., извѣстны портреты г-жи Тихобразовой и Тренина, относящіеся къ 1855 г., и портретъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, сдѣланный для училища Правовѣдѣнія. Умеръ Т. въ Петербургѣ, 14 декабря 1874 г.

„Иллюстрированная Недѣля“, 1875, № 2 (некрологъ). -А. Сомовъ, „Картинная галлерея Имп. Академіи Художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи“, Спб. 1872, стр. 75, 214.—„Отчетъ Имп. Академіи Художествъ съ 4 ноября 1874 года по 4 ноября 1875 года“, Спб. 1876, стр. 9, 104—105.—П. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ“, Москва 1870, т. II, стр. 413, 418, 439, 452; т. III, стр. 7, 15, 32, 42, 81, 101, 179, 180, 328, 364, 386.—„Энциклопедическій словарь“, Брокгауза и Ефрона, 1-е изд., полут. 55, Спб. 1899, стр. 666, 669, слово „Россія“.

Тихомандрицкій, *Александръ Никитичъ*, профессоръ университета св. Владиміра, инспекторъ Главнаго педагогическаго института, родился 10 августа 1808 г. въ Твери и тамъ же въ духовной семинаріи получилъ среднее образованіе; въ 1829 г., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи, онъ былъ опредѣленъ въ открытый незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ Главный педагогическій институтъ, курсъ котораго и окончилъ въ 1835 г. по математическому факультету, а вслѣдъ за этимъ былъ посланъ заграницу для дальнѣйшаго образованія. Поселившись въ Кенигсбергѣ, Т. въ мѣстномъ университетѣ продолжалъ изучать математику, астрономію и физику, посѣщая лекціи профессоровъ І. І. Якоби, Бесселя, Неймана и др. и подъ руководствомъ этихъ профессоровъ работая въ ихъ семинаріяхъ. Возвратившись изъ за-границы, онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ университетъ св. Владиміра по каѳедрѣ прикладной математики, но полученіи же имъ степени доктора математическихъ наукъ въ 1843 г. повышенъ сначала въ экстраординарные, а затѣмъ и въ ординарные профессора, въ качествѣ какового читалъ лекціи и велъ практическія занятія по алгебраическому анализу, механикѣ, теоріи молекулярныхъ силъ и начертательной геометріи. Въ 1848 г. Т. былъ назначенъ инспекторомъ Главнаго педагогическаго института

и эту должность занималъ до закрытія послѣдняго, т. е. до 1859 г.; когда въ 1857 г. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возникъ вопросъ о преобразованіи института и по этому поводу были опрошены компетентныя лица, въ числѣ ихъ былъ и Т., рѣшительно высказавшійся за возвращеніе къ уставу 1828 г. Съ 1860 и по 1865 г. онъ исполнялъ послѣдовательно должности—директора 2-й гимназіи въ Петербургѣ, потомъ помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа, наконецъ, вице-директора департамента министерства народнаго просвѣщенія. Съ 1865 г. Т. былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, состоя членомъ совѣта по дѣламъ книгопечатанія, а съ 1873 г. служилъ вновь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, будучи тамъ членомъ ученаго комитета и членомъ главнаго управленія цензуры. Т. напечаталъ слѣдующія работы: «Рѣшеніе двучленныхъ уравненій» (Кіевъ 1841) — докторская диссертація; «Начальная алгебра»—вышла въ трехъ изданіяхъ (Спб. 1853, 1855 и 1860) и долгое время служила руководствомъ въ гимназіяхъ; наконецъ, «Вспомогательныя таблицы для вычисленія пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій» («Журн. Минист. Народн. Просв.», ч. CLXX, прилож. и отд., Спб. 1875); послѣдняя работа была составлена по порученію министерства нар. просвѣщенія, заботившагося въ это время о введеніи эмеритуры. Въ періодическихъ изданіяхъ Т. помѣстилъ рядъ статей по вопросу о пенсіяхъ. Умеръ онъ 2 августа 1888 г. въ Петербургѣ.

Иконниковъ, „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра“, Кіевъ 1884, стр. 644—645.—„Обзоръ преподаванія наукъ въ университетѣ св. Владиміра“, съ 1838 по 1859 г.—С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, 1802—1902 гг.“, Спб. 1902, стр. 359.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. 8, Москва 1900, стр. 114.—Н. А. Любимовъ, „М. Н. Катковъ и его историческая заслуга“, Спб. 1889 (на стр. 307—310 помѣщена „Записка“ Тихомандрицкаго о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“). — „Энциклопедич. Словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 288—289.

Тихомандрицкій, *Алексѣй Александровичъ*, ординарный профессоръ университета св. Владиміра по каѳедрѣ технологіи, братъ предыдущаго, родился въ 1814 г. въ Твери, умеръ 26 октября 1853 г. въ Кіевѣ; первоначальное и среднее образованіе получилъ въ родномъ городѣ, сначала въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ духовной семинаріи, изъ которой, еще до окончанія курса, былъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, переведенъ въ петербургскій Главный педагогическій институтъ, курсъ котораго въ 1839 г. окончилъ съ золотою медалью. Несмотря на то, что въ институтѣ Т. учился на математическомъ факультетѣ, по выходѣ изъ него онъ былъ назначенъ въ рижскую гимназію учителемъ совершенно чуждыхъ ему предметовъ—русскаго языка, исторіи и географіи, что объясняется отсутствіемъ въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія достаточнаго контингента подходящихъ педагогическихъ силъ. Тѣмъ не менѣе Т. велъ преподаваніе опредѣленныхъ ему предметовъ въ высшей степени успѣшно: не довольствуясь устарѣлыми учебниками и рутинными способами преподаванія, онъ самъ составилъ грамматику и хрестоматію, приноровленныя для учениковъ преимущественно не-русской національности, а преподаваніе, слѣдуя указаніямъ здраваго смысла, велъ настолько толково, что всѣ его ученики, нѣмцы и латыши, прекрасно усваивали русскій языкъ и свободно на немъ изъяснялись. Въ 1842 г. Т. былъ командированъ за-границу,—одинъ годъ онъ провелъ въ Берлинѣ, занимаясь химіей и минералогіей, другой—въ Гиссенѣ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Либиха, Гофмана и др. Надѣясь, вполнѣ естественно, занять въ какомъ-либо русскомъ университетѣ каѳедру химіи, Т. всѣ свои сбереженія отъ прежней службы затратилъ на пріобрѣтеніе всевозможныхъ приборовъ, химическихъ реактивовъ и пр., однако расчеты его не оправдались: по возвращеніи въ 1844 г. въ Россію онъ былъ назначенъ адъюнктомъ въ университетъ св. Владиміра по каѳедрѣ не химіи, а технологіи—предмету ему мало извѣстному. Т. долженъ былъ подчиниться, хотя на первыхъ порахъ ему приходилось нелегко какъ вслѣдствіе собственной неподготовленности, такъ и вслѣдствіе того, что предметъ былъ вообще мало разработанъ даже въ западно-европейской прикладной наукѣ. Только благодаря исключительнымъ способностямъ и выдающейся энергіи ему удалось поставить на долж-

ную высоту преподаваніе этого предмета, которому онъ посвятилъ всю остальную свою жизнь. Онъ постоянно и неуклонно стремился съ одной стороны къ развитію преподаванія сообразно своему взгляду и системѣ, съ другой—къ увеличенію необходимыхъ для изученія технологіи пособій; въ 1853 г. его заботами и трудами было закончено устройство технологической лабораторіи, богато обставленной соотвѣтственными средствами. Въ 1850 г. за защиту диссертаціи «О броженіи сахарныхъ веществъ» онъ былъ удостоенъ степени магистра химіи и назначенъ сначала экстраординарнымъ, а съ 1851 г.—ординарнымъ профессоромъ. Въ слѣдующемъ году Т. былъ приглашенъ участвовать въ составленіи статистическо-историческаго описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа; во исполненіе возложеннаго на него порученія онъ составилъ и представилъ ректору университета подробный и обширный планъ веденія работъ по описанію означенныхъ губерній въ технико-промышленномъ отношеніи и изданія свѣдѣній по этому предмету, но до практическаго осуществленія намѣченной имъ программы не дожилъ.

Иконниковъ, „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра“, Кіевъ 1884, стр. 642—644.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 289.—„Справочный энциклопедич. словарь“ Крайя-Старчевскаго, т. 10, Спб. 1855.

Тихомировъ, *Андрей*, переводчикъ съ нѣмецкаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка. Имъ изданы слѣдующіе переводы съ нѣмецкаго яз.: «Какимъ образомъ можно сохранить здравіе и красоту молодыхъ женщинъ» (Москва 1793), «Трогательныя приключенія принца Ли-бу, уроженца Целевскихъ острововъ, привезеннаго капитаномъ Вильсономъ въ Англію, съ краткимъ присовокупленіемъ исторіи сихъ острововъ и обыкновеній обитателей» (Москва 1793), «Путешествіе Бридоне черезъ Сицилію и Мальту въ 1770 г., дополненное изъ разныхъ новѣйшихъ путешествій», съ примѣч. Кампе, изд. Дюмунье (Москва 1796); то же подъ заглав.: «Бесѣды отца съ дѣтьми или собраніе любопытныхъ путешествій по разнымъ государствамъ», 2 ч. (Спб. 1816).

„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки для чтенія А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 285—286, № 3730; стр. 381, № 4937; стр. 675 № 9496.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб. 1813—31 гг., ч. 3, стр. 246, № 4978; стр. 254, № 5024; ч. 4, стр. 218, № 8998.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки для чтенія В. Плавильщикова“, Спб. 1820, стр. 54, № 644; стр. 155, № 1827; стр. 304, № 3540.

Тихомировъ, *Григорій*, адъюнктъ-профессоръ, докторъ медицины, изъ духовнаго званія, родился въ 1798 г. Первоначально обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ 1818 г. казеннымъ студентомъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Въ 1822 г. Т. окончилъ его курсъ со степенью лекаря 1-го разряда и оставленъ былъ при университетѣ субъ-инспекторомъ; 21 іюня 1826 г. онъ представилъ диссертацію «De aquis mineralibus, eorumque effectu in corpus humanum“ (Mosquensi 1826), за которую удостоенъ былъ степени доктора медицины и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ при университетѣ. Въ томъ же году, однако, Т. командированъ былъ въ Кавказскую область къ Червленской карантинной заставѣ, но прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до мѣста назначенія, его уволили изъ гражданскаго вѣдомства и опредѣлили ординаторомъ въ Ораніенбаумскій военный госпиталь. Въ 1827 г. онъ переведенъ былъ въ артиллерійскій госпиталь, затѣмъ въ 1828 г. въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, а въ 1830 г.—въ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ. Въ этой должности Т. и умеръ въ 1831 г. Кромѣ диссертаціи имъ написано еще: «Правила о способѣ врачеванія англійской болѣзни для учрежденія лечебницы» (Спб. 1830).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 129.—Его же, „Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Московскомъ университетѣ“, Спб. 1885, стр. 56.

Тихомировъ, *Дмитрій Алексѣевичъ*, протоіерей, профессоръ богословія, сынъ священника Псковской епархіи, поступилъ въ 1851 г. въ Петербургскую духовную академію, курсъ которой окончилъ въ 1855 г. со степенью магистра богословія и по окончаніи опредѣленъ священникомъ къ церкви при домѣ для содержанія неисправныхъ должниковъ. Въ 1859 г. перемѣщенъ былъ въ церковь при медико-хирургической академіи, причемъ на него также возложено было чтеніе богословія

студентамъ академіи. Въ 1882 г. онъ перемѣщенъ былъ въ лѣсной институтъ въ качествѣ профессора богословія и настоятеля институтской церкви послѣ І. Полканова. Его лекціи пользовались значительнымъ успѣхомъ среди студентовъ и привлекали много слушателей. Онъ былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ выдающихся проповѣдниковъ. Особенно замѣчательны его популярныя научно-религіозныя бесѣды въ Соляномъ городкѣ, которыя онъ одинъ изъ первыхъ устроилъ для образованныхъ классовъ населенія. Всего такихъ бесѣдъ было шесть; онѣ напечатаны въ «Церковномъ Вѣстникѣ» (1881, № 132 и слѣд.). Въ нихъ Т. выказалъ довольно значительныя естественно-научныя познанія. Имъ напечатаны слѣдующія произведенія: «Слово въ день столѣтняго юбилея Екатерины Великой—12 августа 1875 года» («Православное Обозрѣніе», т. 3, № 9), «Апологетическія бесѣды о религіи» (Спб. 1884), «Внѣслужебныя бесѣды о богослуженіи православной церкви» (Спб. 1884); послѣ его смерти изданъ былъ его «Курсъ основного богословія» (1-е изд. Спб. 1887; 2-е изд. тамъ же 1897). Кромѣ того онъ напечаталъ нѣсколько проповѣдей въ «Духовной Бесѣдѣ» и помѣщалъ статьи въ «Духѣ Христіанина», соредакторомъ котораго состоялъ. Скончался въ Петербургѣ 4 мая 1887 г.

А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII выпусковъ С.-Петербургской духовной академіи за 1814—1869 годы“, Спб. 1907, стр. 490 и LXV.—„Историческій очеркъ развитія С.-Петербургскаго лѣсного института за 1803—1903 годы“, Спб. 1903, стр. 182.—„Исторія Имп. Военно-Медицинской академіи за сто лѣтъ, 1798—1898 гг.“, подъ редакціей Ивановскаго, Спб. 1898, стр. 556, 741.—„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, 1-е изд., т. 33, Спб. 1903, стр. 290.

Тихомировъ, *Дмитрій Павловичъ*, соревнователь Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россіи и (съ 24 октября 1839 г.), корреспондентъ Одесскаго отдѣленія того же общества. Жилъ въ г. Спасскѣ. Написалъ «Историческое изслѣдованіе о генеалогіи князей рязанскихъ, муромскихъ и пронскихъ» съ приложеніемъ родословныхъ росписей и «Историческія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани» съ приложеніемъ плановъ открытыхъ авторомъ въ 1836 г. древностей: 1) плана мѣстности городка Села Старой Рязани, находящейся въ Спасскомъ уѣздѣ, 2) плана соборнаго зданія въ холмѣ, находящемся въ Старой Рязани, 3) плана внутренности соборнаго зданія и 4) рисунковъ разныхъ предметовъ древности.

„Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей Россіи“, т. I, стр. 569.

Тихомировъ, *Петръ Васильевичъ*, адъюнктъ астрономіи при Петербургскомъ университетѣ, писатель по астрономіи и математикѣ, сынъ священника, родился въ 1802 г. Высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ (по физико-математическому факультету), курсъ котораго блестяще (съ золотой медалью) окончилъ въ 1823 г. и былъ оставленъ при университетѣ «для исправленія должности магистра», т. е. предназначенъ въ кандидаты для укомплектованія личнаго состава преподавателей. Изъ лекціоннаго проспекта на 1824 г. видно, что въ этомъ году онъ, въ званіи кандидата, объявилъ курсъ по прямолинейной и сферической тригонометріи, въ основу котораго положено руководство Лекруа, и по аналитической геометріи, придерживаясь руководства Біо. По отзыву В. В. Григорьева, Т. былъ очень даровитый человѣкъ, преподавалъ прекрасно, и студенты слушали его весьма охотно. Въ 1829 г. онъ баллотировался въ адъюнкты астрономіи; былъ избранъ изъ девяти баллотировавшихся и только онъ одинъ получилъ всѣ 15 избирательныхъ голосовъ за себя и ни одного противъ. Широкія надежды, которыя на него возлагались какъ на растущую ученую силу, рушились съ его преждевременною смертью; онъ умеръ 28 марта 1831 г., всего 28 лѣтъ отъ роду. Ему принадлежитъ нѣсколько работъ въ области астрономіи, изъ которыхъ послѣдній его трудъ, «О составленіи каталога звѣздъ», особенно замѣчателенъ по цѣннымъ формуламъ, относящимся къ предмету. Книга охватываетъ обширный матеріалъ и трактуетъ предметъ весьма основательно и подробно. Изъ учебныхъ книгъ Т. издано: «Ариѳметика на счетахъ» (Спб. 1830) и «Руководство къ математической географіи», предназначенное для школы топографовъ, гдѣ Т. состоялъ преподавателемъ до самой смерти. Кромѣ того имъ переведены съ нѣмецкаго «Геометрическое черченіе и рисованіе» и «Общая физика» Баумгартена.

В. В. Григорьевъ, „Императ. Петербургскій университетъ“, Спб. 1870, стр. 43, 50, 54, 61, 70, 79; прилож. стр. 18, 19, 24, 32.—„Объявленіе публичнаго преподаванія наукъ въ Импер. Петербургскомъ университетѣ на 1824 г.“, дѣла Совѣта университета за 1828 г., № 116.—„П. В. Тихомировъ“ (некрологъ), «Сѣверная Пчела“, 1831, № 77.—„Энцикл. словарь“ Брокгауза и Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 294.

Тихоновы—нѣсколько иконописцевъ. 1) *Герасимъ*, въ 1854 г. имъ былъ написанъ образъ Смоленской Божіей Матери; въ селѣ Взорковѣ находится написанная имъ мѣстная икона Владимірской Божіей Матери. 2) *Михаила*, работалъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ до 1659 г., когда былъ отосланъ въ Москву. 3) *Яковъ*, упоминается въ росписи иконописцевъ отъ 1652 г., къ которой «руку приложилъ».

Борисовъ, „Описаніе города Шуи“, стр. 73, 75.—И. Е. Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія“, стр. 13, 18, 113.—Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ. иконописи до конца XVII в.“, Спб. 1856, стр. 185.—Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи“, Спб. 1903, стр. 165.

Тихонравовъ, *Василій Васильевичъ*, священникъ; изъ Владимірской семинаріи въ 1825 г. перешелъ въ Петербургскую духовную академію, курсъ которой окончилъ въ 1829 г. со степенью магистра богословія, и послѣ этого былъ рукоположенъ во священники къ одной изъ петербургскихъ церквей. Слова и рѣчи, произнесенныя имъ въ разное время, въ 1841 г. вышли въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ, повтореннымъ и дополненнымъ въ 1850 г. Въ рукописи сохранилось его «Слово въ Четвертокъ св. Пасхи» со слѣдующей чьей-то помѣткой: «Проповѣдь хороша, слогъ ровенъ, за исключеніемъ «сихъ и оныхъ»,—можно сказать» (т. е. можно произнести). Умеръ Т. въ1848 г.

А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ Петерб. духовной академіи, 1814—1869 г.“, стр. 490.—Филаретъ, еп. Харьковскій, „Обзоръ русской духовной литературы (1820—1858)“, кн. 2, стр. 255.

Тихонравовъ, *Константинъ Никитичъ*, редакторъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», секретарь Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, изслѣдователь Владимірской губерніи; род. 28 апрѣля 1822 г. въ г. Ковровѣ, Владимірской губ., въ семьѣ бѣднаго чиновника, умеръ 6 іюля 1879 г. во Владимірѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Суздальскомъ духовномъ училищѣ, въ 1836 г. поступилъ во Владимірскую семинарію, которую окончилъ въ 1842 г. Въ томъ же году поступилъ на службу въ канцелярію владимірскаго губернатора и съ конца 1843 г. сталъ завѣдывать всѣми дѣлами губернскаго статистическаго комитета, составляя статистическія таблицы о состояніи губерніи для статистическаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ и для всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ губернатора. Въ то же время онъ сталъ дѣятельно сотрудничать въ неоффиціальной части «Влад. Губ. Вѣд.», помѣщая тамъ различныя статьи по статистикѣ, этнографіи, исторіи и археологіи Владимірской губерніи, обратившія на себя всеобщее вниманіе. Въ 1851 г. ему было поручено составить «Обозрѣніе внутренней торговли Владимірской губерніи» для Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и въ томъ же году онъ былъ командированъ по губерніи для собиранія статистическихъ и археологическихъ свѣдѣній. Въ 1851—52 г. онъ былъ прикомандированъ къ графу А. С. Уварову, производившему археологическія изслѣдованія въ Суздальскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи, и явился дѣятельнымъ помощникомъ графа при раскопкахъ кургановъ, которыхъ за это время было разрыто болѣе 8000. Въ 1853 г., когда на мѣсто графа Уварова былъ назначенъ археологъ П. С. Савельевъ, Т. продолжалъ свои работы по раскопкамъ кургановъ, при чемъ подъ его собственнымъ наблюденіемъ было разрыто до 3000 кургановъ. Къ этому времени Т. уже пріобрѣлъ значительную извѣстность, состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и потому въ 1853 г., какъ знатоку Владимірской губерніи, его вѣдѣнію была поручена неоффиціальная часть «Влад. Губ. Вѣд.», редакторомъ которыхъ онъ съ этого времени состоялъ въ теченіе 25 лѣтъ, до самой смерти. За время своего редакторства Т. успѣлъ высоко поднять эту провинціальную газету, сдѣлавъ ее однимъ изъ лучшихъ періодическихъ изданій по богатству печатавшихся въ немъ археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій и неизданныхъ историческихъ актовъ. Огромная часть напечатанныхъ тамъ матеріаловъ принадлежитъ самому Т. Въ

теченіе только первыхъ 25 лѣтъ своего сотрудничества въ газетѣ онъ напечаталъ въ ней 420 статей и замѣтокъ и 115 древнихъ найденныхъ имъ актовъ. Всего же имъ напечатано не менѣе 700 статей, полный списокъ которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ данъ въ обстоятельной біографіи Т., напечатанной А. В. Смирновымъ въ его книгѣ: «Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы» (Владиміръ 1898), стр. 154—279.

Въ 1856 г. Т. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета и въ томъ же году предпринялъ изданіе сборника, заключавшаго въ себѣ все напечатанное имъ о Владимірской губерніи до этого года. Трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ только въ 1857 г., подъ заглавіемъ: «Владимірскій Сборникъ. Матеріалы для статистики, этнографіи, исторіи и археологіи Владимірской губерніи». Въ томъ же году напечатанъ и другой его трудъ: «Статистическій списокъ населенныхъ мѣстностей Владимірской губерніи». Въ 1859 г. Т. былъ командированъ въ Петербургъ для занятій при земскомъ отдѣлѣ центральнаго статистическаго комитета, въ комиссіи о преобразованіи уѣздныхъ учрежденій. Въ 1861 г. утвержденъ въ должности секретаря Владимірскаго статистическаго комитета, а въ 1863 г. онъ снова производилъ раскопки кургановъ въ Шуйскомъ уѣздѣ. Кромѣ указанныхъ трудовъ, Т. напечаталъ: «Хронологическій указатель къ неофиціальной части «Влад. Губ. Вѣд.», 1838—1869 гг.» (Влад. 1869); «Описаніе Владимірскаго Рождественскаго монастыря XII вѣка» (тамъ же 1869); «Владимірскій историко-статистическій сборникъ» (1869). Кромѣ того, съ 1863 г. подъ его редакціей вышло 10 выпусковъ «Трудовъ Владимірскаго Статистическаго Комитета», а съ 1876 г. по его иниціативѣ и подъ его редакціей сталъ выходить «Ежегодникъ Влад. Статист. Комитета». Оба эти изданія также заключаютъ въ себѣ много работъ Т. Уже послѣ смерти его въ 1880 г. былъ напечатанъ прекрасный трудъ, составленный имъ и Н. А. Артлебеномъ, подъ названіемъ: «Древности Суздальско-Владимірской области, сохранившіяся въ памятникахъ зодчества въ предѣлахъ Владимірской губерніи. Вѣкъ XII» (вып. I).

Кромѣ указанной выше книги А. В. Смирнова, матеріалами для біографіи Т. могутъ служить: „Влад. Губ. Вѣд.“, 1867, № 11; 1870, № 17; 1879, № 28 (некрологъ); 1879, № 29. — „Влад. Епарх. Вѣд.“, 1879, № 14 и 15.—И. А. Голышевъ, „К. Н. Тихонравовъ“, „Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Рос. при Моск. Университетѣ“, 1886, кн. 3, стр. 1—40; также отдѣльно, Влад. 1888.—„Русск. Старина“, 1879, № 12.—„Русск. Вѣдом.“, 1879, № 14. —„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1879, № 87.—„Историч. записка о дѣятельности Императ. Моск. Археолог. Общества за первыя 25 лѣтъ его существованія“, Москва 1890, стр. 140—142.—„Переписка И. А. Голышева съ разными учеными лицами“, Владим. 1898.

Тихонъ (*Александровичъ*), іеромонахъ, префектъ Кіевской духовной академіи XVIII вѣка преподавалъ въ Кіевской духовной академіи поэзію и риторику, а съ 1743 г. назначенъ былъ послѣ Казаченскаго префектомъ академіи и наставникомъ философіи. Имъ написаны слѣдующія учебныя руководства на латинскомъ языкѣ: «Praecepta de arte poëtica» (1743), въ которомъ содержится много стиховъ и нѣсколько акростиховъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и митрополиту кіевскому Рафаилу; «Praecepta oratia» (1743); «Syntagma totius Aristotelis philosophiae, publicis disputa tionibus illustratum» (1745).

В. Аскоченскій, „Кіевъ и его древнѣйшее училище — академія“, Кіевъ 1856, ч. II, стр. 109.—Филаретъ (Гумилевскій), „Обзоръ русской духовной литературы“, изданіе 3-е, Спб. 1884, ч. II, стр. 332, № 33.

Тихонъ, въ мірѣ *Тимоѳей Васильевичъ Воиновъ*, митрополитъ крутицкій, а потомъ казанскій, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 21 февраля 1655 г.; постригся 8 апрѣля 1677 г. въ патріаршемъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Нѣкоторое время состоялъ патріаршимъ ризничимъ, а 3 апрѣля 1692 г. посвященъ былъ въ архимандриты Спасо-Преображенскаго, Московской епархіи, монастыря. 21 апрѣля 1695 г. Т. рукоположенъ былъ въ митрополита крутицкаго (сарскаго и подонскаго), а 23 марта 1699 г. переведенъ былъ въ Казань митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ. Въ Казанской епархіи имъ много было сдѣлано для обращенія въ православіе инородческихъ языческихъ и магометанскихъ племенъ, главнымъ образомъ черемисовъ; онъ велъ также усиленную борьбу съ расколомъ, который

былъ сильно распространенъ въ его епархіи. Въ январѣ 1724 г. Т. просилъ синодъ объ увольненіи его, за старостью и болѣзнями, отъ завѣдыванія всякаго рода сборами и исполненія по различнымъ указамъ, относящимся до управленія епархіи, что и было синодомъ уважено. Скончался Т. 24 марта 1724 г. и погребенъ въ Казанской соборной церкви. Завѣщаніемъ онъ отказалъ большую часть своего имущества на построеніе храмовъ и монастырей.

П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб., 1887, стр. 144, 396, 1036. — „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православныхъ исповѣданій Россійской имперіи", Спб. 1879, изд. 2-е, т. I, стр. 31, № 212315.— „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода", т. I, стр. 129—130, 142, 170, 182, 364 — 368, 433, примѣч. 1, 588 ж, з; 606 — 607, 690, 523, CCCV—CCCXIV; т. II, ч. 1, стр. 368, № 228; стр. 97, № 65, примѣч.; стр. 648, № 480, прим.; стр. 677, № 491; стр. 771, № 528; стр. 1031, № 678, прим.; стр. 1123, № 734, прим.; CCLXXI, 67; CCXCVIII, 122; CCLXXIV, 115; т. II, ч. 2, стр. 49, № 815; стр. 66, № 836; стр. 606, № 1248; т. 3, стр. 199, № 173; стр. 200, № 174; стр. 222, № 202; стр. 305, № 318; стр. 441, № 433; стр. 460, № 443; стр. 663, № 611; т. IV, стр. 30, № 25; стр. 173, № 176; стр. 535, № 522; стр. XX — XXXII; т. V, стр. 28, № 11; стр. 407, № 250; т. VII, стр. 88, № 77.

Тихонъ, въ мірѣ *Тимоѳей Малининъ*, архіепископъ астраханскій, членъ св. синода, родился въ 1745 г. въ селѣ Князь-Ивановѣ, Калужской губерніи, гдѣ отецъ его былъ діакономъ. Въ сентябрѣ 1755 г. поступилъ въ Московскую духовную академію, по окончаніи курса которой въ 1763 г. назначенъ учителемъ низшаго класса и исправляющимъ должность проповѣдника при той же академіи, когда еще былъ бѣльцомъ. 25 октября 1867 г. постригся въ монахи и въ томъ же году посвященъ во іеродіакона и іеромонаха. Въ Московской академіи оставался до сентября 1770 г., когда по указу синода переведенъ вице-ректоромъ въ семинарію Сергіево-Троицкой лавры, но въ октябрѣ того же года возвращенъ въ Московскую академію въ должности префекта и преподавателя философіи. Эту должность исправлялъ только годъ, такъ какъ въ августѣ 1771 г. былъ взятъ преосв. Платономъ въ Тверскую епархію и опредѣленъ префектомъ Тверской семинаріи, а 22 октября того же года посвященъ въ архимандрита Тверского Отроча - Успенскаго монастыря.

Въ Тверской семинаріи онъ преподавалъ философію и состоялъ также членомъ консисторіи. Въ началѣ 1774 г. Т. былъ назначенъ ректоромъ той же семинаріи и переведенъ изъ Отроча монастыря въ калязинскій Макаріевъ-Троицкій монастырь, а 21 іюня 1775 г. рукоположенъ въ Москвѣ въ епископа воронежскаго и елецкаго. За время управленія Воронежской епархіей онъ ввелъ преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ въ мѣстной семинаріи, а также и другія измѣненія въ программѣ преподаванія. 6 мая 1788 г. Т. назначенъ былъ тверскимъ и кашинскимъ епископомъ и членомъ св. синода, а 18 мая 1792 г. переведенъ архіепископомъ въ Астрахань, гдѣ и скончался 14 ноября 1793 г. Изъ сочиненій Т. самымъ крупнымъ является: «Толкователь писанія: толкованіе на первое соборное посланіе апостола Петра» (Москва 1794), напечатанное уже послѣ его смерти. Т. былъ хорошимъ проповѣдникомъ и произносилъ обыкновенно свои проповѣди и рѣчи не записывая ихъ заранѣе. Въ бытность воронежскимъ епископомъ онъ проповѣдывалъ при каждомъ всенародномъ совершеніи литургіи. Изъ его рѣчей напечатаны слѣдующія: «Слово въ день восшествія на престолъ Императр. Екатерины II» (Спб. 1791, изд. 3-е); «Слово при погребеніи св. Тихона, епископа Воронежскаго» (напеч. въ собраніи сочиненій Тихона Задонскаго). Въ «Исторіи славяно-греко-латинской академіи» С. Смирнова (Москва 1855) напечатаны его письма къ митрополиту Платону.

Митроп. Евгеній Болховитиновъ, „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина", Спб. 1827, т. I, стр. 268 — 269. — С. Смирновъ, „Исторія славяно-греко-латинской академіи", Москва 1855, стр. 211.—Филаретъ Гумилевскій, „Исторія русской церкви", Черниговъ 1862, изд. 4-е, періодъ 4-й, стр. 50 и 154, примѣч.—Его же, „Обзоръ русской духовной литературы", Спб. 1884, изд. 3-е, ч. II, стр. 362, № 66. — П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, 311, 445, 450, 453, 838. — „Тверскія Епархіальныя Вѣдом.", 1865, № 2.—„Памятная книжка Тверской губ. на 1865 годъ", стр. 147—157.—„Астраханскія Губернскія Вѣдомости", 1841, №№ 24 и 26. — В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800 — 1854 гг.", Спб. 1893, т. II, № 10476. — Его же, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1872, № 88414. — В.

Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб. 1905, изд. В. Рогожина, ч. IV, № 10590.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807 — 1815, т. I, стр. 107, 141, 199, 558, 630.

Тихонъ (*Малышкинъ*), архіепископъ ростовскій, ярославскій и бѣлозерскій, рукоположенъ 15 января 1490 г. изъ архимандритовъ Спасо-Ярославскаго или Ростовскаго Спасскаго монастыря, что въ точности неизвѣстно. Съ этого времени онъ и становится извѣстнымъ въ россійской іерархіи. Лѣтопись повѣствуетъ, что Т. присутствовалъ на соборахъ 1491 и 1492 гг., созванныхъ для борьбы съ ересью, которую въ то время распространялъ ереоіархъ жидовствующихъ Схарій, при чемъ на этихъ соборахъ онъ былъ по митрополіи первымъ между другими іерархами. Т. совершалъ въ 1496 г. рукоположеніе надъ игуменомъ Троицкой обители Симономъ, когда тотъ избранъ былъ въ митрополиты. Онъ присутствовалъ также въ 1499 г. при вѣнчаніи внука великаго князя Дмитрія Іоанновича на великое княженіе. При немъ были открыты нетлѣнныя мощи св. благовѣрныхъ князей Василія и Константина Всеволодовичей, внуковъ Константина Мудраго и племянниковъ св. Василька. Въ январѣ 1503 г. Т. отошелъ на покой въ Борисоглѣбскій монастырь на Устьѣ, Ярославской епархіи. Здѣсь же онъ скончался и погребенъ.

А. Крыловъ, „Историко-статистическое обозрѣніе Ростовско-Ярославской епархіи“, Ярославль 1860, стр. 19, 42 и 67. — „Іерархи Ростовско-Ярославской паствы въ преемственномъ порядкѣ съ 992 г. и до настоящаго времени“, Ярославль 1864, стр. 100—103.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 120 и 126.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 332, 337, 363.—„Русскій Временникъ“, ч. II, стр. 150.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, Москва 1819, т. VI, стр. 198, примѣч. 326, 618 и 629.—А. Нилъ, „Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь“, Ярославль 1862, стр. 86—87.

Тихонъ (*Писаревъ*), архимандритъ Троице-Сергіевой лавры въ 1718—1721 гг.; постригся въ монашество въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ. Въ 1714 г. опредѣленъ былъ архимандритомъ въ Спасо-Ярославскій монастырь, откуда 7 ноября переведенъ въ Троице-Сергіеву лавру. Т. въ числѣ многихъ другихъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ подписался подъ Духовнымъ регламентомъ, изданнымъ Петромъ Великимъ 25 января 1721 г., но въ число совѣтниковъ синода не былъ призванъ. Въ исходѣ 1721 г. Т. былъ отрѣшенъ отъ должности настоятеля Троице-Сергіевой лавры, такъ какъ, по слову Высочайшаго указа отъ 20 марта 1722 г. о назначеніи ему преемника, онъ «явился по многимъ непорядочнымъ дѣламъ подозрительнымъ». О причинѣ этого отрѣшенія можно судить по тому, что въ росписи доходовъ Московскаго синодальнаго управленія канцеляріи указанъ штрафъ въ размѣрѣ 7.341 руб. 12 коп., взятый въ 1721 г. съ Т. «за многія съ монаховъ, служителей и крестьянъ взятки». Послѣ увольненія Т. поселенъ былъ въ братство Чудова Московскаго монастыря. 15 ноября 1724 г. Т., по Высочайшему указу, данному синоду, взятъ былъ подъ стражу; изъ дѣлъ архива синодскаго не видно, за какой проступокъ онъ былъ арестованъ. Послѣ восшествія на престолъ Екатерины I Т. указомъ отъ 20 февраля 1725 г. былъ освобожденъ, прощенъ «для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти» Петра I и опредѣленъ въ братство Серпуховскаго Высоцкаго монастыря.

А. В. Горскій, „Историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры“, Москва 1890, ч. I, стр. 158; ч. II, стр. 10.—„Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры“, Москва 1882, стр. 134.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 139 и 338.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, ч. 2, стр. 181.—„Описаніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ архивѣ св. Правит. Синода“, т. I, стр. 235, 248, 273, 489; т. II, ч. 1, стр. 53, № 54; стр. 444, № 307; стр. 541, № 397; т. IV, стр. 509—510, № 492; т. V, стр. 626, № 389; т. VII, стр. XXXII; т. VIII, стр. 566—567, № 602.—„Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи“, Спб. 1879, изд. 2-е, т. I, стр. 31; т. II, № 493.

Тихонъ, въ мірѣ *Александръ Павловичъ Покровскій*, духовный писатель, архіепископъ волынскій и житомірскій, сынъ священника села Ушакова, Каширскаго уѣзда, Тульской губ., гдѣ и родился 21 февраля 1821 г.; среднее образованіе получилъ въ Тульской духовной семинаріи и высшее въ Петербургской духовной академіи, куда поступилъ въ 1843 г. По окончаніи академическаго курса въ 1847 г. со

степенью кандидата и съ правомъ на магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ въ духовномъ вѣдомствѣ, онъ занялъ мѣсто учителя въ Петербургскомъ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, въ которомъ прослужилъ до 1855 г. 12 ноября 1850 г. былъ рукоположенъ во священника къ Преображенской церкви (что въ Колтовской) и священнослужилъ при ней до 1869 г., послѣднее время, съ 1865 г., состоя въ санѣ протоіерея. Къ этому времени относится рядъ жестокихъ ударовъ судьбы, постигшихъ его въ семейной жизни—смерть сначала жены, а затѣмъ и дѣтей. Оставшись одинокимъ и не будучи чѣмъ-либо болѣе связанъ съ міромъ, онъ «обратился духомъ къ монашеству» и 3 іюля 1869 г. былъ постриженъ съ именемъ *Тихона*, а вскорѣ послѣ этого (6 августа) возведенъ въ санъ архимандрита, 29 августа назначенъ смотрителемъ Александро-Невскаго духовнаго училища и 10 сентября хиротонисанъ во епископа выборгскаго, второго викарія Петербургской митрополіи. 16 августа 1871 г. онъ былъ переименованъ въ епископа Ладожскаго, перваго викарія той же митрополіи, и менѣе чѣмъ черезъ два года, 13 іюня 1873 г., назначенъ епископомъ саратовскимъ и царицынскимъ, которымъ оставался до 6 марта 1882 г., когда былъ возведенъ въ санъ архіепископа съ назначеніемъ на Волынско-Житомірскую каѳедру. Въ этой епархіи и скончался 16 апрѣля 1885 г.—въ Житомірѣ, гдѣ и погребенъ. Т. пользовался славой увлекательнаго проповѣдника, которую пріобрѣлъ еще въ званіи священника при Преображенской церкви; своими общедоступными и ясными проповѣдями, произносимыми обыкновенно безъ всякой подготовки, онъ привлекалъ слушателей всегда въ изобиліи. Бесѣды его помѣщались въ различныхъ духовныхъ журналахъ, преимущественно въ «Духовной Бесѣдѣ», въ которой онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ и наиболѣе усердныхъ сотрудниковъ. Рядъ помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ духовно-нравственныхъ статей снабжены подписью: *Прот. А. Покровскій*. Таковы его: за 1862 г. — «Невольное повиновеніе твари суетѣ людской», «Благіе начатки и плоды въ современныхъ преобразованіяхъ Россіи», «Поученіе по случаю заложенія трехпрестольнаго храма въ Котловской» (№ 26), «Празднованіе тысячелѣтія Россіи въ праздникъ Рождества Богоматери» (№ 45); 1863 г. — «Духа не угашайте» (№ 20), «Общественная благотворительность въ С.-Петербургѣ», «Значеніе православной церкви въ Россіи» (№ 51); 1864 г. — «Слѣпота тѣлесная и слѣпота духовная», «Житейскія неудачи»; 1865 г.—«О христіанской обязанности въ отношеніи къ болящимъ»; 1866 г.—«О происхожденіи физическаго зла на землѣ»; 1869 г.—«Попеченія объ одеждѣ» и 1870 г.—«Попеченіе св. церкви о православныхъ христіанахъ въ различныхъ ихъ нуждахъ и состояніяхъ» (девять бесѣдъ). Къ характеристикѣ этихъ статей и рѣчей Т. вообще слѣдуетъ сказать, что, будучи въ большинствѣ случаевъ просты по слогу, безъ излишняго книжества, часто для простыхъ сердецъ утѣшительны, онѣ въ то же время изобилуютъ и даже страдаютъ элементомъ духовнаго детерминизма, объясняемаго въ значительной мѣрѣ тяжелыми ударами, перенесенными Т. въ личной жизни. Кромѣ упомянутыхъ статей въ «Духовной Бесѣдѣ», Т. издалъ также отдѣльную брошюру: «О церкви, какъ матери всѣхъ православныхъ христіанъ, по долгу ихъ назиданія домашняго и общественнаго» (Спб. 1862), а въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1869 г. (ч. II) была напечатана его «Рѣчь св. синоду при нареченіи во епископа выборгскаго». Многочисленныя обязанности, связанныя съ саномъ епископа и затѣмъ архіепископа, не позволяли уже Т. удѣлять время на писаніе журнальныхъ статей; съ этого времени въ печати, въ офиціальныхъ органахъ различныхъ епархій, главнымъ образомъ въ «Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», появляются лишь его рѣчи и слова, произнесенныя по разнымъ поводамъ. Въ бытность архіепископомъ волынскимъ Т. поощрялъ и поддерживалъ издательскія начинанія Почаевской лавры; съ его благословенія изданы лаврой слѣдующія духовно-нравственныя книжки: «Повѣсть о Почаевской иконѣ Божіей Матери», «Путеводитель къ горѣ Почаевской», «Православіе и унія въ лицахъ», «Пчела почаевская», «Службы и акаѳисты въ честь иконы Почаевской...» и др.

„Волынскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1885, №№ 12, 13, 14.—„Воронежскія Епарх. Вѣдом.“, 1885, № 11.—„Донскія Епарх. Вѣдом.“, 1885, № 10.—„Кіевскія Епарх. Вѣдом.“, 1885, № 10.—„Костромскія Епарх. Вѣдом.“, 1885, № 19.—„Подольскія Епарх. Вѣдом.“, 1885, № 19.—

„Саратовскія Епарх. Вѣдом.“, 1885, № 11.—„Смоленскія Епарх. Вѣдом.“, 1885, № 11.—„Тульскія Епархіальн. Вѣдом.“, 1885, № 9.—„Голосъ Москвы“, 1885, №№ 111 и 116.—„Московскія Вѣдомости“, 1885, №№ 111, 114 и 116.—„Новь“, 1885, кн. 13, стр. 62.—„Церковный Вѣстникъ“, 1885, №№ 16 и 19.—„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885, № 37.—Строевъ, „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр. 268, 269, 1024. — „Девятисотлѣтіе русской іерархіи“, Москва 1888, стр. 21, 22, 69 и 73.—Хойнацкій, „Почаевская лавра“, стр. 186 и дал. (съ портретомъ).—Д. Д. Языковъ, „Жизнь и труды покойныхъ русскихъ писателей“, вып. V, Спб. 1889, стр. 139–140.—А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ 28-ми курсовъ Петербургской духовной академіи, 1814—1869 г.“, Спб. 1907, стр. 490—491.

Тихонъ *Задонскій*, въ мірѣ *Тимоѳей Соколовъ*, святитель, епископъ воронежскій, знаменитый іерархъ и духовный писатель, родился въ 1724 г. въ с. Короцкѣ, Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда, въ семьѣ бѣднаго дьячка Савелія Кирилловича. Рано лишившись отца, онъ съ самаго дѣтства испытывалъ матеріальную нужду. «Когда дома ѣсть нечего,—вспоминалъ онъ впослѣдствіи объ этомъ времени,—то, бывало, весь день бороню пашню у богатаго человѣка, чтобы только накормилъ меня хлѣбомъ». Съ 1738 г. учился въ Новгородской духовной школѣ, живя на средства своего брата Петра, бывшаго дьячкомъ въ Новгородѣ. Съ открытіемъ въ 1740 г. семинаріи его, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, приняли на казенное содержаніе. Еще до окончанія семинаріи, въ 1750 г., онъ оставленъ былъ при ней учителемъ греческаго языка, а по окончаніи ея въ 1754 г. также и риторики. Въ 1758 г. принялъ монашество въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ съ именемъ *Тихона*, въ Ѳомино воскресенье посвященъ былъ въ Петербургѣ во діакона и въ томъ же году въ іеромонаха. Съ 1758 г. Т. сталъ преподавать философію въ семинаріи, а 18 января 1759 г. назначенъ былъ тамъ префектомъ. Въ томъ же году его по просьбѣ тверского епископа Аѳанасія назначили архимандритомъ Желтикова монастыря, но вскорѣ перевели въ Отрочъ монастырь съ назначеніемъ ректоромъ Тверской семинаріи, учителемъ богословія и присутствующимъ въ духовной консисторіи. Затѣмъ Т. управлялъ Хутынскимъ монастыремъ. 13 мая 1761 г. Т. возведенъ былъ въ санъ епископа кексгольмскаго и ладожскаго, викарія Новгородской епархіи, причемъ рукоположеніе совершено было въ Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ. Въ августѣ 1762 г., когда синодъ выѣзжалъ въ Москву по случаю коронаціи Екатерины II, ему повелѣно было прибыть въ Петербургъ и предсѣдательствовать временно въ синодальной конторѣ. 3 февраля 1763 г. Т., послѣ смерти Іоанникія Павлуцкаго, назначенъ былъ на самостоятельную воронежскую епископскую каѳедру. Съ самаго вступленія въ управленіе епархіей передъ Т. открылся широкій просторъ для дѣятельности. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на ветхость собора, и ему удалось, главнымъ образомъ на частныя пожертвованія, заложить новый каменный соборъ, который однако былъ законченъ постройкой уже послѣ него. Въ средѣ духовенства онъ нашелъ невѣжество, пренебреженіе обязанностями и злоупотребленія: многіе не знали какъ слѣдуетъ чина службы, другіе въ праздничные и воскресные дни изъ-за личныхъ дѣлъ совсѣмъ не совершали службы; много безпорядковъ было по дѣламъ брачнымъ; вообще нравственный и образовательный уровень духовенства не соотвѣтствовалъ его назначенію. Вскорѣ по прибытіи въ Воронежъ, Т. написалъ въ катехизической формѣ для священства краткое ученіе «О седми св. тайнахъ», въ которомъ давалъ краткое понятіе о сущности каждаго таинства, объ образѣ его совершенія, о лицѣ совершающемъ и о лицахъ, пріемлющихъ его. Затѣмъ имъ было написано «Прибавленіе къ должности священнической о тайнѣ св. покаянія», гдѣ даются священникамъ наставленія, какъ держать себя на исповѣди: возбуждать въ паствѣ чувство раскаянія, но въ то же время относиться не слишкомъ строго, а осторожно и осмотрительно, утѣшать милосердіемъ Божіимъ тѣхъ, кто въ скорби о своихъ грѣхахъ доходитъ до отчаянія. Чтобы не допускать до рукоположенія людей недостойныхъ или неприготовленныхъ къ служенію церкви, Т. немедленно по вступленіи на епархію послалъ (31 мая 1763 года) указъ во всѣ городскія и духовныя управленія, чтобы ставленники имѣли отъ причта и отъ прихожанъ одобрительное свидѣтельство. Для побужденія священниковъ къ произнесенію проповѣдей и чтобы пріучить ихъ къ чтенію, Т.

предписалъ, чтобы послѣ заамвонной молитвы во всякій воскресный и праздничный день читался соотвѣтствующій отрывокъ или изъ Толковаго евангелія или изъ какой-нибудь другой книги, принятой въ Восточной церкви, «а въ иные воскресные дни прочитывать напечатанное въ Слѣдованной псалтыри на листу 386, весьма душеполезное и поощрительное спящей и нерадѣющей о своемъ спасеніи душѣ, слово св. Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго объ исходѣ души и о второмъ пришествіи». За время своего управленія Воронежской епархіей Т. строго наблюдалъ за исполненіемъ этого предписанія. А чтобы познакомить священниковъ съ проповѣдываніемъ катехизиса, онъ вызвалъ изъ Московской славяно-греко-латинской академіи воспитанника Ивана Васильевича Турбина, который каждое воскресенье произносилъ проповѣди въ каѳедральномъ соборѣ. Къ слушанію этихъ проповѣдей должны были являться всѣ духовныя лица Воронежа. Для уѣздныхъ же городовъ, въ которыхъ нельзя было найти людей способныхъ быть катехизаторами, разослана была особая книжка для чтенія въ церквахъ. Т. старался по возможности о просвѣщеніи духовенства, заботился объ исправленіи нравственныхъ его недостатковъ; имъ было написано и разослано по епархіи особое наставленіе въ видѣ окружнаго посланія, въ которомъ излагаются высокія обязанности священника, какъ онъ долженъ готовиться къ совершенію таинствъ, внушалось избѣгать пьянства, сквернословія, худыхъ обычаевъ. Заботясь о доброй жизни и нравственности духовенства, прибѣгая къ строгимъ подчасъ мѣрамъ наказанія, онъ тѣмъ не менѣе наблюдалъ, чтобы консисторія не была пристрастна по отношенію къ священникамъ въ своихъ дѣйствіяхъ и приговорахъ, не оттягивала дѣлъ, боролся противъ грубаго обращенія консисторскихъ чиновниковъ съ священниками. Т. первый запретилъ въ своей епархіи примѣненіе тѣлеснаго наказанія къ лицамъ духовнаго званія. И въ своихъ собственныхъ рѣшеніяхъ онъ являлся не столько строгимъ судьей, карающимъ преступленіе, сколько пастыремъ, исправляющимъ провинившагося. Много вниманія удѣлялъ Т. и школамъ, въ которыхъ ощущалась большая нужда. Семинарія, основанная въ Воронежѣ въ 1721 г., стояла на чрезвычайно низкомъ уровнѣ при предшественникѣ Т. Во всей Воронежской епархіи оставались только двѣ славянскія школы: одна при архіерейскомъ домѣ, а другая въ Острогожскѣ. Недостатокъ школъ понудилъ Т. предписать духовнымъ правленіямъ городовъ епархіи завести славянскія школы и нужныя для нихъ зданія купить или выстроить за счетъ духовенства. Но вслѣдствіе нерадивости духовныхъ управителей, несочувствія этому дѣлу со стороны духовенства вообще, скупившагося на средства, и побѣговъ учениковъ эти школы пришлось черезъ два года закрыть. Тогда Т. вмѣсто нихъ открылъ латинскія школы въ Острогожскѣ и Ельцѣ. Кромѣ того имъ была открыта школа въ Новочеркасскѣ для дѣтей священниковъ Донского края, гдѣ чувствовалась особенная нужда въ просвѣщенномъ духовенствѣ вслѣдствіе склонности казаковъ къ расколу. Когда послѣ отобранія у монастырей крестьянъ была сдѣлана правительствомъ первая ассигновка на содержаніе духовныхъ школъ, Т. приступилъ къ устройству въ Воронежѣ семинаріи; для этой цѣли былъ расширенъ прежній семинарскій домъ и вызваны учителя изъ числа воспитанниковъ Кіевской академіи и Харьковскаго коллегіума. Сборъ же съ духовенства на содержаніе училищъ былъ прекращенъ. Т. часто посѣщалъ классы, самъ опредѣлялъ порядокъ занятій, отмѣчалъ лучшія и поучительнѣйшія мѣста для толкованія воспитанникамъ. Имъ же написана была и «Инструкція, что семинаристамъ должно наблюдать», гдѣ излагались нравственныя обязанности воспитанниковъ, какъ будущихъ пастырей. Дурное состояніе монастырей Воронежской епархіи, нетрезвый образъ жизни нѣкоторыхъ монаховъ, непорядки, царившіе въ ихъ средѣ, также обратили на себя вниманіе Т., и имъ было написано 15 статей для монашества.

Не менѣе значительны его заботы о преподаніи народу основныхъ христіанскихъ понятій. Съ этой цѣлью Т. произносилъ проповѣди, отличавшіяся простотой, глубиной вѣры и воодушевленіемъ, писалъ особыя сочиненія для народа и разсылалъ ихъ по церквамъ. Таковы: «Краткое увѣщаніе, что всякому христіанину отъ младенчества до смерти въ памяти всегда держать должно»; «Краткое наставленіе,

како подобаетъ себѣ въ христіанскій должности содержать»; «Наставленіе о должности христіанской, родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ»; «Примѣчанія нѣкая, изъ св. Писанія выбранная, возбуждающая грѣшника отъ сна грѣховнаго и къ покаянію призывающая, съ послѣдующими образцами», съ краткимъ увѣщеваніемъ къ скорому обращенію. Наконецъ, имъ было еще написано большое сочиненіе «Плоть и духъ, или собраніе нѣкіихъ нравоученій изъ св. Писанія, Ветхаго Завѣта и псалмовъ и толкователя св. Писанія, Іоанна Златоустаго» (Спб. 1796). Т. принималъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы народъ болѣе усердно посѣщалъ храмы въ праздничные и воскресные дни; для этой цѣли имъ, между прочимъ, было разослано по епархіи «Краткое увѣщаніе, како подобаетъ въ святые храмы входить на славословіе». Т. боролся и противъ нехристіанскихъ обычаевъ, распространенныхъ въ населеніи. Такъ, съ цѣлью искорененія такихъ обычаевъ въ празднованіи масленицы онъ произнесъ въ 1765 г. наиболѣе замѣчательную изъ своихъ проповѣдей «Слово о сырной седмицѣ». Энергично боролся онъ также противъ празднованія Ярила, народнаго праздника, пережитка языческой старины. Въ 1765 г. онъ самъ явился на площадь, гдѣ происходили празднества въ честь Ярилы, и произнесъ проповѣдь; по этому же поводу онъ написалъ «Увѣщаніе жителямъ Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго празднества, называвшагося Ярило», и въ результатѣ празднество это постепенно было забыто. Борьба съ расколомъ, имѣвшимъ глубокіе корни въ Донской области не только среди мірянъ, но отчасти и среди духовенства, также отнимала не мало силъ у Т., но эта борьба къ значительнымъ результатамъ не привела. Въ своей дѣятельности по оздоровленію церкви Т. встрѣчалъ препятствія со стороны какъ населенія, такъ и духовенства, которое было недовольно строгостью и требовательностью епископа. Утомленный непрерывными заботами и борьбой Т. просилъ объ увольненіи его на покой и былъ уволенъ 17 декабря 1767 г. Д. Ровинскій утверждаетъ, что увольненіе его произошло потому, что онъ произнесъ во дворцѣ обличительную проповѣдь. На воронежской епископской каѳедрѣ Т. пробылъ 4 года 7 мѣсяцевъ.

Удалившись на покой, Т. первоначально поселился въ заштатномъ Толшевскомъ монастырѣ, расположенномъ въ 40 верстахъ отъ Воронежа. Эта обитель была имъ выбрана благодаря уединенности ея мѣстоположенія, но нездоровый климатъ, вредныя болотистыя испаренія заставили его въ 1769 г. переселиться въ Задонскій Богородицкій монастырь. Первоначально Т. томился столь рѣзкимъ переходомъ отъ энергичной дѣятельности, проявленной имъ на воронежской каѳедрѣ, къ покою монастырской жизни: онъ полагалъ даже принять предложенное ему петербургскимъ архіепископомъ мѣсто настоятеля Валдайскаго Иверскаго монастыря, но потомъ отказался отъ своего намѣренія и навсегда остался въ Задонскѣ.

Жизнь Т. въ Задонскомъ монастырѣ отличалась простотой и являла собою примѣръ высокаго благочестія и аскетизма. Онъ продалъ лучшую свою одежду и драгоцѣнности, какія сохранились у него со времени служенія на воронежской каѳедрѣ, и вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ. Для себя онъ оставилъ самое необходимое, пищу употреблялъ самую скудную, спалъ очень мало, отказывалъ себѣ во всемъ и большую часть своего времени отдавалъ молитвѣ и богословскимъ занятіямъ. Наряду съ этимъ Т. занимался тяжелыми работами въ монастырскомъ саду, пилилъ и кололъ самъ дрова, косилъ сѣно и т. п. «Если бы не епископскій санъ,—говаривалъ онъ своему келейнику,—я бы пошелъ на самыя простыя работы, какъ-то: рубить дрова, воду носить, муку сѣять, хлѣбы печь. Но та бѣда, что у насъ въ Россіи нельзя сего сдѣлать». Онъ не любилъ и избѣгалъ обычныхъ услугъ отъ своего келейника и принималъ ихъ только въ наиболѣе необходимыхъ случаяхъ. Много силъ Т. потратилъ на борьбу со своимъ характеромъ. По натурѣ онъ былъ человѣкомъ впечатлительнымъ и раздражительнымъ, склоненъ къ унынію; временами имъ овладѣвало чувство тоски и безотчетной скорби; только упорной борьбой и цѣной многихъ усилій ему удалось сгладить эти неровности и выработать въ себѣ смиреніе и кроткое отношеніе къ людямъ, развить въ себѣ тѣ нравственныя начала, которыя онъ считалъ обязательными для всякаго христіанина. Онъ достигъ той степени смиренія, когда старшій у младшаго проситъ про-

щенія; и Т. часто кланялся въ ноги своему келейнику и просилъ прощенія, если замѣчалъ, что чѣмъ-нибудь обидѣлъ его. О томъ же свидѣтельствуетъ еще и слѣдующій случай. Разъ въ гостяхъ у знакомаго помѣщика Т. встрѣтился съ однимъ дворяниномъ, человѣкомъ вольнодумнымъ и вспыльчивымъ, и вступилъ съ нимъ въ споръ; святитель сильно и мѣтко возражалъ своему собесѣднику, и послѣдній пришелъ въ такое раздраженіе, что ударилъ его по щекѣ. Тогда Т. упалъ ему въ ноги со словами: «Простите меня, Бога ради, что я ввелъ васъ въ такое изступленіе». Этотъ поступокъ такъ сильно подѣйствовалъ на дворянина, что онъ самъ сталъ просить прощенія и съ того времени сдѣлался добрымъ христіаниномъ. Интересна слѣдующая характеристика, данная Т. однимъ изъ его келейниковъ: «Комплексіи святитель былъ ипохондрической и часть холерики была въ немъ. Иногда дастъ мнѣ строгій и справедливый выговоръ, но скоро потомъ придетъ въ раскаяніе и сожалѣніе».

Ни покоѣ Т. съ усердіемъ предался дѣламъ благотворительности и милосердія. По сочувствію къ простому народу и потому, что, происходя самъ изъ низшаго сословія, хорошо зналъ бѣдственное положеніе крестьянъ, Т. больше всего благотворилъ крестьянамъ, хотя въ то же время не отказывался помогать бѣднымъ и изъ другихъ сословій. Лишался ли кто дома благодаря пожару, или же какое-нибудь несчастье доводило крестьянина до разоренія, Т. всегда оказывалъ по мѣрѣ силъ матеріальную помощь обнищавшему. На его средства выстроена была въ г. Ливнахъ значительная богадѣльня. На дѣла благотворительности онъ тратилъ всю свою пенсію въ 500 рублей и всѣ средства, какія получалъ въ даръ отъ частныхъ лицъ. Т. часто посѣщалъ больныхъ и умирающихъ окрестныхъ селеній, утѣшая и ободряя ихъ своими бесѣдами. Такимъ же другомъ-утѣшителемъ былъ онъ и для заключенныхъ; въ Елецкой тюрьмѣ онъ бывалъ по нѣскольку разъ въ году. Его общительность и простота въ обращеніи, его жизнерадостность духа привлекали къ нему сердца людей. Келія его сдѣлалась источникомъ духовнаго цѣленія для окружающаго населенія, среди котораго онъ пользовался исключительнымъ уваженіемъ и авторитетомъ. Онъ мирилъ ссорившихся монаховъ и часто улаживалъ раздоры среди помѣщиковъ, возникавшіе главнымъ образомъ на почвѣ семейныхъ недоразумѣній. Есть много основаній думать, что именно по духовному облику Т. нарисованъ Достоевскимъ его старецъ Зосима въ «Братьяхъ Карамазовыхъ».

По своему происхожденію близкій къ народу, Т. любилъ бесѣдовать съ людьми низшаго сословія,—и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, когда собесѣдники не узнавали его подъ простымъ одѣяніемъ. Ему понятенъ былъ разговоръ крестьянъ, извѣстны ихъ нужды и потребности. Часто, подъ видомъ простого монаха или послушника, встрѣчая крестьянъ на дворѣ или у крыльца, онъ заводилъ съ ними простой разговоръ, разспрашивалъ объ ихъ работахъ, занятіяхъ, повинностяхъ, правительственныхъ распоряженіяхъ и т. п. Считая христіанское воспитаніе очень важнымъ для человѣка, имѣющимъ крупное вліяніе на всю его дальнѣйшую жизнь, и видя, съ другой стороны, невнимательность крестьянъ къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей, Т. охотно собиралъ дѣтей въ своей келіи, заботился объ ихъ воспитаніи, стараясь внушить имъ христіанскія понятія, смягчить ихъ дурные нравы и склонности. И къ нему съ охотой приходили дѣти изъ сосѣдней слободы. Даже многихъ изъ раскольниковъ привлекалъ къ Т. слухъ о его добродѣтельной жизни. Вскорѣ послѣ поселенія его въ Задонскомъ монастырѣ раскольники, безуспѣшно искавшіе себѣ архипастыря обратились, наконецъ, къ нему съ предложеніемъ быть у нихъ епископомъ. Недоразумѣніе съ этимъ обращеніемъ явное, но оно краснорѣчиво говоритъ о высокомъ образѣ жизни святителя, импонировавшемъ даже людямъ другихъ церковныхъ обрядовъ. Несмотря на отказъ Т., раскольники продолжали питать къ нему чувство уваженія, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ въ преслѣдованіи ихъ. Такъ словомъ и дѣломъ Т. завоевывалъ себѣ симпатіи широкихъ слоевъ окружнаго населенія. Т. продолжалъ много писать и въ Задонскѣ, гдѣ имъ закончены лучшія творенія. Въ писаніяхъ Т. замѣчается преобладаніе нравственно-религіознаго содержанія; вопросамъ морали христіанской посвящены наиболѣе крупныя его сочине-

нія. Нравственная жизнь была для него важнѣе и выше всего, и потому во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ главнымъ образомъ старается раскрыть оказанности христіанина, такъ какъ въ нихъ онъ видѣлъ сущность нравственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дѣлаетъ одну какую-нибудь добродѣтель центральнымъ пунктомъ и исключительной задачей нравственнаго совершенствованія, не сводитъ къ ней одной всѣ свои мысли, не концентрируетъ на ней одной своего вниманія. Какъ въ своей собственной жизни онъ не предавался исключительно одному только подвигу, такъ и въ сочиненіяхъ своихъ онъ старается по возможности полнѣе обнять и раскрыть всеобщія обязанности человѣка. Такъ, напримѣръ, его книга «Объ истинномъ христіанствѣ» имѣетъ предметомъ своимъ именно такое полное духовное развитіе человѣка въ «мужа совершенна». Но, чтобы общественное положеніе не отвлекало людей отъ этого дѣла нравственнаго совершенствованія, Т. даетъ еще наставленія частныя, примѣнительно къ различію въ общественномъ положеніи людей: онъ оставилъ наставленія государю и подданнымъ, богачу и бѣдняку, знатному и незнатному, сильному и слабому, купцу и покупателю, мужу и женѣ, родителямъ и дѣтямъ, работодателю и рабочему. Въ связи съ вопросами религіозно-нравственными Т. старался представлять и догматы вѣры. И въ изображеніи ихъ онъ стремился къ установленію живой и непосредственной связи догмата съ реальною, повседневною жизнью, что дѣлало его писанія понятными и доступными широкому кругу лицъ. Внѣшняя природа, обыденныя явленія и случаи жизни служили Т. въ качествѣ матеріала и иллюстрацій для его нравственно-религіозныхъ выводовъ и для выясненія сущности и значенія догматовъ вѣры. Въ такомъ духѣ написана имъ книга «Сокровище, отъ міра собираемое». Аналогія между внѣшними явленіями природы и духовной жизнью человѣка, его религіозными воззрѣніями часто встрѣчается у него; гармонія, порядокъ, взаимная связь и зависимость другъ отъ друга явленій видимой природы должны, по мнѣнію Т., напоминать и внушать намъ мысль о порядкѣ духовной жизни, о связи между людьми, основанной на взаимной помощи и любви. «Смотришь на небо,—пишетъ онъ,—такое чудное, высокое, обширное, украшенное различными звѣздами; на солнце и луну, сіяющія и всю поднебесную осіявающія; на облака въ воздухѣ, туда и сюда преходящія и какъ мѣхи дождь точащія и напояющія нивы наши Представляетъ тебѣ чувство и разумъ. землю съ исполненіемъ ея, съ древесами, травами, скотами, звѣрями, морями, рѣками, источниками и прочіимъ украшеніемъ. Отъ видимыхъ прейди умомъ, отъ созданія міра къ создателю. Да будетъ тебѣ случай сей удивиться: 1) Всемогуществу Бога нашего, который вся сія изъ ничего словомъ единымъ сотворилъ; 2) Премудрости Его, который такъ премудро сотворилъ; 3) Благости Его, который вся сія насъ ради сотворилъ». Въ своихъ сочиненіяхъ Т. очень рѣдко прибѣгаетъ къ какимъ-либо логическимъ, чисто формальнымъ построеніямъ и доказательствамъ, а старается по преимуществу воздѣйствовать на здравый смыслъ читателя, на непосредственное чувство истины, на свойственный и обычный для всякаго средняго человѣка образъ представленій. И здѣсь замѣтно вліяніе, оказанное на него твореніями Іоанна Златоуста, бывшими самымъ любимымъ его чтеніемъ. Т. постоянно пользуется для поясненія своихъ мыслей примѣрами, сравненіями, противоположеніями, взятыми изъ повседневной жизни. Языкъ его писаній отличается необыкновенною простотою, доступностью, живостью и увлекательностью формы; рѣчь его изобилуетъ народными оборотами и поэтическими образами. Одинъ изъ біографовъ Т. даетъ слѣдующую характеристику его сочиненій: «Общедоступное изложеніе самыхъ высокихъ истинъ вѣры, приближенное къ разумѣнію самыхъ простыхъ христіанъ, рѣдкое искусство посредствомъ сравненій и образовъ сообщать истинамъ особенную ясность и занимательность для всякаго христіанина, при всякомъ удобномъ случаѣ изыскать для нихъ назиданіе и пролагать имъ путь къ собственному усовершенствованію въ богомысліи христіанскомъ, всѣ сіи качества дѣлаютъ святителя Т. преимущественно народнымъ христіанскимъ учителемъ»...

Первымъ трудомъ, написаннымъ Т. въ Задонскомъ монастырѣ, было его сочиненіе «Объ истинномъ христіанствѣ», въ 6 частяхъ (Спб. 1785 и 1803); въ основу этого сочиненія положенъ переводъ изъ его богословскихъ лекцій, читанныхъ въ

Тверской семинаріи, съ значительными дополненіями и разъясненіями. Къ числу крупныхъ и наиболѣе выдающихся писаній Т. надо отнести «Сокровище духовное, отъ міра собираемое», въ 4 частяхъ (Спб. 1774) и «Плоть и духъ или собраніе нѣкіихъ нравоученій изъ св. Писанія, Новаго Завѣта и псалмовъ и толкователя св. Писанія св. Іоанна Златоустовскаго» (Спб. 1796); послѣднее сочиненіе еще въ 1784 году издано было въ Петербургѣ II. Богдановичемъ безъ указанія автора, подъ названіемъ «Скрижали нравоученія». Затѣмъ Т. написалъ «Наставленіе христіанское съ прибавленіемъ о взаимныхъ должностяхъ христіанскихъ» (Спб. 1784; изд. 3-е Спб. 1794); выбравъ изъ этого сочиненія нѣкоторыя мѣста и дополнивъ ихъ нѣкоторыми другими статьями Т., синодъ издалъ этотъ сборникъ подъ названіемъ «Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ» (Спб. 1789; 48-е изданіе, Москва 1870) и сдѣлалъ распоряженіе о чтеніи его по церквамъ. Спеціально для монашескаго духовенства Т. написалъ, кромѣ 15 статей еще въ бытность его воронежскимъ епископомъ, также «Правила монашескаго житія» и «Наставленія обратившимся отъ суетнаго міра». Затѣмъ имъ были написаны еще слѣдующія статьи и сочиненія самаго разнообразнаго содержанія: «Письма келейныя» (Спб. 1784; изд. 2-е Спб. 1796); «Разныя письма къ нѣкоторымъ писателямъ посланныя» (Спб. 1784; изд. 2-е 1802); «Разныя проповѣди» (Спб. 1784; изд. 2-е 1794; этотъ сборникъ приписывается также Тихону Малинину); «Кроткія нравоучительныя слова» (Спб. 1784; изд. 2-е 1794); «Бесѣды о молитвѣ» (Спб. 1821); «Чувствованіе о благодареніи Богу» (Спб. 1821); «Вода мимотекущая»; «Полезное наставленіе о страхѣ Божіемъ» (Спб. 1821); «О любви къ врагамъ» (Спб. 1821); «О любви къ ближнему» (Спб. 1821); «О отпущеніи согрѣшеній ближнему» (Спб. 1821); «Увѣщаніе о сохраненіи правосудія и присяги»; «Познаніе о любви Божіей» (Спб. 1821); «Разсужденіе о смиреніи»; «Упованіе о надеждѣ» (Спб. 1821); «Изъясненіе о узкомъ пути» (Спб. 1821); «Размышленіе о презрѣніи и отрицаніи міра» (Спб. 1821). Затѣмъ есть указаніе, что Т. переводилъ псалтырь съ еврейскаго языка и Новый Завѣтъ съ греческаго. Кромѣ того онъ написалъ рядъ мелкихъ статей, инструкцій и наставленій въ связи съ различными сторонами епархіальнаго управленія за время своего пребыванія на воронежской каѳедрѣ. Часть его сочиненій была собрана и издана Евгеніемъ Болховитиновымъ, митрополитомъ кіевскимъ, подъ заглавіемъ «Остальныя сочиненія Тихона» (Спб. 1799). Первое полное собраніе его писаній, «Сочиненія преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго», издано было тѣмъ же митрополитомъ Евгеніемъ въ Петербургѣ, въ 1825—1826 гг. Позднѣе изданіе полнаго собранія сочиненій Т. взялъ на себя синодъ; оно вышло въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1836 г.; 5-е изданіе въ 1889 г.

Умеръ Т. въ Задонскомъ монастырѣ 13 августа 1783 г. Имъ было оставлено духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ дѣлаетъ послѣднія распоряженія о раздачѣ имущества и прощается съ братіей монастырской. Въ 1861 г. совершено было торжественное открытіе мощей Т., которыя почиваютъ открыто въ Задонскомъ монастырѣ. Днемъ памяти его установлено 13 августа. Жизнь Т. описали два его келейника, Іоаннъ Ефимовъ, въ монашествѣ Тихонъ, и В. И. Чеботаревъ. Письма Ефимова, въ которыхъ изображена жизнь Т. на покоѣ, хранятся въ Кіево-Софійской библіотекѣ (подъ № 194).

„Жизнеописаніе Тихона Задонскаго“ въ приложеніи къ т. I „Собранія сочиненій“, Спб. 1825.—„Описаніе жизни и подвиговъ преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго, для любителей и почитателей памяти сего преосвященнаго“, Спб. 1799, изд. 2-е, Москва 1856 (авторъ—митрополитъ Евгеній). — „Записки келейника В. И. Чеботарева“ (Матеріалы для жизнеописанія святителя Тихона, епископа Воронежскаго), „Православное Обозрѣніе“, 1861, т. V, № 7, стр. 299, и Прибавленіе къ „Тамбовскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“, 1861, №№ 15—24.—„Жизнь почившаго въ Задонскѣ Тихона, епископа Воронежскаго“, Спб. 1861.—„Жизнь святителя Христова Тихона, епископа Воронежскаго, съ присовокупленіемъ избранныхъ мѣстъ изъ его твореній“, Москва 1861, изд. 2-е 1862.—„Житіе иже во святыхъ отца нашего Тихона, епископа Воронежскаго, всея Руси чудотворца“ Спб. 1861, изд. 6-е 1870.—„Житіе святителя Тихона Задонскаго“, Спб. 1861. — В. Михайловскій, „Святый Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій“, Спб. 1873, изд. 4-е 1899.— А. Лебедевъ, „Святитель Тихонъ Задонскій и всея Руси чудотворецъ“, изд. 3-е, Спб. 1896.— П. Кратировъ, „Святитель Тихонъ Задонскій какъ пастырь и пастыреучитель“, Казань 1897—Н. Елагинъ, „Житіе иже во святыхъ отца

нашего Тихона, епископа Воронежскаго, всея Руси чудотворца", Спб. 1876.—Л. Ефремовъ, „Жизнь и уроки изъ жизни св. Тихона", Воронежъ 1874.—„Благодатная помощь св. Тихона", Спб. 1874.—„Угодникъ Божій святитель Тихонъ Задонскій какъ наставникъ и руководитель въ дѣлахъ вспомоществованія бѣднымъ", Спб. 1876.—О. М-скій, „Преданіе о св. Тихонѣ Задонскомъ", „Душеполезное Чтеніе", 1865, № 7, стр. 113, и „Новгородскія Губернскія Вѣдомости", 1861, №№ 2—3.—Ал-дръ Лебединцевъ, „Отличительныя черты и значеніе писаній св. отца нашего Тихона епископа Воронежскаго", „Духъ Христіанина", 1861, сентябрь, стр. 16.—В. Терюхинъ, „Село Коротко", „Новгородскія Губернскія Вѣдомости", 1861, № 39.—„Нѣсколько свѣдѣній о святителѣ Тихонѣ, епископѣ Воронежскомъ", Прибавленіе къ „Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ", 1861, №№ 17—19, т. IV, стр. 30—36, 92 — 100, 136—159. — М. Быловъ, „Въ Воронежской губерніи при епископѣ Тихонѣ", „Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости", 1883, № 15.—П. С. Казанскій, „Труды святителя Тихона, епископа Воронежскаго, по управленію Воронежской епархіей", Прибавленія къ „Твореніямъ св. отцевъ", 1862.—„Житіе святителя Тихона Задонскаго", Москва 1894.—И. Я. Морошкинъ, „Прошеніе императрицѣ Екатеринѣ II Тихона Задонскаго объ увольненіи его отъ управленія епархіей", „Странникъ", 1872, № 2.—Переписка епископа Кирилла со святителемъ Тихономъ", сообщ. Николаевъ, „Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости", 1860, № 19.—„Инструкція преосвященнаго Тихона, 1763, о школахъ", „Тамбовскія Губернскія Вѣдомости", 1856, № 29.—„Новооткрытое письмо святителя Тихона Воронежскаго", сообщ. кн. Долгоруковъ, „Христіанское Чтеніе", 1856, ч. I, стр. 461, и „Воронежскія Губернскія Вѣдомости", 1856, № 38 — Два письма Тихона Задонскаго въ „Христіанскомъ Чтеніи", 1833, № 4, стр. 62, и 1834, № 1, стр. 314.—Два письма Т. Задонскаго въ „Москвитянинѣ", 1850, № 18; 1851, № 1.—„Херсонскія Губернскія Вѣдомости", 1861, № 32.—„Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости", 1861, №№ 11 и 13.—„Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости", 1861, № 34. — Домашняя Бесѣда", 1859, № 42, стр. 397.—„Историческій Вѣстникъ", 1895, сентябрь.—„Москвитянинъ", 1843, № 4.—„Воскресное Чтеніе", 1838, № 37.—„Душеполезное Чтеніе", 1872, ч. 3, № 9, стр. 33 и 76.—„Московскія Епархіальныя Вѣдомости", 1871, № 30, стр. 282; № 31, стр. 294.—Филаретъ Гумилевскій, „Обзоръ русской духовной литературы", изд. 2-е, кн. 2, Черниговъ 1863, стр. 100, № 54.—Его же, „Исторія русской церкви", Черниговъ 1862, періодъ 5-й, стр. 8, 9, 36, 45, 50, 128, 133—135.—Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви", изд. 2-е, Спб. 1827, т. II, стр. 265. — Профессоръ Знаменскій, „Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Екатерины II", „Православный Собесѣдникъ", 1875, т. III.—К. Здравомысловъ, „Іерархи Новгородской епархіи отъ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени", Новгородъ 1897.—Бекетовъ, „Портреты именитыхъ мужей россійской церкви съ приложеніемъ ихъ краткихъ жизнеописаній", Москва 1843.—„Іером. Герантій, „Историко-статистическое описаніе Задонскаго Богородицкаго монастыря", изд. 2-е, Москва 1873.—Н. Катаевъ, „Очеркъ исторіи русской церковной проповѣди", „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости", 1824, № 24, приложеніе.—„Христіанское Чтеніе", 1834, т. I.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 39, 453, 457, 836—„Полный христіанскій мѣсяцесловъ", Кіевъ 1839 и 1868.—„Любопытный мѣсяцесловъ", Спб. 1794.—Сергій, „Полный мѣсяцесловъ Востока", Москва 1876, т. 2, ч. II, стр. 212.—Софія Дестунисъ, „Житія святыхъ", Спб. 1891, августъ, стр. 43. — Филаретъ Гумилевскій, „Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью", Спб. 1900, изд. 3-е, августъ, стр. 85.—Архим. Игнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ", Спб. 1875, ч. II.—Д. И. Прототоповъ, „Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью", Москва 1885, августъ, стр. 185.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб. 1889, т. II, стр. 1743; приложеніе, стр. 288.—Геннади, „Анонимныя книги", стр. 39.—Его же, „Словарь русскихъ писателей", т. I, стр. 98.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1872, № 546, 8416, 12149, 13293.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", Москва 1824, ч. I, № 7959, 8158—8159, 8181 — 8182, 8304, 9109, 10326, 11792—11799, 12977—12978; ч. III, № 3655; ч. IV, № 7638.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина" Спб. 1828, №№ 355, 356, 369, 370, 371, 372—373, 378, 379, 380, 391, 407, 416, 434, 444, 482, 672, 723, 925, 927, 929, 936, 980.—Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова", Спб. 1820, №№ 1232, 1327, 1375, 1396, 1430—1431, 1442, 1458.

Тихонъ (*Якубовскій*), епископъ сѣвскій, воронежскій и суздальскій, происходилъ изъ мѣщанъ, родился въ г. Коротѣ, въ Малороссіи, въ 1721 г. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи и постриженъ былъ въ монахи по однимъ свѣдѣніямъ по окончаніи академіи, а по другимъ еще во время пребыванія въ академіи. По окончаніи курса вступилъ въ Кіево-Братскій монастырь. Въ 1775 г. опредѣленъ былъ іеромонахомъ въ кадетскій корпусъ, а въ 1758 г. переведенъ архимандритомъ въ Спасо-Ярославскій монастырь. Когда въ томъ же году русскими войсками взятъ былъ Кенигсбергъ, Т. отправленъ былъ туда для основанія православной церкви, а послѣ заключенія мира возвратился въ Спасо-Ярославскій монастырь. Когда была учреждена Московская викарная епархія подъ назва-

ніемъ Сѣвской, Т. 8 августа 1864 г. былъ назначенъ на каѳедру епископіи сѣвской и брянской, а 17 декабря 1767 г. епископомъ воронежскимъ и елецкимъ. 19 мая 1775 г. онъ переведенъ былъ въ Суздальскую епархію; умеръ въ Суздали 4 апрѣля 1786 г. и погребенъ въ Суздальскомъ соборѣ. Т. былъ послѣднимъ суздальскимъ епископомъ, такъ какъ послѣ его смерти указомъ отъ 6 мая 1786 г. Суздальская епархія соединена была съ Владимірской. Напечатаны двѣ его привѣтственныя рѣчи: «Слово, сказанное во градѣ Суздаль, во соборной Благовѣщенской церкви во имя прибытія въ должность правителя А. Б. Куракина» (Москва 1778); «Рѣчь графу Л. Воронцову при обозрѣніи имъ Владимірскаго намѣстничества» (Москва 1779).

В. Аскоченскій, „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—академіей“, Кіевъ 1856, ч. II, стр. 212 и 529.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 338—339, 132, 658, 838.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 93, 183, 199.—Филаретъ Гумилевскій, „Обзоръ русской духовной литературы“ Спб. 1884, ч. 2, стр. 537, № 58.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1893, стр. 291, № 8417.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, изд. В. Н. Рогожина, Спб. 1905, ч. IV; стр. 226, № 10103; стр. 261, № 10539.—Воронежскія Губернскія Вѣдомости“, 1845, № 30.

Тихонъ, преподобный Медынскій, основатель Медынской, нынѣ Тихоновой пустыни, жилъ въ XV вѣкѣ. Вслѣдствіе литовскаго разоренія почти не сохранилось письменныхъ памятниковъ о жизни Т.; согласно старинной службѣ преподобному и преданіямъ основанной имъ обители, Т. въ молодыхъ еще годахъ принялъ постриженіе въ Москвѣ. Есть основаніе думать, что онъ былъ ученикомъ преподобнаго Пафнутія Боровскаго, умершаго въ 1477 г.: въ монастырѣ и въ городскихъ церквахъ Калуги долгое время хранились древнія иконы, изображавшія Пафнутія Боровскаго, ученика его Никифора и Т. Стремясь къ уединенію, онъ удалился въ глухой лѣсъ Ярославца Малаго, бывшаго тогда во владѣніи князя Ярослава, сына Владимира Андреевича Храбраго, въ нынѣшней Калужской губерніи. Здѣсь онъ поселился въ дуплѣ исполинскаго дуба, на берегу рѣки Вепрейки, въ 15 верстахъ отъ города Медыни; остатки этого дуба, разрушеннаго впослѣдствіи грозой, хранятся и понынѣ. Пищей ему служили «были и самороспенныя», а питьемъ—вода изъ колодезя, который онъ самъ ископалъ. Преданіе говоритъ, что однажды князь Ярославъ Владиміровичъ, во время охоты встрѣтивъ въ лѣсу Т., пришелъ въ большую ярость, приказалъ ему немедленно удалиться изъ его владѣній и замахнулся на него плетью, но вдругъ рука у него онѣмѣла и осталась неподвижной вмѣстѣ съ плетью. Пораженный этимъ чудомъ князь просилъ у преподобнаго прощенія и обѣщалъ сдѣлать пожертвованіе на построеніе обители. Вскорѣ вѣсти о жизни Т. стали доходить до окрестнаго населенія, и съ нимъ стали селиться. Тогда была основана на берегу рѣки Вепрейки обитель въ честь успенья Божьей Матери; Т. по предложенію братіи принялъ санъ игумена. По монастырскому преданію онъ скончался въ глубокой старости схимникомъ, какъ онъ записанъ въ синодикѣ Лаврентіева монастыря, гдѣ имя его поставлено волѣдъ за именемъ Лаврентія. Годъ его смерти, 1492, достовѣрно опредѣленъ по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Московской духовной академіи (подъ № 509), писанной въ XVII вѣкѣ; рукопись эта содержитъ подробное перечисленіе святыхъ россійской церкви, составленное, какъ видно изъ предисловія, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Въ ней сказано: «Преподобный Тихонъ, иже бысть на Оцѣ рѣки, преставися въ лѣто 7000 (1492)». Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви обители Преображенія Господня; на нихъ, какъ разсказывается въ разныхъ житіяхъ этого святого, совершилось много чудесныхъ исцѣленій. Изъ вкладной книги Тихоновой обители 1666 г., списанной дословно съ прежней, видно, что уже въ 1580 г. Т. именовался преподобнымъ. Память его празднуется 16 іюня. Въ честь его составлена полная служба: стихири, канонъ и акаѳистъ; служба утверждена въ 1805 г. епископомъ калужскимъ Ѳеофилактомъ. Въ иконописномъ подлинникѣ сказано: «Преподобный отецъ нашъ Тихонъ, начальникъ монастыря Богородицына, иже на Калугѣ; подобіемъ надсѣдъ, брада яки Власіева, ризы преподобническія и въ схимѣ».

„Преподобный Тихонъ, основатель Тихоновой, пустыни калужскій чудотворецъ“, Ка-

луга 1874, 2-е изд. 1887.—„Словарь историческій о святыхъ россійской церкви“, Спб. 1862, 2-е изд., стр. 229.—Ф. А. Ч. (Филаретъ), „Русскіе святые“, Черниговъ 1863, мѣс. іюнь, стр. 97—98.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. VI, стр. 401.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 585.—Н. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, Спб. 1882, стр. 560.—„Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1862, кн. 2, стр. 46—48.—„Калужскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1867, №№ 20 и 21; 1871, №№ 7, 8 и 11; 1874, №№ 8 и 9.—В. П. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 г.г.“, Спб. 1882, т. III, стр. 33, № 27110; стр. 51—52, №№ 27745, 27746.—Игнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“, ч. I.—Преосвящен. Сергій, „Мѣсяцесловъ Вѣстника“, 1875—76, прилож. къ II ч., стр. 200, ч. I, стр. 161.—Софія Дестунисъ, „Житія святыхъ“, Спб. 1891, мѣс. іюль, стр. 65.—„Душеполезное Чтеніе“, 1887, ч. III, стр. 161—166.

Тихонъ, святой Луховскій, въ мірѣ *Тимоѳей*, жилъ въ XV вѣкѣ, родился въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго, гдѣ нѣкоторое время былъ на военной службѣ. Въ 1452 г. переселился изъ Вильны въ Москву, жилъ здѣсь въ различныхъ монастыряхъ и въ одномъ изъ нихъ принялъ постриженіе. Вскорѣ затѣмъ удалился на рѣку Луху, гдѣ находились владѣнія князя Ѳ. Бѣльскаго. Т. выпросилъ у него небольшой участокъ земли въ урочищѣ Копытовкѣ и поставилъ себѣ тамъ келью. Черезъ нѣкоторое время къ нему присоединились два инока, Фотій и Герасимъ. Втроемъ они переселились на болѣе удобное мѣсто за 3 версты отъ Копытовки. Т. искусно писалъ книги и былъ хорошимъ токаремъ; плоды своихъ трудовъ, какъ и трудовъ учениковъ, онъ продавалъ, и это давало инокамъ средства къ существованію. Т. отказался принять священническій санъ и до самой своей смерти остался простымъ монахомъ. Умеръ 16 іюня 1503 г. У П. Строева и нѣкоторыхъ другихъ годомъ его смерти показанъ 1492 й, но, какъ указываетъ митр. Филаретъ, это ошибка: въ 1492 г. умеръ Т. Медынскій, тоже 16 іюня. Въ житіи Т., составленномъ Филаретомъ, говорится, что «бѣдность старца и учениковъ его была такъ велика, что ученики не знали, въ чемъ положить честное тѣло умершаго подвижника; къ утѣшенію неожиданно суздальскій епископъ прислалъ для старца свитку», и въ ней его похоронили. На мѣстѣ, гдѣ жилъ Т., выстроена была обитель въ честь св. Николая, названная Крестовоздвиженской Николаевской Тихоновой пустынью. Время постройки этой обители въ точности неизвѣстно: по однимъ свѣдѣніямъ—вскорѣ послѣ смерти Т., по другимъ—еще имъ самимъ. Мощи Т. открыты въ 1569 г. Въ «Житіяхъ святыхъ» говорится, что къ тому времени на его гробѣ стали совершаться исцѣленія; мощи оказались нетлѣнными. Однако, какъ сказано въ житіи Т., «игуменъ, поставившій ихъ поверхъ земли, былъ пораженъ слѣпотой и получилъ прозрѣніе тогда, когда онѣ опять сокрыты были подъ землю». Въ житіи его говорится о 70 посмертныхъ чудесахъ; составлено оно въ 1649 г. на основаніи преданій, сохранившихся въ обители; чудеса же извлечены изъ памятныхъ монастырскихъ книгъ, въ которыхъ они записывались со времени обрѣтенія мощей Т. Память его празднуется мѣстно 16 іюня.

Н. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, Спб. 1882, стр. 559.—„Словарь историческій о святыхъ“, Спб. 1862, 2-е изд., стр. 229.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 858.—Ф. А. Ч. (Филаретъ), „Русскіе святые“, Черниговъ 1863, іюнь, стр. 94—97.—В. Ключевскій, „Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ“, Москва 1871, стр. 330—331.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 304; т. VI, стр. 400.—П. Строевъ, „Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ Ѳ. А. Толстого“, Москва 1829, ч. 3, № 85.—„Описаніе Луховскаго монастыря“, Москва 1836, стр. 76, 91.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, т. III, стр. 33, № 27136; стр. 36, № 27341.—Сергій, „Мѣсяцесловъ Востока“, Москва 1876, т. II, ч. 1, стр. 16.—Софія Дестунисъ, „Житія святыхъ“, Спб. 1891, іюль, стр. 65.—Игнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“, Спб. 1875, ч. 1.

Тихонъ, епископъ коломенскій съ 1520 г., въ 1515 г. опредѣленъ былъ игуменомъ въ Кирилло-Бѣлозерскій, Новгородской епархіи, монастырь, а въ 1517 г. переведенъ игуменомъ же въ Николаевскій Угрѣшскій, Московской епархіи, монастырь. 28 февраля 1520 г. Т. рукоположенъ былъ во епископа коломенскаго. Его имя встрѣчается въ поручной грамотѣ, данной въ 1522 г. княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ о бытіи ему въ вѣрности у своего государя.

„Историческій очеркъ Николаевскаго Угрѣшскаго общежит. монастыря“, Москва 1872 стр. 5, 24, 97 и 110.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россій-

ской церкви", Спб. 1877, стр. 55, 205 и 1030.—, Амвросій, „Исторія россійской іерархіи", Москва 1807—1815, т. I, стр. 245; т. IV, стр. 497.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго", Спб. 1819, т. VII, примѣч. 383.—„Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ", Спб. 1813—1824, ч. I, стр. 414.

Тихонъ, до постриженія князь *Тимоѳей Ивановичъ Хворостининъ*, архіепископъ казанскій и свіяжскій; съ 1572 г. состоялъ игуменомъ Николаевскаго Угрѣшскаго, Московской епархіи, монастыря; въ 1573 г. переведенъ былъ въ Успенскій Іосифовъ той же епархіи монастырь, а 5 іюля 1575 г. рукоположенъ во архіепископа казанскаго и свіяжскаго. Т. присутствовалъ на соборѣ 1572 г., созванномъ въ Москвѣ для сужденія о желаніи Іоанна IV вступить въ четвертый бракъ, и подписался подъ разрѣшительной грамотой, данной царю. Въ первомъ степенномъ спискѣ, составленномъ тѣмъ же соборомъ, Т. имѣлъ тринадцатую степень, но подъ соборнымъ дѣяніемъ подписался одиннадцатымъ. Скончался 14 іюня 1576 г. и погребенъ въ Троицкомъ казанскомъ монастырѣ; 15 ноября 1700 г. тѣло его перенесено было въ соборный храмъ. Имя его безъ обозначенія года внесено въ синодикъ Угрѣшскаго монастыря.

„Историческій очеркъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря", Москва 1872, стр. 5, 24 98, 110, 121.—Д. Б., „Угрѣша, историческій, очеркъ", Москва 1875.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи", Москва 1807—1815, т. I, стр. 98; т. VI, стр. 977.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 182, 205 и 287.—Древняя Россійская Вивліоѳика", Москва 1791, ч. VIII, стр. 108.

Тихонъ, игуменъ Угрѣшскаго Николаевскаго, Московской епархіи, монастыря съ 1590 до 1599 г. Упоминается въ подтвердительной подписи, сдѣланной Годуновымъ 2 марта 1599 г. на безпошлинной грамотѣ Угрѣшскому монастырю 1567 г.; въ августѣ 1598 г. подписался подъ второй избирательной грамотой, которой Борисъ Годуновъ избранъ былъ на царство.

„Историческій очеркъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря", Москва 1872, стр. 25, 98; прилож. стр. 20, 21.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви"; Спб. 1877, стр. 206.—„Акты Историческіе", ч. II, стр. 142.

Тихонъ, игуменъ БѣлопесецкагоТроицкаго, Московской епархіи, монастыря съ 1617 до 1630 г.; въ апрѣлѣ 1630 г. возведенъ былъ въ санъ архимандрита и переведенъ настоятелемъ Новоспасскаго Московскаго монастыря. Въ монашество Т. постриженъ былъ въ Старицкомъ Богородичномъ монастырѣ и, вѣроятно, былъ собесѣдникомъ препод. Діонисія Радонежскаго, постриженнаго въ этомъ же монастырѣ.

„Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія", 1870, кн. 11, стр. 105—106.—И. Снегиревъ „Новоспасскій Ставропигіальный монастырь въ Москвѣ", Москва 1863.—„Историческое описаніе Серпуховскаго Владычнаго монастыря", Москва 1866, стр. 135—137.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 143 и 219.

Тихонъ, архимандритъ Ипатьевскаго, Костромской епархіи, монастыря, по «Спискамъ» Строева съ 1653 до 1663 г., а по исторіи монастыря съ 1655 до 1661 г. Т. присутствовалъ на соборѣ святителей, созванномъ для исправленія богослужебныхъ книгъ.

П. Островскій, „Историко-статистическое описаніе Костромского Ипатьевскаго монастыря", Кострома 1870, стр. 112.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 853.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи", Москва 1807—1815, т. II, стр. 657.

Тихонъ, строитель Туруханскаго Троицкаго, Тобольской епархіи, монастыря съ 1660 до 1682 г., въ мірѣ *Тимоѳей*, родился въ Устюгѣ Великомъ въ семьѣ священника. 42 лѣтъ отъ роду поселился въ Енисейскѣ, гдѣ занимался дѣланіемъ восковыхъ свѣчъ. Въ 1656 г. вступилъ въ число иноковъ Спасскаго Енисейскаго монастыря и въ томъ же году, при игуменѣ Леонидѣ, постригся въ монашество. Стремясь къ отшельнической жизни, Т. вмѣстѣ съ другимъ монахомъ, Діонисіемъ, отправился въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ Енисею въ Туруханскій край. Прибывъ туда весною 1757 г., онъ поселился при устьѣ рѣки Нижне-Тунгузки, близъ г. Мангазеи, и основалъ здѣсь пустынь. Вскорѣ къ Т. и Діонисію стали присоединяться другіе монахи, такъ что къ 1660 г. составилось довольно многочисленное братство. Тогда Т. обратился съ ходатайствомъ къ архіепископу тобольскому и сибирскому Симеону о разрѣшеніи построить церковь во имя св. Троицы и о возведеніи пустыни на

степень монастыря. Ходатайство это было удовлетворено, и въ томъ же году была построена церковь; монастырь сталъ именоваться Троицкимъ. Т. возведенъ былъ въ санъ іеромонаха и сдѣланъ настоятелемъ вновь открытаго монастыря. Въ мартѣ 1670 г. Т. поручено было освидѣтельствованіе мощей препод. Василія Мангазейскаго. Скончался Т. 24 іюля 1682 г., до самой своей смерти живя въ основанномъ имъ монастырѣ въ качествѣ настоятеля.

Н. Абрамовъ, „Блаженный Тихонъ, строитель Туруханско-Троицкаго монастыря", „Странникъ", 1866, № 12, стр. 104—111.—Амвросій, „Исторія россійской іерархіи", Москва 1807—1815, т. VI, стр. 461.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 326.

Тихонъ, игуменъ Жабынской, Тульской епархіи, Введенской пустыни, съ 1710 до 1722 г., архимандритъ Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго, той же епархіи, монастыря съ 1722 до 1738 г., изъ постриженцевъ Жабынской Введенской пустыни; былъ въ санѣ іеродіакона въ 1792 г. ризничимъ крутицкаго архіерейскаго дома при митрополитѣ Иларіонѣ. Въ 1707 г. назначенъ былъ для возстановленія Введенской пустыни, причемъ возведенъ былъ въ санъ игумена. Пустынь эта была очень бѣдная, не имѣла ни угодьевъ, ни вотчинъ и для поддержанія ея, ему разрѣшено было перенести во ввѣренную ему обитель изъ села Озерска мѣстночтимую икону Знаменія Божіей Матери. За время настоятельства Т. обитель была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; ему удалось собрать въ нее до 40 человѣкъ братіи, чего до него никогда не было. На средства благотворителей онъ воздвигнулъ при пустыни каменную церковь. Чтобы матеріально обезпечить Введенскую пустынь, Т. ходатайствовалъ о разрѣшеніи устроить близъ нея ярмарку, что и было удовлетворено въ 1717 г., причемъ ярмаркѣ этой дарованы были разныя льготы, право безпошлинной торговли; неизвѣстно, однако, пришлось ли Т. воспользоваться полученнымъ имъ разрѣшеніемъ. При немъ введенъ былъ второй синодикъ съ вкладной книгой. Т. послалъ также челобитную Петру I о приписке къ пустыни окружныхъ деревень и угодьевъ, но, прежде чѣмъ челобитная эта была разсмотрѣна, Т. переведенъ былъ въ 1722 г. настоятелемъ Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, причемъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита; Введенскую же пустынь рѣшено было упразднить. Ходатайства Т. объ отмѣнѣ этого рѣшенія лишь отсрочили нѣсколько упраздненіе пустыни. Настоятелемъ Бѣлевскаго монастыря Т. состоялъ до 1738 г., когда ушелъ на покой, оставаясь въ этомъ же монастырѣ.

А. Л., „Историко-статистич. описаніе Бѣлевской Жабынской Введенской пустыни", Тула 1865, стр. 21, 23—27, 30—37, 79, 81, 93, 94, 97, 98, 102, 119, 120, 122—123.—„Тульскія Епархіальныя Вѣдомости", 1865, № 11, 14—23.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 790 и 794.

Тихонъ, архимандритъ Дмитровско-Борисоглѣбскаго и Ново-Голутвинскаго Троицкаго монастырей, сынъ священника Тамбовской епархіи, въ мірѣ именовался *Тимоѳеемъ Ѳеодоровичемъ Углянскимъ*. Сначала воспитывался въ Тамбовской семинаріи, гдѣ пробылъ до перваго года богословскаго класса. По опредѣленію Московскаго академическаго правленія Т. съ половины богословскаго курса посланъ былъ въ Казанскую семинарію для обученія тамъ татарскому языку. Въ 1822 г. онъ окончилъ семинарскій курсъ, послѣ чего опредѣленъ былъ въ Тамбовское уѣздное училище преподавателемъ татарскаго языка; въ 1823 г. Т. былъ переведенъ въ Лебедянь на должность инспектора духовныхъ училищъ и преподавателя латинскаго языка, пространнаго катехизиса и географіи. Въ 1826 г. его вторично назначили въ Тамбовское уѣздное училище. Въ 1828 г. онъ постриженъ былъ въ монашество и получилъ священническую степень. Въ 1829 году Т., продолжая преподаваніе въ уѣздномъ училищѣ, занялъ мѣсто учителя татарскаго языка въ Тамбовской семинаріи. Въ 1831 г. назначенъ былъ на должность инспектора уѣзднаго училища и присутствующимъ членомъ въ мѣстное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, а также награжденъ набедренникомъ. Въ 1833 г. его перемѣстили въ Московскую епархію, гдѣ онъ продолжалъ свою педагогическую дѣятельность въ качествѣ смотрителя сначала звенигородскихъ, затѣмъ перервинскихъ и, наконецъ, дмитровскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1835 году Т. во вниманіе къ его заслугамъ возведенъ былъ

въ санъ архимандрита съ назначеніемъ на должность настоятеля Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря и присутствующаго въ духовномъ правленіи. Здѣсь онъ оставался до 1846 г., когда перемѣщенъ былъ въ Коломенскій Ново-Голутвинскій Троицкій монастырь, причемъ и здѣсь присутствовалъ въ духовномъ правленіи; въ этой должности оставался до самой смерти, которая послѣдовала 7 февраля 1871 г.

„Московскія Епархіальныя Вѣд.“, 1871, № 7; № 13, стр. 126—128.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, стр. 390, № 24088. — П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 187 и 202.

Тихорскій, *Ѳома Трофимовичъ*, статскій совѣтникъ, докторъ медицины, членъ медицинской коллегіи, сынъ казака Переяславскаго полка, Домантовской сотни, род. въ 1733 г. въ Переяславлѣ-Кіевскомъ. Учился въ Кіевской духовной академіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ 1756 г. въ Петербургское генеральное адмиралтейское госпитальное училище. Въ 1758 г. получилъ званіе подлѣкаря, а въ 1760—лѣкаря. По указу сената онъ, вмѣстѣ съ другими, отправленъ былъ для пополненія образованія въ 1761 г. въ Лейденскую академію, гдѣ 20 сентября 1765 г. получилъ степень доктора медицины за представленную имъ диссертацію «De vera sive proxima causa podagrae“. По возвращеніи въ Россію подвергнутъ былъ въ январѣ 1766 г. экзамену при медицинской коллегіи, по которому признанъ былъ докторомъ медицины. Затѣмъ его назначили преподавателемъ матеріи-медики, а съ 1767 г. также и практики медической въ обоихъ госпиталяхъ Петербурга. Съ 1770 г. состоялъ исполняющимъ должность старшаго доктора, а съ 1775—старшимъ докторомъ адмиралтейскаго госпиталя. Въ 1776 г. переведенъ старшимъ докторомъ въ Петербургскій генеральный госпиталь, продолжая преподавать практику медическую. По нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ преподавалъ также и фармакологію. Съ 1779 по 1799 г. состоялъ членомъ медицинской коллегіи. Въ 1804 г. назначенъ былъ членомъ медицинскаго совѣта московской полиціи, а въ 1806 г. уволенъ въ отставку. Т. былъ членомъ Петербургской академіи наукъ, медико-хирургической академіи и многихъ ученыхъ обществъ. Умеръ въ Петербургѣ 2 февраля 1814 г.

„Всеобщій Журн. Врачебной Науки“, 1816, № 1.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 130. — В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, Москва 1820, ч. III, стр. 496.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. 157, 163; ч. II, стр. CCCX.—Митр. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, Москва 1845, ч. II, стр. 209—210.—Н. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, Спб. 1772, стр. 227.

Тишбейнъ, *Людвикъ-Филиппъ*, живописецъ и архитекторъ, строитель Большого театра въ Петербургѣ, родился 15 августа 1744 г., происходилъ изъ нѣмецкой семьи, въ которой было много художниковъ. Обучался у своего дяди, въ Гамбургѣ, а потомъ совершенствовался въ Италіи. Въ 1773 г. пріѣхалъ въ Россію и занимался писаніемъ декорацій въ Петербургѣ. Въ 1782 г. ему поручено было построеніе Большого театра. Театръ строился по плану Т., подъ главнымъ надзоромъ инженера Бауэра. Екатерина II особенно интересовалась новой постройкой и часто совѣтовалась съ Т. насчетъ подробностей, главнымъ образомъ внутренняго устройства. Театръ этотъ отличался многими примѣчательными особенностями: императорская ложа расположена была въ центрѣ амфитеатра, и отъ нея въ обѣ стороны шли особыя мѣста съ повышенной платой, въ нѣсколько рядовъ; надъ императорской ложей кругомъ расположенъ былъ партеръ, а вокругъ него устроенъ былъ рядъ ложъ. Театръ законченъ былъ въ 1783 г. Въ 1803 году фасадъ его былъ перестроенъ архитекторомъ Томономъ; вскорѣ затѣмъ онъ сгорѣлъ. Т. написалъ также и занавѣсъ для построеннаго имъ театра, Умеръ Т. въ Петербургѣ 27-го мая 1806 г. Въ Царскосельскомъ дворцѣ хранятся дѣтскіе портреты великихъ князей Николая и Михаила Павловичей съ подписью Тишбейнъ, но едва ли подпись принадлежитъ этому Т.

E. Michele, „Les Tichbein“, Lion 1881.—„Тишбейнъ и Томонъ, зодчіе Большого каменнаго театра“, „Художественная Газета“, 1837, № 3, стр. 50—51.—Ив. Пушкаревъ, „Описаніе С.-Петербурга и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи“, Спб. 1884, ч. III, стр. 120.—Пименъ Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, Спб. 1861, стр. 89.—„Русская Старина“, 1870, т. II, стр. 199.—„Русская Талія“, изданіе Ѳ. Булгакова, Спб. 1825, стр. IX, 15 примѣч.—„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона, 1-е изд., полут. 7, стр. 334, слово „Большой театръ"; полут. 66, стр. 48, слово „Томонъ". — Brockhaus „Connersations Lexikon", Leipzig 1886, 13. Auflage, Bd. 15, 713. — Александръ Бенуа, „Русская школа живописи", Спб. 1904, вып. II, стр. 17.

Тишевскій, *Андрей Ларіоновичъ*, генералъ-маіоръ, оберъ-экипажмейстеръ, родился въ 1727 г., умеръ 2 іюня 1812 г.; образованіе получилъ въ морской академіи, куда поступилъ въ іюнѣ 1741 г.; черезъ два года произведенный въ гардемарины и еще черезъ годъ—въ мичманы, началъ практическія плаванія на кораблѣ «Слава Россіи», который ходилъ между Кронштадтомъ и Красной Горкой; въ 1745—1746 гг. участвовалъ въ работахъ по прокладкѣ вѣхъ отъ Кронштадта до Дагерорда, въ 1747—1750 гг. находился въ кампаніяхъ на Балтійскомъ морѣ и совершилъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Повышенный въ мичманы, онъ былъ переведенъ въ береговую команду Архангельскаго порта, гдѣ въ слѣдующемъ чинѣ унтеръ-лейтенанта (съ 1751 г.) командовалъ брандвахтеннымъ судномъ «Зосима и Савватій» до 1754 г., когда возвратился въ Кронштадтъ, откуда въ теченіе ближайшихъ лѣтъ на фрегатѣ «Россія» совершалъ обычныя плаванія, преимущественно въ водахъ Балтійскаго моря. Въ 1762 г. Т. въ чинѣ лейтенанта (съ 1756 г.) участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и вслѣдъ за этимъ былъ назначенъ въ береговую команду Ревельскаго порта. 20 апрѣля 1764 г. онъ получилъ чинъ капитана 2-го ранга и въ командованіе корабль «Нептунъ», на которомъ въ составѣ остального флота подъ штандартомъ Императрицы Екатерины II плавалъ отъ Кронштадта до Балтійскаго порта, а въ теченіе 1765—1768 гг. присутствовалъ сначала въ морской адмиралтейской конторѣ, затѣмъ въ интендантской экспедиціи по экипажному департаменту. 4 іюня 1769 г. Т. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и отправленъ въ Азовскую флотилію, откуда въ слѣдующемъ году ѣздилъ въ командировку сначала въ Борисоглѣбскій уѣздъ для заготовки «вѣтвистыхъ деревъ» на постройку фрегатовъ, затѣмъ на р. Хоперъ съ цѣлью пріискать подходящее мѣсто для устройства верфи, гдѣ можно было бы сооружать фрегаты. Мѣсто было отыскано, верфь возведена, и уже въ 1771 г. Т. провелъ въ Таганрогъ два построенныхъ тамъ фрегата, послѣ чего былъ назначенъ начальникомъ верфи на Хоперѣ и завѣдующимъ проводкою новопостроенныхъ судовъ. Въ іюлѣ 1776 г. Т. былъ повышенъ въ капитаны бригадирскаго ранга одновременно съ назначеніемъ оберъ-экипажмейстеромъ, которымъ и оставался до самой отставки, послѣдовавшей 28 іюля 1782 г.,—причемъ за три года до этого, именно 1 января 1779 г., получилъ чинъ капитана генералъ-маіорскаго ранга, а въ генералъ-маіоры переименованъ при отставкѣ.

„Общій морской списокъ", ч. II, Спб. 1885, стр. 427—429.

Тишининъ, *Александръ Анфимовъ*, генералъ-маіоръ по полевой артиллеріи, сынъ флота капитанъ-лейтенанта, небогатаго дворянина Ярославской губерніи, за которымъ въ Рыбинскомъ и Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздахъ состояло всего 32 души, родился въ 1789 г. и, по окончаніи образованія во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенъ (1807) подпоручикомъ въ 21-ю артиллерійскую бригаду. Всю службу провелъ въ артиллеріи, переводясь безпрестанно изъ одной части въ другую: въ 1809 г. со своей ротой переведенъ въ 1-ю понтонную роту 5-й артиллерійской бригады; въ 1812 г. въ 14-ю артиллерійскую бригаду, въ которой за боевыя отличія получилъ чины поручика и штабсъ-капитана; въ 1814 г. въ 18-ю артиллерійскую бригаду; въ 1819 г. былъ командующимъ батарейной № 4 ротой въ 11-й артиллерійской бригадѣ; въ 1821 г., послѣ производства въ подполковники, снова переведенъ вмѣстѣ съ ротой въ 1-ю артиллерійскую бригаду. Въ 1824 г. Т. покинулъ строевую службу по болѣзни и былъ назначенъ командиромъ Ревельскаго артиллерійскаго гарнизона; въ 1836 г., въ чинѣ полковника (съ 1832), назначенъ командиромъ Петербургскаго арсенала; на этой должности произведенъ въ генералъ-маіоры (1841) и скончался въ 1844 г.

На второй годъ своей службы Т. получилъ боевое крещеніе въ Шведской войнѣ 1808—1809 г., а затѣмъ участвовалъ въ Отечественной и коалиціонной 1813 г. войнахъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и дѣлъ: 1808 г.—4 апрѣля при киркѣ Пихаіокѣ, 4 апрѣля при Сикаіокахъ (орденъ Владиміра 4-й степени); 1809 г.—20 іюня при киркѣ Лапо, 20 августа подъ командой

генералъ-лейтенанта Раевскаго при киркѣ Куртанэ, 13 сентября подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Каменскаго 2-го при д. Рацкалѣ; 1812 г.—7 августа при Смоленскъ, 24 августа при Шевардинѣ, 26 августа при Бородинѣ (золотая шпага съ надписью «За храбрость»), 6 октября при Тарутинѣ; 1813 г.—въ аріергардныхъ дѣлахъ 23, 24, 26, 27, 29 и 30 апрѣля подъ командой графа Милорадовича при отступленіи арміи къ Бауцену и отъ Люцена къ Дрездену; 8 и 9 мая при Бауценѣ.

Московское отдѣленіе Общаго Архива главнаго штаба, дѣло 3-го стола 3-го отдѣленія Инспекторскаго департамента военнаго министерства за 1844 годъ, № 1328, св. 1170.

Тишинъ, *Василій Григорьевичъ*, генералъ-маіоръ, инспекторъ военныхъ госпиталей, родился въ 1775 г. и одиннадцати лѣтъ отъ роду опредѣленъ на службу кадетомъ въ артиллерійскій шляхетскій кадетскій корпусъ; черезъ семь лѣтъ переведенъ былъ штыкъ-юнкеромъ въ 1-й канонирскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ войнѣ Россіи съ турками и польскими конфедератами, заслуживъ за храбрость при штурмѣ Праги золотой крестъ. Въ 1796 г. былъ произведенъ въ подпоручики и затѣмъ переводился послѣдовательно изъ одной части въ другую: въ баталіонъ Гербеля (1797), въ полкъ Рѣзваго (1800) и въ 3-й артиллерійскій баталіонъ; изъ послѣдней части былъ уволенъ (1803) отъ службы штабсъ-капитаномъ и пробылъ въ отставкѣ пять лѣтъ, потомъ снова поступилъ на службу въ Углицкій пѣхотный полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ военному министру. Въ этой должности проявилъ распорядительность и энергію при устройствѣ въ Финляндіи госпиталя и вербованіи на нашу службу шведовъ. Съ началомъ Отечественной войны зачисленный въ корпусъ графа Витгенштейна, выказалъ храбрость въ дѣлахъ при Полоцкѣ (18 окт.), при м. Чашникахъ и при с. Смолянахъ, за что былъ произведенъ въ маіоры и награжденъ орденомъ Анны 2-й степени. Кампанія 1813 г. дала ему возможность также проявить свои способности, и за отличіе въ дѣлахъ при Гамерно (24 марта), Пирнѣ (10 августа), Дрезденѣ (14 и 15 августа), Колендорфѣ, Кульмѣ, Петерсвальдѣ и въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ онъ былъ произведенъ въ подполковники, награжденъ золотой шпагой съ надписью «За храбрость» и орденомъ Анны 2-й степени съ алмазами; въ эту же кампанію состоялось его назначеніе и. д. директора госпиталей при арміи, благодаря его дѣятельности въ Финляндіи въ 1810 г. Въ кампаніи 1814 г. участвовалъ тоже въ нѣсколькихъ дѣлахъ, именно при Ножакъ (31 января), Баренадъ (15 февраля), д. Лабрюсель (19 февраля), Троа (20 февраля) и взятіи Парижа, за каковыя получилъ бантъ къ ордену св. Владиміра, прусскій орденъ «за достоинство» и Высочайшее благоволеніе; въ этомъ же году былъ переведенъ въ Селенгинскій пѣхотный полкъ и продолжалъ строевую службу до 1829 г., когда былъ назначенъ сперва состоять при главнокомандующемъ 2-й арміей, затѣмъ главнымъ смотрителемъ петербургскихъ и загородныхъ военныхъ госпиталей и въ 1830 г.—директоромъ военныхъ госпиталей дѣйствующей арміи; въ 1831 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и во время польскаго возстанія захваченъ въ плѣнъ, въ которомъ находился съ 25 августа по 18 сентября. Въ слѣдующемъ году вторично занялъ постъ главнаго смотрителя петербургскихъ и загородныхъ военныхъ госпиталей, а черезъ четыре года (12 апрѣля 1836 г.) былъ назначенъ инспекторомъ военныхъ госпиталей при военномъ министерствѣ, на каковой должности оставался до увольненія въ отставку 13 января 1847 г. Годъ смерти неизвѣстенъ.

Архивъ канцеляріи военнаго министерства, дѣла 1847 г., № 289.—„Адресъ-календарь“ на 1810 г. и на 1837 г.—Затворницкій, „Столѣтіе военнаго министерства“, т. II.—„Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи военнаго министерства съ 1802 до 1902 г. включительно“, стр. 475 и 476.

Тишкинъ, *Яковъ* (также *Тишковъ-Третьякъ*), дьякъ; въ 1531 г. при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ въ числѣ «государевыхъ» людей былъ отправленъ въ Новгородъ. На него и другихъ посланныхъ великаго князя возложена была обязанность установить въ Новгородѣ «судъ правый», для чего ими было избрано 48 человѣкъ изъ числа жителей города, были приняты мѣры противъ усиливавшихся грабежей и поджоговъ; въ числѣ другихъ мѣръ Т. установилъ «рѣшотки», т. е. рогатки, ночную стражу и пожарныхъ. Въ 1534 г. Т. находится на службѣ у

Юрія Іоанновича Дмитровскаго. Въ качествѣ дьяка этого князя онъ, если положиться на слова одного изъ варіантовъ лѣтописныхъ свѣдѣній о немъ, сыгралъ роковую роль въ жизни боярина Андрея Шуйскаго. По словамъ лѣтописи, Т. былъ посредникомъ при переговорахъ Юрія Іоанновича, дяди несовершеннолѣтняго Іоанна, съ Андреемъ Шуйскимъ. Цѣль этихъ переговоровъ была склонить на сторону Юрія Іоанновича, домогавшагося великокняжескаго престола, боярина Шуйскаго. Когда же партія Іоанна взяла перевѣсъ и усилились Глинскіе, Т. оклеветалъ Шуйскаго, который былъ арестованъ и сосланъ. Т. оправдался въ глазахъ Глинскихъ и остался служить. Въ описи царскаго архива (№ 289 за годы 1575—1584) есть указаніе, что въ ящикѣ 26 хранится «выпись Третьяка Тишкова на князя Андрея Шуйскаго»; этотъ документъ устанавливаетъ подлинность доноса Т. на Шуйскаго, въ которомъ сомнѣвается С. Соловьевъ.

Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“—С. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. III, стр. 60.—„Дополненія къ Актамъ Историч.“, т. I, стр. 27.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VIII, стр. 286.—„Акты Арх. Экспедиціи“, т. I, стр. 337.

Ткачевъ, *Петръ Никитичъ*, писатель по экономическимъ и политическимъ вопросамъ и литературный критикъ, редакторъ зарубежнаго журнала «Набатъ», родился въ 1844 г. въ Псковской губерніи, въ небогатой помѣщичьей семьѣ. Среднее образованіе получилъ во 2-й Петербургской гимназіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ 1861 г. на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Однако въ томъ же году онъ былъ арестованъ въ связи съ волненіями среди студентовъ и заключенъ въ Кронштадтскую крѣпость; вслѣдствіе этого ареста послѣдовало его увольненіе изъ университета. По окончаніи слѣдствія онъ былъ административнымъ порядкомъ высланъ въ Псковскую губернію, въ имѣніе матери на поруки. Здѣсь Т. готовился къ государственнымъ экзаменамъ по юридическому факультету, которые и сдалъ при университетѣ по возвращеніи въ Петербургъ, получивъ званіе кандидата правъ. 17 ноября 1862 г. онъ былъ вторично арестованъ въ связи съ дѣломъ студента Ольшевскаго и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, но вскорѣ былъ освобожденъ. Въ концѣ 1864 г. сенатъ призналъ недоказаннымъ обвиненіе Т. «въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ», но все же приговорилъ Т. къ заключенію въ крѣпость на 3 мѣсяца «за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ кому слѣдуетъ. И первый и второй арестъ Т. были результатомъ не прямого участія его въ революціонномъ движеніи начала 60-хъ годовъ, а личнаго знакомства съ нѣкоторыми революціонерами. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ подпольнаго движенія того времени, посвятивъ свои силы легальной публицистической дѣятельности. Писать Т. началъ очень рано; уже въ 1862 г. въ № 6 журнала «Время» помѣщена была его статья «О судѣ по преступленіямъ противъ законовъ печати». Въ періодъ съ 1862 по 1864 г. въ журналахъ «Время» и «Эпоха» помѣщались его статьи по разнымъ вопросамъ, касавшимся судебной реформы. Одновременно съ тѣмъ онъ сотрудничалъ также и въ «Библіотекѣ для Чтенія», издававшейся П. Б. Боборыкинымъ. Первоначально Т. писалъ по вопросамъ юридическаго характера. Таковы его статьи: «Тюрьма и различныя системы тюремнаго заключенія» («Эпоха», 1864, № 3; по поводу статей А. Ю. Миттермайера «О сословіи адвокатовъ» и «Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ») и «Тюрьма и различныя системы тюремнаго заключенія» («Библіотека для Чтенія», 1864, № 2). Но потомъ онъ сталъ посвящать свои статьи разработкѣ вопросовъ экономическихъ. Такъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія» имъ напечатаны за 1864 г.: «Русскій городъ» (№ 4—5) и «Статистическіе этюды. Бѣдность и благотворительность, преступленіе и наказаніе» (№№ 10 и 12). Когда «Библіотека для Чтенія» прекратила свое существованіе, Т. сталъ сотрудничать въ «Русскомъ Словѣ» Г. Е. Благосвѣтлова и въ замѣнившемъ его журналѣ «Дѣло». Его литературная дѣятельность не ограничивалась однѣми журнальными статьями; подъ его редакціей изданъ былъ учено-литературный сборникъ «Лучъ» (Спб. 1866) и сдѣланы переводы слѣдующихъ книгъ: «Судебныя ошибки» съ подзаголовкомъ «Посвящается присяжнымъ засѣдателямъ» (Спб. 1867); «Рабочій вопросъ въ его со-

временномъ значеніи и средства къ его разрѣшенію» соч. Э. Бехера (Спб. 1869—1871);«Исторія крестьянской войны въ Германіи» соч. В. Циммермана (Спб. 1865—1868; 2-е изд. Спб. 1872). 26 марта 1869 г. Т. былъ арестованъ въ третій разъ по обвиненію въ участіи въ заговорѣ Нечаева; ему приписывалось составленіе извѣстной прокламаціи «Къ обществу», выпущенной Нечаевской организаціей. Кромѣ того, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, онъ „независимо отъ участія въ заговорѣ преданъ суду еще по двумъ обвиненіямъ: 1) въ составленіи предисловія и примѣчаній противозаконнаго содержанія къ изданному подъ его редакціей переводу книги Эрнста Бехера подъ заглавіемъ «Рабочій вопросъ»; 2) въ напечатаніи статьи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ «Психологическіе этюды» въ изданномъ имъ сборникѣ «Лучъ». Осталось невыясненнымъ, насколько близко было участіе Т. въ организаціи Нечаева, но во всякомъ случаѣ онъ не стоялъ въ сторонѣ отъ нея, а прокламація «Къ обществу» была дѣйствительно составлена имъ. Послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія сенатъ приговорилъ его къ 2 годамъ крѣпости. По освобожденіи, въ началѣ 1873 г., онъ высланъ былъ административно въ Великіе Луки, Псковской губ. Т. опять возобновилъ свою журнальную дѣятельность, сотрудничая въ «Дѣлѣ», но уже не подъ своей фамиліей, а подъ псевдонимами: П. Н. Ніоновъ, П. Н. Постный, П. Никитинъ, П. Грачіоли, П. Гр-ли, Все тотъ же. По общему признанію историковъ литературы и общественнаго движенія въ Россіи, Т. обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ; статьи его написаны живо и увлекательно и отличаются строгой послѣдовательностью. Если онъ мѣстами не договаривалъ до конца, то это объясняется цензурными условіями времени. Въ своихъ статьяхъ Т. проводилъ ту мысль, что всѣ стороны общественной жизни, право, мораль, всѣ завоеванія культуры и темныя стороны человѣческаго общежитія обусловливаются экономическою жизнью общества; онъ доказывалъ, что въ историческомъ процессѣ развитія господствуетъ опредѣленная, строгая закономѣрность, и отрицалъ «гармонію интересовъ», проповѣдывавшуюся классической школой экономистовъ, утверждая, что въ сферѣ экономической жизни общества господствуетъ эксплоатація экономически слабыхъ сильными. «Вотъ въ чемъ состоитъ эта гармонія,—говорится въ его рецензіи на книгу Адама Смита «О богатствѣ народовъ»:—своекорыстіе однихъ обуздывается голодомъ, своекорыстіе другихъ—границей минимума человѣческихъ потребностей» («Дѣло», 1868, № 3, отд. II, стр. 77). Т. считаютъ сторонникомъ и первымъ проповѣдникомъ ученія Карла Маркса, однако въ его изложеніи доктрина эта носитъ упрощенный характеръ. Т. много работалъ надъ статистикой экономической и населенія и умѣло обращался съ цифровымъ матеріаломъ, несмотря на крайнюю скудость его въ то время. Но большая часть статей его посвящены литературной критикѣ. У него не было опредѣленно выработанныхъ литературныхъ взглядовъ: съ одной стороны, онъ защищалъ реализмъ въ искусствѣ въ Писаревскомъ смыслѣ, а съ другой—упрекалъ И. С. Тургенева въ томъ, что онъ недостаточно эстетикъ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ удѣлялъ больше вниманія анализу затронутыхъ разбираемымъ произведеніемъ общественныхъ явленій, чѣмъ разбору его литературнаго достоинства. По цензурнымъ условіямъ времени, говорить о вопросахъ общественнаго характера почти только и можно было въ статьяхъ, посвященныхъ внѣшнимъ образомъ критикѣ литературныхъ явленій; къ этой формѣ прибѣгали и Чернышевскій, и Добролюбовъ, ею же пользовался и Т. Въ своихъ статьяхъ онъ боролся съ мѣщанствомъ и консерватизмомъ, рисовалъ пути къ лучшему будущему человѣчества. Провозвѣстниковъ въ литературѣ и сторонниковъ на практикѣ такихъ идеаловъ онъ называлъ «людьми будущаго». «Для людей будущаго,—говоритъ онъ,—осуществленіе извѣстныхъ хорошихъ идей, роковою необходимостью выработанныхъ нашей цивилизаціей, составляетъ единственную цѣль и наслажденіе въ жизни». Къ противникамъ онъ относился рѣзко и нетерпимо: его полемика всегда носила характеръ кровный и страстный.

Не имѣя возможности полностью развить свои взгляды въ легальной прессѣ Т. въ концѣ 1873 года эмигрировалъ при содѣйствіи М. И. Куприанова и другихъ, за границу и поселился въ Женевѣ. Здѣсь онъ сначала сотрудничалъ

въ журналѣ «Впередъ», но вскорѣ прекратилъ сотрудничество вслѣдствіе расхожденій во взглядахъ съ редакторомъ журнала П. Лавровымъ. Выходъ его изъ журнала ознаменовался брошюрой, написанной имъ противъ П. Лаврова; въ ней онъ нападалъ на послѣдняго съ не меньшей рѣзкостью и отрицаніемъ, съ какими раньше относился въ «Русскомъ Словѣ» къ писателямъ, не сходившимся съ направленіемъ этого журнала. Рѣзкость брошюры произвела дурное впечатлѣніе на читателей зарубежной печати и сразу поставила Т. въ изолированное положеніе. Въ ноябрѣ 1875 г. онъ основалъ свой собственный органъ «Набатъ», въ сотрудничествѣ съ Турскимъ, Лакіеромъ, Григорьевымъ и Молчановымъ. По своимъ воззрѣніямъ, нашедшимъ свое отраженіе въ «Набатѣ», Т. занялъ обособленное положеніе среди литературныхъ выразителей различныхъ теченій въ русскомъ революціонномъ мірѣ 70-хъ годовъ. Его взгляды довольно точно охарактеризованы данной ему кличкой «русскаго якобинца»; онъ былъ сторонникъ захвата государственной власти и декретированія затѣмъ извѣстныхъ пунктовъ программы. Поэтому онъ расходился и съ лѣвыми своими сосѣдями, напр. Бакунинымъ, который, какъ анархистъ, отрицалъ всякое государство и всякую власть, и съ правыми, какъ Лавровъ, бывшій за умѣренный образъ дѣйствія. Въ дальнѣйшемъ Т. рисовалась народная дума, которая постепенно преобразуетъ современный общественный строй въ соціалистическій путемъ видоизмѣненія крестьянской общины въ коммуну (въ каковомъ пунктѣ сближался съ народниками), введенія учрежденій, устраняющихъ потребность въ частномъ посредничествѣ при обмѣнѣ, постепеннаго обобществленія орудій производства, путемъ общественнаго воспитанія въ духѣ лозунговъ французской революціи, уничтоженія родительской власти, развитія общиннаго самоуправленія и умаленія функцій центральной власти. Сторонниковъ въ революціонной средѣ Т. имѣлъ мало. Успѣхи террора въ Россіи и рѣзкій поворотъ въ сторону политической борьбы къ концу 70-хъ годовъ создали нѣсколько болѣе благопріятную почву для пропаганды идей «Набата». Въ своихъ статьяхъ этого времени Т. признавалъ терроръ, какъ пріемъ борьбы, но статьи его носили такой кровожадный, упрощенный до вульгарности характеръ, что сами террористы протестовали противъ направленія «Набата». Осенью 1880 г. Т. сдѣлалъ попытку перенести изданіе «Набата» въ Петербургъ, но тотчасъ же по прибытіи туда типографіи она была арестована. Изданіе «Набата», существованіе котораго и до того съ трудомъ поддерживалось его немногочисленными сторонниками, прекратилось. Т. въ томъ же году уѣхалъ въ Парижъ; въ революціонномъ мірѣ онъ уже не пользовался никакимъ вліяніемъ. Въ Парижѣ онъ въ 1882 г. заболѣлъ психически и остатки своей жизни провелъ въ парижскомъ пріютѣ для душевно-больныхъ St. Anne. Здѣсь Т. и умеръ 23 декабря 1885 г.

Во время своего пребыванія за границей Т. продолжалъ сотрудничать въ «Дѣлѣ». Имъ помѣщены были въ этомъ журналѣ слѣдующія статьи: за 1867 г.—«Производительныя силы Россіи. Статистическіе очерки» (№№ 2, 3 и 4); «Новыя книги» (№№ 7, 8, 9, 11 и 12); «Нѣмецкіе идеалисты и филистеры» (по поводу книги Шерра «Deutsche Cultur und Sittegeschichte», №№ 10, 11, 12); за 1868 г.: «Люди будущаго и герои мѣщанства» (по поводу романовъ Шпильгагена, Джоржъ Элліотъ, Жоржъ Зандъ, Андре Лео; №№ 4 и 5); «Подрастающія силы» (о романахъ В. А. Слѣпцова, Марко-Вовчка, М. А. Авдѣева; №№ 9 и 10); «Разбитыя иллюзіи» (о романахъ Рѣшетникова; №№ 11 и 12); за 1872 г.: «Недодуманныядумы» (о сочиненіяхъ Н. Успенскаго; № 1); «Неподкрашенная старина» (о романѣ Н. Станицкаго «Три страны свѣта»; №№ 11 и 12); «Недоконченные люди» (о романѣ Кущевскаго «Николай Негоревъ»; № 2—3); «Невинныя замѣтки» (о повѣсти «Вешнія воды» И. С. Тургенева; № 1); «Статистическія примѣчанія къ теоріи прогресса» (№ 3); «Спасенные и спасающіеся» (по поводу романа Боборыкина «Солидныя добродѣтели»; № 10); за 1873 г. «Статистическіе очерки Россіи» (№№ 1, 4, 5, 7 и 10); «Тенденціозный романъ» (по поводу собранія сочиненій А. Михайлова - Шеллера; №№ 2, 6 и 7); «Больные люди» (о «Бѣсахъ» Ѳ. М. Достоевскаго; №№ 3 и 4); «Тюрьма и ея принципы» (№№ 6 и 8); за 1874 г.: «Ташкентскіе рыцари» (по поводу повѣстей и разсказовъ Н. Каразина; № 11); за

1875 г.: «Научная хроника» (№ 1); «Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики» (о сочиненіяхъ Кущевскаго, Глѣба Успенскаго, Боборыкина, С. Смирновой; №№ 3, 5 и 7); «Роль мысли въ исторіи» (по поводу «Опыта исторіи мысли» П. Миртова, №№ 9, 12); за 1876 г.: «О почвенникахъ новѣйшей формаціи» (о газетахъ «Молва» и «Недѣля»; № 2); «Литературное поппури» (о романахъ «Два міра» Алѣевой, «Въ глуши» Марко-Вовчка, «Подростокъ» Ѳ. М. Достоевскаго и «Сила характера» С. Смирновой; №№ 4, 5 и 6); «Французское общество конца XVIII вѣка» (по поводу книги Тэна; №№ 3, 5, 7); «Поможетъ ли намъ мелкій кредитъ?» (№ 12); за 1877 г.: «Идеалистъ мѣщанства» (по поводу сочиненій Авдѣева; № 1); «Уравновѣшенныя души» (по поводу романа Тургенева «Новь»; №№ 2, 3, 4); «О пользѣ философіи» (по поводу сочиненій А. А. Козлова и В. В. Лесевича; № 5); «Эдгардъ Кине. Критико-біографическій очеркъ» (№ 6—7); за 1878 г.: «Безобидная сатира» (о книгѣ Щедрина-Салтыкова «Въ средѣ умѣренности и аккуратности»; № 1); «Салонное художество» (о романѣ графа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»; №№ 2, 4); «Кладези мудрости россійскихъ философовъ» (по поводу «Писемъ о научной философіи» В. В. Лесевича; №№ 10 и 11); «Литературныя мелочи» (о взглядахъ Суворина, Достоевскаго и Елисѣева на Некрасова; № 6); за 1879 г.: «Мужикъ въ салонахъ современной беллетристики» (по поводу сочиненій Успенскаго, Златовратскаго, Засодимскаго и А. Потѣхина; №№ 3, 6, 7, 8 и 9); «Оптимизмъ въ наукѣ, посвящается Вольно-Экономическому Обществу» (№ 6); «Единственный русскій соціологъ» (о «Соціологіи» де-Роберти; № 12); за 1880 г.: «Утилитарный принципъ въ нравственной философіи» (№ 1); «Гнилые корни» (о сочиненіяхъ В. Крестовскаго-псевдонимъ; №№ 2, 3, 7, 8). Уже изъ заглавій этихъ критико-литературныхъ статей Т. зарубежнаго періода его жизни видно, что ни одинъ писатель его не удовлетворялъ. И къ Толстому, и къ Тургеневу, и къ народникамъ, и даже къ Щедрину онъ относился рѣзко отрицательно. Надъ литературными его взглядами этого періода довлѣли его взгляды политическіе, непримиримые и крайне-крайніе. Въ литературѣ онъ искалъ политическихъ тенденцій и не могъ ихъ, конечно, найти, художественность же произведенія, правдивость бытописанія, личныя переживанія персонажей для него стали безразличны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Т. велъ «Библіографическій листокъ» въ «Русскомъ Словѣ» и отдѣлъ «Новыя книги» въ «Дѣлѣ», подписываясь обыкновенно только иниціалами П. Т. Многія рецензіи, особенно о книгахъ экономическаго содержанія, достигаютъ у него размѣровъ журнальной статьи и иногда болѣе ясно отражаютъ экономическія воззрѣнія Т. чѣмъ его статьи.

А. Тунъ, „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи", изд. „Библіотеки для всѣхъ", Спб. 1906, стр. 113, 121—125, 166—167, 236—237, 381, 25 и 55.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей и писательницъ", Москва 1907, изд. 2-е, вып. 10, стр. 96.—Б. Базилевскій (В. Богучарскій), „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.", Спб. 1906, т. I, стр. 159—161, 172—173, 176, 180—181, 182, 187, 188.—Его же, „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ въ Россіи", Спб. 1906.—Его же, „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи", Спб. 1906.—С. Сватиковъ, „Общественное движеніе въ Россіи въ 1700—1895 г.г.", Ростовъ-на-Д. 1905, ч. II, стр. 80 — 81. — С. А. Венгеровъ, „Очерки по исторіи русской литературы", Спб. 1907, изд. 2-е, стр. 107. — М. Лемке, „Къ біографіи П. Н. Ткачева", „Былое", 1907, № 8, стр. 151. — „Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева", тамъ же, стр. 156.—Земфиръ-Ралли-Арборе, „С. Т. Нечаевъ", тамъ же, 1906, № 7, стр. 138, 142. — П. П. Суворовъ, „Записки о прошломъ", „Русское Обозрѣніе", 1893, кн. 9, стр. 144—145 и отд. изданіемъ, Москва 1899, ч. I, стр. 98.—В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей", Спб. 1891, стр. 91 и 33.—„Правительственный Вѣстникъ", 1871, №№ 155 — 206.—„Судебный Вѣстникъ", 1870, № 21.—„Иллюстрированный Міръ", 1886, № 2. — „Новое Время", 1885 г., № 3535. — „Былое", 1907, № 7, стр. 128—129.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1872, стр. 261, № 5811, стр. 263, № 5858; стр. 557, № 14543.